УФИМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

приоритет2030^
лидерами становятся

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ, ВОСТОКОВЕДЕНИЯ И ЖУРНАЛИСТИКИ

Материалы Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов,аспирантов и молодых ученых (28 апреля 2026 года)

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Уфимский университет науки и технологий»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ, ВОСТОКОВЕДЕНИЯ И ЖУРНАЛИСТИКИ

Материалы
Международной научно-практической конференции
студентов, магистрантов,
аспирантов и молодых ученых
(г. Уфа, 28 апреля 2026 г.)

Научное электронное издание сетевого доступа

Уфа
Уфимский университет
2026

УДК 81’1
ББК 81
А43

Публикуется по решению кафедры востоковедения и башкирского языкознания ФБФВиЖ УУНиТ.
Протокол № 6 от 20.04.2026 г.

Редакционная коллегия:
д-р филол. наук, профессор **Г. Р. Абдуллина** *(отв. редактор)*;
канд. филол. наук **З. А. Султанова** *(зам. отв. редактора)*;
канд. филол. наук, доцент **Р. Р. Саньярова**;
канд. филол. наук, доцент **Р. Я. Хуснетдинова**;
заведующий кабинетом востоковедения **Н. З. Исхакова** *(отв. секретарь)*

А43 **Актуальные проблемы современной филологии, востоковедения и журналистики**: материалы Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых (г. Уфа, 28 апреля 2026 г.) / отв. ред. Г. Р. Абдуллина [Электронный ресурс] / Уфимск. ун-т науки и технологий. – Уфа: Уфимский университет, 2026. – 528 с. – URL: https://uust.ru/media/documents/digital-publications/2026/267.pdf – Загл. с титула экрана.
ISBN 978-5-7477-6505-4

Сборник содержит материалы, посвященные актуальным проблемам литературоведения, фольклористики, языкознания и журналистики.

Материалы конференции адресованы научным работникам, аспирантам, магистрантам, студентам, преподавателям образовательных учреждений и всем интересующимся гуманитарными науками.

УДК 81’1
ББК 81

ISBN 978-5-7477-6505-4 © Уфимский университет, 2026

РФ Фән һәм юғары белем биреү министрлығы
Юғары белем биреү федераль дәүләт бюджет мәғариф учреждениеһы
«Өфө фән һәм технологиялар университеты»

ХӘҘЕРГЕ ФИЛОЛОГИЯ, ШӘРҠИӘТ ҺӘМ ЖУРНАЛИСТИКАНЫҢ КӨНҮҘӘК МӘСЬӘЛӘЛӘРЕ

Студенттарҙың, магистранттарҙың,
аспиранттарҙың һәм йәш ғалимдарҙың
Халыҡ-ара фәнни-ғәмәли конференцияһы
2026 йылдың 28 апреле

Өфө
Өфө университететы
2026

УДК 81’1
ББК 81
А43

Йыйынтыҡ шәрҡиәт һәм башҡорт тел ғилеме кафедраһы ҡарарына ярашлы баҫыла
Протокол № 6 от 20.04.2026 г.

Редакцион коллегия:
филология фәндәре докторы, профессор **Г. Р. Абдуллина** *(яуаплы мөхәррир)*;
филология фәндәре кандидаты **З. А. Солтанова** *(яуаплы мөхәррир урынбаҫары)*;
филология фәндәре кандидаты, доцент **Р. Р. Саньярова**;
филология фәндәре кандидаты, доцент **Р. Я. Хөснөтдинова**;
шәрҡиәт кабинеты мөдире **Н. З. Исхакова** *(яуаплы сәркәтип)*

А43 **Хәҙерге филология, шәрҡиәт һәм журналистиканың көнүҙәк мәсьәләләре:** студенттарҙың, магистранттарҙың, аспиранттарҙың һәм йәш ғалимдарҙың Халыҡ-ара фәнни-ғәмәли конференцияһы материалдары (Өфө ҡалаһы, 2026 йылдың 28 апреле) / яуаплы мөхәррир Г. Р. Абдуллина [Электрон ресурс]. – Өфө: Өфө университеты, 2026. – 528 бит. – URL: https://uust.ru/digital-publications/2026/267.pdf – Экран титулындагы исеме.

ISBN 978-5-7477-6505-4

Йыйынтыҡҡа рухи мәҙәниәт, әҙәбиәт ғилеме, фольклористика, туған тел проблемаларын, гуманитар фәндәрҙең тарихын, бөгөнгө торошон һәм үҫеш перспективаларын яҡтыртҡан мәҡәләләр тупланды.

Конференция материалдары ғилми хеҙмәткәрҙәргә, аспиранттарға, магистранттарға, студенттарға, белем биреү учреждениялары уҡытыусыларына һәм барлыҡ гуманитар фәндәр менән ҡыҙыҡһыныусыларға тәғәйенләнә.

УДК 81’1
ББК 81

ISBN 978-5-7477-6505-4

© Өфө университеты, 2026

Содержание

Абдуллина К.Р. – Стратегии продвижения развлекательных телеканалов в социальных сетях и мессенджерах 11
Аблаева Я.А. – Антонимические отношения в лексико-семантическом поле «Интеллектуальная характеристика человека» 14
Аблаева Я.А. – Лексикографическая репрезентация интеллектуальной характеристики человека в башкирском языке 16
Әбсәләмов Ю.Р. – Башҡорт телендә "моң" концепты 18
Акбулатова А. А. – Цифровые информационные потребности молодежи: трансформация запросов в новой медиасреде 20
Акчурина А.Р. – Тенденции развития кросс-медийной журналистики (на примере журнала «ЧТИВО») 22
Алеева А.Н. – Медиапрезентация башкирских брендов (на примере башкирского мёда и башкирского кумыса) 24
Әлибаева Л.И. – Башҡорт һөйләү телмәренең синтаксик үҙенсәлектәре 27
Алмаева А.Ф. – Тенденции развития медиа в Южной Корее: инструменты, феномены и глобальное влияние 29
Алмазова А.В. – Особенности корейской системы счёта и использование счётных слов 31
Алюкова Э.Р. – История развития системы корейского алфавита хангыль: от создания до современности 33
Амиров А.Р. – Источники религиозной терминологии арабского языка 35
Амирова О.М. – Актуальные проблемы современной журналистики Республики Корея 37
Novcha Annamyradova – Ways of increasing reading skill in English 39
Аралбаева Э.Ф. – Сравнительно-сопоставительное исследование разноструктурных языков (на примере башкирского и китайского языков) 41
Ардаширова В.И. – Лингвокультурологический анализ систем терминов родства в башкирском и китайском языках 44
Асфандияров Т.Р. – Концепт «атай/отец» в башкирской языковой картине мира 47
Арсеньева В.А. – Взаимоотношения книжного рынка и сми в медиаполе Республики Башкортостан 49
Ахмадулина А. А. – Невербальные средства коммуникации в речевом этикете: сравнительный анализ башкирской, русской и китайской культур 51
Ахмадулина А. А. – Термины-архаизмы в языке науки (на материале русского языка) 53
Ахметшина А.А. – Современная практика изучения медиааудитории 54
Ахтарова З. А – Психологизм в произведениях Гульсиры Гиззатуллиной-Гайсаровой 57
Бадамшина Р.Р. – Тенденции формирования и изменений лексики международного туризма в китайском языке в XXI веке 59
Бадретдинова А.И. – Роль новостных порталов в информировании жителей Уфы о городских событиях 61
Байданова А.Е. – Учение о пяти элементах (五行), пяти цветах (五色) и пяти сторонах света (五) в традиционном китайском костюме 63
Байкова И.Р. – Неологизмы в области косметики и моды в корейском языке 67
Baymyradova B., Jumayeva B. – Contribution of literary works of Magtymguly for turkmen literature 69
Bayramova G., Saparova A. – Ways of teaching new words in english language 71
Байчекуева Ж.М. – Синтаксические конструкции-загадки с колоративами в карачаево-балкарском языке 73
Бакирова Л.М. – Ғ.Ғ. Сәйетбатталов менән Л.Л. Сәмиғуллинаның хеҙмәттәрендә хәл эйәрсән һөйләмдәрҙең төркөмләнеше 75
Бакирова Л.М. – Концепт «красота» в китайской лингвокультуре 78
Балапанова Н.Б. – Сравнение категории множественного числа в английском, башкирском, китайском и русском языках 81
Балова З.М. – Полиаспектный анализ историко-героической песни «Сарыбий и Карабий» 84
Бдоян Н.С. – Модели функционирования ведущих телевизионных медиабрендов России 87
Белоус А.В. – Словообразовательные модели медицинской терминологии в корейском и русском языках 90

Бикмухаметова Д.Р. – Сравнительный анализ фразеологизмов, выражающих эмоцию гнева в китайском и русском языках 93
Биктирякова Д.Д. – Лексико-стилистические особенности языка корейских музыкальных программ 95
Билалов С.Р. – Башҡорт телендә "ғаилә" концепты 97
Билалова В.А. – Корейские дорамы как образовательный ресурс 99
Билалова С.А. – Китайский язык в школе: методические подходы к раннему обучению иероглифике 102
Богданова Р.Д. – Исторические корни китайских чэньюев в зеркале русской фразеологии: сравнительно-сопоставительный анализ 104
Бойматова У.О. – Отражение корейской культуры в идиомах и фразеологизмах (с сопоставлением башкирским языком 107
Большеглавова П.А. – Телевизионные новости как способ конструирования реальности в СМИ Республики Башкортостан 109
Буранов И.И. – Освещение театральной жизни Башкортостана в СМИ региона 111
Бурнашева Е.Д. – Сравнительный анализ грамматических особенностей имён существительных в русском и якутском языках 113
Ваккер Д.В. – Взаимное отражение России и Китая в национальных медиа 116
Вахитова И.Ш. – Медиаобраз России в странах СНГ: сравнительный анализ (на материале Казахстана, Беларуси и Армении) 117
Вождаева У.И. – Особенности освещения социальных проблем в СМИ Башкортостана 120
Волкова Е.Н. – Сопоставительный анализ рекламного дискурса в русском и китайском языках 122
Ғәлиева Р.И. – Башҡорт прозаһында хаттар стиле ҡулланылышы 125
Ғәлиева Р.И. – Я. Хамматовтың «Аҡман-тоҡман» романында мәҡәлдәр бирелеше 127
Галимбекова С.Р. – Разработка макета мобильного приложения-гида по крупным городам Китая как инструмента цифровой адаптации российских туристов 129
Галкина В.В. – Трансформация типологии корпоративных СМИ под воздействием цифровых технологий и социальных сетей 131
Гаскарова И.И. – Антонимы в русском и корейском языках: лингвистические принципы и специфика функционирования 133
Гизатуллина Г.Г. – Фонетическое восприятие путунхуа носителями башкирского языка в перспективе обучения китайскому языку в школе 136
Гирфанова Г.Р. – «В кругу экологических проблем … и наш язык»: о речевой культуре личности 139
Глухова С.П. – Идеофоны в корейском языке: функции и классификация 140
Гриценко И. М. – Терминология этикета в китайском обществе: традиции и современность 143
Грязева В.П. – Роль азиатских дорам в лингвистической мотивации и туристической активности 146
Гумеров Б. – Издательская деятельность как фактор сохранения и развития башкирского языка и культуры в Республике Башкортостан 148
Гумерова А.Р. – Влияние иностранных языков на пополнение лексики китайского языка 149
Гусейнова Т.С. – Личность автора в публицистическом дискурсе (на материале современной газеты) 152
Дауытова Х.И. – Үҙенсәлекле лексик-грамматик категория буларак башҡорт телендә яңғызлыҡ һәм уртаҡлыҡ исемдәр 155
Дзауров М. М.-Я. – Заимствованная юридическая лексика карачаево-балкарского языка 157
Дик А.А. – Урбанонимы Китая 159
Дик А.А. – Виды придаточных предложений в русском и башкирском языках 162
Дик А.А. – Эмпоронимы Дёмского района города Уфы 166
Дильмухаметова А.Р. – Критерии классификации диалектов гуаньхуа: подход Ли Жуна 169
Домрачев Д.А. – Радиовещание в эпоху цифровых трансформаций: коммуникативные стратегии и формы взаимодействия с аудиторией 173
Дульнева С.А. – Особенности устойчивых выражений в китайском языке 175
Думенова А.А. – Освещение благотворительной деятельности в средствах массовой информации 178
Думинова О.А. – Способы выражения вежливости в корейском и русском языках: сопоставительный анализ 180
Дусиева М.Р. – Башҡорт телендә туй йолаһы лексикаһы 182

Ермакова М.А. – Период гонений на хангыль в Чосоне (XV–XIX вв.) 185
Ермакова М.А. – Хангыль в цифровую эпоху 186
Жансуева Л.З., Кудаева Д.Ю. – О сложных именах прилагательных в Карачаево-Балкарском языке 187
Желенкова А.Ю. – Влияние китайского языка на корейскую лексику 189
Жерновкова В.Д. – Особенности перевода медицинской терминологии с китайского языка на русский язык 193
Загидуллина Э.Л. – Современное кореесведение: от традиционной школы к эпохе халлю 196
Зайнагабдинова Д. Н. – Фәнил Бүләков шиғриәтендә синонимдар 199
Зәйнүллина Й.И. – Башҡорт телендә эйәртеүле һүҙбәйләнештәрҙең төрҙәре (сағыштырма анализ) 202
Зарафеева Р.А. – История и значение имен собственных в корейском языке 206
Зинатуллина Л.А. – История развития корейского языка 209
Зубарева Д.И. – Англицизмы и их влияние на лексикологию корейского языка (Южная Корея) 211
Ибатуллин А.Р. – Актуальные проблемы современной журналистики и теории массовой коммуникации 214
Ибрагимова Л. Р. – Особенности интернет-коммуникации в корейском языке 216
Ибракова Э.Р. – Сленг в башкирской и китайской молодежной среде 219
Иванова Д.О. – Роль фуд-журналистики как культурного кода в современных медиа 222
Изигадзе Е.Н. – Символический код и лексическая репрезентация ритуальной пищи в праздник Дуаньуцзе: от цзунцзы до утиных яиц 223
Иргалиева Л.И. – Особенности изучения произведений народного искусства в учебнике татарской литературы для 5-го класса 226
Ирмәкова Л.Ф. – Ғ.Ғ. Сәйетбатталов менән Д.С. Тикеевтың хеҙмәттәрендә хәлдәрҙе төркөмләү мәсьәләһе 229
Истякова С.Г. – Лингвистические основы создания хангыль: фонетическая и графическая структура корейского алфавита 231
Исхакова Г. А. – Запреты в башкирской и китайской лингвокультурах (сравнительно-сопоставительный анализ) 233
Ишкильдина А.А. – Этнокультурная специфика речевого общения: речевой этикет 235
Ҡәҙербаева А. И. – Ғ.Ғ. Сәйетбатталов менән Л.Л. Сәмиғуллинаның хеҙмәттәрендә һөҙөмтә эйәрсән һөйләм мәсьәләһе 236
Казакбаева А.И. – Башҡорт донъя тел картинаһында «аң» концепты 238
Калмурзина Ф.Н. – Использование концепта «байлык» («богатство») в башкирских пословицах и поговорках 241
Калмурзина Х.Н. – Концепт «туй/düğün» в башкирской и турецкой паремиологии 243
Канбулатова Д.К. – Особенности перевода корейских пословиц и поговорок на русский язык 245
Ҡарабаева Л.М. – Мостай Кәримдең "Оҙон-оҙаҡ бала саҡ" повесында фразеологизмдарҙың эмотив функцияһы 247
Кәримова А.А. – Башҡорт телендә балалар уйындары лексикаһы 249
Каримова Е. О. – Лексико-стилистические особенности репортажей Вадима Синявского 252
Каримова А.М. – Лексические особенности русского сленга (на материале молодёжной речи) 253
Каримова А.М. – Диалект һүҙҙәрҙең башҡорт теленең лексик фондын байытыуҙағы роле 257
Кильдиярова А.Р. – Словообразовательные модели нарицательных и собственных имен существительных 258
Кильдиярова А.Р. – Понятие нарицательных и собственных имен существительных в башкирском и китайском языках 261
Кириллина С.П. – Особенности лексики и фразеологии башкирского и якутского языков 262
Ким В.И. – Сопоставительный анализ систем обращений в корейском и русском языках 264
Кирюхина П.Н. – Особенности языковых процессов в современных СМИ Республики Башкортостан 266
Кондратьева А.А. – Освещение в СМИ роли Башкортостана в развитии сотрудничества России и стран Центральной Азии 269
Короткова К. К. – Халлю как драйвер изучения корейского языка: механизмы и масштабы влияния 271
Ҡотошева З. Р. – Башҡорт телендә ғәрәп һәм фарсы телдәренән үҙләштерелгән һүҙҙәрҙең ҡатламы 274

Крейденкова Д.С. – Пустые категории в корейском и русском языках 277
Кудаева Д.Ю., Жансуева Л.З. – Типы сложных местоимений в карачаево-балкарском языке 278
Купцова О.С. – Актуальные проблемы фольклористики и литературоведения в XXI веке: вызовы и перспективы 281
Курамшина И.Р. – Использование прецедентных феноменов (идиом, цитат, чэнъюев) в российском и китайском дипломатическом дискурсе 283
Курбацкая А.Б. – Теоретическое осмысление трансформации функций журналистики в современной медиасреде 286
Курганская Я.С. – Жанрово-стилистические особенности очерков В.М. Пескова 288
Кутлуева Д.Э. – Как язык влияет на межкультурную коммуникацию между Востоком и Западом 289
Лагутенкова А.А. – Деградация региональной журналистики в условиях доминирования транснациональных медиакорпораций 291
Лукманов М.А. – Прагматические стратегии удержания «лица» (面子) в рекламных текстах китайских маркетплейсов (на примере TAOBAO) 292
Лукманов М.А. – Проблемы перевода рекламных слоганов китайских маркетплейсов на русский язык (на материале TAOBAO И ALIEXPRESS) 295
Магафурова А.А. – Специфика использования хештегов и визуального контента в дипломатическом дискурсе России и Китая (на примере платформ X/Twitter и Telegram/Weibo) 297
Маймескул А.Р. – Культурные и коммуникативные аспекты языковых барьеров на примере русского и турецкого языков 302
Маликова М. Г. – Проектирование интерактивных дидактических материалов в среде Smart Notebook по теме «Имена существительные в башкирском языке» 305
Мамедова П.Г. – Закир Шакиров и проблемы тюркологического языкознания 307
Маралкин К.А. – Электронная коммерция и цифровой бизнес Китая и России 310
Матвеева Ю.С. – Гендерные стереотипы в рекламной коммуникации: современные тенденции и трансформации 312
Мигранова К.М. – Как блогеры возвращают молодую аудиторию в театр (на примере проекта «Сестры Тан») 313
Минеев А.Е. – Сравнительно-сопоставительный анализ структуры китайского языка и русского языка 316
Мирова Д.И. – Культурные референсы как маркер идентичности в текстах 3RACHA: от аниме до уличного хип-хопа 317
Мурзакаева А.И. – Корейская система вежливости и ее отражение в речи 319
Муртазина Л.А. – Форенизация и доместикация в переводе креолизованных текстов 322
Мусин Ю.Ә. – Башҡорт телендә "намыҫ" концепты 325
Муфтахова М.Р. – Место веб-радио в медиасистеме России 328
Мухамадеева Я.Р. – Ты/вы и 你/您: местоименная вежливость в русском и китайском языках 330
Мухаметова А.С. – Особенности перевода культурных реалий Башкортостана на китайский язык (на примере значимых объектов города Уфы) 332
Надеева Е.А. – Цифровая трансформация регионального телевидения Республики Башкортостан 336
Назырова М.А. – Сравнительный анализ речевых формул в русской и китайской лингвокультурах: обращение, благодарность, извинение, просьба и отказ 340
Нарбулатова Н.Х., – Развитие современного китайского языка: особенности лексики и грамматики в интернет-коммуникации 342
Нафикова Г.А. – Корейские заимствования в русском языке 345
Нигматуллина Д.Р. – Истории взаимопроникновения: культурные связи Китая через эпохи 349
Никитина К.В. – Сравнительно-сопоставительный анализ результативных глагольных конструкций в китайском и русском языках 350
Ниязгулова С.Р. – К проблеме гендерных исследований в языкознании 353
Новикова А.А. – Словообразование в современном корейском языке 355
Нугуманова Д. М. – Компаративный анализ пословиц с лексемами «зависть» и «жадность» в корейской и русской лингвокультурах 356
Овчинникова А.Е. – Современный сленг в корейском языке 358
Павлов Р.Д. – Балансирование как внешнеполитическая стратегия: от теории международных отношений к дискурсивной практике 361

Павлова Е.Р. – Сравнительная характеристика кёнсанского диалекта и стандартного корейского языка 363
Петрова А.А. – Патриотическая тематика в федеральных и региональных СМИ в Год защитника Отечества 366
Пилипенко Р. А. – Особенности структуры предложений в корейском языке 367
Попова В.В. – Фехтовальная лексика в русском и китайском языках: сопоставительный анализ .. 371
Ракзин М.А. – Анализ правоприменительной практики Роскомнадзора (на примере сетевого издания LENTA.RU) 373
Рафикова Д.Р. – Особенности использования корейского языка в разных сферах общения (официальной, неформальной, медиа и т.д) 375
Рахматзода А.С. – Освещение деятельности ООН в информационном пространстве Республики Башкортостан: дискурсивные стратегии региональных медиа 378
Реджепов Б. – Художественный мир великого гуманиста Мустая Карима 381
Режаббаева Г.З. – Особенности устного и письменного перевода с китайского языка на русский.. 383
Ризванова Д.Р. – Медиасистема Республики Башкортостан: современное состояние и структурные особенности....386
Рожнева А.Р. – Русский язык в современном научном и образовательном пространстве 388
Рысаева А.М. – Востоковедение: современное состояние и перспективы развития....390
Сабирова Д. Р. – Технологии формирования коммьюнити современных музыкальных радиостанций на примере «RELAX FM» и «RADIO MONTE CARLO» 392
Садритдинова Д.Р. – Фразеологизмы в корейском и русском языках 396
Сайсанова А.Э. – Особенности взаимодействия языков в условиях башкирско-русско-китайского трилингвизма 401
Сайсанова А.Э. – Лексические и семантические заимствования в русской и английской терминологии (на разноотраслевом материале) 403
Сайтаева Д.Р. – Эволюция иероглифической письменности как методическая основа подготовки специалистов-востоковедов 405
Сайфутдинова К.Р. – Роль Карима Хакимова в развитии сотрудничества России и Саудовской Аравии....407
Салауатова А.Р. – Башҡорт телендә «юл» концепты 410
Салахутдинова Э.Р. – Структура вопросительных предложений в корейском языке 411
Салихов А.А. Феномен мифологии в картине мира этноса 414
Сапарова А. – The use of numerals used in proverbs and sayings.... 417
Сәлихова Л.Р. – Донъя телдәрендә өноҡшатыу һүҙҙәре (сағыштырма анализ) 420
Saparova D.J. – Ways of buildings better reading skills....422
Семенко У.Л. – Особенности школьного образования в Корее. Анализ учебников по корейскому языку для 1-2-го класса в школах КНДР и РК....424
Семенко У.Л. – Заимствованная лексика греческого происхождения в турецком языке 427
Ситдикова А.Ф. – Лингвокультурологические характеристики русских пословиц о семье 430
Солдатова Л.П. – Формулы приветствия и прощания в башкирском и якутском языках 435
Стамати А.О. – Механизмы функционирования и тенденции развития медиасферы Республики Башкортостан 437
Старостина В.В. – Цифровая трансформация и кризис традиционного книгоиздания в России: проблемы и векторы адаптации.... 439
Степанкина Я.С. – Влияние конфуцианской этики на лингвистическую систему и коммуникативное поведение современных корейцев 442
Стрельникова М.В. – Анализ сленговых выражений в современном корейском языке 444
Суслова М.Д. – Персонажи-маскоты как архетипические паттерны....448
Taganova H. – Ways of increasing students' motivation in learning english....450
Таймасханова Д.М. – Семейные ценности в региональных СМИ (на примере телевидения Башкортостана) 453
Трофимова У.А. – Театральный дискурс в СМИ Республики Башкортостан 455
Тукбаева К. И. – Правила чтения в корейском языке 458
Тюменцева А. Б. – Использование жестов в якутской разговорной речи 460
Үзбәкова К.К. – F.F. Сәйетбатталов менән М.З. Зәкиевтың хеҙмәттәрен сағыштырма өйрәнеү....462
Фам В.Х. – Использование интернет-технологий в процессе обучения китайскому языку....464

Фахретдинова И.И. – Грамматические частицы в корейском языке: функциональные и семантические особенности 466
Филимонова В.В. – Англицизмы в эмпоронимах города Стерлитамак 468
Хабибуллина Э.Э. – Животные как носители морали в башкирских и корейских сказках 470
Хабибуллина Э.Э.– Этикетные формулы речи в башкирском и корейском языках (сравнительно-сопоставительный анализ) 473
Хазиева С.А. – Функционирование классификаторов в современном китайском языке 477
Хакимгузина Ю.Ю. – Языковые средства привлечения внимания в заголовках в газете «Известия» 478
Халилова Э.М. – Методика использования микротопонимического материала в образовательном процессе (на материале микротопонимов Кугарчинского района) 480
Халитова К.Ш. – Языковой пуризм как стратегия сохранения национально-культурной идентичности в Республике Корея 482
Хәмиҙуллин Р. Р. – "Баш" төшөнсәһенең башҡорт телендә ҡулланышы 484
Хочуева Д.В., Дзауров М.М.-Я. – Къарачай-малкъар тилде ат фразеологизмлени къуралыуларына кёре тюрлюлери 485
Хочуева Д.В. – Къарачай-малкъар тилде кёп магъанали фразеологизмле 487
Хузиева А.С. – Названия цветов в корейском и русском языках: лингвистический анализ 489
Хусаинова Г.Г. – Башҡорт, төрөк һәм ҡазаҡ телдәрен сағыштырыу 491
Чекмарева А.Ю. – Специфика утренних программ на телеканалах Республики Башкортостан 493
Шагалиева И.И. – Место и роль религиозных СМИ в региональном медиаландшафте Башкортостана 495
Шалагинова Р.С. – О способах выражения категории "согласие – несогласие" в башкирском языке 498
Шамсутдинов В.Т. – Профессиональная лексика сферы общественного питания в башкирском языке 499
Шангареева С.Х. – Редкие иероглифы в именах: конфликт между традицией и цифровизацией 502
Шарафутдинова Д.Р. – Спортивная лексика корейского языка 504
Шарипова Г.И. – Синтаксическая типология тюркских и японского языков: порядок слов SOV в башкирском и японском (сравнительный анализ гибкости модели) 505
Шарипова Н.Ф. – Башҡорт фольклорын һаҡлауҙа киң мәғлүмәт сараларының роле 507
Шарипова Н.Ф. – Антонимия в терминологии русского, китайского и английского языков 509
Шарипова Ю. В. – Портрет в художественной прозе М. Карима 510
Шарипова Г.И. – Структурно-семантический анализ медицинской терминологии в башкирском и китайском языках 512
Шафикова Н.А. – Социокультурные смыслы реалити шоу на российском телевидении: трансляция ценностей и формирование поведенческих моделей 514
Шлепова А.М. – Сопоставительный анализ ономатопоэтических слов в корейском, японском и русском языках 516
Шушпанов Т.С. – Художественные функции портрета героя в рассказах И.А. Бунина 518
Яковлева Э.В. – Конструирование образа ислама в британских медиа: сравнительный дискурс-анализ GB News и The Guardian 521
Яровая П.Д. – Особенности использования частиц завершения корейского предложения 525

УДК 070

Абдуллина К.Р.,
студентУУНиТ
Научный руководитель – ***Имангулова А.Р.,***
ассистент УУНиТ
г. Уфа, Россия

СТРАТЕГИИ ПРОДВИЖЕНИЯ РАЗВЛЕКАТЕЛЬНЫХ ТЕЛЕКАНАЛОВ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ И МЕССЕНДЖЕРАХ

В последнее десятилетие российская медиасреда претерпела кардинальные изменения, вызванные распространением цифровых платформ и изменением потребительских привычек аудитории. По данным Mediascope за 2025 год, среднесуточное время просмотра телевизора среди аудитории 14–30 лет сократилось на 27% по сравнению с 2020 годом, тогда как время в социальных сетях выросло в 1,8 раза. Линейные телеканалы, долгое время остававшиеся основным источником досугового контента, столкнулись с необходимостью пересмотра стратегий продвижения. В условиях конкурентной борьбы за внимание зрителя, который все чаще потребляет видео через социальные сети и мессенджеры, традиционное телевидение вынуждено адаптировать свои программные и маркетинговые подходы. Особенно остро эта проблема стоит для сегмента развлекательных телеканалов, чья аудитория исторически ориентирована на динамичный, визуально насыщенный и эмоционально вовлекающий контент.

Несмотря на обилие исследований, посвященных трансформации телевидения, до сих пор недостаточно полно изучены конкретные механизмы переноса контента развлекательных каналов в среду социальных сетей и мессенджеров. Остается открытым вопрос о том, как адаптируются жанровые и программные модели, сформированные в рамках линейного эфира, к кратким форматам и как при этом сохраняется идентичность бренда телеканала.

Теоретическую базу исследования составили работы российских ученых, посвященные трансформации телевизионного вещания, типологии развлекательных программ и адаптации контента под новые цифровые платформы. В.С. Могилевская в своем исследовании, посвященном трансформации программной стратегии нишевых развлекательных телеканалов на примере СТС и ТНТ, обосновывает тезис о том, что конкурентная медиасреда вынуждает каналы пересматривать принципы программирования, смещая акцент с универсальности на нишевание и таргетирование аудитории [1]. Р.В. Удовиченко в диссертационном исследовании, посвященном типологии развлекательных программ и потребностям аудитории на примере холдинга «СТС Медиа», детально рассматривает критерии выделения жанров развлекательного телевидения. Автор говорит о зависимости успеха телепрограммы от степени соответствия ожиданиям целевой аудитории [4]. А.С. Новоженина, исследуя эволюцию жанра утреннего развлекательного шоу, обращает внимание на то, что адаптация телевизионных форматов к новым каналам распространения требует пересмотра не только хронометража, но и самой драматургии эпизода [2]. Особого внимания заслуживает работа К.П. Торопова, в которой впервые системно анализируется присутствие российских развлекательных телеканалов на платформе YouTube Shorts. Исследователь подчеркивает, что краткие вертикальные видео становятся не просто промо-инструментом, а самостоятельной формой существования телевизионного контента [3].

Гипотеза исследования заключается в предположении, что успешная стратегия продвижения развлекательного телеканала в социальных сетях и мессенджерах базируется не на простом дублировании эфирного контента, а на его глубокой жанровой и нарративной переработке с учетом специфики каждой платформы, что способствует формированию новых типов коммуникативно-персонализированных связей с аудиторией. При этом стратегии не являются универсальными и дифференцируются по трем типам: клипово-агрессивный, эмоционально-интерактивный и нишево-имиджевый.

Цель данной статьи – выявить и систематизировать стратегии продвижения развлекательных телеканалов в социальных сетях и мессенджерах. Для достижения цели поставлены следующие задачи: проанализировать принципы моделирования и жанровые особенности современного развлекательного телевидения на примере семи каналов; рассмотреть критерии программирования развлекательного телеканала и типологию развлекательных телепрограмм при формировании сетки вещания; выявить механизмы формирования коммуникативно-персонализированных связей с аудиторией в рамках показа развлекательных телепрограмм; сформулировать взаимосвязь между

досуговыми экранными развлечениями как элементом самоидентификации и познания мира, с одной стороны, и переменами в обществе, вызванными социокультурной эволюцией и научно-техническим прогрессом, с другой.

Объект исследования – российские развлекательные телеканалы: «ПЯТНИЦА!», «Ю», СТС, ТНТ, «Домашний», ТВ-3, «Муз-ТВ». Предмет исследования – стратегии продвижения данных каналов в социальных сетях VK, MAX, YouTube Shorts и мессенджерах Telegram, VK Мессенджер.

В работе использован комплекс методов: контент-анализ официальных страниц телеканалов в социальных сетях, структурно-функциональный анализ стратегий продвижения, сравнительный подход при сопоставлении активности разных каналов на одной платформе, а также элементы дискурс-анализа для изучения способов коммуникации с аудиторией. Эмпирическую базу исследования составили данные о присутствии перечисленных развлекательных телеканалов на платформах VK, MAX и YouTube Shorts в период 2023–2026 годов. Анализ проводился на основе контента официальных сообществ и аккаунтов телеканалов.

Прежде чем говорить о стратегиях продвижения в социальных сетях, необходимо понять, какой контент эти каналы производят в эфире, поскольку именно он служит исходным материалом для цифровой адаптации. ТНТ позиционирует себя как канал молодежной альтернативы. Жанровое ядро составляют юмористические шоу, провокационные реалити, а также сериалы в жанре черной комедии и трагикомедии. Целевая аудитория – 18–35 лет. СТС – семейный развлекательный канал с ядром из ситкомов, скетчкомов, семейного кино и реалити о талантах. Аудитория старше, чем у ТНТ: 25–49 лет, с перевесом женщин. «ПЯТНИЦА!» – канал о путешествиях, кулинарии, активном образе жизни и отношениях. Флагманские проекты: «Орёл и Решка», «Мир наизнанку», «Кондитер». Аудитория – 20–40 лет, преимущественно женщины, но значительная доля мужчин благодаря тревел-шоу. «Ю» – канал о звездных историях и романтических отношениях. Основные жанры: реалити о жизни знаменитостей, мелодраматические сериалы, ток-шоу об отношениях. Аудитория почти исключительно женская, 16–34 года. «Домашний» – канал для женщин 30–55 лет с дневными ток-шоу, кулинарными программами, программами о здоровье и домоводстве. ТВ-3 – канал необъяснимого: мистика, эзотерика, детективы, фантастика. Аудитория – женщины 25–50 лет, интересующиеся эзотерикой, и мужчины-фанаты фантастики. «Муз-ТВ» – музыкальный канал, в эфире которого клипы, чарты, новости шоу-бизнеса. Аудитория – 14–25 лет. Таким образом, перед нами три разных типа развлекательных каналов: юмористический, приключенческо-бытовой и нишево-мистико-музыкальный.

Традиционное программирование телеканала опирается на три ключевых принципа: прайм-тайм, флоу и принцип хитов против хитов. В социальных сетях эти принципы работают иначе. Во-первых, отсутствует понятие тайм-слота – пользователь видит пост в ленте в случайное время. Во-вторых, флоу заменяется алгоритмической лентой: важнее не переход между роликами, а удержание внутри одного короткого ролика до конца. В-третьих, противодействие конкурентам приобретает форму хэштег-баттлов и использования трендовой музыки. Например, когда ТНТ выпускает в YouTube Shorts отрывок скандального момента из шоу, а СТС параллельно выпускает шортс с похожим музыкальным сопровождением – это и есть цифровая версия принципа хиты против хитов. Однако алгоритм может показать оба ролика одному пользователю, что в линейном эфире невозможно. Поэтому критерием эффективности становится не победа над конкурентом, а совместный рост категории.

Анализ официальных сообществ ВКонтакте показал, что количество подписчиков на март 2026 года распределилось следующим образом: ТНТ – 2,1 млн, СТС – 1,8 млн, «ПЯТНИЦА!» – 1,6 млн, «Ю» – 890 тыс., ТВ-3 – 680 тыс., «Домашний» – 520 тыс., «Муз-ТВ» – 410 тыс. Частота публикаций: ТНТ и «ПЯТНИЦА!» публикуют по 8–12 постов в день, «Домашний» и ТВ-3 – 2–4 поста, «Муз-ТВ» – 1–2 поста. По типу контента каналы дифференцируются следующим образом. ТНТ: 70% нарезок юмористических сцен, 20% анонсов новых выпусков, 10% интерактива. СТС: 50% нарезок из ситкомов, 30% семейного юмора, 20% конкурсов с призами. «ПЯТНИЦА!»: 60% тревел-клипов с музыкой, 30% рецептов и советов, 10% розыгрышей. «Ю»: 40% драматических моментов из реалити, 40% постов с вопросами к аудитории, 20% сторис о звездах. «Домашний»: 30% полезных советов, 40% эмоциональных отрывков из ток-шоу, 30% опросов о семейных ценностях. ТВ-3: 50% мистических коротких историй, 30% гороскопов и эзотерики, 20% анонсов. «Муз-ТВ»: 80% клипов, 20% новостей звезд.

На платформе YouTube Shorts картина иная. Здесь телеканалы конкурируют не только друг с другом, но и с миллионами блогеров. ТНТ является лидером по количеству просмотров – некоторые ролики набирают 5–10 миллионов. Секрет успеха заключается в публикации не просто отрывков, а

перевернутых сцен: сначала кульминация, затем черный экран с вопросом, а потом предыстория. «ПЯТНИЦА!» делает ставку на визуальную эстетику: вертикальные видео с дронов под трендовую музыку с текстовыми субтитрами и вопросом, ответ на который дается в следующем шортсе. СТС и «Ю» менее успешны на Shorts, поскольку их контент плохо сжимается до 30 секунд. ТВ-3 неожиданно успешен в жанре страшилок на ночь – короткие мистические истории с голосом за кадром, публикуемые в 22:00–23:00, набирают 2–3 миллиона просмотров. «Муз-ТВ» практически отсутствует на Shorts: клипы загружаются без адаптации под вертикальный формат, что дает низкие просмотры.

В мессенджерах каналы решают задачу формирования коммуникативно-персонализированных связей. Telegram-канал ТНТ с 450 тысячами подписчиков публикует голосовые сообщения от ведущих, что создает иллюзию личного общения. «ПЯТНИЦА!» с 320 тысячами подписчиков дает эксклюзивные разборы полетов от ведущих «Орла и Решки». «Ю» активно использует опросы с выбором судьбы героя – результаты опроса якобы влияют на следующий выпуск. «Домашний» публикует дневные советы психолога и врача в формате вопрос-ответ. ТВ-3 рассылает персональный гороскоп на завтра с переходом на сайт канала. СТС использует в основном анонсы и мемы. У «Муз-ТВ» официального Telegram-канала нет. В VK Мессенджере наиболее продвинутым является ТНТ, где настроен чат-бот, приветствующий нового подписчика и присылающий персонализированные ролики в зависимости от выбранной рубрики. «ПЯТНИЦА!» использует бота для викторин о путешествиях.

На основе проведенного анализа выделяются три типа стратегий продвижения. Первый тип – клипово-агрессивный, характерный для ТНТ и «ПЯТНИЦА!». Его отличают высокая частота публикаций, доминирование коротких вертикальных видео, использование трендовой музыки и хэштегов, наличие вирусных механик в виде клиффхэнгера или провокационного вопроса. Цель данного типа – максимальный охват и количество просмотров. Риском является снижение лояльности из-за избыточного количества постов. Второй тип – эмоционально-интерактивный, характерный для «Ю» и «Домашнего». Отличается умеренной частотой публикаций, упором на текстовые опросы, обсуждения, эксклюзивный закулисный контент и персонализированные ответы подписчикам. Цель – высокая вовлеченность, превращение зрителя в друга канала. Риск – низкий виральный потенциал. Третий тип – нишево-имиджевый, характерный для ТВ-3 и «Муз-ТВ». Отличается низкой частотой публикаций, строго тематическим контентом без попыток привлечения чужой аудитории, эстетически выверенным дизайном. Цель – удержание ядерной аудитории. Риск – стагнация и потеря молодых зрителей. СТС занимает промежуточное положение, что свидетельствует о неопределенности стратегии канала.

Анализ комментариев показывает, что подписка на ТНТ в социальных сетях часто сопровождается высказываниями о любви к черному юмору, что делает просмотр маркером групповой идентичности. Подписка на «Ю» или «Домашний» становится маркером чувствительности и интереса к человеческим отношениям. Подписка на ТВ-3 – маркером интереса к необъяснимому, который резко вырос в России в 2022–2025 годах. Социологи связывают это с потребностью в магическом мышлении как компенсации неопределенности. ТВ-3 чутко уловил этот тренд и усилил эзотерический контент в социальных сетях. Подписка на «Муз-ТВ» практически исчезла как значимый маркер, поскольку молодежь слушает музыку через стриминговые сервисы, а не через телеканал. Таким образом, досуговые экранные развлечения в социальных сетях действительно выступают элементом самоидентификации и способом познания окружающего мира. Научно-технический прогресс в виде алгоритмов рекомендаций только усиливает этот процесс, замыкая пользователя в пузыре соответствующего контента.

В результате проведенного исследования были достигнуты следующие выводы. Принципы моделирования и жанровые особенности развлекательного телевидения претерпевают трансформацию под влиянием цифровых платформ: от длинных линейных форматов к кратким клиповым структурам, сохраняющим ключевые элементы жанра. Критерии программирования развлекательного канала в условиях новых медиа дополняются требованием вертикальной адаптивности: контент должен быть смонтирован так, чтобы быть понятным и увлекательным в вертикальном формате с длительностью до 60 секунд. Формирование коммуникативно-персонализированных связей с аудиторией происходит через механизмы персонализации, интерактивности и эксклюзивности. Подтверждена гипотеза о взаимосвязи между досуговыми экранными развлечениями и социокультурными переменами: выбор конкретного развлекательного канала становится маркером групповой и личной идентичности, а научно-технический прогресс усиливает эту связь.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы продюсерами развлекательных телеканалов при планировании бюджетов на продвижение в социальных сетях, а также в учебных курсах по медиамаркетингу и телевизионной журналистике.

Литература:

1. Могилевская, В. С. Трансформация программной стратегии нишевого развлекательного телеканала в условиях конкурентной медиасреды (на примере СТС и ТНТ) / В. С. Могилевская // Вопросы теории и практики журналистики. – 2021. – Т. 10, № 4. – С. 775-791.
2. Новоженина, А. С. Эволюция жанра телепередачи «утреннее развлекательное шоу» (на примере телеканалов Курска и Орла): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения / А. С. Новоженина. – Москва, 2015. – 22 с.
3. Торопов, К. П. Российские развлекательные телеканалы на платформе Youtube shorts / К. П. Торопов // Журналистика в 2023 году: творчество, профессия, индустрия: Материалы международной научно-практической конференции. – Москва: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2024. – С. 199-200.
4. Удовиченко, Р. В. Развлекательное телевидение: типология программ и потребности аудитории: на примере телепрограмм холдинга «СТС Медиа»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Р. В. Удовиченко. – Москва, 2011. – 28 с.

© Абдуллина К.Р, 2026

УДК 811.512

Аблаева Я.А.,
аспирант УУНиТ,
Научный руководитель – ***Абдуллина Г.Р.,***
д-р филол. наук, профессор УУНиТ,
г. Уфа, Россия

АНТОНИМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОМ ПОЛЕ «ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЧЕЛОВЕКА»

Антонимические отношения в лексико-семантическом поле интеллектуальной характеристики человека в башкирском языке выстраиваются вокруг фундаментального противопоставления *аҡыллы* ‘умный’ – *аҡылһыҙ* ‘глупый’. Данная оппозиция носит системообразующий характер для башкирской языковой картины мира и пронизывает все уровни языковой системы – от словообразования до фразеологии и паремиологии [3: 133–135]. Как отмечается исследователями башкирской лингвокультуры, склад ума и духа народа находит свое отражение в противопоставленных друг другу свойствах языковых единиц, причем оппозиция ума и глупости оказывается одной из самых последовательно выраженных в языке [3: 133].

С точки зрения теории прототипов рассматриваемая оппозиция представляет собой пример бинарного членения, внутри которого выделяются два прототипических центра – «умный человек» и «глупый человек» [1: 27]. Показательно, что в башкирском языковом сознании прототипический умный человек характеризуется не одним лишь наличием интеллектуальных способностей, но и целым рядом морально-этических достоинств. В их число входят *түҙемлелек* ‘терпеливость’, *тырышлыҡ* ‘трудолюбие’, *ихтирамлылыҡ* ‘почтительность’, *тыйнаҡлыҡ* ‘скромность’. Прототипический же глупый человек, напротив, ассоциируется с отсутствием названных качеств и наличием отрицательных черт в поведении: *еңел аҡыллылыҡ* ‘легкомыслие’, *һауалылыҡ* ‘напыщенность’, *тәкәбберлек* ‘хвастливость, высокомерие’, *әҙәпһеҙлек* ‘невоспитанность’, *ялҡаулыҡ* ‘лень’. Это обстоятельство свидетельствует о том, что категория «умный человек» в башкирской языковой картине мира является не чисто когнитивной, а этико-когнитивной: принадлежность к ней предполагает соответствие определенным нравственным нормам, выработанным традиционной культурой.

Если пользоваться терминологией когнитивной грамматики, то словообразовательные аффиксы *-лы* (аффикс обладания) и *-һыҙ* (аффикс, означающий отсутствие) делают заметным именно наличие или отсутствие признака. При этом концептуальная база – представление об уме как о свойстве, которое может как наличествовать, так и отсутствовать – остается общей для обоих членов антонимической

пары. Рассматриваемая оппозиция реализуется через развернутую систему средств словообразования, что говорит о высокой степени регулярности и продуктивности данной модели.

От прилагательного *аҡыллы* ‘умный’, образованного при помощи аффикса обладания *-лы*, и его антонима *аҡылһыҙ* ‘глупый’, образованного при помощи аффикса со значением отсутствия *-һыҙ*, в башкирском языке образуются абстрактные существительные *аҡыллылыҡ* ‘умность, разумность’ и *аҡылһыҙлыҡ* ‘глупость’, называющие соответствующие качества в отвлечении от их носителя. Кроме того, от указанных основ производятся глаголы становления признака: *аҡылланыу* ‘умнеть, становиться умным’ и *аҡылһыҙланыу* ‘глупеть, становиться глупым’. Наличие обоих членов глагольной оппозиции говорит о том, что для башкирского языкового сознания ум и глупость не мыслятся как застывшие, не подверженные изменениям свойства. Они видятся как качества подвижные, способные изменяться во времени под действием различных обстоятельств – обучения, воспитания, жизненного опыта или, напротив, упадка. Применительно к теории фреймовой семантики, данные глаголы запускают сценарий смены одного состояния другим, в рамках которого начальное состояние – отсутствие ума – сменяется конечным – наличие ума – или наоборот [2: 62–64]. Сценарная устроенность фрейма предполагает наличие у него временной длительности и определенной очередности этапов, в чем находит свое отражение подвижное понимание умственных качеств, свойственное башкирской языковой картине мира. Словообразовательная парадигма антонимии на базе корня *аҡыл-* охватывает также наречия: *аҡыллы рәүештә* ‘умно, разумно’ противостоит *аҡылһыҙ рәүештә* ‘глупо, безрассудно’, маркируя оппозицию по образу действия. Таким образом, система средств выражения антонимии в сфере интеллектуальной характеристики подтверждает, что башкирское языковое сознание осмысляет ум и глупость как подвижные свойства, способные претерпевать изменения во времени под воздействием различных обстоятельств.

В антонимические отношения в башкирском языке вступают не только лексемы с корнем *аҡыл*, но и другие единицы, характеризующие разные стороны интеллектуальной сферы. Вся система антонимических противопоставлений охватывает несколько значимых оппозиций. Противопоставление по признаку сообразительности и быстроты ума реализуется парой *зирәк* ‘сметливый, сообразительный’ – *аңра, ахмаҡ, иҫәр* ‘бестолковый, туповатый’, а также *аңҡау, иҫәүән* ‘глуповатый, придурковатый’. Оппозиция по признаку наличия знаний и образованности выстраивается между *белемле* ‘знающий, образованный’ и *белемһеҙ* ‘незнающий, необразованный’, куда примыкает также арабизм *наҙан* ‘невежественный’, вносящий оттенок культурной оценки невежества. Противопоставление по признаку способности к осознанию и пониманию выражается триадой *аңлы* ‘сознательный, понимающий’ – *аңһыҙ* ‘бессознательный, непонимающий’ – *аңра* ‘бестолковый’. Признак наличия систематического образования формирует оппозицию *уҡымышлы* ‘ученый, образованный’ – *уҡымаған* ‘неученый, необразованный’. Наконец, противопоставление по признаку природной одаренности охватывает пару *һәләтле* ‘способный, талантливый’ – *һәләтһеҙ* ‘неспособный, бездарный’. Каждая из перечисленных оппозиций привносит собственный, особый оттенок в совокупную картину того, как мыслится интеллектуальная сфера: противопоставление может идти по линии сообразительности, наличия знаний, способности к пониманию, образованности или природной одаренности. Сама множественность антонимических пар говорит о многомерности концепта «интеллект» в башкирском языковом сознании и о том, насколько важны для носителей языка разные стороны умственной деятельности.

Подытоживая, можно заключить, что антонимические отношения в лексико-семантическом поле интеллектуальной характеристики человека в башкирском языке отмечены высокой степенью системной организованности и регулярности. Базовое противопоставление *аҡыллы – аҡылһыҙ* получает последовательное выражение на уровне словообразования, охватывая имена прилагательные, абстрактные существительные, глаголы становления признака и наречия образа действия, а также дополняется целым рядом частных оппозиций, которые освещают различные грани интеллектуальных качеств. Для понимания национально-культурной специфики особенно важен этико-когнитивный характер категоризации: принадлежность к разряду «умный человек» предполагает не одно только наличие умственных способностей, но и соответствие определенным нравственным нормам, выработанным традиционной башкирской культурой, что принципиально отличает данную категорию от сугубо когнитивных классификаций интеллекта.

Литература:

1. Абишева К.М. Категоризация и ее основные принципы // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 2 (35). – С. 21–30.

2. Заседателева М.Г. Семантическое моделирование фрейма концепта 'иноязычная компетенция' // Вестник ЧелГУ. – 2011. – № 13 (228). – Вып. 54. – С. 60–65.
3. Исянгулова Г.А., Акилова М.Ф. О прилагательных аҡыллы «умный» – аҡылһыҙ «глупый» в башкирском языке // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2024. – № 10/2. – С. 133–135.
4. Ураҡсин З.Ғ. Башҡорт теленең синонимдар һүҙлеге / Т.М. Ғарипов редакцияһында. – Өфө: Башҡортостан китап нәшриәте, 1985. – 164 бит.
5. Әхтәмов М.Х. Башҡорт теленең антонимдар һүҙлеге. – 3-сө баҫма, тулыландырылған. – Өфө: Китап, 2009. – 352 бит.

© Аблаева Я.А., 2026

УДК 811.512

Аблаева Я.А.,
аспирант УУНиТ
Научный руководитель – ***Абдуллина Г.Р.,***
д-р филол. наук, профессор УУНиТ,
г. Уфа, Россия

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЧЕЛОВЕКА В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

Обращение к лексикографическим источникам выступает необходимым условием для выявления того, каким образом интеллектуальная сфера объективируется в словарном составе башкирского языка. Именно словари позволяют установить, какие элементы формируют ядро, а какие относятся к периферии соответствующей понятийной области, одновременно фиксируя парадигматические связи между единицами, образующими концептуальное поле «интеллект».

Доминирующей лексемой, называющей интеллектуальную характеристику человека, служит общетюркская единица *аҡыл ‘ум, разум’*, этимологически восходящая к древнетюркскому *āqyl* с тем же значением. В башкирском языке, принадлежащем к кыпчакской ветви тюркских языков, данная лексема прочно удерживает статус ядерной для всей интеллектуальной сферы, что сближает его с близкородственными языками, в частности татарским. Словарная дефиниция раскрывает *аҡыл* через формулу *кешенең фекерләү һәләте* – «способность человека мыслить» [1: 21; 9: 216]. С позиций теории прототипов, сформулированной Э. Рош и получившей дальнейшее развитие в когнитивной семантике, *аҡыл* правомерно трактовать как прототипический образец категории «интеллектуальные способности» [2: 71]. Именно этот элемент наделен максимально полным набором релевантных признаков и распознается носителями языка с наименьшими когнитивными усилиями. Прочие единицы того же поля – *зиһен*, *аң*, *белем* – располагаются на различном удалении от прототипического центра, маркируя периферию категории и наглядно иллюстрируя эффект градиентности, зафиксированный в классических трудах по прототипической семантике.

Используя терминологический аппарат когнитивной грамматики Р. Лангакера, можно утверждать, что каждая из перечисленных лексем высвечивает определенный аспект единой концептуальной базы [7: 42-43]. База, в свою очередь, аккумулирует весь массив знаний об интеллектуальной деятельности, выработанный носителями башкирского языка в ходе его исторического развития, тогда как профиль выдвигает на передний план именно ту грань, на которой фокусируется внимание в момент речевого акта. Последовательный разбор словарных толкований и иллюстративного материала позволяет эксплицировать несколько инвариантных признаков, конституирующих рассматриваемый концепт.

Первый из них – мыслительная способность – образует ядерный признак, пронизывающий все дефиниции единиц, сопряженных с интеллектуальной сферой. *Аҡыл* в первую очередь интерпретируется как способность к мышлению, пониманию и познанию, полностью соответствуя базовому определению интеллекта как общей когнитивной способности. В категориальной сетке фреймовой семантики Ч. Филлмора данный признак соотносится с вершинным уровнем фрейма, который коррелирует с самой сущностью интеллекта и задает инвариантные характеристики, обязательные для всех частных языковых реализаций концепта [6: 190; 3: 60].

Второй инвариантный признак – познавательная деятельность, или способность к активной переработке информации, репрезентируемая преимущественно лексемой *аң* ‘сознание, понимание’.

Если *аҡыл* делает акцент на наличии способности как потенциала, то *аң* выдвигает в фокус внимания непосредственно момент осознания, постижения смысла – иначе говоря, процессуальную ипостась интеллектуальной активности. Будучи рассмотрен сквозь призму теории лексических концептов и когнитивных моделей (LCCM) В. Эванса, данный случай демонстрирует активацию двух различных когнитивных моделей: *аҡыл* сопряжен с моделью способности, тогда как *аң* – с моделью процесса [10: 27–30]. Разграничение потенциального и актуального измерений мыслительной деятельности, как показывает материал, является значимым для башкирской языковой картины мира и находит в ней системное лексическое воплощение.

Третий признак – житейская мудрость и практическая сметка – связан с лексемой *зиһен* ‘сметка, сообразительность, понятливость’, которая имплицирует умение быстро ориентироваться в конкретной обстановке, отыскивать практические решения и демонстрировать находчивость в бытовых обстоятельствах. В семантике данной единицы профилируется динамический, процессуальный и ситуативно обусловленный аспект интеллекта. В отличие от *аҡыл*, который может осмысляться как константное, неотчуждаемое свойство субъекта, *зиһен* манифестирует себя именно в конкретных обстоятельствах, требующих немедленной реакции и прикладной смекалки.

Четвертый признак охватывает сферу знания и эрудиции, выражаемую лексемами *белем* ‘знание’ и *ғилем* ‘наука, знание’. Вторая из них представляет собой арабизм, проникший в башкирский язык через исламскую книжную традицию и сохраняющий отчетливый оттенок теоретической отвлеченности. *Белем* профилирует итог познавательной активности, то есть накопленный и усвоенный массив сведений, тогда как *ғилем* тяготеет к более абстрактному, теоретическому полюсу. В терминах когнитивной грамматики здесь профилируется аккумулятивный аспект концептуальной базы – то, что было собрано и сохранено в ходе интеллектуальной деятельности, в отличие от самой способности к этой деятельности или процесса ее развертывания.

Отличительной особенностью башкирского языка, запечатлевшей следы историко-культурных контактов, является наличие арабизма *фекер* ‘мысль, мышление’, за которым закреплен оттенок книжности и рефлексивности. Как подчеркивается в научной литературе, в формировании национальной языковой картины мира большое значение имеют не только исконные лексемы, но и заимствования, адаптировавшиеся к фонетическому и семантическому строю языка и обогатившие его концептосферу дополнительными смысловыми оттенками [8: 474–476; 5: 68–72]. Показательно, что, в отличие от русского языка, где сложилось достаточно жесткое функциональное размежевание между книжным *интеллект* и народным *ум*, башкирский язык не обнаруживает столь выраженной стилистической оппозиции. Вместе с тем в нем последовательно удерживается дифференциация между *аҡыл* как общей способностью и *белем*/*ғилем* как результатом познавательной деятельности, что указывает на принципиальную значимость для языкового сознания самого противопоставления процесса и результата.

Помимо перечисленных ядерных лексем, башкирский язык располагает обширным набором производных и однокоренных единиц, номинирующих различные грани мыслительной деятельности и существенно расширяющих ресурсы обозначения в данном концептуальном поле. К ним примыкают *аңлау* ‘понимание’ как процесс постижения смысла, *тойомлау* ‘интуитивное постижение, чутье’, *зиһенләү* ‘смекать, догадываться’, *аҡылланыу* ‘становиться умным, набираться ума’, *аҡыллылыҡ* ‘умность, разумность’, *зирәклек* ‘сметливость, проницательность’. Каждая из этих единиц делает заметной конкретную грань интеллектуальной сферы, участвуя тем самым в построении многомерного семантического пространства, в котором находят отражение как универсальные, так и национально-специфические представления об уме и его проявлениях.

Синонимический ряд, объективирующий концепт «интеллект» в башкирском языке, объединяет единицы *аҡыл*, *зиһен*, *аң*, *фекерләү һәләте*, *зирәклек* и *баш* в переносном значении ‘голова’ как вместилище ума. Синонимами прилагательного *аҡыллы* выступают лексемы *башлы* ‘умный’, *төплө* ‘умный, толковый, дельный’, *зиһенле* ‘умный, сообразительный’, *аңлы* ‘умный, сообразительный, смышлёный, сметливый’ и образное выражение *башы йомро* (букв. ‘голова круглая’). Не менее разветвленную синонимию обнаруживает и антонимическое прилагательное *аҡылһыҙ*, ряд которого включает *алйот, ауһар, ахмаҡ, иҫәр, йүләр, тиле, тинтәк, диу ана, һантый, һәтәү, иҫәүән, ярта аҡыл*, а также более пространные идиоматические обозначения: *утыҙ туғыҙлы, ҡырҡҡа берәү тулмаған, башына тай типкән, йөҙгә берәү тулмаған, аҡылға бер төрлө, аҡылға теүәл түгел* [4: 134]. Данное лексическое богатство недвусмысленно свидетельствует о том, что рассматриваемый участок языковой системы отличается исключительно высокой степенью семантической проработанности и занимает одно из центральных мест в языковом сознании башкир.

Резюмируя сказанное, можно заключить, что лексикографическая репрезентация интеллектуальной характеристики человека в башкирском языке имеет сложную прототипическую организацию. Вокруг ядерной лексемы *аҡыл* выстраивается развернутая система языковых средств, включающая единицы ближней и дальней периферии, каждая из которых профилирует определенный аспект концептуальной базы – способность, процесс, ситуативную смекалку или аккумулированное знание. Функционально-стилистическая дифференциация исконной лексики и книжных арабизмов отражает многослойную концептуальную структуру, в которой универсальные когнитивные механизмы категоризации органично сочетаются с национально-культурной спецификой языкового воплощения представлений об интеллекте.

Литература:

1. Башҡорт теленең академик һүҙлеге. 10 томда. Том I: (А хәрефе) / Ф.Ғ. Хисамитдинова ред. – Өфө: Китап, 2011. – 432 бит
2. Губаева М.А. Лексическое поле «интеллектуальные способности человека» в языке поэмы «Кысса-и Йусуф» Кул Гали (1233) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – №12(54): в 4 ч. – Ч. II. – С. 70–73.
3. Заседателева М.Г. Семантическое моделирование фрейма концепта 'иноязычная компетенция' // Вестник ЧелГУ. – 2011. – № 13 (228). – Вып. 54. – С. 60–65.
4. Исянгулова Г.А., Акилова М.Ф. О прилагательных аҡыллы «умный» – аҡылһыҙ «глупый» в башкирском языке // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2024. – № 10/2. – С. 133–135.
5. Конишевский Д. В., Кушнарева Н. В., Лавриненко И. Ю. Адаптация заимствований в языковой картине мира (к постановке проблемы) // Вестник ОмГУ. – 2021. – № 4. – С. 68–72.
6. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. – 245 с
7. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. – Минск: Тетра Системс, 2004. – 256 с.
8. Самситова Л.Х. Диалект как отражение языковой картины мира (на примере северо-западного диалекта башкирского языка) // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 6 (85). – С. 474–476.
9. Хәҙерге башҡорт әҙәби теленең аңлатмалы һүҙлеге (Рәсәй Фәндәр академияһы Өфө фәнни үҙәгенең Тарих, тел һәм әҙәбиәт институты). – Өфө, 2004. – 528 бит
10. Evans V. How words mean: Lexical concepts, cognitive models, and meaning construction. – Oxford: Oxford University Press, 2009. – 396 p.

© Аблаева Я.А., 2026

УДК 811.512.141'

Әбсәләмов Ю.Р.,
Өфө университетының 2 курс студенты
Ғилми етәксеһе: ***Саньярова Р.Р.,***
филология фәндәре кандидаты, доцент
Өфө фән һәм технологиялар университеты,
Өфө к., Рәсәй

БАШҠОРТ ТЕЛЕНДӘ «МОҢ» КОНЦЕПТЫ

Хәҙерге лингвистикала концепт төшөнсәһе тел һәм мәҙәниәт үҙ-ара бәйләнешен өйрәнеүҙең төп категорияларының береһе булып тора. Концепттар халыҡтың рухи донъяһын, уның ҡиммәттәрен, эмоциональ-психологик үҙенсәлектәрен сағылдыра. Башҡорт теленең милли концептосфераһында "моң" төшөнсәһе айырым урын биләй. Был хис-тойғоноң тәрәнлеге, күп ҡырлылығы уны тикшереүҙе лингвокультурологик аспектта актуаль итә. Тәҡдим ителгән мәҡәләлә беҙ "моң" концептының семантикаһын, уның фольклорҙа, әҙәби телдә һәм диалекттарҙа сағылышын анализларға тырышабыҙ.

Концепт – телдә йәшәүсе, милли мәҙәниәттең кодын һаҡлаусы менталь берәмек. "Моң" концепты – башҡорт мәҙәниәтенең төп концепттарының береһе, ул күп быуаттар дауамында халыҡтың тарихи яҙмышы, күсмә тормош рәүеше, тәбиғәт менән бәйләнеше һөҙөмтәһендә формалашҡан.

"Башҡорт теленең аңлатмалы һүҙлеге"ндә "моң" түбәндәге мәғәнәләрҙә бирелә: 1. Күңел төпкөлөнән килгән хис, тойғо (ғәҙәттә ниндәйҙер хәсрәт, ҡайғы менән бәйле); 2. Йырҙың, көйҙөң эмоциональ йөкмәткеһе, йәндәреү көсө; 3. Үкенес, нәҙек хис, һағыш. Һүҙлектә бирелгән миҫалдарҙа: "моңло йыр", "моңло көй", "күңелемдә моң уйнай", "моңға батыу" – был һүҙбәйләнештәр концептың иң мөһим семантик компоненттарын асып бирә.

Синонимдар рәтенә "хәсрәт", "һағыш", "көй", "ҡайғы", "зар" кеүек һүҙҙәр инә. Әммә "моң" төшөнсәһе уларҙан үҙенең эстетик һәм метафизик төҫмөрө менән айырылып тора. "Хәсрәт" – көндәлек ҡайғы-мәхәббәт, "ҡайғы" – физик йәки психологик ауырыу, ә "моң" – донъяны драматик ҡабул итеү, уның төп асылын аңлау арҡаһында барлыҡҡа килгән тәрән хис. Был яҡтан ул рус "тоска"һына яҡын, әммә башҡорт моңонда фатализм аҙыраҡ, ә сабырлыҡ һәм эстетик ләззәт көслөрәк.

Антонимик парҙар: "моң" – "шатлыҡ", "моңло" – "моңһоҙ" (шулай уҡ "көлкөлө", "ҡыуаныслы"). Ләкин был ҡаршы ҡуйыу абсолют түгел, сөнки башҡорт фольклорында шатлыҡ та йыш ҡына моң аша бирелә (мәҫәлән, туй йырҙарында).

"Моң" һүҙе түбәндәге семантик төркөмдәр менән бергә килә:

Һиҙеү, тойоу, күреү: моң ишетеү, моң тоҫҡау, моң тоя

Эмоциональ баһа: тәрән моң, әрнеүле моң, көслө моң, йомшаҡ моң

Килеп сығыу, барлыҡҡа килеү: моң уйнай, моң ағыла, моң тама, моң һауа

Кеше торошо: моңло күңел, моңло йөрәк, моңло тауыш, моңло ҡараш.

Был һүҙбәйләнештәр "моң" концептының ике төп аспектын – процессуаль (моң уйнай, ағыла) һәм атрибутив (моңло күңел) – асыҡ күрһәтә. Исем менән эйә булған конструкцияларҙа моң йыш ҡына көй, йыр, ҡурай моңо менән бәйләнә.

Башҡорт халыҡ ижадында "моң" – төп эстетик категория. Эпос, бәйет, йыр, такмаҡ – бөтә жанрҙарҙа ла осрай. Миҫал өсөн, билдәле "Урал Батыр" эпосында геройҙарҙың ватанға һағышы, яуҙа үлгән дуҫтары өсөн ҡайғыһы "моң" төшөнсәһе аша бирелә. Халыҡ йырҙарында, мәҫәлән "Буранбай", "Һаҡмар", геройҙарҙың яҙмышы, илдән айырылыу, һөйгәнен юғалтыу – барыһы ла моңло көйҙә башҡарыла.

XX быуат башҡорт әҙәбиәтендә (М. Аҡмулла, Ш. Бабич, М. Ғафури, Х. Ғәбитов һ.б.) "моң" концепты әҙәби эшкәртеү ала. М. Ғафуриҙың "Тауыш" шиғырында: "Моңло тауыш, йәнем әрнеп, ҡойола күңлемә..." – бында моң шәхси кисереш һәм дөйөм халыҡ яҙмышы араһындағы бәйләнеш сараһы булып тора. Хәҙерге публицистикала "моң" йыш ҡына рухилыҡ, милли үҙаң төшөнсәләре менән синонимлаша. Мәҫәлән, "Башҡортостан" гәзитендә: "Беҙҙең заманда йәш быуында моң тойғоһо һүлпәнәйә" – был милли рухи ҡиммәттәрҙе һаҡлау проблемаһын күтәрә.

Башҡорт телендәге "моң" концепты – күп ҡатламлы, эмоциональ-эстетик төшөнсә. Ул түбәндәге үҙенсәлектәр менән характерлана:

1. Телдә лексик, фразеологик һәм синтаксик саралар менән сағыла.

2. Фольклорҙа һәм әҙәбиәттә төп рухи категория булып тора.

3. Милли характерҙың төп һыҙаттарын – тәрән кисереш, сабырлыҡ, донъяны драматик ҡабул итеү, эстетик тойғоноң юғары үҫешен – сағылдыра.

4. Башҡа төркі телдәрҙәге "сағыныш", "өзелү", "хәсрәт" концепттары менән уртаҡ һыҙаттарға эйә булһа ла, үҙенсәлекле милли колориты менән айырылып тора.

"Моң" концептын өйрәнеү башҡорт теленең лингвокультурологик потенциалын асырға, телдең милли донъя картинаһын төҙөргә ярҙам итә. Килесәктә был концепттың башҡа төркі телдәрҙәге аналогтары менән сағыштырма-типологик тикшеренеүҙе үткәреү ҡыҙыҡлы булыр ине.

Әҙәбиәт:

1. Башҡорт теленең аңлатмалы һүҙлеге. – Өфө: Китап, 2011. – 568 бит.
2. Башҡорт теленең һүҙлеге: Ике томда / Россия Фәндәр Академияһы. Башҡортостан ғилми үҙәге, тарих, тел һәм әҙәбиәт институты. – М.: Рус.яз., 1993. – 561 бит.
3. Галяутдинов И. Г. Башҡорт әҙәби теле тарихы. – Өфө: Ғилем, 2000. – 447 бит.
4. Ишбердин Э. Ф., Галяутдинов И. Г., Халикова Р. Х. Башҡорт әҙәби теленең тарихы. – Өфө: Китап, 1993. – 320 бит.
5. Сәмситова Л.Х. һ.б. Башҡорт фольклоры концептосфераһы. Лингвокультурологик һүҙлек. – Өфө, Китап, 2013. – 492 бит.
6. Юлдашев А. А. Грамматика современного башкирского языка. – Уфа: Китап, 1981. – 688 с.

© Әбсәләмов Ю.Р., 2026.

УДК 070

Акбулатова А. А.
студентУУНиТ
Научный руководитель – ***Алиева С.А.,***
канд. филол. наук, доцент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

ЦИФРОВЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПОТРЕБНОСТИ МОЛОДЕЖИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗАПРОСОВ В НОВОЙ МЕДИАСРЕДЕ

Введение

Одной из актуальных проблем современной медиасистемы России является трансформация информационных потребностей молодежной аудитории под влиянием цифровизации. Особое значение приобретает вопрос о том, как меняются запросы молодых пользователей в условиях алгоритмизации контента, распространения коротких видеоформатов и перехода от традиционных линейных медиа к персонализированным платформам. Социальная значимость темы определяется тем, что молодежь выступает наиболее активным потребителем цифрового контента и одновременно – ключевой аудиторией для медиапроектов, ориентированных на долгосрочное развитие [8].

Проблеме информационных потребностей молодежи посвящено значительное число публикаций. Вопросу трансформации медиапотребления отводится большое место в работах Д.В. Дунаса, С.А. Вартанова, Д.Ю. Кульчицкой, Е.А. Салиховой, А.В. Толоконниковой, которые предложили пересмотреть классическую теорию использования и удовлетворения применительно к российской «цифровой молодежи» [1; 2]. В ряде статей были выявлены мотивационные факторы медиапотребления студентов, а также описаны практики фонового потребления контента [3; 4]. Исследования Д.М. Вьюгиной показали, что интернет занимает центральное место в ежедневной медиаактивности цифрового поколения России [5].

Однако, как показал анализ литературы, недостаточно изученным остается аспект структурной и содержательной трансформации самих информационных запросов молодежи под воздействием новой медиасреды, включая не только каналы, но и форматы, глубину, доверие к источникам и стратегии верификации информации. Кроме того, стремительное развитие платформ (TikTok, Telegram, VK Clips) в 2024–2025 гг. требует актуализации эмпирических данных.

Цель настоящей статьи – выявить и охарактеризовать структурные и содержательные изменения информационных потребностей молодежной аудитории, происходящие под влиянием трансформации цифровой медиасреды. В задачу данной публикации входит: 1) уточнить понятие «цифровые информационные потребности» применительно к молодежной аудитории; 2) определить актуальную иерархию информационных потребностей молодежи (новостные, развлекательные, познавательные, утилитарные); 3) выявить сдвиги в предпочтениях по каналам и форматам получения информации; 4) оценить степень доверия молодежи к разным типам источников в цифровой среде.

Материалы и методы

Эмпирической базой исследования выступили результаты вторичного анализа данных всероссийских и отраслевых исследований медиапотребления российской молодежи за 2018–2025 гг., а также открытые статистические отчеты о медиаактивности аудитории в возрасте от 18 до 25 лет. В качестве источников использовались данные, опубликованные в рецензируемых научных журналах, материалы отраслевых конференций и аналитические обзоры медиарынка.

В данной работе используется комплекс методов: теоретический анализ научной литературы по проблеме исследования, контент-анализ публикаций в отраслевых СМИ и социальных сетях, а также сравнительно-сопоставительный анализ результатов количественных исследований разных лет. Сочетание указанных методов позволило выявить не только структуру, но и мотивационные основания информационного поведения молодежи.

Результаты

Результаты анализа показали следующее. Во-первых, иерархия информационных потребностей молодежной аудитории претерпела существенные изменения по сравнению с данными 2018–2020 гг. Если ранее доминировали познавательные и учебные мотивы [5], то в 2024–2025 гг. на первое место выходит развлекательный контент (76% опрошенных в рамках всероссийских исследований отметили его как «очень важный»), на втором – новостной (58%), на третьем – социально-коммуникационный (45%), на четвертом – утилитарный (33%) и лишь затем – познавательный /

образовательный (28%). Данные, приведенные в табл. 1, позволяют утверждать, что произошла «досуговая» переориентация информационных запросов.

Во-вторых, выявлены значительные сдвиги в предпочтениях по каналам получения информации. Основным источником новостей для молодежи стали Telegram-каналы (82% респондентов используют их ежедневно). Второе место занимают рекомендательные алгоритмы TikTok и VK Clips (65%). Традиционные СМИ (телевидение, газеты, радио) в качестве источника новостей указали лишь 12% опрошенных, причем большинство из них – как фоновый источник [4]. На рис. 1 представлена динамика изменения предпочтений по форматам: короткие вертикальные видео (до 60 секунд) лидируют с большим отрывом (89%), подкасты занимают промежуточное положение (41%), длинные текстовые статьи (longrid) предпочитают лишь 9% респондентов. График демонстрирует зависимость между длительностью формата и долей аудитории: чем короче контент, тем выше вовлеченность молодежи.

В-третьих, уровень доверия к разным типам источников распределился следующим образом. Блогерам и инфлюенсерам доверяют 47% опрошенных, официальным СМИ – 45%, рекомендательным алгоритмам – 38%, государственным каналам – 22%. При этом 63% респондентов заявили, что регулярно сталкиваются с фейками, но лишь 28% проверяют информацию через альтернативные источники. Из полученных результатов видно, что стратегии верификации у молодежи сформированы слабо, а доверие к персональным рекомендациям алгоритмов сопоставимо с доверием к профессиональным редакциям.

Обсуждение

Полученные результаты позволяют сделать ряд теоретических и практических обобщений. Снижение интереса к длинным текстам и образовательному контенту, вероятно, связано с распространением клипового мышления и фонового медиапотребления, о чем писали Д.Ю. Кульчицкая и Г.С. Филаткина [4]. В отличие от результатов исследования Д.М. Вьюгиной [5], где доминировал поиск информации для учебы, настоящее исследование фиксирует приоритет досугового и развлекательного контента. Это может объясняться как взрослением самой «цифровой молодежи» (смена возрастных когорт), так и экспансией развлекательных платформ (TikTok, Likee, VK Clips) за последние три года [10].

Сравнение с классической теорией использования и удовлетворения показывает, что мотивационная структура российской молодежи сместилась от «информационной» к «гедонистической» (развлекательной). Это коррелирует с данными отраслевых отчетов, согласно которым молодежь открыта новым технологиям, но выбирает в первую очередь эмоционально легкий и быстро потребляемый контент [12].

Ограничением данной работы является опора на вторичный анализ данных, что не позволяет верифицировать результаты собственными эмпирическими замерами. Кроме того, в исследовании не учитывались подростки младше 18 лет, чьи медиапрактики, по данным М.И. Давлетшиной [7], могут существенно отличаться от практик молодых людей 18–25 лет.

Полученные результаты позволяют рекомендовать редакциям и медиапроектам, ориентированным на молодежную аудиторию: 1) адаптировать контент под вертикальный видеоформат (15–60 секунд); 2) использовать элементы геймификации и интерактива; 3) интегрироваться в Telegram-каналы и алгоритмические ленты, а не полагаться только на собственные сайты; 4) внедрять визуальные маркеры верифицированной информации (чеки, знаки качества) в коротких форматах, так как у молодежи снижен навык глубокой проверки фактов.

Выводы

Таким образом, можно сделать вывод, что цифровые информационные потребности молодежи трансформировались в сторону доминирования развлекательного и клипового контента, получаемого преимущественно через Telegram и алгоритмические ленты коротких видео. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что гипотеза о полном вытеснении традиционных СМИ не подтвердилась (они сохраняют нишу в 12–15% аудитории), однако их роль изменилась с первичного источника на фоновый или верифицирующий. Следовательно, мы приходим к выводу о необходимости пересмотра моделей медиапланирования для молодежной аудитории и включения в образовательные программы по медиаграмотности модулей о критическом восприятии алгоритмических рекомендаций. Дальнейшие исследования могут быть направлены на анализ влияния генеративных нейросетей и синтетического контента на формирование информационных запросов молодежи.

Литература:

1. Дунас Д.В., Вартанов С.А., Кульчицкая Д.Ю., Салихова Е.А., Толоконникова А.В. Теоретические аспекты изучения медиапотребления российской молодежи: к пересмотру теории использования и удовлетворения // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2019. № 2. С. 3–28.

2. Дунас Д.В., Вартанов С.А., Кульчицкая Д.Ю., Салихова Е.А., Толоконникова А.В. Мотивационные факторы медиапотребления «цифровой молодежи» в России: результаты пилотного исследования // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2020. № 2. С. 3–28.

3. Дунас Д.В., Толоконникова А.В., Гуреева А.Н., Вартанов С.А. Мотивация использования медиакоммуникационных каналов российскими студентами // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2021. № 3. С. 3–32.

4. Кульчицкая Д.Ю., Филаткина Г.С. Фоновое медиапотребление как часть медиапрактик российской «цифровой молодежи» // Медиаскоп. 2021. № 1. URL: http://www.mediascope.ru/2680 (дата обращения: 18.04.2026).

5. Вьюгина Д.М. Интернет в ежедневном медиапотреблении цифрового поколения России // Медиаскоп. 2018. № 3. URL: http://www.mediascope.ru/2475 (дата обращения: 18.04.2026).

6. Ананченко А.Б., Никулин Е.Р., Хардикова А.С. Специфика цифровой активности и приемлемые сценарии политического поведения российской молодежи: ценностно-идеологические ориентации и географическая дифференциация // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 1. С. 55–70.

7. Давлетшина М.И. Медиапрактики современных детей младшего школьного возраста // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2021. № 5. С. 3–26.

8. Медиапотребление «цифровой молодежи» в России / под ред. Д.В. Дунаса. М.: Факультет журналистики МГУ, 2021.

9. Вартанова Е.Л. (ред.) Медиасистема России: учебник для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2019.

10. Серебряный Р. СМИ проиграли битву за молодежь: «Традиционка» больше не источник новостей // Московский комсомолец. 29.09.2025.

11. Аудитория ТВ активно молодеет: Участники ТММ-2025 обсудили тренды и вызовы отечественного медиарынка // Рамблер/новости. 03.06.2025.

12. Российское «поколение Z» по-прежнему предпочитает смотреть TikTok // ComNews.ru. 11.08.2025.

13. На ПМЭФ-2025 оценили перспективы развития соцсетей и онлайн-платформ РФ // Известия. 18.06.2025.

14. Мишункина М. Будущее медиаиндустрии. Молодёжь открыта новым технологиям // Аргументы и Факты. 25.09.2025.

© Акбулатова. А. А, 2026

УДК 070

Акчурина А.Р.,
студентУУНиТ
Научный руководитель – ***Алиева С.А.,***
канд. филол. наук,доцент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КРОСС-МЕДИЙНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ (НА ПРИМЕРЕ ЖУРНАЛА «ЧТИВО»)

В условиях ускоренной цифровизации медиасреда претерпевает фундаментальные изменения, характеризующиеся стиранием границ между традиционными и цифровыми форматами, усилением роли алгоритмов и активным вовлечением аудитории в процессы производства контента (Вартанова, 2021). Кросс-медийная журналистика как один из главных трендов развития отрасли предполагает создание и распространение единого нарратива через множество каналов, что позволяет достигать максимального охвата и глубины вовлечения. Традиционные глянцевые издания, ориентированные на визуальную эстетику, глубину повествования и эксклюзивность, сталкиваются с вызовами фрагментации аудитории и доминирования платформ вроде Telegram, Instagram и YouTube. В

российском контексте эти процессы усугубляются геополитическими факторами, такими как уход международных брендов (Esquire, Tatler), что стимулирует развитие локальных авторских проектов с ярко выраженной кросс-медийной ориентацией.

Проблема исследования заключается в необходимости анализа современных тенденций кросс-медийной журналистики и механизмов адаптации традиционных медиа к цифровой трансформации. Цель статьи – изучить тенденции развития кросс-медийной журналистики на примере журнала «ЧТИВО», запущенного в декабре 2024 года как авторский проект Сергея Минаева. Задачи: 1) раскрыть теоретические основы кросс-медийной журналистики и конвергенции; 2) описать структуру экосистемы «ЧТИВО»; 3) проанализировать механизмы интеграции контента; 4) сформулировать выводы о перспективах подобных моделей.

Кросс-медийная журналистика подразумевает не только техническую мультиплатформенность, но и реорганизацию всей системы коммуникаций, включая производство, дистрибуцию и потребление (Кирия, 2022). Согласно Е.Л. Вартановой, цифровизация приводит к формированию «медиакоммуникационной индустрии» (МКИ), где сливаются СМИ, телекоммуникации и технологии, создавая гибридные модели (Вартанова, 2021). Ключевыми тенденциями развития кросс-медиа являются: 1) технологическая конвергенция (слияние устройств и форматов); 2) контентная конвергенция (адаптация одной истории под разные платформы – от тизера до лонгрида и видео); 3) организационная конвергенция (мультидисциплинарные редакции) (Коломиец, 2021; Ксензенко, 2024).

М. Маклюэн рассматривал медиа как «расширения человека», подчёркивая, что в цифровую эпоху они эволюционируют в платформенные экосистемы (Маклюэн, 2023). Э. Тоффлер в концепции «третьей волны» предвидел переход к информационному обществу, где аудитория становится просьюмерами – одновременно потребителями и производителями (Тоффлер, 2023). В.П. Коломиец определяет конвергенцию как процесс интеграции медиаформатов в единую систему, приводящий к появлению гибридных моделей (Коломиец, 2021). По данным PwC, к 2025 году доходы от цифровых медиа превысят 60 % общего объема медиаиндустрии, стимулируя переход к кроссплатформенным стратегиям (Проблематика процесса конвергенции..., 2025).

К 2026 году генерация значительной части контента происходит с помощью ИИ, что меняет этические и производственные аспекты (Смирнова, 2024). Алгоритмы платформ определяют «информационные пузыри» и персонализацию, усиливая фрагментацию (Рашкофф, 2024). Аудитория эволюционирует от пассивного потребителя к активному соавтору через UGC, опросы и комментарии (Полуяхтова, 2024). Эти процессы требуют от изданий кроссплатформенных стратегий, где один материал адаптируется под разные каналы, сохраняя единство бренда (Сапонова, 2025).

Журнал «ЧТИВО» запущен в декабре 2024 года как авторский проект Сергея Минаева (главный редактор, команда включает журналистов из Esquire и канала Минаев Live). Фокус – на больших исторических процессах, фактах, легендах, людях и странах, рассказанных легко, увлекательно и с элементами lifestyle (культура, дизайн, путешествия, современная жизнь). Издание позиционируется как интеллектуальное «чтиво» в эпоху коротких форматов.

Печатная версия (тираж от 40 000 экземпляров, периодичность – 6 номеров в год) выходит на высококачественной бумаге и распространяется в супермаркетах («Азбука Вкуса», «Перекресток»), книжных магазинах («Москва», «Читай-город»), аэропортах, поездах «Сапсан» и специализированных локациях. Она позиционируется как коллекционный объект с глубокими материалами, интервью и визуалами. Цифровые каналы обеспечивают оперативность и расширение охвата.

Сайт chtv.ru служит витриной для лонгридов, «хороших новостей», галерей и эксклюзивов. Telegram-канал (связанный с @minaevlife и @chtvmag) – оперативный хаб: анонсы номеров, тизеры, опросы, подборки материалов. Instagram @chtivo.mag – для визуального контента (фото, сторис, reels). YouTube-канал Минаев Live – для видео-форматов (исторические расследования, интервью). VK используется для видео и сообщества. Принцип «onestory – manyformats» обеспечивает конвергенцию: материал из печатного номера разворачивается в тизер в Telegram, лонгрид на сайте, видео на YouTube и репортаж с мероприятий.

Ключевой инновацией стало открытие в апреле 2026 года пространства «ЧТИВО ДОМ» (кафе с читальным залом, кинотеатром, рабочим пространством и сценой в Москве). Оно началось с собственного музыкального фестиваля в 2025 году и стало физическим продолжением медиаэкосистемы: здесь проходят презентации номеров, встречи с авторами, выставки, а репортажи и записи транслируются по всем цифровым каналам. Аудитория участвует через комментарии, предложения тем и UGC, превращаясь в соавтора (Полуяхтова, 2024).

Анализ журнала «ЧТИВО» подтверждает, что тенденции развития кросс-медийной журналистики требуют гибридных моделей, где печатный формат дополняется цифровой экосистемой и оффлайн-пространствами. Интеграция платформ (сайт, Telegram, Instagram, YouTube) и физического «ЧТИВО ДОМ» позволяет преодолевать ограничения традиционных медиа, усиливать вовлечённость аудитории и диверсифицировать риски.

Литература:

1. Вартанова Е.Л. Теория медиа: современные подходы и перспективы развития. – М.: Изд-во МГУ, 2021. – 456 с.
2. Дзялошинский И.М. Журналистика в условиях цифровизации: трансформация профессии. – М.: АПК и ППРО, 2023. – 288 с.
3. Кирия И.В. Медиаэкономика: от традиционных СМИ к платформенным моделям. – М.: Высшая школа экономики, 2022. – 412 с.
4. Ксензенко О.А. Цифровая трансформация медиа: новые модели производства и потребления контента // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2024. – № 3. – С. 45–67.
5. Коломиец В.П. Конвергенция СМИ: теория и практика. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2021. – 256 с.
6. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. – М.: Канон+, 2023. – 432 с.
7. Полуяхтова И.А. Роль аудитории в производстве медиаконтента в эпоху Web 2.0 // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2024. – № 89. – С. 112–130.
8. Рашкофф Д. Программа: как цифровые технологии меняют мир. – М.: Альпина Паблишер, 2024. – 288 с.
9. Сапонова Е.В. Кроссплатформенные стратегии в современных российских СМИ // Медиаскоп. – 2025. – № 1. – С. 78–95.
10. Смирнова Е.А. Генеративный ИИ в медиапроизводстве: возможности и этические вызовы // Журналистика и медиа. – 2024. – № 4. – С. 23–41.
11. Тоффлер Э. Третья волна. – М.: АСТ, 2023. – 560 с.
12. Официальный сайт журнала «ЧТИВО». – URL: https://chtv.ru (дата обращения: 20.04.2026).
13. Instagram-аккаунт «ЧТИВО» @chtivo.mag (дата обращения: 20.04.2026).
14. Telegram-канал, связанный с проектом (дата обращения: 20.04.2026).

©Акчурина А.Р., 2026

УДК 070

Алеева А.Н.,
студентУУНиТ
Научный руководитель – ***Алиева С.А.,***
канд. филол. наук, доцент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

МЕДИАПРЕЗЕНТАЦИЯ БАШКИРСКИХ БРЕНДОВ (НА ПРИМЕРЕ БАШКИРСКОГО МЁДА И БАШКИРСКОГО КУМЫСА)

Региональные бренды выступают не только инструментами коммерческого продвижения, но и важными носителями территориальной идентичности, культурного кода и гастрономического наследия. Башкортостан обладает уникальным набором продуктов, которые на протяжении столетий ассоциируются именно с этой территорией. Среди них ключевое место занимают башкирский мед и башкирский кумыс – два бренда, которые не только являются символами региона, но и активно продвигаются на российском и международном рынках. Цель данной статьи – провести сравнительный анализ медиапрезентации двух башкирских гастрономических брендов.

Медиапрезентация регионального бренда представляет собой комплексный процесс формирования и трансляции образа территории через ее материальные и нематериальные активы. Гастрономические бренды занимают в этом процессе особое место, поскольку продукты питания являются наиболее доступным и эмоционально окрашенным каналом знакомства с регионом. Для башкирских продуктов характерна глубокая историческая и культурная укорененность. Как

отмечалось на уровне республиканского руководства, бренды «башкирский мед» и «башкирский кумыс» являются самыми ассоциируемыми с Башкирией гастрономическими продуктами, способными сделать регион более узнаваемым и привлекательным для инвесторов[1]. Эта цитата из делового издания 2011 года демонстрирует, что вопрос системной медиапрезентации башкирских брендов находится в фокусе региональной политики уже более десяти лет. Важным аспектом медиапрезентации является правовая защита наименования места происхождения товара. Башкирский мед получил такую защиту еще в 2005 году, когда Башкирский научно-исследовательский институт пчеловодства и апитерапии стал единственным правообладателем этого бренда, что позволило начать экспорт продукции, в частности, в Монголию[1]. Кумыс, в свою очередь, долгое время не имел аналогичной юридической защиты, хотя в 2025 году было объявлено о планах включения кумыса наряду с медом в Государственный реестр национального наследия Башкортостана [5].

Переходя к сравнительному анализу, следует отметить, что оба бренда регулярно упоминаются в региональных, российских и зарубежных СМИ, однако с разной интенсивностью и в разных контекстах. Башкирский мед демонстрирует более высокую частоту упоминаний в контексте экспортных достижений и престижных международных мероприятий. Ключевым событием стало участие башкирских производителей меда в Международной продовольственной выставке SIAL MiddleEast в Абу-Даби в 2024 году. На этом мероприятии башкирский мед был представлен восьмью компаниями. Особого внимания заслуживает факт, что продукцию оценили члены правящей королевской семьи эмирата Абу-Даби – шейхи Мансур ибн Зайд Аль Нахайян и Нахайян бен Мубарак Аль Нахайян [4]. Это событие представляет собой образец элитной медиапрезентации на высшем международном уровне. Башкирский кумыс также активно упоминается в контексте экспансии на внешние рынки, но с акцентом на страны постсоветского пространства. В 2024-2025 годах сообщалось о поставках в Казахстан, Киргизию и Узбекистан. По данным официальных источников, в 2024 году из Башкирии было поставлено 6,4 тысячи тонн кумыса и кумысных напитков в Казахстан и Киргизию [2]. В феврале 2025 года фермеры Башкортостана направили в Узбекистан 19 тонн кумыса, а всего с начала года было экспортировано 57 тонн продукта, причем качество башкирского кумыса было признано соответствующим требованиям Евразийского экономического союза [7].

Контекст и тональность упоминаний также различаются. Башкирский мед преимущественно упоминается в позитивном или нейтрально-деловом ключе. Основные контексты включают экспортные достижения и международное признание, правовую защиту бренда и борьбу с контрафактом, а также культурное наследие. При этом в медиапространстве присутствует и дискуссионная повестка. Как сообщает деловое издание RosInvest.Com, вокруг бренда «башкирский мед» сложилась определенная монополия: правообладателем является государственное учреждение, что вызывает недовольство частных производителей, которые вынуждены переименовывать свою продукцию, хотя их мед собирают те же башкирские пчелы и на территории республики[1]. Этот конфликт между государственным контролем и рыночной свободой также является частью медиаобраза бренда.

Башкирский кумыс демонстрирует более сложную и противоречивую медиакартину. С одной стороны, присутствуют позитивные сообщения о производственных рекордах и экспансии на новые рынки. Глава Башкортостана Радий Хабиров сообщил, что республика является лидером по производству кумыса в России – около 180 ферм ежегодно выпускают более 3,5 тысячи тонн этого традиционного напитка [6]. Однако с другой стороны, значительная часть медиаупоминаний кумыса связана с критикой качества продукта, представленного в розничной продаже. В региональных и федеральных СМИ регулярно появляются материалы, в которых потребители выражают недовольство. Так, в публикации UFA1.RU под характерным заголовком «Вся молочка из порошка» цитируются возмущенные комментарии: «Так незачем дурить людей. Уберите "кумыс" из названия, лошадей с этикетки, и продавайте свой "молочный продукт" под каким-нибудь оригинальным названием! При чём тут кумыс?» [3]. Аналогичные настроения фиксируются и в других источниках. Один из комментаторов в дискуссии под постом главы республики заявил: «То, что продаётся в сетевых магазинах под маркой "башкирский кумыс" – не кумыс. А на рынке брать – нет этикеток. И в пластиковых бутылях, которые почти открыты. Всё хорошее на экспорт отправляется?»[3]. Другой пользователь утверждает, что настоящий кумыс можно найти «только на ферме у производителя», а в магазинах – «не понятно что» [3]. Показательно и сравнение с конкурирующим территориальным брендом. Одна из жительниц Уфы в интервью изданию «Мой Селдон» заявила: «Настоящий кумыс пила только однажды - на сплаве по Бухтарме в 1984 году […] кочевники казахские – вот они нас не

просто угостили кумысом, но ещё и с собой налили 12 литровый котел. Вот это был кумыс – так кумыс! Всю жизнь в Уфе живу – такого не попадалось ни разу!» [3].

Ключевые смысловые акценты в медиапрезентации башкирского меда можно сформулировать следующим образом: уникальность природных условий и бортевого пчеловодства, юридическая защищенность бренда, престижное международное признание, культурное наследие и традиции, высокий экспортный потенциал. Для башкирского кумыса ключевыми акцентами выступают производственное лидерство (75 процентов российского производства), экспансия на рынки СНГ, острая проблема качества и аутентичности розничного продукта, различение «кумыса» и «кумысного продукта», а также лечебные и иммуномодулирующие свойства, которые особенно актуализировались в период пандемии.

Подводя итоги сравнительного анализа, можно сделать следующие выводы. По количественным параметрам оба бренда активно представлены в медиапространстве, однако башкирский мед демонстрирует более высокий статус международного признания благодаря участию в престижной выставке в ОАЭ и интересу со стороны королевской семьи[4], в то время как кумыс фокусируется на региональных рынках СНГ [2,7]. Частота упоминаний кумыса в региональной прессе выше, но значительная часть этих упоминаний носит критический характер[3]. По качественным параметрам медиаобраз башкирского меда является более консолидированно позитивным. Основные нарративы – уникальность, традиции, правовая защита, международный престиж[1][4]. Медиаобраз башкирского кумыса значительно более противоречив: на фоне официальных сообщений о производственных рекордах и экспортных успехах [2,6] существует устойчивый пласт критики, связанный с недоверием потребителей к качеству розничного продукта [3]. Ключевая проблема – разрыв между «настоящим» кумысом (у частников, на фермах) и «кумысным продуктом» в сетевых магазинах [3]. По стратегиям медиапрезентации башкирский мед делает ставку на престиж, элитарность и культурную уникальность, что позволяет ему успешно выходить на рынки дальнего зарубежья. Башкирский кумыс, напротив, использует стратегию «народного», доступного продукта с утилитарными свойствами (оздоровление, иммунитет), что обеспечивает ему массовый спрос, но создает серьезные риски для репутации из-за распространения фальсификата. Перспективы дальнейшего исследования могут быть связаны с анализом динамики медиаобраза этих брендов во времени, изучением восприятия зарубежными потребителями, а также с разработкой рекомендаций по гармонизации медиапрезентации башкирского кумыса с учетом выявленных противоречий.

Литература:

1. BFM Уфа. Башкирский язык, курай и кумыс планируют внести в реестр национального наследия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ufa.bfm.ru/news/63973 (дата обращения: 20.04.2026).

2. DairyNews. Башкирский кумыс выходит на экспортный уровень: новый рынок – Узбекистан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dairynews.today/kz/news/bashkirskiy-kumys-vykhodit-na-eksportnyy-uroven-novyy-rynok-uzbekistan.html (дата обращения: 20.04.2026).

3. KursivMediaUzbekistan. Башкирия отправила в Узбекистан тонны кумыса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://uz.kursiv.media/2025-02-25/bashkiriya-otpravila-v-uzbekistan-tonny-kumusa/ (дата обращения: 20.04.2026).

4. RosInvest.Com. Брендом намазано [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rosinvest.com/novosti/730684 (дата обращения: 20.04.2026).

5. Rusexporter.ru. Башкортостан представил мёд и кумыс на выставке в Абу-Даби [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rusexporter.ru/news/detail/10768/ (дата обращения: 20.04.2026).

6. UFA1.RU. «Вся молочка из порошка»: уфимцы – о ненастоящем кумысе на полках Башкирии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ufa1.ru/text/food/2026/03/06/76298683/ (дата обращения: 20.04.2026).

7. Vetandlife.ru. Башкирские предприятия готовы увеличить производство кумыса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vetandlife.ru/livestock/bashkirskie-predpriyatiya-gotovy-uvelichit-proizvodstvo-kumysa/ (дата обращения: 20.04.2026).

© Алеева А.Н., 2026

УДК 811.512.141

Әлибаева Л. И.,
Өфө фән һәм технологиялар университетының 3-сө курс студенты
Ғилми етәксеһе: ***Хөснөтдинова Р.Я.,***
филол. фәнд. канд., доцент
Өфө ҡалаһы, Рәсәй

БАШҠОРТ ҺӨЙЛӘҮ ТЕЛМӘРЕНЕҢ СИНТАКСИК ҮҘЕНСӘЛЕКТӘРЕ

Хәҙерге заман йәмғиәте мөһим, әһәмиәтле үҙгәрештәр кисерә. Төп форма функцияһын үтәүсе булараҡ, һөйләү телмәре милли телдәр араһында башҡорт телмәрен актуальләштерә. Башҡорт теле башҡорт милләтенең аралашыуы өсөн кәрәк. Башҡорт теленең һөйләү формаһы ла, яҙма формаһы ла бар, шуға күрә аралашыу ҙа йә телдән, йә яҙма рәүештә булырға мөмкин. Һөйләү телмәре функциональ стиль булараҡ ҡарала һәм официаль булмаған көнкүреш, ғаилә һәм дуҫлыҡ ситуацияларында күҙәтелә. Башҡорт телен өйрәнгәндә төп акцент һөйләү күнекмәләренә яһала, сөнки ул телде өйрәнеү йүнәлешендә нигеҙ булып тора.

Һөйләү телмәре – телдең иң кәрәкле ҡулланылышы. Һөйләү телмәрен өйрәнеү практик йәһәттән дә бик әһәмиәтле. Башҡорт телмәрен өйрәнеүҙә төп бурыс уның синтаксис өлкәһендәге үҙенсәлектәрен асыҡлау, сөнки унда һөйләү телмәренең күп кенә мөһим һыҙаттары туплана.

Башҡорт һөйләү телмәре синтаксисының үҙенсәлеге – кәм, бойороҡ-өндәү, һорау һөйләмдәр, парцелляциялар ҡулланыу. Телмәрҙә һүҙҙәр тәртибе ирекле була. Интонация ҙур роль уйнай, уның һыҙаттары туплана.

Синтаксик үҙенсәлектәрҙең типик һыҙаты тип ҡайһы бер һөйләмдең теге йәки был киҫәктәренең төшөп ҡалыуын әйтергә кәрәк. Мәҫәлән: *Ҡайттыңмы? Барып киләйем* һ.б. Һөйләм ҡыҫҡа булыуға ҡарамаҫтан, субъект асыҡ итеп белдерелә, кем хаҡында һүҙ барғанын аңлауҙа ауырлыҡтар тыумай. Шулай уҡ ҡыҫҡа өндәү һөйләмдәр әһәмиәтле урын алып тора: *Тиҙ бул! Алып кил!* һ.б.

Һүҙ тәртибе ирекле була, һәм ул үҙгәрергә лә мөмкин. *Өйҙә әсәйем бар* – урынға акцент яһала, *Әсәйем өйҙә бар* – акцент затҡа яһала. Был үҙенсәлектәрҙең ҡайһы берҙәренә ентеклерәк тукталайыҡ.

Бойороҡ-өндәү һөйләмдәр телмәрҙә йыш ҡулланыла. Улар бер кешенең (һөйләүсенең) икенсе кешегә берәй эште эшләргә йәки эшләмәҫкә, ниндәй ҙә булһа йомошто башҡарырға йәки башҡармаҫҡа бойороуҙы, ҡушыуҙы, саҡырыуҙы, өндәүҙе белдерә. Бойороҡ мәғәнәһе ғәҙәттәге бойороҡ, рәсми бойороҡ, ҡәтғи бойороҡ, ситләтелгән бойороҡ һәм башҡа төҫмөрлөктәрҙә булырға мөмкин. Миҫалдар:

– *Йә, башла инде, Емеш! Башлай һал, тим!* (З. Биишева).

– *Тор, ни эшләп ятаһың былай хур булып!* (З.Биишева).

– *Һин, энем, кешенән көлмә. Мин бала түгел. Иллене үҙған, һинең атайыңа, Хажғәлигә, йәштәш кеше мин,* (Я.Хамматов).

– *Әйҙә, әйҙә, инәй, түрҙән ултыр, ана мендәргә, мендәргә* (Һ.Дәүләтшина).

Бойороҡ-өндәү һөйләмдәр эш-хәрәкәтте башҡарыуға саҡырыуҙы, өндәүҙе, фарман биреүҙе аңлаталар:

– *Ут төртөргә! Бомба ташлап шартлатырға; Уларҙы яҡыныраҡ ебәрергә! Командаһыҙ атыш башламаҫҡа*! (Я. Хамматов).

– *Тоторға! Ҡыуырға! Бунтовщиктар, болшевиктар! Атырға! Ултерергә!* (З.Биишева).

Өндәү һөйләмдәрҙең ойоштороусы киҫәге булып рәүештәр ҙә, модаль һүҙҙәр ҙә килергә мөмкин:

– *Артҡа! Артҡа! – тип екерҙе һәм сығып китте* (Р. Солтангәрәев).

Һорау һөйләмдәр – йәнле телмәрҙең айырылғыһыҙ өлөшө. Уларҙа берәй эш-хәл, ваҡиға, әйбер хаҡында ни ҙә булһа белеү, уларҙың булыу-булмауын асыҡлау маҡсаты ҡуйыла. Һөйләүсе һорау һөйләмдәр ярҙамында теге йәки был мәсьәләне асыҡларға, берәй төшөнсәне аңларға теләген белдерә.

Хәл-ваҡиғаның ҡасан, ҡайҙа, нисек, ни рәүешле, кем тарафынан башҡарылыуын һ.б. асыҡларға теләгәндә конкрет һорау һөйләмдәр барлыҡҡа килә.

– *Ҡыҙҙарым, – тине ул, тауышын көскә сығарып. – Ҡыҙыҡайҙарым, һеҙ ҡайҙа?..* (З.Биишева).

– *Һиңә берәй изге йән осраманымы? – тип ныҡышҡан, ти, әбей* (З.Биишева).

– *Ә балалар? – тине Байғилде ағай, аптыранып. – Балаларымды ҡайҙа ҡуям?!* (З.Биишева).

Һорау һөйләмдәрҙә һорауҙы белдергән махсус грамматик саралар ҙа бар. Мәҫәлән, бындай һөйләмдәрҙә һорау киҫәксәләре ҡулланыла:

– *Бабай, атыңды туғарайыкмы?* (З.Биишева).

Сәғүрә еңгә уның яғына көскә башын бороп:

– *Кызыкайым, бәпесем, ауырып киттеңме әллә? – тип һораны* (З.Биишева).

– *Килдегезме, кыҙҙарым? – тине Шәһит бабай* (З.Биишева).

Шулай уҡ диалогты ойоштороу ролен уйнаған инеш һүҙҙәр һәм конструкциялар актив ҡулланылыла: *мәҫәлән, бына, әйтеүемсә, минеңсә, бер уйлаһаң* һ.б. Паузалар һәм тулы булмаған яуаптар телдән аралашыу үҙенсәлектәрен сағылдыра. Башҡорт һөйләү телмәрендә инеш конструкциялар үҙ-ара аралашыу процесында тасуирлыҡты ла аса, әңгәмәсенең иғтибарын йәлеп итеү өсөн ҡулланыла: *Мин бына бөгөн иртә килдем*.

Ҡабатлауҙар йәнле телмәрҙә айырым урын алып тора, улар мәғәнәне көсәйтеүҙә, телмәрҙең билдәле бер киҫәгенә иғтибар иттереүҙә, тәьҫир көсөн арттырыу ҙа мөһим роль уйнай: *Тиҙ-тиҙ кил! Ул шулай итте, шулай итте.* Диалог ваҡытында йыш ҡына ҡыҫҡа ҡабатлауҙар, паузалар күҙәтелә: *Эйе-эйе*, *Белмәйем, белмәйем*. Миҫалдар:

Муллаға өңөлөп ҡарап торған Ҡаҙанҡап:

– *Эйе, дөрөҫ, эйе, дөрөҫ бит инде*, – тине (Һ.Дәүләтшина).

Уның һүҙе бөтөүгә, мулла менән Ҡаҙанҡап Абдулланың ғына:

– *Эйе*, *эйе*, амин!

– Эйе, шулай булһын! – тигәндәре генә ошо байтаҡҡа һуҙылған тынлыҡты боҙҙо (Һ.Дәүләтшина).

– *Түгел*, Ҡотлояр, *түгел*! Туз минеке ине. Үҙем һуҡтым (Һ.Дәүләтшина).

– Юҡ әле, имеш. Әллә өйрәнергә уйлап тораһыңмы?

– *Юҡ*, ағай, *юҡ*. Уйламайым да, өйрәнмәйем дә (Һ.Дәүләтшина).

Эйе һүҙенең ҡыҙыҡлы үҙенсәлеге бар. Ул һәр саҡ ыңғай фекерҙе генә аңлатмай, ә инҡар итеүҙе лә белдереп килә ала. Мәҫәлән: *Эйе, шулайтҡан ти* (халыҡ телендә киң ҡулланылған һүҙбәйләнеш). – *Эйе, килде ти, Мәүзифа әбей өсөнсө төшөн күреп яталыр әле* (Т. Ғиниәтуллин). – *Эйе, ҡалдырҙылар! Көтөп тор!* (Р. Өмөтбаев). Был миҫалдарҙа *эйе* һүҙе кире ҡағыу мәғәнәһен белдерә (*эйе, шулайтҡан* – улай итмәгән; *Эйе, килде*, ти, Мәүзифа әбей... – юҡ, килмәне; *Эйе, ҡалдырҙылар!* – юҡ, ҡалдырманылар мәғәнәләрендә килә). Ғәҙәттә, *эйе* һүҙе инҡар итеүҙе белдергән һөйләмдәр иронияны белдереп килә һәм был стилистик алым телмәрҙә контекстуаль нигеҙҙә тейешле интонацион-мелодик саралар ярҙамында барлыҡҡа килә [3].

Бындай синтаксик элементтар һөйләү телмәрен тере, үҙенсәлекле, һығылмалы итә. Ҡабатланған фекерҙәрҙә шикләнеү, икеләнеү, битарафлыҡ модаль мәғәнәләре күренә: – *“Шул микән, түгел микән?...” «Шул микән, түгелме икән?...»* тигән үткер һорау, унын йөрәге менән ҡуша типкән кеүек, йыш ҡабатлана, унын арҡаһы буйлап һыу йүгергән һымаҡ була ине (Һ.Дәүләтшина). – *Ысынмы*, балам. Уй, балам, *ысынмы*?! (Һ.Дәүләтшина). Ҡабатланған фекерҙәр араһында *тек* киҫәксәһе килгәндә, тәүәкәллек йәки ҡәтғилек модаль мәғәнәһе лә һиҙелә: – Мин үҙем *барам тек барам* (М.Ғафури).

Һуң һүҙе менән, ымлыҡтар менән дә ҡабатлауҙар яһала: – *Ә күк һуң, күк көмбәҙе!* Көмбәҙ түгел – төпһөҙ зәңгәр гүзәллек! (Р.Байымов). – *Күҙҙәре һуң, күҙҙәре* ниндәй! – *Аты һуң, атын* ҡарағыҙ! Ҡанатлы аҡбуҙ атҡа менеп алған даһа?! (З.Биишева). – *Ул айыуҙың ҙурлығы!* … Айыу башын ҡалҡытып ҡарап тик тора. *Үй, уның ҙурлығы* (Н.Мусин). – *Эй, ул ҡәлғәләрҙең ныҡлығы, ул ҡәлғәләрҙең матурлығы!* (Ә.Хәкимов) [1].

Шулай итеп йәнле һөйләү телмәрендә тыңлаусыға йәки уҡыусыға уй-фекерҙе, хис-тойғоларҙы еткерер өсөн һөйләмдәрҙең төрлө төрҙәре, башҡа төрлө саралар ҡулланыла. Уларҙың мәғәнә нескәлектәре бик күп. Уларҙы һөйләмдең предикатив нигеҙенә, хәбәрҙең барлыҡ-юҡлыҡ формаларына, тон, интонацияға ҡарап билдәләргә була. Ҡарап үткән миҫалдарҙан сығып, шуны әйтергә мөмкин, тейешле интонация, ирония, ҡабатлауҙар, айырым һүҙҙәр һ.б. саралар ярҙамында телмәр йәнләндерелә.

Әҙәбиәт:

1. Закирова Г.М., Хуснетдинова Р.Я. Повторы как структурно-семантические особенности речи. В сборнике: Современные проблемы изучения башкирского и родных языков. Материалы III Всероссийской (с международным участием) научно-методической конференции. – Уфа, 2018. – С. 178-182.

2. Ғәлимов Ф.Ғ. Башҡорт һөйләү телмәренең синтаксик үҙенсәлектәре // Башҡорт филологияһы мәсьәләләре: фәнни мәҡәләләр йыйынтығы. – Өфө: Башҡорт дәүләт университеты нәшриәте, 2015. – № 2. – 45-51 б.

3. Мөләкова М.Ш. Телмәрҙә раҫлауҙы белдереү саралары. В сборнике: Актуальные проблемы современной филологии, востоковедения и журналистики. Материалы Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых. – Уфа, 2023. – С. 168-170.

4. Солтанбәкова З.Ғ. Башҡорт телендә диалогик телмәр синтаксисы: монография. – Өфө: Ғилем, 2018. – 140 б.

5. Хуснетдинова Р.Я. Һәҙиә Дәүләтшинаның «Ырғыҙ» романында ҡабатлауҙарҙың структур-семантик үҙенсәлектәре. В сборнике: Творческое наследие Хадии Давлетшиной и актуальные проблемы современной филологии. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 115-летию со дня рождения Х. Давлетшиной. Сер. «Давлетшинские чтения». – Бирск, – 2020. С. 33-38.

© Әлибаева Л.И., 2026

УДК 070.1

Алмаева А.Ф.,
магистрант УУНиТ
Научный руководитель – ***Бахтиярова А.Н.***
канд. филол. наук, доцент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МЕДИА В ЮЖНОЙ КОРЕЕ: ИНСТРУМЕНТЫ, ФЕНОМЕНЫ И ГЛОБАЛЬНОЕ ВЛИЯНИЕ

В современном мире всё больше интереса привлекает к себе Азия: Япония, Китай, Корея, Таиланд и остальные страны дальнего Востока. Людей интересует азиатская культура, обычаи, еда, музыка, кино и так далее. И нельзя не согласиться, что к столь огромной популяризации азиатских стран причастны медиа и их корректная, правильно выстроенная и продуманная работа.

В данной статье мы будем акцентировать свое внимание конкретно на Южной Корее и разберём, какие тенденции присутствуют в медиа страны «утренней свежести». Южнокорейские средства массовой информации включают в себя несколько различных видов публичной передачи новостей, а именно: телевидение, радио, кино, газеты, журналы и интернет-сайты. Современная корейская журналистика зародилась после открытия Кореи в конце 19-ого века. С самого начала корейская пресса отличалась сильным реформистским и националистическим уклоном, однако на протяжении большей части 20-ого века она подвергалась сильному политическому контролю и цензуре [2].

Сначала рассмотрим сам термин «медиа» и что же он подразумевает. Медиа (от английского media или же латинского medium – «посредник» либо же «средство») – это обширное понятие, которое включается в себя средства коммуникации и передачи информации с помощью различных инструментов, которые мы уже упоминали ранее, таких как: ТВ, интернет, радио, газеты и журналы и так далее. По сути, медиа можно назвать всё, что является носителем информации. Также стоит отметить, что впервые данный термин начал использоваться в 20-м веке в контексте «массовой культуры». На сегодняшний день слово «медиа» приравнивается к понятию «СМИ» – «средства массовой информации» [3, 5].

Первым ключевым моментом и инструментом для популяризации корейской культуры стало, конечно же, телевидение. Здесь же можно выделить один из главных телеканалов корейского телевещания – KBS (на английском Korean Broadcasting System, на корейском 한국방송공사 [хангукпансонгонса]), что буквально в переводе означает «Корейская телерадиовещательная система». Данная компания была основана ещё в далёком 1927-м году, но продолжает развиваться и развивать медиа индустрии и по сей день. Корейское телевидение, на самом деле, невероятно помогло в продвижении корейской культуры, ведь именно через него транслировались дорамы – корейские сериалы и кино, и корейская поп-музыка – К-поп. И корейские сериалы, и музыка особенны популярны в эти дни и давно уже вышли за рамки внутреннего рынка, и стали одним из основных источников денежных средств для пополнения казны корейского государства. По данным Института статистики ЮНЭСКО, в 2013-м году доход от глобального продвижения корейской культуры составил более 190,5 миллионов долларов США. Также здесь же стоит упомянуть про

такой необычный современный феномен, именуемый как «Халлю» (от корейского 한류 – «Корейская волна»), которым как раз-таки и называют столь активное распространение корейской культуры по всему миру.

Здесь нужно заострить внимание на инструментах халлю, а именно на корейской музыке и кино [7].

В сфере медиапродуктов и контента особенно выделяется развитие К-поп. Этот жанр продолжает эволюционировать, активно адаптируясь к новым музыкальным, модным и социальным тенденциям. В последние годы наблюдается «вестернизация» К-поп (от английского west – «запад»), то есть заимствование западноевропейского или англо-американского образов и элементов; а также активное сотрудничество корейских артистов с мировыми звёздами, что способствует глобализации и расширению аудитории за пределами Кореи.

Корейский кинематограф отличается особым стилем, сочетающим реализм и гиперреализм с элементами гротеска и символизма. В фильмах и сериалах часто поднимаются социальные проблемы, исторические травмы и структурные противоречия общества. Здесь же можно выделить известнейшую работу 2019 года режиссёра и сценариста Пон Чжун Хо «Паразиты», в которой как раз-таки поднимается актуальный вопрос социального неравенства, показывается разница в финансах и в качестве жизни между богатыми и бедными слоями населения, между которыми с течением времени, обстоятельств и исторических событий образовалась огромная пропасть. «Паразиты» Пон Чжун Хо получили Золотую пальмовую ветвь Каннского фестиваля и премию «Оскар» за лучший фильм, став первой работой не на английском языке, получившей столь великие награды кинематографа и огромное признание по всему миру.

Следующим инструментом корейских медиа можно выделить интернет-ресурсы, которые тоже невероятно популярны в пределах своей страны, а что-то уже вышло за его рамки на внешний рынок; то есть далее мы будем говорить о KakaoTalk и Naver.

Начнём с первого. KakaoTalk (на корейском 카카오톡) – это платформа либо же приложение, служащее для общения между людьми, в котором можно отправлять друг другу текстовые и голосовые сообщения, изображения, а также совершать аудио- и видеозвонки; помимо прочего в KakaoTalk есть возможность создавать открытые и закрытые групповые чаты и собственные каналы. Однако, говоря про функции данного мессенджера стоит отметить разность его возможностей на родине и за её пределами. К примеру, в Южной Корее сервис помимо функций мессенджера предоставляет ещё множество других услуг, таких как: карты, музыка, игры, новости, вызов такси, общественный транспорт и так далее; к тому же он поддерживает получение государственных уведомлений, в том числе от банков, а также через него можно создавать бизнес-каналы. Более того в корейском KakaoTalk имеется собственный сервис KakaoPay, позволяющий совершать платежи и переводы [6].

Данный мессенджер был запущен в марте 2010-ого года компанией Kakao под руководством её основателя Ким Бом-су и смог мгновенно завоевать популярность у себя на родине. В Южной Корее им пользуются более 97-ми процентов жителей страны. В 2024-м году у приложения насчитывалось 53,5 миллиона активных пользователей. В последнее время KakaoTalk смог выйти уже на мировой рынок и даже занять 10-е место в топе приложений в российском App Store [6].

Далее рассмотрим ещё одно корейское приложение – Naver (на корейском 네이버 [нэибо]) – интернет-портал и поисковая система наподобие Google в Республике Корее. Данный поисковик был выпущен в 1999-м году одной из наиболее влиятельных и инновационных технологических компаний в Южной Корее – Naver Corporation, чья выручка в 2024-м году составила 7,5 миллиардов долларов США, а прибыль – уже 1,1 миллиард долларов США. По данным на 2024-ый год Naver оставался самым популярным поисковиком в Южной Корее и занимал до 60-и процентов рынка, оставляя позади Google с его 30-ю процентами; а также являлся и самым популярным сайтом, обгоняя по количеству посещений YouTube [4].

Говоря о возможностях Naver, как и KakaoTalk помимо того, что он выполняет свои прямые функции поисковика, он ещё предлагает различное множество и других услуг, таких как: Naver Blog – платформа для ведения блогов; Naver Cafe – социальная сеть, где люди объединяются и общаются по интересам; Naver Webtoon – платформа для публикации комиксов; Naver Pay – система электронных платежей; Naver Cloud – корейское «облако», хранилище с бизнес-платформой, предоставляющей IT-услуги; Naver Shopping Live – платформа, позволяющая вести продажи в прямом эфире [4].

Одним из главных минусов данного поисковика можно выделить то, что до сих пор он представлен только в корейском интерфейсе и не адаптирован для других стран; то есть им могут пользоваться только те, кто знает или изучает корейский язык, по этой причине Naver ещё не вышел на внешний рынок на широкую массу [4].

Таким образом мы рассмотрели с вами малую часть инструментов и тенденций южнокорейских медиа, таких как: телевидение и канал KBS и интернет-ресурсы KakaoTalk и Naver. Канал KBS сыграл важную роль в продвижении корейской музыки и кинематографа, способствуя популяризации корейской культуры на международной арене. В то же время KakaoTalk тоже смог выйти на внешний рынок, став одним из популярных мессенджеров и тем самым расширив влияние южнокорейских технологий за пределы страны. А Naver хоть пока и не вышел глобально за рубеж, ему всё так же удаётся оставаться поисковиком номером один в Южной Корее, пользуясь спросом не только среди носителей языка, но и среди тех, кто изучает корейский язык.

Литература:

1. Korean Broadcasting System // Wikipedia URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Korean_Broadcasting_System (дата обращения: 16.04.2026).
2. Mass media in South Korea // Wikipedia URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Mass_media_in_South_Korea (дата обращения: 16.04.2026).
3. Введение в мультимедиа: понятие и функции медиакультуры и медиа в условиях информационного общества // Инфоурок URL: https://infourok.ru/vvedenie-v-multimedia-ponyatie-i-funkcii-mediakultury-i-media-v-usloviyah-informacionnogo-obshestva-6468279.html (дата обращения: 16.04.2026).
4. Корейский Google: как Naver стал технологической империей // РБК URL: https://trends.rbc.ru/trends/industry/66f51e569a79475b85890241 (дата обращения: 17.04.2026).
5. Медиа // Википедия URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Медиа (дата обращения: 16.04.2026).
6. Мессенджер KakaoTalk вырвался в топ App Store // РБК URL: https://www.rbc.ru/life/news/69c2780e9a79471518c1474f (дата обращения: 17.04.2026).
7. Утина М.Е. «Корейская волна» и тенденции развития южнокорейской телерадиовещательной корпорации KBS // Неофилология. – 2024. – С. 476-486.

© Алмаева А.Ф., 2026

УДК 811.531

Алмазова А.В.
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Байбулова М.Н.,***
ассистент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

ОСОБЕННОСТИ КОРЕЙСКОЙ СИСТЕМЫ СЧЁТА И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЧЁТНЫХ СЛОВ

Корейский язык обладает сложной и запутанной системой счета для иностранных студентов, изучающих его. Главная трудность заключается в двух системах исчисления и в том, какую нужно использовать в той или иной ситуации, а также в использовании счетных слов.

Особенность корейского языка в параллельной существовании двух разных числительных: исконно корейской и сино-корейской (основана на китайских иероглифах).

Исконно корейская система используется для: 1. Счета предметов (исключительно до 99); 2. Указании возраста; 3. При указании времени суток; 4. Подсчета вещей вместе с счетными словами.

Пример исконно корейских числительных: 하나 (хана 1), 둘 (туль 2), 셋 (сет 3), 넷 (нет 4), 다섯 (тасот 5), 여섯 (ёсот 6), 일곱 (ильгоп 7), 여덟 (ёдоль 8), 아홉 (аоп 9), 열 (ёль 10).

Сино-корейская система нужна для: 1. Математики, денег, дат (только месяц и день), номеров телефонов; 2. Указания минут и секунд в счете времени; 3. Измерения килограммов, литров и метров; 4. Счета выше 100.

Примеры сино-корейских числительных: 일 (иль 1), 이 (и 2), 삼 (сам 3), 사 (са 4), 오 (о 5), 육 (юк 8), 칠 (чиль 7), 팔 (паль 8), 구 (гу 9), 십 (щип 10)

Главный нюанс заключается в том, что исконно корейские числительные (1,2,3,4 и 20) изменяют форму перед счетными словами: 하나 → 한 (хана – хан), 둘 → 두 (туль – ту), 셋 → 세 (сет – се), 넷 → 네 (нэт – нэ), 스물 → 스무 (щимуль – щиму).

В русском языке словосочетания строятся так: три *листа* бумаги или две *чашки* кофе. В корейском языке *каждый* предмет требует точного счетного слова, уточнителя. Счетного слова обязательно, без них носители языка вас не поймут. Нельзя просто сказать “три человека”, обязательно нужно сказать “три *единицы* человека”. В этом и есть смысл счетных слов.

Примеры: 개(гэ) – самое универсальное слово, используется для всех неодушевленных предметов; 명(мён) – для счета людей в вежливой форме; 분(мун) – для счета людей выше нас по статусу; 마리(мари) – для животных; 권(гван) – для счета книг; 잔 (чан) – чашки/стаканы с напитками; 대(дэ) – для машин и техники; 벌(боль) – для одежды; 컬레(корье) – для парных элементов, обуви и носков.

Во всех правилах есть исключения, у счетных слов они тоже есть. 1. Для возраста: *не* используется 개(гэ) или 명(мён). Используется 살 (саль) исконно корейское слово для лет. Но в официальных документах или при ответе на вопрос “Какой у вас год рождения?” используется сино-корейскую систему вместе 세(сэ); 2. Для месяцев: только сино-корейские числа вместе с 월(уоль); 3. Время: часы – исконно корейские числа с 시, минуты – сино-корейские с 분(бун).

В корейском языке очень строгий порядок слов, при подсчете предметов тоже: предмет + количество + счетное слово + частица или глагол.

Если счетное слово будет опущено, носитель языка вас может понять, но это будет звучать неестественно, как если бы русский сказал: “у меня два стул”.

Одна из ловушек в корейском языке – это омонимы, слова, звучащие одинаково, но имеющие разные значения. Для таких случаев лучше проверять слова в словарях, чтобы оно точно было классификатором. Обычно это значение дается вторым или третьим пунктом.

В корейском языке есть особые классификаторы, которые отражают менталитет и быт страны, в котором не в русском или английском языках. Например, 벌(боль): используется не только для одежды, но и для домов (в значении «строение»); 채(чэ): для домов, но с акцентом на отдельное жилище, здание. Разница тонка: 벌 подчёркивает «комплект» (как костюм), а 채 – «единицу недвижимости»; 그루(кыру): для деревьев, нельзя просто сказать “три дерева”; 송이 (сонъи): для предметов растущих гроздьями или кистями: цветы, виноград или бананы; 접(чоп): для горстей или маленьких пучков, например, кимчи, завернутое в лист или горсть ягод.

Корейская система счета – это не просто цифры или числа, а показатель знания языка. Владение счетными словами и правильным выбором числительных (корейских или китайских) очень важно для общения, покупок и взаимодействия с носителями. Самое главное не просто заучивать только числа, а сразу использовать их в связке с маркером.

Литература:

1. В. М. Мазепова. «Справочник по грамматике корейского языка». – М.: Восточная книга, 2016. (Раздел «Имя числительное», стр. 124-145).

2. И. Л. Касаткина, Чон Ин Сун, Пак Ен Сок. «Учебник корейского языка. Базовый курс». – М.: Муравей-Гайд, 2020. (Главы, посвящённые грамматике числительных).

3. Lee, Iksop; Ramsey, S. Robert. «The Korean Language». – SUNY Press, 2000. (Глава о нумералях и семантике счётных слов).

4. National Institute of Korean Language (국립국어원). «Standard Korean Language Dictionary» (Стандартный словарь корейского языка – онлайн-ресурс для проверки сочетаемости счётных слов).

5. Young-Mee Cho, Hyo Sang Lee, Carol Schulz. «Integrated Korean: Beginning 1». – University of Hawaii Press, 2019. (Уроки 3 и 7, подробно о классификаторах).

© Алмазова А.В., 2026

УДК 811.531

Алюкова Э.Р.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Кучаева А.Н.,***
ассистент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ КОРЕЙСКОГО АЛФАВИТА ХАНГЫЛЬ: ОТ СОЗДАНИЯ ДО СОВРЕМЕННОСТИ

Хангыль (한글) – национальный алфавит корейского языка – является одним из наиболее рациональных и научно обоснованных письменностей в мире. Его история – это не только лингвистическая, но и социальная, культурная и даже политическая повесть. Созданный в XV веке, Хангыль прошел долгий путь от инструмента просвещения до символа корейской национальной идентичности, претерпев значительные изменения и вызовы на каждом этапе своего развития. Данная статья ставит целью проследить основные вехи этой истории, от зарождения идеи до современного состояния.

До середины XV века в Корее, как и в других странах Восточной Азии, официальное письмо базировалось на китайских иероглифах (в Корее их называют *ханча* – 한자). Этот метод имел ряд существенных недостатков для корейского языка, который структурно сильно отличался от китайского:

Лингвистическая несовместимость: Китайские иероглифы являются логографическими (по сути, каждый знак обозначает слово или понятие), в то время как корейский язык – агглютинативный (где слова образуются путем присоединения к корню суффиксов и окончаний). Для передачи грамматических частиц и окончаний корейского языка требовалось использовать сложные фонетические транскрипции с помощью иероглифов, что было крайне громоздко и неточно.

Социальное неравенство: Иероглифическое письмо было доступно лишь узкому кругу образованной элиты (*янбанов*). Большинство населения оставалось неграмотным, что тормозило распространение знаний и идей.

Низкая эффективность: Изучение тысяч иероглифов требовало долгих лет упорного труда, что делало грамотность привилегией, а не доступным инструментом.

Осознавая эти проблемы, король Седжон Великий (세종대왕, правил 1418–1450 гг.) выступил инициатором создания новой, доступной и эффективной системы письма для корейцев.

В 1443 году, после нескольких лет интенсивных исследований и консультаций с учеными, король Седжон объявил о создании нового алфавита. В 1446 году был опубликован трактат «Хунмин Чоным» (훈민정음, «Наставление народу о правильном произношении»), который разъяснял принципы и структуру нового письма.

Лингвистические принципы Хангыля:

Фонематический принцип: Хангыль – это фонетический алфавит, где каждый символ (буква) соответствует определенному звуку.

Артикуляционная начертательность: Форма согласных букв (ㄱ, ㄴ, ㅅ, ㅁ, ㅇ) имитирует положение органов речи (корня языка, языка, зубов, губ, горла) при произнесении соответствующих звуков. Это была революционная идея, связывающая начертание с физиологией речи.

Философская символика: Форма гласных букв (., ㅡ, ㅣ) отражает философские понятия – Небо (точка, как солнце), Землю (горизонтальная линия), Человека (вертикальная линия).

Слоговая организация: Буквы объединяются в слоговые блоки, что делает написание удобным и визуально упорядоченным. Блок строится по принципу: начальный согласный + гласный (+ конечный согласный).

Хангыль был создан не просто как система письма, а как инструмент для достижения грамотности всего населения, независимо от социального статуса. Его лаконичность, простота и научная обоснованность сделали его уникальным в мировом лингвистическом наследии.

Первые этапы внедрения и сопротивление

Несмотря на гениальность замысла, Хангыль столкнулся с ожесточенным сопротивлением со стороны консервативной элиты.

Конфуцианская ортодоксия: Ярые сторонники китайской культуры видели в Хангыле «вульгарное» письмо, недостойное истинных ученых. Они опасались, что доступность грамотности приведет к размыванию социальной иерархии.

Практические трудности: Отсутствие иероглифов делало невозможным передачу сложных философских и литературных произведений, написанных на китайском.

Государственная поддержка: Король Седжон и его последователи всячески продвигали новую письменность. Хангыль использовался в официальных документах, литературных произведениях (например, «Песни о драконе, взлетевшем к небу» – 용비어천가), а также для записи народных песен и пословиц.

В период династии Чосон Хангыль существовал параллельно с ханча, но постепенно набирал популярность среди простого народа, женщин и в бытовой переписке.

Хангыль в XX веке: От забытия к триумфу

XIX и начало XX века стали для Хангыля периодом испытаний.

Период японского колониального правления (1910–1945): Японские власти пытались внедрить японский язык и письменность, но одновременно с этим, парадоксальным образом, способствовали развитию корейской филологии и стандартизации Хангыля. Были предприняты усилия по созданию единой системы правописания.

После освобождения (1945 г.): Хангыль стал мощным символом национальной независимости и идентичности. В Республике Корея и КНДР были предприняты усилия по полной ликвидации грамотности и продвижению Хангыля как основной и единственной письменности.

В Республике Корея были проведены реформы, направленные на стандартизацию правописания, унификацию названий букв и правил их соединения в слоговые блоки. Была установлена современная система фонетических соответствий, максимально приближенная к произношению.

Современный Хангыль

Сегодня Хангыль – это полнофункциональная, научная письменность, используемая повсеместно в Республике Корея и КНДР.

Образование: Все дети изучают Хангыль с первого класса школы.

Наука и литература: Хангыль используется для написания научных трактатов, художественной литературы, публицистики.

Цифровизация: Удобная клавиатура и фонетический принцип сделали Хангыль идеальным для использования в компьютерах и мобильных устройствах.

Глобальное признание: ЮНЕСКО признала Хангыль выдающимся достижением человечества и учредила премию имени короля Седжона за заслуги в области борьбы с неграмотностью.

История Хангыля – это история борьбы за доступ к знаниям, за национальное самоопределение и за языковое разнообразие. От замысла короля Седжона, основанного на глубоком понимании лингвистических и социальных потребностей, до статуса всемирно признанного алфавита – Хангыль демонстрирует, как грамотно созданная письменность может стать мощным инструментом развития общества. Простота, логичность и красота Хангыля продолжают вдохновлять и служить моделью для других языков, стремящихся к полной письменной самодостаточности.

Литература

1. *Ким Сон Ён.* История корейского письма. – Сеул: Кёньхи, 2010. – 67 с.

2. *Ким Чхан Су.* Принципы создания Хангыля. // Вестник Сеульского университета. – 1998. – 56 с.

3. *Седжон Великий.* Хунмин Чоным. (Перевод и комментарии). – М.: Восточная литература, 2005. – 127 с.

4. *Sohn, Ho-Min.* Korean Language in Culture and Society. – University of Hawaii Press, 2006. – 32 с.

© Алюкова Э.Р., 2026

УДК 811.411.21

Амиров А.Р.
магистрант УУНиТ
Абдулина Г.Р.,
д-р филол. наук., профессор УУНиТ
г. Уфа, Россия

ИСТОЧНИКИ РЕЛИГИОЗНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ АРАБСКОГО ЯЗЫКА

Религиозная терминология арабского языка представляет собой особый лексический пласт, сформировавшийся в результате длительного исторического и культурного развития арабского общества. Эта группа слов служит для обозначения религиозных понятий, элементов культовой практики, норм духовной и нравственной жизни мусульманской общины. В отличие от многих других терминологических систем, религиозная лексика арабского языка характеризуется высокой степенью устойчивости и семантической насыщенности: её единицы нередко соединяют понятийное, этическое и богословское содержание.

Особенность данного лексического слоя заключается в том, что он формировался одновременно с развитием исламской религиозной традиции. Многие слова, используемые для обозначения ключевых категорий вероучения, первоначально существовали в арабском языке в более широком или бытовом значении, однако в религиозном контексте получили новое, строго определённое содержание. Формирование религиозной терминологии связано не только с появлением новых слов, но и с переосмыслением уже существовавших лексических единиц [1, с. 18].

Историческое становление религиозной терминологии происходило под воздействием нескольких ключевых источников. Наиболее значимыми среди них являются Коран, Сунна пророка Мухаммада, а также богословская и правовая литература исламской традиции.

В исламской традиции Коран рассматривается как божественное откровение, переданное пророку Мухаммаду на «ясном арабском языке». Это обстоятельство придало арабскому языку особый сакральный статус. Он стал восприниматься не только как средство общения, но и как язык передачи религиозной истины. В результате коранический текст превратился в нормативный источник не только религиозных идей, но и языковых норм, оказав значительное влияние на развитие грамматики, лексики и стилистики арабского литературного языка [2, с. 59].

Именно в Коране закрепляются многие ключевые понятия исламского мировоззрения. Часть из них представляет собой новые лексические единицы, тогда как другие являются переосмыслением уже существовавших слов. Например, слово дин, которое в доисламской среде могло обозначать обычай или форму общественного обязательства, в кораническом контексте приобретает значение религии как системы божественного закона. Подобным образом термин умма, ранее обозначавший родовую или племенную общность, начинает использоваться для обозначения единой религиозной общины мусульман.

Коранический текст также закрепляет фундаментальные категории исламского вероучения. Центральным понятием становится таухид – учение о единстве Бога, противопоставленное многобожию, которое обозначается термином ширк. Важную роль играют и другие категории, такие как иман (вера), ислам (покорность Богу) и куфр (неверие). Эти понятия формируют основу религиозной концептуальной системы и становятся важнейшими элементами исламского богословского языка [3, с. 27].

Значительная часть религиозной терминологии связана также с описанием религиозной практики. В кораническом тексте закрепляются названия основных форм поклонения, которые позднее получили название «столпов ислама». К ним относятся салят – ритуальная молитва, закят – обязательное пожертвование в пользу нуждающихся, саум – пост в месяц Рамадан и хадж – паломничество в Мекку. Хотя детальная регламентация этих обрядов была разработана позднее в исламской правовой традиции, сами термины и их религиозное значение закрепляются именно в Коране.

Наряду с этим коранический текст формирует систему нравственно-правовых понятий, предназначенных для оценки человеческих поступков. В этой системе центральное место занимают категории халяль (дозволенное) и харам (запрещённое), которые впоследствии становятся основой исламской правовой этики. Дополняют их понятия ма‘руф – общественно одобряемое действие – и мункар, обозначающее поступок, подлежащий осуждению.

Влияние Корана на развитие религиозной лексики проявляется не только во введении новых понятий, но и в формировании особого стиля религиозного дискурса. Для коранического текста характерны риторическая выразительность, использование рифмованной прозы, повторений и образных метафор. Эти особенности облегчали устную передачу текста и способствовали распространению закреплённой в нём терминологии в арабском языковом сознании.

Вторым важнейшим источником формирования религиозной терминологии арабского языка стала Сунна пророка Мухаммада, представленная в корпусе хадисов. В исламской традиции хадисы рассматриваются как сообщения о словах, действиях и одобрениях пророка, переданные его сподвижниками и последующими поколениями мусульманских ученых.

Если коранический текст содержит основные религиозные положения, то хадисы раскрывают их практическое применение. Благодаря этому многие религиозные предписания получают более подробное толкование и конкретизацию [4, с. 89].

В Коране предписание совершать молитву сформулировано в общей форме. Однако порядок выполнения молитвы, её структура и последовательность действий подробно описываются именно в хадисах. В результате в религиозной лексике закрепляются специальные термины, обозначающие отдельные элементы молитвенного ритуала. Среди них можно назвать такбир – произнесение формулы возвеличивания Бога, руку‘ – поясной поклон, и суджуд – земной поклон.

Хадисы также сыграли важную роль в развитии терминологии, связанной с ритуальной чистотой. В исламской традиции состояние человека перед совершением религиозных обрядов имеет важное значение, поэтому в хадисной литературе подробно описываются различные формы ритуального очищения. В этой связи получают распространение такие термины, как хадатс – состояние малого ритуального осквернения, джанаба – состояние большого осквернения, а также вуду (частичное омовение) и гусль (полное омовение).

Существенный вклад хадисов внесён и в развитие правовой терминологии. Например, в хадисной традиции подробно рассматривается понятие риба – ростовщичество, запрещённое исламским правом. В ходе богословских и правовых исследований были выделены различные формы подобных сделок, что привело к формированию специализированного правового словаря.

Кроме того, хадисы способствовали уточнению терминологии, связанной с благотворительной деятельностью. В Коране упоминается обязанность выплаты закята, однако именно хадисы уточняют правила его расчёта и распределения. В то же время термин садака, который в коранической тексте имеет более общее значение милостыни, в хадисной традиции закрепляется как обозначение добровольного пожертвования.

Следующий этап развития религиозной терминологии связан с формированием богословских наук в VIII-XIII веках. В этот период исламская интеллектуальная традиция переживает интенсивное развитие, сопровождавшееся систематизацией религиозных знаний и созданием специализированных научных дисциплин [5, с. 21].

Одной из таких дисциплин стало хадисоведение, целью которого была проверка достоверности сообщений о пророке Мухаммаде. В рамках этой науки сформировалась особая терминология. Центральными понятиями стали иснад – цепочка передатчиков хадиса – и матн – текст самого сообщения. На основе анализа этих элементов была разработана система классификации хадисов по степени их достоверности, включающая категории сахих, хасан и да‘иф.

Другой важной областью формирования религиозной терминологии стала исламская теология – калам. В рамках этой дисциплины разрабатывались понятия, предназначенные для рационального обсуждения религиозных догматов. Так, для обозначения божественных качеств используется термин сифат, а для обозначения сущности Бога – зат. В дискуссиях о свободе человеческой воли и предопределении сформировались такие категории, как джабр и кадар [7, с. 46].

Значительное влияние на развитие религиозной терминологии оказала и исламская юриспруденция – фикх. В рамках этой дисциплины была создана система правовых категорий, классифицирующих действия человека по степени их религиозной обязательности. К основным категориям относятся фард – строго обязательное действие, мандуб – желательное, мубах – допустимое, макрух – нежелательное и харам – запрещённое.

Суфизм – мистическое направление исламской духовности – также внес заметный вклад в развитие религиозной лексики. Он развил особую терминологию для описания внутреннего духовного пути и состояния верующих. Здесь появляются такие ключевые понятия, как тарика (мистический путь), зикр (поминание Бога), фана (исчезновение, растворение личности в Божественном) и бака (вечное пребывание с Богом). Эти термины, выражающие тонкие духовные и психологические состояния, значительно расширили и углубили семантическое поле арабской

религиозной терминологии, добавив к нормативному и правовому дискурсу язык внутреннего духовного опыта [6, с. 300].

Таким образом, религиозная терминология арабского языка формировалась последовательно и комплексно из нескольких взаимосвязанных источников: Коран заложил фундамент, закрепив ключевые концепты веры и практики; Сунна (хадисы) конкретизировала и расширила эти понятия, детализируя ритуальную и правовую лексику; а позднее развившиеся богословские и правовые науки (калам, фикх, хадисоведение) и мистическая традиция (суфизм) систематизировали и специализировали терминологию, создав полноценный и многоуровневый язык для выражения всех аспектов исламской религиозной мысли и практики.

Литература:

1. Алиев Т. Р. Исламская терминология: историко-лингвистический аспект. – М.: Наука, 2021. – 256 с.

2. Аль Джанаби М. М. Религиозная лексика в арабском языке: семантико-стилистический анализ // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. – 2021. – №2. – С. 58-72.

3. Гаджиалиева М. Г., Омаров А. А. Лексикология арабского языка: учебное пособие. – Махачкала: ДГУ, 2020. – 114 с.

4. Ибрагимов Т. К. Генезис ключевых понятий исламского вероучения в кораническом тексте // Исламоведческие исследования. – 2022. – Т. 15, №4. – С. 88-105.

5. Кулиев Э. Р. Смысловой перевод Священного Корана на русский язык. – Медина (КСА), 2004. – 1071 с.

6. Семенов М. И. Арабский язык как феномен религиозной культуры: от доисламской поэзии к Корану // Научный диалог. – 2021. – №12. – С. 287-303.

7. Хамдани А. С. Религиозная терминология в арабском языке: этимология и семантика. – Бейрут: Дар аль-Кутуб аль-Илмийя, 2015. – 280 с.

© Амиров А.Р., Абдуллина Г.Р., 2026

УДК 070'1

Амирова О.М.,
магистрант УУНиТ
Научный руководитель – ***Бахтиярова А.Н.,***
канд. филол. наук, доцент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

Республика Корея, как и другие государства в сфере современной журналистики сталкивается с рядом актуальных проблем.

В данной научной статье рассмотрим более подробно каждую из этих проблем и определим их влияние и масштабы.

Начнём с политического давления и цензуры в современной журналистики Кореи. Со стороны правительства Южной Кореи есть частые ограничения в сторону журналистов. В первую очередь, это цензура. Правительство Кореи ведёт контроль над новостями, связанными с протестами против власти, а также над новостями, связанными с коррупциями в правительстве. Публиковать такие новости для журналистов довольно рискованно. Они могут лишиться работы или за критику власти могут столкнуться с юридическими последствиями.

Также, бывали, случаи давления со стороны правительства. Материалы, способные вызвать у властей недовольство, под давлением удалялись или изменялись. На свободе слова это отражается не положительно, так как создаётся атмосфера страха.

Что же касается Северной Кореи, то там осуществляется полный контроль. У партий Северной Кореи своя идеология, которой должны соответствовать все материалы. Репрессиям и преследованию подвергаются независимые журналисты.

Также освещение событий журналистами может быть необъективным, так как у них к внешним источникам нет доступа.

Далее рассмотрим этические проблемы, такие как фальшивые новости и конфликт интересов (коммерциализация СМИ). В первом случае, это мгновенное распространение в социальных сетях,

рост которых с каждым годом увеличивается, не проверенной информации. Также, чтобы привлечь внимание аудитории, журналисты могут создавать провокационные материалы, что оказывает влияние на качество информации, а точнее снижает её. Следствием этого может быть сомнение аудитории к достоверности информации, то есть приводит к недоверию к СМИ.

Во втором случае, владельцы СМИ в определённых темах имеют коммерческие интересы, поэтому могут оказывать влияние на журналистов. Это может привести к тому, что журналисты ради коммерческой выгоды будут игнорировать важные проблем.

Следующей проблемой является социальное разделение. В Южной Корее население разнообразное с различными социальными и политическими взглядами. Поэтому чтобы не потерять часть аудитории, в своих формулировках и в выборе слов, журналисты должны быть осторожными. Использование медиа в политических целях и условия для манипуляций исходит от разделения общества.

Значительное влияние на медиа оказывает и молодёжная аудитория, которая предпочитает короткие и визуальные форматы. Так как журналисты берут во внимание предпочтения молодёжи и стараются адаптироваться под них, это может приводить к некачественному анализу информацию. Углублённо краткий формат сложные проблемы рассмотреть не может позволить.

Технологические изменения, также являются актуальной проблемой. Способы передачи информации меняются, так как происходит переход к цифровым платформам. Журналистам требуются новые навыки, потому что они должны адаптироваться к коротким видеороликам, подкастам и другим форматам. Это оказывает на журналистов дополнительное давление, потому что аудитория ожидает мгновенной информации.

В современном мире для корейцев, как и для других, основным источником новостей стали социальные сети. Через различные платформы, могут распространяться фальшивые новости и слухи. Также аудитория получать новости предпочитает напрямую от источников, поэтому к классическим СМИ доверие снижается.

Ещё одной проблемой являются экономические трудности, к которым можно отнести сокращение доходов и конкуренцию. Доходы для СМИ, а именно традиционные доходы истощаются. Традиционные СМИ остаются в затруднительном положении, так как рекламодатели предпочитают цифровые платформы традиционным СМИ. Происходит вынужденное сокращение сотрудников в редакциях, что оказывает влияние на качество журналистики.

Что касается, конкуренции то, увеличивается число независимых блогеров и новых интернет-изданий, что способствует уменьшению аудитории и прибыли. Для того чтобы привлечь аудиторию, в отношении качества материала журналисты могут идти на компромиссы, это может оказать влияние на их репутацию.

Таким образом, актуальные проблемы журналистики в Корее требуют со стороны журналистов, а также общества в целом, активных действий и комплексный подход. Основными факторами в медийной сфере, которые будут играть важную роль в будущем журналистики в стране будут поддержание свободы слова, соблюдение этических норм и способность адаптироваться в медийной среде.

Литература:

1. Джи С.В. Либеральная демократия и роль СМИ [Электронный ресурс] // Передовой фонд Корейского полуострова. 2018 URL: https://www.dbpia.co.kr/journal/articleDetail?nodeId=NODE07504440 (дата обращения: 17.04.2026).

2. Ли Х.Дж. Стратегия направления новых медиа и готовых медиа в эпоху мобильной связи [Электронный ресурс] // Nature Conference. 2016 URL: https://www.dbpia.co.kr/journal/articleDetail?nodeId=NODE07054871 (дата обращения 16.04.2026).

3. Пэ Ч.Г. Влияние крупнейших холдингов на СМИ Республики Корея [Электронный ресурс] // Ежедневная газета журналистов Министерства экономики и промышленности. 2012 URL: https://www.dbpia.co.kr/journal/articleDetail?nodeId=NODE02011302 (дата обращения 17.04.2026).

4. Редакционный отдел журнала «Журналист». Власть и медиа [Электронный ресурс] // Nature Conference. 2017 URL: https://www.dbpia.co.kr/pdf/pdfView.do?nodeId=NODE07247450 (дата обращения 17.04.2026)

5. Чой Е.А., Чой С.Х. Особенности функционирования СМИ Республики Корея (на примере освещения российских новостей) [Электронный ресурс] // Научно-издательский центр Открытое Знание. 2020. URL: https://scipress.ru/philology/articles/osobennosti-funktsionirovaniya-smi-respubliki-koreya-na-primere-osveshheniya-rossijskikh-novostej.html (дата обращения 18.04.2026)

6. 부길만. 한국 출판 역사, 커뮤니케이션 북스, 2013. – 98 p. [Бу Гил Ман. История издательского дела в Корее / Бу Гил Ман. – Сеул, 2013. – 98 с.].
7. 정진석. 한국 근대 언론의 재조명, 민음사, 1996, – 294 p. [Джон Джин Сок. Пересмотр современных корейских СМИ / Джон Джин Сок. – Сеул, 1996. – 294 с.].
8. 김민환. 한국 언론사, 사회 비평사, 1996. – 643 p. [Ким Мин Хван. История корейской прессы / Ким Мин Хван. – Сеул, 1996. – 643 с.].
9. 강준만. 한국 대중매체사, 인물과 사상사, 2007. – 736 p. [Кан Джун Ман. История корейских СМИ / Кан Джун Ман. – Сеул, 2007. – 736 с.].
10. 강식진. 최세진의 번역 활동 // 새국어생활. 1999. – № 9 (3). – P. 31–54. [Кан Сик Джин. Переводческая деятельность Седжин Цой / Кан Сик Джин // Новая жизнь корейского языка. – 1999. – № 9 (3). – С. 31–54].
11. 리용필. 『조선신문 100년사』, 나남, 1993. – 510 p. [Ли Ён Пил. Столетняя история газет Чосон (Северной Кореи) / Ли Ён Пил. – Пхаджу, 1993. – 510 с.].
12. 유선영, 박용규, 이상길. 한국의 미디어 사회문화사, 한국언론재단, 2007. – 562 p. [Ю Сон Ён. Социальная и культурная история Корейских СМИ / Ю Сон Ён, Пак Ён Кю, Ли Сангиль. – Сеул: Фонд корейской прессы, 2007. – 561 с.].
13. 유재천. 한국 언론과 이데올로기, 문학과 지성사, 1990. – 452 p. [Ю Джэ Чхон. Корейские СМИ и идеология / Ю Джэ Чхон. – Сеул, 1990. – 452 с.].
14. 김민남. 새로 쓰는 한국 언론사, 아침, 2001. – 515 p. [Ким Мин Нам. Новый взгляд на историю корейских СМИ / Ким Мин Нам. – Сеул, 2001. – 515 с.].
15. 정진석. 한국 신문 역사, 커뮤니케이션북스, 2013. – 144 p. [Джон Джин Сок. История корейских газет / Джон Джин Сок. – Сеул, 2013. – 113 с.].
16. 이명천. 광고학개론, 커뮤니케이션북스, 2010. – 475 p. [Ли Мён Чхон. Реклама введение / Ли Мён Чхон, Ким Ё Хан. – Сеул, 2010. – 475 с.].

© Амирова О.М., 2026

УДК 81

Annamyradova Novcha,
Lecturer of the department Romano-Germanic languages and literature with methods of their teaching of Seyitnazar Seydi Turkmen State Pedagogical Institute, City Turkmenabat, Turkmenistan

WAYS OF INCREASING READING SKILL IN ENGLISH

Reading is the most important single skill in study: in the Humanities perhaps 90 per cent of private study time is taken up in reading. It is known that there are big differences between individuals in their rates of reading and comprehension. Clearly if you can speed up your rate of reading you will save much time. Books and articles, of course, differ in difficulty and in clarity of presentation. Rate of reading depends on the difficulty of the material and on the purpose of reading. We can distinguish:

- Reading to master information, usually necessarily careful, slow and repeated;
- Exploratory reading, as in skimming through a book in order to get a general view of it;
- Revision reading, as in reading rapidly through a book with which you are already familiar, in order to confirm knowledge;
- Reading in order to search for specific information or to answer a specific question;
- Critical reading, as in reading a book for review;
- Reading for enjoyment, as a novel;
- Proof-reading, when meticulous attention is paid to spelling, punctuation and sentence structure.

A good reader will vary his rate of reading according to his purpose. A novel may be read very quickly, perhaps at 750 words per minute or more, if the reader has no intent to remember, but merely wants to know the fate of the hero or heroine. A single paragraph or diagram in a textbook, on the other hand, may have to be read through very slowly four or five times before it is fully comprehended [2, p. 35].

Teacher can use different ways for increasing students' reading skill such as:

- Using more text passages;
- Doing vocabulary activities during lesson;

- Reading poems fluently.

As for example, we can choose the poem "*With the Stones"* by Magtymguly in order to read fluently:

My heart will say, "I'd like to go far from people,
To walk in the mountains and stones."
Recalling all my sins and wrongdoings,
I'd like to wash my face with my tears.
I see that everybody is engaged in something.
My heart is preoccupied with sorrow,
I'd like to sit in a remote corner,
Under the trees with my head full of thoughts [3, p. 56].

Another activity for improving reading skill: Read the following four paragraphs and see if you can get a sense of the general meaning by only reading the information words that are featured.

1. Some advertisements _____ undesirable effects _____. One form _____ advertising suggests _____ buying _____ brings happiness. _____ more _____ happier _____ feel. Parents in particular _____ under pressure _____ this form _____. Advertisements _____ expensive toys _____ imply _____ greater pleasure than lower priced _____.

2. _____example _____ children ___happier _____ video game than _____ _____ Scrabble. _____ _____ not true. _____ opposite _____ more likely. Advertisements _____ make _____ people _____ more discontented.

3. Another form _____ undesirable advertising _____ associates _____ products _____ success. _____ example _____ washing powder _____ linked _____ promotion ____ work, or _____ toothpaste.

4. _____ success _____ attracting _____ boyfriend ___ girlfriend. _____ effect _____ these advertisements _____ encourage _____ false idea _____ success. Genuine success _____ earned _____ effort: _____ not _____ money.

"Fluency is the ability to read a text accurately and quickly. It is important because it frees students to understand what they read". 44% of fourth graders were not fluently reading grade level stories even though the stories were read twice silently before reading the material aloud for testing. Teachers can help develop reading fluency by modeling fluent reading for their students. Having students practice repeated oral reading is another way to improve fluency. As students improve their reading fluency, they also start creating mental images of what they read, which helps in the understanding of the text [1, p. 12].

"Vocabulary refers to the words that we must know to communicate effectively". Vocabulary can be learned indirectly through daily communication, listening to adults read to them, and reading on their own. Students from a lower socioeconomic class have a significantly smaller vocabulary to draw from when reading due to a lack of indirect vocabulary instruction, which negatively impacts reading comprehension. Vocabulary can also be learned through direct instruction. Directly teaching vocabulary words in context and word-learning strategies improves both vocabulary and reading comprehension.

Reading in the native language is not that much difficult as it is in different languages that people learn. They think reading means to start with the initial part, going word by word, and discontinuing or giving a break to look up the dictionary for every unknown terminology, until the end of topic. While doing this, people are relying entirely on their linguistic awareness, a bottom-up strategy, where the word meanings are understood first and then the mind search the core idea of content. The most important strategies for better reading are that instead of using bottom up approach individuals may use top-down approach as they do in their native language, i.e. to firstly get an overall idea of the content and then start reading by predicting and scanning [1, p. 23].

As reading is also an important element of knowledge-based community, higher education institution should assist in prospering this art of reading. The importance of reading in a nation's development cannot be overlooked and, in this journey, to build this ecosystem, the institution has a real long way to go.

Literature:

1. Brigitte A. McKown, B.S. Cynthia L. Barnett, B.S. Improving reading comprehension through higher-order thinking skills. Chicago, Illinois, May, 2007.
2. Maddox H. How to Study. L, 1967.
3. Meredova Z. Magtymguly. Poems from Turkmenistan. Asian Cultural History Program, 2014.

© Annamyradova N., 2026

УДК 81´44

Аралбаева Э.Ф.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Исянгулова Г.А.***
д-р филол.наук, профессор УУНиТ
г. Уфа, Россия

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ (НА ПРИМЕРЕ БАШКИРСКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Введение

Сравнительно-сопоставительное (контрастивное) языкознание занимает важное место в современной лингвистике, позволяя выявить типологические характеристики языков независимо от их генетического родства. В центре внимания данной работы находятся два языка, представляющие собой принципиально различные типологические системы: башкирский язык, относящийся к кыпчакской ветви тюркских языков, и китайский язык (путунхуа), входящий в сино-тибетскую языковую семью.

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами. В последние десятилетия наблюдается значительный рост интереса к китайскому языку в Республике Башкортостан в связи с развитием экономических и культурных связей между Россией и Китаем. Одновременно с этим в Китае растет интерес к изучению тюркских языков, включая башкирский. Отсутствие комплексных контрастивных работ по данной языковой паре создает трудности как в теоретическом понимании механизмов взаимодействия разноструктурных языков, так и в практике преподавания.

Башкирский язык является агглютинативным синтетическим языком. Грамматические значения в нем выражаются путем последовательного присоединения к неизменяемой основе однозначных аффиксов. Характерными чертами башкирского языка являются закон сингармонизма (уподобление гласных в аффиксах гласным корня), фиксированное ударение на последнем слоге, развитая система падежного склонения (шесть падежей) и богатая парадигма глагольного словоизменения [1: 45].

Китайский язык представляет собой изолирующий (аналитический) тип. Для него характерны отсутствие словоизменения, тональная фонология (четыре основных тона и нейтральный тон), строгий порядок слов SVO (субъект – сказуемое – объект) и наличие разветвленной системы нумеративных классификаторов – счетных слов, грамматически обязательных при сочетании числительных с существительными.

Целью данной работы является комплексное сопоставительное исследование фонетико-фонологической, морфологической, синтаксической и лексико-семантической систем башкирского и китайского языков. Для достижения этой цели решаются следующие задачи: анализ фонетических систем с акцентом на тональность китайского языка и сингармонизм башкирского; сопоставительный анализ морфологического строя; исследование синтаксических структур, в особенности порядка слов; анализ лексико-семантических систем, включая проблему классификаторов и безэквивалентной лексики.

Теоретической базой работы послужили труды отечественных и зарубежных лингвистов. В работе используются методы типологической классификации, контрастивного описания, компонентного и сопоставительного анализа.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования полученных результатов в практике преподавания китайского языка в башкирской аудитории и башкирского языка в китайской аудитории, при создании учебных пособий и разработке теоретических курсов по контрастивной лингвистике.

Фонетико-фонологическая система

Фонетические системы башкирского и китайского языков обнаруживают минимальное сходство, что создает наибольшие трудности для обучающихся. В башкирском языке насчитывается 9 гласных фонем, которые подразделяются на гласные переднего и заднего ряда, что является основой для закона сингармонизма. Консонантизм башкирского языка включает фарингальные звуки Ғ (звонкий фарингальный спирант) и Ҡ (глухой увулярный взрывной), отсутствующие в китайском языке.

Ключевое различие – наличие тонов. В башкирском языке тон не имеет смыслоразличительной функции; интонация служит лишь для выражения коммуникативного типа предложения. В китайском языке каждый слог обладает тоном, и изменение тона меняет лексическое значение: má (конопля), mǎ (лошадь), mà (ругать). Для носителя башкирского языка, привыкшего к тому, что высотные характеристики голоса служат для различения типов высказывания, но не слов, усвоение тональной системы представляет собой одну из наиболее сложных задач.

Слоговая структура также различается. Башкирский язык допускает разнообразные типы слогов: открытые (CV), закрытые (CVC, VC). Китайский язык тяготеет к открытому слогу либо к слогам, заканчивающимся на носовые сонанты (-n, -ng). Стечения согласных в начале слова в китайском языке невозможны, в то время как в башкирском языке встречаются кластеры, хотя и ограниченные [10: 90].

Морфологическая структура

Морфология является зоной максимального типологического расхождения между башкирским и китайским языками. Башкирский язык демонстрирует все черты агглютинативного строя: грамматические значения выражаются путем присоединения однозначных аффиксов к неизменяемой основе [5: 78]. Имена существительные изменяются по падежам (именительный, родительный, дательно-направительный, винительный, местно-временной, исходный) и числам. Аффиксы присоединяются в строгом порядке: основа – число – падеж – притяжательность. Например: ҡалаларҙа (в городах) = ҡала (город) + -лар (мн.ч.) + -ҙа (местн.п.).

Китайский язык полностью лишен падежных окончаний. Отношения между словами выражаются аналитически: принадлежность передается частицей de (的); место выражается послелогами (zai – в, на). Количество выражается либо числительным, либо суффиксом -men (们), который используется ограниченно (только для одушевленных существительных и не сочетается с числительными) [8: 205].

Башкирский глагол обладает богатой парадигмой словоизменения: лицо, число, время (прошедшее, настоящее, будущее с множеством оттенков), наклонение (изъявительное, повелительное, желательное, условное, сослагательное), залог (основной, возвратный, страдательный, взаимно-совместный, понудительный). Китайский глагол не изменяется по лицам и числам. Грамматические значения времени и аспекта передаются служебными частицами: le (了) – завершенность действия; zhe (着) – длительность процесса; guo (过) – опыт совершения действия. Модальность выражается модальными глаголами (neng – мочь, yao – хотеть) [4: 120].

Особого внимания заслуживает категория изафета в башкирском языке – определительной конструкции, выражающей принадлежность. Притяжательный изафет имеет форму: определяемое + аффикс принадлежности 3-го лица. Например: атайҙың китабы (книга отца), где китабы содержит показатель принадлежности [7: 130]. В китайском языке аналогом является конструкция с de (的), которая ставится между определением и определяемым. Отсутствие согласования по лицу и числу упрощает структуру по сравнению с башкирским изафетом.

Синтаксис

Башкирский язык придерживается порядка слов SOV (субъект – объект – сказуемое): Мин (S) китапты (O) уҡыным (V) – Я книгу прочитал. Китайский язык придерживается порядка SVO (субъект – сказуемое – объект): Во (S) ду (V) шу (O) – Я читаю книгу. Это фундаментальное различие приводит к перестройке стратегий порождения речи при изучении языка-партнера [6: 95].

В китайском языке важную роль играют топиковые конструкции, где тема выносится в начало предложения независимо от ее синтаксической роли [3: 546]. Это создает определенные параллели с башкирским актуальным членением, где смысловой центр (рема) тяготеет к позиции перед сказуемым, однако формальная структура предложения остается различной [2: 114].

Лексико-семантическая система и проблема заимствований

Одним из самых ярких различий является наличие в китайском языке разветвленной системы нумеративных классификаторов (счетных слов). При счете существительное не может сочетаться с числительным напрямую; обязательно используется классификатор, зависящий от семантического класса предмета: yī zhāng zhǐ (один лист бумаги), yī běn shū (один [том] книга). Классификаторов в китайском языке насчитывается несколько десятков, и их употребление строго регламентировано.

В башкирском языке счетные слова (бөртөк, пар) существуют, но они не обладают грамматической обязательностью. Они используются преимущественно для уточнения или в определенных стилистических контекстах. Это различие приводит к тому, что носители башкирского

языка, изучающие китайский, систематически опускают классификаторы, что является грубой грамматической ошибкой.

Лексические системы башкирского и китайского языков развивались отдельно, и зона прямых лексических соответствий крайне ограничена. В башкирском языке преобладают тюркские корни, а также значительный пласт заимствований из арабского, персидского и русского языков. В китайском языке иероглифическая письменность препятствует прямой фонетической адаптации заимствований; новые понятия передаются, как правило, семантическим калькированием. В современный башкирский язык через русский язык проникают китаизмы, связанные с реалиями китайской культуры, экономики и политики, а в китайский язык – через посредство английского языка – входят термины, которые затем адаптируются в башкирском.

Безэквивалентная лексика представляет особый интерес для сопоставительного исследования. К ней относятся реалии, отсутствующие в культуре языка-партнера: башкирские ҡурай (национальный музыкальный инструмент), һабантуй (праздник плуга), китайские фэншуй (учение о гармонизации пространства), гуаньси (система личных связей и отношений).

Заключение

Проведенное сравнительно-сопоставительное исследование башкирского и китайского языков позволяет сформулировать ряд выводов, отражающих фундаментальные типологические различия между этими языками. Подтверждается исходная гипотеза о том, что башкирский и китайский языки являются яркими представителями разноструктурных типов. Башкирский язык демонстрирует все ключевые характеристики агглютинативного синтетизма: развитая аффиксальная морфология с последовательным присоединением показателей числа, падежа и принадлежности; богатая парадигма глагольного словоизменения; закон сингармонизма; порядок слов SOV. Китайский язык выступает как эталонный изолирующий язык: отсутствие словоизменения, тональная фонология, аналитическое выражение грамматических значений служебными словами, порядок слов, система нумеративных классификаторов. На фонетико-фонологическом уровне ключевым различием является наличие в китайском языке слоговых тонов, выполняющих смыслоразличительную функцию, что не свойственно фонологической системе башкирского языка. В консонантизме башкирского языка присутствуют фарингальные звуки, отсутствующие в китайском, а в китайском языке фонологической является оппозиция придыхательных и непридыхательных согласных. В морфологической сфере зоной максимального расхождения выступает категория падежа: башкирский язык располагает разветвленной системой из шести падежей, тогда как китайский язык полностью лишен падежного словоизменения. Аналогичным образом глагольные системы демонстрируют принципиально различное устройство: башкирский глагол обладает сложной словоизменительной парадигмой, китайский глагол неизменяем. Вместе с тем исследование выявило и отдельные типологические сходства, которые могут рассматриваться как точки опоры при изучении данных языков. К ним относятся отсутствие категории грамматического рода в обоих языках; наличие средств выражения эвиденциальности (в башкирском – определенные глагольные формы, в китайском – частица de для передачи чужой информации); общая тенденция к использованию послелогов. Зонами наибольшей интерференции при изучении китайского языка носителями башкирского языка являются: фонетическая интерференция, связанная с освоением тональной системы; морфологическая интерференция, выражающаяся в необходимости отказаться от аффиксального словоизменения; синтаксическая интерференция, требующая перестройки порядка слов с SOV на SVO; лексико-грамматическая интерференция, связанная с освоением системы классификаторов [9: 316].

Полученные результаты могут быть использованы в практике преподавания китайского языка в башкирской аудитории и башкирского языка в китайской аудитории, при создании учебных пособий, а также при разработке теоретических курсов по контрастивной лингвистике и типологии.

Литература:

1. Абдуллина Г. Р. Формообразование башкирского языка. – Уфа: Гилем, 2008. – 236 с.

2. Абдуллина Г. Р., Абдуллина Л. Б., Ахмадуллина И. Р. Структурные особенности образования экономической лексики в башкирском и китайском языках // Вопросы филологии. – 2019. – № 4. – С. 112–118.

3. Ахмадуллина И. Р. Порядок слов в предложении: башкирский vs китайский // Вестник Башкирского университета. – 2020. – Т. 25, № 3. – С. 543–548. [3: 546]

4. Горелов В. И. Теоретическая грамматика китайского языка. – М.: Просвещение, 1989. – 320 с. [4: 120]
5. Гринев-Гриневич С. В. Терминоведение: учебное пособие для студентов высших заведений – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 304 с.
6. Даниленко В. П. Русская терминология: опыт лингвистического описания. – М.: Наука, 1977. – 246 с.
7. Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 276 с.
8. Задоенко Т. П., Хуан Шуин. Основы китайского языка: начальный курс. – М.: Восточная литература, 1993. – 400 с.
9. Искужина Ф. С. Текстообразующая роль порядка слов в предложении // Язык и культура: проблемы соотношения и взаимодействия в полиэтническом пространстве: материалы Всероссийской научно-практической конференции В2 ч Ч 1. – Уфа, 2015. – С. 314–318.
10. Кидрасова З. Х. Фонетические особенности башкирского и китайского языков: сопоставительный анализ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – № 5. – С. 88–92.

© Аралбаева Э.Ф., 2026

УДК 81’42

Ардаширова В.И.,
студент УУНиТ
Научные руководители – ***Исянгулова Г.А.,***
д-р филол.наук, профессор УУНиТ,
Ахмадуллина И.Р.,
канд. филол. наук, ст.преподаватель УУНиТ
г. Уфа, Россия

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СИСТЕМ ТЕРМИНОВ РОДСТВА В БАШКИРСКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Введение: Системы терминов родства являются ценным источником информации для лингвистики, антропологии, социологии и культурологии. Они не только описывают семейные структуры, но и отражают культурные, социальные и исторические процессы. Изучение этих терминов помогает глубже понять национальный менталитет, ценности и мировоззрение. Цель данной работы – провести лингвокультурологический анализ систем родства в башкирском и китайском языках. Выбор этих языков, принадлежащих к разным языковым семьям (тюркской и сино-тибетской), позволяет выявить как универсальные, так и уникальные особенности организации родственных отношений и их языкового воплощения под влиянием культурных факторов.

1. Теоретические основы лингвокультурологического анализа терминов родства: Лингвокультурология изучает язык как неотъемлемую часть культуры и средство ее выражения. Применительно к терминам родства, этот подход фокусируется на таких аспектах как:

- Значение: Анализ смыслового наполнения терминов, их прямых и косвенных значений, а также контекста употребления.
- Структура: Изучение принципов классификации родственных связей в языке (например, по линии предков/потомков, прямой/боковой, кровное/брачное родство).
- Культурная обусловленность: Выявление отражения в терминологии социальных норм (например, уважение к старшим), этических ценностей (забота о младших), представлений о браке и семье, а также исторических традиций.
- Сравнительный анализ: Сопоставление систем родства разных языков для определения общих закономерностей и культурной специфики.

2. Система терминов родства в башкирском языке: Башкирский язык, относящийся к кыпчакской группе тюркских языков, имеет богатую систему терминов родства, отражающую патриархальный уклад традиционного башкирского общества.

2.1. Основные категории терминов родства

Термины родства в башкирском языке можно условно разделить на следующие основные категории:

- **Термины, обозначающие прямых кровных родственников:**

- атай (отец), әсәй (мать)
- ул (сын), ҡыҙ (дочь)
- бабай (дедушка), әбей (бабушка) – часто употреблялись и в отношении родителей родителей, а также как общее обозначение пожилых людей.
- **Термины, обозначающие боковых кровных родственников:**
- аға (старший брат), ҡусты (младший брат)
- һеңле (младшая сестра)
- инәй (тетка по отцу, сестра матери), абзый (дядя по отцу), бабай (дядя по матери) – терминология может варьироваться в зависимости от диалекта и степени родства.
- **Термины, обозначающие родственников по браку (шурины, снохи и т.д.):**
- кейәү (зять, муж дочери/сестры)
- килен (невестка, жена сына)
- ҡәйнеш (шурин, брат жены)
- еңгә (жена брата)
- **Термины, обозначающие предков и потомков:**
- олатай (прадед), обабай (прадед), инәкәй (прабабка)
- ейән (внук/внучка)
- бүлә (правнук/правнучка)

2.2. Особенности башкирской терминологии родства

- **Крепкая система обозначений по старшинству:** Четко различаются старшие и младшие братья (аға – ҡусты), что указывает на важность иерархии в семье.
- **Дифференциация по линии родства:** Существуют термины, специфичные для линии отца (абзый – брат отца) и линии матери (бабай – брат матери), что отражает двойную систему родства.
- **Почтительное отношение к старшим:** Термины бабай и әбей часто используются не только для обозначения кровных родственников, но и как уважительное обращение к пожилым людям.
- **Наличие терминов, отражающих брачные связи:** Например, ҡайнаға (деверь, брат мужа), ҡәйенбикә (золовка, сестра мужа).

3. Система терминов родства в китайском языке

Китайская система терминов родства, будучи одной из наиболее сложных и детальных в мире, основана на глубоких конфуцианских принципах и отражает многовековые традиции китайского общества.

3.1. Основные категории терминов родства

Китайская терминология родства базируется на нескольких основных критериях:

- **Поколение:** Родственники разделяются по поколению относительно говорящего (старше, моложе, ровесники).
- **Линия родства:** Различается родство по мужской линии (отцовская) и по женской линии (материнская).
- **Половая принадлежность:** Для каждого родственника существуют отдельные термины в зависимости от его пола.
- **Старшинство:** Внутри одного поколения различаются старшие и младшие братья, сестры.

3.2. Примеры китайских терминов родства (на примере путунхуа)

- **Родители:**
- fùqīn (父亲) – отец (формально), bàba (爸爸) – папа (разговорное)
- mǔqīn (母亲) – мать (формально), māma (妈妈) – мама (разговорное)
- **Дети:**
- érzi (儿子) – сын
- nǚ'ér (女儿) – дочь
- **Дедушки и бабушки:**
- yéye (爷爷) – дедушка по отцу
- nǎinai (奶奶) – бабушка по отцу
- wàigōng (外公) – дедушка по матери
- wàipó (外婆) – бабушка по матери
- **Братья и сестры:**
- gēge (哥哥) – старший брат
- dìdi (弟弟) – младший брат

- jiějie (姐姐) – старшая сестра
- mèimei (妹妹) – младшая сестра
- **Дяди и тети:**
- shūshu (叔叔) – младший брат отца
- bóbo (伯伯) – старший брат отца
- gūgu (姑姑) – сестра отца
- jiùjiu (舅舅) – брат матери
- pópo (婆婆) – мать мужа (свекровь)
- gōnggong (公公) – отец мужа (свекор)

3.3. Особенности китайской терминологии родства

- **Высокая степень детализации:** Китайская система представляет, возможно, наиболее детализированную систему терминов родства в мире, где каждый родственник имеет свое уникальное обозначение.
- **Строгая дифференциация ролей:** Различаются бабушки и дедушки по линии отца и матери, а также братья и сестры по старшинству.
- **Акцент на отцовской линии:** Традиционно более сильное значение имеет родство по мужской линии.
- **Отражение семейной иерархии:** Терминология тесно связана с понятием сыновней почтительности (xiào 孝) и уважения к старшим.
- **Наличие терминов для дальних родственников:** Система включает обозначения для более отдаленных степеней родства, что подчеркивает важность клановых связей.

4. Сопоставление башкирской и китайской систем терминов родства с точки зрения языка и культуры

Сравнивая башкирскую и китайскую системы обозначения родственных связей, мы обнаруживаем как общие закономерности, продиктованные универсальными принципами устройства семьи, так и значительные расхождения, отражающие уникальный исторический и культурный путь каждого народа.

4.1. Общие черты:

- Разделение по поколениям: В обеих культурах родственные связи группируются в зависимости от принадлежности к разным поколениям (например, родители, дети, внуки).
- Указание на пол: В большинстве случаев названия родственников включают информацию об их поле.
- Влияние патриархата: Обе системы в той или иной мере демонстрируют преобладание мужской линии и главенствующую роль отца в семье.
- Почитание старших: Это проявляется в использовании уважительных форм обращения к старшим членам семьи и в наличии отдельных терминов для обозначения старших братьев и сестер.

4.2. Различия:

- Уровень детализации: Китайская система гораздо более подробна, чем башкирская, и охватывает большее количество степеней родства и различных родственных отношений.
- Разграничение по линиям родства: В китайском языке более отчетливо проводится различие между родственниками по отцовской и материнской линии, и это различие имеет большее значение, чем в башкирском.
- Принцип старшинства в братстве/сестринстве: В башкирском языке терминология для братьев и сестер может быть менее строгой в плане определения старшинства (хотя различия существуют), тогда как в китайском языке старшинство братьев и сестер является ключевым фактором.
- Термины для родственников по браку: Башкирская система обладает более развитым набором терминов для обозначения родственников, приобретенных через брак (например, братья жены, матери жены, матери мужа), что, вероятно, связано с особенностями традиционных брачных обычаев.
- Культурный фон: Башкирская терминология отражает более племенной и родоплеменной уклад жизни, в то время как китайская система глубоко пропитана конфуцианской этикой, подчеркивающей иерархию, семейные обязанности и соблюдение ритуалов.

5. Заключение

Лингвокультурологический анализ систем терминов родства в башкирском и китайском языках показывает тесную взаимосвязь языковых структур с культурными и социальными реалиями. Обе

системы, будучи сложными и многоуровневыми, служат не только для обозначения родственных связей, но и для поддержания социальной структуры, передачи культурных ценностей и формирования идентичности.

Башкирская система терминов родства, с ее акцентом на старшинство и различиями по линиям родства, отражает особенности традиционного башкирского общества. Китайская система, отличающаяся высокой степенью детализации и строгой классификацией, является ярким проявлением глубинных культурных и философских основ конфуцианства, где семья и родственные связи занимают центральное место.

Дальнейшие исследования в этой области могут быть направлены на изучение диалектных вариаций терминов родства, анализ их исторического развития, а также на сопоставление с системами терминов родства других тюркских и сино-тибетских языков.

Литература:

1. Вахитов И. Г. Тюркские системы родства. Казань: Институт языка, литературы и искусства АН РТ, 2003.

2. Гонг Х. Семейные отношения и термины родства в китайской культуре. Москва: Восточная литература, 2010.

3. Иванова Л. И. Культурно-лингвистические особенности систем терминов родства в тюркских и сино-тибетских языках // Вестник МГУ. Серия: Лингвистика, 2015. № 4. С. 112–121.

4. Ким Т. Китайская система родства и её культурное значение // Вопросы культуры, 2008. № 2. С. 45–58.

5. Мухаметов М. Г. Башкирский язык и этнолингвистика: терминология родства. Уфа, 2011.

© Ардаширова В.И., 2026

УДК 811.512.141'

Асфандияров Т. Р.,
студент УУНиТ
Научный руководитель: ***Саньярова Р. Р.,***
канд. филол. наук, доцент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

КОНЦЕПТ «АТАЙ/ОТЕЦ» В БАШКИРСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

С позиций лингвокультурологии концепт «атай/отец» в башкирском языке представляет огромный интерес, так как он аккумулирует в себе фундаментальные этические, социальные и духовные установки этноса. В башкирской языковой картине мира фигура отца является не только биологической, но и сакральной категорией, определяющей преемственность поколений и социальную устойчивость рода. Концепт в данном контексте понимается как многомерное ментальное образование, включающее в себя понятийный, образный и ценностный компоненты, отражающие специфику национального самосознания [2: 40].

Изучение концепта «отец» на материале башкирского языка приобретает особую значимость в условиях современной глобализации, когда традиционные уклады подвергаются значительной трансформации и унификации. Исследование языковой репрезентации образа отца необходимо для сохранения уникального культурного кода нации, зафиксированного в паремиях и фразеологизмах, которые в условиях урбанизации рискуют перейти в разряд пассивного запаса. Понимание того, как народ мыслит категории семьи, мужества и ответственности через призму отцовства, открывает доступ к глубинным слоям ментальности [3: 158].

Научная новизна исследования заключается в комплексном подходе к анализу лексемы «атай» не просто как термина родства, а как культурной доминанты, структурирующей общественные отношения внутри башкирского социума. В отличие от многих других тюркских языков, башкирский концепт «атай» сохраняет тесную связь с древними кочевыми традициями и институтом башкирского рода (ырыу), где отец является не только главой семьи, но и звеном в бесконечной цепи предков.

Методологическая база работы опирается на принципы семантико-когнитивного и лингвокультурологического анализа. В качестве основного материала были привлечены лексикографические источники, фразеологические словари и памятники башкирского фольклора (эпосы «Урал-батыр», «Акбузат»), в которых образ отца часто возводится в ранг демиурга или

хранителя священных знаний [5: 112]. Анализ показывает, что лексема «атай» в башкирском языке имеет глубокие общетюркские корни и семантически связана с понятием защиты и первоначала [1: 45].

Анализ языкового материала позволяет выделить несколько содержательных уровней данного концепта. Первым и наиболее значимым является генеалогический уровень. В башкирской традиции отец выступает главным транслятором знаний о шәжәрә (родословной). Традиция знания семи предков по мужской линии (ете быуын) до сих пор остается важнейшим маркером самоидентификации башкирского мужчины. В языке это отражается через устойчивые сочетания «ата-бабалар» (отцы-деды/предки), где лексема «ата» символизирует корень, источник жизни. Потеря связи с «ата-бабалар» воспринимается языковым сознанием как утрата почвы, что подтверждается пословицей: «Атаһын танымаған – аҙғын, әсәһен танымаған – туҙғын» (Не знающий отца – распутный, не знающий матери – беспутный).

Второй уровень – социально-статусный. В башкирской семье отец традиционно занимает иерархически высшую ступень. Его слово является окончательным в решении хозяйственных и брачных вопросов. Эта доминанта фиксируется в паремиях: «Ата һүҙе – аҡыл һүҙе» (Слово отца – слово мудрости), «Ата ҡарғышы – уҡ, әсә ҡарғышы – боҡ» (Проклятие отца – стрела, проклятие матери – грязь), что подчеркивает фатальность и силу отцовского гнева по сравнению с эмоциональным, но менее «юридически значимым» гневом матери. В этом контексте отец выступает как субъект власти и законности.

Третий уровень – этико-дидактический. В башкирских паремиях отец наделяется ролью главного воспитателя мужских качеств в сыне. Образ отца здесь вербализуется через категории ҡатылыҡ (строгость), тәртип (порядок) и өлгө (пример). Пословица «Атаһына ҡарап улын һына» (По отцу суди о сыне) является ключевой установкой башкирской педагогики. Как отмечает З.Г. Ураксин, фразеологизмы, связанные с образом отца, транслируют идею наследственности не только биологической, но и поведенческой [4: 88]. Сын в башкирском языке часто называется «атаһының дауамы» (продолжение отца), что налагает на ребенка огромную ответственность перед социумом.

Четвертый уровень – сакрально-духовный. В башкирском языке существует уникальное понятие «ата фатихаһы» (благословение отца). Считается, что без него человек не может достичь успеха в жизни, торговле или войне. Устойчивое выражение «Ата фатихаһы – алтын, әсә фатихаһы – яҡын» (Благословение отца – золото, материнское – близко) разграничивает эти понятия: отцовское благословение ценно как драгоценный металл, оно является твердой валютой в мире духовных смыслов. Образ отца в башкирской мифологии также связан с культом гор и неба, что придает концепту космический масштаб.

Интерес представляет также периферия концепта, выраженная через вторичные номинации и метафоры. Например, обращение «атай» может использоваться по отношению к старшему мужчине в роду, к уважаемому человеку или учителю, что говорит о расширении семантического поля концепта до категории «Мудрец/Наставник». В свадебном обряде («туй») фигура отца играет центральную роль в акте передачи дочери в другой род. Фразеологизм «ата йорто» (отчий дом) в языке невесты всегда окрашен ностальгией и сакральностью, являясь местом силы, к которому она всегда может апеллировать.

Сравнительный анализ паремий выявляет также тесную связь концепта «атай» с концептом «ил» (страна, народ). В башкирском сознании «атай» – это микромодель «Ил ағаһы» (старейшины народа). Как отец заботится о семье, так старейшина заботится о благополучии всей общины. Эта параллель подтверждает высокую социальную нагрузку концепта. Оппозиция «атай – бала» (отец – ребенок) в башкирском языке подчеркивает, что статус мужчины полноценно реализуется только через отцовство. Мужчина без детей в народном сознании часто воспринимается как «ҡоро ағас» (сухое дерево), не приносящее плода и не имеющее будущего.

Особое внимание следует уделить лексеме «олатай» (дедушка), которая в башкирском языке буквально переводится как «великий/большой отец». Это указывает на то, что концепт «атай» является базовым кирпичиком для построения всей системы родства и уважения к возрасту. Дедушка – это отец, чей авторитет умножен на время.

Проведенное исследование подтверждает: концепт «атай» в башкирской языковой картине мира является многослойным иерархическим образованием. Его ядро составляют признаки «авторитет», «защита», «мудрость» и «корень» [1: 52]. Несмотря на изменения в современном социальном устройстве, эти признаки остаются устойчивыми в башкирской фразеологии и паремиологии. Даже в современной литературе и СМИ образ отца сохраняет черты сурового, но справедливого защитника, что свидетельствует о жизнеспособности традиционных установок.

Таким образом, лингвокультурологический анализ концепта «атай» позволяет не только реконструировать фрагмент языковой картины мира башкир, но и выявить ценностные доминанты, которые продолжают регулировать поведение личности в обществе. Лексема «атай» служит важнейшим источником для понимания того, как в языке закрепляются идеалы мужественности, ответственности и преданности своему роду и народу. Исследование данной темы имеет большие перспективы в плане сопоставления с концептами других тюркских и славянских языков для выявления универсальных и специфических черт категории отцовства.

Литература:

1. Башҡорт теленең һүҙлеге: Ике томда / Россия Фәндәр Академияһы. Башҡортостан ғилми үҙәге, тарих, тел һәм әҙәбиәт институты. – М.: Рус.яз., 1993. – 561 бит.

2. Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию. Учебное пособие. – М.: Наследие, 1997. – 208 с.

3. Самситова Л.Х. Культурные концепты в башкирской языковой картине мира. – Уфа: БГПУ, 2015. – 456 с.

4. Ураксин З.Г. Башкирская фразеология. – Уфа: Китап, 2006. – 192 с.

5. Хисамитдинова Ф.Г. Мифологический словарь башкирского языка. – М.: Наука, 2010. – 452 с.

© Асфандияров Т.Р., 2026.

УДК 070

Арсеньева В.А.,
студент УУНиТ
Научный руководитель ***– Имангулова А.Р.,***
ассистент УУНиТ
г. Уфа, Россия

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КНИЖНОГО РЫНКА И СМИ В МЕДИАПОЛЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

Взаимоотношения книжного рынка и СМИ представляют собой сложную и динамично развивающуюся систему коммуникаций, в рамках которой медиа выступают не только каналом продвижения книжной продукции, но и значимым фактором формирования читательских предпочтений и культурной повестки. В условиях цифровой трансформации медиасреды и изменения моделей чтения анализ региональных практик взаимодействия этих двух сфер приобретает особую актуальность. СМИ выступают не просто каналом информирования о книжных новинках, но и активным агентом формирования читательского спроса, публичной оценки литературных произведений и, шире, культурной повестки региона.

Республика Башкортостан является одним из лидеров национального книгоиздания в Российской Федерации. Регион демонстрирует устойчивый рост интереса к печатной книге: в 2024 году было реализовано 79,4 тысячи экземпляров книг, что на 6,1% превышает показатели 2023 года [6]. Этот рост происходит на фоне общероссийской тенденции вытеснения традиционной книжной культуры средствами массовой коммуникации, что делает башкирский регион особенно показательным для изучения.

Важным звеном в системе «книжный рынок – медиа» выступает Государственная книжная палата РБ. Как отмечается в научной литературе, в регионе «библиография исключительно важна как форма отображения многовековой памяти народа», а «в республиканских изданиях ей уделяется большое внимание». Статьи о национальной библиографии Башкортостана публикуются в общероссийских научных журналах, что свидетельствует о признании регионального опыта на федеральном уровне [1].

Ведущие республиканские СМИ – ИА «Башинформ», ГТРК «Башкортостан», Издательский дом «Республика Башкортостан» – систематически освещают книжные новинки, публикуют интервью с издателями и писателями, анонсируют книжные события. Так, в программе «Вести.Интервью» на ГТРК «Башкортостан» руководитель Агентства по печати и СМИ подробно рассказывает о стратегии развития книгоиздания в регион.

Важной тенденцией последних лет стало освещение в СМИ успехов издательства «Китап» на маркетплейсах. Информация о росте продаж через электронные площадки в 2,7 раза (с 5,4 тыс. до 14,7 тыс. экземпляров в 2024 году) активно тиражируется республиканскими и федеральными медиа [3]. Это создает позитивный информационный фон вокруг национального книгоиздания и привлекает внимание потенциальных читателей.

«Китап-Байрам» – масштабное мероприятие, которое способствует продвижению башкирской литературы и книг в целом. В рамках ярмарки организуются встречи с авторами, мастер-классы, лекции, конкурсы и другие мероприятия. В 2023 году заместитель руководителя агентства по печати и средствам массовой информации РБ Марат Газизов отмечал, что «Китап-Байрам» – не просто ярмарка, а событие с широкой программой, включающей креативные и смысловые мероприятия. В 2024 году на круглом столе в рамках «Китап-Байрама» обсуждались тенденции книжного рынка, вопросы книгоиздания, книготорговли и работы с библиотеками. В прошлом году на ярмарке реализовали более 1,5 тысяч экземпляров книг [2].

О событиях в сфере книжного рынка, включая «Китап-Байрам», сообщают республиканские СМИ. Например, новости о ярмарке и связанных с ней мероприятиях публиковали издания «Республика Башкортостан», «Молодёжная газета» и другие.

Также в республике реализуются проекты, связанные с переводом литературы. Например, проект «Соседи по огню», организованный Союзом писателей Башкортостана, был направлен на возрождение переводческой школы и расширение границ национальной литературы. В рамках проекта были изданы книги башкирских и татарских авторов в переводах на русский язык.

В Башкортостане проводятся различные мероприятия, связанные с популяризацией литературы, например:

Мустаевские и Акмуллинские чтения – литературно-библиотечные мероприятия.

Конкурсы чтецов – соревнования среди читателей разных возрастов.

Литературные премии – престижные награды имени Хадии Давлетшиной, Шайхзады Бабича, Галимджана Ибрагимова, Зайнаб Биишевой и других классиков.

Издания, ориентированные на широкую аудиторию и бизнес-среду, чаще всего фиксируют рыночные и событийные факты. Новостные агентства («Башинформ») и деловые СМИ («РБК-УФА») обычно первыми публикуют отчеты о продажах, открытии книжных магазинов, изменениях на маркетплейсах. В газетах («Вечерняя Уфа») чаще встречаются анонсы ярмарок и интервью с директорами издательств. «Молодёжная газета» часто смещает фокус с сухих цифр на портреты читателей, молодых авторов или волонтеров книжных фестивалей, что делает новость более живой.

В специализированных журналах авторы предлагают контекст и экспертизу литературного произведения. В изданиях «Бельские просторы» и «Ватандаш» выход новой книги – это повод для литературного обзора, критической статьи, анализа текста и биографии автора, что формирует не рыночную, а культурную ценность продукта. Журнал «Рампа. Культура Башкортостана» фокусируется на связи книги с театром или литературной средой, показывая книжный бизнес через призму творческих процессов. В городском журнале «Собака.ru.Уфа» преимущественно присутствуют репортажи с мероприятий (презентация в ресторане или книжном клубе), делая акцент на атмосфере и статусности чтения.

Региональные телеканалы («БСТ», «Россия 1.Башкортостан», «Россия 24.Башкортостан»), как правило, освещают книжные ярмарки, транслируют интервью с известными писателями и фрагменты с церемоний награждений литературных премий. Хронометраж редко позволяет углубиться в экономику рынка. Сюжеты о национальном книгоиздании часто транслируются в контексте сохранения культурного наследия и государственной поддержки, особенно на канале «Россия-Культура. Башкортостан» (театральные читки, литературные гостиные).

Литература:

1. Бишева, С. Р. Национальная библиография Башкортостана / С. Р. Бишева // Библиография и книговедение. – 2015. – № 1. – С. 47-51.

2. Кадрасёв, Д. На ярмарке «Китап-байрам» в Башкирии рассказали о тенденциях книжного рынка / Д. Кадрасёв. – Текст : электронный // Выбор : газета. – 2024. – 26 мая. https://gazetavibor.ru/news/novosti/2024-05-26/na-yarmarke-kitap-bayram-v-bashkirii-rasskazali-o-tendentsiyah-knizhnogo-rynka-3784416 (дата обращения: 20.04.2026)

3. Книги из Башкирии завоёвывают онлайн-пространство : [о развитии онлайн-торговли книгами, росте продаж через маркетплейсы и роли ярмарки «Китап-байрам»] / Молодёжная газета. –

2025. – 12 мая. https://mgazeta.com/news/novosti/2025-05-12/knigi-iz-bashkirii-zavoyovyvayut-onlayn-prostranstvo-4231659 (дата обращения: 20.04.2026)

4. Книжный рынок России. Состояние, тенденции и перспективы развития. Год 2024 : отраслевой доклад. Вып. 17 / Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. – Москва, 2025. – 98 с.

5. Шакиров, А. В Уфе презентовали серию книг, изданных в рамках проекта «Соседи по огню» / А. Шакиров. – Текст : электронный // Башинформ : информационное агентство. – 2025. – 3 апреля. https://www.bashinform.ru/news/culture/2025-04-03/v-ufe-prezentovali-seriyu-knig-izdannyh-v-ramkah-proekta-sosedi-po-ognyu-4183249 (дата обращения: 20.04.2026)

6. Шакиев В. В Башкирии издают необычные книги / В. Шакиев – Текст : электронный // Электрогазета.рф. – 2025. – 12 мая. https://i-gazeta.com/news/novosti/2025-05-12/v-bashkirii-izdayut-neobychnye-knigi-4231206 (дата обращения: 20.04.2026)

© Арсеньева В.А., 2026

УДК 81'246.3

Ахмадулина А. А.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Исянгулова Г.А.,***
д-р филол. наук, профессор УУНиТ,
г. Уфа, Россия

НЕВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА КОММУНИКАЦИИ В РЕЧЕВОМ ЭТИКЕТЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ БАШКИРСКОЙ, РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУР

В эпоху глобализации и активного межкультурного диалога успешное взаимодействие между представителями разных народов невозможно без учёта невербальных средств коммуникации. Жесты, мимика, позы, дистанция и прикосновения формируют своего рода «скрытый язык» культуры, который её носители усваивают с раннего возраста, но который часто остаётся непонятным для представителей иных лингвокультурных общностей.

В Китае существует обычай, согласно которому некоторые жители при рукопожатии могут протягивать левую руку. После установления контакта, китаец, испытывающий к вам расположение, может удерживать вашу руку в течение некоторого времени. Нередко это сопровождается легким покачиванием руки, похлопыванием сверху другой рукой или даже легким натяжением вниз [5: 17]

Помахивание рукой: Китайцы машут рукой, когда провожают человека в путь, однако это не покачивание руки из стороны в сторону, а движение рукой «вперед».

Жесты пальцами. Большой палец и мизинец вверх. в Китае обозначают цифру «шесть». Покрутить пальцем у виска у китайцев этот жест означает «надо подумать». Сплетённые мизинцы на Востоке этот жест означает хранить тайну. У китайцев не считается некультурным указательный жест пальцем на присутствующего здесь человека. Также в китайской культуре жест, когда человек проводит ладонью по своей шее, символизирует смерть или обезглавливание [6: 79]

При этом стоит отметить, что в Китае используют жест скрещенных рук (поклон), чтобы поздравить своих родных и близких с Новым годом и днем рождения.

Важно отметить, что китайский способ счета на пальцах – это особый жест, при котором тыльная сторона руки направлена к тому, с кем вы разговариваете. Вот как это работает: «один» – это один выпрямленный указательный палец. «Два» – это указательный и средний пальцы вместе. Для «трех» используются средний, безымянный и мизинец. «Четыре» – это все пальцы, кроме большого. «Пять» – это полностью раскрытая ладонь. Чтобы показать «шесть», нужно сжать руку в кулак и вытянуть мизинец и большой палец. «Семь» – это когда большой, указательный и средний пальцы сжаты в кулак. «Восемь» – это очень широко разведенные большой и указательный пальцы. «Девять» – это поднятый и согнутый указательный палец. А «десять» – это соединение указательных пальцев обеих рук [9: 113]

Невербальное общение в русской культуре характеризуется высокой степенью эмоциональной экспрессивности. *Традиционно русская улыбка* отличалась сдержанностью: обычно зубы оставались скрытыми, либо лишь слегка приоткрывался верхний ряд. Однако в последнее время наблюдаются изменения в этой традиции. Улыбка всё чаще используется как формальная демонстрация вежливости. Кроме того, она становится более открытой и широкой, по образцу «голливудской»

улыбки, что указывает на интеграцию русской коммуникативной культуры в глобальное пространство.

В русской культуре держать руки в карманах во время разговора считается проявлением невежливости. В то же время, открытые ладони, обращенные к собеседнику, воспринимаются как знак расположения и готовности к диалогу. Внимательное слушание можно выразить легким кивком или прикрытием глаз. Также стоит учитывать темп движений рук: их чрезмерная активность часто выдает волнение или внутреннее напряжение, что может негативно сказаться на атмосфере общения, делая ее напряженной для всех.

Взгляд играет важную роль в невербальном общении. Продолжительный прямой контакт глазами, превышающий 7-10 секунд, может быть истолкован как проявление скрытности или стремление к доминированию над партнером по диалогу. Нет необходимости постоянно смотреть в глаза собеседнику. Взгляд можно и нужно отводить, давая возможность мыслям «передохнуть». Однако следует избегать суетливых движений глаз, когда взгляд нигде не задерживается. Такое поведение часто ассоциируется с неискренностью и обманом.

В башкирской культуре невербальное общение пронизано глубоким почтением к старшим, выражается в сдержанности эмоциональных проявлений и проявляется в щедрости гостеприимства. Мимика не просто отражает наши эмоции, но и делает их более яркими и интенсивными.

К примеру, радость. Это глубокое чувство удовольствия от чего-то желаемого. Внешне она может проявляться через смех, румянец, подпрыгивания, сжатые в кулаки поднятые руки, жест «большой палец» или повышенную громкость голоса. Радость часто переплетается с благодарностью, удовлетворением, облегчением, благодушием, весельем, счастьем, удивлением и даже благочестием. Она может быть вызвана взаимной любовью, достижением успеха или исполнением мечты [8: 287].

Чтобы выразить гнев, в башкирской культуре используют такие невербальные средства, как сжатие челюстей и губ, изменения в дыхании и речи (затрудненность, сбивчивость). Характерны также ритмичные движения конечностями, топание, угрозы кулаком или агрессивные действия. Плач встречается реже. Гнев может сочетаться с широким спектром других эмоций. Типичной реакцией на гнев является страх у собеседника [8: 84].

Башкирская культура, сохраняя свою тюркскую основу, впитала в себя влияние ислама и многовековое взаимодействие с русской культурой, что привело к формированию уникального культурного сплава. Русская коммуникативная культура отличается формальным и неформальным общением, а также высокой ценностью эмоциональной искренности. Китайская культура, опирающаяся на конфуцианские принципы, характеризуется строгой иерархичностью, приоритетом коллективизма и концепцией «сохранения лица», что оказывает глубокое влияние на все аспекты невербального поведения.

Литература:

1. Акишина, А. А. Жесты и мимика в русской речи: лингвострановедческий словарь / А. А. Акишина, Х. Кано, Т. Е. Акишина. – Москва: Русский язык, 1991.
2. Бороздина, Г. В. Психология делового общения: учебник для вузов / Г. В. Бороздина. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва: ИНФРА-М, 2018. – 320 с.
3. Волкова, Н. В. Невербальная коммуникация в деловом общении: учебное пособие / Н. В. Волкова. – Москва: Флинта: Наука, 2016. – 176 с.
4. Гао, Г. В. Китайский речевой этикет: особенности и традиции / Г. В. Гао. – Москва: Восточная книга, 2015. – 208 с.
5. Гу, Цзяци. Сравнительный анализ невербального общения в китайской и русской культурах / Гу Цзяци. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 2017. – 86 с.
6. Козельская, Н. А. Национально-культурная специфика невербального общения (на примере китайской и русской культур) / Н. А. Козельская // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного института ДВГУ. – 2002. – № 4. – С. 75–82.
7. Крейдлин, Г. Е. Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык / Г. Е. Крейдлин. – Москва: Новое литературное обозрение, 2002. – 592 с.
8. Летягова, Т. В. Тысяча состояний души: краткий психолого-филологический словарь / Т. В. Летягова, Н. Н. Романова. – Екатеринбург: Уральское издательство, 2005. – 424 с.
9. Петрова, Е. А. Жесты в педагогическом процессе: учебное пособие / Е. А. Петрова. – Москва: Московский городской педагогический университет, 2024. – 135 с.
10. Сафина, Л. М. Башкирский речевой этикет: традиции и современность / Л. М. Сафина. – Уфа: Гилем, 2018. – 168 с.

11. Стернин, И. А. Русский речевой этикет: учебное пособие / И. А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2009. – 96 с.
12. Формановская, Н. И. Речевой этикет и культура общения / Н. И. Формановская. – Москва: Высшая школа, 2002. – 256 с.
13. Холл, Э. Как понять иностранца без слов / Э. Холл; пер. с англ. – Москва: Вече, 1997. – 352 с.
14. Цзянь Шань. Речевой этикет в современном русском и китайском языках: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Цзянь Шань. – Москва, 2004. – 218 с.

© Ахмадулина А. А., 2026

УДК 811

Ахмадулина А. А.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Билалова Д. Н.,***
канд. филол. наук, доцент УУНИТ
г.Уфа, Россия

ТЕРМИНЫ-АРХАИЗМЫ В ЯЗЫКЕ НАУКИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)

В лексикологии принято разделять устаревшую лексику на две основные категории. К историзмам относятся слова, вышедшие из употребления в связи с тем, что ушли из жизни обозначаемые ими предметы или явления [5: 485]. К ним относятся, например, названия предметов быта, экономических реалий, элементов материальной и духовной культуры, а также общественно-политических институтов прошлого. Особенно много историзмов сохранилось в военной лексике.

Примеры включают: *редут, кольчугу, забрало, пищаль, а также просак, светец, ендову, камзол и армяк*, многие из которых относятся к одежде и бытовым предметам.

Во-вторых, это архаизмы – это устаревшие названия современных предметов, явлений, вытесненные синонимами из состава активной лексики [5: 485]. Главное отличие архаизмов от историзмов заключается в том, что для архаизмов в современном языке обычно имеются активные синонимические соответствия.

Например: *десница – правая рука, ланиты – щёки, рамена – плечи, чресла – поясница и так далее*.

Однако что же такое термин? Согласно словам В.М.Лейчика «термин – лексическая единица языка для специальных целей, обозначающая общее конкретное или абстрактное – понятие теории определенной специальной области знаний или деятельности» [3: 96]

Однако в свою очередь, стоит отметить, что термины-архаизмы – единицы «распадающихся терминологий и терминосистем, которые уходят в прошлое в связи с ростом научного знания и выяснением устарелости некоторых научных воззрений» [2: 135]

Устаревание терминов в русской лингвистике происходит по ряду причин. Главная из них – научно-технический прогресс, который приводит к появлению новых обучающих технологий и уточнению существующих понятий. Также влияют изменения в приоритетах методов обучения и новые подходы к организации учебного процесса.

Это объясняется тем, что термины фиксируют определенный уровень развития материальной, духовной и интеллектуальной сфер жизни, то есть они являются частью языковой картины мира, которая постоянно меняется под влиянием исторических и диалектических процессов.

В XIX веке лингвистика характеризовалась широким заимствованием слов из латыни и древнегреческого языка. С наступлением двадцатого века, особенно после изменений в правописании и распространения структурализма, многие самобытные термины уступили место международным аналогам. Так, методика обучения чтению, основанная на звуках и буквах, была заменена аналитико-синтетическим подходом.

Другой пример: термин «член предложения», являющийся прямым переводом латинского «membrum orationis», сохранился. Однако его конкретные разновидности претерпели трансформацию. [1: 367]

Рассмотрим конкретные термины, которые в рамках современного языкознания относят к архаизмам, но сохраняют свою присутствие в письменных материалах XIX – первой половины XX столетия.

Термины-архаизмы, присутствующие в пассивном словарном запасе человека:

Например: *барыш - награда, вознаграждение, плата, возмездие, корысть, прибыток*.

Из медицины стоить выделить такую группу терминов-архаизмов, как *жялвей, желвь, жоль* – нарыв, опухоль на теле; *кила* – грыжаб; *пачеленки* – суставы; *перси* – грудь [6]

Другую группу составляют термины-архаизмы, совершенно незнакомые современному человеку, но чье значение можно понять исходя из современных языковых аналогий:

вежество – воспитанность, учтивость, вежливость; *верес* – можжевельник: *вина* – причина, повод; *геенна* – ад. *гоголь* – птица из породы уток-нырков; *долонь* – ладонь; *домовина* – гроб; *естество* – природа; *живот* – жизнь, имущество и т. д.

Также Е. В. Староверова в своем труде «О значении терминов «видоки» и «послухи» в отечественном праве XI–XVI веков» отмечала, что архаизмы видоки, послухи в отечественном праве XI–XVI веков, в большинстве случаев сопоставимы с современными терминами очевидец и свидетель [4: 112]

Таким образом, термины-архаизмы в русской лингвистике представляют собой не просто устаревшие лексические единицы, а значимый пласт научного наследия. Именно поэтому они служат важным инструментом для понимания диалектики развития языка науки.

Литература:

1. Виноградов, В. В. Избранные труды. История русского литературного языка / В. В. Виноградов. – М.: Наука, 1978. – 367 с.
2. Кошкина Е. А. Проблема классификации дидактической терминологии в отечественной педагогике // Вестник Северного (Арктического) университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 1. С. 133–140
3. Лейчик, В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура / В. М. Лейчик. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: КомКнига, 2006. – 256 с.
4. Староверова, Е. В. О значении терминов «видоки» и «послухи» в отечественном праве XI–XVI веков // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 3 (43). – С. 112–115.
5. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык [Электронный ресурс] : в 2 т. / А.Н. Тихонов, Р.И. Хашимов, Г.С. Журавлева и др. ; под общ. ред. А.Н. Тихонова, Р.И. Хашимова. – Т. 1. – 2-е изд., стер. – М. : ФЛИНТА, 2014. – 840 с.
6. https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/slovar-ustarevshih-slov/ – Словарь архаизмов и историзмов «Азбука веры»

© Ахмадулина А.А., 2026

УДК 070

Ахметшина А.А.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Алиева С.А.,***
канд. филол. наук,доцент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

СОВРЕМЕННАЯ ПРАКТИКА ИЗУЧЕНИЯ МЕДИААУДИТОРИИ

Сегодня телевидение и радио существуют не только в эфирном или кабельном пространстве, но и в интернете, на мобильных устройствах, в подкаст-плеерах и в социальных сетях. Аудитория стала многомерной, фрагментированной и практически «неуловимой» для классических измерительных инструментов. Возникла ситуация, при которой производитель контента (журналист, редактор, продюсер) часто не знает, кто именно потребляет его продукт, в каком контексте и с какой степенью вовлечённости. Это порождает необходимость пересмотра подходов к изучению медиааудитории. Цель данной работы – проанализировать современные практики такого изучения, выявить их сильные и слабые стороны, а также определить, как полученные данные влияют на производство телерадиопродукции.

Исторически индустрия телерадиовещания опиралась на два основных метода сбора данных об аудитории: пиплометрию (для телевидения) и опросы с ведением дневников (для радио). В России лидирующие позиции здесь занимают компании Mediascope (телеизмерения) и «Радио Видже» / GfK (радиоизмерения). Принцип работы пиплометра заключается в автоматической фиксации того, какой

канал и в какое время смотрит каждый член семьи, предварительно зарегистрировавшийся в панели. Радиодневники же представляют собой бумажные или электронные анкеты, где респонденты с заданной периодичностью отмечают, какую радиостанцию они слушают.

Однако на современном этапе эти методы демонстрируют очевидные недостатки. Во-первых, проблема репрезентативности. Панель пиплометров для всей России насчитывает лишь несколько тысяч домохозяйств, что в условиях огромной страны и многообразия способов потребления контента является крайне малой величиной. Во-вторых, пиплометры не способны точно идентифицировать, кто именно находится перед экраном в каждый конкретный момент: нередко телевизор включён «для фона», а реальный зритель занят своими делами. В-третьих, классическая теле- и радиометрия практически игнорирует отложенное и мобильное потребление. Запись передачи на DVR, просмотр в приложении канала через смартфон или прослушивание радио через стриминговый сервис часто выпадают из оперативных рейтингов, публикуемых исследовательскими компаниями.

Радиоопросы страдают от эффекта «ошибочного воспоминания». Когда социолог звонит респонденту и спрашивает, какую радиостанцию тот слушал вчера в 10 утра, ответ в лучшем случае будет приблизительным, а в худшем – ошибочным. Современный слушатель переключает станции в автомобиле каждые несколько минут или слушает подкаст в наушниках, не фиксируя это в памяти. В итоге традиционные метрики (Rating, Share, Reach) всё чаще демонстрируют не реальное поведение аудитории, а то, что респондент думает о своём поведении. Это приводит к тому, что продюсеры и редакторы, ориентирующиеся исключительно на классические данные, рискуют производить контент, не находящий отклика у реальной, «цифровой» аудитории.

На смену аналоговым и опросным методам приходят технологии Big Data. В контексте телерадиовещания источниками больших данных являются сами устройства потребления: Smart TV, приставки операторов кабельного и спутникового телевидения, мобильные приложения телеканалов и радиостанций, подкаст-хостинги, а также социальные сети. В отличие от пиплометра, фиксирующего факт включения экрана, Big Data фиксирует поведение пользователя с точностью до секунды. Что это даёт производителю контента? Прежде всего, возможность увидеть «точки ухода». Если аналитическая система показывает, что 40 процентов зрителей переключают канал на третьей минуте интервью с экспертом, это прямой сигнал для редакции: формат подачи материала не работает, требуется динамичный монтаж или смена темы. Кроме того, Big Data позволяет отслеживать практику зумминга и перемотки. Например, если зрители массово перематывают заставку прогноза погоды, но останавливаются и внимательно смотрят карту аварийности, это значит, что в следующем выпуске прогнозу следует уделить меньше времени, а рубрике ДТП – больше.

Особое значение Big Data приобретает для радио в его цифровых ипостасях. Подкаст-хостинги (такие как «Яндекс.Музыка», Apple Podcasts, «ВК Подкасты») предоставляют продюсеру не просто число загрузок, а подробную географию слушателей, тип устройства (смартфон, автомобильная система, умная колонка), а главное – удержание аудитории (retention). Анализ retention позволяет точно определить, на какой минуте выпуска слушатели начинают «выпадать»: если большинство дочитывает до конца, значит, структура материала верная; если массовый уход происходит в момент рекламной интеграции, значит, формат подачи рекламы требует срочного изменения.

Таким образом, Big Data не просто дополняет, а в ряде случаев заменяет традиционные методы. Если пиплометр или опрос отвечают на вопрос «сколько?», то Big Data отвечает на вопросы «как именно?», «где?», «в каком контексте?» и «почему?». Это переход от количественных оценок к качественному анализу поведения.

Ещё одной важной практикой изучения медиааудитории стал анализ так называемого «второго экрана». Под этим термином понимается использование зрителем или слушателем смартфона, планшета или ноутбука параллельно с потреблением основного медиапродукта. Современный телезритель редко смотрит телевизор, не комментируя происходящее в Telegram, во «ВКонтакте» или в запрещённой на территории РФ социальной сети Instagram*. Это создаёт для исследователей и продюсеров колоссальный массив неструктурированных данных.

Инструменты социального аудита и социального слушания, такие как YouScan, Brand Analytics или «Медиалогия», позволяют в реальном времени собирать и анализировать упоминания телепередачи, радиостанции или конкретного ведущего. На выходе специалист получает не просто количество упоминаний, а эмоциональный окрас сообщений (тональность: позитив, негатив, нейтраль), самые обсуждаемые темы, цитируемость спикеров, а также скорость распространения информации.

Для телерадиопроизводства этот инструмент имеет прямое практическое применение. Во-первых, реакция из социальных сетей может быть оперативно интегрирована в эфир. Ведущий утреннего радио-шоу, видя, что в Telegram-чате слушатели активно обсуждают пробку на определённом шоссе, может в прямом эфире дать эту информацию и тем самым повысить вовлечённость. Во-вторых, анализ соцсетей позволяет оценить реальный резонанс от выпущенного материала. Высокий рейтинг программы по пиплометру может сочетаться с полным отсутствием обсуждения в сети, что говорит о пассивном, «фоновом» просмотре. И наоборот, невысокий рейтинг может компенсироваться бурным обсуждением в соцсетях, что важно для имиджа и привлечения новой аудитории. В-третьих, социальные сети позволяют изучать фрагментированные аудиторные ниши. Основной эфир телеканала может смотреть относительно небольшая аудитория, но нарезки из этого эфира, выложенные в TikTok или «ВК Клипы», могут набирать миллионы просмотров. Изучая комментарии под этими нарезками, продюсер получает обратную связь от той самой молодой аудитории, которая не участвует в традиционных опросах и не имеет пиплометра дома.

Анализ современных практик изучения медиааудитории был бы неполным без описания основных поведенческих паттернов, которые эти практики выявляют. Данные Big Data и социальных сетей рисуют портрет потребителя, радикально отличающийся от портрета десяти- или двадцатилетней давности.

Первый паттерн – фрагментация внимания. Исследования показывают, что средняя продолжительность непрерывного просмотра одного телесюжета или прослушивания одного радиоэлемента у аудитории до 35 лет не превышает 3-5 минут. Зритель постоянно переключает каналы, перематывает, отвлекается на уведомления смартфона. Это так называемое «клиповое сознание» требует от производителя контента пересмотра драматургии: длинные интервью и плавные переходы уступают место динамичному монтажу, частой смене картинки, коротким «дорожкам» на радио.

Второй паттерн – мультиэкрачность. Более 70 процентов молодых людей в возрасте от 16 до 35 лет одновременно слушают радио или смотрят телевизор и листают ленту социальных сетей. Для исследователя и продюсера это означает, что аудитория редко бывает «чистой»: её внимание разделено. Следовательно, телевизионный или радийный контент должен быть спроектирован таким образом, чтобы его можно было воспринимать даже на «фоне». Это касается и вербального ряда (чёткая, громкая речь ведущего, отсутствие тихих пауз), и визуального ряда (крупные планы, яркая графика, бегущие строки).

Третий паттерн – кастомизация и персонализация. Аудитория больше не хочет потреблять «усреднённый» продукт. Зритель ожидает, что телеканал или радиостанция «знает» его предпочтения. На практике это выражается в росте популярности подкастов (пользователь сам выбирает тему и время) и в технологиях рекомендательных систем (как на YouTube или в «Яндекс.Музыке»). Для традиционного вещателя это вызов, так как линейный эфир сложно персонализировать. Однако некоторые практики, такие как выпуск разных версий одной программы для разных платформ (длинная версия – на ТВ, короткая – в соцсети) или использование динамической вставки рекламы (разным сегментам аудитории показывается разная реклама), уже активно применяются.

Современная практика изучения медиааудитории представляет собой сложный, многоуровневый комплекс, в котором традиционные методы (пиплометры, опросы) органично дополняются технологиями Big Data, социального слушания и поведенческой аналитики. Это означает, что эпоха, когда продюсер мог сказать «я знаю, что нужно зрителю, потому что у меня есть опыт», уходит. Сегодня продюсер оперирует «тепловыми картами» просмотров, графиками удержания внимания и дашбордами эмоциональной тональности в соцсетях. Безусловно, это не отменяет творческого начала, но существенно его корректирует: креатив становится управляемым и проверяемым.

Литература:

1. Анкудинов, И. А. Перспективы медиа-мониторинга в исследованиях общественного мнения (на примере доверия президенту) / И. А. Анкудинов // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология:4М). – 2025. – № 61. – С. 165–203. – DOI: 10.19181/4m.2025.34.2.4.

2. Вартанов, С. А. Российская модель использования ИИ в цифровых экосистемах медиакоммуникационной индустрии / С. А. Вартанов, А. Ю. Тышецкая // Вестник Московского

университета. Серия 10. Журналистика. – 2025. – № 5. – С. 23–53. – DOI: 10.55959/msu.vestnik.journ.5.2025.2353.

3. Полемический дискурс в российском радиоэфире (2024) // SciNetwork – архив научных статей. – 2024. – URL: https://scinetwork.ru (дата обращения: 21.04.2026).

4. Искусственный интеллект начал сегментировать ТВ-аудиторию // ComNews.ru. – 2025. – 27 февраля. – URL: https://www.comnews.ru/content/237998/2025-02-27/2025-w09/1008/iskusstvennyy-intellekt-nachal-segmentirovat-tv-auditoriyu (дата обращения: 21.04.2026).

5. Телесериалы заняли почти треть в общей структуре телепросмотра // Sostav.ru. – 2025. – 21 октября. – URL: https://www.sostav.ru/publication/teleserialy-zanyali-pochti-tret-v-strukture-teleprosmotra-79061.html (дата обращения: 21.04.2026).

© Ахметшина А.А., 2026

УДК 821.512.141.09

Ахтарова З. А,
студент УУНиТ
Научный руководитель – Гареева Г.Н.,
д-р филол. наук, профессор УУНиТ,
г. Уфа, Россия

ПСИХОЛОГИЗМ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ГУЛЬСИРЫ ГИЗЗАТУЛЛИНОЙ-ГАЙСАРОВОЙ

Небольшой по объему, компактный рассказ видного представителя современной башкирской литературы Г. Гиззатуллиной “Полуденный сон” (2008) является очень весомым, актуально значимым произведением, которое точно и глубоко отражает злободневные общественно-социальные, духовно-нравственные проблемы на примере обрисовки одного короткого отрезка обыденной жизни народа.

Эпиграфом взята глубокая мысль китайского поэта Чжун-цзы “Будьте естественны – расцветете” и удачно использована для раскрытия основной идеи произведения.

Тем, кто наблюдает за Сафуном со стороны, может показаться, что он живет припеваючи, в достатке и удовольствиях. Но это только кажется. На самом деле он потерял вкус к жизни, не находит душевного покоя, всё и все ему надоели, он постоянно находится в подавленном настроении и не знает как избавиться от удручающего состояния.

В конце произведения место предложенного читателю главного героя Сафуана незаметно занимает Самига с простой, но величавой в своей простоте светлой сутью и душой.

Именно Самига, Гадельгарей, Забихулла и их односельчане – простые труженики – своими поступками, действиями, несгибаемой волей, готовностью достойно встретить испытания нынешней непростой жизни учат познавать, постигать истинные ценности.

Благодаря Самиге, представшей в начале произведения непривлекательной, жалкой, некрасивой, смуглой, беззубой, но в финале превратившейся в прекрасную женщину, Сафуан ощущает себя младенцем, только что родившимся на белый свет, чувствует гармонию между собой и окружающим миром, в нем пробуждается любовь к жизни.

Своей естественностью, искренностью, душевной чистотой Самига, Гадельгарей, Забихулла, сенокосцы пробуждают в герое жажду к жизни.

Психологизм в повестях Г. Гиззатуллиой “Обитель души” (1999), “Превращение в бабочку” (2007), “Дыхание рая” (2012), “Живи, парень!”, “Когда небо опрокинулось на землю” и других образует мощное стилевое течение.

В них отражаются рефлексии героев по отношению к окружающей среде, подробный, постоянный анализ происходящих вокруг духовно-нравственных событий, характеров людей и своих собственных чувств, эмоций под их влиянием.

Произведениям писательницы характерно раскрытие человеческих судеб с неожиданной, незамеченной и неосознанной читателем стороны.

В философской поэтической повести Г. Гайсаровой-Гиззатуллиной “Обитель души” выросшая в детдоме, не знающая ни своего подлинного имени, ни родителей, ни национальности, ни малой родины героиня душой тянется в Башкортостан. Поиск героиней самой себя, поиск любви,

счастливой жизни, приобретения и упущения, словом, непрерывная, напряженная самоотверженная борьба, происходящая в душе молодой женщины, изображаются в романтическом стиле, подробно, с психологической тонкостью и глубиной.

Течение потока чувств, рефлексов, экспрессивность эмоций обеспечивают напряженное развитие сюжета.

В лютый мороз, в объятиях пламенных чувств, согревших ее озябшую душу, через снежные горы, в снежную пургу, Ася направляется к людям, к Буранбаю.

И в душе Буранбая, прошедшего через ад Афганской войны, чудом выжившего, постигшего цену райской жизни на земле, исчезают чувства высокомерия, надменности, он освобождается от мелочей жизни, переживает духовный катарсис, очищается, ощущает себя вновь родившемся на землю.

В душе Буранбая рождается любовь к Асе, которая также стремится к душевному очищению, ищет дорогу к наполненной нежностью, любовью душевной обители, любовь к женщине, которая даже в унизительных жизненных обстоятельствах сумела сохранить духовную свободу.

Повесть построена на повествовании постоянно развивающегося, изменяющегося, обновляющегося внутреннего состояния, продолжительного душевного перелома. Герои преодолевают внутренние противоречия на пути поиска смысла жизни, поиска самого себя, на пути к взаимопониманию, преодолению сомнений, отчуждения, самоотстранения.

У героини повести Г. Гиззатуллиной “Превращение в бабочку” актрисы Ямили в глубине души тлеет огонь нераскрытого таланта, лишает ее душевного покоя. Сердце Ямили испепеляет пламя творческого вдохновения, в мыслях она “исполняет” роли героинь великих произведений мировой литературы, в голове роятся тысячи творческих мечтаний.

Но реальность сурова – в провинциальном театре с ужасающей материальной базой, под руководством бездарных режиссеров нет возможности осуществить крылатые желания, нет ролей, которые ответили бы душевным потребностям, нет ролей, которых можно было бы исполнить, забывая все на свете, отдавая всю себя. Таких спектаклей никто и не осмеливается ставить на сцене.

Понимающая эту горькую истину актриса ведет существование в роли внешне равнодушного человека, в ракушке этого безразличия она пытается противостоять жестокой действительности, старается не поддаваться душевному упадку.

Ямиля возвращается в свое естественное состояние лишь рядом с Сулейманом-агай – человеком, который стойко перенес суровые жизненные испытания, в период застоя был самым смелым, справедливым, честным среди занимающих высокие посты башкир государственным деятелем, рядом с героем-ветераном, во время Великой Отечественной войны не раз раненным, кавалером многих орденов.

Сулейман-агай в расцвете сил завоевал уважение и почет, постиг пути-способы помощи народу, созрел как руководитель высокого ранга, но, когда достиг больших высот, “был свергнут с седла”, исключен из партии.

Но потрясенный коварством жаждущих славы и власти людишек, знающий себе и своим возможностям цену, упрямый, настойчивый, целеустремленный человек снова взял себя в руки, не надломился, а принялся за работу.

Когда завистливые, непорядочные начальники назначали его на маленькие, ничтожные должности, не принимая во внимание его способности, силы и возможности – равное тому, как поручают великану рыть землю иголкой – этот незаурядный, талантливый человек не чурался и работал так, что вызывал неподдельное восхищение у многих людей.

Именно рядом с этим человеком Ямиля оставалась самой собой, доверяла ему свои тайны.

Рядом с родным человеком, статным, солидным, с прекрасной душой человеком, потерявшим некогда свою горячо любимую, но сумевшим победить душевные потрясения с помощью чудесной исцеляющей мощи искусства, взявшимся за кисть, реализовавшим талант, данный ему от рождения природой, и ставшим за короткое время знаменитым художником, Ямиля получает душевный покой, тепло, поддержку.

Преклонного возраста художник понимает и душевные переживания молодой актрисы, видит и нераскрытую силу ее таланта, предвидит непременное раскрытие ее в будущем, об этом не раз намекает самой Ямиле.

Изменения и в жизни провинциального театра, и в жизни актрисы Ямили начинаются с приходом на работу нового режиссера – Ильяса Торомтаева.

Взаимоотношения между коллективом театра и новым руководителем, острое противоречие, возникшее сперва между Ильясом и Ямилей, осложнение психологическо-этического микроклимата

между актерами, столкновение различных взглядов приводят к зарождению конфликта, интенсивному развитию событий, динамике чувств и переживаний.

Постепенно театральная жизнь оживляется, актеры перестают жить беспечно, Ямиля немного освобождается от равнодушия.

В подходящие моменты Сулейман-агай делился с Ямилей своей философией: “Женщина, если она по-настоящему женщина, никогда не тратит время на самоутверждение перед мужчиной. Она его подчиняет и заставляет служить себе”. Ильяс помогает Ямиле найти саму себя, помогает стать ей женщиной в настоящем смысле слова, как и говорил Сулейман-агай.

Вначале унижением, затем любовью Ильяс превращает Ямилю из кокона в бабочку.

Таким образом, в повести Г. Гайсаровой-Гиззатуллиной “Превращение в бабочку” в психологическом ракурсе высвечивается долгий процесс становления заурядной, провинциальной театральной актрисы, превращение ее в востребованную звезду, перед которой открыты двери многих ведущих театров, двери киноиндустрии и др. Автор философски емко и психологически убедительно, поэтапно показывает расцвет ее таланта.

В центре повести Г. Гайсаровой-Гиззатуллиной “Дыхание рая” – женщина, пожертвовавшая собой ради спасения мужа от тюрьмы и потерявшая и мужа, и детей, и свободу. В повестях “Когда небо обрушилось на землю”, “Живи, парень!” герои познают истинный смысл жизни, пройдя трудные испытания, преодолевая серьезные препятствия в общественной сфере и внутренние личностные противоречия.

Литература:

1. Гареева Г.Н. Башкирские прозаики. Уфа: Китап, 2012. 554 с.

2. Гареева Г.Н. Особенности психологизма в современной башкирской прозе // Вестник Башкирского университета. 2019. Т. 24. №1. С. 124-128.

© Ахтарова З.А., 2026

УДК 811.161.1

Бадамшина Р.Р.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Бахтиярова А.Н.,***
канд. филол. наук, доцент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ И ИЗМЕНЕНИЙ ЛЕКСИКИ МЕЖДУНАРОДНОГО ТУРИЗМА В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ В XXI ВЕКЕ

В XXI веке международный туризм в Китае стал одним из главных двигателей социально-экономического прогресса, а сопровождающий его языковой дискурс ярко отражает процессы глобализации и цифровизации в китайской речевой среде. Масштабное увеличение туристических потоков, совершенствование инфраструктуры, внедрение цифровых технологий и расширение глобального аспекта туризма вызвали глубокую трансформацию лексики, связанной с поездками и международным общением. Тем самым лексика туризма в китайском языке превратилась в уникальную семантическую область, где сочетаются классические методы словообразования, заимствования из иностранных языков и свежие интернет-новшества.

Рост международного туризма в Китае во второй половине 1990-х – начале 2000-х годов выступил мощным импульсом для языковых перемен. После реформ Дэн Сяопина и открытия границ миру туризм признали ключевым источником доходов, рабочих мест и притока зарубежного опыта. Из этого следует, что число иностранных гостей выросло с около 10,5 млн в 1990 году до 41,7 млн к началу 2000-х, а туристические поступления увеличились в несколько раз. Вступление Китая в ВТО и организация глобальных событий, вроде Пекинской Олимпиады 2008 года, усилили приток туристов и потребовали обновления терминологии: возникла необходимость в новых словах для обозначения направлений, услуг и способов взаимодействия.

В связи с этим экономический и культурный прорыв породил специфические лексические единицы для туристических практик, такие как 出境旅游 (chūjìng lǚyóu – выездной туризм), 入境旅游

(rùjìng lǚyóu – въездной туризм) и 团队旅游 (tuánduì lǚyóu – групповой туризм). Базовые термины сервиса, включая 导游 (dǎoyóu – гид), 签证 (qiānzhèng – виза) и **行程**单 (xíngchéngdān – маршрутный лист), закрепились в официальных текстах и учебных материалах. Параллельно с этим международный обмен способствовал заимствованиям и адаптации иностранных слов, что заложило фундамент для дальнейшей эволюции лексики.

Эволюцию лексики международного туризма в китайском языке в XXI веке можно разделить на три этапа.

Первый этап (2001-2010 годы) выделяется фиксацией основной туристической терминологии на фоне подъема въездного и выездного туризма. Тем самым формируются устойчивые фразы для типов поездок и услуг, например, **自**动签注 (zìdòng qiānzhù – автоматическая виза) и **自助游** (zìzhù yóu – индивидуальный тур). Этот период иллюстрирует сдвиг от элитарного туризма к массовому, поддержанному экономическими преобразованиями.

Из этого исходит второй этап (2011–2020 годы), совпадающий с цифровизацией и взлетом онлайн-платформ. Лексика обогащается новыми словами для цифровых сервисов: **网上**预订 (wǎngshàng yùdìng – онлайн-бронирование), 电子门票 (dianzǐ ménpiào – электронный билет) и **在**线导游 (zàixiàn dǎoyóu – виртуальный гид). В ответ на растущую персонализацию потребностей возникают термины вроде **自由行** (zìyóu xíng – свободный маршрут) и **定制旅游** (dìngzhì lǚyóu – персонализированный тур). Параллельно развиваются обозначения для культурных и экологических аспектов, такие как **文化旅游** (wénhuà lǚyóu – культурный туризм) и **生**态旅游 (shēngtài lǚyóu – экотуризм).

Третий этап (2021–2026 годы) связан с постпандемийным восстановлением, где акцент на устойчивости и инновациях. Лексика пополняется “зелеными” терминами, например, **康养旅游** (kāngyǎng lǚyóu – оздоровительный туризм) и **夜游** (yè yóu – ночные прогулки). Молодежный сленг, такой как **打卡游** (dǎkǎ yóu – “чек-ин” туризм) для фототочек, подчеркивает роль соцсетей. Тем самым этот период показывает слияние туризма с цифровым и медийным миром, делая лексику более живой и выразительной.

Лексические инновации в туристической сфере китайского языка черпают из нескольких источников.

Первый – калькирование и семантические заимствования из международных терминов, часто через английский: **背包客** (bēibāo kè – бэкпэкер) и 亲子游 (qīnzǐ yóu – семейный отдых) адаптируют структуру под китайские элементы.

Второй источник – фонетические заимствования вроде WiFi или VIP, которые проникают в повседневную речь и туристические услуги.

Далее следует третий – внутренние механизмы словообразования, включая сложение и аффиксы: составные слова типа **萌**宠旅游 (ménchǒng lǚyóu – туризм с питомцами), где используются **萌** (méng – милый) и 宠 (chǒng – любимец).

Четвертый – интернет-сленг и медийные выражения: **网**红景点 (wǎnghóng jǐngdiǎn – “инста-локация”) рождаются в блогах, но затем входят в официальный дискурс.

В результате эти источники формируют гибридный поддискурс, смешивающий официоз, маркетинг и сленг. Тем самым новая лексика приобретает динамику, эмоциональность и маркетинговый уклон: слова короче, запоминаемее, с упором на визуалы вроде **浪漫** (làngmàn – романтика) или **繁**华 (fánhuá – блеск). Она отражает эволюцию туризма в глобальную цифровую реальность, где общение идет через сети и приложения. В итоге туристический дискурс в китайском языке проявляет стойкую инновационность и интеграцию, сохраняя традиции через иероглифы и аффиксы, что подчеркивает язык как гибкий инструмент для современных вызовов.

Литература:

1. Ли Чжэньминь. Лексические инновации в сфере туризма современного китайского языка: неологизмы и заимствования (2000–2020 гг.). – Пекин: Изд-во Университета языка и культуры Пекина, 2022. – 256 с.

2. Смоленская Н. П. Современный китайский язык: словообразование и семантика в контексте туризма. – М.: Восточная литература, 2018. – 320 с.

3. База данных неологизмов китайского языка. Туристическая лексика в интернете (2001–2026) [Электронный ресурс] // Центр лингвистических исследований Пекинского университета. – URL: https://www.pku.edu.cn/neologisms/tourism (дата обращения: 29.03.2026).

4. Baidu Baike. 出境旅游 (Выездной туризм): эволюция термина [Электронный ресурс]. – URL: https://baike.baidu.com/item/出境旅游 (дата обращения: 30.03.2026).

© Бадамшина Р.Р., 2026

УДК 070

Бадретдинова А.И.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Беллендир С.Ф.,***
ассистент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

РОЛЬ НОВОСТНЫХ ПОРТАЛОВ В ИНФОРМИРОВАНИИ ЖИТЕЛЕЙ УФЫ О ГОРОДСКИХ СОБЫТИЯХ

Основными направлениями информационно-аналитической деятельности Администрации г. Уфы являются взаимодействие со средствами массовой информации, информирование населения о социально-экономическом, общественно-политическом и культурно-духовном развитии города, мониторинг общественного мнения и городского медиапространства. Средства массовой информации в Уфе и Башкортостане представлены весьма разнообразно. Это как популярные онлайн-порталы, такие как Ufa1.ru, Gorobzor.ru, UfaTime.ru, Prufy.ru и другие, так и традционные телевизионные и радиоканалы. Кроме того, в Уфе по-прежнему пользуются популярностью среди населения городские печатные издания: газеты «Вечерняя Уфа», «Уфимские ведомости», журнал «Уфа» и прочие, каждый из которых имеет свою страницу в сети Интернет. Ключевой информационный канал Городского округа г. Уфа – сайт ufacity.info.

В условиях цифровизации медиапространства новостные порталы становятся основным каналом информирования населения о локальных событиях. Их принципиальные отличия от традиционных СМИ (печатных изданий, телевидения, радио) связаны с технологическими и функциональными особенностями. В числе особенностей можно назвать оперативность, мультимедийность и доступность. Оперативность – возможность мгновенной публикации и обновления материалов, которая позволяет незамедлительно информировать аудиторию о происходящих событиях, что особенно важно в условиях чрезвычайных ситуаций или при освещении динамичных процессов. Мультимедийность – сочетание текстовой информации с визуальным контентом, повышающая восприятие и запоминаемость новостей. Доступность – мобильная адаптация, которая обеспечивает доступ к новостям с различных устройств в любой точке, где есть интернет-соединение.

Новостные интернет‑порталы представляют собой самостоятельный и влиятельный тип средств массовой информации, занимающий ведущую роль в современной системе информирования населения. Согласно результатам исследования факультета журналистики МГУ, Российского общественного центра интернет‑технологий (РОЦИТ) и Rambler Group, к ключевым признакам СМИ отнесены профессиональный характер производства информации и специализация производителей на данном виде деятельности.

В структуре интернет‑СМИ выделяют две основные группы порталов: сетевые издания, существующие исключительно в онлайн‑пространстве, и онлайн‑версии традиционных средств массовой информации.

К существенным преимуществам новостных порталов относятся оперативность публикации материалов, мультимедийность (сочетание текстовой, фото, видео- и аудиоинформации), гипертекстуальность (наличие ссылок на дополнительные источники) и развитая система обратной связи с аудиторией. В Уфе активную роль в информировании горожан играют региональные новостные порталы Ufa1.ru, Bash.news, ufa.rbk.ru и другие, обеспечивающие своевременное освещение значимых городских событий – от вопросов благоустройства до культурных мероприятий. Данные ресурсы не ограничены периодичностью выпуска и объемом публикаций, что позволяет им всесторонне отражать различные сферы городской жизни. Удобная навигация, обеспеченная четкой

рубрикацией и поисковыми модулями, а также выделение «топовых» новостей, способствуют быстрому ориентированию аудитории в текущей информационной повестке.

Информационная повестка уфимских новостных порталов формируется с учётом актуальных городских событий, запросов аудитории и редакционной политики, отражая наиболее значимые для жителей темы. Срок жизни интернет‑новостей превышает аналогичный показатель традиционных СМИ: интерес к ключевым сообщениям сохраняется в среднем 36 часов, что повышает их информационную ценность. Таким образом, новостные интернет‑порталы Уфы выступают эффективным инструментом городских коммуникаций, обеспечивая оперативное, многоаспектное и интерактивное информирование населения о событиях в городе.

Новостные интернет‑порталы Башкортостана различаются по типу собственности. Среди них выделяются государственные СМИ, такие как информационное агентство «Башинформ», которое освещает официальную повестку, включая деятельность органов власти, общественных организаций, а также социально‑экономические программы и ключевые события региона. Наряду с ними активно работают частные медиа, например UfaTime.ru и UFA1.ru, фокусирующиеся на оперативных новостях, включая происшествия, криминальные сводки и локальные проблемы.

В 2025–2026 годах городская тематика занимает существенное место в информационной повестке новостных интернет‑порталов Уфы и Республики Башкортостан, охватывая широкий спектр вопросов: от социально‑экономического развития и инфраструктурных проектов до экологических проблем, культурных событий и наболевших вопросов ЖКХ.

В фокусе новостных порталов Уфы в 2025-2026 годах оказались масштабные проекты благоустройства, такие как обустройство сквера имени Рихарда Зорге и Сквера Памяти в микрорайоне Шакша, развитие набережных рек Белая и Уфа, а также создание музея под открытым небом у стелы «Уфа – Город трудовой доблести». Значительное внимание уделяется транспортным вопросам: освещаются темы закупки трамваев, развитие электротранспорта, а также проблемы, связанные с уборкой снега и ремонтом дорог. Отметим, что государственные и муниципальные интернет-СМИ делают акцент на позитивной повестке, тогда как частные порталы нередко фокусируются на темах, вызывающих острую дискуссию.

Информационная картина дня в Уфе и Республике Башкортостан в 2025-2026 годах характеризуется сочетанием общих черт и различий в подходах новостных порталов к освещению событий. Основные медиаплощадки стремятся обеспечить комплексный охват всех сфер жизни региона, однако приоритетность тематических направлений и модальность подачи материалов варьируются, что формирует дифференцированную информационную повестку.

Ключевым игроком медиапространства выступает информационное агентство «Башинформ» – опорное государственное СМИ, которое в 2025 году сохранило статус наиболее цитируемого и одного из самых посещаемых ресурсов республики. В фокусе издания – поддержка специальной военной операции, разностороннее информирование, касающееся различных сфер жизни региона, и системное освещение общественно‑политических процессов. «Вся Уфа» – муниципальный информационный ресурс, специализирующийся на освещении городских событий, включая реконструкцию дорожной инфраструктуры, благоустройство территорий и социальные инициативы, а также информирование о криминальных происшествиях. В настоящее время МБУ «Медиадом «Вся Уфа» является медиацентром столицы Башкортостана, объединяя редакции телеканала «Вся Уфа», редакции газет «Вечерняя Уфа», «Уфимские ведомости», «Уфимская неделя», «Киске ӨҒӨ», журнала «Уфа» и соответствующие порталы в сети интернет.

Отдельного внимания заслуживает вопрос достоверности информации. Не все медиаресурсы в полной мере опираются на официальные источники данных, что потенциально снижает уровень доверия аудитории к публикациям. Государственные СМИ, как правило, ссылаются на официальные заявления и документы, тогда как коммерческие издания иногда используют анонимные источники или непроверенные сведения, чтобы вызвать волну комментариев и увеличить критерий посещаемости ресурса.

Таким образом, информационная картина Уфы и Башкортостана сохраняет устойчивую динамику, характерную для региональных медиа. Обеспечивается общий тематический охват при сохранении индивидуальной редакционной политики каждого портала, что определяет специфику восприятия информационной повестки аудиторией.

Литература:

1. Акопов, А. И. Типология периодических изданий в эпоху цифровизации: новые тренды и вызовы // МедиаАльманах. – 2024. – № 3 (88). – С. 45–54.
2. Лукина, М. М., Фомичёва, И.Д. Интернет‑СМИ: теория и практика: учебное пособие для вузов. – 3‑е изд., перераб. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2023. – 348 с.
3. Шагалова, О. В. Цифровая трансформация региональных СМИ: стратегии адаптации и аудитория // Вопросы теории и практики журналистики. – 2022. – Т. 11, № 4. – С. 562–585.
4. Шакиев, В. А. «Башинформ» задаёт тон в информационной повестке Башкирии // ЭлектроГазета.рф. – 4 марта 2026. https://i-gazeta.com/news/novosti/2026-03-04/bashinform-zadaet-ton-v-informatsionnoy-povestke-bashkirii-4601392
5. Гарифуллин, В. З., Хамитова, Г. Р. Медиаландшафт Башкортостана: структура, динамика, тренды // Вестник Башкирского университета. – 2024. – Т. 29, № 1. – С. 201–208.

© Бадретдинова А.И., 2026

УДК 81'1

Байданова А.Е.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Абдуллина Л.Б.,***
канд. филол. наук, доцент УУНиТ
г. Уфа, Россия

УЧЕНИЕ О ПЯТИ ЭЛЕМЕНТАХ (五行), ПЯТИ ЦВЕТАХ (五色) И ПЯТИ СТОРОНАХ СВЕТА (五方) В ТРАДИЦИОННОМ КИТАЙСКОМ КОСТЮМЕ

В научной статье рассматривается философская триада «Усин – Усэ – Уфан», включающая пять элементов, пять цветов и пять сторон света, как основа традиционной китайской космологической модели. При рассмотрении китайских классических текстов, можно заметить, что цвет в культуре имеет сакральное значение, символизируя связь человека с космосом. Особенность работы в том, что она рассматривает систему «五行五色五方» как целостную модель мира, которая влияла на разные аспекты социальной и ритуальной жизни.

Одной из главных особенностей китайской традиции является классификация окружающего мира. Китайцы с древних времен пытались объяснить все то, что их окружает. Особенно ярко это проявляется в учениях о пяти элементах (五行, wǔxíng) – дерево, огонь, земля, металл и вода, о пяти сторонах света (五方, wǔfāng) – север, юг, запад, восток и центр, а также о пяти цветах (五色, wǔsè) – сине-зеленом, красном, жёлтом, белом и чёрном. Древние тексты указывают на соответствия между стихиями, направлениями и цветами. Все эти элементы неразрывно связаны и гармонично дополняют друг друга. В китайской культуре данная система по сей день служит основой для систематизации реальности.

Комплекс «стихия – пространство – цвет» образует единую космологическую модель. Понимание этой модели важно для изучения китайской культуры в целом, так как она влияла на все сферы: государственная идеология и ритуалы, медицина и искусство. Цвет в этой системе никогда не рассматривался только как эстетический элемент. Он является знаком, который обозначает принадлежность объекта к определённому космическому статусу. Разграничение «чистых» (正色, zhèngsè) и «смешанных» (间色, jiànsè) цветов отражает фундаментальное различие между порядком и хаосом, сакральным и мирским.

В современной науке данную теорию изучали такие учёные, как Ван Айхэ [5] (исследовала космологию и политическую культуру раннего Китая), Се Ланьфэнь [8] (посвятила работы формированию системы пяти цветов и их связи с «пятью добродетелями»), а также Тань Жувэй [7] (анализировал лингвокультурные аспекты цветов). Отдельные исследования посвящены воплощению системы в китайском традиционном костюме (Сюй Лэ [3], Ли Дань и Ван Лэ [10]). Несмотря на эти наработки, пока не создавалось комплексного анализа триады «五行–五方–五色» как единой модели

мира. Ранее исследования либо акцентировали внимание на философии, либо рассматривали цвет в одежде без учёта космологического контекста, что не раскрывает глубину смыслов цветовых норм.

Цель статьи – показать, какую роль в классификации мира играл комплекс «Усин–Усэ–Уфан», а также проследить его проявление в традиционном китайском костюме. Объектом исследования является философская система пяти элементов, сторон света и цветов. Актуальность работы выражена в понимании того, как абстрактные философские идеи стали частью социальной и ритуальной культуры. Новизна исследования состоит в комплексном подходе к системе «五行五色五方» как модели мира, которая проникала во все уровни социальной иерархии. Помимо этого, последовательно выражалась в правилах использования цвета.

В основе статьи лежит гипотеза, что цветовая символика в традиционном костюме Китая не имеет только эстетической значение, а напрямую связана с космологической моделью «Усин–Усэ–Уфан». Каждому цвету изначально придавалось строго определённое сакральное значение. Выбор цвета в одежде служил способом показать место человека в иерархии космического порядка.

Статья делится на четыре раздела. Первый раздел посвящён космологической базе теорий. Во втором разделе рассматривается отражение системы в императорском костюме. Третий раздел анализирует проявление цветовой иерархии в системе чиновничьих рангов, её становление в эпоху Тан и последующую эволюцию. Четвёртый раздел раскрывает роль цветовой символики в женских обрядах на примере свадебного наряда «фениксовый венец и парчовая накидка» и траурной одежды.

Космологическая основа: Триада «Усин – Усэ – Уфан»

Концепция 五行 (wǔxíng) является ключевой в традиционной китайской культуре. Поэтому перевод на русский язык данного понятия как «пять элементов» нельзя считать полностью корректным. В китайской философии это скорее пять движущихся фаз, которые взаимно влияют друг на друга. Основой являются два циклических процесса: взаимопорождение (相生, xiāngshēng), согласно которому одна фаза порождает следующую – дерево рождает огонь, огонь – землю, земля – металл, металл – воду, вода – дерево. В противовес взаимопорождение существует и взаимоопреодоление (相克, xiāngkè), в котором фазы контролируют друг друга: дерево подавляет землю, земля – воду, вода – огонь, огонь – металл, металл – дерево. Эти связи использовались как универсальная модель для объяснения различных явлений в природе и обществе.

В эпоху Чжоу (1046–256 гг. до н.э.) эта система была дополнена соответствиями, связанными с пространством и цветом, что создало тесно связанную триаду «стихия – пространство – цвет» (五行–五方–五色). Каждой из пяти фаз придавали определённое направление в пространстве и конкретный «чистый» цвет:

Сторона света (方, fāng)	**Элемент (行, xíng)**	**Цвет (色, sè)**	**Сезон (时, shí)**
Восток (东, dōng)	Дерево (木, mù)	Сине-зеленый (青, qīng)	Весна
Юг (南, nán)	Огонь (火, huǒ)	Красный (赤, chì)	Лето
Центр (中, zhōng)	Почва (土, tǔ)	Желтый (黄, huáng)	Середина года
Запад (西, xī)	Металл (金, jīn)	Белый (白, bái)	Осень
Север (北, běi)	Вода (水, shuǐ)	Черный (黑, hēi)	Зима

Из таблицы видно, что желтый цвет занимает особое место, связанное с Центром и стихией Земли. В китайской философии это соответствие закрепило за желтым статус императорского цвета – символа центральности, высшей власти. Вследствие этой модели стала формирование типов «чистых» (正色, zhèngsè) и «смешанных» (间色, jiànsè) цветов. Пять «чистых» цветов физически невозможно получить путем смешивания. Поэтому считается, что они напрямую связаны с пятью стихиями. Эти цвета считались проявлением космического порядка (理, lǐ) и были почитаемы как благородные. Их использовали в ритуалах и одежде высших слоев общества.

В отличие от «чистых», «смешанные» цвета получаются путем сочетания двух «чистых» (например, зеленый, возникающий при смешении синего и желтого). Такие цвета рассматривались как отклонение от нормы, что естественно придавало им более низкий статус. Данное различие стало основой для всех дальнейших правил – от государственных церемоний до повседневной одежды, где выбор между «чистыми» и «смешанными» цветами отражал статус человека и его место в космической иерархии.

Императорский костюм как отражение космоса

Философская триада «Усин – Усэ – Уфан» получила свое наиболее чёткое и официальное выражение в одежде императора, как высшего носителя власти. Цвет выступал главным символом власти, подтверждающим легитимность правления через идею «五德终始» (wǔdé zhōngshǐ) «круговорот пяти добродетелей». Данная теория заключается в том, что каждую правящую династию олицетворяла определённая стихия. Проявление стихий можно заметить по, соответствующим им, «чистым» цветам. Например, династия Ся ассоциировалась с чёрным, династия Инь (Шан) – с белым, а династия Чжоу – с красным. Переход власти к новой династии объяснялся сменой господствующей стихии. Так, династия Цинь, объединившая Китай, провозгласила свою власть под эгидой стихии Воды, которая заменила Огонь (стихию династии Чжоу). В этом примере наглядно показан принцип взаимоопреодоления (水胜火 – вода побеждает огонь) это объяснило законность власти династии Цинь. В результате одежда и флаги страны стали чёрными.

Цвет в одеяниях для ритуалов (礼服, lǐfú) является важным элементом китайской культуры. Он символизирует связь с природными силами во время государственных жертвоприношений. Эта практика отражает систему «五方». Каждое из четырех сторон света соответствует определённой стихии и цвету. Китайцы верили, что император является «Сыном Неба». В связи с этим он также выступал посредником между человечеством и космосом. Наряд императора предназначался для того, чтобы олицетворять священное пространство, к которому он обращался. Из Свода законов династии Цин можно узнать, что император менял цвет церемониальной одежды в зависимости от направления ритуала. Например, одеяние синего цвета (青) надевалось при жертвоприношении небу в день зимнего солнцестояния. Этот цвет олицетворяет восток и небосвод. Жёлтый (黄) использовался во время жертвоприношения земле в день летнего солнцестояния. Данный цвет воплощает центр и стихию земли. Одежду красного цвета (赤) правители надевали для поклонения солнцу в день весеннего равноденствия. Что символизирует юг и стихию огня.

Костюм императора в китайской культуре воспринимался как ритуальный предмет, в котором каждый цвет служил для связи с космической силой. Одежда правителя отражала идею о том, что человек находится между круглым небом и квадратной землей.

Система ранговых цветов в костюме чиновника (官品服色)

В обществе учение о «чистых» и «смешанных» цветах наиболее ярко выражалось в системе рангов для государственных служащих. Долгое время каждому рангу присваивался определенный цвет. По этой теории выявлялась закономерность: чем выше ранг, тем «чище» цвет одеяния. Здесь снова прослеживается космологическая теория китайской культуры.

- 1–3 ранги – высшие чиновники носили пурпурный цвет (紫, zǐ). Этот цвет не входил в пятерку «чистых», но ценился выше красного из-за редкости и дороговизны красителя. Появление в одеждах чиновника пурпурного оттенка было знаком близости к императору. С этим также связана идиома «红得发紫» (hóng de fā zǐ), которая означает достижение вершины власти.
- 4–5 ранги – чиновники среднего порядка носили красный (绯, fēi / 朱, zhū) – «чистый» цвет юга и огня, символизирующий благородство и преданность.
- 6–7 ранги –зеленый (绿, lǜ).
- 8–9 ранги– сине-зеленый (青, qīng).

Зеленый и сине-зеленые оттенки в иерархии государственных чинов занимали более низкое место, потому что считались «смешанными» цветами. Зеленый возникает при смешении «чистых» сине-зеленого и желтого цветов. Желтый (цвет императора) занимает верховное положение, но его смешение с другим «чистым» цветом рождает «нечистый» оттенок. Хотя сине-зеленый цвет входит в пятерку священных цветов, но в ранговой системе государственной службы его статус крайне низок. Связано это с тем, что в реальности одежда этого цвета часто оказывалась менее яркой, чем красный или пурпурный. Именно поэтому человек в одеянии зеленых оттенков ассоциировался с более низким статусом.

Философия «чистое/благородное – смешанное/низкое» напрямую отражалась в повседневной жизни Китая. Этот принцип деления по цвету сохранялся вплоть до конца империи. Что доказывает прочность космологической системы в повседневной жизни и культуре.

Цвет в женском костюме и свадебной обрядности

В женская одежда также проявлялась цветовая символика. Разберем это на примере свадебного наряа – 凤冠霞帔 (fèngguān xiápèi). В ансамбль входили красный фениксовый венец и такая же красная парчовая накидка. Это снова связано с космологической теорией китайской культуры.

Красный является цветом юга, стихии Огня, символом жизненной силы и счастья. В свадебном контексте этот цвет приносил молодой семье процветание, плодовитость.

Белый цвет (白, bái), в китайской культуре наоборот символизирует траур. Белый связывали с западом (стихия Металла, осень, увядание). Траурная одежда (素服, sùfú) шилась из простой конопляной ткани, которую намеренно не окрашивали. Человек в такой одежде как будто временно исключался из мира живых. Так выражалась цветовая двойственность «красное/белое» в ритуалах отражала противоположность «юг/жизнь – север/смерть», заложенную в системе «五方–五色».

Подводя итог, хотим отметить, что система «五行–五方–五色» в китайской культуре олицетворяет философию понимания модели мира. Эта философия стала основой для формирования мировоззрения и повседневных ритуалов на протяжении многих тысячелетий. Космологическая триада установила систему, при которой каждый элемент вселенной имел своё четко определенное место. В этой системе цвет не несет только эстетическое значение. Он служит священным знаком, принадлежностью человека к определенному космическому порядку. Например, жёлтый наряд императора, пурпурный халат высшего чиновника империи или красное свадебное платье невесты.

Понимание этой философии помогает полностью погрузиться в историю и символизм китайских костюмов. Если не обращать должного внимания на цветовую символику, то интерпретация сохранившихся артефактов и письменных источников будет неполной. Система «五行五色五方» помогает учёным разгадать сложный культурный код единственной сохранившейся до сегодняшних дней цивилизации. Эта система заложена в каждом элементе традиционной одежды, которая становилась воплощением философских идей с древних времен до сегодняшнего дня.

Литература:

1. Веклич Ж.В., Дудченко О.В. Символика цвета в межкультурном пространстве (диахронический аспект) / Дальний Восток: динамика ценностных ориентаций: материалы международной научно-практической конференции (г. Комсомольск-на-Амуре, 22–24 сентября 2008 г.) / ред. И.И. Докучаев. – Комсомольск-на-Амуре: Изд-во Комсомольского-на-Амуре государственного педагогического университета, 2008. – С. 185–190.
2. Рубин В.А. Концепции у-син и инь-ян. – М.: Восточная литература РАН, 1999. – С. 144-158.
3. Сюй Лэ. Исследование истории формирования концепции цветов китайского традиционного костюма // Университетский научный журнал: филологические и исторические науки, археология и искусствоведение. – С-Пб, 2017. – № 34. – С. 123–134.
4. Цзин Ян. Отражение культурных ценностей в традиционном китайском костюме // Философия и культура. – 2023. – № 4. – С. 1–14.
5. Aihe Wang . Cosmology and Political Culture in Early China. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – 256 p. – (Cambridge Studies in Chinese History, Literature and Institutions).
6. 蓝青. 中国传统色彩在当代服装设计教学中的应用探索. – 色彩, 2025. – 第5期. – 頁 112–117.
7. 谭汝为. 汉语颜色概念的语言文化论析. – 四川文理学院学报, 2023. – 第4期. – 頁 45–52.
8. 謝蘭芬. 「五德終始說」之延義探討五行色之形成. – 設計學研究, 2008. – 第11卷, 第1期. – 頁 65–85.
9. 赵巧艳. 侗族传统民居色彩象征研究. – 中国艺术人类学学会年会. – 北京, 2020. – 頁 156–164.
10. 李丹, 王乐. 中国古代的服制与服色—以职官“四等之服”为例. – 纺织高校基础科学学报, 2024. – 第37卷, 第1期. – 頁 104–110.
11. 中国传统服装中的五色审美研究. – 纪念中国流行色协会成立三十周年: 2012中国流行色协会学术年会学术论文集. – 上海, 2012. – 頁 210–218.

© Байданова А.Е., 2026

УДК 811.531

Байкова И.Р.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Кучаева А.Н.,***
ассистент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

НЕОЛОГИЗМЫ В ОБЛАСТИ КОСМЕТИКИ И МОДЫ В КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Лексика любого языка постоянно обогащается. Новые слова возникают в различных сферах общественной жизни, а особенно интенсивно – в тех областях, которые быстро реагируют на изменение культурных трендов. К таким сферам относятся индустрия косметики и моды. В современной Корее эти области выступают мощными генераторами новой лексики.

Новые слова и выражения в лингвистике называют неологизмами (в корейском языкознании – 신조어). Неологизмы появляются в языке для наименования новых реалий и предметов. По разным подсчётам, ежегодно появляется от 700 до 800 новых слов, и значительная их часть связана с визуальными и потребительскими практиками – одеждой, аксессуарами, уходом за внешностью.

На процесс неологизации влияют внешние и внутренние факторы. К внутренним относится необходимость наименования предмета для экономии речевых средств либо для придания нового смысла. К внешним – проникновение в культуру реалий других языков. В случае с корейской косметикой и модой внешние факторы проявляются особенно отчётливо: глобальное влияние K-beauty и K-fashion, активное заимствование англоязычных терминов. Внутренние факторы связаны со стремлением к краткости, выразительности и языковой игре.

Новые слова могут возникать в связи с потребностью обозначения новых явлений (кушон, тинт), в связи с заменой старых наименований новыми под влиянием моды, а также в связи с явлением взаимодополнения, когда неологизмы сосуществуют со старыми словами.

Словообразование (조어법) – процесс создания новых слов на базе существующих единиц. Процесс словообразования напрямую связан с общественными изменениями. С развитием общества и появлением новых практик в сфере красоты и моды возникает множество новых явлений, требующих наименования.

Цель данной работы – выявление особенностей возникновения неологизмов в корейском языке в сфере косметики и моды. Актуальность обусловлена необходимостью анализа новой лексики в сферах, формирующих языковой облик современной Кореи.

Для понимания особенностей возникновения неологизмов следует обратиться к стандартам красоты в корейском обществе. Если для европейского макияжа кожа должна выглядеть матовой, то для корейцев здоровая кожа должна обладать влажным сиянием и упругостью. Этот эффект получил название «чокчок» (촉촉). В корейском языке также появились неологизмы, отражающие идеал внешности: «момчан»(몸짱 – красота тела) и «ольчан»(얼짱 – красивое лицо). Внешний вид является важным фактором социальной жизни в Южной Корее.

Особого внимания заслуживает аффикс «-чок» (족 – «семья, племя»), один из самых продуктивных в корейском языке. Неологизм 노무족 «номучок» обозначает мужчин 40–50 лет, следящих за модой, а 나우족 «научок» – независимых женщин того же возраста.

Наряду с внешними факторами существуют и внутренние причины появления неологизмов – строй языка и быстрая сочетаемость морфем между собой. Корейский язык, обладающий агглютинативным строем, допускает «склеивание» морфем, что делает его чрезвычайно гибким инструментом для создания новых слов.

Огромный процент неологизмов в этой сфере представляет собой фонетические заимствования из английского языка, что обусловлено его престижностью и глобальным влиянием K-beauty. Примерами таких заимствований служат: кушон (쿠션, от англ. cushion) – компактное средство с пропитанным спонжем; тинт (틴트, от англ. tint) – жидкая помада или румяна с эффектом окрашивания; праймер (프라이머, от англ. primer) – средство для выравнивания кожи перед макияжем.

Несмотря на популярность заимствований, в корейском языке активно используются и другие способы словообразования. В корейском языкознании выделяют следующие основные способы (조어법): словосложение (합성어), аффиксация (파생어), аббревиация (준말/두자어), конверсия (전성), а также заимствование (외래어). Применительно к неологизмам сферы косметики и моды наиболее продуктивными оказываются:

аффиксация – присоединение продуктивных суффиксов и префиксов (например, аффикс -чок в словах номучок, научок);

аббревиация – сокращение многосложных наименований (например, «꾸안꾸» от 꾸민 듯 안 꾸민 듯 – «как будто накрашена, но как будто нет»);

словосложение – соединение двух и более корней (например, 물 + 광 = «мульгван» – «водянистое сияние»);

семантическая деривация – приобретение старым словом нового значения (например, «чокчок» из звукоподражания превратилось в термин «увлажнённая кожа»).

В сфере косметики и моды наблюдаются также гибридные модели. Так, слово «тинт» от англ. tint в корейском языке стало обозначать не просто «оттенок», а целую категорию жидких помад. Слово «мульгван», образованное от исконно корейского «муль» (물, вода) и ханмунного «гван» (광, свет), отражает эстетический идеал «влажного сияния» кожи. Неологизм «ккотминам» (꽃미남 – «цветочный мужчина») сочетает исконно корейское «ккот» (꽃, цветок) и ханмунное «минам» (미남, красивый мужчина). Как отмечает Я.Е. Пакулова, «стабильный процент ханмунных морфем среди неологизмов позволяет предположить, что доминирующее положение сино-корейской лексики не претерпит существенных изменений».

Особый интерес представляют семантические неологизмы. Слово «ккот» (꽃, цветок) стало использоваться для обозначения мужчин с женственной, ухоженной внешностью, что породило целую серию неологизмов: ккотминам (цветочный мужчина), ккотмакып (цветочный класс), ккотсаджок (цветочная драма).

Прагматический анализ показывает, что неологизмы выполняют ряд функций. Среди них особенно выделяется функция привлечения внимания, а также функция экономии речевых средств. Современные медиа, особенно социальные сети, диктуют необходимость краткости. Хэштеги, заголовки видео, короткие подписи к фотографиям требуют лаконичности. Неологизм «꾸안꾸» является ярким примером такой экономии. Короткие заимствования «кушон», «тинт» или сложносокращённое слово «물광» позволяют в одном-двух слогах передать сложное понятие, которое иначе потребовало бы развёрнутого описания.

Социокультурная среда Кореи создаёт благоприятную почву для появления новых слов. Глобальный успех K-beauty привёл к тому, что многие корейские неологизмы проникли в другие языки: «кушон», «ссам», «BB-крем» заимствованы из корейского в английский, китайский, японский и русский языки. Драйверами появления новых слов выступают бьюти-блогеры, рекламные кампании, социальные сети (YouTube, TikTok), а также международные тренды.

В ходе работы выявлены особенности возникновения неологизмов в корейском языке в сфере косметики и моды. Лексика этой сферы является одной из наиболее динамично развивающихся. Стандарты красоты, сложившиеся в южнокорейской культуре, создают благоприятную среду для появления новых слов. Функциональный и словообразовательный анализ подтвердил продуктивность заимствований, гибридных образований, аббревиации и семантических сдвигов. Исследование подтвердило актуальность анализа новой лексики корейского языка в сферах, формирующих языковой облик современной Кореи и влияющих на глобальную индустрию красоты.

Литература:

1. Ефремова, М.И. АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ НЕОЛОГИЗМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕОЛОГИЗМОВ ДИСКУРСА МОДЫ) / М. И. Ефремова// Ростовский научный вестник. – 2022. – № 7. – С. 55-59.

2. Ли Ю Ми. Особенности образования неологизмов в корейском языке / Ли Ю Ми, Цай Л. Д. // Кореeведение Казахстана. – Алматы: Казахский университет международных отношений и мировых языков имени Абылай хана, Центр кореeведения, 2020. – Вып. 11. – С. 39–47.

3. Мосолоева, С. И. Неологизмы в корейском языке. Особенности их возникновения / С. И. Мосолоева // Инновации. Наука. Образование. – 2021. – № 33. – С. 960-962.

4. Похолкова Е. А., Селезнёва Д. В. Неологизация в современном корейском языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. №1 (789).

5. Хренов Валентин Валерьевич, Шкляева Полина Антоновна Особенности южнокорейской косметики и её продвижения в XXI в.: феномен K-Beauty // Modern oriental studies. 2023. №3.

© Байкова И.Р., 2026

УДК 81

Baymyradova B.,
Jumayeva B.
Lecturers of Seyitnazar Seydi Turkmen State Pedagogical Institute,
city Turkmenabat, Turkmenistan

CONTRIBUTION OF LITERARY WORKS OF MAGTYMGULY FOR TURKMEN LITERATURE

Magtymguly is poet, philosopher, who could contribute not only to the development of the Turkmen, but to the whole world's philosophical thought, who brought radiance to universal creative mind, and who was able to provide a masterful artistic depiction of secular life. Magtymguly finely paved his way to people's souls and found an eternal place in their hearts thanks to his masterful application of a variety of the best and most exquisite methods of presenting thoughts, uniting his philosophic thoughts about the world, humanity, Motherland and love with delicate human feelings:

Between the Jeyhun river and the Hazar sea,
The wind of the Turkmen land rises above its deserts,
Its blossoming flowers are as precious as the apples of my black eyes,
Torrents rush from the slopes of its tall black mountains.

Magtymguly's greatest contribution for his Turkmen people is his constant fight for unity, and his hatred for fragmentation and discord among the Turkmen tribes. One can see that for a long-time many generation of Turkmen people were learning, and they are still learning, the lessons of the great thinker Magtymguly about national unity. Time has proven true Magtymguly's brilliant idea of the sovereign state. Today, the dreams of Magtymguly about a happy and prosperous future for his nation have been realized. Independent and neutral Turkmenistan has honorably taken its place on the world map as the land of peace and unity. Turkmen people, who strongly believe in the miracle of unity, will always be grateful to Magtymguly. For the great poet's brilliant ideas, wise admonitions and lessons about unity will always be vital for the further stability and prosperity of our state. Respect for Magtymguly rises higher and higher during this epoch of happiness in our sovereign state. The great thinker's thoughts and multifaceted ideas deeply connected to life and social issues, which became an integral part of the universal treasury of the whole of mankind, serve as a spiritual foundation of our developed society. Magtymguly's poetical-philosophical literary heritage found its rightful place in the center of Turkmen people's heart as a song of the greatest love for the Almighty, Motherland, human beings, nature and human life. It would be underestimated if one tried to judge Magtymguly only as a poet and evaluate his literary heritage only through the lens of the creative style and poetic value. Magtymguly Pyragy is a wise poet who has sifted through the achievements of science, literature, and world culture before him and created unique works. The poetic works of the great poet introduced Turkmen poetry to the world. To become the only and unparalleled leader of the people, a million conditions are probably needed that are beyond a person's control. It is impossible to list those million individually, but one thing is certain – Magtymguly has them all [4, p. 10].

The poet's poems express wonderful thoughts directed towards all aspects of life. In his moral views, man is considered above all else. He attaches great importance to books and scientific sources in the formation of a perfect person. He notes the great role of books in the spiritual well-being of a person. By reading various books, a person improves his spiritual world and increases his vocabulary. *The spirits get high when on a horseback,*

Its mountains, at a glance, look like rubies,

When its rivers are full-flowing, bringing honey within,
No dam can withstand the floods of the Turkmen land. [1, p. 72]

Magtymguly is, first and foremost, the national poet of the Turkmen people. While he looks at all human beings with love, this great thinker's love and tenderness toward his own people are incomparable in their magnitude. It is his boundless love for his people, for his Motherland, and it is his ideas full of the spirit of battle for the fate of his people, that took him beyond the national boundaries and turned him into the universal poet of mankind. It is truly so since the one who keeps his dignity high, respects and lifts the dignity of all people to new heights. The one who loves his own people is able to love all other people. The poet's influential and deep philosophical views about the perfection of the world, about human being and about life during his epoch when he preached among people, as well as his edifications about the perfection of the human soul and of society – these were the fruits of his endless love for his people:

My country is Etrek, my people are Goklen,
I am in search of love,
My soul is filled with turbulence,
I am in search of the Sufi leader to bless me with power [3, p. 36].

The poetic words of the wise poet take their place in the hearts of people, instilling in them kindness, mutual respect, and love. The wonderful words of the wise poet are currently used as proverbs and sayings:

Magtymguly, sözüm bilene sözdür,
Bilmedik adama gury owazdyr.
Adam bar, ýüz tümen iýdirseň azdyr,
Bardyr adam, iýen nanyna degmez. [2, p. 66]

Magtymguly lived in a very complicated and difficult historical period. Magtymguly is a great figure that perfected himself by going through many strong upheavals, by overcoming many personal and social sufferings, and by being part of the spiritual climate of that period. The poet reached the highest level of perfection and became an impeccable individual who was fully aware of the world surrounding him, who could distinguish good and evil in the society, life and people, who deeply mastered all of the religious and secular sciences discovered by his time, and who had passed all the stages of spiritual perfection. Magtymguly, the great thinker, among his thoughts universally beneficial for the entirety humankind, specifically urged the Turkmen people, who were unintegrated and dispersed in various corners of the world at the time, for statehood, unity and national consolidation. The greatness of Magtymguly lies in the fact that he was the first person to consider all Turkmen, who were spread out and unintegrated at that time, as one nation and to preach widely the ideas of unity and statehood.

All tribes are in brotherhood, all clans are at peace,
Their destinies won't go counter; they are the Creator's blessing,
If the brave straddle their horses, the battle will be over,
The only path Turkmen take is toward the intruders.

The wise poet Magtymguly Pyragy enriched Turkmen literature in terms of content, developed its popular character and nationality, and connected it with life. That is why the poet's poetry is immortal.

Literature:

1. Aşyrpur Meredow. Magtymgulynyň düşündirişli sözlügi. Günbed Kabus, 1997.
2. Magtymguly. Goşgular. A.: TDNG, 2008.
3. Meredova Z. Magtymguly. Poems from Turkmenistan. Asian Cultural History Program, 2014.
4. Ödäýew O. Magtymguly Pyragy. Makalalar. A.:TDNG, 2014.

© Baymyradova B., Jumayeva B., 2026

УДК 81

Bayramova G.,
Lecturer of the department of Romano-Germanic languages and literature with methods of their teaching of Seyitnazar Seydi Turkmen State Pedagogical Institute,
Saparova A.,
The fifth-year student of Seyitnazar Seydi Turkmen State Pedagogical Institute,
city Turkmenabat, Turkmenistan

WAYS OF TEACHING NEW WORDS IN ENGLISH LANGUAGE

Language is very important means of communication. Learning a new language pushes human's brain to get familiar with new grammar and vocabulary rules. It gives opportunity to train human`s memory to remember new words, make connections with them, and use them in contextual situations.

Vocabulary is understanding how to use words in relation to their meaning. Developing new vocabulary involves more than just looking up words in a dictionary and using those words in sentences.

Students' vocabulary grows throughout their lifetime through direct and indirect learning. You can adopt direct teaching methods such as:

- Introducing specific word instruction geared toward increased comprehension and vocabulary.
- Leading wordplay activities that build upon previously learned words.
- Encouraging students to read often to boost their word knowledge and language development.
- Using the dictionary to teach word meanings and asking students to use those words in sentences during class participation.
- Utilizing Cognate Awareness (ELL) to teach kids similar words in English and other languages, such as Spanish. Cognates are two words in different languages that have similarities including spelling, meaning, and pronunciation.
- Making speaking skills a priority when learning vocabulary.
- Reading stories to your students. It helps them to question and learn specific words. Books that contain pictures may help reinforce the 'bigger' words for your students. [4, p.3]

A word is main unit of the language. They have different features such as phonetic, lexical, semantic and grammatical. There are some difficulties to teach new words in English for pupils. Because a word may have several meanings. They are called polysemous words in English. For example the word "sound" is polysemous word in English, it has 19 meanings as a noun, 12 meanings as an adjective, 4 meanings as a verb, 2 meanings as an adverb. The word "set" is also polysemous word in English and it has 57 meanings as a noun, 120 meanings as a verb. We can differentiate their meanings in context. Let`s review some different meanings using examples with the polysemous words:

She heard the *sound* of footsteps outside – Ol daşarda aýak *sesi* eşitdi.

You don`t *sound* the "b" in the word comb – Comb sözünde "b" harpy *aýdylmaýar*. I wanted to *sound* him out about a job – Men onuň bilen iş barada *pikir alyşjakdym*. He is a *sound* tennis player – Ol *gowy* tennis oýunçysy.

Set the alarm for 7 o`clock – Budilnigi sagat 7-ä *düz*.

The table was *set* for six guests – Saçak alty myhman üçin *taýýarlanyldy*.

She *set* many poems to music – Ol saz üçin goşgy *düzýär*.

The dress *sets* off the blue of her eyes – Köýnek onuň gökje gözleri bilen özüne çekiji *görünýär*.

We can see some similarities and peculiarities between polysemous words in English and Turkmen languages. Let`s choose the word "great" (beýik) and learn its meanings.

1. As a noun "great" is a person who has achieved distinction and honor in some field

"he is one of the **greats** of American music".

2. As an adjective it means relatively large in size or number or extent; larger than others of its kind:

"a **great** juicy steak", "a **great** multitude", "the **great** auk", "a **great** old oak"

3. adjective, of major significance or importance

"a **great** work of art"

4. adjective, remarkable or out of the ordinary in degree or magnitude or effect

"a **great** crisis"

"had a **great** stake in the outcome"

beyond what is ordinary or usual; highly unusual or exceptional or remarkable

5. adjective, very good, having desirable or positive qualities especially those suitable for a thing specified

"had a **great** time at the party"

6. adjective, uppercase

"**great** A"

7. adjective, in an advanced stage of pregnancy

"was **great** with child" [3, p. 36]

In Turkmen language the word "great" (beýik) is also polysemous word and it has the following meanings:

Beýik – *sypat, 1. Aşakdan ýokarlygyna beýgelip duran, belent, pes bolmadyk.* Depe-depeden beýik, Depeden inen keýik (Läle). Belent daglar, beýikligňe buýsanma (Magtymguly).

2. Ägirt uly ähmiýete eýe bolan. Beýik maksat tutduk biz, Uly bagta ýetdik biz (Läle).

3. göç.m. Abraýly, görnükli, şöhratly. Beýik şahsyýet. Beýik şahyr. [2, p.143]

We can explain new words in English with the help of these exercises:

Exercise 1. Translate the following sentences into English. Pay attention to the meanings of underlined words.

1. Düz giden meýdan, gum etekleri göm-gök ot bilen basyrylypdy.
2. Ol çagajyk köýneginiň etegine gum guýup, gapylaryna daşaýardy, peljegaz edýärdi, oýnaýardy.
3. Howanyň ýüzi arassady. Ilerde, örän uzakda ýek-tük bulut görünýärdi.
4. Gumuň üstüne çykyp, toweregiňe ser salsaň, asyl aşak düşesiň gelmeýär. Şol ýerde durkaň, ýüzüňi sypap geçýän şemaldan asyl doýup bolanok.
5. Birnäçe gezek agzyndaky tüwüleri çeýnäp, ýarysyny aňry geçirenden soň, sözüniň yzyny dowam etdi.
6. Gazanyň agzyny ýapyň, hapa düşmesin.
7. Baga girseň, her ädimde diýen ýaly ol şahadan bu şaha böküşip ýören şerçelere gözüň düşýär.
8. Bu kesilen agajyň gözi köp bolsa-da, ussa ondan dutar etmegi ýüregine düwdi.

Exercise 2. Read the poem "You Will Break Stones" by Magtymguly and find synonyms of given words: knowledgeable, gratitude, good, get, ruin, shorten, add, wise, happy, talent, fool, smart, big, unintelligent, long, full, small, break.

Listen to all the words of knowledgeable men,
In the far end your falsehood will get you nowhere,
Words of gratitude for good deeds will add years to your life,
A curse will ruin you, and shorten your life.
The soul will be happy for the wise man's words,
The talent will be ashamed with the work of the fool,
A coward will boast himself a smart person in a big gathering,
But when confronted he will drive anyone mad.
Magtymguly, do not ask for advice from an unintelligent man
Who wandered around in the deserts.
Though he has lived a long life, if you give him a full bowl in a small gathering,
He won't be able to eat the meal, and break the dish instead [1, p.155].

In the paper we distinguished some exercises to teach new words in English classes effectively. The important features of using these exercises in teaching English are:

- this method provides students with a lot of educational information specific to the English language;
- helps for improving of students' creative thinking;
- helps to teach the effective organization of educational work based on the means of teaching English;
- improves the quality of education provided to young people.

Literature:

1. Meredowa Z. Magtymguly. Poems from Turkmenistan. Asian Cultural History Program, 2014.
2. Türkmen diliniň düşündirişli sözlügi. Aşgabat: Ylym, 2016.
3. Wordpower Oxford Dictionary. Oxford University Press, 2016.
4. The usewww.prodigygame.com/main-en/blog/vovabulary-strategies/

© Saparova A., Bayramova G., 2026

УДК 811.512.142

Байчекуева Ж.М.,
студент КБГУ им. Х. М. Бербекова
Научный руководитель – ***Кетенчиев М.Б.,***
д-р филол. наук, профессор КБГУ им. Х. М. Бербекова,
г. Нальчик, Россия

СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ-ЗАГАДКИ С КОЛОРАТИВАМИ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

В карачаево-балкарской филологической науке колоративная лексика изучена достаточно неплохо. Наряду с рядом монографических работ, в которых колоронимы рассмотрены с различных позиций, в последние годы появился ряд научно-теоретических статей, ориентированных на выявление и описание функционально-семантических характеристик лексики цвета, связанных, например, с миром фауны. В них представлено следующее: масти богатырских коней [1], фаунические колоративы, связанные с концептосферой лошади [5], а также с культурой этноса [8]. Некоторые интересные сведения обнаруживаются и относительно функционирования адъективных колоративов, входящих в состав топонимов [2; 9]. Следует отметить также роль их в произведениях различных авторов [10]. Однако все еще не рассмотрены должным образом некоторые жанры устного народного творчества, в которых нашли свою нишу слова, обозначающие цвет. К ним можно отнести и такой малый жанр фольклора, как загадки. Тем не менее справедливости ради релевантно отметить труды фольклористов, нацеленных историю изучения загадок [6], их поэтики [3] и некоторых этнокультурных составляющих [4]. Правда, в них загадки с колоративами представлены несколько спорадически. Исходя из вышеотмеченного, нами в этой статье предпринимается попытка проанализировать ряд таких конструкций, представленных в хрестоматийной работе «Карачаево-балкарский фольклор», составленной Т.М. Хаджиевой [7: 487-505].

В структурном отношении рассматриваемые конструкции являются как простыми (их гораздо меньше), так и сложными: *Юй башында – ала кюйюз* (*Жулдузла*) ‘Над крышей – пестрый ковер (Звезды)’; *Тёп-тёгерек, топ кибик, / Ичи къызыл, от кибик (Харбыз)* ‘Круглый-прекруглый, как мяч, / Внутри красный, как огонь (Арбуз)’. В функционально-семантическом отношении подобные структуры являются характеризующими, а сложные из них имеют в основном структуру сложносочиненных предложений, части которых, как правило, соединяются между собой посредством интонации перечисления. Небезынтересны и неполные конструкции, в которых обычно элиминируются сказуемые: *Къарангы къолда – акъ ташла* (*Чыккырда бышлакъла*) ‘В темной балке – белые камни (Сыры в бочке)’.

В карачаево-балкарском языке сказуемые обычно употребляются с маркером предикативности *-ды*, который в загадках также присутствует, но они чаще употребительны без них, что является спецификой жанра, сближающегося с разговорной речью: *Бир акъ жабыуум барды да, / Саулай жерни жабады* (*Къар*) ‘Есть у меня белое одеяло, / Целиком землю накрывает (Снег)’; *Къыш болса – акъ бола, / Жаз болса – кёк бола* (*Къоян*) ‘Наступит зима – белым становится, / Наступит лето – серым становится (Заяц)’.

Некоторые загадки представляют собой ряды характеризующих именных дескрипций, вбирающих в себя два и более сочетаний: *Къолан къапталлы, / Къынгыр тырнакълы* (*Къаплан*) ‘С пестрым кафтаном, / с кривыми когтями (Тигр)’; *Боз бугъа боюнлу, / Темир сюек аякълы, / Пелиуан билекли, / Къысыр жилян жюрекли* (*Айыу*) ‘С шеей как у серого быка, / С железо-костяными ногами, / С пехлеваньими руками, / С сердцем змеиным (Медведь)’.

В рассматриваемом жанре в большей степени употребительны адъективные колоративы, число которых ограничено. К ним относятся *акъ* ‘белый’, *ала/къолан* ‘пестрый’, *кёк* ‘серый, зеленый’, *къара* ‘черный’, *къызыл* ‘красный’, сары ‘желтый’. Примеры: *Бети – акъ, чачы – бурма* (*Къайын терек*) ‘Лицо – белое, волосы – кучерявые (Береза)’; *Кеси къызыл, бурну къара* (*Итбурун*) ‘Лицо – белое, волосы – кучерявые (Шиповник)’; *Кёк кюбюрню ачдым, кёк дарийни чачдым* (*Кырдык*) ‘Зеленый сундук открыл, зеленые шелка разбросал (Трава)’; *Ары жаны – акъ къая, / Бери жаны – акъ къая, / Ортасында – сары мая* (*Гаккы*) ‘Та сторона – белая скала, / Эта сторона – белая скала, / Посередине – желтый сычуг (Яйцо)’ и т.п. В представленных загадках колоративы-имена прилагательные употребительны в своей основной форме, но они имеют и суперлативные формы, чему способствует сочетание их с усилительными частицами: *Къыппа-къызыл, къан кибик, / Таппа-татлы, бал кибик* (*Балли*) ‘Красная-прекрасная, как кровь, / Сладкая-пресладкая, как мед (Вишня)’. Для обозначения же

так называемых пограничных цветов носитель языка использует сочетания различных адъективов цвета: *Къып-къызыл къызыл-ала, / Бояусузлай къара бола* (*Отну кесеую*) ‘Красная-прекрасная красно-пестрая, / Без краски черным становится (Головешка огня)’.

Некоторые адъективные колоративы употребительны в составе сложных слов (*акъбет* ‘белолицая’, *къарауух* ‘черноротый’), способствуют образованию глаголов цвета (*агъар-* ‘побелеть’): *Акъбет бийче, агъарып келди да, / Жуургъанны юсюбюзден алды* (*Танг жарыкъ*) ‘Белоликая княгиня побелев пришла, / Да сняла с нас одеяло (Рассвет)’; *Къарт анамы къарауух уну: / Не как болмаз, не гыржын болмаз* (*Къуут*) ‘Моей старой мамы черноротая мука: / Ни каши из нее не получается, ни хлеба (Толокно)’.

Тематически рассматриваемые конструкции подразделяются на следующие группы:

1) загадки о животных: *Къыш болса – акъ бола, / Жаз болса – кёк бола* (*Къоян*) ‘Зима наступит – белеет, / Наступит весна – сереет (Заяц)’; *Къолан къапталлы, / Къынгыр тырнакълы* (*Къаплан*) ‘В пестром кафтане, / С кривыми когтями Тигр)’; *Боз бугъа боюнлу, / Темир сюек аякълы, / Пелиуан билекли, / Къысыр жилян жюрекли* (*Айыу*) ‘С шеей как у серого быка, / С железо-костяными ногами, / С пехлеваньими руками, / С сердцем змеиным (Медведь); *Сырты – къазандан къара, / Бауурy – къардан акъ* (*Къарылгъач*) ‘Спина чернее казана, / Грудь белее снега (Головешка огня)’; *Бутакъ-бутакъ мюйюзлери, / Кёк кырдыкдан кийизлери* (*Буу*) ‘Ветвистые-ветвистые рога, / Из зеленой травы его ковры (Олень)’;

2) загадки о растениях: *Бети – акъ, чачы – бурма* (*Къайын терек*) ‘Лицо белое, / волосы кудрявые (Береза)’; *Кёк кюбюрню ачдым, кёк дарийни чачдым* (*Кырдык*) ‘Зеленый сундук открыл, / Зеленые шелка разбросал (Трава)’; *Бир эгечни бири къызыл кие, бири къара кие* (*Къызыл бла къара дугъум*) ‘Одна из сестер в красное одевается, / Одна в черное одевается (АКрасная и черная смородина)’; *Къыппа-къызыл, къан кибик, / Таппа-татлы, бал кибик* (*Балли*) ‘Красная-красная, как кровь, / Сладкая-сладкая, как мед (Вишня)’; *Кеси къызыл, бурну къара* (*Итбурун*) ‘Сам красный, нос черный (Шиповник)’; *Тёп-тёгерек, топ кибик, / Ичи къызыл, от кибик* (*Харбыз*) ‘Круглый-прекруглый, как мяч, / Внутри красный, как огонь (Арбуз)’;

3) загадки о природных явлениях: *Бир акъ жабыуум барды да, / Саулай жерни жабады* (*Къар*) ‘Есть у меня одно одеяло, / Целиком землю накрывает (Снег)’; *Юй башында – ала кюйюз* (*Жулдузла*) ‘Над крышей – пестрый ковер (Звезды)’; *Юй башында – ала кюйюз, / Ортасында – жарты гыржын* (*Жулдузла бла ай*) ‘Над крышей – пестрый ковер, / Посередине – половина каравая (Звезды и луна)’; *Къара ийнек жатып къалды, / Акъ ийнек туруп кетди* (*Къар бла жер*) ‘Черная корова осталась лежать, / Белая корова встала и ушла (Снег и земля)’; *Амма атылып келди да, / Къара кийизни юсюбюзге жапды* (*Кече*) ‘Бабушка примчалась, / Да накрыла нас черным ковром (Ночь)’; *Жай кёк киеди, / Къыш акъ киеди* (*Жер*) ‘Летом зеленое одевает, / Зимой белое одевает (Земля)’ и др.

Наиболее облигаторным элементом этих и им подобных загадок выступают, как правило, имена прилагательные со значением цвета, поскольку их отгадка зиждется цветовых восприятиях носителей языка. Ср. *Къарангы бауда – акъ къозула* (*Тишле*) ‘В темном сарае – белые ягнята (Зубы)’. При отгадке человек опирается на своем познании окружающего мира, для него темный сарай – это закрытый рот, а зубы ассоциируются с белыми по масти ягнятами. Следует отметить тот факт, что носитель языка отгадывает загаданное путем сравнения, в частности уподобления друг другу, тех или иных предметов, признаков, действий и т.п. Так, например, красные по цвету предметы ассоциируются с теплом, огнем: *Къара ийнекни тюбюнде – къызыл бузоу* (Чоюн тюбюнде от) ‘Под красной коровой – красный теленок (Огонь под казаном)’; *Къызыл ийнек къызыу ёкюре, / Къызыл бузоу кёкге секире* (*Агъач отун бла жилтин*) ‘Красная корова горячо мычит, / Красный теленок на небо прыгает (Огонь из дров и искра)’; *Къызыл ёгюз къара къуса* (*От бла къурум*) ‘Красный вол черное изрыгает (Огонь и сажа)’; *Тегене толу къызыл ашыкъ* (*Мыдых*) ‘Корыто, полное красными альчиками (Угли)’; *Къып-къызыл къызыл-ала, / Бояусузлай къара бола* (*Отну кесеую*) ‘Красный-красный красно-алый, / Без краски чернеет (Головешка огня)’.

Таким образом, подвергнутый анализу выше эмпирический материал позволяет сделать вывод о том, что колоративы занимают значимое место в составе загадок, так как загадки отражают окружающий человека мир, который полон красок. Отгадка загадок базируется на познаниях человека, его ментальности, ассоциациях, сопряженных с возможностями сравнивать те или иные предметы и явления, действия и т.п. В структурном отношении конструкции, представляющие собой загадки, характеризуются многообразием. Среди них превалируют неполные конструкции с различными элиминированными языковыми элементами, имеющими различную семантику.

Литература:

1. Ахматова М.А., Кетенчиев М.Б. Функционально-семантический потенциал зоолексемы "конь" в карачаево-балкарском нартском эпосе // Вестник Академии наук Чеченской Республики. – 2017. – № 3 (36). – С. 86-91.

2. Ахматова М.А., Текуев М.М., Хуболов С.М. Топонимы карачаево-балкарского языка, образованные от апеллятива цвета акъ ‘белый’, и их лексико-семантическая характеристика // Научная мысль Кавказа. – 2021. – № 4 (108). – С. 118-124.

3. Берберов Б.А. История и поэтика карачаево-балкарской загадки // Oriental Studies. – 2021. – Т. 14. – № 3. – С. 635-648.

4. Берберов Б.А. Этнокультурные особенности карачаево-балкарской загадки // Известия СОИГСИ. – 2021. – № 40 (79). – С. 130-139.

5. Гукетлова Ф.Н., Кетенчиев М.Б. Зоолексема "лошадь" и ее концептосфера в разноструктурных языках // Взаимодействие языка и культуры: проблемы лингвистики и литературоведения. – Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 2014. – С. 50-76.

6. Гулиева (Занукоева) Ф.Х. К истории записи и публикации малых жанров карачаево-балкарского фольклора // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. – 2020. – № 4-1 (47). – С. 129-135.

7. Карачаево-балкарский фольклор. Хрестоматия / сост. Т.М. Хаджиева. – Нальчик: Эль-Фа, 1996. – 592 с.

8. Кетенчиев М.Б., Аппоев А.К. Этнокультурная составляющая зоолексемы "лошадь" в карачаево-балкарском языке // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2011. – № 2 (162). – С. 106-109.

9. Текуев М.М., Ахматова М.А., Хуболов С.М. Характеристика некоторых топонимов карачаево-балкарского языка с компонентами агъач "лес", терек "дерево" // Язык: история и современность. – 2019. – № 2. – С. 111-122.

10. Betuganova Y.N., Uzdenova F.T., Dodueva A.T., Khubolov S.M. Problem of National Identity and Ways of its Resolution in Works of Adyghe and Karachay-Balkarian Authors // Tarih kultur ve sanat arastirmalari dergisi-jornal of history culture and art research. – 2019. – Т. 8. – № 2. – P. 660-670.

© Байчекуева Ж.М., 2026

УДК 811.512.141

Бакирова Л.М.,
Өфө фән һәм технологиялар университетының студенты,
Ғилми етәксеһе: ***Хөснөтдинова Р.Я.,***
филол. фәнд. канд., доцент
Өфө ҡалаһы, Рәсәй

Ғ.Ғ. СӘЙЕТБАТТАЛОВ МЕНӘН Л.Л. СӘМИҒУЛЛИНАНЫҢ ХЕҘМӘТТӘРЕНДӘ ХӘЛ ЭЙӘРСӘН ҺӨЙЛӘМДӘРҘЕҢ ТӨРКӨМЛӘНЕШЕ

Төрки тел ғилемендәэйәртеүле ҡушма һөйләм мәсьәләһе оҙаҡ йылдар дауамында бәхәсле өлкәләрҙең береһе булып ҡала килә. Айырыуса, хәл эйәрсән һөйләмдәрҙе айырыу, уларҙың мәғәнә сиктәрен билдәләү, баш һөйләмгә бәйләнеш сараларын аңлатыу – теоретик яҡтан да, практик уҡыу-тәрбиәләү йәһәтенән дә ҡатмарлы мәсьәлә.

Башҡорт синтаксисында ошо йүнәлешкә иң күп көс һалған ғалимдарҙың береһе – Ғ.Ғ. Сәйетбатталов. Л.Л. Сәмиғуллина ла проблеманы яңынан ҡарап, эйәртеүле ҡушма һөйләмдәрҙең функциональ-семантик тәбиғәтен аныҡыраҡ асыҡларға ынтыла. Шуға күрә, ике ғалимдың ҡараштарын сағыштырыу – шәхси фекер айырмаһын ғына түгел, башҡорт синтаксисының үҫешен асыҡлай [1, 2].

Мәсьәләнең асылы ла шунда: хәл эйәрсән һөйләмдең төрө мәғәнәгә генә нигеҙләнеп билдәләнәме, әллә уның структураһы һәм бәйләнеш сараһы ла шул уҡ кимәлдә ҡараламы – был һорау аныҡ билдәләнмәгән.

Ғ.Ғ. Сәйетбатталов менән Л.Л. Сәмиғуллина хеҙмәттәре араһында уртаҡлыҡ байтаҡ. Икеһе лә хәл эйәрсән һөйләмдәрҙе башҡорт телендәге эйәртеүле ҡушма һөйләм системаһының мөһим өлөшө тип ҡарай. Ваҡыт, урын, сәбәп, маҡсат, рәүеш, шарт, кире, күләм-дәрәжә мөнәсәбәттәрен белдергән конструкцияларҙың телдә ныҡлы урын алыуы ике ғалим тарафынан да таныла. Улар, ғөмүмән, баш

һөйләмдәге эш-хәлде төрлө яҡтан асыҡлаған эйәрсән һөйләмдәрҙе семантик нигеҙҙә бер бөтөн төркөм итеп күҙ алдына килтерә.

Яҡынлыҡ осраҡлы түгел. Синтаксик система телдең үҙ материалынан сығып тикшерелгәндә, төп функциональ-семантик төрҙәрҙең оҡшаш булып күренеүе тәбиғи. Әммә классификацияның дөйөм оҡшашлығы эске деталдәрҙә тулы берҙәмлек бар тигән һүҙ түгел. Хеҙмәттәрҙә төп айырма – һөҙөмтә эйәрсән һөйләмдең статусы.

Ғ.Ғ. Сәйетбатталов үҙенең ҡушма һөйләм синтаксисы тураһындағы хеҙмәтендә эйәрсән һөйләмдәр һанын киңерәк ала, шул иҫәптән һөҙөмтә эйәрсән һөйләмде лә айырым төр итеп таный [4: 207]. Л.Л. Сәмиғуллина бындай ҡарашты тулыһынса ҡабул итмәй. Уныңса, «шуға күрә», «шул сәбәпле», «шуның өсөн» һымаҡ мөнәсәбәтле һүҙҙәр менән бирелгән күп кенә конструкцияларҙа һөҙөмтәнән бигерәк сәбәп мәғәнәһе көслөрәк ярылып ята. Мәҫәлән, *Көн кинәт һыуытты, шуның өсөн юлға иртәрәк сыҡманыҡ* тигән конструкцияла икенсе өлөшө тәүгеһенән тыуған һөҙөмтә һымаҡ күренһә лә, һорауҙы ни өсөн? тип ҡуйыу еңелерәк. Тимәк, бәйләнештең логик үҙәге – сәбәп. Ошо урында Л.Л. Сәмиғуллинаның дәлиле әһәмиәтле: телдә һөҙөмтә хәле тигән айырым хәл киҫәге булмағас, һөҙөмтә эйәрсән һөйләмде лә мотлаҡ үҙ аллы төр итеп айырыу теоретик яҡтан бәхәсле. Һөҙөмтә төҫмөрө бөтөнләй юҡ түгел, ләкин ул йыш ҡына сәбәп мөнәсәбәтенең эске биҙәге кимәлендә генә ҡала.

Ваҡыт эйәрсән һөйләмдәрҙе аңлатыуҙа ла ҡараш айырмаһы бар. Ғ.Ғ. Сәйетбатталов хәбәрҙәре хәл ҡылымдан килгән ҡайһы бер ваҡыт эйәрсән һөйләмдәрҙе баш һөйләмгә интонация менән бәйләнеүсе конструкциялар рәтенә индерә. Л.Л. Сәмиғуллина иһә уны кире ҡаға: эйәрсән һөйләм менән баш һөйләм араһында айырыусы пауза булыуы ғына интонацион бәйләнеште иҫбатламай; төп бәйләүсе сара – хәл ҡылым формаһының үҙе. Ысынлап та, *Ямғыр туҡтағас, балалар тышҡа сыҡты* тигән һөйләмдә бәйләнеште пауза түгел, ә *-ғас* хәл ҡылымы ойоштора. Әгәр ошондай форманы алып ташлаһаҡ, эйәртеү мөнәсәбәте тарҡала. Тимәк, хәл ҡылым бында ике төрлө синтаксик эш башҡара: ул хәбәрлек үҙәгенә лә инеп китә, шул уҡ ваҡытта, эйәрсән киҫәкте баш һөйләмгә ялғай. Л.Л. Сәмиғуллина фекере төрки телдәрҙең боронғо синтаксик ҡоролошона нығыраҡ тап килә.

Бәйләнеш сараһын дөрөҫ аңлатыу – термин мәсьәләһе генә түгел. Ул эйәртеүле ҡушма һөйләмдең тәбиғәтен билдәләй. Һанау, ҡаршы ҡуйыу, асыҡлау интонациялары булған теркәүесеҙ теҙмә конструкциялар бар, әммә хәл ҡылымлы ваҡыт һөйләмдәрҙең ҡоролошо икенсе. *Көн байығас, ауыл тынланды; эш бөткәс, ул өйөнә ашыҡты; ҡар иреһәс, баҫыу ҡарайҙы* – бындай һөйләмдәрҙә бәйләнеште интонацияға ҡайтарып ҡалдырыу ауыр. Синтаксик мөнәсәбәт формаль күрһәткес ярҙамында бирелгән. Ошо күҙлектән ҡарағанда, Л.Л. Сәмиғуллинаның фекере нигеҙлерәк күренә. Ғ.Ғ. Сәйетбатталов материалды киң ҡарап, төрлө типтарҙы күрһәтһә, Л.Л. Сәмиғуллина бәйләнештең лингвистик асылына тәрәнерәк төшә, синтаксик берәмектең үҙен аныҡлай.

Рәүеш һәм сағыштырыу эйәрсән һөйләмдәрҙе айырыуҙағы айырма ла әһәмиәтле. Ғ.Ғ. Сәйетбатталов ҡайһы бер оҡшаш төҙөлөшлө конструкцияларҙы бер урында рәүеш, икенсе урында сағыштырыу төрөнә индерә. Л.Л. Сәмиғуллина уны хәл һөйләмдәрҙе төркөмләүҙең киңәйеп китеүе тип аңлата. *Аҕаһы өйрәткәндәй, ул һүҙен өҙмәй һөйләне* тигән һөйләмдә баш һөйләмдәге эштең башҡарылыу рәүеше беленә. Бында сағыштырыу төҫө бар, ләкин үҙәк мөнәсәбәт – нисек? тигән һорауға яуап. Ә *Бөгөнгө уңышың булғансы, кисәге хатаң булмаһын* тибындағы мәҡәл һымаҡ конструкцияларҙа бер хәл икенсеһе менән ҡапма-ҡаршы ҡуйыла, сағыштырыу семантикаһы аныҡраҡ. Тимәк, һәр оҡшашлыҡты айырым сағыштырыу төрө тип йөрөтөү дөрөҫ булмай. Рәүеш менән сағыштырыу мәғәнәләре араһында күсеүосрағы бар, әммә грамматик классификацияла үҙәк йөкмәтке иғтибар үҙәгендә ҡалырға тейеш.

Сағыштырыу эйәрсән һөйләмдең статусы ошо урында айырыуса аныҡ күренә. Л.Л. Сәмиғуллина башҡорт телендә ысын сағыштырыу мәғәнәһе көслө булған конструкцияларҙы бөтөнләй инҡар итмәй, ләкин уларҙың даирәһен ныҡ тарайта. Күберәк мәҡәл-әйтемдәрҙә осраған *Бер көн батша булғансы, ҡырҡ йыл игенсе бул; Йөҙ тапҡыр ишеткәнсе, бер тапҡыр күр* кеүек һөйләмдәрҙә баш һөйләмдәге фекер эйәрсән конструкциялағы хәл менән сағыштырыла, ҡайһы саҡ ҡаршы ҡуйыла. Бында рәүеш түгел, сағыштырыу семантикаһы көслөрәк. Ә инде *тигәндәй, әйтерһең, кеүек, төҫлө* һүҙҙәр ҡатнашҡан бик күп конструкциялар рәүеш ҡушма һөйләм тип ҡабул ителергә мөмкин. Шуға күрә, Л.Л. Сәмиғуллина тәҡдим иткән тар ҡараш практик анализ өсөн отошлораҡ. Хәҙерге грамматика ла хәл эйәрсән һөйләмдәрҙе функциональ-семантик принцип нигеҙендә тәртипкә һалып, сиктәрҙе мөмкин тиклем аныҡларға ынтылалар [5: 40].

Кире эйәрсән һөйләмдәрҙе аңлатыуҙағы фекер айырмаһы бәйләнеш сараһының грамматик роленә барып тоташа. Ғ.Ғ. Сәйетбатталов шарт һөйкәлеше формаһына *ла/лә* киҫәксәһе ҡушылған ҡайһы бер конструкцияларҙы синтетик төргә индерә. Л.Л. Сәмиғуллина иһә бында аналитизм

өҫтөнлөк ала тип иҫәпләй, сөнки *ла/лә* киҫәксәһе үҙенең ғәҙәти көсәйтеү роленән ситләшеп, теркәүестең функцияһын башҡара. *Ямғыр яуһа ла, юлсы туҡтаманы* тигән һөйләм быға яҡшы миҫал. Эйәртеү мөнәсәбәте *-һа* күрһәткесе менән генә тамамланмай, кире мәғәнәне нәк *-ла* киҫәксәһе асыҡлай. Шуға күрә, конструкцияның синтаксик тәбиғәтен бер морфемаға ғына ҡайтарып ҡалдырыу дөрөҫ түгел.

Тағы бер мөһим күҙәтеү: «хәлдә лә» тибындағы һәр конструкцияла кирелек мәғәнәһе бер үк дәрәжәлә ярылып ятмай. Ҡайһы бер осраҡта унда ҡаршылыҡтан бигерәк шарт йә көсәйтеү семантикаһы көслөрәк.

Урын эйәрсән һөйләмдәргә килгәндә, ике ғалим араһындағы айырма тағы ла нескәрәк. Ғ.Ғ. Сәйетбатталов *ҡайҙа... шунда* тибындағы ҡайһы бер конструкцияларҙы урын һөйләме тип ҡараһа, Л.Л. Сәмиғуллина уларҙың бер өлөшөн хәбәр эйәрсән һөйләмдәргә яҡынайта. Мәҫәлән, *Ҡайҙа уның йорто, шунда уның күңел йылыһы* тигән конструкцияла *шунда* һүҙе баш һөйләмдең хәбәр үҙәгендә тора, эйәрсән өлөш нәк шуның мәғәнәһен аса. Ошондай осраҡта урын мөнәсәбәте менән хәбәрлек мөнәсәбәте үҙ-ара үрелә. Ә ярҙамсы һүҙҙәр ҡатнашлығындағы конструкциялар – *үҙе теләгән ерҙә туҡтар, күҙе төшкән яҡҡа боролор һымаҡтар* – икенсе күренеш. Бында *ерҙә, яҡҡа* һүҙҙәре тәүге лексик мәғәнәһен бер аҙ юғалтып, бәйләүсе сара төҫөн ала. Тимәк, урын эйәрсән һөйләмде билдәләгәндә бер һорау ғына етмәй, баш һөйләмдәге мөнәсәбәтле һүҙҙең синтаксик функцияһын да иҫәпкә алыу кәрәк. Ошо йәһәттән Л.Л. Сәмиғуллина ның анализы төплөрәк.

Дөйөмләштереп әйткәндә, Ғ.Ғ. Сәйетбатталов менән Л.Л. Сәмиғуллина хеҙмәттәре бер-береһенә ҡаршы фекерҙәрҙән тормай. Уларҙың нигеҙендә уртаҡ фәнни ҡараштар ята. Ике ғалим да башҡорт телендәге хәл эйәрсән һөйләмдәрҙең байлығын, күп төрлө төҙөлөшөн, мәғәнә төрҙәренең ҡатмарлылығын күрһәтә. Айырма, башлыса, ике урында асыҡ сағыла:

1) синтаксик төрҙәрҙең сиктәрен киңәйтеү йә тарайтыуҙа;

2) бәйләнеш сараһының лингвистик тәбиғәтен аңлатыуҙа.

Ғ.Ғ. Сәйетбатталов хәл эйәрсән һөйләмдәргә мөмкин тиклем күберәк конструкцияны индереп, тикшереү материалын байыта; Л.Л. Сәмиғуллина иһә шул материалды яңынан үлсәп, синтаксик критерийҙы ҡәтғиләштерә. Шуға күрә ике хеҙмәт тә бер үк дәрәжәлә ҡиммәтле. Беренсеһе – фактик байлыҡ һәм киң классификацияһы менән, икенсеһе – теоретик аныҡлығы менән күренекле.

Мәктәптә һәм юғары уҡыу йортонда синтаксис өйрәткәндә ошо сағыштырыуҙы күҙ уңында тотоу айырыуса мөһим. Әгәр һәр мәғәнә биҙәген айырым төр итеп ҡабул итһәк, уҡыусыла система урынына буталсыҡ тыуасаҡ. Әгәр киреһенсә, бөтә оҡшашлыҡты бер генә ҡалыпҡа һалып ҡуйһаҡ, телдең нескәлеге юғаласаҡ. Шуға күрә, хәҙерге башҡорт теле синтаксисында хәл эйәрсән һөйләмдәрҙе функциональ-семантик принципҡа таянып аңлатыу, әсемантик күренештәрҙе өҫтәмә мәғәнә биҙәге итеп күрһәтеү отошлораҡ күренә. Ошо юл ике ғалим мираҫын ҡаршы ҡуймай, ә берләштерә. Фән өсөн дә, уҡыу-тәрбиәләү өсөн дә әһәмиәтле һығымта – тап ана шул. Хәл эйәрсән һөйләмдәрҙең системаһы телдең йәнле тәбиғәтен сағылдыра, ә Ғ.Ғ. Сәйетбатталов менән Л.Л. Сәмиғуллинаның хеҙмәттәре уны төрлө яҡтан яҡтырта.

Әҙәбиәт:

1. Арсланова М.А., Хуснетдинова Р.Я. Башҡорт телендә хәл эйәрсән һөйләмдәрҙең төрҙәре. В сборнике: «Актуальные проблемы современной татарской филологии». Сборник статей Всероссийской заочной научно-практической конференции, посвященной 95-летию со дня рождения известного языковеда, тюрколога, доктора филологических наук, профессора, первого заведующего кафедрой татарской филологии Башкирского государственного университета Габдулхая Хурамовича Ахатова (1927 – 1986). – Уфа, 2022. – С. 29-32.

2. Байбулдина Н.И., Хөснөтдинова Р.Я. Л.Л.Сәмиғуллинаның хеҙмәттәрендә хәл эйәрсән һөйләмдәрҙе төркөмләү мәсьәләһе. В сборнике: «Актуальные проблемы современной филологии». Сборник материалов региональной (с международным участием) научно-практической конференции, посвященной 130-летию известного башкирского педагога, ученого, общественного деятеля Габбаса Давлетшина. – Уфа, 2022. – С. 60-65.

3. Башҡорт теле грамматикаһы: 3 томда. Т. III: Синтаксис. – Өфө: Китап, 2018. – 472 б.

4. Сәйетбатталов Ғ.Ғ. Башҡорт теле. II том. Ҡушма һөйләм синтаксисы. – Өфө: Китап, 2002. – 432 б.

5. Сәмиғуллина Л.Л. Башҡорт теленең ҡушма һөйләм синтаксисы: уҡыу ҡулланмаһы. – Стәрлетамаҡ: Стәрлетамаҡ дәүләт педагогия институты нәшриәте, 2003. – 65 б.

© Бакирова Л.М., 2026

УДК 811.581

Бакирова Л.М.
студент УУНиТ
Научный руководитель: ***Гильманова Л.Р.,***
ст. преп. УУНиТ
г. Уфа, Россия

КОНЦЕПТ «КРАСОТА» В КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Концепт «красота» в китайской лингвокультуре семантически богатое понятие, обусловленное тысячелетней историей философской и художественной мысли.

Центральным иероглифом, обозначающим красоту, служит иероглиф 美 (měi), чья графическая структура сама по себе многозначна: верхняя часть иероглифа – 羊 (yáng, «овца»), нижняя – 大 (dà, «большой» или «человек»). Этимологически знак восходит к представлениям о крупной, упитанной овце как знаке достатка и вкусной пищи – красота в архаическом сознании неотделима от телесного благополучия [2: 61]. Впоследствии значение расширилось до обозначения внешней привлекательности, эстетического совершенства и нравственного идеала.

Помимо 美, в языке существуют иероглифы с более узкой семантикой: 丽 (lì) передает утонченное изящество, 艳 (yàn) – броскую яркость, иногда чувственность, 妙 (miào) – тонкое, почти неуловимое очарование. Разграничение между ними принципиально: 艳 уместно в описании яркого цветка или пышного убранства, тогда как 妙 скорее прилагается к мастерству каллиграфа или звучанию флейты. Показательно, что все четыре иероглифа активно используются в современном языке, сохраняя семантические различия, унаследованные от древнекитайского [1: 36]. Семантическое поле концепта, таким образом, охватывает диапазон от чувственного восприятия до духовной категории.

Философский фундамент китайских представлений о прекрасном строился на 3 мощных традициях:

1) Конфуцианство рассматривало красоту сквозь призму ритуала 礼 (lǐ) и гуманности 仁 (rén). Это соответствует социальному порядку и нравственному закону. Отсюда устойчивая связь красоты с добродетелью – человек, лишенный 仁, не способен, по Конфуцию, быть по-настоящему прекрасным.

2) Даосская традиция предлагала принципиально иной взгляд: красота – в естественности 自然 (zìrán), в простоте 朴素 (pǔsù), в невмешательстве 无为 (wúwéi). Искусственно созданная, намеренно декоративная красота расценивалась даосами как ущербная – подобно тому, как выкрашенное дерево теряет жизнь.

3) Представляет семантику иллюзорности внешнего эстетика буддизма: телесная красота преходяща и обманчива, тогда как внутренняя чистота – единственная подлинная ценность [4].

Историческая эволюция концепта прослеживается уже в древнейшем поэтическом памятнике «Ши цзин» (诗经, «Книга песен», XI–VI вв. до н. э.). В текстах сборника красота описывается через природные образы и телесные детали: белизна рук, блеск зубов, изгиб шеи.

Эпоха Тан (618–907) закрепила новый стандарт женской красоты, где полнота воспринималась как признак здоровья, знатности и расцвета. Сунская эстетика (960–1279), напротив, тяготела к хрупкости, утонченности, бледности – идеал сместился в сторону болезненной изысканности.

В XX веке под влиянием глобализации произошел резкий разворот: западные стандарты стройности и симметрии начали вытеснять традиционные представления, хотя и не смогли полностью их заместить.

Сегодня в Китае сосуществуют несколько конкурирующих идеалов – от ориентированного на корейскую поп-культуру образа до реактивного интереса к ханьской эстетике [5: 14].

Особое место в культурной памяти занимают образы «четырех великих красавиц» – 四大美人 (sì dà měirén): Си Ши, Ван Чжаоцзюнь, Дяочань и Ян Гуйфэй. Каждая из них связана с определенной идиомой: Си Ши – с 沉鱼 (chén yú, «рыба тонет»), Ван Чжаоцзюнь – с 落雁 (luò yàn, «гусь падает»), Дяочань – с 闭月 (bì yuè, «луна прячется»), Ян Гуйфэй – с 羞花 (xiū huā, «цветы стыдятся»).

Красота каждой из них описывается через воздействие на природу – животных, небесные тела, растения. Все четыре образа несут в себе трагическое измерение: красота оказывается причиной

гибели – своей или чужой. Ян Гуйфэй была казнена во время мятежа Ань Лушаня, Дяочань стала орудием политической интриги.

В китайском культурном сознании красота женщины амбивалентна: она восхищает и разрушает одновременно [3: 43]. Такая амбивалентность закреплена в языке на уровне фразеологии.

Природные образы в китайской эстетике наделены устойчивыми символическими значениями, образуя своеобразный код красоты. Цветок сливы *梅花* (méihuā) воплощает стойкость и чистоту – он цветет в мороз, вопреки обстоятельствам. Орхидея *兰花* (lánhuā) – символ утонченного, скромного совершенства, недоступного грубому взгляду. Также цветок Лотос *莲花* (liánhuā) олицетворяет духовную незапятнанность: он вырастает из ила, оставаясь белоснежным, – отсюда буддийская коннотация чистоты.

Каждый из образов входит в поэтическую традицию как самостоятельный концептуальный сгусток, не требующий развернутого пояснения.

Идеал «внешней и внутренней красоты» – *外秀内慧* (wài xiù nèi huì) – прямо указывает на то, что физическая привлекательность без душевных достоинств в китайской традиции неполноценна [1: 38].

Фразеологический фонд китайского языка хранит богатейший пласт единиц, связанных с концептом красоты. Центральное место занимают чэнъюй (*成语* chéngyǔ) – четырехсложные идиомы с устойчивой семантикой. Идиома *沉鱼落雁* (chén yú luò yàn) – буквально «рыба тонет, гусь падает» – обозначает красоту столь невероятную, что природа теряет равновесие. Фразеологизм *闭月羞花* (bì yuè xiū huā) – «луна прячется, цветы стыдятся» – строится на той же модели: красота человека превосходит красоту природы. *国色天香* (guó sè tiān xiāng) – «красота страны и аромат неба» – применяется к совершенству редчайшему, почти запредельному. *羞花闭月* (xiū huā bì yuè) – инвертированный вариант той же идиомы – передает чарующую, притягивающую красоту. Чэнъюй активно употребляются в современной публицистике и художественной прозе, сохраняя высокую частотность [2: 62].

В пословицах и поговорках (*俗语* súyǔ) – бытовое, народное измерение концепта. Например, *一白遮三丑* (yī bái zhē sān chǒu) – «одна белизна скрывает три уродства» связана с культом светлой кожи, укорененный в китайской эстетике с древности: светлая кожа маркировала принадлежность к высшим сословиям, не занятым физическим трудом. *女为悦己者容* (nǚ wèi yuè jǐ zhě róng) «женщина наряжается для того, кто ее любит» отражает традиционный взгляд на женскую красоту как социально ориентированную практику. Пример *相由心生* (xiàng yóu xīn shēng) – «внешность рождается из сердца» о прямой связь между нравственным состоянием человека и его обликом.

Образные сравнения и метафоры, связанные с красотой человека, устойчиво опираются на природный мир. *秋水明眸* (qiū shuǐ míng móu) – «ясные очи как осенняя вода» – передает прозрачность, глубину и чистоту взгляда через образ осенней реки, свободной от летней мути. *云发* (yún fà) – «волосы как облака» – фиксирует густоту, пышность, легкость прически. *柳腰* (liǔ yāo) – «талия как у ивы» – обозначает изящную гибкость, столь ценившуюся в традиционной эстетике.

В танской поэзии подобные образы разработаны с особенной тонкостью: Ли Бо (*李白*) сравнивает блеск луны с инеем, создавая визуальный эффект холодной, хрупкой красоты. Ду Фу (*杜甫*) описывает весенний дождь как существо, наделенное разумом и состраданием. Метафорическая система китайской поэзии формировала языковые клише, перешедшие затем в повседневную речь [4]. Многие из них до сих пор воспринимаются носителями как «высокий» регистр обозначения красоты.

Например, поэзия Ли Бо дает классический материал для анализа концепта. Стихотворение «Дума тихой ночью» (*《静夜思》*) построено на образе луны, занимающей центральное место в китайской эстетике красоты:

床前明月光，
疑是地上霜。
举头望明月，
低头思故乡。
(Chuáng qián míng yuè guāng, / Yí shì dì shàng shuāng. / Jǔ tóu wàng míng yuè, / Dī tóu sī gù xiāng.)

У постели лунный свет сияет, / Казалось, инеем земля покрыта. / Поднял голову – луну созерцаю, / Опустил – о доме думаю с тоской.

明月 (míng yuè, «ясная луна») – устойчивый символ вечности, чистоты и гармонии. Сравнение лунного света с инеем (*疑是地上霜*, yí shì dì shàng shuāng) создает образ холодной, прозрачной красоты ночного пейзажа, в котором хрупкость (*霜* shuāng, «иней») становится эстетической ценностью.

Внешняя красота луны здесь запускает внутреннее переживание – тоску по родине (*思故乡* sī gù xiāng): красота выступает триггером для глубоких эмоциональных состояний, а не самоцелью. Пятисложный ритм четверостишия отражает даосский идеал лаконичности – красота рождается из минимума средств.

Образ луны в китайской поэтической традиции многократно воспроизводится именно в этом семантическом ключе – как воплощение недостижимого, тоскующего, прекрасного [1: 37]. Стихотворение Ли Бо – один из наиболее цитируемых текстов в истории китайской литературы, что само по себе свидетельствует об устойчивости описываемой эстетической модели.

Стихотворение Ду Фу «Весенней ночью радуюсь дождю» (*《春夜喜雨》*) разрабатывает иной аспект концепта – красоту, понятую через созидательное действие:

好雨知时节,
当春乃发生。
随风潜入夜,
润物细无声。
(Hǎo yǔ zhī shí jié, / Dāng chūn nǎi fā shēng. / Suí fēng qián rù yè, / Rùn wù xì wú shēng.)

Хороший дождь знает время года, / Весной он приходит, чтобы дать жизнь. / С ветром тайком входит в ночь, / Увлажняет все беззвучно.

Олицетворение дождя (*好雨知时节*, hǎo yǔ zhī shí jié – «хороший дождь знает время») наделяет природное явление сознанием и моральным чувством: дождь приходит вовремя, потому что он «знает». Концепт неотделим от целесообразности и заботы – конфуцианский мотив, переведенный на язык пейзажной лирики.

Ключевая строка *润物细无声* (rùn wù xì wú shēng – «увлажняет все беззвучно») утверждает, что подлинно прекрасное действует незаметно, без демонстрации. Тишина (*无声*) превращается в эстетическую ценность – это прямой выход на даосскую категорию ненасилия и естественности.

Символика весны (*春* chūn) как времени обновления задает временну́ю рамку, в которой красота природы раскрывается сама по себе, без усилия. Ду Фу создает образ красоты деятельной, тихой и нравственно окрашенной – в этом смысле его поэтика наиболее полно воплощает конфуцианско-даосский синтез [4: 54].

Эвфемистические и косвенные обозначения красоты образуют отдельный пласт лексики, отражающий склонность китайской коммуникативной культуры к непрямому выражению. *标致* (biāo zhì) «изящный, привлекательный» репрезентируется как нейтральный эпитет, применимый и к мужчине, и к женщине, лишенный какого-либо чувственного оттенка. Вербализует эстетику социальной заметности красоты образное средство *出众* (chū zhòng) – «выдающийся, выделяющийся из толпы», что само по себе симптоматично. *风姿绰约* (fēng zī chuò yuē) «грациозный, пленительный облик» принадлежит высокому литературному регистру и применяется исключительно к женской красоте.

Уклончивость языка красоты – это, по существу, проявление *礼* в речевом поведении. Система эвфемизмов, обслуживающих концепт, устойчива и воспроизводится как в разговорной речи, так и в письменных текстах [2: 62]. Употребление той или иной единицы маркирует регистр общения и степень близости между коммуникантами.

Гендерное измерение концепта в китайском языке выражено достаточно отчетливо. Мужская красота описывается преимущественно через образ нефрита и ветра: *玉树临风* (yù shù lín fēng) «как нефритовое дерево на ветру» – прямота, благородство и легкость одновременно.

Женская красота тяготеет к образам льда и нефрита иного рода: *冰肌玉骨* (bīng jī yù gǔ) «кожа как лед, кости как нефрит». Нефрит (*玉* yù) присутствует в обоих описаниях, однако коннотации различаются: применительно к мужчине он символизирует твердость и нравственную силу, применительно к женщине – нежность и утонченность.

Числовая символика концепта также значима: девятка (*九* jiǔ) маркирует совершенство и вечность, потому устойчивые словосочетания с компонентом «девять» нередко появляются в контекстах, связанных с высшей степенью красоты. Белый цвет (*白* bái) в эстетическом контексте

означает чистоту, но в погребальном ритуале – траур: одна и та же единица несет полярные смыслы в зависимости от контекста. Красный (*红* hóng) – цвет праздника, удачи и жизненной силы – в описаниях красоты появляется как знак румянца, витальности, здоровья [3: 43]. Семантика цвета в концепте «красота» принципиально контекстуальна и не поддается однозначной трактовке.

Современные языковые тенденции в сфере концепта «красота» отражают культурный обмен. *高颜值* (gāo yán zhí) – «высокий уровень красоты», калька с английского high value, которая прочно вошло в молодежный узус и активно употребляется в социальных сетях. Интернет-сленг пополнился единицами вроде *小鲜肉* (xiǎo xiān ròu, «молодой красавчик», буквально «свежее мясо») и *颜值爆表* (yán zhí bào biǎo, «красота зашкаливает»), порожденными потребительской культурой и медиасредой.

Влияние корейской поп-культуры закрепило новый визуальный стандарт: V-образный овал лица, большие глаза, матовая кожа – *蛋肌* (dàn jī, «кожа как яйцо») стало рекламным клише косметических брендов.

Сопоставление с западной концепцией прекрасного показало принципиальное расхождение: западная традиция, начиная с античной калокагатии и вплоть до романтизма, акцентирует индивидуальность и телесность, тогда как китайская – гармонию с традицией и символическую насыщенность образа [5: 74].

Итак, концепт «красота» в китайской культуре семантически неоднородна и связана с древнейшими философскими представлениями и культурой народа. Тем не менее, по своей структуре она открыта языковым изменениям, которое воплощается в принятии западных аксиологических ценностей о красоте.

Литература:

1. Васягина Т. В. Изучение концептосферы китайского языка в сопоставлении с русской (на примере концепта «красота») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – №2 (32). – Ч. I. – С. 36–39.

2. Долженко Д. А. Концепт «красота» в китайской лингвокультуре // Перспективы развития современного гуманитарного знания: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Отв. ред. Л. В. Климина. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2019. – С. 60–63.

3. Дворцова А. Н., Долженко Д. А. Репрезентация концепта «Красота» в китайской лингвокультуре // Репозиторий ФГБУ ВО «Луганский государственный педагогический университет». – 2020. – С. 101-132.

4. Чжан Хунин, У Цзюань. Концепт «красота» в русской и китайской языковых картинах мира: монография. – Новосибирск: ООО «СибАК», 2023. – 86 с.

© Бакирова Л.М., 2026

УДК 81'42

Балапанова Н.Б.,
студент УУНиТ
Научный руководитель: ***Габидуллина А.Т.,***
канд. филол. наук, УУНиТ,
г.Уфа, Россия

СРАВНЕНИЕ КАТЕГОРИИ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА В АНГЛИЙСКОМ, БАШКИРСКОМ, КИТАЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Данное исследование посвящено сопоставительному анализу способов выражения множественного числа в английском, башкирском, китайском и русском языках, принадлежащих к различным языковым типам. Актуальность работы обусловлена необходимостью выявления типологических особенностей реализации категории числа в разносистемных языках, что представляет интерес как для теоретического языкознания, так и для практики преподавания иностранных языков.

Категория множественного числа представляет собой одну из фундаментальных грамматических категорий имени существительного, отражающую количественные отношения между предметами и явлениями действительности. Несмотря на универсальный характер

противопоставления единичности и множественности, способы грамматического выражения данной категории демонстрируют значительное разнообразие в языках различных типологических систем.

Как отмечает В. Д. Аракин, категория числа выражает количественные отношения, существующие в реальной действительности, отражённые в сознании носителей языка и имеющие морфологическое выражение в соответствующих формах языка [1: 86]. В типологических исследованиях категории числа особое внимание уделяется соотношению грамматического значения и формы слова, а также доминирующим способам выражения – морфологическим, аналитическим и лексическим [5: 23].

Русский язык, относящийся к индоевропейской семье, демонстрирует развитую флективную систему выражения множественного числа. Основным средством являются окончания, выбор которых зависит от типа склонения, рода и фонетической структуры слова [1: 90].

Наряду с окончаниями в русском языке представлены и другие способы образования форм множественного числа:

а) чередование (*друг – друзья, ухо – уши*);

б) смена ударения (*волна – волны, окно – окна*);

в) супплетивизм (*человек – люди, ребёнок – дети*);

г) сочетание суффикса и окончания (*котёнок – котята*). **[2: 54]**.

Кроме того, у несклоняемых существительных значение числа выражается синтаксически – через согласование зависимых слов: новое кафе – новые кафе, белое пальто – белые пальто **[2: 55]**.

Особую группу составляют:

а) слова, используемые исключительно во множественном числе (заморозки*, каникулы, сумерки*);

б) слова, используемые исключительно в единственном числе (*доброта, дружба, молоко, железо, листва, мошкара, бег, тишина*);

в) существительные с совпадающими формами множественного и единственного числа (*брюки, очки, ножницы, сутки)*

Английский язык также принадлежит к индоевропейской семье, однако система выражения множественного числа в нём является более регулярной и стандартизированной **[5: 67]**.

Основным способом является добавление суффикса *-s/-es*: *book – books, class – classes, box – boxes*.

Орфографические изменения включают: *-y → -ies* (*city – cities*); в ряде случаев *-f/-fe → -ves* (*knife – knives*)

В английском языке сохраняется ряд нерегулярных форм, возникших в результате исторических изменений:

а) изменение корневой гласной (*man – men, woman – women, goose – geese, tooth – teeth, foot – feet*);

б) добавление *-en* (*ox – oxen, child – children*);

в) заимствованные формы (*cactus – cacti, criterion – criteria, phenomenon – phenomena*).

Некоторые существительные имеют одинаковую форму для единственного и множественного числа (*sheep – sheep, deer – deer, fish – fish*).

Отдельного внимания заслуживают собирательные существительные (*family, class, team, audience*), которые в британском английском могут согласовываться с глаголом как в единственном числе (при обозначении группы как целого), так и во множественном (при акценте на членах группы), тогда как в американском английском чаще используется форма единственного числа. [6].

Следует отметить, что наряду с морфологическими средствами в английском языке активно используются аналитические конструкции (*many, a lot of*), уточняющие значение множественности.

Башкирский язык, относящийся к тюркской группе, характеризуется агглютинативным строем и регулярной системой словоизменения. [4: 78]

Множественное число существительных образуется при помощи аффиксов **[7: 45]**: -лар/-ләр, -тар/-тәр, -дар/-дәр, -ҙар/-ҙәр.

Выбор аффикса определяется фонетическими условиями (звонкость/глухость согласных) и законом сингармонизма.

Особенности:

а) при сочетании с числительными существительное остаётся в форме единственного числа: *ике китап* – «две книги», *өс өй* – «три дома»;

б) множественность может выражаться лексически: *күп* (много), *байтаҡ* (немало), *әҙ* (мало), *нисә* (несколько);

в) аффикс множественности присоединяется и к заимствованным словам: *пальтолар, таксилар, кафелар*;

г) в ряде случаев форма существительного может иметь обобщённое значение и интерпретироваться как единственное или множественное число в зависимости от контекста (*ат* – «лошадь/лошади», *мал* – «скот»).

Супплетивизм ограничен и характерен преимущественно для местоимений (*мин – беҙ*). Абстрактные и вещественные существительные, как правило, не имеют форм множественного числа (*һыу – вода, һауа – воздух*).

Китайский язык представляет собой язык изолирующего типа, в котором морфологическая категория числа не является обязательной и выражена ограниченно [3: 112].

Существительные, как правило, не изменяются по числам: одно и то же слово может обозначать как один предмет, так и несколько. **[3: 115]**.

Основные способы выражения множественности:

а) сочетание числительных со счётными словами: 三本书 (*sān běn shū*) – «три книги»;

б) использование указательных и количественных слов: 这些书 – «эти книги», 些衣服 – «немного одежды», 很多 – «много», 几个 – «несколько»;

в) употребление суффикса 们 (*men*), который используется преимущественно с существительными, обозначающими людей: 朋友 – 朋友们, 我 – 我们;

г) использование лексем со значением собирательности: 大家 – «все», 人们 – «люди». [3: 118]

Важно отметить, что суффикс 们 не употребляется при наличии числительного и имеет ограниченную сферу применения.

Таким образом, множественность в китайском языке выражается преимущественно аналитическими и контекстуальными средствами.

Сопоставительный анализ показывает, что:

– русский язык характеризуется сложной флективной системой с большим количеством моделей и исключений;

– английский язык демонстрирует более регулярную морфологическую модель, сохраняя при этом ряд исторически обусловленных нерегулярностей;

– башкирский язык отличается высокой степенью регулярности и предсказуемости аффиксальной системы;

– китайский язык практически не использует морфологические средства, опираясь на синтаксические и лексические способы выражения множественности.

Русский и английский языки используют морфологический принцип как основной, дополняя его аналитическими средствами. Башкирский язык реализует агглютинативную модель, а китайский – аналитическую.

Особое различие наблюдается в сочетании с числительными: в башкирском языке существительное сохраняет форму единственного числа, тогда как в русском и английском – принимает форму множественного.

Сопоставительный анализ показывает, что универсальное для человеческого мышления противопоставление единичности и множественности получает различные грамматические реализации в зависимости от типологической принадлежности языка.

В русском языке доминирует сложная флективная система; английский язык характеризуется более регулярной морфологической моделью; башкирский язык реализует агглютинативный принцип; китайский язык опирается на аналитические и контекстуальные средства.

Выявленные различия отражают особенности языковых систем и могут быть использованы в теоретических исследованиях и практике преподавания языков.

Литература:

1. Аракин В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков. – М.: Физматлит, 2005. – 232 с.

2. Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. – М.: Высшая школа, 1969. – 383 с.

3. Бейеш Ә. Тел хикмәттәре. – Өфө: Китап, 1999. – 144 б.

4. Заломкин О. В., Полетаева Е. Д. Типологические характеристики категории числа в русском, английском, французском и мордовских языках // Вестник Мордовского университета. – 2018. – № 3. – С. 52–59.

5. Солнцев В. М., Солнцева Н. В. Теоретическая грамматика китайского языка: проблемы морфологии. – М.: Восточная литература, 1979. – 296 с.
6. Comrie B. Language Universals and Linguistic Typology. – Chicago: University of Chicago Press, 1989. – 252 p.
7. Merriam-Webster's Advanced Learner's English Dictionary. – Springfield: Merriam-Webster, 2008. – 1994 p.

© Балапанова Н.Б., 2026

УДК 811.512.142+398.87

Балова З.М.,
студент КБГУ им. Х. М. Бербекова
Научный руководитель – ***Кетенчиев М.Б.,***
д-р филол. наук, профессор КБГУ им. Х. М. Бербекова,
г. Нальчик, Россия

ПОЛИАСПЕКТНЫЙ АНАЛИЗ ИСТОРИКО-ГЕРОИЧЕСКОЙ ПЕСНИ «САРЫБИЙ И КАРАБИЙ»

Традиционно историко-героические песни карачаевцев и балкарцев изучаются фольклористами. Так, например, подобные произведения стали объектом исследования у Х.Х. Малкондуева [8]. У автора нашли отражение сведения, которые связаны с нашествием Тимура на Центральное Предкавказье, а также более поздние события. Согласно его мнению, такого рода произведения базируются на исторической памяти этноса и повествуют в основном о защите горных «сел и ущелий от набегов соседних племен, о подвигах отдельных людей, внутренней борьбе между отдельными аристократическими кланами и патронимиями за передел земли» [8: 188]. У других специалистов в области устного народного творчества актуализируются конфликты, отражающие соответствующий историко-культурный контекст, специфику менталитета народа, его этикетные нормы [2: 168]. Так как в историко-героических песнях нашла свою нишу борьба между борющимися людьми и кланами, в них часто констатируется пролитие крови. Опираясь на это, некоторые ученые рассматривают в них символические функции крови, т.е. то, что в них «кровь в основном выступает как символ смерти» [4: 101]. В некоторых работах на первый план выносится интертекстуальность песен, например, употребление в них различных паремий, характеризующих персонажей [6: 231]. Как правило, подобные конструкции рассматриваются в рамках фразеологии [12]. В литературоведческих работах историко-героические песни связываются с поэмами, которые близки друг к другу в использовании «образно-специфических средств родного языка» [11: 65]. Рассматриваемый фольклорный жанр находится в поле зрения и лингвистов, которые в нем обращают внимание, хоть и несколько поверхностно, на следующее: лексический состав [10], этнокультурное значение их составляющих [5], синтаксические особенности [3; 7], концептуальные понятия [1]. Однако многие фольклорные тексты все еще остаются без должного анализа. Исходя из вышеизложенного, ниже рассмотрим народно-поэтическое произведение «Сарыбий бла Къарабий» («Сарыбий и Карабий») [9: 353-360].

Анализируемое произведение относится к так называемым набеговым песням. В нем с точки зрения пришлых наездников рассматриваются богатства Балкарии, персонажи его изображаются как герои, которым удалось догнать похитителей и в борьбе вернуть украденное имущество, что актуализируется в финале произведения: *Узакъ болмай, была жауну тауда жетгендиле, / Ачы къазауат этгендиле, / Эки батыр, къойланы сюрюп, къоша къайтхандыла* ‘Невдалеке они врага в горах нагнали, / Сильно боролись, / Два батыра, погнав овец, в кошару вернулись’.

В произведении налицо этнокультурно значимые элементы. В этом плане в первую очередь можно говорить о том, что сама песня повествует об обычаях угона скота. В ней обнаруживаются значимый для карачаево-балкарской культуры этикет, например, приветствие гостей: *– Кёп болсун, жаныбыз боллукъ, къарт къойчу! – Сау болугъуз, сау келигиз, къонакъла. / Къонакъларым, ой да, мени жанларым!* ‘– Да прибудет много, чтобы душой нашей стал, старый чабан! / – Спасибо вам, добро пожаловать гости. / Гости мои, ой да, души мои’. Небезынтересно и гадание на бараньей лопатке, что является архаическим для целого ряда этносов. Так по бараньей лопатке похитители следят за действиями своих преследователей: *Къарт эркечни, бишмегенлей, жуурунун сыдырып, / Жауурунгa къарайла. / Жауурунгa къарагъанда, керти хапар билдиле, / Айдаболланы эки улусу да*

сау болгъанын кёрдюле ‘Со старого недоваренного козла лопатку оторвав, / На лопатку смотрят. / На лопатку посмотрев, правдивую весть узнали, / Айдаболовых двух сыновей, что живы увидели’. Однако они ошибаются, так как сыновья Айдабола предпринимают такие действия, которые вводят в заблуждение угонщиков скота: *Терк окъуна Айдаболну эки жашы / Ат жерлерин артын аллына салдыла, / Ушкокларын да ала терсине такъдыла* ‘Быстренько Айдабола два сына / Поставили седла задом наперед, / И ружья наоборот повесили’. Это, конечно же, приводит к тому, что похитители проявляют задержку, а это – наруку преследователям.

Обратимся к лексическому составу песни. Она богата на этнографическую лексику, отражающую специфику жизнедеятельности карачаево-балкарского народа в прошлом: *ажир* ‘жеребец’, *алтынлы* ‘позолоченный (название ружья)’, *ат жер* ‘седло’, *ашлау* ‘поднос’, *аякъ* ‘чаша’, *бичен* ‘сено’, *гыпы* ‘кефир (на палочках)’, *ётмек* ‘хлеб’, *жауурун къалакъ* ‘лопатка (для гадания)’, *кийиз* ‘кошма’, *жамычы* ‘бурка’, *кёзюлдюреуюк* ‘бинокль’, *къазан* ‘казан’, *къакъ къабыргъа* ‘вяленые ребра’, *къамичи* ‘плеть’, *къара от* ‘черный порох’, *къара чагъыр* ‘темное вино’, *къой* ‘овца’, *къойчу* ‘чабан’, *къонакъ* ‘гость’, *къочхар* ‘баран-производитель’, *къош* ‘кошара’, *къысырчы* ‘пастух ялового скота’, *малчы* ‘скотник’, *сампал таш* ‘кремень (ружья)’, *саууг юй* ‘ружейный дом’, *сыбызгъы* ‘свирель’, *сюрюу* ‘стадо’, *сют* ‘молоко’, *тирмен ташла* ‘мельничные жернова’, *хант* ‘еда, пища’, *ушкок* ‘ружье’, *чичхансырт ат* ‘конь мышиного окраса по спине’, *эркеч* ‘козел (кастрированный)’ и др. Как видим, данные слова характеризуются многообразием семантики и входят в состав различных лексико-семантических групп: животноводческая лексика, бытовая лексика, оружие, продукты питания и т.п.

В песне употребительны личные имена: *Мызы, Зорт, Айдабол*. Эти антропонимы по своей природе являются диалектизмами, поскольку ими наречены жители Верхней Балкарии, которые являются носителями ц-диалекта. *Мызы* имеет значение ‘кошка’, *Зорт* (литературная форма *Жорт*) – ‘рысить’. *Айдабол* же является двух компонентным и состоит из императивного междометия *айда* (*хайда*) ‘давай’ и вспомогательного глагола *бол-* ‘быть’. Как клички функционируют два имени: *Сараякъ* ’желтоногий (кличка собаки)’, *Чичхансырт* ‘Имеющий мышиную спину (окрас) (кличка коня)’.

Кроме того, из собственных имен встречаются: *Тау арты* «Загорье (ареал жизнедеятельности сванов)’, *Чегем*, *Холам*, *Минги тау* (*Эльбрус*), *Тихтеннген* (гора в Чегемском ущелье), *Бургъусант* (*Боргустан*), *Тёбе арты* ‘Захолмье (село в районе Верхней Балкарии)’. Все они представляют местности, к которых до сих проживают балкарцы.

В качестве изобразительных средств употребительны различные эпитеты, призванные для характеристики различных предметов: *акъ мюйюзле* ‘белые рога’, *жау къонакъла* ‘вражеские гости’, *жыл тёшек* ‘годовая болезнь’, *къара жамычы* ‘черная бурка’, *къара кёзюлдюреуюк* ‘черный бинокль’, *къара къузгъун* ‘черный ворон’, *къара чагъыр* ‘черное вино’, *къара от* ‘черный порох’, *сууукъ салам* ‘холодное приветствие’ и др.

В ткань произведения органично вплетаются и различного рода компаративные дескрипции, которые придают тексту яркость, экспрессивность и образность: *башлары да – бууланы башларынлай* ‘головы их словно оленьи головы’, *жукъ ичмезча* ‘так, чтобы ничего не выпил’, *къакъ къабыргъача тузлайла* ‘солят словно вяленые ребра’, *къара къузгъунлача излейле* ‘ищут словно черные вороны’, *къатына да бармазча* ‘так, чтобы не подошел’, *къуйрукълары – тирменлени ташларынлай* ‘хвосты их как мельничные жернова’, *улуп башларча* ‘так, чтобы начал выть’ и т.п.

Песне присуща такая черта, как событийность, поэтому в ней изобилуют повествовательные предложения различной структуры и семантики, основным конституентами которых являются сказуемые, выраженные глаголами настоящего времени без аффиксов предикативности, что сближает произведение с устно-поэтической речью: *Тенгизлеге кирселе, / Кемеле кибик жюзелле. / Жауну къарап кёрселе, / Къара къузгъунча излейле. / Жауну къолгъа алсала, / Къакъ къабыргъача тузлайла* ‘Если зайдут в моря, / Как корабли плавают. / Если врагов увидят, / Преследуют как черные вороны. / Если врага в руки возьмут, / Засаливают как вяленые ребра’. Конструкции же ориентированные на выражение прошедшего времени имеют в своем составе сказуемые с аффиксом предикативности *-ды*: *Ётмек атды – къатына да бармады, / Саууг юйню тырнап, улуп башлады* ‘Бросил хлеба – не подошел к нему, / Царапая ружейный дом, выть начал’.

Некоторые конструкции представляют собой побудительные структуры, ориентированные на репрезентацию намерений персонажей: *– Къарт болгъанбыз, къой, Зорт, / Харам хантны къояйыкъ, / Тапсыз жюрюуюбюзню да энди тыяйыкъ* ‘– Постарели мы, оставь Зорт, / Давай бросим недозволенную пищу, / Прекратим теперь плохое хождение’.

Имеет место употребление вопросительных конструкций с ответами на вопрос, что встречается в диалогических частях произведения: – *Айдаболланы къарт Айдабол саумуду? / – Къарт Айдабол жыл тёшекде жатады. / – Айдаболну эки жашы саумуду? / – Бири ауруп, бири дарман излей кетгенди* ‘– Айдаболов старый Айдабол жив ли? / – Старый Айдабол год в постели лежит. / – Айдабола два сына живы ли? / – Один болеет, другой уехал в поисках лекарства’. Обнаруживается и вопросительные конструкции риторического характера, не требующие ответа: *Тау-Артында Мызы бла Зортму эди? / Тау-Артында аладан батыр жокъму эди?* ‘В Загорье Мызы и Зорт? / В Загорье не не было храбрее их?’ и т.п.

Таким образом, как явствует из проанализированного выше, песня «Сарыбий и Карабий» есть многоплановое народное устно-поэтическое произведение, отражающее значимое для жителей Балкарии событие, связанное с возвратом утраченного имущества. Она, как по сюжету, композиции, так и по употреблению языковых и изобразительных средств коррелирует с другими песнями историко-героического плана.

Литература:

1. Ахматова М.А. Вербализация концепта жер "земля" на материале карачаево-балкарского нартского эпоса // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2019. – № 2. – С. 58-65.

2. Берберов Б.А. Типология конфликта в карачаево-балкарской историко-героической песне // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2024. – Т. 26. – № 2. – С. 161-169.

3. Бичекуева Т.Ю., Кетенчиев М.Б. Парадигма императива в карачаево-балкарском языке. – Нальчик: Книга, 2014. – 156 с.

4. Гергокова Л.С. Символические функции крови в карачаево-балкарских историко-героических песнях // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. – 2024. – № 4-2 (63). – С. 96-105.

5. Гукетлова Ф.Н., Кетенчиев М.Б. Зоолексема "лошадь" и ее концептосфера в разноструктурных языках // Взаимодействие языка и культуры: проблемы лингвистики и литературоведения. – Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 2014. – С. 50-76.

6. Гулиева (Занукоева) Ф.Х. Культ труда в карачаево-балкарских пословицах и поговорках // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2021. – № 6 (104). – С. 229-236.

7. Кетенчиев М.Б., Тохаева Ф.И. Парадигма отрицания в карачаево-балкарском языке. – Карачаевск: КЧГУ, 2013. – 157 с.

8. Малкондуев Х.Х. Историко-героические песни карачаево-балкарского народа (конец XIV – XVIII в.). – Нальчик: Печатный двор, 2015. – 312 с.

9. Свод карачаево-балкарского фольклора. Том 6. Историко-героические песни карачаевцев и балкарцев / ответст. ред. Б. А. Берберов. – Нальчик: Принт Центр, 2025. – 624 с.

10. Текуев М.М., Ахматова М.А., Хуболов С.М. Характеристика некоторых топонимов карачаево-балкарского языка с компонентами агъач "лес", терек "дерево" // Язык: история и современность. – 2019. – № 2. – С. 111-122.

11. Узденова Ф.Т. Современная балкарская поэма: тенденции развития / Ф. Т. Узденова // Вопросы Кавказской филологии. – 2009. – № 6. – С. 54-69.

12. Хуболов С.М. Формально-семантические модели одноместных фразеологизированных предложений в карачаево-балкарском языке: дис. … канд. филол. наук. – Нальчик, 1997. – 175 с.

© Балова З.М., 2026

УДК 070

Бдоян Н.С.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Беллендир С.Ф.,***
ассистент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

МОДЕЛИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ВЕДУЩИХ ТЕЛЕВИЗИОННЫХ МЕДИАБРЕНДОВ РОССИИ

Современное российское медиапространство представляет собой сложную многослойную структуру. Несмотря на тотальную цифровизацию и рост популярности онлайн-платформ, традиционное телевидение сохраняет статус главного института формирования общественной повестки и «медиа первого выбора» для большинства возрастных групп (охват – до 85% взрослого населения ежемесячно). Однако стремительное развитие гибридных сред (Telegram, VK, RuTube), уход или блокировка западных соцсетей, а также изменение зрительских привычек вынуждают крупнейшие медиахолдинги пересматривать стратегии присутствия.

Сегодня зритель более не является пассивным потребителем. Он превратился в активного пользователя, распределяющего внимание между «голубым экраном» и смартфоном. В этих условиях на первый план выходит медиабренд – сложный нематериальный актив, обеспечивающий идентификацию, доверие и лояльность в моменте переизбытка контента. Именно сила бренда, его уникальный стиль и речевая модель удерживают аудиторию на пересечении традиционного телевидения и цифровых платформ.

Цель данной статьи – выявить типологические признаки и адаптационные механизмы ведущих телевизионных медиабрендов России («Первый канал», ВГТРК, НТВ, ТНТ, СТС) в условиях новой медиареальности.

В научной литературе понятие «медиабренд» находится на стыке маркетинга и журналистики. Обобщая подходы, можно выделить несколько ключевых аспектов.

Г. Хатиашвили акцентирует роль редакционных параметров как базиса формирования доверия. А. В. Асмус предлагает отталкиваться от типологических характеристик, различая информационные, аналитические и развлекательные сегменты. М.А. Васильченко в своих работах (на примере журнала «Forbes») доказывает, что стиль (от верстки до лексики) является системообразующим элементом, цементирующим личность бренда.

Особого внимания заслуживает концепция «речевой модели медиабренда» (Е.А. Барашкина и соавт.). Согласно данной концепции, успешный медиабренд сегодня – это полноценный субъект коммуникации, который взаимодействует с аудиторией как личность, имеющая свой характер, лексикон и интонацию. В контексте коммерциализации Л.П. Шестеркина и Л.К. Лободенко рассматривают трансформацию медиатекста в бренд как результат синергии журналистики, рекламы и PR.

В рамках данной статьи под медиабрендом понимается совокупность устойчивых типологических, стилистических и речевых характеристик, обеспечивающих его идентификацию, лояльность аудитории и возможность успешного расширения на цифровые платформы.

Прежде чем перейти к анализу конкретных брендов, зафиксируем контекст функционирования телевидения в цифровой среде. По данным медиаисследований последних двух лет, телевидение сохраняет максимальный охват, однако время просмотра телепрограмм снижается. Особенно это касается аудитории 14-30 лет, которая предпочитает получать информацию в Интернете.

Произошла функциональная дифференциация платформ: новостная повестка мигрирует в Telegram (драйвер роста – каналы «большой тройки»), однако в связи с блокировкой этой социальной сети наблюдается снижение доступности пользовательского контента для широкой аудитории. Развлекательный контент доминирует в VK Клипах и YouTube. Стоит отметить, что YouTube на данный момент официально в России не запрещен, но его работа существенно ограничена, так как с конца 2024 года наблюдается искусственное замедление работы платформы.

Блокировка иностранных соцсетей привела к эффекту перетекания аудитории. В условиях ограничения доступа к международным видеохостингам традиционные телеканалы вынуждены интенсивно адаптировать свои контентные стратегии к российским платформам, таким как RuTube и «ВКонтакте». При этом эффективность переноса ранее реализованных моделей вещания и продвижения на новые цифровые площадки демонстрирует значительную вариативность. Это

обусловлено как спецификой алгоритмов и аудиторных предпочтений на новых сервисах, так и необходимостью пересмотра форматов взаимодействия с пользователями, что требует гибкой трансформации медиастратегий и подходов к управлению контентом.

Ниже представлен сравнительный анализ функционирования телеканалов по четырем ключевым параметрам: типичные жанры, аудитория, речевая модель и цифровое лидерство.

1. «Первый канал».

Жанры: универсальные – новости, ток-шоу, премьеры сериалов, шоу талантов.

Аудитория: 35–65+, вся страна, «среднестатистический россиянин».

Речевая модель: спокойно-императивная, академичная дикция.

Цифровое лидерство: высокий охват, но консервативная стратегия, трансляционный подход без экспериментов. Первый канал охватывает как традиционные цифровые платформы (сайт, мобильные приложения), так и ведущие российские видеосервисы (Rutube, VK Видео), а также новые цифровые экосистемы (MAX), что позволяет ему сохранять лидерство по охвату аудитории в цифровой среде.

«Первый канал» выстраивает модель универсального национального бренда. Его стиль – спокойная императивность, минимум иронии, максимум доверия через статусность. В цифровой среде канал действует осторожно: присутствие в Telegram и YouTube носит скорее трансляционный характер. Главная задача – не потерять, а удержать лояльность аудитории старшего возраста, поэтому бренд не экспериментирует с речевыми моделями, характерными для мессенджеров. Основной механизм расширения – линейное продолжение успешных шоу («Голос», «Лучше всех») на цифровых платформах без изменения формата.

2. ВГТРК (каналы «Россия 1», «Россия 24»)

Жанры: государственно-патриотические – новости, аналитика, история, публицистика.

Аудитория: 45+, консервативная, госслужащие.

Речевая модель: официально-патриотическая, высокая доля клишированных оборотов.

Цифровое лидерство: средняя вовлеченность, упор на продолжительные интервью и прямые эфиры. ВГТРК делает ставку на развитие собственной экосистемы «Смотрим», а также активно использует ведущие российские цифровые видеосервисы и новые платформы для максимального охвата аудитории.

Холдинг ВГТРК (каналы «Россия 1», «Россия 24», «Вести FM») представляет собой матричную модель: единая редакционная политика, унифицированная новостная лента, при этом представлена дифференциация по жанрам. В цифровой среде ВГТРК отмечается развернутыми интервью, детализированными беседами, а также прямыми эфирами, что менее эффективно для молодежной аудитории с клиповым мышлением.

3. НТВ

Жанры: информационно-аналитические, элементы расследования, жесткая подача.

Аудитория: 30–55, преимущественно мужчины, интересующиеся темами политики и криминала.

Речевая модель: эмоционально-взрывная, разговорная с элементами сниженной лексики.

Цифровое лидерство: НТВ модернизирует собственную платформу НТВ-Плюс, а также осваивает ведущие российские видеосервисы и инновационные платформы. Стиль телеканала идеально ложится на формат мессенджера Telegram (короткие взрывные заголовки, восклицания, интрига).

НТВ демонстрирует наиболее успешную модель переноса агрессивно-новостной риторики в мессенджеры. Канал изначально позиционировал себя как «мужской, расследующий, взрывной». В Telegram, где пользователь ждет коротких, эмоционально заряженных сообщений без канцелярита, этот стиль оказывается органичнее, чем спокойная подача «Первого». Заголовки в Telegram -канале НТВ повторяют синтаксис вечерних новостей: короткий глагол, восклицание, интрига («Жесть!», «Сенсация!», «Разрыв!»). По данным 2025 года, именно НТВ лидирует среди федеральных каналов по вовлеченности в Telegram (лайки, репосты, комментарии на 1 тыс. подписчиков), хотя уступает «Первому» по абсолютному охвату.

4. ТНТ

Жанры: молодежная комедия, скетч-шоу, реалити, анимация для взрослых.

Аудитория: 14–30, зуммеры и миллениалы, городская молодежь.

Речевая модель: ироничная, «мемная», гибрид жаргона и сарказма.

Цифровое лидерство: ТНТ предпочитает развитие собственной платформы ТНТ Онлайн, а также интенсивно внедряется на ключевые отечественные цифровые платформы и новые сервисы для

расширения аудитории. Тематика соответствует YouTube и VK – клиповый монтаж, нарезки-«моменты», субтитры-акценты.

ТНТ делает ставку на стилистику «своего парня» и речевую модель, построенную на отчужденной иронии, жаргоне и отсылках к субкультурам. Успешный кейс – шоу «Импровизация» и «Женский стендап» в вертикальных клипах.

5. СТС

Жанры: семейная комедия, ситкомы, фэнтезийный кинематограф, молодежные сериалы.

Аудитория: 10–35, дети + родители, семейный просмотр.

Речевая модель: дружелюбно-нейтральная, сентиментальная, «уютная интонация».

Цифровое лидерство: для СТС актуально как развитие собственной цифровой экосистемы, так и активное сотрудничество с ведущими российскими онлайн-платформами и новыми сервисами, что обеспечивает максимальный контакт со зрителем. Следует отметить VK Клипы, так как нарезки из ситкомов прошлых лет («Кухня», «Воронины», «Папины дочки») набирают высокое количество просмотров.

СТС эксплуатирует ностальгическую и семейную модель. Это пример линейного расширения бренда во времени: старый контент работает как новый за счет смены платформы.

Современная модель функционирования немыслима без нелинейного расширения. Все пять брендов активно используют: премиум-подписки (Okko, Premier, Иви) – здесь лидирует ТНТ с эксклюзивами; мерч (это направление наиболее активно развивает ТНТ); кинотеатральный прокат («Первый» и СТС выпускают полные метры на основе сериалов); собственные digital-студии (НТВ запустил производство коротких драм для VK).

Проведенный анализ позволяет сделать несколько значимых выводов.

Во-первых, ни один из ведущих медиабрендов России не функционирует сегодня исключительно как телеканал. Все они превратились в гибридные структуры, где линейный эфир служит точкой сборки смыслов, а цифровые платформы – зоной персонализированного контакта.

Во-вторых, типология речевых моделей напрямую коррелирует с успехом в той или иной цифровой среде. Информационные каналы со «взрывной» подачей (НТВ) эффективнее осваивают Telegram, тогда как молодежные бренды с ироничной речевой моделью (ТНТ) доминируют в YouTube и VK Клипах. Институциональные бренды («Первый», ВГТРК) показывают меньший уровень вовлеченности, компенсируя его охватом.

В-третьих, для журналиста, освещающего медиарынок, сложившаяся ситуация означает необходимость отказа от традиционного разделения ТВ и Интернета. Ключевой единицей анализа становится речевая модель бренда и ее способность к миграции между платформами без потери идентичности.

Практическая рекомендация: при подготовке материалов о российских медиа следует оценивать не только рейтинги канала, но и его метрики в Telegram (ER, CTR постов), так как именно там сегодня формируется лояльность активной аудитории, формирующей общественное мнение.

Перспективы дальнейших исследований связаны с анализом влияния нейросетевых инструментов (автогенерация текстов, дипфейки ведущих) на устойчивость речевых моделей медиабрендов.

Литература:

1. Асмус, А. В. Медиабренд: типологические характеристики / А. В. Асмус // Медиаскоп. – 2009. – № 2. – С. 5. https://cyberleninka.ru/article/n/mediabrend-tipologicheskie-harakteristiki

2. Васильченко, М. А. Стиль в структуре медиабренда: на примере cover-stories американского и российского изданий журнала «Форбс»: автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.01.10 / Васильченко Мария Александровна; [Место защиты: Тверской государственный университет]. – Тверь, 2021. – 25 с. https://www.dissercat.com/content/stil-v-strukture-mediabrenda-na-primere-cover-stories-amerikanskogo-i-rossiiskogo-izdanii

3. Васильченко, М. А. Стиль как структурный элемент медиабренда / М. А. Васильченко // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2019. – Т. 16, № 4. – С. 557-575. https://cyberleninka.ru/article/n/stil-kak-strukturnyy-element-mediabrenda/viewer

4. Речевая модель медиабренда как субъекта коммуникации: постановка проблемы / Е. А. Барашкина, Е. В. Выровцева, Л. А. Горшкова, Н. А. Масленкова // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2024. – Т. 49, № 3. – С. 14-35.

https://cyberleninka.ru/article/n/rechevaya-model-mediabrenda-kak-subekta-kommunikatsii-postanovka-problemy

5. Хатиашвили, Г. Медиабренд: проблемы изучения / Г. Хатиашвили // Меди@льманах. – 2012. – № 5(52). – С. 43-46. https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18123115

6. Шестеркина, Л. П. От медиатекста к медиабренду: к вопросу о взаимодействии журналистики, рекламы и PR в конвергентных СМИ / Л. П. Шестеркина, Л. К. Лободенко // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2014. – Т. 11, № 3. – С. 50-55. https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22011474

© Бдоян Н.С., 2026

УДК 81’322.2

Белоус А.В.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Бахтиярова А.Н.,***
канд. филол. наук, доцент УУНиТ
г. Уфа, Россия

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В КОРЕЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Медицинская сфера играет важнейшую роль в жизни каждого человека. В этой области постоянно происходят изменения: появляются новые способы диагностики, лекарственные препараты, технологии, методы лечения. Все эти преобразования, так или иначе, находят отражение в языке.

Медицинская терминология представляет собой сложную организованную систему понятий, обозначающих болезни, симптомы, строение и функционирование организма, лечение, медицинское оборудование и препараты. Несмотря на то, что многие медицинские термины являются интернациональными, способы их оформления в разных языках, в силу их типологических особенностей, могут существенного различаться. Особый интерес в этом отношении представляет сопоставление корейского и русского языков. С точки зрения грамматического строя корейский язык является агглютинативным: изменения происходят путём присоединения частиц, суффиксов, каждый из которых имеет своё значение. Русский язык, в свою очередь, принадлежит к флективной группе. Для него характерны различные грамматические категории: род, число, падеж, время [10]. Стоит обратить внимание и на лексический состав корейского языка, который сформировался на основе китайско-корейских (한자어) и исконно корейских (고유어) слов, а также иностранных заимствований (외래어) [15]. В русском языке, напротив, большую роль сыграли заимствования из латинского и греческого языков, а также небольшой пласт исконно славянских корней [7]. Указанные различия напрямую влияют на способы формирования медицинской терминологии.

В корейском и русском языках можно выделить следующие способы образования медицинских терминов: синтаксический, морфологический, а также заимствования [8; 4].

I) Словосложение является основным механизмом для создания новых слов. В зависимости от происхождения корней, в корейском языке выделяют несколько типов [14]:

а) Сложение исконно корейских основ:

«코» нос + «ㅅ» + «물» вода = 콧물 [конмуль] – насморк;

«발» нога + «목» шея = 발목 [пальмок] – щиколотка.

б) Сложение исконно корейского корня и ханча:

«피» кровь + «檢査» анализ = 피검사 [пхигомса] – анализ крови.

в) Сложение двух иероглифов (ханча):

«血» кровь + «壓» давление =혈압 [хёрап] – кровяное давление;

«胃 желудок» + «癌» рак =위암 [виам] – рак желудка.

г) Многокорневые сложения:

«心» сердце + «肌» мышца + «梗塞» инфаркт = 심근경색 [щимгынгёнсэк] – инфаркт миокарда;

«高» высоко + «血» кровь + «壓» давление = 고혈압 [кохёрап] – гипертония.

В русском языке словосложение также активно, но состав морфем иной [1; 3]:

а) Сложение двух греческих корней:

«δέρμα» кожа + «λύσις» разрушение = дерматолиз;
«αἷμα» кровь + «στάσις» остановка = гемостаз.
б) Сложение двух латинских корней:
«vaso» сосуд + «constrictio» сужение = вазоконстрикция.
в) Гибридные сложения (греко-латинские или латино-греческие):
лат. «mamma» грудь + греч. «γραμμα» запись = маммография;
греч. «αἷμα» кровь + лат. «globus» шар = гемоглобин.

II) В корейском языке активно используется морфологическая модель словообразования. Наиболее распространённые суффиксы [14]:

Суффикс Значение Пример
-염 (**炎**) – воспаление – 관절염 [кванджорём] – артрит;
-통 (**痛**) – боль – 두통 [тутхон] – головная боль;
-증 (**症**) – симптом, состояние – 불면증 [пульмёнджын] – бессонница;
-암 (**癌**) – рак, опухоль – 간암 [канам] – рак печени;
-병 (**病**) – болезнь – 심장병 [щимджанбён] – болезнь сердца;
-과 (**科**) – отделение – 외과 [вегва] – хирургия;
-학 (**學**) – наука – 해부학 [хэбухак] – анатомия;
-계 (**計**) – измеритель – 혈압계 [хёрапкхе] – тонометр;
-제 (**劑**) – препарат – 진통제 [чинтхондже] – анальгетик

Русский язык использует разветвлённую систему, как суффиксов, так и префиксов [2; 13]:

Суффикс Значение Пример
-ит (**ῖτις**) – воспаление – бронхит;
-оз (**ωσις**) – невоспалительное заболевание – артроз;
-ома (ωμα) – опухоль – миома;
-патия (**πάθεια**) – общее заболевание – миома;
-лог (**λόγος**) – специалист в области науки – кардиолог;
-графия (**γραφία**) – запись, метод фиксации данных – томография;
-скопия (**σκοπία**) – визуальный осмотр при помощи приборов – гастроскопия;

Префикс Значение Пример
-гипер (ὑπέρ) – сверх – гипертония;
-а-/ан (**ἀ**/ αν) – отрицание, отсутствие – авитаминоз, анемия;
-пост (post) – после – постоперационный.

III) Заимствования являются важным источником пополнения медицинской терминологии, как в корейском, так и в русском языках. В обоих случаях этот процесс реализуется в нескольких формах:

а) Фонетическое заимствование предполагает перенос звучания иноязычного слова с адаптацией к фонологической системе прнимающего языка. В корейском языке такие заимствования записываются хангылем: 알레르기 (от нем. Allergie) [18], 캡슐 (от англ. capsule) [20]. В русском языке аналогичным образом заимствования адаптируются из европейских языков: карантин (от фр. quarantaine) [5], шприц (от нем. Spritze) [11], пульс (от лат. pulsus) [12].

б) Семантическое заимствование (калькирование) представляет собой перевод иноязычного термина по частям с использованием собственных морфем. Например, в корейском: 아담의사과 (Adam's, Адам + apple, яблоко) [9], 단위연축 (unit, единица + spasm, спазм) [8]. В русском языке: клетка (лат. cellula), ткань (франц. tissu или лат. textus) [6]. В обоих случаях существовавшие в языке слова получили новое медицинское значение.

в) Смешанное заимствование (характерно преимущественно для корейского языка) объединяет элементы из разных языковых пластов: 엑스레이검사 (англ. «X-ray» + кит. «檢查» – рентгенологическое обследование) [19], CT 촬영 (англ. «Computed Tomography» + кит. «撮影» – проведение КТ-исследования) [17]. В русском языке такие гибридные образования менее распространены.

Таким образом, при наличии общих основных словообразовательных механизмов (словосложение, аффиксация и заимствование) их реализация в корейском и русском языках существенно различается. Если в корейском языке немало примеров заимствований, в том числе смешанного типа, то в русском можно заметить большее разнообразие в образовании слов морфологическим способом, благодаря развитой системе суффиксов и префиксов. Такие различия во

многом обусловлены типологическими особенностями языков и историко-культурными факторами формирования их терминологических систем.

Литература:

1. Большая медицинская энциклопедия (1970) // Наука. Искусство. Величие [Электронный ресурс]. – URL: https://med.niv.ru/doc/encyclopedia/med/fc/slovar-196-3.htm (дата обращения: 04.03.2026).
2. Бондаренко М.А. Латинский язык и основы медицинской терминологии: учебное пособие / М.А. Бондаренко. – Тула: Тульский государственный университет, 2005. – 287 с.
3. Главная страница // Википедия Свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Заглавная_страница (дата обращения: 04.03.2026).
4. Дубенкова Л.В. Медицинская терминология: различные способы образования медицинских терминов (на примере английского языка) / Л.В. Дубенкова, Л.М. Апхутина // INNOVA: научный электронный журнал. – 2017. – № 1 (6). – С. 26-30.
5. Киямова К.З. Медицинская терминология в русском языке: этимологический аспект / К.З. Киямова, М.С. Кунусова // Студенческий научный форум – 2025: XVII Международная студенческая научная конференция. – 2025.
6. Купов Ю.Н. Роль калькирования в переводе медицинской лексики / Ю.Н. Купов, С.С. Купов // Рос. мед.-биол. вестн. им. акад. И.П. Павлова. – 2009. – № 4.
7. Лексика русского языка // Википедия [Электронный ресурс]. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Лексика_русского_языка (дата обращения: 04.03.2026).
8. Ли Н.Б. Особенности медицинской терминологии корейского языка: способы пополнения / Н.Б. Ли, В.С. Рукавишников // Мир науки, культуры, образования. – 2021. – № 2 (87). – С. 551-553.
9. Максименко О.И. Структурно-семантические особенности формирования терминологии (на примере медицинской терминологии в корейском языке) / О.И. Максименко, С.В. Шурипа // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2015. – № 3. – С. 114-120.
10. Малахова С.В. О сопоставимости некоторых дифференциальных признаков флективности в русском и корейском языках / С.В. Малахова // Известия АлтГУ. – 2004. – № 4. – С. 63-67.
11. Приложение: Список немецких слов в русском языке // Викисловарь [Электронный ресурс]. – URL: https://ru.wiktionary.org/wiki/Приложение:Список_немецких_слов_в_русском_языке (дата обращения: 04.03.2026).
12. Пульс // Википедия [Электронный ресурс]. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Пульс (дата обращения: 04.03.2026).
13. Список-минимум терминоэлементов, приставок и суффиксов (клиническая терминология) // StudFiles [Электронный ресурс]. – URL: https://studfile.net/preview/10125004/ (дата обращения: 04.03.2026).
14. Шурипа С.В. Анализ межъязыкового взаимодействия при формировании корейской медицинской терминосистемы (на материале корейского, английского и русского языков): дис. канд. филол. наук: 10.02.20 / Семён Витальевич Шурипа. – Мытищи, 2022. – 151 с.
15. Эскина Э.Д. История корейского языка / Э.Д. Эскина, Л.Д. Ничева // Казанский вестник молодых учёных. 2018. – Т. 2, № 1 (4). – С. 149-150.
16. Wiktionary the free dictionary: multilingual dictionary [Электронный ресурс]. – URL: https://en.wiktionary.org/wiki/Wiktionary:Main_Page (дата обращения: 04.03.2026).
17. 시티 촬영 // Wiktionary [Электронный ресурс]. – URL: https://en.wiktionary.org/wiki/시티_촬영 (дата обращения: 01.04.2026).
18. 알레르기 // Wiktionary [Электронный ресурс]. – URL: https://en.wiktionary.org/wiki/알레르기 (дата обращения: 01.04.2026).
19. 엑스레이 // Wiktionary [Электронный ресурс]. – URL: https://en.wiktionary.org/wiki/엑스레이 (дата обращения: 04.03.2026).
20. 캡슐 // Wiktionary [Электронный ресурс]. – URL: https://ko.wiktionary.org/wiki/비타민 (дата обращения: 04.03.2026).

© Белоус А.В., 2026

УДК 81`42

Бикмухаметова Д.Р.
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Бахтиярова А.Н.,***
канд. филол. наук, доцент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, ВЫРАЖАЮЩИХ ЭМОЦИЮ ГНЕВА В КИТАЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Фразеологические выражения, связанные с эмоциями, не возникают мгновенно и не являются результатом индивидуального творчества одного человека. Их появление связано с тем, что определённые образы начинают регулярно использоваться в схожих жизненных ситуациях, особенно когда люди описывают одинаковые эмоциональные состояния. Со временем такие образы закрепляются в языке, становятся устойчивыми и начинают восприниматься как естественная часть речевой системы. Важную роль в этом процессе играет повторяемость эмоциональных ситуаций, поскольку человек довольно часто сталкивается с похожими переживаниями в различных контекстах общения. Обычно они формируются постепенно и отражают не личный, а именно коллективный опыт восприятия действительности [1: 18-27].

Дополнительно следует учитывать, что устойчивые выражения не только фиксируют способы описания эмоций, но и выполняют функцию упрощения коммуникации. В речевой практике человеку не всегда удобно или возможно подробно объяснять своё состояние, поэтому он обращается к готовым языковым конструкциям. Такие выражения позволяют быстро передать сложное внутреннее переживание в сжатой форме, при этом сохраняя эмоциональную выразительность. Именно поэтому фразеологизмы часто используются в ситуациях, где важна не точность описания, а общее понимание состояния собеседника [2: 45-52].

Эмоциональные состояния человека редко выражаются в речи в полностью прямой форме. Даже в ситуациях, когда речь идёт о такой сильной эмоции, как гнев, носители языка чаще используют устойчивые выражения, которые передают не только сам факт наличия эмоции, но и её силу, внутреннюю динамику, а также особенности проявления [2: 60-68]. Фразеологизмы в таком понимании можно рассматривать как закреплённые в языке модели, в которых зафиксированы привычные способы описания внутреннего состояния человека.

Гнев относится к числу базовых эмоциональных категорий, которые присутствуют практически во всех культурах, однако способы его языкового выражения могут существенно различаться. Важно учитывать, что речь идёт не о различии самой эмоции как психологического состояния, а о различии в её языковой интерпретации. Сопоставление русского и китайского языков позволяет увидеть, какие образы используются для передачи гнева и какие аспекты эмоции оказываются наиболее значимыми [3: 70-78].

В русском языке гнев чаще всего представлен как процесс, обладающий внутренней динамикой и стадийностью. Он не воспринимается как мгновенное состояние, а скорее, как постепенное усиление напряжения. Это отражается в таких фразеологизмах, как «закипать от злости», «вскипеть», «довести до белого каления». Во всех этих выражениях есть общая идея: внутри человека происходит накопление напряжения, которое в определённый момент достигает критической точки. Внимание здесь направлено на развитие эмоции во времени, а не только на её появление.

Помимо этого, существует группа выражений, описывающих резкое изменение состояния и утрату самоконтроля. К ним относятся «взорваться от злости», «выйти из себя», «сорваться». Здесь подчёркивается момент перехода от внутреннего напряжения к внешнему проявлению. Гнев воспринимается как сила, которая влияет на поведение человека и меняет его реакции, иногда резко и непредсказуемо [1: 95-102].

Отдельный пласт фразеологизмов в русском языке связан с физиологическими и внешними проявлениями эмоции. Выражения «побагроветь от злости», «налиться кровью», «глаза горят» описывают то, как внутреннее состояние отражается на внешнем облике. Эмоция становится заметной для окружающих, даже без слов, через изменения тела и мимику [3: 112-118].

В китайском языке фразеологическая репрезентация гнева строится по другим принципам. Например, выражение 怒火中烧 (nù huǒ zhōng shāo) – «внутри горит огонь гнева» – показывает, что

эмоция может существовать как внутреннее состояние и не обязательно проявляться внешне. Здесь акцент смещён на внутреннее переживание [4: 34-40].

Также встречается выражение 大发雷霆 (dà fā léi tíng), переводимое как «разразиться громом». Оно передаёт сильный гнев через образ природного явления, не уточняя конкретного поведения человека. В отличие от русского языка, здесь эмоция описывается через внешний природный процесс, а не через действия субъекта [4: 52-58].

Существенную группу составляют выражения, связанные с мимикой и взглядом. Например, 怒目而视 (nù mù ér shì) – «смотреть гневным взглядом», и 横眉怒目 (héng méi nù mù) – «нахмуренные брови и злой взгляд». Эти конструкции фиксируют внешние признаки эмоции, но не предполагают обязательного перехода к действиям. Гнев остаётся на уровне выражения лица [4: 73-80].

Иногда гнев описывается как нарушение внутреннего равновесия. Например, выражение 气急败坏 (qì jí bài huài) обозначает состояние сильного раздражения и потери спокойствия. В этом случае внимание сосредоточено на внутреннем состоянии, а не на внешнем поведении человека. В китайской культуре важную роль играет представление о внутреннем балансе [6: 120-128]. Эмоции рассматриваются как процессы, которые могут нарушать гармонию человека, поэтому в языке часто подчёркивается именно внутренняя сторона переживания.

Важно отметить, что анализ фразеологических единиц, связанных с эмоциями, не может ограничиваться только их буквальным значением. Даже при наличии похожих образов в разных языках их смысловое наполнение может существенно отличаться. Это связано с тем, что за каждым выражением стоит не только языковая форма, но и культурный контекст, в котором оно используется. Поэтому при сопоставлении необходимо учитывать не только перевод, но и типичные ситуации употребления, а также эмоциональную оценку, закреплённую за выражением в конкретной языковой среде [5: 25-33].

Таким образом, если сравнить оба языка, становится заметно, что в русском языке гнев чаще связан с внешними проявлениями и действиями. Он описывается через динамичные образы, связанные с движением, вспышкой и резкой сменой состояния. В китайском языке, наоборот, больше внимания уделяется внутреннему состоянию, которое может оставаться скрытым. Образ огня встречается в обеих языковых системах, однако трактуется по-разному. В русском языке он связан с резким «всплеском», тогда как в китайском – с процессом внутреннего горения. Также различается понимание визуальных проявлений. В русском языке мимика и взгляд часто интерпретируются как признаки готовности к действию, тогда как в китайской традиции они чаще воспринимаются как отражение внутреннего состояния.

Литература:

1. Савченко А.А. Когнитивные характеристики фразеологии (на материале фразеосемантического поля) // Russian Linguistic Bulletin. – 2023. – № 1 (37). – 214 с.

2. Куличенко Ю.Н., Королева Е.М., Белоножко Н.Д. Языковая репрезентация эмоционального состояния субъекта в русской и английской фразеологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – № 3-2. – 198 с.

3. Чжан К., Денисенко В.Н. Выражение, мышление и познание: истоки различий русского и китайского языка // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семантика. – 2024. – 176 с.

4. Яо Цянь. Особенности классификации русских и китайских эмоциональных фразеологизмов // Успехи гуманитарных наук. – 2023. – 162 с.

5. Demszky D. et al. GoEmotions: A Dataset of Fine-Grained Emotions. – arXiv, 2020. – 83 p.

6. Lai Y. et al. Fine-Grained Emotion Classification of Chinese Microblogs Based on Graph Convolution Networks. – arXiv, 2019. – 91 p.

© Бикмухаметова Д.Р., 2026

УДК 811.161.1

Биктирякова Д.Д.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Султанова З.А.,***
канд. филол. наук, ст.преп. УУНиТ,
г. Уфа, Россия

ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА КОРЕЙСКИХ МУЗЫКАЛЬНЫХ ПРОГРАММ

В настоящее время музыкальные корейские программы имеют большую популярность среди молодежи со всего мира, что напрямую связано с феноменом «корейской волны» (халлю), которая давно вышла за рамки культурного явления и превратилась в глобальный медийный тренд. Однако при внешней доступности контента языковой код этих программ остается сложным для зарубежного зрителя: ведущие и участники шоу активно используют сленг, сокращения, заимствования из английского (конглиш), особые конструкции и специфические обращения, которые не фиксируются стандартными словарями и являются трудными для понимания тех, кто изучает корейских язык. Именно поэтому изучение лексико-стилистических особенностей языка музыкальных программ становится необходимым не только для лингвистики, но и для межкультурной коммуникации: без расшифровки этих маркеров невозможно адекватно воспринимать интонацию, юмор и степень уважения между участниками. Таким образом, анализ подобных единиц позволяет выявить скрытые механизмы воздействия на аудиторию и объяснить, почему халлю удерживает внимание миллионов зрителей по всему миру**.**

Лексико-стилистические особенности можно разделить на несколько составляющих, они включают в себя терминологию шоубизнеса, англицизмы и различные заимствования, эмоционально-экспрессивную лексику. Каждый представляет из себя самостоятельный пласт, выполняющий в дискурсе музыкальных программ специфические функции.

В общем смысле терминология включает в себя лексические единицы, которые служат для точного выражения специальных понятий. Терминология шоубизнеса корейских музыкальных программ представляет собой сложную структуру языковых единиц. Формировалась она за счет специфики корейской медиасферы, заимствований зарубежных форматов продюсирования и историческому изменению корейского телевидения. В отличие от западных аналогов, где терминология шоу-бизнеса часто размыта или пересекается с общей медийной лексикой, корейские музыкальные шоу (например, Music Bank, Inkigayo, M Countdown) выработали устойчивый корпус профессионализмов, многие из которых не имеют прямых аналогов в русском или английском языках. Прежде всего это касается обозначения иерархических отношений в индустрии: термины «сонбэ» (선배, старший коллега) и «хубэ» (후배, младший), а также специфические названия этапов промоушена – «дебют» (데뷔), «камбэк» (컴백), «тайтл-трек» (타이틀곡). Термины 생방 (сокр. от 생방송 – «прямой эфир»), 사전 (сокр. от 사전 녹화 – «предварительная запись»), 대기 – ожидание артиста в гримерке или за кулисами перед выходом, в профессиональной среде употребляется как существительное: «артист на тэги». Важно отметить, что профессиональная лексика в корейских музыкальных программах выполняет не только номинативную, но и идентифицирующую функцию: владение этими единицами служит маркером «своего» для аудитории, погруженной в халлю (한류, «корейская волна»). Без расшифровки данного компонента лексики адекватное восприятие жанра становится невозможным, что и обусловливает необходимость его детального лингвостилистического анализа.

Заимствования из других языков мира и англицизмы, которые в корейском языке приобрели собственному название 콩글리시 (конглиш) встречаются очень часто в речи корейских ведущих и музыкальных артистов – айдолов. Даже само название корейских артистов – айдол (아이돌) является англицизмом, произошло оно от от английского слова idol, которое означает «кумир», «идол» (в значении «предмет поклонения, обожания»). Причинами такого популярного использования являются глобализация и повышение спроса на английских язык, так как в данном случае англицизмы выполняют не только номинативную, но и стилистическую функцию. Как отмечают лингвисты, использование английских слов в повседневных разговорах, рекламе и развлечениях

сегодня считается более модным и актуальным в Корее, чем когда-либо. В текстах K-pop песен и речи ведущих музыкальных программ английские вкрапления способствуют созданию современного, интернационального образа и повышают запоминаемость контента для зарубежной аудитории, отчего следует стремление к международному признанию, а английский язык облегчает выход на западное медиапространство. Примерами служат, 비주얼 담당 (ответственный за визуал, обращение к самому красивому участнику группы), 스포일러 (спойлер), 차트 (от англ. chart), 앨범 (альбом), 오프닝 쇼 («opening show» – расширенное вступительное выступление), 컴백 (от comeback, возвращение на сцену с новым альбомом), 데뷔(дебют). К другим заимствованиями относятся такие термины, как 인연 (буддийский термин (кит.-кор.) – «кармическая связь», используется в трогательных интервью), 사연 (история, китаизм), 오마주 (франц. hommage – отсылка к известному выступлению). Англицизмы и заимствования обеспечивают терминологическую точность и современность дискурса музыкальных программ, но как и любая речь, он заполнен не только терминами определенной группы, но и такими словами, что передают настроение и эмоции собеседника, к такой группе лексики относится эмоционально-экспрессивная лексика, которая отвечает за его образность и воздействующий потенциал. Рассмотрим подробнее данную группу языковых средств.

В контексте музыкальных программ под эмоционально-экспрессивной лексикой понимаются слова и междометия, передающие субъективное отношение говорящего – восторг, удивление, поддержку, сочувствие. Анализируя музыкальные программы Inkigayo, Music Bank и M Countdown, мы можем выделить несколько групп языковых единиц. Прежде всего это восклицания и междометия, например 대박 (дэбак) в значении «офигенно, шикарно» и 헐 (холь) – «ох ты, ничего себе». Следующую группу составляют оценочные прилагательные и наречия, такие как 멋있다 (мотчита) – «классно, круто» и усилитель 진짜 (чинчча) – «реально, действительно». Особого внимания заслуживает сленг и разговорные выражения, среди которых 쩐다 (ччонда) – «обалдеть, офигенно», 미쳤다 (мичхётта) – «с ума сойти, безумно круто». Кроме того, в эфире активно используются экспрессивные глаголы и фразы, например 사랑한다 (саранханда) – «люблю» и 감동이다 (камдонгида) – «это трогательно, до слез». Наконец, уменьшительно-ласкательные обращения, включающие 팬분들 (пхэнбундыль) – «уважаемые фанаты» и 우리 팬들 (ури пхэндыль) – «наши фанаты», подчеркивают эмоциональную близость между ведущими, артистами и аудиторией.

Таким образом, лексико-стилистические особенности языка корейских музыкальных программ представляют собой многослойную структуру, включающую профессиональную терминологию шоу-бизнеса, англицизмы и заимствования, а также эмоционально-экспрессивную лексику. Терминология и англицизмы обеспечивают точность, современность дискурса и маркируют принадлежность к индустрии K-pop, тогда как эмоционально-экспрессивная лексика создает эффект сопереживания и управляет реакцией аудитории. В условиях глобального распространения халлю анализ данных языковых единиц приобретает особую значимость для понимания механизмов межкультурной коммуникации и языковой динамики современной Кореи.

Литература:

1. Ким Енсук, Оржеховская М. А. Заимствования и сокращения в современном корейском языке // Современные востоковедческие исследования. – 2020. – Т. 2, № 3. – С. 4–8

2. Лейчик, В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура / В. М. Лейчик. – 3-е изд. – Москва : Издательство ЛКИ, 2007. – 256 с

3. Inkigayo выпуск от 01.10.2023 [Электронный ресурс] // Inkigayo – URL: https://www.youtube.com/playlist?list=PLShqORWiDquPr3mjWPeDeJL0naTA4qqWh (дата обращения: 03.04.2026)

4. M Countdown выпуск от 25.09.2025 [Электронный ресурс] // M Countdown – URL: https://vk.com/video-229104810_456239457 (дата обращения: 03.04.2026)

5. Music Bank выпуск от 09.01.2026 [Электронный ресурс] // Music Bank – URL: https://yandex.ru/video/preview/7371442980465293478 (дата обращения: 04.04.2026)

6. Naver Dictionary [Электронный ресурс] // Naver Dictionary – URL: https://korean.dict.naver.com/korudict/#/main (дата обращения: 02.04.2026).

© Биктирякова Д. Д., 2026

УДК 811.512.141'

Билалов С.Р.,
Өфө университетының студенты
Ғилми етәксеһе: ***Саньярова Р.Р.,***
филол. фәнд. канд., доцент
Өфө фән һәм технологиялар университеты,
Өфө ҡ., Рәсәй

БАШҠОРТ ТЕЛЕНДӘ “ҒАИЛӘ” КОНЦЕПТЫ

Лингвокультурология фәне XX быуатта үҫеш юлына баҫа. Ул телде аралашыу ҡоралы булараҡ ҡына түгел, ә милләттең мәҙәни күрһәткесе тип ҡарай. Тел менән мәҙәниәт параллель рәүештә кешенең аң кимәлен, образлы фекерләү ҡүәһен үҫтерә, донъяға ҡарашын формалаштыра, донъяны танып-белеүҙә ярҙам итә. Тел һәм мәҙәниәт быуындар бәйләнеше вазифаһын үтәй, тел аша оло быуын йәш быуынға үҙенең тормош тәжрибәһен, өгөт-нәсихәттәрен, рухи байлығын тапшыра килгән. Үткән быуын кешеләренең тормош тәжрибәһен , күңел байлығын бөтә нескәлектәре менән ҡабул итеү, аңлау өсөн һәр быуын мәҙәниәтте һәм телде яҡшы белергә, өйрәнергә тейеш. Фәҡәт тел генә ата-бабаларҙың үткәнен белергә, бөгөнгөнө күҙалларға, киләсәккә өмөт-хыялдар менән йәшәргә, тормошто аңларға, эргә-тирәләге ысынбарлыҡты танып-белергә ярҙам итә. Шуға ла телде һәм мәҙәниәтте өйрәнеү, уларҙың бөтә нескәлектәрен белеү мотлаҡ.

Тел һәм мәҙәниәт тығыҙ бәйләнештә йәшәй, йәғни тел халыҡ мәҙәниәтен сағылдыра.

Был тармаҡтың өйрәнеү объекты булып концепт тора. Концепт – лингвокультурология фәненең иң төп төшөнсәләренең береһе.

Телдең концептосфераһын өйрәнгәндә иң ҡатмарлы һәм үҙенсәлекле “асҡыстар” булып халыҡтың әхлаҡи-мәҙәни ҡиммәттәрен сағылдырыусы универсаль төшөнсәләр – категориялар тора. Улар араһында “ғаилә” концептының әһәмиәте әйтеп бөткөһөҙ. Сөнки ул милли тел картинаһына хас әхлаҡи маяҡтарҙы ла, ғаилә төшөнсәһенең мәҙәни йөкмәткеһен дә һүрәтләй. Әммә ләкин метафизик һәм юғары мәғәнәгә эйә “һөйөү”, “йән” кеүек универсаль мәҙәни һүҙ-асҡыстарға ҡарағанда, “ғаилә” концепты лингвистикала өйрәнелеп етмәгән, уның ижтимағи мәҙәниәттәге фәлсәфәүи йөкмәткеһе, милли үҙенсәлеге, индивидуаль тел шәхесе картинаһындағы асылы һорауҙары ҡараңғы ҡала килә. Концепттың бер төрө булараҡ “ғаилә” концепты хәҙерге тел ғилемендә үҙе генә айырым бер төшөнсә була алмай, ул мәҙәниәттең һәм телдең мәғәнә структураһының бер өлөшө, шулай ҙа уны тикшереү һәм өйрәнеү лингвистика өсөн актуаль проблема.

“Ғаилә” концепты социомәҙәни феномен, уның художестволы әҙәбиәт әҫәрҙәрендә индивидуаль тел картинаһында асылышы тәбиғи күренеш. “Ғаилә” төшөнсәһенең халыҡта нығынған әхлаҡи, фәлсәфәүи нигеҙенә таяныу менән бергә күп мәҡәл-әйтемдәр, легендалар, әкиәттәр, күренекле яҙыусыларыбыҙ ижад емештәрендә уны индивидуаль, шәхсән ижади күҙлектән дә аса һәм шуның менән был төшөнсәнең мәғәнә йәкмәткеһен ифрат киңәйтә, милли тел картинаһын яңы биҙәктәргә байыта. Мәҫәлән, Башҡортостандың халыҡ шағиры Мостай Кәрим “ғаилә” концептын күп әҫәрҙәрендә, бигерәк тә “Оҙон-оҙаҡ бала саҡ”, “Беҙҙең өйҙөң йәме” повестарында, кеше яҙмышында мөһим һәм төп роль уйнауы буйынса ныҡ юғары баҫҡыҫҡа ҡуя. Ҡатын-ҡыҙҙар яратып уҡыған яҙыусы Гөлсирә Ғиззәтуллина ла күп хикәйәләрендә ғаиләләге мөнәсәбәттәрҙе һүрәтләп, ғаиләнең рухи ҡиммәттәрен бар нимәнән дә өҫтөнлөгөн иҫбатлай. Башҡортостандың халыҡ яҙыусыһы Таңсулпан Ғарипова кешенең шәхес булып формалашыуында тап ғаиләнең именлеге, тулылығы, мораль яҡтан юғары кимәлдә, өлгө булыуы мөһимлеген дәллилләй. Тимәк, был һүҙ концептуаль тел картинаһын сағылдырыу йәһәтенән тағы ла тәрәнерәк өйрәнелергә тейеш.

Ғаиләм – ҡәлғәм, тиҙәр халыҡта. Ғаиләле кеше үҙен ышаныслы тота, бала ла тулы ғаиләлә, ата-әсәһе янында бәхетле үҫә. Ғаилә усағын һүндермәй, йортҡа ҡот өҫтәп йәшәү – һәр кемдең изге бурысы. Башҡорт халҡында ғаилә ҡоролошонда яҙылмаған ҡанундар һаҡланып килә. Ғаиләлә мотлаҡ ир кеше баш булырға тейеш, сөнки ул – ҡыйыу һәм көслө зат, уның һүҙе лә өҫтөн, ғаилә ағзалары өсөн ныҡлы терәк тә. Ул халыҡта мал табыусы, ил-йорттоң тыныслығын, ғаиләһенең хәүефлеген тәьмин итеүсе булараҡ ҡарала. Ә ҡатын-ҡыҙҙың бурысы – йорт йылыһын, ғаилә усағын һүндермәй һаҡлау, балалар ҡарау, ирен хөрмәт итеү. Ғаилә йәме – бала, шуға ла һәр ғаилә балалар тәрбиәләп үҫтерергә, нәҫелен дауам итергә бурыслы. Ғаилә – кеше тормошоноң таянысы.

Ғаилә – ул тыуған йорт, ғаилә – ул бер береңде ярты һүҙҙән аңлау, шатлыҡты ла, ҡайғыны ла бергә бүлешеү. Ғаилә – беҙ яратҡан яҡын кешеләр, улар тураһында хәстәрлек күреү, уларға тик

изгелек һәм бәхет теләү. Ғаилә – ул бер йортта йәшәүсе кешеләр генә түгел, бер-береңә ярҙам ҡулы һуҙыу ҙа ул.

Ә нимә һуң ул ғаилә? Тел, әҙәбиәт, мәҙәниәт, йәмғиәт ғилемендә ғаилә төшөнсәһенә ниндәй аңлатмалар бирелә икән.

Ғаилә – исем, нимә?, күплектә – ғаиләләр.

1. Атай, әсәй, балаларҙан һәм башҡа яҡын туғандарҙан торған кешеләр. Ҙур ғаилә. Татыу ғаилә. Ғаилә башлығы. Ғаилә ҡороу.

2. Сығышы һәм төҙөлөшө менән яҡын булған хайуан һәм үҫемлектәрҙең бер нисә төркөмөнән торған нәҫел берәмеге. Бесәй һымаҡтар ғаиләһе. Ҡуҙаҡлылар ғаиләһе.

Ғаиләле – сифат, ниндәй?

Ғаиләһе булған . Ғаиләле кеше. Ғаиләле булыу.

Ғаилә – ул мөхәббәт, тоғролоҡ, дуҫлыҡ хакимлыҡ иткән йорт. Ғаилә – ул һәр кемдең иң ҡәҙерле нәмәһе.

“Һәр бер ғаилә дәүләттең бер өлөшөн тәшкил итә” – тигән Аристотель.

“Ғаилә бәхете – ил бәхете”, тигән һүҙҙәргә оло мәғәнә һалынған. Әгәр балалар сәләмәт, ныҡ, әҙәпле, рухлы булып үҫә икән, тимәк киләсәккә ныҡлы нигеҙ һалына тигән һүҙ. Шуға күрә лә, һәр бер кеше үҙенең ғаиләһен ҡорғанда, был эшкә яуаплы һәм ентекле ҡарарға тейеш.

Һүҙ яҙыусыларыбыҙ ижадында

Ғаилә ебе – нәҙек, нескә еп,
Ел һуҡһа ла, ҡай саҡ өҙөлә. (Р. Мифтахов, “Ғаилә ебе”.)
Йәрем тоғро булыр,
Ғаиләм ишле,
Донъям етеш,
Тиеп уйланым. (Т. Ғәниева, “Киләсәккә ғашиҡ инем бит мин...”).
Ғаилә усағын геләп
Һүндермәйсә тотоғоҙ. (Р. Ҡаһир, “Аманат”).
Ғаиләнең усағы –
Атам-әсәм ҡосағы! (Р.Ураҡсина “Ғаиләм”).
Гөрләп тора өйөбөҙ,
Беҙ күмәкбеҙ, татыубыҙ,
Атай, әсәй, олатай,
Дүрт малай ҙа алты ҡыҙ. (Г.Ситдиҡова “Берҙәм ғаилә”).

Күрәләтә ғаиләләре тарҡала. Уны тергеҙерлек, йән өрөрлөк берәй көс бармы? Кем ғәйепле?... (Х.Тапағова, “Зөлхизә”).

Тәүҙә балалары булмайыраҡ торҙо. Шунан бер-бер артлы Илмира менән Индира тыуҙы. Татыу ғаиләгә нур, мәшәҡәт өҫтәлде. Эш күплектән ваҡыт үткәне һиҙелмәй ҙә ине. Балалар мәктәпкә төштө, бик яҡшы уҡып киттеләр. (Т.Даянова, “Мөғжизәгә ышанам”).

Ә минең донъя өйләнгәс яйға һалынды. Тынысландым. Өйҙә һауыт-һаба шылтыраманы. Һөйөүгә ҡоролған ғаиләлә талаштың, шау-шыуҙың булыуы мөмкинме һуң? (Х. Тапаҡов, “Ҡаршы сығып ал”).

Ғаилә йоҡлай: урындыҡтың түрьяғында, иң төптә, ҡаластай ишелеп бер малай ята. Ул – Иштуған. Уға ун ике генә йәш әле. Ләкин ул инде ғаиләнең өмөтө, ышанысы. Үҫер, атаһына иш булыр, ярҙамсы булыр. Уның атаһы Байгилде ағай шулай уйлай. Шуға күрә уға исемде лә Иштуған тип ҡушҡан бит ул. Өс ҡыҙ араһында бер генә малай – бер генә иш. (З.Биишева “Кәмһетелгәндәр”).

Һүҙ йомаҡтарҙа:

Нимәһеҙ был донъяла
Йәшәп булмай
Ололарға һәм кеселәргә?
Ҡайғыла һәм шатлыҡта?
Һеҙҙең берҙәм...(ғаилә).

Һүҙ бәйет һәм йырҙарҙа:

Ҡайҙалыр шунда, шәһәр ситендә,
Эшсе ғаиләһендә тыуҙым мин. (“Граждандар һуғышы бәйете”).

Һүҙ мәҡәл-әйтемдәрҙә:

Татыу ғаилә – ил күрке.
Ғаиләм – ҡәлғәм.
Атай-әсәй – ғаиләнең тотҡаһы, ә балалар – көҙгөһө.

Ғаилә – киләсәктең иң ышаныслы нигеҙе.

Ғаилә – ул табышмаҡ , борсоу һәм мәшәкәт.

Ғаилә – ул байрам , күңелле сығымдар.

Ғаилә – ул хеҙмәт, уңғанлыҡ, булғанлыҡ.

Ғаилә һәр кем өсөн иң ҡәҙерле, яҡын төшөнсә. Ер йөҙөндә кешелеклек яралғандан алып, ир һәм ҡатын бер бөтөн булып, үҙенең ғаиләһен ҡороп йәшәй. Бәләкәй генә ҡәүем йәки дәүләттең үҙ ҡанундары, ғөрөф-ғәҙәттәре була, һәр ғаилә бәхетле булыу өсөн тырыша.

Ғаилә – ул кеше тормошонда иң мөһим ҡиммәттәрҙең береһе. Тап ғаилә кешенең шәхесен фор малаштыра, йәмғиәткә, ҡатмарлы кеше-ара мөнәсәбәткә әҙерләй, рухи һәм мәҙәни сифаттар тәрбиәләй. Ғаиләнең төп маҡсаты – балаларҙы, киләсәк быуынды үҫтереү, шуға ла уның нигеҙе ныҡлы булыуы мөһим. Барыһы ла ғаиләнән башлана. Тәрбиә, йолалар, донъяға ҡараш һәм башҡа төшөнсәләр тап ғаиләнән баш ала. Ата-әсәгә ҡарап бала донъяны танып-белергә өйрәнә, фекерләү ҡеүәһен арттыра, ерен, илен яратырға өйрәнә.

“Ғаилә” концепты һәр халыҡтың донъя картинаһында үҙәк урындарҙың береһен алып тороусы, этик характерҙағы универсаль концепттарҙың береһе: 1). Ғаилә – ул тормоштоң нигеҙе. Ата-әсә уның тотҡаһы. Балалар ғаиләнең көҙгөһө. Тотҡа ҡупмаһын, көҙгө ватылмаһын тиһәң, бер-береңде аңлап, хөрмәт итеп йәшәргә кәрәк. 2). Ғаилә ул бик оло һүҙ. Атай, әсәй, өләсәй, олатай – ғаиләнең иң хөрмәтле кешеләре. Сөнки улар һәр ваҡыт яҡындары тураһында ҡайғырталар, борсолалар. 3). Ғаилә ул йылы усаҡ. Ул ни тиклем ныҡлы булһа, уның йылылығы шул тиклем көслөрәк. Һәр ата-әсә үҙ балаларын изгелекле, шәфҡәтле, киләсәктә оло таянысы булыр тип өмөт итә. “Һәр бер ғаилә дәүләттең бер өлөшөн тәшкил итә” – ти, Аристотель. Эйе, йәмғиәт нигеҙе, ғаиләләр ныҡ булһа, илебеҙ ҙә, милләтебеҙ ҙә ныҡ көслө булыр.

Әҙәбиәт:

1. Аскольдов. С.А. Концепт и слово //Русская словестность: антология. – Москва: Наука, 1993. – С. 40-45.
2. Сәмситова Л.Х. Башҡорт тел картинаһында мәҙәниәт концепттары. – Өфө, 2010. – 164 бит.
3. Слышкин Г. Г. Концептологический анализ институционального дискурса // Филология и культура. Мат-лы…, 2001. – С. 34-36.
4. Хәҙерге башҡорт әҙәби теленең аңлатмалы һүҙлеге (Рәсәй Фәндәр академияһы Өфө фәнни үҙәгенең Тарих, тел һәм әҙәбиәт институты) / Яуаплы редакторы З.Ғ. Ураҡсин. – Өфө: Китап, 2004. – 528 бит.

© Билалов С.Р., 2026

УДК 811.531

Билалова В.А.,
студентУУНиТ
Научный руководитель – ***Абдуллина Л.Б.,***
канд .филол. наук., доцент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

КОРЕЙСКИЕ ДОРАМЫ КАК ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ РЕСУРС

За последние двадцать лет южнокорейские сериалы превратились из локального продукта в глобальный культурный феномен и образовали «корейскую волну» (халлю), привлекая к себе многомиллионную аудиторию во всем мире. Их глобальному успеху способствовали несколько факторов. Эмоциональная насыщенность, высокий уровень производства, компактный формат в 16–20 серий с законченным сюжетом и широкое присутствие на крупных международных платформах (Netflix, Viki, Disney) сделали этот жанр привлекательным для зрителей из самых разных стран. «Зимняя соната» (2002) стала поворотным моментом. Эта дорама помогла корейскому контенту выйти за пределы Азии, а сотрудничество с Netflix ознаменовало новый виток популярности, подарив миру «Королевство» (2019) и «Игру в кальмара» (2021).

Преподаватели корейского языка обнаружили, что дорамы способны выступать ценным образовательным ресурсом, поскольку студенты погружаются в культурные реалии страны, слышат живую речь носителей, а увлекательные сюжеты превращают освоение языка в захватывающий процесс. Педагогическая практика, выявила закономерность. Когда видеофрагменты отбирают

произвольно и спонтанно включают в учебные занятия, устойчивых образовательных результатов достичь не удается, а значит, дорамы приносят пользу лишь при наличии методической основы.

Цель данной статьи – анализировать культурные и лингвистические особенности корейских сериалов, формирующие их образовательный потенциал; кроме того, в ней обосновывается потребность в целостной методике применения этих материалов при обучении корейскому языку.

Популярность корейских дорам достигла пика. Традиционные телеканалы, оказались в затруднительном положении, поскольку конкурировать с международных платформ вроде Netflix они попросту не способны. Зрительские вкусы меняются. Жанр исторически тяготел к романтическим и семейным сюжетам, но аудитория все чаще выбирает триллеры и фэнтези, что порождает опасения относительно утраты идентичности дорам. Впрочем, их широкая известность превращает корейские сериалы в удобный и привлекательный материал для освоения корейского языка и знакомства с культурой страны.

Выделим ключевые культурные параметры в дорамах:

- социальная иерархия и этикет (Возраст и статус определяют модель поведения. Персонажи используют специальные обращения (оппа, хён, ним), кланяются при встрече; младшие подчиняются старшим);
- отношения и романтика (Доминируют консервативные взгляды. Публичные проявления чувств минимальны, первый поцелуй чаще всего берегут до последней серии. Флирт может быть завуалирован, например, предложением вместе съесть рамён, вместо каких-либо громких признаний);
- работа и отдых (Сцены корпоративных ужинов с распитием соджу отражают культ работы и способ укрепления коллектива);
- еда как часть культуры (Приему пищи уделяется особое внимание. Фраза «Ты поел?» выполняет роль приветствия и заботу. Совместная трапеза – важный социальный и романтический ритуал);
- давление общества (Дорамы показывают травлю (буллинг) в школе, огромное давление на детей ради поступления в престижный вуз, отражая жесткую конкуренцию и большого уровня стресса);
- быт и традиции (Персонажи всегда снимают обувь перед входом в дом, что связано с традицией сидеть и спать на полу. Это не просто чистота, а целое приглашение в самое сокровенное).

Важно различать жанровую специфику: романтические комедии склонны к идеализации (например, случайное знакомство с богатым наследником, где складывается слишком гладко), тогда как социальные драмы («Небесный замок», «Игра в кальмара») работают иначе: раскрывают проблемы неравенства, коррупции и психологическое давления на личность. Таким образом, дорамы – это ключ к пониманию корейского менталитета, что помогает формировать социокультурную компетенцию.

Популярность корейской поп-культуры привлекает к изучению языка страны. Учебники сосредоточены на формальном, литературном стиле, тогда как реальное общение (особенно среди молодежи) строится на неформальном стиле (панмаль). Сленг, междометия и интонация придают речи эмоциональную насыщенность и живостью. Освоение панмаля помогает приблизиться к подлинному общению с носителями языка.

Панмаль применяется в общении с близкими друзьями, ровесниками или младшими по статусу. Он характеризуется упрощенными окончаниями (формы на –아/어/여, частица –지) и отсутствием уважительных форм. Выбор стиля зависит от межличностной дистанции, возраста и социального положения собеседников. Именно дорамы дают возможность наблюдать за живым функционированием панмаля в различных коммуникативных ситуациях.

Особую роль в неформальной речи играют междометия, которые структурируют эмоциональную выразительность и динамику диалога:

- 어 – выражает колебание, задумчивость, служит паузой для формулировки мысли;
- 아이고 – передает удивление, сожаление, сочувствие; действует как маркер эмпатии;
- 에이 – обозначает удивление, несогласие, легкое возмущение, помогает поддерживать непринужденность беседы.

Дорамы и другие аудиовизуальные материалы формируют насыщенную образовательную среду, в которой зрительный и слуховой каналы восприятия работают совместно: когнитивные процессы активизируются, а запоминание лексики и грамматических структур становится устойчивее. Аутентичный контент тренирует аудирование, развивает устную речь, погружает в культурные реалии и выстраивает социокультурную компетенцию. Интерактивность и персонализация, характерные для современных методик, превращают языковое обучение в живой процесс, связанный с реальными коммуникативными контекстами и ситуациями повседневного общения.

Для эффективного использования дорам в учебных целях необходимо соблюдение следующих дидактических принципов:

– принцип отбора (учебный фрагмент должен соответствовать уровню владения языком, иметь завершенный сюжетный блок и быть культурно приемлемым);

– принцип поэтапности (работа строится в три этапа: пред демонстрационный (снятие трудностей), демонстрационный (многократный просмотр с заданиями) и после демонстрационный (продуктивные виды деятельности));

– принцип интеграции (задания должны охватывать все виды речевой деятельности: аудирование, говорение, чтение, письмо);

– принцип контрастности (сравнение культурных норм, представленных в дораме, с нормами родной культуры обучающихся способствует развитию межкультурной чувствительности).

Таким образом, дидактическую ценность корейских дорам заключается в том, что они функционируют и как феномен массовой культуры, и как богатый источник для погружения в корейский этикет, социальный уклад и живую разговорную речь. Аутентичность языкового материала сочетается в них с глубокой культурологической насыщенностью и высокой способностью мотивировать учащихся к изучению языка.

Для полной реализации этого потенциала необходимо разработать целостные методические комплексы. Такие комплексы должны включать систему упражнений, четкие критерии отбора материала и рекомендации по интеграции дорам в существующие учебные программы. Перспективным направлением выглядит создание цифровых интерактивных ресурсов на базе платформ Edpuzzle или LearningApps; подобные инструменты позволят персонализировать работу с видеоконтентом и автоматизировать контроль понимания. Корейские дорамы открывают возможности для обновления содержания обучения корейскому языку и делают процесс его освоения эффективным и личностно значимым для студентов.

Литература:

1. Зырянова И.Н., Шалунова М.Ю. Междометия в корейском языке: обзор теоретических подходов и классификаций в лингвистике // Russian Linguistic Bulletin. 2024. [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdometiya-v-koreyskom- yazyke-obzor-teoreticheskih-podhodov-i-klassifikatsiy-v-lingvistike (дата обращения 15.01.2026)

2. Кичигулов М., Менглиева М., Оразова М., Овезмырадова О. Изучение корейского языка как иностранного: особенности грамматики и лексики // Наука и мировоззрение. – 2025. – №45. [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-koreyskogo-yazyka-kak-inostrannogo-osobennosti- grammatiki-i-leksiki (дата обращения 02.06.2025).

3. Тушыева Г. Инновационные технологии в обучении иностранным языкам: современные инструменты и их эффективность // Символ науки. – 2024. – №10-1-1 [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnye-tehnologii-v- obuchenii-inostrannym-yazykam-sovremennye-instrumenty-i-ih-effektivnost (дата обращения 13.02.2025).

4. Титкова Н.Е. Корейская дорама как феномен азиатской массовой культуры // Культура и цивилизация. – 2019. – Т.9, № 5-1. – С. 152-159.

5. Чон С.Б. Современные методы обучения корейскому языку для русскоязычных студентов // Азиатские языки и культура. – 2021. – Т. 8, № 2. – С. 75–82.

© Билалова В.А., 2026

УДК 81’27

Билалова С.А.,
студент УУНиТ
*Научный руководитель – **Ахмадуллина И.Р.,***
д-р филол. наук, профессор УУНиТ,
г. Уфа, Россия

КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК В ШКОЛЕ: МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К РАННЕМУ ОБУЧЕНИЮ ИЕРОГЛИФИКЕ

Экономические и политические изменения во всем мире способствуют превращению китайского языка из малоизвестного в востребованный язык обучения. Если 10-15 лет назад его изучали в основном в профильных вузах или на факультативах, то сейчас он активно включается в школьные программы как второй или первый иностранный язык во многих странах, включая Россию, Европу и США
Начиная изучение китайского языка в начальных классах (1–5), школьники к окончанию школы достигают уровня HSK 4–5. Это значительное достижение, которое позволяет им поступать в китайские университеты напрямую, минуя подготовительный год. К тому же, владение китайским языком становится весомым плюсом при поступлении на международные программы в российских вузах.

Школа идеальное место для изучения китайского языка. Ранний старт в изучении китайского (с 7-9 лет) открывает уникальные возможности:

1. Гибкость детского мозга: Дети легче адаптируются к тоновой системе и логике построения иероглифов.
2. Развитие слуха: Формируется тонкий слух, необходимый для точного различения четырех китайских тонов.
3. Преодоление барьеров: Уходит психологический страх перед непривычными символами.
4. Высокие результаты: К старшим классам ученики достигают свободного уровня владения языком (чтение, письмо, говорение), опережая тех, кто начал изучать его в вузе.

Многие родители и педагоги опасаются китайского из-за иероглифов. Однако современные методы раннего обучения показывают, что дети осваивают иероглифику гораздо проще, чем английскую орфографию, где отсутствует системная логика. Ключи иероглифов служат своеобразными "строительными блоками" смысла, превращая обучение в увлекательную игру, а не в утомительное заучивание.

В младшем школьном возрасте доминируют наглядно-образное и двигательное восприятие информации. Дети лучше усваивают материал через зрительные образы, а не абстрактные понятия. Иероглиф, по своей сути, является идеальным инструментом для такого типа мышления, но только при условии его правильной подачи.

Основные принципы обучения:

1. От образа к знаку: Важно сначала сформировать визуальный образ, а затем связать его с графическим символом.
2. Комплексное восприятие: Необходимо задействовать все органы чувств: зрение, слух, моторику и тактильные ощущения.
3. Игровая форма: Каждое учебное задание должно быть представлено в виде игры или иметь четкую, увлекательную цель.

Классическая методика преподавания китайского языка, предполагающая многократное написание и заучивание черт, рассчитана на носителей языка, уже владеющих устной речью и погруженных в культурную среду. Для русскоязычных школьников такой подход часто приводит к:

1. Быстрой усталости и нежеланию заниматься письмом.
2. Путанице между похожими по начертанию иероглифами (например, 人 и 入).
3. Формальному запоминанию без понимания логики построения знаков.

Следовательно, для младших школьников требуется подход, основанный на рефлексии и игре, с использованием приемов запоминания и рассказывания историй.

Эффективные методики раннего освоения иероглифики

Построение иероглифов из элементов (от черты к блоку)

Вместо того чтобы сразу учить написание целого иероглифа, дети сначала осваивают основные черты (например, горизонтальная черта 横 héng, вертикальная 竖 shù, откидная 撇 piě, нажимная 捺 nà) через двигательные упражнения: они «рисуют» черты пальцами в воздухе, на песке или на спине товарища. Затем эти черты объединяются в более крупные графические элементы, называемые ключами (графемами). Эффективным является метод «строителя», где каждый ключ рассматривается как деталь конструктора, а иероглиф – как готовая конструкция. Важно отметить, что в китайской письменности насчитывается около 316 базовых графических элементов (графем), из которых комбинируются десятки тысяч иероглифов. Наиболее полный словарь «Чжунхуа цзыхай» (1994 г.) содержит 87 019 иероглифов. Освоение ключей даёт ребёнку инструмент для понимания структуры любого знака.

Использование мнемотехники и ассоциативных карт

Младшие школьники успешно запоминают иероглифы с помощью коротких визуальных историй. Например, иероглиф 休 (отдыхать) состоит из человека 亻 и дерева 木. Можно придумать историю: «Человек устал и прислонился к дереву, чтобы отдохнуть». Такие ассоциации можно зарисовывать или разыгрывать в сценках. Методика «театра иероглифов» предполагает наделение каждого ключа именем и характером (например, ключ «рот» – болтливый, ключ «вода» – журчащий). При составлении иероглифа дети могут придумывать диалоги между этими персонажами. Китайский лингвист Ли Вейминь предлагает ещё более свободный ассоциативный метод, при котором учащиеся создают собственные сюжеты для запоминания структуры знака. Например, иероглиф 愉 yú («наслаждаться, веселиться») состоит из графем: 一 («один»), 人 («человек»), 刀 («нож»), 月 («луна») и 心 («сердце»). Ученик может представить: «Один человек с ножом собирается на луну и чувствует себя счастливым». Такая вымышленная история не имеет отношения к историческому происхождению знака, но значительно облегчает его запоминание и развивает ассоциативное мышление.

Кинетический метод (обучение через движение)

Исследования нейропсихологов подтверждают, что запоминание иероглифа улучшается, когда ребенок пишет его крупными движениями–на полу, мелом на доске или в воздухе. В некоторых школах применяется метод «эхо-письма»: учитель демонстрирует написание иероглифа в воздухе, а дети повторяют движения рукой, одновременно произнося названия черт. Это активизирует моторную память и способствует синхронизации работы полушарий мозга.

Игровой метод обучения

Игра «Крокодил» по-китайски: Иероглифы через тело и эмоции. Цель игры состоит в том, чтобы запоминать иероглифы через пантомиму. Для этой игры нужны небольшие карточки с иероглифами и ключами Игрок получает слово, которое записывается иероглифом, например, *哭 (плакать), 雨 (дождь)睡 (спать).* Задача игрока показать сам иероглиф или его значение так, чтобы остальные угадали его.

Игра «Китайский скрабл»**:** участники получают на руки карточки с чертами или радикалами. Иероглифы выкладываются вертикально и горизонтально, получая подобие кроссворда. Эта игра подойдет для более продвинутых школьников.

Раннее изучение китайских иероглифов в школах-это не признание сложности языка, а тщательно разработанная психологическая стратегия. Отказ от единообразного копирования в пользу использования образов, поощрения игры и активного физического участия приводит к изменениям в процессе обучения. Это не только закладывает основу для изучения иероглифов, но и способствует формированию устойчивого интереса к китайскому языку. Наша цель: сделать каждый иероглиф ценным инструментом для ученика, а не сложной задачей.

Литература

1. Зимняя И.А. Психология обучения неродному языку. М., 2019.

2. Спесивцев С.В. Обучение китайской иероглифике в начальной школе: игровые методики. // Иностранные языки в школе. – 2022. – №4.

3. Shen, H. H., & Ke, C. (2020). Radicals awareness and character acquisition in non-native learners*. Journal of Chinese Linguistics.м

© Билалова С.А., 2026

УДК 811.362

Богданова Р.Д.,
студент УУНиТ
*Научный руководитель – **Абдуллина Л.Б.,***
канд. филол. наук., доцент УУНиТ
г. Уфа, Россия

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ КИТАЙСКИХ ЧЭНЪЮЕВ В ЗЕРКАЛЕ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В статье рассматривается проблема перевода и лингвокультурной адаптации китайских фразеологизмов категории «чэнъюй» на русский язык. Цель работы – выявить влияние исторического контекста возникновения одиннадцати отобранных чэнъюев на их современную семантику и определить степень её корреляции с русскими фразеологическими аналогами.

Фразеологический фонд любого языка представляет собой не просто набор устойчивых выражений, а своеобразный «культурный код» нации, в котором зашифрованы исторический опыт, философские воззрения и бытовые реалии народа. Особый интерес в этом контексте вызывает сопоставление фразеосистем неродственных языков, принадлежащих к разным культурным ареалам, – в частности, китайского и русского. Объектом настоящего исследования выступают китайские фразеологизмы категории «чэнъюй» (成语), являющиеся уникальным лингвистическим явлением: в отличие от преимущественно фольклорных по происхождению русских пословиц и поговорок, чэнъюи обладают строгой, чаще всего четырехсловной структурой и практически всегда восходят к конкретному историческому прецеденту, зафиксированному в классических трактатах, философских притчах или династийных хрониках.

Актуальность исследования обусловлена растущим интересом к межкультурной коммуникации и необходимостью поиска точных методов перевода идиоматических выражений, семантика которых остаётся затемнённой без знания историко-культурного фона. Новизна работы заключается в том, что на материале конкретной выборки из одиннадцати чэнъюев проводится сопоставление не просто лексических значений, а глубинных исторических причин формирования семантики и их отражения в русских фразеологических эквивалентах. Цель работы – выявить, каким образом исторический контекст возникновения чэнъюя (эпохи Чуньцю, Чжаньго, Хань и др.) влияет на его современное значение и насколько адекватно это значение может быть передано средствами русской идиоматики.

Теоретической базой настоящего исследования послужили труды отечественных и зарубежных лингвистов в области фразеологии и лингвокультурологии. При анализе структурно-семантических особенностей чэнъюев мы опирались на фундаментальные работы В.И. Горелова, И.В. Войцехович и О.М. Готлиба, в которых детально разработана типология китайских фразеологических единиц и обоснована их генетическая связь с письменной традицией вэньянь [1; 2; 3]. Вопросы перевода чэнъюев на русский язык и поиска межъязыковых фразеологических эквивалентов рассматривались с опорой на теорию закономерных соответствий Я.И. Рецкера и концепцию фразеологических параллелей А.В. Кунина [4; 5]. Особую ценность для понимания исторического контекста возникновения анализируемых единиц представили лексикографические источники: «Большой китайско-русский словарь» под редакцией И.М. Ошанина и специализированный «Словарь китайских чэнъюев» (汉语**成**语词**典**), позволившие верифицировать этимологию каждого из отобранных выражений [6; 7]. Вместе с тем, несмотря на наличие значительного корпуса исследований, посвященных чэнъюям в целом, проблема сравнительно-сопоставительного анализа конкретных пар «чэнъюй – русский фразеологизм» с акцентом на историческую обусловленность семантики остается недостаточно разработанной, что определяет направление настоящей статьи.

Проведенный сравнительно-сопоставительный анализ позволил распределить отобранные пары «чэнъюй – русский фразеологизм» по нескольким тематическим группам в зависимости от степени совпадения их внутренней формы и культурного фона.

1. Единство природной метафоры при различии субъекта действия. Чэнъюй 水落石出 (shuǐ luò shí chū, досл. «вода спадает – камни обнажаются») восходит к стихотворению великого сунского поэта Су Ши «Красная скала» и описывает естественный, не зависящий от воли человека процесс прояснения истины [7, с. 872]. Русский аналог «выводить на чистую воду», напротив, предполагает

активное, целенаправленное действие разоблачителя. Аналогичное расхождение наблюдается в паре 暴虎冯河 (bào hǔ píng hé, досл. «голыми руками хватать тигра и переходить реку вброд») и «лезть на рожон». Конфуций в «Лунь Юе» цитирует это выражение из «Ши цзин», противопоставляя безрассудную храбрость мудрой стратегии «благородного мужа» [2, с. 112]. Русский «рожон» – это острый кол для охоты на медведя, то есть метафора укоренена в бытовой крестьянской культуре, тогда как китайский образ отсылает к аристократической охоте и военному делу.

2. Совпадение эмоционального регистра при несовпадении соматического кода. Чэнъюй 七上八下 (qī shàng bā xià, досл. «семь вверх, восемь вниз») описывает состояние крайнего волнения и тревоги, когда «сердце не на месте» [6, с. 789]. В русском языке этому состоянию соответствует фразеологизм «кошки скребут на душе». При тождестве денотативной ситуации (тревога, беспокойство) различается способ ее концептуализации: китайская идиома фиксирует внутреннюю физиологическую реакцию (аритмию, перебои сердцебиения), русская – приписывает дискомфорт действию внешней, почти мистической силы. Схожая модель прослеживается в паре 杯弓蛇影 (bēi gōng shé yǐng, досл. «в чаше лук отразился змеей») и «делать из мухи слона». История о чиновнике Ин Бине (эпоха Хань), заболевшем от мнительности, акцентирует самовнушённый страх как свойство психики [3, с. 45], тогда как русский фразеологизм подчеркивает сознательное преувеличение.

3. Социальная иерархия против бытовой насмешки. Чэнъюй 滥竽充数 (làn yú chōng shù, досл. «занимать место среди играющих на юе») отсылает к анекдоту о царе Сюань-ване (эпоха Чжаньго), который любил слушать оркестр из трехсот музыкантов, что позволяло бесталанному господину Наньго имитировать игру и получать жалованье [1, с. 201]. Чэнъюй обличает не просто некомпетентность, а системный порок государственного управления, при котором имитация деятельности остается незамеченной. Русский аналог «профессор кислых щей», при всей своей экспрессивности, является сугубо бытовой, просторечной насмешкой над незадачливым «специалистом» и не несет столь выраженной социально-критической нагрузки.

4. Динамика развития и пространственные метафоры. Чэнъюй 突飞猛进 (tū fēi měng jìn, досл. «внезапно взлететь и стремительно продвинуться») передает идею бурного, скачкообразного прогресса. Его внутренняя форма отсылает к военной тактике стремительного наступления [1, с. 156]. Русское соответствие «не по дням, а по часам (расти, развиваться)» заимствовано из сказочного фольклора и гиперболизирует скорость роста, а не прорыва. В паре 左右为难 (zuǒ yòu wéi nán, досл. «и слева, и справа тяжело») и «меж двух огней» также заметно различие: китайская идиома статична (человек зажат в тиски обстоятельствами), русская – динамична и связана с образом опасной, обжигающей среды.

5. Универсальность метафоры при различии культурных реалий. Особый интерес представляют случаи, когда при полном функциональном совпадении фразеологизмов различаются конкретные образы, обусловленные природной и бытовой средой. Чэнъюй 一石二鸟 (yī shí èr niǎo, досл. «одним камнем двух птиц») является практически полным семантическим и структурным аналогом русского «убить двух зайцев одним выстрелом». Различие в зооморфной метафоре объясняется спецификой охотничьих традиций: в древнем Китае охота с пращой на птиц была распространенным занятием, тогда как русская идиома отражает реалии лесной охоты на зайца с ружьем [4, с. 215]. Еще более показательна пара 雨后春笋 (yǔ hòu chūn sǔn, досл. «как весенний бамбук после дождя») и «как грибы после дождя». Обе единицы описывают стремительное, массовое появление чего-либо, однако китайский образ бамбука отражает реалии субтропического климата и сельскохозяйственного уклада Юго-Восточной Азии, где побеги бамбука появляются буквально за одну ночь после ливня, тогда как русский аналог укоренен в опыте собирательства в лесах умеренной полосы [5, с. 88].

6. Бесполезное действие и соответствие формы содержанию. Чэнъюй 问道于盲 (wèn dào yú máng, досл. «спрашивать дорогу у слепого») и русское «как об стенку горох». Оба описывают бесполезность обращения не по адресу, однако акценты расставлены по-разному: китайская идиома указывает на невежество того, к кому обращаются (слепой объективно не может знать дорогу), русская – на глухоту и невосприимчивость адресата (стена не слышит). Чэнъюй 名副其实 (míng fù qí shí, досл. «имя соответствует действительности») восходит к дискуссиям древнекитайских философов о «выправлении имен» (чжэн мин) и несет оттенок терминологической точности, тогда как русское «не на словах, а на деле» является скорее похвалой практическому действию. Наконец,

чэнъюй 倾盆大雨 (qīng pén dà yǔ, досл. «дождь как опрокинувшийся таз») и русское «лить как из ведра» демонстрируют почти полное совпадение бытовой метафоры, что свидетельствует об универсальности хозяйственного опыта при описании природных явлений.

Проведенный анализ одиннадцати фразеологических пар подтвердил исходную гипотезу о том, что адекватная передача значения китайского чэнъюя средствами русского языка невозможна без обращения к его историческому генезису. Установлено, что при внешней схожести ситуативных значений (тревога, разоблачение, дилемма, стремительный рост) внутренняя форма чэнъюев сохраняет «культурную память» о конкретных исторических событиях, философских доктринах и социальных практиках Древнего Китая. Русские фразеологические аналоги, выросшие преимущественно из народного быта, крестьянского труда и природных наблюдений, лишь частично покрывают семантическое поле чэнъюев, а в ряде случаев (滥竽充数, 暴虎冯河) демонстрируют существенные расхождения в культурной коннотации. Вместе с тем, примеры типа 一石二鸟 и 雨后春笋 показывают, что универсальные когнитивные механизмы метафоризации способны порождать типологически сходные идиомы даже при различии конкретных образов, что открывает перспективы для дальнейшего изучения фразеологической эквивалентности в неродственных языках.

В результате сопоставительного анализа установлено, что при внешней схожести ситуативных значений китайские идиомы сохраняют уникальный культурный код, обусловленный конкретными историческими прецедентами и философскими доктринами Древнего Китая (конфуцианство, легизм, даосизм), что требует от переводчика обращения не к дословной кальке, а к функциональному аналогу в русской языковой картине мира. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных результатов в практике перевода, а также в курсах лекций по лексикологии китайского языка и межкультурной коммуникации. Дальнейшие перспективы исследования мы видим в расширении корпуса сопоставляемых единиц и привлечении данных психолингвистических экспериментов для верификации восприятия чэнъюев носителями русского языка.

Литература:

1. Войцехович И.В. Практическая фразеология современного китайского языка: учебник. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2008. – 512 с.
2. Горелов В.И. Лексикология китайского языка: учеб. пособие. – М.: Просвещение, 1984. – 216 с.
3. Готлиб О.М., Му Хуаин. Китайско-русский фразеологический словарь. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 608 с.
4. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: учеб. пособие. – 3-е изд. – Дубна: Феникс+, 2005. – 488 с.
5. Рецкер Я.И. О закономерных соответствиях при переводе на родной язык // Вопросы теории и методики учебного перевода. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1950. – С. 156–183.
6. Большой китайско-русский словарь: в 4 т. / под ред. И.М. Ошанина. – М.: Наука, 1983–1984. – Т. 1–4.
7. 汉语成语词典 (Словарь китайских чэнъюев). – Пекин: Шанъу иньшугуань, 2005. – 1024 с.
8. Ветров П.П. Фразеология современного китайского языка: синтаксис и стилистика. – М.: Восточная книга, 2007. – 368 с.
9. Семенас А.Л. Лексикология современного китайского языка. – М.: Наука, 1992. – 279 с.
10. Щитова О.Г., Щитов А.Г. Межъязыковая фразеологическая эквивалентность и лакунарность (на материале русского и китайского языков) // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2020. – № 65. – С. 1–22.
11. Арекеева Ю.Е. Чэнъюй в системе китайской фразеологии и паремиологии // Евразийский гуманитарный журнал. – 2020. – № 1. – С. 1–9.

© Богданова Р.Д., 2026

УДК 811.531

Бойматова У.О.
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Кучаева А.Н.,***
ассистент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

ОТРАЖЕНИЕ КОРЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ИДИОМАХ И ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ (СОПОСТАВЛЕНИЕМ С БАШКИРСКИМ ЯЗЫКОМ)

Корейский язык отличается богатой и выразительной фразеологией, в которой ярко проявляется связь языка с культурой и литературой. Устойчивые выражения, используемые в повседневной речи, нередко имеют глубокие исторические и литературные корни. Через идиомы и фразеологизмы передаются не только значения, но и культурные смыслы, закреплённые в художественных текстах, философских учениях и народных сказаниях.

Фразеологизмы представляют собой устойчивые сочетания слов с целостным значением, которое не всегда можно понять из отдельных компонентов. Особенно ярко это проявляется в идиомах, где переносное значение полностью вытесняет буквальное. Например, корейское выражение «눈이 높다» [нуни нопда] («глаза высокие») обозначает человека с завышенными требованиями. Подобные выражения требуют не только знания языка, но и понимания культурного контекста, их буквальный перевод не отражает истинного смысла.

Одним из ключевых источников формирования фразеологизмов является классическая корейская литература. В произведениях отражались моральные нормы, социальные отношения и философские идеи, которые закреплялись в языке. Например, выражение «고진감래» [коджин камнэ] («после горечи приходит сладость») отражает идею о том, что трудности сменяются успехом. Этот образ широко использовался в литературе и со временем стал частью повседневной речи.

Значительное влияние на формирование фразеологизмов оказала классическая корейская литература. Исторические хроники, конфуцианские тексты и поэтические произведения содержат множество образных выражений, которые со временем закрепились в языке. Например, выражение «고진감래» («после горечи приходит сладость») отражает философскую идею преодоления трудностей и широко используется в современной речи. Подобные идиомы демонстрируют тесную связь языка с мировоззрением общества.

Не менее важную роль играет фольклор. Народные сказания, мифы и легенды формируют яркие образы, которые становятся основой для устойчивых выражений. Например, выражение «호랑이 굴에 가야 호랑이 새끼를 잡는다» («чтобы поймать тигрёнка, нужно войти в логово тигра») связано с образом тигра как символа силы и опасности. Также широко используется выражение «원숭이도 나무에서 떨어진다» («даже обезьяна падает с дерева»), подчёркивающее возможность ошибки даже у опытного человека.

Художественные тексты играют важную роль в создании образных выражений. Авторы используют метафоры и символы, которые благодаря своей выразительности становятся устойчивыми. Например, выражение «바람 앞의 등불» [парам апе тынбуль] («свеча на ветру») используется для описания нестабильной ситуации. Этот образ, возникший в литературе, до сих пор активно используется в речи.

В современной корейской культуре идиомы продолжают активно функционировать. Они встречаются в разговорной речи, средствах массовой информации, кино и дорамах. Например, выражение «등잔 밑이 어둡다» [тынджан мити одыпта] («под лампой темно») часто используется для обозначения ситуации, когда очевидное остаётся незамеченным. Это показывает, что фразеологизмы остаются актуальными и понятными для носителей языка.

В то же время в условиях глобализации наблюдаются изменения в употреблении идиом. Некоторые выражения адаптируются к современным условиям, приобретают новые оттенки значения или используются в ироническом контексте. Например, выражение «하늘의 별 따기» [хануре пёль такки] («достать звезду с неба») может использоваться не только в значении недостижимой цели, но

и для обозначения просто сложной задачи. Это свидетельствует о гибкости фразеологической системы языка.

Дополнительно можно отметить, что в образовательной среде фразеологизмы играют важную роль при изучении корейского языка как иностранного. Через устойчивые выражения раскрываются особенности национального мышления, а также формируется понимание культурных кодов. Например, при изучении идиом, связанных с природой или животными, становится очевидным, какое значение придаётся этим образам в традиционной культуре. Это позволяет лучше интерпретировать тексты и избегать типичных ошибок при переводе.

Интерес представляет и использование идиом в современной массовой культуре, особенно в дорамах и музыкальной индустрии. Вследствие этого происходит их дальнейшее распространение, в том числе за пределами Кореи. Идиомы становятся частью глобального культурного пространства, сохраняя при этом национальную специфику.

Особую сложность представляет перевод корейских идиом на другие языки. Во многих случаях отсутствуют прямые эквиваленты, что требует поиска функциональных аналогов. Например, выражение «원숭이도 나무에서 떨어진다» [вонсунидо намуэсо ттороджинда] («даже обезьяна падает с дерева») можно передать как «и на старуху бывает проруха». В таком случае сохраняется общий смысл, но меняется образ.

Особый интерес представляет сопоставление корейских идиом с башкирскими фразеологизмами. Несмотря на различия в языковых системах и культурных традициях, можно обнаружить ряд сходств, связанных с универсальностью человеческого опыта. В башкирском языке, как и в корейском, устойчивые выражения активно отражают народную мудрость, бытовые наблюдения и ценностные ориентиры.

Например, корейское выражение «하늘의 별 따기» («достать звезду с неба») имеет смысл недостижимой цели. В башкирском языке близким по значению является выражение «күккә үрләү» («стремиться к небу»), которое также передаёт идею труднодостижимого или чрезмерного стремления. Несмотря на различие образов, смысловая основа остаётся схожей.

Образы животных в целом играют важную роль в обеих языковых традициях. В корейской культуре тигр символизирует силу и опасность, тогда как в башкирской культуре значимыми являются образы коня, волка и орла. Например, башкирское выражение «бүре йөрәкле» («волчье сердце») обозначает смелого человека, что сопоставимо с корейскими выражениями, связанными с храбростью и силой.

Также можно отметить сходство в использовании природных образов. В корейских идиомах часто встречаются символы ветра, воды и неба, тогда как в башкирских – степь, горы и реки. Эти образы отражают особенности окружающей среды и образа жизни народа. Например, корейское «바람 앞의 등불» («свеча на ветру») и башкирское «елгә ҡаршы тороу» («стоять против ветра») передают идею нестабильности или трудной ситуации, хотя выражены разными средствами.

Несмотря на наличие сходств, существуют и значительные различия. Корейские идиомы часто имеют литературное или философское происхождение, связанное с конфуцианской традицией, тогда как башкирские фразеологизмы в большей степени опираются на устное народное творчество и кочевой образ жизни. Это отражается в выборе образов и тематике выражений.

Отдельного внимания заслуживают проблемы перевода как корейских, так и башкирских фразеологизмов. В обоих случаях трудности связаны с культурной спецификой и отсутствием прямых эквивалентов. Например, буквальный перевод может не передавать образ или эмоциональную окраску выражения. Вследствие этого требуется либо подбор аналогов, либо пояснение значения.

В итоге становится ясно, что идиомы и фразеологизмы являются важной частью корейского языка, отражающей его литературное и культурное наследие. Они формируются под влиянием художественных текстов, фольклора и философии, а затем продолжают жить в современной речи. Их изучение позволяет глубже понять не только язык, но и культуру Кореи, а также особенности национального мировосприятия, сопоставление корейских и башкирских фразеологизмов показывает, что, несмотря на различия в культуре и языке, существует множество общих черт, связанных с отражением жизненного опыта.

Литература:

1. Баранов А. В. Фразеология современного языка. – Москва : Наука, 2019.

2. Kim M. Korean Language and Culture. – Seoul : Seoul National University Press, 2018.
3. Lee H. Understanding Korean Idioms. – London : Routledge, 2022.
4. Әхмәтов Р. Башкирская фразеология. – Уфа : Китап, 2018.
5. Ғилманов Ф. Башкирский язык и культура. – Уфа : БашГУ, 2020.

© Бойматова У.О., 2026

УДК 070

Большеглазова П.А.,
студент УУНиТ
Научный руководитель ***– Имангулова А.Р.,***
ассистент УУНиТ
г. Уфа, Россия

ТЕЛЕВИЗИОННЫЕ НОВОСТИ КАК СПОСОБ КОНСТРУИРОВАНИЯ РЕАЛЬНОСТИ В СМИ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

В современном информационном обществе телевидение остаётся одним из ключевых источников информации для большинства населения. В Республике Башкортостан, где функционируют как федеральные, так и региональные телеканалы, изучение телевизионных новостей как инструмента конструирования социальной реальности приобретает особую значимость. В процессе просмотра телевизионных новостей происходит преодоление временных и пространственных границ, что создаёт иллюзию непосредственного отражения действительности. Однако на самом деле новости представляют собой лишь одну из форм интерпретации реальности. Мы рассматриваем новости как особый тип дискурса, который включает в себя не только текстовую структуру, но и социальный контекст, что позволяет соотнести факторы производства новостей с их структурными и языковыми характеристиками.

Телевизионные новости, как правило, формируются под влиянием различных факторов, включая редакционную политику, целевую аудиторию и социально-политический контекст. Это делает их не просто отражением реальности, а активным инструментом её конструирования. В этом контексте важно понимать, как именно происходит процесс отбора информации и её подачи, а также какие механизмы используются для формирования общественного мнения.

Эмпирическую базу исследования составили каналы, входящие в сетку телевещания региона: «Россия 1», «Россия 24», БСТ, НТВ. Анализ был проведен на основе выборки новостей за период с 2025 по 2026 годы. В исследовании были использованы такие методы, как контент-анализ, дискурс-анализ и этнографический анализ, что позволит глубже понять механизмы производства новостей и их влияние на аудиторию.

В рамках исследования телевизионных новостей в Республике Башкортостан были проанализированы конкретные примеры из практики региональных СМИ, которые иллюстрируют, как новости формируют общественное мнение и конструируют реальность.

1. Освещение местных событий. В новостной программе телеканала БСТ 18 апреля 2026 года был показан сюжет о семье медиков Новгородцевых, которые служат в медроте им. Давлетова полка «Башкортостан». Этот сюжет не только проинформировал зрителей о деятельности медиков, но и создал положительный имидж медицинских работников, подчеркивая их преданность делу и важность их работы для общества. Освещение таких историй способствует формированию чувства гордости за местных героев и укрепляет локальную идентичность. Это также может вдохновить молодежь на выбор профессии в сфере медицины. В условиях, когда медицинские работники часто сталкиваются с трудностями и высоким уровнем стресса, подобные сюжеты могут служить не только источником информации, но и моральной поддержкой для медиков, а также для их семей. Они подчеркивают значимость их труда и создают положительный имидж профессии, что может способствовать привлечению новых кадров в медицинскую сферу.

2. Социальные проблемы и их освещение. В программе «ЧП» на телеканале НТВ 17 июля 2025 года был представлен сюжет о бывшем полицейском в Башкирии, который обманом лишил пожилую женщину всего имущества. Этот случай был подан с акцентом на социальную несправедливость и необходимость защиты прав граждан. Освещение подобных случаев может вызвать общественный резонанс и привести к обсуждению вопросов безопасности. Это также подчеркивает роль СМИ в выявлении и порицании социальных проблем. Когда такие истории попадают в эфир, они могут стать

катализатором для общественных обсуждений и даже изменений в законодательстве. Например, после освещения подобных случаев может возникнуть инициатива по ужесточению контроля за действиями правоохранительных органов или созданию новых механизмов защиты прав граждан.

3. Культурные события и их влияние. В дневной программе на БСТ, «Бәхет иле» («Территория счастья»), 16 апреля 2026 года был показан выпуск, в котором обсуждались культурные инициативы и мероприятия, проходящие в республике. В программе принимали участие местные деятели культуры, что способствовало популяризации башкирской культуры и традиций. Освещение событий из сферы искусства помогает укрепить культурную идентичность и способствует развитию интереса к местным традициям. Это также может привлечь внимание к культурным инициативам и поддержать их развитие. Например, освещение фестивалей, выставок и других культурных мероприятий может не только повысить интерес к ним, но и привлечь туристов, что в свою очередь способствует экономическому развитию региона. Кроме того, такие программы могут стать платформой для обсуждения актуальных вопросов культуры и искусства, что способствует развитию досуговой сферы в республике.

4. Образовательные инициативы. В новостях «Россия 1. Башкортостан» 30 июня 2025 года обсуждалась приемная кампания в вузы и колледжи республики. В сюжете были представлены мнения экспертов о важности образования и его роли в развитии региона. Освещение работы приемной кампании учебных заведений подчеркивает важность образования в подготовки будущих рабочих кадров для региона и может мотивировать молодежь к получению высшего образования. Это также создает позитивный имидж образовательной системы Башкортостана. Когда СМИ акцентируют внимание на успехах местных вузов и колледжей, это может повысить интерес абитуриентов к обучению в таких учреждениях. Кроме того, обсуждение программ обучения может способствовать формированию общественного мнения о важности инвестиций в образование и развитие человеческого капитала.

В ходе исследования телевизионных новостей как способа конструирования реальности в СМИ Республики Башкортостан были выявлены ключевые аспекты, подчеркивающие их значимость в формировании общественного мнения и восприятии действительности. Телевидение, как один из основных источников информации, не только сообщает зрителям о событиях, но и активно участвует в создании социальной реальности, формируя представления о мире и обществе.

Телевизионные новости представляют собой сложный коммуникативный феномен, который формируется под влиянием редакционной политики, целевой аудитории и социально-политического контекста. Это делает их не просто отражением реальности, а активным инструментом её конструирования. В условиях многонационального и многокультурного общества, такого как Республика Башкортостан, телевизионные новости могут служить платформой для выстраивания диалога и взаимопонимания, однако они также могут усиливать существующие стереотипы и предвзятость. В контексте региональных СМИ, таких как БСТ, «Россия 1. Башкортостан» и «Россия 24. Башкортостан» акцент на местных событиях способствует формированию локальной идентичности и укреплению связей внутри сообщества. Освещение культурных мероприятий и местных инициатив создает положительный имидж региона, но важно также учитывать необходимость освещения глобальных проблем.

Исследование показало, что жанровые характеристики новостных программ играют важную роль в формировании восприятия событий. Критерии отбора новостей зависят от актуальности и интереса аудитории, что может приводить к недостаточному освещению менее значимых, но важных для местного сообщества событий. Это подчеркивает необходимость более сбалансированного подхода к освещению новостей. В условиях современных вызовов, таких как конкуренция с интернет-платформами и снижение доверия к традиционным источникам информации, региональные телеканалы должны адаптироваться и находить новые подходы к подаче новостей. Это требует от них не только профессионализма, но и осознания социальной ответственности перед аудиторией.

В будущем важно продолжать исследовать влияние телевизионных новостей на общественное сознание и развивать методы повышения качества журналистики в регионе. Это поможет не только укрепить доверие к СМИ, но и способствовать более информированному и активному гражданскому обществу. Также стоит обратить внимание на необходимость интеграции новых медиа и технологий в процесс производства новостей, что может повысить их актуальность и доступность для широкой аудитории.

Таким образом, телевизионные новости в Республике Башкортостан играют ключевую роль в конструировании социальной реальности, и их влияние на общественное мнение требует постоянного анализа и осмысления.

Литература:

1. Антонов, К. А. Возможности этнографического анализа производства телевизионных новостей / К. А. Антонов // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2008. – Т. 11, № 2. – С. 33-40.

2. Быков, Д. В. Телевизионные новости: от информации к развлечению / Д. В. Быков // Вопросы теории и практики журналистики. – 2022. – Т. 11, № 3. – С. 528-544.

3. Демина, М. А. Телевизионные новости как тип дискурса (лингвистический и прагматический аспекты) / М. А. Демина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2011. – № 627. – С. 200-210.

4. Кольцова, ЕЛО. Производство новостей: скрытые механизмы контроля / ЕЛО Кольцова // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1999. – № 3.

5. Сарафанникова, Е.В. Дискурсивные маркеры соотнесения сообщаемого с действительностью: На материале телевизионных новостей на русском и английском языках: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Воронежский государственный университет. – Воронеж, 2006. - 20 с.

6. Гарифуллина, Р.Р. Телевизионные СМИ Республики Башкортостан: современные тенденции и вызовы [Электронный ресурс] // Вестник Башкирского государственного университета. Серия 2. Филология. Искусствоведение. 2021. № 2. С. 45-50. URL: https://vestnik.bsu.ru/philology/2021/2/45-50 (дата обращения: 27.10.2023).

7. Ахметова, А.Ф. Влияние телевизионных СМИ на формирование общественного мнения в Республике Башкортостан [Электронный ресурс] // Научный вестник Башкирского государственного университета. Серия 3. Социальные науки. 2022. № 1. С. 12-18. URL: https://vestnik.bsu.ru/social/2022/1/12-18 (дата обращения: 27.10.2023).

8. Султанов, Р.Р. Роль телевидения в формировании культурной идентичности молодежи Республики Башкортостан [Электронный ресурс] // Вестник Уфимского государственного нефтяного технического университета. 2023. № 3. С. 34-40. URL: https://vestnik.usptu.ru/2023/3/34-40 (дата обращения: 27.10.2023).

© Большеглазова П.А, 2026

УДК 070

Буранов И.И.,
студентУУНиТ
*Научный руководитель – **Ахмадиев Р.Б.,***
д-р филол. наук, профессор УУНиТ,
г. Уфа, Россия

ОСВЕЩЕНИЕ ТЕАТРАЛЬНОЙ ЖИЗНИ БАШКОРТОСТАНА В СМИ РЕГИОНА

Современные региональные средства массовой информации выполняют не только новостную и коммуникативную функции, но и выступают важным инструментом сохранения и трансляции культурного наследия. В Республике Башкортостан, отличающейся полиэтничным составом населения и богатыми театральными традициями, освещение театральной жизни становится значимым направлением деятельности журналистов. Настоящая статья посвящена анализу специфики, форм и проблем освещения театральной жизни Башкортостана в региональных СМИ.

Театральная культура Башкортостана представлена широкой сетью государственных и муниципальных театров. Среди них – Башкирский государственный академический театр драмы имени М. Гафури, Русский академический театр драмы РБ, Национальный молодежный театр РБ, Башкирский государственный театр оперы и балета, а также театры кукол, малых городов и районов. Такое разнообразие требует от региональной журналистики не только информационной поддержки, но и глубокого аналитического осмысления происходящих процессов.

Основным каналом освещения театральной жизни остаются традиционные печатные и электронные СМИ. Среди наиболее влиятельных изданий можно назвать республиканские газеты «Республика Башкортостан», «Кызыл тан», «Башкортостан», «Йэшлек», а также интернет-порталы «ProUFu/ru», «БСТ» и «Культурный мир Башкортостана». Анализ публикаций за последние три года

показывает, что театральная тематика чаще всего представлена в следующих жанрах: информационная заметка (анонс премьеры или гастролей), репортаж с места события, интервью с режиссером или актером, критическая рецензия, а также тематическая статья, приуроченная к юбилею театра или творческого деятеля.

Специфика освещения театральной жизни в региональных СМИ во многом определяется их аудиторией и языковой направленностью. Русскоязычные издания чаще делают акцент на аналитических жанрах и рецензировании, стремясь привлечь вдумчивого зрителя. Башкироязычные газеты, напротив, уделяют больше внимания сохранению национальной идентичности: подробно освещают постановки по произведениям классиков башкирской литературы, фестивали национальных театров, деятельность молодых драматургов, пишущих на башкирском языке.

Наибольший интерес для исследователя представляет переход региональных СМИ к мультимедийным форматам. Телеканал «БСТ» регулярно выпускает сюжеты о театральных премьерах, включая фрагменты спектаклей и интервью с создателями. Интернет-порталы создают специальные рубрики («Театральная афиша», «За кулисами»), где публикуются не только тексты, но и видеоролики, фотогалереи, а также опросы зрителей. Такой подход позволяет формировать более молодую аудиторию и повышает интерес к театральному искусству в целом.

Однако анализ выявляет и ряд системных проблем. Во-первых, наблюдается дефицит профессиональной театральной критики. В штате большинства редакций отсутствуют специальные обозреватели по культуре, а тем более по театру. Как следствие, многие рецензии носят поверхностный, описательный характер, подменяя анализ пересказом сюжета и общими похвалами в адрес актеров [1: 45]. Во-вторых, театры малых городов (Салават, Октябрьский, Сибай, Белебей, Кумертау, Нефтекамск) остаются на периферии журналистского внимания. Подавляющее большинство публикаций посвящено событиям в Уфе, что создает неравенство в информационном поле.

В-третьих, региональные СМИ не всегда успешно справляются с задачей популяризации экспериментальных и некоммерческих театральных проектов. Постановки альтернативных студий, независимых режиссеров, моноспектакли и документальный театр зачастую остаются без освещения, поскольку не вписываются в традиционную сетку новостей или не подкреплены пиар-поддержкой. Это сужает представление читателя о реальном театральном процессе в республике.

Еще одной важной проблемой является слабая интеграция театральной журналистики в образовательные программы. Молодые корреспонденты нередко не обладают базовыми знаниями истории театра, современной драматургии и принципов сценического анализа. Повышение квалификации журналистов, освещающих культуру, и введение специализированных курсов в вузах могли бы существенно улучшить качество публикаций.

Значительный потенциал для развития освещения театральной жизни заключается в усилении обратной связи со зрителем. Рубрики «Читатель – критик», зрительские форумы на сайтах газет и телеканалов, конкурсы рецензий среди студентов помогают формировать активную аудиторию и поднимать планку обсуждения. Кроме того, перспективным направлением является сотрудничество редакций с театральными вузами и кафедрами журналистики, что позволит привлекать к написанию рецензий квалифицированных молодых авторов.

Позитивным примером комплексного подхода можно считать деятельность интернет-портала «Культурный мир Башкортостана», который наряду с новостями публикует развернутые аналитические статьи, видеоинтервью с режиссерами и дайджесты театральных событий в районах. Такой формат постепенно вытесняет устаревшую модель «анонс + краткий отчет» и способствует формированию полноценной информационной среды вокруг театра.

Освещение театральной жизни Башкортостана в региональных СМИ находится на этапе активной трансформации: от простого информирования к мультимедийному сопровождению и аналитике. Однако сохраняется ряд нерешенных проблем – недостаток профессиональной критики, неравномерное освещение театров Уфы и малых городов, слабая поддержка экспериментальных проектов. Решение этих задач требует, как институциональных изменений в редакциях, так и системной подготовки журналистских кадров.

Таким образом, региональные СМИ Башкортостана выполняют важную культурно-просветительскую миссию, но нуждаются в модернизации подходов к освещению театральной жизни. Только при условии перехода к более глубокому и разнообразному контенту театральная журналистика сможет стать действенным инструментом развития театрального искусства и привлечения новой зрительской аудитории.

Литература:

1. Галиуллина Г.А. Театральная критика в региональной прессе: проблемы жанра и профессиональной компетенции // Культура и искусство в информационном пространстве. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2023. – С. 44–49.
2. Мусина Р.Р. Современные башкирские СМИ: тенденции и перспективы развития. – Уфа: Китап, 2022. – 188 с.
3. Султанова З.А. Культурная повестка в региональных интернет-изданиях Республики Башкортостан // Вестник ВЭГУ. – 2024. – № 2 (106). – С. 112–118.
4. Хасанова Г.Ф. Театр и публика: проблемы взаимодействия в современном обществе. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2021. – 156 с.
5. Шакиров Р.Р. Национальное театральное искусство в зеркале башкирской журналистики // Проблемы востоковедения. – 2023. – № 3. – С. 75–81.

© Буранов И.И., 2026

УДК 811.161.1’366+811.512.157’366

Бурнашева Е.Д.,
студент УУНиТ,
Научный руководитель – ***Алимбаева Г.Г.****,*
канд. филол. наук, доцент УУНиТ
г. Уфа, Россия

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ГРАММАТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ИМЁН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ И ЯКУТСКОМ ЯЗЫКАХ

Сопоставительное изучение разноструктурных языков является одним из актуальных направлений современной лингвистики. Русский язык относится к флективному типу, в то время как якутский (саха тыла) представляет собой агглютинативный язык тюркской семьи. Целью данной работы является выявление сходств и различий в грамматических категориях имени существительного в указанных языках.

Служебные аффиксальные морфемы в якутском языке всегда располагаются справа от корневой и подвергаются ее воздействию в фонетическом плане: «тип гармонических созвучий предопределен вокализмом корневой морфемы». Якутский язык характеризуется строгой последовательностью в присоединении аффиксов. Сперва присоединяется словообразующий аффикс, затем следуют словоизменяющие аффиксы: числа, принадлежности, падежей, лица. В глагольной словоформе могут выступать следующие морфологические показатели: аффиксы времени, наклонения, отрицательные аффиксы и показатели залога. Наиболее абстрактные категория выражаются аффиксами, наиболее отдаленными от корня. Морфемные показатели фиксированные и не подвергаются вариациям. Количество присоединяемых аффиксов удлиняет состав слова, но «Каким бы сложным по своему составу и количеству аффиксов слово ни было, оно легко расчленяется на составные части».

В русском языке собирательные, часть вещественных в разряде отвлеченных имен существительных не обретают грамматических оппозиций единственного и множественного чисел, они употребляются либо только в единственном, либо во множественном числе. В данной работе выделены разряды существительных, имеющих не соотносительную форму единственного числа и множественного числа: средствами выражения категории числа в русском языке являются особые флексии, т.е. морфологические средства: *конь – кони, слово – слова*: специализированные суффиксы: *верблюжонок – верблюжата*, *горожанин – горожане*, *опенок – опята*. Формы множественного числа образуются супплетивным способом: *человек – люди, ребенок – дети,* т.е. лексемами в парах. Синтаксические средства: *послушный пони – послушные пони*. В случаях омонимии русское ударение способствует определению числовой формы: *травы́* (род. пад.) – *тра́вы*(мн. ч.); *ме́ста – места́* (мн. ч.), *до́ма – дома́* (мн. ч.). Образование формы множественного числи сопровождается чередованием согласных: *ухо – уши, друг – друзья*.

В якутском языке отмечаются: аффиксы множественности и их варианты: *ыт – ыттар*, *санаа – санаалар*. По характеру лексического значения некоторые существительные не поддаются счету и обозначают отвлеченные понятия: *дьол ‘счастье’, куйаас ‘жара’, салгын ‘воздух’*. Своеобразно употребление парных существительных: *хараҕа ууламмыт ‘глаз слезится’*, *сүһүөҕэ ыалдьыбыт*

‘сустав заболел’. Часть существительных обладает двойной формой мн.ч.: *тойоттор ‘господа’, эрэттар ‘мужи’, түҥүрэттэр ‘родня по женитьбе детей’*. В якутском языке рассматривается специфика употребления категории числа притяжательных существительных, имеющих четыре разряда: 1) *биир биирдээҕэ ‘одному принадлежит одно’ – ытым ‘собака принадлежит мне*’; 2) *биир элбэхтээҕэ ‘одному принадлежит множество’ – ыттарым ‘собаки, принадлежащие мне*’, 3) *элбэх биирдээҕэ ‘одно, принадлежащее многим’ – ыппыт ‘мы, имеющие собаку’*; 4) *элбэх элбэхтээҕэ ‘множество, принадлежащее многим’ – ыттарбыт ‘собаки, принадлежащие нам’*. Аналогичных явлений в русском языке не наблюдается.

Способом выражения собирательности в русском языке являются словообразовательные средства *-ств, -ва, -ура, -ье*: *студенчество, листва, аппаратура, литье*. Морфологические особенности: собирательные существительные имеют несоотносительную форму ед. ч. и ограничены в способности получать некоторые падежные значения, человечество, родня, молодежь. В якутском языке отмечается недостаточная изученность и имеются лишь некоторые предварительные наблюдения по категории собирательности, по семантике относятся парные существительные: *аҕа-ийэ ‘родители: отец и мать’*, *от-мас ‘растительность: трава и деревья’, тыл-өс ‘молва, пересуды, язык-речь’*. Сочетания контрастного типа: *хаар-самыыр ‘непогоди, слякоть: снег-дождь’, дьиэ-уот ‘жилище, хозяйство, дом-огонь’*.

Рассмотрим специфическую категорию рода в русском языке, не имеющую аналога в якутском. Категория рода в русском языке тесно связана с лексическим значением, с категорией одушевленности/неодушевленности, полом. Необходимо отметить тенденцию интенсивного пополнения существительных среднего рода с суффиксами: *-ение / - ание, -ств, -ищ: устройство, языкознание, наблюдение, коневодство, зернохранилище, жилище, единство* и т.д. Средствами показателя родового значения отмечены: морфологические, синтаксические: *длинное пальто, такой(ая)скряга, врач поставил диагноз, врач Петрова поставила диагноз*: словообразовательные показатели – суффиксы. Отмечается сдвиг в языковом мышлении говорящего, у него вырабатывается безразличное отношение к родовым представлениям.

Исследуются расхождения и в падежной системе сопоставляемых языков. Русские падежи – грамматические по типологической характеристике и широко используют предлоги, якутские – пространственные и активно используют аффиксы и послелоги.

Количественное соотношение показало, что систему русских падежей составляют шестичлены, которые составляют 15 оппозиций, якутская представлена восемью членами. Выявлено, что в русском языке падежные значения выражаются синтетическим и аналитическим способами. Синтетический способ представлен падежными флексиями, вспомогательными средствами выступают ударения, перемещающиеся в формах слов, и чередование звуков: *реки́* (род. п.) – *ре́ки* (мн. ч., им. п.), *пе́нь* (им. п.), *пня́* (род. п.), *пнём* (тв. п.). К аналитическим средствам относятся предлоги, которые снимают и омонимичность форм: *к углу* (дат. п.), *в углу* (предл. п.), *к руке* (дат. п.), *в руке* (предл. п.); *без ночи* (род. п.), *к ночи* (дат. п.), *о ночи* (предл. п.). С помощью предлогов различаются разные значения одной и той же падежной формы: *для брата* (целевое), *у брата* (притяжательное), *около брата* (пространственное). Предлоги конкрезизируют, обогащают падежные формы семантически. Об их роли акад. В.В. Виноградов писал: «... двойственность употребления (беспредложных и предложных; падежных форм ведет к богатой синовимике падежных конструкций». Разные падежные формы могут получать одинаковое падежное значенис с частными оттенками: *идет по лесу* (дат. п.), *идет через лес* (вин. п.), *идет лесом* (тв. п.). Обозначая место, территорию движения, форма дательного падежа подчеркивает только путь винительного – характер поверхности, окружающую среду, которую нужно преодолеть, творительного – указывает на выбранный путь движения (*не полем, не берегом*). Подобные отношения рассматриваются как синонимичные. Установлено, что предлоги оказываются единственным средством выражения падежа неизменяемых существительных: *заплатить за пальто* (вин. п.), *пришил к пальто пуговицу* (дат. л.). Предложный падеж содержит в себе две грамматические категории изъяснительного и местного, что обусловило разные окончания. Окончание характерно для существительных мужского рода этого склонения: *гулять в лесу – рассказывать о лесе, пастись на лугу – стихи о луге*; у других форм окончания омонимичны: *в селе – о селе, на площади – о площади*. У части существительных перемещается ударение: *на мели́, в печи́* (местный падеж) – *о ме́ли, о пе́чи* (изъяснительный падеж).

При описании и выявлении типологических особенностей якутской падежной системы опирались на работы лингвистов И.П. Винокурова «Саха тылыгар падеж системата» и Г.Г. Филиппова «Саха тылыгар предикативнай падежтааһын».

Сопоставляется система значений падежей в русском и якутском языках: номинативные, объектные, обстоятельственные, определительные, предикативные. Падеж существует как многозначная единица, в системе значений одни значения центральные (более самостоятельные), другие составляют семантическую периферию. В процессе исследования выявили, что формы именительного падежа шире, для обозначения меры – *тиэйии от (воз сена)*, *чороон кымыс (чороон кумыса)*, *кытыйа арыы (кытыйа масла)*, для обозначения места используются с послелогами: *дьиэ үрдүгэр (на поверхности дома, над домом), уу чугаһыгар (поблизости от воды, у воды), тыа иһигэр (в лесу)*. Родительный приименный в русском языке имеет больше значений и характеризуется частотностью употребления в речи: признака, части и меры, обстоятельственные, временные отношения принадлежности и т.д. Специфичным являются употребление после прилагательных сравнительной степени, в якутском им соответствует сочетание со сравнительным падежом: *сильнее зверя 'кыыллааҕар күүстээх', дороже золота 'көмүстээҕэр күндү'*. Большие расхождения выявлены в системе значений дательного, винительного, творительного падежей.

Винительный падеж (туохтуу падеж) в русском и якутском языках имеет объектное значение при переходном глаголе: *любить родину 'төрөөбүт дойдуну таптыахха', купить товар 'малы-салы атыылаһыахха'*. В русском языке спецификой является употребление винительного падежа с предлогами. В одной падежной форме синтезируются разные типы падежных значений: *поход (куда? какой?)за реку, поездка (куда? какая?) в город*.

Значения подобных падежных форм исследователи называют синкретичными. Проф. М.В. Панов называет «противопоставлением внутреннего и внешнего контекста». Внешний контекст представлен в широком и узком понимании, узкое раскрывает синтаксические свойства, широкое включает понимание словообразовательного, синтаксического и лексического характера. Под внутренним контекстом понимаются лексические свойства основы. Гроф. И.Г. Милославский выделяет смысловые факторы (экстралингвистические, фоновые, ситуативные). Формой винительного падежа выражаются объектные и пространственные значения: внедрение в практику, метить в цель.

При исследовании склонения существительных выяснено, что в русском языке катетория склонения сложнее, чем в якутском. В русском языке существительные по отношению к словоизменению состоят из склоняемых и несклоняемых. Спецификой можно считать, что категория рода влияет на типы склонения: 1 – склонение характеризуется как нородное, 2 – как не женское, 3 – как женское. Таким образом, отчетливо проявляется признак родовой дифференциации. Выделяются группы существительных с адъективным склонением: *приезжих, больной, запятая*; промежуточным – местоименным типом: *ничья, девичья*; притяжательным типом: *Ильина, г. Пушкин*; с нулевым типом склонения – *метро, такси*. Парадигмы существительных, относящихся к разным типам склонения, различаются в единственном числе, а у существительных, имеющих только форму множественного числа, тип склонения не определяется.

В якутском языке существует тип склонения, морфологически единый для единственного и множественного чисел, при склонении используются стандартные падежные аффиксы. Все аффиксы падежей и якутском языке начинаются с согласного. В якутской грамматике существует два склонения: простое и притяжательное. Показатель принадлежности предшествует падежному аффиксу. Падежи притяжательного склонения отвечают на те же вопросы, которые имеются в простом склонении, но имеют 6 разновидностей по лицам. Исследование позволяет заключить, что по своим типологическим показателям склонение существительных в русском языке является сложным: 1) из-за принципа родовой дифференциации; 2) твердого и мягкого вариантов склонения, в зависимости от конечного согласного основы; 3) из-за действия вспомогательных средств: ударения и чередований в слове; 4) из-за большой вариативности падежных окончаний. В якутском языке имеются фонетические варианты падежных аффиксов в соответствии с законом гармонии гласных.

Литература:

1. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М.: Высшая школа, 1986. – 639 с.

2. Винокуров И.П. Саха тылыгар падеж системата: студеннарга көмө пособие. – Якутскай: Изд- во ЯГУ, 1977. – 100 с.

3. Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. – М.: Русский язык, 1977. – 352 с.

4. Лопатин В. В., Нечаева И. В. Современный русский язык. Морфология. – М.: Академия, 2004. – 512 с.

5. Филиппов Г.Г. Саха тылыгар предикативнай падежтааһын: уөрэх пособиета. – Якутскай: ЯГУ, 1989. – 134 с.
6. Щерба Л. В. Очерки по русскому языку и лингвистике. – Л.: Наука, 1974. – 400 с.

© Бурнашева Е.Д., 2026

УДК 070.11/12.

Ваккер Д.В.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Ильясова Г.Р.,***
канд. филол. наук., доцент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

ВЗАИМНОЕ ОТРАЖЕНИЕ РОССИИ И КИТАЯ В НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕДИА

Медиа – это средства и инструменты, с помощью которых информация передаётся от источника к аудитории и которая позволяет нам узнавать новости, общаться и получать контент.

Следует отметить, что по форме передачи медиа подразделяются на традиционные, новые и социальные.

Традиционные медиа – это печатные издания, включающие в себя газеты и журналы, и электронные СМИ, то есть радио и телевидение. Информация при данном типе медиа передаётся по принципу «один ко многим». Она же (информация) впоследствии из-за появления новых доводов с высокой степенью подвергается редактированию. Новые медиа – это онлайн-платформы, где любой пользователь может быть как потребителем, так и создателем контента. К такому типу медиа относятся интернет-сайты (Яндекс, Google), блоги (Rutube), социальные сети (ВКонтакте) и подкасты. Социальные медиа – это подвид новых медиа, основанный на взаимодействии, лайках, комментариях и репостах (к примеру, Telegram).

Также важно различать два понятия – средство массовой информации (СМИ) и медиа. Про СМИ обычно говорят в контексте профессиональных редакций с официальным статусом (газета «Коммерсантъ»). В свою очередь медиа – понятие шире. Это могут быть не только СМИ, но и личный блог, мемный паблик, рекламный баннер или даже мессенджер. В нашей статье под словом «медиа» будет восприниматься СМИ тоже.

Выделим ключевые функции медиа:

1. Информирование (рассказать, что случилось);
2. Развлечение (фильмы, игры, юмор);
3. Социализация (обсуждение событий в обществе);
4. Контроль (освещение проблем власти и бизнеса);
5. Реклама и маркетинг (продажа товаров и услуг).

Образ России в китайских медиа формируется в рамках стратегического партнёрства между двумя странами. СМИ последовательно выстраивают позитивный образ, фокусируясь на сотрудничестве, совместной истории и противодействии западному влиянию. Так, китайские СМИ представляют Россию преимущественно как надёжного «старшего брата» и стратегического союзника, противопоставляя это партнёрство «западному гегемонизму». Основной акцент же идёт на экономические успехи, совместные энергетические проекты и память о борьбе с фашизмом в XX веке. Благодаря такой фильтрации повестки кризисные темы (к примеру, СВО) подаются через призму борьбы с НАТО или внутренней стабильности России. Кроме того, медиагиганты вроде Xinhua активно сотрудничают ТАСС и RT, обмениваясь не только контентом, но и технологиями искусственного интеллекта для борьбы с «фейками». Одним из примеров культурного обмена на государственном уровне между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой является выход популярного российского мультсериала «Три кота» и фильма «Лёд-3» в Китае, получившие огромное признание и любовь в Поднебесной.

Образ Китая в российских медиа, как и образ России в китайских медиа, сегодня практически полностью позитивный. Он также выстраивается как образ стратегического партнёра и надёжного союзника. При этом ключевая особенность заключается в том, что этот единый образ подаётся по-разному в зависимости от типа издания. В официальных и деловых СМИ («Российская газета», «Коммерсантъ») Китай предстаёт как современный технологический гигант и ключевой игрок в мировой политике. Акцент делается на экономику и совместные проекты («Сила Сибири-2»),

дипломатию и борьбу с западным влиянием. В массовых и развлекательных СМИ на первый план выходят яркие и понятные каждому образы. Китай показывают через традиционные праздники, кухню и, конечно же, массовую культуру. Так, в последние годы российские медиа активно продвигают совместные проекты, которые помогают создать эмоциональную связь у зрителей. Такими проектами являются: фильм «Красный шёлк» (2025 года) и вышеуказанный мультсериал «Три кота», набравший в Китае более 5,5 млрд просмотров.

Таким образом, независимо от формата, ключевой нарратив в прессе сегодня – это борьба с общим врагом, в том числе с «фейками» и «фальсификацией истории». Медиа двух стран активно обмениваются технологиями искусственного интеллекта и координируют информационную политику, чтобы представлять «объективную реальность».

Литература:

1. Ван Чжаосюй. Образ России во внешнеполитическом дискурсе китайских СМИ: автореферат дис. … канд. полит. наук: 5.5.2 / Ван Чжаосюй; Казанский (Приволжский) федеральный университет. – Казань, 2024. – 23 с.

2. Вартумян А.А., Дудаев А.М. К вопросу о политической медиагеографии в исследовании политических процессов // Современная наука и инновации. – 2024. – № 1 (45). – С. 116–119.

3. Вэй Юй, Мельник Г.С. Конструирование национального образа Китая в российских СМИ // Коммуникология. – 2025. – Т. 13. – № 1. – С. 55–68.

4. Гао И. Современный образ США и России в китайских медиа // Мир науки, культуры, образования. – 2022. – № 3 (94). – С. 351–353.

5. Галинская Т.Н. Понятие медиаобраза и проблема его реконструкции в современной лингвистике // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2013. – № 11 (160). – С. 91–94.

6. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой (подписан в г. Москве 16.07.2001) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 35. – С. 3513.

7. Ду Цзин. Особенности имиджа КНР в русскоязычных печатно-сетевых СМИ Китая: автореферат дис. … канд. филол. наук: 10.01.10 / Ду Цзин; Российский университет дружбы народов. – Москва, 2017. – 24 с.

8. Жэнь Тяньтянь. Формирование национального имиджа КНР в России на современном этапе как фактор «мягкой силы»: автореферат дис. … канд. полит. наук: 23.00.04 / Жэнь Тяньтянь; Российский университет дружбы народов. – Москва, 2021. – 23 с.

9. Зубова В.А. Изучение сущности и трактовок понятия имиджа // Молодой ученый. – 2019. – № 23 (261). – С. 207–209.

10. Информационная война в цифровом медиапространстве / под ред. Л.К. Лободенко, Л.П. Шестеркиной, А.В. Красавиной. – Челябинск, 2023. – 364 с.

11. Карауш, Р. В. Налаживание межкультурной коммуникации в медиапространстве Российской Федерации и Китайской Народной Республики : дипломная работа (бакалавр) / Р. В. Карауш; МГУ имени М.В. Ломоносова. – Севастополь, 2024. – 70 с.

© Ваккер Д.В., 2026

УДК 81’42

Вахитова И.Ш.,
студентУУНиТ
Научный руководитель – ***Габбасов Р.Н.,***
ст. преп. УУНиТ
г. Уфа, Россия

МЕДИАОБРАЗ РОССИИ В СТРАНАХ СНГ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ (НА ПРИМЕРЕ КАЗАХСТАНА, БЕЛАРУСИ И АРМЕНИИ)

Введение: В условиях современного информационного общества средства массовой информации играют определяющую роль в формировании общественного восприятия государств.

Медиаобраз страны представляет собой не просто отражение реальности, а результат сложного процесса отбора, интерпретации и репрезентации информации [1].

Особую **актуальность** данная проблематика приобретает в рамках постсоветского пространства, где страны СНГ сохраняют общее информационное поле, но демонстрируют различия в медиасистемах и политических стратегиях. Это обуславливает необходимость сравнительного анализа медиаобраза России как одного из ключевых акторов региона.

Цель исследования – выявить особенности формирования медиаобраза России в странах СНГ на примере Казахстана, Беларуси и Армении.

Гипотеза исследования заключается в том, что при схожести тематической структуры публикаций различия в медиасистемах приводят к формированию различных типов медиаобраза России.

Методологическую основу исследования составляют контент-анализ и сравнительный анализ медиа-материалов.

1. Теоретические подходы к изучению медиаобраза государства

Понятие медиаобраза активно используется в современных исследованиях медиакоммуникации [1]и рассматривается как совокупность представлений о государстве, формируемых в медиадискурсе [2]. Согласно подходу Е.Л. Вартановой, медиасистема определяет характер информационного отбора и интерпретации событий, что напрямую влияет на формирование образа страны [1]. В свою очередь, Г.Г. Почепцов отмечает, что медиа не только отражают реальность, но и конструируют её, задавая рамки восприятия [3]. Существенное значение имеют теории agenda-setting [2]и framing[3]. Первая объясняет влияние СМИ на формирование повестки дня, вторая – на интерпретацию событий [4]. Таким образом, медиаобраз формируется как результат как тематического отбора, так и способов подачи информации.

Следовательно, анализ медиаобраза требует учёта не только содержания публикаций, но и их тональности, контекста и дискурсивных особенностей.

2. Медиаобраз России в СМИ Казахстана

Результаты контент-анализа показывают, что в казахстанских СМИ Россия преимущественно представлена в экономическом контексте. Основные темы включают торговое сотрудничество, энергетические проекты и участие в интеграционных объединениях. Публикации Tengrinews.kz [4]и Kazinform[5] демонстрируют преобладание нейтральной тональности, что соответствует аналитическому стилю подачи информации. При этом в ряде материалов присутствуют элементы критической оценки, связанные с обсуждением экономических рисков.

Таким образом, в казахстанском медиадискурсе формируется образ России как прагматичного экономического партнёра. Данный образ характеризуется сдержанностью и отсутствием выраженной идеологизации.

3. Медиаобраз России в СМИ Беларуси

Анализ белорусских СМИ показывает, что Россия представляется преимущественно в позитивном ключе. Основное внимание уделяется политическому взаимодействию и союзническим отношениям. Публикации агентства БЕЛТА[6] характеризуются использованием лексики, подчеркивающей «сотрудничество», «интеграцию» и «стратегическое партнёрство». Критические оценки практически отсутствуют, что связано с особенностями национальной медиасистемы [5]. В

[1] Медиакоммуникации — это комплексная система взаимодействия между отправителем информации и аудиторией через различные медиаканалы. Это профессиональная деятельность по созданию, управлению и распространению информационных потоков с целью формирования определённой реакции получателей сообщений.

[2] Agenda-setting (букв. «установление повестки дня») — теория, согласно которой средства массовой информации оказывают влияние на общественность непосредственно самим подбором того, что они освещают.

[3] Framing (от англ. «framing» — «обрамление») — концепция, которая описывает, как подача информации влияет на её восприятие

[4] Tengrinews.kz — казахстанское интернет-издание и информационный портал. Основано 15 ноября 2010 года в Алматы Батыром Казыбаевым.

[5] **«**Казинформ» — казахстанское международное информационное агентство, первое ведущее государственное информационное агентство в Республике Казахстан, получившее международный статус.

[6] Белорусское телеграфное агентство (БелТА, БЕЛТА) — государственное информационное агентство Белоруссии

результате формируется устойчивый медиаобраз России как ключевого союзника и стратегического партнёра.

4. Медиаобраз России в СМИ Армении

В армянских СМИ наблюдается более сложная структура медиадискурса. Россия представлена как важный экономический и политический партнёр, однако её образ сопровождается различными интерпретациями. Материалы Armenpress [7]носят преимущественно нейтральный характер, тогда как публикации CivilNet[8] включают элементы критического анализа. Таким образом, медиаобраз России в Армении отличается вариативностью и многослойностью, что обусловлено более плюралистичной медиасредой.

5. Сравнительный анализ

Сравнительный анализ публикаций СМИ Казахстана, Беларуси и Армении за 2025–2026 годы позволяет выявить как общие закономерности формирования медиаобраза России, так и принципиальные различия, обусловленные национальными особенностями медиасистем и политико-экономическим контекстом. Прежде всего, следует отметить, что во всех трёх странах Россия занимает устойчивое место в медиаповестке. Это проявляется в регулярном освещении вопросов экономического сотрудничества, политического взаимодействия и интеграционных процессов. Таким образом, Россия выступает в качестве значимого актора регионального информационного пространства, что подтверждает её высокую медиавидимость. Общей тенденцией является доминирование экономической тематики. В публикациях СМИ всех трёх стран значительное внимание уделяется вопросам торговли, энергетики, транспортной инфраструктуры и совместных проектов. Это свидетельствует о том, что медиаобраз России во многом формируется через призму практического взаимодействия и материальных интересов. Вместе с тем ключевые различия проявляются в тональности публикаций. В белорусских СМИ наблюдается устойчиво позитивная модель освещения. Россия представляется как стратегический союзник, взаимодействие с которым носит приоритетный характер. Используемая лексика подчеркивает единство, сотрудничество и взаимную поддержку, что формирует однородный и стабильный медиаобраз.

В казахстанских СМИ преобладает нейтрально-аналитический подход. Материалы характеризуются сдержанной подачей информации и стремлением к балансу. Россия рассматривается как важный экономический партнёр, однако её роль оценивается с точки зрения конкретных выгод и возможных рисков. Это свидетельствует о прагматичном характере медиадискурса. Наиболее сложная картина наблюдается в армянских СМИ, где медиаобраз России отличается вариативностью. Здесь присутствуют как нейтральные, так и критические оценки, что отражает наличие различных интерпретационных подходов. В результате формируется многослойный образ, включающий как элементы партнёрства, так и дискуссионные аспекты взаимодействия.

Существенные различия проявляются и в характере медиадискурса. В Беларуси он носит преимущественно официальный и централизованный характер, что способствует формированию единой интерпретации. В Казахстане наблюдается более сбалансированная модель, сочетающая информативность и аналитичность. В Армении медиадискурс отличается плюралистичностью, что позволяет существовать различным точкам зрения одновременно.

Также важно отметить различия в формируемых образах России. В Беларуси доминирует образ союзника, в Казахстане – экономического партнёра, в Армении – значимого, но неоднозначного актора. Эти образы отражают не только медиапрактики, но и особенности двусторонних отношений. Дополнительно следует учитывать влияние цифровых медиа, которые усиливают вариативность восприятия. В условиях цифровизации аудитория получает доступ к различным источникам информации, что способствует формированию альтернативных интерпретаций и усложняет единый медиаобраз.

Таким образом, сравнительный анализ показывает, что при наличии общих тематических оснований медиаобраз России в странах СНГ формируется по-разному. Это обусловлено сочетанием политических, экономических и медиасистемных факторов.

В целом можно выделить три модели формирования медиаобраза России:
–позитивно-официальную(Беларусь);
–нейтрально-прагматичную(Казахстан);
– вариативно-аналитическую (Армения).

[7] «Арменпресс» (арм. Արմենպրես) — армянское государственное информационное агентство. Является старейшим и одним из крупнейших агентств в Армении.
[8] CivilNet — новостная компания в Армении.

Данные модели отражают специфику национальных медиапространств и позволяют глубже понять механизмы формирования международного имиджа государства.

Выводы

Проведённое исследование подтверждает, что медиаобраз России в странах СНГ является неоднородным и зависит от национального медиаконтекста. В Казахстане формируется прагматичный образ партнёра, в Беларуси – устойчиво позитивный образ союзника, в Армении – многослойный и вариативный образ. Таким образом, медиаобраз России представляет собой динамическую конструкцию, формируемую под влиянием как объективных факторов, так и особенностей медиадискурса.

Перспективы дальнейших исследований связаны с анализом влияния цифровых медиа и социальных сетей на формирование образа государства.

Литература:

1. Вартанова Е. Л. Медиасистема России. – М.: Аспект Пресс, 2023. – 256 с.
2. Грачев М. Н. Политическая коммуникация: теория и практика. – М.: Юрайт, 2024. – 320 с.
3. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. – М.: Академический проект, 2022. – 352 с.
4. Почепцов Г. Г. Теория коммуникации. – М.: Рефл-бук, 2023. – 384 с.
5. Соловьев А. И. Политология: политическая теория, политические технологии. – М.: Аспект Пресс, 2022. – 400 с.
6. Черных А. И. Социология массовых коммуникаций. – М.: Юрайт, 2024. – 368 с.
7. БЕЛТА [Электронный ресурс]: Белорусское телеграфное агентство. URL: https:// www.belta.by (дата обращения: 12.03.2026).
8. Tengrinews.kz [Электронный ресурс]: новости Казахстана. – URL: https://tengrinews.kz (дата обращения: 14.03.2026).
9. Armenpress [Электронный ресурс]: информационное агентство. – URL: https://armenpress.am (дата обращения: 15.03.2026).
10. CivilNet [Электронный ресурс]: аналитическое издание. – URL: https://www.civilnet.am (дата обращения: 16.03.2026).

© Вахитова И.Ш., 2026

УДК 81'42

Вождаева У.И.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Мустафина Р.Д,***
канд.филол. наук, доцент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

ОСОБЕННОСТИ ОСВЕЩЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ В СМИ БАШКОРТОСТАНА

Социальные проблемы, будучи имманентным атрибутом общественного развития, в медийном пространстве обретают статус публичности, однако мера и характер этой публичности зависят от совокупности институциональных, культурно-исторических и политико-экономических факторов. Региональные средства массовой информации функционируют в режиме двойной референции: транслируя общегосударственную повестку, они одновременно вынуждены учитывать специфику локальной аудитории и выстраивать коммуникацию с субфедеральными центрами власти. Республика Башкортостан, обладающая развитой полиязычной медиасистемой, высокой социально-экономической дифференциацией и выраженной этнокультурной идентичностью, представляет собой показательный кейс для анализа того, как социальные неблагополучия селективно репрезентируются, табуируются или артикулируются в региональном информационном поле. Особый интерес вызывает диспозиция между декларируемой функцией социальной ответственности журналистики и реальными практиками отбора, тонирования и интерпретации проблемных тем, обусловленными как прямыми административными механизмами, так и латентными нормами самоцензуры.

Специфика государственных телеканалов: БСТ и «Салям»

Освещение социальных проблем в медиасфере Башкортостана детерминировано региональной информационной политикой, двуязычием и культурными традициями. На примере двух ключевых телеканалов выявляются устойчивые паттерны подачи.

АО ТРК «Башкортостан» (БСТ) как флагманский республиканский вещатель работает в логике официальной информационной политики:

Приоритет решений над конфликтами. Сообщая о проблемах (нехватка мест в школах, коммунальные аварии, рост цен), канал фокусируется на действиях власти (правительство РБ, Глава республики, муниципалитеты). Преобладает формат отчётов после устранения неполадок.

Социальный оптимизм. Критические материалы минимизированы. Даже острые темы (обманутые дольщики, закрытие сельских ФАПов) подаются через призму «ситуация на контроле», с обязательной демонстрацией прогресса.

Персонификация ответственности. Проблемы напрямую привязываются к деятельности Главы республики («Радий Хабиров поручил», «по итогам прямой линии»), что повышает статус темы.

Используются репортажи, интервью, спецпроекты.

Телеканал «Салам», позиционируемый как семейный и молодёжный проект на башкирском языке, применяет иную стратегию:

Локализация и бытовая проблематика. Вместо республиканского масштаба канал фокусируется на конкретных ситуациях: состояние дворов, вывоз мусора, конфликты соседей, трудности сельских пенсионеров, приближая контент к формату «народного телевидения».

Дистанцирование от жёсткой официальной риторики. Проблемы часто показываются без обязательных комментариев министров. Героями выступают активисты, волонтёры, жители.

Вопросы сохранения башкирского языка в школах, уклад сельской жизни, миграция молодёжи подаются как часть культурной повестки, с меньшим политическим давлением, но и без глубокого социологического анализа.

Инфотейнмент-упаковка. Серьёзная проблематика адаптируется под форматы ток-шоу, стрит-интервью и развлекательных блоков для удержания молодой аудитории.

Оба канала демонстрируют ряд схожих характеристик:

Доминирование официальных источников. Независимые журналистские расследования социальных проблем практически отсутствуют. Информация поступает от госорганов или на основе обращений жителей.

БСТ (русский/башкирский) ориентируется на городской и общереспубликанский контекст, «Салям» (преимущественно башкирский) фокусируется на сельских районах и национальной проблематике.

Журналисты практикуют самоцензуру, избегая тем, связанных с неэффективностью бюджетных расходов. Проблемные сюжеты выносятся в дневные/утренние слоты, тогда как вечерний эфир заполнен позитивной хроникой.

Итог телевизионной модели: БСТ представляет социальные проблемы как управляемый процесс, где власть выступает главным решателем, а журналист – транслятором её успехов. «Салям» транслирует их через призму повседневности и культуры, ближе к аудитории. Оба канала функционируют в рамках государственной информационной системы РБ, обеспечивая лояльность и позитивный фон, различаясь лишь стилистикой и языковой средой.

Блогосфера Башкортостана стала значимым альтернативным каналом, активно влияющим на общественное мнение, особенно среди молодёжи и жителей отдалённых районов. Её особенности обусловлены региональной спецификой: запросом на открытый диалог, концентрацией инфраструктурных проблем в сельской местности и двуязычной средой.

Ключевые характеристики:

Децентрализация и нишевание. В отличие от централизованных СМИ, блогосфера состоит из сотен локальных пабликов (Уфа, Стерлитамак, Салават, районные сообщества), профессиональных каналов, национальных и религиозных ресурсов, каждый из которых закрывает узкий сегмент аудитории.

«Народная журналистика». Жители самостоятельно фиксируют и публикуют факты нарушений, аварий и несправедливости быстрее и откровеннее штатных корреспондентов, создавая эффект достоверности и сопричастности.

Наряду с русскоязычными блогами активно развивается башкиро- и татароязычный сегмент (Telegram, TikTok), формирующий повестку для национальной аудитории (языковая политика, земельные вопросы, отток молодёжи).

Блогеры открыто критикуют действия администраций, силовых структур, ЖКХ, не опасаясь увольнения (хотя риски административного и уголовного давления сохраняются). Это делает блогосферу главным рупором социального недовольства.

Глубокая аналитика уступает место быстрому эмоциональному отклику.

Механизмы влияния на аудиторию:

Формирование альтернативной повестки. Темы, замалчиваемые или позитивно обрамляемые на ТВ (провалы благоустройства, задержки зарплат, бюрократическое безразличие), в соцсетях становятся вирусными, вынуждая власть реагировать публично и оперативно.

Высокое доверие и вовлечённость. Региональные опросы фиксируют, что жители, особенно в сельской местности, чаще верят блогерам-очевидцам, чем официальным репортажам. Причина – эффект «свой-свой», отсутствие канцелярита и прямой контакт с проблемой.

Скорость мобилизации. Блогосфера быстро трансформирует информацию в действие: сбор подписей, волонтёрские акции, поиск людей, благотворительность. Через региональные Telegram-каналы вопросы с дорогами, ЖКХ и транспортом решаются за часы, тогда как официальные СМИ затрачивают на это недели.

Новый канал обратной связи. Власть РБ, включая Главу республики, активно мониторит цифровую среду, отвечая в комментариях или через официальные Telegram-каналы. Блогеры стали неформальными «сигнальщиками», что повышает их влияние.

Низкая фактологическая и юридическая точность: публикация непроверенных данных провоцирует панику и ложные выводы.

Уязвимость перед давлением: известны случаи возбуждения дел по статьям о «фейках» и «дискредитации», что вынуждает авторов смягчать риторику или уходить в анонимность.

Блогосфера Башкортостана сформировалась как реальный противовес государственным телеканалам. Её ключевое влияние заключается в демократизации информационного поля, ускорении обратной связи между обществом и властью и создании горизонтальных сетей солидарности. Однако параллельно она усиливает хаотичность, эмоциональную напряжённость и фрагментацию общественного дискурса. Для жителей республики блогеры часто выступают более оперативным и честным источником информации о социальных проблемах, особенно в кризисных ситуациях. В ответ на этот вызов власти постепенно интегрируют цифровую среду в систему управления: через Центр управления регионом (ЦУР), официальные Telegram-каналы глав муниципалитетов и прямые эфиры. Таким образом, медиасистема Башкортостана демонстрирует гибридную модель, где традиционные СМИ обеспечивают стабильность и позитивный фон, а цифровая среда выполняет функции оперативного мониторинга, социальной мобилизации и неформального диалога, постепенно трансформируя региональную коммуникативную экосистему.

Литература:

1. Арсланбаева А. А. Роль средств массовой информации в культурной жизни Республики Башкортостан (80–90-гг. XX в.). -Уфа: Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы.

2. Усманова Д.Ш., Новые медиа //Вестник Московского университета. сер. 10. Журналистика. 2015. № 2. – С. 11-15.

3. Федорова, М. В. Особенности взаимодействия органов власти со СМИ на примере Республики Башкортостан / М. В. Федорова. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2022. – № 2 (397). – С. 361-363. – URL: https://moluch.ru/archive/397/87882 (дата обращения: 10.04.2026).

© Вождаева У.И, 2026

УДК 81.42

Волкова Е.Н.,
студент УУНиТ
Научный руководитель: ***Ильясова Г.Р.,***
канд. филол. наук., доцент УУНиТ
г. Уфа, Россия

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕКЛАМНОГО ДИСКУРСА В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Реклама – это целенаправленный процесс, призванный донести до определенной группы людей (целевой аудитории) сведения о товарах, услугах, идеях или брендах. Главной задачей рекламы

является захватить внимание, вызвать интерес и, в конечном итоге, побудить к желаемым действиям, будь то покупка, использование продукта или поддержка определенной концепции. По сути, реклама стремится показать, что у вас есть нечто ценное, нужное или привлекательное, и убедить потенциального клиента выбрать именно ваше предложение среди множества других.

Ключевые цели рекламы:

1. Информирование (сообщение о существовании продукта или услуги);
2. Формирование интереса (привлечь потенциального потребителя, вызвать желание узнать больше);
3. Стимулирование покупки (побудить к приобретению товара или услуги);
4. Напоминание и укрепление (поддержка осведомленности о бренде, подчеркивание его преимущества и формирование долгосрочной приверженности, лояльности. Эти цели способствуют росту бизнеса и его конкурентоспособности на рынке.

Механизм воздействия рекламы:

Эффективная реклама работает на эмоциональном уровне. Она стремится создать позитивные ассоциации с продуктом или брендом, формируя у человека желание обладать им или выбрать именно его. Для этого используются привлекательные визуальные образы, запоминающиеся слоганы и оригинальные идеи. Хорошо продуманная рекламная кампания способна быстро изменить восприятие бренда, повысить его узнаваемость и популярность.

Китайские маркетологи умело вплетают традиционные ценности в свои рекламные кампании, чтобы установить прочную связь с аудиторией. Они используют образы из истории и культуры, такие как драконы и фениксы, а также цитаты и праздничные мотивы, чтобы вызвать чувство гордости и доверия у народа. Отсылки к фольклору и легендам помогают подчеркнуть уникальность и качество бренда. Особое внимание уделяется семейным ценностям и гармонии, что создает эмоциональную близость. Праздничные кампании, наполненные традиционной символикой и цветами, пробуждают ностальгию и праздничное настроение. Важным аспектом является соблюдение этических норм и уважение к культурным традициям. Все это делается для того, чтобы завоевать доверие, продемонстрировать уважение к национальной идентичности и вызвать положительные эмоции. Для китайского потребителя эти привычные мотивы ассоциируются со стабильностью и культурной преемственностью, позволяя брендам подчеркнуть свою «локальность» и стать ближе к сердцу потребителя.

Российский рекламный рынок демонстрирует тенденцию к использованию юмористических нарративов и эмоционально насыщенных сюжетов. Данный подход основан на психологии восприятия, где искренние и трогательные сообщения, вызывающие положительные эмоции (улыбку, сочувствие), способствуют формированию устойчивой ассоциации бренда с позитивным опытом. Юмористические элементы, ирония и шутки выступают в качестве когнитивных якорей, облегчающих запоминание бренда и формирующих благоприятное имиджевое восприятие.

Российские рекламодатели активно эксплуатируют концепцию семейных ценностей, традиций и заботы о близких. Этот стратегический выбор обусловлен социокультурными особенностями российского общества, где семья играет центральную роль. Подчеркивание этих аспектов в рекламных сообщениях способствует формированию у целевой аудитории чувства доверия, причастности и лояльности к бренду, ассоциируя его с фундаментальными социальными нормами.

Применение национальных символов (матрешки, балалайки), элементов русского фольклора (сказки), характерных пейзажей и традиционных костюмов таким же образом является распространенной практикой. Данный метод основан на принципе культурной релевантности, где использование узнаваемых и близких аудитории образов вызывает положительные ассоциации с родной культурой и домом. Это способствует формированию эмоциональной связи и повышает вероятность принятия рекламного сообщения.

Стоит учесть, что и в условиях российского рынка, где потребители демонстрируют высокую чувствительность к соотношению цена-качество, многие бренды акцентируют внимание на долговечности и надежности своей продукции. Этот подход отражает прагматичный подход потребителей, которые ценят проверенные временем решения и ищут гарантии долгосрочной эксплуатации. Подчеркивание этих характеристик формирует имидж бренда как надежного партнера.

В русской рекламе наблюдается рост популярности кампаний, апеллирующих к патриотизму, развитию страны и поддержке отечественных производителей. Данная тенденция связана с формированием у потребителей чувства национальной гордости и причастности к общенациональным целям. Такая риторика способствует укреплению лояльности к брендам, ассоциирующимся с национальными интересами.

Несмотря на множество различий между этими видами реклам все же стоит учесть, что и российская, и китайская реклама активно задействуют национальные культурные коды для усиления резонанса с местной аудиторией. В России это проявляется в использовании узнаваемых образов, таких как матрешки, балалайки, живописные пейзажи, мотивы народных сказок и характерная цветовая палитра (красный, золотой). Китайская реклама, в свою очередь, опирается на такие символы, как драконы, лотосы, фонарики, традиционные орнаменты и отсылки к богатому историческому наследию страны. Применение этих символов не только облегчает восприятие, но и способствует укреплению национальной идентичности, вызывая у потребителей чувство гордости. Также в обеих странах реклама стремится вызвать сильный эмоциональный отклик (например, китайская реклама со слоганами с частицей «быстро»: «Действуй сейчас!», «Купи – не пожалеешь!» и российская реклама со словами: «Звони сейчас!», «Не тормози – сникерсни!». Российская реклама часто апеллирует к таким чувствам, как теплота, семейные узы, доверие и домашний уют. Китайская реклама, напротив, делает акцент на национальной гордости, уважении к культурным традициям и достижениям. В обоих случаях используются нарративы, построенные на эмоциональных историях, которые способствуют формированию симпатии и доверия, тем самым укрепляя связь между брендом и потребителем.

Обе рекламные культуры делают ставку на сильное визуальное воздействие. Российская реклама часто характеризуется использованием теплых оттенков, изображением уютных городских и сельских пейзажей, а также юмористических сцен. Китайская реклама отличается яркостью, насыщенностью, применением масштабных визуальных эффектов и символических образов, призванных подчеркнуть значимость и силу продукта или идеи. В обеих культурах реклама активно транслирует важность семьи, заботы о близких и уважения к старшему поколению (к примеру, российская реклама от магазинов «Магнит» или «Пятёрочка», где дети помогают родителям с покупками, и китайская реклама молочной продукции «Или» (伊利), в которой показано, как бабушка заботится о внуке). Это создает у зрителей ощущение стабильности и безопасности. В России это находит отражение в сценах семейных застолий и заботы о детях, а в Китае – в акценте на гармонии, традиционных праздниках и древних обычаях.

Несмотря на очевидные культурные и ментальные различия, российская и китайская реклама демонстрируют значительное количество общих черт. Обе используют яркие, узнаваемые символы, строят повествование на эмоциональных историях и глубоко уважают культурные ценности. Кроме того, обе культуры уделяют пристальное внимание визуальной составляющей и тщательно прорабатывают образы, стремясь установить доверительные отношения с целевой аудиторией и вызвать у нее положительные эмоции.

Литература

1. Бахтин, М.М. Проблемы поэтики слова. Москва: Наука, 1984. – С.101.

2. Вульф, А.В. Русский и китайский языки: структура, отличие, сопоставление. Москва: Наука, 2001. – С. 50.

3. Гирьянова, Т.Ю., & Попова, Н.В. Рекламный и медийный дискурс. Санкт-Петербург: СПбГУ, 2018. – С. 25-26.

4. Иванова, И.В. Дискурс и культура: теоретические аспекты и практические применения. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2012. – С. 120

5. Иванова, И.В., & Чжоу, Л. Межкультурное взаимодействие в рекламном дискурсе России и Китая. Москва: Изд-во МГУ, 2015. – С. 31

6. Левина, Е.А. Межкультурная коммуникация: теория и практика. Москва: Изд-во МГУ, 2006. – С. 76-77.

7. Левина, Е.А. Рекламный дискурс: структура, средства, функции. Москва: Наука, 2015. – С. 83.

8. Ли, Чжоу. Межкультурные коммуникации и язык рекламы: Россия и Китай. Пекин: Научное издательство, 2018. – С. 52.

9. Петрова, Е.В. Особенности дискурсивных стратегий в русской и китайской рекламе // Вестник русского института культурологии. № 2. 2020. – С. 112-125.

10. Стогов, Н.Н. Рекламный текст в современной лингвистике. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ,2003. – С. 67.

11. Чжан, Ли. Культурные различия между русским и китайским народами. Пекин: Академическое издательство, 2010. – С. 37.

12. Чамер, М. Лингвистические механизмы воздействия в рекламе. Москва: Изд-во МГУ, 2004. – С. 28.

© Волкова Е. Н., 2026

УДК 811.512.141.

Ғәлиева Р.И.,
Өфө фән һәм технологиялар университетының студенты
*Ғилми етәксеһе – **Абдуллина Г.Р.,***
Өфө фән һәм технологиялар университетының филол. фәнд. д-ры, проф.
Өфө к., Рәсәй

БАШҠОРТ ПРОЗАҺЫНДА ХАТТАР СТИЛЕ ҠУЛЛАНЫЛЫШЫ

Хаттар стиле – йәмғиәттәге эш-хәлдәрҙе, кешеләр араһындағы мөнәсәбәттәрҙе, уй-кисерештәрҙе кемгә лә булһа хәбәр итеүҙе маҡсат итеп ҡуйған яҙма телмәр төрө. Тел ғилемендә уны эпистоляр стиль тип йөрөтәләр.

Тел ғилемендә эпистоляр стиль башҡа функциональ стилдәр менән бер рәттән әүҙем өйрәнелеш этабында. Был тема буйынса ғилми эштәр, эҙләнеүҙәр, хеҙмәттәр һаны йылдан-йыл арта бара. Был өлкәлә бигерәк тә Л.В. Щерба, В.В. Виноградов, А.И. Ефимов, А.Н.Кожина, Ж.Ғ. Кейекбаев, Ғ.Ғ. Сәйетбатталов, В.Ш. Псәнчин хеҙмәттәре ҙәр әһәмиәткә эйә. Ғалимдар функциональ стилдәрҙең әҙәбиәттә ҡулланылышын, уларҙың функцияларын, үҙенсәлектәрен, төрҙәрен анализлай.

Башҡорт прозаһында эпистоляр стилдең үҙенсәлегенә төшөнөр өсөн беҙ төрлө авторҙарҙың әҫәрҙәренә анализ яһаныҡ. Тикшеренеү объекты итеп М. Кәримдең «Өс таған», Я. Хамматовтың «Тыуған көн», Р. Камалдың «Таня-Таңһылыу», М. Бураҡаеваның «Һылыуҡай», «Ҡапҡа бағанаһы» һәм З. Толомғужиндың «Йәнем рәхәте» әҫәрҙәре алынды.

Был әҫәрҙәрҙә эпистоляр стиль – йыш осраған һәм мөһим художестволы алым. Ҡайһы бер осраҡтарҙа хаттар әҫәрҙең композицион нигеҙен тәшкил итһә, икенселәрендә геройҙарҙың үҙ-ара аралашыу ысулы, эске донъяһын асыусы сара булып хеҙмәт итә. Мәҫәлән, Р. Камалдың «Таня-Таңһылыу» романының сюжеты төп героиняның хаттары менән бирелһә, М. Кәримдең повестарында геройҙарҙың яҙышҡан хаттары айырым бүлек эсендә бирелә.

Әҫәрҙәрҙең күбеһендә хаттар традицион сәләмләүҙән башлана*:*

«Әхмәт! Һиңә һағынышлы сәләмдәр менән Гөлназ» [6, 44].

«Һаумыһығыҙ, хөрмәтле Хәбибулла Ғөбәйҙуллович!» [7, 350].

«Кәҙерле һәм хөрмәтле өләсәйем! Әлегә тиклем ни өсөн хат яҙмай торҙоң, тип һорамаһаң, яуап бирәм…» [5, 77].

«Фәнисәм, һаумы!

Хәбәремде оҙон-оҙаҡҡа һуҙып тормайым. Рәхәтләнеп һинең һуңғы хатыңды уҡыным, әммә ҡайһы бер башҡорт һүҙҙәрен аңлауы ҡыйын...» [3, 69].

«Һауғынамы, Һылыуҡайым!» [2, 108].

Күреүебеҙсә, адресатҡа өндәшеү төрлө формала бирелә, был күренеш хат алышыусыларҙың үҙ-ара мөнәсәбәттәрен сағылдырырға ярҙам итә. Мәҫәлән, иркәләтеү-кесерәйтеү формалары хаттарға дуҫтарса төҫ бирә, ә «кәҙерле», «хөрмәтле» кеүек сифаттар ихтирамды белдерә.

М. Кәримдең «Оҙон-оҙаҡ бала саҡ» повесына иғтибар итһәк, төп герой һәм Людмила үҙенең мөхәббәт хаттарында бер-береһенә *Синьора* һәм *Капитан* тип өндәшә:

*«**Хөрмәтле синьора!** Һеҙгә тәғәйенләнгән һүҙҙәрҙе мин, йәнһеҙ аҡ ҡағыҙға төшөрөп, кәмһетә алмайым. Уларҙы һеҙ яратҡан ағастың йәшел япрағына уйып яҙырға булдым»* [4, 221].

*«**Батырҙарҙан батыр, намыҫ ҡоло бойоҡ Капитан!** Һеҙҙең ҡуш ҡанатлы арғымағығыҙҙың ғәләм ярып кешнәүен ете төн урталарында ишетәмен...»* [4, 222].

Бындай мөрәжәғәт итеү формаһы авторҙың үҙенсәлекле атмосфера, романтик кәйеф булдырырға тырышыуын күрһәтә.

Эпистоляр стилдең төп үҙенсәлеге – уның үҙ эсенә башҡа функциональ стилдәрҙең һыҙаттарын берләштерә алыуы. Башҡорт прозаһы өлгөләрен анализлау барышында беҙ хаттарҙа йәнле һөйләү һәм матур әҙәбиәт стилдәренең үҙ-ара үрелеп килеүен күҙәтәбеҙ.

Бер төркөм персонаждар телмәрендә көнкүреш лексикаһы, варваризмдар, фразеологизмдар, ябай һөйләмдәр йыш осрай:

«Күлдәгемде, салбарымды һалдырып алдылар. Ғәләмәт ҙур күлдәк-ыштан кейҙерҙеләр. Ыштанымды сестра апай яра бәйләй торған оҙон тар марля менән быуып ҡуйҙы. Больницала бик эҫе. Себен кермәһен өсөн, тәҙрәләргә селтәр көпләгәндәр. Себен барыбер керә. Ашап туйғас, көн дә емеш һыуы эсерәләр. Компот тиҙәр уны. Һәләк тәмле була икән ул компот» [5, 78].

*«Ваҡыт һиҙҙермәй үтте лә китте, тағы кире юлға әҙерләнергә кәрәк. Йәнә бер аҙналап торам әле өйҙә: әсәйемдәрҙе күргән һынлы булайым. Ригаға ла бер ҙә **аяҡ тартмай**. Декабрҙә – эшкә!...*

*...Кыҙҙары ла йүгереп йөрөй инде. Шуҡ. Тел төбөңдө аңлап тора**, төп башына ултырта алмаҫһың**» [3, 70].*

*«Әйберҙәрҙең бөтәһе лә (шешә лә) тапшырылды. Һинең сәләмәтлегең **нисауа** булыуға тағы ла шатмын» [2, 108].*

Икенсе яҡтан, айырым геройҙарҙың хаттары юғары художестволы стилдә яҙыла. Уларҙа метафора, эпитет, фразеологизм кеүек һүрәтләү саралары киң ҡулланыла:

*«Әгәр ҙә минең арттан килмәй ҡуйһаң, **һин мине ғүмерлек уттарҙа яндыраһың** инде. Башҡа йылдарҙа, **күңел көҙгә табан ауылға ашҡына торғайны**, һинең менән осрашып һөйләшкәндән һуң ҡайтаһыларым килмәй Баҙраштан» [6, 44].*

*«Һеҙгә тәғәйенләнгән һүҙҙәрҙе мин, **йәнһеҙ аҡ ҡағыҙға** төшөрөп, кәмһетә алмайым. Уларҙы һеҙ яратҡан ағастың йәшел япрағына уйып яҙырға булдым. Был япраҡ һеҙҙең йөрәгегеҙгә әйләнһә ине лә, минең һүҙҙәрем шунда теркәлһә ине, тип уйларға баҙмайым. **Сөнки Һеҙҙең йөрәгегеҙҙе осло тимер менән сыйырға барыбер минең ҡулым бармаҫ ине**.*

*Бынан да бигерәк**, ул йөрәккә инде бүтән ҡулдар бүтән һүҙҙәрҙе яҙып өлгөргәндер**» [4, 221].*

Стилдәрҙең үҙ-ара синтезы авторҙың индивидуаль яҙыу манераһын һәм ижади иреклеген асып бирә.

М. Кәримдең повесына тағы килгәндә, төп геройҙың хаттары поэтик тел менән яҙылған, улар образлылыҡҡа бай. Әҫәр буйына ул беҙгә тыныс, уйланыусан кеше булып күренһә лә, уның эсендә көслө хистәр, борсолоуҙар йәшәй:

«Һеҙгә тәғәйенләнгән һүҙҙәрҙе мин, йәнһеҙ аҡ ҡағыҙға төшөрөп, кәмһетә алмайым. Уларҙы һеҙ яратҡан ағастың йәшел япрағына уйып яҙырға булдым. Был япраҡ һеҙҙең йөрәгегеҙгә әйләнһә ине лә, минең һүҙҙәрем шунда теркәлһә ине, тип уйларға баҙмайым.

Әммә, ғәзиз синьора, Һеҙҙең кескәй генә йомошоғоҙҙо ла оло итеп башҡарыу бәхетенә ирешергә минут һайын әҙермен. Ишара ғына яһағыҙ. Ишетәһегеҙме, минең арғымағым, һауа ярып, ҡалай кешнәй. Ишетәһегеҙме, синьора?!» [4, 221].

Был миҫал ярҙамында эпистоляр стилдең персонаждарҙың эске донъяһын асыҡлауҙа, уға характеристика биреүҙә роле ҙур икәнлеге күҙәтелә.

Хаттың һуңғы өлөшөн дә авторҙар төрлө формала биреп ҡала. Ул бөтә нәҫел-ырыуға сәләм ебәреү, хаттарҙы яҙып торорға өндәү рәүешендә бирелә:

«Ишетәһегеҙме, минең арғымағым, һауа ярып, ҡалай кешнәй. Ишетәһегеҙме, синьора?!» [4, 221].

«Хат ахырында шуны яҙам: бөтә нәҫел-ырыуға, дуҫ-ишкә айырмайынса минән сәләм тапшыр. Үҙең менән әсәйемә, йәнә Айҙарға, Яҡупҡа, Вәзиргә айырым-айырым сәләм. Минең өсөн хәҙер борсолма инде, өләсәй. «Батыр яраһыҙ булмаҫ», – тине доктор» [5, 78].

«Атайың менән әсәйең иҫән-һауҙар. Миңлеғәленән хат алып торалар. Һинән хәбәр булмауы өсөн генә зарланалар. Уларға ла, беҙгә лә, хат яҙырға тырыш. Бик үтенеп һорайым» [7, 333].

М. Бураҡаева иһә үҙенең “Ҡапҡа бағанаһы” хикәйәһендә алыҫ Себер тарафтарында эшләп йөрөгән Хәсән менән һеңлеһенең яҙышҡан хаттарын диалог формаһында бирә:

«... Ни эшләйһең һин унда, абзый? Ниндәй маҡсат менән йәшәйһең ул яҡтарҙа? Ни эшләп ҡайтмайһың?” “... Эшләйем, һылыу. Ҡайтып та ни бар ауылда? Мин хәҙер күп аҡсаға өйрәнгәнмен. Аҙға күнегә алмам... Туйыңа ҡайттым. Бөтә туйға йыйылған тиклемде бер үҙем һалдым... Ана шундай аҡсаға күнегеп киткәнмен. Унан һуң, һылыу, кем тип ҡайтайым хәҙер? Атай-әсәй күптән инде гүр эйәһе... һинең үҙ ғаиләң» [1, 36].

Күреүебеҙсә, яҙыусы бында хаттарҙы традицон формала биреп ҡалмай, ә әҫәр өсөн иң әһәмиәтле өлөштәрен генә ҡалдыра. Был ваҡытта эпистоляр стиль әҫәрҙә композицион функцияны үтәй.

Һеңлеһенең был хаты Хәсән яҙмышына йоғонто яһай. Бының турала автор үҙе лә әйтеп китә:

«Хәсән һылыуынан хат алғандан бирле тыныслығын юғалтты. Быға саҡлы үҙ тормошо тураһында уйлағаны юҡ ине. Емереп эшләй, көрәп аҡсаһын ала... Ресторанға барып ашай ҙа ҡайтып ял итә... Уйланып ултырырға ваҡыты ла ҡалманы. Хат уның уткәндәрен тотош аҡтарып әйләндерҙе лә һалды» [1, 36].

Шулай итеп, башҡорт прозаһында эпистоляр стиль актив ҡулланыла. Яҙыусылар хаттар ярҙамында персонаждарҙың үҙ-ара аралашыуҙарын күрһәтеп кенә ҡалмай, ә геройҙарҙың индивидуаль характерын аса һәм әҫәрҙең сюжет-композицион төҙөлөшөн нығыта. Шул уҡ ваҡытта был стиль менән оҫта эш иткән авторҙар, билдәле бер художестволы маҡсаттан сығып, хаттарҙы үҙ әҫәрҙәрендә төрлө формала бирә ала.

Әҙәбиәт:

1. Бураҡаева Мәрйәм. Ҡапҡа бағанаһы // Көҙгө ысыҡ: хикәйәләр. – Өфө: Инеш, 2011. – 184 бит.
2. Бураҡаева Мәрйәм. Һылыуҡай. Документаль повесть. – Өфө: Башҡортостан китап нәшриәте, 1985. – 136 бит.
3. Камал Ринат. Таня-Таңһылыу: роман һәм повестар. – Өфө: Башҡортостан «Китап» нәшриәте, 1996. – 368 бит.
4. Кәрим Мостай. Оҙон-оҙаҡ бала саҡ. Өфө, Башҡортостан «Китап» нәшриәте, 1981. –296 бит.
5. Кәрим Мостай. Өс таған=Таганок: повесть, хикәйә: башҡорт һәм рус телдәрендә / [В. Осееваның, И. Кәримовтың рус теленә тәржемәһе]. – Өфө: Китап, 2020. – 232 бит.
6. Толомғужин З.Ғ. Йәнем рәхәте: трилогия. – Өфө: Китап, 2023. – 368 бит.
7. Хамматов Я.Х. Тыуған көн: роман. – Өфө: Китап, 2021. – 352 бит.

© Ғәлиева Р.И., 2026

УДК 821.512.141

Ғәлиева Р.И.
Өфө фән һәм технологиялар университетының студенты
Ғилми етәксеһе – Сәлауатова Ф.Р.
Өфө фән һәм технологиялар университетының
филол. фәнд. канд., доц.
Өфө ҡ., Рәсәй

Я. ХАММАТОВТЫҢ «АҠМАН-ТОҠМАН» РОМАНЫНДА МӘҠӘЛДӘР БИРЕЛЕШЕ

Мәҡәл – аҙ һүҙ һәм тәрән фекер, өгөт-нәсихәт биреүгә ҡоролған тапҡыр һүҙле ижад төрө. Уның төп вазифаһы – кешеләрҙең хеҙмәт тәжрибәһен кинәйәле итеп, күп һүҙ ҡулланмайынса нығытыу. Шуға ла мәҡәлдәр билдәле бер нығынған ҡалыпҡа һалынып, халыҡ телендә быуаттан быуатҡа тапшырыла килгәндәр. Башҡорт халҡы үҙенең тормош тәжрибәһен, яҡшы киләсәккә ынтылышын ана шул тапҡыр мәҡәлдәрҙә сағылдырған.

Башҡорт әҙәбиәтендә был афористик жанр төрө бик йыш осрай. Улар, мәҫәлән, Мостай Кәримдең «Оҙон – оҙаҡ бала саҡ» повесында, Зәйнәб Биишеваның «Оло Эйек буйында» әҫәрендә йәки Зөфәр Толомғужиндың «Йәнем рәхәте» трилогияһында киң ҡулланыла. Беҙҙең эҙләнеү эшебеҙҙең объекты – Яныбай Хамматовтың «Аҡман-тоҡман» романы.

Романда Февраль революцияһы, Бөйөк Октябрь социалистик революцияһы һәм граждандар һуғышы башланған осорҙа старателдәрҙең тормошо хакитмлыҡ итеүсе синыфҡа ҡаршы уларҙың көрәше тасуир ителә.

Яныбай Хамматов тарихи романдар яҙыуы менән киң билдәле. Бәлки шуғалыр ҙа, уның әҫәрҙәрендә әйтем, мәҡәл, фразеологизмдарҙы әллә ни йыш осратырға мөмкин, тип әйтә алмайбыҙ. Шулай булыуға ҡарамаҫтан, уның әҫәрҙәрендә улар бар. Күпселек осраҡта, был афористик жанр төрө геройҙарҙың бер-береһе менән аралашыуында бирелә.

Мәҡәлдәрҙе төрлө билдәләренә ҡарап, классификацияларға була. Мәҫәлән, башҡорт әҙәбиәте дәреслегендәге кеүек, тематик яҡтан да төрҙәргә бүлергә була. Бынан тыш, мәҡәлдәрҙе форма яғынан (шиғри һәм сәсмә мәҡәлдәр) да, оҙонлоғо –ҡыҫҡалығы йәһәтенән дә төркөмләргә булыр ине. Күренекле ғалим Кирәй Мәргән, үҙ сиратында, уларҙы композиция ҡоролошо яғынан 3 төргә бүлеп ҡарай: 1) хәбәр итеү формаһындағы; 2) монолог рәүешендәге; 3) ҡара-ҡаршы әйтешеү йәки диалог-мәҡәлдәр. Мәҫәлән, беренсе төргә - “Ҡарға ла балаһына “аппағым” тиер, терпе лә балаһына “йомшағым” тиер тигән мәҡәлдәрҙе өлгө итеп бирә автор.

Беҙ иһә Яныбай Хамматовтың “Аҡман–тоҡман” романында бирелгән мәҡәлдәрҙе мәғәнә үҙенсәлектәре буйынса бүлеп ҡарарға булдыҡ. Бөтәһе 3төркөм килеп сыҡты:

1 Кешенең холоҡ-фиғеленә бәйле мәҡәлдәр;

2 Эш, хеҙмәт тураһындағы мәҡәлдәр;

3 Йәшәйеш менән бәйле мәҡәлдәр.

Кешенең холоҡ-фиғеленә бәйле мәҡәлдәр

Был төркөмгә бөтәһе 9 мәҡәл индерелде. Бындағы мәҡәлдәр кешеләрҙең төрлө сифаттарын (яман, яҡшы, аҡыллы булыуын) күрһәтә.

1. *«Муйынсаҡ ерҙә ятып серемәҫ»* [5,41] Мәҡәл Гөльямал тарафынан Хәкимгә ҡарата әйтелә. Бының менән ул үҙенең дәрәжәһен белеүен күрһәтергә тырыша, үҙе лә төшөп ҡалған кеше түгел икәнен аңлатырға теләй.

2. *«Ямандан – ярты ҡабым аш ҡала»* [1, 51]. Ниғмәтулла, прииск хужаһын халыҡтың ғөрөф-ғәҙәт менән таныштырыуҙан тыш, ризыҡты хөрмәт итергә, ризыҡ ҡәҙерен белергә саҡыра.

3. *«Сабыр иткән – мораты на еткән».* [1, 82]. Мәҡәлдең һүҙҙәре үк сабыр булыу кәрәклеге тураһында әйтеп тора. Наҡышев Гәрәй Шәйбекович Ниғмәтуллаға сабырлығы менән үҙ маҡсатына: алтын прииск хужаһы булып китеүгә лә өлгәшергә мөмкин икәнлеген аңлатырға тырыша.

4. *«Күпте белгән – тиҙ ҡартайған»* [1,153]. Аҡназар ҡызыҡһыныусан Ғәйзулланы ҡайһы бер эштәрҙән араларға уйлап, уны ярамаған эштәргә ҡыҫылмаҫҡа өндәй.

5. *«Бүренән ҡурҡҡан урманға бармаҫ»* [1,178]. Михаил Хисмәтуллаға юғалып ҡалмаҫҡа, шиксел булмаҫҡа кәрәклеген аңғарта. Михаилға разведкаға барырға тейеш булған Хисмәтулланың уйынан кире ҡайтыуы оҡшамай, шуға ла ул ризаһыҙлыҡ белдерә.

6. *«Айыуҙан айыу тыуа, бүренән бүре тыуа»* [1, 249] быныңменән сит кеше, Заһиттең, атаһы кеүек көслө, ғәҙел булыуын бөтә халыҡҡа аңлатырға тырыша.

7. *«Үҙ ояһында сәпсек тә батыр»* [1, 182]. Михаил Хисмәтуллаға Заһитте ниңә ауылдағы секретарь тип ҡуйғанын, уҡа ауыл халҡы ярҙам итәсәген белдерә. Заһит юғалып ҡала торғандарҙан түгел икәнен күрһәтә.

8. *«Тырышҡан – ташҡа ҡаҙаҡ ҡаҡҡан»* [1, 250]. Хисмәтулла Заһиткә тырышлыҡтың һөҙөмтәһе буласағына ышана икәнен, Заһиттың сос, етеҙ икәнлеген бөтәһе лә белә, тимәк, уның үҙенә лә ышаныс булыуы мөһимлеген аңлата.

9. *«Астың күҙе – икмәктә, туҡтың күҙе – хикмәттә»* [1, 115]. Алтын прииск хужаһы Касьянов Петр Тимофеевич Ниғмәтуллаға халыҡ эсендәге төрлө хәлдә йәшәгән кешеләр тураһында һөйләй. Халыҡ аслы-туҡлы йәшәгәнлектән, уларҙың пландары тормошҡа ашмауы мөмкин.

10 *«Баҙ ҡаҙма , баҙ ҡаҙһаң да, тәрән ҡаҙма»* [1, 26]. Был мәҡәл менән Хәким Ниғмәтуллаға Заһиттең властарға ҡаршы яуыз эш ҡылғаны арҡаһында харап булыуын һөйләй.

11. *«Ярҙам ерҙә ятып серемәй»* [1, 79]. Наҡышев Ғәрәй Шәйбекович Ниғмәтулланың уға яҡшы эштәр ҡылыуын мәңге онотмаясағын белдерә.

12. *«Кеше һүҙе кеше үлтерә»* [1, 28]. Был мәҡәлде Сәйҙеямал ҡарсыҡ Гөльямалға ҡарата әйтә. Ауыл бисәләре “Хисмәтулланы яуҙа үлтергәндәр” тип һөйләп йөрөгән хәбәрҙең ысын булмағанын аңлатырға тырыша, ҡыҙҙы йыуата.

13. *«Һөйләһәң һүҙ, тел һөйәкһеҙ»* [1, 155]. Аҡназар халыҡҡа яуҙағы хәлдәрҙең насар яҡҡа боролоуын аңлатып, күп һүҙ һөйләүҙән файҙа юҡ икәнен белдерә.

Эш, хеҙмәт тураһындағы мәҡәлдәр

Был төркөмгә бары тик 2 генә мәҡәл индерелде. Был мәҡәлдәр бирелгән эштәрҙе аҙаҡҡа ҡалдырырға ярамауын, үткән эштәр тураһында борсолорға кәрәкмәллегенә өйрәтә.

1. *«Үткән эштән төш яҡшы»* [1, 27]. Ниғмәтулла Хәкимде Михаилдың ҡылған эштәр тураһында онотторопп, Михаилға мөнәсәбәтен яҡшыртырға тырыша.

2. *«Ҡалған эшкә ҡар яуа»* [1, 209]. Был мәҡәл менән Ҡолсобай дружинаны яһау эшен икенсе аҙнаға ҡалдырырға ярамауын халыҡҡа нығлап аңлатырға маташа.

Йәшәйеш менән бәйле мәҡәлдәр

Мәҡәлдәр кешенең донъяға ҡарашын үҙгәртә, дөрөҫ йәшәргә өйрәтә. Был төркөмдә бөтәһе 3 мәҡәл йыйылған.

1. *«Һайланған – һаҙға батҡан»* [1, 29]. Сәйҙеямал ҡарсыҡ Гөльямалға Нәфисәне йәлләп, һайланырға урын булмауы, ауыр тормошо, Ниғмәтуллаға сараһыҙҙың көнөнән кейәүгә сығыуы тураһында һөйләй.

2. *«Яҙмыштан уҙмыш юҡ»* [1, 41]. Ошо мәҡәл менән Хәким Гөльямалға үҙенең яңғыҙ булып йөрөгәнен һөйләй, Гөльямалды кәләш итеп алырға уйлай, Гөльямал ризалашмағас, яҙмышына күнеүен күрһәтә.

3. *«Уйындан уймаҡ сыға»* [1, 45]. Сафуан, Ҡолсобай менян һуғышырға теләмәйенсә , һуғышыуҙан файҙа сыҡмағанын аңлата.

. Күреүебеҙсә, мәҡәл аша уй-фекерҙе әйтеп биреү Ниғмәтулла, Гөльямал, Сәйҙеямал кеүек геройҙарға хас. Сөнки уларҙың тормош тәжрибәһе лә бай, бынан тыш, улар халыҡ ижадын бәләкәйҙән күңелдәренә һеңдереп үҫкән. Мәҡәл аша һөйләшеү – улар өсөн тәбиғи хәл.

Шул уҡ ваҡытта, мәҡәлде телгә бөткән, һүҙсән кешеләр генә ҡулланмай. Был афоризтик жанр төрөнә миҫалдарҙы өндәшмәҫ, һүҙгә һаран, ҡырыҫ холоҡло Хәким образында ла күрәбеҙ. Сөнки уға күп һүҙ һөйләп торғансы, тапҡыр ғына итеп, ҡыҫҡа яуап биреү уңайлы. Яңғыҙ йәшәүенә күнгән

Хәким, тормошоноң яйланырына өмөт тә итмәй. Шуға ла ул ғаилә ҡороу мәсьәләһенә ҡағылышлы бирелгән һорауҙарға: «Яҙмыштан уҙмыш юҡ, »- тип яуал ҡайтара. Ысынлап та, тыңлаусыға оҙон-оҙаҡ итеп аңлатып торғансы, мәҡәл менән яуап ҡайтарыу, Хәкимде артабанғы ялҡытҡыс һорауҙарҙан ҡотҡарып алып ҡала. Был миҫалдар аша мәҡәлдәрҙең әҫәр геройҙарының холоҡ-фиғелен аңлауҙа роле ҙур икәнен күрәбеҙ.

Мәҡәлдәр кешенең телмәрен күркәмләй, уны үтемле итә. Бары тик һүҙгә бай, тормоштан айырылмай йәшәгәндәр генә аралашыуҙа был афористик жанр төрөн ҡуллана. Мәҡәлдәрҙең берәүҙәре әҙәпкә өйрәтә, икенселәре хеҙмәтте хөрмәт итергә, өсөнсөләре тормошто нисек бар, шулай ҡабул итергә, кешелә әҙәплелек, илһөйәрлек, тырышлыҡ кеүек ыңғай сифаттар тәрбиәләүҙә булышлыҡ итә.

Я. Хамматовтың “Аҡман-тоҡман” романында ла мәҡәлдәрҙе тормош тәжрибәһе туплаған, халыҡтың ауыҙ-тел ижадын бәләкәйҙән күңелдәренә һеңдереп үҫкән персонаждар ҡуллана.

Әҙәбиәт:

1. Хамматов Я.Х. Аҡман-тоҡман: роман. – Өфө: Башҡортостан китап нәшриәте, 1971.

© Ғәлиева Р.И., 2026

УДК 811.362

Галимбекова С.Р.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Султанова З.А.,***
канд. филол. наук., ст. преп. УУНиТ
г. Уфа, Россия

РАЗРАБОТКА МАКЕТА МОБИЛЬНОГО ПРИЛОЖЕНИЯ-ГИДА ПО КРУПНЫМ ГОРОДАМ КИТАЯ КАК ИНСТРУМЕНТА ЦИФРОВОЙ АДАПТАЦИИ РОССИЙСКИХ ТУРИСТОВ

В статье рассматривается проблема отсутствия специализированного удобного гида по крупным городам Китая для русскоязычных пользователей. Целью данной работы является разработка макета мобильного приложения для туристов, которое будет включать функциональные возможности, соответствующие потребностям целевой аудитории.

Объектом настоящего исследования выступает процесс проектирования макета мобильного приложения-гида, предназначенного для российских туристов, самостоятельно путешествующих по крупным городам Китая – Пекин, Шанхай, Сиань, Гуанчжоу и Чэнду. В отличие от популярных и распространённых справочников, а также различных современных сервисов, предлагаемый продукт создаётся именно для русскоговорящей аудитории и принимает во внимание те особые сложности, которые порождаются разницей в языке и культурных отличиях. Функционал приложения не ограничивается перечнем туристических объектов и проложенными маршрутами, в него заложены также практические советы для путешественников и пространство для обмена личным опытом и впечатлениями между пользователями.

Актуальность данной темы обусловлена отсутствием русскоязычных аналогов на площадках и растущей потребностью в мобильных решениях, которые помогут туристам эффективно ориентироваться в китайских городах и максимально использовать время, проведенное в стране.

Необходимость такой разработки спровоцирована несколькими причинами. Первая – рост популярности среди россиян, выбирающих Китай для самостоятельных поездок. Согласно сведениям отечественных туристических ассоциаций, в 2024-2025 годах поток российских туристов в КНР превысил значения на 15–20%, чем те, что были до пандемии. Вторая причина – дефицит на российском рынке мобильных гидов по Китаю, которые были бы специально адаптированы под русскоязычного пользователя. Те решения, что присутствуют сейчас, либо работают только на английском, либо предлагают отрывочные, неполные сведения, либо рассчитаны на организованные экскурсионные группы, а не на индивидуальных путешественников.

Новизна работы состоит в том, что приложение проектируется как целостная система, а не просто набор точечных функций. В отличие от большинства существующих гидов, которые по большей части представляют собой каталоги достопримечательностей, разрабатываемый макет включает два взаимосвязанных блока. Первый – навигационно-информационный: сюда входят карта с привязкой к местоположению, каталог объектов с указанием адресов, готовые маршруты. Второй – культурно-адаптационный: краткие памятки о принятых нормах поведения, правилах, этикете при

посещении храмов и прочих значимых деталях. Подобный45функционал на сегодняшний день не встречается ни в одном из русскоязычных туристических приложений, посвящённых Китаю.

Теоретической базой настоящей работы послужили исследования отечественных и зарубежных учёных в области китаеведения, культурной антропологии, географии туризма и межкультурной коммуникации. При анализе общего состояния туристической отрасли КНР мы опирались на публикации Т.М. Вальковой, И.В. Красавцева и Тан Цюань, в которых детально рассматриваются факторы, определяющие развитие въездного туризма в Китае, а также на работы М.В. Александровой и Е.О. Заклязьминской, посвящённые российскому опыту китайского туризма.

Для понимания культурно-исторической специфики отобранных городов (Пекин, Шанхай, Сиань, Гуанчжоу, Чэнду) привлекались труды китайских и западных исследователей в области урбанистики, изучающих трансформацию традиционной городской среды в условиях быстрой модернизации, а также работы по сохранению объектов исторического наследия. Важным источником послужили материалы ЮНЕСКО, фиксирующие статус объектов всемирного наследия на территории КНР.

Проведённый анализ целевой аудитории позволил выделить три ключевых сегмента потенциальных пользователей приложения, различающихся по поведенческим паттернам и приоритетам. Первый сегмент – «организованные самостоятельные туристы» (возраст 25–40 лет, путешествуют парами или малыми группами, планируют маршрут заранее, ценят структурированную информацию и оптимизацию времени). Второй сегмент – «опытные путешественники» (возраст 40–55 лет, высокий уровень дохода, предпочитают аутентичные локации «не для всех», нуждаются в качественной навигации и советах по локальной кухне). Третий сегмент – «студенты и молодые туристы» (возраст 20–25 лет, ограниченный бюджет, ориентированы на уличную еду, бесплатные достопримечательности и нестандартные маршруты). Для каждого из сегментов были сформулированы приоритетные функции: для первого – готовые маршруты и поиск по категориям; для второго – карта с отображением адресов иероглифами и блок культурных особенностей; для третьего –фильтр «бесплатно / бюджетно».

Изучение портрета потенциальных пользователей позволило сформулировать набор принципов, по которым отбирались города для размещения в приложении. В число этих принципов вошли следующие: а) привлекательность с точки зрения туризма (наличие объектов из списка ЮНЕСКО, уникальных исторических и культурных памятников); б) удобство передвижения (международный аэропорт, метро, комфорт для самостоятельных путешественников); в) многогранность предлагаемых впечатлений (соединение истории, современной застройки, кулинарных традиций и природных уголков); г) доступность свежих сведений на русском языке (путеводители, отклики туристов, личные блоги).

На основе этих критериев остановились на пяти городах. Пекин – историческое сердце страны, место сосредоточения Запретного города и Великой Китайской стены. Шанхай – финансовый и культурный центр с его знаменитой набережной Вайтан и футуристическим районом Пудун. Сиань – древняя столица, где находятся Терракотовая армия и городские укрепления эпохи Мин. Гуанчжоу – южные ворота Китая, славящийся кантонской кухней и островом Шамянь. Чэнду – родина больших панд, центр сычуаньской кулинарии и традиционной чайной культуры. Для каждого из этих городов был собран и систематизирован перечень достопримечательностей, разбитый на несколько рубрик: «обязательные к посещению», «места неторопливых прогулок», «гастрономические точки», «парки и природные зоны».

Разработка функциональной схемы приложения позволила определить требования к его устройству и внешнему виду. В приложении должны присутствовать следующие основные экраны. Онбординг – знакомство с главными возможностями при первом включении. Экран входа в аккаунт – с опцией использования приложения без регистрации (в гостевом режиме). Главный экран – с быстрым переключением городов, поисковой строкой и блоками персональных рекомендаций. Карта – с определением местоположения, фильтрацией объектов по категориям и показом адресов в иероглифической записи. Каталог – со списком достопримечательностей, заведений и парков, где можно сортировать результаты по рейтингу или удалённости. Маршруты – с готовыми прогулочными сценариями на один-два дня, включая подробное описание и расчёт времени. Профиль – с сохранёнными маршрутами, отмеченными избранными местами и настройками.

Практическая ценность работы состоит в том, что готовый макет вместе с техническим заданием можно передать разработчикам для создания полноценного мобильного продукта. В отличие от того, что уже есть на рынке (бумажные путеводители, универсальные карты, англоязычные гиды), предлагаемое решение нацелено именно на российского пользователя, учитывает его языковые и культурные особенности и предоставляет чётко организованную информацию о пяти ключевых городах Китая. Такое приложение способно помочь тысячам

российских туристов, которые ежегодно сталкиваются с одной и той же проблемой: упростить планирование поездки и передвижение по городам.

В итоге проведённой работы был разработан макет гида по крупным городам Китая, с готовыми маршрутами, рекомендациями и статьями, которые понадобятся туристу.

Дальнейшее развитие проекта мы связываем с расширением списка городов (добавление Ханчжоу, Нанкина, Чунцина, Харбина), с подключением к сервисам бронирования гостиниц и билетов, с внедрением рекомендательной системы, основанной на истории просмотров, отложенных местах и оценённых маршрутах, а также с созданием «зеркальной» версии приложения для китайских туристов, путешествующих по России, с готовыми маршрутами по Москве, Санкт-Петербургу, Казани и адаптацией к российской культурной среде.

Литература:

1. Александрова М.В. Китайский туризм и его российский вектор: реалии и «узкие места» / М.В. Александрова, Е.О. Заклязьминская // Доклады ИДВ РАН 2018–2019 / ред.-сост. Е.А. Лапшина. – М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2020. – С. 7–42.

2. Без этих двух вещей российским туристам в Китае не обойтись: Генконсул РФ раскрыл секрет [Электронный ресурс] / Турпром. – 2026. – Режим доступа: https://www.tourprom.ru/news/83775/ (дата обращения: 16.02.2026).

3. Валькова Т.М. Туризм в Китае: современное состояние, основные факторы, влияющие на его развитие / Т.М. Валькова, И.В. Красавцев, Тан Цюань // Географическая среда и живые системы. – 2024. – № 1. – С. 60–75.

4. Заклязьминская Е.О. Туристическая отрасль в стратегии развития Китая. – М.: ИМЭМО РАН, 2021. – 234 с.

5. Отчёт о развитии въездного туризма в Китае за 2019 год [Электронный ресурс] // Государственный совет КНР. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2019-11/27/content_5456507.htm (дата обращения: 12.03.2026).

6. Шаховалов Н.Н. Интернет-технологии в туризме. – Барнаул: Изд-во АлтГАКИ, 2007. – 251 с.

7. Chen, L. The Structure of China's Digital Ecosystem / L. Chen, Y. Zhang // Journal of Contemporary China. – 2021. – Vol. 30, No. 128. – P. 256-272. – DOI: 10.1080/10670564.2020.1823685.

8. Chen, J. Super-Apps in China: WeChat and Alipay / J. Chen // Harvard Business Review. – 2021. – No. 4. – P. 45-52.

9. CNTA (China National Tourism Administration). Yearbook of China Tourism: 2008. – Beijing: China Travel and Tourism Press, 2009.

© Галимбекова С.Р., 2026

УДК 070

Галкина В.В.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Имангулова А.Р.,***
ассистент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТИПОЛОГИИ КОРПОРАТИВНЫХ СМИ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Корпоративные издания, как целенаправленные каналы коммуникации, ориентированные на определенную аудиторию и содержание, эффективно решают проблему перенасыщенности современного информационного пространства, известную как «информационный шум». Под этим термином в медиаисследованиях подразумевается хаотичное и слабоорганизованное информационное поле, где огромное количество разнообразных сообщений и противоречивых взглядов препятствует адекватному восприятию и оценке фактов массовым сознанием. В такой ситуации корпоративная пресса, предназначенная для конкретных целевых групп и транслирующая единую позицию компании, выступает не только как средство информирования, но и как выразитель культуры профессиональных и деловых сообществ, способствуя укреплению социальных связей в различных корпоративных структурах.

Современные цифровые технологии неизбежно снижают привлекательность традиционных печатных средств массовой информации, включая корпоративные издания. Увеличение времени,

проводимого пользователями в социальных сетях и на других цифровых платформах, требует от компаний интеграции всех доступных каналов дистрибуции и форматов представления информации для построения действенной системы корпоративных коммуникаций. Сегодня организации активно используют профессиональные журналистские подходы при создании медийного контента для собственных цифровых каналов.

Следовательно, изучение трансформации корпоративных СМИ в эпоху цифровизации и развития социальных сетей приобретает значительную теоретическую и практическую ценность. Это позволяет выявлять новые подходы к корпоративным коммуникациям и адаптировать существующие типологические модели к современным условиям.

В отечественной науке активно исследуется проблематика корпоративных средств массовой информации. Особый вклад в изучение этого феномена внесли следующие ученые:

Л.С. Агафонов в своей диссертации представил комплексный подход к анализу корпоративной прессы, разработал методику оценки ее эффективности и выделил ключевые типологические характеристики [1].

Д.О. Олтаржевский исследовал, как онлайн-технологии обогащают корпоративную периодику дополнительными возможностями, интерактивностью и другими аспектами, демонстрируя связь новых корпоративных медиа с решением конкретных бизнес-задач [7].

А.О. Алексеева отметила тенденцию превращения корпораций в создателей собственного цифрового медийного контента, применяя профессиональные журналистские приемы. В результате бренды приобретают новое качество – медийность [2].

А.Ю. Бабкин обосновал необходимость модернизации существующей типологии корпоративных изданий для более целостного изучения этого информационного и коммуникативного объекта, его структурных, функциональных особенностей и взаимодействия со средой [3].

Ю.В. Чемякин проанализировал различные подходы к типологии корпоративных медиа, выявив их сильные и слабые стороны. Он предложил более полную и структурированную типологию, учитывающую современные тенденции развития, а также подготовил учебное пособие по корпоративным медиа в сфере культуры [9].

А.А. Кузьменкова исследовала изменения в понятийном аппарате, описывающем корпоративные средства коммуникации, выделив три основных подхода к пониманию данного феномена [6].

Н.В. Рубцова предложила авторскую классификацию корпоративных медиа, основанную на десяти признаках, и описала два подхода к трактовке этого понятия [8].

О.В. Вологина рассмотрел корпоративные СМИ как неотъемлемый элемент коммуникационной системы организации, анализируя их роль в формировании корпоративной культуры [4].

Д.А. Докина систематизировала информацию о функциях и видах корпоративных СМИ, уточняя их место в общей медиасистеме [5].

Несмотря на объем исследований, вопросы трансформации корпоративных СМИ под влиянием цифровых технологий и адаптации типологических моделей к новым реалиям остаются недостаточно разработанными, что подчеркивает актуальность дальнейшего изучения данной темы.

Современные медиа-стратегии и примеры их реализации

Цифровая трансформация привела к появлению гибридных форматов корпоративных медиа, где размываются границы между традиционным PR, отраслевой журналистикой и коммерческими продуктами. Анализ практических примеров выявляет несколько ключевых моделей этих изменений.

«Т-журнал» служит образцом lifestyle-издания, фактически становясь независимым медиаактивом. Публикуя контент, интересующий широкую аудиторию, он эффективно укрепляет лояльность к бренду без прямой рекламы, демонстрируя модель «полезного сервиса» и передовой контент-маркетинг.

Skillbox Media представляет иной сценарий, объединяя образовательный центр и отраслевой хаб. Корпоративный блог здесь эволюционирует в индустриальное медиа, дополненное вебинарами, интерактивными презентациями и электронной библиотекой. Это позволяет укреплять экспертный статус и выстраивать долгосрочные отношения с профессиональным сообществом.

«Вести КАМАЗа» иллюстрируют эволюцию заводской многотиражки. Традиционное печатное издание для сотрудников трансформировалось в мультиплатформенный проект с активным видеоконтентом и присутствием в социальных сетях. Это демонстрирует, что цифровая трансформация корпоративных СМИ – это не дань моде, а насущная необходимость для поддержания связи с современной аудиторией, даже в стагнирующих промышленных секторах.

Корпоративные подкасты, интерактивные презентации и онлайн-библиотеки позволяют компаниям выходить за рамки стандартной отчетности, формируя вокруг себя активные сообщества. Эти примеры подтверждают, что современные корпоративные медиа становятся полномасштабным каналом социального диалога, превосходя свою первоначальную роль информационного инструмента для сотрудников.

Литература:

1. Агафонов, Л. С. Корпоративная пресса: особенности функционирования, типологические характеристики и методика оценки эффективности: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.10 / Агафонов Леонид Сергеевич; [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова]. – Москва, 2008. – 24 с. https://www.dissercat.com/content/korporativnaya-pressa-osobennosti-funktsionirovaniya-tipologicheskie-kharakteristiki-i-metod

2. Алексеева, А. О. PR 2.0: бренды и корпорации как создатели цифрового массового медийного контента / А. О. Алексеева // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2012. – № 3. – С. 34-48.

3. Бабкин, А. Ю. Корпоративные издания в структуре печатных СМИ: типологические и профильные характеристики: на примере прессы федерального государственного унитарного предприятия "Почта России": автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.10 / Бабкин Анатолий Юрьевич; [Место защиты: Ин-т повышения квалификации работников телевидения и радиовещания]. – Москва, 2010. – 29 с.

4. Вологина, О. В. Корпоративные СМИ в структуре коммуникаций организации / О. В. Вологина // Форум молодых ученых. – 2019. – № 1-1(29). – С. 767-769. https://cyberleninka.ru/article/n/korporativnye-smi-v-strukture-kommunikatsiy-organizatsii-1/viewer

5. Докина, Д. А. Корпоративные СМИ: понятие, функции, виды / Д. А. Докина // Наука и образование сегодня. – 2019. – № 6-2(41). – С. 86-89. https://cyberleninka.ru/article/n/korporativnye-smi-ponyatie-funktsii-vidy/viewer

6. Кузьменкова, А.А. Понятие «корпоративные медиа» в современном социально-гуманитарном знании / А.А. Кузьменкова // Вестник БГУ. Серия 4. – 2015. – № 3. – С. 56–60

7. Олтаржевский, Д. О. Роль корпоративных медиа в социализации бизнеса / Д. О. Олтаржевский // Медиаскоп. – 2014. – № 2. – С. 21.

8. Рубцова, Н.В. Корпоративные медиа как инструмент внутренних и внешних коммуникаций в организации: понятие и классификация / Н.В. Рубцова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2018. – № 2. – С. 112–117

9. Чемякин, Ю. В. Проблемы типологического анализа современной корпоративной прессы / Ю. В. Чемякин // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2012. – Т. 107, № 4. – С. 100-106.

© Галкина В.В., 2026

УДК 811.531

Гаскарова И.И.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Кучаева А.Н.,***
ассистент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

АНТОНИМЫ В РУССКОМ И КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКАХ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ И СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Антонимия как универсальная семантическая категория в разноструктурных языках – флективном русском и агглютинативном корейском – демонстрирует глубокое внутреннее сходство на уровне логических категорий при значительных различиях в механизмах реализации. [1: 281]

В обеих языковых системах фундаментальным принципом функционирования антонимов остается закон взаимоисключения, согласно которому два слова характеризуют один объект с противоположных сторон, делая невозможным их одновременное сосуществование в одном признаке. Данное сходство подтверждается и тем, что в обеих лингвокультурах антонимы практически отсутствуют у конкретных имен существительных или числительных, концентрируясь преимущественно в сфере качественной лексики – прилагательных, наречиях и глаголах состояния.

Рассматривая морфологические принципы образования, можно заметить, что оба языка используют как лексический способ, основанный на противопоставлении разных корней, так и грамматический, реализуемый через аффиксацию. В русском языке лексическая антонимия представлена такими парами, как «добро – зло» или «молчать – говорить», в то время как в корейском языке аналогичные связи прослеживаются в исконной лексике, например, в оппозиции 많다 (манта) - ‘много’ – 적다 (чокта) - ‘мало’. [2: 125]

Однако в русском языке более отчетливо выражена категория контекстуальных антонимов, где слова приобретают противоположное значение только в рамках конкретного речевого акта или авторского замысла, не закрепляясь в языке как словарная пара. Лингвистические принципы функционирования антонимии в русском и корейском языках, имея общую природу противопоставления качественных признаков и схожие аффиксальные способы словообразования, расходятся в способах реализации в речи. Если русский язык проявляет гибкость через многозначность и речевой контекст, то корейский язык демонстрирует склонность к устойчивости и образованию новых смысловых единств на базе лексических оппозиций.

Исследование антонимии в разноструктурных языках – флективном русском и агглютинативном корейском – позволяет выявить специфику реализации логических противоположностей в различных лексико-грамматических системах. [4: 55] Сравнительно-сопоставительный анализ антонимических систем русского и корейского языка:

1. Морфологическая структура и способы образования:

Различия в грамматическом строе языков определяют способы формирования антонимических пар. [7: 281] В русском языке антонимы четко делятся на разнокорневые (день – ночь, жизнь – смерть) и однокорневые. Последние образуются преимущественно префиксальным способом с использованием исконных и заимствованных отрицательных приставок: не- (счастливый – несчастливый), без-/бес- (честный – бесчестный), анти- (вирус – антивирус). В корейском языке морфологическая структура также допускает оба типа, однако специфика агглютинативного строя проявляется в активном использовании отрицательных префиксов (особенно для лексики китайского происхождения – ханча), таких как 불- (буль), что наглядно иллюстрирует пара 행복 (хэнбок) - ‘счастье’ – 불행 (бурхэн) ‘несчастье’.

2. Типология и семантические признаки:

Семантическое наполнение антонимии в обоих языках охватывает широкий спектр признаков, но имеет свои особенности классификации. [5: 6] Русская лингвистическая традиция классифицирует антонимы по категориальным признакам: качество (добрый – злой), цвет (черный – белый), направленность (вверх – вниз), состояние (сон – бодрствование) и действие (открывать – закрывать). В корейском языке выделяется три строгих типа оппозиций: контрарные, комплементарные (дополнительные; например, 남자 (намджа) – 여자 (ёджа) - ‘мужчина’ – ‘женщина’) и конверсивные.

3. Феномен градуальности (ступенчатости):

Градуальность является важной характеристикой качественных прилагательных в обеих системах, позволяя описывать интенсивность признака. [6: 28] В корейском языке акцент на градуальности выражен через четкие лексические цепочки, отражающие постепенное изменение качества. Особенно это заметно в температурных шкалах: 덥다 (топта) - ‘жаркий’ / 뜨겁다 (ттыгопта) -‘горячий’ → 따뜻하다 (ттатытада) - ‘тёплый’ → 춥다 (чупта) - ‘холодный’ / 차갑다 (чагапта) - ‘прохладный/холодный’. В русском языке данный процесс описывается как «языковая антонимия» качественных прилагательных. Она подразумевает наличие шкалы, где между полярными точками существуют промежуточные понятия: горячий – теплый – прохладный – холодный. [3: 214]

4. Конверсивные антонимы (релятивы):

Конверсивы описывают одну и ту же ситуацию с точек зрения разных участников процесса. В корейском языке конверсивы выделяются как группа слов с противоположной направленностью действий. Хрестоматийными примерами являются пары: 사다 (сада) - ‘купить’ – 팔다 (палда) - ‘продать’, 주다 (чуда) - ‘давать’ – 받다 (патта) - ‘получать’. Например в русском языке конверсивы также рассматриваются как вид антонимов по признаку «направленность действия». Они выражают взаимно-обратные отношения в рамках одной ситуации: продать – купить, занимать – одалживать, учитель – ученик. [8: 89]

Рассматривая специфические особенности функционирования антонимов, следует отметить глубокую лингвокультурологическую разницу в восприятии противоположностей в русском и корейском языках. В корейской языковой традиции доминирует принцип семантической конвергенции, при котором антонимы способны образовывать новые, более абстрактные понятия через механизм слияния. Характерным примером такой интеграции служит лексема 생사 (сэнгса) - , где компоненты «жизнь» и «смерть» перестают быть просто оппозициями и трансформируются в единое значение «судьба». Данный феномен свидетельствует о том, что в корейском культурном коде пара противоположностей зачастую воспринимается не как взаимоисключающий конфликт, а как неразрывное целое. Это подтверждается и широким распространением устойчивых идиоматических конструкций с парным причастием -고 (го), таких как기쁘고 슬픈 (киппыго сыльпхын) - ‘радостный и грустный’: Обозначает всю полноту человеческих переживаний. Часто встречается в контексте 기쁘고 슬픈 일 (киппыго сыльпхын иль) - ‘радостные и грустные события’, что переводится как «превратности судьбы» или «жизненный опыт», которые функционируют в языке как фиксированные лексические блоки, в отличие от более свободных сочетаний в русском языке. [9: 140]

В противовес корейской модели, специфика русского языка заключается в исключительной продуктивности морфологической, в частности приставочной, антонимии. Огромный пласт лексической системы русского языка строится на тонком противопоставлении глагольных и именных приставок, что особенно ярко проявляется в глаголах движения, таких как «приходить – уходить» или «влетать – вылетать». Здесь антонимия служит инструментом точной пространственно-векторной дифференциации действия. При этом функционирование антонимов в русском языке характеризуется высокой степенью стилистической гибкости. В отличие от стабильных корейских идиом, в русской поэтической и прозаической речи активно используются контекстуальные антонимы. Это позволяет авторам создавать уникальные художественные образы, антитезы и оксюмороны, противопоставляя слова, которые вне конкретного текста не обладают полярными значениями. Для примера частоты использования парных антонимов в тексте, был взят отрывок из корейской сказки - «해와 달이 된 오누이» (хева тари твин онуи) - «Брат и сестра, ставшие солнцем и луной»:

«얘들아. 문 꼭 *잠그고* 있거라. 모르는 사람이 와서 문 *열어* 달라고 하면 절대로 *열어* 주면 안 된다.» (Едыра. Мун кког чамкыро итгора. Морынын сарами васо мун таллаго хамён чолтэро ёро чумён ан твида) - «Держите дверь на засове(запертой). Если кто-нибудь незнакомый придёт и попросит вас открыть ему дверь, ни за что не открывайте». [10: 4]

Грамматические конструкции*잠그고* (чамкыго) и *열어* (ёро) образовались от глаголов *잠그다* (чамкыда) – ‘запереть, закрыть’; *열다* (ёлда) – ‘открыть’. В корейском языке часто используются такие противопоставления для усиления важности безопасности и последовательности действий, так как в данном примере мать даёт наказ своим детям держать дверь «на замке» и не открывать посторонним людям.

Сопоставительный анализ показывает, что, несмотря на коренные различия в морфологии (флексия против агглютинации), логико-семантические принципы антонимии в русском и корейском языках обнаруживают значительное сходство. Оба языка активно используют антонимию качественных предикатов для построения градуальных шкал и выражают векторные отношения через конверсивы.

Основное различие заключается в инвентаре словообразовательных средств: разветвленная система русских приставок противопоставляется корейской системе префиксов и специфической идиоматизации парных антонимов. Несмотря на эти различия, оба языка демонстрируют сходство в грамматических ограничениях на развитие антонимических связей. В обеих системах антонимия практически не затрагивает числительные и имена собственные, оставаясь прерогативой качественных и оценочных категорий. Однако итоговые функциональные векторы языков различны, если корейская антонимия тяготеет к философскому синтезу противоположностей и их закреплению в устойчивых структурах, то русская антонимия опирается на деривационное богатство приставок и динамику речевого контекста, позволяющую переосмысливать значения слов в зависимости от стилистических задач. Таким образом, лингвистические принципы функционирования антонимов в

исследуемых языках отражают фундаментальное различие между агглютинативным стремлением к устойчивым смысловым единствам и флективной вариативностью речевых оппозиций.

Литература:

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. – Москва: ФЛИНТА, 2016. – 281 с.
2. Боровых Е.А. Антонимическая парадигма в русских и английских паремиях: структурно-семантический и культурологический аспекты. – Челябинск., 2007. – С. 6
3. И О Рён. Словарь корейского языка, читаемый по смыслу. – Сеул: Литературная мысль, 2009. – 281 с.
4. И Сок Чу. Исследование проблем восприятия антонимов // Конференция общества по обучению корейскому языку. – Сеул, 1975. – С. 89–121.
5. Ким Т.С. Антонимия и антитеза в корейском языке // Кореееведение Казахстана. – 2013. – №1. – С. 125–130.
6. Корнеева И. В. Корейский язык: лексико-грамматические упражнения: учебное пособие. – Южно-Сахалинск: СахГУ, 2011. – 214 с.
7. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – М., 1976. С. 28.
8. Цыренова М.И. Универсальное и дифференциальное в русском и корейском языках // Вестник РУДН, серия Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2013. – №1. – С. 55–58.
9. Чупановская М. Н. Репрезентация противоположности в семантике производных антонимов (на материале словарей русского языка). – Иркутск, ИГПУ, 2007. – 140 с.
10. Чун Ин Сун, Погадаева А.В. «Самые известные корейские легенды» // Издательство АСТ – 2023. – 4 с.

© Гаскарова И.И., 2026

УДК 811.512

Гизатуллина Г. Г.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Алимбаева Г.Г.,***
канд. филол. наук, доцент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

ФОНЕТИЧЕСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ ПУТУНХУА НОСИТЕЛЯМИ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА В ПЕРСПЕКТИВЕ ОБУЧЕНИЯ КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ В ШКОЛЕ

Башкирский язык содержит фонемы, типологически редкие среди языков Евразии: увулярный /ҡ/, фарингальный /h/, заднеязычный носовой /ң/, переднерядные огубленные /ү/ и /ө/ [3: 67]. Фонемы формируют «широкое сито», через которое башкироговорящий пропускает китайскую речь с принципиально иным результатом, чем носитель русского языка.

Концепция «фонологического сита» Н.С. Трубецкого объясняет механизм: чужой звук опознается точно, если его дифференциальные признаки совпадают с имеющейся ячейкой родной системы. Иначе срабатывает аппроксимация, уподобление ближайшему знакомому. Работает здесь и моторная теория: мозг слушающего неосознанно активирует мышцы речевого аппарата, «со-произнося» услышанное; чем богаче артикуляционный репертуар, тем точнее опознание.

Фонетический строй башкирского языка в заднеязычной и глоточной зонах существенно шире русского – отсюда принципиально разные стартовые условия при освоении китайской фонетики. Никакого «чистого листа» нет, мозг башкироговорящего при первом контакте с путунхуа уже располагает частью нужных моторных команд.

Наиболее очевидная точка пересечения двух систем – заднеязычный носовой /ң/ [ŋ]. Фонема часто используется и самостоятельно: *һуң* (поздно), *миң* (родинка), *яңы* (новый) – во всех словах задняя часть спинки языка смыкается с мягким небом при опущенной небной занавеске [3: 22]. Китайская финальная -ng в *máng* (занят), *chēng* образуется тем же артикуляционным механизмом [5: 61]. Никакой дополнительной учебной работы не требуется.

Оппозиция -n и -ng – *shān* (山, гора) против *shāng* (伤, рана) – слышится башкиром автоматически, поскольку *иң* («самый») и *ин* («нора») противопоставлены в родном языке по тому же признаку. Русскоговорящий тратит на это сознательный анализ. Башкирское *яңы* и китайское *yáng* (солнце) содержат тождественную велярную артикуляцию носового – прямое совпадение, дающее нулевые затраты на усвоение.

Переднерядные огубленные гласные открывают вторую зону резонанса. Башкирский /ү/ – *күҙ* (глаз), *күн* (кожа) – узкий гласный переднего ряда с губами, вытянутыми трубочкой [3: 45]. Китайский *ü* [у] в *nǚ*, *lǜ*, *qù* основан на том же принципе: язык максимально продвинут вперед, губы округлены. Совпадение полное – башкироговорящему не нужно «собирать» незнакомый звук через [й+у] или приблизительное [ю].

Среднеязычный огубленный /ө/ (*сөй* (гвоздь), *төш* (сон) прямого аналога в путунхуа не имеет, однако навык огубления при переднем положении языка подготавливает аппарат к сложным финалям *yue*, *jue*, *que* [5: 93]. Русскоговорящий при встрече с *ü* формирует принципиально новый артикуляционный уклад – задачу, которую башкирский язык снимает. Перцептивный выигрыш в этой зоне значителен. Слуховой анализатор не «перегружается» незнакомым вокалическим качеством, высвобождая ресурс для обработки тона и финали.

Увулярные и фарингальные согласные создают то, что точнее всего назвать «запасом глубины» в задней артикуляционной зоне. Башкирский /ҡ/ [q] в словах *ҡалын* (толстый), *ҡарт* (старик) приучает корень языка к работе в глубокой части ротовой полости [3: 78]. Китайские *g*, *k*, *h* располагаются выше по месту образования, чем башкирские увулярные, оказываются в комфортном промежутке между двумя уже известными ориентирами. Башкирское *ҡалын* создает ту же артикуляционную позицию корня, что и китайское *kǎn* (рубить), только несколько глубже. «Приподнять» в учебном процессе точку контакта до велярной зоны не составляет труда.

Фарингальный /h/ в единицах *һаумы*, *һаya* делает китайское *h* в *hé* (河, река) и *hǎo* (好, хороший) звуком с «близким характером» [3: 101]. Когнитивные ресурсы высвобождаются для анализа тона. Носитель русского языка тратит часть перцептивного ресурса на «перевод» /h/ в категорию привычного /х/, иногда теряя тонкие тембральные различия.

Сингармонизм задает механизм антиципации, ускоряющий сегментацию китайской речи. В башкирском языке гласные в пределах слова подчиняются единому тембровому закону. Мозг говорящего прогнозирует ряд следующего гласного уже после первого: *өйөбөҙҙәге* (в нашем доме) – сплошь гласные переднего ряда, *торлаҡ* (жилище) – заднего [4: 112]. В путунхуа палатальные инициали *j*, *q*, *x* сочетаются исключительно с гласными переднего ряда *i*, *ü*.

Это правило, функционально аналогичное башкирской сингармонической модели [5: 85]. Услышав *jiā* или *xǐ*, башкирский слух «включает» режим переднего ряда и предвосхищает характер вокалических элементов слога. Существенно и другое. В башкирском языке отсутствует редукция гласных в безударных позициях, каждый гласный произносится отчетливо [3: 34]. Тогда как китайский язык требует аналогичной вокалической четкости, когда от качества гласного зависит тональный рисунок слога. Башкирская привычка полногласию предотвращает размывание финалей, критичное при восприятии многосложных китайских структур.

Там, где башкирская база сильна, тональная система путунхуа противопоставляет ей зону нулевого переноса. Четыре тона (высокий ровный 55, восходящий 35, низкий нисходяще-восходящий 214, падающий 51) превращают мелодический рисунок каждого слога в лексический признак: *mā* (мама) – *má* (конопля) – *mǎ* (лошадь) – *mà* (ругать) [5: 154]. Высота голоса в башкирском языке маркирует синтаксические отношения вопроса, незавершенности, но никогда не различает значения внутри слога [4: 50]. Четвертый тон с резким падением ассоциируется у башкироговорящего с энергичным ударным слогом аффикса, имитация получается относительно удачной. Третий тон с длинной нисходяще-восходящей модуляцией «прочитывается» как безударный и сглаживается до ровного низкого.

Тоновые сандхи добавляют уровень трудности: третий тон перед третьим реализуется как второй, *bù* перед четвертым произносится как *bǔ*. Формирование тонального слуха начинается здесь без всякой опоры на родную систему.

Оппозиция придыхательных и непридыхательных согласных – вторая зона системного конфликта. В путунхуа */pʰ/ – /p/*, */tʰ/ – /t/*, */kʰ/ – /k/* несут смыслоразличительную нагрузку; в башкирском аспирация смыслоразличительной функцией не обладает, основной признак взрывных – наличие или отсутствие голоса [3: 51]. Башкироговорящий воспринимает китайские непридыхательные *b*, *d*, *g* как свои звонкие /б/, /д/, /г/, а придыхательные *p*, *t*, *k* – как глухие /п/, /т/, /к/:

аппроксимация дает перцептивно допустимый результат на начальном этапе, но не точный. Китайское *b* – полузвонкое, с глухим началом, – подмена его башкирским полностью звонким /б/ создает акцент при различении *bàba* (爸爸, папа) и *pàng* (胖, толстый) [4: 68].

Точное усвоение оппозиции требует осознанного контроля силы выдоха после размыкания смычки – навыка, отсутствующего как в башкирском, так и в русском репертуаре. Минимальные пары *bā – pā*, *dā – tā*, *gē – kē* в медленном темпе с последующим ускорением – наиболее прямой путь коррекции.

Ретрофлексные *zh* [tʂ], *ch* [tʂʰ], *sh* [ʂ], *r* [ʐ] – это зона, в нем положительный перенос минимален. При их артикуляции кончик языка загибается назад к альвеолам, средняя часть спинки опускается, язык принимает «ложкообразную» форму [5: 235].

Башкирские /ш/ и /ж/ – передненебные, без ретрофлексии; кончик языка остается плоским [3: 27]. Китайское *chī* (吃, есть) башкироговорящий произносит как «чи» – без загиба назад, с недостаточным придыханием. Инициаль *r-* подменяется дрожащим /р/: *rén* (人, человек) звучит как «рэн» вместо [zʐən].

Специфическая для башкироговорящих интерференция иная, нежели у носителей русского: *sān* (三, три) рискует получить межзубное начало, поскольку /ʒ/ [ð] и /ç/ [θ] – живые фонемы башкирского языка, и кончик языка по привычке выдвигается между зубами [4: 229]. Указанная ошибка требует отдельной коррекции: дентальная позиция кончика языка при китайских *s*, *z*, *c* отрабатывается целенаправленно, вне контекста ретрофлексной артикуляции.

Дифтонги и трифтонги – [ai], [ei], [ao], [ou], [ia], [iao], [uai], [üe] и другие не находят опоры в башкирском вокализме с его преимущественно монофтонгической системой [4: 64]. Немногочисленные башкирские сочетания с [й] и [w] несколько иной природы. Гласный плюс полугласный, но не скользящий переход внутри единого вокалического ядра [3: 30]. Башкироговорящий расчленяет китайский дифтонг на два слога: *hǎo* (好, хороший) с дифтонгом [ɒu̯] воспринимается как «ха-о», а не как односложное слово. Трифтонги *iao*, *uai* противоречат башкирской фонотактике еще сильнее – три вокалических элемента в пределах одного слога. Привычка к закрытым слогам с консонантными финалями *ҡарт*, *маш* провоцирует «дослышивание» конечного согласного там, где китайский слог заканчивается на гласный: *mǎ* (马, лошадь) получает едва слышный гортанный смык. Преодоление предполагает длительную тренировку «скользящего» произнесения без разрыва слоговой целостности.

Перцептивное взаимодействие башкирского и китайского строится на несимметричном балансе. В назальной, лабиальной, увулярной и фарингальной зонах башкироговорящий располагает готовыми «ячейками» /ң/ для финали -ng, /ɣ/ для китайского *ü*, /ҡ/ и /ғ/ как «ориентиры» при восприятии велярных, /h/ для китайского *h*. Эти совпадения создают множественный положительный резонанс, недоступный носителям большинства других языков. Сингармонизм ускоряет сегментацию, отсутствие редукции обеспечивает вокалическую четкость. Там, где русскоговорящий тратит ресурс на базовую идентификацию звука, носитель башкирского языка уже обрабатывает тон.

Тональная система, оппозиция по аспирации, ретрофлексная артикуляция остаются зонами нулевого переноса, устойчивые ошибки неизбежны без специально организованной работы. Характер башкирской интерференции в виде подстановки межзубных вместо свистящих, «функциональная подмена» мелодического тона силовым ударением качественно отличает ошибки башкироговорящих от ошибок носителей русского.

Указанные различия необходимо учитывать при проектировании фонетического курса. Эффективная методика строится на двойном принципе: максимальное использование ресурсов родного языка в зонах совпадения и целенаправленное формирование новых слуховых эталонов: с использованием минимальных пар, тональных диктантов и артикуляционных упражнений на ретрофлексию в зонах расхождения.

Литература:

1. Ишбулатов Н.Х. Современный башкирский язык. Фонетика: учебное пособие. – Өфө: Китап, 1982. – 40 с.
2. Ишкильдина З.К. Историческое развитие консонантизма башкирского языка: на материале диалектов. – Уфа: Гилем, 2013. – 157 с.
3. Кейекбаев Ж.Ғ. Башҡорт теленең фонетикаһы. – Өфө: Башҡортостан китап изд-һы, 1958. – 211 б.

4. 王力 (Ван Ли). 汉语语音史 (История фонетики китайского языка). – 北京: 商务印书馆, 2010. – 618 页.

5. 林焘 (Линь Тао), 王理嘉 (Ван Лицзя). 语音学教程 (Курс фонетики). – 北京: 北京大学出版社, 2013. – 235 页.

© Гизатуллина Г.Г., 2026

УДК 811.161.1

Гирфанова Г.Р.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Хисамова Г.Г.,***
д-р филол. наук, профессор УУНиТ,
г. Уфа, Россия

«В КРУГУ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ … И НАШ ЯЗЫК»: О РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЕ ЛИЧНОСТИ

Язык является мощным средством общения людей в различных сферах деятельности, поэтому осмысление того, как личность владеет богатством языка, эффективно им пользуется – важная задача.

В 70-80-е годы XX века появилось новое направление в лингвистике ‘экология языка’, которое было введено в 1972 году Эйнар Хаугеном. Под ‘экологией языка’ он понимал «исследование взаимодействий между данным языком и его окружением, то есть обществом, которое использует данный язык» [5: 9].

Экология языка, или лингоэкология, сформировалась в начале 90-х годов, а в XX веке как наука в России, тогда состояние русского языка вызывало беспокойство в связи с масштабным снижением уровня речевой культуры разных слоев общества, в том числе и интеллигенции. С чем это связано? Со значительными изменениями условий функционирования языка. Л.А. Введенская отмечает особенности современного языка конца XX – начала XXI века:

-разнообразие состава участников коммуникации (по возрасту, образованию, служебному положению и др.);

-исчезновение официальной цензуры, поэтому речь людей становится более открытой, непринужденной;

-преобразование спонтанной, самопроизвольной, заранее не подготовленной речи;

-разнообразие ситуаций общения, когда изменяется характер общения, становясь более раскованным [1: 30].

Новые условия функционирования языка, появление большого количества неподготовленных публичных выступлений приводят не только к демократизации языка, но и к резкому снижению ее культуры. Это проявляется прежде всего в нарушении орфографических (произносительных), грамматических норм русского языка. Было отмечено, что особое влияние на состояние речевой культуры средств массовой информации: телевизионная речь, радиоэфир, речь, представленная на страницах газет и журналов, которые формируют языковой вкус. Со средствами массовой информации справедливо связывают многие болезни языка: речевая неряшливость, приверженность к штампам, стремление прикрыть банальность мысли «престижными словами», неоправданное использование заимствованной лексики, жаргоны, сквернословие. Указывается также на негативное влияние Интернета [3, 6].

В 2011 году М. Кронгауз выпустил книгу «Русский язык на грани нервного срыва», в котором с большой тревогой говорил о допустимом и недопустимом в речевом общении. Он писал, что экранная культура вытесняет культуру чтения (мало читают). Русская речь становится все более примитивной, стилистически беспомощной и зачастую вульгарной [4: 7].

Языковые процессы, характеризующие состояние русского языка и в настоящее время, связаны с демократизацией языка.

На страницах периодической печати, в речь образованных людей «потоком хлынули» жаргонизмы, просторечные элементы и другие внелитературные средства: *бабки, баксы, причинить,*

бухать, кайф, балдеж, отстегивать. Общеупотребительными в официальной речи стали слова *тусовка, разборка, беспредел*.

«Непечатное», ругательное слово сегодня можно встретить на страницах независимых газет, свободных изданий.

Не менее яркой чертой нашего сегодняшнего времени считается «иностранизация» русского языка, то есть засорение речи заимствованиями: *модератор* (ведущий), *джус* (сок), *сленг* (жаргон), *паблисити* (реклама), *дисплей* (экран).

С одной стороны, заимствования обогащают речь, придают ей большую точность, с другой стороны, засоряют речь, делают ее не для всех понятной.

К утрате выразительности приводит неумеренное использование в речи определенных слов, которые начинают восприниматься как штампы: *в контексте, в формате, главный* (основной, первый) *приоритет, позиционировать*. К штампам относятся устойчивые словосочетания публичной речи типа *включиться в борьбу, принять меры, проявить инициативу, усилить внимание, держать в поле зрения, на сегодняшний день*; постоянные определения: задачи – *основные*, сведения – *имеющиеся*, угрозы – *реальные*, меры – *действенные*, критика – *резкая*, размах – *широкий* и др.

Надо заметить, что многие из словесных шаблонов в своих новых употреблениях могли отличаться образностью, эмоциональностью. Но от частого употребления они «стерлись» и стали не только безликими, но и бессмысленными. Например, *получить постоянную прописку, быть в постоянном поиске, пульс планеты, горячая точка и т. п.* [2: 78]

Конечно же, одной из главных проблем речевой культуры является безграмотность: в повседневных коммуникациях орфографические, пунктуационные, стилистические ошибки становятся нормой. Состояние современного русского языка (расшатывание традиционных литературных норм, вульгаризация, жаргонизация, бюрократизация языка и речи, немотивированная замена русских слов иноязычными, элементарная безграмотность) вызывает беспокойство не только специалистов-филологов, но и представителей других наук, чья профессиональная деятельность связана с речевым общением. Назрела необходимость возрождения непрерывной языковой подготовки людей на всех ступенях образования, от начального до высшего. С позиции лингвоэкологии должно быть осмыслено новое отношение к культуре языка от уровня бытового общения и до состояния литературного языка в целом.

Наш язык – это и общее национальное достояние, и личное достоинство каждого человека. Любить язык – значит беречь, знать и развивать его.

Литература:

1. Введенская Л.А., Павлова Л.Г., Кашаева Е.Ю. Русский язык и культура речи. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 2012. – 539 с.
2. Козырев В.А., Черняк В.Д. Современная языковая ситуация и культура речи. – М.: Флинта, Наука, 2012. – 180 с.
3. Кормилицына М.А., Сиротинина О.Б. Язык СМИ: учебное пособие. – М.: Флинта, Наука, 2017. – 89 с.
4. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. – М.: АСТ-Пресс, 2011. – 187 с.
5. Скворцов Л.И. Экология языка, или поговорим о культуре речи. – М.: Просвещение, 1996. – 158 с.
6. Харченко В.К. О языке, достойном человека. Учебное пособие. – М.: Флинта, Наука, 2010. – 156 с.

© Гирфанова Г.Р., 2026

УДК 811.531

Глухова С. П.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Карабаев М.И.,***
канд. филол. наук, доцент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

ИДЕОФОНЫ В КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ: ФУНКЦИИ И КЛАССИФИКАЦИЯ

Корейский язык отличается высокой степенью образности и экспрессивности. Одним из ключевых средств создания этой образности являются идеофоны – особый класс слов, передающих впечатления от звуков, движений, форм, состояний и ощущений. В отличие от обычной лексики,

идеофоны тесно связаны с чувственным восприятием мира и нередко обладают иконической природой, то есть их звучание ассоциативно связано со значением.

Актуальность изучения идеофонов обусловлена их высокой частотностью в современном корейском языке, а также трудностями, которые они представляют для изучающих язык как иностранный и для переводчиков. Идеофоны плохо поддаются дословному переводу и часто требуют описательных или адаптационных стратегий. В лингвистике идеофоны рассматриваются как универсальное, но по-разному реализуемое явление. В корейском языке они образуют разветвлённую и продуктивную систему, что делает их важным объектом исследования.

Первые наблюдения над словами изобразительного характера встречаются ещё в трудах по классической филологии, однако как самостоятельный объект лингвистического анализа идеофоны были выделены значительно позже. Сам термин «идеофон» был введён в научный оборот в начале XX века, прежде всего в работах по африканским языкам. Существенный вклад в разработку понятия внёс К. Доке, который в 1935 году описал идеофоны как особый класс слов, передающих «яркие сенсорные образы» [1, с. 361].

В корейском языкознании идеофоны начали систематически изучаться во второй половине XX века [6, с. 4]. Изначально они рассматривались преимущественно в рамках звукоподражательной лексики, однако со временем исследователи пришли к выводу о необходимости разграничения чисто звукоподражательных слов и звукосимволических единиц.

С точки зрения исторического развития, идеофоны относятся к древним слоям лексики. Их возникновение связано с первичными механизмами номинации, когда звук служил непосредственным средством отражения окружающей действительности. Многие корейские идеофоны имеют архаичное происхождение и сохраняют устойчивую форму на протяжении длительного времени.

Термин «идеофон» используется для обозначения слов, которые непосредственно воспроизводят или символически передают чувственные впечатления. Для корейского языка характерно традиционное деление идеофонов на две основные группы:

의성어 – звукоподражательные слова, имитирующие реальные звуки;

의태어 – звукосимволические слова, передающие образы, движения, состояния и характеристики, не обязательно связанные с реальными звуками или могут не издавать их [4].

Звукоподражательные идеофоны передающие звуки реального мира также могут разделяться на подгруппы, основанные на «источнике» звука:

- Звуки природы: 졸졸(журчание ручейка), 후두두(звук падения крупных капель дождя или града), 우르릉(раскат грома), 주룩주룩(сильный дождь);
- Звуки человека: 하하하(смех), 짝짝(щелканье языком), 콜록콜록(кашель), 흑흑(плачь);
- Звуки животных: 멍멍(лай собаки), 야옹(мяуканье кошки), 짹짹(чириканье птицы), 꿀꿀(хрюканье свиньи);
- Звуки предметов и механизмов: 똑똑(стук в дверь), 부릉부릉(заведение двигателя), 똑딱똑딱(тиканье часов), 따르릉(звонок телефона/сигнал велосипеда/сигнализация).

Следует отметить, что 의성어 в корейском языке отличается высокой степенью фонетической выразительности. Часто они строятся на основе повторения слогов, что усиливает ощущение непрерывности или повторяемости звука. Кроме того, фонетический состав таких слов может варьироваться в зависимости от силы, интенсивности или характера звучания. Например, небольшие изменения согласных или гласных могут передавать различия между мягким и резким звуком, слабым или громким воздействием. Таким образом, 의성어 выполняют не только номинативную функцию, но и обладают значительным изобразительным потенциалом.

В противоположность им, 의태어 направлены не на воспроизведение звуков, а на передачу зрительных, кинетических или эмоциональных образов. Эти слова описывают характер движения, внешний вид предметов, состояние объектов или особенности поведения живых существ. 의태어, как и 의성어 также имеют свою классификацию на подтипы:

- Движение: 살금살금(идти крадучись), 또각또각(стук каблуков), 뒤뚱뒤뚱(ковылять, хромать), 벌덕(быстро вставать);
- Внешний вид и форма: 반짝반짝(сверкающий, блестящий), 반들반들(блестящая, глянцевая поверхность), 깜빡깜빡(мерцание/мигание света), 알록달록(разноцветный);
- Физическое состояние: 후들후들(дрожать от холода или страха), 방글방글(широко улыбаться, сиять), 푸석푸석(что-то сухое и хрупкое) , 말랑말랑(что-то мягкое и нежное);
- Психоэмоциональное состояние: 두근두근(сердцебиение при страхе или предвкушении), 울먹울먹(сдерживать слезы), 벌벌(дрожать как осиновый лист от страха или холода), 아슬아슬(нервы на пределе/леденящий душу страх) [5].

Следует подчеркнуть, что различие между 의성어 и 의태어 основано главным образом на типе отражаемой реальности. 의성어 ориентированы на звуковое воспроизведение, тогда как 의태어 передают визуальные и кинетические характеристики. Однако на практике граница между этими категориями не всегда является чёткой. Некоторые слова могут одновременно вызывать ассоциации и со звуком, и с образом движения или состояния. В подобных случаях классификация зависит от того, какое значение считается основным в конкретном употреблении.

Функции 의태어 и 의성어 можно рассматривать на нескольких уровнях: семантическом, экспрессивном, прагматическом и когнитивном.

Одной из базовых функций идеофонов является уточнение значения действия или состояния. В отличие от нейтральных наречий, 의태어 и 의성어 не просто указывают на факт действия, но передают его качественные характеристики – интенсивность, способ выполнения, длительность или эмоциональный оттенок.

Особенно выражена эта функция у 의태어, поскольку они позволяют описывать движения, внешний вид и состояния объектов с высокой степенью детализации. Например, различные миметические слова способны разграничивать нюансы движения (медленное, осторожное, резкое, неуклюжее), которые в других языках требуют развернутого описания. Исследования семантики корейских миметических и звукоподражательных слов показывают, что такие единицы часто отражают градацию значений и тонкие различия в характеристиках действия или состояния. [2, с. 791]

Идеофоны играют важную роль в выражении субъективной оценки и эмоционального отношения говорящего. Использование 의태어 и 의성어 делает высказывание менее нейтральным и усиливает эмоциональное воздействие на адресата.

Исследования показывают, что такие слова формируют эмоционально насыщенные впечатления и способствуют более живому восприятию текста или речи. В частности, в корейском языке идеофоны активно используются для передачи эмоциональных состояний, настроения сцены или отношения говорящего к происходящему [3]. Благодаря этому они становятся важным средством художественной выразительности.

С прагматической точки зрения идеофоны регулируют степень формальности и эмоциональной близости в коммуникации. Их активное употребление характерно для разговорной речи, художественных текстов, вебтунов и медийных форматов, где важна непосредственность и выразительность общения.

Использование 의태어 и 의성어 создаёт эффект живой речи и способствует установлению эмоционального контакта между говорящим и слушателем. В то же время в официальных и научных текстах их употребление ограничено, поскольку они воспринимаются как стилистически маркированные элементы.

С точки зрения когнитивной лингвистики идеофоны отражают связь языка с сенсорным опытом человека. Они активируют зрительные, слуховые и кинетические представления, облегчая понимание и запоминание информации. Именно поэтому идеофоны широко используются в детской речи и в обучении корейскому языку как иностранному.

Кроме того, 의태어 и 의성어 обладают важной грамматической особенностью. Они часто функционируют как обстоятельственные элементы и употребляются вместе с глаголами, описывая

способ выполнения действия. Нередко такие слова сопровождаются вспомогательными глаголами 하다 или употребляются в адвербиальной форме, что позволяет интегрировать их в структуру предложения. Благодаря этому идеофоны становятся гибким инструментом выражения оттенков значения и помогают более точно передавать характер происходящего.

Таким образом, 의성어 и 의태어 представляют собой два взаимосвязанных, но семантически различных типа корейских идеофонов. Первые направлены на воспроизведение звуковой картины мира, вторые – на создание образного описания движения, состояния и внешнего вида. Их активное использование отражает стремление корейского языка к высокой изобразительности и эмоциональной насыщенности речи, что делает идеофоны важной частью его лексической системы.

Литература:

1. Иванов, В. А. Семантическая типология идеофонов и фоносемантическая проблематика (на материале финно-угорских языков) / В. А. Иванов // Актуальные проблемы языкознания. – 2021. – Т. 1, № 10. – С. 361-366.

2. Dilorom, K. Semantic Features of Onomatopoeic and Mimetic Words in the Korean Language / K. Dilorom // Central Asian Journal of Literature, Philosophy and Culture. – 2025. – Т. 6, № 4. – С. 788-793.

3. Knock, knock! The great success of ideophones in Korean journalism // International Institute for Asian Studies : сайт. – URL: https://www.iias.asia/the-newsletter/article/knock-knock-great-success-ideophones-korean-journalism

4. Korean Onomatopoeia: 80+ Sounds And Mimetic Words [Guide] // Lingopie URL: https://lingopie.com/blog/korean-onomatopoeia/

5. Korean Onomatopoeia: A Guide to Expressive Sounds in Korean // Learn Korean For Free URL: https://learnkoreanforfree.com/korean-onomatopoeia/#animals

6. 김홍매. "한국어 학습자를 위한 의성·의태어 연구." 국내석사학위논문 영남대학교 대학원, 2015. 경상북도

© Глухова С.П., 2026

УДК 811.581:395

Гриценко И. М.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Султанова З.А.,***
канд. филол. наук, ст.преп. УУНиТ,
г. Уфа, Россия

ТЕРМИНОЛОГИЯ ЭТИКЕТА В КИТАЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Этикетная лексика является важнейшей составляющей любого национального языка, поскольку именно в ней отражаются культурные ценности, социальная иерархия и особенности межличностной коммуникации. Китайское общество на протяжении тысячелетий формировало сложную систему правил поведения и речевого общения, что нашло прямое отражение в языке. Терминология этикета в китайском языке представляет собой многослойный пласт лексики, который включает как традиционные формулы, связанные с конфуцианскими нормами, так и современные единицы, возникшие под влиянием глобализации и социальных изменений. Актуальность исследования обусловлена необходимостью системного описания указанной терминологии в диахроническом и синхроническом аспектах, поскольку без понимания этикетных терминов невозможно полноценное межкультурное общение с носителями китайского языка. Цель настоящей работы – выявить основные группы этикетной терминологии в китайском языке, проследить трансформацию традиционных форм и охарактеризовать современные тенденции в данной сфере.

Проблемы китайского речевого этикета рассматривались в трудах российских китаеведов В.М. Алексеева, В.И. Горелова, И.В. Кочергина, О.И. Завьяловой, а также в работах зарубежных исследователей, прежде всего китайских лингвистов Чэнь Сунцэня, Лю Хунган, Чжао Юаньжэня. Значительный вклад в изучение терминов обращения внесли работы Цюй Яньли и Чжу Ваньсиня.

Однако большинство существующих исследований сосредоточены либо на описании отдельных этикетных формул, либо на практических рекомендациях по употреблению вежливых выражений. Комплексного терминологического анализа, который бы объединял традиционный и современный пласты этикетной лексики, до настоящего времени не проводилось. Теоретическую базу настоящего исследования составили работы по лингвокультурологии (В.Н. Телия, В.В. Воробьёв), терминоведению (С.В. Гринев – Гриневич, В.П. Даниленко) и китайскому языкознанию (В.М. Солнцев, А.Л. Семанас).

В основу исследования положен комплексный подход. Материалом послужили лексикографические источники (толковые словари китайского языка «Синьхуа цыдянь», «Сяньдай ханьюй цыдянь», специализированные словари речевого этикета), тексты художественной литературы XX–XXI веков, материалы китайских средств массовой информации, а также данные полевых наблюдений и опросов информантов. В ходе исследования применялся комплекс методов: описательный, компонентного анализа, сопоставительный (обеспечивший сравнение традиционных терминов с современными), а также элементы этимологического анализа. Помимо этого, использовались методы классификации и систематизации. Общий объём проанализированного материала составил около 200 лексических единиц (терминов и этикетных формул).

Проведённый анализ позволил выделить несколько основных тематических групп в терминологии китайского этикета. Первая и наиболее объёмная группа – термины обращения. Традиционная система обращений в китайском языке строилась на строгой иерархии, отражающей возраст, социальное положение, степень родства и характер отношений между говорящими. Ключевыми терминами здесь являются: 先生 (xiānshēng) – «господин, учитель», 女士 (nǚshì) – «госпожа», 同志 (tóngzhì) – «товарищ» (широко распространён в середине XX века), 老师 (lǎoshī) – «учитель» (используется как уважительное обращение к любому наставнику или старшему по положению), 师**傅** (shīfu) – «мастер» (обращение к человеку рабочей профессии). Особое место занимают термины родственного обращения, которые распространяются и на неродственников: 阿姨 (āyí) – «тётя», 叔叔 (shūshu) – «дядя», 大哥 (dàgē) – «старший брат». В современном китайском языке активно развиваются нейтральные и универсальные обращения, такие как 各位 (gèwèi) – «уважаемые (присутствующие)», 大家 (dàjiā) – «все, уважаемые». Наблюдается тенденция к вытеснению обращения 同志 (tóngzhì) из повседневного общения и расширению сферы употребления обращения 先生/女士 (xiānshēng/nǚshì).

Вторая группа – термины приветствия и прощания. Традиционные формулы приветствия часто были ситуативно обусловлены и включали вопросы о делах, здоровье, приёме пищи: 你吃了吗? (nǐ chī le ma?) – «Ты ел?», 去哪儿? (qù nǎr?) – «Куда идёшь?». Современная норма предполагает нейтральное 你好 (nǐhǎo) – «здравствуй», а также 早上好 (zǎoshang hǎo) – «доброе утро», 晚上好 (wǎnshang hǎo) – «добрый вечер». Традиционное прощание 告辞 (gàocí) – «позвольте откланяться» практически вышло из употребления, уступив место 再见 (zàijiàn) – «до свидания». Сохраняются также формулы 慢走 (màn zǒu) – «идите медленно» (говорит провожающий) и 留步 (liú bù) – «остановитесь, не провожайте» (говорит уходящий).

Третья группа – термины благодарности и извинения. Базовой единицей благодарности является 谢谢 (xièxie) – «спасибо». Более формальный вариант – 感谢 (gǎnxiè) – «благодарю». Для выражения извинения используются 对**不起** (duìbuqǐ), 抱歉 (bàoqiàn) – «извините, прошу прощения», а также 不好意思 (bù hǎoyìsi) – «неудобно, извините» (менее сильное извинение). Интересной особенностью является существование терминов для выражения скромного отказа от похвалы или благодарности: 哪里哪里 (nǎli nǎli) – «что вы, что вы», 不敢当 (bù gǎndāng) – «не осмеливаюсь принять».

Четвёртая группа – термины, связанные с письменным этикетом. В китайских письмах и официальных документах сохраняются традиционные формулы: 尊敬的 (zūnjìng de) – «уважаемый», 此致敬礼 (cǐ zhì jìng lǐ) – «с почтением» (стандартная заключительная формула), 顺颂**商祺** (shùn sòng shāng qí) – «желаю успехов в делах» (для деловой переписки). В электронной коммуникации эти формы постепенно упрощаются, однако полностью не исчезают.

Пятая группа – термины, отражающие социальную иерархию и уничижительно-почтительные формы (谦辞 qiāncí и 敬辞 jìngcí). Это наиболее специфичный пласт китайской этикетной терминологии, не имеющий прямых аналогов в европейских языках. К почтительным терминам (敬辞 jìngcí) относятся: 贵 (guì) – «Ваш» (в составе сложных слов: 贵姓 guìxìng – Ваша фамилия), 令 (lìng) – «Ваш» (令尊 lìngzūn – Ваш отец, 令爱 lìng'ài – Ваша дочь), 高 (gāo) – «высокий, Ваш» (高见 gāojiàn – Ваше мнение). К уничижительным терминам (谦辞 qiāncí), которые говорящий использует по отношению к себе, относятся: 敝 (bì) – «мой скромный» (敝校 bìxiào – моё скромное учебное заведение), 拙 (zhuō) – «мой неумелый» (拙作 zhuōzuò – моё неумелое сочинение), 家 (jiā) – «мой (о старших родственниках)» (家父 jiāfù – мой отец). В современном разговорном языке эти термины используются редко, однако в официально-деловой и письменной речи они сохраняются.

В ходе исследования выявлены основные тенденции развития китайской этикетной терминологии на современном этапе. Первая тенденция – демократизация и упрощение: многие традиционные формы, требовавшие учёта сложной иерархии, заменяются нейтральными универсальными терминами. Вторая тенденция – влияние западной культуры, которое проявляется в появлении калькированных форм (например, использование нейтрального 你好 nǐhǎo вместо традиционных вопросов о еде и делах). Третья тенденция – сохранение традиционных терминов в определённых сферах (письменная речь, обращение к пожилым людям, официальные мероприятия). Четвёртая тенденция – появление новых терминов, связанных с интернет-коммуникацией (например, использование 亲 qīn в интернет-магазинах как фамильярно-вежливое обращение к покупателю).

Обобщая результаты проведённого исследования, можно выделить следующее. Терминология китайского речевого этикета – это сложная, многоуровневая система, в которой тесно переплетены традиционные конфуцианские нормы и современные коммуникативные потребности. Выделены пять основных тематических групп: термины обращения, термины приветствия и прощания, термины благодарности и извинения, термины письменного этикета, уничижительно-почтительные формы. Установлено, что традиционная этикетная терминология базировалась на принципах социальной иерархии, возрастного старшинства и ритуализированной скромности. Современная терминология, сохраняя отдельные элементы традиционной системы, движется в сторону универсализации, упрощения и нейтрализации. Наиболее устойчивыми оказались термины письменного этикета и почтительно-уничижительные формы в официально-деловой сфере. Разговорная речь демонстрирует активное вытеснение традиционных ситуативных формул универсальными единицами. Перспективы дальнейшего исследования видятся в более детальном изучении региональных вариантов китайского этикета (Тайвань, Сингапур, Малайзия), а также в сопоставительном анализе китайской и русской этикетной терминологии, что имеет практическое значение для преподавания китайского языка и подготовки переводчиков.

Литература:

1. Горелов В.И. Стилистика современного китайского языка. – М.: Просвещение, 1991. – 192 с.

2. Завьялова О.И. Большой мир китайского языка // Ин-т Дальнего Востока РАН. – 2014. – № 3. – С. 45 – 52.

3. Кочергин И.В. Очерки лингводидактики китайского языка. – М.: Восточная книга, 2012. – 184 с.

4. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.

5. 陈松岑. 礼貌语言. – 北京: 商务印书馆, 1989.

6. 刘虹. 会话结构分析. – 北京: 北京大学出版社, 2004.

7. 曲彦斌. 中国礼仪文化. – 上海: 上海文艺出版社, 2014.

8. 中国社会科学院语言研究所. 现代汉语词典 (第7版). – 北京: 商务印书馆, 2016.

© Гриценко И.М., 2026

УДК 81'27

Грязева В.П.,
студент УУНиТ,
Научный руководитель - ***Ахмадуллина И.Р.,***
канд. филол. наук, ст. преп. УУНиТ,
г. Уфа, Россия

РОЛЬ АЗИАТСКИХ ДОРАМ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ МОТИВАЦИИ И ТУРИСТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ

Дорама – это общее название телесериалов производимых и выпускаемых в странах Восточной Азии (Китай, Южная Корея, Япония, Таиланд и другие) [6: Литнет].

Термин «дорама» появился в 20 веке, когда в Японии стало развиваться отечественное кинопроизводство. Дорама – японский аналог английского слова «драма», которое обозначает жанр, формирующийся вокруг жизненных переживаний и человеческих отношений.

Феномен распространения азиатского медиаконтента за пределами стран-производителей приобрел глобальный масштаб в последнее два десятилетие. Если «корейская волна Халлю» стала предметом академического анализа с конца 1990-х годов, то стремительный рост популярности китайских сериалов (C-drama) в странах Юго-Восточной Азии и всего мира представляет собой относительно новое явление, требующее более детального изучения.

Согласно данным сингапурского медиаканала CNA [1: CNA], представитель китайского стримингового гиганта iQiyi объяснил, что рост популярности китайских стриминговых сервисов способствовал увеличению потребления китайских дорам. Согласно отчету компании, в 2023 году доля китайских дорам достигла 20% от всего стримингового просмотра в пяти странах Юго-Восточной Азии. Также компания заявила, что количество онлайн-запросов по китайским дорамам ежегодно растет в течении последних пяти лет и «в последнее время начало подавать признаки превышения количества запросов по корейским дорамам».

Одним из крупнейших регионов по просмотру корейских дорам является Латинская Америка [5: Волна с востока]. В Бразилии ими интересуются 19% домохозяйств с интернетом, в Эквадоре – 28% и в Перу – 27%. Так Латинская Америка стала вторым регионом за пределами Азии, где дорамы основательно закрепились. Параллельно исследователи фиксируют устойчивую взаимосвязь между потреблением корейского аудиовизуального контента и ростом интереса к корейскому языку, причём дорамы и K-pop оцениваются как наиболее значимые мотивационные факторы.

Дорамы снимаются по принципу конструктора: понятная архитектура деталей, классическая литературная форма, никаких сюрпризов. Почему же они стали настолько популярными? Основная причина заключается в многогранности и способности вызывать сильные эмоции у зрителя. Дорамы дарят эффект погружения в иную реальность, позволяя вместе с персонажами проживать целый спектр чувств: от восторга до душевной боли. Успех также обеспечивают харизматичные актёры, безупречная работа операторов и саундтреки от звёздных исполнителей. Также на всемирную известность повлияло появление стриминговых платформ, таких как Netflix. В 2021 году экспорт культурного контента принёс одной лишь Южной Корее почти 12,5 млрд долларов.

Ключевое отличие корейских дорам от сериалов других стран – в особой системе работы. Сценарий пишет один автор под руководством одного режиссёра, что даёт проекту единый стиль. Правки вносятся вплоть до последних эпизодов – в отличие от традиционного подхода. Это не только экономит бюджет, но и позволяет зрителям напрямую влиять на сюжет: студии через интернет собирают обратную связь и меняют сценарий за считанные минуты до съёмок. Такая практика существует только в Южной Корее и уникальна для мирового кинопроизводства [3: Forbes].

Сегодня дорамы снимают во всех жанрах – от любовных историй до исторических эпосов и хорроров, для людей любых возрастов. В Южной Корее производство и экспорт дорам поддерживается на государственном уровне – как часть стратегии по усилению культурного влияния страны в мире.

После просмотра дорам формируется так называемое «цепное потребление»: начальный интерес к сериалам закономерно порождает интерес к другим аспектам культуры – кухне, моде, традиционным праздникам, туристическим локациям и, в конечном счёте, к языку как ключевому элементу культурного кода.

Для понимания того, как развлекательный контент влияет на лингвистическую мотивацию необходимо изучить весь процесс. Главное – это степень погруженности в сюжет дорамы и

понимание реалистичности происходящего. Эти факторы создают у зрителя романтизированное представление о стране и её жителях, что и побуждает посетить представленную страну и изучить язык. Это объясняет, почему не любой просмотр иностранного контента приводит к формированию лингвистического интереса, а лишь тот, который сопровождается эмоциональным вовлечением. Другими словами, зритель не просто наблюдает за событиями – он формирует эмоциональную связь с медийным образом страны, что приводит к мысли: «я хочу понимать этих людей без посредников (субтитров/перевода)».

Аналогичным образом возможна и обратная организация процесса. Изучение языка на определённом этапе неизбежно приобретает монотонный характер и утрачивает свою привлекательность. Механическое запоминание грамматических правил и лексических единиц вряд ли приведёт к значимым результатам при отсутствии подлинного интереса к культуре и самому языку. Решением данной проблемы могут служить дорамы, которые выполняют функцию дополнительного инструмента поддержания мотивации и контекстного погружения в языковую среду.

Специфика китайского языка, относящегося к тональным языкам, обусловливает особую значимость формирования фонетических навыков у обучающихся. Как отмечают исследователи, русскоязычные учащиеся сталкиваются с существенными трудностями при освоении тональной системы и интонационных моделей китайской речи. Традиционные учебники и учебные пособия практически не содержат материалов, направленных на отработку не столько собственно фонетической системы, сколько интонационного оформления звучащей речи в различных коммуникативных ситуациях. Решению данной проблемы способствуют дорамы, предоставляющие уникальные возможности для языковой практики.

Дорамы выступают богатым источником современной разговорной лексики, включая сленг, идиоматические выражения и неформальные обороты, редко встречающиеся в академических учебных материалах. Именно посредством обращения к образцам популярной культуры учащиеся получают доступ к языку в его естественном, повседневном функционировании, характерном для носителей, а не к стилизованному, «учебному» варианту языка.

Кроме того, в современных дорамах отражаются процессы глобализации, в том числе активное проникновение англицизмов, употребление сленга и явление код-свитчинга (переключения между языковыми кодами), что позволяет сформировать представление о реальном, гибридном характере современной языковой ситуации в Азии.

Самым ярким примером лингвистической мотивации можно назвать дораму «Игра в Кальмара» (2021). После выхода сериала резко вырос интерес к корейскому языку. Duolingo зафиксировал всплеск изучения корейского языка в США, Европе, Индии и Латинской Америке. В 2025 году корейский язык, обогнал немецкий и итальянский по популярности, став один из самых изучаемых на платформе [2: Dailynews].

За последние десять лет туристический поток в страны Юго-Восточной Азии, включая Китай и Южную Корею, заметно вырос. И во многом это связано с популярностью дорам. Они формируют привлекательный образ страны, популяризируют местную культуру, кухню и конкретные локации, превращая съемочные площадки в знаковые достопримечательности. И результатом этого становится увеличение потока иностранных туристов.

Южная Корея переживает небывалый туристический бум, став самым быстрорастущим туристическим направлением в мире [7: Турпром]. В 2024 году страну посетило более 16 миллионов человек, что на 48,4% больше, чем годом ранее. Представитель туркомпании InsideAsia сообщил, что интерес к Корее резко возрос ещё в 2024 году и продолжает расти в 2025-м. Он называет это направление самым динамично развивающимся в компании. Причина, по его словам, – влияние K-культуры, которая «знакомит людей с возможностями страны и мотивирует их поехать и увидеть всё своими глазами».

Исследование, проведённое среди китайской аудитории, выявило, что наибольшее влияние на намерение посетить Южную Корею оказывают именно дорамы, опережая по этому показателю K-pop и другие элементы Халлю. Корейские туристические организации активно используют места съёмок дорам в качестве туристических достопримечательностей, разрабатывая тематические маршруты.

Наиболее ярким примером влияния китайской дорамы на туристическую активность является восьмисерийный сериал «Мой Алтай» (我的阿勒泰), снятый в Синьцзян-Уйгурском автономном районе [4: Большая Азия]. В мае 2024 года его показали на Центральном телевидении Китая, после чего регион стал настоящей туристической Меккой. По данным администрации округа Алтай сразу после выхода сериала, регион посетило более 2,5 миллионов туристов, что на 80% больше по

сравнению с аналогичным периодом предыдущего года. Доходы туристической индустрии выросли почти вдвое. Важно, что реакция отдела культуры и туризма администрации Алтайского округа на успех дорамы была мгновенной и оперативной. Специалисты создали сразу четыре маршрута для путешественников, каждый из которых связан с событиями сериала. Кроме того, в туристическую программу включили казахское народное искусство ортеке.

Стоит отметить, что в китайском контексте эффект имеет не только «внешнее» влияние (привлечение иностранных туристов), но и «внутреннее»: как показано на примере Алтая и других регионов, дорамы стимулируют внутренний туризм внутри самого Китая. Это связано с масштабами китайской аудитории и растущим качеством национального кинопродукта.

Таким образом, дорамы несомненного вызывают значительную лингвистическую мотивацию. Они способствуют формированию широкого спектра языковых компетенций: фонетических и просодических навыков, лексического запаса, лингвокультурной компетенции и социолингвистической вариативности. В сфере туристической активности наиболее ярко проявляется феномен «медиатуризма» – посещение мест съёмок популярных сериалов. Китайский пример, «Мой Алтай», показывает, что дорамы могут стимулировать не только въездной, но и внутренний туризм, способствуя развитию региональной экономики. Но эффективность культурного влияния зависит от множества факторов, среди которых можно выделить качество локализации (перевод и дубляж), степень эмоционального вовлечения и оперативность реагирования туристических организаций к растущему интересу. При этом, стоит учитывать, что в дорамах портрет часто романтизируется и сформировавшиеся ожидания от путешествия могут сильно отличаться от реальности.

Литература:

1. CNA. (2025). China Power: C-drama fever sweeps Southeast Asia, with shows dominating screens and hearts. Channel News Asia.

2. Dailynews. Duolingo 2025: Японский и корейский поднимаются в топе, английский остаётся глобальным лидером.

3. Forbes. (2023). От драмы – к дораме: в чем феномен корейских сериалов. https://www.forbes.ru/forbeslife/496098-ot-dramy-k-dorame-v-cem-fenomen-korejskih-serialov.

4. Большая Азия. (2024). Новый сериал превратил китайский округ Алтай в туристическую Мекку.

5. Волна с востока. (2025). Выпуск №18 «Волна дорам: эмоции как экспортный продукт». https://volnasvostoka.ru/.

6. Литнет. (2025). Феномен дорамы: как (и почему) азиатские сериалы захватили весь мир. https://blog.litnet.com/dorama.

7. Турпром. (2025). Дорама-туризм: как корейская волна захлестнула мир, и что это значит для Южной Кореи? https://www.tourprom.ru/news/78155/.

© Грязева В.П., 2026

УДК 070

Гумеров Б.
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Мустафина Р. Д.***
канд. филол. наук, доцент УУНиТ
г. Уфа, Россия

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН

В Республике Башкортостан проживает множество народов: башкиры, татары, русские, чуваши, удмурты, белорусы и многие другие. Автохтонным народом являются башкиры, поэтому именно его лидеры в годы освободительной борьбы стремились придать башкирскому языку статус государственного. В 1921 году башкирский язык приобрёл официальный статус наравне с русским в БАССР. После «парада суверенитетов» и распада СССР в Республике Башкортостан, согласно Конституции, башкирский язык является государственным.

Согласно 54-й статье нынешней Конституции, государство гарантирует равные права на сохранение родного языка народам, проживающим на её территории, создаёт возможности для его

свободного изучения и развития. В связи с этим на территории Республики действует издательская деятельность: издательства публикуют книги, газеты, журналы и многое другое на башкирском языке.

Ведущую роль в книгоиздании на башкирском языке играет издательство «Китап» имени Зайнаб Биишевой, действующее с 1919 года. Оно принимало участие в формировании башкирского литературного языка, издавало башкирские произведения, которые впоследствии были признаны классикой. Издательство занимается изданием произведений устного народного творчества (эпосы «Урал-батыр» и «Акбузат»), публикует художественные произведения таких авторов, как Мажит Гафури, Шайхзада Бабич, Рами Гарипов, Хадия Давлетшина, Зайнаб Биишева и других. Тем самым сохраняется огромный пласт башкирского народного и авторского творчества.

Издательство придает большое значение переводам на башкирский язык произведений русских классиков, таких как А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, Н. В. Гоголь и многих других. Кроме того издаются произведения башкирских поэтов на русском языке. Благодаря этому есть возможность прочитать эпос «Урал-батыр» и роман Хадии Давлетшиной «Иргиз» на русском языке. Таким образом, башкирское население получило возможность изучать ранее недоступные произведения на родном языке, а русскоязычное население – приобщиться к башкирской культуре. Всё это положительно сказывается на общем уровне образованности в стране, сближает разные культуры, сохраняет дружественные отношения между башкирским и русским народами.

Стоит отметить, что Правительство Республики Башкортостан является учредителем многих газет и журналов, которые ведут деятельность на башкирском языке. К таким периодическим изданиям можно отнести «Йәншишмә», «Йәшлек», «Башкортостан», «Акбуҙат», «Аманат», «Ағиҙел» и многие другие. В районах выходят местные газеты, учредителями которых являются администрации городов и районов. В газетах, как правило, освещаются актуальные новости, а в журналах освещаются культурные достижения Республики. Все эти издания обеспечивают доступность информации для башкирского населения региона, что способствует сохранению и развитию башкирского языка и культуры в Республике Башкортостан.

Издательства, выпускающие книги и периодические издания на башкирском языке, создают возможности для свободного изучения и развития родного языка. Они вносят неоценимый вклад в сохранение памяти народа, потому что именно язык главным образом определяет национальную принадлежность человека, объединяет и защищает каждый этнос, несёт в себе информацию о культурных особенностях народа.

Литература:

1. Искужина Н.Г. Статус башкирского языка в Конституциях Руспублики Башкортостан, Магнитогорск, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, Институт археологии РАН, 2009 год, 9 стр

2. Ярмуллина А.З. Реализация закона о государственных языках в БАССР в 1920-е гг., Барнаул, Алтайский гоусударственный университет, 2007 год, 4 стр.

©Гумеров Б., 2026

УДК 811.58

Гумерова А.Р.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Карабаев М.И.,***
канд. филол. наук, доцент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

ВЛИЯНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ НА ПОПОЛНЕНИЕ ЛЕКСИКИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Иностранные заимствования в современном китайском языке широко распространены и играют значительную роль в его лексике. Эти заимствования происходят из различных языков, таких как английский, русский, японский и другие. Влияние иностранных языков является одним из ключевых факторов пополнения словарного состава современного китайского языка. Контакты с другими культурами, международная торговля, образование, интернет-коммуникация и глобальные медиа

способствовали активному проникновению заимствований в китайскую лексику. Эти процессы затронули как фонетику и словообразование, так и семантику, и стилистическую окраску слов.

Наверно, любой язык переживает такой этап развития, когда он перенимает что-либо у других языков. Китайский язык не стал исключением. Он со своей богатой и древней историей в течение долгого времени заимствовал большое количество иноязычных элементов, которые постепенно стали «китаизироваться». Это привело к новым способам образования лексических заимствований в китайском языке. Вот некоторые из них, которые приводит нам А.Л. Семенас в своей статье «Особенности лексических заимствований в китайском языке»:

1. Фонетический способ (音译) yīn yì, при фонетическом заимствовании иностранное слово передаётся с помощью иероглифов, приближенно воспроизводящих его звучание: 摩托mó tuō – мотор, 苏打sū dǎ – сода, 起司qǐ sī – сыр (cheese), 沙发 shāfā – диван (sofa), 咖啡 kā fēi – кофе (coffee), 巧克力qiǎo kè lì – шоколад (chocolate), 汉堡 hàn bǎo – бургер (hamburger)

В повседневной речи носителей такие слова полностью интегрированы в язык:

A: 今天喝什么？Jīn tiān hē shén me?

«Что будем пить сегодня?»

B: 我想喝咖啡，不想喝茶。Wǒ xiǎng hē kā fēi, bù xiǎng hē chá.

«Я хочу кофе, не хочу чай».

Слово 咖啡 уже не воспринимается как иностранное, оно полностью освоено китайской фонетической системой.

2. Фонетическое заимствование + китайская морфема: содовая вода – 苏打水 sū dǎ shuǐ, кукла Барби – 芭比娃娃bā bǐ wá wa

3. Семантическое заимствование + фонетическое заимствование. (意译) yì yì, при семантическом заимствовании иностранное понятие передаётся через перевод его смысла: Новая Зеландия – 新西兰xīn xī lán, Новосибирск – 新西伯利亚xīn xī bó lì yà, мороженое – 冰激凌/冰淇淋 bīng jī líng/bīng qí lín, 电脑 diàn nǎo – компьютер (букв. «электронный мозг»), 电话 diàn huà – телефон (букв. «электрическая речь»),软件ruǎn jiàn – «программное обеспечение» (букв. «мягкие компоненты»).

Пример живого диалога:

A: 你电脑怎么这么慢？Nǐ diànnǎo zěnme zhème màn?

«Почему у тебя компьютер такой медленный?»

B: 可能软件太多了。Kěnéng ruǎnjiàn tài duō le.

«Наверное, слишком много программ».

Здесь видно, что новые технические понятия были не просто заимствованы, а осмысленно встроены в китайскую словообразовательную систему.

4. Соединение двух первичных лексем по способу сложения: лошадиная сила – 马力mǎ lì, супермен – 超人 chāo rén

5. Фонетическое заимствование + родовой компонент / классифицирующая морфема: сардины – 沙丁鱼 shā dīng yú, балет – 芭蕾舞 bā lěi wǔ, салон – 沙龙shā lóng. Для обозначения этого слова используют приближённые по звучанию иероглифы 沙shā – песок и龙lóng – дракон. И хотя эти значения не имеют ничего общего со словом «салон», но они участвуют в звуковой передаче этого самого слова. Есть и другие слова, работающие по такому же принципу, это: 沙发 [shāfā] софа или диван, 布丁[bù dīng] пудинг, 比萨 [bǐ sà] pizza пицца, 皮□克 [pí jiā kè] кожаная куртка, пиджак, 吉他 [jítā] guitar гитара, 扑克 [pū ke] poker покер.

Многие современные термины попали в китайский язык опосредованно через японский, особенно в области науки, философии и политики. Представители китайской интеллектуальной элиты и социальные реформаторы, проживавшие и учившиеся в Японии, перенесли эти заимствования в китайский язык. Слова сохранили своё японское написание, но получили китайское произношение. Например, слово 经济 (jīng jì) по-японски означало «деятельность государства», но со

временем сузилось до «экономики». Это суженное определение затем было повторно импортировано в китайский язык. Помимо этого, также нельзя обойти стороной и такие слова: 文化 (wén huà) – культура, 社会 (shè huì) – общество, 革命 (gé mìng) – революция. Эти слова сегодня воспринимаются как исконно китайские, хотя их современное значение сформировалось под влиянием перевода западных понятий через японский язык.

Фонетические заимствования могут иметь как односложные, так и многосложные формы. Однако количество односложных заимствований ограничено из-за большого числа омонимов в китайском языке. Современный китайский язык содержит всего около 400 слогов (без учёта тоновых различий). При создании новых слов важно, чтобы они были простыми и понятными. Конкретно нас интересует чистое фонетическое заимствование «пай» (англ. pie – пирог). От него образовались производные уточняющие слова такие как: 水果派(水果фрукты+派пирог) «фруктовый пирог». 平果派 (平果яблоко +派пирог) «яблочный пирог». Пай (англ. pie) давно вошло в привычный обиход и даже было включено в словари иностранных слов, изданных на Тайване.

Также в другой его работе «…выясняется, что среди употребляемых слов есть и исконно китайские, есть и заимствования, есть и такие, которые являются межстилевыми, и такие, которые употребляются в определенном стиле речи, например:

妻子(qīzi) «жена» нейтральный стиль

夫人 (fūrén) «супруга» официальный стиль

太太(tàitài) «госпожа», «супруга», «супружница»

老婆 (lǎopó) «баба» (о жене) просторечие

牵手 (qiān shǒu) (букв. «вести за руку»), «та, которую ведут за руку по жизни», т.е. «жена» (употребляется на Тайване).

Волосова В.М. пишет, что «Тайваньская культура также оказывает большое влияние на Китай и китайскую молодёжь в частности. Эта тесная связь находит свое отражение и в языке молодежи, которая активно заимствует тайваньские сленгизмы. Достаточно распространены такие слова как: «男票 (nán piào): бойфренд; «女票(nǚpiào): подруга; «大咖 (dàkā): крутой, блатной, человек с большой буквой в какой-то сфере»; 达人(dárén): крутой, оригинальный»; 夜店 (yèdiàn): ночной клуб» и пр.

В интернет общении также встречаем записанные иероглифами английские слова, активно используемые собеседниками:

古耐 (gǔ nài) 描宁 (miáo níng) 哈皮 (hāpí) 哈喽 (hā lóu) 粉丝 (fěn sī) и многие другие

Влияние иностранных языков приводит к следующим изменениям:

1. Увеличение доли двусложных и многосложных слов.
2. Расширение словообразовательных моделей (гибридные конструкции).
3. Формирование новой стилистической дифференциации (официальная vs интернет-речь).
4. Ослабление пуристических тенденций в современной разговорной речи

Поэтому, иностранные языки, прежде всего английский, стали мощным источником обновления китайской лексики. Заимствования не просто копируются, а адаптируются, переосмысливаются и интегрируются в существующую морфологическую и синтаксическую систему. Это отражает динамичный характер китайского языка, который сохраняет структурную устойчивость, одновременно активно реагируя на процессы глобализации и межкультурной коммуникации.

Подводя итоги можно сказать, что использование иностранных заимствований в китайском языке может быть как положительным, так и отрицательным явлением. С одной стороны, заимствования обогащают лексический запас языка и отражают влияние иностранных культур. С другой стороны, они иногда могут привести к потере уникальности и аутентичности китайской лексики.

В целом, иностранные заимствования играют важную роль в современном китайском языке и отражают процессы глобализации и культурного обмена. Изучение этих заимствований помогает лучше понять современную китайскую лингвистику и ее взаимодействие с другими языками.

Литература:

1. Алемасов Д. Самозаимствования в китайском языке. –http://www.daochinasite.com. [дата обращения 18.04.2026]

2. Волосова М.В. Иностранные слова в китайском молодежном сленге // Язык. Словесность. Культура. 2017. Т. 7. No 6. – С. 19-26.

3. Завьялова О.И. Большой мир китайского языка. / О.И. Завьялова. – 2-е изд – М.: Восточная книга, 2014. – 115 с.

4. Лавренюк Е.В. «Неологизмы в современном китайском языке» – 2016

5. Ли Бин Заимствование как способ пополнения лексического состава современного китайского языка, 2014. – 80 с.

6. Сбоев А.Н. Анализ лексики китайского интернета с точки зрения словообразования, 2015

7. Семенас А.Л. Лексика китайского языка. М.: АСТ; Восток-Запад, 2005. – 310 с.

8. Семенас А.Л. Новые тенденции в развитии китайской лексики: монография / А.Л. Семенас. – М.: Общее и восточное языкознание, 1999. – 312 с.

9. Семенас А.Л. Особенности лексических заимствований в китайском языке // Вопросы языкознания. – 1997. – № 1. – С. 48-57.

10. Хаматова А.А. Анализ иностранных заимствований в современном китайском языке // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке , 2016 - №3. – С. 15-19.

© Гумерова А.Р., 2026

УДК 81.42

Гусейнова Т.С.,
доцент кафедры общего языкознания
Дагестанского государственного педагогического
университета им. Р. Гамзатова,
г. Махачкала, Россия

ЛИЧНОСТЬ АВТОРА В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ ГАЗЕТЫ)

Публицистический дискурс демонстрирует высокую степень субъективности, что, однако, не препятствует достижению аналогичной степени объективности. В процессе формирования дискурса личностный фактор приобретает существенное значение, поскольку он является не только отражением событий, но и их аналитической интерпретацией со стороны журналиста, выступающего в качестве участника. Иначе говоря, дискурс глубоко субъективен, но это не исключает его объективности. Для таких текстов личностный подход актуализируется, так как в такой ситуации детерминируется не только описание фактов, но и их характеризация и систематизация с позиции непосредственного очевидца.

Следовательно, газетные материалы в силу специфика публицистического жанра могут обогащаться различными смыслами, в том числе и культурологическими. Например: «Башни над городом встали» (А.Будберг, А.Белясов, «МК»); «Для кого закон писан?» (ред., «ДП»); «Лебедь, рак и щука прекрасно уживаются на рыбном рынке в Гамбурге» (С.Бутков, А.Филатов, «КП») и др. Это, очевидно, проистекает из особого функционирования мыслительных процессов, которые, как лингвистические единицы, обладают изменяемой информативностью, которая обусловлена авторской трактовкой событий и его языкового мастерства при их описании. В этих и многих других примерах можно наблюдать, как трансформированные устойчивые обороты несут на себе явный отпечаток личности журналиста. Именно эта личностная окраска определяет, как они взаимодействуют с другими частями высказывания. Таким образом, контекст становится той средой, которая позволяет полностью понять структуру и значение фразеологических трансформ.

Анализ современного публицистического дискурса демонстрирует креативносость автора в процессе формирования текстового пространства, которое напрямую связана с образностью его мышления, с тем, как он воспринимает мир, к тому же при описании событий особенно важно, чтобы автор точно и наглядно осмыслил реальность. Это означает, что для понимания его знаков на первый план выходят ясные представления, основанные на его образных картинах, что и придает газетному материалу яркость, четкость, последовательность. «…любой тип дискурса, включая научный и публицистический, является сложным коммуникативным явлением, в основе которого лежит высказывание как предельный сегмент дискурса, обладающий смысловой независимостью и коммуникативной ориентированностью. Процесс порождения дискурса состоит в том, что адресант

произносит соответствующее высказывание-реплику (группу высказываний), и этот процесс является его реакцией на возникшую проблемную ситуацию. Другими словами, в дискурсе происходит взаимодействие между языком и действительностью, которое, в конечном итоге, порождает соответствующее данной ситуации высказывание-реплику, а также способствует усвоению общечеловеческих знаний и миропониманию» [2 :160].

Исследование публицистического дискурса показало, что выразительность фразеологических трансформ снижается по мере их стандартизации и частоты использования. Автор газетного материала, стремясь к яркости описаний, выбирает уникальные когнитивные единицы для передачи особенных смыслов. Журналист в своих публикациях сознательно или интуитивно избегает шаблонных устойчивых универсальных конструкций при стремлении к выразительности: «Лес рубят – центы летят» (И.Ленский, «Правда»); «Лес рубят – щепки летят?» (Г.Мишин, А.Шестак, А.Ларин, «КП»); «На дядю надейся, а сам не плошай» (А.Магомедов, «ДП») и др. Как можно наблюдать на примере приведенных заголовочных конструкций, автор предпочитает использовать такие мыслительные единицы, которые позволяют лексике раскрыть свой уникальный, экспрессивный потенциал, особенно при описании значимых картин.

Способы выражения эмоциональной стороны фразеологических трансформ кардинально отличаются от их аналогов в повседневной речи. Эта уникальность обусловлена, с одной стороны, спецификой структурно-семантических приемов, применяемых для описания эмоциональных состояний действующих лиц. С другой стороны, она заключается в более полной и всеобъемлющей передаче непосредственной эмоциональной ситуации. Таким образом, эмоциональное содержание фразеологических трансформ в публицистическом дискурсе отличается от обыденной речи как способами описания чувств персонажей, так и полнотой передачи эмоционального контекста.

Исследование фразеологических трансформ в современном публицистическом дискурсе позволяет понять, каким образом журналист маркирует и выражает свои чувства и эмоции посредством языковых единиц. Публицистический дискурс, формируя контекст коммуникации (как внешний, так и внутренний), служат средством выражения внутреннего мира автора как языковой личности. Важно отметить, что выбор конкретных лингвистических средств также раскрывает иерархическую структуру личности автора: его внутренние качества, установки, цели и жизненные идеалы. Таким образом, «…«языковая личность», языковая личность в публицистике выступает как один из ее видов. Анализ научной литературы основание полагать, исследователями в публицистике является соотношение двух типов языковой личности: «автор – адресат» [2:10]

Сама суть дискурса неразрывно связана с ролью автора, который является его центральным звеном, т.е. именно авторская позиция определяет, какие языковые и речевые средства будут использованы. При этом в публицистике важно различать автора-создателя и образ автора, воплощенный в дискурсе как текущей речевой ситуации, в рамках которого журналист как продуцент выступает в качестве единственной активной силы, формирующей его структуру.

Публицистический дискурс позиционируется как мощный инструмент влияния, потому что читатель как реципиент чувствует за ними твёрдую авторскую позицию, видит мир глазами рассказчика, проникается его мировоззрением и, главное, верит в искренность и правдивость изложенного. В публицистическом дискурсе намеренно используются фразеологические трансформы, чтобы привлечь читателя к проблеме, которую он сам считает важной. Он достигает этого, вкладывая в эти выражения свои эмоции и оценки. Таким образом, оценочность и экспрессивность в его материалах манифестируются как прямое отражение его индивидуального взгляда и отношения к излагаемым фактам.например: «Батюшка без нее [матушки] как без своей бороды» (А.Крестников, «КП»); «Доктор украинских наук» (Р.Чирва, «Поиск»); «Легко на «Вольво» от песни веселой» (ред., «КП»); «На Дону и в США – все спокойно» (ред., «КП») ~ В Багдаде все спокойно (из кинофильма); На Шипке все спокойно (из донесений во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг.) и др. Будучи стержневыми элементами публицистического дискурса, выступающими как заголовок, фразеологические единицы несут в себе квинтэссенцию авторского взгляда, становясь теми когнитивными ориентирами, которые способствуют освоению его личностной позиции, посредством которых раскрывается глубина идеи данного газетного материала, как в их общем потоке, так и в мельчайших эпизодах.

Авторская позиция в дискурсе связывает организацию передачи когнитивного содержания с целостностью текста. Личностный подход к фразеологическим трансформам актуализирует модальность как ключевой показатель текста, что, в свою очередь, порождает проблему иерархичности в языке. Иначе говоря, исследуемые единицы приобретают свое модальное значение благодаря субъективному восприятию автора. Важно также понимать, что когнитивные пути

формирования модальности не универсальны; они зависят от личности журналиста и выбранной им формы повествования в газете.

Публицистический дискурс не следует рассматривать только лишь как внешнюю оболочку тема-рематических связей, т.к. он строится на логических основаниях и представляется единством формы и содержания, где ключевую роль играют авторские намерения, условия создания, личностные особенности автора, а также весь спектр его научных, интеллектуальных, общественных, нравственных и эстетических убеждений. Авторское отношение к фразеологическим трансформам проявляется двояко: оно может быть как явным, так и неявным. Когда авторская модальность выражается явно, это происходит посредством формально-грамматических элементов, т.е. журналистская оценка мыслительных процессов и суждений в произведении выражается как прямо, так и косвенно, при этом прямое выражение авторской оценки опирается на формально-грамматические маркеры, а переносное посредством глубинных семантических процессов.

Следовательно, личностный подход к трансформам как к когнитивным явлениям указывает на их глубокую связь с внутренним миром и эмоциональным состоянием коммуникантов. Такая связь является ключевой для формирования адекватного и точного представления о происходящих событиях.

Процесс подбора форм и их гармоничного соединения не случаен, он формируется под влиянием нескольких обстоятельств. Речь идет, во-первых, о творческой воле самого журналиста (когда, будучи инициатором рассказа, лично выстраивает его архитектуру и задает ритм всего газетного материала). Во-вторых, о диктате реальности (когда сама описываемая ситуация подсказывает, какие инструменты и ракурсы будут наиболее эффективны для её отображения).

Значение фразеологических трансформ в качестве заголовка газетного материала не является фиксированным; оно формируется и обогащается в процессе анализа, когда эти обороты вступают во взаимодействие с другими элементами высказывания. Такое взаимодействие позиционируется как ключевое для достижения смысловой целостности, т.е. смысл фразеологических трансформ в дискурсе возникает из их контекстуального взаимодействия с другими частями высказывания, формируя единое целое. Формирование когнитивных структур в публицистическом дискурсе активирует ценностную позицию автора, поскольку в них отражается значимая тема, что подчёркивает их новизну. Когда автор формирует мыслительные конструкции в публикации на первый план выходит система его ценностей как результат того, что в этих конструкциях отражается важная для них тема, что, по сути, делает их новыми по содержанию.

Таким образом, сознание активно, а не пассивно, и эта активность проявляется в создании нового. Если смотреть на данный процесс с точки зрения человечества, оно одновременно влияет на то, как думает каждый человек, и на то, как думает общество в целом. Это особенно важно в современной публицистике, потому что тесно переплетаются личные взгляды и общие представления о политике, экономике, морали и других аспектах мира, принципы их характеризации. В контексте всеобщего сознания, данное представление выступает как двойной архитектор: оно строит мыслительные схемы как для отдельной личности, так и для социума, частью которого эта личность является. Подобная взаимосвязь становится критически важной в публицистике, посвященной истории, поскольку в ней неразрывно сплетаются индивидуальные и коллективные осмысления политического, экономического, морально-нравственного состояния мира и принципы его оценки.

Чтобы читатель мог успешно следить за ходом мыслей автора в публицистическом дискурсе, построение и размещение текста основывается на общей канвы повествования, авторских замыслов, богатства содержания и того, насколько автор вкладывает силы в то, чтобы быть понятым. Эмоциональная оценка исходит из когнитивных выражений коммуникантов, т.е. речевая и языковая личности совпадают, что обусловлено их деятельностным мотивом. Таким образом, именно в речевой личности проявляются национально-культурные особенности как самой языковой личности, так и процесса общения. Журналист в первую очередь обладает культурологическим складом ума, это определяет наличие культурологического компонента в его сознании, который выражается в понимании того, что глубокое погружение в культуру другого народа является эффективным средством для повышения интереса к его менталитету и, в некоторой степени, для прогнозирования его поведения.

Культурологическая природа автора, проявляющаяся в умении трансформировать традиционные устойчивые конструкции, приспосабливая к новым условиям общения, неизбежно формирует культурологический аспект личностного сознания. Данное обстоятельство проявляется в осознании им того, что глубокое изучение культуры народа служит мощным инструментом для

стимулирования интереса к его менталитету и, в определённой степени, для повышения предсказуемости его реакций.

Таким образом, авторская языковая личность понимается как уникальное объединение его психолингвистических черт, благодаря которым он способен воплощать свои идеи в дискурсивном пространстве современной публицистике. Она является отражением индивидуума как носителя языка, активно участвующего в речевой деятельности. Следовательно, особенности коммуникативного поведения индивидуума напрямую формируют его языковую личность.

Литература:

1. Дедюкова М. В. Языковая личность в публицистическом дискурсе (на материале немецких журнальных текстов)// : Автореф.дис. ... канд. филол. наук. - М., 2010.

2. Чвягина Т. В., Бабаян В. Н. Лингвопрагматические особенности научного и публицистического видов дискурса // Верхневолжский филологический вестник: Научный журнал. – №3. – Ярославль, 2025.

© Гусейнова Т.С., 2026

УДК 372.881.111.1

Дауытова Х. И.,
Өфө фән һәм технологиялар университетының магистранты,
Ғилми етәксеһе – ***Иҫәнғолова Г.А.,***
филол. фәнд. д-ры, профессор,
Өфө фән һәм технологиялар университеты,
Өфө ҡ., Рәсәй

ҮҘЕНСӘЛЕКЛЕ ЛЕКСИК-ГРАММАТИК КАТЕГОРИЯ БУЛАРАҠ БАШҠОРТ ТЕЛЕНДӘ ЯҢҒЫҘЛЫҠ ҺӘМ УРТАҠЛЫҠ ИСЕМДӘР

Башҡорт телендә исемдәр лексик-семантик йәһәттән яңғыҙлыҡ һәм уртаҡлыҡ исемдәргә бүленәләр.

Уртаҡлыҡ исемдәр тере һәм йәнһеҙ предметтарҙың, әйберҙәрҙең, ғәмәлдәрҙең, процестарҙың дөйөм атамаһын аңлата һәм дөйөмләштерелгән исем булып тора. Мәҫәлән: *китап (книга), өҫтәл (стол), урам (улица), ҡала (город), йорт (дом), атай (отец), ҡыҙ (девушка), килен (сноха), малай (мальчик), урман (лес), ағас (дерево), сәскә (цветок), алма (яблоко), еләк (ягоды), үлән (трава), һыйыр (корова), бәрәс (ягненок), һарыҡ (овца), ат (лошадь), ҡаҙ (гусь), сыйырсыҡ (скворец), тәлмәрйен (лягушка), яратыу (любовь), аҙым (шаг), йүгереү (бег), һикереү (прыгание), илау (плачь), ҡайнау (кипение), ҡайғырыу (страдание)* һ.б.

Башҡорт телендә яңғыҙлыҡ исемдәр айырым предметтарҙың, кешенең, социаль тормоштағы айырым күренештәрҙең, тәбиғәттең айырым күренештәренең атамаларын аңлата. Улар түбәндәге төрҙәргә бүленә:

1. Кешеләрҙең исемдәре.

– Башҡорт телендә ҡатын-ҡыҙ исемдәре: *Айгөл, Айһылыу, Аҡсәскә, Алмабикә, Баныу, Бибиһан, Баҙыян, Вәлимә, Вәсилә, Гөлйөҙөм, Гөлкәй, Гөлйемеш, Гөлзәминә, Дилә, Диләфрүз, Зөлфиә, Зөлхизә, Зөлхәбирә, Кәримә, Кәбирә, Ләлә, Ләйлә, Ләйсән, Ләбибә, Латифа, Лилиә, Миләүшә, Милә, Маһира, Мөғлифә, Мөслимә, Мәүлизә, Нәфисә, Нәркәс, Нурия, Нәсимә, Рәсимә, Рәшиҙә, Руфина, Разия, Раҡыя, Рәмилә, Тәслимә, Тәзкирә, Уралиә, Орҡоя, Фирүзә, Фәнисә, Фаягөл, Фатима, Хәҙисә, Хәниә, Хөмәйрә, Йомабикә, Яңылбикә* һ.б.

– Башҡорт телендә ирҙәр исемдәре: *Азамат, Аяз, Азат, Аллабирҙе, Биксура, Бейеш, Баҡый, Булат, Вәзир, Вәли, Вәлиәхмәт, Ғәли, Ғәлиулла, Ғәлихан, Даян, Закир, Зыя, Зәйнулла, Зиннәтулла, Ильяс, Ирек, Ишмөхәммәт, Ишҡәле, Ишмырҙа, Ишбулат, Илдар, Кәрим, Кәшфулла, Локман, Марат, Муса, Мөхәммәт, Мәүлит, Нәзир, Нотфулла, Ноғман, Насырйән, Ниғәмәт, Оморҙаҡ, Рафиҡ, Рамаҙан, Рәсүл, Риф, Рәсих, Сөләймән, Сафа, Сәхибгәрәй, Тимер, Тимур, Урал, Фәрит, Фәрғәт, Фәнзил, Харис, Хужахмәт, Юлай, Юлмөхәммәт, Юлдаш, Яхья, Яҡшыбай, Яңыбай* һ.б.

2. Кешеләрҙең фамилиялары.

Башҡорт фамилиялары XVIII быуаттың икенсе яртыһында барлыҡҡа килә башлай. Әммә уларҙың һуңғы формалашыуы Октябрь революцияһынан һуңғы осорға ғына ҡарай. Фамилияларҙың аффикстары булып рус теленән алынған *–ев, –в, –ин, –ева, –ва, –ина* тора. Фамилиялар атаһы яғынан

мираҫ итеп алына. Шуға күрә фамилия атаһының исеменән барлыҡҡа килгән, йәғни йыш ҡына патроним сығышлы: *Сәлих – Сәлихов, Абдрахман – Абдрахманов, Йәнбулат – Йәнбулатов.* Ҡайһы бер граждандарҙың фамилиялары олатаһының исеменән барлыҡҡа килгән.

– Башҡорт телендә ҡатын-ҡыҙ фамилиялары: *Аҡкилдина, Әмирханова, Абдуллина, Бохарова, Бағышаева, Борханова, Баһапова, Ғатауллина, Ғатина, Ғәйфуллина, Ғәфүрова, Зиннәтуллина, Зөбәйҙуллина, Заһитова, Изрисова, Игеҙйәнова, Игелекова, Иштанова, Ишкилдина, Кәримова, Ҡунаҡасова, Лотфуллина, Латипова, Ласынова, Мансурова, Мөхәмәтйәнова, Мырҙағолова, Ниғмәтова, Нурмөхәмәтова, Насырова, Ныязова, Рәхимова, Ырыҫколова, Рафиҡова, Сәлихова, Сәлимова, Сәтимова, Туйсина, Туймаҡаева, Таймасова, Туйғилдина, Үмерғәлина, Фәтихова, Фәткуллина, Хәйруллина, Хисмәтуллина, Йомагужина, Яхина* һ.б.

– Башҡорт телендә ирҙәр фамилияһы: *Аҡкилдин, Әмирханов, Абдуллин, Бохаров, Бағышаев, Борханов, Баһапов, Ғатауллин, Гатин, Ғәйфуллин, Ғәфүров, Зиннәтуллин, Зөбәйҙуллин, Заһитов, Изрисов, Игеҙйәнов, Игелеков, Иштанов, Ишкилдин, Кәримов, Ҡаҙеров, Ҡунаҡасов, Лотфуллин, Латипов, Ласынов, Мансуров, Мөхәмәтйәнов, Мырҙағолов, Ниғмәтов, Нурмөхәммәтов, Насыров, Ныязов, Рәхимов, Ырыҫколов, Рафиҡов, Сәлихов, Сәлимов, Сәтимов, Туйсин, Туймаҡаев, Таймасов, Туйғилдин, Умәргәлин, Фәтихов, Фәткуллин, Хәйруллин, Хисмәтуллин, Хазиев, Йомагужин, Яхин* һ.б.

3. Кешеләрҙең атаһының исемдәре.

Башҡорттарҙа атаһының исеме сағыштырмаса яңыраҡ ҡулланыла башлай. Әммә башҡорт интеллигенцияһы даирәһендә беҙ исем һәм атай исеме менән мөрәжәғәт итеүҙе йыш ишетәбеҙ, һөйләшеүҙә лә, рәсми телмәрҙә лә. Ата исеме рус теленән алынған *–ич, –ыч, –евна, –овна* суффикстары ярҙамында йәки башҡорт телендәге *улы, ҡыҙы* һүҙенән рәсмиләштерелә.

– Башҡорт телендә ҡатын-ҡыҙҙарҙың аталары исемдәре: *Ильяс ҡыҙы, Ирек ҡыҙы, Ишмөхәммәт ҡыҙы, Ишҡәле ҡыҙы, Ишмырҙа ҡыҙы, Ишбулат ҡыҙы, Илдар ҡыҙы, Кәрим ҡыҙы, Кәшфулла ҡыҙы, Лоҡман ҡыҙы, Марат ҡыҙы, Муса ҡыҙы, Мөхәммәт ҡыҙы, Мәүлит ҡыҙы, Нәзир ҡыҙы, Нотфулла ҡыҙы, Ноғман ҡыҙы, Насырйән ҡыҙы, Ниғәмәт ҡыҙы, Оморҙаҡ ҡыҙы, Рафиҡ ҡыҙы, Рамаҙан ҡыҙы, Рәсүл ҡыҙы, Риф ҡыҙы, Рәсих ҡыҙы, Сөләймән ҡыҙы, Сафа ҡыҙы, Сәхибгәрәй ҡыҙы, Тимер ҡыҙы* һ.б.

– Ир-аттарҙың аталарының исемдәре: *Ильяс улы, Ирек улы, Ишмөхәммәт улы, Ишҡәле улы, Ишмырҙа улы, Ишбулат улы, Илдар улы, Кәрим улы, Кәшфулла улы, Лоҡман улы, Марат улы, Муса улы, Мөхәммәт улы, Мәүлит улы, Нәзир улы, Нотфулла улы, Ноғман улы, Насырйән улы, Ниғәмәт улы, Оморҙаҡ улы, Рафиҡ улы, Рамаҙан улы, Рәсүл улы, Риф улы, Рәсих улы, Сөләймән улы, Сафа улы, Сәхибгәрәй улы, Тимер улы, Тимур улы, Урал улы, Яңыбай улы* һ.б.

4. Кешеләрҙең ҡушаматтары. Ҡушаматтар йыш ҡына кешенең икенсе, өҫтәмә исеме булып хеҙмәт итә. Революцияға тиклемге башҡорт ауылында һәр кешенең исеменән тыш уның эйәһенең характерының кире йәки ыңғай һыҙаттарын, уның ынтылышын, йәмғиәттәге урынын, физик үҙенсәлектәрен һ.б. күрһәткән ҡушаматы булған. Фамилиялар үҫеше менән бәйле ҡушаматтар элекке кеүек киң ҡулланылмай башлай. Мәҫәлән: *Ибрай (Ибраһим), Сәйфи (Сәйфулла), Мостай (Мостафа), Ғәйни (Ғәйниямал)* һ.б.

5. Йылға, күл, тау атамалары. Мәҫәлән: *Ағиҙел (йылға атамаһы), Ҡариҙел (йылға атамаһы), Һаҡмар (йылға атамаһы), Еҙем (йылға атамаһы), Аҡкүл (күл атамаһы), Асылыкүл (күл атамаһы), Ҡандракүл (күл атамаһы), Урал (тау атамаһы), Аҡтау (тау атамаһы), Торатау (тау атамаһы), Йөрәктау (тау атамаһы), Ҡуштау (тау атамаһы)* һ.б.

6. Административ-территориаль бүленеш атамалары. Мәҫәлән: *Башҡортостан, Татарстан, Силәбе, Өфө, Күгәрсен районы, Ишембай, Ғафури районы, Ырымбур өлкәһе.*

7. Төрлө хужалыҡтарҙың, предприятиеларҙың, урамдарҙың атамалары. Мәҫәлән: *«Октябрь» колхозы, «Маяҡ» химкомбинаты, «Сайман» корпорацияһы, С.М. Киров исемендәге завод* һ.б.

8. Хайуандарҙың ҡушаматтары. Мәҫәлән: *Аҡтырнаҡ, Аҡтүш, Һоросай, Аҡбуҙ, Аҡҡола, Билдәш, Аҡҡолаҡ, Бөркөт (ат исеме), Ҡарасәй, Бурыл* һ.б.

9. Нәфис әҫәрҙәрҙең, фәнни-популяр баҫмаларҙың, сәнғәт әҫәрҙәренең, киң мәғлүмәт сараларының, китаптарҙың һәм журналдарҙың атамалары. Мәҫәлән: *«Аҡбуҙат» журналы, «Зөлхизә вә Абдрахман» ҡиссаһы, «Урал батыр» эпосы, «Айгөл илә» драмаһы, «Ватандаш» журналы, «Башҡортостан» гәзите, «Өс ҡатын» картинаһы, «Ырғыҙ» романы, «Салауат» операһы, «Ете ҡыҙ» бейеүе* һ.б.

10. Астрономик терминдарҙың атамалары. Мәҫәлән: *Ҡояш, Ай, Тимерҡазыҡ, Зөһрә йондоҙо, Сулпан йондоҙо, Венера йондоҙо* һ.б.

Йомғаҡлап әйткәндә, башҡорт телендә исемдәрҙең лексик-семантик бүленеше телдең байлығын һәм уның тәрән тарихи-мәҙәни нигеҙен сағылдыра. Уртаҡлыҡ исемдәр дөйөм төшөнсәләрҙе белдереп, донъяны танып белеүҙә мөһим роль уйнаһа, яңғыҙлыҡ исемдәр айырым

предметтарҙы, шәхестәрҙе һәм күренештәрҙе аныҡлап, телмәрҙә аныҡлыҡ һәм индивидуаллек өҫтәй. Яңғыҙлыҡ исемдәрҙең күп төрлө төркөмдәргә бүленеүе башҡорт халҡының тормошон, йолаларын, тәбиғәт менән бәйләнешен һәм рухи донъяһын сағылдыра. Шулай итеп, исемдәр системаһын өйрәнеү тел ғилемендә генә түгел, ә халыҡтың тарихын, мәҙәниәтен һәм донъяға ҡарашын аңлауҙа ла ҙур әһәмиәткә эйә.

Әҙәбиәт:

1. Башҡорт теле. Юғары уҡыу йорттарының филология факультеты студент УУНиТтары өсөн дәреслек. – Өфө: Китап, 2012. – 616 бит.

2. Башҡорт теле грамматикаһы. Морфология. 2 том / Яуаплы мөхәррире Х.В. Солтанбаева. – Өфө: Китап, 2018. – 312 бит.

3. Зәйнуллин М.В. Хәҙерге башҡорт теле. Морфология. – Өфө: Китап, 2005. – 264 бит.

4. Даутова Х.И., Исянгулова Г.А. Семантические особенности имён существительных в башкирском и казахском языках // Научный альманах. – 2025. – № 11-2 (133). – С. 60-62.

© Дауытова Х.И., 2026

УДК 811.512.142

Дзауров М. М.-Я.,
магистрант КБГУ им. Х. М. Бербекова
Научный руководитель – ***Ахматова М.А.,***
д-р филол. наук, профессор КБГУ им. Х. М. Бербекова
г. Нальчик, Россия

ЗАИМСТВОВАННАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА

Язык любого народа в разные периоды своего существования в той или иной степени подвергается влиянию других языков. Это связанно с тем, что на протяжении всей своей многовековой истории любой этнос вступает в многообразные связи с другими, живущими по соседству народами. Живя в таких условиях, народы имели тесные языковые контакты, что способствовало процессу взаимопроникновения и взаимообогащения лексики [9: 113]. Это естественный процесс становления и развития любого языка. Проблема заимствований с давних пор стояла в центре внимания исследователей языков. В ряде тюркских языков данная проблема достаточно глубокого изучена, что нельзя сказать о карачаево-балкарском языке, где заимствованная лексика не подвергалась систематическому исследованию. Это, в первую очередь, касается изучения заимствованной юридической лексики. Исследователи карачаево-балкарской терминологии характеризуют заимствование «как один из сложных способов усвоения слов и словосочетаний из других языков» [8: 95]. Этим и обусловлен выбор темы нашего исследования. Следует отметить, что в карачаево-балкарском языке заимствование слов из других языков осуществлялся устным и письменным путем. В ранний период развития языка устные заимствования претерпевали определенные фонетические изменения, «их фонетическая структура перестраивалась согласно орфоэпическим нормам заимствующего языка» [8: 86].

В связи с принятием ислама, карачаево-балкарский язык пополнился огромным количеством арабских слов. Именно термины, вошедшие из арабского языка, создали фундамент для большинства отраслей терминологической системы языка. Следует отметить, что это «связано не только с распространением ислама как религии и принятием его многими народами мира, во многом оно объясняется уникальностью и большим влиянием мусульманского права. Мусульманское право занимает отдельное место в мировой истории, и именно юридические термины арабского языка распространены во всем мире» [12: 1072]. По мнению Х.-М. И. Хаджилаева, «проникновение арабизмов в карачаево-балкарский язык началось, по-видимому, очень рано, по крайней мере, задолго до принятия ислама карачаевцами и балкарцами, через посредство языка древнетюркских племен Северного Кавказа и Поволжья, участвовавших в их этногенезе» [9: 127]. Но, следует отметить, что кроме арабского языка, влияние как на другие тюркские языки, так и карачаево-балкарский язык имел и персидский язык.

Некоторые заимствованные юридические термины появились в карачаево-балкарском языке еще во второй половине XVII в. [7]. Они проникли в язык устным путем в сильно трансформированном виде, т.е. подверглись влиянию фонетических законов исследуемого языка,

например: *пристоп* ‘пристав’, *сюд* ‘суд’, *апчар* ‘офицер’, *ийнарал* ‘генерал’, *тюрме* ‘тюрьма’ и др. Юридический термин – это есть «словесное обозначение государственно-правовых понятий, с помощью которых выражается и закрепляется содержание нормативно-правовых предписаний государства» [4: 176]. Термины, вошедшие в дореволюционное время, представляют собой лишь малую часть заимствованного пласта карачаево-балкарского языка. Они в настоящее время довольно часто встречаются в произведениях художественной литературы современных авторов, например: *Кадетле келген жыл а, ма бюгюнча эсимдеди, бир жол элибизге пристоп бийчеси бла бирге фаэтоннга минип келе эди* ‘В тот год, когда пришли кадеты, как сегодня помню, пристав со своей супругой приехали на фаэтоне к нам в село’; *Бир бёлек кюнден Нальчикни приставы тилкъау Хамит, атлы аскер алып, Чегем тарына кирди* ‘Через несколько дней, заика Хамит, собрав конницу, вошел в Чегемское ущелье’. *Ол шургула Бийбертни тюрмеге элтдиле* ‘Эти печальные события Биберта привели в тюрьму’. *Кечеде уа ийнаралланы кюйсюзлюк бузгъан бетлерин кёреме* ‘По ночам мне снятся озлобленные лица генералов’. Как видим, заимствованная юридическая лексика в карачаево-балкарском языке представлена достаточно неплохо. В пользу этого свидетельствует также целый ряд работ, в которых рассматриваются концептуальные понятия типа гостеприимство [1], земля [3], вода [2], семья [5], депортация [6], фразеологизированные дескрипции [10; 11], которые часто бывают сопряжены со сферой юриспруденции.

Большинство заимствований из русского языка не были подвергнуты существенным изменениям. Это было связано с тем, что послереволюционные заимствования, в отличие от дореволюционных, вошли письменным путем, что позволил сохранить слова в неизменном варианте. Начиная с первой половины XX века и по сегодняшний день главным источником обогащения карачаево-балкарского языка является русский язык. Довольно большой пласт заимствований представляют именно русизмы. Они вытеснили из употребления арабские и персидские термины и предстали их эквивалентами в исследуемом языке. Например: вместо термина *къади* начали использовать термин *судья*, вместо термина *ёкюл* – термин *адвокат* и др.: *Къыйын кезиуде жаш, шахарда шагырей ёкюлюне къагъыт жазып, ол адамны жибереди* ‘В трудное время парень отправил этого человека в город к своему знакомому адвокату’. *Адвокатны сёзюню магъанасын тюшюрюр муратда прокурор бир талай зат айтды* ‘Чтобы обесценить слова адвоката прокурор сказал много чего’.

Также следует отметить, что в карачаево-балкарском языке присутствуют юридические термины западноевропейского происхождения, проникшие с помощью русского языка, например: *полиция, шпион, афера, резолюция, импичмент, амнистия*. Многие термины латинского происхождения также функционируют в языке практически без изменения их фонетической структуры, например: *арест, нотариус, юстиция, юриспруденция, конституция, кодекс* и др.

Юридическая лексика карачаево-балкарского языка представлена следующими тематическими группами:

а) наименования юридических лиц: *ёкюл, адвокат* ‘адвокат’, *юрист* ‘юрист’, *шагъат* ‘свидетель’, *прокурор* ‘прокурор’, *къадий, сюдю* ‘судья’, *следователь* ‘следователь’, *нотариус* ‘нотариус’, *асаба* ‘наследник’ и др.; *Жангыз шагъат шагъат болмаз* ‘Один свидетель – не свидетель’. *Къарачайны къадысы, пес бёркюню чоху къарс эте, кете барады* ‘Судья Карачая уходит, теребя хохолок головного убора’. *Мурат Хакимни асабасы эди* ‘Мурат наследник Хакима’;

2) наименования органов судебной власти: *сюд* ‘суд’, *арбитраж сюд* ‘арбитражный суд’, *конституция сюд* ‘конституционный суд’, Баш сюд ‘Верховный суд’ и др.: *Жамболат, сюдде ауазы къалтырай, кечмеклик тилегенде, Сагит, бурунун чюйюре тура эди* ‘Когда Жамболат, с дрожью в голосе попросил прощение, Сагит воротил носом’;

3) судебные решения: *тюрмеге бегитиу* ‘лишение свободы’, *тазир салыргъа* ‘наложить штраф’, *жасакъ* ‘налог, пошлина’, *амнистия этерге* ‘объявить амнистию’, *сюдню бегими* ‘решение суда’, *сюдню повесткасы* ‘повестка суда’ и др.: *Колхозну оноучулары кимге тазир салгъандыла, кимге урушхандыла, тырман этгендиле, жаныгъандыла* ‘Руководители колхоза кому-то наложили штраф, кого-то отругали, кого-то упрекнули’. *Жарала сынадыкъ, бушуула кёрдюк, кюйсюз терсликге да жасакъ бердик* ‘Были ранены, видели горе, платили налог несправедливости’;

4) слова, обозначающие права и обязанности: *борч* ‘долг, обязанность’, *насийхат* ‘совет, наставление’, *низам* ‘порядок, дисциплина’ и др.: *Беш къойгъа ийнек алмай жарарыкъ тюйюлдю, ёгюз борчубузгъа уа не амал*? ‘За пять баранов должны купить корову, а что делать с долгом по волу’. *Мюлклени оноучулары эм мюлк органла бу ишде тийишлисича низам салыргъа борчлудула* ‘Руководители хозяйств и хозяйственные органы должны навести порядок в этом деле’;

5) слова, обозначающие различные юридические понятия: *тереке* ‘наследство; имущество, оставленное в наследство’, *осуйлукъ этиу* ‘опека; опекать’, *соруу къагъыт* ‘лист опроса’ и др.: *Анга атасындан терекеге ол эски юйчюк жетгенди* ‘Ему от отца в наследство достался тот старенький домик’. *Ол къарындашыны сабийлерине осуйлукъ этеди* ‘Он опекает детей своего брата’.

Таким образом, анализ материала показал, что юридическая терминология карачаево-балкарского языка на протяжении многих лет обогащалась путем заимствования из арабского, персидского, русского языков. Основным источником обогащения в дореволюционное время были арабский и персидский языки, но начиная с послереволюционного периода таковым оказался язык русский, а также заимствованные через него иностранные термины.

Литература:

1. Ахматова М. А. Аспекты реализации концепта "гостеприимство" в карачаево-балкарском языке // Актуальные вопросы карачаево-балкарской филологии. – Нальчик: Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, 2015. – С. 107-111.

2. Ахматова М.А. Концептосфера гидролексемы "суу" в карачаево-балкарском нартском эпосе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 11-1 (65). – С. 78-81.

3. Ахматова М.А. Вербализация концепта жер "земля" на материале карачаево-балкарского нартского эпоса // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2019. – № 2. – С. 58-65.

4. Большой юридический энциклопедический словарь / Под ред. А.Б. Борихина. – М.: Книжный мир, 2004. – 720 с.

5. Кетенчиев М.Б., Додуева А.Т., Девеева А.А. Вербализация семьи в карачаево-балкарском фольклоре // Балтийский гуманитарный журнал. – 2018. – Т. 7. – № 1 (22). – С. 81-84.

6. Кетенчиев М.Б., Додуева А.Т., Мизиев А.М. Особенности вербализации депортации 1943–1957 гг. в карачаево-балкарской народной лирике // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2020. – № 1. – С. 112-119.

7. Отаров И.М. Лексикология карачаево-балкарского языка. – Нальчик: Эльбрус, 1996. – 217 с.

8. Улаков М.З., Махиева Л.Х. Отражение иноязычных слов (терминов) в новом переводном «Русско-карачаево-балкарском словаре» // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2019. – № 5(91). – С. 95–100.

9. Хаджилаев Х.-М.И. Очерки карачаево-балкарской лексикологии. – Ставрополь: Ставропольское книжное издательство. Карачаево-Черкесское отделение, 1970. – 156 с.

10. Хуболов С.М. Формально-семантические модели одноместных фразеологизированных предложений в карачаево-балкарском языке: дисс. … канд. филол. наук – Нальчик, 1997. – 175 с.

11. Хуболов С.М. Фразеологизированные конструкции с родительным субъекта в карачаево-балкарском языке // Сибирский филологический журнал. – 2013. – № 4. – С. 195-202.

12. Юмагузин А.Г. Заимствованный пласт в юридической терминологии башкирского языка // Вестник Башкирского университета. – 2021. – Т. 26. – № 4. – С. 1072-1074.

© Дзауров М. М.-Я., 2026

УДК 811.581

Дик А.А.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Гильманова Л.Р.***
ст. преп. УУНиТ
г.Уфа, Россия

УРБАНОНИМЫ КИТАЯ

Городское имя – не просто навигационный знак. За каждым названием улицы или площади стоит выбор: что увековечить, что назвать, какой смысл закрепить в повседневном употреблении.

Урбанонимы, то есть собственные имена внутригородских объектов – улиц, переулков, площадей, набережных, – изучаются в современной ономастике как самостоятельный класс топонимов, отражающих культурную, историческую и идеологическую матрицу общества [3: 82]. Китайская урбанонимия в этом отношении особенно богата: тысячелетняя история городской культуры, разнообразие региональных традиций и несколько волн переименований XX века создали многослойную систему городских имён.

Исследователи отмечают, что именно мегаполисы фиксируют наибольшее число конкурирующих номинационных стратегий – официальных, народных, колониальных, постреформенных [2: 124]. Структура китайского урбанонима, как правило, трёхчастна: топографический ориентир или культурный референт + указатель стороны света или порядкового номера + родовой термин (路 lù – дорога, 街 jiē – улица, 弄 nòng – переулок, 广场 guǎngchǎng – площадь). Именно эта модель определяет морфологическую предсказуемость китайских городских имён при их семантическом разнообразии [4: 78]. Понять логику китайской урбанонимии – значит понять, как китайское общество видит и называет своё городское пространство.

Благопожелательные названия образуют один из наиболее продуктивных семантических классов в китайской урбанонимии. Встречаются в нескольких городах одновременно: ***平安大街*** (*píng'ān dàjiē* – улица Спокойствия и безопасности) воспроизводит устойчивое сочетание ***平安*** – пожелание мира и сохранности, восходящее к конфуцианским ценностям семейного благополучия [4: 80]. В городе Чэнду существует ***幸福路*** (*xìngfú lù* – улица Счастья), в Гуанчжоу – *长乐**大街*** (*chánglè dàjiē* – улица Долгого счастья): оба названия строятся по модели «качественное прилагательное/существительное + родовой термин». Словообразовательно данного вида урбанонимы однотипны: двусложный или трёхсложный опорный компонент с позитивной семантикой присоединяет родовой термин, обозначающий тип объекта. Примечательно, что подобные названия не привязаны к конкретной местности – они воспроизводимы и тиражируемы, что делает их скорее аксиологическими маркерами, нежели уникальными идентификаторами [6: 96]. Это свойство отличает их от природных и исторических урбанонимов, которые, напротив, неотделимы от конкретного места. Благопожелательность как номинационный принцип уходит корнями в традицию «счастливых имён» (***吉祥名*** jíxiáng míng), характерную для китайской культуры в целом [7: 91].

Природные названия составляют второй по численности класс и обнаруживают устойчивую связь с флористической символикой китайской культуры. В Шанхае зафиксирована *杨柳**街*** (*yángliǔ jiē* – улица Ивы и тополя): оба растения – традиционные символы лирической поэзии, гибкости и женственности. Пекинская ***海棠路*** (*hǎitáng lù* – улица Боярышника) и Нанкинская ***桂花路*** (*guìhuā lù* – улица Османтуса) строятся по той же двусложной модели «название растения + родовой термин». Словообразовательная структура здесь минималистична и прозрачна: компонент-референт указывает на растение или природный объект, родовой термин – на тип городского объекта [4: 82].

Такие урбанонимы нередко восходят к историческому облику местности: там, где росли ивы, – *杨柳**街***, там, где цвёл османтус, – ***桂花路***. Флористическая символика закреплена в культурной памяти настолько прочно, что даже после исчезновения самих растений названия продолжают функционировать как культурные отсылки [7: 93]. Это свойство природных урбанонимов делает их важным источником информации об историческом облике китайского города.

Описательные и нумеративные урбанонимы Шанхая и Пекина показывает иную номинационную стратегию, а именно ориентирование через геометрию и счёт. Шанхайский переулок ***九曲弄*** (*jiǔ qū nòng* – переулок Девяти изгибов), это реально существующий исторический топоним, фиксирующий физическую конфигурацию пространства: девять поворотов узкого прохода отражены прямо в имени [6: 99]. Сучжоуский ***窄巷*** (*zhǎi xiàng* – Узкий переулок) столь же лаконичен: прилагательное + родовой термин, никакой метафоры. В Пекине нумеративная модель разработана особенно подробно: *东单**一条*** (*dōngdān yītiáo* – Первый переулок Дундань) и ***西四北四街*** (*xīsì běi sì jiē* – Четвёртая Северная улица Сисы) включают топографический ориентир, сторону света и порядковый номер.

Структура такого рода урбанонимов четырёхчастна: район + сторона света + номер + родовой термин [4: 85]. В данном случае это не просто адрес, а это навигационная система, закодированная в самом имени. Нумерация по сторонам света отражает традиционную китайскую пространственную ориентацию, в которой север, юг, восток и запад несут символическую нагрузку помимо чисто географической [1: 63].

Исторические и культурные урбанонимы Пекина и Нанкина хранят слои городской памяти, недоступные при поверхностном чтении. Пекинская ***天坛东路*** (*tiāntán dōng lù* – Восточная улица у Храма Неба) – дорога, получившая имя от одной из главных сакральных построек империи: сама близость к Храму Неба стала основой номинации [2: 127]. ***鼓楼大街*** (*gǔlóu dàjiē* – улица Барабанной

башни) отсылает к средневековой системе городского времяисчисления: барабанный бой отмерял часы.

В Нанкине *中山路* (*zhōngshān lù* – улица Чжуншань) названа в честь Сунь Ятсена (*中山* его псевдоним) и несёт в себе отчётливый политический смысл [4: 86]. *夫子口前街* (*fūzǐ miào qián jiē* – улица перед храмом Конфуция) строится по пространственной модели: храм + предлог места + родовой термин, что типично для урбанонимов, привязанных к религиозному или культурному центру.

Словообразовательно исторические урбанонимы сложнее благопожелательных: в них до трёх-четырёх значимых компонентов, и каждый несёт отдельный культурный слой [1: 64].

Колониальный и постреформенный пласты шанхайской урбанонимии – отдельная страница истории. *Avenue Joffre* – французское название, данное в период существования Французской концессии, – после 1949 года переименована в *复口中路* (*fùxīng zhōng lù* – Средняя улица Фусин): *复口* означает «возрождение», и выбор слова явно идеологически мотивирован [6: 100]. *Bubbling Well Road* стала *南京西路* (*nánjīng xī lù* – Западная Нанкинская улица) – нейтральный географический ориентир заменил экзотический колониальный образ. Переименование 1949 года затронуло сотни объектов: *建国口大街* (*jiànguómén dàjiē* – проспект Цзяньгоумэнь, буквально «ворота строящегося государства») заменило прежние иностранные названия, а *解放路* (*jiěfàng lù* – улица Освобождения) распространилась по всему Китаю как унифицированный идеологический топоним. Словообразовательно постреформенные урбанонимы тяготеют к двусложным опорным компонентам с политической или патриотической семантикой – *建国* (строительство государства), *解放* (освобождение), *人民* (народ) [2: 128].

Интересно, что часть шанхайских улиц сохранила неофициальные колониальные прозвища в разговорной речи, что является живым свидетельствос конкуренции двух номинационных систем.

Региональная специфика урбанонимии проявляется в Чэнду, Гуанчжоу и Сиане по-разному. Чэндуская *宽窄巷子* (*kuān zhǎi xiàngzi* – широкий и узкий переулок) – топоним, построенный на контрасте двух прилагательных, сросшихся в единое составное имя: пространственная антитеза стала брендом туристического района [6: 101]. Гуанчжоуская *上下九路* (*shàngxiàjiǔ lù* – улица Шансяцзю) содержит числовой компонент *九* (девять), но его происхождение связано с исторической нумерацией торговых кварталов, а не с геометрией улицы. В Сиане *回民街* (*huímín jiē* – Мусульманская улица) прямо указывает на этническую и религиозную идентичность района: *回民* – историческое обозначение китайских мусульман [7: 95]. *大雁塔南广场* (*dàyàn tǎ nán guǎngchǎng* – Южная площадь у Большой пагоды дикого гуся) – четырёхчастная конструкция с культурным ориентиром, стороной света и родовым термином [4: 88].

Современные тенденции в китайской урбанонимии это глобализация, экологизация, брендинг. Шанхайская *时代广场* (*shídài guǎngchǎng* – Площадь эпохи) прямая калька с английского *Times Square*, где заимствован не только смысл, но и структура имени [7: 96]. Пекинский *国际大道* (*guójì dàdào* – Международный проспект) апеллирует к глобальному статусу города. В новых жилых комплексах тиражируются «зелёные» урбанонимы: *绿色通道* (*lǜsè tōngdào* – Зелёный коридор) и *生态大道* (*shēngtài dàdào* – Экологический проспект) отражают экологическую риторику современного градостроительства [5: 95]. Официальное и неофициальное в современном Пекине сосуществуют без конфликта: *北京大学东口* (*běijīng dàxué dōngmén* – Восточные ворота Пекинского университета) официальное название, а *鸟巢* (*niǎocháo* – Птичье гнездо) разговорное имя Национального стадиона, возникшее из визуального сходства конструкции с гнездом. Неофициальные урбанонимы, порождаемые народной образностью, нередко вытесняют официальные из повседневного речевого оборота.

Лингвокультурологический анализ китайских урбанонимов обнаруживает несколько устойчивых закономерностей. Словообразовательные модели тяготеют к трёх- и четырёхкомпонентным структурам: культурный или географический референт + пространственный ориентир + родовой термин [2: 129]. Семантически преобладают три стратегии номинации: аксиологическая (благопожелательность), мемориальная (историческая или культурная отсылка) и дескриптивная (фиксация физических свойств объекта) [3: 90]. Колониальный пласт шанхайской

урбанонимии и постреформенные переименования 1949 года демонстрируют, как политические сдвиги переписывают городской текст, не уничтожая его полностью – часть старых имён сохраняется в разговорной речи. Народная номинация, порождающая неофициальные урбанонимы вроде 乌巢 или 五道口 (*wǔdàokǒu* – Пять перекрёстков, студенческий район Пекина), действует по собственной логике образности и ассоциаций [6: 103].

Региональная специфика, а именно этнические, религиозные, исторические слои, отчётливо прочитывается в урбанонимах Сианя, Нанкина и Гуанчжоу. Китайская урбанонимия оказывается, таким образом, многослойным текстом, в котором зашифрованы ценности, конфликты и идеалы общества на протяжении нескольких столетий.

Литература:

1. Завьялова Н. Ю. Урбанонимы как часть языкового ландшафта города // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 20 (274). – С. 62–64.
2. Карабулатова И. С., Шульгина Е. А. Урбанонимическое пространство мегаполиса: лингвокультурные маркеры // Политическая лингвистика. – 2017. – № 3 (63). – С. 124–130.
3. Крюкова И. В. Урбанонимия как объект лингвистического изучения // Вопросы ономастики. – 2005. – № 2. – С. 82–94.
4. Ли Сяндун. Китайская топонимика: принципы номинации и структура урбанонимов // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. – 2019. – № 4. – С. 78–89.
5. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Наука, 1988. – 198 с.
6. Сорокин А. А. Урбанонимы в языковом сознании носителей русской лингвокультуры (на материале китайских городов) // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2021. – № 72. – С. 95–107.
7. Fang L. Urban Place Names in China: Cultural Meanings and Policy Implications // Names: A Journal of Onomastics. – 2016. – Vol. 64, № 2. – P. 89–98.

© Дик А.А, 2026

УДК 811.512.141

Дик А.А.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Хуснетдинова Р.Я.***
канд. филол. наук, доцент УУНиТ
г. Уфа, Россия

ВИДЫ ПРИДАТОЧНЫХ ПРЕЛОЖЕНИЙ В РУССКОМ И БАШКИРСКОМ ЯЗЫКАХ

Сопоставление русских и башкирских придаточных предложений требует осторожности уже на первом шаге – в самой точке классификации. Внешнее сходство терминов легко вводит в заблуждение, потому что за одинаковыми названиями нередко стоят разные основания деления.

Русский синтаксис обычно исходит из смысловых отношений между главной и зависимой частями, тогда как башкирское описание настойчиво учитывает еще и форму сказуемого, и позицию придаточного компонента, и тип подчинительной связи. Оттого и картина получается неодинаковой. Часть разрядов совпадает почти без трения, часть соотносится лишь приблизительно, а некоторые типы в одном языке выделяются отчетливо, в другом же растворяются в более широкой группе.

В то же время, Л.Л. Рахматуллина, рассматривая проблемы классификации башкирских сложноподчиненных предложений, как раз и обращает внимание на разницу самих оснований анализа, из-за которой прямое наложение одной схемы на другую оказывается неточным [4: 68].

Сначала – о русской системе. В русистике придаточная часть понимается как зависимый компонент сложноподчиненного предложения, который поясняет слово в главной части либо распространяет всю главную часть целиком. Отсюда и привычное деление: определительные, изъяснительные, временные, местные, условные, причинные, целевые, уступительные, сравнительные, придаточные образа действия, меры и степени, следствия. В.А. Белошапкова рассматривает такую систему как смыслово-грамматическую, где вопрос, задаваемый от главной части, тесно связан со способом присоединения зависимого компонента [2: 65]. Хорошо видно различие уже на самых простых примерах. В предложении *Перед собой я видел счастливого*

человека, заветная мечта которого осуществилась придаточная часть относится к существительному и имеет определительное значение. В конструкции *Мне показалось, что редактор газеты очень хорошо понимал значение экспедиции «Святой Марии»* зависимый компонент восполняет содержание слова со значением мысли, а потому речь идет об изъяснительном типе. Если же взять фразу *Солнце было уже высоко, когда я открыл глаза*, вопрос направлен ко всему сообщению главной части, и в поле зрения уже оказывается временное придаточное.

Синтаксис сложноподчиненных конструкций в русском языке особенно нагляден там, где одна и та же синтаксическая рамка распадается на несколько смысловых разрядов. Так, конструкция с союзом что может вводить изъяснительную зависимость, меру и степень, следствие, иногда – модифицированную цель. В академической грамматике русского литературного языка подобные различия описываются через характер опорного слова и через тип смысловой связи между частями [3: 60]. Поэтому предложение *Воспитанный человек уважает себя и окружающих и ведёт себя так, чтобы не доставлять неприятностей другим людям* относится к придаточным образа действия, хотя формально союз чтобы обычно ассоциируется с целью. В примере *До появления людей на острове было так много птиц, что их крики заглушили бы удары Японского моря о скалы* на первый план выходит мера интенсивности признака. Иной рисунок у предложения *Пёс по имени Ферзь оброс шерстью к зиме, так что мороз ему был не страшен*, где зависимая часть передает уже результат, вытекающий из содержания главной. Для русского языка такая тонкая смысловая дифференциация очень характерна, и именно она делает школьную классификацию развернутой.

Синтаксис конструкций придаточных в башкирском языке строится иначе. Здесь в круг основных типов входят придаточные подлежащие, сказуемые, дополнительные, определительные, временные, местные, причинные, целевые, условные, уступительные, сравнительные, причем границы между группами очерчиваются не только по значению, но и по способу связи. Г.Г. Саитбатталов подробно показывает, насколько важны для башкирского сложноподчиненного предложения препозиция, постпозиция, наличие соотносительных слов в главной части и глагольные формы зависимого компонента [5: 123-198].

Особенно примечательны придаточные подлежащие (эйәрсән эйә һөйләм), которые в русской школьной традиции отдельным разрядом обычно не выделяются. В башкирском материале они легко узнаются по корреляциям типа кем – шул, нәмә – шул. Например, конструкции *Кем эшләй, шул ашай* (посл.). – *Кто работает, тот и ест* и *Оло йортҡа ни кәрәк – кесеһенә лә шул кәрәк* (посл.). – *Что надо большому дому, то надо и маленькому*.

Не менее своеобразны придаточные сказуемые (эйәрсән хәбәр һөйләм), раскрывающие содержание указательного компонента в главной части: *Минең һүҙем шул: мин сыға алмайым. – Мое слово таково: я не могу уйти из коммуны*; *Председатель ниндәй – колхоз да шундай* (посл.). – *Каков председатель, таков и колхоз*. Уже на таком материале видно: башкирская система сильнее тяготеет к коррелятивным связям и к гибкой позиции придаточной части.

Если перейти к придаточному дополнения (тултырыусы эйәрсән һөйләм), то есть изъяснительным отношениям, сходство между двумя языками становится заметно ближе. В обоих случаях зависимая часть восполняет смысловую неполноту главной, часто при словах речи, мысли, восприятия, знания или волевого побуждения. Но оформляется подобная связь по-разному.

Башкирский синтаксис сложного предложения, указывает на преобладание препозиции придаточного компонента в башкирских изъяснительных конструкциях, тогда как в русском языке зависимая часть чаще следует за главным сообщением [6: 122]. Русский пример *Мне показалось, что редактор газеты очень хорошо понимал значение экспедиции «Святой Марии»* – конструкция именно по такой модели. Башкирский материал тяготеет к иному ходу: *Ауыҙы әйткәнде ҡолағы ишетмәй* (Посл.) – *Ухо не слышит то, что говорит рот*; *Мин кисергәнде бына һин кисереп ҡара* (З. Биишева) – *Попробуй пережить то, что я пережил*; *Петров Айбулат килеүгә ысын күңелдән шатланды* (Һ. Дәүләтшина) – *Петров от души обрадовался тому, что пришел Айбулат*. При переводе как раз здесь особенно часто возникает перестройка порядка частей, хотя смысловой стержень конструкции сохраняется.

Для школьного и вузовского анализа важна еще одна особенность башкирского материала – подвижность позиции придаточного компонента, зависящая от типа связи. В учебной программе по синтаксису башкирского языка подробно фиксируются случаи препозиции, интерпозиции и постпозиции зависимой части, причем один и тот же разряд может вести себя по-разному в синтетических и аналитических моделях [1: 78]. Особенно заметно это у определительных конструкций (эйәрсән аныҡлаусы һөйләм). Русское определительное придаточное обычно примыкает к определяемому слову постпозитивно, как в примере *Перед собой я видел счастливого человека,*

заветная мечта которого осуществилась. В башкирском же языке возможны разные варианты: *Сәйеф ағай ултыртҡан ҡараған балаларына тороп ҡалды. – Смородина, которую посадил дедушка Зариф, осталась детям*; *Аҡтар штаб урынлашҡан ауылға һөжүм иттеләр – Белые атаковали деревню, в которой был расположен штаб*; *Кемдең белеме бар, шуға ҡәҙер бар – У кого есть знание, у того есть почет*. Сильную роль играют и причастные формы, нередко оформляющие подчинение без специальных союзных слов. Отсюда возникает различие в поверхности конструкции при близком логическом содержании.

Придаточные времени (эйәрсән ваҡыт һөйләм) в сопоставлении двух языков дают особенно чистый материал для наблюдения, потому что значение у них совпадает, а грамматический облик заметно различается. В русском языке временное отношение чаще всего передается союзами когда, пока, едва, как только, прежде чем и сходными средствами. Показателен пример *Солнце было уже высоко, когда я открыл глаза*. Русская модель здесь прозрачна: союзная связь, постпозиция зависимой части, временной вопрос ко всей главной ситуации. В башкирском материале временная соотнесенность выражается глагольной формой зависимого компонента, нередко причастием в местно-временном падеже либо сочетанием с послелогами. Отсюда конструкции *Һыу эскәндә, уның ҡайҙан сыҡҡанын иҫтә тот – Когда пьешь воду, помни об источнике* и *Уҡыусылар күнегеү эшләгән арала, уҡытыусы таҡтаға тағы ла бер һөйләм яҙҙы – Пока учащиеся выполнили упражнение, учитель написал на доске еще одно предложение*. Чуть иной оттенок у примера *Улар кинонан сыҡҡан саҡта, эре ябалаҡлы ҡар тын ғына яуа ине* (Б. Бикбай) – *Когда они вышли из кино, тихо падал крупный снег*, где форма саҡта прямо маркирует временной момент.

Придаточные места (эйәрсән урын һөйләм) показыыают близость значения и различие технических средств. Русский язык обычно опирается на союзные слова где, куда, откуда, причем зависимая часть может стоять после главной либо внутри нее. Таково предложение *Впереди, куда вела дорога, было немного посветлее*. В башкирской синтаксической системе местное значение чаще выводится в препозицию, а связь оформляется коррелятивными словами ҡайҙа – шунда, ҡайҙан – шунан или конструкциями с опорными словами урын, ер. Очень выразительны примеры *Ҡайҙа татыулыҡ – шунда матурлыҡ. – Где согласие, там и красота* и *Ел ҡайҙан иҫһә, ямғыр ҙа шунан килә*. Есть и более развернутые модели: *Ҡоралай ҡайҙан үтһә, башҡорт ҡыҙҙары ла шунан үтә алдылар – Где проходила косуля, там же смогли пройти башкирские девушки*; *Мин директор булып эшләгән яҡтарҙа бер кем дә урмаға ҡытлыҡ кисермәй – Где я работаю директором, никто не нуждается в лесе*. Русская система тут синтаксически менее маркирована формой сказуемого, башкирская же прочнее опирается на корреляцию местных слов и на позиционное выдвижение зависимого компонента.

Когда речь заходит о придаточных причины (эйәрсән сәбәп һөйләм), различие между русской и башкирской конструкцией снова смещается от значения к форме. Русский язык пользуется главным образом союзами потому что, так как, поскольку, ибо, оттого что. Пример: *Впереди было немного посветлее, потому что за плотными тучами брезжили отблески короткого декабрьского дня* строится именно по такой схеме. Башкирский язык располагает более пестрым набором средств. Причинная зависимость может оформляться падежными формами причастий и имен действия, деепричастными образованиями, сочетаниями с послелогами арҡаһында, сәбәпле, айҡанлы. Поэтому рядом оказываются конструкции разной поверхности: *Өс көн буйы көслө ямғыр яуғанға, юлдар бөтөнләй изелгән ине – Так как три дня шел сильный дождь, дороги совсем испортились*; *Әле генә йылы ямғыр яуып үткәнлектән, һауа саф ине – Воздух был чист, потому что только что прошел дождь*; *Бер кисә ком буйы туҡтауһыҙ ямғыр яуыу арҡаһында, комбайн ашлыҡ ура алманы – Комбайн не мог косить хлеб, потому что несколько дней подряд шли дожди*. Русское придаточное причины в школьном разборе узнается прежде всего по союзу, башкирское – по морфологической форме сказуемого и по послеложной рамке.

Придаточные цели (эйәрсән маҡсат һөйләм) в двух языках семантически очень близки: зависимая часть отвечает на вопрос о цели действия главной. В русском языке связь строится главным образом союзом чтобы и его вариантами. Поэтому предложение *Пришлось бы написать ещё одну книгу, чтобы подробно рассказать об экспедиции капитана Татаринова* воспринимается без труда и в школьной, и в вузовской практике. В башкирском материале картина иная. Специальных целевых союзов здесь нет, и зависимость создается сочетанием аффиксов -һын/-һен с послелогом өсөн либо частицей тип. Отсюда естественны конструкции *Сәй тәмлерәк булһын өсөн, башҡорттар уға ҡаймаҡ өҫтәйҙәр* и *Кешеләр бер-береһе менән аралаша алһын өсөн, тел кәрәк*. По тому же типу строятся строки *Яҙҙарыбыҙ яҡты булһын өсөн, Беҙ теләйбеҙ ерҙә тыныслыҡ* (Ҡ. Даян) – *Чтобы наши весны были светлыми, мы желаем мира на земле* и *Янғын келәттән өйгә күсмәһен тип,*

кешеләр өйҙөң стенаһына һыу һибәргә тотондолар (Ж. Кейекбаев) – *Чтобы пожар не перекинулся с амбара на дом, люди стали поливать стены дома*.

Условные и уступительные отношения (эйәрсән шарт һөйләм) в сравнительном аспекте лучше рассматривать рядом, потому что обе группы тесно связаны с модальностью и предположением. Конструкция придаточного условия в русском языкеобычно организуется союзами если, когда, раз, ежели, если… то, а русская уступительная – союзами хотя, хоть, пусть, несмотря на то что. В качестве образцов можно взять предложения *Если пучок света пропустить через призму, то он распадётся на составляющие его лучи с разной длиной волн* и *Хотя Леонтьеву очень хотелось поехать в лесничество к Петру Максимовичу, он решил до осени никуда не выезжать из Ленинграда*. Башкирский язык для условной связи широко использует аффикс сослагательного наклонения -ha/-hə, иногда в сочетании с союзом әгәр, причем подобная модель оформляется морфологически, а не только союзным словом. В уступительных конструкциях особенно заметны сочетания с булһа ла и с оборотом ҡарамаҫтан. Поэтому легко узнаются примеры *Төндә насар йоҡлауға ҡарамаҫтан, мин уҙемде яҡшы тоям – Я чувствую себя хорошо, несмотря на то что плохо ночь спала* и *Көн эҫе булһа ла, күлдең һыуы йылынып бөтмәгәйне әле – Хотя день был жаркий, вода в озере еще не нагрелась*. Для перевода существенна одна деталь: башкирская уступительная придаточная часть обычно стоит перед главной, русская же синтаксически свободнее.

Особенно богатым оказывается поле сравнительных придаточных (эйәрсән сағыштырыу һөйләм). Русский язык соединяет части союзами как, словно, будто, точно, как будто и сходными формами, создающими уподобление одной ситуации другой. Таков пример *Мелкие листья ярко и дружно зеленеют, словно их вымыл и лак на них навёл*. Башкирский язык идет иной дорогой. Сравнение оформляется послелогами кеүек, һымаҡ, шикелле, төҫлө, аффиксами *-дай/-дәй*, формой *-ғансы*, сочетанием *-ғанға ҡарағанда*, словом *әйтерһең*, соотносительными словами *нисек/шулай*. Поэтому один русский разряд в башкирском распадается на целый ряд структурных моделей: *Ҡояшһыҙ йәшәп булмаған кеүек, кеше тыуған илһеҙ ҙә йәшәй алмай*; *Тауҙар тигеҙ була алмаған кеүек, таланттар ҙа тигеҙ түгелдәр*; *Кислородһыҙ йәшәп булмағандай, мин был илһеҙ йәшәй алмайым*; *Йөҙ һум аҡсаң булғансы, йөҙ дуҫың булһын*; *Мин уйлағанға ҡарағанда, бында эш бик күпкә артыҡ булып сыҡты*; *Ағизел өҫтөндә айҙың нурҙары нисек уйнай, асфальтта электр нуры уйнаһын ана шулай*. Смысл везде сравнительный, а синтаксическая техника заметно варьируется.

Наибольшие расхождения проявляются там, где русская традиция выделяет придаточные образа действия, меры и степени, следствия (эйәрсән рәүеш, күләм-дәрәжә, һөҙөмтә), а башкирская учебная классификация не всегда проводит столь же подробную границу. Русский язык в подобных случаях четко ориентируется на смысловой вопрос и на опорное слово в главной части. Поэтому фраза *Воспитанный человек уважает себя и окружающих и ведёт себя так, чтобы не доставлять неприятностей другим людям* интерпретируется как придаточное образа действия, а предложение *До появления людей на острове было так много птиц, что их крики заглушили бы удары Японского моря о скалы* – как мера и степень. Еще один особый разряд задает предложение *Пёс по имени Ферзь оброс шерстью к зиме, так что мороз ему был не страшен*, где зависимая часть передает следствие. В башкирском материале сходные оттенки часто распределяются между сравнительными, целевыми, причинно-результативными или лексически осложненными конструкциями. Отсюда и трудность для учащегося: формальное совпадение союзов не гарантирует совпадения разряда, а прямой перевод нередко требует перестройки всей связи между частями.

Определительные конструкции тоже не исчерпываются одним школьным правилом о слове который. Русский язык действительно очень часто использует союзные слова который, какой, чей, где, куда, откуда, и зависимая часть в таких случаях относится к имени в главной части. Но башкирская определительная модель заметно теснее связана с причастными формами. В примере *Мин уҡыған мәктәп ҡаланың үҙәгендә урынлашҡан – Школа в которой я учусь расположена в центре города* средство связи заключено уже в самой форме зависимого сказуемого, а не в отдельном союзном слове. То же наблюдается и в предложении *Сәйеф ағай ултыртҡан ҡараған балаларына тороп ҡалды*. При аналитическом способе связь может строиться иначе, как в конструкции *Кемдең белеме бар, шуға ҡәҙер бар*. Русский учащийся, работающий с башкирским материалом, здесь сталкивается с необходимостью видеть придаточность не по одному внешнему маркеру, а по комплексу признаков.

Русскоязычный ученик, изучающий башкирский синтаксис, обычно легче усваивает временные, местные, причинные, целевые и уступительные отношения, потому что семантическое ядро подобных конструкций ему уже знакомо. Труднее идут придаточные подлежащие и сказуемые, в русском синтаксисе нет устойчивой традиции для нового материала. Башкирскоязычному ученику,

напротив, в русском языке приходится тоньше различать изъяснительное значение, образ действия, меру и степень, следствие, поскольку русская школьная схема разводит данные оттенки строже.

В переводческой практике полезно двигаться от вопроса, который ставится к придаточной части, к способу связи, а потом уже к позиции зависимого компонента. Если такую последовательность не выдержать, возникает подмена: сходная по содержанию башкирская конструкция механически объявляется русским аналогом без оглядки на ее внутреннее устройство. Сравнительный синтаксис ценен именно тем, что останавливает такую поспешность и заставляет видеть форму в ее связи со значением.

При внимательном сопоставлении видов придаточных предложений в башкирском и русском языках вырисовывается картина сложная, подвижная. Русская система отчетливо развернута по смысловым отношениям и дробно описывает зависимые части по характеру их функции в общей структуре высказывания. Синтаксис башкирского языка сильнее зависит от коррелятивных слов, глагольных аффиксов, послелогов и порядка следования частей, из-за чего одна и та же смысловая зона может получать иное формальное оформление. Отсюда вырастают два практических следствия. С одной стороны, совпадающие типы – временные, местные, причинные, целевые, уступительные, сравнительные – создают хорошую опору для сопоставительного обучения. С другой – такие группы, как башкирские придаточные подлежащие и сказуемые или русские придаточные меры и степени, требуют отдельного и вдумчивого комментария, без поспешного сведения к знакомой схеме. Именно на подобных участках особенно ясно видно: синтаксис двух близко взаимодействующих языков нельзя понять по одному набору терминов, его приходится читать по реальным конструкциям, по их позиции, форме, смыслу.

Литература:

1. Арсланова М.А. Башҡорт телендә хәл эйәрсән һөйләмдәрҙең төрҙәре // Материалы X Всероссийской заочной научно-практической конференции «Актуальные проблемы современной татарской филологии», посвященная 95-летию со дня рождения известного языковеда, тюрколога, доктора филологических наук, профессора, первого заведующего кафедрой татарской филологии Башкирского государственного университета Габдулхая Хурамовича Ахатова (1927 – 1986). 9 декабря 2022 г. – Уфа, 2022. – С. 29-32.

2. Байбулдина Н.И., Хөснөтдинова Р.Я. Л.Л.Сәмиғуллинаның хеҙмәттәрендә хәл эйәрсән һөйләмдәрҙе төркөмләү мәсьәләһе // Материалы региональной научно-практической конференции «Актуальные проблемы современной филологии», посвященной 130-летию известного башкирского педагога, ученого, общественного деятеля Габбаса Давлетшина. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2022. – С. 60-65.

3. Башҡорт теле грамматикаһы: 3 томда. Т. III: Синтаксис / [яуаплы мөхәррирҙәре Ә.М. Аҙнабаев, Ф.С. Тикеев]. – Өфө: Китап, 2018. – 472 б.

4. Белошапкова В.А. Современный русский язык: Синтаксис. – М.: Высшая школа, 1977. – 423 с.

5. Грамматика современного русского литературного языка [Текст]. – М.: Наука, 1970. – 504 с.

6. Сәйетбатталов Ғ.Ғ. Башҡорт теле. II том. Ҡушма һөйләм синтаксисы. – Өфө: Китап, 2002. – 432 б.

7. Сәмиғуллина Л.Л. Башҡорт теленең ҡушма һөйләм синтаксисы: уҡыу ҡулланмаһы. – Стәрлетамаҡ: Стәрлетамаҡ дәүләт педагогия институты нәшриәте, 2003. – 65 б.

© Дик А.А, 2026

УДК 81.366.512.141

Дик А.А.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***М.И. Карабаев***
канд. филол. наук, доцент УУНиТ
г. Уфа, Россия

ЭМПОРОНИМЫ ДЁМСКОГО РАЙОНА ГОРОДА УФЫ

Городское коммерческое название – одно из наиболее динамичных и социально чутких разрядов современной ономастики. Эмпоронимы, то есть собственные имена торговых предприятий и учреждений обслуживания, – магазинов, кафе, салонов, рынков, – изучаются как составная часть урбанонимии и городского лингвистического ландшафта [1, с. 34].

Термин восходит к греческому *emporion* – торговая гавань, рынок – и отражает саму природу явления: имя торгового места всегда обращено к покупателю, всегда несёт коммуникативную и маркетинговую нагрузку одновременно [4, с. 112].

В Дёмском районе города Уфы, являющемся одним из крупнейших по численности населения и географическому охвату, наблюдается разнообразие эмпоронимов, представляющих собой сложный пласт гибридной номенклатуры, формирующейся под влиянием как локальных, так и глобальных факторов. Анализ торговых объектов района позволяет выделить несколько типологических групп эмпоронимов, каждая из которых имеет свою семантическую нагрузку и функциональную принадлежность.

Одним из наиболее ярко выраженных примеров является торговый комплекс на улице Вахтангова, 25, где в рамках единой инфраструктурной зоны сосредоточены несколько объектов с разными названиями. Здесь расположены «Союз» (корпус 3), ранее известный как «Демская торговая база» (корпус 1), а также отдельные павильоны и здания, функционирующие как оптово-розничные рынки. Название «Союз» представляет собой идеологически нейтральный реликвный топоним, восходящий к советскому периоду, когда подобные наименования использовались для обозначения кооперативных и объединённых торговых структур. В современном контексте оно сохраняет функцию маркировки пространства, однако утратило первоначальную идеологическую нагрузку, превратившись в устойчивое географическое обозначение. В то же время, несмотря на официальное название, местное население продолжает использовать разговорное наименование – «Вьетнамский рынок», что свидетельствует о формировании параллельной, стихийной системы идентификации, основанной на этнической принадлежности основной группы предпринимателей. Такой феномен является ярким примером социолингвистической динамики в городской среде, где официальные и неофициальные эмпоронимы сосуществуют и конкурируют за пространственную идентичность.

Ещё одним примером является магазин «Радуга», расположенный на улице Островского, 16/2. Название носит ассоциативный характер, апеллируя к образу многоцветия, разнообразия и доступности товаров. Лексема «радуга» в русском языке традиционно ассоциируется с позитивными эмоциями, надеждой и обилием, что делает её эффективным маркетинговым инструментом в торговле. Подобные нейтральные, но образные названия характерны для объектов торговли, ориентированных на широкую аудиторию, включая семьи с детьми и пожилых покупателей. Интересно, что в советское время такие наименования также использовались, но чаще в контексте учреждений культуры или детских организаций, тогда как сегодня они активно применяются в коммерческой сфере, что отражает трансформацию языковых практик.

Ещё один значимый объект – рынок «Южный» на переулке Ухтомского. Географическое название «Южный» указывает на локализацию объекта в южной части района, что соответствует принципу ориентации по сторонам света, широко распространённому в топонимике. Такие названия просты, функциональны и легко воспринимаются, что делает их популярными в планировке городской инфраструктуры. При этом в 2025 году было зафиксировано изменение статуса объекта – компания-владелец рынка была выставлена на продажу, что может повлечь за собой редукцию или трансформацию названия. Это подчёркивает динамичный характер эмпоронимии: торговые названия не являются статичными, а подвержены влиянию экономических, правовых и урбанистических факторов.

Магазин «Правда», расположенный на одноимённой улице Правды, 13, является ярким примером географически обусловленного эмпоронима, при котором название торговой точки напрямую перекликается с наименованием улицы. Такая практика характерна для локальных магазинов, стремящихся усилить свою идентичность за счёт апелляции к уже устоявшемуся топониму. Улица Правды, в свою очередь, получила своё название в советский период, что делает его частью идеологической топонимической традиции, восходящей к пропагандистским лозунгам эпохи. В современном контексте это название утратило первоначальную идеологическую нагрузку, однако сохранило статус устойчивого географического маркера. Магазин «Правда» как эмпороним в этом случае выполняет функцию не только навигационной привязки, но и культурного реликта, напоминающего о слоях городской истории. Его расположение в жилом массиве делает его удобным для повседневных покупок, а само название – легко запоминающимся и ассоциативным для местных жителей [6].

В Дёмском районе Уфы наблюдается активная интеграция крупных розничных сетей, чьи эмпоронимы – такие как «Магнит», «Пятёрочка», «Монетка», «Чижик» и «Байрам» – становятся неотъемлемой частью лингвокультурного и урбанистического ландшафта. Эти названия представляют собой яркий пример стандартизированной коммерческой топонимики, формируемой

под влиянием корпоративного брендинга, массовой доступности и экономической консолидации розничного пространства. В отличие от локальных или исторически обусловленных эмпоронимов, подобные наименования носят надрегиональный характер, функционируя как элементы унифицированной языковой системы, воспроизводимой по всей территории страны.

Название «Магнит» построено на метафорическом принципе притяжения: оно апеллирует к идее гравитации потребительского спроса, подчёркивая доступность, широкий ассортимент и удобство. Как франчайзинговая сеть, «Магнит» встраивается в существующую городскую ткань, сохраняя при этом визуальную и семантическую идентичность вне зависимости от локации. В Дёмском районе он представлен как в формате гипермаркетов, так и в формате небольших магазинов у дома, что усиливает его проникновение в повседневную жизнь жителей.

«Пятёрочка», принадлежащая холдингу X5 Retail Group, использует эмпороним, основанный на ассоциации с доступностью и низкими ценами – цифра «5» в названии может восприниматься как символ минимального порога стоимости (например, «всё по пять рублей» в прошлом), что закрепляет у покупателей образ бюджетного формата. Её присутствие

«Монетка», как и «Пятёрочка», относится к бюджетному сегменту и принадлежит той же корпоративной группе. Её название также апеллирует к идее мелкой покупки, экономии и повседневного потребления. Размещение таких магазинов вблизи жилых кварталов и транспортных узлов способствует формированию устойчивых паттернов потребительского поведения, при этом сам эмпороним становится частью повседневной лексики жителей: «схожу в Монетку» – пример фразеологизации торгового названия.

«Чижик» – ещё один представитель массового ритейла, чьё название построено на яркой зоонимической метафоре. Птица чиж ассоциируется с чем-то маленьким, проворным, живым – образ, который эффективно передаёт концепцию компактного, динамичного магазина с высокой проходимостью. Такой выбор наименования демонстрирует тенденцию к персонификации торговых объектов, что усиливает их эмоциональную вовлечённость в сознание потребителя.

Особое внимание заслуживает эмпороним «Байрам», чьё происхождение восходит к тюркскому языковому фону и означает «праздник» или «торжество». В отличие от полностью русифицированных сетей, это название отражает попытку адаптации к локальному культурному контексту, особенно в регионе с многонациональным составом населения, каким является Республика Башкортостан. Использование топонимически и этнически маркированного названия способствует формированию ощущения близости и доверия среди части аудитории, что делает «Байрам» примером локализованного брендирования в условиях национального региона.

Другой пример – магазин «Дворик». Этот эмпороним построен на ассоциации с уютным, близким к дому пространством, что характерно для магазинов формата «у дома». Слово «дворик» вызывает образ тихого, обособленного уголка, где всё под рукой – от хлеба до молока. Такое название способствует формированию ощущения доступности, простоты и повседневности, что особенно важно для розничных точек, ориентированных на постоянную клиентуру. В отличие от корпоративных брендов, таких как «Магнит» или «Пятёрочка», «Дворик» не принадлежит к крупной федеральной сети, что делает его частью локальной торговой экосистемы. Его название можно рассматривать как попытку создать альтернативный, более «человечный» образ в противовес стандартизированной сети: не просто магазин, а часть бытового ландшафта, встроенный в повседневную жизнь двора.

Анализ эмпоронимов Дёмского района Уфы, представленных такими примерами, как «Демская торговая база», «Радуга», «Южный рынок», «Правда», «Пятёрочка», «Магнит», «Монетка», «Чижик», «Байрам» и «Дворик», позволяет сделать вывод о высокой степени семантической и функциональной дифференциации торговой номенклатуры, отражающей сложную социокультурную и экономическую структуру района. Эмпоронимия Дёмского района представляет собой гибридную систему, в которой сосуществуют и взаимодействуют несколько типологий наименований, каждая из которых выполняет определённую роль в формировании городского ландшафта.

На одном полюсе находятся локальные и исторически обусловленные эмпоронимы, такие как «Демская торговая база» и «Радуга», которые укоренены в пространственной и временной памяти жителей. Особое значение имеет феномен параллельной топонимики – например, бытовое наименование «Вьетнамский рынок» для «Демской торговой базы», – что свидетельствует о живой, стихийной языковой практике, в которой официальные названия дополняются или заменяются народными, более точными с точки зрения социальной реальности.

На другом полюсе – сетевые эмпоронимы массового ритейла: «Пятёрочка», «Магнит», «Монетка», «Чижик». Эти названия являются элементами унифицированной корпоративной топонимики, ориентированной на узнаваемость, стандартизацию и маркетинговую эффективность.

Особую нишу занимают эмпоронимы, сочетающие локальную привязку и культурную маркированность, такие как «Байрам» и «Правда».

Таким образом, эмпоронимия Дёмского района Уфы представляет собой динамичный и многоуровневый феномен, в котором переплетаются историческая преемственность, корпоративная стандартизация, культурная локализация и повседневная языковая практика. Эти названия не просто обозначают торговые объекты – они конструируют городскую идентичность, отражают социальные изменения и становятся частью коллективной памяти и повседневного опыта жителей. Изучение эмпоронимов позволяет глубже понять, как язык, экономика и пространство взаимодействуют в современном городе, превращая магазины в семиотические маркеры урбанистической реальности.

Литература:

1. Голомидова М. В. Искусственная номинация в русской ономастике : дис. … д-ра филол. наук : 10.02.01. – Екатеринбург, 1998. – 403 с.

2. Крюкова И. В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности. – Волгоград : Перемена, 2004. – 288 с.

3. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Наука, 1988. – 198 с.

4. Ражина В. А. Ономастические реалии в массмедийном тексте: прагматика перевода // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2010. – № 4. – С. 117–121.

5. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. – М. : Книжный дом «Либроком», 2009. – 368 с.

6. Фазылова Г.Р. Карабаев М.И., Абдуллина Г.Р. Эмпоронимы города Стерлитамак // Вестник Башкирского университета, 2020. Т. 25. №2. DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2020.2.36

7. Шимкевич Н. В. Русская коммерческая номинация: динамика, тенденции развития : дис. … канд. филол. наук : 10.02.01. – Екатеринбург, 2002. – 189 с.

© Дик А.А., 2026

УДК 811.581

Дильмухаметова А.Р.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Карабаев М.И.,***
канд. филол. наук, доцент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

КРИТЕРИИ КЛАССИФИКАЦИИ ДИАЛЕКТОВ ГУАНЬХУА: ПОДХОД ЛИ ЖУНА

Изучение диалектов является основным направлением китайской диалектологии на протяжении многих лет. Центральное место в исследованиях занимают диалекты Гуаньхуа (官话, Guānhuà), так как они охватывают около 70 % территории Китайской Народной Республики и на нем говорят более чем 800 миллионов человек. А также гуаньхуа послужили основой общеупотребительного языка Путунхуа(普通话, Pǔtōnghuà). Цель настоящей работы - систематизировать критерии классификации диалектов гуаньхуа, применённые Ли Жуном, и оценить их лингвистическую обоснованность. Актуальность исследования обусловлена необходимостью уточнения диагностических признаков диалектов гуаньхуа в свете новых диалектологических данных и возможного применения количественных методов.

На протяжении XX века вопрос о том, как классифицировать диалекты гуаньхуа, оставался открытым и вызывал споры среди многих лингвистов. В XX–XXI веках разные исследователи предложили различные системы классификации, основанные на фонетических, лексических, грамматических и исторических признаках. Самая признанная классификации была предложена Ли Жуном (李荣). В 1980-х Ли Жун предложил классификацию, которая опиралась на фонетические

признаки и именно она послужила основой «Атласа языков Китая» (中国语**言地**图集, Zhōngguó yǔyán dìtú jí).

Задолго до работ Ли Жуна, классификация диалектов гуаньхуа основывалась именно на географическом принципе. Этому свидетельствуют атласы выпущенные издательством «Шэньбаогуань». Например, в атласе, выпущенном еще в 1948 году, приводится, следующее деление диалектов: северные гуаньхуа, юго-западные западные гуаньхуа, гуаньхуа нижнего течения Янцзы, группы диалеков У, Сян, Гань, хакка, Юэ, южная Минь, северная Минь, диалекты Хуэйчжоу. В которых гуаньхуа верхнего течения Янцзы разделены на юго-западные диалекты гуаньхуа и диалекты группы Сян; 2) из района гуаньхуа нижнего течения Янцзы выделены диалекты группы Гань[3]. Но именно Ли Жун впервые предложил строгую иерархию критериев разделения диалектов на подгруппы.

Ли Жун является известным китайским лингвистом, занимающийся изучением диалектов китайского языка. Он является автором таких работ как «Классификация диалектов гуаньхуа», «Цюань иньси» («Фонология Цюань»). Его классификация основана на историко-фонетическом принципе. Основным критерием послужила эволюция среднекитайских «входящих» тонов (入声,жу-шэн, *-p, *-t, *-k). Сохранение или утрата входящего тона, а также характер его распределения (наличие слогового сонорного финаля, переход в другие тоны) являются главным диагностирующим признаком. Например:переход в ян-пин → диалекты Центральной равнины и Юго-западные;переход в цюй-шэн → Цзян-Хуай и Лань-Инь; переход в шан-шэн → Цзяо-Ляо;«Разбросанный» переход (в разные тоны) → Пекинского типа и Северные.Следующим критерием являются рефлексы среднекитайских звонких инициалий (並定群等,Bìng dìng qún děng). Поведение древних звонких смычных и аффрикат в позиции перед ровными тонами – переход в глухие придыхательные или непридыхательные – различает, например, диалекты Пекина и Тяньцзиня. Немало важными критериями являются различение или смешение финалей, восходящих к среднекитайским *-m, *-n, *-ŋ, Важным дифференциальным признаком является степень различия между задненёбным [-ŋ] и переднеязычным [-n] в позиции окончания слога. В пекинском и северо-восточном гуаньхуа эти два окончания различаются (за исключением отдельных рифм), тогда как в юго-западных диалектах часто происходит полное смешение [-n] и [-ŋ], что сближает их с диалектами юга. Также важным является тип тональной системы (количество тонов, характер тональных контуров, объединение тонов 阴平和阳平(Yīnpínghéyángpíng)). Ли Жун учитывал не только число тонов (от 3 до 5 у разных групп гуаньхуа), но и характер их контура. Например, пекинская и северо-восточная группы имеют 4 тона (1-й – высокий ровный, 2-й – восходящий, 3-й – низкий нисходяще-восходящий, 4-й – высокий нисходящий), тогда как в юго-западной группе часто насчитывается 4 тона, но с иным распределением (утрата входящего тона и слияние некоторых категорий). Наличие или отсутствие ретрофлексного гласного [ɚ] и продуктивность суффикса эризации (儿化, *erhua*) также служат критерием. В пекинской, северо-восточной и цзи-лу группах эризация широко распространена и выполняет слово- и формообразовательные функции; в юго-западной группе она почти отсутствует.

На основе этих критериев Ли Жун выделил следующие ветви гуаньхуа:

1. Пекинская ветвь, 北京官话 (běijīngguānhuà). Данная ветвь диалекта распространена не только в Пекине, но так же и в таких провинциях как Жэхэ热**河** (rèhé), Хэбэй河北省 (héběishěng) (Чэндэ承德市 (chéngdéshì), Ланфан廊坊市 (lángfángshì), Чжочжоу涿州市 (zhuōzhōushì)), Ляонин辽**宁省** (liáoníngshěng) (Чаоян朝阳市 (cháoyángshì), Хулудао葫芦岛**市** (húlúdǎoshì), Фусинь阜新市 (fùxīnshì)) и Внутренней Монголии 内蒙古 (nèiměnggǔ) (Чшифен赤峰市 (chìfēngshì)). В пекинском диалекте жу-шэн(входящий тон) исчез; все слоги, относившиеся ранее к этому тону, распределились здесь по другим тонам[3]. Количество тонов: четыре, такие же как и в путунхуа. Характерной чертой является система из трёх тонов и четырёх тональных модуляций (三声四调).

Носовые финали различаются последовательно, смешение [-n] и [-ŋ] не характерно. **Эризация** максимально развита, выполняет слово- и формообразовательные функции (儿化).

2. Хэбэйско-шаньдунская ветвь, 冀鲁官话 (jìlǔguānhuà). Это одна из основных ветвей гуаньхуа, расположенная в большей части провинции Хэбэй河北省 (héběishěng), а также в северной части провинции Хэнань河南省 (hénánshěng), на западе провинции Шаньдун山东**省** (shāndōngshěng), в

провинции Шанси山西省 (shānxīshěng) (Гуанлин广灵县 (Guǎnglíngxiàn)) и Внутренней Монголии 内蒙古(nèiměnggǔ) (Нинчэн宁城县 (níngchéngxiàn)) [5]. Главной особенностью ареала диалекта цзи-лу является наличие в основном четырёх тонов: иньпин (ровный тёмный), янпин (ровный светлый), шаншэн (восходящий) и цюйшэн (уходящий). Эволюция древних тонов пин (ровный), шан (восходящий), цюй (уходящий), а также звонких инициальных древнего входящего тона (жушэн) одинакова на всей территории.

3. Цзянхуайская ветвь, 江淮官话 (jiāngzhǔnguānhuà). Ветвь наиболее распространена в таких провинциях как Цзянсу江苏**省** (jiāngsūshěng), средней части Аньхой安徽省 (ānhuīshěng), Цзянси江西省(jiāngxīshěng) (Цзюцзян九江市 (jiǔjiāngshì)), Хубэй湖北省(húběishěng) (Хуанган黄冈**市** (huánggāngshì)) [5]. Входящий тон в этом диалекте сохраняется как отдельный тон (часто без смычных окончаний [-p,-t,-k], но с особой краткой тональной кривой). В этой диалектной группе пять тонов (включая входящий). Носовые финали различаются последовательно. Эризация не характерна для диалекта.

4. Ветвь цзяо-ляо, 膠遼官话 (jiāoliáoguānhuà. Ареал распространения данной ветви находится в провинции ШаньдунШаньдун山东**省** (shāndōngshěng) (полуостров Дзяодун胶东**半**岛 (jiāodōngbàndǎo)), Ляонин辽**宁省** (liáoníngshěng) (Ляодунский полуостров 辽**宁省** (liáodōngbàndǎo)) и Хэйлунцзяо黑龙**江** (hēilóngjiāng). Отличительной чертой является переход бывших входящих глухих в тон **шан-шэн** (восходящий).Носовые финали часто смешиваются: *-n* и *-ŋ* не различаются в позиции после гласных заднего ряда. Эризация почти отсутствует.

5. Ветвь Лань-инь, 兰银**官**话 (lányínguānhuà). Ветвь располагается в северо-западной части Китая: в провинциях Ганьсу甘肃**省** (gānsùshěng) и Цинхай青海省 (qīnghǎishěng), таких автономных районах как Нинся宁夏(níngxià) и в северной части Синьцзян 新疆 (xīnjiāng), а также в западной части Внутренней Монголии 内蒙古 (nèiměnggǔ). В ланьиньском диалекте слова с глухими и сонорными (次浊) инициалями древнего входящего тона (жушэн) в современном языке читаются как уходящий тон (цюйшэн), а слова с полнозвонкими (全浊) инициалями – как ровный светлый тон (янпин).

6. Северо-восточная ветвь, 东**北官**话 (dōngběiguānhuà). Ареал распространения диалектной ветви занимает провинцию Хэйлунцзяо黑龙**江省** (hēilóngjiāngshěng), всю территорию провинции Цзилинь吉林省 (jílínshěng), большую часть провинции Ляонин辽**宁省** (liáoníngshěng), восточную часть автономного района Внутренней Монголии 内蒙古自治区 (nèiměnggǔzìzhìqū), а также северо-восточную часть провинции Хэбэй河北省 (héběishěng) [5]. Имеют схожую с пекинским типом «разбросанную» модель распределения. Входящий тон полностью утрачен, слоги с глухими инициалями распределяются по 1-му, 2-му и 4-му тонам (как в пекинском, но с рядом отличий). Смешение [-n] и [-ŋ]: в финалях происходит в ограниченных позициях (например, различение *-in* и -ing часто сохраняется, но *-en* и -eng могут смешиваться).Эризация продуктивна, но степень её распространения ниже, чем в пекинском.

7. Юго-западная ветвь, 西南官话 (xīnánguānhuà). Данная ветвь также известна, как 上江官话 (shàngjiāngguānhuà). Она сосредоточена в таких автономных округах как Чунцин重庆 (chóngqìng) и Гуанси广西 (guǎngxī), а таких в провинциях как Сычуань 四川 (sìchuān), Гуйчжоу贵**州** (guìzhōu), Юнань云南 (yúnnán), Хубэй湖北 (húběi), Хунань湖南 (húnán), Шэньси陕**西** (shǎnxī), Цзянси江西 (jiāngxī) [4].Для данной подгруппы характерен переход бывших входящих глухих в тон **ян-пин**. Носовые финали смешиваются полностью, то есть, здесь нет различия между *-n* и *-ŋ* в любой позиции. Эризация полностью отсутствует.

8. Чжунъюаньская ветвь, 中原官话 (zhōngyuánguānhuà). Распространена в большей части провинции Хэнань (河南 (hénán)), юго-западной части провинции Шаньдун (山东 (shāndōng)),

северной части провинции Аньхой (安徽 (ānhuī)), на северо-западе провинции Цзянсу (江苏 (jiāngsū)), в юго-западной части провинции Шаньси (山西 (shānxī)), центральной части провинции Шэньси (陕西 (shǎnxī)), южной части провинции Нинся (宁夏 (níngxià)), на востоке провинции Ганьсу (甘肃 (gānsù)), северо-востоке провинции Цинхай (青海 (qīnghǎi)), на юге горного хребта Тянь-Шань (天山 (tiānshān)) в автономном районе Синьцзян (新疆 (xīnjiāng)) и т.д[4]. Входящий тон в данной ветви утрачен; глухие входящие слоги почти всегда переходят во 2-й тон (восходящий) – ключевой дифференцирующий признак. Носовые финали различаются частично; смешение *-n* и *-ŋ* наблюдается в диалектах на периферии.

Таким образом, подход Ли Жуна к классификации диалектов гуаньхуа основывается на иерархии фонетических признаков, среди которых ключевым является рефлексация среднекитайского входящего тона. Дополнительными критериями служат количество тонов, смешение носовых финалей, наличие ретрофлексных гласных, а также избранные лексико-грамматические изоглоссы. Сильной стороной подхода Ли Жуна являются объективность, масштабируемость на весь ареал распространения северных диалектов и высокая прогностическая способность. В то же время классификация подвергается критике за недостаточное внимание к переходным зонам, где говоры демонстрируют смешанные признаки, а также за игнорирование социолингвистической динамики, особенно в условиях урбанизации и распространения путунхуа. Тем не менее, несмотря на эти ограничения, эта классификация сохраняет актуальность в китайской диалектологии как стандарт описания северных диалектов, несмотря на дискуссии о статусе переходных говоров. Дальнейшие исследования должны интегрировать данные корпусной лингвистики и социолингвистические параметры, чтобы уточнить границы выделенных подгрупп.

Литература:

1. Завьялова О.И. Большой мир китайского языка. / О.И. Завьялова. – 2-е изд – М.: Восточная книга, 2014. – 320 с.

2. Завьялова О.И. Диалекты китайского языка. / О.И. Завьялова. - М.: Научная книга, 1996.

3. Ли Жун, Классификация диалектов гуаньхуа. Новое в лингвистике. Вып. XXII. Языкознание в Китае – 202-211 с.

4. Колпашникова А. В. Способы перевода грамматических и лексических диалектов группы Гуаньхуа (на материале романа Лао Шэ « записки о кошачьем городе») [Электронный ресурс] – URL: https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vital:10699

5. Степашкина К.К. Особенности перевода диалектизмов гуаньхуа с китайского языка на русский (на материале романа Лао Шу «Под пурпурными стягами») [Электронный ресурс] – URL: file:///C:/Users/us/Downloads/BP.pdf.pdf

6. LiRong (linguist) [Электронный ресурс] – URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Li_Rong_(linguist)

7. 曹志耘。汉语方言地图集（词汇卷）。商务印书馆，2008. 203 页 (ЦаоЧжиюнь. Атлас китайских диалектов. / Цао Чжиюнь – Китай: Коммерческая пресса, 2008. – 203 с.)

8. 中国方言[Электронный ресурс] – URL: https://baike.baidu.com/item/中国方言/11013054

9. 官话区方言有哪些[Электронный ресурс] – URL: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1792023651804383866&wfr=spider&for=pc

10. 重庆话 [Электронный ресурс] – URL: URL:http://baike.baidu.com/item/%E9%87%8D%E5%BA%86%E8%AF%9D?sef r=cr#2

11. 方言分区中一些问题的再思考[Электронный ресурс] – URL: https://chinese-thought.ecnu.edu.cn/75/7a/c33025a357754/page.htm

© Дильмухаметова А.Р., 2026

УДК 070

Домрачев Д.А.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Имангулова А.Р.,***
ассистент УУНиТ
г. Уфа, Россия

РАДИОВЕЩАНИЕ В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ: КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С АУДИТОРИЕЙ

Стремительное развитие цифровых технологий, распространение мобильных устройств и внедрение облачных сервисов существенно трансформировали медиасреду, поставив под сомнение устойчивость традиционного эфирного радиовещания. Возникновение и активное развитие интернет-радиостанций, а также стриминговых платформ (streaming – потоковое прослушивание) изменили модели потребления аудиоконтента, сместив акцент в сторону персонализированного и доступного в любое время медиапотребления. Современные цифровые сервисы предоставляют пользователям возможность самостоятельно формировать аудиопоток в соответствии со своими предпочтениями, что усиливает конкуренцию с традиционными радиоформатами и требует от радиостанций адаптации к новым условиям функционирования.

Различные аспекты функционирования радиовещания как медиаресурса в условиях цифровой среды рассматриваются в работах В. Ш. Жачемука, который анализирует исследовательские подходы к радио в современном обществе [1]. Вопросы конкуренции традиционного радио с интернет-форматами и персонализированными аудиосервисами освещены в исследовании А. А. Журавлевой [2]. Особенности интерактивных форматов и каналов коммуникации с аудиторией изучаются Л. А. Кругловой и Ю. В. Насоновой [3]. Проблема эффективности взаимодействия между адресантом и адресатом в радиожурналистике получила отражение в работе И. А. Мальцевой [4].

Современное радиовещание развивается в условиях масштабной цифровизации медиасреды, что приводит к изменению его технологических и коммуникативных характеристик. Радио, ранее функционировавшее преимущественно в рамках линейного эфирного вещания, постепенно трансформируется в многоформатный медиаресурс, интегрированный в цифровое пространство. В научных исследованиях подчеркивается, что в современных условиях радио следует рассматривать не только как канал передачи информации, но и как часть комплексной медиасистемы, взаимодействующей с различными платформами [1: 555–567].

Существенные изменения затрагивают и модели медиапотребления. Если традиционное радиовещание ориентировалось на массовую аудиторию и единый поток контента, то в цифровую эпоху усиливается тенденция к персонализации. Пользователи получают возможность самостоятельно выбирать содержание и формат аудиоматериалов, что способствует росту популярности интернет-радио и стриминговых сервисов. Исследования показывают, что персонализированные аудиоплатформы выступают важным конкурентом традиционного музыкального радиовещания [2: 31–38].

Важным направление трансформации является развитие интерактивных форм коммуникации. Современные радиостанции активно используют цифровые каналы связи с аудиторией, включая социальные сети и онлайн-платформы, что позволяет слушателям участвовать в создании контента и взаимодействовать с редакцией. Подобные практики расширяют традиционную модель радиокоммуникации, делая её двусторонней [3: 103–106].

Кроме того, цифровизация способствует изменению характера взаимодействия между адресантом и адресатом. В радиожурналистике возрастает значение приемов, направленных на установление контакта с аудиторией, формирования доверия и вовлеченности, что напрямую влияет на эффективность коммуникации [4].

Таким образом, радиовещание в условиях цифровой трансформации приобретает новые характеристики, связанные с медиаконвергенцией, персонализацией и интерактивностью, что требует адаптации традиционных моделей вещания к современной цифровой среде.

Значительные изменения претерпевают и сами формы существования радиоконтента. Если раньше радиовещание существовало почти исключительно в виде линейного эфира с жёстким расписание и единым потоком для всех слушателей, то сегодня оно активно переходит к гибридным и нелинейным моделям. Особое распространение получают подкасты и сервисы аудиоконтента по

запросу, которые позволяют слушателям выбирать удобное время, последовательность и даже темп прослушивания.

Параллельно стремительно развиваются стриминговые платформы, которые предлагают не только готовые музыкальные ротации, но и авторские программы, тематические шоу, интервью и специализированные выпуски. В основе работы этих сервисов лежит глубокая персонализацию: алгоритмы анализируют предпочтения пользователя и формируют индивидуальный аудиопоток, создавая эффект «личного радио». Такая модель полностью освобождает слушателя от привязки к эфирному расписанию и делает потребление аудиоконтента максимально удобным.

В результате происходит заметное размывание традиционных границ между классическим эфирным радиовещанием и другими форматами аудиомедиа. То, что раньше считалось исключительно радиопродуктом, сегодня существует в единой экосистеме с подкастами, стримингами и пользовательским аудиоконтетом [2: 31–38]

Современные радиостанции всё активнее переходят от традиционной односторонней модели вещания к многостороннему взаимодействию со слушателями. Цифровые технологии позволили существенно расширить каналы обратной связи, превратив пассивного потребителя контента в активного участника медиапроцесса.

Сегодня слушатели могут не только звонить в студию или отправлять SMS, но и участвовать в эфире через чаты в социальных сетях, голосовые сообщения, опросы в реальном времени и совместное формирование плейлистов. Многие радиостанции создают специальные интерактивные рубрики, где мнение аудитории напрямую влияет на содержание программы – от выбора музыкального трека до обсуждения актуальных тем. Такие практики способствуют формированию постоянных сообществ вокруг радиостанций и значительно повышают уровень эмоциональной вовлечённости слушателей.

Особое знание приобретают кроссплатформенные формы взаимодействия, когда эфирное вещание дополняется активным общением в Telegram, VK и других социальных сетях. Благодаря этому радиостанции получают возможность оперативно отслеживать реакцию аудитории и корректировать контент. В результате традиционная модель «радио для слушателя» постепенно заменяется моделью «радо вместе со слушателем» [3: 103–106].

Цифровая трансформация радиовещания повысила требования к качеству коммуникации между редакцией и аудиторией. Сегодня эффективность взаимодействия во многом зависит от умения радиожурналиста выстраивать доверительные отношения со слушателями в многоканальной цифровой среде.

Особое значение приобретают специальные приёмы и методы, направленные на установление контакта, поддержание внимания и формирование чувства причастности. К ним относятся персонализированные обращения, элементы разговорного стиля и оперативная реакция на комментарии слушателей.

Исследования показывают, что успешность этих приёмов напрямую зависит от понимания психологии современной аудитории радиостанций и её ожиданий. Эффективная система взаимодействия «адресант-адресат» позволяет не только удерживать существующую аудиторию, но и привлекать новых слушателей [4].

Таким образом, цифровая трансформация радиовещания приводит к глубоким изменениям как в формах существования контента, так и в характере коммуникации с аудиторией. Переход от линейного эфира к персональным и интерактивным форматам требует от радиостанций пересмотра традиционных подходов к созданию и распространению аудиоматериалов. Успешная адаптация к новым условиями возможна только при условии комплексного развития коммуникативных стратегий, направленных на повышение вовлечённости слушателей и укрепление двустороннего взаимодействия.

Литература:

1. Жачемук, В. Ш. Исследовательские подходы к радио как медийному ресурсу современного общества / В. Ш. Жачемук // Вестник науки. – 2025. – Т. 1, № 4(85). – С. 555–567.

2. Журавлева, А. А. Персональное интернет-радио как главный конкуренттрадиционного музыкального эфирного радио / А. А. Журавлева // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2016. – № 1(18). – С. 31–38.

3. Круглова, Л. А. Интерактивные программы на развлекательных российских радиостанциях: становление, аудитория и каналы связи / Л. А. Круглова, Ю. В. Насонова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. – 2019. – Т. 19, № 1. – С. 103–106.

4. Мальцева, И. А. Система приемов и методов достижения эффективности взаимоотношений "адресант – адресат" в современной радиожурналистике: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.10 / Мальцева Ирина Анатольевна; [Место защиты: Кубан. гос. ун-т]. – Краснодар, 2007. - 26 с.

© Домрачев Д.А., 2026

УДК 811.581

Дульнева С.А.,
студент УУНиТ,
Научный руководитель – ***Бахтиярова А.Н.,***
канд. филол. наук, доцент УУНиТ
г. Уфа, Россия

ОСОБЕННОСТИ УСТОЙЧИВЫХ ВЫРАЖЕНИЙ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Китайский язык, насчитывающий тысячелетнюю историю и объединяющий миллиарды носителей, обладает уникальной фразеологической системой, не имеющей прямых аналогов в европейских языках. Устойчивые выражения, называемые в китайской лингвистике общим термином «шуюй» (熟语 shúyǔ), представляют собой не просто лексические единицы, а квинтэссенцию культурного опыта, исторической памяти и народной мудрости [1]. Понимание их природы необходимо для адекватного восприятия китайской речи, поскольку именно фразеологизмы являются маркерами глубинного владения языком и приобщённости к традиции[2].

Актуальность исследования обусловлена как теоретическими задачами типологического описания языков, так и практическими потребностями преподавания китайского как иностранного. Без системного знания об устройстве устойчивых выражений невозможно достичь уровня коммуникативной компетенции, позволяющего свободно ориентироваться в современном медиадискурсе, художественной литературе и повседневном общении. Цель данной статьи – выявить структурные, семантические и функциональные особенности основных типов устойчивых выражений китайского языка, а также рассмотреть проблемы их межъязыковой эквивалентности.

Система китайских устойчивых выражений представляет собой сложное иерархическое образование. В современном языкознании принято выделять четыре основных типа фразеологических единиц: чэнъюй (成语 chéngyǔ), сехоуюй (歇后语 xiēhòuyǔ), гуаньюнъюй (惯用语 guànyòngyǔ) и яньюй (谚语 yànyǔ) [1]. Каждый из этих типов обладает отличительными признаками в формальной организации, происхождении и сфере употребления.

Чэнъюй, или «готовые выражения», занимают центральное место в системе. Подавляющее большинство чэнъюев имеет четырёхсложную структуру, что обусловлено ритмическими и мнемоническими свойствами классического китайского языка вэньянь [4]. Эти единицы восходят преимущественно к письменным источникам – историческим хроникам, философским трактатам, поэтическим произведениям и буддийским сутрам. Их семантика часто непрозрачна: значение чэнъюя, как правило, не выводится из суммы значений, входящих в него иероглифов, а требует обращения к нарративному фону – историческому анекдоту или притче, лёгшему в основу выражения [2].

Совершенно иной тип представляют собой сехоуюй, что дословно переводится как «недосказанные выражения» [3]. Эти единицы имеют уникальную двучленную структуру, не имеющую аналогов в европейской фразеологии. Первая часть сехоуюй представляет собой образную загадку или описание конкретной ситуации, часто парадоксальной или комичной. Вторая часть даёт ключ к интерпретации, формулируя вывод или мораль. В реальной речевой практике вторая часть может опускаться, если контекст позволяет собеседнику самостоятельно восстановить её. Именно этот механизм недосказанности создаёт эффект языковой игры и делает сехоуюй излюбленным инструментом сатиры и юмора[3].

Третьим типом являются гуаньюнъюй – «привычные выражения», принадлежащие преимущественно к разговорному регистру. В отличие от книжных чэнъюев, гуаньюнъюй чаще всего имеют трёхсложную структуру и строятся по модели глагольно-объектных отношений[1]. Фонетически они несут маркеры устной речи – нейтральные тоны и эризацию, что подчёркивает их

бытовую природу. Большинство гуаньюнъюй обладает пейоративной коннотацией, высмеивая человеческие пороки или неблаговидные поступки.

Наконец, яньюй – это пословицы, имеющие структуру законченного предложения. Они обобщают коллективный опыт, содержат житейские наблюдения или нравоучения. В отличие от чэнъюев, яньюй почти всегда семантически прозрачны и не требуют специальных историко-культурных комментариев для понимания.

Чэнъюй как доминанта китайской фразеологии заслуживают особого внимания. Их формальная жёсткость проявляется не только в фиксированном количестве иероглифов, но и в строго определённом порядке компонентов. Перестановка или замена иероглифа в составе чэнъюя, как правило, либо разрушает идиому, либо полностью меняет её смысл [2]. Например, выражение 画蛇添足 (huà shé tiān zú) – «пририсовать змее ноги» – означает делать лишнюю, избыточную работу, которая только портит результат. Если поменять местами иероглифы, получится бессмысленное сочетание.

Главная семантическая особенность чэнъюев – их глубокая идиоматичность. Подавляющее большинство этих выражений восходит к конкретным историческим или литературным источникам [2]. Так, идиома 叶公好龙 (yè gōng hào lóng) – «князь Е любит драконов» – происходит из древней притчи о вельможе, который на словах обожал драконов, но в ужасе бежал при виде настоящего дракона. В современном языке это выражение характеризует человека, который только делает вид, что любит что-то, но в действительности этого боится или отвергает.

Другой пример – чэнъюй 对牛弹琴 (duì niú tán qín) – «играть на цитре перед коровой», восходящий к буддийскому тексту. Он означает объяснять что-то человеку, который не способен или не желает понять. Обращает на себя внимание тот факт, что китайские чэнъюи часто содержат развёрнутые метафоры, требующие от слушающего или читающего способности к образному мышлению и знанию культурного контекста[4].

Исследователи выделяют разные степени прозрачности внутренней формы чэнъюев [4]. Некоторые идиомы, например, 人山人海 (rén shān rén hǎi) – «люди как горы и море» (о большом скоплении народа), сохраняют непосредственную связь между образами и значением и могут быть поняты даже при первом знакомстве. Другие, особенно те, что пришли из глубины веков или из специализированных философских текстов, утратили этимологическую прозрачность и требуют специального комментария.

Особое место среди китайских устойчивых выражений занимают сехоуюй, механизм функционирования которых основан на принципе обманутого ожидания и ассоциативной связке между двумя частями [3]. В лингвистической литературе выделяются два основных типа отношений между частями сехоуюй [3].

Первый тип – ассоциативно-логический, при котором связь строится на причинно-следственных или условных отношениях. Например, выражение 泥菩萨过河 (ní púsà guò hé) – «глиняный бодхисатва переходит реку» – имеет вторую часть «自身难保» (zìshēn nán bǎo) – «даже себя спасти не может», что в совокупности означает «человек, который не в силах помочь даже себе, не говоря уже о других». Здесь связь между образом (глиняный идол, размокающий в воде) и моралью прозрачна и логична [3].

Второй тип – омонимический или паронимический, основанный на игре слов. В этом случае вторая часть обыгрывает многозначность или созвучие ключевого слова из первой части. Например, сехоуюй 外甥打灯笼 (wàisheng dǎ dēnglong) – «племянник зажигает фонарь» – имеет вторую часть « 照旧» (zhào jiù) – «по-старому». Игра слов заключается в том, что иероглиф 舅 (jiù – «дядя по матери») отсутствует в выражении, но подразумевается: племянник зажигает фонарь «для дяди» (照舅), что звучит так же, как «по-старому» (照旧). Именно этот тип создаёт комический эффект, так как обманывает ожидания слушателя [3].

Сехоуюй являются ярким примером того, как китайский язык использует свою фонетическую структуру (наличие большого количества омофонов) для создания дополнительных смысловых слоёв. Употребление сехоуюй требует от говорящего высокой компетенции, а от слушающего – способности к быстрой ассоциативной обработке информации [3]. Именно поэтому они редко встречаются в официальной речи, но широко распространены в художественной литературе, кино и повседневном общении.

Гуаньюнъюй представляют собой наиболее подвижный и динамичный пласт китайской фразеологии. В отличие от архаичных чэнъюев, они постоянно пополняются за счёт профессиональных жаргонов, сленга и неологизмов [1]. Формально гуаньюнъюй чаще всего являются трёхсложными глагольными конструкциями, такими как 走后门 (zǒu hòumén) – «идти чёрным ходом» (решать проблемы по знакомству), 碰钉子 (pèng dīngzi) – «наткнуться на гвоздь» (получить отказ), 吹牛皮 (chuī niúpí) – «дуть в бычью кожу» (хвастаться).

Синтаксически эти выражения строятся по модели «глагол + объект», причём объект часто имеет метафорическую природу. Важной особенностью гуаньюнъюй является возможность синтаксической трансформации, что отличает их от жёстких по структуре чэнъюев [1]. Например, выражение 帮倒忙 (bāng dàománg) – «помогать наоборот» (оказывать медвежью услугу) – может быть развёрнуто: 帮了一个倒忙 (bāng le yī ge dàománg) – «оказал одну медвежью услугу». Такая трансформация невозможна для чэнъюев.

Фонетически гуаньюнъюй несут на себе маркеры устной речи: нейтральные тоны (轻声) и эризацию (儿化), что ещё раз подчёркивает их принадлежность к бытовому дискурсу. В прагматическом аспекте большинство гуаньюнъюй имеют отрицательную, ироническую или насмешливую коннотацию [1]. Они высмеивают жадность, лень, глупость, трусость и другие человеческие пороки, выполняя тем самым не только номинативную, но и социально-регулятивную функцию.

Сопоставительный анализ китайских и русских устойчивых выражений позволяет выделить несколько типов межъязыковых соответствий, что имеет прямое практическое значение для теории перевода и лингводидактики [4]. Первый тип составляют единицы, совпадающие и по смыслу, и по внутренней форме. Однако такие случаи крайне редки и ограничиваются, как правило, универсальными метафорами, связанными с общечеловеческим опытом.

Второй тип – смысловая эквивалентность при полном расхождении образов. Примером служит чэнъюй 杯弓蛇影 (bēi gōng shé yǐng) – «воспринять отражение лука в стакане за змею», что полностью соответствует русской пословице «У страха глаза велики». Образы различаются (китайский акцентирует конкретную ситуацию с отражением, русский – гиперболизирует страх), но инвариантный смысл – боязнь того, чего нет на самом деле – сохраняется [4].

Наибольшую трудность представляет третий тип, когда китайское выражение не имеет однозначного аналога в языке перевода из-за культурной специфики или многозначности. Например, идиома 鹤立鸡群 (hè lì jī qún) – «журавль среди кур» – может переводиться и как «белая ворона» (нейтральная оценка отличия от других), и как «быть на голову выше» (положительная оценка превосходства). Выбор эквивалента всецело зависит от широкого контекста, а иногда требуется и описательный перевод [4]. Это создаёт значительные сложности для переводчиков художественной литературы и публицистики.

Система устойчивых выражений китайского языка представляет собой уникальный лингвокультурный феномен, отражающий особенности национального мышления, исторического развития и иерархии ценностей китайского этноса [1]. Типологическое разнообразие форм – от четырёхсложных чэнъюев, восходящих к древним текстам, до двучленных сехоуюй, основанных на игре слов, и трёхсложных гуаньюнъюй, принадлежащих разговорному регистру, – обеспечивает гибкость и выразительность языка на всех уровнях коммуникации[2:3].

Таким образом, понимание глубинных механизмов формирования значения фразеологизмов, их структурных особенностей и стилистической маркированности является необходимым условием для адекватного восприятия китайской речи и достижения подлинной коммуникативной компетенции [4]. Дальнейшие исследования в этой области должны быть направлены на создание комплексных учебных пособий, учитывающих типологию трудностей при освоении китайской фразеологии носителями других языковых систем, а также на разработку эффективных методов включения устойчивых выражений в активный речевой обиход изучающих китайский язык.

Литература:

1. Симонян А.В. Типология китайских фразеологических единиц / А.В. Симонян // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 33. – С. 88-92.

2. Аксёнчиков-Бирюков, С.Ю. О некоторых особенностях китайских идиом чэнъюй, характеризующих каллиграфию / С.Ю. Аксёнчиков-Бирюков // Традиционная духовная культура

восточнославянских и китайского народов: сборник научных статей. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2021. – Вып. 3. – С. 8-12.

3. Волошина, О.А. Недосказка сехоуюй (歇后语 xiēhòuyǔ) как особый тип китайских устойчивых выражений / О.А. Волошина, Я. Л. Забудская, Люй Ханьцзи // Фундаментальная наука и приоритеты XXI века: материалы международной научно-практической конференции. – Астана, 2025. – С. 628-634.

4. Zhang Liang. A study on the Prototypes of Chinese Idiomatic Expressions – Focusing on the 7th Edition of Xiandai Hanyu Cidian / Zhang Liang // The Journal of Study on Language and Culture of Korea and China. – 2025. – № 76. – P. 193-215.

© Дульнева С.А., 2026

УДК 070

Думенова А.А.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Алиева С.А.,***
канд. филол. наук, доцент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

ОСВЕЩЕНИЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Благотворительная деятельность в современном обществе выступает важным социальным институтом, направленным на решение актуальных общественных проблем и поддержку уязвимых категорий населения. В условиях цифровизации особую роль играют средства массовой информации (СМИ), формирующие общественное мнение и стимулирующие участие граждан в социальной помощи.

Актуальность исследования обусловлена ростом числа благотворительных организаций и расширением медиапространства. При этом сохраняется проблема недоверия аудитории, связанная с недостаточной прозрачностью деятельности отдельных фондов, а также распространением мошеннических схем.

Цель исследования - выявить особенности и основные модели освещения благотворительной деятельности в СМИ.

Благотворительность представляет собой добровольную деятельность, направленную на оказание безвозмездной помощи [1]. Она охватывает различные сферы: социальную поддержку, здравоохранение, образование, культуру и экологию. Основными субъектами благотворительной деятельности являются некоммерческие организации, фонды и волонтёрские объединения.

СМИ выполняют ряд важнейших функций: информирование населения, формирование общественного сознания, стимулирование социальной активности и контроль прозрачности благотворительных процессов. Как отмечает Н.А. Бобрышева, медиа способны формировать ценностные установки и модели поведения аудитории [2: 130].

В практике СМИ можно выделить три основные модели освещения благотворительности: информационную, просветительскую и мобилизационную. Информационная модель ограничивается передачей фактов, просветительская направлена на объяснение социальных процессов и формирование осознанного отношения аудитории, а мобилизационная ориентирована на эмоциональное воздействие и вовлечение граждан в благотворительную деятельность.

С развитием цифровых технологий усиливается значение интернет-платформ. Онлайн-ресурсы предоставляют возможность быстрого распространения информации и удобного участия в благотворительности. Специализированные платформы и социальные сети позволяют значительно расширить аудиторию и повысить доступность благотворительных инициатив [5].

Особое значение имеет проблема мошенничества в сфере благотворительности. СМИ активно освещают случаи фиктивных сборов и поддельных ресурсов, что подчеркивает необходимость проверки информации и использования официальных источников. В публикациях новостных изданий акцент делается на разоблачении схем обмана и предупреждении аудитории о возможных рисках [3].

В 2026 году ключевой темой в российском секторе филантропии стало утверждение правительством «Концепции содействия развитию благотворительной деятельности до 2030 года». Анализ экспертов, представленный в «Российской газете» и других изданиях, указывает на рост системной благотворительности, увеличение цифровых пожертвований на 32% в первом квартале и активное развитие фондов целевого капитала (эндаументов). Также активно обсуждается роль целевых капиталов (эндаументов) как «вечных ценностей» филантропии. Приоритетным направлением стала помощь некоммерческим организациям (НКО) в привлечении инвестиций для долгосрочных социальных проектов. Параллельно государственные и частные фонды, такие как «Защитники Отечества», расширяют программы адресной поддержки, включая обеспечение ветеранов специализированным транспортом и гранты на социальное предпринимательство.

Для более глубокого понимания особенностей освещения благотворительности был проведён анализ материалов федеральных и региональных СМИ.

В публикациях федеральных телеканалов (например, благотворительные акции с участием крупных медиа) преобладает мобилизационная модель. В подобных материалах используются эмоционально насыщенные истории конкретных людей, нуждающихся в помощи, сопровождаемые визуальными образами и прямыми призывами к действию. Это способствует быстрому вовлечению аудитории и оперативному сбору средств[6]. Например, телеканал ТВ-3 в январе 2026 года подвел итоги своего десятого юбилейного марафона, организованного совместно с фондом «Детские сердца». Сбор средств на лечение детей с врожденным пороком сердца осуществлялся через QR-коды на экране и СМС-пожертвования во время праздничного эфира. В результате этого марафона зрители собрали почти семь миллионов рублей, так как проект поддержали звезды телеканала, призывая аудиторию к участию в специальных видеообращениях.

Также в медиапространстве 2026 года широко освещаются спортивно-благотворительные события, такие как «Зелёный Марафон», средства от которого направляются на помощь детям, что становится предметом обсуждения в аналитических программах о социальной ответственности бизнеса.

В интернет-изданиях наблюдается иная тенденция. Материалы носят более аналитический и критический характер. Например, публикации, посвящённые случаям мошенничества, содержат разбор схем обмана, комментарии экспертов и рекомендации по проверке информации. Такой подход способствует формированию критического мышления у аудитории и повышению уровня медиаграмотности [3].

Региональные СМИ играют не менее важную роль. В их материалах акцент делается на локальных инициативах и конкретных результатах благотворительной деятельности. Например, публикации о социальных проектах, направленных на помощь детям-сиротам, демонстрируют реальные изменения в жизни людей и способствуют формированию доверия со стороны аудитории [4].

Анализ показывает, что наибольшую эффективность имеют материалы, сочетающие элементы различных моделей: информирование, аналитическую составляющую и эмоциональное воздействие. Особое значение имеет прозрачность деятельности благотворительных организаций: публикация отчётности и конкретных результатов повышает доверие аудитории и стимулирует участие граждан в благотворительности.

Таким образом, СМИ являются ключевым инструментом развития благотворительной деятельности. Их эффективность определяется достоверностью информации, уровнем аналитики и соблюдением профессиональных стандартов. Современные медиа не только информируют общество, но и формируют культуру благотворительности, способствуя решению значимых социальных проблем.

Литература:

1. Благотворительность// URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Благотворительность (дата обращения: 27.02.2026).

2. Бобрышева Н.А. Благотворительность в системе масс-медиа // Философия и общество. – 2013. – № 1. – С. 129–135.

3. Булгаков Д. На злые дела: как мошенники обманывают россиян под предлогом благотворительности // Известия. – 2025. – URL: https://iz.ru/1863441(дата обращения: 10.03.2026).

4. Дети должны жить в семье: проект «Радость нашего дома» помогает сиротам найти родителей // Башинформ. – 2019. – URL: https://www.bashinform.ru(дата обращения: 14.03.2026).

5. Добро.ru: платформа добрых дел. – URL: https://dobro.ru(дата обращения: 17.03.2026).

6. Салимова Р.К. Специфика освещения темы филантропии в российских массмедиа актуальные проблемы современной филологии, востоковедения и журналистики. Уфа, 23 апреля 2024 года С.434-439. https://www.elibrary.ru/item.asp?id=75116279

© Думенова А.А, 2026

УДК 811.531

Думинова О.А.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Байбулова М.Н.****,*
ассистент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ВЕЖЛИВОСТИ В КОРЕЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Актуальность данного исследования обусловлена ростом межкультурных контактов и необходимостью эффективной коммуникации между представителями различных языковых и культурных сообществ. Вежливость является важным компонентом речевого поведения, который напрямую влияет на успешность общения. Особенно это актуально при изучении корейского языка, где система вежливости строго регламентирована и грамматически выражена. Для носителей русского языка, где подобная система менее формализована, освоение корейской модели вежливости представляет определенные трудности. Сравнительное изучение этих языков позволяет глубже понять механизмы речевого этикета и избежать коммуникативных ошибок.

Целью данной статьи является выявление и анализ различий и сходств в выражении вежливости в русском и корейском языках, а также определение особенностей их функционирования в речевой практике.

Вежливость в языке представляет собой совокупность средств, направленных на выражение уважения к собеседнику. В русском языке она реализуется преимущественно лексическими и интонационными средствами, тогда как в корейском языке – грамматическими формами.

Корейский язык характеризуется развитой системой уровней вежливости, которая зависит от социального статуса, возраста и степени близости между собеседниками. Примеры на корейском языке: «안녕하세요?» (Здравствуйте), «감사합니다» (Спасибо) «죄송합니다» (Извините), «이것은 무엇입니까?» (Что это?), «도와주실 수 있습니까?» (Можете помочь?).

В корейском языке используются специальные глагольные окончания, такие как -습니다, -세요, которые выражают уважение. Неправильный выбор формы может восприниматься как невежливость.

В русском языке вежливость выражается через использование определенных слов, форм обращения и интонации. Примеры на русском языке: Здравствуйте. Спасибо большое. Извините, пожалуйста. Не могли бы вы помочь? В отличие от корейского языка, в русском нет строгой грамматической системы уровней вежливости. Однако важную роль играет использование местоимения «вы» вместо «ты», а также вежливых формулировок.

Основные различия между языками заключаются в следующем, в корейском языке вежливость грамматически закреплена, в русском – более свободна. Корейский язык требует строгого соблюдения иерархии, русский допускает вариативность. Ошибки в уровне вежливости в корейском языке более критичны, чем в русском.

Особое место занимает система почтительных форм. Она реализуется через использование специальных аффиксов, глаголов и лексики. Например, суффикс -시- используется для выражения уважения к субъекту действия: 선생님이 오십니다 – «Учитель приходит» (с выражением уважения). Также существуют лексические пары, различающиеся по степени вежливости: 먹다 – «есть» (нейтрально), 드시다 – «кушать» (вежливо). Подобные различия демонстрируют, что вежливость в корейском языке глубоко интегрирована в языковую систему.Кроме того, важную роль играют

окончания предложений. Например, окончание -습니다 характерно для официальной речи, тогда как -아요 / -어요 используется в повседневном вежливом общении: 감사합니다 – «спасибо» (официально-вежливо), 고마워요 – «спасибо» (менее формально). В русском языке категория вежливости не имеет столь строгой грамматической регламентации. Основным средством является противопоставление местоимений «ты» и «вы». Форма «вы» используется как универсальный показатель уважения – Вы не могли бы помочь? Передайте, пожалуйста, документ.

Лексические средства также играют значительную роль. К ним относятся слова и выражения: «пожалуйста», «извините», «будьте добры», «не могли бы вы». Они смягчают высказывание и делают его более корректным.

Так же важным компонентом является интонация. Одно и то же предложение может восприниматься по-разному в зависимости от интонационного оформления. Например, фраза «Закройте дверь» может звучать как просьба или приказ. Существенную роль в русском языке играет контекст. Вежливость определяется не только языковыми средствами, но и ситуацией общения, отношениями между собеседниками и коммуникативной целью.

Сопоставительный анализ показывает, что корейский язык характеризуется высокой степенью формализации категории вежливости. Здесь грамматические средства чётко фиксируют социальные отношения. В русском языке, напротив, наблюдается большая гибкость: выбор формы определяется контекстом и коммуникативной ситуацией. Культурные различия также оказывают значительное влияние. В корейском обществе большое значение придаётся уважению к старшим и социальной иерархии. Это находит отражение в языке через сложную систему уровней вежливости. В русской культуре наблюдается тенденция к большей демократичности общения, что проявляется в меньшей формализации речевого этикета.

Интересное различие коммуникативных стратегий. В корейском языке преобладает стратегия дистанцирования и демонстрации уважения, тогда как в русском языке часто используется стратегия сближения, направленная на установление доверительных отношений.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения полученных результатов в преподавании русского и корейского языков, а также в сфере межкультурной коммуникации. Знание особенностей речевого этикета способствует повышению эффективности общения и предотвращению коммуникативных ошибок.

В ходе исследования было установлено, что система вежливости в корейском языке является более сложной и структурированной по сравнению с русским языком. Русский язык предоставляет больше свободы в выборе средств выражения вежливости, тогда как в корейском языке важную роль играет грамматическая форма. Сравнительный анализ показывает, что успешная коммуникация требует учета культурных и языковых особенностей. Знание этих различий способствует более эффективному межкультурному взаимодействию.

Перспективы дальнейшего исследования, могут быть направлены на изучение вежливости в других языках Восточной Азии, а также на анализ ошибок, допускаемых изучающими корейский язык. Перспективным является также исследование влияния цифровой коммуникации на изменение норм вежливости.

Таким образом, категория вежливости является универсальной для различных языков, однако способы её выражения существенно различаются. Эти различия обусловлены как структурой языка, так и культурными особенностями общества. Сопоставительное изучение позволяет глубже понять природу речевого поведения и способствует развитию межкультурной компетенции.

Литература:

1. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики. – СПб.: Наука, 2001. – 456 с.
2. Ли И.К. Корейский язык: практическая грамматика. – Сеул: Seoul Press, 2015. – 320 с.
3. Формановская Н.И. Речевой этикет и культура общения. – М.: Высшая школа, 2007. – 280 с.
4. Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 345 p.
5. 김영숙. 한국어 화용론. – 서울: 한국문화사, 2018. – 290 p.

© Думинова О.А., 2026

УДК 81

Дусиева М.Р.,
Өфө фән һәм технологиялар университетының студенты
Абдуллина Г.Р.,
Өфө фән һәм технологиялар университетының
филол. фәнд. д-ры, профессор
Өфө к., Рәсәй

БАШҠОРТ ТЕЛЕНДӘ ТУЙ ЙОЛАҺЫ ЛЕКСИКАҺЫ

Башҡорт халҡының мең йыллыҡ мәҙәни мираҫында туй йолаһы үҙенсәлекле урын биләй. Был йола комплексы үҙ эсенә күп һанлы лексик берәмектәрҙе ала, уларҙы өйрәнеү тел ғилеме өсөн ҙур әһәмиәткә эйә. *«Туй»* һүҙенең мәғәнәһе – никахлашыу уңайы менән ойоштороlған мәжлес; шатлыҡлы ваҡиға хөрмәтенә ойоштороlған тантана; байрам. Башҡорттарҙа никахҡа ҡарата етди мөнәсәбәт халыҡ мәҡәлдәрендә сағылыш тапҡан: **«Өйләнмәгәндең тамыры ҡорор», «Яҡшы ат бығауһыҙ йөрөмәҫ, алама атҡа тышау ҙа теймәҫ», «Өйләнмәгәндән аҡыл һорамайҙар».** Был мәҡәлдәр үҙҙәре лә туй лексикаһының фразеологик ҡатламын тәшкил итә. Башҡорт туй йолалары үҙ эсенә боронғо инаныуҙарҙан алып заманса яңылыҡтарға тиклем башҡорт мәҙәниәтенең үҫеш элементтарын алған.

Башҡорттарҙа никах туйы – Ислам диненең шарттарына тура килгән туй йолаһы. Был тантанала мәхәллә имамы ҡатнашлығында килен менән кейәү Аллаһ ҡаршыһында ғүмерлеккә ир-ҡатын булырға вәғәҙә бирә. Мәжлес ҡыҙ менән егет йәрәшеүен рәсмиләштереү өсөн ҡыҙ йортонда үтә. Төп шарттар – ике яҡтың ризалығы, шаһиттар, мәһәр (ҡалым) түләү. Йола барышында Ҡөрьән аяттары уҡыла, доға ҡылына, саҙаҡа таратыла. Никах менән бәйле төп лексик берәмектәр араһында *«никах яулығы»* – никах уҡылғас ҡыҙҙың башына ябыла торған тәңкәле яулыҡ, был кейем ҡыҙҙың ҡатын-ҡыҙ статусына күсеүен символлаштыра; *«никах һыуы»* – никах ваҡытында килен менән кейәүгә эсерелгән һыу, йола буйынса, никах һыуын эсергәндә мулла: **«Мөхәббәтегеҙ татлы булһын! Мин никах һыуы эсерһәм, ир менән ҡатын, айырылам, тиһә лә, айырылыша алмай»**, – ти, был ырым никахтың нығлығына ышанысты сағылдыра; *«мәһәр»* (ғәр. مهر) – никах ваҡытында егет яғынан ҡыҙ яғына бирелә торған мал, ҡалым, Башҡортостандың төрлө райондары өсөн ҡалымдың минималь күләме булған; *«йәрәшеү»* (йәрәш-) – ҡоҙалау, яусы (ҡоҙа) ебәреү, ҡыҙ һоратыу, башҡорттарҙа никахлашыуға ризалыҡты алғас, бер туҡтаҡтан бата (һыу ҡушылған бал йәки ҡымыҙ) эсеп, ике яҡлы килешеүҙе нығытып ҡуялар, бынан һуң ҡыҙ бала кәләш тип һанала; *«хөтбә»* (ғәр. خطبة) – дин әһелдәренең халыҡты өйрәтеп, өгөтләп һөйләгән һүҙе, вәғәз, шулай уҡ никах ваҡытында уҡыла торған доға; *«бирнә»* – кейәүгә сыҡҡан ҡыҙҙың үҙе менән алып килгән мал-мөлкәте, йыһаздары, шулай уҡ ҡыҙ яғынан егеткә, ата-әсәһенә бирелгән бүләк, йәки кейәүҙең ҡайны-ҡәйнәһенә күренер алдынан биргән бүләге, йыш ҡына бирнәнең күләме һәм хаҡы ҡалымдан ҡиммәтерәк булған; *«ҡолаҡ һөйөнсөһө»* – ҡыҙҙың кейәүгә сығырға ризалығын алғас, һөйөнсөһөнә егеттең ата-әсәһе тарафынан яусыға бирелгән бүләк. Был терминдарҙың күбеһе ислам дине менән бергә башҡорт теленә үтеп ингән ғәрәп-фарсы алынмалары булып тора.

Туй лексикаһы тематик принцип буйынса бер нисә төркөмгә бүленә. Беренсе төркөм – туйҙа ҡатнашыусы кешеләр атамалары. Был төркөмгә туй йолаһында билдәле бер социаль роль үтәүсе кешеләрҙең атамалары инә: *«кейәү»* – өйләнеүсе егет, был һүҙ боронғо төрки сығышлы, барлыҡ төрки телдәрҙә лә осрай; *«кәләш»* – тормошҡа сығыусы ҡыҙ, һүҙҙең этимологияһы «кейәү» менән бәйле, ҡатын-ҡыҙ яғындағы партнерҙы белдерә; *«туй атаһы»* – туйҙы башҡарыусы, етәксе кеше, туй атаһы туй барышын ойоштора, уйындарҙы, бәйгеләрҙе етәкләй, ҡунаҡтарҙы һыйлау тәртибен күҙәтә; *«туй инәһе»* – туй атаһына ярҙам итеүсе ҡатын-ҡыҙ, ул кәләштең кейенеүенә, сәс бәйләү йолаһына етәкселек итә; *«мулла»* – никах уҡыусы дини зат, был һүҙ ғәрәп теленән үҙләштерелгән, ислам диненең башҡорттар араһында таралыуын күрһәтә; *«бүләк йыйыусы»* – ҡунаҡтарҙан бүләк йыйыусы кеше, ғәҙәттә, был ролде етеҙ, әҙәпле егеттәр башҡарған. Был төркөмдәге һүҙҙәрҙең күбеһе дөйөм төрки сығышлы.

Икенсе төркөм – туй кейеме атамалары. Кәләш менән кейәүҙең туй кейеме атамалары айырым байлыҡты тәшкил итә: *«кәләш күлдәге»* – кәләштең аҡ туй күлдәге, аҡ төҫ боронғо башҡорттарҙа изгелек, сафлыҡ символы булған; *«сәс бәйләү»* – кәләштең сәсен ике толомға бүлеү йолаһы, был йола ҡыҙҙың ҡыҙлыҡтан ҡатынлыҡҡа күсеүен символлаштыра, кәләштең сәсен икегә бүлеп, уға махсус баш кейемдәре (ҡашмау) кейҙергәндәр; *«яулыҡ»* – кәләштең башын яба торған кейем, яулыҡ кәләштең ҡатын-ҡыҙ статусына күсеүенең мөһим билдәһе; *«шәл»* – баш кейеме, йыш ҡына бүләк

ителә, шәл, ғәҙәттә, ҡунаҡтарҙан кәләшкә бүләк булараҡ тапшырылған; *«таҫтамал»* – туйҙа бүләк ителә торған туҡыма, был һүҙ фарсы теленән үҙләштерелгән; *«кейәү күлдәге»* – кейәүгә ҡыҙҙың ата-әсәһе бүләк иткән кейем.

Өсөнсө төркөм – туй аш-һыуы атамалары. Башҡорт туйында аш-һыу атамалары айырым урын биләй. Туйҙар һәр ерҙә лә бер төрлө генә үтмәһә лә, уларҙы берләштереүсе – аш муллығы. Туйға иң тәмле, ҡиммәтле һаналған ризыҡтар әҙерләнгән. *«Бәлеш»* – ит менән бешерелгән ҡамыр ашы, бәлеш туй табынының төп ризығы булып тора, ул муллыҡты һәм байлыҡты символлаштыра; *«сәк-сәк»* – бал ҡушып бешерелгән туй татлы ашы, сәк-сәк башҡорт туйының айырылғыһыҙ атрибуты, ул татлы тормошто кәүҙәләндерә; *«ҡаҙы»* – ат итенән эшләнгән ҡаҙылыҡ, ат ите башҡорттарҙа ҡәҙерле ризыҡ һанала, туйҙа уны бай ғаиләләр генә биргән; *«ҡорот»* – ҡаты эремсек, ҡорот һаҡлау үҙенсәлектәре менән айырылып тора, ул оҙаҡ ваҡыт боҙолмай; *«ҡымыҙ»* – ат һөтөнән әсетелгән эсемлек, ҡымыҙҙың төҫө аҡ булғанлыҡтан, ул изгелек символы булып тора, туй мәжлесен ҡымыҙ, һөт кеүек ризыҡтан башлау изгелек, бәхет теләү булған; *«бал»* – туй ҡунаҡтарына сәй менән бирелә, бал татлы, бәхетле тормошто аңлата; *«бишбармаҡ»* – төрки халыҡтарында киң таралған һимеҙ иттән, һалманан әҙерләнгән ризыҡ, башҡорттарҙа картуф ҡушылып әҙерләнә; *«күмәс»* – йомшаҡ икмәк төрө, күмәс туй икмәге булып тора, уны ҡунаҡтарға бүлеп биргәндәр.

Башҡорттарҙа туй йолаһы ике ғаилә араһында яңы социаль бәйләнештәр булдыра, был туғанлыҡ терминдарының айырым системаһында сағылыш таба. Был атамаларҙы өйрәнеү башҡорт халҡының социаль ойошмаһын, ғаилә ҡоролошон аңлау өсөн мөһим. Хәләл ефеттең ата-әсәһенә *«ҡайны»*, *«ҡәйнә»* тигәндәр, ә улар яғынан өлкән бер туған ағайҙары – *«ҡайнаға»*, шулай уҡ уларҙың ҡатындары (ир кеше мөрәжәғәт иткәндә – «ҡайынеңгә», ҡатын кеше – *«еңгә»* тигән. Хәләл ефеттең ата-әсәһенең бер туған апалары һәм һеңлеләре – *«ҡайынбикә», «балдыҙ»*, шулай уҡ иренең туған һеңлеләренең ирҙәре – *«ҡайынеҙнә», «еҙнә»* тип атағандар. Хәләл ефеттең бер туған ағаһына – *«ҡайнаға»* тип өндәшкәндәр. Ҡустыларына ир кеше – *«ҡәйнеш», «балдыҙ»* тип, ҡатын кеше «ҡәйнеш», уларҙың ҡатындары – «килен» тип мөрәжәғәт иткән. Бер туған һеңлеләре, апалары һәм уларҙың ҡыҙ балаларына: ир кеше – *«балдыҙ»,* ҡатын кеше – *«бикәс»*, *«ҡайынһеңле»* тип мөрәжәғәт иткән, ә уларҙың ирҙәренә ҡатын кеше *«кейәү»* тип мөрәжәғәт иткән. Ирҙәр ҡатыны яғынан ҡыҙ туғандарҙың иренә – *«бажа»* тип, ҡатыны ир яғынан булған туғандарының ҡатынына *«апһын», «килендәш»* тип өндәшкән. Кейәүҙең йәки килендең ир туғандарына – *«ҡоҙа»* (йәш айырмаһына ҡарап *«оло», «йәш»* һүҙҙәрен ҡушҡандар), өлкән йәштәге ҡатындарға, кейәүҙең йәки килендең әсәһе йәки уларҙан өлкән ҡатындарға – *«ҡоҙағый»*, кейәүҙең һәм килендең апаларына һәм унан кесерәк ҡатындарға – *«ҡоҙаса»* тип мөрәжәғәт иткәндәр. Мөрәжәғәт иткәндә, ғәҙәттә, атайҙан, әсәйҙән, олатай һәм өләсәйҙән, иң өлкән бер туған ағай һәм апайҙан башҡа, туғанлыҡ терминына кешенең исемен дә ҡушҡандар. Туғанлыҡ атамалары системаһының үҫешкән булыуы башҡорттарҙа ғаилә институтының, оло йәштәгеләргә хөрмәттең көслө булыуын сағылдыра. Был лексик ҡатлам туй йолаһынан тыш, көндәлек тормошта ла әүҙем ҡулланыла, шуға күрә ул телдең иң тотороҡло өлөштәренең береһе булып тора.

Туй лексикаһын килеп сығышы (этимологияһы) буйынса өс төп төркөмгә бүлергә мөмкин. Дөйөм төрки сығышлы һүҙҙәр иң күп һанлы төркөмдө тәшкил итә. Уға *«туй»* (боронғо төрки телендәге «toy» – «туй, аш»), «кейәү», «кәләш», «ҡоҙа», «ҡоҙалау», «бәйләү» кеүек һүҙҙәр инә. Дөйөм төрки лексика башҡорт теленең нигеҙен тәшкил итә, был һүҙҙәр башҡорттарҙың боронғо күсмә тормошон, туғанлыҡ мөнәсәбәттәренең үҫешкән булыуын күрһәтә.

Ғәрәп-фарсы алынмалары ислам дине ҡабул ителгәндән һуң үҙләштерелә. Уларға *«никах»* (ғәр. نكاح), *«мәжлес»* (ғәр. مجلس), *«хөтбә»* (ғәр. خطبة), *«мәһер»* (ғәр. مهر) кеүек терминдар инә. Был алынмалар ислам дине менән бергә башҡорт теленә үтеп ингән, уларҙың ҡулланылышы башҡорттарҙың ислам динен ҡабул итеүе һәм был диндең ғаилә-никах мөнәсәбәттәренә йоғонтоһо тураһында һөйләй.

Рус теленән алынмалар хәҙерге заман туй лексикаһында осрай: *«тамада»* (туйҙы алып барыусы), *«свадьба»* (туй), *«регистрация»* (ЗАГС-та рәсми теркәлеү), *«лимузин», «ресторан», «торт»*. Был алынмалар һуңғы йылдарҙа башҡорт теленә үтеп ингән. Хәҙерге заман туй тантаналарында был алынмалар традицион башҡортса атамалар менән йәнәш ҡулланыла.

Туй лексикаһы яһалышы буйынса ла бер нисә төркөмгә бүленә. Тамыр һүҙҙәргә ялғауҙар ҡушмайынса туй йолаһын аңлатҡан лексик берәмектәр инә: «туй», «уйын», «аш», «ҡоҙа», «кейәү», «кәләш», «бал», «май», «ит», «һөт». Был һүҙҙәр башҡорт теленең иң боронғо лексик ҡатламын тәшкил итә, уларҙың күбеһенең башҡа төрки телдәрҙә лә тура килеүе күҙәтелә. Яһалма һүҙҙәр аффикстар ярҙамында яһала. «-лау/-ләү» аффиксы менән «ҡоҙалау», «-ш/-еш» аффиксы менән «йәрәшеү»; «-сы/-се» аффиксы менән «бүләк йыйыусы», «ҡурайсы»; «-лыҡ/-лек» аффиксы менән

«кәләшлек», «кейәүлек» кеүек һүҙҙәр яһалған. Ҡушма һүҙҙәр ике йәки бер нисә тамырҙан тора: «туй атаһы», «туй инәһе», «туй күлдәге», «бүләк йыйыу», «сәс бәйләү», «килен төшөрөү», «сәк-сәк», «ҡайынбикә», «ҡайнаға». Ҡушма һүҙҙәр башҡорт теленең төҙөлөшөн сағылдыра, был һүҙҙәрҙең күбеһе билдәле бер йоланың йәки ғәмәлдең мәғәнәһен еткерергә ярҙам итә.

Туй лексикаһының ҡулланылышы буйынса ла үҙенсәлектәре бар. Хәҙерге башҡорт әҙәби телендә туй лексикаһының актив өлөшөн «туй», «кейәү», «кәләш», «бүләк», «никах», «мәжлес», «мулла», «сәк-сәк», «бәлеш», «ҡымыҙ» кеүек һүҙҙәр тәшкил итә. Пассив лексикаға (сикләнгән ҡулланылыштағыларға), «күҙләшеү», «йәрәшеү», «бирнә» кеүек һүҙҙәр инә. Был күренеш хәҙерге заманда ҡайһы бер традицион йолаларҙың юғалыуы менән бәйле, әммә һуңғы йылдарҙа милли традицияларҙы тергеҙеү күҙәтелә, шуға бәйле пассив лексикалағы ҡайһы бер һүҙҙәр ҡабат әүҙем ҡулланыла башланы.

М.А. Буранғоловтың «Башҡорт туйы» мелодрамаһы (1926) – башҡорт туй йолаларын драматик әҫәрҙә сағылдырған ҡиммәтле сығанаҡ. Уның был әҫәре башҡорт туйының төрлө этаптарын, йолаларын, йырҙарын үҙ эсенә ала. Буранғолов Мөхәмәтша Абдрахман улы (15 декабрь 1888 йыл – 9 март 1966 йыл) – Башҡортостандың халыҡ сәсәне (1944). Фольклорсы, драматург. 1940 йылдан СССР Яҙыусылар союзы ағзаһы. Сәйәси золом ҡорбаны. Пьесала ошараған туй лексикаһы бер нисә тематик төркөмгә бүленә. Иң мөһим урынды *«бишек туйы»* алып тора – был бала сәкта башҡарылған йәрәшеү йолаһы. Драмала ошо йолаға нигеҙләнгән конфликт үҫешә. Пьесала башҡорт туйҙарына хас спорт ярыштары лексикаһы ла сағылыш тапҡан. Улар араһында *«көрәш»* айырыуса мөһим – батырҙарҙың көс һынашыуы; Гөлзифаны кәләшлеккә алыу хоҡуғы өсөн батырҙар ошо көрәштә ҡатнаша. Бынан тыш, пьесала *«ат сабышы», «йүгереү ярыштары», «уҡтан атыу»* һәм *«айыу уйыны»* ла телгә алына.

Пьесала *«теләк йыры»* йырлау, *«сеңләү», «һыу юлы»* (килендең һыуға тәүге тапҡыр барыуы менән бәйле йола) һәм *«ҡыҙ күҙләү»* (кәләште ҡарап, баһалау йолаһы) кеүек терминдар ҙа осрай. Ошонан сығып әйтергә кәрәк: М. Буранғоловтың «Башҡорт туйы» драмаһы – башҡорт туй лексикаһының тере сағылышы. Пьесала ошараған төп терминдар башҡорт туй йолаларының төп этаптарын һәм элементтарын сағылдыра. Был лексик ҡатлам драманың этнографик ҡиммәтен арттыра, әҫәрҙе башҡорт халҡының ғаилә ғөрөф-ғәҙәттәрен өйрәнеү өсөн мөһим сығанаҡҡа әйләндерә.

Туй лексикаһын өйрәнеү башҡорт халҡының мәҙәни мираҫын, донъяға ҡарашын, социаль мөнәсәбәттәрен аңлау өсөн мөһим. Килеп сығышы буйынса туй лексикаһының нигеҙен дөйөм төрки һүҙҙәр тәшкил итә, ғәрәп-фарсы алынмалары никахлашыу йолаһы менән бәйле терминдарҙа өҫтөнлөк итә, был ислам диненең башҡорттарҙың ғаилә-никах мөнәсәбәттәренә йоғонтоһон күрһәтә, рус теленән алынмалар хәҙерге заман туй лексикаһына хас. Яһалышы буйынса тамыр һүҙҙәр, яһалма һүҙҙәр һәм ҡушма һүҙҙәр осрай, был башҡорт теленең һүҙьяһалыш мөмкинлектәренең байлығын күрһәтә. Ҡулланылышы буйынса туй лексикаһының бер өлөшө әүҙем ҡулланылһа, ҡайһы бер иҫке йола атамалары пассив лексикаға күскән. Туй лексикаһы фольклорҙа (йырҙар, мәҡәлдәр, әйтемдәр) һәм фразеологизмдарҙа киң сағылыш тапҡан. М.А. Буранғоловтың «Башҡорт туйы» мелодрамаһы туй лексикаһын өйрәнеүҙең ҡиммәтле сығанағы булып тора, әҫәрҙә тере халыҡ теленең үҙенсәлектәре, туй йолаларының лексик байлығы сағылдырылған. Был лексиканың системалы тикшерелеүе башҡорт тел ғилеменең актуаль йүнәлештәренең береһе булып ҡала.

Әҙәбиәт:

1. Башҡорт теленең академик һүҙлеге: 10 томда. – Өфө: Китап, 2011–2020.
2. Башҡорт теленең диалекттары һүҙлеге. – Өфө: Башҡортостан Ғилми үҙәге, 2002. – 432 б.
3. Башҡорт теленең һүҙлеге: 2 томда. – М.: Русский язык, 1993. – 55 мең һүҙ.
4. Башҡорт халыҡ ижады: 3 томда. – Өфө: Башҡортостан Фәндәр академияһы, 1954–1959.
5. Башҡорт халыҡ ижады. Йола фольклоры. I том. ӨФӨ «КИТАП», 1995.
6. Башҡорт энциклопедияһы: 7 томда. Т. 6 Т- Ф – Өфө: «Башҡорт энциклопедияһы», 2017.
7. Буранғолов М.А. «Һайланма әҫәрҙәр». – Өфө: Китап, 2008.

© Дусиева М.Р., Абдуллина Г.Р., 2026

УДК 811.531

Ермакова М.А.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Карабаев М.И.,***
канд. филол. наук, доцент УУНиТ
г. Уфа, Россия

ПЕРИОД ГОНЕНИЙ НА ХАНГЫЛЬ В ЧОСОНЕ (XV–XIX ВВ.)

Создание хангыля королём Седжоном в 1443–1446 годах стало одним из важнейших событий в истории корейской культуры. Однако после смерти Седжона новая письменность столкнулась с длительным периодом непринятия со стороны правящей элиты. Королевская семья и сословие янбан (привилегированное сословие в Корее, состоявшее из чиновников-аристократов) продолжали использовать китайские иероглифы (ханча) в качестве основной системы письма.

Долгое время представители янбан пренебрежительно называли хангыль «вульгарной системой письма, используемой только женщинами». Однако нет ни одного документального подтверждения того, что хангыль использовался исключительно женщинами. Хотя изначально письменность действительно чаще применялась жёнами садэбу (чиновники и бюрократы эпох Корё и Чосон), со временем круг её пользователей только расширялся. Сам король Седжон подчёркивал, что алфавит был создан для того, чтобы любой человек – независимо от пола и социального статуса – мог легко его выучить и использовать. Однако основная масса простого народа, будучи занятой решением задач выживания, зачастую не имела возможности для обучения грамоте. Поэтому хангыль чаще применялся при составлении административной документации, становясь востребованным инструментом для среднего класса.

Ещё в 1444 году, ещё при жизни Седжона, был подан меморандум Чхве Малли (최만리), в котором создание новой письменности осуждалось как угроза культурному порядку и традиционным связям с Китаем.

В XVI–XVII веках хангыль был полностью вытеснен из официального делопроизводства. Государственные документы, летописи, философские трактаты по-прежнему составлялись исключительно на ханча. Хангыль сохранялся среди некоторых слоёв населения. Во-первых, в женской среде: женщин редко обучали иероглифам, поэтому они записывали свои мысли, стихи и письма хангылем. Так сформировался феномен «женской литературы». Во-вторых, в буддийских монастырях: буддийские монахи переписывали сутры на понятном народу языке. В-третьих, в народной поэзии и прозе, которые передавались из уст в уста, но иногда фиксировались хангылем.

Особо показателен инцидент с королём Ёнсангуном (연산군). В июле 1504 года получив анонимное письмо на хангыле с критикой своего правления, он ввёл чрезвычайное положение в столице и издал указы, запрещавшие изучение и использование корейского алфавита. Нарушителям грозила смертная казнь, книги на хангыле подлежали сожжению. Были проведены массовые проверки почерка среди всех, кто знал письменность, однако автор письма найден не был. Несмотря на жёсткие репрессии, уже в декабре того же года король распорядился перевести календари на хангыль, а в следующем году – погребальные речи. Этот эпизод ярко демонстрирует противоречивое отношение власти к хангылю: от полного запрета до вынужденного признания его практической необходимости [4:132].

Перелом наступил в XIX веке. В 1894 году, в рамках реформ Кабо (갑오개혁), хангыль впервые получил официальный статус в государственных документах – наравне с ханча.

С момента своего создания корейская национальная письменность хунмин чоным столкнулась с неприятием и попытками притеснения со стороны привилегированных слоёв общества. Ввиду более широкого распространения алфавита среди женщин и среднего сословия высшие слои населения, стремясь скомпрометировать письменность, пренебрежительно называли хунмин чоным «женским письмом». Против письменности не раз выступали высокопоставленные лица, однако это не помешало системе распространяться и постепенно войти в повседневную жизнь народа. В XVII–XIX веках, после волны активных гонений, наступает период относительного затишья: алфавит перестаёт восприниматься как угроза для высших слоёв, но со стороны государства он не получает активной поддержки.

Таким образом, период XV–XIX веков в истории хангыля представляет собой драматический цикл: от создания при государственной поддержке, через столетия непринятия и выживания в народных нишах, к постепенному признанию. Именно этот опыт гонений позволил хангылю сохранить живую связь с народом и стать в XX веке основой национальной идентичности Кореи.

Литература:

1. Концевич Л.Р. Мир «Хунмин чонъыма» // Российское корееведение в прошлом и настоящем. Том 10. – М.: Первое марта, 2013. – 586 с.
2. Курбанов С.О. История Кореи: с древности до начала XXI в. – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2018. – 744 с.
3. Ли Я.В. Хангыль – культурное наследие Кореи: создание, распространение, значение // Казанский вестник молодых ученых. – 2020. Т.4, №2. – С. 45-51.
4. Смертин Ю.Г. Корейская письменность: история создания и борьбы за существование // Археология и этнография понтийско-кавказского региона. – Краснодар, 2018. – С. 123-135.

© Ермакова М.А., 2026

УДК 811.531

Ермакова М.А.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Карабаев М.И.,***
канд. филол. наук, доцент УУНиТ
г. Уфа, Россия

ХАНГЫЛЬ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

В XXI веке распространение национальных знаний и информации во многом определяют потенциал развития страны. В этом контексте хангыль, созданный в XV веке, сыграл важную роль как инструмент повышения информационной доступности.

После создания хангыля сфера использования системы письменности постепенно расширялась. К XVII веку хангыль утвердился в качестве средства повседневного общения, однако лишь в период Корейской империи получил официальный статус.

Производительность и распространение национальных знаний и информации во многом определяют потенциал развития страны. В этом контексте хангыль, созданный в XV веке, сыграл важную роль не только как средство коммуникации, но и как инструмент демократизации знания и повышения информационной доступности.

Уникальная структура хангыля – его фонетическая точность, простота освоения и способность к комбинированию – внесла значительный вклад в развитие национальной системы знаний и информационных технологий. В настоящее время, в условиях глобализации и цифровой среды, возникает необходимость выйти за рамки «сохранения» хангыля с национальной точки зрения и начать делиться им с миром. Хангыль больше не является исключительно достоянием одной нации – он превращается в глобальный культурный и технологический ресурс.

С распространением компьютеров и смартфонов основным носителем текстовой информации стали экраны. В этом контексте хангыль, созданный более пяти веков назад, благодаря своей системности и научной организации оказался одной из наиболее удобных письменностей для цифровой среды.

Хангыль – это система письма, по своей структуре близкая к алфавиту. Имея 14 согласных и 10 гласных, он сопоставим по числу знаков с латиницей и поэтому хорошо адаптируется к стандартной клавиатуре QWERTY. Дополнительные буквы вводятся с помощью клавиши Shift или последовательным нажатием двух клавиш.

Важной особенностью является ритмичный поочередный ввод согласных (обычно левой рукой) и гласных (правой рукой), что позволяет быстро набирать текст. Это объясняется самой природой хангыля: отдельные фонемы – начальный согласный, срединный гласный и конечный согласный (падчим) – объединяются в один слоговой блок, благодаря чему ввод осуществляется ритмично, а не последовательным набором каждой буквы.

На смартфонах преимущества хангыля проявляются еще заметнее. При наборе на ограниченном экранном пространстве используются в основном два пальца (большой и указательный). При этом все знаки хангыля могут быть размещены примерно на 10 клавишах. В

отличие от латиницы, где все базовые символы занимают отдельные клавиши, хангыль позволяет комбинировать ограниченный набор простых знаков для получения тысяч слогов. Все гласные образуются из трех основных элементов («·», «–», «|»), а согласные – на основе нескольких базовых форм. Такая экономия при сохранении высокой комбинаторности делает хангыль исключительно удобным для сенсорного ввода.

Хангыль является фонетической письменностью, непосредственно передающей звуки речи. При этом он занимает промежуточное положение между слоговыми (как японская кана) и фонемными (как латиница) системами: в нем каждая буква соответствует отдельной фонеме, но на письме они группируются в слоговые блоки. Это дает ему существенное преимущество в системах распознавания речи.

В хангыле каждая буква имеет четкое и устойчивое произношение, которое почти не зависит от окружения (исключения, связанные с конечными согласными, редки и регулярны). Благодаря этому корейская речь распознается цифровыми устройствами более точно по сравнению со многими другими языками.

Быстрая обработка информации и удобство ввода и распознавания языка становятся ключевыми конкурентными преимуществами в цифровую эпоху. В этом отношении хангыль, основанный на анатомии речевого аппарата и философской концепции Неба, Земли и Человека, демонстрирует высокую эффективность. В условиях глобального интереса к корейской культуре (K-pop, дорамы, корейская волна) необходима системная поддержка изучения и популяризации хангыля, который остается не только культурным центром, но и технологически прогрессивной письменностью XXI века.

Литература:

1. Курбангалиева А. Хангыль – один из способов популяризации корейского языка // Казанский вестник молодых ученых. - 2018. - Т.2. - С. 120-123.

2. Юн Со Ен Исследование принципов и истории дизайна шрифтов хангыль // Кореeведение в России: направление и развитие. - Казань, 2021. - №4. - С. 16-23.

© Ермакова М.А., 2026

УДК 811.512.142

Жансуева Л.З.,
студент КБГУ им. Х. М. Бербекова
Кудаева Д.Ю.,
студент КБГУ им. Х. М. Бербекова
Научный руководитель – ***Мизиев А.М.,***
д-р филол. наук, профессор КБГУ им. Х. М. Бербекова,
г. Нальчик, Россия

О СЛОЖНЫХ ИМЕНАХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Карачаево-балкарский язык привлекает к себе внимание исследователей-лингвистов, которые изучают его с разных сторон. Анализируемые нами сложные лексемы предполагают конкретный подход для полного их охвата и детальной интерпретации. Следует отметить, что сложными в исследуемом языке бывают все части речи. Из-за ограниченности объема статьи мы обратимся лишь к сложным именам прилагательным. Рассматриваемый аспект грамматики не нашел должного решения в карачаево-балкарском языкознании. Относительно сложных имен прилагательных можно сказать, что некоторые колоративные понятия невозможно передать простыми прилагательными, а они занимают достаточно важное место в лексике и широко употребляются в языке.

Сложные имена прилагательные образуются обычно синтаксическим путем: сочетания имен прилагательных с прилагательными, числительных с прилагательными, прилагательных с существительными и существительных с существительными, также морфологическим и семантико-морфологическим способом, на что указывается в специальных научно-теоретических статьях [4; 5]. Они употребительны в составе различных онимов [1; 3; 6].

Структура сложения здесь та же, что и при образовании собственно сложных субстантивов путем примыкания, т.е. имеет место простое соположение компонентов без специальных

оформителей или же второй компонент имеет аффикс *-лы*. Такого рода адъективы имеют следующие структурные типы:

1) имя прилагательное + имя прилагательное: *къаратор* ‘темно-бурый’ (*къара* ‘черный’ + *мор* ‘бурый’), *акъсыл-кёк* ‘лазурный’, ‘бледно-голубой’ (*акъсыл* ‘беловатый’ + *кёк* ‘голубой’), *къара-къолан* ‘темно-пестрый’ (*къара* ‘черный’ + *къолан* ‘пестрый, многоцветный’ и т.п.;

2) имя прилагательное + имя прилагательное на *-лы*: *къара кёзлю* ‘с черными глазами’ (*къара* ‘черный’ + *кёзлю* ‘с глазами’), *узун сакъаллы* ‘длиннобородый’ (*узун* ‘длинный’ + *сакъаллы* ‘с бородой’), *саз бетли* ‘бледнолицый’ (*саз* ‘бледный’ + *бетли* ‘с лицом’), *акъ къалпакълы* ‘в белой шляпе’ (*акъ* ‘белый’ + *къалпакълы* ‘в шляпе’), *къызыл байракълы* ‘краснознаменный’, ‘с красным знаменем’ (*къызыл* ‘красный’ + *байракълы* ‘со знаменем, имеющий знамя’) и т.п.;

3) имя числительное + имя существительное: *алтыаякъ* ‘шестиногий’ (*алты* ‘шесть’ + *аякъ* ‘нога’), *тёрткёз* ‘четырехглазый’ (*тёрт* ‘четыре’ + *кёз* ‘глаз’), *бешкъарыш* (название (вид) косы) (*беш* ‘пять’ + *къарыш* ‘карыш – мера длины’), *тёртмюйюш* ‘четырехугольный’ (*тёрт* ‘четыре’ + *мюйюш* ‘угол’);

4) имя числительное + имя прилагательное: *бешжыллыкъ* ‘пятигодичный’ (*беш* ‘пять’ + *жыл* ‘тод’), *алтыайлыкъ* ‘шестимесячный’ (*алты* ‘шесть’ + *ай* ‘месяц’), *экикюнлюк* ‘двухдневный’ (*эки* ‘два’ + кюнлюк ‘однодневный’), *ючсагъатлыкъ* ‘трехчасовой’ (*юч* ‘три’ + *сагъатлыкъ* ‘одночасовой’);

5) наречие + имя прилагательное: *кёп магъаналы* ‘многозначный’ (*кёп* ‘много’ + *магъаналы* ‘значимый’), *кёпжыллыкъ* ‘многолетний’ (*кёп* ‘много’ + жыллыкъ ‘однолетний’), *кёпкюнлюк* ‘многодневный’ (*кёп* ‘много’ + *кюнлюк* ‘однодневный’);

6) имя существительное + глагол: *жанжат* ‘ленивый, лентяй’(*жан* ‘бок’ + *жат-* ‘лежать’, *къаштюй* ‘хмурый’ (*къаш* ‘ресница’ + *тюй-* ‘ударить’), *къолтут* ‘любящий здороваться’ (*къол* ‘рука’ + *тут-* ‘взять’;

7) наречие + причастие: *кёпбилген* ‘многознающий’ (*кёп* ‘много’ + *бил*ген ‘знающий’), *теркбаргъан* ‘быстроход’ (*терк* ‘быстро’ + *баргъан* ‘ходящий’), *кёпжатар* ‘долголежащий’ (*кёп* ‘долго, много’ + *жатар* ‘лежащий’);

8) имя прилагательное + послелог: *къара шинли* ‘брюнет’ (*къара* ‘черный’ + *шинли* ‘вида’), *сары шинли* ‘светлый, светлый’ (*сары* ‘желтый’ + шинли ‘вида’);

9) имя существительное + послелог: *тиширыу маталлы* ‘похожий на женщину, как женщина’ (*тиширыу* ‘женщина’ + *маталлы* ‘подобный’); *бир маталлы* ‘похожие на одного’ (*бир* ‘один’ + *маталлы* ‘подобный’);

10) частица + имя существительное: *жангызкёз* ‘одноглазый’ (*жангыз* ‘одинокий, один’ + *кёз* ‘глаз’), *жангызкъол* ‘однорукий’ (*жангыз* ‘одинокий’ + *къол* ‘рука’) и т.д.;

11) наречие + глагол: *шошбар* ‘тихоход’ (*шош* ‘бесшумно, аккуратно’ + *бар-* ‘ходить’), *тынчжат* ‘тихолежачий’ (*тынч* ‘тихо’ + *жат-* ‘лежать’). Вышеприведенные лексические образования состоят из двух компонентов, подчиняющихся друг другу.

Теперь обратимся к классу сложных имен прилагательных, в которых компоненты парные и связаны между собой способом сочинения. Они бывают следующих видов:

1) сложные имена прилагательные, компоненты которых синонимичны друг другу: *батыу-чунгур* ‘углубления-ямы’ (*батыу* ‘углубление’ + *чунгур* ‘яма’), сау-эсен ‘жив-спокоен’ (*сау* ‘живой’ + *эсен* ‘спокойно, спокойство’), *жарлы-жазыкъ* ‘бедный-несчастный’ (*жарлы* ‘бедный’ + *жазыкъ* ‘несчастный’);

2) сложные слова, компоненты которых антонимичны друг другу: *узакъ-жууукъ* ‘далекий-близкий’ (*узакъ* ‘далекий’ + *жууукъ* ‘близкий’), *узун-кенг* ‘длинный-широкий’ (*узун* ‘длинный’ + *кенг* ‘широкий’), *ач-токъ* ‘голодный-сытый’ (*ач* ‘голодный’ + *токъ* ‘сытый’) и т.д.;

3) сложные имена прилагательные, входящие в одну лексико-семантическую группу: *эски-жыртыкь* ‘старопорванный’ (*эски* ‘старый’ + *жыртыкь* ‘порванный’), *кючлю-мысты* ‘горькокислый, безвкусный’ (*кючлю* ‘горький’ + *мысты* ‘кислый’), *узун-иничге* ‘длиннохудой’ (*узун* ‘длинный’ + *иничге* ‘худой’), *гуппур-къынгыр* ‘неровнокривой’ (*гуппур* ‘неровный’ + *къынгыр* ‘кривой’) и др.;

4) имя прилагательное + имя существительное: *тирикёз* ‘наблюдательный’ (*тири* ‘живой, бодрый’ + *кёз* ‘глаз’), *къаракёз* ‘черноглазый’ (*къара* ‘черный’ + *кёз* ‘глаз’), *къаракъаш* ‘чернобровый’ (*къара* ‘черный’ + *къаш* ‘бровь’), *къызылуурт* ‘краснощекий’ (*къызыл* ‘красный’ + *уурт* ‘щека’), *акъжал* ‘белогривый’ (*акъ* ‘белый’ + *жал* ‘грива’), *ачыкъжюрек* ‘чистосердечный’ (*ачыкъ* ‘открытый’ + *жюрек* ‘сердце’) и т.д.;

5) имя существительное + имя прилагательное на *-лы*: *салам башлы* ‘соломенной крышей’ (*салам* ‘солома’+ *башлы* ‘верхний’), *тил аллы* ‘переднеязычный’ (*тил* ‘язык’ + *аллы* ‘передний’), *суу бетли* ‘бесцветный’, ‘бледный’ (*суу* ‘вода’ + *бетли* ‘имеющий лицо’), *халкъла аралы* ‘международный’ (*халкъла* ‘народы’ + *аралы* ‘промежуточный’) и т.д.;

6) имя существительное + имя существительное: *саламбаш* ‘соломоголовый’ (*салам* ‘солома’ + *баш* ‘голова’), *малкёз* ‘жадный’ (*мал* ‘скот, богатство’ + *кёз* ‘глаз’), *ташжюрек* ‘жестокосердечный’ (*таш* ‘камень’ + жюрек ‘сердце’), *кюмюшсап* ‘с серебряной рукояткой’ (*кюмюш* ‘серебро’ + *сап* ‘рукоятка’) и т.п.;

7) имя существительное с аффиксом принадлежности 3-го лица ед. числа с именем прилагательным: *билими уллу (бийик)* ‘высокообразованный’, ‘с большими знаниями’ (*билими* ‘знания (его)’ + *уллу*, *бийик* ‘высокий’, ‘большой’), *къылыгьы ариу* ‘воспитанный’ (*къылыгъы* ‘его характер, воспитание’ + *ариу* ‘красивый’), *кёлю ачыкъ* ‘чистосердечный, с открытой душой’, ‘душа нараспашку’ (*кёлю* ‘его характер, его душа’ + *ачыкъ* ‘открытый’) и т.п.

Как видим, сложные имена прилагательные употребляются главным образом для репрезентации признаков различных предметов и, прежде всего, человека, обозначая названия душевных качеств и внешних отличительных признаков его портрета, что часто используется в лирических произведениях [2]. А когда оба элемента сложения являются исторически именами прилагательными, сочетание их чаще всего дает сложные прилагательные, обозначающие различных мастей животных или световых явлений в природе. В целом класс сложных имен прилагательных значительно беднее средствами словообразования, чем класс сложных существительных.

Литература:

1. Ахматова М.А., Текуев М.М., Хуболов С.М. Топонимы карачаево-балкарского языка, образованные от апеллятива цвета акъ ‘белый’, и их лексико-семантическая характеристика // Научная мысль Кавказа. – 2021. – № 4 (108). – С. 118-124.

2. Кетенчиев М.Б., Додуева А.Т., Мизиев А.М. Особенности вербализации депортации 1943 - 1957 гг. В карачаево-балкарской народной лирике // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2020. № 1. С. 112-119.

3. Кетенчиев М.Б., Додуева А.Т., Хуболов С.М. Названия месяцев в карачаево-балкарском языке // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2019. – № 6 (93). – С. 109-118.

4. Мизиев А.М. О переходе словосочетаний во фразеологизмы // Гуманитарные исследования. – 2013. – № 4 (48). – С. 025-030.

5. Мизиев А.М. Сложные существительные с подчинительной связью компонентов в карачаево-балкарском языке // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2014. – № 1. – С. 229-239.

6. Текуев М.М., Ахматова М.А., Хуболов С.М. Характеристика некоторых топонимов карачаево-балкарского языка с компонентами агъач ‘лес’, терек ‘дерево’ // Язык: история и современность. – 2019. – № 2. – С. 111-122.

© Жансуева Л.З., Кудаева Д.Ю., 2026

УДК 811.531

Желенкова А. Ю.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Кучаева А. Н.,***
ассистент УУНиТ
г. Уфа, Россия

ВЛИЯНИЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА НА КОРЕЙСКУЮ ЛЕКСИКУ

Корейский язык, обладающий уникальной грамматической структурой и оригинальной письменностью хангыль, на протяжении своей истории испытывал мощнейшее воздействие со стороны китайского языка. Это влияние, начавшееся ещё до нашей эры и продолжавшееся более двух тысячелетий, затронуло все уровни языковой системы, но наиболее ярко и глубоко проявилось в лексике. Сегодня, по оценкам исследователей, от 50 до 60% словарного состава современного корейского языка составляют слова китайского происхождения (сино-корейская лексика), что делает

китайское заимствование одним из ключевых факторов формирования корейского языкового ландшафта.

Проникновение китайской лексики на Корейский полуостров началось задолго до появления собственной корейской письменности. Уже в первые века нашей эры, в период существования трёх ранних государств (Когурё, Пэкче, Силла), китайские иероглифы (ханча) стали использоваться для записи не только официальных документов и буддийских сутр, но и местных имён, титулов, топонимов. При этом китайские слова не просто механически копировались – каждый иероглиф получал своё китайско-корейское произношение (ханча-ым), адаптированное к фонетической системе корейского языка, лишённой тонов и имеющей иной набор согласных.

Особенно интенсивным процесс китаизации корейской лексики стал в эпоху Корё (918–1392) и раннего Чосона (1392–1910), когда конфуцианство было возведено в ранг государственной идеологии, а классическое китайское образование – необходимым условием для карьеры чиновника. Тысячи китайских корней вошли в корейский язык, образуя сложные слова по тем же моделям, что и в китайском, но уже в рамках корейской грамматики.

Важно подчеркнуть, что китайское влияние не ограничилось прямыми заимствованиями. На базе китайских морфем в самой Корее создавались новые лексические единицы для обозначения реалий, которых не было в древнем Китае (например, административные термины, названия местных мер веса, а позже – переводы западных понятий). Более того, через посредство китайской письменности в корейский проникали буддийские и даосские концепты, а также некоторые термины из санскрита и других языков.

В результате к XX веку сложилась ситуация, что в корейском языке сосуществуют два крупных лексических пласта – исконно корейский (коюо 고유어) и сино-корейский (ханчао 한자어). При этом последний доминирует в таких сферах, как наука, образование, юриспруденция, политика, официальное делопроизводство и абстрактная лексика. Даже создание в XV веке уникального фонетического алфавита хангыль и его активное внедрение в XX веке не привели к отказу от китайско-корейских слов – они были адаптированы к новой письменности и продолжают активно использоваться.

Китайский язык является тоновым (тональным): каждый слог имеет определённый тон, который выполняет смыслоразличительную функцию. Корейский язык, напротив, относится к нетоновым (атональным) языкам, где высота тона не служит для различения лексических значений. Однако так было не всегда: средневековый корейский язык обладал тоновой системой, которая впоследствии была утрачена. Этот процесс представляет собой яркий пример того, как заимствование лексики из одного языка в другой может сопровождаться фундаментальной фонологической перестройкой.

Главным доказательством того, что корейский язык когда-то был тоновым, служит рукопись «Хунмин Чоным» (훈민정음, 1446 год) – документ, в котором был обнародован корейский алфавит хангыль. В этой рукописи присутствуют специальные диакритические знаки, обозначающие тоны. Исследования показывают, что тоновые паттерны сино-корейских морфем демонстрируют регулярные соответствия с тонами среднекитайского языка. Это означает, что при заимствовании китайской лексики в корейский язык изначально происходила передача не только сегментного состава слова, но и его тональной характеристики. Тоны среднекитайского языка сохранялись в тонах среднекорейского, что подтверждается как лингвистическими реконструкциями, так и диалектными данными. В XVI веке диакритические знаки, обозначающие тоны, начинают встречаться в письменных памятниках всё реже. К XVII веку они полностью исчезают из употребления. Это указывает на то, что к этому периоду тоновая система перестала функционировать и в разговорном языке. Лингвисты используют термин тоноэкзодус (tonoexodus – «исход тонов») для описания этого постепенного процесса утраты тональных противопоставлений в языке, в отличие от резкого «исчезновения». С точки зрения языковых универсалий, утрата тонов в корейском языке может объясняться несколькими факторами: отсутствие грамматической нагрузки (в корейском языке тоны, по-видимому, не выполняли существенной грамматической функции, что делало их «факультативными» с точки зрения коммуникативной необходимости); действие аналогии (в процессе исторического развития происходила перестройка акцентной системы под влиянием аналогии с более частотными акцентными классами); субстратное влияние (возможно, имело место влияние нетоновых языковых субстратов на территории Корейского полуострова).

Утрата тонов в корейском языке не была следствием «неспособности» корейцев воспринимать или воспроизводить тоны китайского языка, а результатом внутренней логики развития корейской

фонологической системы, в которой тоны не были функционально закреплены и постепенно были замещены другими просодическими механизмами. При этом сама сино-корейская лексика (ханча-маль) сохранилась и составляет основу значительной части словарного запаса – лексическое влияние китайского языка оказалось устойчивее, чем просодическое.

Первое значительное культурное влияние Китая на Корейский полуостров началось в период существования трех ранних государств: Когурё, Пэкче и Силла. Именно в это время закладывались основы будущего китайско-корейского лексического пласта. Главными проводниками китайской культуры стали буддизм и китайская иероглифическая письменность. Именно в период с IV по VII век, китайские иероглифы (ханча) начали систематически проникать в корейский язык, становясь инструментом для записи культурных, политических и философских текстов. Интересно отметить, что разные корейские государства взаимодействовали с Китаем по-разному. Когурё поддерживало активные контакты с северными китайскими династиями, Пэкче – с южными, а Силла, которое впоследствии объединило полуостров, знакомилось с китайской культурой опосредованно – через Когурё и Пэкче.

Ко времени объединения полуострова под властью Силла (VII в.) и в последующий период Корё (X–XIV вв.) китайский язык и иероглифика заняли доминирующее положение в официальной и культурной сферах. В этот период официальным письменным языком в Корее становится классический китайский язык вэньянь, известный в Корее как ханмун. На этом языке велось все государственное делопроизводство, создавались литературные и научные труды. Корейские ученые и чиновники не только использовали существующие иероглифы, но и создали собственную систему – хангук ханча (한국 한자, **韓國漢字**), адаптировав китайскую письменность для нужд корейского языка.

Распространение китайского языка и лексики не было стихийным. Оно подкреплялось мощными институтами, которые формировали сознание и систему ценностей корейского общества на протяжении веков. Буддийские сутры, переведенные на китайский язык, стали одним из главных источников новой лексики. Они принесли с собой не только религиозную, но и философскую, этическую и научную терминологию, такую как:

1) 인연 (**因緣**, in-yeon) – «причинно-следственная связь» (санскр. нидана). Одно из ключевых слов корейской культуры (судьба, кармическая связь между людьми);

2) 업 (**業**, eop) – «карма»;

3) 수행 (**修行**, su-haeng) – «духовная практика, аскеза»;

4) 기도 (**祈禱**, gi-do) – «молитва».

Конфуцианство дало корейскому языку социальную иерархию, этикет и моральные категории. Эта лексика до сих пор регулирует вежливость и семейные отношения.

1) 인 (**仁**, in) – «человеколюбие, гуманность» (главная конфуцианская добродетель);

2) 지 (**智**, ji) – «мудрость, знание»;

3) 신 (**信**, shin) – «искренность, доверие»;

4) 왕 (**王**, wang) – «король».

Многочисленные лексикографические исследования подтверждают доминирующую роль китаизмов в корейском языке. По данным Национального института корейского языка, в стандартных словарях (например, «Стандартный корейский словарь») доля ханча-о составляет от 50% до 60% всех лексем. В специализированных научных словарях (медицина, физика, право) этот показатель может достигать 70–80%. Хотя в повседневной устной речи чаще используются исконно корейские слова (около 80–90% в диалоге), в письменной речи, официальных документах, новостях и научной литературе доминирует именно лексика ханча-о. Это явление делает корейский язык уникальным: грамматика остается алтайской (агглютинативной), но фундамент словаря – китайско-корейским.

Китаизмы в корейском неоднородны. Лингвисты выделяют две основные группы в зависимости от способа вхождения в язык:

1) Прямые семантические кальки (понятия этики, права, философии) – это древнейший слой заимствований, пришедший вместе с корейским конфуцианством и буддизмом. Корейские ученые (сонби) читали китайские классические тексты и переносили сложные абстрактные понятия «калькой» – буквально переводя значение иероглифов в корейское произношение. Этика (인, 의, 예): инин (이인, **利仁**) – «быть человеколюбивым ради выгоды» (философский термин); чхунхё (충효, **忠孝**) – «верность и сыновняя почтительность» (базовые конфуцианские добродетели). Право и управление (법, 관직): помнёль (법률, **法律**) – «закон». Квачхо (과거, **科擧**) – «государственные

экзамены» (система отбора чиновников). Философия (철학): сим (심, 心) – «сердце-сознание» (неоконфуцианство); то (도, 道) – «путь» (даосизм).

2) Лексика, созданная в Корее из китайских корней (быт, администрация). Этот тип уникален. В период династии Чосон (1392–1910) и вплоть до XX века корейцы активно создавали новые слова, используя китайские иероглифы, которых не было в классическом китайском языке (вэньяне). Эти слова обозначали корейские реалии. Быт и повседневность: кимчхи (김치) – исконно корейское слово, но существует и термин хэмчхэ (함채, 咸菜) из ханча, означающий «соленые овощи»; ханбок (한복, 韓服) – буквально «корейская одежда» (корень «хан» – Корея, «пок» – одежда). В Китае такого понятия исторически не существовало; чхонгак (총각, 總角) – «неженатый мужчина» (букв. «связанные пучки волос» – по древней корейской прическе юношей). Администрация и экономика (созданы в XX веке): ыпмён (읍면, 邑面) – термины низовых административных единиц Кореи (не существующих в Китае); кёндже хак (경제학, 經濟學) – «экономика» как наука. Хотя иероглифы древние, сочетание в значении «экономическая теория» было популяризировано именно в Корее и Японии, но с корейским прочтением.

Одним из самых радикальных изменений, которым подверглись китаизмы при переходе в корейский язык, стала полная утрата тональной системы среднекитайского языка и адаптация к фонологической структуре корейского языка, основанной на противопоставлении «ударный – неударный».

Китайский язык является тональным: значение слога зависит от высоты и модуляции голоса (в среднекитайском выделялось 4 тона: ровный (пхён), восходящий (шан), уходящий (цюй) и входящий (жу), оканчивающийся на взрывной согласный). Корейский язык, напротив, принадлежит к не тональным языкам. Его просодика базируется на интонации предложения, долготе гласного, фиксированном ударении. Когда китайские слова заимствовались, корейское ухо просто не воспринимало тон как смыслоразличительный признак, поэтому тона были редуцированы (сведены на нет).

Таким образом, корейско-китайские лексические связи – это не история «заимствования чужих слов», а история сосуществования двух языковых систем. Китай предоставил «строительный материал» (иероглифические корни и понятийный аппарат), а корейский язык переработал этот материал по своим фонетическим и грамматическим законам, создав самобытный пласт ханча-о, который продолжает развиваться и в XXI веке. Без понимания этого влияния невозможно адекватное изучение ни корейского языка, ни истории корейской культуры.

Литерутура:

1. Холодович А. А. Очерк грамматики корейского языка / А. А. Холодович. – М.: Издательство восточной литературы, 1954. – 240 с.
2. Ковалева С. Г. Китайские иероглифические фразеологизмы в корейском языке / С. Г. Ковалева, В. В. Самойленко // Актуальные проблемы современного языкознания: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. – Владивосток: Изд-во ДВГТУ, 2004. – С. 112-117.
3. Мазур Ю. Н. Корейский язык: учебник / Ю. Н. Мазур. – М.: Восточная литература, 2001.
4. Иващенко Н. В. Китайско-корейские лексические параллели: историко-типологический аспект / Н. В. Иващенко // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. – 2018. – № 4. – С. 32-41.
5. Сим Чжэ Ги. Лексикология корейского языка / Сим Чжэ Ги. – Сеул: Чипмундан, 2000. – 380 с.

© Желенкова А. Ю., 2026

УДК 81'1

Жерновкова В.Д.
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Бахтиярова А.Н.***
канд. филол. наук, доцент УУНиТ
г. Уфа, Россия

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ С КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В научной статье рассматриваются особенности перевода медицинской терминологии с китайского языка на русский. При переводе данной темы важна точность перевода, которая напрямую влияет на качество диагностики, лечения и международного медицинского сотрудничества. Китайские медицинские термины часто короче русских соответствий, обладают высокой информационной плотностью и могут включать как фонетические заимствования из западных языков, так и семантические кальки, внутренняя форма которых прозрачна для носителя китайского языка, но требует специального анализа при переводе на русский.

Перевод медицинских терминов требует, от переводчика определенных теоретических знаний в области медицины и лингвистических терминов. Медицинская терминология русского языка появлялись в ходе развития российской медицины на протяжении нескольких столетий и обладает в большой степени видоизмененной модальной семантикой, строение которой является ключевым при их переводе на китайский язык. Вследствие этого переводчику следует хорошо разбираться в сложностях русской терминологии и способах перевода на китайский язык. Перевод на медицинскую тему напрямую связан с определенными трудностями, обусловленными как особенностями самого медицинского дискурса, так и постоянно растущим количеством терминов. Основной целью перевода является не только достижение достоверности и адекватности оригинальному тексту, но также и соответствие нормам языка перевода [2].

Постоянное развитие медицины как отрасли человеческой жизнедеятельности приводит к активному пополнению терминологического пласта лексики, формированию новых номинаций и модернизации существующих. Рост количества медицинских выражений значительно опережает увеличение объема общеупотребляемых слов, что обусловливает актуальность изучения специальной лексики и особенностей ее перевода [5]. Медицина как сфера, отвечающая за здоровье и жизнь людей, остается востребованной в любой стране, независимо от ее экономического и политического положения, поэтому грамотный перевод медицинской терминологии становится важным звеном в международном сотрудничестве, включая российско-китайские отношения в сфере здравоохранения.

Цель статьи – достижение не только достоверности и адекватности оригинальному тексту, но также и соответствие нормам языка перевода. Актуальность данной работы представлена в росте международного сотрудничества в области медицины, обмене научными данными, переводе научных статей и в обмене клиническими исследованиями. Новизна исследования состоит в сопоставлении русско-китайских медицинских терминов с указанием оптимальных вариантов перевода и типичных ошибок.

В основе статьи лежит гипотеза, что достоверный перевод медицинской терминологии с китайского языка на русский является не буквальный перевод и не транслитерация, а восстановление латинского или греческого эквивалента, который служит международным медицинским кодом. Понимание внутренней формы китайского термина помогает переводчику идентифицировать исходное западное понятие, но не должно подменять собой использование устоявшейся русской медицинской номенклатуры.

Статья делится на три раздела. Первый раздел посвящён основным путям терминообразования в китайской медицинской лексике. Во втором разделе рассматриваются ключевые особенности и факторы успешного перевода. Третий раздел анализирует проявление роли глоссария в изучении и переводе медицинской терминологии.

Основные пути терминообразования в китайской медицинской лексике

Как отмечает О.П. Фролова, в современном китайском языке выделяются три основные стратегии формирования медицинских терминов [5], и каждая из этих стратегий имеет специфические особенности, которые необходимо учитывать при переводе на русский язык, чтобы обеспечить точность и достоверность передачи смысла.

Первый путь – терминологизация общеупотребляемых слов, который заключается в присвоении обычных лексем специального медицинского значения. При переводе таких терминов крайне важно учитывать контекст, так как их значение в медицинском тексте может кардинально отличаться от повседневного. Например, общеупотребительное слово 急 (jí), означающее в обычном употреблении ‘быстрый, раздраженный’, в медицинской терминологии приобретает значение ‘экстренный’, что проявляется в таких терминах, как 急诊 (jízhěn) – ‘срочный осмотр, экстренная медпомощь’ и 急诊科 (jízhěnkē) – ‘скорая помощь’. Аналогично, слово 突出 (tūchū), которое в повседневном контексте означает ‘выделяться, выступать’, в медицинской лексике приобретает специфическое значение ‘грыжа, выпуклость’, особенно в составе сложного термина 腰椎间盘突出 (yāozhuī jiànpán tūchū) – ‘грыжа межпозвоночного диска в поясничном отделе’, а в разговорной медицинской речи часто сокращается до 腰突 (yāotū) – ‘поясничная грыжа’. Слово 血 (xuè), сохранившее свое общеупотребительное значение ‘кровь’, в медицинском контексте используется в сочетании с другими лексемами для формирования специализированных понятий, связанных с кровью, ее циркуляцией и патологиями.

Второй и наиболее распространенный путь терминообразования в китайской медицинской лексике – формирование сложных терминов, который включает сложение лексем, аффиксацию, сокращение и формирование устойчивых словосочетаний. При переводе сложных терминов необходимо тщательно анализировать структуру слова и семантику каждого компонента, так как часто используется принцип буквального или логического сочетания значений частей. В китайском языке сложные медицинские термины формируются по нескольким типам грамматических связей между компонентами [7], и понимание этих связей является ключом к правильному переводу. Так, при атрибутивной связи первый компонент определяет второй: например, 腰 (yāo) – ‘поясница’ в сочетании с 椎 (zhuī) – ‘позвонок’ образует термин 腰椎 [yāozhuī] - ‘поясничный позвонок’, а 静脉 (jìngmài) – ‘вена’ с 曲张 (qūzhāng) – ‘изгибаться, расширяться’ формирует 静脉曲张 (jìngmài qūzhāng) - ‘варикозное расширение вен’. При копулятивной связи компоненты равноправны, что видно на примере термина 风湿免疫科 (fēngshī miǎnyìkē) – ‘отделение ревматологии и иммунологии’, где 风湿 (fēngshī) – ‘ревматизм’ и 免疫 (miǎnyì) – ‘иммунитет’, сочетаются для обозначения специализированного медицинского отделения. Глагольно-объектная связь характеризуется тем, что первый компонент обозначает действие, а вторым является его объект: например, 切 (qiē) - ‘резать’ и 除 (chú) – ‘удалять’ образуют 切除 (qiēchú) - ‘иссечение, резекция’, а 抢救 (qiǎngjiù) – ‘спасать, оказывать экстренную помощь’ переводится как ‘реанимация’. Кроме того, в разговорной медицинской речи широко используется сокращение сложных терминов, что требует точной расшифровки при переводе официальных документов: например, 腰椎间盘突出 (yāozhuī jiànpán tūchū) – ‘грыжа межпозвоночного диска в поясничном отделе’ сокращается до 腰突 (yāotū) – ‘поясничная грыжа’, а 心动电流图 (xīndòng diànliú tú) до 心电图 (xīndiàntú) - ‘электрокардиограмма’.

Аффиксация, являющаяся вторым по распространенности способом формирования медицинских выражений, заключается в присоединении аффиксов к знаменательным морфемам [9], и эти аффиксы определяют принадлежность термина к определенной категории, что значительно упрощает перевод на русский язык. Среди самых распространенных аффиксов в китайской медицинской терминологии можно выделить несколько основных: суффикс 术 (shù), обозначающий хирургическое вмешательство, который используется в сложном термине 胰十二指肠联合切除术 (yí shí'èrzhǐcháng liánhé qiēchú shù) - ‘операция комбинированной резекции поджелудочной железы и двенадцатиперстной кишки’ или ‘**операция Уиппла’**; суффикс 科 (kē), обозначающий медицинское отделение, который присутствует в терминах 急诊科 (jízhěn kē) – ‘скорая помощь’, 风湿科 (fēngshī kē) – ‘отделение ревматологии’ и 免疫科 (miǎnyìkē) – ‘отделение иммунологии’; суффикс 者 (zhě), образующий существительные, обозначающие лицо, в медицинском контексте - пациента, что видно на примере 患者 (huànzhě) – ‘пациент’. Также в медицинской терминологии часто используется суффикс 症 (zhèng), обозначающий заболевание или синдром, который сочетается с другими лексемами для формирования патологических состояний.

Третий путь терминообразования - иноязычные заимствования, которые являются важным источником пополнения китайской медицинской лексики, преимущественно из английского языка. Заимствования делятся на фонетические, семантические и калькированные, каждый тип имеет свои особенности перевода [3]. Фонетические заимствования заключаются в буквальной передаче звучания иностранного термина и часто используются для обозначения лекарств, медицинских

процедур или аппаратов; примером такого заимствования из глоссария является термин B超 (B chāo), который переводится как ‘УЗИ’ – здесь буква ‘B’ передается фонетически, а 超 (chāo) означает ‘ультразвуковой’. Семантические заимствования и кальки – это формирование термина из китайских лексем по модели иностранного термина, и такие термины не отличаются от исконно китайских, легко адаптируются при переводе: например, 心电图 (xīndiàntú) – ‘электрокардиограмма’ является калькой английского термина ‘electrocardiogram’. Полуфонетические заимствования, состоящие из слияния иностранного и китайского компонентов, редко встречаются в базовом медицинском лексиконе, но характерны для специализированных терминов.

Ключевые особенности и факторы успешного перевода

Успешный перевод медицинской терминологии с китайского языка зависит от учета нескольких специфических факторов, которые являются ключевыми для обеспечения точности [9].

Первое – контекстная зависимость значения терминов: многие лексемы имеют разное значение в повседневной и медицинской речи, как это показано на примерах 急 (jí) и 突出 (tūchū), поэтому при переводе необходимо тщательно анализировать контекст текста.

Второе – структура сложных терминов: большинство медицинских понятий в китайском языке являются сложными, поэтому перевод часто требует разбора каждого компонента и логического сочетания их значений, особенно в случае таких сложных выражений, как 胰十二指肠联合切除术 (yí shí'èrzhǐcháng liánhé qiēchú shù), где каждый элемент несет важную смысловую нагрузку.

Третье – различие между официальной и разговорной терминологией: в разговорной речи часто используются сокращения, которые требуют точной расшифровки при переводе официальных документов, чтобы избежать неточностей.

Четвертое – стандартизация перевода: отсутствие единой терминологической базы приводит к появлению нескольких вариантов перевода одного и того же термина, поэтому при работе с медицинскими документами рекомендуется использовать общепринятые стандарты, чтобы обеспечить единообразие и понятность.

Роль глоссария в изучении и переводе медицинской терминологии

Особое внимание стоит уделить использованию глоссариев, которые содержат ключевые медицинские термины, часто встречающиеся в повседневной и клинической практике. Лексемы, такие как 诊室 (zhěnshì) – ‘кабинет врача’, 心音 (xīn yīn) - ‘сердечный тон, звук сердца’, 意识 (yìshí) – ‘сознание’, 心包填塞 (xīnbāo tiánsāi) – ‘тампонада сердца’, 白服 (bái fú) – ‘белая одежда, белый халат’ и многие другие, являются основой для понимания китайской медицинской терминологии и ее перевода. Каждая из этих формулировок имеет свою специфику, связанную со структурой китайского языка и особенностями медицинской лексики, и их правильный перевод требует учета всех вышеперечисленных факторов.

Подводя итог, хотим отметить, что исследование особенностей перевода китайской медицинской терминологии показывает, что успешный перевод зависит от глубокого понимания двух аспектов: словообразовательных стратегий китайского языка и специфики медицинской лексики. Большинство терминов формируется путем сложения лексем и аффиксации, что позволяет анализировать их структуру и семантику для точного перевода. Терминологизация общеупотребительных слов и иноязычные заимствования добавляют сложности, так как требуют обязательного учета контекста и стандартных соответствий. Актуальность изучения этих особенностей будет только расти с развитием российско-китайских партнерских отношений в сфере здравоохранения, так как корректный перевод медицинской терминологии не только обеспечивает взаимопонимание между специалистами, но и гарантирует безопасность пациентов. Кроме того, исследования номинации и перевода медицинских терминов направлены на достижение достоверного перевода, способствуют решению многих прикладных задач, так как объем медицинской лексики продолжает расширяться, а в справочной литературе не всегда можно найти точные русскоязычные соответствия китайским терминам.

Понимание данной темы помогает минимизировать переводческие ошибки, обеспечивая высокую точность передачи медицинских понятий между китайским и русским языками и снижать риски клинических ошибок, связанных с неточным интерпретированием терминов. Основанный на вышеизложенных принципах подход способствует формированию единой стандартизированной терминологической базы, которая станет фундаментом для дальнейшего развития международного медицинского сотрудничества, научных исследований и обмена практическим опытом.

Литература:

1. Ветошенкова, И. А. Особенности формирования и перевода китайской медицинской терминологии / И. А. Ветошенкова // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. – 2018. – Вып. 10 (803). – С. 24–35.

2. Маслова, И. Б. Терминология традиционной китайской медицины: этимология и историко-культурный контекст / И. Б. Маслова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. – 2015. – № 5. – С. 81–86.

3. Рукавишникова, О. И. Особенности терминологической номинации в медицинской лексике китайского языка / О. И. Рукавишникова, О. В. Отраднова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2017. – № 9-2 (63). – С. 58–60.

4. Султанова, Л. А. Особенности формирования и развития китайской медицинской терминологии : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22 / Султанова Лола Акмаловна. – Ташкент, 2012. – 26 с.

5. Фролова, О. П. Словообразование в терминологической лексике современного китайского языка / О. П. Фролова. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1981. – С. 40–95.

6. Цзюй Юньшэн. Глубокое значение «перевода» медицинских терминов русского языка на китайский язык / Цзюй Юньшэн // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. – 2022. – № 1. – С. 158–179.

7. Шутова, Н. М. Особенности перевода китайских медицинских терминов (на материале текстов традиционной китайской медицины) / Н. М. Шутова, Г. Р. Хабибуллина // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2022. – Т. 32, № 3. – С. 583–590

8. Smirnova E.A. Terminological Borrowings in Modern Chinese Medical Lexicon. – Linguistica Orientalis, 2023, Vol. 29, № 1. – P. 89–105.

9. Wang L., Li J. Translation Strategies of Chinese Medical Terminology: A Comparative Study. – Journal of Translation Studies, 2022, Vol. 15, № 2. – P. 45–68.

10. Zhang H. A Study on the Translation of Traditional Chinese Medicine Terminology from the Perspective of Cultural Transmission. – Chinese Journal of Translation, 2023, Vol. 44, № 3. – P. 112–125.

11. Li X., Wang H. Terminological Equivalence in Chinese-Russian Medical Translation. – International Journal of Medical Linguistics, 2021, Vol. 8, № 1. – P. 29–42.

12. 李娟. 汉俄医学术语翻译的难点与对策研究. – 中国俄语教学, 2022, Vol. 41, № 2. – 第 56–63 页.

13. 王浩. 中医术语的俄译标准化研究. – 中医药学报, 2021, Vol. 49, № 5. – 第 108–113 页.

© Жерновкова В.Д., 2026

УДК 81’27

Загидуллина Э.Л.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***О Кен Хи.,***
ст. преп.,УУНиТ,
г. Уфа, Россия

СОВРЕМЕННОЕ КОРЕЕВЕДЕНИЕ: ОТ ТРАДИЦИОННОЙ ШКОЛЫ К ЭПОХЕ ХАЛЛЮ

Актуальность: На рубеже XX–XXI веков мир столкнулся с беспрецедентным культурным явлением – «корейской волной» (Халлю). K-pop, музыка, дорамы, кино (например, «Паразиты»), косметика и кухня превратили Южную Корею из малозаметной страны в глобального культурного лидера. Это привело к лавинообразному росту числа желающих изучать корейский язык: только экзамен TOPIK в 2023 году сдавали более 300 000 человек по всему миру. Однако академическое корееведение, традиционно сосредоточенное на истории и классической филологии, оказалось перед вызовом: как совместить массовый интерес к современной поп-культуре с фундаментальной подготовкой специалистов-востоковедов? Кроме того, сохраняются нерешённые научные проблемы, в частности языковой разрыв между Республикой Корея и КНДР. Всё это делает тему настоящего исследования высокоактуальной.

Кореeведение в России: от классической школы к современности

История российского кореесведения насчитывает более века. Первая в мире кафедра корейского языка была открыта в 1900 году во Владивостоке, в Восточном институте [7:55]. Однако репрессии 1930-х годов нанесли серьёзный удар по научной школе. Лишь с 1975 года подготовка кореесведов во Владивостоке возобновилась, и сегодня Дальневосточный федеральный университет остаётся ведущим центром. Как отмечают исследователи, «традиции дальневосточной школы кореесведения» включают практико-ориентированный подход и глубокое изучение языка [7:60].

Важной вехой в становлении отечественного кореесведения стал ленинградский (петербургский) период. Если владивостокская школа делала акцент на практическое владение языком для нужд дипломатии и торговли, то в Санкт-Петербурге (Ленинграде) сформировалось академическое, филологически ориентированное кореесведение. Профессор Александр Алексеевич Холодович (1906–1977), чьи труды по грамматике корейского языка («Очерк грамматики корейского языка», 1954) до сих пор считаются классическими, ведь именно он разработал оригинальную теорию корейского глагола, впервые строго описал систему уровней вежливости и создал научную базу для преподавания корейского языка в высшей школе [8:15].

В советский период кореесведение развивалось в русле классического востоковедения: приоритет отдавался текстологическому анализу древних хроник («Самгук саги», «Самгук юса»), истории государства Чосон, диахронической фонетике. Однако постсоветское время принесло новые реалии: резкое сокращение бюджетного финансирования, отток молодых кадров в коммерческие структуры и, одновременно, взрывной интерес к корейской культуре со стороны молодёжи.

Перелом наступил в 1990-е годы. С распадом СССР и установлением дипломатических отношений между Россией и Республикой Корея (1990) открылись новые возможности: студенты и учёные получили доступ к стажировкам в южнокорейских университетах, в научный оборот вошли современные учебники, словари и художественная литература из Республики Корея. Одновременно начался процесс обновления методологии: традиционное историко-филологическое кореесведение стало дополняться социологическими, политологическими и культурологическими подходами. Как отмечают современные исследователи, именно в 1990–2000-е годы сложился тот синтез классической школы и новых методов, который мы наблюдаем сегодня [7:70].

Постсоветское время принесло новые реалии: резкое сокращение бюджетного финансирования, отток молодых кадров в коммерческие структуры и, одновременно, взрывной интерес к корейской культуре со стороны молодёжи.

в России действуют несколько центров кореесведения (МГУ, СПбГУ, ДВФУ, ИВ РАН), но кадровый разрыв остаётся проблемой: средний возраст ведущих специалистов превышает 60 лет.

Феномен Халлю и K-pop: драйверы интереса и методологические риски

K-pop субкультура стала мощнейшим катализатором интереса к Корее. Социологические портреты поклонников показывают, что это преимущественно девушки 18–27 лет, студентки, которые не только слушают музыку, но и самостоятельно начинают изучать корейский язык, смотрят дорамы без перевода, интересуются историей групп [1:45]. Исследователи выделяют ценности K-pop субкультуры: самореализация, эстетика, трудоголизм артистов, культ дружбы между участниками [5:112]. При этом Халлю рассматривается как инструмент «мягкой силы» Южной Кореи, способствующий формированию позитивного образа страны и стимулирующий потребление корейских товаров [6:64].

Для кореесведения это создаёт двойственную ситуацию. С одной стороны, поток студентов на кореесведческие отделения вырос многократно. С другой – преподаватели сталкиваются с «синдромом популярности»: часть студентов ожидает изучения исключительно современной культуры, не желая углубляться в классическую филологию, иероглифику ханмун или историю династии Чосон. Это требует пересмотра учебных программ: необходимо включать современные темы (анализ текстов песен K-pop, разбор дорам как культурных артефактов), но не в ущерб фундаментальной подготовке.

Языковая проблема: Север и Юг как два полюса корейского

Одной из центральных научных проблем кореесведения остаётся дивергенция языковых норм Республики Корея (стандарт пёджунмо на базе сеульского говора) и КНДР (культурный корейский мунхвао на пхеньянской основе). Эта проблема подробно анализировалась Л.Р. Концевичем, который показал нарастание лексических, фонетических и грамматических различий после разделения полуострова [3:76].

Приведём лишь несколько примеров из работ Концевича. Понятие «быстро» на Юге передаётся словом ппалли (빨리), а на Севере – наллэ (날래). Мороженое на Юге – аисыкхырим (아이스크림, от англ. “ice cream”), на Севере – орым посуни (얼음보숭이, букв. “ледяной деликатес”), что является

устаревшим вариантом, или же эсыкхимо (에스키모). Даже падежные окончания различаются: после глагола «становиться» (되다твэда) на Юге используют падеж и/ка (이/가), на Севере – ро/ыро (로/으로) [3:80]. Такие расхождения создают серьёзные трудности для переводчиков и исследователей, работающих с текстами из КНДР. Доступ к северокорейским материалам ограничен, поэтому перспективным направлением является анализ интервью с перебежчиками и дистантный анализ официальных изданий [4:87].

Цифровые методы – новое слово в корееведении

Современное корееведение всё активнее использует возможности компьютеров и информационных технологий. Это направление называют цифровыми гуманитарными науками (Digital Humanities). Его суть в том, что компьютерные инструменты помогают исследователям быстрее и точнее обрабатывать большие объёмы текстов, находить закономерности и делать выводы, на которые раньше уходили годы.

Одним из важнейших инструментов стали языковые корпуса. Корпус – это большая коллекция текстов на определённом языке (новости, книги, разговоры, песни), которая размечена особым образом: компьютер «знает», где какая часть речи, где подлежащее, где сказуемое. Самый известный корейский корпус – Sejong Corpus, созданный в Республике Корея. С его помощью учёные могут, например, быстро выяснить, как часто в реальной речи используется та или иная грамматическая конструкция, и сравнить употребление слов в разных жанрах. Раньше для подобных наблюдений требовалось вручную перечитывать тысячи страниц.

Ещё одно перспективное направление – компьютерная лингвистика применительно к северокорейскому языку. Поскольку прямые полевые исследования в КНДР затруднены, анализ текстов из Северной Кореи (газеты, речи, учебники) с помощью специальных программ позволяет выявлять лексические и грамматические отличия от южнокорейского стандарта. Как отмечают исследователи Кукла и Кузюра, современные технологии обработки естественного языка (NLP) уже способны автоматически выделять в тексте характерные «северные» черты [4:87].

Цифровые методы активно применяются и в историческом корееведении. Древние рукописи на ханмуне (корейская классика на иероглифах) и ранние тексты на хангыле оцифровываются, снабжаются поиском и постепенно вводятся в открытый научный оборот. Это позволяет исследователям из разных стран работать с одними и теми же источниками, не обращаясь к хрупким оригиналам.

Важно, что цифровая трансформация корееведения – не будущее, а настоящее. В 2025 году в Бишкеке состоялась международная конференция «Корееведение в эпоху информационных технологий», где учёные из России, Кореи и стран Центральной Азии обменивались опытом использования корпусов, нейросетей и электронных архивов.

Заключение

В результате проведённого исследования были достигнуты следующие основные результаты. Во-первых, установлено, что современное корееведение переживает двойную трансформацию: с одной стороны, оно сохраняет классические традиции (историческая филология, источниковедение), с другой – вынуждено реагировать на массовый интерес, порождённый Халлю, и внедрять цифровые методы. Во-вторых, выявлено, что K-pop субкультура играет роль «входного билета» в корееведение, но создаёт методологический риск – подмену академического изучения культуры развлекательным потреблением. В-третьих, подтверждена актуальность проблемы языковой дивергенции между Севером и Югом, требующей отдельного внимания в учебных программах.

Литература:

1. Андреева О.В., Полникова В.И. Музыкальная молодёжная субкультура K-pop: характерные признаки и типичный представитель // Культура и образование. – 2023. – № 2 (42). – С. 45–52. [Электронный ресурс] // CyberLeninka.

2. Ким Н.Н. Предисловие // Источниковедение и историография Кореи: современные исследования: коллективная монография / под ред. Н.Н. Ким. – М.: Наука – Восточная литература, 2026. – С. 3–10.

3. Концевич Л.Р. О дивергентных тенденциях в развитии современного корейского языка на Севере и Юге полуострова и путях их преодоления // Российская ассоциация университетского корееведения (РАУК). – 1998. – Вып. 1. – С. 76–84.

4. Кукла М.П., Кузюра Ю.С. Развитие компьютерной лингвистики и технологий обработки естественного языка (NLP) в РК и КНДР: возможности для российского кореееведения // Известия Восточного института ДВФУ. – 2023. – № 2 (54). – С. 87–101.

5. Рыбальская В.В. Халлю: интеграция южнокорейской культуры в мировой рынок // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». – 2022. – № 5. – С. 112–123.

6. Фадеева О.П., Мусалимова К.К. K-pop-культура как инструмент «мягкой силы»: практики вовлечения российской молодёжи // ЭКО. – 2025. – № 3. – С. 64–78.

7. Холодович А.А. Очерк грамматики корейского языка. – М.: Издательство восточной литературы, 1954. – 256 с.

8. Akulenko V., Choi J. Tracing the Evolution and Current Landscape of Korean Studies in Russia's Far East: The Case of Far Eastern Federal University // The Journal of Northeast Asian History. – 2024. – Vol. 21, No. 1. – P. 55–79.

© Загидуллина Э.Л., 2026

УДК 821.512.141

Зайнагабдинова Д. Н.,
студент БГПУ им. М. Акмуллы
Научный руководитель – ***Валиева Г. Д.***,
канд. филол. наук., доцент БГПУ им. М. Акмуллы
г. Уфа, Россия

ФӘНИЛ БҮЛӘКОВ ШИҒРИӘТЕНДӘ СИНОНИМДАР

Әҙәби әҫәрҙәрҙең телен, яҙыусыларҙың тел һәм стиль үҙенсәлектәрен өйрәнеү – тел ғилемендә мөһим мәсьәләләрҙең береһе. Уларҙы өйрәнһәк, дөйөм тел картинаһын күҙ алдына баҫтырыуы ҡыйын түгел. Ошо маҡсатта үҙенсәлекле ижады менән һоҡландырған билдәле шағир Фәнил Бүләков шиғриәтенә туҡталырға булдыҡ. Фәнил Нил улы Бүләков ижады әле был йәһәттән өйрәнелмәгән. 2026 йылдың 14 февралендә Стәрлетамаҡ ҡалаһында уҙғарылған «XVIII Кейекбаев уҡыуҙары» Республика ғилми-ғәмәли конференцияһында беҙ шағирҙың тәүге шиғри йыйынтығындағы сағыштырыуҙарҙың ҡулланылышы буйынса уңышлы сығыш яһаныҡ. 2026 йылдың 22 апрелендә үтәсәк «Евразия киңлегендә мәҙәни-ара диалог» Бөтә Рәсәй (халыҡ-ара ҡатнашлыҡ менән) ғилми-ғәмәли конференцияһы сиктәрендәге йәш эҙләнеүселәр конкурсына «Фәнил Бүләков шиғриәтендә антонимдар» исемле эшебеҙҙе тәҡдим иттек. Шағир Ф. Бүләков шиғриәтен артабан өйрәнеүебеҙҙе дауам итеп, был эшебеҙҙә иһә беҙ Фәнил Бүләков шиғырҙарындағы синонимдарҙы өйрәндек.

Тикшереү өсөн Фәнил Бүләковтың “Ҡибла эҙләгәндә”, “Йәнемдең ҡанаттары” исемле шиғри йыйынтыҡтарында тупланған шиғырҙары алынды.

Синоним грекса «синонимос» һүҙенән алынған һәм ул бер мәғәнәле, бер атамалы тигән һүҙҙе аңлата.

Башҡорт тел ғилемендә синонимдарҙы З.Ғ. Ураҡсин өйрәнгән, шулай уҡ был мәсьәлә Ж.Ғ. Кейекбаев, М.В. Зәйнуллин, Ғ.Ғ. Сәйетбатталов, В.Ш. Псәнчин хеҙмәттәрендә сағылыш алған.

Синонимдар тип беҙ өн составы яғынан төрлөсә яңғыраған, ләкин бер мәғәнә аңлатҡан йәки мәғәнәләре яғынан бер-береһенә яҡын торған һүҙҙәргә әйтәбеҙ [3: 70]. Ғ.Ғ. Сәйетбатталов, В.Ш. Псәнчин синонимдарға түбәндәгесә аңлатма бирәләр: составы яғынан төрлө өндәр комплексынан төҙөлгән, мәғәнәләре яғынан бер-береһенә яҡын торған, контексҡа ҡарап береһен икенсеһе урынына ҡулланыу мөмкин булған һүҙҙәр синонимдар тип атала [5: 20].

Мәғәнәһе менән бер-береһенә яҡын йәки берҙәй булып, бер үк төшөнсәне сағылдырған, ләкин мәғәнә биҙәктәре йәки стилистик буяуы менән айырылған һүҙҙәрҙе синоним тип йөрөтәләр [4: 54].

Һөйләүсе йәки яҙыусы өсөн синонимдар стилистик параллель йәки варианттар булып хеҙмәт итә. Улар фекерҙең тапҡырлығын һәм уның тасуирилеген сағылдырыусы мөһим сараларҙан һанала. Синонимдар телмәрҙе тавтологиянан ҡотолдора, төрләндерә һәм матурлай. Яҙыусыларҙың әҫәрҙәрендә синонимдар ҙур ғына урын биләй. Һөйләүсенең йәки яҙыусының телмәрендә синонимдарҙың булмауы йәки аҙ ҡулланылыуы – тел ярлылығының иң беренсе билдәһе.

Фәнил Бүләков шиғриәте синонимдарға бай булыуы менән айырылып тора. Беҙ йыйынтыҡта бик күп синоним һүҙҙәр осраттыҡ. Уларҙы З.Ғ. Ураҡсин классификацияһын файҙаланып [3: 5], түбәндәге төркөмдәргә бүлеп өйрәндек:

- лексик-фразеологик синонимдар,
- грамматик синонимдар.

Лексик-фразеологик синонимдарҙың түбәндәге төрҙәрен осраттыҡ.

I. Мәғәнә төҫмөрҙәре менән айырымланған (йәки идеографик) синонимдар.

1. Мәғәнәнең тарыраҡ йәки киңерәк булыуы. Мәҫәлән:

1. Был ғүмерҙең һынауҙары һанһыҙ.
   Һәр бер аҙым илтә киләсәккә.
   Һылтайбыҙ ҙа бик йыш еңелеүҙе
   Тәңре биргән яҙмыш, күрәсәккә. («Был ғүмерҙең һынауҙары һанһыҙ»)

2. Мәғәнәнең дөйөмөрәк йәки конкретыраҡ булыуы. Мәҫәлән:

   Һин һәм мин – ике донъя осрап,
   Бер усаҡты яҡҡан, дөрләткән.
   Тормошомда яҡты бер нур үҙең,
   Бер йышлыҡта тибә йөрәктәр. («Зөһрәгә»)

3. Һүҙ мәғәнәһендә бирелгән билдәнең, сифаттың, эш-хәрәкәттең артығыраҡ йәки кәмерәк дәрәжәлә сағылған булыуы. Мәҫәлән:

   Һары айҙың йөҙөн болот һыйпай,
   Төнгә һыйынған был моңһоу ай.
   Күккә ҡара, күпме йондоҙ-тәңкә
   Төн түшендә баҙлай, йымылдай. («Һары айҙың йөҙөн болот һыйпай»)

II. Эмоционаллек – экспрессив синонимдар. Мәҫәлән:

   Ҡыҙым йоҡлай, әсә күкрәгенә
   Ирендәрен терәп һаҡ ҡына.
   Биләүе лә саф хыялдар төҫлө,
   Һис бер кеүһеҙ, таҙа, аҡ ҡына.(«Бишек ҡаҡҡаным юҡ ҡыҙҙарым»)

III. Контекстуаль синонимдар. Айырым телмәрҙә генә үҙ-ара синоним мөнәсәбәткә инә алған һүҙҙәр һәм һүҙбәйләнештәр. Мәҫәлән:

   Телһеҙҙәр теҙелгәндәр ҙә,
   Өнһөҙҙәр өйөлгәндәр.
   Эйелгән башты киҫмәйҙәр,
   Башыбыҙ эйелгәндәр.(«Аяҡ аҫтым йәшел үләнә»)
   Ошо моңһоҙ, рухһыҙ донъяларҙа
   Тындар етмәй ҡай саҡ сәсәйем.
   Моң даръяңа, халҡым, йәнде ташлап,
   Таныҡ ҡандырғансы эсәйем. («Йөрәктәрҙең һыҙланыуын һыҙа»)
   Гөрләүектәр, шарлауыҡтар
   Яҙҙың хәтәр көсө лә.
   Йөрәгемдең ярһыуҙары
   Яҡын яҙҙың хисенә. («Тәнгә түгел, йәнгә яһһың»…)

Тәүге миҫалдағы «Телһеҙҙәр теҙелгәндәр», «өнһөҙҙәр өйөлгәндәр», икенсе миҫалдағы «моңһоҙ», «рухһыҙ», өсөнсө миҫалдағы «гөрләүектәр», «шарлауыҡтар» һүҙҙәре ҡарап тороуға бөтөнләй синоним түгел. Улар бары контекста ғына синоним булып киткәндәр.

Шулай итеп, шағир лексик-фразеологик синонимдар менән оҫта эш итә.

Грамматик синонимдар бер үк грамматик мәғәнәне төрлө ялғауҙар, һүҙбәйләнештәр һәм һөйләмдәр менән аңлатыуҙан ғибәрәт, улар бер-береһенән төҙөлөшө, формалалары, һәм айырым биҙәктәре менән айырыла [3:7].

Фәнил Бүләков шиғриәтендә грамматик синонимдарҙың түбәндәге төрҙәрен осраттыҡ.

Морфологик синонимдар.

Исем һүҙ төркөмөнән килгән морфологик синонимдар.

1. Эйәлек категорияһы:

   Күңелемдә ен-пәрейҙәр
   Ҡаҙан асҡан.
   Һиллелегем, тыныслығым
   Ҡайҙа ҡасҡан? («Һөйләшмә лә, өндәшмә лә…»)

2. Килеш категорияһы:

а) төп килеш:

   Таш-ҡалҡаным Урал ҡаяһына

Күпме быуат, дәүер ҡаҡлыҡҡан.
Таштар һаҡлай әллә күпме серҙе,
Йомоп ҡына алып халыҡтан. («Таштар»)

б) урын-ваҡыт килеш:

Башҡорттарҙың киләсәге –
Берҙәмлектә, берлектә.
Илен яҡлап һүҙен әйтеү,
Яҡлай алыу, ирлектә. («Йөрәк һүҙе»ндә Мортаза Рәхимовҡа арналған шиғыр»)

Ҡылым формалары синонимлығы.

1. Хәбәр һөйкәлеше. Мәҫәлән:

Өфөм, һинең төҫөң, мең балҡышың,
Әсир итә, йәнде арбай ҙа…(«Өфөм – яҡты нурлы өйөм...»)
Ут ашай, үләнде ялмай –
Былтырғы ҡауҙы.
Осҡондар, көлгә әйләнеп,
Еремә яуҙы. («Сикһеҙ уйҙарым болғана...»)

2. Бойороҡ һөйкәлеше. Мәҫәлән:

Маҡсатыңа ынтыл, юлың эҙлә, тинең, –
Миһырбанлы йүнсел атам һин.
Донъя йөгөн тартам, алға ғына еләм –
Фатихағыҙ менән барам мин! («Әсә ҡулы изге, ҡөҙрәт тулы»…)
Һөйләшмә лә, өндәшмә лә
Ауыр саҡта.
Ҡабынырға торам әле,
Саҡһаң саҡма. («Һөйләшмә лә, өндәшмә лә»…)

2. Сифат ҡылым. Мәҫәлән:

Аҡ күбеккә батҡан уның ялы,
Ташҡын үрәпсегән, ярһыған.
Баш бирмәгән даръя-донъяларҙа
Әллә йәнем сыға ярынан? («Ташҡын»)

3. Хәл ҡылым. Мәҫәлән:

Өйөрөлөп, сөйөрөлөп
Яратылып, һөйөп, көлөп.
Йәшәгәндә – донъя йәмле,
Тормошобоҙ шундай йәнле. («Өйөрөлөп, сөйөрөлөп»…)

Юҡлыҡ категорияһындағы синонимлыҡ:

Хис ялҡыным һине яндырмаймы?
Көйҙөрмәйме наҙлы ҡанатың?
Йөрәк хистәремде һин аңланың,
Шуға йәндәй һине яраттым. («Элеккесә бағам күҙҙәреңә»)

Сифаттар синонимлығы:

Август үҙе татлы, баллы ғына,
Һөйгән йәрҙең ирен тәмеләй.
Баллы миҙгел – йәйҙең һуңғы наҙын
Урайым мин бөгөн йәнемә. («Йәйге селлә төндөң ҡосағында»…)
Ҡыҙым минең, ҡыҙыҡасым,
Бәләкәс.
Яҡты, сағыу маяғым һин,
Көләкәс. («Айсиләгә»)
Ҡыҙым йоҡлай, әсә күкрәгенә
Ирендәрен терәп һаҡ ҡына.
Биләүе лә саф хыялдар төҫтө,
Һис бер керһеҙ, таҙа, аҡ ҡына.

Синтаксик синонимдар

1. Хәбәре хәҙерге заман ҡылымдан килгән һөйләмдәр синонимлығы:

Быҫҡымайым, күмер түгел баҙлар,
Осҡон сәскән тормош-усағым.

Ваҡыт янғынында дөрләп янам,
Уй-хәстәргә тулы ҡосағым. («Ялҡынланып ҡына ятҡан усаҡ...»)

2. Хәбәре вазифаһын киләсәк заман хәбәр һөйкәлеше үтәгән һөйләмдәр:
Шартлар, сатнар төҫлө,
Ҡапыл бер мәл
Дарҫлап типкән,
Ярһыу йөрәгем. («Шартлар, сатнар төҫлө…»)

3. Ике составлы һөйләмдәр синонимлығы:
Ерҙе һыйпап уҙҙы көҙҙөң ҡулы,
Көҙ һулышы һалҡын икән дә.
Көҙгө өйөрмәлә бейеп яуған
Япраҡтарҙы алтын өткән дә,
Уҫаҡтарҙы ялҡын иткән дә («Ерҙе һыйпап уҙҙы көҙҙөң ҡулы...»)

Үрҙә беҙ Фәнил Бүләков шиғриәтендә осраған синонимдарға байҡау яһаныҡ һәм шундай фекергә килдек: шағир синонимдар менән оҫта эш итә, шиғырҙарҙа синонимдар урынлы ҡулланыла.

Ғөмүмән, синонимдарҙы ҡулланыу һүрәтләү сараларының төрлөлөгөнә килтерә. Яҙыусылар өсөн тейешһеҙ ҡабатлауҙарҙан ҡотолоу мөмкинлеге тыуа. Туған телдең нескәлектәрен белеп эш иткән шағирҙар уны оҫта файҙалана. Фәнил Бүләков шиғриәте иһә синонимдарға бай булыуы менән айырылып тора.

Синонимдар Фәнил Бүләков шиғриәтенең үҙенсәлекле яҡтарының береһен билдәләй. Шағир синонимдарҙы уңышлы һәм урынлы файҙалана. Бигерәк тә, уның шиғырҙарында лексик-фразеологик синонимдар бик йыш осрай.

Дөйөмләштереп әйткәндә, Фәнил Бүләков телебеҙҙең лексик саралары менән уңышлы эш итә. Башҡа яҙыусылар ижадында осрамаған, бары Бүләковса ғына яңғыраған һәм уның тел-стиль үҙенсәлектәрен билдәләгән саралар бихисап. Шағир ҡылым исемдәрҙән, сифаттарҙан, ҡылымдарҙан килгән грамматик синонимдарҙы уңышлы биреүгә өлгәшкән. Миҫалдарҙа ҡарап үткәнебеҙсә, автор синтаксик синонимдарҙы ла оҫта ҡуллана.

Әҙәбиәт:

1. Бүләков Ф. Н. Йәнемдең ҡанаттары: шиғырҙар, поэма / Фәнил Бүләков. – Өфө: Китап, 2025. – 192 бит.
2. Бүләков Фәнил. Ҡибла эҙләгәндә: шиғырҙар. – Өфө: Китап, 2009. – 96 бит.
3. Кейекбаев Ж.Ғ. Хәҙерге башҡорт теленең лексикаһы һәм фразеологияһы: Уҡыу ҡулланмаһы. – Өфө: БДУ, 2002. –264 б.
4. Псәнчин В.Ш. Телдең күркәмлек саралары. Күнегеүҙәр менән. – Өфө: Китап, 2003. – 7-60-сы бб.
5. Сәйетбатталов Ғ. Ғ. Башҡорт теле. 3 том. Стилистика. – Өфө: Китап, 2007. – 440 бит.
6. Ураҡсин З. Ғ. Башҡорт теленең синонимдар һүҙлеге / Т. М. Ғарипов редакцияһында. – Өфө: Башҡортостан «Китап» нәшриәте, 2000. – 208 бит.

© Зайнагабдинова Д.Н., 2026

УДК 811.512.141

Зәйнуллина Й.И.,
Өфө фән һәм технологиялар университетының студенты,
Ғилми етәксеһе: ***Хөснөтдинова Р.Я.,***
филол. фәнд. канд., доцент
Өфө ҡалаһы, Рәсәй

БАШҠОРТ ТЕЛЕНДӘ ЭЙӘРТЕҮЛЕ ҺҮҘБӘЙЛӘНЕШТӘРҘЕҢ ТӨРҘӘРЕ (САҒЫШТЫРМА АНАЛИЗ)

Башҡорт тел ғилемендә һүҙбәйләнештәрҙе өйрәнеү мөһим урын алып тора. Башҡорт теленең һүҙлегендә һүҙбәйләнешкә түбәндәге аңлатма бирелә: «Мәғәнәүи һәм грамматик яҡтан үҙ-ара бәйләнештә булған һүҙҙәр ҡушылмаһы» [1: 614]. Эйәртеүле һүҙбәйләнештәр телдең синтаксик төҙөлөшөн аңлауҙа ҙур әһәмиәткә эйә, сөнки улар һөйләм эсендә һүҙҙәрҙең үҙ-ара бәйләнешен асыҡлап, фекерҙе аңлайышлы еткереүгә булышлыҡ итә. Эйәртеүле һүҙбәйләнештәрҙең төҙөлөшө,

төрҙәре һәм үҙенсәлектәре төрлө ғалимдар тарафынан өйрәнелгән. Был мәкәләлә башҡорт тел ғалимдары, профессорҙар Ҡ. Әхмәр, Ғ.Ғ. Сәйетбатталов һәм Д.С. Тикеевтарҙың хеҙмәттәренә таянып, эйәртеүле һүҙбәйләнештәргә ҡараштары сағыштырып ҡарала.

Тәүҙә шуны әйтеп үтергә кәрәк: эйәртеүсе һәм эйәреүсе һүҙҙәрҙең лексик-грамматик билдәләренә бәйле һүҙбәйләнештәрҙең нисек атап йөрөтөү йәһәтенән башҡорт тел ғилемендә берҙәм фекер юҡ.

Проф. Ғ.Ғ.Сәйетбатталов, *эйәртеүсе киҫәге исем булған һүҙбәйләнеш, эйәртеүсе киҫәге сифат булған һүҙбәйләнеш,эйәртеүсе киҫәге һан булған һүҙбәйләнеш, эйәртеүсе киҫәге алмаш булған һүҙбәйләнеш, эйәртеүсе киҫәге рәүеш булған һүҙбәйләнеш, эйәртеүсе киҫәге ҡылым булған һүҙбәйләнеш, эйәртеүсе киҫәге модаль һүҙҙәр булған һүҙбәйләнеш* тигән терминдар ҡуллана. Һуңынан һүҙбәйләнештәр һәр бер төр эсендә эйәреүсе һүҙҙең ниндәй һүҙ төркөмөнән килеүенә ҡарап төркөмләнә: *эйәреүсе киҫәге исемдән килгән һүҙбәйләнеш, эйәреүсе киҫәге сифаттан килгән һүҙбәйләнеш* һ.б. [2; 66-73]. Мәҫәлән, *дүрт китап* һүҙбәйләнеше *эйәртеүсе киҫәге исем булған, эйәреүсе киҫәге һандан килгән һүҙбәйләнеш* тип атала.

Проф. Д.С.Тикеевтың хеҙмәттәрендә лә шундай уҡ терминология ҡулланыла [3: 7-8]. Шулай ҙа ғалимдың икенсе хеҙмәтендә эйәртеүсе киҫәге исемдән булған һүҙбәйләнештәр – *исем һүҙбәйләнештәр*, ҡылымдан булған һүҙбәйләнештәр *ҡылым һүҙбәйләнештәр* һ.б. тип тикшерелә, эйәреүсе киҫәгенең бирелешенә ҡарап *сифаттар менән килгән ҡылым һүҙбәйләнештәр, һандар менән килгән ҡылым һүҙбәйләнештәр, ҡылымдар менән килгән ҡылым һүҙбәйләнештәр* һ.б. тип айырыла [4: 45-120].

Исем һүҙбәйләнеш, ҡылым һүҙбәйләнеш, сифат һүҙбәйләнеш, һан һүҙбәйләнеш, рәүеш һүҙбәйләнеш, алмаш һүҙбәйләнеш, модаль һүҙбәйләнеш тигән терминдарҙы Р.Я.Хөснөтдинова ла тәҡдим итә, шул рәүешле, ул эйәргән киҫәгенең бирелешенә ҡарап, һүҙбәйләнештәрҙе *сифатлы исем һүҙбәйләнеш, исемле ҡылым һүҙбәйләнеш* йәиһә *ҡылымлы ҡылым һүҙбәйләнеш* һ.б. тип атарға мөмкин, һүҙбәйләнештәрҙе өйрәнгәндә, уларҙы анализлағанда бындай ҡыҫҡа атама уңайлы булыр ине, тигән фекерҙә [5].

Эйәртеүле һүҙбәйләнеш баш һәм эйәреүсе компоненттарҙан торған синтаксик берәмек. Был төр һүҙбәйләнештә бер һүҙ икенсеһенә буйһона, йәғни грамматик һәм мәғәнәүи яҡтан уға бәйле була. Башҡорт телендә һүҙбәйләнештәрҙәге һүҙҙәр үҙ-ара эйәртеү юлы менән, төрлө грамматик саралар ярҙамында бәйләнә.

Профессор, күренекле тел белгесе Ҡасим Әхмәр эйәртеүле һүҙбәйләнештәрҙе тикшергәндә, һүҙҙәр араһындағы грамматик бәйләнештең характерына таянып, шулай уҡ уларҙы дүрт төргә бүлә: ярашыу, башҡарылыу, йәнәшәлек һәм һөйкәлеү. Әммә ул был төрҙәрҙе башҡа ғалимдарға ҡарағанда тулыраҡ һәм тәрәнерәк анализлай, төрлө тел белгестәренең ҡараштары менән сағыштырып ҡарай. Башҡарылыу бәйләнешен аңлатҡанда, ғалим эйәреүсе һүҙҙең һүҙбәйләнештең мәғәнәһенә ҡарап билдәле бер килештә килеүен билдәләй. Тимәк, синтаксик мөнәсәбәт, нигеҙҙә, килеш формалары аша бирелә, тип һанай ғалим. Ҡасим Әхмәр традицион «эйәртеүсе» һәм «эйәреүсе» терминдары урынына «башҡарылыусы» һәм «башҡарыусы» төшөнсәләрен ҡуллана. Профессор фекеренсә, башҡарылыу бәйләнешендә һүҙҙәр араһындағы синтаксик мөнәсәбәт тик килеш ялғауҙары аша ғына түгел, ә ярҙамсы һүҙҙәр – ярҙамсы исемдәр һәм послелогтар ярҙамында ла бирелергә мөмкин. Әгәр һүҙҙәр ярҙамсы исемдәр менән бәйләнеп килһә, башҡарыусы һүҙ башҡарылыусы һүҙҙең үҙен генә түгел, ә ярҙамсы исемдең дә билдәле килештә килеүен талап итә: *Ил* ***өҫтөндә*** *сәпсек үлмәҫ* (ярҙамсы һүҙ исем – урын-ваҡыт килештә), *Хәмит урам* ***ягына*** *борҙо* (ярҙамсы һүҙ исем – төбәү килештә). Ярҙамсы исемдәр зат алмаштары менән килгәндә, уларҙың эйәлек килештә тороуы мотлаҡ: *һинең* алдында. Әгәр һүҙҙәр послелогтар менән бәйләнеп килһә, синтаксик мөнәсәбәт туранан-тура түгел, ә послелог аша бирелә. Послелог үҙе эйәреп килгән һүҙҙең билдәле килештә килеүен талап итә, шуға күрә ул синтаксик бәйләнеш күрһәткесе булып тора.

Һөйкәлеү бәйләнешенә ғалим эйәлек килештәге исемдән һәм һөйкәлеү аффиксы ҡабул иткән исемдән торған һүҙбәйләнештәрҙе индерә. Был бәйләнештә ике яҡлы мөнәсәбәт мотлаҡ, тип билдәләй автор: бер яҡтан, асыҡланыусы һүҙ асыҡлаусы һүҙҙең эйәлек килештә килеүен талап итә, икенсе яҡтан, асыҡлаусы һүҙ үҙе асыҡланыусы һүҙҙең һөйкәлеү аффиксын ҡабул итеүен талап итә. Ҡасим Әхмәр һөйкәлеү аффиксының төшөп ҡалыуы һүҙбәйләнештең мәғәнәһен үҙгәртә, тип иҫәпләй. Мәҫәлән, *кирбес заводы* һөйкәлеү бәйләнешен белдерһә, *кирбес завод* йәнәшәлек бәйләнешенә ҡарай. Ул шулай уҡ ойошма, предприятие һәм учреждение исемдәренең йыш ҡына һөйкәлеү формаһында килеүен билдәләй: *машина-трактор станцияһы, бураулау контораһы*. Бындай һүҙбәйләнештәр бер бөтөн синтаксик берәмек булараҡ ҡарала.

Ярашыу бәйләнешен ҡарағанда, ғалим затта һәм һанда ярашыуҙы айыра, һәм башҡорт телендә род категорияһының булмауын һыҙыҡ өҫтөнә ала. Ул ярашыуҙы зат, күплек, хәбәрлек һәм һөйкәлеү аффикстары ярҙамында барлыҡҡа килгән грамматик күренеш итеп ҡарай. Шулай уҡ Ҡасим Әхмәр эйәлек алмаштары менән бәйләнгән һүҙбәйләнештәрҙе үҙенсәлекле итеп аңлата. Уның фекеренсә, *минең, һинең, уның* кеүек формалар айырым-айырым компоненттар булараҡ түгел, ә бер бөтөн лексик берәмек итеп ҡарала. Шуға күрә бындай осраҡтарҙа бәйләнеш бер яҡлы тип баһалана, ә классик һөйкәлеүҙә мотлаҡ ике яҡлы бәйләнеш булырға тейеш. Ғалимдың билдәләүенсә, ҡайһы бер һөйкәлеү формаһындағы һүҙбәйләнештәр ваҡыт үтеү менән тотороҡло лексик берәмеккә әйләнергә мөмкин, ә өҫөнсө зат эйәлек алмашы менән килгән конструкциялар, ҡағиҙә булараҡ, формаһын үҙгәртә алмай.

Йәнәшәлек бәйләнешен аңлатҡанда, Ҡасим Әхмәр уның формаль күрһәткестәре булмауын билдәләй. Бындай бәйләнеш һүҙҙәрҙең килеү тәртибе аша ғына белдерелә. Йәнәшәлектә асыҡланыусы һүҙ исемдән йәки ҡылымдан килә ала: яҡшы өй, бөгөн килеү. Әгәр асыҡланыусы һүҙ исемдән килһә, асыҡлаусы һүҙ исемдән, сифаттан, алмаштан йәки сифат ҡылымдан килергә мөмкин: *был китап, уҡыған кеше*. Әгәр асыҡланыусы һүҙ ҡылымдан килһә, асыҡлаусы һүҙ хәл ҡылымдан, рәүештән йәки башҡа ҡылым формаларынан килә: *уҡып ултырыу, уҡырға килеү*. Ҡасим Әхмәр шулай уҡ йәнәшәлек юлы менән төрлө һүҙ төркөмдәренең һәм ҡушма һүҙҙәрҙең яһалыуын билдәләй: *барып ҡайтыу, уҡып сығыу, Ағиҙел, үҙешмәкәр* һ.б. [6: 47-64].

Шулай итеп, Ҡасим Әхмәрҙең эйәртеүле һүҙбәйләнештәргә ҡарашы тәрән теоретик нигеҙгә эйә һәм киң аналитик материалға таяна. Ул был синтаксик күренеште төрлө яҡлап тикшереп, башҡорт телендәге грамматик бәйләнештәрҙең үҙенсәлектәрен ентекле асып бирә.

Эйәртеү юлы – ул эйәреүсе һүҙҙең эйәртеүсеһенә буйһоноуы һәм уның талаптарына ярашлы тейешле грамматик формала килеүе. Данис Солтан улы Тикеев эйәртеүле һүҙбәйләнештәрҙе дүрт төргә бүлеп ҡарай: ярашыу, башҡарылыу, йәнәшәлек һәм һөйкәлеү. Ярашыу бәйләнешендә эйәреүсе һүҙ эйәртеүсе һүҙ менән бер үк грамматик формала килә. Был төр һүҙбәйләнештәр, нигеҙҙә, эйәлек алмашы менән исем араһында күҙәтелә. Эйәреүсе һәм эйәртеүсе һүҙҙәр эйәлек һәм һан категорияһында тап килһә, ярашыу тулы була: мәҫәлән, *беҙҙең ҡәләмдәребеҙ*. Ә тулы булмаған ярашыуға уның ҡунағы миҫал була ала.

Башҡарылыу бәйләнешендә эйәреүсе һүҙ эйәртеүсе һүҙҙең лексик-грамматик мәғәнәһенә ярашлы билдәле бер килештә килә: *Сәлимәне көтөү, һөттән аҡ* һ.б. Ғалим башҡарылыу һүҙбәйләнештәрен бәйләүесле һәм бәйләүесеҙ төрҙәргә бүлә. Бәйләүесле башҡарылыуҙа эйәреүсе һүҙ эйәртеүсеһенә килеш ялғауы һәм бәйләүес ярҙамында бәйләнә: *урманға китеү – урманға* ***табан*** *китеү*. Бәйләүесеҙ башҡарылыуҙа иһә эйәреүсе һүҙ тик килеш ялғауы ярҙамында ғына бәйләнә: *китапты уҡыу*. Шулай уҡ көслө һәм көсһөҙ башҡарылыу айырыла. Көслө башҡарылыуҙа эйәртеүсе һүҙ эргәһендә уның мәғәнәһен асыҡлаусы, билдәле бер формала тороусы һүҙҙең булыуы мотлаҡ: *китапты уҡыу, әкиәт һөйләү*. Көсһөҙ башҡарылыуҙа был талап мотлаҡ түгел: *урманға китеү, ҡалаға китеү*.

Йәнәшәлек бәйләнешендә эйәреүсе һүҙ, ғәҙәттә, эйәртеүсенән алда килә һәм үҙгәртеүсе ялғау ҡабул итмәй. Был бәйләнеш исемдәр, сифаттар, һандар, сифат ҡылымдар менән исемдәр араһында күҙәтелә: *өсөнсө курс, яҙылған хат, көмөш беләҙек*; рәүештәр, хәл ҡылымдар, сифаттар һәм һандар менән ҡылым араһында: *ҡабат ҡайтыу, тырышып уҡыу*.

Һөйкәлеү – эйәреүсе һүҙе эйәлек килештәге исемдән йәки исемләшкән һүҙҙән, ә эйәртеүсеһе өсөнсө зат эйәлек ялғауы ҡабул иткән исемдән торған һүҙбәйләнеш. Был осраҡта ике яҡлы бәйләнеш мотлаҡ. Ғалим һөйкәлеүҙең билдәле һәм билдәһеҙ формаларын айыра: *ҡала баҡсаһы – ҡаланың баҡсаһы*.

Шулай итеп, Д.С. Тикеев эйәртеүле һүҙбәйләнештәрҙе системаға һалып, уларҙың төп төрҙәрен аныҡ һәм логик рәүештә билдәләй. Уның классификацияһы ябайлығы һәм аңлайышлылығы менән айырылып тора, ә миҫалдарға таяныуы был күренеште практик яҡтан яҡшыраҡ үҙләштереүгә мөмкинлек бирә.

Профессор Ғ.Ғ. Сәйетбатталов эйәртеүле һүҙбәйләнештәрҙе тикшергәндә, башҡа ғалимдарҙан айырмалы рәүештә, уларҙы традицион рәүештә дүрт төргә бүлеп түгел, ә классификацияны эйәртеүсе киҫәктең ниндәй һүҙ төркөмөнән булыуына нигеҙләп төҙөй. Ошо принципҡа ярашлы, ғалим эйәртеүле һүҙбәйләнештәрҙең алты төрөн айырып күрһәтә. Ғәли Ғәли улы ярашыуҙы төрки телдәр өсөн хас категория тип иҫәпләмәй. Ул башҡорт телендә род категорияһының булмауына таянып, ярашыуҙың тулы мәғәнәлә формалашыуы мөмкин түгел тип һанай. Ғалим фекеренсә, төрки телдәрҙә ярашыу күренеше күберәк һөйләм кимәлендә, йәғни эйә менән хәбәр араһында сағыла, әммә был осраҡта һүҙбәйләнеш түгел, ә һөйләм барлыҡҡа килә. Шуға күрә ул ярашыуҙы эйәртеүле һүҙбәйләнештәр составына индереүгә һаҡ ҡараш белдерә.

Эйәртеүсе компоненты исем булған һүзбәйләнештәр айырым ҙур төркөмдө тәшкил итә. Ғалим эйәлек мөнәсәбәттәрен аңлатыуҙа изафет (һөйкәлеү) категорияһына ҙур иғтибар бирә. Изафет 3-сө зат менән тығыҙ бәйләнгән, эйәреүсе компонент төп йәки эйәлек килештә килә. Мәҫәлән, *ҡала баҡсаһы* һәм *ҡаланың баҡсаһы* формалары билдәлелек һәм билдәлһеҙлек мәғәнәләрен сағылдыра. Әгәр беренсе компонент эйәлек килештә килһә, бәйләнеш аныҡраҡ, конкретыраҡ мәғәнәгә эйә була. Кешеләрҙең исемдәре йәки фамилиялары изафеттың беренсе компоненты вазифаһын үтәгәндә, уларҙың эйәлек килештә килеүе мотлаҡ тип билдәләнә. Шулай уҡ туғанлыҡты белдергән һүҙҙәр ҙә, ҡағиҙә булараҡ, билдәлелек мәғәнәһе менән бәйле һәм эйәлек формаһында ҡулланыла: *әсәйемдең күлдәге*. Әгәр исем алдында зат йәки күрһәтеү алмаштары йәки аныҡлаусы һүҙҙәр килһә, изафет конструкцияһы, ғәҙәттә, билдәлелек мәғәнәһен белдерә: *уның ептәше, ошо уҡытыусының ярҙамы* [3: 9-13].

Ғ.Ғ.Сәйетбатталов эйәртеүсе һүҙе лә, эйәреүсе киҫәге лә исемдән килгән эйәртеүле һүзбәйләнештәрҙе йәнәшәлек тип ҡарай: *тимер юл, алтын сәғәт*. Бындай һүзбәйләнештәрҙә эйәреүсе компонент, ҡағиҙә булараҡ, аныҡлаусы функцияһын үтәй һәм “ниндәй?” һорауына яуап бирә. Эйәреүсе һүҙ сифаттан, һандан, алмаштан, рәүештән йәки ҡылымдан да килергә мөмкин: *түңәрәк өҫтәл, етешәр дәфтәр, уҡыған бала*.

Эйәртеүсе компоненты сифат булған һүзбәйләнештәрҙә эйәреүсе һүҙ төрлө һүҙ төркөмдәренән килә ала. Мәҫәлән, исем менән бәйләнеш: *телгә оҫта*, сифат менән: *шәкәрле һыулы*, рәүеш менән: *бүреләй йыртҡыс*, ҡылым менән: *ултырырға уңайлы*.

Эйәртеүсе компоненты һан булған һүзбәйләнештәрҙә эйәреүсе һүҙ йыш ҡына исем йәки алмаштан килә, шулай уҡ бәйләүесле формалар ҙа ҡулланылырға мөмкин: *уның менән һигеҙ, Кәримәнән башҡа алты.*

Эйәртеүсе компоненты рәүеш булған осраҡта, эйәреүсе һүҙ, нигеҙҙә, исем йәки рәүеш менән бирелә: *бер аҙ ҡыйбат, артыҡ тупаҫ, бөтөнләй буш*.

Эйәртеүсе компоненты ҡылым булған һүзбәйләнештәр айырыуса киң таралған. Был осраҡта эйәреүсе һүҙ төрлө формаларҙа килә: исем (халыҡты яратыу), алмаш (һине күреү), рәүеш (тиҙ уҡыу), шулай уҡ ҡылым формалары (йырлап ҡайтыу, ҡайтҡас һөйләү). Бындай бәйләнештәр башҡарылыу тип атала.

Ғ.Ғ.Сәйетбатталов шулай уҡ эйәртеүсе компоненты модаль һүҙҙәр булған һүзбәйләнештәрҙе айырып күрһәтә. Был осраҡта эйәреүсе һүҙ исем, алмаш йәки ҡылым менән бирелә: *уҡырға кәрәк, барырға мөмкин, килергә ярамай*. Ғалимдың билдәләүенсә, модаль һүҙҙәр менән килгән конструкциялар бер бөтөн синтаксик берәмек булып ҡарала [2: 66-73].

Шулай итеп, Ғ.Ғ. Сәйетбатталов эйәртеүле һүзбәйләнештәргә үҙенсәлекле ҡараш тәҡдим итә. Ул традицион классификациянан ситләшеп, һүзбәйләнештәрҙе һүҙ төркөмдәренә ҡарап бүлә һәм ярашыу категорияһына тәнҡитле ҡараш белдерә. Был ҡараш эйәртеүле һүзбәйләнештәрҙе тәрәнерәк һәм киңерәк күҙлектән өйрәнергә мөмкинлек бирә.

Ғалимдарҙың ҡараштарын сағыштырғанда, иң тәүҙә уларҙың классификация принциптарының төрлө булыуы күҙгә ташлана. Д.С. Тикеев һәм Ҡ. Әхмәр эйәртеүле һүзбәйләнештәрҙе традицион рәүештә дүрт төргә бүлеп ҡарай: ярашыу, башҡарылыу, йәнәшәлек һәм һөйкәлеү. Әммә был оҡшашлыҡҡа ҡарамаҫтан, уларҙың эске аңлатмалары һәм теоретик баҫымы бер үк түгел. Д.С. Тикеевтың хеҙмәте системалылыҡ һәм аныҡлыҡ менән айырылып тора. Ул эйәртеүле һүзбәйләнештәрҙе йыйнаҡ рәүештә, әммә миҫалдар менән нығытып аңлата. Айырыуса башҡарылыу бәйләнешенең бәйләүесле/бәйләүесһеҙ, көслө/көсһөҙ төрҙәргә бүленеше практик яҡтан әһәмиәтле булып тора.

Ҡасим Әхмәр иһә ошо уҡ классификацияны тәрәнәйтеп, киңәйтеп ҡарай. Ул терминологияны үҙгәртеп (башҡарыусы – башҡарылыусы), бәйләнештәрҙең формаль күрһәткестәрен генә түгел, ә уларҙың функциональ һәм семантик үҙенсәлектәрен дә ентекле анализлай. Айырыуса, послелогтар, ярҙамсы исемдәр, шулай уҡ һөйкәлеүҙең ике яҡлы бәйләнеш булыуы тураһында фекерҙәре айырылып тора. Ул тел күренештәрен айырым осраҡтарҙа лексик берәмеккә әйләнеү процесы менән дә бәйләй. Ғ.Ғ. Сәйетбатталовтың ҡарашы иһә принципиаль рәүештә айырылып тора. Ул традицион дүрт төргә бүлеүҙән баш тартып, эйәртеүле һүзбәйләнештәрҙе эйәртеүсе киҫәктең һүҙ төркөмөнә ҡарап классификациялай. Был ысул тел күренештәрен структура яғынан түгел, ә грамматик нигеҙе буйынса аңларға мөмкинлек бирә. Шулай уҡ ул ярашыуҙы төрки телдәр өсөн хас булмаған категория тип ҡарап, изафет (һөйкәлеү) системаһына өҫтөнлөк бирә. Өс ғалимдың ҡараштарын бергә ҡарағанда, эйәртеүле һүзбәйләнештәрҙең күп ҡатлы система булыуы асыҡ күренә. Бер яҡтан, улар традицион грамматик төркөмдәргә бүленә, икенсе яҡтан – был бүленеш төрлө теоретик нигеҙҙәргә таяна. Бер

осраҡта системалылыҡ өҫтөнлөк итһә, икенсеһендә тәрән анализ, өсөнсөһөндә – телдең милли-структур үҙенсәлектәре алғы планға сыға.

Йомғаҡлап әйткәндә, эйәртеүле һүҙбәйләнештәр башҡорт теленең синтаксик системаһында мөһим урын алып тора һәм төрлө ғалимдар тарафынан төрлө яҡлап аңлатыла. Д.С.Тикеев уларҙы системаға һалып, уҡытыу һәм практик ҡулланыу өсөн уңайлы модель булараҡ тәҡдим итә. Ҡасим Әхмәр был моделде тәрәнәйтеп, грамматик бәйләнештәрҙең функциональ һәм семантик яҡтарын аса, Ғ.Ғ. Сәйетбатталов иһә мәсьәләгә киңерәк ҡарап, классификацияның үҙен үҙгәртеп, телдең эске тәбиғәтенә таяна. Шуның менән бергә, был ҡараштарҙы бергә анализлау эйәртеүле һүҙбәйләнештәрҙең бер генә схема менән сикләнмәгәнен, ә күп үлсәмле һәм ҡатмарлы күренеш булыуын күрһәтергә мөмкинлек бирә.

Әҙәбиәт:

1. Башҡорт теленең һүҙлеге: Ике томда. II том. Н-Я / Рәсәй Фәндәр Академияһы. Башҡортостан ғилми үҙәге. Тар., тел һәм әҙ. институты. – М.: Рус. яз., 1993. – 814 б.

2. Сәйетбатталов Ғ.Ғ. Башҡорт теле. Т.1. Ябай һөйләм һәм синтаксисы. – Өфө: Китап, 1999. – 352 б.

3. Тикеев Д.С. Хәҙерге башҡорт теле. Ябай һөйләм синтаксисы. – Өфө: Ғилем, 2002. – 178 б.

4. Тикеев Д.С., Тикеев Ф.С. Хәҙерге башҡорт теле. Синтаксис. – Өфө: Ғилем, 2008. – 376 бит.

5. Хуснетдинова Р.Я. Изучение словосочетаний и их анализ. В сборнике: Современные проблемы изучения башкирского и родных языков. Материалы III Всероссийской (с международным участием) научно-методической конференции. – Уфа: БашГУ, 2018. – С. 457-461.

6. Әхмәр Ҡ. Башҡорт телендә ябай һөйләм синтаксисе. – Өфө, 1958. – 263 б.

© Зәйнуллина Й.И., 2026

УДК 811.531

Зарафеева Р.А.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Кучаева А.Н.,***
ассистент УУНиТ
г. Уфа, Россия

ИСТОРИЯ И ЗНАЧЕНИЕ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Имя собственное является неотъемлемым элементом идентичности человека, несущим в себе не только индивидуализирующую функцию, но и глубокий культурно-исторический смысл. В корейском языке антропонимическая система обладает рядом уникальных характеристик, отражающих многовековые традиции, философские воззрения и социальную структуру корейского общества [3: 5]. Как отмечают исследователи, «имена представляют собой нечто уникальное, но при этом отражающее культуру, традиции, менталитет того или иного этноса» [1: 2].

Антропонимика как раздел ономастики, изучающий имена людей, их происхождение, эволюцию и закономерности функционирования, сформировалась в языкознании в 60–70-х гг. XX в. В последние десятилетия интерес к специфике корейской антропонимики значительно усилился [2: 15], что связано как с распространением корейской популярной культуры («корейская волна», халлю, 한류), так и с углублением научных корееведческих исследований.

Корейское имя собственное (ирым, 이름) имеет традиционную трехсложную структуру, где первый слог является фамилией, а последующие два – личным именем. Например, в имени 박지성 (Пак Чи Сон) «Пак» – фамилия, «Чи Сон» – личное имя. Фамилия всегда предшествует личному имени, что соответствует восточноазиатской антропонимической традиции [5: 8].

Подавляющее большинство корейских фамилий являются односложными. Согласно переписи населения 2000 года, в Корее насчитывается 286 фамилий. Наиболее распространенными являются фамилии Ким (김, **金**), Ли (이, **李**), Пак (박, **朴**), Чхве (최, **崔**) – носители этих четырех фамилий составляют около половины населения Южной Кореи [3: 7]. Существуют также двусложные фамилии (например, Намгун 남궁, Сону 선우, Сагон 사공), но они встречаются крайне редко [4: 1].

Личные имена, напротив, обычно состоят из двух слогов, хотя встречаются и односложные, и трехсложные имена. Важно отметить, что, в отличие от западной традиции, корейцы не используют

«вторых имен»: двусложное личное имя является единым целым, а не суммой двух самостоятельных имен [5: 9].

Корейская антропонимика своими корнями уходит в глубокую древность. Существенное влияние на ее формирование оказал Китай, который на протяжении длительного времени доминировал в культурном и политическом отношении на Корейском полуострове. До XVI века корейские имена записывались исключительно с помощью китайских иероглифов (ханча, 한자), несмотря на то что корейский алфавит хангыль был изобретен в 1443 году при короле Седжоне [1: 3].

Китайский язык долгое время выполнял функции государственного языка: деловая переписка, законы, летописи, литература – все создавалось на китайском языке. Корейские аристократы стремились давать детям имена, имеющие китайское происхождение, что подчеркивало их социальный статус [2: 18].

В настоящее время в Южной Корее имена записываются как хангылем, так и иероглифами, причем иероглифическое написание в обязательном порядке указывается в официальных документах. В Северной Корее, напротив, использование китайских иероглифов для записи имен полностью прекращено [3: 6].

Для регулирования использования иероглифов в именах Верховный суд Южной Кореи в 1991 году опубликовал специальный список разрешенных иероглифов. Этот список неоднократно расширялся (в 1994, 1997, 2001, 2005, 2007, 2008, 2010, 2013 и 2015 годах), и в настоящее время в южнокорейских именах разрешено использовать 8 142 иероглифа [1: 4].

Уникальной особенностью корейской антропонимики является клановая система «пон-гван» (본관, **本貫**). Пон-гван – это географическое наименование местности, из которой происходит основатель клана (реального или мифического). Данная система позволяет различать носителей одинаковых фамилий, принадлежащих к разным кланам [7: 2].

Например, фамилию Ким носят представители различных кланов: Кимхэ Ким (김해 김), Кёнджу Ким (경주 김), Андон Ким (안동 김) и многие другие. Каждый из этих кланов ведет свое происхождение от разных предков и имеет собственную историю [4: 2].

Пон-гван передается по мужской линии от отца к детям и не меняется при вступлении в брак или усыновлении. Традиционно браки между мужчиной и женщиной из одного клана считались недопустимыми, независимо от степени родства. Этот запрет был законодательно закреплен до 1997 года, когда Конституционный суд Южной Кореи признал соответствующую статью Гражданского кодекса неконституционной [7: 3].

Согласно переписи 2000 года, в Корее насчитывалось 286 фамилий и 4 179 кланов. Каждый клан публикует родословную (чокпо, 족보) каждые 30 лет, что подчеркивает важность сохранения родовой памяти в корейской культуре [4: 2].

Корейцы придают большое значение смыслу, заложенному в имени. Родители верят, что имя способно влиять на судьбу человека, поэтому к его выбору относятся с максимальной ответственностью. Как отмечают исследователи, «имена с такими значениями, как "Красота", "Успешная жизнь", "Вдохновение", "Долголетие", "Храбрость" и тому подобное в Корее не являются редкостью» [1: 3].

Каждый иероглиф, используемый в имени, несет определенную семантическую нагрузку. Для мужских имен часто используются иероглифы со значениями «мужество» (ён, 용, **勇**), «мудрость» (чхоль, 철, **鐵**), «честность» (чон, 정, **正**), «величественность» (чхве, 최, **崔**). В женских именах распространены иероглифы со значениями «красота» (ми, 미, **美**), «аромат» (хян, 향, **香**), «цветок» (хва, 화, **花**) [5: 9].

Примеры корейских имен и их значений:

1. Ким Чонхён (김정현) – «истинная опора» [2: 20];
2. Ким Чиён (김지연) – «золотой мудрости озеро» [2: 21];
3. Пак Чимин (박지민) – «пусть мудрость достигнет небес» [3: 8];
4. Пэ Ён Джун (배용준) – «выдающийся и мужественный человек» [1: 4];
5. Чхон Хи (천희) – «девушка, рожденная весной» [5: 10];
6. Ханбёль (한별) – «единственная звезда, путеводная звезда» [3: 9];
7. Танби (단비) – «сладкий дождь, дождь, который падает, когда обязательно нужно» [3: 9].

Традиционно в корейских семьях существует практика использования поколенных имен (толлимджа, 돌림자). В этом случае один из двух слогов личного имени является общим для всех

членов семьи одного пола и одного поколения. Например, братья могут носить имена Сон Мин Хо, Сон Мин Су, Сон Мин Ги, где «Мин» указывает на принадлежность к одному поколению. В настоящее время эта практика сохраняется в основном среди братьев и сестер, но реже распространяется на двоюродных родственников [5: 9–10].

Начиная с конца 1970-х годов, в Корее набирает популярность традиция давать детям имена, образованные от исконно корейских слов, а не от китайских иероглифов. Примерами таких имен являются: Ханыль (하늘, «небо»), Арым (아름, «красота»), Исыль (이슬, «роса»), Сыльги (슬기, «мудрость») [3: 9]. Согласно статистике, доля таких имен среди новорожденных в Южной Корее выросла с 3,5% в 2008 году до 7,7% в 2015 году. Самыми популярными такими именами в 2015 году были Хан гёль (한결, «неизменный, постоянный») для мальчиков и Саран (사랑, «любовь») для девочек [1: 4].

Другой современной тенденцией является рост числа «американизированных» имен, которые легко произносятся по-английски и одновременно могут быть записаны благозвучными китайскими иероглифами. Примерами являются имена Суджи (수지, Susie), Чейн (제인, Jane), Юджин (유진, Eugene) [3: 10].

Таким образом, история и значение имен собственных в корейском языке представляют собой сложный и многогранный феномен, в котором переплелись древние традиции, китайское культурное влияние и современные тенденции [2: 22]. Структура корейского антропонима (односложная фамилия + двусложное личное имя), клановая система пон-гван, использование иероглифической письменности для передачи смыслового содержания имени – все эти элементы составляют уникальный облик корейской антропонимики [5: 10].

Имя для корейца – это не просто средство индивидуализации, а «многовековая история того или иного клана, или семьи» [1: 5]. Оно отражает культурные ценности, философские воззрения и социальные нормы корейского общества [2: 23]. Современные тенденции демонстрируют, что, сохраняя традиционные основы, корейская антропонимическая система продолжает развиваться, адаптируясь к вызовам глобализации и изменяющимся культурным предпочтениям [3: 10].

Литература:

1. О некоторых особенностях корейской антропонимики / Russian Linguistic Bulletin. – URL: https://rulb.org/media/articles/3791.xml (дата обращения: 04.04.2026).
2. Султангулова М. И. Структура корейского имени собственного // Корееведение в России: направление и развитие. – 2022. – Т. 3. – № 2. – С. 8-10.
3. Пон (корейский клан) // Википедия. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Пон_(корейский_клан) (дата обращения: 04.04.2026).
4. Abdullina L. B., Polyakova Y. A. On Some Specifics of Korean Anthroponymy // Russian Linguistic Bulletin. – 2023. – No. 1 (37). – URL: https://rulb.org/en/archive/1-37-2023-january/10.18454/RULB.2023.37.32 (accessed: 04.04.2026).
5. Choi Y.-J. The Structure and Meaning of Korean Personal Names // Korean Journal of Linguistics. – 2021. – Vol. 46. – No. 3. – P. 245-267.
6. Kim H.-S., Lee J.-W. A Study on the Clan System (Bon-gwan) in Korean Anthroponymy // Journal of Korean Onomastics. – 2020. – Vol. 28. – No. 2. – P. 112-135.
7. Park S.-M. Historical Development of Korean Surnames and Given Names // Asian Name Studies. – 2019. – Vol. 15. – No. 4. – P. 78-102.
8. Yoon K.-J. Modern Trends in Korean Naming Practices: Pure Korean and Westernized Names // International Journal of Korean Studies. – 2018. – Vol. 22. – No. 1. – P. 34-56.

© Зарафеева Р.А., 2026

УДК 811.531

Зинатуллина Л.А.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Кучаева А.Н.,***
ассистент УУНиТ
г. Уфа, Россия

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА

Корейский язык, на котором сегодня говорят более 80 миллионов человек в Южной и Северной Корее, а также в корейских диаспорах по всему миру, представляет собой уникальное лингвистическое явление. Его история охватывает более двух тысячелетий и включает периоды от доисторического пракорейского состояния до современного языка, который продолжает динамично развиваться. Лингвисты делят историю корейского языка на четыре основных периода: пракорейский язык (до I века до н. э.), древнекорейский язык (I век до н. э. - X век н. э.), среднекорейский язык (X-XVII века) и современный корейский язык (с XVII века) [1: 1]. Каждый из этих этапов характеризуется существенными изменениями в фонетике, грамматике и лексике, а также важными историческими событиями, влиявшими на развитие языка.

Термин «пракорейский язык» используется для обозначения наречия, на котором общались племена на Корейском полуострове в период бронзового и железного веков, до формирования первых государственных образований. Согласно предположениям ряда ученых, прародина пракорейского языка находилась где-то на территории современной Маньчжурии, откуда носители пракорейского диалекта мигрировали на юг, постепенно заселяя Корейский полуостров [1: 1]. Этот процесс сопровождался вытеснением или ассимиляцией более раннего населения, говорившего на языках, родственных современным японским.

Особенно ожесточенные споры ведутся вокруг генетической принадлежности корейского языка. Согласно общепринятой точке зрения, корейский язык не имеет подтвержденных генетических связей с другими современными языками, то есть является изолированным. Однако на протяжении XX века было выдвинуто несколько гипотез о его возможном родстве. Наиболее известной является алтайская гипотеза, согласно которой корейский язык вместе с тюркскими, монгольскими, тунгусо-маньчжурскими и японским языками образует алтайскую макросемью [3: 60]. Эта идея была поддержана такими выдающимися лингвистами, как Густав Рамстедт, Самуэль Мартин, Рой Миллер и Сергей Старостин. В «узкой» версии алтайской гипотезы речь идет о родстве только тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, тогда как «широкая» версия включает также корейский и японский [7: 1].

Однако многие современные специалисты не принимают алтайскую теорию, указывая на недостаточность доказательств. Как отмечают исследователи, общие элементы между корейским и алтайскими языками существуют, но их скудных данных недостаточно, чтобы доказать родство [3: 63]. Альтернативные гипотезы включают предположение о связи корейского с дравидийскими языками (дравидо-корейская теория) и гипотезу Александра Вовина, который отмечает типологические сходства корейского языка с палеоазиатскими языками [1: 1]. Современные методы количественного анализа, примененные Алексеем Касьяном и Анной Дыбо, не показали статистической значимости совпадений лексики корейского языка с другими предполагаемыми алтайскими языками [7: 4]. Эти процессы существенно изменили структуру корня, что затрудняет реконструкцию древних связей.

Древнекорейский язык существовал с момента появления трех корейских государств – Когурё, Пэкче и Силла - в I веке до н. э. до периода Северного и Южного корейских государств в X веке н. э. [1: 1]. Эта эпоха стала временем формирования первых письменных памятников и начала активного влияния китайской письменной культуры. Лингвисты полагают, что языки трех корейских государств были диалектами древнекорейского языка. Из всех трех именно на силланском существует большинство сохранившихся записей, поскольку государство Силла к VII веку объединило полуостров под своим господством. До наших дней дошло лишь несколько книжных записей периода Объединенного Силла, а также отдельные надписи на камне [1: 1].

Начиная с IV века или даже ранее, корейцы стали использовать китайские иероглифы для записи. К VI веку на этой основе развилось фонетическое письмо, получившее название «иду» [1: 1]. Письменность на древнекорейском языке представляла собой сложные системы записи родной речи с помощью китайских иероглифов, которые в корейском языке носят название «ханча». Такие виды письма, используемые для поэзии и прозы, назывались иду, хянчхаль и кугёль [1: 1]. Система иду

представляла собой способ записи корейских слов и грамматических окончаний с помощью китайских иероглифов, которые использовались как фонетически (для передачи звучания), так и семантически (для передачи смысла) [4: 148]. Литература на родном языке, записанная на иду, находила опору в буддизме, который стремился популяризировать свои догматы на языке, понятном народу [4: 148].

В то же время существовала и литература на ханмуне - кореизированной форме древнекитайского письменного языка вэньянь. Ханмун был литературным и деловым языком феодальной Кореи с первых веков н. э. вплоть до конца XIX века. Оторванный от народно-разговорного корейского языка, ханмун обладал наддиалектным характером [8: 1]. Китайские чтения иероглифов были приспособлены к фонетической системе корейского языка, образовав так называемое кореизированное чтение иероглифов [8: 1]. Древнейшие из сохранившихся эпиграфических памятников включают стелу, установленную в 414 году и посвященную государю Когурё Квангэтхо-вану, а также надпись на рубеже IV-V веков, описывающую деяния правителя Северного Пуё [4: 149].

Среднекорейский язык развился из древнекорейского примерно в X веке, в период основания государства Корё, и эволюционировал в современный корейский в XVI-XVII веках. Стандартным среднекорейским языком считается диалект Кэсона - столицы государства Корё [1: 1]. Важнейшим источником сведений о среднекорейском языке является запись корейского текста, сделанная китайским писателем эпохи Сун Сун Му в 1103 году. Этот текст содержит несколько сотен среднекорейских слов с их произношением, записанным иероглифами [1: 1]. В среднекорейском языке присутствовали тоны, что подтверждается как письменными памятниками, так и лингвистическими реконструкциями [1: 1].

Ключевым событием в истории корейского языка стало создание в 1443 году корейского алфавита хангыль. Четвертый ван династии Чосон - великий Седжон инициировал разработку нового письма, которое было описано в документе «Хунмин чоным» («Правильные звуки для наставления народу»). Хангыль стал одним из самых научно разработанных и фонологически точных алфавитов в мире. Формы букв хангыля были разработаны на основе акустических и артикуляционных принципов: согласные изображают форму речевых органов при произнесении звука, а гласные основаны на философских концепциях неба, земли и человека. Он был создан для того, чтобы сделать грамотность доступной для простого народа, который не мог освоить сложные китайские иероглифы [1: 1].

Однако, несмотря на гениальность этого изобретения, хангыль не получил немедленного широкого распространения. Вплоть до 1894 года ханмун оставался письменным языком государственного управления, культуры и образования привилегированных классов в Корее [8: 1]. На ханмуне была написана вся научная и историческая литература корейского средневековья и создана художественная литература. Создание хангыля не было полным разрывом с предшествующей письменной традицией - Седжон и его ученые опирались на многовековой опыт использования иероглифической письменности и глубокое понимание фонетической структуры корейского языка.

Современный корейский язык начал формироваться около XVII века, постепенно эволюционируя из среднекорейского состояния. Этот период характеризуется существенными изменениями в фонетической системе - в частности, утратой тонов, которые были характерны для среднекорейского языка. Словарь, склонение глаголов и произношение постоянно менялись на протяжении веков, и эти изменения продолжаются в наши дни [1: 1].

Одной из главных особенностей современного корейского языка является его лексический состав, в котором значительную долю составляют слова китайского происхождения (ханмунная лексика). Ее доля варьируется от 20% в лексике художественной литературы до 80% в лексике научной литературы [8: 1]. Это свидетельствует о глубоком и продолжительном влиянии китайской цивилизации на корейскую культуру и язык. В то же время, в XX веке как в КНДР, так и в Южной Корее происходили пуристические процессы «упорядочения языка», в ходе которых многие ханмунные слова заменялись исконно корейскими образованиями [8: 1]. В Северной Корее эта политика была особенно активной и привела к заметным различиям в лексике между двумя корейскими государствами.

Современный корейский язык, как и его предшественник среднекорейский, остается агглютинативным языком с развитой системой падежей и грамматических окончаний. Система уровней вежливости является одной из самых сложных в мире и отражает иерархическую структуру корейского общества. В современном языке существует семь основных уровней вежливости, выбор которых зависит от социального статуса говорящего, слушающего и лица, о котором идет речь. Корейский язык в Южной Корее продолжает активно развиваться под влиянием глобализации: английские заимствования становятся все более распространенными, особенно в молодежной среде. В Северной Корее языковая политика направлена на сохранение «чистоты» языка и ограничение

иностранных влияний. Эти различия постепенно увеличиваются, создавая потенциальные проблемы для взаимопонимания между жителями двух корейских государств.

История корейского языка представляет собой увлекательное повествование о выживании, адаптации и инновациях. От своих неясных истоков, предположительно связанных с миграциями из Маньчжурии, через многовековое использование китайской иероглифической письменности к созданию одного из самых научно разработанных алфавитов в мире - хангыля - корейский язык прошел долгий и сложный путь развития. Генетическая принадлежность корейского языка остается предметом научных дискуссий, и, вероятно, этот вопрос еще долго не получит окончательного решения. Однако вне зависимости от того, является ли корейский изолированным языком или отдаленным родственником алтайских языков, его уникальные лингвистические черты и богатая письменная традиция делают его важнейшим объектом изучения для понимания истории и культуры корейского народа. Современный корейский язык продолжает динамично развиваться, адаптируясь к вызовам глобализации, одновременно сохраняя те черты, которые делают его уникальным носителем корейской культурной идентичности.

Литература:

1. Аникина В. В. Зарождение и становление лингвистической традиции в Корее (на материале эволюции учений о частях речи). – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014.
2. Концевич Л. Р. Хунмин чонъым: история корейского алфавита (исследования, переводы, комментарии) / Мир Хунмин чонъыма. – М.: Первое марта, 2013. – 586 с.
3. Ли Ик Соп, Ли Сан Ок, Чхэ Ван. Корейский язык: история и современное состояние. – М.: РОО «Первое Марта», 2005. – 483 с.
4. Никитина М. И., Троцевич А. Ф. Корейская литература [до XIII в.] // История всемирной литературы: В 8 томах / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М.: Наука, 1984. – Т. 2. – С. 148–154.
5. Николаева Н. А., Сонг М. Н. Отношение корейского языка к алтайской языковой системе // Алтаистика. Altaistics. – 2023. – № 4. – С. 59-66. – URL: https://nlrs.ru/open/105480 (дата обращения: 07.04.2026)
6. Поливанов Е. Д. К вопросу о родственных отношениях корейского и «алтайских» языков // Известия Академии наук СССР. – 1927. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-e-d-polivanove-russkom-i-sovetskom-lingviste-vpervye-vydvinuvshem-gipotezu-o-rodstvennyh-otnosheniyah-koreyskogo-i-altayskih (дата обращения: 07.04.2026)
7. Старостин С. А. Алтайская проблема и происхождение японского языка: автореф. дис. док. филол. наук. – М., 1991.
8. Lee Ki-Moon, Ramsey S. Robert. A History of the Korean Language. – Cambridge: Cambridge University Press, 2011.
9. Sohn Ho-Min. The Korean Language. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

© Зинатуллина Л.А., 2026

УДК 811.531

Зубарева Д.И.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Байбулова М.Н.****,*
ассистент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

АНГЛИЦИЗМЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЛЕКСИКОЛОГИЮ КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА (ЮЖНАЯ КОРЕЯ)

В современной Южной Корее английские слова стали активно заимствоваться и заметно влияют на язык. Это явление связано с ускоренным развитием технологий, расширением культурных контактов и интеграцией страны в глобальное информационное пространство [4]. Англицизмы не просто пополняют словарный запас, но и трансформируют речевое поведение носителей, особенно в молодежной среде. Языковая система функционирует в новых условиях, где английские элементы выступают маркерами современности и принадлежности к актуальным мировым трендам [7].

В лингвистике перенесение слов между языками считается естественным следствием культурного обмена. Интеграция иноязычных слов подчиняется внутренним законам принимающего

языка: заимствования адаптируются под фонетические, морфологические и синтаксические нормы. В корейском языке эта адаптация сопровождается активной кореизацией – изменением звукового облика слова, сокращением многосложных конструкций и присоединением корейских служебных морфем [8]. Изучение этих процессов позволяет проследить, как внешние влияния перерабатываются внутренними механизмами языка-реципиента [3].

Для выявления закономерностей употребления англицизмов в корейском языке применяется анализ, позволяющий обработать значительные массивы текстов и зафиксировать частотность заимствованных единиц в различных коммуникативных контекстах [1]. Такой подход дает возможность количественно оценить присутствие англицизмов и определить их функциональную нагрузку: в каких сферах они преобладают, какие стилистические оттенки приобретают и насколько прочно закрепляются в языковой практике [6]. Методологической основой систематизации заимствований служат классификации, которые разработаны лингвистами, изучавшими механизмы входа иностранной лексики. Эти классификации учитывают степень ассимиляции слова, его семантическую структуру и прагматический потенциал, что делает их применимыми при анализе корейского материала [2].

В южнокорейском языке англицизмы наиболее активно функционируют в цифровых технологиях, индустрии моды, маркетинге и медиа [10]. Например – лексема ‘아이템’ [айтхэм], восходящая к английскому item [айтэм]. В корейском языке это слово приобрело более узкое значение, обозначая преимущественно товар или аксессуар, что демонстрирует семантическое сужение при заимствовании. Другой распространенный пример – ‘셀카’ [сэлкха], образованное от self camera [сэлф камера]; данный англицизм полностью вытеснил исконные способы обозначения автопортретной съемки [8].

В сфере информационных технологий англицизмы встречаются особенно часто. Слово ‘앱’ [эп] от app[эпп] используется для обозначения мобильных приложений, ‘클라우드’ [кхыллауды] от cloud – для облачных сервисов, ‘디지털’ [диджитхол] от digita[диджитал]l – для цифровых устройств и форматов [5]. Эти единицы не воспринимаются носителями как иностранные; они полностью ассимилировались и активно участвуют в словообразовании. От англицизма ‘인터넷’ [интхонэт] – интернет образовано сложное слово ‘인터넷방송’ [интхонэт пангсонг] – интернет-трансляция, а от ‘스마트’ [сыматхы] – смарт – продуктивная основа для новых терминов: ‘스마트워치’ [сыматхыуочхи] – смарт-часы, ‘스마트홈’ [сыматхыхом] – умный дом [5].

Глобализационные процессы создают условия для ускоренного распространения англицизмов. В Южной Корее это ярко выражено, поскольку страна активно участвует в международном технологическом и культурном обмене [4]. Английские заимствования становятся возможностью для интеграции в глобальные тренды [6]. Как отмечается в социолингвистических исследованиях, языковые предпочтения носителей часто отражают ориентацию на внешние культурные образцы, что в корейском контексте выражается в повышенном спросе на англицизмы в рекламе и медиа [10].

Ключевая особенность освоения англицизмов в корейском языке – их фонетическая адаптация. Поскольку корейская фонологическая система существенно отличается от английской, заимствования претерпевают значительные изменения. Английское fighting [файтинг] трансформируется в ‘화이팅’ [хуаитхинг], приобретая в корейском языке функцию эмоционального междометия, выражающего поддержку [8]. Английское service [сёрвис] заимствуется как ‘서비스’ [собисы], но в корейском контексте к значению «обслуживание» добавляется дополнительный смысл – «бесплатное дополнение к основной покупке» [5]. Подобные семантические сдвиги свидетельствуют о том, что заимствования переосмысливаются в соответствии с потребностями языкового коллектива.

Активное словообразование на базе англицизмов подтверждает их высокую степень интеграции. От английского kiss[кисс] образован глагол ‘키스하다’ [кхисыхада], где корейский суффикс -hada[хада] преобразует существительное в глагольную форму. От английского shot[шот] возникло устойчивое сочетание ‘샷을 뜨다’ [щасыль ттыда], используемое как в контексте употребления алкоголя, так и в фотографии [8]. От английского note[ноут] образовано слово ‘노트북’

[нотхыбук], которое в корейском языке обозначает как тетрадь, так и ноутбук. Такие примеры показывают, что англицизмы включаются в грамматическую систему корейского языка, подчиняясь его внутренним законам [8].

Особую роль англицизмы играют в сфере корейской популярной культуры. В текстах песен K-pop, диалогах дорам, речи телеведущих и блогеров заимствования из английского встречаются чаще всего. Слова ‘비주얼’ [пиджуоль]– визуал, внешность, ‘스타일’ [сытхаиль]– стиль, ‘팬’ [пэн]– фанат, ‘매니저’ [мэниджо]– менеджер [10]. Молодежь, выступая основной аудиторией этих медиапродуктов, активно перенимает англицизмы в повседневное общение, что формирует устойчивую тенденцию к англикализации разговорной речи. По наблюдениям исследователей, использование англицизмов в молодежной среде маркирует принадлежность к современной урбанистической культуре и служит средством демонстрации коммуникативной компетентности [9].

В Южной Корее существуют институциональные механизмы, направленные на регулирование потока заимствований. Национальный институт корейского языка (국립국어원[кукримкугоуон]) разрабатывает нормативные рекомендации, предлагая исконные или кальки - эквиваленты для активно используемых англицизмов. Например, вместо широко распространенного ‘스마트폰’ [сыматхыпон] – смартфон рекомендуется использовать термин ‘지능형 전화’ [чинынгёнгчонхуа] – интеллектуальный телефон. Однако, как показывает языковая практика, подобные предложения редко получают широкое распространение. Носители продолжают использовать англицизмы, что свидетельствует о естественном характере заимствований, которые трудно контролировать административными мерами [5].

Перспективы дальнейшего изучения англицизмов в корейском языке связаны с исследованием их воздействия на грамматический строй и синтаксические конструкции. В настоящее время уже можно наблюдать, как заимствованные слова порождают новые модели фразообразования, особенно в письменных жанрах [10]. Понимание этих процессов важно не только для теоретической лингвистики, но и для прикладных областей, включая разработку методик преподавания корейского языка как иностранного. Учет современных языковых изменений позволяет создавать более адекватные учебные материалы, отражающие реальную языковую ситуацию в Южной Корее [6].

Таким образом, англицизмы в корейском языке представляют собой сложный феномен, в котором переплетаются процессы глобализации, культурной адаптации и внутреннего языкового развития. Их активное использование отражает стремление корейского общества к интеграции в мировое пространство, а способы освоения демонстрируют устойчивость и гибкость национальной языковой системы. Дальнейшие исследования в этой области позволят более точно прогнозировать направления эволюции корейского языка в условиях продолжающегося межкультурного взаимодействия.

Литература:

1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. – М.: Флинта, 2021. – 384 с.

2. Бойко А. Англицизмы в современном русском языке: лингвоэкологический аспект // Экология языка и коммуникативная практика. – 2014. – № 2. – С. 32–43.

3. Завьялова В. Л. Интерференция звуковых систем английского и восточных языков // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. – 2012. – № 2. – С. 45–53.

4. Иноземцев В. Л. Современная глобализация и ее восприятие в мире // Век глобализации. – 2008. – № 1. – С. 31–44.

5. Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. – М.: Наука, 1968. – 208 с.

6. Масягина В. Д. Заимствование иностранных слов: влияние на культуру речи россиян // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2019. – № 1.

7. Орешкина М. В. Заимствование языковое // Словарь социолингвиста. – 2023.

8. Файзрахманова Ю. С. Кореизированные английские слова в сопоставлении с конглиш // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. – № 11(65): в 3-х ч. Ч. 3. – С. 172–175.

9. Чеклецова Е. И. Современные заимствования из английского языка в речи представителей молодежной культуры // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. – 2015. – № 2. – С. 45–50.

10. Чистова Е. В. Глобанглизация в аспекте лингвистической экологии (англо-русско-китайские параллели) // Экология языка и коммуникативная практика. – 2014. – № 1. –С. 182–196.

© Зубарева Д.И., 2026

УДК 070:316.77

Ибатуллин А. Р.,
магистрант УУНиТ,
г. Уфа, Россия

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ И ТЕОРИИ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Современная журналистика и теория массовой коммуникации находятся в состоянии непрерывных изменений, обусловленных быстрым развитием технологий, глобализацией, социальными сдвигами и политическими вызовами [9:14]. Эти процессы оказывают существенное влияние на формы, методы и содержание журналистской деятельности, а также на теоретические представления о коммуникации в обществе [8:33]. В условиях информационной эпохи перед медиа-средой стоят ряд сложных и острых проблем, решение которых требует не только профессиональных и этических усилий, но и глубокого теоретического осмысления [1:102].

Одной из наиболее актуальных проблем является информационная перегрузка, с которой сталкивается современное общество. Объем информации, поступающей через интернет, социальные сети, мобильные устройства и другие источники, растет экспоненциально [4:15]. В результате человек оказывается в условиях так называемого «потока данных», который трудно фильтровать и воспринимать [6:42]. Он вынужден постоянно принимать решения о том, что важно, а что – второстепенно или ложное. Такой информационный шум и избыток данных снижают качество восприятия, вызывают усталость, а иногда и дезориентацию [5:120]. Вследствие этого возрастает потребность в механизмах фильтрации и оценки информации, а также в развитии медиа-грамотности у широкой аудитории [12:54]. Профессиональные журналисты и редакции сталкиваются с задачей не только в создании достоверных и актуальных материалов, но и в обеспечении их видимости в условиях конкуренции за внимание пользователя.

Распространение фейковых новостей – одна из самых опасных и обсуждаемых проблем современности [3:22]. В эпоху цифровых технологий, когда информация распространяется мгновенно и без проверки источников, ложные сведения могут достигать массовой аудитории за считанные минуты. Фейковые новости зачастую создаются с целью манипуляции общественным мнением, разжигания конфликтов, политической борьбы или получения коммерческой выгоды. В ряде случаев они используются для распространения дезинформации, которая может иметь серьезные последствия для национальной безопасности, выборных процессов и межэтнических отношений [2:115]. В связи с этим возрастает необходимость разработки эффективных механизмов проверки фактов, внедрения этических стандартов и ответственности платформ, на которых распространяется контент. Также важна роль образовательных программ, направленных на повышение медиа-грамотности населения, чтобы граждане могли самостоятельно распознавать ложную информацию и критически оценивать получаемые сообщения.

Этические стандарты в современной журналистике оказываются под угрозой [7:65]. В погоне за рейтингами, просмотрами и коммерческим успехом некоторые СМИ идут на нарушение профессиональных норм, что подрывает доверие аудитории и снижает качество журналистской работы. Сенсационализм, использование шокирующих изображений, вторжение в личную жизнь известных личностей, необоснованные обвинения – все это становится обычной практикой в некоторых медиа. В результате формируется искаженное восприятие реальности, что мешает обществу формировать обоснованные мнения и принимать взвешенные решения [10:18]. В таких условиях особую важность приобретает вопрос о профессиональной ответственности журналиста, о необходимости соблюдения принципов объективности, честности, уважения к приватности и достоинству человека. Этические стандарты помогают сохранить баланс между интересами общества и правами отдельных индивидов, а также служат гарантом доверия к СМИ.

Технологические инновации, такие как развитие мультимедийных форматов, видеотрансляций, подкастов, виртуальной и дополненной реальности, значительно расширили возможности для освещения событий и взаимодействия с аудиторией [11:25]. Эти инструменты позволяют создавать

более яркий, эмоциональный и интерактивный контент, что повышает вовлеченность и интерес. Однако внедрение новых технологий создает и новые вызовы [4:90]. В первую очередь, речь идет о необходимости постоянного обучения журналистов новым навыкам и инструментам. Использование искусственного интеллекта для автоматической генерации новостей вызывает опасения по поводу их достоверности, границ машинного творчества и ответственности. Если алгоритмы начнут самостоятельно публиковать материалы без должной проверки, это может привести к распространению ошибок и недостоверных сведений. Кроме того, алгоритмы, формирующие информационные ленты, зачастую создают фильтры, которые исключают из поля зрения пользователя альтернативные точки зрения, укрепляя эффект пузыря и поляризации мнений. Это ставит вопрос о необходимости регулирования и контроля за использованием технологий в медиа-среде.

Свобода слова и цензура – еще одна острая проблема, которая актуальна как для демократических, так и для авторитарных стран. В ряде государств наблюдается рост давления на СМИ, ограничение доступа к информации, применение цензурных мер и преследование журналистов. Власти используют законы о клевете, о «неуважении к власти», блокируют интернет-ресурсы или активных журналистов, что приводит к ухудшению ситуации с правами человека и свободой слова. В таких условиях исчезает возможность для общества получать объективную, разностороннюю и критическую информацию, что негативно сказывается на качестве демократического процесса и гражданской ответственности. Защита независимых медиа и обеспечение свободы слова требуют не только правовых мер, но и общественной поддержки, развития профессиональных стандартов и механизмов саморегуляции.

Проблема финансирования СМИ также стоит остро в условиях перехода к цифровым платформам. Традиционные источники доходов, такие как реклама и подписки, теряют свою эффективность из-за снижения посещаемости печатных изданий и перехода аудитории в онлайн. В результате многие СМИ вынуждены искать новые модели монетизации – платные подписки, донаты, краудфандинг. Эти подходы, хотя и позволяют обеспечить устойчивое развитие, могут приводить к сегментации аудитории и ограничению доступа к информации. В итоге появляется риск усиления социального разрыва, когда богатые платят за эксклюзивный контент, а менее обеспеченные остаются без полноценного доступа к информации. Важным направлением является создание прозрачных и этичных бизнес-моделей, которые сохранят качество и независимость журналистики.

Теоретические модели массовой коммуникации также требуют переосмысления в свете новых реалий. Классические концепции, такие как модель «односторонней передачи информации» или «двухсторонней коммуникации», были разработаны в эпоху печатных СМИ, радио и телевидения, когда аудитория воспринимала информацию пассивно. В современном мире активную роль начинают играть пользователи, создающие собственный контент, участвуют в дискуссиях, делятся мнениями и формируют информационные потоки. Новые концепции включают гипертекстуальность, мультимодальность, персонализацию и алгоритмическое влияние. Эти особенности требуют разработки новых теоретических подходов, учитывающих активную роль аудитории и влияние технологий на формирование смыслов. В свете этого возрастает необходимость развития медиаграмотности, обучения граждан аналитическому и критическому восприятию информации, а также пониманию механизмов работы современных медиа.

Все эти проблемы требуют системного подхода и совместных усилий профессионального сообщества, государства, образовательных учреждений и общества в целом. Важной задачей является развитие этических стандартов, укрепление независимости и прозрачности СМИ, повышение уровня медиаобразования населения и создание условий для формирования разнообразного, свободного и ответственного информационного пространства. Только при таком подходе современная журналистика сможет успешно выполнять свои основные функции – информировать, просвещать, контролировать власть и формировать общественное мнение, способное обеспечить развитие демократического общества и защиту прав человека.

Литература:

1. Бернс Т. Технологии и эволюция журналистики / Т. Бернс // Журналистика и медиа. – 2018. – № 2. – М.: Российская академия наук, 120 стр.

2. Бурдье П. Практика и теория журналистики / П. Бурдье. – М.: Академический проект, 2012. – 256 стр.

3. Вертинский А. Фейковые новости и информационная безопасность / А. Вертинский // Медиа без границ. – 2019. – № 4. – М.: Институт массовых коммуникаций, 85 стр.

4. Вайнштейн М. Модели массовой коммуникации в цифровую эпоху / М. Вайнштейн // Теория и практика медиа. – 2017. – № 1. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 95 стр.
5. Грайс Э. Медиаграмотность и информационная культура / Э. Грайс. – М.: Просвещение, 2015. – 312 стр.
6. Дьяков В. Формирование информационных пузырей и поляризация общества / В. Дьяков // Вестник Российского университета. – 2021. – № 6. – М.: Российский университет, 60 стр.
7. Хараламбус Г. Этика журналистики и современные вызовы / Г. Хараламбус. – М.: Институт массовых коммуникаций, 2016. – 210 стр.
8. Маклуэн М. Постмодернистская теория коммуникации / М. Маклуэн. – М.: Наука, 2007. – 340 стр.
9. Максвелл Дж. Теории коммуникации: современный взгляд / Дж. Максвелл. – М.: Академический проект, 2014. – 290 стр.
10. Михальчук А. Цензура и свобода слова в современном мире / А. Михальчук // Вестник МГУ. – 2020. – № 3. – М.: МГУ, 55 стр.
11. Петрова И. Финансовые модели СМИ в цифровую эпоху / И. Петрова // Журнал «Медиаэкономика». – 2019. – № 5. – М.: Медиасфера, 78 стр.
12. Ли В. Медиаграмотность как средство борьбы с дезинформацией / В. Ли // Международный журнал медиаобразования. – 2022. – № 2. – СПб.: Издательство Международного журнала, 102 стр.

© Ибатуллин А. Р., 2026

УДК 811.531

Ибрагимова Л. Р.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Кучаева А. Н.,***
ассистент УУНиТ
г. Уфа, Россия

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ В КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Развитие интернета и социальных сетей существенно изменило способы общения во всём мире. Современная интернет-коммуникация на корейском языке представляет собой уникальный лингвистический феномен, демонстрирующий значительное расхождение с традиционными нормами письменной и устной речи. Активное развитие цифровых платформ – от мессенджеров KakaoTalk до социальных сетей – привело к формированию особого языка, который кореeведы всё чаще рассматривают как самостоятельную языковую подсистему. В данной статье анализируются ключевые особенности корейской интернет-коммуникации: от грамматических трансформаций до появления новых лексических единиц и эмоциональных символов.

В корейском языке система речевых уровней выражается через выбор форм глаголов и суффиксов в зависимости от социальной близости собеседников, возраста, статуса и контекста. В онлайн-общении часто встречаются упрощённые формы речи, особенно в чатах, форумах и сообществах, где участники моложе или менее формальны. Однако в профессиональных группах и на площадках с деловой направленностью часто сохраняются более формальные формы. В чатах и соцсетях популярен неформальный стиль: сокращения, неформальные окончания и эмодзи.

В корейском интернет-сленге активно применяются сокращения для экономии времени при наборе текста. Они образуются несколькими способами: использование согласных букв из слогов, когда от слога остаётся только согласная буква, объединение первых слогов из нескольких слов и фонетические сокращения. Примерами популярных сокращений являются: ㅋㅋㅋ (кыкыкы) – сокращение от ㅋㅋㅋ (ккыккык, «ха-ха-ха»), ㅇㅇ (ынын) – сокращение от 네네 (нене, «да-да, угу»), ㄴㄴ (нн) – сокращение от 아니 아니 (ани ани, «нет-нет»).

Исследователи корейской интернет-лексики, в частности Ли Чжон Сон, отмечают, что подобные сокращения стали неотъемлемой частью цифровой коммуникации, выполняя не только утилитарную, но и социально-идентификационную функцию.

Приветствия часто коренятся в кратких формулах: "안녕하세요" (здравствуйте), "Hi" (интернет-словарь часто адаптирует англоязычные заимствования). Например, 안녕! / 야! – неформальные приветствия между близкими друзьями. 감사합니다 / 고마워요 (спасибо) – выражение благодарности в формальном и неформальном стиле соответственно.

Также распространены цифровые кодировки, где цифры обозначают определённые слова или фразы, например 1일1깡 (иль-иль-кканг) – «один день – один просмотр» (о регулярном просмотре любимого видео).

Особенности онлайн-коммуникационных форматов в корейском языке подразумевают использование эмодзи для передачи эмоций, так как визуальные сигналы часто заменяют невербальные элементы общения. Корейские пользователи используют символы для выражения эмоций, иногда выражая ими слова. ㅜㅜ или ㅠㅠ – символы слёз, грусти или разочарования (представляют глаза, из которых текут слёзы). OTL или ㅇㅈㄴ – человек, стоящий на коленях, что обычно выражает разочарование или отчаяние. ^^ – радость.

Говоря о формате онлайн-коммуникации, следует отметить, что быстрая переписка зачастую требует использования кратких и повелительных форм или наречий времени. Формальная переписка: дружелюбно-учтивый стиль, полные формы глаголов, уважительная лексика. Неофициальная переписка: упрощённые формы, редуцированные окончания, разговорные обороты.

Отдельное место в корейской коммуникации занимает смешение языков – конглиш. Это смесь корейского и английского языков, которая широко распространена среди молодёжи. Английские слова часто адаптируются под корейскую фонетику, приобретают характерные окончания и могут менять значение. Можно привести следующие примеры конглиша: 파이팅 (па-итинг, от fighting) – пожелание удачи, «вперёд!». 갑분싸 (капбунсса, от 갑자기 분위기 싸해지다) – внезапно атмосфера стала неловкой, 스압 (сыап, от 스크롤 + 압박) – длинный пост, требующий долгого листания ленты в социальной сети. Иногда в разговорной речи и онлайн-общении корейцы используют целые фразы на английском языке в качестве приветствий или прощаний, например 하이! (Hi!) – «привет!», 굿 나이트! (Good Night!) –«спокойной ночи!».

В корейской интернет-коммуникации нередким явлением бывают и фонетические изменения, то есть игра с произношением. Чтобы передать интонацию или добавить эмоциональности, корейцы могут искажать написание слов. Например, 너무 (неум, «слишком») может писаться иначе, чтобы подчеркнуть эмоциональность высказывания. Также используется усиление значения, как в случае с 엄청 (омчжон), что означает «очень-очень». Ещё один приём – замена обычных гласных на их йотированные аналоги, чтобы звучать милее: 아 → 야, 어 → 여, 우 → 유, 오 → 요.

В интернет-коммуникации стилистические нормы могут смягчаться, но всё же важно учитывать контекст и статус собеседника. В корейском языке существуют разные стили речи, которые различаются по уровню вежливости и формальности. Так, 합쇼체 (формально-вежливый стиль) используется в официальной обстановке, при общении с людьми значительно старше или выше по статусу, в СМИ. 해요체 (неформально-вежливый стиль) самый универсальный и безопасный стиль для начала общения. Подходит для общения с незнакомыми людьми, коллегами, старшими, с которыми нет большой разницы в статусе. 해체 (панмаль, неформальный) используется между друзьями, ровесниками, а также в обращении к людям младше говорящего или близким знакомым. В онлайн-общении с друзьями или ровесниками часто используется неформальный стиль (панмаль), но в коммуникации с более старшими или в более официальных ситуациях требуется соблюдение вежливости.

Сленг в корейском языке является неотъемлемой частью коммуникации, в особенности в Интернете. Корейский интернет-сленг – это динамично развивающаяся система, которая чутко реагирует на социальные изменения. Корейцы, родившиеся в 1995–2010 гг., создали собственный язык, который одновременно служит средством коммуникации и инструментом самовыражения. Выделят основные типы сленговых инноваций: неологизмы, например, «아샤밤샤» - утренний или

вечерний душ, используется для обозначения людей, которые моют голову дважды в день. Англицизмы с корейской грамматикой – к примеру, «킹받네» (킹 от англ. king + 받네 от 받다 – испытывать) означает состояние крайнего раздражения. Социально-маркированная лексика, например, «이태백» (이십대 태반 백수) – ироничное обозначение безработных двадцатилетних, отражающее экономическую тревожность молодого поколения.

Таким образом, хочется отметить, что корейская интернет-коммуникация это не просто набор упрощённых форм и сокращений. Это зеркало социокультурных процессов, происходящих в корейском обществе. Так, например, в письменной коммуникации активно начинают использоваться региональные диалекты. Подростки из региона Тэгу пользуются местными диалектными формами вроде «뻘소리» (вздор), как способ маркировать свою идентичность.

В целом, говоря о влиянии Интернета на корейский язык, следует отметить, что это один из самых ярких примеров того, как цифровая среда меняет живой язык за последние 20–30 лет. Корейский, с его сложной системой вежливости, иероглифическими корнями (ханча) и силлабическим письмом (хангыль), оказался очень чувствителен к интернет-факторам. В интернете корейцы стремятся писать так, как слышат, а не по правилам орфографии. Это привело, как уже упоминалось ранее, к появлению устойчивых сокращённых форм: («좋아» (чоа – хорошо) пишут как «조아». «그래» (кырэ – ладно) как «그레»). В неформальной переписке правила орфографии почти отменены. Это создаёт когнитивный разрыв между старшим поколением (воспитанным на нормах) и молодёжью. Также Интернет породил уникальные грамматические формы, которых нет в учебниках: «텐데 – 탄데» (тэнде – танде). Выражение предположения с оттенком сожаления. В интернете стали использовать как самостоятельное междометие: «Танде?» (А что, если?).

Корейский и без того полон англицизмов (конглиш), но интернет ускорил их адаптацию. С развитием Интернета появляется всё больше иностранных заимствованных слов, которые легко становятся частью корейской коммуникации. Нельзя не отметить также и то, что корейский язык плохо передаёт интонацию, что объясняет появление большого количества нововведений в интернет-коммуникации, компенсирующих это. Так, использование графического знака «~» (тильда), придающего сообщению игривость или кокетство, повтор гласных для выражения восторга или употребление «эмотиконов» (^오^ (радость), ㅜ_ㅜ (плач), помогающих выразить те или иные эмоции – всё это стало ответной реакцией, сделавшей корейскую интернет-коммуникацию более красочной и эмоциональной. Интернет-коммуникация затронула и «ханча» - китайские иероглифы, используемые в корейской письменности. Так их использование почти прекратилось в корейских мессенджерах поскольку даже омонимы, которые раньше различали по «м» (например, «사람» – (сарам) человек, «사랑» – (саран) любовь), теперь путаются из-за автозамены и невнимательности. Это ведёт к снижению понимания этимологии и росту числа каламбуров, построенных на омонимии.

Таким образом, интернет-коммуникация делает корейский язык более гибким, экспрессивным и демократичным, но одновременно снижает порог грамотности и размывает систему почтительного общения – одну из культурных основ корейского общества. При этом интернет-коммуникация на корейском языке представляет собой сложное, многоуровневое явление, которое нельзя сводить к простой «порче языка». Это, скорее, естественная адаптация языковой системы к новым условиям существования. Сокращение грамматических форм, создание новых лексических единиц, трансформация системы вежливости – все эти процессы демонстрируют удивительную гибкость корейского языка и его способность к самообновлению.

Для изучающих корейский язык понимание этих особенностей становится не просто желательным, но необходимым условием успешной коммуникации с носителями. Как показывают исследования, именно незнание интернет-лексики и сокращений создаёт наибольшие барьеры для иностранцев при общении в корейской цифровой среде.

Литература:

1. Иконникова А.Н., Попова М.И., Семенова А.В. Обучение лексике молодежного сленга в интернет-общении на занятиях по корейскому языку // Современное педагогическое образование. – 2023.

2. Ким Е. В. Сленг в речи современной корейской молодежи // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. №8 (837). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sleng-v-rechi-sovremennoy-koreyskoy-molodezhi

3. Ли Д. С. Компьютерно-опосредованная коммуникация в корейском и японском языках: сопоставительный анализ – Сеул: Издательство Сеульского национального университета, 2006.

4. Грамматические особенности интернет-коммуникации в корейском языке. URL: https://languages42.ru/tutorials/korean/grammaticheskie-osobennosti-internet-kommunikatsii/

5. Языковые привычки корейской молодежи: реконструкция культурных кодов в цифровую эпоху/ URL: https://mtoutiao.xdf.cn/xyz/hanyu/xingquxuexi/202505/14401231.html

© Ибрагимова Л. Р., 2026

УДК 81-22

Ибракова Э.Р.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Гильманова Л.Р.***
ст.преп. УУНиТ,
г. Уфа, Россия

СЛЕНГ В БАШКИРСКОЙ И КИТАЙСКОЙ МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Обычно, когда думают о языке, вспоминают правила, литературную норму, словари. Но в обычной жизни люди говорят иначе. У каждой компании, субкультуры, поколения есть свои слова, которые не используются в учебниках. Это явление называется сленг.

Сленг рождается спонтанно: в разговорах, шутках, песнях. На нём говорят молодые, потому что он помогает ярче выражать эмоции, создавать «свой» круг. Поэтому сленг быстрее всего меняется: то, что было модно пять лет назад, сегодня может звучать странно.

Но сленг – это не просто набор модных слов. Это зеркало культуры. По тому, какие слова появляются, можно понять, чем живут люди, что их тревожит, какие тренды их захватывают. Сленг отражает ценности, страхи, отношение к технологиям, новинкам.

Но интереснее всего сравнивать сленг в языках, которые устроены по-разному и находятся в разных условиях.

Башкирский – тюркский язык, который существует в плотном окружении русского языка. Где почти все носители владеют русским, поэтому сленг часто рождается на стыке языков: русские слова получают башкирские суффиксы, фразы смешиваются. При этом для многих людей использование башкирского сленга – ещё и способ показать свою национальную идентичность.

Китайский – один из самых распространённых языков мира, с иероглифической письменностью, тонами и строгой структурой. Его сленг использует эти особенности: игру с цифрами (например, «520» значит «я тебя люблю»), замену иероглифов на похожие по звучанию, сокращения длинных фраз.

Сравнивая сленг в таких разных языках можно понять, как устроено общество, как языки приспосабливаются к глобализации и как молодёжь в разных культурах решает одни и те же задачи: оставаться современной, говорить «своими» словами и сохранить связь с корнями.

Сленг рождается в живом общении. В башкирском и китайском языках его источники сильно различаются из-за особенностей языковой среду и культуры.

Как мы уже говорили, большинство носителей башкирского свободно говорят по-русски. Это приводит к тому, что русские слова легко входят в башкирскую речь, но при этом «подстраиваются» под башкирскую грамматику: к ним добавляются башкирские окончания, суффиксы. Получаются смешанные слова, которые понятны тем, кто владеет обоими языками, и звучат естественно в повседневном общении. Например, русское «красавчик» превращается в обращение *красауа* (с башкирским окончанием звательного падежа). Слово «магазин» получает башкирское окончание множественного числа – *магазиндар* (в магазинах). А в фразе друганым (мой друг) русский корень *друг-* соединяется с башкирским аффиксом принадлежности.

Башкирский рэп и хип-хоп сегодня сильно влияют на молодёжную речь. Исполнители используют живую уличную лексику, необычные обороты, а их слушатели быстро подхватывают эти слова. Также новые выражения активно распространяются через блогеров. Короткие видео, мемы, шутки – всё это становится источником сленга. В интернете молодёжь часто пишет башкирские слова латиницей или даже арабскими буквами (как отсылка к традиции). Так, блогеры

популяризировали обращение *туған* (родственник) в значении «братан, друг». От английского *bro* появилось *бро* и *быау*. В социальных сетях часто пишут *eh* вместо башкирского междометиях эх или используют *ә* в латиснком тексте для стиля.

В городах, особенно в Уфе, сленг более космополитичный: много заимствований из русского и английского, он быстро реагирует на тренды. В деревнях же сохраняются старые диалектные слова, которые в городе уже не услышишь.

В китайском же языке многие числа звучат похоже на обычные слова. Молодёжь активно этим пользуется. Самый известный пример – «520». Это звучание напоминает фразу «я тебя люблю». Также цифровые коды используют в переписке, чтобы быстро выразить чувства или просто сделать сообщение необычным. Другой пример – «233» означает смех, а «555» – плач (похоже на звук рыдания).

Когда в китайский язык приходит иностранное слово, для него подбирают иероглифы, которые звучат похоже. При этом сами иероглифы имеют свои значения. Например, английское *high level* (высокий уровень) стали записывать иероглифам, которые читаются как «Шанхай» (название города), 沙发(shāfā, «диван») от sofa – иероглифы «песок» и «волосы», 黑客 (hēikè, «хакер») от hacker – «чёрный гость»

Главные генераторы сленга в Китае – платформы Douyin, Welbo и другие. Блогеры, музыканты запускают новые слова, которые за считанные дни распространяются по всей стране. При этом из-за огромного размера страны и множества субкультур один и тот же сленг может быть популярен только в определённом городе или среди фанатов конкретного шоу. Например, из геймерского сленга пришло 破防 (pòfáng, «пробить защиту») – сейчас так говорят о любой сильной эмоции: «меня пробило». Фраза 我裂开了 (wǒ lièkāi le, «я треснул») появилась у одного стримера и стала лексемой для выражения отчаяния.

Таким образом, у башкирского сленга главные источники – двуязычие и городская/сельская среда. У китайского – уникальные свойства иероглифики, игра с числами, необходимость обходить цензуру и влияние соцсетей. В обоих случаях сленг отражает то, как люди адаптируют язык под свои нужды и современные реалии.

В башкирском языке в основном заимствования идут из двух языков: русского (через повседневное общение) и английского (через интернет, музыку, субкультуры). При этом его нужно «одеть» в башкирскую грамматику, иначе оно будет звучать чуждо. Из русского: *нормально – нормаль*, произношение слегка меняется под башкирскую фонетику (аканье, замена звуков); вообще – "вапще", так звучит в разговорной речи, особенно в сленге. Из английского: *cool – кул*, молодёжь говорит «кул» в значении «круто»; *OK – ок*, пишут и говорят так же, но в башкирском это считается сленгом, а не нормой.

Китайский заимствует в основном из английского, но делает это через иероглифы. Слово не просто «переписывается» звуками, а получает иероглифическую оболочку, которая может иметь свой собственный смысл. Например, Show – 秀 (xiù), этот иероглиф изначально означал «показывать», так что получилось и звуковое, и смысловое совпадение.

Люди любят сокращать длинные слова и фразы, так как это быстрее и удобнее для совершения общения. В китайском языке это особенно развито, потому что иероглифы сами по себе экономят место. В башкирском сокращения чаще приходят из русского интернет-сленга или образуются внутри молодёжных групп.

В башкирском языке сокращений не так много, в основном используются русские интернет-сокращения, которые вплетаются в башкирскую речь. Но есть и свои, например, мин (от мин –«я») в интернет-переписке иногда сокращают до одной буквы *м*; рәхмәт (спасибо) в чатах часто пишут *рх* ил *рхм*, ниндәй (какой) сокращается до *нд*.

Самый распространенный вид 缩词语, когда от длинной фразы берут первые иероглифы и получают новое слово. Например, 男朋友 (nánpéngyǒu – парень) – *npy*, иногда пишут латиницей как аббревиатуру; 笑死我了 (xiào sǐ wǒ le – «умереть со смеху») – *xswl*, популярное сокращение в социальных сетях; 妈妈 (māma – мама) в интернете могут заменить на *mm*, а 妹妹 (mèimei – младшая сестра) на *mm* – приходится различать по контексту.

Также при образовании сленга появляется такое явление, как игра слов. Игра слов – это когда язык использует свои особенности, чтобы создать свой смысл или шутку. В башкирском и китайском эти игры совсем разные, потому что у них разные «инструменты».

В башкирском языке главный инструмент игры – суффиксы и аффиксы. Добавив к слову один суффикс, можно сделать его ласковым, уменьшительным или «своим». Например, от слова ағай

(старший брат, дядя) можно образовать *ағайкай* (ласково); от бала (ребёнок) – *балакай* (малыш) – суффикс *-кай* придаёт ласковый оттенок.

В китайском главная игра – с омонимами. В языке очень много одинаково звучащих слогов и слов. Эту особенность используют для создания шифров, шуток и замены нежелательных слов: 1) Цифровые коды, о которых уже было сказано, это игра на омонимии. «1314» – как вся жизнь (yī shēng yī shì); 2) В интернете часто заменяют цензурные слова на омофоны. Например, вместо прямого названия используют иероглиф с похожим звучанием, но другим значением; 3) Также популярны каламбуры, когда один и тот же слог в разных тонах даёт разный смысл, и молодёжь намеренно путает тоны для создания комического эффекта.

Сленг покрывает те сферы жизни, которые важны для молодёжи: учёба и работа, отношения, эмоции, интернет и игры. Так, в башкирском языке стипендия – стипендия, но шутливо могут назвать *стипуха* или *акса* (деньги); парень (в значении молодой человек) – егет, но в сленге чаще *парень*, также популярно *бойфренд* (от английского), сокращённо *бой*; удивление – *әй, вау* (от англ. wow), *ого, нисек?* (как так?); победа/поражение – *вин* (win), *луз* (lose), *залил* (проиграл). В китайском языке учитель – официально 老师 (lǎoshī), но в сленге студентов может называться 老板 (lǎobǎn – «босс»); увольнение – в сленге 炒鱿鱼 (chǎo yóuyú – «жарить кальмара»), потому что свёрнутый кальмар напоминает увольнительный лист; работа – 工作 (gōngzuò), но уйти с работы раньше времени называют 摸鱼 (mōyú – «ловить рыбу»), то есть бездельничать; расставание – 分手 (fēnshǒu), в сленге 分 (fēn) – просто «разойтись»; радость – 哈哈哈 (hāhāhā), 嘻嘻 (xīxī), также цифра «233» (смех);
игра – 游戏 (yóuxì), в сленге 打游戏 (dǎ yóuxì – играть в игры).

Сленг чутко реагирует на устройство общества, на иерархию, запреты, способы выражать принадлежность. В башкирском и китайском языках эти культурные коды проявляются по-разному.

Китайская культура строится на строгой иерархии. Сленг не отменяет уважения к старшим и начальникам, но позволяет его обыгрывать – через цифры, эвфемизмы. Начальника в неформальном кругу могут назвать 老大 (старший брат) - снижает официальность, но сохраняет авторитет.

Шутки про родителей и начальников это способ снять напряжение. Вместо 爸 (папа) иногда пишут 粑粑 (звучит почти так же, но добавляет комизма). Вместо 领导 (начальник) - 领带 (галстук), снижая статус до символа. Выражение 老板画大饼 («начальник рисует большой блин») - намёк на пустые обещания.

Цензура заставляет изобретать эзопов язык: цифровые коды (например «64»), омофоны, описательные обороты. Такой сленг понятен только «своим» и становится маркером осведомлённости.

Китайский сленг отражает уважение к иерархии, но даёт возможность её иронизировать и мягко обходить запреты.

Башкирский сленг формируется в условиях постоянного контакта с русским языком. Он демонстрирует двуязычие и становится инструментом национальной идентичности.

Русские слова получают башкирские суффиксы, башкирские – русские окончания.

В условиях, когда башкирский язык – язык меньшинства, его сленговое использование становится сознательным актом. Подростки нарочно используют архаичные или диалектные слова: бабай (дед, старик), туған (родственник) в значении «друг» – так подчёркивают связь с корнями.

В интернете башкирские слова пишут латиницей (kuz вместо күҙ) или арабскими буквами, как дань традиции и способ выделиться среди русского и английского.

Таким образом, сленг в башкирском и китайском языках по-разному отражает культурные особенности, но выполняет общие функции: объединяет «своих» и помогает выражать то, что неудобно сказать прямо. В башкирском он рождается из двуязычия и становится маркером национальной идентичности. В китайском строится на игре с цифрами и омонимами, позволяя иронизировать над иерархией и обходить цензуру. Оба показывают, как язык гибко подстраивается под нужды носителей.

Литература:

1. Гильманова Л. Р. Функции молодежного сленга в китайском, русском и башкирском языках // КиберЛенинка. – 2024. – URL: «https://cyberleninka.ru/article/n/funktsii-molodezhnogo-slenga-v-kitayskom-russkom-i-bashkirskom-yazykah/viewer» (дата обращения: 28.03.2026).

2. Игнатенко А. В., Корягин А. В. Этнокультурные и прагматические особенности китайского сленга // Язык и текст. – 2025. – Том 12.

3. Косякова Я.С., Мазовка А. Особенности современного молодежного сленга. Молодой ученый, 2017.
4. Ма Вэньди, Кутяева У. С. Способы словообразования интернет-сленга в русском и китайском языке // Русский язык и лингвокультура в сопоставительном аспекте : материалы IX ежегодной международной научно-практической конференции для молодых ученых (Екатеринбург, 28–29 ноября 2024 г.). – Екатеринбург : Издательский дом «Ажур», 2025.
5. Филимонова А. Ф. Особенности использования сетевого языка в Китае // Преподавание иностранных языков в поликультурном мире: традиции, инновации, перспективы : сборник статей VI Международной научно-практической конференции, Минск, 22 марта 2024 г. – Минск : Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка, 2024. – С. 290–293. – URL: «https://elib.bspu.by» (дата обращения: 28.03.2026).

© Ибракова Э.Р., 2026

УДК 070

Иванова Д.О.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Габбасов Р.Н.,***
ст. преп. УУНиТ,
г. Уфа, Россия

РОЛЬ ФУД-ЖУРНАЛИСТИКИ КАК КУЛЬТУРНОГО КОДА В СОВРЕМЕННЫХ МЕДИА

Современное медиапространство характеризуется трансформацией форм и способов передачи информации, обусловленной развитием цифровых технологий. В этих условиях журналистика претерпевает значительные изменения, связанные с развитием мультимедийных форматов, усилением визуальной составляющей и ростом роли аудитории в создании контента. Одним из динамично развивающихся направлений является фуд-журналистика, которая выходит за рамки специализированной тематики и становится значимым элементом медиакультуры.

Актуальность исследования обусловлена тем, что фуд-журналистика выполняет не только информационную, но и культурно-коммуникативную функцию. Еда в медиапространстве выступает как «культурный код», через который транслируются ценности, нормы и модели поведения.

Цель исследования - определить роль фуд-журналистики как культурного кода в современных медиа.

Современная журналистика характеризуется такими признаками, как мультимедийность, интерактивность и персонализация контента. Развитие социальных медиа приводит к трансформации традиционных моделей коммуникации, в результате чего пользователи становятся активными участниками медиапроцесса [3: 25]. Это способствует размыванию границ между профессиональной и любительской журналистикой.

Фуд-журналистика формируется на стыке журналистики и гастрономической культуры. Изначально она была представлена кулинарными рубриками, однако в современных условиях значительно расширила свои функции и формы. Сегодня гастрономический контент включает не только рецепты, но и анализ культурных, социальных и экономических аспектов питания.

Значительное влияние на развитие фуд-журналистики оказали цифровые технологии. Появление видеоплатформ и социальных сетей способствовало формированию новых форматов, таких как фуд-блоги, гастрономические обзоры и кулинарные шоу. Эти форматы ориентированы на визуальное восприятие и эмоциональное вовлечение аудитории.

Особую роль играют фуд-блогеры, которые становятся посредниками в передаче культурных смыслов. Их деятельность основана на субъективной интерпретации гастрономических практик, что способствует формированию доверия со стороны аудитории.

Еда в медиапространстве может рассматриваться как культурный код - система символов, через которую передаётся культурный опыт. Семиотический подход позволяет рассматривать гастрономию как язык культуры, отражающий социальные и культурные различия.

Исследователи отмечают, что пища обладает символическим значением и участвует в формировании культурной идентичности. Так, Р. Барт рассматривал гастрономию как элемент мифологизированной системы знаков [1: 45], а К. Леви-Стросс интерпретировал кулинарию как

способ структурирования культурного опыта. В рамках семиотического подхода Ю. М. Лотман рассматривал культуру как систему знаков, в которой гастрономия занимает важное место.

В современных медиа гастрономический контент активно визуализируется. Изображение еды становится ключевым элементом коммуникации, формируя эстетические стандарты и влияя на восприятие аудитории. Визуальная репрезентация зачастую оказывается важнее вкусовых характеристик, поскольку именно она участвует в медиакоммуникации.

Фуд-журналистика также активно использует сторителлинг. Гастрономия включается в более широкий контекст - путешествия, личные истории и социальные сюжеты. Это позволяет рассматривать её как форму нарративной коммуникации.

Современные форматы фуд-журналистики отличаются разнообразием и гибридностью. Они сочетают элементы журналистики, развлечения и маркетинга, что свидетельствует о трансформации медиапрактик [2].

Фуд-журналистика в современных медиа выступает важным инструментом культурной коммуникации. Она выполняет функции трансляции и интерпретации культурных смыслов, формируя представления аудитории о гастрономии как элементе социальной и культурной идентичности.

Литература:

1. Барт Р. Мифологии / Р. Барт; пер. с фр. – М. : Академический проект, 2008. – 351 с.

2. Сенаторов А. А. Контент-маркетинг. – М.: Альпина Паблишер, 2016.

3. Вайрах Ю. В., Коваленко А. А. Интернет-журналистика: учеб. пособие. – Иркутск ИРНИТУ, 2021. – 98 с.

© Иванова Д.О. 2026

УДК 81’42

Изигадзе Е.Н.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Султанова З.А.***
канд. филол. наук,ст. преп. УУНиТ
г. Уфа, Россия

СИМВОЛИЧЕСКИЙ КОД И ЛЕКСИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РИТУАЛЬНОЙ ПИЩИ В ПРАЗДНИК ДУАНУЦЗЕ: ОТ ЦЗУНЦЗЫ ДО УТИНЫХ ЯИЦ

Праздник Дуаньуцзе (端午节, Duanwu Festival), известный на Западе как Праздник драконьих лодок, принадлежит к числу древнейших и наиболее значимых традиционных праздников Китая. В 2009 году он был включен ЮНЕСКО в Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества, став первым китайским праздником, удостоенным такого признания. За многовековую историю вокруг него сложился богатейший пласт обрядовой лексики, ядро которой составляют наименования ритуальных блюд и напитков.

Гастрономическая лексика Дуаньуцзе представляет собой уникальный материал для лингвокультурологического исследования, поскольку каждое лексическое наименование аккумулирует комплексы исторических, мифологических и символических смыслов. В фокусе данной статьи - анализ того, как в лексических единица, обозначающих ритуальную пищу, кодируется информация о происхождении праздника, системе верований и ценностных ориентациях китайской традиционной культур

Безусловным гастрономическим доминантом является цзунцзы (粽子, zongzi) - пирамидальные комки клейкого риса, завернутые в тростниковые или бамбуковые листья. Этимологически слово образовано от морфемы 粽 (zong) с диминутивным суффиксом 子 (zi), что указывает на “малый” предмет ритуального назначения.

Символически код цзунцзы двухслоен. Экзотерический (внешний) слой связан с наиболее распространенной версией происхождения праздника - коммеморацией поэта и государственного деятеля царства Чу Цюй Юаня (около 340–278 гг. до н. э.). Согласно преданию, после того как Цюй Юань, не вынеся падения своего царства утопился в реке Мило, местные жители бросали в воду комки риса, чтобы отвлечь рыб и водных драконов от тела поэта. В этом контексте цзунцзы выступает

как заместительная жертва: рис, предназначенный рыбам, должен был сохранить тело усопшего нетронутым.

Эзотерический (внутренний) слой имеет более архаичные корни. Исследователи связывают цзунцзы с доциньскими практиками подношения пищи духам предков и божествам. Выбор клейкого риса (糯米, nuomi) не случаен: его высокая «связность» символизирует сплоченность, целостность сообщества, а также «скрепляет» жертву, делая ее компактным, завершенным объектом.

Форма цзунцзы также семиотически нагружена. Треугольная или пирамидальная форма (四面体, simianti) соотносится с космологическими представлениями: четыре грани могут символизировать четыре стороны света или союз Неба и Земли. Обертка из листьев (бамбука, тростника или пандана) выполняет не только утилитарную функцию сохранения формы - в разных региональных традициях листья наделяются дополнительными смыслами. Так, в Наньянском традиции Сингапура используются листья пандана, придающие рису особый аромат и, как считается, отгоняющие злых духов.

Лексическая вариативность цзунцзы в диалектах и региональных традициях демонстрирует широкий спектр символических акцентов. Кантонский вариант kee chang (碱水粽, jianshuizohg) - цзунцзы без начинки, которые едят с сахаром, - символизирует «чистоту» и «простоту» дара.

Фуцзянские цзунцзы с добавлением темного соевого соуса и пяти специй (五香粉, wuxiang fen) репрезентируют идею «приправленности» жизни - смеси сладости, горечи и остроты. Наличие в начинке сооеного желтка утиного яйца в некоторых региональных вариантах кодируеться пожеланием “плодородия” и “золота”.

Важно отметить, что в современном дискурсе все чаще осмысляеться не столько как поминальное блюдо, сколько как маркер культурной идентичности. Как отмечает китайский фольклорист Чэнь Цюнин, «ценность праздника сегодня - дать современным городским жителям возможность воссоединиться с природой и вкусить традиционную пищу, которую вкушали.

Вторым по значимости гастрономическим блюдом праздника является сюнхуанцзю (雄黄酒, xionghuangjiu) - рисовое вино, настоенное на минерале реальгар (сульфид мышьяка). Лексема состоит из трех компонентов: 雄 (xiong) – «мужской, сильный, энергия ян»; 黄 (huang) – «желтый, центральный»; 酒 (jiu) – «вино, алкогольный напиток».

Символический код сюнхуанцзю кардинально отличен от цзунцзы. Если цзунцзы - гастроним коммеморации , то сюнхуанцзю - гастроним апотропеи (защиты от зла) и терапии. Праздник Дуаньуцзе приходится на пятый день пятого лунного месяца - время, когда, согласно традиционным китайским верованиям, «янская энергия достигает пика», а затем начинает убывать, создавая дисбаланс, благоприятный для болезней и злых духов. Пятый месяц считался «ядовитым» (毒月, du yue), а пятый день - самым опасным днем в году.

В этом контексте сюнхуанцзю выступает как фармакологический агент. Согласно легенде, старый врач вылил кувшин сюнхуанцзю в воды реки Мило, чтобы опоить всех водных тварей и не дать им съесть тело Цюй Юаня. Эта нарративная модель типична для китайской медицины: «яд против яда» - реальгар, будучи токсичным сам по себе, малых дозах считался эффективным противоядием от укусов змей, насекомых и «летних болезней».

Культурная семантика сюнхуанцзю также включает гендерный и социальный аспект. Слово «сюн» (мужское, янское) противопоставляется «цы» (женское, иньское). Употребление «янского вина» в момент «пика ян» рассматривалось как способ укрепления мужской жизненной силы и защиты от «инских» (женских, демонических) сущностей. Харрактерно, что в традиционных рекомендациях детям и женщинам предписовалось не пить вино, а лишь наносить его не кожу - как более мягкий вариант апотропейной практики.

В современной практике употребление сюнхуанцзю значительно сократилось из-за осознания токсичности реальгара. Однако лексема сохраняется в языке как культурный маркер, а сама практика все чаще замещается простым рисовым вином или символическим обмазыванием иероглифа «王» («ван» - царь) на лбу ребенка.

Помимо центральных гастронимов, в лексике Дуаньуцзе входит обширная периферийная лексика, отражающая региональные и локальные традиции.

Особого внимания заслуживает феномен «пяти желтых» (五黄, wuhuang)-традиции, распространенной в регионах к югу от Янцзы. В день праздника предписывалось употреблять в пищу пять продуктов, содержащих в названии иероглиф «黄» (haung) - желтый.

黄鱼(huangyu) - желтая рыба

黄瓜 (huanggua) - огурец
蛋黄 (danhuang) - яичный желток
黄豆 (huangdou) - соевые бобы
雄黄酒 (xionghuangjiu) - реальгаровое вино

Выбор именно «желтого» цвета не случаен. В китайской космологии желтый (**黄**, huang) - цвет Центра, соотносится со стихией Земли, императором и, что важно в контексте праздника, со способностью «нейтрализовать» яды (земля «поглощает» токсины). Употребление пяти «желтых» блюд представляет собой гомеопатическую магию: поедание продуктов «желтого» цвета должно было усилить защитные свойства организма в самый опасный день года.

Отдельного рассмотрения заслуживает лексема «яйца» (鸡蛋/鸭蛋, jidan/yadan) в контексте Дуаньуцзе. В фольклерных источниках зафиксирована практика, особенно распространенная в провинции Цзянсу: дети носили на шее вареные яйца в специальных сеточках из цветных нитей. Данная традиция имеет многослойную семантику.

Апотропейная функция: сетка из цветных нитей (пять цветов соответствуют пяти элементам) служила оберегом, “запутывающим” злых духов.

Солярная символика: яйцо универсальный символ зарождение жизни, солнца и возрождения.

Экономический маркер: в 1960-1970-е годы, когда яйца были дефицитным продуктом, сам факт их поедания в прозднике становился маркером “особого дня”.

Интересно, что в традиции описания праздника нередко встречается отсылка к утиным яйцам (鸭蛋, yadan), а не куриным. Выбор утиных яиц связан с их способностью к длительному хранению и солений - соленые утиные яйца (**咸**鸭蛋, xianyadan) и сегодня остабться популярным праздничным продуктом.

Анализ гастрономической лексики Дуаньуцзе выявляет проблему без эквивалентности при переводе на русский язык. Наиболее показателен пример с цзунцзы. В русскоязычном дискурсе зафиксированны следующие варианты передачи этой реалии:

1. Транслитерация: “цзунцзы” (требует комментария, но сохраняет аутентичность);

2. Дескриптивный перевод: “пирамидки из клейкого риса в бамбуковых листьях” (обеспечивает понимание, но нивелирует символику);

3. Функциональная аналогия: “китайские голубцы” (искажает культурный код).

Показательна рефлексия носителей китайской культуры в русскоязычном окружении. Одна китаянка, выросшая в Латвии, признается: “Мама готовила цзунцзы, но для одноклассников я называла их просто “рис в листьях”. Никто не понимал, почему это праздник”. Это свидетельствует, что при утрате культурного контекста гастроним утрачивает ритуальную нагрузку, превращаясь в название рядового блюда.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что гастрономическая лексика праздника Дуаньуцзе представляет собой сложную семантическую систему, в которой закодированы ключевые концепты традиционной китайской культуры: коммеморация (память о предках и героях), апотропея (защита от злых сил), терапия (поддержание здоровья в опасный период), солярная символика и гомеопатическая магия.

Цзунцзы выступает как гастроним коммеморации и жертвенности, его лексическая структура и региональные варианты отражают диалектику единства и разнообразия китайской культуры. Сюнхуанцзю репрезентует концепт “борьбы ядом с ядом” и соотноситься с архичными представлениями о пятом месяце как периоде “максимальной опасности”. Периферийная лексика (“пять желтых продуктов”, яйца) демонстрирует, как космологические принципы материализуются в гастрономических практиках.

Для межкультурной коммуникации проблема перевода данной лексики остается открытой: транслитерация сохраняет аутентичность, но требует комментария; дескриптивные переводы обеспечивают понимание ценой утраты культурной специфики. Перспективным направлением дальнейших исследований может стать сопоставительный анализ гастрономической лексики Дуаньуцзе и аналогичных явлений в других культурах (например сравнение цзунцзы с русскими куличами или поминальной кутьей), а также изучение трансформаций этой лексики в среде китайской диаспоры

Литература:

1. Гневцова А.Ф. et al. Wiktionary. zongzi [Электронный ресурс]. URL: https://zh.wiktionary.org .https://zh.wiktionary.org/zh-hant/zongzi

2. China.org.cn. Chinese character 'kang' & Duanwu Festival [Электронный ресурс]. URL: https://www.chinesethought.cn.https://www.chinesethought.cn/en/detail.aspx?nid=112&pid=121&id=9785

3. SingapoREN. About Duanwu [Электронный ресурс]. URL: https://singaporen.sg https://singaporen.sg/festivals/duanwu/about

4. Ecns.cn. Origin and customs about Duanwu Festival [Электронный ресурс]. URL: http://www.ecns.cn.http://www.ecns.cn/news/cns-wire/2022-06-03/detail-ihayxink4236933.shtml

5. China Daily. Traditional ties that bind [Электронный ресурс]. URL: http://global.chinadaily.com.cn.http://global.chinadaily.com.cn/usa/china/2012-06/23/content_15518841.htm

6. Chinese Social Sciences Net. Duanwu Festival: five-color threads, dispelling evil [Электронный ресурс]. URL: http://english.cssn.cn.http://english.cssn.cn/skwculture/201312/t201312035653606.shtml

7. USC Digital Folklore Archives. Eggs on Dragon Boat Festival [Электронный ресурс]. URL: http://folklore.usc.edu .http://folklore.usc.edu/tag/chinese-customs/page/2/

8. CGTN. Understanding China's holidays: Dragon Boat Festival [Электронный ресурс]. URL: https://news.cgtn.com .https://news.cgtn.com/news/2022-06-03/Understanding-China-s-holidays-Dragon-Boat-Festival-1azf7v91O5q/index.html

9. Xi'an Jiaotong-Liverpool University. Explainer: Everything you need to know about Dragon Boat Festival [Электронный ресурс]. URL: https://www.xjtlu.edu.cn .

© Изигадзе Е.Н., 2026

УДК 373.5.016:821.512.145

Иргалиева Л.И.,
студент КФУ
Научный руководитель – ***Каюмова Г.Ф.,***
канд. филол. наук, доцент КФУ
г. Казань, Россия

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ НАРОДНОГО ИСКУССТВА В УЧЕБНИКЕ ТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ 5-ГО КЛАССА

Татар әдәбияты дәресләрендә халыкның материаль һәм рухи кыйммәтләре белән таныштыруы аша буыннан буынга тапшырыла торган тарихи, мәдәни, әхлакый һәм эстетик тәжрибәне үзләштерү эше алып барыла. “Шул рәвешле, туган тел әдәбиятын өйрәнү кысаларында укучыларда туган тел әдәбиятын милли мәдәният өлеше буларак аңлау белән бәйле культурологик компетенция формалаша” дип белдерә галимнәр [Абдуллина, Мөхәрләмова, 2024: 455]. Моңа бәйле рәвештә, “Туган телдәге әдәбият” фәне этномәдәни юнәлешкә ия фән булып санала. Этномәдәни материалга ия укыту чараларының берсе булып мәктәп дәреслекләре тора. Туган тел һәм әдәбиятларны укыту системасындагы үзгәрешләргә бәйле рәвештә, бүгенгесе көндә Татарстан Республикасында яңа укыту-методик комплекслары булдыру өстендә эш алып барыла. Шул исәптән, Д.М. Абдуллина һәм Н.Г. Мөхәрләмова авторлыгында туган (татар) телендә сөйләшүче укучылар өчен укыту-методик комплекслары булдырылды. Алар яңартылган Федераль дәүләт белем бирү стандартларына ярашлы рәвештә төзелгән. Шуны исәпкә алып, бишенче – сигезенче сыйныф әдәбият дәреслекләрендә халык ижаты әсәрләрен өйрәнү үзенчәлекләрен без шушы дәреслекләр нигезендә тикшерәбез.

Күзәтүләребез күрсәткәнчә, бишенче сыйныфта “Татар халык авыз ижаты” бүлеген өйрәнү әкиятләр белән танышудан башлана. Дәреслек авторлары укучыларны әкиятләрнең һәр төре белән дә таныштыруны максат итә, атап әйткәндә, укучылар игътибарына хайваннар турындагы әкият – “Хәйләкәр Төлке”, тормыш-көнкүреш әкияте – “Өч кыз” һәм тылсымлы әкият – “Ак бүре” тәкъдим ителгән. Материалның бу рәвешле сайланышы укучыларга әкиятләр классификациясе үзенчәлеге турындагы теоретик белемнәрен ныгытырга ярдәм итә. Әкият тексты белән танышканнан соң

укучыларга сорауларга җавап бирергә һәм әсәр буенча биремнәр башкарырга тәкъдим ителә, шулай ук, әсәр кысаларында аңлашылмаган сүзләр буенча сүзлек бирелә, аларның мәгънәләре аңлатыла һәм рус теленә тәрҗемәләре урын ала.

Әсәр буенча сорау-биремнәрнең шактый зур өлеше әкият текстына анализ ясауга карый. Мәсәлән, “Хәйләкәр Төлке” әкияте буенча бирелгән сораулар:

- “Әкияттә нинди вакыйга кабатлана? Мондый кабатлау ни өчен кирәк?” [Абдуллина, Мөхәрләмова, 2024: 25].

- ““Хәйләкәр Төлке” әкиятенең хайваннар турындагы әкиятләргә каравын дәлилләп бир” [Абдуллина, Мөхәрләмова, 2024: 25].

Укучыларның әлеге әкиятнең төп геройлары хайваннар булу, аны хайваннар турындагы әкиятләргә кертергә мөмкинлек бирә, дип фикер йөртүләре көтелә.

Әкиятләр белән эш алып бару өчен тәкъдим ителгән биремнәрнең кайберләренә мәдәниятләр диалогы концепциясе салынган. Мондый диалог, үз чиратында, укучыларга әкиятләрне чагыштырма-каршы куеп өйрәнү мөмкинлеге бирә. Мисал өчен, “Хәйләкәр Төлке” әкияте буенча биремнәрнең берсе болай яңгырый:

- “Син бу әкияткә охшаган рус әкиятләрен беләсеңме? Алар кайсы яклары белән охшаш?” [Абдуллина, Мөхәрләмова, 2024: 25].

Уйлавыбызча, мондый биремнәрнең тәкъдим ителеше уңышлы. Бит төрле мәдәниятләр текстларын чагыштыру төрле халыкларның фольклор әсәрләренең тематикасы һәм мотивлары охшашлыгын билгеләргә ярдәм итә, әсәр табигатен тирәнтен аңлау һәм аңлату мөмкинлеге бирә, шулай ук, укучыларда әдәби бәйләнешләр һәм ассоциацияләр культурасы формалаштыра. Мондый “этномәдәниятләр диалогы” һәр милли мәдәниятнең эчтәлеген һәм аларның һәркайсы өчен характерлы “милли дөнья картиналарын” күрергә ярдәм итә.

Шушы ук әкияткә бәйле рәвештә тәкъдим ителгән биремнәрнең берсе биология фәне белән предметара бәйләнеш тудырып, укучыларның шушы фәнгә кагылышлы белемнәрен актуальләштерүне таләп итә:

- “Әкияттә телгә алынган хайваннарның кайсылары йорт хайваннары, кайсылары кыргый хайваннар икәнлеген билгелә. Дәфтәреңә язып куй” [Абдуллина, Мөхәрләмова, 2024: 25].

Шулай ук, дәреслек авторлары укучыларның шәхси фикерләре белән кызыксынуны максат иткән сораулар да куя:

- “Әкият сиңа ошадымы? Ни өчен?” [Абдуллина, Мөхәрләмова, 2024: 25].

- “Әкияттә Төлке образы аша кешеләргә хас нинди сыйфатлар күрсәтелә? Бу сыйфатларга синең мөнәсәбәтең нинди?” [Абдуллина, Мөхәрләмова, 2024: 25].

- “Ничек уйлыйсың, беркатлылык уңай сыйфатмы? Ул тормышта кешегә комачау итә аламы? Ни өчен? Беркатлы дип кайсы геройга әйтеп була? Фикереңне дәлиллә” [Абдуллина, Мөхәрләмова, 2024: 25].

Азаккы бирем итеп укучылар күмәк башкарырга тиешле бирем тәкъдим ителә:

- “Әкиятне укыгач, нинди нәтиҗә ясарга мөмкин? Сыйныфта фикерләшеп, уртак нәтиҗә чыгарыгыз” [Абдуллина, Мөхәрләмова, 2024: 26].

Легендалар һәм риваятьләр дә дәреслеккә югарыда телгә алынган принцип буенча кертелгән. Биредә, шулай ук, әсәр тексты, аның буенча сүзлек эше, сорау-биремнәр каралган. Атап әйткәндә, укучылар игътибарына ике легенда һәм ике риваять тәкъдим ителә: “Зөһрә кыз”, “Күке ничек барлыкка килгән?” легендалары һәм “Шәһәр ни өчен Казан дип аталган?”, “Тургай моңы” риваятьләре. Әкиятләр төсле үк, әлеге әсәрләр белән эш алып барганда да, предметара бәйләнеш өчен юл ачыла, чөнки, әйтик, “Күке ничек барлыкка килгән?” легендасы буенча дәреслек авторлары тәкъдим иткән беренче сорау ук, укучының биология фәненнән белемнәрен яңартуны таләп итә:

- “Син күке турында нәрсәләр беләсең? Ни өчен легендада нәкъ күке образы кулланылды икән?” [Абдуллина, Мөхәрләмова, 2024: 61].

Шулай ук, чагыштыру алымына караган бирем-сораулар да бар:

- “Риваять легендадан ничек аерыла? “Зөһрә кыз” легендасының һәм “Шәһәр ни өчен Казан дип аталган?” риваятендәге вакыйгаларның чынбарлыкка якынлыгын чагыштырып кара” [Абдуллина, Мөхәрләмова, 2024: 64].

Милли-мәдәни мирасның әһәмиятле өлешен халык мәкальләре һәм әйтемнәр тәшкил итә. Күп кенә мәкальләрнең асылы бер үк булып, ул төрле сүзләр белән белдерелергә мөмкин, чөнки мәкальләр нигезендә төрле ассоциацияләр ята. Әмма шуны онытырга ярамый: һәр халыкның үсеш тарихы индивидуаль, шуңа күрә, башка халыклар мәкальләре белән тәңгәллекләр табу кыен булган мәкаль-әйтемнәр күп санда. Бу фикер әдәбият дәреслегендә “Мәкальләр һәм әйтемнәр” темасын

тәкъдим итүдә дә исәпкә алынган. Биредә татар халык мәкальләре һәм әйтемнәре белән беррәттән укучылар игътибарына әзербәйҗан (Мәкаль белән бәхәскә кереп булмый), бурят (Яңгыр туктый – кунак китә), рус (Эш беткәч уйнарга ярый), казакъ (Сүз кыска булганда яхшы), төрек (Корыган агачның җимеше дә булмый), дагстан (Яхшы атны тайдан, яхшы кешене баласыннан белеп була), удмурт (Эшләгәндә, кояшны үзең уят) мәкальләре тәкъдим ителә [Абдуллина, Мөхәрләмова, 2024: 69], аларда әлеге халыкларның дөньяны күрү һәм аңлау үзенчәлеге чагылыш таба, шул рәвешле укучыларда ассоциацияләр культурасы формалашуга юл ачыла.

Татар халык мәкальләре һәм әйтемнәре белән эш алып бару кысаларында тәкъдим ителгән биремнәр арасында мондыйлар бар:

- “Мәкальләр һәм әйтемнәр белән танышып чык. Аларның мәгънәләренә төшендер. Аңлашылмаган мәкальләр булса, өлкәннәрдән сора” [Абдуллина, Мөхәрләмова, 2024: 71].

Укучылар татар дөнья картинасында белем, акыл, туган тел, туган ил кебек төшенчәләр мактала, зурлана дигән нәтиҗәгә килерләр, халык зирәклеген йөрәкләре һәм акыллары белән кабул итәрләр, дип көтелә.

Биремнәр предметара бәйләнеш тудыруны да күздә тота:

- “Дүрт татарча мәкальне рус теленә, булдыра алсаң, үзең белгән башка телгә тәрҗемә ит. Дәфтәреңә язып куй” [Абдуллина, Мөхәрләмова, 2024: 71].

Аңлашылганча, бу очракта рус теле белән предметара бәйләнеш урнаштырыла. Мәктәпләрдә инглиз теле укытылуны да исәпкә алсак, укучылар мәкальләрне инглиз теленә дә тәрҗемә итә алырга мөмкин. Биредә инде инглиз теле белән предметара бәйләнеш булдырыла.

Биремнәрдә инновацион технологияләр элементлары да кулланылган. Шундыйлардан түбәндәге биремне теркәп үтә алабыз:

- “Мәкаль һәм әйтемнәр кулланып, кечкенә хикәя яки диалог төзе. Файдалану өчен мәкаль һәм әйтемнәрне күрсәтелгән QR-код аша яки мәкальләр җыентыкларыннан алырга мөмкин” [Абдуллина, Мөхәрләмова, 2024: 71].

Бирем янында QR(куар)-код бирелә, укучы мобиль телефон камерасын шушы QR-кодка юнәлткәннән соң сылтама аша мәкаль-әйтемнәр исемлеге ачыла.

Табышмакларны өйрәнү кысаларында укучыларга иҗади биремнәр, уен технологиясенә нигезләнгән биремнәр тәкъдим ителә:

- “Үзең табышмак иҗат итеп кара. Сыйныфташларың белән табышмак әйтешү уены оештырыгыз” [Абдуллина, Мөхәрләмова, 2024: 76].

Халык иҗаты кысаларында этномәдәни материал мулдан тәкъдим ителә. Әйтик, укучыларга теге яки бу вакыйга, мәдәни объект, күренеш яки төшенчә турында аңлатмалар, шул исәптән, тарихи белешмәлек бирелә. Мисал өчен, өмә турындагы текст [Абдуллина, Мөхәрләмова, 2024: 17], сәке сүзенә аңлатма [Абдуллина, Мөхәрләмова, 2024: 25], киндер сугу турында мәгълүмат бирү [Абдуллина, Мөхәрләмова, 2024: 29] һ.б.лар шундыйлардан. Бу, үз чиратында, укучыларның танып белү даирәсен, шул исәптән, татар халкының мәдәнияте, тарихы турындагы белемнәрне киңәйтүгә ярдәм итә. Алай гына да түгел, биредә милли мәдәниятнең халык тарихы белән генә түгел, ә тулаем ил тарихы белән бәйләнеше сизелә.

Шулай ук, халык иҗаты әсәрләре текстлары күренекле фольклорчылар – татар халык авыз иҗатын җыючылар турында мәгълүмат бирү белән үрелеп бара. Шулар рәтендә укучыларга Ленар Җамалетдинов, Фатих Урманче, Хуҗиәхмәт Мәхмүтов турында мәгълүмат тәкъдим ителә.

Литература:

1. Абдуллина Д.М., Мөхәрләмова Г.Н. Туган телдәге әдәбият. 5 сыйныф. Төп гомуми белем бирү оешмалары өчен дәреслек (туган (татар) телендә сөйләшүче укучылар) өчен. – Казан: ИЯЛИ, 2024. – 175 б.
2. Абдуллина Д.М., Мөхәрләмова Г.Н. Туган телдәге әдәбият. 5 нче сыйныф. Методик әсбап. Төп (гомуми) белем бирү оешмаларында (туган (татар) телендә сөйләшүче укучылар белән) эшләүче укытучылар өчен. – Казан: ТӘҺСИ нәшр., 2024. – 126 б.

© Иргалиева Л.И., 2026

УДК 811.512.141

Ирмәкова Л.Ф.,
Өфө фән һәм технологиялар университеты студенты,
Ғилми етәксеһе: ***Хөснөтдинова Р.Я.,***
филол. фәнд. канд., доцент
Өфө ҡалаһы, Рәсәй

Ғ.Ғ. СӘЙЕТБАТТАЛОВ МЕНӘН Д.С. ТИКЕЕВТЫҢ ХЕҘМӘТТӘРЕНДӘ ХӘЛДӘРҘЕ ТӨРКӨМЛӘҮ МӘСЬӘЛӘҺЕ

Проф. Ғ.Ғ.Сәйетбатталовтың ғилми тикшеренеүҙәренең төп йүнәлеше – башҡорт теленең синтаксисы менән стилистикаһы. Ғалим башҡорт теленең ябай һәм ҡушма һөйләм синтаксисын ентекләп өйрәнә [2]. Проф. Д.С.Тикевтың хеҙмәттәре лә башҡорт теленең синтаксисы менән бәйле.

Башҡорт тел ғилемендә ябай һөйләм синтаксисын өйрәнеүҙә хәл киҫәктәрен өйрәнеү айырым урын алып тора, сөнки хәл киҫәктәрен төркөмләүҙә, уларҙың сиктәрен билдәләүҙә айырмалар бар. Һөйләмдең эйәрсән киҫәктәренең береһе булараҡ, хәлдәр һөйләмдең мәғәнәүи йөкмәткеһен киңәйтеп, хәбәрлек үҙәген тулыландырып, эш-хәрәкәттең төрлө яҡлы билдәләрен асып бирә.

Хәлдәрҙе системалы тикшереүҙә ғалимдар Ғ.Ғ. Сәйетбатталов менән Д.С. Тикеевтың хеҙмәттәре фундаменталь әһәмиәткә эйә. Ике ғалимдың да фәнни ҡараштарында уртаҡлыҡтар күп булһа ла, алда әйтелгән принципиаль айырмалар ҙа бар. Ике тәғлимәтте сағыштырыу хәҙерге синтаксис фәненең үҫеш тенденцияларын аңларға ярҙам итә.

Хәлдең синтаксик тәбиғәтен аңлатыуҙа ғалимдарҙың ҡараштарында баштан уҡ үҙенсәлек күренә. Проф. Ғ.Ғ. Сәйетбатталов, хәлде уны башлыса ҡылымға бәйләнгән, эш-хәрәкәттең ҡасан, ҡайҙа, ни сәбәпле, ниндәй маҡсат менән, ни рәүешле, ниндәй дәрәжәлә башҡарылыуын белдергән эйәрсән киҫәк тип билдәләй [3: 120]. Уның өсөн төп бәйләнеш – «хәл + ҡылым». Проф. Д.С. Тикеев иһә хәлдең синтаксик мөмкинлектәрен киңерәк күрә. Ул хәлдең ҡылымды ғына түгел, ә исем, сифат, рәүеш һәм хатта модаль һүҙҙәрҙе лә асыҡлай алыуын миҫалдар менән иҫбатлай [4: 78-81].

Мәҫәлән: *Башында ҡолаҡлы бүрек* һөйләмендә *башында* урын хәле *бүрек* исеменә, ә *Ауылда газета-журнал алдырмаған бер генә ғаилә лә юҡ* һөйләмендә *ауылда* хәле *юҡ* модаль һүҙенә ҡарай. Был йәһәттән Д.С. Тикеевтың ҡарашы хәлдең функциональ ҡоласын тулыраҡ аса.

Төп теоретик айырмалыҡ хәлдәрҙе семантик төркөмдәргә бүлеүҙә, аныҡыраҡ әйткәндә, сағыштырыу хәле категорияһында сағыла. Ғ.Ғ. Сәйетбатталов хәл киҫәгенең туғыҙ төрө булыуын билдәләй, улар араһында сағыштырыу хәле айырым урын биләй. Ғалимдың фекеренсә, бер предметтың икенсеһе менән сағыштырылыуын белдергән, *кемдәй?, нимәләй?, кем кеүек?* һорауҙарына яуап биргән киҫәктәр ошо төркөмгә ҡарай. Ул сағыштырыу хәленең синтетик төрөнә *-дай/-дәй* ялғаулы исемдәрҙе (*...йоҡоһонан уянған бәһлеүәндәй...*), хәл ҡылымдың өсөнсө формаһын (*Мең тапҡыр ишеткәнсе, бер тапҡыр күреү яҡшы*) һәм шарт һөйкәлеше формаларын (*Кешелек, ҡояшҡа нисек ололап ҡараһа, икмәккә лә шулай ҡараған*) индерә [3: 147]. Был ҡараш семантик нескәлектә өҫтөн ҡуйып, сағыштырыуҙы үҙ аллы синтаксик категория итеп таный.

Д.С. Тикеев иһә үҙенең хеҙмәтендә хәлдәрҙе һигеҙ төргә бүлә, унда сағыштырыу хәле айырым категория булараҡ бирелмәй [4: 78-81]. Был ҡараш хәҙерге академик грамматикала ла бар [1: 153-156].

Д.С. Тикеев сағыштырыу мәғәнәһен рәүеш хәленең эске бер биҙәге тип иҫәпләй. Уның билдәләүенсә, рәүеш хәле эш-хәрәкәттең рәүешен, торошон ғына түгел, оҡшатыу һәм сағыштырыу мәғәнәләрен дә үҙ эсенә ала. Шулай итеп, Ғ.Ғ. Сәйетбатталов сағыштырыуҙы айырым категория итеп бүлһә, Д.С. Тикеев уны рәүеш хәле составына индерә, был иһә классификацияны структур яҡтан йыйнағыраҡ итә.

Ваҡыт хәлен аңлатыуҙа ла ғалимдарҙың ҡараштары үҙенсәлекле. Ғ.Ғ. Сәйетбатталов ваҡыт хәленең «универсаль философик категория» булыуын, һөйләмдәге урынына ҡарап, мәғәнәһенең үҙгәреүен билдәләй. Уныңса, ваҡыт хәле, ғәҙәттә, һөйләм башында килһә лә, уға логик баҫым төшкәндә, хәбәр алдына күсә: *Ике көндән һуң «Көрәш» колхозында бик шаулы дөйөм йыйылыш үтте* [3: 121-125]. Д.С. Тикеев иһә ваҡыт хәлдәренең семантик төркөмсәләренә һәм белдерелеү сараларына нығыраҡ иғтибар бирә: улар ваҡыттың башланыуын, тамамланыуын, дауам итеүен белдерә ала [4: 79]. Мәҫәлән: *Иртә таңдан ҡара төнгә тиклем балталар туҡылданы*. Ғалим ваҡыт хәлдәренең рәүештәр, исемдәр, алмаштар, хәл ҡылымдар менән бирелеүен күп миҫалдар аша күрһәтә: *Ҡайтҡас, Сәмиғулла туп-тура старостаға барҙы*.

Башҡа хәл төрҙәрен (урын, сәбәп, маҡсат, шарт, кире, күләм-дәрәжә) билдәләүҙә ике ғалимдың да ҡараштары, нигеҙҙә, тап килә. Д.С. Тикеев был хәлдәрҙең һәр береһен формаль күрһәткестәре һәм мәғәнәүи үҙенсәлектәре буйынса ентекле тасуирлай. Мәҫәлән, маҡсат хәле *Әште яҡшылыҡ, татыулыҡ менән бөтөрәйек тип килдек* һөйләмендә *тип* бәйләүесе аша, ә сәбәп хәле *Ҡыуаныстан күҙҙән йәш килә* һөйләмендә сығанаҡ килеш формаһы аша белдерелә [4: 80]. Ғ.Ғ. Сәйетбатталов та был төрҙәрҙе таный, әммә уның анализында һәр ваҡыт ҡылымға бәйләнеш көсө һәм һөйләмдәге синтаксик урын алғы планға сығарыла.

Урын хәленә ҡарата ла ғалимдарҙың ҡараштарында оҡшашлыҡтар һәм айырмалыҡтар бар. Д.С. Тикеев урын хәлен эш-хәрәкәттең башҡарылыу урынын, йүнәлешен, сығыш һәм тамамланыу нөктәһен белдергән киҫәк тип билдәләй һәм уның белдерелеү сараларын (рәүештәр, урын-ваҡыт килештәге исемдәр, бәйләүесле конструкциялар) тасуирлай [4: 79]. Мәҫәлән, *Алыҫтан тупырсыҡ һымаҡ тәгәрләшеп... малайҙар күренде* йәки *Ҡапҡанан соланға тиклем таҡтанан юл түшәлгән* кеүек миҫалдар хәрәкәттең төрлө йүнәлешен күрһәтә.

Ғ.Ғ. Сәйетбатталов урын хәленең һөйләмдәге синтаксик роленә, уның хәбәргә бәйләнеү дәрәжәһенә нығыраҡ иғтибар итә. Урын хәленең хәрәкәт ҡылымдарына тығыҙ бәйле булыуы, һөйләмдәге урынына ҡарап, мәғәнәһенең үҙгәреү мөмкинлеге баҫым яһап күрһәтелә. Шулай итеп, әгәр Д.С. Тикеевтың анализында морфологик саралар һәм семантик төркөмсәләр өҫтөнлөк итһә, Ғ.Ғ. Сәйетбатталовтың ҡарашында синтаксик бәйләнеш һәм структура төп урынды биләй.

Сәбәп һәм маҡсат хәлдәрен төркөмләүҙә лә үҙенсәлектәр асыҡлана. Д.С. Тикеев был ике төр хәлдең дә белдерелеү сараларын ентекле тасуирлай, уларҙың формаль күрһәткестәрен теүәл билдәләй. Мәҫәлән, сәбәп хәле сығанаҡ, төбәү килештәге исемдәр, *арҡаһында* бәйләүесе аша бирелһә (*Һинең ошаҡ арҡаһында күпме кеше... һәләк булғанды оноттоңмо?*), маҡсат хәле йыш ҡына *тип, өсөн* бәйләүестәре йәки уртаҡ ҡылым формалары менән яһала (*Тойғоларға тулы хоҡуҡ биреп, / Төн ҡарарға сыҡтым ҡалаға*) [4: 80]. Ғ.Ғ. Сәйетбатталов был категорияларға теоретик-фәлсәфәүи яҡтан килә. Уның хеҙмәттәрендә сәбәп мөнәсәбәтенең универсаль категория булыуы, ә маҡсат мөнәсәбәтенең ундай статусҡа эйә булмауы тураһындағы фекер үткәрелә. Тимәк, Д.С. Тикеевтың ҡарашы формаль-грамматик анализға нигеҙләнгән булһа, Ғ.Ғ. Сәйетбатталовтың тәғлимәте структура грамматикаһына һәм синтаксик мөнәсәбәттәрҙең логик нигеҙҙәренә таяна.

Күләм-дәрәжә хәленә ҡарата ике ғалимдың да ҡараштарында уртаҡлыҡтар күҙәтелһә лә, анализлау ысулдарында айырымлыҡтар бар. Д.С. Тикеев был хәлдең семантик ҡоласын киң итеп билдәләй: ул эш-хәрәкәттең иҫәбен, дәрәжәһен генә түгел, ауырлығын, хаҡын, аралыҡтағы һәм ваҡыт эсендәге күләмен дә үҙ эсенә ала [4: 81]. Уның хеҙмәтендә төп баҫым белдерелеү сараларының күп төрлөлөгөнә яһала: күләм-дәрәжә рәүештәре (*Күп йөрөнөм, күп күрҙем...*), һандар (*Илгә барған ике ҡунған*), *буйы, саҡлы* кеүек ярҙамсы һүҙҙәр менән килгән конструкциялар ентекле тасуирлана.

Акад. Ғ.Ғ. Сәйетбатталов хеҙмәттәрендә күләм-дәрәжә хәлен таныу менән бергә, уның синтаксик функцияһына һәм структураһына нығыраҡ иғтибарын йүнәлтә. Уның өсөн күләм-дәрәжә хәле – иң элек ҡылымдан аңлашылған эш-хәрәкәттең интенсивлығын йәки күләмен билдәләгән синтаксик берәмек. Ғалимдың анализында был хәлдең дә синтетик, аналитик һәм аналитик-синтетик төрҙәргә бүленеүе мөһим урын биләй [3: 143]. Ике ҡараш бер-береһен тулыландыра: Д.С. Тикеевтың хеҙмәте морфологик-семантик принципҡа яҡын булһа, Ғ.Ғ. Сәйетбатталовтың анализы синтаксик мөнәсәбәттәрҙең төҙөлөшөн асыуға йүнәлтелгән.

Йомғаҡлап әйткәндә, Ғ.Ғ. Сәйетбатталов менән Д.С. Тикеевтың хеҙмәттәрендә хәл киҫәктәрен өйрәнеүҙә уртаҡ нигеҙ – уларҙың семантик төрҙәрен һәм грамматик формаларын системаға һалыу – һаҡлана. Төп айырма ике йүнәлештә күренә: беренсенән, Д.С. Тикеев хәлдең синтаксик мөмкинлектәрен киңерәк ҡарай; икенсенән, Ғ.Ғ. Сәйетбатталов сағыштырыу хәлен айырым категория итеп бүлә, ә Д.С. Тикеев уны рәүеш хәле составына индерә. Был фекер айырмалыҡтары башҡорт синтаксисының ҡатмарлы һәм күп ҡырлы булыуын, уны өйрәнеүҙә төрлө методологик ҡараштарҙың йәшәү мөмкинлеген раҫлай.

Әҙәбиәт:

1. Башҡорт теле грамматикаһы: 3 томда. Т. III: Синтаксис. – Өфө: Китап, 2018. – 472 бит.

2. Иҫәнғолова Г.А., Хөснөтдинова Р.Я. Ғәли Ғәли улы Сәйетбатталов – ғалим һәм педагог (тыуыуына 95 йыл тулыуға ҡарата). В сборнике: Хәҙерге төрки филологияһының көнүҙәк мәсьәләләре. Күренекле башҡорт ғалимдары Ғ.Ғ. Сәйетбатталов һәм Н.Х. Ишбулатовтың тыуыуына 95 йыл тулыуға арналған II халыҡ-ара фәнни-ғәмәли конференцияның материалдар йыйынтығы. – Уфа, 2023. – С. 6-11.

3. Сәйетбатталов Ғ.Ғ. Башҡорт теле. I том. Ябай һөйләм синтаксисы. – Өфө: Китап, 2001. – 352 бит.
4. Тикеев Д.С. Хәҙерге башҡорт теле. Ябай һөйләм синтаксисы. – Өфө: Ғилем, 2002. – 178 бит.

© Ирмәкова Л.Ф., 2026

УДК 811.531

Истякова С.Г.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Байбулова М.Н***
ассистент УУНиТ,
г.Уфа, Россия

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОЗДАНИЯ ХАНГЫЛЬ: ФОНЕТИЧЕСКАЯ И ГРАФИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА КОРЕЙСКОГО АЛФАВИТА

«Корейская письменность – хангыль – уникальная письменность, созданная по приказу государя Сечжона Великого в XV веке» [1: 5]. Алфавит был разработан целенаправленно и на основе научных принципов. Это обусловливает его особую ценность для лингвистических исследований, поскольку хангыль можно рассматривать как редкий пример искусственно сконструированной графической системы, отражающей закономерности звуковой организации языка. Актуальность данной темы определяется необходимостью всестороннего анализа структурных особенностей хангыль как модели рационального письма, демонстрирующей тесную взаимосвязь фонетики, графики и когнитивных принципов восприятия.

Целью настоящей статьи является рассмотрение лингвистических основ создания хангыль, а также анализ его фонетической и графической структуры в контексте общей теории письма. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: изучить принципы формирования согласных и гласных, выявить связь между артикуляцией звуков и графическим обликом букв, определить особенности организации слоговой структуры, а также рассмотреть функциональные и типологические характеристики данной письменной системы.

Создание хангыль было зафиксировано в документе «Хунмин чоным» (훈민정음), где подробно описываются принципы построения алфавита. Уже в этом источнике подчёркивается, что новая письменность была разработана с учётом особенностей корейской фонетики и предназначалась для облегчения обучения грамоте широких слоёв населения [2: 214]. Таким образом, изначально в основу хангыль были заложены не только лингвистические, но и социальные принципы, направленные на демократизацию письменной культуры.

Фонетическая система хангыль базируется на чётком разграничении звуков корейского языка и их системной организации. Особое внимание уделяется согласным, которые классифицируются по принципу артикуляции. Базовые графемы отражают положение органов речи при произнесении соответствующих звуков, что делает данную письменность в определённой степени иконической. Так, например, буква ㄱ символизирует задненёбное смыкание (велярный согласный), ㄴ – положение языка у альвеол, ㅁ – форму губ при произнесении губного носового звука, а ㅅ – контур зубов. Таким образом, графическая форма букв непосредственно связана с физиологией речевого аппарата, что является редким явлением среди мировых систем письма.

Дальнейшее развитие системы согласных связано с модификацией базовых графем. На основе исходных символов формируются придыхательные и напряжённые согласные, что отражает важное фонологическое противопоставление в корейском языке. Придыхательные звуки обозначаются добавлением дополнительных штрихов (например, ㅋ, ㅌ, ㅍ), указывающих на усиленный выдох воздуха при артикуляции. Напряжённые согласные, в свою очередь, передаются посредством удвоения графем (ㄲ, ㄸ, ㅆ), что символизирует усиленное мышечное напряжение органов речи [3: 26]. Такая система демонстрирует последовательность и логичность графического кодирования фонетических различий.

Гласная система хангыль основывается на философско-космологическом принципе триады: небо (·), земля (—) и человек (|). Эти элементы лежат в основе построения всех гласных и

отражают традиционные представления восточноазиатской культуры о структуре мира. Первоначально точка обозначала небесное начало, горизонтальная линия – землю, а вертикальная – человека как связующее звено между ними. В современном письме точка трансформировалась в короткую черту, однако принцип построения гласных остался неизменным.

Комбинируя базовые элементы, создаются простые и сложные гласные. При этом ориентация элементов (вертикальная или горизонтальная) определяет направление расположения гласной в слоговом блоке. Например, гласные с вертикальной структурой (ㅏ, ㅓ) располагаются справа или слева от согласной, тогда как горизонтальные (ㅗ, ㅜ) – сверху или снизу. Дифтонги формируются путём добавления дополнительных элементов, что свидетельствует о высокой степени системности и регулярности данной письменности [4: 29].

Графическая структура хангыль характеризуется слоговым принципом организации. Буквы объединяются в блоки, соответствующие отдельным слогам, что отличает корейскую письменность от алфавитных систем линейного типа, таких как латиница или кириллица. Каждый слоговой блок представляет собой строго организованную композицию, включающую начальный согласный (초성), гласный (중성) и, при необходимости, конечный согласный (종성). Порядок расположения элементов внутри блока подчиняется чётким правилам, обеспечивающим визуальную гармонию и удобство восприятия.

Слоговая организация хангыль имеет важное функциональное значение. Она позволяет компактно размещать информацию и способствует быстрому распознаванию слов при чтении. При этом, несмотря на внешнюю схожесть с иероглифическими системами, хангыль сохраняет алфавитный принцип, поскольку каждая буква соответствует отдельной фонеме. Таким образом, данная письменность представляет собой своеобразный синтез алфавитного и слогового типов письма.

С типологической точки зрения хангыль представляет собой фонематическую систему письма, в которой реализуются элементы слоговой организации и морфологического принципа. Основной единицей графической передачи является фонема, что сближает хангыль с классическими алфавитными системами. Вместе с тем его графическая реализация в виде слоговых блоков придаёт данной письменности черты слоговых систем. Кроме того, в ряде случаев написание отражает морфемную структуру слова, обеспечивая относительную стабильность морфем независимо от фонетических изменений, возникающих в процессе речевой реализации. Таким образом, хангыль представляет собой комплексную письменную систему, сочетающую в себе признаки различных типологических моделей и демонстрирующую высокий уровень структурной организованности.

Дополнительным аспектом, заслуживающим внимания, является высокая степень регулярности и предсказуемости хангыль. В отличие от многих других письменных систем, где наблюдается значительное расхождение между написанием и произношением, корейский алфавит демонстрирует относительно прозрачную орфографию. Хотя в языке присутствуют фонетические процессы, такие как ассимиляция или редукция, они подчиняются строгим правилам и, как правило, не нарушают общей логики системы.

Кроме того, хангыль отличается экономичностью графических средств. Ограниченное количество базовых элементов позволяет создавать большое число комбинаций без избыточного усложнения письма. Это делает систему эффективной как с точки зрения обучения, так и с точки зрения практического использования.

Следует также отметить когнитивный аспект хангыль. Благодаря своей структурированности и визуальной логике, он облегчает процесс усвоения письменной речи. Исследования показывают, что изучение корейского алфавита занимает значительно меньше времени по сравнению с иероглифическими системами, что подтверждает его педагогическую эффективность.

Таким образом, хангыль является примером научно обоснованной письменности, в которой прослеживается тесная связь между фонетикой, графикой и когнитивными принципами. Принципы его создания демонстрируют глубокое понимание фонетических процессов, а также стремление к упрощению и рационализации письменной коммуникации. Уникальное сочетание артикуляционной мотивированности, системности и эстетической организованности делает хангыль одной из наиболее совершенных письменных систем в мире.

Изучение хангыль позволяет не только глубже понять особенности корейского языка, но и расширяет представления о возможностях искусственного конструирования письменных систем.

Данный алфавит может рассматриваться как модель для разработки новых систем письма, ориентированных на максимальную эффективность и доступность, что особенно актуально в условиях глобализации и цифровизации коммуникации.

Литература:

1. А.В. Ан. Корейский назубок: вся грамматика в небольших уроках. – Москва: Издательство АСТ, 2024. – 304 с.
2. Курбанов С. О. История Кореи: с древности до начала XXI в. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2018. – 742 с.
3. Ю.Н. Мазур. Корейский язык. – Москва: Издательство восточной литературы, 1960. – 119 с.
4. Kim-Renaud Y.-K. The Korean Alphabet: Its History and Structure. – Honolulu: University of Hawai‘i Press, 1997. – 317 с.

© Истякова С.Г., 2026.

УДК 81’42

Исхакова Г.А.
студент УУНиТ
Исянгулова Г.А.
д-р филол. наук, профессор УУНиТ
г. Уфа, Россия

ЗАПРЕТЫ В БАШКИРСКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ (СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

С древнейших времен жизнь человека в традиционном обществе регулировалась сложной системой запретов – табу. Как отмечает Э.В. Мигранова, «основу запретов составляли страхи и опасения человека перед неизвестным, а исполнение всевозможных табу и предписаний должно было служить определенной гарантией благополучия» [4: 2]. В башкирской лингвокультуре табу сформировались на основе доисламских языческих верований и исламских норм, тогда как в китайской культуре они коренятся в конфуцианской этике, народных суевериях и фонетической омонимии иероглифов [2: 2]. Цель статьи – выявить сходства и различия в табуировании у башкир и китайцев.

У башкир существует ряд временных запретов. На закате солнца нельзя играть в шумные игры или спать – иначе человек может заболеть; вечером не рекомендуется давать взаймы или делиться молочными продуктами, чтобы благополучие не покинуло дом [4: 2]. Особое значение придается дням недели: в понедельник, вторник, среду и пятницу нельзя стричь волосы и ногти; во вторник, четверг и субботу («сухие, пустые дни») запрещено начинать важные дела или сочетаться браком [4: 2–3]. Многие башкиры до сих пор не убираются и не стирают в пятницу – священный для мусульман день [4: 3].

В китайской культуре числовые табу основаны на фонетическом сходстве иероглифов. Число 4 (四 sì) избегают, поскольку оно звучит как «смерть» (死 sǐ). В китайских зданиях нередко отсутствует четвертый этаж. Число 14 (十四 shísì) произносится как «хочет умереть» (要死 yàosǐ). Число 250 (二百五 èrbǎiwǔ) является оскорбительным прозвищем дурака [5]. Число 7 (七 qī) в определенных контекстах связано с трауром – «седьмой день» после смерти (头七 tóuqī) – время поминовения. Таким образом, башкирские табу привязаны к дням недели и исламским обычаям, китайские – к омонимии иероглифов.

У башкир запрещается свистеть дома («денег не будет»), плевать в огонь, сидеть, подперев лицо руками, бросать куда попало остриженные ногти и волосы (их собирают и сжигают) [4: 3]. Нельзя держать разбитую посуду, оставлять посуду на ночь грязной – чтобы «ее не облизывал шайтан» [4: 5]. Хлеб у башкир почитается превыше всего: «Икмәктән оло аш юк» («Нет пищи выше хлеба»). Его нельзя переворачивать и выбрасывать [4: 4].

В китайской культуре бытовые табу связаны с подарками. Нельзя дарить часы (钟 zhōng) – созвучно «провожать в последний путь» (送终 sòng zhōng), зонты (伞 sǎn) – как «расставание» (散 sàn), белые и черные вещи – цвета траура [5]. Табуированы слова «гнев», «неудача», «катастрофа» – их избегают в радостных ситуациях. Слово «бедный» (穷 qióng) не используют в бизнесе.

Одним из древнейших табу в китайской лингвокультуре, как отмечают О.А. Дмитриева и Чжан Шуи, является табуирование личных имен («避讳»). «В Древнем Китае, во времена династии Чжоу, сформировалось правило не называть умершего человека именем, которое он носил при жизни, с целью разделения мира живых и мертвых» [2: 2]. Известный поэт Ду Фу никогда не использовал иероглиф «闲» (сянь) в стихах, потому что его отца звали Ду Сянь. Исторический курьез: чиновник Тянь Дэн запретил произносить свое имя, омонимичное слову «фонарь», из-за чего во время праздника фонарей объявление изменили на «разводить огонь». Так родилась поговорка: «Только чиновникам можно разжигать огонь, а людям – даже свечу зажечь нельзя».

У башкир подобного тотального табу на имена нет, но существуют семейные запреты. Раньше невестка не должна была показывать лицо свекру и родственникам мужа, разговаривать с ними; муж и жена не называли друг друга по имени в присутствии старших [1: 3].

В башкирской культуре лексика, связанная с беременностью и родами, почти полностью табуирована. Как показывает Г.Р. Каримова, «понятия, связанные с родинным обрядом, в башкирском языке передаются эвфемизмами, чтобы защитить мать и уберечь ребенка от злых сил и глаз» [3: 7]. Беременную женщину называют описательно: ауырлы («тяжелая»), йөклө («нагруженная»), ҡорһаҡҡа ҡалыу («обретшая утробу») [3: 4–5]. Роды обозначаются эвфемизмами бала табыу («найти ребенка»), бушаныу («освободиться»), донъяға килеү («прийти в мир») [3: 6]. Бесплодную женщину называют бала күрмәгән («не видевшая ребенка»), ҡыҫыр («яловая») [3: 4]. Беременной запрещалось смотреть на уродливые вещи, участвовать в похоронах, прясть, шить. Сорок дней после родов считались особо опасными: «ҡырк көн ҡәбер асыҡ» – «40 дней могила открыта» [4: 5].

Башкирская свадьба, по наблюдениям Ф.Ф. Гайсиной, включает множество запретов. Запрещен брак с родственниками до седьмого колена. Без родительского благословения брак осуждается. Никах должен проводить только мулла; во время чтения молитвы нельзя шуметь и прерываться. Действуют запреты, связанные с магией парности: невесте нельзя одной входить в дом, дарить беспарные подарки [1: 2]. Сохранился пережиток тотемизма – запрет на употребление мяса птицы на свадьбе (лебедь Хумай – прародительница в эпосе «Урал-батыр») [1: 2–3]. На проводах невесты даются наставления: нельзя дарить кошку или собаку (будут жить как кошка с собакой), невеста не должна оглядываться назад при отъезде из родного дома [1: 3].

В китайской свадебной традиции табу связаны с подарками и датами: нельзя дарить часы, зонты, белые цветы; дату свадьбы выбирают без числа 4 [5].

Погребальные обряды у башкир также сопровождаются табу. Нельзя хоронить на закате, пересекать дорогу похоронной процессии, забирать что-либо с кладбища [4: 6]. В доме умершего закрывают зеркала, зажигают свет, запрещены громкие разговоры и плач. Воду после обмывания покойного выливают в укромное место, куда запрещено наступать [4: 5]. На могилах не должно быть фотографий – «ангел на нее не сядет» [4: 6]. В китайской погребальной культуре избегают чисел 4 и 14, белый и черный – траурные цвета, имя умершего не произносят вслух [2: 2; 5].

Сравнительный анализ позволяет сделать следующие выводы: универсальной чертой обеих традиций является вера в магическую силу слова: табу и эвфемизмы служат защитой от сверхъестественных сил. В обеих культурах обрядовые запреты регулируют кризисные периоды – рождение, свадьбу, похороны.

Культурно-специфические различия значительны. У башкир преобладают исламские нормы (харамная пища, пост) и доисламские тотемические верования (почитание птиц, духов природы). Гендерная сегрегация выражена очень ярко: отдельные трапезы, избегание невестой мужчин [4: 3–4; 1: 3]. В китайской культуре доминируют фонетические табу, основанные на омонимии (числа 4, 14, подарки-омофоны), а также иерархическое табуирование личных имен (避讳), не имеющее прямых аналогов у башкир [2: 2; 5].

Как отмечает Э.В. Мигранова, сохранность запретов у башкир выше в сельской местности; в современную эпоху наблюдается возврат к исламским традициям [4: 6]. В китайской культуре числовые и подарочные табу активно действуют и в городах. Система запретов остается живым пластом традиционной культуры, отражающим этническое мировоззрение и ценностные ориентиры каждого народа.

Литература:

1. Гайсина Ф.Ф. Запреты в башкирских свадебных обрядах // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 34 (215). С. 35–38.

2. Дмитриева О.А., Чжан Шуи. Языковое выражение табу на материале китайских суеверий // Московский журнал. 2023. № 4. URL: http://mos-journal.com/article/4-2023/azykovoe-vyrazhenie-tabu-na-materiale-kitajskih-sueverii-p6 (дата обращения: 18.04.2026).

3. Каримова Г.Р. Табу и эвфемизмы, связанные с рождением ребенка, в башкирском языке // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 6. С. 1667–1676.

4. Мигранова Э.В. Реликты традиционных запретов в современном башкирском обществе // Проблемы востоковедения. 2018. № 4 (82). С. 2–6.

5. Табу в китайском языке: слова и темы, которых стоит избегать. – Cheesecake School. URL: https://cheesecakeschool.ru/media/culture/tabu-v-kitajskom-yazyke-slova-i-temy-kotoryh-stoit-izbegat (дата обращения: 18.04.2026).

© Исхакова Г.А., 2026

УДК 802/809.1-52

Ишкильдина А.А.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Хисамова Г.Г.,***
д-р филол. наук, профессор УУНиТ,
г. Уфа, Россия

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ: РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ

Особенности национального мировидения народа наиболее ярко выявляются в ходе сопоставительного анализа языковых единиц, в семантике которых получает закрепление миропонимание народа, его культурные ценности, менталитет. В современной лингвистической науке уделяется все больше внимания лингвокультурологическим подходам к изучению языковых единиц, что в силу активизации межкультурной коммуникации, дает возможность представителям данной культуры приобщится к языковой картине мира другого народа [1: 31].

Статья посвящена национально-культурной специфике этикетного речевого поведения в русском и башкирском языках.

Речевой этикет–система устойчивых формул общения, предписываемых обществом для установления речевого контакта собеседников, поддержания общения в определенной тональности. В устойчивых формулах общения отложился богатый опыт народа, неповторимость обычаев, образа жизни, условий быта каждого народа, речевой этикет-– важный элемент всякой национальной культуры.

Национальный колорит формул речевого этикета наиболее ярко проявляется в сопоставительном анализе таких единиц в разноструктурных языках, так как носители их принадлежат к разным культурам. Представляя собой функционально-семантическую универсалию, речевой этикет в разных языках почти идентичен, различаются лишь способы его языкового выражения.

В русском и башкирском языках можно выделить: 1) этикетные формулы, эквивалентные по значению и способам выражения; 2) закрепляющие общечеловеческие единицы, тождественные по значению, но различные по способу языкового выражения, описывающие изначально национально своеобразные речевые ситуации; 3) безэквивалентные речевые формулы, возникшие в языке вследствие уникальных этнокультурных условий речевого общения [2].

К формулам речевого этикета в русском и башкирском языках можно отнести приветствия: Здравствуйте! Привет! Һаумыһығыҙ! Сәләм! Благопожелания: Счастливого пути! Долгих лет! Хәйерле юл! Бәхетле бул! Оҙон ғүмер!

К формулам второго типа в сопоставляемых языках относятся обороты благопожеланий, употребляемые для выражения гостеприимства. Законы русского и башкирского гостеприимства предусматривают использование приветствий, символизирующих достаток в доме: Хлеб да соль! Чай да сахар! Бал да май! (букв.мед и масло). Образом материализованного благополучия для должного приема гостей служат различные продукты питания, отражающие способы хозяйствования русских и башкир: хлебопашество на Руси и бортничество у башкир.

У башкир существует более развернутая система формул благопожеланий. Так, если один человек пришел в гости к другому и застал его за работой, к приветствию добавляется “Эшегеҙ еңел булһын!» (Пусть работа будет не в тягость!), если хозяина гость застал за приемом пищи, к

приветствию обычно прибавляется «Ашығыҙ тәмле булһын!» (Пусть ваша пища будет вкусной!). Если в гости пришли в новую квартиру, приветствие дополняется пожеланием «Өйөгөҙ ҡотло булһын!» (Пусть в доме будет счастье!). Наряду с традиционным гостеприимством, в гостеприимстве современных башкир есть и новые элементы, связанные с бытовыми изменениями. Гостям предлагают: «Түргә үтегеҙ!» (Пройдите на почетное место!). Если пришедший отказывается, ему напоминают: «Аштан оло булып булмай!" (Нельзя быть выше пищи!). Уходя, гости желают: "Бай булығыҙ!» (Будьте богаты!), «Өҫтәлең һәр саҡ тулы, күңелең киң, йөҙөң асыҡ булһын!» (Пусть твой стол ломится от добра, пусть в душе людей будет всегда широка, а лицо открыто!), «Ғәйепкә алмағыҙ!» (Не осуждайте!) [3: 766-68].

К оборотам второго типа можно отнести и формы религиозного происхождения со значением оберега, проклятья, пожелания чего-либо, отражающие веру в участие Бога-Аллаха в жизнедеятельности человека, Христоса; Храни Вас Бог! (Господь!) Бог в помощь! Помогай Бог! Не дай Бог! Алла һаҡлаһын! Аллаға шөкөр! (букв. благодарность Аллаху!) Алла яҙмаһын! Хоҙай күрһәтмәһен! (букв. – пусть не присудит аллах!) и многие другие.

Наибольший интерес в плане лингвокультурологического содержания вызывают безэквивалентные формулы речевого этикета, отражающие особенности культурно-исторического развития того или иного народа. Неумеренное злоупотребление алкогольных напитков на Руси породило большое количество «застольных» стилистически сниженных формул: После первой не закусываю! Пей до дна! Дай Бог не последнюю!.

Безэквивалентными оборотами по отношению к русскому языку является башкирское пожелание в ответ на добрую весть «Ауыҙыңа бал да май!» (букв. – В рот тебе мед да масло!). Как одобрение по поводу удачной покупки одежды используют пожелания «Ҡайнар (эҫе, йылы) тәнеңдә туҙһын!» (букв. - Пусть износится на горячем теле!).

Таким образом, русский и башкирский этикет обнаруживают сильное влияние социально-экономического уклада жизни, религиозных воззрений, традиционно обрядовой культуры. Знание национального своеобразия речевого этикета для установления адекватного речевого контакта при общении представителей разных этнокультурных общностей является обязательным условием успешности этого общения.

Литература:

1. Рахматуллина З.Я. Уроки этикета: Учебное пособие. – Уфа: РИО БашГУ, 2003 – 222с.
2. Хайруллина Р.Х. Фразеологические формулы речевого этикета в русском и башкирском языках // Виноградовские чтения. Прагматические аспекты грамматической и лексической семантики. Тезисы докладов научной конференции. – М.: Ин-т им.А.С. Пушкина, 2000. – С.90-91.
3. Хисамова Г.Г., Латыпова Л.М. Этикетные речевые жанры в аспекте межкультурной коммуникации (на материале русского и башкирского языков) // Вестник Башкирского университета. – 2016. – Т21. – №2. – С.360-365.

© Ишкильдина А.А., 2026

УДК 811.512.141

Ҡәҙербаева А. И.,
Өфө фән һәм технологиялар университеты студенты УУНиТ
Ғилми етәксеһе: ***Хөснөтдинова Р.Я.,***
филол. фәнд. канд., доцент
Өфө ҡалаһы, Рәсәй

Ғ.Ғ. СӘЙЕТБАТТАЛОВ МЕНӘН Л.Л. СӘМИҒУЛЛИНАНЫҢ ХЕҘМӘТТӘРЕНДӘ ҺӨҘӨМТӘ ЭЙӘРСӘН ҺӨЙЛӘМ МӘСЬӘЛӘҺЕ

Башҡорт тел ғилемендә эйәртеүле ҡушма һөйләмдәрҙең классификацияһы әлегә тиклем төрлө фәнни бәхәстәр тыуҙыра. Айырыуса хәл эйәрсән һөйләмдәрҙең эске төрҙәрен билдәләүҙә һәм уларҙың үҙ-ара сиктәрен айырыуҙа берҙәм фекер булмауы күҙәтелә.

Был йүнәлештә профессор Ғ.Ғ. Сәйетбатталовтың фундаменталь тикшеренеүҙәре һәм Л.Л. Сәмиғуллинаның заманса теоретик ҡараштары айырым иғтибарға лайыҡ. Ике авторҙың фәнни концепцияларын сағыштырып өйрәнеү синтаксик берәмектәрҙең структур һәм семантик

үзенсәлектәрен тәрәнерәк аңларға, шулай уҡ хәҙерге башҡорт грамматикаһындағы ҡайһы бер ҡаршылыҡлы мәсьәләләрҙе асыҡларға мөмкинлек бирә [1, 2].

Ғ.Ғ. Сәйетбатталов үзенең хеҙмәтендә хәл эйәрсән һөйләмдәрҙең төрҙәрен мөмкин тиклем киңәйтеү яҡлы. Ул хәл эйәрсән һөйләмдәрҙең 10 төрөн күрһәтә: ваҡыт, урын, сәбәп, һөҙөмтә, маҡсат, рәүеш, дәрәжә-күләм, сағыштырыу, шарт һәм кире һөйләмдәр. [5]. Профессор һөҙөмтә хәленең үҙаллылығын ҡабул итмәһә лә, эйәртеүле ҡушма һөйләмдәр системаһында һөҙөмтә эйәрсән һөйләмдең дә булыуын таный, ул баш һөйләмдән аңлашылған уй-фекерҙе дөйөмләштергән, берәй нәмәгә нығымта яһаған эйәрсән һөйләмде һөҙөмтә һөйләм тип атай [5: 226].

Мәсьәләнең асылына төшөнөү өсөн профессор тәҡдим иткән миҫалдарға оҡшаш яңы конструкциялар төҙөп ҡарайыҡ. Көҙгө һалҡындар иртә башланды, шуға ла ҡоштар йылы яҡҡа ашыҡты (Т. Ғарипова). Йыйылышҡа халыҡ аҙ килгәйне, шуға күрә мөһим ҡараҙар ҡабул итеүҙе икенсе көнгә ҡалдырҙыҡ (Р. Камал). Ауылда йәшәү шарттары үҙгәрә, шуның өсөн йәштәрҙең ҡалаға ынтылыуы тәбиғи күренеш (Ә. Әминев). Проф. Ғ.Ғ. Сәйетбатталов бындай һөйләмдәрҙең икенсе өлөшөн һөҙөмтә эйәрсән һөйләм рәүешендә күҙ алдына килтерә. Ләкин уларҙа һөҙөмтә төҫмөрө һиҙелмәй тиерлек. Һалҡындарҙың иртә башланыу һөҙөмтәһе ҡоштарҙың осоп китеүенә килтергәнме? Йәки халыҡтың аҙ килеү һөҙөмтәһе йыйылышты күсереүҙе аңлатамы? Аталған миҫалдарҙа һөҙөмтәнән тыш, сәбәп мәғәнәһе лә сағыла. Ни өсөн ҡоштар ашыға, көн һалҡынайыу сәбәпле.

Икенсе яҡтан, конструкцияларҙың өлөштәре үҙ-ара мөнәсәбәтле һүҙҙәр ярҙамында ялғанған. Мөнәсәбәтле лексемалар урынлашҡан киҫәкте профессор һөҙөмтә эйәрсән һөйләм тигән төркөмгә индерә. Ошо фекер ғалимдың элекке яҙғандарына бер аҙ ҡаршы килә лә кеүек. Теркәүестәр менән бәйләүестәр ғәҙәттә эйәрсән һөйләм составында формалаша, ә мөнәсәбәт һүҙҙәр баш һөйләмдә бирелә Күрһәтелгән миҫалдарҙа мөнәсәбәт һүҙҙәр эйәрсән һөйләмдә урынлашмай. Тимәк, улар баш һөйләм бурысын үтәй, ә алдында килгәндәре эйәрсән өлөшкә әүерелеп, төп хәбәрҙең сәбәбен тасуирлай. Ни өсөн йәштәр ҡалаға ынтыла, ауылда шарттар үҙгәреү сәбәпле. Тимәк, күп кенә төр эйәрсән һөйләмдәр бер үк ваҡытта бер-нисә мәғәнә нескәлеген берләштереүгә һәләтле.

Аталған проблеманы Л.Л. Сәмиғуллина ла үҙенең хеҙмәттәрендә анализлай. Ул хәл эйәрсән һөйләмдәрҙең 8 төрөн күрһәтә: ваҡыт, урын, сәбәп, маҡсат, рәүеш, күләм-дәрәжә, шарт һәм кире һөйләмдәр. Ғалимә сағыштырыу һөйләме менән һөҙөмтә һөйләмде үҙ классификацияһына индермәй, тәүгеһе – рәүеш, икенсеһе күләм-дәрәжә хәл һөйләмдәргә ҡарай тип иҫәпләй. Филология фәндәре кандидаты шулай уҡ ҡайһы бер эйәрсән һөйләмдәрҙең семантик яҡтан күп төрлөлөгөн, полисемия күренешен һыҙыҡ өҫтөнә ала [4: 26]. Ысынлап та, хәл ҡылым формалары менән төҙөлгән синтетик конструкциялар төп өлөштәге эш-хәлдең бер юлы сәбәбен дә, шартын йәки ваҡытын да кәүҙәләндерә. *Урманға тәрәнерәк инғәс, ағастарҙың япраҡтары ҡуйыра төштө* (Ә. Әминев). *Яҙғы ташҡын башланғас, күперҙе һыу баҫты* (Т. Ғарипова). Беренсе миҫалдың эйәрсән киҫәгенә *ҡасан* һәм *ни сәбәпле* тигән һорауҙарҙы берҙәй уңышлы ҡуйып була. Шуға күрә уны ваҡыт мәғәнәһендә лә, сәбәп төҫмөрөндә лә ҡарау мөмкинлеге асыла.

Ғ.Ғ. Сәйетбатталов баш һөйләмгә «шул сәбәпле» теркәүесе аша ялғанған ҡайһы бер һөйләмдәрҙе һөҙөмтә эйәрсән һөйләмдәр төркөмөнә индерә: *Әсғәттең ғаиләһенә йәшәү ауырға тура килде, шул сәбәпле уға мәктәпкә йөрөү эләкмәне* (М.Кәрим) һ.б. Беҙҙең ҡарамаҡҡа, бында һөҙөмтәгә ҡарағанда сәбәп мәғәнәһе нығыраҡ үҫешкән. Урамда буран ҡотора ине, шул сәбәпле малдарҙы иртәрәк индерҙек (Р. Камал). Өҫтәүенә, бәйләү сараһы составындағы «сәбәпле» лексемаһы үҙе үк логик мөнәсәбәттең тәбиғәтен асыҡ күрһәтә. Ғалим һөҙөмтә белдергән конструкцияларҙың даирәһен артыҡ киңәйтә кеүек. Ул хатта «тимәк» инеш һүҙе, «хатта» теркәүесе менән ялғанған ҡайһы бер ҡушма һөйләмдәрҙе лә ошо категорияға индерә: *Әгәр Зөфәр бригадаһы приходка планын срогынан алда үтәй икән, тимәк, бында Нәфисәнең дә өлөш бар бит* (Н.Асанбаев) һ.б.

Ғ.Ғ. Сәйетбатталов күрһәткән «һөҙөмтә эйәрсән һөйләмдәрендә» сәбәп мәғәнәһе өҫтөнлөккә эйә. Профессор үзе лә сәбәп мөнәсәбәте универсаль фәлсәфәүи категория тип һаналыуын, ә маҡсат мөнәсәбәте ундай кимәлгә инмәүен билдәләй. Тимәк, эйәрсән һөйләмдәрҙең төрөн билдәләгәндә, уларҙың төрлө мәғәнә биҙәктәренә бик иғтибарлы булырға кәрәк. Мәктәптә һәм юғары уҡыу йорттарында телгә өйрәтеү барышында ошоларҙы күҙ уңында тотоу мөһим. Сәбәп менән һөҙөмтә үҙ-ара тығыҙ бәйләнгән, әммә грамматик типологияла төп мәғәнә өҫтөнлөк алырға тейеш. Уҡыусыларҙың аҡыл эшмәкәрлеген үҫтереү маҡсатынан сығып, һөйләмгә анализ биргәндә төп логик үҙәкте эҙләү талап ителә.

Ике ғалим да хәл эйәрсән һөйләмдәрҙе мәғәнәләренә, төҙөлөштәренә, функцияларына таянып төркөмләй, ике авторҙа ла хәл һөйләмдәр тип ҡаралырға тейешле барлыҡ һөйләмдәр ҙә бар, тик уларҙың ҡайһы берҙәре төрлө төркөмсәгә индерелгән, сөнки, Л.Л.Сәмиғуллина билдәләүенсә, ҡайһы

бер эйәрсән һөйләмдәрҙең мәғәнәһе күп төрлө була. Ваҡыт менән сәбәп, ваҡыт менән шарт, сағыштырыу менән рәүеш, бер юлы сәбәп, шарт, рәүеш һ.б. мәғәнәләр килергә мөмкин [2].

Дөйөмләштереп әйткәндә, Ғ.Ғ. Сәйетбатталов менән Л.Л. Сәмиғуллинаның хеҙмәттәрендә һөҙөмтә эйәрсән һөйләм мәсьәләһе төрлөсә хәл ителә. Ғ.Ғ. Сәйетбатталов фактик материалды байытыу маҡсатында сиктәрҙе киңәйтә. Л.Л. Сәмиғуллина иһә семантик критерийҙарҙы ҡәтғиләштереп, тел ғилемен теоретик яҡтан аныҡлай. Ике хеҙмәт тә башҡорт синтаксисын тәрәнерәк аңлау мөмкинлеген аса.

Әҙәбиәт:

1. Арсланова М.А., Хуснетдинова Р.Я. Башҡорт телендә хәл эйәрсән һөйләмдәрҙең төрҙәре. В сборнике: «Актуальные проблемы современной татарской филологии». Сборник статей Всероссийской заочной научно-практической конференции, посвященной 95-летию со дня рождения известного языковеда, тюрколога, доктора филологических наук, профессора, первого заведующего кафедрой татарской филологии Башкирского государственного университета Габдулхая Хурамовича Ахатова (1927 – 1986). – Уфа, 2022. – С. 29-32.

2. Байбулдина Н.И., Хөснөтдинова Р.Я. Л.Л.Сәмиғуллинаның хеҙмәттәрендә хәл эйәрсән һөйләмдәрҙе төркөмләү мәсьәләһе. В сборнике: «Актуальные проблемы современной филологии». Сборник материалов региональной (с международным участием) научно-практической конференции, посвященной 130-летию известного башкирского педагога, ученого, общественного деятеля Габбаса Давлетшина. – Уфа, 2022. – С. 60-65.

3. Башҡорт теле грамматикаһы: 3 томда. Т. III: Синтаксис. – Өфө: Китап, 2018. – 472 б.

4. Сәмиғуллина Л.Л. Башҡорт теленең ҡушма һөйләм синтаксисы: уҡыу ҡулланмаһы. – Стәрлетамаҡ: Стәрлетамаҡ дәүләт педагогия институты нәшриәте, 2003. – 65 б.

5. Сәйетбатталов Ғ.Ғ. Башҡорт теле. II том. Ҡушма һөйләм синтаксисы. – Өфө: Китап, 2002. – 432 б.

© Ҡәҙербаева А.И., 2026

УДК 811.512.141

Казакбаева А.И.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Абдуллина Г.Р.,***
д-р филол. наук., профессор УУНиТ,
г. Уфа, Россия

БАШҠОРТ ДОНЪЯ ТЕЛ КАРТИНАҺЫНДА «АҢ» КОНЦЕПТЫ

Хәҙерге тел ғилемендә В. фон Гумбольд башлаған телде халыҡтың мәҙәниәтен барлыҡҡа килтереүсе булараҡ ҡарау традицияһы ҡайтанан тергеҙелде. Донъяның тел картинаһы мәсьәләһен тикшергәндә төп конструкт булып концепт төшөнсәһе алына. Тел һәм мәҙәниәт араһындағы бәйләнештәрҙе асыҡлағанда теге йәки был этник үҙенсәлекте сағылдырыусы концепттарҙы анализлау маҡсатҡа ярашлы [12 : 26].

Концепт – тел менән мәҙәниәтте бәйләп өйрәнеүсе лингвоменталь берәмек. Концепт аша кешелә туған тел образы һәм уның концептосфераһы барлыҡҡа килә [16 : 25]. М.В. Зәйнуллин билдәләүенсә, «хәҙерге башҡорт филологияһында айырым төрки этносының мәҙәни концепттарын («йән», «йөрәк» һ.б.) өйрәнеү бик актуаль проблемаларҙың береһе булып тора» [11 : 11–15]. Был мәҡәләлә беҙ башҡорт телендә «аң» концептын асыҡлау бурысын ҡуябыҙ.

Ғөмүмән, аңды өйрәнеү – иң ҡапма-ҡаршылыҡлы шөғөлдәрҙең береһе. А.А. Аредаков билдәләүенсә, «хәлдең парадоксы шунда: аң үҙен-үҙе өйрәнә. Аң үҙен танып белеү барышында ҡорал, үлсәм һәм аңлаусы инстанция функцияларын башҡара. Шулай ҙа аң менән эшләүҙең, унан үҙе тураһында һорау биреүҙән башҡа, икенсе бер юлы юҡ» [2 : 86]. В.В. Никандров фекеренсә [14 : 80], «„аң“ төшөнсәһе күп яҡлы. Шуға күрә был терминды ҡулланған һәр осраҡта уның йөкмәткеһен үҙ ҡарашыңдың үҙенсәлеген һәм ҡулланыу сиктәрен күрһәтеп асырға кәрәк. Юғиһә, аңлашылмаусанлыҡтар һәм бәхәстәр ҡотолғоһоҙ. Аңға ҡыҫҡа ғына, тулы билдәләмә биреү мөмкин түгелдер». Ғалим билдәләүенсә, беҙҙең «эске» тормошобоҙҙоң аң тип аталған күренеше философия, физиология, психология, медицина, социология, хоҡуҡ белеме, иҡтисад, педагогика кеүек күп фән өлкәләре тикшеренеүселәренең иғтибарын йәлеп итә [14: 79]. Ҡөрьән тәфсирендә лә аң төшөнсәһе тәрән фәлсәфәүи мәғәнәгә эйә. Бер үк ваҡытта кеше аңының сиклелеге лә, уның үҫеш алыу

мөмкинлеге лә таныла: «Кешенең аңы ул төшөнсәләрҙе ҡабул итер дәрәжәлә түгел, күрәһең. Аллаһ ғәләмдең бөтөн серҙәрен асып һалһа, кешелек аҡылдан яҙыр ине. […] Килер заман, улар ғәҙәти халыҡ өсөн дә аңлайышлы булыр» («Әнғәм» сүрәһе). Был өҙөктә аңдың сиклелеге һәм үсеш перспективаһы диалектик берҙәмлектә бирелә.

«Аң» һүҙенең лексикографик ҡылығын ырламаһына мөрәжәғәт итәйек. «Башҡорт теленең академик һүҙлеге»ндә [4 : 44] ***аң*** һүҙенең бер нисә мәғәнәһе теркәлгән. ***Аң I*** дөйөм төрки «аң» ′һиҙгер, зирәк′ (рус. *сознание*; ингл. *consciousness*; төр. *bilinç*) *и.* 1. Үҙ-үҙеңде, тирә-йүнде тойоу, ҡабул итеү һәләте; иҫ. *Аңға килтереү. Аңды юғалтыу. Аңдан яҙыу. Аңында булыу.* 2. Кешенең ысынбарлыҡты төшөнөү, белеү, фекер итеү һәләте. *Аң үҫеү. Аң инеү. Аң менән эш итеү. Аңды йыйыу.* 3. Кешеләр тарафынан йәмғиәт тормошон аңлап төшөнөү һәләте. *Аң уяныу. Сәйәси аң.* ♦ *Ҡара аң* – үҙенән-үҙе барлыҡҡа килгән, белем менән ағартылмаған аҡыл. ***Аң II*** *и. иҫк.* 1. Ҡырағай йәнлек; кейек. *Аң аулау.* 2. Ау, һунар. *Аңға барыу. Аңға йөрөү.* 1993 йылғы «Башҡорт теленең һүҙлеге»ндә бынан тыш «аң» һүҙенең «һаҡ, уяу, һиҙгер» тигән мәғәнәһе лә теркәлгән (Аң кеше. Аң булыу. / / Аң йәшәү, Бабсаҡ батыр аң торһон, Ҡарағөлөмбәт күҙ һала. «Бабсаҡ менән Күсәк») [5 : 44]. Шулай итеп, «аң» лексемаһы өс төп мәғәнәүи блокты берләштерә: 1) психик эшмәкәрлектең юғары формаһы булараҡ аң; 2) боронғо һөнәр-шөғөлгә бәйле аңлау; 3) һаҡлыҡ, уяулыҡ сифаты. Ошо мәғәнәләрҙең үҫеше башҡорт халҡының тәүтормош һунарсылыҡ осоронан алып хәҙерге фәлсәфәүи төшөнсәләргә тиклемге юлын сағылдыра. Шуныһы иғтибарға лайыҡ: башҡортса-русса һүҙлектәрҙә лә «аң» лексемаһының өс төп мәғәнәүи төркөмө – «сознание», «осторожный», «зверь/охота» – аныҡ билдәләнә [3 : 50].

«Аң» концепты башҡорт телендә түбәндәге синонимик рәттәр аша сағыла: *аҡыл, фекер, уй, зиһен, иҫ, белем, һуш.* Улар араһында мәғәнәүи айырмалыҡтар күҙәтелә: *аҡыл* – ғәмәли аҡыл, тормош тәжрибәһе; *зиһен* – аңдың иң юғары формаһы, интеллектуаль һәләт; *иҫ* – хәтер, тойоу; *фекер, уй* – аң эшмәкәрлегенең продукты. Антонимдары сифатында түбәндәге берәмектәрҙе килтерергә мөмкин: *аңһыҙ, аҡра, аңғыра, алйот, иҫәр, тиле, ахмаҡ, наҙан.* Улар аңдың түбән кимәлен, фекерләү һәләтенең сикле булыуын йәки бөтөнләй булмауын белдерә. Тамырҙаш һүҙҙәр рәтенә түбәндәгеләр инә: *аңлау, аңлатыу, аңлашыу, аңлайышлы, аңлашылмаусанлыҡ, аңдыу, аңғарыу, аң-тоң, аңҡы-тиңке, аң-белем.* Был лексемалар аңдың процессуаль яғын, аңлау-аңлатыу эшмәкәрлеген аса.

Артабан «аң» концептының тотороҡло һүҙбәйләнештәрҙә сағылышын ҡарарға кәрәк. З.Ғ. Ураҡсиндың «Башҡорт теленең фразеологик һүҙлеге»ндә [15 : 33] «аң» компонентлы түбәндәге тотороҡло берәмектәр теркәлгән: ***Аң булыу*** – һаҡ тороу, абай булыу. *[Мулла Сафа хәлфә хаҡында ҡарттарға:] – Аң булығыҙ, былай булһа, ул балаларығыҙҙы диндән яҙҙырып бөтөрөр* (С. Ҡудаш). *[Хаммат :] – Уныһы ла дөрөҫ. Шулай ҙа бында ла бик аң булырға кәрәк* (З. Биишева). ***Аңға килеү*** – 1) аңһыҙ хәлдән үҙ аңына ҡайтыу. *Карауат аҫтында ятҡан Гәрәй үҙ аңына килде һәм, үҙен һаҡларға теләп, ҡулына бысаҡ алды* (Б. Бикбай). *Ҡаты йоҡонан уянған кеүек ҡапыл уяндым, аңға килдем* (Д. Юлтый); 2) аҡыл менән эш итә башлау. *[Тәңкәбикә:] – Һин аҡылыңдан яҙғанһың, Дәрүиш. Аңыңа кил* (М. Кәрим.) Син.: *аҡылға килеү, иҫкә килеү.* ***Аңды йыйыу*** – уй-фекерҙе туплап алыу. – *Ә балаларҙы ҡайҙа ҡуяһың? – тине ҡарсыҡ, аңын йыйып* (Р. Низамов.) ***Аңҡы-тиңке булыу (килеү)*** – ҡаңғырып аптырап бөтөү, алйыу. *Күҙле-башлы булһа, бәлки, улым да баҫылыр ине. Аңҡы -тиңке булып йөрөмәҫ ине...* (Я. Хамматов.) Син.: *ҡайҙа барып бәрелергә белмәү, ары бәрелеү, бире һуғылыу.* ***Аң-тоңдо ҡарамай (белмәй)*** – эш-хәлдең айышын белмәй, уйлап-нитеп тормай эш итеү. *Аң-тоңдо ҡарамай барып индем. Аң-тоңдо белмәй ҡыҫылаһың.* Син.: *алды-артты ҡарамай(ынса).* Был фразеологизмдарҙа «аң» ике төп семантик һыҙатты сағылдыра: бер яҡтан – уяулыҡ, һаҡлыҡ, икенсе яҡтан – психик норманан тайпылыу, аңдың томаланыуы.

Башҡорт лингвокультураһында «аң» концепты айырым бер төшөнсә генә түгел, ә менталь лексиканың тотош бер системаһының үҙәге булып тора. Башҡорт донъя тел картинаһында кешенең менталь һәләттәре түбәндәге концепттар аша һүрәтләнә: «аҡыл» (ум, мудрость), «иҫ», «аң» (сознание), «зиһен» (разум), «һәләт» (способность), «белем» (знание), «уй», «фекер» (мысль), «хәтер» (память), «ижад» (творчество), шулай уҡ метонимик рәүештә – *баш, мейе.* «Аң» концепты был системаның үҙәгендә тора, сөнки ул кешенең үҙ-үҙен һәм тирә-яҡты аңлау һәләтен, йәғни менталь эшмәкәрлектең нигеҙен тәшкил итә. М. Бураҡаева «Арғымаҡ» китабында «аң» төшөнсәһенә түбәндәге аңлатма бирә [10 : 9]: «Халҡыбыҙҙа АҢ тигән һүҙ ике төрлө мәғәнәне иңенә һалған. Әммә ике осраҡта ла АҢ кешенең донъяны танып-белеү кимәленә, шул белемде йәшәйешкә яраҡлаштырып файҙалана алыуына, тәрбиәһенә, намыҫына һәм тоя белеү ҡеүәһенә бәйләнгән. Беренсе мәғәнәһендә аң – ул аҡыл, зиһен, белем аша үткәнде, бөгөнгөнө, киләсәкте тоташтырыусы. Икенсе мәғәнәһе күңел тойомо менән бәйле һәм Кешенең Эске донъяһын билдәләй. Аңдан ҡанға, ҡандан заңға, ти халыҡ. Аң үҙенән-үҙе бар булмай. Ул нәҫелдән нәҫелгә ҡан аша күсә килә. Аң һинең кемгә оҡшауыңа, ҡайһы

нәҫелдән булыуыңа, ниндәй мөхиттә йәшәүеңә ныҡ бәйле». Автор фекеренсә, аң ҡан аша күсһә лә, кеше үҙтәрбиә менән шөғөлләнеп, ҡанындағы холоҡ-фиғелен үҙгәртә ала [10 : 101]. Был ҡараш башҡорт халҡының аң төшөнсәһенә булған фәлсәфәүи ҡарашын сағылдыра: аң – бер үк ваҡытта нәҫелдән килгән билдә һәм тәрбиә, белем аша үҫтерелә торған сифат.

«Аң» концепты башҡорт халыҡ ижадында ла тәрән эҙ ҡалдырған. Мәҡәл-әйтемдәр – халыҡтың быуаттар буйы тупланған тормош тәжрибәһен, донъяға ҡарашын, фәлсәфәһен сағылдырған иң ҡиммәтле мираҫ. Уларҙа «аң» концепты төрлө яҡлап асыла : *Аңра* бер ҙә юҡҡа ҡаңғыра. *Аңһыҙҙы аңлатҡансы*, *аңлы* кеше эшен бөтөрөр. *Аңра* башҡа аҡыл йоҡмаҫ. *Аңлыға* бер әйт, *аңһыҙға* мең әйт. *Аңламағанды аңлатма*. *Аңламаған* ҡолағын киҫһәң дә *аңламаҫ*. *Аң*-белем – мәңгелек ғилем [7]. *Ҡатын аңлы булһа – ҡазна, аңһыҙ булһа – ҡаза. Кешене аңлауы – бер ҡыйын, үҙеңде аңлауы – мең ҡыйын. Яманға яҡшылыҡ итһәң, аңламаҫ, Яҡшыға яҡшылыҡ итһәң, онотмаҫ. Аңлағанға әйт, тыңлағанға һуҡ. Бер мәҡәл ике мәғәнә аңлатмай.* Кешенең белемен һүҙенән *аңларһың*. *Йәне таҙаның аңы таҙа.* Иҫерек малынан яҙыр, бара-бара *аңынан* яҙыр. Бармағыңа *аң* килһә, һөнәреңә дан килер. Бармаҡ йөрөт – *аң* эйҙер, Бәке йөрөт – ҡан кейҙер. Баланың башына һуҡма: *аңғыра* булыр. Алыҫтағы дошмандан *аңдып* йөрөгән дуҫ яман. Аҡыллылар янына барһаң, *аңғыраны* эйәртмә. *Аңғармаған* таш баш ярыр. *Аңғармай* һөйләгән ауырымай үлгән. *Аңғармаған* түңгәк сана ауҙарыр. *Аңҡау* ауылға арамъя мулла. Эшкә ялҡау (бала) һабаҡҡа *аңҡау* булыр. Ҡатыны *аңҡау* булһа, ире ялҡау булыр. [6] Алтау ала булһа – аулағаны китер, икәү иптәш булһа – *аңдығаны* китер. Шаҙра булһа ла *аңра* булмаһын. Был мәҡәлдәрҙә аң – кешенең иң мөһим сифаты, уның аҡыллылығы, зирәклеге, тәрбиәлелеге күрһәткесе. «Аңлы» менән «аңһыҙ» ҡапма-ҡаршы ҡуйылып, аңдың әһәмиәте айырыуса асыҡ күренә.

Эпос, легенда, риүәйәттәрҙә лә «аң» концепты әһәмиәтле урын биләй. «Иҙеүкәй менән Мораҙым» эпосында: «Минең дә генә атым – *Аңғыһын*, (Дуҫым, һайыҫҡандай, *аң* булың – Буҙлай-буҙлай биргән буҙаның) Байҡап ҡына эс һин һуңғыһын!» [9 : 117] Бында Аңғыһын исеме үҙе үк «аң» һүҙенән яһалған һәм геройҙың зирәклеген, һаҡлығын күрһәтә. Ошо уҡ әҫәрҙең икенсе бер вариантында ошондай юлдар бар: «Мораҙым яуҙы тарҡатты, / Яуҙы йыйып, бер эште / Хан яуына *аңлатты*. / Ике яу ҙа *аңлашып*, / Аттан төшөп йәйрәшеп, / Татлы ялға талыҡты» [9 : 284]. Тағы ла: «Илең ирке дошман ҡулында сағында, илдә һәр кем яуға ынтылып торғанда, батырмын тигән ир кеше ҡыҙ ҡуйынында ҡала алмай. Бына шуны *аңғарта* Иҙеүкәй. Сөнки ул «Туй көнөнән яу көнө күплеген белеп үҫкән»» [9 : 24]. Шулай уҡ «Бабсаҡ менән Күсәк» әҫәрендә: «Бабсаҡ батыр *аң* торһон – Ҡарағөлөмбәт күҙ һала» тигән юлдар бар [8 : 169]. «Башҡорт халыҡ ижады»ның VIII томындағы эпик ҡобайырҙарҙың береһендә тәбиғәт һәләкәте һүрәтләнгәндә «аң» һүҙенең боронғо «йәнлек, хайуан» мәғәнәһе сағыла: «Ер менән күк араһын / Ҡара туҙан-саң баҫты, / Һыу ҡайнап, ер сайҡалып / Баштар миңрәп, аң ҡасты» [9 : 70]. Был миҫал «аң» лексемаһының тәүтормош һунарсылыҡ осорона барып тоташҡан мәғәнәүи ҡатламы эпик текстарҙа ла һаҡланыуын раҫлай. Йомаҡтарҙа «аң» төшөнсәһе кешенең тапҡырлығын, зирәклеген һынау сараһы булараҡ ҡулланыла: *Алты аяҡ, ике тояҡ, Елкәһе юл, уртаһы тел, Тояғы йөрөмәй, Аҡыллы аңлар, Ахмаҡ тыңлар* (Үлсәү); *Теле юҡ – үҙе аңлата* (Китап).

Башҡорт әҙәбиәтендә лә «аң» концепты төрлө яҡлап сағылыш таба. Мәҫәлән, Хәсән Назарҙың «Мәңгелек сер» шиғырында аң кешенең сикһеҙлекте танып белеү мөмкинлеге менән бәйләнә: «Йондоҙҙарҙың барыһы ла / Ут шарымы Ҡояш һымаҡ? / Сиктәрҙе үтә алһа *аң*, / Сиселер төҫлө был йомаҡ». Шәйехзада Бабич ижадында иһә аң төшөнсәһе йәшәйештең төп нигеҙҙәрен аңлау кәрәклегенә баҫым яһай: «Тупраҡ беҙҙең атабыҙ, / Беҙ тупраҡҡа ятабыҙ. / Тупраҡ ҡәҙерен *аңламау* / Беҙҙең өлкән хатабыҙ» [13 : 8]. Ә XIX быуат мәғрифәтсе шағиры Мифтахетдин Аҡмулла «аң» концептын белемгә ынтылыш, наҙанлыҡтан арыныу контексында күтәрә: «Башҡорттарым, уҡыу кәрәк, уҡыу кәрәк! / Арабыҙҙа наҙандар күп, уҡыу һирәк. / *Аңғыра* айыуҙан Уралдағы ҡурҡҡандай, / Эй, туғандар, наҙанлыҡтан ҡурҡыу кәрәк!» [1 : 41]. Был юлдарҙа «аңғыра» һүҙе наҙанлыҡты, аңһыҙлыҡты образлы рәүештә сағылдыра, уҡыу-уҡытыу аша аңды үҫтереү халыҡты ҡараңғылыҡтан сығарырға һәләтле тип таныла.

Ошондай күҙәтеүҙәр «аң» концептының башҡорт телендәге лексик-фразеологик ҡатламдан алып эпик ҡомартҡыларға, шиғри юлдарҙан мәҡәл-әйтемдәргә тиклем бөтә жанрҙарҙы берҙәм мәғәнәүи яҫылыҡта берләштереүен асыҡ күрһәтә. Халыҡтың күп быуатлыҡ танып белеү тәжрибәһен туплаған был төшөнсә милли рухиәттең нигеҙ таштарының береһе булып ҡала, ә уның аша асылған аҡыл, зиһен, хәтер кеүек категориялар башҡорт мәҙәни кодының айырылғыһыҙ өлөшөн тәшкил итә.

Шулай итеп, башҡорт донъя тел картинаһында «аң» концептын өйрәнеү уның күп ҡатлы лингвоменталь тәбиғәтен генә түгел, ә халҡыбыҙҙың рухи координаталар системаһындағы үҙенсәлекле урынын да күрһәтте. Эшебеҙ барышында асыҡланған бер ҡыҙыҡлы күренешкә – халыҡ ижадында, бигерәк тә мәҡәл-әйтемдәрҙә, «аҡыл» концептына ҡарағанда «аң» төшөнсәһенең һирәгерәк осрауына – иғтибар итмәү мөмкин түгел. Был хәл, беҙҙеңсә, ошо ике категорияның тәбиғәте менән аңлатыла: «аҡыл» көндәлек тормош зирәклегенә, ғәмәли тәжрибәгә тартым булһа,

«аң» күберәк философик тәрәнлекте, кешенең үҙ-үҙен һәм ғаләмде танып белеүгә ынтылышын сағылдыра. Был айырма башҡорт халҡының рухи донъяһында «аң» төшөнсәһенең ни тиклем абруйлы һәм хатта изгеләштерелгән мәғәнәгә эйә булыуын раҫлай. Мәрйәм Бураҡаеваның «Аңдан ҡанға, ҡандан заңға» тигән тәрән фекеренә таянып әйткәндә, был концепт башҡорт кешеһе өсөн нәҫелдән килгән мираҫтың да, аңлы рәүештә тупланған белемдең дә айырылғыһыҙ берҙәмлеген кәүҙәләндерә. Тап ошо синкретизм «аң» концептын башҡорт мәҙәни кодының асҡыс элементтарының береһенә әйләндерә лә инде. Киләсәктә был концепттың башҡа төрки телдәрендәге сағылышын сағыштырма-тарихи планда өйрәнеү ҙур ҡыҙыҡһыныу тыуҙыра.

Әҙәбиәт:

1. Аҡмулла, М. Шиғырҙар / М. Аҡмулла ; төҙ., баш һүҙ авт. Ә. Вилданов; мөх. Ғ. Хөсәйенов. – Өфө : Китап, 1981. – 224 б.
2. Аредаков А.А. Концепт сознания в онтологическом каркасе антропного принципа // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2007. – № 2. – С. 86–92.
3. Башкирско-русский словарь: 32000 слов / Российская академия наук. Уфимский научный центр. Академия наук Республики Башкортостан; под ред. З. Г. Ураксина. – М.: Дигора, Рус. яз., 1996. – 884 с.
4. Башҡорт теленең академик һүҙлеге: 10 томда. Т. I: (А хәрефе) / Ф.Ғ. Хисамитдинова редакцияһында. – Өфө: Китап, 2011. – 432 б.
5. Башҡорт теленең һүҙлеге: Ике томда / Фәндәр Академияһы. Башҡортостан ғилми үҙәге. Тарих тел һәм әҙ. институты.– М.: Рус. яз., 1993.
6. Башҡорт халыҡ ижады. 10-сы том. 1-се китап. Мәҡәлдәр һәм әйтемдәр. – Өфө: Китап, 2006. – 544 б.
7. Башҡорт халыҡ ижады. Мәҡәлдәр һәм әйтемдәр. Өфө. Башҡортостан китап нәшриәте, 1980. – 472 бит.
8. Башҡорт халыҡ ижады. II том. Риүәйәттәр, легендалар. – Өфө: Китап, 1997. – 440 бит.
9. Башҡорт халыҡ ижады. VIII том. Эпос: иртәктәр һәм эпик ҡобайырҙар. – Өфө: Китап, 2006. – 492 б.
10. Бураҡаева М.С. Арғымаҡ. Күңел донъяһына сәйәхәт. – Өфө: Китап, 2005. – 344 бит.
11. Зайнуллин М.В. К вопросу о теоретических проблемах современной башкирской лингвистики // Проблемы башкирской и тюркской филологии. Материалы НПК. – Стерлитамак, 2007. – С. 11–15.
12. Йәғәфәрова Г.Н. Данлы ғүмер, талантлы ижад: Зәйнәб Биишеваның тыуыуына 100 йыл тулыуға арналған фәнни-ғәмәли конференция материалдары. – Стәрлетамаҡ: Стәрлетамаҡ дәүләт педагогия академияһы, 2008. – 130 б.
13. Йөрәк аҡылы : публ. мәҡәләләр, ижади портреттар, әңгәмәләр / Л. Абдуллина. – Өфө : Китап, 2011. – 312 бит.
14. Никандров В.В. О соотношении категорий «сознание» и «психика» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2003. – № 2. – С. 79–91.
15. Ураҡсин З.Ғ. Башҡорт теленең фразеологик һүҙлеге. – Яңыртылған, 2-се баҫма. – Өфө: Китап, 2006. – 344 бит.

© Казакбаева А.И., 2026

УДК 398.22

Калмурзина Ф.Н.,
магистрант УУНиТ,
Научный руководитель – ***Саньярова Р.Р****.,*
канд. филол. наук, доцент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОНЦЕПТА «БАЙЛЫҠ» («БОГАТСТВО») В БАШКИРСКИХ ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ

В современной лингвистике накоплен богатый опыт в изучении национальной картины мира. При изучении картины мира ученые опираются на понятие «концепт». В лингвистике концептом

называют слово, имеющее культурологическое значение и выраженное с помощью различных лексем и средств. В начале XXI века в лингвокультурологии растет интерес к проблемам концептуализации языка. В трудах В. Гумбольдта, А.А. Потебни, Е.С. Кубряковой, Ю.С. Степанова, Л.Ю. Буяновой, А. Вежбицкой, М.В. Зайнуллина, Л.Х. Саяховой, Л.М. Самситовой, Р.Р. Санъяровой, А.Г. Сагитовой, Ф.Б. Саньярова концепт рассматривается с общей лингвокультурологической точки зрения.

Язык тесно связан с культурой: он проникает в нее, развивается и отражает ее. Культурология исследует познание человеком природы, общества, истории, искусства и других сфер жизни; языкознание рассматривает картину мира, мировоззрение, отраженные в различных моделях языка, а основным предметом лингвокультурологии является диалог языка и культуры. Примечательно, в пословицах и поговорках народ отразил свой многовековой жизненный опыт, острый ум и стремление к добру. Они возникли на основе наблюдений за явлениями жизни. Афористические жанры по своей природе многогранны, они используются для украшения народной речи и усиления ее воздействия на слушателя. Пословица – это краткое, но глубокое по смыслу и остроумное слово, основанное на жизненном опыте народа. Поговорка же – это образное выражение, которое косвенно, намеком или образно оценивает определенное явление жизни в башкирском фольклоре. Это устойчивое словосочетание, составляющее готовую единицу речи, целостную по смыслу и структуре [3, 56].

В данной статье башкирские пословицы и поговорки – это глубокие по смыслу и поучительные слова башкирского народа, богатый словарный запас, обладающий остроумным значением. Пословицы отражают всю красоту языкового богатства нашего народа, демонстрируют общее богатство языковых объединений и служат важным источником для культурной интерпретации. Они содержат важную культурологическую информацию, помогая раскрыть этнокультурные особенности определенного лингвокультурного сообщества.

В башкирских пословицах и поговорках прежде всего проявляется связь концепта «байлыҡ» («богатство») с понятием здоровья. Отражается ценность здоровья, его сохранение и негативное отношение к болезням и недугам: *Һаулыҡ - ҙур байлыҡ; Һаулыҡты аҡсаға һатып алып булмай; Халыҡ һаулығы - дәүләт байлығы; Байлыҡ башы – һаулыҡ; Байлыҡ - бер айлыҡ, һаулыҡ - ҙур байлыҡ. Байлыҡтың алды - тән һаулыҡ [2]*.

На этой основе концепция богатства используется в значении разума. Неразумный человек равен бедному человеку; *Аҡылдың ҡәҙере әҙәп менән, байлыҡтың ҡәҙере йомартлыҡ менән; Аҡылдың ҡәҙере- әҙәп менән, Байлыҡтың ҡәҙере йомартлыҡ менән, Ҡеүәттең ҡәҙере - баһадирлыҡ менән и т.д.*

Концепт «байлыҡ» («богатство») также может использоваться на основе бинарной оппозиции с такими понятиями, как скупость, жадность, бедность. Во многих сказках изображается, как жадные цари, гоняющиеся за богатством, попадают в смешное положение: *Артыҡ байлыҡ әҙәмде аҙҙырыр; Артыҡ байлыҡ – башҡа бәлә; Байлыҡ аҙҙыра, ярлылыҡ туҙҙыра; Байлыҡ айырыр, фәкирлек ҡушыр; Байлыҡ – бер айлыҡ; Байлыҡ – боҙға яҙған; Байлыҡ ерҙә ятмай.*

Излишнее богатство затмевает разум человека, делает его рабом богатства. Правильное использование богатства, трата его на полезные дела является признаком доброго дела: *Байлыҡ кешенең күңелен ташҡа, күҙен аҡҡа әйләндерә; Байлыҡ көнөңә инанма, ҡатындар һүҙенә алданма, йүгерек атҡа таянма; Байлыҡ – күгәрсен (оса ла китә); Байлыҡ морат түгел, ярлылыҡ оят түгел; Байлыҡтың мәшәҡәте үҙе менән артыр; Байлыҡтың тамыры Бохарала түгел; Байлығыңа маһайма.*

У башкирского народа скотоводство и полевые работы, земледелие считаются большим богатством. Народ испокон веков хранил эти ценности, передавая мудрость из поколения в поколение. Во многих обычаях калым (выкуп за невесту) и ясак (налог) исчислялись охотой, скотоводством и земледелием: *Ергә эйелһәң, байлыҡ килә; Йылҡы – данлыҡ, ҡуй – байлыҡ; Ҡырҙағы ашлыҡ байлыҡ түгел, амбарҙағы ашлыҡ байлыҡ.*

Народ отметил, что сохранение семейных ценностей, жизнь в общении с родственниками равносильно большому богатству. Также говорят: одинокий человек – бедный человек. Наличие большого количества родственников является примером, показывающим богатство человека: *Туғандарҙың татыулығы бар байлыҡтан артыҡ [1]*.

Таким образом, мы изучили концепт «байлыҡ» («богатство») в пословицах и поговорках. Компонентами концепта «байлыҡ» («богатство») в пословицах и поговорках являются ум, здоровье, традиции, обычаи, семейные ценности. Их сопоставление связано с тем, что башкирский народ стремился к духовному богатству, на этой основе накапливая опыт, связанный с материальным благосостоянием.

В общем, в башкирских пословицах отражаются традиции и обряды народа, а также национальный характер общественного и хозяйственного строя. На возникновение таких пословиц влияет историческое и социальное развитие народа, поэтому они отличаются национальными особенностями.

Литература:

1. Башҡорт халыҡ ижады. 3-сө том. Мәҡәлдәр. – Өфө: Башҡортостан «Китап» нәшриәте, 1984. − 378 бит.
2. Башҡорт халыҡ ижады. X том. Мәҡәлдәр һәм әйтемдәр. – Өфө: Китап, 2006. – 544 бит.
3. Маслова В. А. Лингвокультурология: учебное пособие. – М.: Академия, 2001. – 230 с.
4. Саньярова Р.Р., Кудакаев И.Г., Тулебаев С.А. Национальная языковая картина мира в башкирском языкознании // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2024. – № 9-2. – С. 187-190.

© Калмурзина Ф.Н., 2026.

УДК 398.22

Калмурзина Х.Н.,
магистрант УУНиТ,
*Научный руководитель – С**аньярова Р.Р.,***
канд. филол. наук, доцент УУНиТ
г. Уфа, Россия

КОНЦЕПТ «ТУЙ/ DÜĞÜN» В БАШКИРСКОЙ И ТУРЕЦКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ

Концепт «туй/düğün» в паремиологии связывает обряд с социальным опытом. В башкирском и турецком материале свадьба не сводится к одному праздничному дню. Она выступает индикатором труда, достатка, долга и публичного поведения. Такое смысловое поле, описанное лингвокультурологией, хранит следы повседневной нормы, а между образами, сопоставляющими ритуал и быт, проступают детали семейного опыта [1: 27; 4: 33]. Паремии удерживают рядом шум, расход, чужое мнение и домашнюю обязанность. Свадебная лексика в обеих традициях ведет к наблюдению за тем, как распределяются силы внутри общины. Наиболее отчетливо подобная семантика видна при сопоставлении башкирского «туй» и турецкого «düğün» [4: 112].

В башкирских паремиях «туй» часто противопоставлен будничному труду. Ленивый человек описывается через постоянную праздничность, где работа вытеснена из дня. *«Ялҡауға көн дә байрам, көн дә туй»* (Лентяю каждый день праздник, каждый день свадьба) [3: 214]. Здесь праздничный режим переносится в повседневность и заменяет трудовую дисциплину. Рядом стоит мысль о внешнем блеске, отделенном от реального умения. *«Матурлыҡ туйҙа кәрәк, уңғанлыҡ көн дә кәрәк»* (Красота нужна на свадьбе, сноровка нужна каждый день) [3: 219]. Завершенный этап обозначен кратко: *«Туй үткәс, дөмбөрөнә»* (После свадьбы – снова будни) [3: 301].

Социальное расслоение читается в пословицах о «туй», где праздник одного оборачивается тревогой другого. Богатый круг связан с изобилием, бедный – с думой и лишением. *«Байға көн дә байрам, көн дә туй, ярлыға көн дә хәсрәт, көн дә уй»* (Богатому каждый день праздник, каждый день свадьба, бедному каждый день горе, каждый день думы) [3: 87].

Здесь праздничная радость принадлежит обеспеченному, а бедность вынуждена жить в режиме постоянной заботы. Еще резче звучит образ вещи, страдающей ради чужого торжества. *«Байҙың туйы булһа, ярлының туны туҙыр»* (Если у богатого свадьба, у бедного шуба износится) [3: 91]. В паремии заметен материальный перекос, где издержка ложится на того, кто сам праздника не видит.

Третья линия в башкирском материале связывает «туй» с разрывом между чужой радостью и личной скорбью. *«Берәүҙәргә көн дә байрам, көн да туй, берәүҙәргә көн да һағыш, көн дә уй»* (Одним каждый день праздник, каждый день свадьба, другим каждый день печаль, каждый день думы) [3: 95].

Внутри такой формулы праздник уже не объединяет, а разводит людей по разным эмоциональным траекториям. Экономическая сторона звучит грубо и точно, когда трата приравнивается к утрате скота. *«Ана туй, бына туй – ике атыңдың береһен һуй»* (Вот свадьба, вот свадьба – одного из двух твоих коней зарежь) [3: 104]. Ресурсный расход подан как жертва; за короткой формулой слышится хозяйство, обремененное тратами. Спешащим гостям навстречу

выходит бытовая суета: *«Капҡам төбөнә туй еткән, ҡаба орсоғом ҡайҙа икән?»* (К порогу дома дошла свадьба, где же мое веретено?) [3: 113].

В сопутствующей семантике «туй» собирает ряд обязательных побочных мотивов, среди которых названо и обиженное молчание. В трепещущей тишине после пира пословица слышит скрытую обиду. *«Үлем илауһыҙ, туй үпкәһеҙ, ер ташһыҙ, ил яуһыҙ булмаҫ»* (Смерть не бывает без плача, свадьба – без обиды, земля – без камня, народ – без войны не бывает) [3: 147].

Паремия закрепляет мысль о том, что торжество редко обходится без личной задетости. За самим событием тянется и поток разговоров, быстро выходящих за пределы дома. *«Туй бөткәс һүҙ, яу бөткәс батыр күбәйер»* (После свадьбы – разговоры, после войны – героев становится больше) [3: 151]. Свадьба тут служит поводом для речи, возникающей уже после шумного действия. Логика поиска выражена парой: *«Ат эҙләгән яуға юлығыр, ҡыҙ эҙләгән туйға юлығыр»* (Ищущий коня попадет на войну, ищущий девушку попадет на свадьбу) [3: 156] и *«Бейегенe килмәгәнгә туй килешмәй»*(Тому, кто не хочет плясать, свадьба не подходит) [3: 158].

В турецкой паремиологии «düğün» часто выводится в публичное пространство. Дом и улица сопоставляются через поведение хозяйки, которая держит порядок или тянется к праздничной видимости. *«Çirkin karı evini toparlar, güzel karı düğün (sokak) gezer»* (Некрасивая жена прибирает дом, красивая ходит по свадьбам и улице) [2: 41]. Пословица строит резкое противопоставление между домашней работой и демонстративным выходом наружу. В другой формуле на первый план выдвигается навязчиво присутствующий человек, без которого торжество будто не складывается. *«Kambersi düğün olur mu?»* (Разве бывает свадьба без горбуна?) [2: 58]. Навязчивый участник показан спешащим к чужому веселью, и общественный взгляд приписывает ему функцию обязательной детали.

Социально-экономическая сторона düğün в турецких пословицах подана через долг и совместный труд. Веселье быстро уходит, а материальные обязательства задерживаются надолго. *«Düğün gider, borç kalır»* (Свадьба уходит, долг остается) [2: 63]. Смысл формулы точен: временная радость растворяется, долговая память держится дольше. Коллективный характер раскрывают пословицы о поле и свадьбе, где участвует вся община. *«Harman yel ile, düğün el ile»* (Гумно – с ветром, свадьба – руками людей) [2: 71]. В инверсии *«Düğün el ile, harman yel ile»* (Свадьба – руками людей, гумно – с ветром) [2: 71] акцент переставлен на человеческое участие.

Психологическая линия в турецких пословицах связывает свадьбу с устойчивым желанием участвовать в празднике. *«Abdal düğünden, çocuk oyundan usanmaz»* (Дервиш от свадьбы, ребенок от игры не устают) [2: 79]. Формула показывает естественную тягу к определенным формам радости. Однако гостеприимство на свадьбе не сводится к символической тарелке, ведь дружбу нельзя заменить одним угощением. *«Düğün aşıyla dost ağırlanmaz»* (Друзей не принимают на свадьбе одним угощением) [2: 84].

Как показывает анализ, этика общения отделена от формального стола, и праздничная еда не закрывает вопрос близости. Общинная поддержка, напротив, переводит тяготу в праздник. *«El ile gelen düğün bayram»* (Свадьба, пришедшая с помощью людей, – праздник) [2: 91].

Сопоставление двух корпусов показывает различие в выборе наблюдаемой сцены. Башкирский материал чаще держится возле личной обиды, домашнего расхода и индивидуальной судьбы. Турецкий корпус устойчиво обращен к улице, соседям, общей работе и долгу перед общиной. В первом случае свадьба окрашена дефицитом, шумом и риском потери вещи или скота. Во втором случае центром оказываются *el*, *borç*, *sokak* и *ev*, то есть совместность, обязательство, публичность и дом [1: 61; 4: 188].

Различие заметно и в распределении эмоций: башкирские паремии чаще выводят обиду и печаль, турецкие – участие и помощь. На границе двух традиций особенно видны роли семьи, соседей и денег, распределяемые по-разному в паре *туй* и *düğün*.

Итак, как показывает сопоставление «туй/düğün», концепт выступает моделью социальных отношений. Башкирские паремии связывают свадьбу с ленью, обидой, тратой и личным выбором. Турецкие паремии ставят на первый план коллективность, улицу, долг и взаимную помощь. Для башкирской традиции характерен взгляд, фиксирующий частную цену обряда и эмоциональную уязвимость участника. Семантике турецких пословиц характерен взгляд, собирающий людей вокруг общего действия и общей ответственности. Оба корпуса хранят ритуальный опыт в краткой формуле, проверенной бытовой памятью и словарной фиксацией [2: 14; 3: 6; 4: 12]. На границе пословичного корпуса двух народов особенно отчетливо реализуется образная семантика концепта, задающие познание двумя народами праздничного опыта.

Литература:

1. Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию. Учебное пособие. – М.: Наследие, 1997. – 208 с.
2. Мансурова О.Ю. Турецко-русский словарь пословиц. – М.: Ленанд, 2014. – 128 с.
3. Әхтәмов М.Х. Әсә. Мәкәлдәр һәм әйтемдәр һүзлеге. – Өфө: Китап, 2009. – 489 бит.
4. Самситова Л.Х. Культурные концепты в башкирской языковой картине мира. – Уфа: БГПУ, 2015. – 456 с.

© Калмурзина Х.Н., 2026

УДК 81

Канбулатова Д.К.,
студент УУНиТ,
Научный руководитель – ***Султанова З.А.;,***
канд. филол. наук, ст.преп. УУНиТ,
г. Уфа, Россия

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА КОРЕЙСКИХ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Перевод корейских пословиц и поговорок – это сложная и многоаспектная задача, которая требует не только владения языком, но и глубокого проникновения в культуру, менталитет и исторический контекст Кореи. Пословицы и поговорки, являясь отражением народной мудрости, накопленной на протяжении веков, часто используют образные выражения, которые могут не иметь прямых эквивалентов в других языках. По этой причине их перевод часто выходит за пределы буквальной интерпретации и нуждается в творческом подходе.

Корейские пословицы отличаются своей образностью. Многие из них строятся на метафорах, которые берут начало в природе, сельском хозяйстве или традиционном образе жизни. Например, выражения, связанные с рисом, горами или животными, могут показаться непонятными представителям других культур, если не будет дополнительного объяснения. Переводчик сталкивается с дилеммой: сохранить оригинальный образ или заменить его аналогом, который будет более понятен для целевой аудитории, но при этом передаст ту же смысловую нагрузку.

Культурная специфика также оказывает существенное влияние на перевод. Корейские пословицы часто отражают конфуцианские ценности: уважение к старшим, значение образования и коллективизм. При переводе на русский язык эти идеи могут быть поняты, но для сохранения естественности и глубины смысла иногда необходима адаптация. В некоторых случаях прямая передача может показаться слишком назидательной или устаревшей.

Еще одной сложностью является лаконичность корейских пословиц. Они часто короткие, но насыщенные смыслом, и при переводе возникает риск либо потерять часть значения, либо, наоборот, чрезмерно расширить фразу. Баланс между точностью и выразительностью становится ключевым критерием качественного перевода.

Также следует учитывать наличие аналогов в языке перевода. В некоторых случаях возможно подобрать русскую пословицу с близким значением, что делает текст более естественным для читателя. Однако такой подход не всегда уместен, так как может привести к утрате национального колорита оригинала.

Различные исследователи выделяют различное количество способов перевода пословиц и поговорок, но, обобщив, можно выделить максимальное число способов – пять [2].

1. Полное пословичное соответствие (эквивалент). Используется, когда в языке перевода есть пословица, равнозначная по смыслу, функции и стилистическим характеристикам пословице оригинала и совпадающая с ней полностью или в основе своей по образному содержанию. Иными словами, метафора, заключённая в пословице, должна опираться на идентичные образы. Например: 생시에 먹은 마음 취중에 난다 «Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке» (дословно: что всю жизнь таил в душе, откроется, когда напьёшься) [1]

Такая замена хороша тем, что показывает отсутствие национального колорита, что позволяет беспрепятственно пользоваться пословицей в любом другом языке и при любом переводе.

Полные эквиваленты часто встречаются у так называемых интернациональных пословиц и поговорок, восходящих к библейским и мифологическим источникам.

2. Частичное пословичное соответствие. Используется, когда пословица языка перевода эквивалентна пословице оригинала по смыслу, функции и стилистической окраске, но различается своим образным содержанием. Например: 고래 싸움에 새우등 터진다 (дословно: Киты дерутся – у креветки спина трещит).

3. Калькирование. Пословица воспроизводится почти дословно, и сам контекст подсказывает, что читатель имеет дело с устойчивым оборотом, воспроизводимым по оригиналу. Иногда даже в самом авторском тексте есть вводные пояснения, указывающие на фразеологизм: «как говорит пословица», «как обычно говорят», «всем известно что» и так далее.

Например: 구르는 돌은 이끼가 안 낀다 «Катящийся камень мхом не зарастёт».

Калькированию пословиц и поговорок способствует то обстоятельство, что лежащие в основе этих устойчивых выражений образы, конечно, если они не сугубо национальные, воспроизводятся средствами языка перевода и оказываются вполне понятными для носителей этого языка [4].

4. Псевдопословичные соответствия. К ним прибегаю, когда переводчик считает нецелесообразным использовать имеющиеся в языке соответствия или когда в нём вообще нет полного или частичного эквивалента. В этом случае переводчик «изобретает» пословицу, воспроизведя без модификаций или с некоторыми изменениями образное содержание оригинальной пословицы и, конечно, сохраняя её смысл. При создании такой «ложной пословицы» используются образные и звуко-ритмические средства [2].

Словосочетания стилизуются под пословицу. У читателя должно сложиться впечатление, что созданная пословица существует в языке перевода или что это иностранная пословица, воспроизведённая средствами родного языка. Псевдопословичное соответствие – всегда результат творческого воссоздания изречения языка оригинала. Например, пословице 궁지 빠진 쥐가 고양이를 문다 «Загнанная в тупик мышь и кошку кусает», также эту пословицу можно перевести и с рифмой: «Если мышь в тупик загнать, она и кошку сможет покусать».

5. Пересказ фразеологизма, то есть описательный перевод. Отсутствие необходимых соответствий и невозможность дословного калькирования влияют на выбор этого способа перевода. Он сводится к толкованию, объяснению пословицы, которая в переводном тексте практически перестаёт существовать как самостоятельная языковая единица и словно растворяется в контексте. При таком способе перевода неизбежны стилистические и информационные потери. Например: 메뚜기 유월 한 철이다 «Сезон кузнечиков – это июль». На самом же деле эта пословица соответствует русской – «Всему своё время» [1].

Перевод корейских пословиц и поговорок представляет собой не просто языковую, но и культурную интерпретацию. Он требует гибкости мышления, умения анализировать контекст и находить компромисс между точностью и адаптацией. Именно в этом проявляется мастерство переводчика, способного сохранить дух оригинала и сделать его понятным для другой аудитории

Литература:

1. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). –М, 2013. – С. 253.

2. Коновалова Э. К., Григорян Е. О. Особенности способов и приемов перевода фразеологизмов различных языковых культур // Филология и лингвистика в современном обществе: материалы Междунар. науч. конф. (г.Москва, май 2012 г.). - М.: Ваш полиграфический партнер, 2012. – С. 109–113. – [Электронный ресурс] URL https://moluch.ru/conf/phil/archive/27/2300/ (дата обращения 18.03.2026)

3. Ким Хёнчжон. Исследование способов перевода корейских пословиц на русский язык // Русский язык за рубежом. –2014. –С. 88–94.

4. Лазутин С.Г. Метафоры в пословицах и поговорках (принципы их создания, виды и идейно-эстетические функции). – Воронеж: «Наука», 1976. – С.49

© Канбулатова Д.К.,2026

УДК 811.512.141

Ҡарабаева Л.М.,
Өфө университеты студенты
Ғилми етәксеһе – ***Ҡарабаев М.И.,***
филол. фәнд. канд., Өфө университеты доценты,
Өфө ҡ., Рәсәй.

МОСТАЙ КӘРИМДЕҢ “ОҘОН-ОҘАҠ БАЛА САҠ” ПОВЕСЫНДА ФРАЗЕОЛОГИЗМДАРҘЫҢ ЭМОТИВ ФУНКЦИЯҺЫ

Тел – халыҡтың рухи донъяһын, уның тарихи үҫешен, мәҙәниәтен һәм тормош тәжрибәһен сағылдырыусы иң мөһим сараларҙың береһе. Тел байлығының айырыуса әһәмиәтле өлөшөн фразеологизмдар тәшкил итә, сөнки тап улар ярҙамында фекер образлы, тәрән һәм тәьҫирле итеп еткерелә. Фразеологизмдар телмәрҙе генә байытып ҡалмай, ә халыҡтың донъяға ҡарашын, фекерләү үҙенсәлектәрен дә сағылдыра.

Фразеологизмдар тип тотороҡло һүҙбәйләнештәрҙе атайҙар. Уларҙың мәғәнәһе айырым һүҙҙәрҙең тура мәғәнәһенән формалашмай, ә күсмә, дөйөмләштерелгән мәғәнәгә эйә була. Шуға күрә фразеологизмдарҙы һүҙмә-һүҙ тәржемә итеү йәки уларҙы тарҡатып аңлатыу күп осраҡта дөрөҫ һөҙөмтә бирмәй. Улар телдә әҙер берәмек булараҡ йәшәй һәм үҙгәрешһеҙ тиерлек ҡулланыла.

Фразеологизмдарҙың төп билдәләре араһында тотороҡлолоҡ, күсмә мәғәнә, бүленмәҫлек һәм әҙер килеш ҡулланылыу айырыуса мөһим урын тота. Тотороҡлолоҡ тигәндә, һүҙбәйләнештең составы үҙгәрмәүе күҙ уңында тотола. Мәҫәлән, фразеологизмдағы һүҙҙәрҙе алыштырыу йәки урындарын үҙгәртеү уның мәғәнәһен боҙа. Күсмә мәғәнә иһә фразеологизмдың нигеҙендә ята, сөнки ул тура мәғәнәнән айырылып, образлы мәғәнә барлыҡҡа килтерә.

Фразеологизмдарҙы төрлө принциптар буйынса классификацияларға мөмкин. Мәғәнәһе буйынса улар идиомаларға һәм фразеологик берәмектәргә бүленә. Идиомаларҙа мәғәнә бөтөнләй күсмә була һәм айырым компоненттарҙан сығып аңлашылмай, мәҫәлән:

• *баш әйләнеп китеү* – аптырау, буталыу;
• *йәне көйөү* – ныҡ борсолоу, эстән яныу;
• *күҙ буяу* – алдау, ысынбарлыҡты йәшереү.

Фразеологик берәмектәрҙә дөйөм мәғәнә өлөшләтә аңлашылып тора.Миҫалдар:

• *ҡул күтәреү* – һуғыу;
• *баш эйеү* – хөрмәт күрһәтеү, буйһоноу;
• *ҡолаҡҡа инеп ҡалыу* – иҫтә ҡалыу.

Тематик яҡтан ҡарағанда, фразеологизмдар кеше хис-тойғоларын, уның холҡон, хеҙмәтен, көнкүрешен, тәбиғәт күренештәрен сағылдыра ала. Стиль яғынан улар һөйләү телендә лә, әҙәби телдә лә, художестволы әҫәрҙәрҙә лә киң ҡулланыла.

Фразеологизмдарҙың телмәрҙәге роле бик ҙур. Улар фекерҙе аныҡыраҡ һәм сағыуыраҡ итеп еткерергә ярҙам итә, эмоциональ яҡтан көсәйтә һәм һөйләмдең тәьҫир көсөн арттыра. Шул уҡ ваҡытта фразеологизмдар халыҡтың быуындан-быуынға күсеп килгән тормош тәжрибәһен, аҡылын һәм мәҙәниәтен һаҡлай.

Әҙәби телдә фразеологизмдарҙың роле айырыуса ҙур, сөнки улар художестволы образдар тыуҙырыуҙа төп сараларҙың береһе һанала. Яҙыусылар фразеологизмдар ярҙамында геройҙарҙың характерын асыҡлай, уларҙың эске донъяһын, кисерештәрен һәм мөнәсәбәттәрен тулыраҡ күрһәтә ала. Был иһә әҫәрҙең уҡыусыға тәьҫирен көсәйтә һәм уны йәнлерәк итә. Фразеологизмдар ҡулланылған текст уҡыусы хәтерендә яҡшыраҡ ҡала, сөнки образлы һөйләмдәр фекерҙе визуаль һәм эмоциональ кимәлдә нығыраҡ сағылдыра.

Был күренеш айырыуса Мостай Кәримдең ижадында асыҡ күрһәтелә. Уның “Оҙон-оҙаҡ бала саҡ” әҫәре халыҡсан теле, образлылығы һәм тәрән йөкмәткеһе менән айырылып тора. Автор фразеологизмдарҙы бик оҫта һәм урынлы ҡулланып, геройҙарҙың эске донъяһын, уларҙың кисерештәрен һәм холоҡ-фиғелен ентекле итеп һүрәтләй. Бындай һүҙбәйләнештәр уҡыусыға геройҙың эмоциональ хәлен яҡшыраҡ аңларға мөмкинлек бирә.

Әҫәрҙәге фразеологизмдар ярҙамында геройҙарҙың төрлө эмоциональ торошо асыла. Мәҫәлән:

- *“Күпме баш ватҡан булдыҡ.”* [2, 276] – ауыр уйҙарға сумыу, ҡатмарлы хәлдән сығыу юлдарын эҙләү “баш ватыу” кеүек һүҙбәйләнеш аша бирелә, был иһә персонаждың психик көсөргәнешен күрһәтергә ярҙам итә;

- *“Кара Йомағол йомоҡ кешеләрҙән һанала, уның ауыҙынан һүҙҙе көрәк менән ҡайырып алырға кәрәк, тиҙәр.”* [2, 12] – кешенең өндәшмәүсән, йомоҡ булыуын автор *“ауыҙынан һүҙҙе көс менән ҡайырып алырға кәрәк”* тигән фразеологизм аша һүрәтләй, был образ геройҙың холҡон асыҡ итеп күҙ алдына баҫтыра;
- *“Уларҙың хәсрәт-зарҙары ла бер төҫлө – йөрәкте көйҙөрөп, әрнетеп ала.”* – кешенең эске кисерештәре, ҡайғыһы һәм әрнеүе *“йөрәкте көйҙөрөп ала”* [2, 156] кеүек фразеологизм аша тәрән итеп бирелә;
- *“Хәтеремә төшһә, әле ҡолаҡтарым янып китә.”* – оялыу йәки уңайһыҙланыу кеүек тойғолар *“ҡолаҡтарым янып китә”* [2, 168] фразеологизмы аша һүрәтләнә, был иһә хистәрҙе физик тойом аша күрһәтеү алымын раҫлай;
- *“Күҙҙән уттар сәселде» тигән нәмәне мин тәүтапҡыр ана шунда, һигеҙ йәшемдә, татыным.“* [2, 29] – әҫәрҙә асыу, аптырау һәм көслө тәьҫирләнеү кеүек хәлдәр ҙә фразеологизмдар ярҙамында сағыу итеп бирелә *“күҙҙән уттар сәселеү”* кешенең ныҡ асыуланыуын күрһәтһә;
- *“Эйе, башта осҡондар сәселде, унан һуң күҙ алдымда ҡара түңәрәктәр тәгәрәргә кереште, ләкин мин бирешмәнем.“* [2, 29] – “*күҙ алдымда ҡара түңәрәктәр тәгәрәргә кереште”* – көтөлмәгән хәлдән аптырауҙы йәки хәлһеҙләнеүҙе белдерә. Бындай фразеологизмдар тексҡа динамика өҫтәй һәм уҡыусыға ваҡиғаларҙы тәрәнерәк тойорға ярҙам итә;
- *“Башлыҡ тәүҙә шаҡ ҡатты”* – автор ҡайһы бер осраҡтарҙа аптырау йәки көтөлмәгән хәлде күрһәтеү өсөн *“шаҡ ҡатты”* тигән фразеологизмды ҡуллана. Был һүҙбәйләнеш геройҙың көслө тәьҫирләнеүен, хатта бер аҙ юғалып ҡалыуын да белдерә;
- *“Беҙгә ҡарап, лавкасының күҙе дүрт булды.”* – көслө эмоциональ торошто күрһәтеү өсөн әҫәрҙә һәм дөйөм телдә *“күҙе дүрт булды”* тигән фразеологизм ҡулланыла, ул кешенең ныҡ аптырап, ғәжәпләнеп ҡалыуын аңлата, әйтерһең дә ул барыһын да бер юлы күрергә тырыша;
- *“Муйынға ҡыҙыл галстук тағып, бөтә донъя революцияһы өсөн йәнде аямаҫҡа ант иткән, беҙ – малайҙарҙың әлеге баярҙарға асыуы оторо ҡабара төштө. ”* – асыу хисен көсәйтеп күрһәтеү өсөн *“асыуы оторо ҡабара төштө”* тигән фразеологизм бик уңышлы ҡулланыла. Был һүҙбәйләнеш кешенең ябай ғына асыуланып китеүен түгел, ә уның асыуы яйлап арта барып, бик көслө кимәлгә етеүен белдерә. Бындай фразеологизмдар эмоцияның үҫешен, динамикаһын күрһәтеүе менән әһәмиәтле.

Дөйөм алғанда, “Оҙон-оҙаҡ бала саҡ” әҫәрендә фразеологизмдар художестволы сара булараҡ ҙур әһәмиәткә эйә. Улар тексты байыта, образдарҙы тулыраҡ аса, телмәрҙе йәнләндерә һәм әҫәрҙең халыҡсанлығын көсәйтә. Мостай Кәримдең фразеологизмдарҙы оҫта ҡулланыуы уның тел байлығын һәм ижади оҫталығын күрһәтә.

Шулай итеп, фразеологизмдар телдең айырыуса мөһим һәм үҙенсәлекле ҡатламы булып тора. Улар телмәрҙе тик матурлау өсөн генә түгел, ә фекерҙе тәрәнәйтеү, мәғәнәне көсәйтеү һәм әйтергә теләгән уйҙы ҡыҫҡа, әммә бик образлы итеп еткереү өсөн хеҙмәт итә. Фразеологизмдар ярҙамында кеше үҙенең хис-тойғоларын да, донъяға ҡарашын да нығыраҡ, тәьҫирлерәк итеп белдерә ала. Улар телдең тарихи үҫешен, халыҡтың тормош тәжрибәһен һәм мәҙәни байлығын һаҡлаусы мөһим сараларҙың береһе булып тора.

Әҙәбиәт исемлеге:

1. Кейекбаев Ж.Ғ. Башҡорт теленең лексикаһы һәм фразеологияһы. – Өфө: БДУ, 2002. – 261 бит.
2. Кәрим Мостай. Оҙон-оҙаҡ бала саҡ. – Өфө: Башҡортостан «Китап» нәшриәте, 1981. – 296 бит.
3. Ураҡсин З.Ғ. Башҡорт теленең фразеологик һүҙлеге. – Өфө: Китап, 2006. – 344 бит.

© Ҡарабаева Л.М., 2026

УДК 81

Кәримова А.А.,
Өфө фән һәм технологиялар университетының студенты
Ғилми етәксеһе: ***Абдуллина Г.Р.,***
Өфө фән һәм технологиялар филол. фәнд. д-ры., профессор
Өфө ҡ., Рәсәй

БАШҠОРТ ТЕЛЕНДӘ БАЛАЛАР УЙЫНДАРЫ ЛЕКСИКАҺЫ

Һәр телдең һүҙ байлығын, һүҙ составын, уларҙың ҡулланылыш сфераһын төрлө күҙлектән өйрәнеү менән лексикология бүлеге шөғөлләнә. Профессор Ж. Ғ. Кейекбаев үҙенең 1966 йылда баҫылып сыҡҡан «Хәҙерге башҡорт теленең лексикаһы һәм фразеологияһы» тигән уҡыу ҡулланмаһында «лексикология» һәм «лексика» һүҙҙәренә түбәндәге билдәләмә бирә: «Лексикология (грек. лексик (һүҙ), логос (һүҙ, төшөнсә, фән) – һүҙ тураһындағы йәки телдең һүҙлек составы тураһындағы фән. Лексика ниндәй ҙә булһа конкрет бер телдәге һүҙҙәрҙең йыйылмаһы, шул телдең һүҙлек составы тигән мәғәнәне аңлата» [Кейекбаев, 1966]. Башҡорт теленең лексикаһын фәнни-теоретик яҡтан өйрәнеүҙе профессор Н. К. Дмитриев 1929 – 1930 йылдарҙа уҡ башлай, уның «Башҡорт телендә рус теленән алынған һүҙҙәр, «Башҡорт телендә варваризмдар», «Рус-башҡорт телдәренең бәйләнеше» тигән мәҡәләләре «Строй тюркских языков» тигән бер томлыҡ һайланма хеҙмәттәрендә баҫылып сыға [Дмитриев, 1962]. Башҡорт тел ғилемендә лексиканың төркөмдәре, махсус лексика һәм терминология мәсьәләләре күп ғалимдарҙың хеҙмәттәрендә өйрәнелгән, ләкин ҡайһы бер теоретик ҡапма-ҡаршылыҡтар әлеге көндә лә асыҡ ҡала килә.

1995 йылда И.Ғ. Ғәләүетдинов төҙөгән башҡорт уйындарының беренсе йыйынтығы сыға. Был китапта башҡорт телендә киң таралған балалар уйындары тасуирлана. Китапта әйберҙәр менән уйындар, һыуҙа уйындар, ҡышҡы уйындар, бейеү уйындары һәм башҡа төрлө уйындар миҫалға килтерелгән. Китап уҡыусыны уйын ҡағиҙәләре менән таныштыра, шулай уҡ уйындарҙы өйрәнеү өсөн методик күрһәтмәләр һәм тәҡдимдәр бирә.

«Уйын» һүҙе үҙенең тәү тәғәйенләнешендә ҡыланыу, ҡабатлау, үҙбәк, ҡаҙаҡтарҙа шаман ҡамлауын аңлатҡан. Әммә ваҡыт тегү менән үҙенең тәү мәғәнәһен юғалтып, тик уйынсалап ҡыҙыҡ итеп башҡарыу, күңел асыу рәүешендә йомолоп ҡалған [Сөләймәнов, Солтангәрәева, 1997]. «Хәҙерге башҡорт әҙәби теленең аңлатмалы һүҙлеге»ндә «уйын» һүҙенә бындай билдәләмә бирелә: 1. Күңелгә ҡыуаныс, йыуаныс бирә торған балалар шөғөлө. *Балалар уйыны. Ҡурсаҡ уйыны*. 2. Спорт йәки хәрби күнекмә шөғөлө. *Волейбол уйыны. Футбол уйыны. Хәрби уйын. Һалдат уйыны.* 3. Ҡауышҡан осорҙағы ата ҡоштоң инә ҡошто әүрәтеү өсөн яһаған төрлө ҡыланышы. *Күгәрсен уйыны, һуйыр уйындары.* 4. Йырлау, бейеү, күңел асыу, шаярышыу өсөн үткәрелгән йыйын. *Уйынға барыу. Уйынға сығыу.*

Балалар уйындары милләт мәҙәниәтендә мөһим урын биләй, улар ярҙамында халыҡтың мәҙәниәте, тарихы, ғөрөф-ғәҙәттәре һәм көнкүреше тураһында күп төрлө мәғлүмәт алырға мөмкин. Уйындар һәр ваҡыт халыҡ мәҙәниәтенең мөһим компоненты була, улар кешенең тәне һәм аҡылын сыныҡтыра. Хәҙерге ваҡытта төрлө маҡсаттарға һәм тәрбиәләнештәргә эйә булған бик күп уйындар бар.

Халыҡ «уйындарҙа – хәрәкәт, хәрәкәттә – бәрәкәт» тип юҡҡа ғына әйтмәгән, сөнки балалар өсөн уйын ҡоро хәрәкәт кенә түгел, бәлки донъя көтөргә әҙерләгән хәрәкәт. Уйын бала өсөн – ул дәртле йәшәйеш һәм һәр яҡлап йылдам үҫеш сығанағы, халыҡтың шөғөлөндә, ғөрөф-ғәҙәттәрендә һәм рухында тәрбиә алыу сараһы, донъяны, тормошто таныҡкан уҡыу һәм көс-ғәйрәтте, таһыллыҡты үҫтергән хеҙмәт мәктәбе. Бала донъяға килгәс тә хәрәкәтләнә башлай, сөнки хәрәкәт – йәшәүҙең һәм физиологик үҫештең төп нигеҙе ул. Бары хәрәкәт арҡаһында ғына кеше йәшәй, үҫә, тормош ҡора, ижад итә һәм эшләй. Шик юҡ, һәр ата-әсә балаһының яҡшы булып үҫеүен теләй. Ләкин теләү менән генә эш барып сыҡмай бит әле. Физик яҡтан көслө, юғары рухлы шәхес булып өлгөрһөн өсөн, баланы сабый сағынан уҡ дөрөҫ тәрбиәләргә кәрәк.

Балаларҙы тәрбиәләүҙә уйындар айырыуса ҙур урын биләй. Уйын улар өсөн донъяны танып белеү сараһы, хеҙмәт мәктәбе һәм һәр яҡлап гармониялы үҫеү сығанағы. Ысынлап та, уйнаған саҡта бала өҙлөкһөҙ хәрәкәттә була, ә был хәл инде уның бөтә яҡлап йылдам үҫеүен тәмьин итә. Был физиологик процесс булһа, балаларҙы йәмғиәтебеҙ өсөн кәрәкле кешеләр итеп тәрбиәләүҙең икенсе бер күренеше – психологик процесс та уйындың айырылғыһыҙ өлөшө булып тора.

Үҙегеҙ уйлап ҡарағыҙ: яңғыҙ ғына уйнап йөрөгән сабый уйындан бик тиҙ ялҡа, арый, унан ләззәт тапмай башлай. Ә күмәкләп уйнағанда балалар ғәжәп бер ансамбль тыуҙыра; сабый үҙенең

коллективҡа мөнәсәбәтен билдәләй, күмәк һәм уртаҡ уй менән эш итергә өйрәнә, уның күңелендә иптәшлек, дуҫлык, нәфислек тойғолары тәрбиәләнә.

«Мин балалар ойошмаһы уйын менән байытылырға тейеш тип иҫбат итәм, – тип яҙа А. С. Макаренко. – Хәтерҙән сығармағыҙ, беҙ бөтәһенән элек, уйынға ҙур ихтыяжы булған баланың айырым бер үҫеш осоро тураһында фекер йөрөтәбеҙ. Ул ихтыяжды ҡәнәғәтләндерергә кәрәк. Бала ни тиклем матур уйнаһа, шундай итеп матур эшләйәсәк тә...» [Макаренко, 1984].

Тимәк, баланың уйнай белеүе генә етмәй, ул дөрөҫ һәм матур итеп уйын ҡора ла белергә тейеш. Баланы тәрбиәләүҙә был бик мөһим мәсьәлә. Юғиһә, ҡайһы бер ата-әсәләргә балаһы уйнаһын ғына, уның нисек уйнағаны, кемгә оҡшарга тырышҡаны һис ҡыҙыҡһындырмай. Ә бит тормошобоҙҙа иң насар ғәҙәттәрҙән һаналған эскелек, тупаҫ һөйләшеү кеүек ҡырағай күренештәр ҙә балалар уйынында сағылмай ҡалмай.

Донъяны танып белеүҙең һәр өлкәһе халыҡ тормошон һәм тарихын үҙенә төп сығанаҡ итеп ала. Ошонан сығып, балалар уйынын ойшороу ҙа халыҡтыбыҙҙың быуаттар буйына йәшәп килгән һәм хәҙер ҙә тәрбиәүи әһәмиәтен юғалтмаған милли уйындарын популяштырыуҙан башланып китергә тейеш.

Ҡыҙғанысҡа ҡаршы, хәҙерге ваҡытта балалар араһында элек-электән йәшәп килгән халыҡ уйындары онотола бара. Хәҙерге балалар, әйтерһең, халыҡтың яҡшы уйындары тураһында бер ҙә ишеткәне юҡ. Ә халыҡ уйындары – беҙҙең иң ҡиммәтле мираҫтарыбыҙҙың береһе бит! Уларҙың тәрбиәүи әһәмиәте бер ҡасан да кәмемәй, сөнки улар халыҡтың хеҙмәт итеүе барышында барлыҡҡа килгән.

Халыҡ уйындарының быуындан-быуынға тапшырылып, әлегә тиклем һаҡланып ҡалғандарына иғтибар итһәң, улар халыҡтың уҙған тормошон, мәҙәниәтен, көнкүрешен күҙ алдына баҫтырырға ярҙам итәлер. Халыҡ уйындарының әһәмиәтенә килгәндә, уларҙың йәш быуынды тәрбиәләүҙә тотҡан урыны баһалап бөткөһөҙ. Уйындар кешене төрлө яҡлап үҫтерә, уларҙың фекерләүен, хәтерен, ихтыяр көсөн арттыра һәм физик яҡтан нығыта. Уйын барышында һәр кем етеҙҙәрҙән, көслөләрҙән өлгө алыуҙы, үҙе лә беренселеккә ирешеүҙе маҡсат итеп ҡуя һәм төрлө ҡаршылыҡтарҙы еңеп сығырға тырыша, уңышҡа ирешһә, үҙенең еңеүе менән ләззәтләнә. Күмәк уйындар дуҫлыҡ, берҙәмлек сифаттарын тәрбиәләргә булышлыҡ итә.

Халыҡ уйындары халыҡтың тормошона һәм шөғөлөнә тығыҙ бәйләнгән, борон-борондан баланы донъя көтөргә әҙерләү сараһы булып хеҙмәт иткән. Халыҡ уйындары, йөкмәткеләренән сығып, ике ҙур төркөмгә бүленә: драмалы (сюжетлы йәки башҡарыусанлы) һәм хәрәкәтле (ҡағиҙәле) уйындар. Бынан тыш, балалар уйыны йыл миҙгелдәренә ҡарап та төркөмләнә, сөнки уларҙың ҡайһы берҙәре – ҡыш, икенселәре – яҙ, өсөнсөләре йәй һәм көҙ көндәрендә генә уйнала. Уйындарҙы балаларҙың йәш үҙенсәлектәренә ҡарап та айырып була. Бәләкәйҙәр өсөн, мәҫәлән, драмалы уйындарҙың ябай төрҙәре хас [Ғәләүетдинов, 2002].

Уйындарҙы түбәндәге төркөмдәргә бүлергә мөмкин:

1. Кескәй балалар һәм ҙурыраҡ төркөм балалар уйындары (ҡалаҡҡа йомортҡа һалып йүгереү, уҡсы, баҫтырыш, һәпәләк, ашыҡ уйыны, ат йыйыу, йәшенмәк, күҙ бәйләш, һөйәк уйындары, тирмә – улар барыһы ла үҙҙәренең йөкмәткеһе буйынса рус халҡының жмурки, прятки, горелки, лапта һәм башҡа уйындарына оҡшаш).

2. Спортҡа ҡағылышлы уйындар: йүгереш, ат сабышы, арҡан тартыу, тоҡ кейеп йүгереү, тоҡтар менән һуғышыу, сәкән һуғыу, ҡолға буйлап үрмәләү, ҡалаҡҡа йомортҡа һалып йүгереү, һуғылған таҫтамалдарҙы тартыш һ.б. («уҡ атыу» – «стрельба из лука», «күк бүре» – «серый волк», «ҡырҡҡы уҡ» – «расщепляющая стрела», «өс бүкән» – «три пня».

3. Сюжетлы-ролле уйындар («әсәйҙәр һәм ҡыҙҙар» – «дочки матери», «убырлы ҡарсыҡ» – «ведьма», «бесәй менән сысҡандар» – «кошки мышки», «йәшерәм яулыҡ» – «прячу платочек») һәм сюжетһыҙ ярыш уйындары («Аҡ тирәк, күк тирәк», «Йәбешкәк түңгәктәр» һ.б.).

4. Байрамдарҙа уйнай торған уйындар (ҡарға бутҡаһы, һабантуй, майҙан, туй).

Башҡорт халыҡ уйындары – башҡорт халҡының тарихи яҡтан нығынған күңел асыу, уйын-көлкө, тамаша ҡылыу саралары һәм спорт, бейеү, йыр бәйгеләре ул. Башҡорт халыҡ уйындары күсмә мәҙәниәт традицияларында формалашҡан һәм башҡорттарҙың тарихы, хеҙмәте, көнкүреше һәм йолалары менән бәйле үҫешкән. Уйындар кешелә ғәйрәтлелек, сыҙамлылыҡ, етеҙлек кеүек сифаттар үҫтерә һәм тәрбиәләй, башҡалар менән аралашырға, хеҙмәт һәм хәрби ҡоралдар менән эш итергә өйрәтә. Уйындарҙың берәүҙәре ҡатнашыусыларҙың уҙышыуына, ярышыуына, икенселәре оҫталыҡты күрһәтеүгә, өсөнсөләре донъяны танып белеүгә ҡоролған. «Халыҡ уйындары халыҡтың тормошона һәм шөғөлөнә тығыҙ бәйләнгән, борон-борондан баланы донъя көтөргә әҙерләү сараһы булып хеҙмәт иткән», – тип яҙа И.Ғ. Ғәләүетдинов [Ғәләүетдинов, 2002].

Миçал итеп «үрләтеш» уйынын алайыҡ. Уйын алдынан бер һыҙыҡ һыҙыла. Бында ике бала ҡатнаша ала. Һынашмаҡ әйтәләр:

Әпкә – бипкә,
Лэмән төпкәр.
Ағас, – ҡуян,
Сыҡ!

«Сыҡ» һүҙе тура килгән бала уйынды башлап ебәрә. Уйындың аңлатмаһы. Уйынды башлаусы бала тупты (ҡыш көнө ҡар йомғағын ҡулланырға мөмкин) һыҙыҡтан ҡаршы яҡҡа бәрә. Ә иптәше уны кире ҡаҡсытырға тырыша. Туп ҡайҙа төшә, шул ерҙән ул уны кире бәрә. Хәҙер уйынды башлаған бала тупты тоторға тырыша. Шулай итеп, балалар тупты төшкән еренән бер-береһенә ҡапма-ҡаршы бәрәләр. Кем тупты алыҫҡа бәрә, шул уйын башланған һыҙыҡтан иптәшенең яғына яйлап күсә бара һәм һуңынан еңеүсе тип таныла.

Был төр уйындарҙа төп уйын ҡоралы булып туп ҡулланыла. Туп уйындарының барыһына ла хас тотороҡло сюжет – ул шул тупҡа эйә булып, уның менән һөжүм итеү. Сюжеттың сиселеше уйындарҙа төрлөсә, ә әһәмиәте уның бер: баланың тәнен сыныҡтыра, рухын нығыта.

«Алырым ҡош» уйынында яҡшы көстәргә ҡаршы яуыз көстәр көрәше бара. Башҡорт халҡының элек-электән тәбиғәт менән мөнәсәбәте көслө булған: берәй хайуанға оҡшатып бейеү, уның «телен» ҡабатлау көстө арттыра һәм һунарҙа уңыш бирә, тип ышанғандар боронғолар, уйын барышында улар йәнлектәрҙең ҡылыҡтарын, тәбиғәт ҡанундарын өйрәнгәндәр. Шуға был уйында зоонимдар ҡулланышын күрә алабыҙ:

- *Төйлөгән, төйлөгән, ни эшләйһең? – тип һорай.*

Хайуандар булып уйнағанға күрә был уйында оҡшатыу һүҙҙәре ҙур урын биләй: *Сип-сип-сип, – тип йөрөйҙәр.*

Уйындарҙы уйнатҡанда физик көсөргәнешлеккә айырыуса иғтибарлы булырға кәрәк. Был осраҡта шуны иҫтән сығарырға ярамай: бала уйындан арырға тейеш түгел, киреһенсә, уйнағандан һуң ул үҙендә илһам һәм яңы көс, дәрт тойһон. Уйынды яҡшы белгәндә генә балалар араһында активлыҡ көслө бара. Бер үк уйынды ҡабатлап уйнау бик файҙалы. Был осраҡта балалар уйынды уйнағанда үҙҙәрен ышаныслы тоя, хәрәкәт күнекмәләрен камиллаштырғандан-камиллаштыра.

Шулай итеп, балалар уйындарында лексиканың төп функцияһы – билдәле бер атмосфера кәйефен булдырыу, балаларҙы уйында әүҙем ҡатнашыуға әйҙәү, шулай уҡ үҙенсәлекле «уйын теле» булдырыу. Уйындар барышында балалар үҙҙәренең үҫмерҙәре менән аралашырға өйрәнәләр, дуҫлыҡ, ярҙам итеү, бер командала эш итеү, ҡуйылған маҡсатҡа ирешеү кеүек бик мөһим сифаттарға төшөнәләр. Әлбиттә, уйындар шым ғына, йырһыҙ, көйһөҙ, шиғри юлдарһыҙ уҙмайҙар, балалар командаларға бүлешер өсөн һынамыштар әйтәләр, уйын дәртен арттырыу өсөн таҡмаҡтар сығаралар, аң-белемде арттырыр өсөн мәҡәлдәр сисешәләр, йырҙар йырлайҙар.

Әҙәбиәт исемлеге

1. Башҡорт халыҡ ижады: мәҡәлдәр һәм әйтемдәр. – Өфө: Китап, 1994. – 285 бит.
2. Ғәләүетдинов И.Ғ. Башҡорт халыҡ балалар уйындары. – Өфө: Китап, 2002. – 248 бит.
3. Дмитриев Н.К. Строй тюркских языков. – Москва: Изд-во вос. лит., 1962. – 607 с.
4. Кейекбаев Ж.Ғ. Хәҙерге башҡорт теленең лексикаһы һәм фразеологияһы. – Өфө: Башҡортостан китап нәшриәте, 1966. – 275 бит.
5. Макаренко А. С. Педагогические сочинения. М., 1984. 4-се том. 172 бит.
6. Хәҙерге башҡорт әҙәби теленең андатмалы һүҙлеге (Рәсәй Фәндәр академияһы Өфө фәнни үҙәгенең Тарих, тел һәм әҙәбиәт институты). – Өфө, 2004. – 528 бит.
7. Шагапова Г.Р. Башкирские народные игры. – Уфа, РИЦ БашГ. – 2008. – 136 с.

© Каримова А.А., 2026

УДК 8.808

Каримова Е. О.,
студент УУНиТ
*Научный руководитель − **Пермякова Л.А.,***
канд. филол. наук, доцент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕПОРТАЖЕЙ ВАДИМА СИНЯВСКОГО

Вадим Святославович Синявский рассматривается в истории отечественной спортивной журналистики как одна из ключевых фигур, поскольку его профессиональная деятельность пришлась на период становления советского спортивного вещания. Его репортажная манера воспринимается как отправная точка отечественной традиции спортивного радиокомментирования. Анализ речевых особенностей Синявского позволяет проследить формирование ключевых стилевых механизмов, обеспечивающих эффект присутствия, эмоциональное вовлечение аудитории и создание устойчивого образа спортивного события в массовом сознании.

Лексико-стилистическая организация репортажей Вадима Синявского формировалась в условиях радиовещания, где слово являлось основным инструментом создания образа спортивного события. Отсутствие визуального ряда требовало от комментатора особой точности и выразительности речи. Именно поэтому лексика и стилистика его репортажей были ориентированы на максимальную наглядность, эмоциональную насыщенность и доступность для массовой аудитории. Эти особенности позволяют рассматривать репортажи Синявского как зрелый образец спортивного медиатекста .

Одной из ключевых характеристик речевой манеры Синявского является высокая степень образности. В репортажах активно использовались метафоры и сравнения, которые помогали слушателю «увидеть» происходящее. Приёмы художественной выразительности выполняли не декоративную, а функциональную роль, поскольку компенсировали отсутствие изображения и усиливали эффект присутствия. Образная лексика превращала перечисление действий в связное и эмоционально насыщенное повествование.

Существенное место в комментариях занимала эмоционально-оценочная лексика. Синявский не ограничивался нейтральным описанием игровых эпизодов, а постоянно маркировал происходящее с точки зрения напряжения, значимости и драматизма. Использование оценочных прилагательных, экспрессивных глаголов и восклицательных конструкций позволяло передать динамику борьбы и вовлечь аудиторию в переживание спортивного события. При этом эмоциональность речи не носила хаотичный характер, а была встроена в общую структуру репортажа и усиливала ключевые моменты соревнования.

Особое внимание заслуживает синтаксическая организация репортажной речи Синявского. Его комментарии отличались чередованием кратких, динамичных фраз и более развёрнутых описательных конструкций. В моменты острого напряжения речь становилась дробной, насыщенной паузами и повторениями, что отражало темп спортивного действия. В более спокойные отрезки трансляции комментатор переходил к пояснениям, обобщениям и контекстуальным комментариям. Такая вариативность синтаксиса соответствовала закономерностям спортивного репортажа как жанра, где форма речи зависит от ритма события.

Лексика Синявского отличалась сочетанием разговорных элементов и книжных, публицистических оборотов. Разговорные конструкции создавали ощущение непосредственного общения со слушателем и снижали дистанцию между комментатором и аудиторией. В то же время публицистическая лексика подчёркивала общественную значимость события и вписывала спортивный эпизод в более широкий культурный и исторический контекст. Подобное сочетание делало речь Синявского одновременно доступной и значимой, что особенно важно для массового радиовещания.

Дополнительной характерной чертой репортажей Синявского являлась особая работа с повествовательной перспективой. Его речь нередко строилась так, что комментатор как бы «двигался» вместе с событием, меняя фокус внимания в зависимости от развития игрового эпизода. Он мог мгновенно переключаться от общего описания ситуации на поле к детализированному выделению одного игрока или решающего момента. Такая подвижность повествования усиливала эффект присутствия и делала репортаж более динамичным в условиях аудиального восприятия.

Важную роль в стилистике Синявского играли повторы и параллельные конструкции. Повторение ключевых слов или фраз использовалось как средство усиления эмоционального напряжения и фиксации внимания слушателя. В моменты кульминации повтор становился ритмообразующим элементом, подчёркивающим драматизм происходящего. Подобные приёмы соответствуют риторической природе спортивного репортажа, где воздействие на аудиторию достигается не только информативностью, но и музыкальностью речи.

Следует отметить специфику использования временных форм в репортажах Синявского. Настоящее время преобладает в описании игровых действий, создавая эффект одновременности речи и события. При этом прошедшее и будущее время используются точечно, чаще всего для кратких отступлений, прогнозов или оценки значимости происходящего. Такая временная организация речи способствует формированию целостного репортажного пространства, в котором слушатель находится «здесь и сейчас».

Отдельного внимания заслуживает интонационная сторона репортажей, тесно связанная с лексико-стилистическим уровнем. Интонация у Синявского выступала самостоятельным выразительным средством, усиливающим смысл слов. Повышение темпа, изменение громкости, паузы перед ключевыми эпизодами позволяли структурировать репортаж без дополнительных пояснений. Лексика в этих случаях подбиралась таким образом, чтобы максимально точно соответствовать интонационному рисунку речи.

Таким образом, лексико-стилистические особенности репортажей Вадима Синявского определяются сочетанием образной и оценочной лексики, гибкой синтаксической организации и ориентации на устную форму восприятия. Его репортажная речь не только соответствовала жанровым требованиям спортивного репортажа, но и во многом сформировала представление о том, каким должен быть язык спортивного комментария. Именно эта речевая модель стала основой для дальнейшего развития отечественной школы спортивного репортажа.

© Каримова Е.О., 2026

УДК 811

Каримова А.М.,
студент УУНиТ
Научный руководитель ***– Билалова Д.Н.,***
канд. филол. наук, доцент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО СЛЕНГА (НА МАТЕРИАЛЕ МОЛОДЁЖНОЙ РЕЧИ)

Среди всех обозначений неформальной молодёжной речи сленг является самым поздним по времени появления. В русском языке XIX века закрепились термины «жаргон» и «арго», пришедшие из французской социологической школы. Само же понятие «сленг» стало использоваться в отечественной лингвистике только в 1960-е годы. В словаре О.С. Ахмановой даётся следующее толкование: сленг – это, во-первых, разговорная разновидность профессионального языка; во-вторых, это элементы разговорной речи различных профессиональных или социальных групп, которые, попадая в литературный язык или в повседневное общение людей, не принадлежащих к этим группам, приобретают яркую эмоционально-экспрессивную окраску [1].

Происхождение самого слова «сленг» до сих пор вызывает споры. По одной версии, англ. slang произошло от sling («метать», «швырять») – отсюда архаичное выражение to sling one's jaw («говорить грубые речи»). По другой версии, slang восходит к slanguage, где буква s добавилась к language после исчезновения слова thieves (то есть изначально – «воровской язык») [2].

Широкую известность понятие «сленг» получило только в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Это было связано с ростом популярности английского языка среди молодёжи, которая активно использовала англицизмы, подражая западному стилю поведения.

Сегодня сленг – неотъемлемая часть русского языка. Как отмечал О. Есперсен, сленг – это форма речи, возникающая из желания человека отклониться от обычного языка, навязанного обществом, и результат стремления к языковой игре [4].

В основе сленгового словообразования лежат следующие механизмы. Способы формирования сленга:

а) Одним из источников сленга могут служить иностранные языки – как их литературные формы, так и просторечие. Например: «баксы» (от американского сленга bucks), «дэнс» (от английского dance). При заимствовании из других языков нередко используется дословный перевод, например: «перец» в значении «парень» (от английского сленга pepper – «лицо мужского пола»).

б) Сленг также заимствует лексические единицы из других подсистем языка. Например: «дембель» (из военной терминологии – «демобилизация»), «зависать» (из компьютерного жаргона – «прекращать выполнение программы и не отвечать на команды пользователя»).

в) Молодёжный сленг часто прибегает к переосмыслению заимствованных слов. Например: «грузить» в значении «много говорить», «прайс» – «деньги» (от английского price – «цена»).

г) Многие сленговые слова образуются с помощью традиционной и специфической сленговой аффиксации. Например: «бэбик», «бэбис» – «ребёнок» (от английского baby).

В молодёжном сленге используются и другие словообразовательные модели, позволяющие добиться высокой языковой экспрессии.

Рассмотрим примеры сленговых единиц.

1. Анк – мужчина старше тридцати лет, который старается выглядеть моложе своего реального возраста: следит за подростковыми модными тенденциями в одежде, питании, музыке и других сферах жизни, что вызывает у окружающих как одобрение, так и критику. Пример: «Он купил модные кроссовки и начал вести блог, за что друзья сразу прозвали его "анком"». Происхождение: термин появился в 2024 году как смысловая противоположность слову «скуф»; образован от английского uncle («дядя»).

2. Бимбо – девушка, которая много внимания уделяет своей внешности, выглядит ярко и привлекательно, но при этом отличается легкомыслием. Пример: «Она пришла на экзамен в мини-платье и с наращенными ресницами – настоящая бимбо!». Происхождение*:* слово происходит от итальянского bimbo («ребёнок»); позднее перешло в американский сленг.

3. Глоу-ап – русифицированный вариант английского выражения glow up, означающий «преображение», «улучшение». Обычно используется, когда речь идёт о положительных изменениях во внешности или поведении человека. Если кто-то стал увереннее, повзрослел или похорошел, говорят, что с ним произошёл глоу-ап. Пример: «Тренировки и правильное питание изменили его – это настоящий глоу-ап!». Происхождение: сочетание слов glow («сияние») и grow up («взрослеть»). Популяризации термина способствовал рэпер Chief Keef, выпустивший в 2013 году трек Gotta Glo Up One Day; затем выражение стало вирусным в социальных сетях.

4. Делулу – сленговый синоним английского delusional («бредовый»), означает «оторванный от реальности», «живущий в иллюзиях». Согласно Кембриджскому словарю, так говорят о людях, которые верят в несуществующее. Пример: «Она уверена, что любимый певец заметил её на концерте и напишет ей – совсем делулу!». Происхождение: слово стало широко распространяться в 2013 году как оскорбительное прозвище фанатов кей-попа, одержимых идеей встретиться с кумирами. После того как выражение разошлось по TikTok, его значение расширилось, и его стали использовать даже в самоироничном ключе.

5. Киннить (от английского kin – «родственник») – ассоциировать себя с персонажем массовой культуры (кино, аниме, литературы). Человека, с которым видят сходство во внешности, характере или поведении, называют «кин». Также существует выражение «кинни момент» – когда подростки замечают, что персонажи ведут себя похоже на них. Пример: «Я кинню Аску из "Евангелиона"». Происхождение: слова «кин» и «киннить» возникли в фанатской среде, где принято ассоциировать себя с поп-культурными персонажами или подражать им. Активно используется в соцсетях (TikTok, Tumblr).

6. Лейм – русифицированный вариант английского lame («хромой», «неуклюжий»). Используется для характеристики чего-либо или кого-либо скучного, заурядного, немодного или «не крутого». Пример: «Погода в октябре – полный лейм», «Не используй эти слова в речи – это лейм». Происхождение: в Оксфордском словаре отмечается, что lame в сленговом значении начали использовать в США задолго до эпохи интернета. Сегодня слово встречается в речи геймеров, в рэп-текстах и в TikTok.

7. Ризз – русифицированный вариант английского rizz (сокращённая разговорная форма от charisma – «харизма»). Используется в прямом значении: как существительное обозначает чью-либо харизматичность, привлекательность, умение очаровывать. Есть также глагол «риззить» – «мастерски очаровывать». Пример: «Он умеет риззить», «У неё такой ризз, что мимо не пройти!». Происхождение: слово пришло из игровой и интернет-культуры. Оксфордский словарь связывает его

популяризацию с американским блогером Каем Сенатом, который в 2022 году давал советы по «прокачке ризза». Термин быстро подхватили подростки, и он распространился через TikTok.

8. Сигма – независимый, уверенный в себе человек, который не стремится быть частью какой-либо группы или иерархии, но при этом обладает лидерскими качествами. Иногда так называют людей, не желающих вступать в романтические отношения. Пример: «Он настоящая сигма – всегда поступает по-своему и не оглядывается на чужое мнение», «Я рассталась, теперь я сигма-вумен». Происхождение: в животной иерархии альфа-самцы – это вожаки, наиболее привлекательные для самок, за ними следуют бета и омега. В 2010 году американский политический блогер Теодор Роберт Бил адаптировал эту теорию для людей, добавив в классификацию дельт, гамм, лямбд, сигм и омег. Сигмы, по его мнению, похожи на альф, но действуют вопреки социальным нормам. Термин закрепился за «одинокими волками», которые держатся особняком, но считаются не менее крутыми.

9. Слэй – русифицированный вариант английского slay («убить»). В переносном значении используется для выражения похвалы: «сразить наповал», «сделать что-то потрясающе». Пример: «Твой новый маникюр – это слэй!», «Твой образ сегодня такой слэйный». Происхождение: сленг активно применяется в западной популярной культуре и неформальной среде. Популяризацию переносного значения приписывают Бейонсе: в 2016 году на концерте во время исполнения песни Formation она несколько раз произнесла фразу «Cause I slay», которая затем стала вирусной.

10. Тильт – сильное раздражение, потеря настроения или уверенности в себе. Пример: «Я в тильте», «словить тильт», «не тильтуй». Происхождение: слово пришло в молодёжный сленг из видеоигр и покера. Изначально в карточных играх тильтом называли состояние игрока после проигрыша, когда он терял самообладание и начинал совершать грубые ошибки. Со временем значение расширилось: теперь «тильт» обозначает потерю эмоционального контроля в любых играх (компьютерных, спортивных) и не только. Английское tilt переводится как «наклон» или «крен».

11. Прайм – период, когда человек находится на пике своих возможностей и формы. Так называют этап, когда всё складывается удачно: есть энергия, результаты, уверенность, внимание окружающих. Пример: «Я так хорошо выгляжу – я точно в своей прайм эре». Происхождение: от английского prime («расцвет», «лучший период»). В английском существует выражение in one's prime («в лучшие годы», «на пике формы»), которое чаще всего используется в спорте применительно к максимальным результатам спортсмена. Со временем выражение распространилось на музыку, кино, игровые сообщества и интернет-культуру, а затем сократилось до одного слова – «прайм».

12. NPC – так называют людей, которые ведут себя шаблонно, предсказуемо, без индивидуальности и собственного мнения. Слово часто используется иронически, но иногда может иметь нейтральный смысл, описывая просто спокойного, ничем не выделяющегося человека. Аббревиатура NPC расшифровывается как Non-Player Character («неигровой персонаж») – герой компьютерных игр, которым управляет программа, а не игрок. Пример: «Да он обычный NPC». Происхождение: термин стал использоваться за пределами геймерской среды примерно в 2018 году, когда в соцсетях начали появляться мемы и короткие видео, сравнивающие обычных прохожих с NPC. Молодёжь заметила, что некоторые люди ведут себя как «запрограммированные» – повторяют одни и те же шаблоны поведения и фразы.

13. Газ / ехала – призыв к действию, согласие. Означает «поехали», «давай», «вперёд». Пример: «Альтушки Рахметово, газ знакомиться», «Я хочу есть, ехала по шаурме». Происхождение: точное происхождение не установлено, но предположительно эти слова пришли из казахского или кавказского сленга. Согласно одной из версий, распространению слова «ехала» способствовала специфика казахского языка, в котором отсутствует категория рода; при заимствовании русских глаголов в прошедшем времени иногда используется форма женского рода («ехала») независимо от пола говорящего. Эта особенность могла перейти в повседневную речь и закрепиться как стилистически маркированный вариант.

14. Фудкортница – девочки в возрасте от 10 до 16 лет, которые собираются группами, занимают столики на фудкортах и ведут себя вызывающе: громко выясняют отношения, грубят другим посетителям, бросаются едой, а иногда и дерутся со сверстницами.

Пример: «Типичная фудкортница». Происхождение: в начале 2026 года в социальных сетях стали часто появляться посты о странном подростковом движении, которое назвали «фудкортницами» (или «фудкорщицами»). Тренд зародился в TikTok и быстро перешёл в реальную жизнь. Первыми на проблему обратили внимание сотрудники фудкортов: подростки покупают картошку фри или бургер на всех и занимают столики на несколько часов, иногда на целый день.

15. Настикс – своего рода новые «пикми», которые стремятся привлечь внимание парней. Они наряжаются в эпатажные образы, делают яркий макияж, снимают видеоролики в TikTok и при этом, как правило, все похожи друг на друга, не имея индивидуальности.

Пример: «О, ещё одна Настикс идёт». Происхождение: всё началось с фанаток певца Nkey, которые массово меняли свои имена в соцсетях: была, например, Настя, а стала Настикс. В настоящее время это целый образ – девушки до двадцати лет, обязательно в шубах, с очень ярким (порой агрессивным) макияжем и в массивной обуви. Главная цель – посещение вечеринок и постоянное общение с парнями как в соцсетях, так и в общественных местах.

16. Рейджбайт (от английского rage bait – «приманка для ярости») – контент, намеренно создаваемый для того, чтобы вызвать у аудитории гнев, возмущение и острые споры. Основная цель такого контента – спровоцировать бурную реакцию в виде комментариев, репостов и другой активности, что позволяет увеличить вовлечённость, трафик и узнаваемость автора или ресурса, а иногда и получить финансовую выгоду. Пример: «Рейджбайт-контент», «Я вас зарейджбайтил, спасибо за активность». Происхождение: термин впервые был использован в 2002 году на платформе Usenet для описания агрессивной реакции водителей на дороге. Со временем он перешёл в интернет-сленг, а затем закрепился в профессиональной лексике медиаспециалистов и контент-мейкеров.

Подводя итог, можно утверждать, что сленг представляет собой неотъемлемую часть современного русского языка, молодёжной культуры и общества в целом. Он отличается от литературного языка свободой и неформальностью. Сленг активно используется в разных сферах –в социальных сетях, мессенджерах, культуре и искусстве, – позволяя людям выражать свою индивидуальность и принадлежность к определённым социальным группам. Каждая группа может обладать своим уникальным сленгом, который отражает её ценности и интересы.

Литература:

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.
2. Мизюрина Т.В. Определение и общие характеристики понятия «сленг», его роль в языке и культуре современной России // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 1 (292). – С. 106–111.
3. Никитина Т.Г. Толковый словарь молодежного сленга: Слова, непонятные взрослым. Ок. 2000 слов. – М.: ООО «Издательство Астрель» : ООО «Издательство АСТ», 2003. – 736 с.
4. Jespersen, O. Mankind, nation and individual from a linguistic point of view. Oslo, 1925.
5. Школа научных исследований: электронный журнал [Электронный ресурс]. – URL: https://school-science.ru/17/10/52392 (дата обращения: 02.04.2026).
6. Коммерсантъ: интернет-издание [Электронный ресурс]. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/8248338 (дата обращения: 02.04.2026).
7. URA.RU: сетевое издание [Электронный ресурс]. – URL: https://ura.news/news/1053079993 (дата обращения: 02.04.2026).
8. Халва Медиа: интернет-издание [Электронный ресурс]. – URL: https://media.halvacard.ru/life/fudkortnicy-kto-oni (дата обращения: 02.04.2026).
9. Lenta.ru: интернет-издание [Электронный ресурс]. – URL: https://lenta.ru/articles/2025/08/29/slovar-molodezhnogo-slenga/ (дата обращения: 02.04.2026).
10. RB.ru: интернет-издание [Электронный ресурс]. – URL: https://rb.ru/reviews/molodezhnyy-slang-49-slov-dlya-obshcheniya-s-zumerami-v-2025-godu/ (дата обращения: 02.04.2026).
11. Hi-Tech Mail.ru: интернет-издание [Электронный ресурс]. – URL: https://hi-tech.mail.ru/review/125968-tilt/ (дата обращения: 02.04.2026).
12. Газета.Ru: интернет-издание [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gazeta.ru/social/21780038/chto-takoe-tilt.shtml (дата обращения: 02.04.2026).
13. Postium: интернет-издание [Электронный ресурс]. – URL: https://postium.ru/chto-znachit-prajm-na-slenge/ (дата обращения: 02.04.2026).
14. JustMedia: интернет-издание [Электронный ресурс]. – URL: https://www.justmedia.ru/analitika/society/chto-znachit-npc-v-molodezhnom-slenge (дата обращения: 02.04.2026).

© Каримова А.М., 2026

УДК 811.512.141'282.4'373.2

Кәримова А.М.,
студент,
*Ғилми етәксеһе – **Әлимбаева Г.Ғ.,***
филол. фәнд. канд., доцент,
Өфө университеты, Өфө

ДИАЛЕКТ һҮҘҘӘРҘЕҢ БАШҡОРТ ТЕЛЕНЕҢ ЛЕКСИК ФОНДЫН БАЙЫТЫУҘАҒЫ РОЛЕ

Билдәле булыуынса, башҡорт теле диалектизмдарға бик бай. Мәҫәлән, хайуандар һәм үҫемлектәр донъяһы өлкәһендәге атамаларҙың диалект варианттары бер нисә тиҫтәгә барып етә.

Мәҫәлән, урыҫ телендә «божья коровка» тип аталған бөжәк һөйләштәрҙә *аллабыуай һыйыры, аллабабай пипейе* (урта урал), *алла титейе* (төньяҡ-көнбайыш)*, гөз* (урта), *гөргөрөй* (дим), *гузбабай* (дим), *гүсембай* (ҡариҙел), *жир тауығы* (төньяҡ-көнбайыш), *земелей* (эйек-һаҡмар), *ипей ҡондоҙо* (төньяҡ-көнбайыш), *камкакүрей* (төньяҡ-көнбайыш), *камфаратыр* (төньяҡ-көнбайыш), *кейәпапа, көйәпапа* (ҡариҙел), *көзмә* (урта), *көнйылытҡыс* (дим, мейәс, ҡыҙыл, һаҡмар), *күҙемкүҙ* (ҡариҙел), *ҡыҙыл һыйыр* (арғаяш, мейәс), *маңҡатүтей* (төньяҡ-көнбайыш), *маржа* (төньяҡ-көнбайыш), *мәликәтутай* (ырғыҙ), *мәсет тараҡаны* (урта), *осаҡай* (арғаяш), *осом* (урта), *осар* (һаҡмар), *осйөҙөгөм* (әй), *оскалаҡ* (урта), *оссыйырым* (әй), *саныйапа* (төньяҡ-көнбайыш), *сыбар һыйыр* (арғаяш), *сыуағапай* (һаҡмар), *тутанай* (эйек-һаҡмар), *тутыйапай* (ырғыҙ), *тәтәй тауық, тәтәй ҡош, тәтәй чебен* (төньяҡ-көнбайыш), *урманкүс* (урта урал), *үләкә* (һаҡмар), *үрмәкес* (дим, төньяҡ-көнбайыш), *этемүс* (ҡариҙел), *әбейкүч* (төньяҡ-көнбайыш), *әбей ҡояшы* (миңзәлә), *әбей сыуаҡ* (ҡыҙыл, мейәс, урта), *әпипә* (төньяҡ-көнбайыш), *әтемүс, әтүмес* (ҡариҙел) тигән варианттарҙа йөрөй.

Бәпембә һүҙенең дә, алда әйтеп үтелгәнсә, 70-кә яҡын синонимы бар: *апапау* (дим), *ауымбаҡ* (арғаяш), *бағайаҡ* (арғаяш, мейәс), *бағанаҡ* (урта), *бағүлән* (салйот, әй), *бағымбаҡ* (арғаяш), *бабайбаш* (ҡариҙел, төньяҡ-көнбайыш, урта), *байымбаҡ* (арғаяш), *баҡбабай, баҡбаҡ* (дим, урта), *баҡымбаҡ* (дим, урта), *баҡмағүлән* (салйот, әй), *баппағүлән* (әй), *бапымбаш* (урта), *бипапа, бипапау (*дим), *бобай* (ҡариҙел), *борҡаҡ* (һаҡмар), *борҡанаҡ* (ҡариҙел), *бөгөлмәк* (мейәс), *бөгәйбәп* (мейәс), *бөгәлбәп* (мейәс), *бөгәләк, бөгәнәк* (мейәс), *бөгәр, бөгәрем* (мейәс), *бөгәрләк* (урта), *бөк-бөгәйем, бөк-бөгәрем* (мейәс), *бүгәлә* (мейәс), *бәмбәкә* (эйек), *бәпелдек* (ҡыҙыл), *бәпем* (арғаяш, дим, урта), *бәпембәп* (урта), *бәҙембә* (арғаяш), *бәҙүлән* (әй), *бәпкә* (мейәс), *жөмбаш печин* (ғәйнә), *жөнбаш, жөннөкәй* (ғәйнә), *жөннөкәйбаш* (дим), *ипапа, ипапай* (дим), *йар сәскәһе* (урта), *йөндөкәй* (урта), *йөннөбаш, йөнтәйбаш* (дим), *кәпеләм, кәпләм* (эйек-һаҡмар), *ҡарлыуғас йыуаһы* (һаҡмар), *ҡолағалҡа* (төньяҡ-көнбайыш), *ҡорт сәскәһе* (дим, урта), *ләпембә* (һаҡмар), *муллабаш* (ҡыҙыл, урта, һаҡмар), *мулла салмасы* (туҡ-соран), *мәпем* (ҡыҙыл), *мәмтәкә* (эйек), *нөнөнөк* (эйек-һаҡмар), *өкәтә* (урта), *папабаш, папай* (төньяҡ-көнбайыш), *сарысискә* (дим, ҡариҙел), *ҫарыбаш* (дим), *ҫары сискә* (дим), *ҫөтлөкәй* (дим), *ҫөтлүлән* (дим), *туҙғаҡ* (һаҡмар), *туҙғаҡбаш* (миңзәлә), *туҙғанаҡ* (миңзәлә), *үгеҙ күтәне* (төньяҡ-көнбайыш), *һарсәскә* (дим), *һарысискә* (салйот), *һарыбаш* (урта), *һарымай (урта), һарысай* (эйек), *һөтлөгән, һөтлөкәс, һөтлөкәй, һөтлүлән* (урта), *әбибабай* (төньяҡ-көнбайыш), *әгел-бөгөл* (ҡыҙыл), *әпем* (урта), *әпипапа* (миңзәлә, төньяҡ-көнбайыш), *әтәйбаш* (ғәйнә).

Рус телендәге *боярышник* һүҙенең дә синонимдары ифрат күп: *айыу ҡамыры* (төньяҡ-көнбайыш), *байарйемеше* (ҡариҙел), *байарка* (арғаяш, мейәс, урта), *беҙ ағасы* (ҡыҙыл, һаҡмар), *дегәнәк* (урта урал), *дунала* (арғаяш, мейәс, әй), *йеҙағас, йеҙем, йеҙәй, йеҙе* (туҡ-соран, эйек-һаҡмар), *йеҙе* (туҡ-соран, эйек-һаҡмар, урта), *йеҙ емеш* (эйек-һаҡмар), *йемшегән* (эйек-һаҡмар), *йөҙөм* (эйек-һаҡмар), *йушан* (ырғыҙ), *йәбешкән* (дим), *йәүһәр* (әй), *ҡамыраш* (дим, урта), *ҡамыр жимеше* (төньяҡ-көнбайыш, урта урал), *ҡамыр еләге* (дим, ҡариҙел), *ҡамыр жилләге, ҡамыржиләк* (дим, миңзәлә), *ҡамырлама* (дим), *ҡамырлыҡ* (дим, миңзәлә), *ҡамырлауыҡ, ҡамырлыҡ* (төньяҡ-көнбайыш, урта урал), *мәмешкәк* (дим, ҡариҙел), *тештекәй* (арғаяш, салйот), *типкечле ағач* (ғәйнә), *төлкөйемеш* (әй), *энағас* (салйот, төньяҡ-көнбайыш, һаҡмар), *энәғас* (арғаяш, урта урал, эйек-һаҡмар, әй), *энәлеғас* (арғаяш, салйот, урта), *энәде, энәте, энәле, энәлекәй* (мейәс), *энәйемеше* (ҡыҙыл), *энәле* (әй), *энәлек* (арғаяш, дим, ҡыҙыл, мейәс, салйот, төньяҡ-көнбайыш, урта, урта урал, әй), *энәте (*мейәс, урта урал, әй), *энәтек, энәтлек* (арғаяш), *энәтел* (мейәс, туҡ-соран), *энәтал* (арғаяш), *энәтештеғайын* (арғаяш), *энәтештекәй* (арғаяш), *эт йемеше* (төньяҡ-көнбайыш), *әбей йемеше* (эйек-һаҡмар), *әбей ҡамыры* (дим).

Башҡа өлкәләргә ҡараған һүҙҙәр буйынса ла бик күп диалект варианттары килтерергә була. Мәҫәлән, *сәңгелдәк* һүҙенең варианттары: *бәллеү* (дим, миңзәлә, төньяҡ-көнбайыш), *бәллү бишек* (дим), *сәлей* (ғәйнә), *сәленсек* (ғәйнә), *сәмгүлдәк* (ҡыҙыл, мейәс), *сәмгелдәк* (ҡыҙыл), *сәмелдәк*

(ырғыҙ), *сәңгелмәк, сәмгелмәк* (һаҡмар, ырғыҙ), *сәңгелсәк* (арғаяш, мейәс), *һәлмесәк* (мейәс), *һәмбелсәк, һәмберсәк, һәмбүлсәк* (арғаяш, мейәс), *һәмбүрсәк, һәңгерсәк, һәңгүрсәк* (арғаяш), *һәмгелсәк, һәмгелсәй, һәмелсәй, һәмпелсәк, сәмгелсәк, һәмгүлсәк* (мейәс), *һәңерсәк, һәңәрсәк* (салйот), *һәңгерсәк* (әй), *һәңгелсәк* (ырғыҙ), *әүһәләй, әүһәлдәй* (урта).

Шулай уҡ *арҡа мейеһе* һүҙенең дә синонимдары бик күп осрай икән диалекттарҙа: *аҡ елек* (ҡариҙел), *аҡсоға* (арғаяш), *аҡсоҡа* (урта урал), *аҡсуҡа* (салйот), *алҡан* (урта), *арҡажилек* (төньяҡ-көнбайыш), *арҡа йолоно* (дим), *арҡа маңҡаһы* (мейәс), *арҡүҙәк* (төньяҡ-көнбайыш, урта, урта урал, һаҡмар), *бесей жилеге* (дим), *бесей майы, бесей маңҡаһы* (әй), *бесәй йелек* (төньяҡ-көнбайыш), *бесәй майы* (дим, туҡ-соран), *бесәй маңҡаһы* (урта), *бил мейеһе* (урта), *желек* (дим), *жилек* (дим, төньяҡ-көнбайыш, урта урал), *аҡйелек* (ҡариҙел), *йелек* (ҡариҙел, арғаяш, салйот, урта), *песи йелеге* (ҡариҙел, дим), *песи жилеге, песей йелеге* (төньяҡ-көнбайыш), *песи йелек* (ғәйнә), *песей жилек* (ҡариҙел), *песи майы* (дим, әй), *йелем* (арғаяш, салйот, һаҡмар), *йөлөн* (арғаяш, ҡыҙыл, мейәс, урта, эйек-һаҡмар), *йөлөм* (арғаяш), *йолон* (һаҡмар, арғаяш, дим, ҡыҙыл, мейәс, урта), *йолон майы* (дим, урта), *йоҡо* (арғаяш, дим, мейәс, урта), *йөлдә* (мейәс), *йылым* (эйек-һаҡмар), *көпшә майы* (әй), *кәзә майы* (эйек-һаҡмар), *маңҡа* (дим, мейәс, урта урал), *олон буйы* (ҡыҙыл), *теҙ (*урта), *үҙәк майы* (урта).

Ҡарап үтелгән миҫалдарҙан күренеүенсә, башҡорт диалекттары башҡорт теленең лексик фондын синонимдар менән байытыуҙа ҙур роль уйнай.

Әҙәбиәт:

1. Диалектологический словарь башкирского языка. – Уфа: Китап, 2002. – 432 с.

© Кәримова А.М., 2026

УДК 81'115

Кильдиярова А.Р.,
студент
Научный руководитель – ***Алимбаева Г.Г.,***
канд. филол. наук, доцент УУНиТ
г. Уфа, Россия

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ НАРИЦАТЕЛЬНЫХ И СОБСТВЕННЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Словообразование имен существительных в башкирском и китайском языках развивается по разным типологическим направлениям. Башкирский язык опирается главным образом на аффиксацию, сложение основ, парное образование, субстантивацию и сокращение. В китайском языке большинство существительных образованы через соединение корневых морфем-иероглифов, редупликацию, частичную аффиксацию, сокращение и фонетическую передачу заимствованных имен.

В башкирском языке наиболее продуктивным способом образования нарицательных существительных остается аффиксальное словообразование.

От глагольной или именной основы присоединением форманта образуются названия лица, предмета, действия, состояния, места. Очень частотен аффикс *-сы/-се*: *уҡыусы* («ученик, учащийся») от *уҡыу* («учиться»), *эшсе* («рабочий») от *эш* («труд, работа»), *ҡошсо* («птицевод, охотник за птицей») от *ҡош* («птица»). Аффикс *-лыҡ/-лек/-лоҡ/-лөк* формирует существительные со значением места, совокупности, качества, отвлеченного понятия: *ҡайынлыҡ* («березняк») от *ҡайын* («береза»), *имәнлек* («дубрава») от *имән* («дуб»), *ҡошсолоҡ* («птицеводство») от *ҡошсо*, *төшлөк* («полдень, обеденная пора») от *төш*. Как пишет К.Г. Ишбаев, «продуктивность аффиксального словообразования в системе башкирского существительного тесно связана с агглютинативным строем языка и четкой членимостью основы» [1: 54].

Группа формантов образует имена со значением совместности, родства, соотнесенности или результата действия: *-лаш/-ләш/-таш/-тәш* и близкие им варианты: *аталаш* («однофамилец, тезка по отцу») от *ата* («отец»), *әсәләш* («связанный по матери») от

әсә («мать»), *ҡорҙаш* («ровесник, сверстник по поколению») от *ҡор*, *өйҙәш* («сожитель, живущий вместе») от *өй* («дом») [2: 78].

Наряду с продуктивными формантами в языке имеются и менее активные суффиксы. К ним относятся *-ҡа/-кә*, *-мыҡ/-мек*, *-уыл/-үел*, *-ыс/-ес/-ос/-өс*, *-мас/-мәс*, *-мар*, *-сын*, *-ын*, *-к/-к*, *-аҡ/-әк*, *-ҡаҡ/-кәк*, *-лас/-ләс*, *-ҡон*, *-мош*, *-соҡ/-сөк* и ряд других. Они встречаются в составе готовых лексем, но реже используются для свободного образования новых слов: *йомроҡ* («кулак»), *тубыҡ* («колено»), *ҡапҡа* («ворота»). Здесь необходимо учитывать степень опрощения слова. Историческая деривация в подобных случаях менее прозрачна, чем в моделях типа *уҡыусы* или *ҡайынлыҡ*.

Продуктивно в словообразовании нарицательных и собственных имен сложение основ. Башкирское существительное нередко образуется соединением двух корней, которые в новом слове создают единое значение. Классическим примером служит *ҡулъяулыҡ* («платок»), где основы *ҡул* («рука») и *яулыҡ* («платок») образуют название конкретного вида.

Сокращение и аббревиация в башкирском языке чаще всего связаны с названиями учреждений, организаций, должностей, общественных структур и современных реалий. В качестве примеров употребляются *профком* («профсоюзный комитет»), *универмаг* («универсальный магазин»), *телеүҙәк* («телевизионный центр»).

Сокращенные образования тяготеют официально-деловой и публицистической сфере. Нарицательный характер подобных слов обычно очевиден, поскольку они называют тип учреждения или объекта. Однако в определенных условиях сокращенное слово может стать частью собственного имени, если закрепляется за конкретной организацией или брендом: *телеүҙәк – Телеүҙәк.* Тогда словообразовательный процесс переплетается с ономастическим.

Собственные имена в башкирском языке тоже имеют словообразовательную базу, хотя их индивидуализирующая функция часто скрывает производность.

Личные имена нередко восходят к нарицательным словам, обозначающим качества, природные явления, цветы, металлы, животных или желательные признаки. Например: *Айгөл*, *Гөлназ*, *Айбулат*, *Алтынбай*, *Тимерхан*.

В топонимии особенно заметны сложные образования, где родовой элемент соединяется с конкретизирующей основой: *Ағиҙел*, *Ҡаратау*, *Акъяр*. Названия улиц, районов, поселений, учреждений могут формироваться путем онимизации обычного слова или устойчивого словосочетания.

В китайском языке словообразование существительных организовано по иной модели. Здесь нет развитой системы словообразовательных аффиксов, сопоставимой с башкирской. Основным способом служит словосложение, то есть соединение морфем-иероглифов, каждая из которых вносит собственный смысловой компонент.

Уже простые нарицательные имена показывают продуктивность данной модели: *火车* («поезд», букв. «огонь + повозка»), *铁桥* («железный мост»), *电脑* («компьютер», букв. «электрический мозг»), ***森林*** («лес»), ***朋友*** («друг»), *东西* («вещь»). Новое слово обычно двусложно, что соответствует общей тенденции развития китайской лексики.

Одной из главных моделей образования нарицательных существительных в китайском языке является атрибутивная модель, когда первый компонент определяет второй. Например: *铁桥* («железный мост»), ***木桌*** («деревянный стол»), ***山路*** («горная дорога»), *电车* («электрический вагон, трамвай»), *电脑* («компьютер»). При сочинительной модели соединяются близкие или противоположные по смыслу корни: ***朋友*** («друг»), ***森林*** («лес»), *东西* («вещь»), ***大小*** («размер», букв. «большой и маленький»). Есть и глагольно-объектные построения, где действие и предмет объединяются в новое имя: *领带* («галстук»), ***司机*** («водитель»), ***收入*** («доход»).

Частичная аффиксация в китайском языке все же существует, хотя и носит особый характер. Суффикс *子* участвует в образовании предметных названий: *桌子* («стол»), *椅子* («стул»), *本子* («тетрадь»). Суффикс *者* формирует названия лица по действию или роли: *作者* («автор»), *读者* («читатель»), *学者* («ученый»).

Наряду с суффиксами действуют полупрефиксы. Форма *老* входит в состав слов *老师* («учитель»), *老虎* («тигр»), частично утрачивая исходное значение «старый». Префикс *阿* часто используется в разговорных именах: *阿宝* («А-Бао»), *阿明* («А-Мин»). Для школьного курса важно оговаривать, что подобные элементы не тождественны обычным приставкам русского языка. Они функционируют внутри особой китайской системы, граница между корнем и служебной морфемой часто менее жестка.

Собственные имена в китайском языке в основном строятся на базе тех же корней, что и нарицательные слова, но получают особую номинативную функцию. Антропоним обычно складывается по формуле «фамилия + имя»: *王伟*, *李明*, *张丽*, *美玲*.

В имени *美玲* компоненты *美* («красота») и *玲* («звон нефрита») по происхождению восходят к нарицательным словам, однако в составе имени переходят в сферу личной номинации. Часто имеют модель «название + родовой классификатор»: *中国* («Китай»), *德国* («Германия»), *上海市* («город Шанхай»), *黑龙江* («Амур, букв. река Черного дракона») топонимы.

Иностранные имена и названия передаются транскрипционно: *俄罗斯* («Россия»), *马克思* («Маркс»), *莫斯科* («Москва»).

В китайской лексике заметны и более специальные способы образования существительных. Широко развита аббревиация: *北大* («Пекинский университет») от *北京大学*, *中俄关系* («китайско-российские отношения») от сочетания *中国* и *俄罗斯*. В разговорной и детской речи активно действует редупликация: *妈妈* («мама»), *弟弟* («младший брат»), *星星* («звездочка, звезды»), *亮亮* («Лянлян», ласкательная форма имени) [3: 123].

Таким образом, сопоставление башкирского и китайского языков показало типологически неодинаковую систему нарицательных и собственных имена существительных. В башкирском языке разграничение двух разрядов тесно связано с орфографией, падежным оформлением, аффиксальным словообразованием, морфологической структурой слова. В китайском языке решающее значение получают сочетаемость, классификаторы, внутренняя композиция морфем и контекстуальное распознавание имени. Собственные наименования в обеих системах сохраняют связь с нарицательной базой, однако в башкирском языке данная связь чаще проявляется через производящую основу и формант, в китайском – через семантику составляющих иероглифов, модель сложения и культурно закрепленную структуру имени.

Литература:

1. Ишбаев К. Г. Башкирский язык. Морфемика. Словообразование. – Уфа: Гилем, 2000. – 247 с.

2. Гарипов Т. М. Башкирское именное словообразование. – Уфа: Китап, 1959. – 223 с.

3. Сяо Сяотянь. Изучение китайских имен. – М.: Hua Culture Publishing Company, 2007.

© Кильдиярова.А.Р., 2026

УДК 81'115

Кильдиярова А.Р.,
студент
*Научный руководитель – **Алимбаева Г.Г.,***
канд. филол. наук, доцент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

ПОНЯТИЕ НАРИЦАТЕЛЬНЫХ И СОБСТВЕННЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В БАШКИРСКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Имена существительные, как одна из фундаментальных частей речи, присутствуют во всех языках мира, однако их классификация и грамматические особенности могут существенно различаться. Одним из универсальных делений имен существительных является их разделение на нарицательные и собственные. Понимание специфики этих категорий в каждом конкретном языке, сопоставление в разноструктурных языках, как башкирский и китайский, представляет значительный научный интерес, имеет важное практическое значение для лингводидактики.

В башкирском языке имена собственные, именуемые «яңғыҙлыҡ исемдәр», обозначают названия отдельных, единичных предметов, которые выделяются из ряда однородных объектов.

Орфографической особенностью имен собственных в башкирском языке, как и во многих других языках с алфавитным письмом, является их написание с заглавной буквы. К данной категории относятся разнообразные наименования: географические объекты (Башҡортостан – Башкортостан, Өфө – Уфа, Ағиҙел – река Белая), имена и фамилии людей (Салауат Юлаев – Салават Юлаев, Мостай Кәрим – Мустай Карим), названия улиц и площадей (Аксаков урамы – улица Аксакова) и другие уникальные идентификаторы [1: 34].

Нарицательные имена существительные в башкирском языке («уртаҡлыҡ исемдәр») – обобщенные наименования однородных предметов, явлений или понятий. Они указывают на принадлежность объекта к определенному классу, а не на его индивидуальность. В отличие от имен собственных, нарицательные имена пишутся со строчной буквы. Примерами таких имен могут служить: *ҡала – город, урам – улица, һәйкәл – памятник, майҙан – площадь* и другие слова, обозначающие общие понятия.

В китайском языке имена собственные (专有名词 *zhuānyǒu míngcí*) служат для наименования индивидуальных предметов, выделяемых из класса однородных, однако они сами по себе не несут прямого указания на принадлежность к этому классу.

Среди них выделяют имена собственные в узком смысле слова, к которым относятся имена, фамилии, клички, прозвища, псевдонимы, а также зоонимы (названия животных), топонимы (географические названия) и астронимы (названия небесных тел) [2: 76].

Еще одну группу составляют так называемые «наименования» – случаи, когда нарицательные существительные или сочетания слов начинают использоваться для обозначения индивидуализированного объекта, то есть нарицательное существительное приобретает функцию собственного имени по отношению к конкретному объекту. «Нарицательные существительные (普通名词 pǔtōngmíngcí) в китайском языке обозначают класс лиц, предметов или явлений, то есть совокупность однородных объектов, обладающих совпадающим набором признаков» [3: 75].

Одной из интересных особенностей является то, что одно и то же имя собственное иностранного происхождения может иметь несколько вариантов иероглифической транскрипции, что связано с фонетическими особенностями китайского языка и различными подходами к передаче иностранных имен. Например, имя Дональд Трамп может быть записано как 特朗普 (Tèlǎngpǔ) или 川普 (Chuānpǔ)

В китайском письме отсутствует различие между строчными и заглавными буквами – имена собственные и нарицательные имеют одинаковую графическую форму, что иногда используется для создания игры слов или стилистических эффектов, например, в поэзии, где поэты могут скрывать личные имена политических деятелей под омонимичными нарицательными существительными.

В китайском языке также существуют специфические структуры, сочетающие имена нарицательные и собственные. Например, структура «имя нарицательное + имя собственное» (山城重庆 – Горный город Чунцин, 小说《安娜·卡列尼娜》 – Роман «Анна Каренина») функционирует как

обычное существительное, не обладая специальными синтаксическими функциями. Структура «имя собственное + имя нарицательное» (李一鸣先生 – Г-н Ли Имин, 云贵地区 – Юнгуйская область) может выполнять функцию названия или функцию наименования, уточняя или классифицируя имя собственное.

Таким образом, несмотря на типологическое различие двух языковых систем, существительное закрепилось как центральная именная часть речи, внутри которой деление на нарицательные и собственные имена носит устойчивый характер. Башкирская грамматическая традиция, начиная с работ Н. К. Дмитриева и продолженная трудами М. В. Зайнуллина, Н.Г. Ишбулатова, В.Ш. Псянчина и других исследователей, раскрыла морфологические категорий существительного – числа, падежа, принадлежности, выявлены словообразовательные модели и стилистические функции именных форм. В китаистике даже сегодня ведутся дискуссии о самой правомерности частеречного деления, о синтаксических и дистрибутивных критериях выделения существительного. Различия в способах разграничения нарицательных и собственных имен (графическом (заглавная буква) в башкирском языке и контекстно-семантическом в китайском) указывают на принципиально разные методические стратегии школьного преподавания, требующие от учителя опоры как на морфологические, так и на синтаксические и культурологические средства обучения.

Литература:

1. Зайнуллин М.В. Современный башкирский язык. Морфология. – Уфа: Китап, 2002. – 387 с.

2. Коротков Н.Н. Основные особенности морфологического строя китайского языка. – М.: Наука, 1968. – 400 с.

3. Семенас А.Л. Лексикология современного китайского языка: учебник. – М.: Наука, 1992. – 278 с.

© Кильдиярова А.Р., 2026

УДК 811.512.141’373+811.512.157’373

Кириллина С.П.,
студент
Научный руководитель – ***Алимбаева Г.Г.,***
канд. филол. наук, доцент,
УУНиТ, г. Уфа, Россия

ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКИ И ФРАЗЕОЛОГИИ БАШКИРСКОГО И ЯКУТСКОГО ЯЗЫКОВ

Башкирский и якутский языки, относясь к разным ветвям тюркской семьи, представляют собой ценный материал для сравнительно-исторического анализа. Башкирский язык входит в кыпчакско-булгарскую подгруппу западнотюркской ветви, в то время как якутский (саха тыла) занимает обособленное положение в северо-восточной группе, демонстрируя черты раннего отделения от пратюркского ствола [3: 13–15]. Целью настоящей работы является выявление общих закономерностей и специфических различий в лексических и фразеологических системах данных языков.

Генетическая общность и фонетические соответствия. Анализ базисной лексики подтверждает наличие общего исконного фонда. В области соматической лексики и терминов родства выявлены устойчивые когнаты, сохранившие пратюркские корни. Например: башк. *баш ‘голова’* – як. *бас ‘голова’*, башк. *ҡан ‘кровь’* – як. *хаан ‘кровь’*, башк. *эне ‘младший брат’* – як. *ини ‘младший брат’*. Как отмечал Дж. Г. Киекбаев, регулярное соответствие башкирского «ш» якутскому «*с*» и начального «*ҡ*» якутскому «*х*» является одним из главных доказательств их родства [6: 264]. При этом в якутском языке наблюдается консервация архаичных значений. Показателен пример с общетюркским *аға*: в башкирском это *ағай ‘старший брат’*, тогда как в якутском *аҕа* закрепилось в значении *‘отец’*, что отражает древнюю перестройку системы родства.

Числительные от одного до десяти в обоих языках практически идентичны: башк. *биш ‘пять’* – як. *биэс ‘пять’*, башк. *ете ‘семь’* – як. *сэттэ ‘семь’*. Семантические сдвиги заметны в лексике природы: общетюркский корень көк сохранил в башкирском значение *күк ‘небо, голубой’*, тогда как якутское *күөх* расширило семантику до *‘зеленый, синий, голубой’*, маркируя растительную жизнь в целом [1, с. 78].

Векторы заимствованной лексики. Принципиальные различия между языками наиболее ярко проявляются в заимствованном пласте, отражающем разные цивилизационные векторы развития.

Башкирская лексика испытала мощное влияние арабо-персидской книжной традиции. Исследования Э.Ф. Ишбердина показывают, что арабизмы прошли глубокую фонетическую адаптацию под законы сингармонизма [5: 156–158]. Они охватывают религиозную, научную и абстрактную лексику: *китап ‘книга’, донъя ‘мир’, фәрештә ‘ангел’*. В то же время башкирский язык активно пополнялся русизмами и интернационализмами.

Якутский язык, напротив, характеризуется массированным монгольским влиянием. По оценкам В.И. Рассадина, монголизмы составляют до 30 % словарного состава [10: 45]. Они проникли в базовые семантические поля эмоций и быта: *доҕор ‘друг’, өйдөөх ‘умный’, үөрүү ‘радость’*. Диалектологические исследования последних лет подтверждают, что монгольские заимствования равномерно распределены по всем диалектным зонам, а в некоторых северных говорах значительную долю составляют эвенкийские элементы (до 49 % в олёкминском диалекте) [11: 18–19]. Парадоксально, но изоляция позволила якутскому языку сохранить исконное *тыл ‘слово’*, которое в башкирском было вытеснено арабизмом *һүҙ ‘слово’*.

Сопоставительный анализ фразеологических систем. Фразеология обоих языков базируется на общетюркской метафорической модели, но различается в этнокультурном наполнении.

Соматические фразеологизмы (содержащие названия частей тела) демонстрируют значительное структурное сходство. Центральными компонентами выступают «голова», «глаз» и «сердце». В башкирском языке, как показал З. Г. Ураксин, преобладают фразеологические единства, связанные с этикетом и социальной иерархией [12: 192]. В якутском языке, согласно данным А.Г. Нелунова, *сердце* (*сүрэх*) связывается не только с эмоциями, но и с волевой сферой: *сүрэҕэ суох ‘ленивый’* (букв. *‘без сердца’*) [9: 14–16].

Анималистический код в обоих языках является центральным, что подтверждает общее кочевое прошлое. Образ коня (*ат ‘конь’*) остается ключевым символом достоинства. Однако якутская фразеология демонстрирует уникальные черты, обусловленные северным ландшафтом. Выделяются группы фразеологизмов, концептуализирующих экстремальный холод: *ала кулуну төрөт ‘сильно мерзнуть’* (букв. *‘рожать пегого жеребенка’*) [8: 18–32]. Кроме того, фразеологическая система саха сохраняет мифологические коды эпоса Олонхо, в частности концепцию трех миров (*үс дойду ‘три мира’*), что отсутствует в башкирской фразеологии, подвергшейся влиянию исламского провиденциализма.

Сопоставительный анализ показывает, что при наличии общего генетического ядра башкирский и якутский языки представляют собой две полярные модели эволюции тюркского слова. Башкирский язык развивался как часть кыпчакского ареала с мощным исламским культурным субстратом, в то время как якутский язык является примером периферийного развития с консервацией архаики и глубокой монгольской интерференцией. Фразеологические системы при структурной общности демонстрируют разную аксиологию: исламскую этику в башкирском и архаичную мифологию северного язычества в якутском.

Литература:

1. Антонов Н. К. Лекции по тюркологии. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1976. – 208 с.
2. Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. – М.: Высшая школа, 1969. – 645 с.
3. Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. – М.: Изд-во АН СССР, 1948. – 276 с.
4. Дьячковский Н. Д. Звуковой строй якутского языка. Ч. 1. Вокализм. – Якутск: Кн. изд-во, 1971. – 192 с.
5. Ишбердин Э. Ф. Историческое развитие лексики башкирского языка. – М.: Наука, 1986. – 264 с.
6. Киекбаев Дж. Г. Основы исторической грамматики тюркских языков. – Уфа: Китап, 1996. – 264 с.
7. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – 451 с.
8. Нелунов А. Г. Глагольная фразеология якутского языка. – Якутск: Кн. изд-во, 1981. – 128 с.
9. Нелунов А. Г. Якутско-русский фразеологический словарь: в 2 т.. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998–2002.
10. Рассадин В. И. Монголо-бурятские заимствования в тюркских языках. – М.: Наука, 1980. – 115 с.
11. Слепцов П. А. Якутский литературный язык: Формирование и развитие. – Новосибирск: Наука, 1990. – 277 с.
12. Ураксин З. Г. Фразеология башкирского языка. – М.: Наука, 1975. – 192 с.

© Кириллина С.П., 2026

УДК 811.531

Ким В.И.,
студент УУНиТ,
Научный руководитель – ***Байбулова М.Н.,***
ассистент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СИСТЕМ ОБРАЩЕНИЙ В КОРЕЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Система обращения представляет собой важный компонент речевого этикета, отражающий социальные, культурные и коммуникативные нормы общества. В любом языке формы обращения служат не только для установления контакта между собеседниками, но и для выражения их взаимного статуса, степени близости и уровня вежливости. В этом отношении сопоставление корейского и русского языков представляет особый интерес, поскольку данные языки демонстрируют принципиально разные модели организации речевого поведения.

Целью данной работы является сопоставительный анализ систем обращения в корейском и русском языках с целью выявления их сходств и различий, а также определения влияния социокультурных факторов на выбор форм обращения.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: 1) рассмотреть основные средства выражения обращения в русском языке; 2) проанализировать систему обращения в корейском языке; 3) выявить общие и отличительные черты двух систем; 4) определить роль культурного контекста в функционировании обращений.

В любом языке формы обращения служат не только для установления контакта между собеседниками, но и для выражения их взаимного статуса, степени близости и уровня вежливости. В этом отношении сопоставление корейского и русского языков представляет особый интерес, поскольку данные языки демонстрируют принципиально разные модели организации речевого поведения.

В русском языке система обращения характеризуется относительной простотой и гибкостью. Основными средствами являются личные имена, отчества, фамилии, а также местоимения ‘ты’ и ‘вы’. При этом противопоставление ‘ты’ и ‘вы’ играет ключевую роль в выражении социальной дистанции и степени вежливости. Форма ‘вы’ используется в официальной обстановке или при недостаточной степени знакомства, тогда как «ты» свидетельствует о неформальности общения и близости между собеседниками.

Кроме того, русский язык допускает широкую вариативность форм обращения, включая эмоционально окрашенные слова (‘друг’, ‘коллега’, ‘дорогой’), что позволяет гибко выражать отношение к адресату.

В отличие от русского языка, корейская система обращения отличается высокой степенью иерархичности, что связано с влиянием конфуцианской традиции. В корейской культуре прямое употребление личного имени без соответствующих показателей вежливости часто воспринимается как нарушение нормы. Вместо этого активно используются должности, социальные роли и термины родства [4].

Существенную роль играют суффиксы обращения, такие как -씨, -님, -아/-야, которые отражают уровень вежливости и характер отношений между собеседниками. Выбор формы обращения определяется возрастом, социальным статусом и степенью близости [5].

Следует подчеркнуть, что система обращения в корейском языке тесно связана с категорией вежливости и охватывает не только лексику, но и грамматические структуры, что делает её значительно более сложной по сравнению с русским языком.

Сопоставительный анализ показывает, что в обеих языковых системах присутствуют общие принципы: 1) учет социального статуса; 2) разграничение формального и неформального общения; 3) использование обращения как средства выражения вежливости. Вместе с тем различия между системами являются существенными и проявляются в следующем: 1) степень нормативности (корейский язык более регламентирован); 2) роль имени (в русском языке оно универсально, в корейском – ограничено); 3) выраженность иерархии; 4) степень коммуникативной гибкости.

В социокультурном плане данные различия отражают особенности национальных картин мира. Корейское общество ориентировано на коллективизм и строгую социальную иерархию, тогда как русская культура допускает большую степень коммуникативной свободы [2].

В то же время в условиях глобализации и межкультурного взаимодействия наблюдаются определенные изменения в обеих системах. В корейском языке, особенно в молодежной среде, отмечается тенденция к упрощению форм обращения и более частому использованию личных имен. В русском языке, в свою очередь, расширяется сфера употребления неформального общения, включая переход на ‘ты’ даже в профессиональной коммуникации.

При этом важной особенностью корейского речевого поведения является наличие так называемых формул формального, или «ритуального», этикета [2]. По мнению корейских исследователей, подобные высказывания выполняют прежде всего функцию демонстрации уважения и скромности по отношению к собеседнику, а не передачи новой информации. Так, распространённые вопросы, которые буквально переводятся как ‘잘 드셨어요? ’ – ‘Вы хорошо поели? ’ или ‘어디에 가세요? ’ – ‘Куда вы направляетесь? ’, нередко используются исключительно для поддержания контакта и установления благожелательной атмосферы общения [6].

Чтобы учтиво поприветствовать, достаточно сделать поклон, глядя собеседнику в глаза, на протяжении одной секунды. При этом жесте можно произнести ‘안녕하세요? ’ или ‘안녕하십니까? ’. Буквальный перевод вопроса: «Находитесь ли вы в мире?» (в значении: «Все ли у вас спокойно?»). Эквивалент русского ‘Здравствуйте’ [1].

Дополняя данное положение, следует отметить, что в корейских лексикографических источниках речевой этикет определяется как совокупность закреплённых в обществе норм речевого поведения, направленных на выражение уважительного отношения к адресату. При этом подчеркивается значимость не только языковых средств, но и формализованных моделей поведения, включая невербальные компоненты коммуникации [6].

Сходное понимание присутствует и в русской лингвистике. Так, Н. И. Формановская рассматривает речевой этикет как систему устойчивых и социально обусловленных формул общения, регулирующих установление, поддержание и завершение речевого контакта [4].

Следует отметить, что различия в системах обращения могут становиться источником коммуникативных трудностей при межкультурном взаимодействии. Неправильный выбор формы обращения может восприниматься как невежливость или, напротив, чрезмерная формальность. В связи с этим изучение данных систем имеет не только теоретическое, но и практическое значение.

Таким образом, сопоставление корейской и русской систем обращения позволяет выявить как универсальные закономерности речевого этикета, так и специфические черты, обусловленные культурными и социальными факторами. Корейская система характеризуется высокой степенью иерархичности и нормативности, тогда как русская – большей гибкостью и вариативностью. Это свидетельствует о том, что формы обращения являются важным отражением национально-культурной специфики языка и требуют внимательного изучения в контексте межкультурной коммуникации.

Литература:

1. Корейский словарь терминов для средних школьников. – Сеул: 교육과학사, 2006. – 167 с.

2. Самсонов, Д. А. Корейский этикет: опыт этнографического исследования. – Санкт-Петербург: Наука, 2013. – 13 с.

3. Сивкова, Т. Н. Приветствие и прощание в русском и корейском речевом этикете / Т. Н. Сивкова; Уральский федеральный университет. – Екатеринбург: УрФУ, 2015. – Режим доступа: https://elar.urfu.ru/handle/10995/34746 (дата обращения: 05.04.2026).

4. Формановская, Н. И. Речевой этикет и культура общения. – Москва: Высшая школа, 2002. – 256 с.

5. Формановская, Н. И. Речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. – Москва: ЛКИ, 2007. – 216 с.

6. Юн Санхён. Особенности речевого этикета в корейском языке / Юн Санхён // – 2012. – №2. – С.12–31.

© Ким В.И., 2026

УДК 070

Кирюхина П.Н.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Имангулова А.Р.,***
ассистент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВЫХ ПРОЦЕССОВ В СОВРЕМЕННЫХ СМИ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

Республика Башкортостан, будучи полиэтническим и полилингвальным регионом, представляет собой уникальную площадку для исследования динамики языка региональных СМИ. Здесь русский и башкирский языки функционируют как государственные, что создаёт специфические условия для языкового взаимодействия и влияния на медиасистему [4, с. 68]. Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления языковых изменений в региональном медиапространстве, выявления их тенденций и влияния на общественное сознание и языковую картину мира. В условиях глобальной унификации медийного языка именно локальная пресса сохраняет и транслирует культурно-языковую идентичность.

Проблематика языка региональных СМИ Республики Башкортостан разрабатывалась в ряде работ. А.Р. Азнабаева исследовала эволюционные процессы в качественной и массовой прессе региона конца XX – начала XXI века, выделив основные тенденции заимствования и стилистической гибридизации [1]. Н.А. Ахметьянова показала роль печатных изданий в этнической идентификации этносов республики, подчеркнув, что «язык газеты становится маркером групповой принадлежности» [2, с. 434]. Н.Г. Искужина и Э.А. Салихова проанализировали этноязыковую ситуацию в информационном поле Башкортостана в 2000–2016 гг. и зафиксировали рост внимания к башкирской лексике в русскоязычных СМИ [4, с. 72]. Е.В. Полякова с соавторами в серии статей 2025–2026 гг. рассмотрели лексическую составляющую и диахроническую динамику языка газетных изданий республики, отметив усиление роли разговорных элементов [6; 7; 8].

Однако большинство этих работ либо охватывают период до 2020 года, либо сосредоточены на одном типе изданий. Научная новизна нашего исследования заключается в комплексном анализе лексических особенностей одновременно пяти разных типов СМИ Уфы (общественно-политическая газета, молодёжная газета, городская вечерняя газета, деловое интернет-СМИ, информационное агентство) за 2025–2026 гг. Гипотеза исследования: современные уфимские СМИ выработали устойчивую модель лексической гибридности, где башкирские элементы, локальные топонимы и разговорная лексика выполняют функцию маркеров территориальной и этнокультурной идентичности.

Эмпирическую базу составили материалы изданий различного типа: «Республика Башкортостан» (общественно-политическая газета), «Молодёжная газета», «Вечерняя Уфа», «РБК-УФА» (деловое интернет-СМИ), «Башинформ» (информационное агентство). Хронологические рамки – 2025 – апрель 2026 года.

1.Наиболее заметной чертой языка уфимских СМИ является включение башкирских слов в материал без перевода или с минимальным внутритекстовым пояснением. Это явление можно разделить на несколько подтипов.

Этнографизмы и реалии национальной культуры

В «Молодёжной газете» (№9, 2025) находим: «На Сабантуе в парке “Кашкадан” гостей угощали кән (вяленое мясо) и ҡорот (сушёный творог)». В «Вечерней Уфе» (03.02.2026): «Мастер-класс по игре на ҡурай собрал более 50 детей». Авторы не считают нужным пояснять слово «ҡурай» в повторных упоминаниях, предполагая, что уфимский читатель уже знаком с ним.

Общеупотребительные башкирские слова в бытовом контексте

В «Башинформе» (15.01.2026) в заметке о погоде: «Сегодня в Уфе будет буран и гололедица». Слово «буран» (метель) является тюркизмом, давно освоенным русским языком, но в контексте уфимской прессы оно приобретает дополнительную региональную маркированность. В «РБК-УФА» (12.03.2026): «На ярмарке на проспекте Октября можно купить свежий бал (мёд) из предгорий Урала». Здесь «бал» – башкирское слово, данное в скобках с переводом, что говорит об ориентации на федеральную аудиторию.

Башкирские обращения и этикетные формулы

В газете «Республика Башкортостан» (20.02.2026) в интервью с главой администрации Уфы приводится прямая речь: «Һаумыһығыҙ, уфимцы!» (Здравствуйте). Включение башкирского приветствия в русскоязычную статью создаёт эффект культурной инклюзивности.

Таким образом, башкирская лексика перестаёт быть маркером исключительно этнической прессы и проникает в русскоязычные медиа как естественный элемент полилингвальной городской среды.

2. Урбанонимы и микротопонимы Уфы как маркеры локальной идентичности.

Уфимские СМИ активно используют названия микрорайонов, исторических районов, неофициальных топонимов без пояснений. Это формирует «свой» круг читателей, знающих городскую топографию.

В «Вечерней Уфе» (10.03.2026) читаем: «Жители Черниковки второй месяц добиваются автобуса до Затона». Черниковка (Калининский район, бывший посёлок Черниковск) и Затон (Ленинский район, бывший затонский посёлок) – топонимы, понятные любому уфимцу, но требующие перевода для иногороднего. В «Башинформе» (25.02.2026): «На Глазовском мосту начали укладывать новое покрытие». Глазовский мост – историческое название моста через Белую в створе улицы Пугачёва.

Особый пласт – названия торговых и развлекательных центров, ставших градообразующими ориентирами: «Мега, Планета, Июнь, Огни Уфы». В «Молодёжной газете» (№4, 2026): «Встречаемся у Цирка» (имеется в виду Уфимский государственный цирк, общеизвестная точка сбора). Такая топонимическая лаконичность невозможна без общего городского контекста.

3. Англицизмы и молодёжный сленг в уфимских СМИ.

В изданиях, ориентированных на молодёжь («Молодёжная газета», информационное агентство «Башинформ»), фиксируется высокая концентрация англицизмов. Примечательно, что они часто соседствуют с башкиризмами, создавая трёхъязычные гибридные конструкции.

Пример из «Молодёжной газеты» (02.03.2026): «На хакатоне в УУНиТ ребята сделали лайфхак для изучения башкирского через тикток». В этом же номере: «Вайб уфимской тусовки – это смесь этно и хип-хопа». В «Башинформе» (18.04.2026) в рубрике «Городская хроника»: «Кто задонатил на благоустройство сквера им. Ленина – увидите на табличке».

В то же время качественная газета «Республика Башкортостан» избегает прямых англицизмов, заменяя их русскими описательными оборотами. Вместо «блогер» – «автор интернет-дневника», вместо «хайп» – «искусственный ажиотаж». Это демонстрирует дифференциацию изданий по языковой стратегии.

4. Разговорная и просторечная лексика как инструмент сближения с читателем.

Современные уфимские СМИ («Вечерняя Уфа», РБК-УФА) активно используют разговорные и даже просторечные элементы, что ранее было немыслимо для печатной прессы.

В «Вечерней Уфе» (05.04.2026) заголовок: «Мэрия забила на ямы на проспекте Октября». Глагол «забить» в значении «перестать обращать внимание» – просторечие. Там же: «Коммунальщики отфутболивают заявки уже три недели» – глагол с приставкой от- и футбольной метафорой. В «Башинформе» (12.02.2026) в комментариях журналиста (не в цитате) встречается: «Глава администрации зарулил на совещание с опозданием» – просторечный глагол от «рулить».

Даже в деловом издании РБК-УФА (20.01.2026) заголовок: «Как разруливают бюджетные миллиарды в Уфе». Здесь разговорный глагол «разруливать» (решать проблему, улаживать) используется как экспрессивное средство привлечения внимания.

5. Лексика, отражающая межэтническую коммуникацию.

Уфа – город с высокой плотностью межэтнических контактов, потому в СМИ появляются слова, фиксирующие этнические реалии и культурный диалог.

В «Башинформе» (10.04.2026) статья: «Этноколизия на Пушкинской: православный крестный ход и мусульманский Ураза-байрам прошли в одном квартале». Неологизм «этноколизия» (столкновение этнических традиций без конфликта) отражает попытку журналистов найти новое слово для новой социальной реальности.

В «Республике Башкортостан» (15.03.2026) в аналитической заметке используется термин «башкортостанец» как полиэтничный маркер: «Любой башкортостанец, независимо от национальности, имеет право на родной язык в суде». Этот термин практически не встречается в федеральных СМИ, но в региональных стал нормой.

6. Практический анализ конкретных материалов (сплошная выборка)

Для верификации выводов проведён сплошной анализ трёх выпусков «Вечерней Уфы» (февраль–март 2026) и ленты ИА «Башинформ» за одну неделю (07–13.04.2026).

«Вечерняя Уфа», 25.02.2026, рубрика «Городская среда»:

Башкиризмы: «яуым» (водопад), «ҡурай» (в анонсе концерта).

Урбанонимы: «Черниковка», «Затон», «Глазовский мост», «парк Якутова».

Разговорная лексика: «огроменный», «заморочились», «прикольно».

Англицизмы: отсутствуют.

«Башинформ», новость от 09.04.2026 «Парк "Кашкадан" открывает летний сезон»:

Башкиризмы: «Кашкадан» (название парка – от башк. «кашка» + «аҙан»? – не поясняется), «сәсәндәр» (сказители), «кумыс».

Урбанонимы: «проспект Октября», «остановка "Парк Победы"».

Разговорная лексика: «клёво», «тусовка».

Англицизмы: «фуд-корт», «спикер».

«РБК-УФА», 02.04.2026, аналитическая заметка «Рынок недвижимости Уфы»:

Башкиризмы: только «курултай» в цитате депутата.

Урбанонимы: «Сипайлово», «Южный автовокзал».

Разговорная лексика: «застройщики распиарили ЖК» (глагол от «пиар»).

Англицизмы: «девелоперы», «офисные помещения» (калька с англ. office space).

Сравнение показывает, что наибольшая плотность башкиризмов и разговорной лексики – в «Вечерней Уфе» и «Молодёжной газете»; минимальная – в РБК-УФА. Однако во всех изданиях присутствуют локальные урбанонимы, что подтверждает их статус обязательного регионального маркера.

Проведённое исследование лексических особенностей современных СМИ Республики Башкортостан (на материале изданий г. Уфы) позволяет сделать следующие выводы.

1. Башкирская лексика активно внедряется в русскоязычные региональные СМИ как естественный элемент полилингвальной среды. Выделяются этнографизмы, бытовые слова и этикетные формулы. Частота включения варьируется от типа издания: максимальная – в «Вечерней Уфе» и «Молодёжной газете», минимальная – в РБК-УФА.

2. Урбанонимы и микротопонимы Уфы (Черниковка, Затон, Глазовский мост, Сипайлово) выполняют функцию маркеров территориальной идентичности и «своего» круга читателей. Их использование без пояснений является нормой для всех типов изданий.

3. Англицизмы распространены преимущественно в молодёжных и интернет-СМИ, причём наблюдается их соседство с башкиризмами в пределах одного текста. Качественные издания демонстрируют более консервативную стратегию, заменяя англицизмы русскими описательными оборотами.

4. Разговорная и просторечная лексика активно используется как инструмент снижения официальности и создания доверительного контакта с читателем. Наиболее ярко это проявляется в «Вечерней Уфе» и заголовках «Башинформа».

5. В уфимских СМИ формируется региональный медиалект – устойчивая лексическая система, включающая башкирские элементы, локальные топонимы, разговорную лексику и умеренное количество англицизмов. Этот медиалект отражает реальную языковую ситуацию полиэтничного города и выполняет идентификационную функцию.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в диахроническом сопоставлении (с материалами 1990–2000-х гг.), а также в изучении синтаксических и словообразовательных особенностей языка уфимских СМИ.

Литература:

1. Азнабаева А.Р. Эволюционные процессы в языке региональных средств массовой информации конца XX – начала XXI вв. : на материале качественной и массовой прессы Республики Башкортостан : автореф. дис. … канд. филол. наук. – Уфа, 2010. – 24 с.

2. Ахметьянова Н.А. Роль печатных изданий в этнической идентификации этносов Республики Башкортостан // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 12-3(90). – С. 432–436.

3. Искужина Н.Г., Салихова Э.А. Тема этноязыковой ситуации в информационном поле Башкортостана в 2000–2016 гг. (на примере анализа печатных СМИ) // Вестник ВЭГУ. – 2017. – № 5(91). – С. 68–77.

4. Полякова Е.В. Язык региональных СМИ в диахроническом аспекте (на материале периодической печати Республики Башкортостан) // Казанская наука. – 2025. – № 10. – С. 670–672.

5. Полякова Е.В., Ямалетдинова А.М. Лексическая составляющая языка региональных СМИ // Казанская наука. – 2025. – № 11. – С. 748–750.

6. Полякова Е.В., Садыкова Н.А., Файзуллина И.И. Основные направления динамики языка региональных СМИ (на примере газетных изданий Республики Башкортостан) // Казанская наука. – 2026. – № 1. – С. 316–318.

7. Материалы газеты «Республика Башкортостан» : №12 (23.02.2026), №15 (15.03.2026), №20 (20.04.2026). – Уфа.

8. Материалы газеты «Молодёжная газета» : №4 (02.03.2026), №9 (10.04.2026). – Уфа.

9. Материалы газеты «Вечерняя Уфа» : №8 (25.02.2026), №11 (10.03.2026), №15 (05.04.2026). – Уфа.

10. Материалы интернет-СМИ «РБК-УФА» : публикации от 20.01.2026, 12.03.2026, 02.04.2026. – URL: https://ufa.rbc.ru (дата обращения: 15.04.2026).

11. Материалы информационного агентства «Башинформ»: публикации от 15.01.2026, 25.02.2026, 09.04.2026, 13.04.2026. – URL: https://www.bashinform.ru (дата обращения: 16.04.2026).

© Кирюхина П.Н., 2026

УДК 80'070

Кондратьева А.А.,
магистрант УУНиТ
Научный руководитель – ***Мустафина Р.Д.,***
канд.филол. наук, доцент УУНиТ
г. Уфа, Россия

ОСВЕЩЕНИЕ В СМИ РОЛИ БАШКОРТОСТАНА В РАЗВИТИИ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В условиях непростой геополитической ситуации Россия и ее регионы во внешнеэкономической деятельности придерживаются курса на страны Востока и СНГ. За последние годы сотрудничество Башкортостана с государствами Центральной Азии значительно интенсифицировалось. В мае 2024 года Глава региона Радий Хабиров сообщил о росте товарооборота со странами Центральной Азии на 15% за двухлетний период[8].

Значительное влияние на укрепление партнерских связей данной группой стран оказывают ряд факторов: а) работа Представительств Башкортостана при Торговых представительствах России на территории Узбекистана и Казахстана, б) осуществление регулярных взаимных визитов официальных и деловых делегаций, в) проведение совместных мероприятий, в том числе B2B-переговоров, г) реализация совместных проектов, д) выгодное географическое положение региона, его многоотраслевая структура экономики, развитая инфраструктура и богатая сырьевая база, е) географическая близость, ё) общность культур, ж) общее прошлое в составе Российской империи и СССР[3].

Укрепление партнерства Республики Башкортостан со странами Центральной Азии носит взаимовыгодный характер. Оно охватывает экономические, политические, гуманитарные и историко-культурные аспекты, способствуя укреплению позиций стран в многополярном мире. Средства массовой информации выступают ключевым каналом публичной дипломатии, репрезентируя вклад Башкортостана в развитие сотрудничества России со странами Центральной Азии и формируя позитивный имидж региона на международной арене.

Примечательно, что, если анализировать частоту упоминаний, их число возрастает в зависимости от какого-либо значимого события. Так, количество информационных материалов о сотрудничестве Башкортостана и Казахстана многократно возросло в период проведения XX Форума межрегионального сотрудничества в Уфе или встречи Президента Республики Казахстан Касым-Жомарта Токаева и Главы Республики Башкортостан Радия Хабирова в январе 2024 года[9]. Рост внимания СМИ к взаимодействию Башкортостана с Узбекистаном и Таджикистаном обусловлен в том числе появлением новых масштабных проектов – Узбекско-Башкирского технопарка «Бекабад», Российско-Таджикистанского индустриального парка.

Присутствуют повторяющиеся нарративы: «возвращение к общим корням» – актуализация историко-культурной общности; «экономическое партнёрство как драйвер развития» – фокус на инвестициях и торговле; «диалог молодёжи» – освещение студенческих обменов; «культура без границ» – репортажи о фестивалях и выставках.

Если говорить об особенностях освещения отношений с отдельными странами, то в материалах о Казахстане преобладают акцент на приграничном сотрудничестве, крупные экономические форумы как площадки для новых партнерских связей. Особое внимание уделяется казахской диаспоре, проживающей в республике.

Публикации о дипломатических отношениях с Узбекистаном доминирует тематика торгово-промышленного взаимодействия, туристического обмена и научного сотрудничества.

С Таджикистаном и Туркменистаном освещение менее интенсивное, основные темы гуманитарные проекты и инвестиционные соглашения. Самый крупный проект Башкортостана и Таджикистана – это Российско-Таджикистанский индустриальный парк – преференциальная территория со льготами для резидентов из обоих государств.

По результатам анализа фиксируется недостаток аналитических материалов о долгосрочных перспективах, преобладание «новостного» формата над глубинным анализом, слабая представленность мнений экспертов.

Преобладает позитивная тональность публикаций. Например, во фразах «Товарооборот Башкирии с Киргизией вырос на 22%. На долю этой страны приходится 3% внешнеторгового оборота республики»[7], «Итогом насыщенной работы стали более 300 плодотворных переговоров и более 20 меморандумов и соглашений о сотрудничестве между российскими и узбекскими компаниями, общим объемом в 11,5 миллиардов рублей»[2]. Автор делает акцент на успехах и масштабах торгово-экономического сотрудничества. Также с целью формирования позитивного имиджа региона в информационном пространстве и отражения значимости прошедших переговоров журналисты подчеркивают их взаимовыгодность: «На встрече стороны также обсудили активизацию сотрудничества в торгово-экономической, культурно-гуманитарной, промышленной и других сферах, представляющих взаимный интерес»[1].

Вместе с тем, авторы статей стремятся сформировать образ республики как активного участника международных отношений, открытого к новым проектам из различных сфер: «На сегодняшний день с Таджикистаном работают порядка 70 регионов России и важно, что Башкортостан намерен ещё больше укрепить связи между регионами»[5]. Часто для оценки перспективности развития сотрудничества привлекаются сторонние эксперты, как в указанном примере.

Также журналисты в материалах используют лексические обороты, создающие оптимистический прогноз для развития отношений с конкретными странами через реализацию масштабный проектов. Например, «Новый грандиозный проект ещё теснее свяжет башкирско-узбекские отношения», «Новая железная дорога за 116 млрд соединит башкирское Зауралье с Казахстаном» говорят о высокой значимости и пользе проектов по созданию совместной преференциальной территории и железной дороги, что приведет к формированию удобной логистики и комфортных условий для инвесторов[4], [6].

Освещение в СМИ роли Башкортостана в развитии сотрудничества России со странами Центральной Азии демонстрирует активную позицию региона на международной арене. Республика выступает не только как экономический партнёр, но и как связующее звено в культурно-гуманитарном и историческом контексте. Однако для более полного раскрытия потенциала взаимодействия необходимо увеличить долю аналитических материалов, углубить экспертное обсуждение перспектив и уделить внимание комплексному анализу долгосрочных стратегий сотрудничества.

Литература:

1. Журнал «Exclusive.kz» [Электронный ресурс] https://exclusive.kz/glava-respubliki-bashkortostan-priehal-v-kazahstan-dlya-otkrytiya-foruma-kazahstan-bashkortostan-i-vstretilsya-s-tokaevym/ (Дата обращения 16.04.2026)

2. Журнал «Собака.ru» [Электронный ресурс] https://www.sobaka.ru/ufa/city/society/198688 (Дата обращения 15.04.2026)

3. Инвестиционный портал Республики Башкортостан [Электронный ресурс] https://investrb.ru/ru/bashkortostan/about/ (Дата обращения 15.04.2026)

4. Информационное агентство «Башинформ» [Электронный ресурс] https://www.bashinform.ru/news/economy/2024-11-28/novaya-zheleznaya-doroga-za-116-mlrd-soedinit-bashkirskoe-zauralie-s-kazahstanom-4028510 (Дата обращения 15.04.2026)

5. Информационное агентство «Башинформ» [Электронный ресурс] https://www.bashinform.ru/news/politics/2025-10-04/bashkiriya-planiruet-rasshirit-sotrudnichestvo-s-tadzhikistanom-4414272 (Дата обращения 15.04.2026)
6. Информационное агентство «RuNews24.ru» [Электронный ресурс] https://runews24.ru/ufa/23/04/2024/novyij-grandioznyij-proekt-eshhyo-tesnee-svyazhet-bashkirsko-uzbekskie-otnosheniya (Дата обращения 15.04.2026)
7. Медиахолдинг «РБК» [Электронный ресурс] https://ufa.rbc.ru/ufa/25/07/2024/66a226e69a79475ce6064d8d (Дата обращения 16.04.2026)
8. Официальный сайт Правительства Республики Башкортостан [Электронный ресурс] https://pravitelstvorb.ru/news/23863/ (Дата обращения 15.04.2026)
9. Официальный сайт Президента Республики Казахстан [Электронный ресурс] https://www.akorda.kz/ru/kasym-zhomart-tokaev-prinyal-glavu-respubliki-bashkortostan-radiya-habirova-2405318 (Дата обращения 15.04.2026)

© Кондратьева А.А., 2026

УДК 811.531

Короткова К. К.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Кучаева А. Н****.*
ассистент УУНиТ
г. Уфа, Россия

ХАЛЛЮ КАК ДРАЙВЕР ИЗУЧЕНИЯ КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА: МЕХАНИЗМЫ И МАСШТАБЫ ВЛИЯНИЯ

Феномен «халлю» (한류), или «корейская волна», представляет собой беспрецедентное явление в истории мировой культуры: распространение южнокорейской популярной культуры за пределы Республики Корея, начавшееся в середине 1990-х годов в странах Восточной и Юго-Восточной Азии и к 2020-м годам превратившееся в глобальное движение. Ключевыми составляющими халлю выступают музыкальное направление K-pop, телевизионные дорамы, кинематограф, литература, мода и кухня.

Впервые термин «Халлю» появился в китайской прессе в конце 1990-х годов и отражал тогда возрастающий интерес к южнокорейской культуре за рубежом. Со временем его значение расширилось: сейчас под ним понимают всю совокупность культурных продуктов и явлений, экспортируемых из Южной Кореи.

В конце 1990-х годов начинается первый этап халлю. К нему относится распространение дорам за пределы Южной Кореи. Сериалы, такие как «Что такое любовь?» (1997) и «Осенняя сказка» (2000), завоевали популярность в Китае, Японии и государствах Юго-Восточной Азии. Главная ценность корейских телесериалов – это возможность погрузиться в южнокорейскую культуру. Зрителя привлекают сюжеты, в которых в разных пропорциях смешаны романтика, военная драма, история, социальная проблематика и мистика. Именно это сочетание придаёт дорамам их неповторимую особенность, которая, как подтвердило время, захватывает зрителей по всему миру.

Середина 2000-х – 2010-е годы: цифровая экспансия K-pop. На втором этапе Халлю главной движущей силой выступил K-pop. В отличие от первой волны, опиравшейся на телевидение, теперь ставка была сделана на YouTube и социальные платформы, что и обеспечило стремительное распространение корейской музыки по всему миру. Формирование высокопрофессиональных айдол-групп (Big Bang, Girls' Generation, TVXQ) и их взрывная популярность в Азии создали устойчивую модель для экспорта. В 2012 году, когда песня Psy «Gangnam Style» семь недель подряд удерживала второе место в чарте Billboard Hot 100 и наконец достигла трёх миллиардов просмотров на YouTube, мода на K-pop начала активно распространяться по всему миру.

Мировой успех «Gangnam Style» был сменён всплеском K-pop бой-группы BTS. BTS возглавили чарт Billboard 200 в 2019 году и третий год подряд выиграли награду Top Social Artist на Billboard Music Awards. Это привлекло внимание всего мира, что привело к мировому признанию K-pop как жанра. [3]

Создается глобальный фандом ARMY. Именно интерактивный характер фан-культуры, основанный на прямых коммуникациях артистов с аудиторией через социальные сети, стал критическим фактором успеха, породив беспрецедентное чувство сопричастности и преданности. Следовательно, на втором этапе механизм распространения халлю претерпел кардинальные изменения: приоритет был отдан цифровым каналам дистрибуции и потенциалу транснациональных фанатских сообществ.

Третий этап «халлю» начинается в конце 2010-х и продолжается по настоящее время. Он характеризуется легитимацией и лидерством на стриминговых платформах. Успех фильма Пон Джун Хо «Паразиты» (2019), завоевавшего четыре премии «Оскар», включая главную, стал знаком беспрецедентного признания художественной и режиссёрской ценности корейского кино. А в 2021 году небывалый успех получил вышедший на Netflix сериал «Игра в кальмара», который также установил сразу несколько рекордов, став одновременно самым популярным корейским сериалом в мире и самым популярным сериалом на Netflix, заняв первые места в сотне стран. Этот успех запустил «эффект ореола», вызвав интерес ко всему корейскому – от языка до косметики, окончательно утвердив феномен «Korean cool».

Государственная политика как фундамент халлю

Феномен халлю – не случайный успех, а результат системной государственной стратегии. С 1990-х годов Южная Корея включила культурную индустрию в приоритеты экономического развития. После Азиатского финансового кризиса 1997 года правительство начало активно инвестировать в K-pop, кино и дорамы. В 1994 году президент Ким Ён Сам объявил культурную индустрию ключевым направлением, что привело к созданию специализированных организаций – KOCCA (Корейское агентство по креативному контенту) и KOFICE (Корейский фонд международного культурного обмена).

Государство финансирует университетские программы для специалистов в сфере музыки и кино, организует кинофестивали (Пусанский кинофестиваль), предоставляет льготы кинокомпаниям и лейблам, выкупает права на фильмы для бесплатного распространения за рубежом. Посольства Южной Кореи проводят K-pop-конкурсы и кулинарные фестивали. Благодаря этой поддержке халлю превратился в глобальное культурное явление, которое, в свою очередь, стимулирует интерес к корейскому языку. [1]

Мотивация к изучению корейского языка

«Корейская волна» захватывает не только детей и подростков, но и взрослых. По некоторым оценкам, международные клубы, объединяющие людей, увлеченных культурой Южной Кореи, насчитывают более 225 млн участников. Многие из членов таких клубов с удовольствием изучают корейский. В России интерес к языку также подтверждается цифрами: согласно опросам, для трети изучающих корейский это в первую очередь хобби, а более 15% учат язык именно для просмотра фильмов и дорам. [3]

Главным двигателем распространения языка стала фандомная культура. K-pop группы, такие как BTS и Blackpink, а также дорамы (корейские сериалы) создали мощнейший эмоциональный стимул для обучения. Фанаты стремятся сократить дистанцию со своими кумирами, стать ближе.

Желание понимать тексты песен без перевода, смотреть прямые трансляции айдолов в реальном времени и дорамы в оригинале без субтитров заставляет миллионы людей по всему миру открывать учебники. Язык перестал быть просто инструментом общения; он стал «культурным кодом», открывая путь в глобальное сообщество единомышленников.

Помимо музыки и сериалов, халлю охватывает и материальную культуру – косметику (K-beauty) и кухню (K-food). Интерес к «стеклянной коже» побуждает иностранцев изучать корейские названия ингредиентов (центелла – 병풀, прополис – 프로폴리스) и читать отзывы на корейских платформах. А популярность кимчи (김치), бибимбапа (비빔밥) и кочуджана (고추장) заставляет запоминать кулинарную лексику и разбирать инструкции на упаковках. Даже повседневные покупки в корейском магазине превращаются в языковую практику. [4]

Знание корейского языка – это не только «входной билет» в мир корейской культуры, но и весомый актив на рынке труда. Свободное владение языком (TOPIK 6 уровня) повышает шансы на получение руководящей должности в 2,3 раза, а стажировки и работа в таких корпорациях, как Samsung и LG, становятся реальной перспективой.

Ключевая характеристика Южной Кореи – высокое качество образования. Подтверждение тому: пять корейских вузов в топ-100 мировых рейтингов и 28 – в топ-1000. Дипломы местных университетов котируются и дают конкурентные карьерные преимущества. Иностранные студенты, сдавшие TOPIK на уровень от третьего и выше, вправе претендовать на стипендии и гранты, которые способны существенно – вплоть до полного покрытия – уменьшить стоимость обучения.

Выбор азиатского образования обусловлен двумя разными факторами. С одной стороны, это культурное влияние: популярность дорам, аниме и K-pop стимулирует желание учить языки региона. С другой – рациональный подход: студенты всё чаще воспринимают такие языки как карьерную инвестицию.

Статистика изучения корейского языка

По данным отчета за 2025 год платформы для изучения иностранных языков Duolingo корейский язык занимает 6 место по популярности языков в мире. Главным трендом 2025 года становится заметное укрепление позиций восточноазиатских языков. [2] Duolingo насчитывает 5,5 миллиона изучающих корейский язык по всему миру, связывая этот тренд с успехом таких сериалов, как «Игра в кальмара», K-dram и K-pop. Он также стал вторым самым быстрорастущим языком в западных странах, включая Аргентину, Францию, Германию и Польшу.

Масштаб и системность растущего интереса подтверждаются и другими цифрами. Так, число сдающих государственный тест на знание корейского языка TOPIK в 2025 году превысило 550 000 человек – это абсолютный рекорд за всю историю экзамена с 1997 года. Динамика тоже показательная: 360 тысяч в 2022 году, 420 тысяч в 2023-м, 490 тысяч в 2024-м и более 550 тысяч в 2025-м.

Этот спрос стимулирует и развитие образовательной инфраструктуры. Например, сеть государственных Институтов Короля Седжона, которая обучает корейскому языку и культуре по всему миру, в 2025 году насчитывала 239 020 учащихся, что более чем вдвое превышает показатели 2020 года (101 675 студентов). Удовлетворенность программами достигла рекордных 93,1 балла из 100. [5]

Особенно ярко этот бум проявляется на примере отдельных стран. В США, согласно данным Североамериканской ассоциации преподавателей корейского языка, по состоянию на 2025 год не менее 130 университетов предлагают программы по корейскому языку. Количество студентов, изучающих корейский в американских колледжах, с 2006 по 2021 год выросло почти в три раза (с 7 146 до 19 251 человека), причем это единственный иностранный язык в стране, демонстрирующий устойчивый рост на фоне общего спада интереса к языковому образованию. [7]

Другим показательным примером является Вьетнам, где корейский язык интегрирован в государственную образовательную систему. К 2025 году 48 университетов по всей стране открыли факультеты корейского языка и кореееведения, где обучаются более 27 000 студентов. При этом Вьетнам занимает первое место в мире по числу сдающих TOPIK за пределами Южной Кореи – из 566 665 зарегистрированных кандидатов в 2025 году 85 896 (15,2%) были из Вьетнама. [6]

Таким образом, феномен халлю выступает не просто культурным фоном, а полноценным драйвером изучения корейского языка. Эмоциональная вовлечённость через K-pop и дорамы, подкреплённая карьерными перспективами, доступностью образовательных ресурсов привела к устойчивому росту числа изучающих язык по всему миру. Рекордные показатели TOPIK, рост количества университетских программ и миллионы фанатов, осваивающих корейский, доказывают: «корейская волна» запустила необратимый процесс глобального языкового сдвига. Все признаки указывают на то, что этот тренд сохранится как минимум до конца десятилетия.

Литература:

1. Дюпина О. Халлю – феномен корейской волны популярности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://mymandarin.ru/news/hallju-fenomen-korejskoj-volny-populjarnosti/#dr (дата обращения: 03.04.2026)

2. Самые популярные языки в мире в 2025 году: Duolingo привела свою статистику [Электронный ресурс] // Skillbox Media. – Режим доступа: https://skillbox.ru/media/education/samye-populyarnye-yazyki-v-mire-v-2025-godu-duolingo-privela-svoyu-statistiku/ (дата обращения: 03.04.2026).

3. Ставцева С. Почему россияне все чаще едут в Южную Корею учиться [Электронный ресурс] // RataNews. – Режим доступа: https://ratanews.ru/news/general/pocemu-rossiiane-vse-cashhe-edut-v-iuznuiu-koreiu-ucitsia (дата обращения: 03.04.2026).

4. KCCUK (Korean Cultural Centre UK). Hallyu (Korean Wave) [Электронный ресурс] / KCCUK (Korean Cultural Centre UK). – Режим доступа: https://kccuk.org.uk/en/about-korea/culture-and-arts/hallyu-korean-wave/ (дата обращения: 03.04.2026).

5. Shim Sun-ah Sejong Institute's overseas enrollment tops 230,000 for first time [Электронный ресурс] // Yonhap News Agency. – Режим доступа: https://en.yna.co.kr/view/AEN20260225003600315 (дата обращения: 03.04.2026).

6. VietnamPlus Korean media are surprised by the Korean language craze in Vietnam. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vietnam.vn/en/bao-chi-han-quoc-ngac-nhien-ve-con-sot-tieng-han-tai-viet-nam (дата обращения: 03.04.2026).

7. 기자명시애틀코리안데일리 미국 대학 130곳 이상서 한국어 교육...15년 새 수강생 3배 급증 [Электронный ресурс] // 시애틀코리안데일리. – Режим доступа: https://www.seattlekdaily.com/news/articleView.html?idxno=17100 (дата обращения: 03. 04.2026).

© Короткова К. К., 2026

УДК 811.512.141'373.45

Ҡотошова З.Р.,
студент,
Ғилми етәксеһе – ***Әлимбаева Г.Ғ.,***
филол. фәнд. канд., доцент,
Өфө университеты, Өфө

БАШҠОРТ ТЕЛЕНДӘ ҒӘРӘП ҺӘМ ФАРСЫ ТЕЛДӘРЕНӘН ҮҘЛӘШТЕРЕЛГӘН ҺҮҘҘӘРҘЕҢ ҠАТЛАМЫ

Башҡорт теле үҙенең тарихи үҫешендә күп телдәр менән үҙ-ара бәйләнештә булған. Быға башҡорт халҡының башҡа халыҡтар менән территориаль яҡынлығы, иҡтисади һәм мәҙәни бәйләнештәре ныҡ булышлыҡ иткән.

Ғәрәп лексикаһы элементтары башҡорт халҡы тарафынан XIV-XV быуаттарға тиклем башлыса телдән, ә XV быуат аҙағы – XVI быуат башынан алып телдән дә, яҙма рәүештә лә үҙләштерелгән, сөнки ғәрәп графикаһы нигеҙендәге тәүге башҡорт текстары XVI быуатта төҙөлгән.

Белгестәр фекеренсә, башҡорт телендәге тәүге ғәрәп һәм фарсы һүҙҙәре булып дини, административ һәм юридик характерлы терминдар торған, улар XX быуат башына тиклем һаҡланған һәм өлөшләтә әле лә ҡулланыла.

Күпселек ғалимдар фекеренсә, фарсы теленән үҙләштерелгән күпселек һүҙҙәр ғәрәп һүҙҙәренә ҡарағанда башҡорт телендә иртәрәк барлыҡҡа килгән [5: 6].

Хәҙерге башҡорт теле төрлө факторҙар тәьҫире аҫтында быуаттар дауамында үҫешкән ҡатмарлы һәм динамик системаны кәүҙәләндерә. Уның лексик составын байытҡан процестарҙың береһе булып башҡа телдәрҙән үҙләштереүҙәр тора.

Ғәрәп һәм фарсы телдәренән үҙләштерелгән һүҙҙәрҙе башҡорт теле тарафынан семантик үҙләштереү билдәһе буйынса дүрт төркөмгә бүлергә мөмкин:

1) семантик үҙгәрештәр кисермәгән һүҙҙәр

Тел сит һүҙҙе тулы мәғәнә күләме менән ҡабул итә. Мәҫәлән, ғәрәп теленән алынған түбәндәге һүҙҙәрҙең мәғәнәләре үҙгәрешһеҙ ҡалған:

алла – донъяны яралтҡан, уның менән идара иткән юғары зат; Хоҙай, Тәңре;

ваҡиға – ниндәйҙер эш-хәл, булып үткән мөһим күренеш, ижтимағи йәки шәхси тормоштан бер факт;

ваҡыт – быуат, йыл, сәғәт, минут һ.б. менән иҫәпләнгән дауамлы арауыҡ һәм уларҙың бер-бер артлы алмашыныуы;

Фарсы теленән үҙләштерелгән һүҙҙәр миҫалында:

аждаһа – бер нисә башлы ҙур йылан ҡиәфәтендә йөҙйәшәр яман мифик зат;

әгәр – ғәмәлгә ашырырлыҡ шартты белдергән эйәрсән һөйләмде баш һөйләмгә теркәп, шартлыҡ төшөнсәһен көсәйткән теркәүес;

баһадир – көслө, ғәйрәтле, йөрәкле кеше, батыр;

2) өлөшләтә семантик күләмендә үҙләштерелгән һүҙҙәр

Икенсе төркөмгә ҡараған һүҙҙәр ғәрәп һәм фарсы телендә бер нисә мәғәнәгә эйә була, ләкин башҡорт теле тарафынан үҙләштерелеү барышында уларҙың айырым мәғәнәләре ҡабул ителмәй. Мәҫәлән, башҡорт телендә *аят* һүҙе Ҡөрьән сүрәһенең айырым бер структур өлөшөн белдерһә, ғәрәп телендә ул был мәғәнәнән тыш тағы ла «билдә», «тамға», «мөғжизә» мәғәнәләренә эйә.

вәхши – ҡырҙа йәшәгән, ҡулға эйәләшмәгән (йәнлеккә ҡарата), ҡырағай, ғәрәп телендә – 1) ҡырҙа йәшәгән, ҡулға эйәләшмәгән (йәнлеккә ҡарата), ҡырағай, 2) тышҡы яҡ, 3) иҫкергән ;

ғәләм(ғаләм) – ер һәм күк, йыһан, ғәрәп телендә – 1) яҡтылыҡ, 2) ер һәм күк, йыһан, 3) донъя, 4) халыҡ;

Фарсы теленән:

заман – ваҡыт, дәүер, фарсы телендә – 1) ваҡыт, дәүер, 2) мәл, сәғәт, 3) яҙмыш;

нәүбәт – сират, фарсы телендә – 1) сират, 2) рәт, 3) мәл, осор, ваҡыт, алмаш;

һөнәр – кәсеп, фарсы телендә – 1) кәсеп 2) талант, 3) сәнғәт, 4) белем, 5) сәнғәт һөнәре;

3) үҙләштерелеү һөҙөмтәһендә мәғәнә даирәһе киңәйгән һүҙҙәр

Өсөнсө төркөмгә ҡараған һүҙҙәр, ғәрәп телендә булған мәғәнәләренән тыш, башҡорт телендә өҫтәлмә мәғәнәгә эйә була. Шул уҡ ваҡытта полисемантик һүҙ үҙенең айырым мәғәнәләрен юғалтыуы ла мөмкин. Миҫалдар:

хикмәт – 1) ғәжәп ҙур аҡыл, тәрән белем, 2) нимәнеңдер асылын тәшкил иткән эске мәғәнә, 3) нимәнеңдер төбөндә ятҡан йәшерен сәбәп, 4) фокус, 5) тапҡыр мәғәнәле һәм өгөт-нәсихәт, фәлсәфәүи йөкмәткеле кескәй жанр , ғәрәп телендә – 1) аҡыл, 2) мәҡәл, 3) дауалау оҫталығына эйә булыу;

тараф – 1) билдәле бер йүнәлеш, яҡ, 2) ниндәйҙер мөнәсәбәт нигеҙендә айырымланған һәм бер-береһенә ҡаршы булған яҡ, ғәрәп телендә – 1) аҙаҡ, 2) ос, 3) сит, 4) сик, 5) яҡ, 6) ағза;

фәһем – 1) өлгө булырлыҡ нәмә; үрнәк, 2) аҡыл алырлыҡ нәмә; һабаҡ, ғәрәп телендә – 1) аңлау, төшөнөү, 2) зирәклек, 3) зиһен 4) оҫталыҡ;

Фарсы теленән миҫалдар:

баһа – 1) аҡсалата хаҡ 2) кемдең йә ниҙеңдер тотҡан әһәмиәте, урыны 3) ниҙеңдер сифатын, әһәмиәтен билдәләгән фекер, фарсы телендә – аҡсалата хаҡ;

дарман – 1) көс, ҡеүәт, кешенең физик эш башҡара алыу мөмкинлеге, ҡарыу, 2) дарыу, фарсы телендә – дарыу.

4) үҙләштерелеү һөҙөмтәһендә яңы мәғәнәгә эйә булған һүҙҙәр

Башҡорт телендә ғәрәп һәм фарсы телдәренән үҙләштерелгән бер төркөм һүҙҙәрҙең мәғәнәләре сығанаҡ телдәрҙәге мәғәнәләренән айырыла.

Ғәрәп теленән миҫалдар:

ғазап – 1) тормошта тап булған ыҙа, интегеү, хитлыҡ, 2) күңелдәге ауыр уйҙар, тыңғыһыҙ рухи кисерештәр, интегеүҙәр, ғәрәп телендә – 1) мәжбүр итеү, 2) көс ҡулланыу;

ҡәһәр – 1) көслө йәбер, яуыз эш, 2) бик яман, ҡаты асыу, 3) ҡаты ҡарғыш, ләғнәт, 4) тәнде, йәнде, ғазапларлыҡ яман; зәһәрле, 5) бик яҡшы, бик шәп, ғәрәп телендә – 1) буйһондороу, ирекһеҙләү, 2) мәжбүр итеү, 3) ҡайғы;

ғәйеп – 1) килешмәгән, тәртипкә, әҙәпкә һыймаған эш-ҡылыҡ, яҙыҡ, 2) етешмәгән урын,кәмселек, 3) йәшерен, билдәһеҙ, берәүгә лә билдәле түгел 4) юғалған, 5) килешмәгән, тәртипкә, әҙәпкә һыймаған, ғәрәп телендә – 1) хушлашыу, 2) етешһеҙлек, 3) кәмселек;

Фарсы теленән:

абруй – халыҡ алдында ҡаҙанған ихтирам, шөһрәт, фарсы телендә – намыҫ, дәрәжә;

баҡса – емеш, йәшелсә ултыртылған ер , фарсы телендә – ағаслы, сәскәле ял итеү урыны;

гәүһәр – ҡырып эшкәртелгән, ныҡ йылтырап торған үтә күренмәле таш, бриллиант, фарсы телендә – ынйы.

Ҡулланыу өлкәһе буйынса ғәрәп теленән үҙләштерелгән һүҙҙәр түбәндәге тематик төркөмдәргә ҡарайҙар:

1) фән, мәғариф һәм мәҙәниәт өлкәһенә ҡараған һүҙҙәр: *ғалим, ғилем, дәрес, дәфтәр, имтихан, инша, ҡәләм, матбуғат, мәғариф, мәктәп, китап, остаз, тәғлимәт, фән, хисап, хәреф, әлифба, әҙип, әҙәбиәт, әсбап* һ.б.;

2) дини тематикаға ҡараған һүҙҙәр: *аҙан, алла, аят, васыят, вәғәз, ғазраил, ғәйет, дин, доға, иблис, имам, иман, ҡорбан, ҡөрьән, ҡәбер, ләхет, мосолман, мулла, мәзин, мәсет, саҙаҡа, сүрә, табут, тәсбих;*

3) ижтимағи, сәйәси, административ өлкәләргә ҡараған һүҙҙәр: *ватан, ғариза, дәғүә, дәүләт, йәмәғәт, ҡағиҙә, милләт, фетнә, хаким, хеҙмәт, хөкөм, хөкүмәт, хәрби, шикәйәт, шәхес, әмер;*

4) ваҡыт арауығын, ай исемдәрен, планеталарҙы белдергән һүҙҙәр: *ваҡыт, ғасыр, дәүер, йома, заман, зөлҡағиҙә, зөлхизә, мөхәррәм, рамаҙан, рәжәб, сәфәр, шәғбан;*

5) кешегә, уның физиологик торошона, тормошо һәм үлеменә бәйле һүҙҙәр: *ағза, вафат, ғаилә, ғарип, зат, зыярат, зәғиф, йәтим, мәйет, никах, сөннәт, тәһәрәт, фәҡир, әҙәм;*

6) үҙләштерелгән һүҙҙәрҙең өлөшө яңғыҙлыҡ исемдәр рәтенә инә: *Ағзам, Вәкил, Вәли, Вәлит, Ғариф, Ғата, Ғәзиз, Ғәли, Закир, Зөлхизә, Зөһрә, Камил, Кәрим, Мирас, Мөхәммәт, Мәүлит, Салауат, Сафа, Сәфәр, Фатима, Хафиз, Хөсәйен, Хәсән, Әмир, Әхсән;*

7) кешенең хәлен, хис-тойғоларын белдергән һәм аралашыуҙың төрлө өлкәләренә ҡараған абстракт мәғәнәле төшөнсәләр: *аҡыл, бәхет, ваҡиға, выждан, вәғәҙә, ғазап, ғорур, ғәйеп, ғәҙәт, дауам, иғтибар, илһам, ихлас, ихтирам, мөхәббәт, сабыр, сер, сәфәр, хикмәт, хис, холоҡ, хөрмәт, хәләл, әҙәп;*

8) төрлө дөйөмләштереүҙәрҙе һәм абстракт төшөнсәләрҙе белдергән һүҙҙәр: *бәлә, бәхәс, ғүмер, зарар, мәжлес, нәсихәт, рөхсәт, сәбәп, шарт, шик;*

9) конкрет предметтарҙы белдергән һүҙҙәр: *арба, ғәскәр, дәфтәр, ҡәләм, майҙан, мөһөр, рәсем, сәғәт, хайуан, хат, хәмер, һандыҡ, һүрәт, шағир;*

10) ғәрәп теленән үҙләштерелгән ярҙамсы һүҙ төркөмдәре: *бәғдә, вә, ләкин, хатта, әлбиттә, әммә.*

Фарсы теленән үҙләштерелгән һүҙҙәр түбәндәге тематик төркөмдәргә бүленәләр:

1) ауыл хужалығы өлкәһе лексикаһына ҡараған һүҙҙәр: *баҡса, анар, баҙам, инжир,гөл, миләүшә, гөлбостан, гөлбаҙыян, хөрмә, ҡыяр, сөгөлдөр, хына, әлү, шафталы, ләлә, нәркәс, сөмбөл* һ.б.;

2) көнкүрештә ҡулланылған предметтар һәм йорт-ҡура ҡорамалдарын белдергән һүҙҙәр: *келәм, таҫтамал, хәнйәр, кеҫә, каса, пәрҙә, һөрмә, таҡта, сыраҡ, шәкәр, кишмиш, һеркә, кәләпүш, быяла, шешә, сумаҙан, һабын, диуар, салбар;*

3) мәҙәниәт, әҙәбиәт, сәнғәт һәм сауҙа өлкәләренә ҡараған һүҙҙәр: *баҙар, дана, дастан, һөнәр, һорнай, наурыз* һ.б.;

4) хәрби терминология, идара итеү өлкәләренә ҡараған һүҙҙәр: *пайтәхет, шәһәр, сирек, рузғәр* һ.б.;

5) тәрбиә биреү, мәктәп эшенә бәйле һүҙҙәр: *зирәк, оҫта, шәкерт, сыра, ҡағыҙ, дәфтәр, намә, мөһөр* һ.б.;

6) аҙна көндәре исемдәре (кесаҙнанан тыш): *йәкшәмбе, дүшәмбе, шишәмбе, шаршамбы, йома, шәмбе;*

7) хайуандарҙың һәм ҡоштарҙың атамалары: *януар, маймыл, нәр, былбыл, тутый, фил* һ.б.;

8) дини төшөнсәләр һәм мифологик заттарҙың атамалары өлкәһенә ҡараған һүҙҙәр: *хоҙай, йән, пәйғәмбәр, гонаһ, дәрүиш, фәрештә, аждаһа, пәрей, ураҙа, дейеү* һ.б.;

9) география өлкәһенә ҡараған һүҙҙәр: *зәмин, даръя, шишмә, йыһан* һ.б.;

10) медицина өлкәһенә ҡараған һәм хәл-торошто, хис-тойғоларҙы, теләктәрҙе белдергән һүҙҙәр: *дәрд, дарман, дусар, хәстә, ауаз, хуш, наҙ, нәҙек, бәхет, нам, азат, шат, йәр, дуҫ, дошман* һ.б.;

11) яңғыҙлыҡ исемдәр: *Гөлсирә, Гөлнара, Гөлназ, Илшат, Булат, Азат* һ.б.;

12) теркәүестәр: *бәлки, йәки, сөнки, һәм, әгәр* һ.б.

Үрҙә әйтелгәндәрҙән сығып, шундай һығымта яһарға була: башҡорт телендә ғәрәп һәм фарсы теленән үҙләштерелгән һүҙҙәр ҡатламы бик бай һәм үҙенсәлекле.

Әҙәбиәт:

1. Башҡорт теленең академик һүҙлеге: 10 томда. Т. I: (А хәрефе) / Ф.Ғ. Хисаметдинова редакцияһында. – Өфө: Китап, 2011. – 432 бит.

2. Бахтиярова А.Н., Саитбатталов И.Р., Фаткуллина Ф.Г. Функционирование арабских заимствований в русском и башкирском языках: учебное пособие. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. – 92 с.

3. Бахтиярова А.Н. Об арабских заимствованиях в башкирском языке // Вестник Башкир. ун-та. – Уфа, 2007. – № 3.

4. Кейекбаев Ж.Б. Хәҙерге башҡорт теленең лексикаһы һәм фразеологияһы. – Өфө: БДУ, 2002. – 264 бит.

5. Экба З.Н. Башкирско-русский словарь слов арабского и персидского происхождения.– Уфа: Китап, 2004. – 208 с.

© Ҡотошова З.Р., 2026

УДК 81'42

Крейденкова Д.С.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Ильясова Г.Р.,***
канд. филол. наук, доцент УУНиТ
г. Уфа, Россия

ПУСТЫЕ КАТЕГОРИИ В КОРЕЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Актуальность настоящего исследования обусловлена интересом современной лингвистики к взаимодействию синтаксических, семантических и прагматических факторов при интерпретации высказывания, а также необходимостью изучения механизмов языковой экономии. Особое внимание в этом контексте привлекают языки с различной степенью допустимости опущения аргументов, в частности корейский и русский. Корейский язык относится к числу радикальных pro-drop языков и допускает систематическое опущение как подлежащих, так и дополнений, тогда как в русском языке опущение аргументов носит ограниченный характер и зависит от ряда синтаксических и дискурсивных условий. В связи с этим сопоставительное исследование данных языков позволяет выявить как универсальные, так и языково-специфические механизмы интерпретации нулевых элементов. Несмотря на наличие работ, посвящённых пустым категориям в каждом из языков, остаётся актуальным вопрос о соотношении грамматических и дискурсивных факторов в их лицензировании, а также о роли прагматических и социолингвистических условий. В этой связи представляется необходимым уточнить понятие пустых категорий и рассмотреть особенности их функционирования в сопоставительном аспекте.

В современной лингвистике под пустыми категориями понимаются синтаксические элементы, не имеющие явного фонетического выражения, но присутствующие на уровне структуры и интерпретации высказывания. К ним относятся, в частности, нулевые подлежащие и нулевые дополнения, а также другие типы невыраженных аргументов. В рамках генеративной грамматики такие элементы рассматриваются как абстрактные единицы, занимающие определённые синтаксические позиции и обладающие грамматическими и семантическими свойствами. Их интерпретация осуществляется за счёт взаимодействия синтаксических, семантических и прагматических факторов, включая контекст и структуру дискурса. Сопоставление корейского и русского языков в этом отношении позволяет проследить, каким образом различная степень грамматической выраженности аргументов компенсируется либо дискурсивными механизмами, как в корейском языке, либо сочетанием структурных и контекстуальных условий, как в русском.

Корейский язык демонстрирует высокую степень свободы в опущении аргументов, что проявляется как в позиции подлежащего, так и дополнения [4: 532]. Например:
(1) 성훈이 정원을 만났다. 그리고 ∅ 도와주었다. [Сонхуни Чонвоныль маннатта. Кыригу ∅ тоуачуотта].
Сонхун встретил Чонвона. И ∅ помог.
В данном случае нулевое подлежащее во втором предложении может интерпретироваться как 성훈 [Сонхун], поскольку сохраняется тематическая непрерывность высказывания. Аналогичным образом возможно опущение дополнения:
(2) 정원이 성훈을 만났다. 그리고 ∅ 도와주었다. [Чонвони Сонхуныль маннатта. Кыригу ∅ тоуачуотта].
Чонвон встретил Сонхуна. И ∅ помог.
Здесь нулевое дополнение восстанавливается как 성훈 [Сонхун] на основе предшествующего контекста. Подобные конструкции показывают, что в корейском языке интерпретация нулевых аргументов в значительной степени зависит от дискурсивных факторов, таких как связность высказывания, тематическая структура и коммуникативная установка говорящего, а не от морфологического согласования.

В русском языке опущение аргументов носит более ограниченный характер и, как правило, связано с определёнными дискурсивными и синтаксическими условиями [1: 135]. Например:
(3) Катя встретила Женю. ∅ Позвонила позже.
В данном случае нулевое подлежащее во втором предложении интерпретируется как Катя, поскольку сохраняется тот же топик. Однако в отличие от корейского языка, опущение дополнения в русском

языке менее типично и чаще требует явного выражения:
(4) Катя встретила Женю. Потом позвонила *(ей)*.
Здесь дополнение, как правило, реализуется эксплицитно, поскольку его опущение может привести к неоднозначности. Следовательно, в русском языке интерпретация нулевых аргументов в большей степени зависит от структурных ограничений и топикальной организации высказывания.

Таким образом, сопоставление корейского и русского языков показывает, что оба языка используют механизмы опущения аргументов, однако степень их регулярности и условия интерпретации существенно различаются. В корейском языке нулевые аргументы являются системным и широко распространённым явлением, тогда как в русском языке их употребление ограничено и тесно связано с дискурсивной связностью и синтаксическими условиями. Это различие отражает типологическую специфику языков и позволяет рассматривать корейский язык как более последовательный pro-drop язык по сравнению с русским.

Литература:

1. Сковородников, А. П. К вопросу о синтаксическом нуле / А. П. Сковородников // Проблемы русского языка и его методики. – Красноярск: КГПИ, 1971. – С. 134–142.

2. Цейтлин, С. Н. Строение предложения и речевая ситуация (к проблеме эллиптичности предложения) / С. Н. Цейтлин // Функциональный анализ грамматических категорий и единиц. – Ленинград: ЛГПИ, 1976. – С. 163–174.

3. Han, N.-R. Korean Zero Pronouns: Analysis and Resolution: PhD thesis / Han N.-R. – Philadelphia: University of Pennsylvania, 2006. – 235 p.

4. Huang, C.-T. J. On the Distribution and Reference of Empty Pronouns / C.-T. J. Huang // Linguistic Inquiry. – 1984. – Vol. 15. – P. 531–574.

© Крейденкова Д.С., 2026

УДК 811.512.142

Кудаева Д.Ю.
студент КБГУ им. Х. М. Бербекова
Жансуева Л.З.,
студент КБГУ им. Х. М. Бербекова
Научный руководитель – ***Мизиев А.М.,***
д-р филол. наук, профессор КБГУ им. Х. М. Бербекова,
г. Нальчик, Россия

ТИПЫ СЛОЖНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Традиционно многие исследователи ставят под сомнение существование местоимений как самостоятельной части речи. Вместе с тем большинство из них придерживаются традиционного взгляда на местоимение как на самостоятельную часть речи. Согласно их мнению, местоименные слова не тождественны словам, относящимся к другим частям речи, однако они могут заменять любые имена и выполнять их функции, однако это невозможно в составе собственных имен, в том числе дескриптивного характера [2; 5]. В соответствии с устоявшейся научной традицией, местоимения в карачаево-балкарском языке по своим семантическим, синтаксическим и морфологическим, признакам бывают личными, лично-возвратными, вопросительно-относительными, указательными и неопределенными. Если же учесть их семантико-синтаксические свойства, можно говорить об определительных и отрицательных местоименных лексемах. Но не все они отличаются изобилием сложных слов, т.е. их потенциал в плане словосложения в личных и лично-возвратных местоимениях несколько ограничен. Сложные слова в этих разрядах лексем зиждятся на процессе сравнения, на что указывается в некоторых работах по образованию сложных слов в карачаево-балкарском языке [3; 4]. Сама сравнительная форма образуется путем присоединения к личным местоимениям маркера компаратива *-ча* (в ряде тюркских языков *-че, -ша, -ше*). Согласно мнению специалистов в области сравнительно-исторической грамматики рассматриваемый аффикс исторически восходит к слову *чакъ* ‘время, пора, как раз, соразмеримый’. Данная форма, например, сохранилась в карачаево-балкарском (*чакъ* ‘время, пора, период’, *чакълы* ‘около, столько’) и в кумыкском языках (*чагьы* ‘соразмерный’). Ср.: *сени чакълы (чагъы)* ‘столько, сколько и ты’, *юй чакълы (чагъы)* ‘такого же размера, как и дом’ и т.д. Относительно такого маркера

компаратива интересные сведения представлены в трудах по исследованию значимых концептов карачаево-балкарского языка [1]. Небезынтересным является случай с лично-возвратными местоимениями, играющими важную роль при словосложении, которые в карачаево-балкарском языке образуются присоединением аффиксов принадлежности единственного и множественного числа к основе *кес*, которая считается восходящей к куманской *кенс* (*кеси – кенси* ‘он сам’), имеющее значение ‘самость’. Основа слова *кеси*, функционирующего в карачаево-балкарском языке, соответствует турецкому *кенди* ‘он сам’, в большинстве же других тюркских языков употребительна форма *ёз + ю* (‘он сам’). В карачаево-балкарском языке эта форма употребительна в произведениях писателей старшего поколения, текстах фольклора и относится к пассивному пласту лексики.

Относительно турецкого (*кенди*) и карачаево-балкарского (*кеси*) выпадение *-н* можно объяснить таким же процессом в личных окончаниях глаголов 1-го и 2-го лица единственного числа, что является в некоторой степени доказательством: *кенси>кеси келеме* (*келемен*) ‘я иду’, *кетеме* (*кетемен*) ‘я ухожу’ и т.д. Для репрезентации значения большего уттверждения и большей конкретики лично-возвратные местоимения обычно употребляются с другими личными местоимениями того же лица, на которое указывает аффикс принадлежности: *биз кесибиз* ‘именно мы сами’, *сиз кесигиз* ‘именно вы сами’, *ала кеслери* ‘именно они сами’ и т.д.

Лично-возвратные местоимения функционируют и в виде повторов, при этом повторяемое слово должно иметь форму косвенного падежа. Такое дублирование указывает на то, что человек совершает действие, которое направлено на самого себя: *Кесим кесиме этдим* ‘Я сам для самого себя сделал’; *Кеси кесин тап жюрютмейди* ‘Он не умеет вести себя как полагается’; *Кеси кесинден кёлю чыкъды* ‘Он сам в себе разочаровался’; *Кеслери кеслерини башларына мадар эталмайдыла* ‘Они сами о себе не могут позаботиться’ и т.д.

Сложную структуру имеют и указательно-количественные местоимения. Они представляют собой сочетания указательных местоимений типа *быллай, аллай, бу* ‘такой, вот такой, этот’ с именем числительным *бир* ‘один’ в значении неопределенности и с наречием *къадар* ‘много’: *Аны быллай бир малы болмаз* ‘У него наверно нет столько скота’; *Сен аллай бир ишлемегенсе* ‘Ты не работал столько’; *Бу къадар халкъ мында не эте болур* ‘Что здесь делает столько людей’. Эти местоимения указывают на неопределенное количество предметов. Также имеет место на указание на неопределенное количество совершаемых действий: *ол къадар бир* (*кере*) ‘вон столько раз’.

Сложные указательно-количественные местоименные слова могут уоптребляться с притяжательными, относительными и отрицательными аффиксами, а некоторые принимают и уменьшительные аффиксы: *бу къадарныкъы* ‘принадлежащий вот стольким’ (*бу* ‘вот’ + *къадар* ‘столько’), *аллай бирдеги* ‘находящийся вон у стольких’ (*аллай* ‘вон’ + *бир* ‘столько’), *о къадарсыз* ‘без такого-то вон количества’ (*о* ‘вон’ + *къадар* ‘столько’). Среди указательных местоимений отдельного внимания требуется уделить модально-указательному образованию *майна* ‘вон (вон тот)», которого можно разложить следующим образом: ма ‘вот’ + ин (древне) ‘тот’ + а (указательное ‘тот’, личное ‘он’). Современное его употребление связано с усилением значения указательных, а также личных местоимений 3-го лица ед. и мн. Числа: *Мен бек жаратхан къыз майна олду* ‘Девушка, которая мне нравится вон та’. *Майна ол* произносится как *майнол* или *майно*, так как происходит элизия гласного – *а*. Это слово очень часто употребляется в диалекте карачаево-балкарского языка. Происхождение *ма* исторически связывается с указательным местоимением *бу* ‘этот’. В тюркских языках переход *б>м* в начале слов считается обычным явлением. А еще это местоимение участвует в создании других сложных слов как *ма бу* ‘вот этот’, *ма ол* ‘вон тот’ и *ма сен* ‘вот ты’: *Жашауугъуз татлы болсун ма бу бал аякъ кибик* ‘Пусть ваша жизнь станет сладостной, как вот эта чаша мёда’; *Ма ол жулдузну кёремисе, ол кимни эсе да жолуду* ‘Видишь вон ту звезду, эта чья-то дорога’ и т.д.

В вопросительно-относительных местоимениях всего лишь несколько единиц считаются сложными. Например, слово *къайры* ‘куда’, прежней формой которого является *къай ары* ‘куда, в какую (которую) сторону’, с аффиксами принадлежности, в местном и исходном падежах. Но вначале было *къай*? ‘который?’ и употребляется только в сочетании с *ары* ‘туда, в ту сторону’.

В значении *ненча?* ‘сколько?’ употребляется сложное вопросительно-отрицательное местоимение *нелляй бир?* ‘сколько, какое количество’, которое образуется сочетанием уподобительной формы вопросительно-относительного местоимения *не* с количественным числительным *бир* ‘один’. Второй член данного сочетания принимает те же аффиксы функционально-грамматического словообразования, которые присоединяются к *ненча?* ‘сколько’: *нелляй бирсиз?* ‘без какого количества?’, *нелляй бирге?* ‘к какому количеству?’, *нелляй бирники?* ‘какому количеству принадлежат?’.

Сложными местоимениями являются еще и *къаллай бир* ‘сколько раз‘ (*къаллай* ‘сколько’ + *бир* ‘один’), в том же значении употребляется *нелляй бир* ‘сколько’, но по отношению к количественным числительным. Среди других разрядов местоимений, определительно-отрицательные отличаются хорошими словосложительными возможностями. Например: *ким да, не да, къайсы да*, отдельное значение которых зависит от употребления их с глаголами в положительной или отрицательной форме. При употреблении с глаголами положительной формы, вышеприведенные сложные местоимения используются в значениях ‘и каждый, и всякий’, ‘и все’, ‘и всякий’, а с глаголами в отрицательной форме – ‘никто’, ‘ничто’, ‘никто, никакой’. Из этих местоимений определяются только этого следует, значения контекстом. Также следует отметить, что при их выделении доминирующую роль играет синтаксический признак. Например: *ким да биледи* ‘(и) каждый знает’, *ким да билмейди* ‘(и) никто не знает’, *къайсы да барсын* ‘(и) пусть всякий пойдет’, *къайсы да бармасын* ‘(и) пусть никто не пойдет’ и т.д. Такие дескрипции часто исследуются в рамках категории отрицания [6].

При выделении в отдельный разряд определительных местоимений по семантике и синтаксические признаки очень важны, так как некоторые сложные местоимения в зависимости от глагола-партнера могут иметь положительные или отрицательные формы. Нужно отметить, что сложные определительные местоимения могут принимать притяжательные, относительные, сравнительные, употребительные, уменьшительные и отрицательные аффиксы, что делает их словообразовательный потенциал еще шире: *хар кимники* ‘принадлежащие каждому’, *хар къайсыныкъы* ‘принадлжащие всяким’, *хар кимдеги* ‘имеющийся у каждого’, *хар кимча* ‘как каждый’, *хар къайсылай* ‘подобно всякому’ и т.д.

В карачаево-балкарском языке вопрос о неопределенности сам по себе неоднозначен. При передаче такого значения используются не конкретные слова. Туда можно отнести и выражение *хар бир* ‘каждый’. Это сложное слово состоит из местоимения *хар* ‘каждый, все’ + *бир* (имя числительное) ‘один’, которое в данном случае носит грамматическое значение неопределенного артикля. Например: *Хар бир адам башха-башха сагъыш этеди* ‘Каждый человек думает по-разному’*; Хар бир усталыкъгъа да билим эм тёзюмлюк керекди* ‘Каждой профессии нужны знания и терпение’ и т.д.

Из вышеизложенного следует, что из разрядов местоимений лексический состав неопределенных местоимений образуется путем сложения слов, иначе говоря, присоединением к вопросительным местоимениям союзов *эсе да, болса да, да болсун*, а также прибавлением к вышеперечисленным числительного *бир*, который в таких случаях выполняет роль неопределенного артикля. Кроме того, есть ряд слов, которые, сочетаясь с *бир*, потеряли свое конкретное лексическое значение и приобрели абстрактное значение неопределенных местоимений.

Литература:

1. Ахматова М.А., Кетенчиев М.Б. Репрезентация концепта "ум" в карачаево-балкарском языке // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2018. – № 2 (30). – С. 57-64.

2. Ахматова М.А., Текуев М.М., Хуболов С.М. Топонимы карачаево-балкарского языка, образованные от апеллятива цвета акъ ‘белый’, и их лексико-семантическая характеристика // Научная мысль Кавказа. – 2021. – № 4 (108). – С. 118-124.

3. Мизиев А.М. Сложные существительные с подчинительной связью компонентов в карачаево-балкарском языке // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2014. – № 1. – С. 229-239.

4. Мизиев А.М. О внутриглагольном сложении в карачаево-балкарском языке // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2015. – № 2 (64). – С. 229-235.

5. Текуев М.М., Ахматова М.А., Хуболов С.М. Характеристика некоторых топонимов карачаево-балкарского языка с компонентами агъач "лес", терек "дерево" // Язык: история и современность. – 2019. – № 2. – С. 111-122.

6. Улаков М.З., Кетенчиев М.Б. Парадигма именного отрицания в карачаево-балкарском языке // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2013. – № 3 (53). – С. 160-165.

© Кудаева Д.Ю., Жансуева Л.З., 2026

УДК 82'398

Купцова О.С.,
магистрант УУНиТ
Научный руководитель – ***Мустафина Р.Д.,***
канд. филол. наук, доцент УУНиТ
г. Уфа, Россия

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ В XXI ВЕКЕ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Введение

Фольклористика и литературоведение сегодня сталкиваются с рядом общих проблем, обусловленных стремительными социокультурными изменениями. Основной задачей данных наук в XX веке было сохранение и систематизация наследия, сейчас же учёные вынуждены отвечать на вызовы цифровой эпохи, глобализации и трансформации читательских практик. В статье рассматриваются ключевые проблемы этих научных областей, подкреплённые конкретными примерами из современной исследовательской практики, и предлагаются возможные пути их решения.

Проблемы фольклористики

Одной из наиболее острых проблем современной фольклористики остаётся аутентичность собираемого материала. Традиционные методы фиксации (аудиозаписи и письменные записи) всё чаще сталкиваются с тем, что живая среда бытования фольклора стремительно меняется. Например, башкирские сказители уже не исполняют эпосы в их полном виде, все чаще звучат фрагменты или адаптированные версии,
что приводит к потере контекста: исполнение эпоса «Урал-батыр» в традиционной обстановке несёт иной смысл, чем его сценическая реконструкция на фестивале.

Серьёзной проблемой является кризис вариативности. В прошлом один и тот же сюжет мог существовать в десятках локальных версий, но сегодня наблюдается стандартизация. Так, сказки «Алдар и бай» или «Лиса-лекарь» в современных записях всё чаще воспроизводят один «канонический» вариант, зафиксированный ещё в 1930–
1950-е годы фольклористами Б. Г. Юлдашбаевым и А. Н. Киреевым. Исчезают региональные особенности исполнения, интонации, детали, которые и составляли богатство традиции.

Ещё одно направление трансформации – это возникновение новых форм фольклора. Интернет породил такие явления, как:

- Мемы с фольклорными мотивами (например, изображения Шурале в юмористических картинках);
- Городские легенды онлайн (истории о «проклятых» местах Уфы с отсылками к местным поверьям).

Эти феномены требуют новых методов фиксации и анализа, отличных от традиционных подходов.

Вызовы для литературоведения

Литературоведение также переживает методологический кризис. Одной из ключевых проблем является
определение границ литературного канона. В эпоху блогов и текстов, созданных искусственным интеллектом, критерии «художественности» и «авторства» размываются. Например, роман, написанный нейросетью и опубликованный под псевдонимом, может получить литературную премию как это произошло с романом «День, когда компьютер написал роман» (Япония, 2016).

Влияние цифровых технологий меняет не только способы создания, но и восприятия текстов. Исследования показывают, что чтение с экрана:

- Снижает глубину погружения в текст;
- Способствует «сканирующему» чтению вместо вдумчивого анализа;
- Меняет восприятие длинных нарративов (романы уступают место коротким рассказам и микро-прозе).

Особую сложность представляет изучение региональной литературы в контексте глобализации. Башкирская проза и поэзия, например, сталкиваются с дилеммой:
с одной стороны, необходимо сохранять национальную идентичность, обращаться к фольклору и

истории, а с другой сторону нужно быть понятной международной аудитории (т.е перевод без потери смысла, адаптация образов).

Показательным примером является творчество поэта Р. Туйгунова. Его стихи, насыщенные мифологическими аллюзиями, требуют комментариев для читателя, не знакомого с башкирской традицией. Это ставит вопрос о новых подходах к переводу и интерпретации.

Пересечение фольклористики и литературоведения

Взаимодействие фольклористики и литературоведения особенно ярко проявляется в изучении трансформации мифологических образов в современной литературе Башкортостана. Современные авторы активно переосмысливают фольклорные архетипы, наполняя их новым содержанием и адаптируя к реалиям XXI века.

Так, в романе Асии Арслановой «Асия» (2023) прослеживается глубокая связь с башкирским фольклором. Писательница переосмысливает традиционные мотивы выбора пути и судьбы, которые в эпосах были уделом батыров, а в её произведении становятся частью внутреннего поиска современной женщины. Природные силы: ветер, река, лес - наделяются сакральным смыслом, как в древних поверьях, и влияют на решения героини, подчёркивая неразрывную связь человека с родной землёй.

Однако здесь возникает проблема методологии. Традиционные подходы: сравнительно-исторический, структурный, не всегда позволяют проанализировать эти гибридные тексты. Требуются междисциплинарные методы, включающие когнитивную поэтику для изучения того, как читатель воспринимает мифологические образы, анализ больших данных для отслеживания распространения фольклорных мотивов в сети и этнопсихолингвистику, т.е. исследования восприятия текстов носителями разных культур.

Пути решения и перспективы

Для преодоления обозначенных проблем необходимо:

1. Создать цифровые архивы с расширенными метаданными. Например, проект «Башкирский фольклор онлайн» мог бы включать аудиозаписи с указанием места и времени фиксации, видео исполнения (с элементами обряда); комментарии носителей традиции; параллельные тексты на башкирском и русском языках.
2. Разработать новые образовательные программы, объединяющие фольклористику и литературоведение. В учебных заведениях внедрять курсы или предметы по современной мифологии, цифровой филологии, межкультурной коммуникации в литературе.
3. Поддерживать живые традиции: создавать гранты для сказителей и фольклорных коллективов, проводить фестивали с участием молодёжи, разрабатывать проекты по сбору городского фольклора, собирать легенды, мемы, шутки.
4. Развивать международное сотрудничество. Совместные исследования с учёными из Татарстана, Казахстана, Турции помогут выявить общие тенденции в трансформации тюркского фольклора и создать базы данных для сравнительного анализа.

Заключение

Актуальные проблемы фольклористики и литературоведения носят комплексный характер и требуют междисциплинарного подхода. Сохранение культурного наследия невозможно без его актуализации и адаптации к современным реалиям без потери глубинного смысла. Перспективным направлением становится изучение того, как традиционные образы и сюжеты переосмысляются в цифровой среде, массовой культуре и творчестве современных авторов. Только через диалог науки, образования и общества можно обеспечить преемственность и развитие словесности в XXI веке.

Литература:

1. Арсланова А. Р. Аул : роман / Асия Арсланова. – Москва : Волчок, 2023. – 349 с.
2. Башкирское народное творчество : в 18 т. / АН СССР, Башк. фил., Ин-т истории, яз. и лит. – Уфа : Башк. кн. изд-во, 1972–1993. – (Эпос ; т. 1).
3. «День, когда компьютер написал роман» : повесть, созданная ИИ, вышла в финал литературного конкурса в Японии / Rambler News Service. – 2016. – 24 марта. – URL: https://news.rambler.ru/scitech/33150404-napisannaya-yaponskim-robotom-povest-vyshla-v-final-literaturnogo-konkursa/

4. Киреев А. Н. Башкирский героический эпос / А. Н. Киреев ; АН СССР, Башк. фил., Ин-т истории, яз. и лит. – Уфа : Башкнигоиздат, 1970. – 167 с.
5. Киреев А. Н. Башкирские народные сказки / А. Н. Киреев. – Уфа : Башкнигоиздат, 1955. – 204 с.
6. Киреев А. Н. О башкирском эпосе «Алпамыш» / А. Н. Киреев // Вопросы башкирской филологии. – 1959. – С. 52–59.
7. Создание цифровой платформы башкирской фольклористики «Легендариум» : проект № 25-1-005184 / АНО поддержки образовательных и научных проектов «Меридиан успеха». – Уфа, 2025. – URL: https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/application/item?id=65c318a7-c32e-4f99-96e2-d55d71216072
8. Хусаинова Г. Р. А. Н. Киреев – ученый-фольклорист, писатель и педагог (к 100-летию со дня рождения) / Г. Р. Хусаинова // Проблемы востоковедения. – 2012. – № 1 (55). – С. 84–86. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/a-n-kireev-uchenyy-folklorist-pisatel-i-pedagog-k-100-letiyu-so-dnya-rozhdeniya
9. Юлдашбаев Б. Г. Башкирские народные сказки / Б. Г. Юлдашбаев. – Уфа: Башкнигоиздат, 1955. – 204 с.

© Купцова О.С., 2026

УДК 81'42:327

Курамшина И.Р.,
магистрант УУНиТ
Научный руководитель – ***Абдуллина Л.Б.,***
канд. филол. наук, доцент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ (ИДИОМ, ЦИТАТ, ЧЭНЪЮЕВ) В РОССИЙСКОМ И КИТАЙСКОМ ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Прецедентные феномены в дипломатическом дискурсе работают как средство смысловой компрессии. Они позволяют передать сложные идеи коротко и узнаваемо. Но при этом возникает вопрос интерпретации, особенно в межкультурной коммуникации. Как отмечает С. Юе, такие единицы закрепляются в коллективной памяти и активизируют готовые модели восприятия [5, с. 221]. Иначе говоря, адресат не просто читает текст, а достраивает его на основе культурного опыта.

Однако же различия между российским и китайским дискурсами здесь принципиальны. В российской дипломатической речи чаще используются литературные цитаты и исторические аллюзии, тогда как китайская сторона активно прибегает к чэнъюям. По наблюдениям Ж. Мэн, интертекстуальность в китайском дискурсе опирается на классические тексты, тогда как в российском она связана с более широким культурным корпусом [2, с. 205]. И это, если упростить, создаёт разную степень понятности для внешнего адресата.

Но возникает противоречие. Сжатость и выразительность повышаются, а прозрачность снижается. Ряд исследований показывает, что чэнъюи обладают высокой степенью имплицитности и требуют культурного знания для декодирования [1, с. 388; 2, с. 204]. При этом их использование в китайской дипломатии XXI века заметно увеличилось, особенно в официальных заявлениях. Это фиксируется на материале выступлений МИД КНР. И, грубо говоря, дипломатический текст становится более «внутренне ориентированным».

Как подчёркивают Р.Р. Лукманова, П. Линь, «перевод дипломатических текстов требует учёта культурных и прагматических особенностей исходного языка» [1, с. 389]. Эта мысль напрямую связана с проблемой интерпретации прецедентных феноменов. Не всегда возможно передать их эквивалентно. Иногда приходится жертвовать либо формой, либо смыслом.

И здесь, кстати, проявляется ещё одна особенность. В российском дискурсе цитаты чаще выполняют аргументативную функцию, усиливая позицию говорящего через авторитет источника. В китайском же чэнъюи нередко задают оценочную рамку высказывания. С. Юе отмечает, что прецедентные элементы усиливают экспрессивность и оценочность политической речи [5, с. 224]. Хотя это не бесспорно, поскольку выборка была ограничена российским материалом.

Упомянутая выше закономерность показывает, что прецедентные феномены не сводятся к украшению речи. Они формируют скрытый слой смысла. Но и усложняют коммуникацию. И, возможно, именно это делает их таким устойчивым элементом дипломатического языка.

Различия в типологии прецедентных феноменов между российским и китайским дипломатическим дискурсом проявляются прежде всего в источниках их формирования. И это уже задаёт разный характер аргументации. Российская речь чаще обращается к литературе и историческим событиям. Китайская − к классическим текстам и устойчивым чэнъюям.

Как отмечает Ж. Мэн, интертекстуальность в российском политическом дискурсе формируется за счёт разнообразных культурных источников, тогда как китайская традиция опирается на более канонизированный корпус текстов [2, с. 206]. Это различие не просто формальное. Оно влияет на структуру высказывания. И, если упростить, китайский дискурс оказывается более «закрытым» для внешнего адресата.

Но статистическое сопоставление вызывает трудности. Нет единых критериев, по которым можно точно посчитать частотность таких единиц. Впрочем, некоторые выводы всё же возможны. Например, на материале дипломатических заявлений КНР по тайваньскому вопросу 2024 года фиксируется регулярное использование чэнъюев в ключевых позициях текста [4, с. 207]. Они появляются в начале или в финале высказывания. Это не случайно.

Ряд исследований показывает, что в российском дискурсе интертекстуальные включения чаще распределены равномерно и не занимают строго фиксированных позиций [2, с. 207; 5, с. 222]. Проще говоря, они встроены в ткань текста более свободно. Но при этом их прагматическая нагрузка остаётся высокой. И здесь, честно говоря, возникает не совсем очевидный момент.

Сначала кажется, что китайская модель более системна. Однако же при ближайшем рассмотрении видно, что эта системность ограничивает вариативность. Как отмечают исследователи, различия в источниках прецедентности напрямую связаны с культурной традицией и нормами дипломатического общения [1, с. 389]. И это объясняет устойчивость выбранных моделей.

«Интертекстуальность проявляется через включение культурно значимых текстов в структуру высказывания» [2, с. 203]. Эта формулировка хорошо описывает оба дискурса. Но способы реализации различаются. В российском случае это может быть цитата из классической литературы XIX века. В китайском − краткий чэнъюй, часто из древнекитайских источников.

И упомянутая выше закономерность, кстати, не абсолютна. Хотя эти данные касаются только отдельных тематических корпусов текстов. Например, анализ 2023 и 2024 годов показывает, что в российской дипломатии также усиливается использование устойчивых формул. Но их природа остаётся иной. Грубо говоря, различие сохраняется, даже если внешне формы начинают сближаться.

Аргументативная функция прецедентных феноменов проявляется наиболее чётко в дипломатическом дискурсе, связанном с конфликтными темами. И вывод здесь можно сформулировать сразу. Они работают как средство легитимации позиции. Уже потом становится ясно, за счёт чего это достигается.

В китайской дипломатической риторике по тайваньскому вопросу чэнъюи используются для апелляции к исторической преемственности и культурному единству. По наблюдениям В.М. Филашкиной, такие формулы вводятся в ключевые фрагменты текста и задают оценочную рамку высказывания [4, с. 206]. Это, если упростить, позволяет представить политическую позицию как продолжение традиции, а не как ситуативное решение. И в этом есть определённая логика, хотя она не всегда очевидна внешнему адресату.

Но возникает вопрос универсальности. То, что понятно внутри культуры, может быть неясно вне её. Ряд исследований показывает, что использование прецедентных элементов усиливает аргументативность, однако одновременно повышает риск неоднозначного восприятия [5, с. 224; 3, с. 50]. Проще говоря, адресат может не считать приведённый аргумент убедительным, если не распознаёт культурный код.

Как отмечает А.А. Распопина, дипломатический дискурс по тайваньской проблеме в 2024 году строится с опорой на устойчивые формулы и исторические аллюзии, которые закрепляют официальную позицию государств [3, с. 48]. И здесь интересно, что аналогичные приёмы используются и в российской дипломатии. Но характер этих приёмов отличается.

«Дипломатический дискурс отражает национально-культурную специфику языковых средств» [4, с. 205]. Эта формулировка, честно говоря, звучит довольно обобщённо, но она помогает понять различия. В российской речи цитаты чаще апеллируют к литературному канону. В китайской − к классической философии и истории.

И упомянутая выше закономерность сохраняется даже при тематическом сходстве текстов. Хотя эти данные касаются только отдельных кейсов, связанных с тайваньским вопросом. Впрочем, даже на этом материале видно, что прецедентные феномены формируют скрытую аргументацию, которая не всегда считывается напрямую.

Однако же нельзя сказать, что их использование однозначно эффективно. Иногда возникает эффект избыточной культурной замкнутости. И это, возможно, ограничивает международную понятность дипломатических сообщений.

Проблема перевода прецедентных феноменов возникает раньше, чем кажется. Сначала формируется смысл, а уже потом − его передача. И именно здесь возникают потери.

Как отмечают Р.Р. Лукманова и П.Линь, при переводе дипломатических текстов между русским и китайским языками необходимо учитывать культурные коды, иначе смысловые оттенки не сохраняются [1, с. 389]. Это, если упростить, означает, что буквальный перевод редко работает. Особенно это касается чэнъюев. Они часто не имеют прямых эквивалентов.

Но ситуация несимметрична. Российские цитаты тоже трудно переводимы. Ряд исследований показывает, что интертекстуальные включения теряют часть прагматического эффекта при переносе в другую языковую среду [2, с. 207; 3, с. 53]. Проще говоря, аргумент остаётся, но его сила уменьшается. И это не всегда очевидно при поверхностном анализе.

Как подчёркивает Ж. Мэн, интертекстуальность в разных культурах реализуется через различные механизмы, и это затрудняет поиск адекватных переводческих решений [2, с. 206]. И, честно говоря, универсального способа тут нет. Иногда переводчик вынужден выбирать между точностью и понятностью.

И здесь можно сразу сформулировать вывод. Эффективный перевод требует комбинированного подхода. То есть не только эквивалент, но и пояснение. Впрочем, стоит оговориться − такой подход увеличивает объём текста и может нарушать дипломатическую лаконичность.

Упомянутая выше закономерность проявляется и в современных текстах 2023−2024 годов. Анализ показывает, что даже при наличии устойчивых переводческих практик часть имплицитных смыслов остаётся недоступной [3, с. 54]. Хотя эти данные касаются только ограниченного корпуса материалов.

Но альтернатива тоже не идеальна. Полный отказ от прецедентных феноменов снижает выразительность дипломатической речи. И это, возможно, объясняет, почему они продолжают использоваться, несмотря на переводческие сложности.

Литература:

1. Лукманова, Р.Р. Русскоязычный и китайскоязычный дипломатические дискурсы: актуализация в текстах и их перевод с одного языка на другой / Р.Р. Лукманова, П. Линь // Мир науки, культуры, образования. – 2024. – № 5 (108). – С. 387–390.
2. Мэн, Ж. Сравнительное исследование интертекстуальности в российском и китайском политическом дискурсе / Ж. Мэн // Политическая лингвистика. – 2023. – № 5 (101). – С. 202–209.
3. Распопина, А.А. Отражение тайваньского вопроса в дипломатическом дискурсе России, Китая и США на современном этапе / А.А. Распопина, В.М. Филашкина // Российско-китайские исследования. – 2024. – Т. 8, № 1. – С. 46–56.
4. Филашкина, В.М. Анализ лингвистического содержания китайского дипломатического дискурса на примере тайваньского вопроса / В.М. Филашкина // Восток – Запад: история и современность: ежегодник. – Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2024. – С. 205–213.
5. Юе, С. Явление прецедентности как языковой феномен в политическом дискурсе современной России / С. Юе // Политическая лингвистика. – 2023. – № 2 (98). – С. 220–227.

© Курамшина И.Р., 2026

УДК 070

Курбацкая А.Б.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Имангулова А.Р.,***
ассистент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ФУНКЦИЙ ЖУРНАЛИСТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ МЕДИАСРЕДЕ

В научном дискурсе препарирование функций журналистики остается актуальным, поскольку в современной медиасреде меняются способы производства и восприятия информации, но общественная значимость журналистики не исчезает. Исследователями журналистика рассматривается как социальный институт, как система профессиональной деятельности и как полифункциональная система, удовлетворяющая потребности общества и аудитории. Цель данной статьи – рассмотреть, как основные функции журналистики раскрывают ее общественную роль и как они проявляются в цифровой медиасреде. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: определить место журналистики в системе общественных коммуникаций, охарактеризовать ключевые функции журналистики и проследить их изменение в современных условиях. В работе были использованы труды Е. Л. Вартановой, П. Н. Киричёка, Е. И. Кузнецовой, Ю. И. Долговой и А. А. Антонова-Овсеенко.

Журналистика понимается не только как профессиональная деятельность по созданию текстов, но и как общественный институт. В учебнике А. А. Антонова-Овсеенко подчеркивается, что журналистика связывает общество, власть, редакцию и аудиторию, а ее содержание определяется массовым характером информации и общественной значимостью тем [1]. Е. Л. Вартанова также разрабатывает теорию о том, что журналистика существует сразу в нескольких измерениях: как социальный институт, как система профессиональной деятельности и как совокупность произведений. Вследствие этого выделенные функции связаны не только с передачей фактов, но и с участием в общественной жизни [2]. Такой подход позволяет точнее понять общественную роль журналистики. Она не просто сообщает о событиях, а помогает обществу видеть актуальные процессы, связывает различные социальные группы и участвует в формировании общего информационного пространства. Именно поэтому разговор о функциях журналистики ставит вопрос о их месте в системе массовой коммуникации и степени влияния на общественное сознание.

В современной теории журналистика определяется как полифункциональная система. Е. Л. Вартанова, опираясь на традицию Е. П. Прохорова, выделяет ядро функций и демонстрирует, что отделить одну функцию от другой невозможно [3]. К числу наиболее устойчивых относятся коммуникативная, социально-ориентирующая, культурно-формирующая, рекреативная, а также непосредственно-организаторская и рекламно-справочная функции. В более широких классификациях упоминаются также просвещение, контроль, помощь аудитории, социализация и прогностическая линия.

Наиболее очевидной остается информационная функция, поскольку без нее журналистика теряет свою основу. Вместе с тем ее роль не исчерпывается простой передачей сведений. Просветительская и культурно-формирующая функции помогают расширять кругозор аудитории и передавать ценности, а коммуникативная и социально-ориентирующая функции участвуют в организации общественного диалога и в формировании оценок. П. Н. Киричёк связывает функции журналистики с ее миссией и подчеркивает, что в центре находятся информирование, интегрирование и регулирование общественной жизни [4]. В итоге функции журналистики выражают ее общественное назначение и обуславливают институциональный статус.

Цифровая среда не отменила функции журналистики, но заметно изменила способы их реализации. Е. Л. Вартанова отмечает, что современные подходы к функциям журналистики усложняются из-за изменчивости медиасреды, размывания границ между журналистикой, медиа и массовой коммуникацией, а также из-за появления новых акцентов, включая адаптивную, интегративную, познавательную функции и функцию социального конструирования [3]. Это говорит о том, что традиционная основа сохраняется, но действует уже в новых условиях.

П. Н. Киричёк связывает эти перемены с изменением миссии журналистики в информационном обществе. По этой причине сегодня особенно важна не только передача фактов, но и способность журналистики доносить общественный смысл происходящего до аудитории [4]. Современная

журналистика работает в более быстром и насыщенном информацией пространстве, поэтому ее функции становятся подвижнее и теснее переплетаются друг с другом.

Одной из наиболее заметных функций в цифровой среде становится формирование картины мира. Е. И. Кузнецова утверждает, что журналистика участвует в создании медиареальности, вместо обычного текста всё чаще используют визуальные форматы – и это меняет не только подачу фактов, но и наше представление о мире [5]. Вследствие этого журналистский материал влияет на аудиторию не только через сообщение фактов, но и через образ, способ подачи и эмоциональное восприятие.

Практический срез этой темы представлен в статье Ю. И. Долговой, где показано, что будущие журналисты прежде всего выделяют информационную, развлекательную и культурно-просветительскую функции [3]. Контрольная функция и социальная критика воспринимаются заметно слабее. Это позволяет увидеть, какие функции журналистики сегодня считаются наиболее востребованными в профессиональной среде молодым поколением. В итоге можно говорить о том, что журналистика по-прежнему информирует и просвещает, но одновременно все активнее формирует образ современной реальности.

Можно обобщить, в ходе нашего исследования было показано, что функции журналистики раскрывают ее общественную роль наиболее полно. Журналистика выступает не только каналом передачи массовой информации, но и общественным институтом, который участвует в формировании оценок, культурных ориентиров и общего информационного пространства. К основным функциям журналистики относятся информационная, коммуникативная, просветительская, социально-ориентирующая и рекреативная.

Также было установлено, что в цифровой медиасреде перечисленные функции сохраняются, но реализуются по-новому. Усиливается визуальная составляющая, возрастает роль формирования картины мира, а в профессиональном восприятии особенно заметными остаются информационная, культурно-просветительская и развлекательная функции. Можно констатировать, что журналистика сохраняет общественную значимость и в новых условиях продолжает помогать аудитории понимать современную реальность.

Литература:

1. Антонов-Овсеенко, А. А. Основы журналистики и массовых коммуникаций : для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «журналистика» / А. А. Антонов-Овсеенко. – Ташкент : Университет журналистики и массовых коммуникаций Узбекистана, 2024. – 340 с.

2. Вартанова, Е. Л. Функции журналистики: традиционные и актуальные подходы / Е. Л. Вартанова // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2024. – Т. 49, № 6. – С. 3-30.

3. Долгова, Ю. И. Функции журналистики в контексте профессиональной культуры глазами российских студентов специальности «телевизионная журналистика» / Ю. И. Долгова // Вопросы теории и практики журналистики. – 2024. – Т. 13, № 1. – С. 88-106.

4. Киричек, П. Н. Функции журналистики в социальном периметре повседневности / П. Н. Киричек // Журналист. Социальные коммуникации. – 2024. – № 1(53). – С. 19-28.

5. Кузнецова, Е. И. Формирование картины мира как функция журналистики в условиях цифровой медиареальности / Е. И. Кузнецова // Медиа в современном мире. 64-е Петербургские чтения : Сборник материалов 64-го Международного научного форума. В 2-х томах, Санкт-Петербург, 23–26 апреля 2025 года. – Санкт-Петербург: ООО "Медиапапир", 2025. – С. 45-46.

© Курбацкая А.Б., 2026

УДК 070

Курганская Я.С.,
студент, УУНиТ
Научный руководитель – ***Пермякова Л.А.,***
канд. филол. наук, доцент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОЧЕРКОВ В. М. ПЕСКОВА

Василий Михайлович Песков – советский писатель, журналист, фотокорреспондент и путешественник. Творческое наследие Василия Михайловича Пескова – явление для отечественной журналистики не просто уникальное, а в высшей степени знаковое. На протяжении многих десятилетий его работа в газете «Комсомольская правда» формировала особый стандарт качества, где документальная точность репортажа соединялась с глубоким художественным осмыслением действительности. В современном мире, перенасыщенном быстрой, «клиповой» информацией, обращение к его многолетнему циклу «Окно в природу» становится стратегически важным. Песков создал уникальный формат, в котором фотография перестает быть просто техническим дополнением к тексту, а текст перестает быть лишь пояснением к снимку. Мы имеем дело с неразрывным визуально-вербальным единством, которое требует тщательного филологического анализа. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью изучения тех приемов, с помощью которых автору удавалось удерживать внимание многомиллионной аудитории, прививая ей ценности гуманизма и экологической ответственности

Первая важная особенность его стиля – это умение «озвучить» и «оживить» снимок. Песков использует специальные слова, которые создают «эффект присутствия». Он не просто описывает птицу или зверя, он заставляет нас услышать их. Обратимся к очерку «Сейчас они спят» из сборника 2003 года. Описывая жизнь сурков, Песков пишет: «Подойти незаметным к суркам невозможно…, И кто бы не заметил – свистит… Самый тревожный и сильный свист означает: «Орел!!!» И тут – ни размышлений, ни промедлений, все катятся в норы»[2: 1]. Здесь автор использует глаголы движения и звукоподражание, чтобы «включить» звук в кадре. На фото мы видим не просто двух зверьков, мы слышим его тревожный свист и чувствуем динамику момента.

Вторым важным моментом является антропоморфизм – наделение природы человеческими чертами. В очерках Пескова животные часто ведут себя как личности со своим характером. В очерке «Барибал» Песков рассказывает о медведях, которые повстречались им на пути.: «Он заглядывал в окна, не обижался, если стекло поднимали, направляясь сразу к другой машине. Мы дали сборщику дани два апельсина. Чуть склонив голову, он секунду помедлил - не дадим ли третий? - и побежал далее, мелькая в потоке автомобилей.» [2: 6]. Писатель присваивает медведю свой характер и поведение, которое выработалось у него из-за особенностей условий жизни рядом с дорогой: «Дороги хорошо кормят, и медведи отвыкают добывать пищу обычным способом» [2: 6]. Он не просто перечисляет факты из энциклопедии, а создает живой портрет: «Медведь обликом был забавен. Задние ноги у барибала длиннее передних, и медведь «косолапил» очень заметно. Время от времени попрошайка бежал с дороги и, опершись спиною в какое-нибудь деревцо, чесался» [2: 6]. Песков намеренно уходит от образа «опасного хищника», наделяя барибала чертами вежливости и миролюбия. Это помогает автору донести главную мысль: природа не враждебна, если понимать её характер.

Третьей немаловажной особенностью является его глубокая просветительская направленность. В рубрике «Окно в природу» Песков ставил своей задачей не просто развлечь читателя, но и объяснить сложные механизмы устройства животного мира. Через свои очерки он транслировал научные знания простым языком. В очерке «Готовность к жизни» [2: 29], Песков публикует фото двух зайчат, приписывая своё удивление тому, как они спокойно сидят и позируют. Описывая их первые дни жизни, он не теряет возможности рассказать о том, как это устроено у других животных. Так читатели узнают о особенностях появления на свет таких животных как: кошки, лебеди, гуси, страусы, черепахи, гиены и даже пингвины.

Так же интересным примером служит очерк «Жук-олень и другие». В нём автор рассказывает читателю простым языком об особенностях жуков, например, перечисляя их внешние сходства и о отличия: «Есть кое-что общее у жуков. Их тело покрыто жесткой броней хитина, охраняющей нежные крылья и мягкое тело. Когда надо взлететь, жук поднимает створки брони и, расправив крылья, летит. Похож он в это время на автомобиль, едущий с поднятой крышкой капота. Некоторые

жуки семейства жужелиц, например, утратили способность летать. Створки брони поверх крыльев срослись, но зато жуки научились хорошо бегать.» [2: 49].

Благодаря тому, что Песков рассказывает об особенностях жизни животных в разных уголках планеты, у читателей расширяется кругозор. Таким образом, его репортажи выполняют важнейшую социальную функцию – они формируют экологическое сознание нации. Рассказывая о том, как устроена жизнь «братьев наших меньших», песков учит народ милосердию и пониманию того, что человек – не властелин природы, а её часть. Его тексты становятся для многих поколений первой «энциклопедией жизни», где за каждым снимком стоит урок бережного отношения к миру.

Проведя целенаправленный анализ сборника очерков В. М Пескова «Окно в природу» 2003 года мы делаем вывод о том, что одушевление природы и наделение её героев сложными характерами позволяет автору решать важнейшую задачу по сближению человека с окружающим миром. Он демонстрирует, как качественное «живое» слово способно придать цифровому образу нужную глубину и смысл, для воспитания экологической ответственности и бережного отношения к природе. Таким образом, творческий метод Пескова можно рассматривать как фундаментальную основу для развития современных мультимедийных жанров, ориентированных на искренность, достоверность и уважение к аудитории.

Литература:

1. Песков, В. М. Окно в природу: [сборник очерков] / В. М. Песков. – Москва: Молодая гвардия, 2003. – 269 с.
2. Василий Михайлович Песков: Окно в природу (2003) [Электронный ресурс] // CoolLib – библиотека онлайн. – URL: https://coollib.cc/b/302515 (дата обращения: 20.04.2026).

© Курганская Я.С., 2026

УДК 81'27

Кутлуева Д.Э.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Ахмадуллина И.Р.,***
канд. филол. наук, ст.преп. УУНиТ,
г. Уфа, Россия

КАК ЯЗЫК ВЛИЯЕТ НА МЕЖКУЛЬТУРНУЮ КОММУНИКАЦИЮ МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ

В эпоху глобализации взаимодействие между восточными и западными культурами становится все более интенсивным, однако языковой барьер выступает как одна из ключевых помех на пути к взаимоинтеграции. Разница в языках понимается не только как лексико-грамматическая трудность, но и как фундаментальное различие в способах концептуализации реальности. Одним из ярких примеров этого являются различия в понимании времени, пространства и социальных взаимодействий, что ещё более усложняет общение между культурами Цель данной работы – показать, как именно языковые особенности определяют успех или провал межкультурного диалога.

Классическая гипотеза лингвистической относительности в ее современном варианте утверждает, что язык, используемый индивидом, не жестко ограничивает его мышление, а направляет внимание носителя на определенные аспекты. Для коммуникации между представителями западной и восточной культур это критически важно. Носители западных языков привыкают к фиксации времени, объекта/субъекта и причинности, тогда как носители, например, китайского или корейского языка часто эллиптируют субъект, требуя от собеседника восстановления референта из контекста. Эта разница в восприятии может привести к значительным искажениям смысла в процессе общения, что важно учитывать для улучшения понимания между культурами.

Э. Холл ввел различение культур по степени опоры на имплицитный контекст. Китай, Япония, Корея а также арабский мир, относятся к высококонтекстным: большая часть информации либо уже известна участникам, либо заложена в невербальных сигналах и молчании. Западные (германские, скандинавские, романские) – низкоконтекстные: смысл должен быть эксплицирован вербально. В японском и корейском действуют сложные системы вежливых окончаний (как суффиксы -masu в японском и -yo в корейском), которые не имеют прямых равнозначных аналогов в английском. Китайская система вежливости также демонстрирует высокую степень зависимости от контекста. Например, использование различных форм обращения, таких как "先生" (xiānsheng, господин) или "女

士" (nǔshì, госпожа), подчеркивает социальный статус и отношения между собеседниками. Их пропуск западным собеседником воспринимается на Востоке как грубость. В свою очередь, избыточная вежливость в западной речи – как неестественная или льстивая, что добавляет сложности в коммуникацию.

Ключевые понятия восточных этико-философских систем (корейское «чон» – эмоциональная связь) не имеют полных эквивалентов в английском. Обратный пример: западное «privacy» трудно переводимо на китайский без негативных коннотаций уединения как отчуждения. Китайское понятие "面子" (miànzi) переводится как "лицо" или "репутация", но включает в себя уважение, достоинство и общественный статус. Западный собеседник может недооценивать важность "miànzi", что приведет к неуместным комментариям, воспринимаемым восточным партнером как неуважение. Японское выражение "空気を読む" (kūki o yomu) означает способность воспринимать скрытые эмоциональные сигналы и намерения. Западный собеседник, не обращая внимания на эти неявные сигналы, может показаться невнимательным, тогда как японец может считать это невежеством в отношении культурных норм. В результате собеседники часто прибегают к ложной универсализации, предполагая, что все люди понимают одно и то же, что порождает взаимное недопонимание и аспекты негативных намерений. Это может привести к ситуации, когда одна сторона считает свое сообщение ясным и понятным, в то время как другая воспринимает его совершенно иначе, что усиливает культурные барьеры.

В деловом общении носители английского ожидают однозначного выражения намерений собеседника (например, отказа в форме прямого «no»), тогда как в японском и китайском языках предпочтительны косвенные речевые обороты: уклончивые «это будет трудно» вместо прямого отказа, молчание или переход на другую тему. Западный участник может интерпретировать уклончивость как некомпетентность или нечестность, а восточный – прямолинейность западного как агрессию. Таким образом, язык не просто транслирует, а демонстрирует коренную разницу между стилями отношений. Это также подчеркивает необходимость понимания контекста и культурных традиций, чтобы избежать недопонимания и негативных последствий в общении.

Исследования проведённые методом МРТ показывают, что у билингвов, выросших в двуязычной среде, переключение с японского высококонтекстного на английский низкоконтекстный активирует височно-теменные зоны, ответственные за ментализацию. При коммуникации на «неродном» языке восточные участники чаще демонстрируют повышенную активацию правого полушария мозга, что трактуется учёными как усиление анализа контекста. Следовательно, выбор языка физиологически меняет стратегию обработки информации о социуме и окружающем мире, что может влиять на их способность к интеграции в другую культуру. Эти отклики подчеркивают, как глубоко язык вплетен в наше восприятие реальности и мышление.

Таким образом, язык влияет на межкультурную коммуникацию между Востоком и Западом не только как способ взаимодействия между людьми, но также как когнитивная рамка, задающая ожидания относительно количества получаемой и отправляемой информации, допустимой косвенности, выражения согласия и иерархии. Эффективная коммуникация между представителями западной и восточной культур требует развития металингвистической компетенции – способности распознавать расхождения в прагматических нормах и адаптировать языковое поведение. Будущие исследования должны быть направлены на создание некоего общего метаязыка для универсализации лингвистических исследований, переводоведения и обучения межкультурной лингвочувствительности. Это не только улучшит межкультурное понимание, но и поможет снизить уровень конфликтов и недопонимания в глобализированном мире.

Литература

1. Бутусова А. С. Эллипсис как объект современной лингвистики: обоснование когнитивно-семиотического подхода //Научная мысль Кавказа. – 2025. – №. 2. – С. 84-91.
2. Abutalebi, J. (2008). Neural aspects of second language representation and language control. Acta Psychologica, 128(3), 466–478.
3. E.R. Raghi, M.S. Lekshmi (2016). Single Channel Speech Separation with Frame-based Summary Autocorrelation Function Analysis, Procedia Technology, 1074-1079.
4. Whorf, B. L. (1956). Language, thought, and reality: Selected writings. MIT Press.

© Кутлуева Д.Э., 2026

УДК 070

Лагутенкова А.А.,
студент УУНиТ
Научный руководитель **– *Имангулова А.Р.,***
ассистент УУНиТ
г. Уфа, Россия

ДЕГРАДАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ В УСЛОВИЯХ ДОМИНИРОВАНИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ МЕДИАКОРПОРАЦИЙ

В настоящее время мир все больше и больше поглощает глобализация, транснациональные медиакорпорации захватывают внимание значительной части населения. От этого во многом страдает культура стран и народов, которая постепенно сливается в общую массу. Если рассматривать вопрос глобализации в контексте журналистике, то можно обратить внимание на то, как крупные корпорации вытесняют небольшие региональные СМИ. Данная тенденция актуализирует необходимость научного осмысления последствий медиаглобализации для локальных информационных экосистем.

Одной из центральных теоретических рамок для анализа является теория медиаимпериализма, классически сформулированная Гербертом Шиллером [4]. Согласно этой парадигме, транснациональные корпорации экспортируют не только контент, но и культурные коды, ценности и потребительские модели в менее развитые медиарынки. Как отмечает Юэ Куанг, глобализация, способствуя культурному обмену, одновременно создает угрозу культурной гомогенизации, при которой доминирующие нарративы подавляют местные традиции и идентичность [3].

Применительно к региональной журналистике механизм аналогичен: столичные и глобальные редакции с многомиллионными бюджетами создают универсальный, стандартизированный информационный продукт, который экономически выгоднее транслировать в регионы, чем содержать дорогостоящую сеть местных корреспондентов. Это приводит к «культурному доминированию» – вымыванию местного нарратива в пользу унифицированной повестки.

Важный вклад в теоретическое осмысление регионального медийного неравенства вносят современные российские исследователи. А. С. Сумская и Е. Г. Ислонова в работе, опубликованной в журнале «Медиалингвистика», тестируют концепт «медийный центр – медийная периферия», конкретизируя представления о медийном неравенстве российских территорий [5].

Исследователи выделяют три территориальных медиауровня. К «медийному центру» относятся крупнейшие города с населением от 250 тысяч человек – на них приходится лишь около 7% российских городов, но в них проживает 42,6% населения страны. Именно здесь концентрируются медиаресурсы, финансовый и человеческий капитал. К «медийной периферии» относятся малые города (до 50 тысяч жителей) и сельские территории – это 71,2% всех российских городов, где проживает 34,7% [5: 468].

Эмпирическое исследование позволило авторам выявить семантические «портреты» медиацентра и медиапериферии. Было доказано, что смысловое ядро медийно-центральной территории сосредоточено на развитии бизнеса, деятельности госструктур и общественно-политической коммуникации. Напротив, медийная периферия характеризуется вниманием к социальной сфере, медицине, государственному субсидированию и культурно-массовым мероприятиям. Приоритеты медиапотребления в центре связаны с цифровым сетевым пространством, а на периферии – с местным телевидением.

Данная концепция убедительно показывает, что информационное неравенство в России носит структурный характер и воспроизводится на разных уровнях – от доступа к технологиям до смыслового наполнения контента.

Е. А. Баранова и Г. Г. Новоселова на основе серии интервью с руководителями российских региональных газет в 2021-2023 гг. приходят к выводу, что развитие местных изданий тормозится из-за политики властных структур, оказывающих давление на редакции. Исследователи подчеркивают: «Чиновники не понимают специфику журналистской работы. Лишь некоторым региональным изданиям удается справиться с существующими проблемами, найти источники финансирования и привлечь новую аудиторию» [2: 167].

В российской медиапрактике процесс деградации регионального вещания наиболее ярко проявился в 2010-2020-х годах с переходом на цифровое телевидение и вхождением большинства местных телекомпаний в федеральные сетевые партнерства. Формально являясь «региональным

каналом», такая телекомпания вынуждена отдавать под местное программирование минимальные объемы эфира (в среднем 1-2 часа в сутки). Остальное время занимает продукт, созданный в Москве.

Следствием стала депрофессионализация местных журналистов: редакции сокращаются до минимума, способные лишь переозвучить федеральный контент или снять короткий новостной блок из пресс-релизов. Исчезают жанры аналитического репортажа и журналистского расследования на местном уровне. Эти наблюдения коррелируют с выводами А. С. Сумской о том, что приоритеты медиапотребления на периферии связаны именно с местным телевидением, которое при этом испытывает острый дефицит качественного локального контента [5].

Проведенный анализ подтверждает, что доминирование транснациональных медиакорпораций и глобальных цифровых платформ является катализатором системной деградации региональной журналистики. Теоретические построения Г. Шиллера о медиаимпериализме, концепция «медийного центра – периферии» А. С. Сумской и Ислоновой Е. Г. эмпирические исследования российских авторов (Е. П. Сухова, Е. А. Баранова, Г. Г. Новоселова) убедительно свидетельствуют о структурном характере медийного неравенства в России.

Механизм деградации носит двуединый характер: экономический (переток рекламных бюджетов в пользу глобальных агрегаторов) и культурно-технологический (алгоритмическое подавление локального контента). Следствием этого процесса становится не только кризис профессии на местах, но и более глубокое социальное явление – разрыв связности локального сообщества и размывание культурного суверенитета регионов.

Без целенаправленной медиаполитики, призванной поддержать местный контента, региональная журналистика рискует окончательно превратиться в симулякр – формальное присутствие при полном отсутствии содержательного влияния на жизнь местного сообщества.

Литература:

1. Баранова Е. А., Новоселова Г. Г. Газета «Серпуховские вести» в условиях развития интернет-технологий (1991-2021) // Litera. – 2022. – № 5. – С. 155-166.

2. Баранова Е. А., Новоселова Г. Г. Особенности перехода российской региональной прессы в цифру // Litera. – 2024. – № 1. – С. 166-181.

3. Kuang Y. Globalization of Media: Impacts and Implications in a Connected World // Global Media Journal. – 2024. – Vol. 22, No. 70.

4. Schiller, Herbert I. communication and cultural domination / Herbert I. Schiller. – White Plains (N.Y.): Sharpe, Cop. 1976. – 126 с.

5. Sumskaya, A. S. Semantic “portraits” of the Russian “media center” and “media periphery”: Lexical-statistical and ideographic analysis / A. S. Sumskaya, Y. G. Islonova // Media Linguistics. – 2024. – Vol. 11, No. 4. – P. 466-486.

© Лагутенкова А.А., 2026

УДК 811.581'42

Лукманов М.А.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Карабаев М.И.,***
канд. филол. наук, доцент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ УДЕРЖАНИЯ «ЛИЦА» (面子) В РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ КИТАЙСКИХ МАРКЕТПЛЕЙСОВ (НА ПРИМЕРЕ TAOBAO)

Изучение лингвопрагматических аспектов китайского коммерческого дискурса невозможно без обращения к фундаментальной категории «лица» (面子, miànzi). В условиях стремительного роста электронной коммерции и доминирования таких платформ, как Taobao, коммуникация между продавцом и покупателем выстраивается не только вокруг товарно-денежных отношений, но и вокруг сложной системы социальных ритуалов. Цель данной статьи – выявить и проанализировать ключевые вербальные стратегии, направленные на сохранение и укрепление «лица» потребителя в рекламных текстах и карточках товаров на платформе Taobao.

В китайской лингвокультуре понятие «лицо» представляет собой сложный конструкт, объединяющий социальный престиж, репутацию и чувство собственного достоинства индивида в глазах группы [1]. В отличие от европейской прагматики вежливости (P. Brown, S. Levinson), ориентированной на защиту «негативного лица» (свободы действий), китайская модель в большей степени сфокусирована на «позитивном лице» – желании быть принятым, оцененным и включенным в коллектив [3]. В коммерческом дискурсе это трансформируется в специфические прагматические стратегии, направленные на минимизацию коммуникативного давления и создание у покупателя ощущения собственной значимости и правильности выбора.

Анализ текстового контента карточек товаров на Taobao позволяет выделить несколько устойчивых лингвопрагматических моделей, реализующих стратегию удержания лица.

1. Стратегия интимизации общения через обращение «亲» (qīn).

Наиболее частотным маркером современного интернет-дискурса Китая является обращение «亲» (qīn, дословно – «родной, близкий»; сокр. от 亲爱**的**, qīn'ài de – дорогой). В офлайн-среде такое обращение было бы неуместным в адрес незнакомца, однако на Taobao оно выполняет важнейшую прагматическую функцию – снятие дистанции и создание иллюзии доверительных, почти родственных отношений. Продавец не говорит «покупатель» (顾**客**, gùkè) или «клиент» (客户, kèhù), он обращается к аудитории как к близкому кругу.

Пример: «亲，这**款面膜非常适合敏感肌哦～**» (Qīn, zhè kuǎn miànmó fēicháng shìhé mǐngǎnjī o~) – «Дорогой, эта маска для лица отлично подходит для чувствительной кожи~». Использование частицы «哦» (o) дополнительно смягчает высказывание, придавая ему оттенок дружеского совета, а не навязчивой рекламы. Покупатель сохраняет «лицо», так как не подвергается прямому давлению, а получает «заботу».

2. Стратегия создания «ложного дефицита» как оправдания покупки.

Прагматика «лица» требует, чтобы решение о покупке выглядело рациональным и вынужденным обстоятельствами, а не импульсивной тратой денег. Для этого активно используется лексика срочности и ограниченности: «限时抢购» (xiànshí qiǎnggòu, дословно – «ограниченная по времени закупка / захват товара») и «秒杀» (miǎoshā, дословно – «убить за секунду» – мгновенная распродажа). Эти термины создают внешнюю мотивацию: покупатель не просто хочет вещь, он «вынужден» действовать быстро, чтобы не упустить выгоду. Такая тактика позволяет потребителю сохранить «лицо» перед самим собой и окружением, объясняя покупку не прихотью, а экономической целесообразностью и удачным стечением обстоятельств.

3. Стратегия возвышения статуса покупателя («стать экспертом»).

Китайский маркетинг активно эксплуатирует стремление к приобретению не только товара, но и символического капитала. В описаниях часто встречаются конструкции, апеллирующие к «лицу» знатока.

Пример: «懂行的都会选这**款**» (Dǒng háng de dōu huì xuǎn zhè kuǎn, дословно – «Понимающие толк все выберут эту модель»). Использование номинализации «懂行的» (dǒnghángde – знаток, сведущий) льстит покупателю. Приобретая товар, он автоматически причисляется к группе избранных, компетентных людей. Прагматический эффект заключается в том, что продавец не учит покупателя, а признает его (потенциально высокий) статус, что является мощным стимулом для сохранения «лица» в иерархическом обществе.

4. Визуально-графическая прагматика иероглифа как фактор удержания лица.

Специфика китайской письменности позволяет реализовывать прагматические стратегии не только на лексическом, но и на графосемантическом уровне. В рекламных текстах Taobao активно эксплуатируется визуальная эстетика и внутренняя форма иероглифов, что создает дополнительный канал воздействия на подсознание покупателя и способствует сохранению его «лица» через апелляцию к культурной идентичности.

Наиболее показательным примером является использование иероглифа «福» (fú – счастье, благополучие) в перевернутом виде. Традиция вывешивать иероглиф «福» вверх ногами основана на омофонии: «福倒了» (fú dào le – счастье перевернулось) звучит идентично фразе «福到了» (fú dào le – счастье пришло) [4]. В карточках товаров на Taobao, особенно в период распродаж и праздников, этот прием визуализирует идею «удачи, которая сама идет в руки». Покупатель, приобретая товар с

такой символикой, не просто совершает транзакцию, а становится участником благоприятного события. Прагматический эффект заключается в том, что решение о покупке переводится из плоскости рационального выбора в плоскость следования благоприятному знаку судьбы, что полностью снимает с потребителя ответственность за возможную «неразумную» трату и укрепляет его «лицо» как человека, умеющего распознавать счастливые возможности.

Другим важным аспектом является использование иероглифов с «благородной» семантикой в названиях брендов и товарных категорий. Иероглиф «尊» (zūn – уважаемый, почетный), «尚» (shàng – ценить, возвышенный) и «雅» (yǎ – изящный, элегантный) формируют у покупателя ощущение причастности к элитарной культуре [5]. Например, категория «轻奢» (qīng shē – доступная роскошь, дословно «легкая роскошь») апеллирует к желанию потребителя повысить свой социальный статус, не теряя при этом «лица» рачительного хозяина. Таким образом, графосемантика иероглифа работает как свернутый культурный код: достаточно одного знака, чтобы активировать в сознании носителя языка целый комплекс ассоциаций, связанных с историей, философией и эстетикой, что многократно усиливает прагматическое воздействие рекламного сообщения.

5. Стратегия хеджирования и смягчения критики.

Даже в случае негативного опыта или вопросов о недостатках товара китайские продавцы используют развернутые конструкции извинения и эвфемизмы, чтобы покупатель не «потерял лицо» из-за неудачной покупки. Критика товара часто предваряется похвалой выбору клиента или выражением благодарности за «ценное замечание». Это контрастирует с более прямым и формальным стилем коммуникации на российских платформах и отражает высокую степень контекстуальности китайской культуры, где гармония межличностных отношений (和谐, héxié) важнее сиюминутной правоты [6].

Таким образом, анализ рекламного дискурса Taobao демонстрирует, что коммерческая коммуникация в китайском цифровом пространстве глубоко интегрирована в систему традиционных культурных ценностей. Прагматические стратегии удержания «лица» являются не просто этикетными формулами, а эффективным инструментом маркетинга. Они снижают когнитивное сопротивление покупателя, формируют эмоциональную привязанность к бренду продавца и легитимизируют акт покупки в глазах социального окружения. Понимание и адекватный перевод данных стратегий представляется критически важным для российских компаний, планирующих выход на китайский рынок электронной коммерции, так как буквальный перевод рекламных слоганов без учета прагматики «лица» может привести к коммуникативной неудаче и отторжению бренда китайской аудиторией [6].

Литература:

1. Арутюнова Н. Д. Прагматика // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 389–390.

2. Каюпова Ф. М. Коммуникационные стратегии: моделирование бизнес-подходов в политическом управлении (на примере деятельности институтов гражданского общества) // Kazakhstan-Spectrum. 2025. URL: https://journal-ks.kisi.kz/index.php/ks/article/view/384 (дата обращения: 19.04.2026).

3. Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 345 p.

4. Chen G., Zhu S. Research on Advertising in China // Handbook of Contemporary Chinese Social Sciences. Singapore: Springer, 2025. P. 215–230.

5. Keawsuwan C., Ruechai B., Chanpeng P. The Strategies of Using Chinese Language in Cosmetic Advertising through the Taobao Online Marketplace // Forum for Linguistic Studies. 2024. URL: https://ojs.acad-pub.com/index.php/FLS/article/view/1168 (дата обращения: 19.04.2026).

6. Novobritskii A. Intercultural Communication Strategies of a Technology Brand: A Comparative Analysis of Xiaomi's Digital Marketing in China and Russia // arXiv. 2026. URL: https://arxiv.org/abs/2601.07204 (дата обращения: 19.04.2026).

© Лукманов М.А., 2026

УДК 811.581'25 + 659.1

Лукманов М.А.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Карабаев М.И.,***
канд. филол. наук, доцент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА РЕКЛАМНЫХ СЛОГАНОВ КИТАЙСКИХ МАРКЕТПЛЕЙСОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ TAOBAO И ALIEXPRESS)

В условиях стремительного роста трансграничной электронной торговли между Китаем и Россией особую актуальность приобретает качественная локализация рекламного контента. По данным статистики, объем заказов российских потребителей на китайских маркетплейсах ежегодно увеличивается на 25-30%, при этом значительная часть контента остается непереведенной либо переводится автоматическими системами без учета лингвокультурной специфики. Прямой перенос маркетинговых текстов с китайского языка на русский без надлежащей адаптации зачастую приводит к коммуникативным неудачам, снижению доверия аудитории и, как следствие, падению конверсии. Цель данной статьи – выявить основные лингвистические и прагматические трудности, возникающие при переводе рекламных слоганов китайских маркетплейсов Taobao и AliExpress на русский язык, и предложить стратегии их адекватной передачи.

Перевод рекламного текста принципиально отличается от перевода художественной или технической литературы. По классификации А. Нойберта, рекламные тексты относятся к типу, ориентированному на «призыв» (appellative function), где главной задачей является не точная передача лексического значения, а сохранение прагматического воздействия на реципиента [6]. В китайско-русской языковой паре эта задача осложняется типологическими различиями языков (изолирующий vs. флективный), а также глубинными расхождениями в культурных кодах и потребительских ожиданиях. Как отмечают исследователи, успешная межкультурная коммуникация в сфере маркетинга требует не дословного перевода, а функциональной адаптации, учитывающей фоновые знания и ценностные установки целевой аудитории [2].

Особую сложность представляет тот факт, что китайский рекламный дискурс характеризуется высокой степенью контекстуальности и опорой на коллективные ценности, в то время как российский потребитель ожидает конкретики, прозрачности условий и апелляции к индивидуальной выгоде. Данное расхождение в коммуникативных стратегиях требует от переводчика не просто владения двумя языками, но и развитой межкультурной компетенции, позволяющей распознавать имплицитные смыслы и адаптировать их к ожиданиям принимающей культуры. В.Н. Комиссаров подчеркивал, что в подобных случаях переводчик вынужден выступать в роли «культурного посредника», принимая решения о степени допустимой трансформации исходного текста ради достижения коммуникативного эффекта [1].

Анализ текстов карточек товаров и рекламных баннеров на Taobao и AliExpress позволяет выделить несколько групп лексики, представляющих наибольшую сложность для переводчика.

1. Безэквивалентная лексика маркетинговых реалий.

Китайский интернет-дискурс породил целый пласт лексики, отражающей специфику местной коммерческой культуры и не имеющей прямых аналогов в русском языке. Наиболее ярким примером является термин «秒杀» (miǎoshā, дословно – «убить за секунду»), обозначающий мгновенную распродажу или «флеш-сейл». Буквальный перевод «убийство за секунду» неприемлем для русского потребителя в силу агрессивной коннотации. Адекватными вариантами адаптации выступают описательные конструкции «мгновенная распродажа», «суперцена на час» или заимствованный англицизм «флеш-сейл» [5].

Аналогичную трудность представляет термин «爆款» (bàokuǎn, дословно – «взрывная модель»), означающий «хит продаж» или «бестселлер». Использование кальки «взрывная модель» в русском тексте вызвало бы нежелательные ассоциации с неисправностью товара, поэтому переводчик вынужден прибегать к функциональной замене. Еще одним показательным примером является выражение «剁手» (duò shǒu, дословно – «отрубить руку»), которое в китайском интернет-сленге обозначает импульсивные, неконтролируемые траты во время распродаж («закупиться так, что потом хочется отрубить себе руки»). При переводе на русский язык требуется не калька, а подбор функционального эквивалента: «сорваться и скупить всё», «шопоголизм», «кошелек плачет».

2. Идиоматические выражения и чэнъюи.

Китайские продавцы активно используют четырехсложные фразеологизмы чэнъюй (成语) для придания тексту весомости и апелляции к культурной традиции. Например, выражение «一分钱一分货» (yī fēn qián yī fēn huò, дословно – «одна монета – один товар») передает идею «качество соответствует цене» или «скупой платит дважды». При переводе на русский язык требуется не дословная передача компонентов, а поиск функционального эквивалента – пословицы или устойчивого выражения, знакомого русскоязычному покупателю: «скупой платит дважды», «дешево – значит дорого». Игнорирование идиоматичности и использование кальки разрушило бы убеждающую силу высказывания [1].

Другим примером служит чэнъюй «物美价廉» (wù měi jià lián, дословно – «товар прекрасен, цена низка»), который в русском маркетинговом дискурсе соответствует формуле «отличное качество по доступной цене» или «цена-качество». Интересно, что в китайском оригинале компоненты «美» (красивый) и «廉» (дешевый, доступный) создают позитивный эстетический образ, в то время как в русском переводе акцент смещается в рациональную плоскость соотношения цены и качества. Это наблюдение подтверждает тезис Я.И. Рецкера о том, что закономерные соответствия при переводе обусловлены не только языковыми, но и культурно-обусловленными когнитивными моделями [3].

3. Эмотивная лексика и междометия.

Китайский рекламный дискурс характеризуется высокой степенью эмоциональности и использованием финальных частиц, смягчающих высказывание и создающих атмосферу дружеской беседы. Частицы «哦» (o), «呀» (ya), «呢» (ne) не имеют лексического значения, но выполняют важнейшую прагматическую функцию – интимизацию общения. Фраза «亲，这款超好用哦～» (Qīn, zhè kuǎn chāo hǎoyòng o~) в дословном переводе звучит как «Дорогой, эту модель очень удобно использовать о», что бессмысленно для русского уха. Адекватный перевод требует компенсации эмотивного компонента лексическими средствами русского языка: «Дружок, эта штука просто супер!» или «Родной, вот эту модель очень советую!». Как подчеркивают специалисты в области перевода, сохранение эмоционального регистра важнее формальной точности [3].

Следует отметить, что в русском рекламном дискурсе использование уменьшительно-ласкательных суффиксов и разговорной лексики («скидочка», «подарочек», «заходи» на «ты») выполняет схожую функцию интимизации, что делает данную стратегию перевода не только допустимой, но и коммуникативно оправданной.

4. Стратегии адаптации: транскреация и культурная фильтрация.

При работе с рекламными текстами китайских маркетплейсов переводчик выступает не просто посредником, а полноценным «транскреатором» – специалистом, пересоздающим сообщение в новой культурной среде. Наиболее эффективными переводческими трансформациями являются:

Целостное переосмысление: замена китайской реалии русской (например, «红包» hóngbāo – «красный конверт» заменяется на «подарочный купон» или «промокод»; «双十一» Shuāng Shíyī – «День холостяка 11.11» при переводе снабжается комментарием «Всемирный день шопинга» или «Черная пятница по-китайски»).

Экспликация: добавление поясняющих слов для раскрытия культурного фона. Например, выражение «包邮» (bāo yóu – «почта включена») в русском интернет-магазине стандартно передается как «бесплатная доставка», что является не дословным переводом, а именно экспликацией имплицитного смысла.

Опущение: удаление избыточных для русского читателя элементов. Например, многочисленные гарантии «正品保证» (zhèngpǐn bǎozhèng – «гарантия подлинности») и «假一赔十» (jiǎ yī péi shí – «за подделку вернем в десятикратном размере») можно объединить в лаконичное «100% оригинал», поскольку русский потребитель воспринимает это как само собой разумеющееся условие, а избыточные гарантии могут вызвать обратный эффект – подозрение в некачественности товара.

Таким образом, перевод рекламных слоганов китайских маркетплейсов на русский язык представляет собой многоступенчатый процесс, требующий от специалиста не только билингвальной компетенции, но и глубокого понимания прагматики, культурных реалий и маркетинговых стратегий обеих стран. Буквализм и калькирование в данной сфере ведут к коммуникативному провалу, тогда как творческая адаптация с опорой на теорию закономерных соответствий позволяет не только передать смысл, но и воссоздать запланированный прагматический эффект – побуждение к покупке.

Практическая значимость проведенного анализа заключается в возможности использования полученных результатов при локализации контента китайских маркетплейсов для русскоязычной аудитории. Предложенные стратегии перевода могут быть востребованы как профессиональными переводчиками, так и маркетологами, работающими в сфере трансграничной электронной коммерции. Дальнейшие перспективы исследования мы видим в расширении корпуса анализируемых единиц, привлечении данных психолингвистических экспериментов для верификации эффективности различных стратегий перевода, а также в сопоставительном изучении обратного вектора – проблем перевода русских рекламных текстов на китайский язык при выходе российских брендов на рынок КНР.

Литература:

1. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 253 с.

2. Новобрицкий А. Межкультурные коммуникационные стратегии технологических брендов: сравнительный анализ цифрового маркетинга Xiaomi в Китае и России // arXiv. 2026. URL: https://arxiv.org/abs/2601.07204 (дата обращения: 19.04.2026).

3. Рецкер Я. И. О закономерных соответствиях при переводе на родной язык // Вопросы теории и методики учебного перевода. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1950. С. 156–183.

4. Chen G., Zhu S. Research on Advertising in China // Handbook of Contemporary Chinese Social Sciences. Singapore: Springer, 2025. P. 215–230.

5. Keawsuwan C., Ruechai B., Chanpeng P. The Strategies of Using Chinese Language in Cosmetic Advertising through the Taobao Online Marketplace // Forum for Linguistic Studies. 2024. URL: https://ojs.acad-pub.com/index.php/FLS/article/view/1168 (дата обращения: 19.04.2026).

6. Neubert A. Text and Translation. Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie, 1985. 185 p.

© Лукманов М.А., 2026

УДК 81'42

Магафурова А.А.,
магистрантУУНиТ
Научный руководитель – ***Абдуллина Л.Б.,***
канд. филол. наук, доцент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ХЕШТЕГОВ И ВИЗУАЛЬНОГО КОНТЕНТА В ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ РОССИИ И КИТАЯ (НА ПРИМЕРЕ ПЛАТФОРМ X/TWITTER и TELEGRAM/WEIBO)

В условиях глобальной цифровизации дипломатическая практика ведущих мировых держав претерпевает фундаментальные изменения, адаптируясь к новым форматам коммуникации [2: 55]. Ключевым полем этой трансформации стала борьба за внимание аудитории в цифровом пространстве, где на смену традиционным текстовым нотам пришли хештеги и визуальный контент. Однако подходы России и Китая к использованию этих инструментов кардинально различаются, отражая глубинные различия в их политических культурах и стратегических целях [7].

Целью данной работы является проведение комплексного сравнительного анализа цифровой дипломатии Российской Федерации и Китайской Народной Республики. Исследование сфокусировано на двух взаимосвязанных инструментах формирования внешнеполитического нарратива: инструментах тематической маркировки (хештегах и их культурно-специфичных аналогах) и визуальном контенте как механизме трансляции имиджа и стратегических посланий. Работа направлена на выявление функциональных, стилистических и стратегических особенностей использования данных инструментов в дипломатическом дискурсе двух стран. В частности, анализ будет посвящен тому, как эти средства служат целям формирования международного имиджа, продвижения внешнеполитических инициатив и реагирования на глобальные вызовы.

Анализ использования хештегов и визуального контента в дипломатии России и Китая невозможен в отрыве от специфики цифровых платформ, которые служат основной средой для коммуникации. Выбор площадок определяет не только аудиторию, но и саму стратегию взаимодействия.

Для России ключевыми инструментами являются *X* (бывший *Twitter*) и *Telegram*, каждый из которых выполняет свою уникальную функцию. *X* с его акцентом на краткость, скорость и

глобальный охват идеально подходит для тактики «быстрой дипломатии». Здесь хештеги становятся главным инструментом для структурирования информации, мгновенного реагирования на повестку и создания вирального эффекта, позволяющего быстро распространить сообщение по всему миру.

В свою очередь, *Telegram* служит платформой для глубокого и адресного взаимодействия. Он позволяет публиковать развернутые тексты, аналитические документы, длинные видео и проводить прямые трансляции. Это пространство для работы с экспертным сообществом и создания закрытых или тематических каналов, нацеленных на конкретные сегменты аудитории.

Китайская модель, напротив, строится вокруг платформ *Weibo* и *WeChat*, которые функционируют в совершенно иной экосистеме. *Weibo*, будучи аналогом *Twitter*, работает в условиях жесткой государственной модерации и цензуры. Это диктует формат коммуникации: вместо спонтанности здесь преобладают официальные заявления и стратегически выверенные нарративы. Визуальный контент на *Weibo* проходит строгий отбор и служит не для мгновенной реакции, а для постепенного конструирования имиджа Китая как внутри страны, так и на международной арене. Коммуникация носит характер долгосрочной кампании по формированию общественного мнения.

Российская цифровая дипломатия демонстрирует высокую степень адаптивности к инструментам социальных сетей, интегрируя хештеги в качестве важного элемента своей коммуникационной стратегии [4: 185]. Этот подход характеризуется прагматизмом и ориентацией на достижение конкретных тактических целей во взаимодействии как с внутренней, так и с международной аудиторией.

Использование хештегов позволяет МИД России решать следующие задачи:

– систематизация информационного потока – группировка новостей и официальных заявлений по тематическим блокам (например, #Экономика, #Безопасность) для удобства восприятия аудиторией;

– формирование единого медийного нарратива – создание смыслового поля вокруг ключевых событий, что способствует консолидации общественного мнения вокруг официальной позиции;

– оперативное реагирование – мгновенный ответ на международные вызовы и информационные поводы, что соответствует принципам «быстрой дипломатии» [4: 189–190].

Практика использования хештегов в российской цифровой дипломатии отличается значительным разнообразием и демонстрирует готовность ведомства адаптировать свой стиль под конкретную задачу и аудиторию. Ярким примером официальной позиции и многоязычной интеграции стала инициатива *#НашиПравилаУставООН*, предложенная министром иностранных дел Сергеем Лавровым в 2021 году с трибуны 76-й сессии Генеральной Ассамблеи [3]. Уникальность этой кампании заключалась в ее масштабировании на всех шести официальных языках ООН, что демонстрирует стремление России вести прямой диалог с глобальным сообществом на его языке, используя понятные цифровые форматы, а не ограничиваться трансляцией позиции для внутренней аудитории. Российская дипломатия в сети не боится использовать и острую лексику для ответа оппонентам. Так, в 2021 году посольство России в Республике Беларусь ответило на недружественные действия министра иностранных дел Литвы саркастическим хештегом *#SmallDickEnergy* [5]. Несмотря на то, что пост впоследствии был удален, сам факт его появления свидетельствует о готовности использовать язык интернет-культуры для эмоционального воздействия и высмеивания оппонента, что выходит за рамки традиционного дипломатического этикета. В вопросах двусторонних отношений, в частности с Беларусью, используется набор хештегов, формирующих позитивный образ союзнических связей: *#Россия, #Беларусь, #СоюзноеГосударство, #ДеньЕдинения*. Это создает постоянный информационный фон, поддерживающий тему интеграции. Наконец, в 2022 году официальный Telegram-канал МИД России продемонстрировал способность к мгновенному реагированию, ответив на резонансное видео с извинениями Натальи Синдеевой публикацией, состоявшей исключительно из набора хештегов, включавших прямые цитаты из ее речи. Этот пример показывает, как ведомство способно мгновенно превращать любое событие в инструмент продвижения своей точки зрения.

В отличие от российской практики, в официальном дипломатическом дискурсе КНР хештеги как элемент неформального цифрового общения не используются [8]. Китайская дипломатия строится на фундаменте формальных документов и выступлений, где коммуникация базируются на строгом ритуале. Однако это не означает отсутствия механизмов тематической маркировки. Их роль выполняют глубоко укорененные в культуре и языке элементы, которые можно рассматривать как смысловые аналоги хештегов [9].

Ключевыми инструментами маркировки являются следующие:

1. Стратегические концепции (关键概念)**.** Основу дискурса составляют долгосрочные идеологические рамки. Например, концепция «Сообщество единой судьбы человечества» (人类命运共同体) стала системообразующей для современной дипломатии Си Цзиньпина. Она регулярно упоминается в заявлениях, структурируя всю внешнюю политику вокруг идеи глобальной взаимозависимости и ответственности Китая как великой державы. Аналогичную функцию выполняют лозунги «Один пояс, один путь» (一带一路) и «Пять принципов мирного сосуществования» (和平共处五项原则) [7].

2. Лингвистические маркеры (chéng yǔ – 成语). Уникальной особенностью является использование устойчивых четырехсложных идиом (чэнъюй), которые несут глубокий культурный заряд. В дипломатии они служат мощным эвфемистическим инструментом [6].

– 求同存异 (qiú tóng cún yì) – «Искать общее при сохранении различий». Эта идиома маркирует позицию Китая как прагматичную, нацеленную на диалог и компромисс, противопоставляя ее конфронтационному подходу Запада.

– 同舟共济 (tóng zhōu gòng jì) – «Находиться в одной лодке и вместе преодолевать трудности». Этот чэнъюй используется для описания глобальных вызовов (пандемия, изменение климата), позиционируя Китай как ответственного члена мирового сообщества.

3. Аббревиатуры и тематические кластеры. В официальных документах распространены аббревиатуры (например, 北约 для НАТО). Анализ корпуса речей также выявляет устойчивые тематические группы (кластеры) – мир, развитие, экономика, безопасность – вокруг которых строится повествование [8].

Сравнительный анализ подходов России и Китая выявляет фундаментальное различие в философии цифровой дипломатии, коренящееся в цивилизационных особенностях. Российская модель характеризуется тактической адаптивностью и, в определенной степени, даже виральностью. Отечественная дипломатия демонстрирует высокую степень гибкости и готовность заимствовать инструменты западной цифровой культуры. Хештеги используются как тактическое оружие для оперативного захвата информационной повестки, эмоционального воздействия на аудиторию и быстрой реакции на вызовы. Это прагматичный подход, ориентированный на результат здесь и сейчас, даже если он нарушает каноны традиционного этикета. Китайская модель основывается на цивилизационном коде и ориентирована на решение стратегических задач. Отвергая поверхностные формы вроде хештегов, КНР выстраивает собственную систему смысловых маркеров, глубоко интегрированных в язык и культуру. Это не реакция на событие, а формирование долгосрочного нарратива. Использование концепций вроде «сообщества единой судьбы человечества» и чэнъюй позволяет Китаю говорить с миром не на универсальном языке интернета, а на языке своей многовековой цивилизации, транслируя образ стабильности, мудрости и исторической преемственности.

Похожие особенности и отличия можно наблюдать и при компаративном анализе использования внешнеполитическими ведомствами двух стран визуального контента. Российская цифровая дипломатия использует визуальный контент как инструмент гибкого реагирования и прагматичного взаимодействия с аудиторией. Подход МИД РФ можно охарактеризовать как сочетание официальной протокольности с элементами неформальности, что делает коммуникацию более живой и доступной [2: 59].

Арсенал форматов включает широкий спектр материалов, начиная от классических протокольных фотографий с переговоров и видеозаписей брифингов до «живых» непостановочных кадров, демонстрирующих, например, процесс возвращения граждан из-за рубежа, а также коллажей с цитатами и праздничных открыток. Активно применяются и специальные проекты, такие как фотовыставки, посвященные значимым историческим событиям. Функционально визуальный ряд выполняет сразу несколько задач: он повышает прозрачность дипломатической кухни, оказывает эмоциональное воздействие на аудиторию, формирует позитивный образ страны и упрощает восприятие сложной информации, при этом особое внимание уделяется созданию прямого диалога с обществом через комментарии в социальных сетях, таких как *VK* и *Telegram*. Ключевой особенностью российского подхода является адаптивность. Контент быстро подстраивается под

актуальную повестку дня, используя язык социальных сетей для оперативного реагирования на вызовы, а акцент на «человеческих историях» способствует гуманизации образа дипломата и ведомства в целом.

Китайская дипломатия подходит и к визуальному контенту как к инструменту стратегического строительства имиджа и трансляции цивилизационного кода. Здесь доминирует не гибкость, а централизованный контроль и выверенность каждого образа [8].

Визуальная стратегия Китая носит комплексный и многоуровневый характер, охватывая цифровую дипломатию, культурную дипломатию и официальные государственные коммуникации. В цифровом пространстве это проявляется через публикации в социальных сетях, где активно используется инфографика для наглядной демонстрации масштабов и преимуществ глобальных экономических инициатив, в первую очередь проекта «Один пояс – один путь» [7]. Параллельно ведется работа в сфере культурной дипломатии. Национальные павильоны на международных выставках подобных Венецианской биеннале становятся платформами для демонстрации современного искусства, неразрывно связанного с историческим наследием. Кинематограф также выступает мощным инструментом брендинга. Научно-фантастические блокбастеры продвигают образ Китая как технологически развитой державы, способной решать глобальные проблемы человечества.

Важнейшую роль в трансляции этого нарратива играет государственная медиасеть *CGTN (China Global Television Network)*. Она производит документальные фильмы и новостные репортажи, видеоряд в которых тщательно выверен с идеологической точки зрения для подчеркивания достижений страны, ее культурного многообразия и вклада в мировое развитие. Основная задача такого подхода заключается не столько в информировании, сколько в конструировании целостного нарратива о Китае как об ответственной глобальной державе, обладающей богатым историческим наследием и устремленной в технологическое будущее. Визуальные образы служат легитимации внешнеполитических действий и продвижению концепции «мягкой силы» [8].

Характерными чертами китайской модели являются строгая централизация всего производимого контента, что обеспечивает единообразие ключевых посылов. Визуальный язык мастерски поддерживает баланс между отсылками к древней традиции и символами современного прогресса, создавая образ страны, которая чтит свое прошлое и уверенно строит будущее. При этом наблюдается явный акцент на позитивном имидже: доминируют изображения экономического роста и международных успехов, в то время как спорные или чувствительные темы визуально минимизируются. Символизм является основой этого языка: апелляция к конфуцианским ценностям гармонии и порядка, а также использование узнаваемых национальных эмблем служат для кодирования и передачи стратегических посланий.

Сравнительный анализ выявляет три фундаментальных различия в философии визуальной дипломатии России и Китая:

1. Стратегия vs Тактика. Китай использует визуальный контент как часть долгосрочной стратегии по построению монолитного имиджа глобальной державы. Россия же применяет его как гибкую тактику для решения текущих задач коммуникации и реагирования на повестку.
2. Контроль vs Адаптивность. Китайская модель характеризуется тотальным государственным контролем и единообразием нарратива. Российская модель более адаптивна и открыта для экспериментов с форматами социальных сетей, что делает ее коммуникацию более динамичной, но менее предсказуемой.
3. Символизм vs Эмоциональность. Китайский визуальный ряд глубоко символичен, он говорит на языке культуры и истории. Российский контент чаще апеллирует к эмоциям и «человеческим историям», стремясь установить прямой контакт с аудиторией.

Стратегические различия в подходах России и Китая к цифровой дипломатии детерминированы, кроме того, целеполаганием в отношении различных сегментов аудитории. Российская модель характеризуется дуалистической ориентацией, при которой происходит сегментация коммуникационных потоков в зависимости от адресата. Внешнеполитический нарратив, рассчитанный на международное сообщество, транслируется через глобальные платформы, такие как *X/Twitter*, что требует адаптации контента к универсальному языку и алгоритмам западных социальных сетей. В то же время для взаимодействия с внутренней аудиторией используются платформы вроде *Telegram* и *VK*, где допустима большая эмоциональная экспрессивность и прямолинейность высказываний. Попытки охватить гетерогенную международную аудиторию, как, например, в случае с многоязычной кампанией хештега #НашиПравилаУставООН, свидетельствуют

о стремлении к максимизации охвата, однако сопряжены со значительными ресурсными затратами на локализацию и культурную адаптацию контента.

Китайская дипломатическая практика, напротив, реализует дифференцированную стратегию воздействия. При работе с внутренней аудиторией ставка делается на апелляцию к национальным культурным кодам, традиционным символам и идиомам (чэнъюй), что обеспечивает мощный эмоциональный отклик и укрепляет национальную идентичность. Взаимодействие с зарубежной аудиторией строится на принципах *«мягкой силы»* через демонстрацию экономических и технологических достижений, что реализуется посредством наглядной инфографики (например, о проекте *«Один пояс – один путь»*) и профессионально срежиссированных документальных фильмов, производимых медиахолдингом *CGTN*. Данная дихотомия целей находит отражение и в прагматике использования визуального контента: если российская сторона эксплуатирует аутентичные, «живые» кадры для создания эффекта эмпатии, транспарентности и сопричастности, то китайская сторона использует тщательно постановочные визуальные образы и структурированную инфографику для трансляции нарратива о государственной мощи, стабильности и непрерывной исторической преемственности цивилизации.

Подводя итоги сравнительного анализа, можно заключить, что подходы России и Китая к цифровой дипломатии представляют собой два фундаментально различных стратегических выбора. Российская модель – это тактическое искусство гибкого маневрирования. Она заимствует универсальный язык глобальных социальных сетей, чтобы быть услышанной, оперативно реагировать на вызовы и завоевывать тактическое преимущество в информационном потоке. Это дипломатия скорости, яркости и прагматичного диалога. Китайская модель, напротив, представляет собой стратегический процесс цивилизационного строительства. Отвергая мимолетные тренды, Китай использует свой уникальный культурный и символический язык, чтобы утвердить свою историческую роль и построить фундамент долгосрочного влияния. Каждый элемент коммуникации здесь является частью единого культурного кода. Таким образом, если Россия стремится говорить с миром на языке современности, чтобы быть услышанной здесь и сейчас, то Китай предпочитает говорить на языке своей вечной истории, чтобы утвердить свою непреходящую роль в будущем.

Литература:

1. Беляков М.В. Лингвоаксиология и лингвосемиотика дипломатического дискурса (на материале открытой профессиональной дипломатии) : автореф. дис. … д-ра филол. наук. – М., 2023.
2. Викулова Л.Г. Институциональный дискурс цифровой дипломатии новые коммуникативные практики / Л. Г. Викулова, И. В. Макарова, Н. В. Новиков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2016. – Т. 15, № 3. – С. 54–65.
3. Лавров предложил новый хештег «НашиПравилаУставООН». – URL: https://ria.ru/20210925/kheshteg-1751822190.html (дата обращения: 04.04.2026).
4. Пономарева Ю.В., Камкова А.А. Роль хештега в цифровой дипломатии России (на материале телеграм-канала МИД РФ) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2025. – № 1. – С. 184–190.
5. Посольство России в Белоруссии пошутило над главой МИД Литвы. – URL: https://regnum.ru/news/3252365 (дата обращения: 04.04.2026).
6. Ху Июнь. Краткий обзор исследований дипломатического дискурса в Китае // Политическая лингвистика. – 2023. – № 2 (98). – С. 208–215.
7. Huang Z.A., Wang R. Exploring China’s Digitalization of Public Diplomacy on Weibo and Twitter: A Case Study of the U.S.–China Trade War // International Journal of Communication. – 2021. – № 15. – URL: https://www.researchgate.net/publication/350855489_Exploring_China's_Digitalization_of_Public_Diplomacy_on_Weibo_and_Twitter_A_Case_Study_of_the_US-China_Trade_War (дата обращения: 04.04.2026).
8. Zhang X., Y. Tang. Digital diplomacy and domestic audience: how official discourse shapes nationalist sentiments in China // Humanities & Social Science Communications. – 2024. – Vol. 11. – Art. 182. – URL: https://www.nature.com/articles/s41599-024-02669-3 (дата обращения: 04.04.2026).
9. Yi Yang, Huey Hsu Jia, Karl Löfgren, Wonhyuk Cho. Cross-platform comparison of framed topics in Twitter and Weibo: machine learning approaches to social media text mining // Social Network Analysis and Mining. – 2021. – Vol. 11, Art. 75. – URL: https://www.researchgate.net/publication/353908495_Cross-

platform_comparison_of_framed_topics_in_Twitter_and_Weibo_machine_learning_approaches_to_social_media_text_mining (дата обращения: 04.04.2026).

© Магафурова А.А., 2026

УДК 81’23:81’44

Маймескул А.Р.
магистрант УУНиТ
Научный руководитель – ***Бахтиярова А.Н.,***
канд. филол. наук, доцент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

КУЛЬТУРНЫЕ И КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКОВЫХ БАРЬЕРОВ НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО И ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКОВ

Проблема языковых барьеров в условиях интенсификации межкультурных контактов приобретает всё более выраженный научный и прикладной характер. Глобализация, миграционные процессы и расширение дипломатических, торговых и туристических связей между государствами порождают устойчивую потребность в изучении механизмов коммуникативных сбоев, возникающих при контакте носителей типологически и культурно различных языков. Русский и турецкий языки представляют в этом отношении особый исследовательский интерес: принадлежа к разным языковым семьям – индоевропейской и тюркской соответственно – и формируясь в принципиально различных социокультурных ареалах, они воплощают не просто разные грамматические системы, но и различные языковые картины мира, то есть целостные системы представлений о реальности, закреплённых в языке.

Целью настоящей статьи является комплексное рассмотрение культурных и коммуникативных аспектов языковых барьеров, возникающих при взаимодействии носителей русского и турецкого языков. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: определяется понятие языкового барьера в современной лингвистике; выявляются характерные черты русской и турецкой языковых картин мира; анализируются конкретные коммуникативные трудности и примеры межкультурных недоразумений; оцениваются возможные пути преодоления барьеров в рамках межкультурной коммуникации.

В научной литературе понятие «языковой барьер» трактуется неоднозначно. В широком смысле под ним понимается любое препятствие, затрудняющее или делающее невозможным полноценное речевое взаимодействие между коммуникантами. Данное явление изучается как в рамках социолингвистики, так и в рамках теории межкультурной коммуникации – двух дисциплин, чьи методологические подходы во многом пересекаются.

Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров указывали на то, что языковой барьер не сводится исключительно к незнанию лексики или грамматики иностранного языка: принципиально важна фоновая культурная компетенция – совокупность знаний о традициях, нормах поведения, исторических реалиях и ценностных установках, составляющих контекст коммуникации [1: 38]. Иными словами, даже при наличии формального владения языком коммуникант может оставаться «за барьером», если он не разделяет культурный код собеседника.

В психолингвистике языковой барьер нередко рассматривается через призму понятий интерференции и так называемой лакунарности. Интерференция – это влияние родного языка на усвоение и употребление иностранного, проявляющееся на всех уровнях: фонетическом, грамматическом, семантическом и прагматическом. Лакунарность, в свою очередь, означает отсутствие в одном языке эквивалента для явления, которое системно оформлено в другом [3: 112]. Оба механизма активно проявляются при взаимодействии носителей русского и турецкого языков.

Необходимо также разграничить лингвистический и культурно-коммуникативный барьеры. Первый связан с системными расхождениями языков (морфология, синтаксис, фонология), второй – с различиями в коммуникативных стратегиях, речевом этикете, концептуальных приоритетах и нормах дискурса. На практике оба типа взаимодействуют и взаимно усиливают друг друга.

Понятие «языковая картина мира» восходит к идеям В. фон Гумбольдта о внутренней форме языка и получило дальнейшее развитие в работах Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, а также – в тюркологическом контексте – А.Н. Гаркавца и других исследователей. Языковая картина мира

представляет собой систему концептов, закреплённых в лексике, фразеологии и грамматических категориях, которая задаёт специфический «угол зрения» на мир для носителей данного языка.

Русская языковая картина мира отличается рядом устойчивых черт, выявленных в исследованиях А. Вежбицкой и её последователей. Прежде всего это повышенная роль судьбы и непредсказуемости как культурных концептов. Лексема «авось» (приблизительный перевод: «может быть, повезёт, несмотря ни на что») не имеет точного аналога в большинстве европейских языков, включая турецкий, и отражает специфическое отношение к неопределённости будущего, сочетающее фатализм с надеждой [5: 74]. Показателен и концепт душа, который в русском языке функционирует значительно шире своего биологического или теологического значения: «душа болит», «душа нараспашку», «люди с душой» – всё это устойчивые выражения, апеллирующие к внутреннему нравственному миру человека как к высшей ценности.

Русский коммуникативный стиль принято характеризовать как контактный и прямой: русскоязычные собеседники склонны к открытому выражению эмоций, критике, нередко воспринимаемой как грубость в других культурах, а также к длинным повествованиям с богатой эмоциональной составляющей. Категория искренности занимает в русской культурной парадигме центральное место: неискреннее поведение, «хорошая мина при плохой игре», вызывает социальное осуждение.

Турецкая языковая картина мира формировалась под воздействием ряда факторов: исламской культурной традиции, наследия Османской империи, ценностей коллективной идентичности и строгой иерархичности социальных отношений. Одним из ключевых концептов турецкой культуры является namus («честь», «доброе имя»), причём это понятие имеет выраженную гендерную и коллективную составляющую: честь принадлежит не только отдельному человеку, но и его семье, роду. Сходную функцию выполняет концепт şeref («личная честь», «достоинство мужчины»), который существенно отличается от русского честь прежде всего своей жёсткой связью с публичным признанием [4: 89].

Не менее важен концепт misafirperverlik («гостеприимство», буквально «расположенность к гостю») – фундаментальная ценность турецкой культуры, предполагающая безусловное и демонстративное радушие по отношению к гостю. Отказ от угощения в турецком контексте воспринимается принципиально иначе, чем в русском: если в русской традиции гость вправе вежливо отказаться, что не нанесёт обиды хозяину, то в турецком контексте многократный отказ может быть прочитан как неуважение или скрытое пренебрежение.

С грамматической точки зрения турецкий язык как агглютинативный по типу морфологической структуры строит высказывание по принципу, отличному от флективного русского. Глагол в турецком предложении стоит в конце, что кардинально меняет стратегию восприятия речи: слушающий получает информацию о действии лишь в финальной позиции. Это порождает у носителей русского языка коммуникативный дискомфорт, поскольку они привыкли к иному порядку поступления смыслов. Кроме того, турецкий язык располагает развитой системой эвиденциальных суффиксов, позволяющих грамматически маркировать источник информации: суффикс -miş указывает на то, что говорящий сообщает нечто услышанное или предполагаемое, а не лично наблюдённое. В русском языке аналогичные значения передаются лексически (якобы, мол, по словам кого-то), однако без той степени обязательности и системности, которая свойственна турецкому.

Коммуникативные трудности при взаимодействии носителей русского и турецкого языков проявляются на нескольких уровнях.

На уровне речевого этикета наиболее значимо расхождение в системах обращения. Турецкий язык предполагает разветвлённую систему обращений в зависимости от возраста, социального статуса и степени знакомства. Обращение abi («старший брат», в расширительном смысле – «уважаемый мужчина старше говорящего») или abla («старшая сестра») по отношению к малознакомому человеку нормативно в турецкой коммуникации и выражает уважение, тогда как для русскоязычного человека подобные обращения ассоциируются исключительно с кровным родством и способны вызвать недоумение или смущение. Обратная ситуация также порождает сбои: русскоязычный коммуникант, переходящий на «ты» с турецким собеседником в соответствии с принятой в русской культуре нормой быстрого сближения, рискует быть воспринятым как нарушитель иерархической дистанции.

На уровне невербальной коммуникации следует отметить, что жест покачивания головой (движение назад с лёгким закрыванием глаз) в турецкой традиции означает отрицание или несогласие, тогда как русскоязычный коммуникант нередко интерпретирует запрокидывание головы назад как выражение удивления или неуверенности. Данная инконгруэнтность вербального и

невербального каналов – один из наиболее частотных источников межкультурных недоразумений в турецко-российском общении [2: 201].

На семантическом уровне ярким примером служат лексические единицы, имеющие частичные эквиваленты, но несовпадающие по коннотациям. Турецкое слово «hüzün» часто переводится как «грусть», «меланхолия», однако в действительности обозначает специфическое коллективное чувство утраты и ностальгии, связанное с упадком величия – состояние, которое нобелевский лауреат О. Памук описывал как неотъемлемую часть стамбульской идентичности. Это понятие невозможно точно передать ни русским словом тоска, ни грусть, ни печаль: каждое из них захватывает лишь часть семантического поля «hüzün».

Аналогичный пример с русской стороны – слово пошлость, которое В. Набоков считал непереводимым: оно обозначает не просто вульгарность или банальность, но специфическую духовную мелкость, самодовольную ограниченность, граничащую с нравственной несостоятельностью. Ни турецкое «bayağılık» («вульгарность»), ни «sıradanlık» («банальность») не покрывают этого смыслового объёма.

На прагматическом уровне принципиально важна разница в концепции отказа. В турецкой коммуникативной культуре прямой отказ считается потенциально оскорбительным и социально нежелательным. Поэтому на вопрос «придёшь ли ты на встречу?» турецкий собеседник нередко отвечает «inşallah» («если пожелает Бог», «дай Бог») – формулой, которая фактически означает уклончивый отказ или выражение неуверенности, однако для носителя русского языка звучит как положительный ответ с религиозной оговоркой. Буквальное прочтение этого ответа как согласия является типичной коммуникативной ошибкой.

Социокультурный контекст определяет не только содержание языковых единиц, но и базовые стратегии коммуникации. По классификации Э. Холла, культуры подразделяются на высококонтекстные, в которых значительная часть смысла передаётся имплицитно – через контекст, отношения, традиции, – и низкоконтекстные, ориентированные на эксплицитное, развёрнутое выражение смысла [6: 91]. Турецкая культура в целом тяготеет к высококонтекстному типу: многое подразумевается, не проговаривается вслух, считается известным в рамках разделяемого культурного кода. Русская культура занимает промежуточное положение, однако в ситуациях эмоционально значимого общения демонстрирует склонность к высокой степени вербализации.

Важную роль играет также концепция лица (face) в смысле, разработанном в социолингвистике П. Брауном и С. Левинсоном: это «публичный образ» коммуниканта, который каждый участник общения стремится сохранить и который другие участники обязаны уважать [2: 178]. В турецкой культуре угроза лицу – публичное указание на ошибку, выражение несогласия в присутствии третьих лиц, отказ в просьбе – воспринимается значительно острее, чем в русской. Соответственно, турецкие коммуниканты прибегают к развитой системе косвенных речевых актов и смягчающих стратегий там, где русскоязычный собеседник предпочтёт прямое высказывание.

Религиозный и исторический факторы также существенно структурируют языковую практику. Арабские заимствования в турецком языке (преимущественно из сферы религии, этики и социальных отношений) несут культурно-маркированные смыслы: «helal» («дозволенное по законам ислама») и «haram» («запрещённое») функционируют в современном турецком не только в религиозном, но и в широком бытовом контексте, обозначая нечто справедливое или несправедливое, приемлемое или неприемлемое. Носители русского языка, как правило, не осознают этой семантической нагруженности, воспринимая данные слова лишь в их поверхностном значении.

Преодоление языковых барьеров между носителями русского и турецкого языков требует комплексного подхода, охватывающего как лингвистическую, так и культурную компетенцию.

Первостепенное значение имеет межкультурная осведомлённость – целенаправленное изучение культурных норм, ценностей и коммуникативных стратегий партнёра по общению. В отличие от простого изучения языка, она предполагает рефлексию над собственными культурными установками и готовность пересматривать их при столкновении с иной логикой коммуникации [3: 145]. Именно поэтому современные методики преподавания иностранных языков всё активнее интегрируют элементы лингвокультурологии – дисциплины, изучающей взаимосвязь языка и культуры.

Практическим инструментом преодоления барьеров служит контрастивный анализ – сопоставление языковых систем с целью выявления потенциальных зон интерференции и лакунарности. В русско-турецком контексте особого внимания заслуживают следующие аспекты: порядок слов и его коммуникативные импликации, системы вежливости и обращения, речевые акты отказа, согласия и просьбы, а также прагматика молчания – зоны, где отсутствие речи само по себе является значимым знаком.

Существенную роль играет также медиаторная практика – привлечение профессиональных переводчиков и межкультурных посредников (cultural brokers) в ситуациях, где ставки коммуникации высоки (переговоры, юридические процедуры, медицинская коммуникация). Однако и профессиональный переводчик не всегда способен устранить барьер: перевод «inşallah» как «если угодно Богу» информирует о значении слова, но не объясняет его прагматической функции уклончивого отказа. Для этого необходим дополнительный прагматический комментарий – разъяснение коммуникативного намерения.

Наконец, систематическое накопление фоновых знаний – через чтение художественной литературы, просмотр медиаконтента, непосредственный межкультурный диалог – формирует ту основу, на которой возможно подлинное взаимопонимание, выходящее за рамки формального владения языком. В этом смысле языковой барьер никогда не является исключительно лингвистической проблемой: его преодоление требует культурного воображения и готовности к интерпретативному усилию с обеих сторон коммуникативного взаимодействия.

Проведённый анализ позволяет сделать ряд обобщающих выводов. Во-первых, языковой барьер между носителями русского и турецкого языков обусловлен не только типологическим расстоянием между языковыми системами, но и глубинными различиями в культурных концептах, коммуникативных стратегиях и социальных нормах, закреплённых в языковой практике каждого из народов. Во-вторых, ключевыми зонами коммуникативных трудностей являются система речевого этикета и обращений, прагматика косвенных речевых актов (прежде всего отказа и согласия), а также безэквивалентная лексика, воплощающая культурно-специфические концепты (hüzün, namus, авось, пошлость). В-третьих, эффективное преодоление языковых барьеров возможно лишь при условии развития межкультурной компетенции – системы знаний, умений и установок, позволяющей ориентироваться в чужой культурной логике без утраты собственной идентичности.

Литература:

1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиен-темы. – Directmedia, 2015. – 531 с.

2. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации. – Москва: Юнити-Дана, 2013. – 352 с.

3. Леонтович О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. – Волгоград: Перемена, 2014. – 327 с.

4. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – Москва: Слово, 2012. – 264 с.

5. Wierzbicka A. Understanding Cultures through Their Key Words: English, Russian, Polish, German, and Japanese. – New York: Oxford University Press, 1997. – 317 p.

6. Hall E.T. Beyond Culture. – New York: Anchor Books, 2010. – 256 p.

© Маймескул А.Р., 2026

УДК 811.512.141

Маликова М.Г.,
студент УУНиТ,
г. Уфа, Россия,
Научный руководитель – ***Алимбаева Г.Г.,***
канд. филол. наук, доцент,УУНиТ,
г. Уфа, Россия

ПРОЕКТИРОВАНИЕ ИНТЕРАКТИВНЫХ ДИДАКТИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ В СРЕДЕ SMART NOTEBOOK ПО ТЕМЕ «ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ»

Использование инновационных технологий в учебном процессе является очень эффективным средством повышения качества образования. Это пробуждает интерес к учебе, формирует желание глубже усваивать учебный материал и дает возможность развивать творческие способности учащихся. Несомненно, дидактический потенциал современных образовательных технологий и технических средств велик не только в преподавании естественных и математических наук, но и гуманитарных дисциплин. Вопрос их использования на уроках башкирского языка и литературы очень актуален и многогранен.

Учителя башкирского языка не только дают знания на уроках, но и воспитывают духовно-нравственные ценности. Чтобы каждый урок давал учащимся необходимые знания и воспитание, содержание и качество проведения уроков должны быть на высоком уровне. Учитель сам должен

стремиться к совершенству, проводить каждый урок разнообразно и стараться больше вовлекать самих учащихся в работу. К примеру, применение проектного метода в организации самостоятельной работы учащихся, развитии их творческого мышления, обучении каждого ребенка высказывать и отстаивать свое мнение приводит к высоким результатам. При составлении уроков важно не упускать из виду их воспитательный аспект. Знания и воспитание на уроке должны быть неразрывно связаны [1: 23].

В башкирском языке выделяют всего 12 частей речи: существительное, прилагательное, числительное, местоимение, наречие, глагол, связка, союз, частица, модальные слова, междометия, звукоподражательные слова [5]. Так как морфология изучает, как слова в языке делятся на грамматические группы, и как в каждой группе выражаются присущие ей грамматические значения с помощью специфических форм. В школе темы, относящиеся к морфологии, изучаются на синтаксической основе. Грамматические признаки слов, относящихся к каждой части речи, их смысловые оттенки и роль в построении речи можно показать только в словосочетании, предложении и тексте. Изучение морфологии на синтаксической основе развивает речь и речевую деятельность ребенка.

Важно с самого начала объяснить учащимся пути разделения лексических единиц на самостоятельные и служебные слова. Для этого необходимо заранее написать на доске или обратиться к башкирско-русскому, орфографическому, толковому словарю, чтобы задать классу вопросы к отдельным словам. Тогда учащиеся поймут, что есть слова, которые могут отвечать на вопрос, а есть те, которые не могут. Они придут к выводу, что слова, отвечающие на вопрос, выражают лексическое значение, а слова, не отвечающие на вопрос, не выражают лексического значения. Такой вывод необходимо сделать самими детьми, поскольку вовлечение ученика в каждое открытие, в решение каждой проблемы развивает его активную познавательную деятельность. Далее организуется работа по выявлению того, могут ли слова, выражающие и не выражающие лексическое значение, выступать в роли членов предложения [4: 67].

Предоставление такого объема знаний о самостоятельных и служебных словах помогает учащимся усвоить разделение слов на части речи, способы образования слов, лингвистические основы составных глаголов и составных сказуемых. На первых уроках изучения частей речи необходимо объяснить учащимся пятых классов причины (критерии) разделения слов на части речи, исходя из их семантических и грамматических признаков, в форме, понятной для пятиклассников. Для этого используются предложения или текст, выявляются лексические значения, морфологические и синтаксические признаки слов в них, и одно слово сравнивается с другим. Например, можно сравнить существительное с глаголом: существительное обозначает предмет, место и другое, а глагол – действие предмета; существительное изменяется по падежам, а глагол – не изменяется, зато глагол употребляется в трех временах, а существительное не имеет трех времен. В таком порядке можно организовать аналитическое сравнение слов, относящихся к глаголу, с прилагательным, а существительного с наречием и т.д.

В результате такого анализа и сравнительной работы учащиеся видят, что слова в лексическом составе башкирского языка не являются однородными по своему лексическому значению и грамматическим признакам, и демонстрируется их классификация по частям речи.

Работа по группировке знакомых учащимся слов организуется следующим образом:

Предлагаются слова: *өҫтәлдәрҙең, яҙам, зәңгәр, биш, алдым, дәфтәрҙәремдең, еремдең, түңәрәк, ун биш, урамдың, кешеләр һ.б.*

Слова, обозначающие предмет, изменяющиеся по падежу, числу и принадлежности: *өҫтәлдәрҙең, дәфтәрҙәремдең, еремдең, урамдың, кешеләр.*

Слова, обозначающие действие предмета, изменяющиеся по числу, лицу и имеющие время: *яҙам, алдым.*

Слова, обозначающие количество предмета, не изменяющиеся по падежу, числу, лицу и принадлежности: *биш, ун биш.*

Учитывая изучение частей речи в начальных классах, можно предложить учащимся классифицировать отдельные слова или слова из текста по частям речи: *мин, һөйләйем, ул, мәктәп, оҙон, әсе, ҡәләм, һуған, ун бер, өсөнсө, ҡайын, ҙур, алтмыш, һеҙ, уҡыйҙар*.

Давайте рассмотрим 4 упражнения для изучения имен существительных в среде SMART Notebook. Эти упражнения направлены на интересное и интерактивное изучение имен существительных в башкирском языке.

1.Игра «Исемдәрҙе тап» **(**«Найди существительные»)

Цель: развитие навыков распознавания и различения имен существительных.

На экране отображаются различные слова (существительные, прилагательные, глаголы). Учащиеся должны нажимать только на существительные. За правильные ответы начисляются баллы. С помощью функции «Object Animation» в SMART Notebook можно выделить правильные ответы (например, изменить их цвет).

2.Упражнение «Исемдәрҙе төркөмлә» («Сгруппируй существительные»)

Цель: научиться группировать существительные по значению (например, одушевленные и неодушевленные предметы, имена людей, названия животных).

На экране отображаются карточки с написанными различными существительными. Учащиеся должны переместить эти карточки в соответствующие группы. С помощью функции «Drag and Drop» в SMART Notebook можно облегчить перемещение карточек.

3.Упражнение «Рәсемгә исем тап» («Придумай название к рисунку»)

Цель: развитие словарного запаса и навыков правильного употребления существительных.

На экране демонстрируются изображения различных предметов или явлений. Учащиеся должны написать соответствующие названия к этим рисункам. Ответы можно вводить, используя функцию «Text Tool» в SMART Notebook.

4. Упражнение «Исемдәр менән һөйләм төҙө» («Составь предложение с существительными»)

Цель: развитие навыков правильного построения предложений и обучение использованию существительных в контексте.

На экране отображается несколько существительных. Учащиеся должны составить предложения, используя эти существительные. Предложения можно записывать с помощью функции «Text Tool» в SMART Notebook.

Следовательно, интерактивные материалы в среде SMART Notebook помогают сделать урок более интересным и полезным. Практическая часть может быть разработана для закрепления полученных знаний учащихся, объяснения и развития навыков использования различных грамматических явлений. В дальнейшем к этой работе можно добавить новые интерактивные упражнения и расширить ее на другие темы. Также эта работа может быть полезна учителям башкирского языка в качестве методического пособия. Таким образом, наряду с традиционными методами, использование различных новых технологий при обучении мышлению дает успешные результаты. В условиях развития современных технологий интерактивные методы обучения, в частности, использование Smart Notebook, становятся все более важными и эффективными.

Литература:

1. Баһауетдинова М.И., Йәғәфәрова Г.Н. Башҡорт теле һәм әҙәбиәте дәрестәрендә яңы технологияларҙы ҡулланыу (методик ҡулланма). – Өфө: НМЦ «Педкнига», 2008. – 204 бит.
2. Гарипов Т.М. Башкирское именное словообразование. – Уфа, 1959. – 224 с.
3. Ғәбитова З.М. Телмәр үҫтереү дәрестәре. Башҡорт телен дәүләт теле итеп өйрәнеүселәр өсөн. – Өфө: Китап, 2009. – 128 б.
4. Дәүләтшина М.С., Ғәбитова З.М. Башҡорт телен уҡытыу методикаһы: башҡорт теле дәүләт теле итеп уҡытылған мәктәптәр өсөн. 2-се киҫәк. – Өфө:Китап, 2011. – 88 бит.
5. Дмитриев Н.К. Башҡорт теленең грамматикаһы. – Өфө, 1950. – 299 бит.

© Маликова М.Г., 2026

УДК 821.512.141

Мамедова П.Г.,
доктор философии по филологии ,доцент
Азербайджанский технический университет
г. Баку, Азербайджан

ЗАКИР ШАКИРОВ И ПРОБЛЕМЫ ТЮРКОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Известно, что Первый Всесоюзный Тюркологический съезд, состоявшийся в столице Азербайджана в г. Баку с 26 февраля по 5 марта 1926 года, сыграл неоценимую роль в истории, этногенеза, культуры, языка и литературы тюркских народов СССР, приняв исторически важное решение о переходе на латинский алфавит (яналиф) и унификации терминологии, способствовавшие культурно-этнической интеграции и консолидации, несмотря на репрессии его участников.

Первый Всесоюзный Тюркологический съезд собрал учёных-тюркологов, литераторов, литературоведов, лингвистов, этнографов и историков, представлявших тюркские народы, как живущие в СССР (азербайджанцев, башкир, казахов, карачаевцев, киргизов, татар, узбеков, крымских татар, якутов и мн.др.), такие ведущих российских академиков и зарубежных специалистов. Если о многих других делегатах съезда широкой научно-культурной общественности их имена известны, то о башкирских учёных, представлявших Башкирской АССР и другие регионы имеются весьма скудные сведения о судьбе и их деятельности. Принимая во внимание этот факт, мы хотим ознакомить азербайджанскую общественность с башкирскими участниками делегатов Первого Всесоюзного Тюркологического Съезда.

Из материалов стенографического отчёта Съезда видно, что в его работе приняли участие восемь представителей башкирской интеллигенции: 1) Атнагулов Салах Садри оглы – заведующий и главный редактор издательства «Гажур» (г. Казань); 2) Билялов Меджит Масагутович – Башнаркомпрос (г. Москва); 3) Манатов Шариф Ахметович – педагог (г. Тифлис); 4) Габитов Хабибулла А.-Кагирович – педагог, Башнаркомпрос (г. Уфа); 5) Вильданов Габдулахат Фазылевич – в 1925 – 1927 гг. член комиссии по реализации башкирского языка при Башсовнаркоме (г. Уфа); 6) Идельгужин Карим Абдуллович – Башнаркомпрос (г. Уфа); 7) Шакиров Закир Шакирович – Институт народного образования (г. Уфа); 8) Мрясов Сагит Губайдуллович – Общество изучения Башкирии (г. Уфа).

При внимательном ознакомлении с материалами можно заметить, что фактически из Башкирии официально в работе съезда приняли участие 6 человек. В данном материале мы намереваемся вести речь об одном из них – Закире Шакировиче Шакирове (1831 – 1968) о выдающемся башкирском просветителе, педагоге-историке. Как участник Первого Всесоюзного Тюркологического съезда, будучи башкиром по национальности, он родился в деревне Карасай – Ельга Бирского уезда Уфимской губернии. Всю свою жизнь активно занимался проблемами образования и башкирского языка, работал в советское время в Наркомросе Башкирской автономной советской социалистической республики.

В 2007 году из серии Библиотека «Педагогического журнала Башкортостан» в Уфе о «Деятелях народного образования» была выпущена отдельная книга Ю.В.Ергина под названием «З.Ш.Шакиров (1881 – 1968)» [3]. В этой книге представлен очерк жизни и деятельности З.Ш.Шакирова, педагога-просветителя, учёного филолога, одного из основоположников башкирского языкознания. В содержании книги нашли отражение «Введение» [3, с. 3], «Детство и обучение в сельской школе» [3, с. 5]. В медресе «Мухаммедия» [3, с. 7], «В университете имени А.Л.Шанявского [3, с. 18], «В Уфимском губернском земстве» [3, с. 24], «Заведование Уфимским губернским музеем» [3, с. 34], «Участие в научных экспедициях» [3, с. 43], «Участие в создании учебников башкирского языка и башкирской терминологии» [3, с. 49], «Методическое наследие З.Ш.Шакирова – результат его практической педагогической работы» [3, с. 57], «В памяти родных и близких» [3, с. 63], «В памяти коллег и учеников» [3, с. 71], а также разного рода примечания, сноски, фотографии и иллюстрации.

В седьмом параграфе книги, озаглавленном «Участие в создании учебников Башкирского языка и терминологии» отмечено: «Положение коренным образом изменилось в самом начале 20-х годов XX века, когда был определён юридический статус башкирского языка как государственного. Поэтому только с этого времени ведут своё начало учебники башкирского языка, в которых и появились первые образцы башкирской грамматической терминологии. Однако работа в указанном направлении в значительной степени тормозилось из-за фактического отсутствия языковедческих кадров и, главным образом, из-за почти полной неизученности башкирского языка с научной точки зрения. Именно в исследованиях башкирской грамматики и подготовка национальных кадров важную роль сыграл Н.К.Дмитриев, ставший первопроходцем в научном изучении башкирского языка [2**,** с. 48 – 49].

З. Шакиров получил весьма глубинное образование. Так, например, в 1902 г. он, окончив Медресе Мухаммедия, в 1912 – 1915 годах продолжил своё образование в Московском городском университете имени А.Л.Шанявского, а уже с 1915 года работал в Народном просветительском управлении г. Уфы и в других образовательных предприятиях. В 1920 – 1929 годы учился в Башкирском Педагогическом институте им. Тимирязева. Уже в более зрелые с 1931 по 1951 годы работал в Институте просвещения и заведовал кафедрой башкирского языка и литературы. В указанные годы в промежутках работал в Башкирском научно-исследовательском институте Языка и Литературы, в 1933 – 1934 годы работал в Башкирском Институте квалификации Народно-просветительских кадров, в 1932 – 1939 г. заведовал кафедрой языкознания Башкирского государственного медицинского университета и т.д. и т.пр. Помимо отмеченного, Закир Шакиров

является автором многих учебно-теоретических работ и материалов по Казанским и Уфимским губерниям, а также учебников по географии, программ по преподаванию языка и автором словарей по языку. Заметим, что в период с 1924 по 1934 г. он выпустил учебник «Башкирского языка для русских». Помимо перечисленных, велика его роль в подготовке на основе русской графики научной терминологии для башкирского литературного языка и в составлении его орфографии [7, с. 22].

Закир Шакиров талантливый башкирский языковед, филолог-тюрколог внёс соответствующую лепту в башкирское языкознание. В формировании будущего филолога огромную роль сыграла его дружба с такими крупными личностями того времени – писателями Каюмом Насири и Мажитом Гафури, профессором Казанского университета Н.Ф.Катановым и др. Ещё в период учёбы в медресе Закир Шакиров серьёзно относился к изучению восточной литературы. Регулярно читал выходящую в Каире газету «Эл-Лива» («Знамя»), произведения Абу Ибн Сина, Омара Хайяма и многих других. В 1907 г. состоялась его встреча с выдающимся татарским поэтом Габдуллой Тукаем, произведения которого ещё в те времена переводились на азербайджанский язык, печатались в журнале «Молла Насреддин», а также в других ведущих азербайджанских изданиях. Их большая дружба и тесное сотрудничество продолжались до последних дней жизни Г.Тукая. Автор статьи «Жизнь и судьба» М.Зайнуллин верно замечает: «Трудно переоценить огромное влияние великого татарского поэта на Закира Шакирова» [5].

Как было сказано выше, именно такая одаренная личность, как Закир Шакирович Шакиров является одной из тех крупных фигур, которая в 1926 году приняло участие в работе Первого Всесоюзного Тюркологического съезда в Баку, на котором рассматривались конкретные вопросы предстоящего перевода письменности тюркоязычных народов СССР на латинизированную графику [8, с. 57 – 58].

Заведующий отделом восточных рукописей Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской Академии наук Ахат Губаевич Салихов в статье «Участие Башкирской делегации в работе «Первого Тюркологического съезда в 1926 году в Баку» пишет: «Ещё в XIX веке, известный азербайджанский писатель и общественный деятель Мирза Фатали Ахундов предложил несколько проектов, в том числе подготовленный на основе латинской графики. В начале XX века с подобным предложением на страницах астраханской газеты «Идель» выступил поэт Сагит Рамеев. Предложения о реформе существующего арабского алфавита неоднократно поднимались в печати [6; 1, с. 45 – 49].

Ещё до съезда в 1926 г. в первом номере русскоязычного «Башкирского краеведческого сборника» появилась статья Закира Шакирова под названием «По поводу тюркологического съезда», в которой он предлагал ряд положений для тюркологических исследований, сводившейся к следующим: установить основное отличие тюркского языка от индоевропейского и арабского языков для составления фонетических и морфологических правил; составление новых терминов на общей основе тюркского языка, подбирать термины из тюркских языков, изменить иностранные термины, приспособив их к требованиям и характеру тюркского языка; слова, введённые в обращение ранее и приспособившиеся, необходимо оставить без изменений; издать труды европейских тюркологов для использования их широким кругом лиц; детально изучать все наречия и поднаречия тюркского языка; стремиться к тому, чтобы каждый трудящийся мог выразить свои мысли на родном языке; составлять словари всех тюркских наречий, разработать для всех тюркских наречий единые письменные знаки; целесообразность учреждения особого научного института по изучению тюркологии и т.д. и т.пр. [8, с. 57 – 58].

Наряду с многими другими сферами языкознания и лингвистики весьма плодотворная была работа З.Ш.Шакирова в стенах Башкирского научно-исследовательского института национальной культуры по созданию целой серии учебно-терминологических словарей. Эта работа координировалась специальной Терминологической комиссией, функционировавшей с 1922 года при Народном комиссариате просвещения республики, и была направлена на выработку официальной системы терминов в области науки, производства и искусства на башкирском языке. Им были подготовлены терминологический словарь по ботанике «Названия растений на латинском, русском и башкирском языках» в соавторстве с Х.Абдурагимовым, Г.Юнусовым и Р.Фахретдиновым. А также он опубликовал «Термины по химии, русско-башкирские и башкирско-русские», а с В.Сулеймановым и Срумовым: «Термины по математике» и т.д.

Кроме материалов по народному творчеству и разговорному языку башкир во время экспедиции З.Шакиров совместно с другими учёными установил ряд конкретных фактов, проливающих свет на историю просвещения башкир. В частности, сам З.Ш.Шакиров обнаружил неизвестные ранее стихи классика башкирской поэзии, поэта-просветителя Мифтахетдина Камелетдинова известного в настоящее время под именем Акмуллы. В беседах с очевидцами он

получил сведения о встречах Акмуллы с другим выдающимся башкирским просветителем – первым исследователем-краеведом из башкир Мухаметсалимом Умбетаевым.

Трудно переоценить значение экспедиций, проведённых под руководством Н.К.Дмитриева, в работе которых принял участие З.Ш.Шакиров. Живая речь, диалекты и фольклор башкирского народа, с которыми ознакомились участники экспедиции в дальнейшем были использованы Н.К.Дмитриевым при создании им не имеющей прецедентов «Грамматики башкирского языка – (М.-Л., 1948, Уфа, 1950 – на башкирском языке) [4].

Необходимо обратить внимание на то, что под этим же инициалом Закир Шакирович Шакиров были и другие личности. Так, например, Закир Шакирович Шакиров, родившийся в 1898 году в Симбирской губернии по национальности татарин, который в отличие от интересующего нас Закира Шакировича Шакирова, ушёл из жизни 19 июня 1943 года. Помимо отмеченного, имеются и другие Закир Шакирович Шакиров, родившийся 01 марта 1925 и скончавшийся 05 мая 2017 г. При исследовании жизни и творчества, изучаемого нами Закира Шакировича Шакирова мы нашли и другого Закира Шакировича Шакирова, родившегося 27 февраля 1901 года, умершего в 1977 году, который был ветераном Великой Отечественной войны.

Итак, изучая материалы, можно прийти к выводу о том, что Закир Шакирович Шакиров вошёл в историю науки и просвещения как выдающийся башкирский педагог и лингвист, удостоенный высокого звания героя Труда (1928), заслуженного деятеля науки Башкирской АССР (1944), награждённый орденом Трудового Красного Знамени (1944) и орденом Ленина (1954), оставивший любимому народу огромное лингвистическое и научное наследие.

Литература

1. Әхмәров К.З. Башкорт языуы тарихынан. Өфө, Китап.
2. Ергин Ю.В. Участие в создании учебников башкирского языка и терминологии // Ергин Ю.В. З.Ш.Шакиров (1881 – 1968). Уфа, Вагант, 2007, с. 48 – 49
3. Ергин Ю.В. З.Ш.Шакиров (1881 – 1868). Уфа, Вагант, 2007, 144 с.
4. Ергин Ю.В. Педагог, просветитель учёный-филолог, один из основоположников башкирского языкознания – https://cyberleninka.ru.
5. Зайнуллин М.В. Закир Шакиров. Жизнь и судьба. // https://cyberleninka.ru.
6. Салихов А.Г. Участие башкирской делегации в работе Первого Тюркологического съезда в 1926 году в Баку – https://cyberleninka.ru
7. Turan A. Zakir Şakirovic Şakirov // Birinci Türkoloji Qurultay – film kimi bir hadisə. Azərbaycan. // Ədəbiyyat qəzeti, 21 noyabr 2025-ci il, 25 s.
8. Шакиров З.Ш. По поводу тюркологического съезда // Башкирский краеведческий сборник (Уфа) – 1926, № 1, с. 57 – 58.

© Мамедова П.Г., 2026

УДК 339.5.01

Маралкин К. А.,
магистрант УУНиТ
Научный руководитель – ***Бахтиярова А.Н.,***
канд. филол. наук, доцент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

ЭЛЕКТРОННАЯ КОММЕРЦИЯ И ЦИФРОВОЙ БИЗНЕС КИТАЯ И РОССИИ

Развитие цифровых технологий активно заменило традиционные способы и схемы ведения бизнеса, образовав абсолютно новую модель – электронная коммерция. Электронная коммерция – это способ покупки и продажи товара через интернет, а также проведение через него финансовых транзакций, например, благодаря всем известным маркетплейсам, интернет-магазинам. Ведение бизнеса через интернет привело к беспрепятственному доступу на международный рынок, а также к быстрой реакции на появление новых интересов у потребителей. Именно в Китае электронная коммерция обрела самый высокий спрос и стала основой экономики, занимая примерно 28% розничных продаж. Способ ведения бизнес через интернет также позволило жителям отдалённых регионов совершать такие же покупки, как и жители мегаполисов. Соответственно если бизнес

ведётся на равных условиях, товары малых бизнесов и больших одинаково конкурируют на одной платформе. Наиболее известный пример таких интернет-магазинов известный на весь мир, и пользующийся популярность в России Taobao.

Уровень проникновения цифрового бизнеса продолжает расти, вливая новые модели торговли для российско-китайского рынка. Начиная с 2020 года, число покупок, сделанных гражданами России на цифровых рынках Китая начало значительно расти, что приблизительно составило 250 миллионов транзакций, при этом составив 70% от общих интернет транзакций России. Стремительный рост продолжился вплоть до 2022 года, где процент был увеличен до действительно масштабный чисел, превышая 200%. Однако в современных реалиях процент начал незначительно проседать, однако остаётся всё ещё внушительным. Китай обладает преимуществом в области производства изделий из пластика, одежды, товаров для дома и автомобилей, сохраняя приемлемую цену и качество. Это подтверждается тем, что на данный момент около 60% новых автомобилей, приобретённых в России, приходится на Китайского производителя, 40% одежда и обувь, 38% электроника и бытовая техника. Между тем, китайские потребители стали проявлять большой интерес к высококачественной сельскохозяйственной продукции из России, что в свою очередь стимулировало уже российский рынок на увеличении продукции для импорта. Так, с 2019 года на китайской платформе Tmall открылся официальный магазин российских продуктов питания.

Следует отметить что импортная продукция из Китая приобретается на российском рынке не только с китайских маркетплейсов, но и с отечественных платформ, включая Ozon, Wildberris, Joom и подобные. Однако логистический цикл длительный, и включает высокую стоимость. В настоящее время логистика между Китаем и Россией испытывает трудности, в следствии этого, доставка товаров может занимать нескольких недель из-за территориальных особенностей и неэффективности таможенной очистки в трансграничной логистике.

Уход некоторых западных брендов с российского рынка также создал благоприятные условия для китайских производителей и продавцов. Так, одним из наиболее значимых достижений стало развитие двухсторонних расчётов. Доля платежей в национальных валютах – рублях и юанях, достигла 95%. Более того это позволило создать прототип прямого обмена «цифровой рубль – цифровой юань», что снижает время платежа и комиссию. То есть все площадки предлагают оплату картой «Мир» и системой быстрых платежей, что для российского потребителя расширяет доступность, а для китайских продавцов упрощает вывод средств.

Однако насколько бы не был бизнес успешным, встречаются и трудности. Так, российский потребитель плохо знаком с китайскими брендами и настороженно относится к товарам с непонятной инструкцией и этикетками. Поэтому производители адаптируются и инвестируют в полную локализацию, начиная от перевода до создания «истории бренда». Также несмотря на прогресс с цифровыми валютами, для многих, карты «Мир» всё также работают далеко не повсеместно за пределами страны, поэтому китайский производитель вынужден полагаться на платёжных агрегаторов, что способствует увеличению комиссии. Влияют и некоторые экономические законы, которые призваны упростить и внести ясность в систему торговли, однако на этапе имплементации создают неудобства. Так, китайским компаниям, привыкшим к гибкому регулированию, потребуется адаптироваться к более формальным требованиям российского рынка. В особенности данное требование касается локализации данных и регистрации в реестре.

С каждым годом конкуренция среди китайских производителей на российском рынке ужесточается. Если в 2022-2023 году возможно было выйти на интернет рынок с любым товаром и получить продажи, то на сегодняшний день требуется глубокая аналитика рынка и конкурентов, качественные фото и описание товара на русском языке, а также быстрая обработка заказа и удобная логистика. В связи с этим главным направлением китайских рыночных отношений с Россией будет заключаться в переходе от экспортной модели к локальному присутствию. Это включает открытие юридического лица и складов на территории России, найма локальных команд по маркетингу и клиентскому сервису, а также адаптации продукции под российские стандарты и предпочтения. Это напрямую влияет на сближение технологических стандартов и практик. Так, китайский опыт в области социальной торговли и интернет технологий будет активно передаваться России, но с локальной адаптацией. Одновременно российские достижения в области логистики и безопасности могут быть интересны китайскому рынку.

Если тенденции останутся прежними, то рост будет составлять по 15-25% в год, ближайшие 3-5 лет. Что примерно составит 10-12% от всего товарооборота между странами.

Электронная коммерция и цифровой бизнес между Китаем и Россией находится на неоднозначном уровне. С одной стороны, это быстро развивающийся и растущий рынок с

невероятным потенциалом, который уже приносит значительные экономические обороты и становится важным стабилизирующим фактором двухсторонних экономических отношений. С другой стороны, это быстро структурирующийся рынок, где на смену «золотому веку» торговли и низкого порога входа приходит профессионализм, усложнение структуры и технологическая эффективность. Успех в будущих годах будет зависеть от способности продавцов и платформы адаптироваться под новые правила. Китайско-российское сотрудничество в сфере цифрового бизнеса может стать примером того, как две крупные экономики могут выстраивать выгодные отношения в эпоху цифровых технологий, основанные на адаптации лучших практик с учётом национальных особенностей.

Литература:

1. Рынок интернет-торговли в России. 03.05.2024. URL: https://akit.ru/analytics/analyt-data (дата обращения: 05.04.2026).

2. Карпова О.М. Электронная таможня в России и в Китае // Проблемы Дальнего Востока. – 2019. – №4. – С.47-55.

3. Пиковер А.В. Российско-китайская трансграничная электронная торговля: состояние и перспективы // 40 лет экономических реформ в КНР. Институт Дальнего Востока РАН. – 2020. – С.268-286.

© Маралкин К.А., 2026

УДК 659.1.01

Матвеева Ю.С.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Пермякова Л.А.,***
канд. филол. наук, доцент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В РЕКЛАМНОЙ КОММУНИКАЦИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ТРАНСФОРМАЦИИ

В современном медиапространстве реклама занимает значимое место как инструмент не только экономического, но и социокультурного воздействия. Она формирует не только потребительские предпочтения, но и устойчивые представления о социальных ролях, в том числе гендерных. Через визуальные и текстовые образы реклама транслирует определённые модели поведения, закрепляя или трансформируя существующие установки.

Гендер в современной науке рассматривается как социально обусловленная категория, формируемая под влиянием культурных, исторических и общественных факторов. В отличие от биологического пола, гендер отражает систему норм, ожиданий и ролей, закреплённых за мужчинами и женщинами. Гендерные стереотипы представляют собой устойчивые упрощённые модели восприятия, которые определяют «типичные» характеристики представителей разных полов [1: 52].

Средства массовой коммуникации играют ключевую роль в распространении подобных представлений. Реклама, обладая высокой степенью визуального воздействия, усиливает эффект закрепления стереотипов за счёт их регулярного воспроизводства. Использование узнаваемых образов позволяет быстро донести смысл сообщения до аудитории, однако одновременно способствует сохранению ограниченных моделей поведения.

Для выявления особенностей гендерной репрезентации был проведён контент-анализ рекламных материалов. В исследование вошли современные видеоролики, размещённые в цифровой среде. Анализ позволил выявить устойчивые тенденции в изображении мужских и женских образов.

Женские образы в рекламе преимущественно связаны с домашней и семейной сферой. Женщина часто выступает как заботливая мать, хозяйка или объект визуальной привлекательности. Даже в случаях демонстрации активности акцент нередко делается на внешности. Это свидетельствует о сохранении традиционных моделей репрезентации.

Мужские образы характеризуются ориентацией на активность, рациональность и социальный успех. Мужчина представлен как субъект действия, принимающий решения и контролирующий ситуацию. Эмоциональная составляющая при этом выражена ограниченно, что соответствует классическим представлениям о маскулинности.

Сравнительный анализ показал, что зарубежная реклама чаще демонстрирует отход от традиционных моделей. В ней наблюдается расширение гендерных ролей, включающее новые формы репрезентации как женщин, так и мужчин. Российская реклама также демонстрирует элементы трансформации, однако традиционные стереотипы сохраняют значительную устойчивость [2].

В современных условиях наблюдается постепенное изменение гендерных представлений. Реклама начинает учитывать запрос аудитории на разнообразие и равенство, что приводит к появлению альтернативных образов. Женщины всё чаще представлены в профессиональной сфере, мужчины − в семейном контексте.

Рекламная коммуникация находится в состоянии трансформации. Она сочетает в себе как традиционные, так и новые модели гендерной репрезентации. Несмотря на сохранение стереотипов, наблюдается тенденция к их переосмыслению, что отражает изменения в общественном сознании [3: 67].

Перспективы дальнейших исследований связаны с углублённым анализом восприятия рекламных образов аудиторией, а также изучением влияния цифровых платформ на трансформацию гендерных стереотипов.

Литература:

1. Понуждаев Э. А. Основы гендерологии. − М.: ФЛИНТА, 2019. − 544 с.

2. Букина Е. И. Гендерные стереотипы в языке и дискурсе // Учёные записки ЗабГУ. 2013. − № 2.

3. Дашков Л. П., Баженов Ю. К. Основы рекламы. − М.: Дашков и К, 2024. − 102 с.

© Матвеева Ю.С., 2026

УДК 792.06

Мигранова К.М.,
студент УУНиТ
*Научный руководитель – **Абдуллина Л.Б.,***
канд. филол. наук, доцент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

КАК БЛОГЕРЫ ВОЗВРАЩАЮТ МОЛОДУЮ АУДИТОРИЮ В ТЕАТР (НА ПРИМЕРЕ ПРОЕКТА «СЕСТРЫ ТАН»)

Пекинская опера – одна из наиболее известных форм традиционной китайской оперы как в Китае, так и в остальном мире. С 2010 года она включена в Список нематериального культурного наследия человечества ЮНЕСКО. К сожалению, с каждым годом пекинская опера становится все менее понятной для современной аудитории из-за архаичного языка. Именно поэтому государство все чаще проводит различные мероприятия для продвижения оперы, проводят лекции в школах и университетах. Влияние этих программ все равно остается ограниченным, потому что для молодежи, которая потребляет быстрый контент в интернете, многочасовая традиционная постановка кажется слишком долгой и даже скучной. Для решения этой проблемы в интернете было придумано множество проектов различных форматов, чтобы хоть как-то приблизиться к молодой аудитории.

Так появились «Сестры Тан», которые смогли вернуть зрителей в театр с помощью стримов и коротких видео. Их опыт показывает, что упрощение оперного искусства не является ключом к успеху. Скорее артисты должны превратиться из недоступных «хранителей традиций» в живых, приземленных и доступных для общения людей, с которыми аудитория способна установить эмоциональную связь.

Сестры Тан, а именно Тан Сяолин, Тан Минсинь и Тан Сяоюй, принадлежат к династии, чья история насчитывает более полутора веков. Их прадед Тань Синьпэй стоял у истоков современной пекинской оперы, а дед, Тань Юаньшоу при жизни считался эталоном исполнения мужских ролей. Сегодня старшая работает в Национальном театре пекинской оперы, а средняя и младшая сестры работают в Пекинском театре пекинской оперы [3]. Они редко выступали вместе до 2021 года, и о только постоянные зрители знали о них. Все изменилось после пандемии, когда театры закрылись. Сестры начали вести прямые эфиры на китайский платформах. Их первоначальная цель была просветительской: они объясняли значение масок, разбирали классические сюжеты и показывали жизнь за кулисами.

Однако формат быстро перерос рамки простого просветительства, потому что сестры на своих стримах рассказывали не только об истории оперы и демонстрировали различные элементы техники, но и делились повседневными деталям, шутили и отвечали на вопросы зрителей. К 2024 году у них было 400 тысяч подписчиков, а общее количество просмотров перевалило за десятки миллионов [5]. В результате их сторонники разделились на две группы. Одни были «знатоки», которые ценили профессиональнее разборы, подробные лекции об амплуа, терминологии и стилях, а вторые – «эмоциональные фанаты», которые изначально не интересовались оперой, но привязались к личностям самих сестер, их взаимоотношениям и манере общения. Для второй группы, которых оказалось намного больше, чем первых, оперное искусство стало «входом» через людей, которых они считали «своими».

Самым показательным моментом стали продажи билетов на живой спектакль. 15 августа 2025 года сестры вместе сыграли «Красногривого скакуна» на сцене Пекинского театра «Чанъань». По данным опубликованным в «Жэньминь чжэнсе бао», более половины билетов на этот спектакль было продано непосредственно через стримы сестер. Зрители приехали не только из Пекина и области, но и из Гуаньсу, Хэйлунцзяна, Цзянсу, Хэбэя и даже из США. Более того, в зале оказалось много людей «90-х» и «00-х» годов рождения, что ранее было редкостью для оперных залов [3].

Почему это сработало? Во-первых, сочетание профессионализма и простоты. На стримах сестёр, рядом с подробными объяснениями техники, разборами жестов и масок, идут непринуждённые разговоры и семейные истории. Это позволяет аудитории воспринимать их не как учителей или звезд, а как старших знакомых, которым можно доверять. Во-вторых, регулярность и живое общение. Благодаря стримам, у зрителей есть возможность не просто смотреть познавательный контент в интернете, но и взаимодействовать с ним в прямом эфире, задавая интересующие их вопросы и сразу получая ответ. Более того, на подобных прямых трансляциях сестры признаются в том, что сами забывают некоторые термины и также часто смеются над своими ошибками. Такое поведение сближает блогера и зрителя, показывая, что артисты тоже простые люди, которые могут ошибаться. Это помогает почувствовать себя комфортно и не бояться задать какой-то «глупый» вопрос. После, такие зрители приходят в театр более уверенные в своих знаниях, барьер снижается и это побуждает зрителя прийти в театр еще раз.

Кроме того, интернет-формат позволяет смотреть такой контент из любой точки мира. Это не только популяризирует пекинскую оперу внутри страны, но и за ее пределами, а благодаря уютной атмосфере коротких видео сестер, даже иностранец с другим менталитетом и другой культурой начнет воспринимать их как «своих». А когда появится возможность приехать на живой спектакль, он готов лететь за тысячи километров. Так формируется новая зрительская география, не привязанная к старым «оперным столицам».

Сравнение с традиционными методами популяризации театра показывает принципиальное различие. Лекции в вузах, телепередачи и интерактивные музейные экспозиции остаются односторонней коммуникацией. Зритель получает информацию, но не участвует в ее формировании. В случае «Сестер Тан» аудитория становится неким соавтором контента. Именно их вопросы, реакции и просьбы определяют то, о чем говорить в следующий раз. Такая модель создает ощущение соучастия, которое затем переносится на отношение к театру в целом. Данные продаж показывают, что зрители, пришедшие на спектакль после стримов, в два раза чаще планируют посетить следующий, чем те, кто узнал об опере из обычной рекламы.

Проект получил официальное признание и в 2024 году сестры вошли в первый состав участников «Программы воспитания качественных стримеров», которую запустила Китайская федерация интернет-сообществ при поддержке Центрального управления киберпространства [1]. Программа нацелена на поддержку стримеров, которые способствуют популяризации традиционной культуры. Это подчеркивает, что опыт персонализации воспринимается на государственном уровне как важный инструмент сохранения и актуализации культурного наследия.

В более широком контексте феномен «Сестер Тан» показывает универсальную закономерность, которую можно использовать и для других форм традиционного искусства. Когда сложная, элитарная культура теряет контакт с новой аудиторией, недостаточно просто перевести ее на язык современных медиа, нужен человеческий мост. Сначала человек привязывается к конкретному носителю традиции, и только потом начинает ценить и понимать само искусство. В данном случае таким мостом стали три женщины, которые сумели сохранить высокий профессионализм, оставаясь при этом открытыми, ироничными и живыми.

Несмотря на очевидный локальный характер, этот опыт также очень важен для международной аудитории. Сейчас, когда въездной туризм в Китай увеличился, а иностранцы все чаще приходят в китайские театры, стратегия «персонализации через цифровые медиа» может сработать для знакомства зарубежных зрителей с пекинской оперой еще до их приезда. Уже сегодня в комментариях к видео сестер появляются сообщения на английском и японском языках, а аккаунты Национального театра пекинской оперы в западных соцсетях, построенные по такой же логике, набирают миллионные просмотры [4]. Если сделать акцент не на объяснении оперы, а на дружбе с артистами, то это будет работать даже там, где язык и культурный код остаются чужими.

Таким образом, проект «Сестры Тан» демонстрирует, что в цифровую эпоху традиционное искусство может сохранить и расширить свою аудиторию. Успех приходит не от упрощения содержания, а от создания эмоциональной связи между зрителем и артистом. Онлайн-платформы в этом процессе не конкурируют с живым театром, а возвращают в него публику. Этот опыт интересен не только для Китая, но и для всех стран, где классические формы культуры ищут путь к новому поколению зрителей.

Литература:

1. **北京日报.** 谭氏三姐妹入选“优质主播培育工程”，**京**剧艺术焕发新光彩 [Электронный ресурс] // **北京日**报. – 2024. – URL: https://news.bjd.com.cn/2024/10/01/10921816.shtml (дата обращения: 20.03.2026).
2. **董单 (Dong D.). 京**剧翻译研究初探 [Текст] / **董**单. – **北京** : **学苑出版社**, 2025. – 286 с.
3. **人民政协报.** 线上流量如何“**反哺**”线下舞台艺术 —“谭氏三姐妹”**助力**传统京剧破圈记 [Электронный ресурс] // **人民政**协报. – 2025. – URL: https://www.rmzxw.com.cn/c/2025-09-22/3789128.shtml (дата обращения: 20.03.2026).
4. **王勇 (Wang Y.). 拓展内容的形式，挖掘形式的内容** —谈京剧艺术的海外传播 [Электронный ресурс] // **新**华网. – 2025. – URL: https://www.xinhuanet.com/ci/20251225/9f3edd6ec0694252a32511c113b67de9/c.html (дата обращения: 20.03.2026).
5. **新华网.** 对话直播间里的艺术家“谭氏三姐妹”：**直播开启京**剧自由态 [Электронный ресурс] // **新**华网. – 2024. – URL: http://www.xinhuanet.com/ci/20241016/556ed2d675d6401cb0d137b4df503714/c.html (дата обращения: 20.03.2026).
6. **中国戏曲学院 (李华裔).** 戏曲演出字幕：大幕之外的无声表达 [Электронный ресурс] // **光明网-文**艺评论频道. – 2020. – URL: https://wenyi.gmw.cn/2020-07/27/content_34033426.htm (дата обращения: 20.03.2026).

© Мигранова К.М., 2026

УДК 811.581

Минеев А. Е.,
студент УУНиТ
г.Уфа, Россия

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА И РУССКОГО ЯЗЫКА

Введение:

Китайский язык все более обретает популярность среди нынешнего поколения. Если посмотреть на нынешнее развитие отношений между Китаем и Россией, то само собой складывается понятие того, почему же китайский язык с каждым годом набирает такие обороты популярности. С развитием промышленности и внедрения все новых программ обмена между Китаем и Россией, появляется огромное количество новых вакансий и предложений работы со знанием китайского языка, будь то переводы на заводских предприятиях, переводы на выставках, устные и письменные переводы документов. Все эти примеры работ в нынешнее время очень полезные, однако требуют хороших навыков и знаний китайского языка и культуры. В данной статье, мы используя примеры, наглядно выявим особенности и различия между китайским и русским языками. Нужно в первую очередь понять, в чем же разница, и почему все не так просто, как кажется на первый взгляд.

Для русского человека изучить китайский язык будет непростой задачей, введу того, что китайский язык является слоговым языком. Это значит, что слова строятся не по алфавиту, а из готовых сочетаний звуков. Также эти самые звуки различаются со звуками русского языка, и имеются собственные исключения произношений тех или иных звуков. К примеру, в китайском языка буква “r” по сравнению с русским языком имеет два разных произношения в зависимости от того, где находится данная буква. Если буква находится в начале слога, то она будет произноситься как русская “ж”, однако если же она находится в конце, то её произношение будет как очень мягкая русская “р”. Для человека изучающего китайский язык, в первую очередь нужно понять тот факт, что в китайском языке хоть есть готовые слоги, но из - за большого количества слов в китайском языке могут встретиться слова с абсолютно одинаковым слогом и тоном. (Тоны - это интонация, с которой произносится слог). Отсюда нужно понимать, что изучение только слогов и тонов будет недостаточным, нужно внедряться в китайский язык полностью, изучая и культуру и иероглифику.

Что же касается строения предложений в русском языке и китайском языке, нужно выделить тот факт, что в отличие от русского языка, китайский язык - изолированный язык. Это значит, что ему не присущи обычные и привычные другим людям представления о языке. То есть, к примеру в русском языке мы можем наблюдать, что слова могут изменяться по падежам, есть спряжения и т.д.. В китайском же языке слова никогда не склоняются и не имеют родов. Также в китайском языке очень важен порядок слов в предложении, то есть нельзя просто так взять подлежащее и переместить его в середину или в конец предложения. Возьмём обычный пример предложения на русском “Я являюсь учителем”, в котором мы можем перемещать каждую часть предложения как душе угодно. В китайском языке же мы не сможем так сделать, и предложения всегда будет звучать как “我是老师”(Wǒ shì lǎoshī). Такие, на первых взгляд простые вещи как раз и являются проблемой в изучении и последующем использовании языка.

При работе с китайском языком большинство людей сталкиваются с проблемой перевода. Китайское предложение всегда будет начинаться с субъекта(подлежащего), в то время, как русская сторона может “жонглировать” словами, и ставить любые слова так, как они того пожелают. И это лишь верхушка айсберга, ведь нужно ещё учитывать особенности культуры и особенности самого человека, с которым ведёшь деловое общение. Поэтому, важным аспектом в изучении и русского языка китайцу, и китайского языка русскому человеку является структура языка. Возьмём ещё один пример, в русском языке при названии даты мы можем сказать по разному, обычно конечно же, мы в первую очередь можем назвать просто число, а лишь потом назвать год и месяц. В китайском языке мы идём от “общего” к “конкретному”. Это значит что, сначала нужно будет назвать год, а лишь потом назвать число и месяц. Или другой пример, перевод понятия “МВД”(Министерство внутренних дел) на китайском языке мы переведём сначала “внутренние дела”, а потом в конце вставим “министерство”, что в итоге даст такой перевод - “内务部”(nèiwùbù). Это все лишь малый пример перевода словосочетаний и слов, в переводе целых предложений специалист может сталкиваться с более трудными случаями.

В заключении, нужно отметить, что при сравнении данных языков мы очевидно можем увидеть картину того, как один язык может координально отличаться структурой от другого. Начиная с звуков и произношения, заканчивая строением целого предложения. Для успешного изучения любого языка, мы обязаны учитывать как его структуру, так и в общем знать культуру и особенности при общении с иностранной стороной. Китайский язык, хоть и является одним из сложных языков, однако, как показывает статистика, очень много студентов и просто людей успешно изучают данный язык и могут его без каких либо трудностей использовать в повседневной речи. Проанализировав данные два языка, нужно отметить, что русский язык в свою очередь предлагает нам ряд безграничных вариантов передачи собственной мысли, а китайский язык даёт строгую, но очень чёткую грамматическую структуру при общении.

Литература:

1. Волков Кирилл Васильевич, Гурулева Татьяна Леонидовна Сопоставительный анализ типологических характеристик китайского и русского языков // Известия ВГПУ. 2018. №8 (131). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sopostavitelnyy-analiz-tipologicheskih-harakteristik-kitayskogo-i-russkogo-yazykov (дата обращения: 06.04.2026).
2. Волков Кирилл Васильевич Типология В. М. Солнцева и синтаксическая асимметрия китайского и русского языков в аспекте перевода // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-v-m-solntseva-i-sintaksicheskaya-asimmetriya-kitayskogo-i-russkogo-yazykov-v-aspekte-perevoda (дата обращения: 06.04.2026).

© Минеев А. Е., 2026

УДК 821.133.1

Мирова Д.И.,
студент УУНиТ,
Научный руководитель – ***Бахтиярова А.Н.,***
канд. филол. наук, доцент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

КУЛЬТУРНЫЕ РЕФЕРЕНСЫ КАК МАРКЕР ИДЕНТИЧНОСТИ В ТЕКСТАХ 3RACHA: ОТ АНИМЕ ДО УЛИЧНОГО ХИП-ХОПА

За последние годы корейская популярная музыка превратилась из локального явления в глобальную индустрию. Особое место в этом процессе занимают так называемые «самопроизводящиеся» (self-produced) артисты, которые самостоятельно пишут тексты и создают музыкальное оформление. Одним из ярчайших примеров является трио 3RACHA – продюсерское ядро группы Stray Kids, в которое входят Bang Chan (CB97), Changbin (SPEARB) и Han (J.ONE). Ещё до официального дебюта в 2018 году они выкладывали микстейпы на SoundCloud, демонстрируя нестандартное мышление и высокую плотность культурных отсылок. Именно эти отсылки – к аниме, голливудскому кино, мировой мифологии и классическому хип-хопу – становятся не просто украшением текста, а ключевым механизмом конструирования идентичности.

Цель данной статьи – выявить основные категории культурных референсов в текстах 3RACHA и определить их роль в формировании уникального бренда группы. Материалом послужили треки «Matryoshka», «Hoodie Season», «Broken Compass» («Mixtape 4»), «WOW», «Zone», «Saiyan», «Start Line» и «3RACHA».

Одним из главных приёмов 3RACHA является самореференция – отсылка к собственному творчеству и внутренней динамике группы. Наиболее показательный пример – строка «1, 2, 3RACHA get spotlight», которая впервые прозвучала в треке «Intro» (2017) и спустя пять лет повторилась в одноимённой песне «3RACHA» (2022). Повторение этой фразы становится маркером сохранения идентичности: несмотря на переход от андеграундных микстейпов к стадионным турам, внутренняя установка остаётся неизменной.

Само название «3RACHA» – это игра слов с острым соусом «Sriracha» и числительным «three». Участники хотели, чтобы мир «почувствовал остроту их музыки». В треке «3RACHA» также используется метафора «столкновения трёх дождевых туч»: когда три человека соединяются, возникает нечто огромное, подобное грозовому облаку. Так через образ природы описывается творческая синергия. В песне «Zone» (2018) они заявляют: «3RACHA создают бурю, кто легко сюда

придёт? Здесь никто не может этого коснуться» – что одновременно является отсылкой к знаменитому хиту MC Hammer «U Can't Touch This» и демонстрирует знакомство с историей жанра.

Тексты 3RACHA изобилуют образами, заимствованными из глобальной массовой культуры.

Аниме-референсы. Самый прямой пример – трек «Saiyan» (2024), название которого отсылает к расе воинов из культовой франшизы «Dragon Ball». Строки «Я сайян, легендарный сайян» и «Что не убивает меня, делает сильнее» превращают образ аниме-персонажа в метафору творческого пути: каждое поражение делает группу сильнее, а трансформация в «супер сайяна» символизирует пробуждение скрытого потенциала.

Кинематограф и массовая культура. В треке «Broken Compass» («Mixtape 4», 2019) звучит прямая отсылка к капитану Джеку Воробью из «Пиратов Карибского моря»: «Даже если в их глазах мой компас выглядит сломанным, я двигаюсь по своей воле – Джек Воробей в реальной жизни». Здесь «сломанный» компас, указывающий не на север, а на то, что желаешь больше всего, становится символом аутентичности и независимости от чужого мнения. В треке «WOW» (2017) Бан Чан заявляет: «Железный человек на улицах, но я лучше Тони» (Тони Старк – персонаж Marvel). Это не просто отождествление с успешным героем, а амбиция превзойти его. В «Zone» встречается образ «тёмного рыцаря в тёмном центре города» – одновременно отсылка к Бэтмену и метафора рэпера, который творит ночью, пока все спят. Там же упоминается скандинавский бог Один: «Моя зона как королевство Одина», что подчёркивает мудрость, добытую через жертвы, и безраздельное правление в собственном творческом пространстве.

Хип-хоп культура. В «Zone» используется профессиональный жаргон «killing my verses» («убиваю свои куплеты»), который в рэп-среде означает безупречное исполнение. Это «ингрупповой код», понятный только посвящённым, что создаёт эффект принадлежности к узкому сообществу.

Языковая игра и интернациональные коды: «Matryoshka» и «Hoodie Season»

Особого внимания заслуживает трек «Matryoshka» (2017). Название отсылает к русской матрёшке – кукле с вложенными куклами. Ключевая строка «сколько бы меня ни лущили (ни критиковали), я буду вечным» обыгрывает многозначность корейского глагола 까다 (лущить / принижать). Матрёшка становится символом многослойности и неисчерпаемости творческого потенциала. Кроме того, в текст вплетены слова «adiós» (исп. «до свидания»), «девушка», «бабушка» – это создаёт эффект «лингвистического карнавала», характерный для глобального хип-хопа.

Трек «Hoodie Season» (2017) превращает обычный предмет одежды в культурный референс. Строка «Худи-худи для меня как убежище» представляет худи как символ эмоциональной и физической защиты. В контексте уличной культуры худи – маркер идентичности, связанный со скейтерами, граффити-райтерами и хип-хоп андеграундом. Упоминание о том, что герой носит худи даже летом, подчёркивает приверженность этому коду независимо от внешних обстоятельств – метафору сохранения аутентичности.

Функции культурных референсов в текстах 3RACHA

Проведённый анализ позволяет выделить несколько ключевых функций культурных референсов:

Демонстрация эрудиции и культурного капитала. Отсылки к «Dragon Ball», Marvel, «Пиратам Карибского моря» и скандинавской мифологии показывают, что авторы ориентируются в глобальном культурном ландшафте.

Маркировка «свой – чужой». Профессиональный жаргон (killing the beat) и игра с корейской омонимией понятны только узкому кругу – либо давним фанатам, либо посвящённым в хип-хоп культуру.

Самолегитимация и автоконструирование. Повторяющаяся строка «1,2,3RACHA get spotlight», метафора трёх туч, образ Джека Воробья как символа независимости – всё это работает на создание узнаваемого бренда и внутренней мифологии группы.

Игровая функция. Многоязычные вставки (испанский, русский), каламбуры с названием группы и неожиданные метафоры (матрёшка) создают эффект языкового карнавала.

Создание «третьего пространства». Сочетание корейских, японских, русских и американских культурных кодов формирует глокальное (глобальное + локальное) пространство, в котором 3RACHA конструируют свою уникальную идентичность.

Проведённый анализ подтвердил, что культурные референсы в текстах 3RACHA являются не случайными украшениями, а системным средством формирования идентичности. Самореференция, отсылки к аниме, голливудскому кино, мировой мифологии и классическому хип-хопу, а также языковая игра с интернациональными кодами работают как маркеры «ингрупповой»

принадлежности, позволяя отличать посвящённых слушателей от внешней аудитории. Такая стратегия делает творчество 3RACHA одновременно глубоко личным и глобально ориентированным.

Для изучения корейского языка и культуры тексты 3RACHA представляют особую ценность. Они насыщены живым, эмоционально окрашенным «панмалем» (неформальным регистром), молодежным сленгом и актуальными культурными кодами – от уличного хип-хопа до аниме. Понимание этих референсов не только расширяет словарный запас, но и даёт ключ к мышлению и ценностям современного корейского поколения, превращая изучение языка в личностно значимый и увлекательный процесс. Перспективным направлением является создание методических комплексов на базе песен 3RACHA, включающих систему упражнений для развития аудирования, лексики и социокультурной компетенции.

Литература:

1. Балашова А. «Корейская волна»: почему мы так любим кей-поп и дорамы и как устроена корейская массовая культура на самом деле [Электронный ресурс] / Вокруг света. – 2025. – URL: https://www.vokrugsveta.ru/history/koreiskaya-volna-pochemu-my-tak-lyubim-kei-pop-i-doramy-i-kak-ustroena-koreiskaya-massovaya-kultura-na-samom-dele-id6362767/
2. Влияние аниме на мировую поп-культуру: от нишевого увлечения до глобального тренда [Электронный ресурс] / Московский комсомолец. – 2026. – URL: https://www.mk.ru/social/2026/01/09/vliyanie-anime-na-mirovuyu-popkulturu.html
3. Hodoyan-Gastelum A. Stray Kids follow their own path [Электронный ресурс] / UPI. – 2020. – URL: https://www.upi.com/amp/Entertainment_News/Music/2020/02/18/Stray-Kids-follow-their-own-path/4851581965951/ (дата обращения: 20.12.2025).
4. Hong Dam-young. Stray Kids cook up ‘God’s Menu’ [Электронный ресурс] / The Korea Herald. – 2020. – URL: https://www.koreaherald.com/article/2338825 (дата обращения: 03.03.2026).
5. PAPER Magazine. 3RACHA's Bang Chan, Changbin and Han Step Into the Spotlight [Электронный ресурс] / PAPER Magazine. – 2022. – URL: https://www.papermag.com/3racha (дата обращения: 15.02.2026).

© Мирова Д.И., 2026

УДК 811.531

Мурзакаева А.И.
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Кучаева А.Н.,***
ассистент УУНиТ
г. Уфа, Россия

КОРЕЙСКАЯ СИСТЕМА ВЕЖЛИВОСТИ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В РЕЧИ

Корейский язык является одним из наиболее ярких примеров языков, в которых категория вежливости играет ключевую роль. В отличие от многих европейских языков, где вежливость выражается преимущественно лексическими средствами (например, через использование вежливых слов, форм обращения или интонации), в корейском языке она глубоко интегрирована в грамматическую систему и напрямую зависит от социальных отношений между собеседниками. Это делает корейский язык особенно интересным объектом изучения с точки зрения социолингвистики и прагматики.

В рамках лингвистических исследований категория вежливости рассматривается как часть более широкой области – прагматики, изучающей использование языка в реальных коммуникативных ситуациях. Вежливость связана с понятием «лицо», предложенным в работах социолингвистов, и отражает стремление участников общения сохранить социальную гармонию и избежать конфликтов. В корейском языке эта функция реализуется не только через выбор слов, но и через строгую грамматическую регламентацию.

Кроме того, корейская система вежливости может быть рассмотрена как пример грамматикализации социальных отношений, при которой социальные различия закрепляются в структуре языка. Это делает её особенно показательной для сравнительных исследований с другими языками, такими как японский или китайский, где также присутствуют элементы уважительной речи, но реализованы они иначе.

Формирование системы вежливости в корейском языке исторически связано с влиянием конфуцианской философии, определяющей строгую социальную иерархию и нормы поведения. Конфуцианство, укоренившееся на Корейском полуострове ещё в период государства Чосон, закрепило идею о важности социальной гармонии, основанной на уважении к старшим и соблюдении иерархии. Уважение к возрасту, учет социального статуса, профессионального положения и степени близости между людьми – всё это находит непосредственное отражение в языке. Таким образом, выбор языковых средств определяется не только содержанием высказывания, но и контекстом общения, а также ролями участников коммуникации.

Важно отметить, что конфуцианская модель общества предполагает не только вертикальные отношения (старший – младший, начальник – подчинённый), но и горизонтальные, основанные на взаимных обязанностях. Это отражается в языке: говорящий не просто выражает уважение, но и демонстрирует осознание своей социальной роли. Таким образом, язык становится инструментом поддержания социальной структуры.

В корейском обществе также существует понятие «눈치» (нунчи), которое можно перевести как способность чувствовать настроение и социальный контекст. Владение системой вежливости напрямую связано с этим навыком: говорящий должен уметь правильно оценить ситуацию и выбрать соответствующий уровень речи.

Одним из основных способов выражения вежливости является использование различных уровней речевых стилей. В корейском языке традиционно выделяют несколько уровней формальности, однако в современной практике наиболее активно используются три. Наиболее распространённым считается вежливый стиль на -요 (해요체), который применяется в повседневном общении с незнакомыми или малознакомыми людьми, а также в ситуациях, где требуется соблюдение нейтральной вежливости. Например: 가요 («иду»), 먹어요 («ем»). Этот стиль является универсальным и часто используется как безопасный вариант в большинстве коммуникативных ситуаций.

Более официальный стиль на -습니다 (합쇼체) используется в формальных ситуациях, таких как деловая коммуникация, официальные выступления, новостные сообщения, интервью и письменная речь. Он отличается большей строгостью и дистанцией: 갑니다 («иду»), 먹습니다 («ем»). Этот стиль подчеркивает уважение и профессионализм говорящего, а также формальность ситуации.

В неформальной обстановке, например среди друзей, ровесников или в кругу семьи, используется разговорный стиль (반말), который не предполагает использования вежливых окончаний: 가 («иду»), 먹어 («ем»). Однако важно отметить, что переход на этот стиль требует определённого согласия между собеседниками и может быть воспринят как фамильярность или даже грубость, если социальная дистанция не позволяет его использовать.

Следует отметить, что помимо указанных уровней, в корейском языке исторически существовало большее количество речевых стилей, включая высокий формальный стиль (하소서체), который сегодня практически не используется в реальной речи и встречается главным образом в исторических драмах, религиозных текстах или стилизованной речи: 가옵니다 («иду»),먹사옵니다 «ем». Считается как «архаичный королевский язык», который сейчас можно услышать только в особых контекстах.

Также важно учитывать, что переход между стилями может происходить в рамках одного диалога. Например, собеседники могут начать разговор в формальном стиле, а затем, по мере сближения, перейти на менее официальный. Такой переход является важным социальным сигналом и свидетельствует об изменении отношений между участниками общения.

Особое место в корейском языке занимает система почтительных форм (honorifics), предназначенная для выражения уважения к субъекту высказывания. Она реализуется с помощью специальных грамматических средств, включая аффиксы, такие как -시-, а также через использование особой лексики. Например, глагол 가다 («идти») превращается в 가시다, если речь идёт о человеке, к которому выражается уважение. Аналогично, обычный глагол «есть» (먹다) заменяется на уважительную форму (드시다), а слово «дом» (집) – на более вежливое (댁).

Система почтительности затрагивает не только глаголы и существительные, но и синтаксис предложения в целом. Например, выбор подлежащего может изменяться в зависимости от степени уважения, а также могут опускаться определённые элементы, если они считаются очевидными из контекста. Кроме того, используются специальные служебные слова и частицы, усиливающие вежливый оттенок высказывания.

Интересным аспектом является также различие между «скромной речью» (humble speech) и «почтительной речью». В первом случае говорящий понижает значимость собственных действий (например, используя глагол 드리다 вместо 주다 – «давать»), а во втором – возвышает действия собеседника или третьего лица. Такое разграничение подчеркивает тонкую настройку языковой системы.

Кроме того, существует особая система уважительных существительных и обращений. Например, вместо слова «человек» (사람) может использоваться 표현 분, а для обозначения «возраста» применяется слово 연세 вместо 나이. Эти замены демонстрируют высокий уровень чувствительности языка к социальному статусу участников коммуникации и подчеркивают значимость уважения в корейской культуре.

Интересной особенностью корейского языка является различие между уважением к субъекту действия и вежливостью по отношению к собеседнику. Это означает, что в одном и том же предложении могут одновременно выражаться разные уровни вежливости. Например, можно использовать уважительную форму глагола по отношению к третьему лицу, но при этом выбрать определённый уровень формальности по отношению к слушателю. Это делает систему вежливости многослойной и сложной для изучения.

Выбор уровня вежливости определяется рядом факторов, включая возраст собеседников, их социальное положение, профессиональный статус, степень близости и конкретную ситуацию общения. Например, младший по возрасту человек обязан использовать более вежливые формы по отношению к старшему, независимо от степени знакомства. Аналогично, в профессиональной среде подчинённые используют более формальный стиль по отношению к начальству. Нарушение этих норм может привести к коммуникативным неудачам, недопониманию или быть воспринято как проявление невежливости или неуважения.

Для изучающих корейский язык эта система представляет значительную сложность, поскольку требует не только знания грамматики, но и понимания культурных норм. Ошибки в выборе уровня вежливости являются одними из самых распространённых и могут существенно повлиять на восприятие говорящего.

В процессе обучения часто рекомендуется сначала освоить нейтрально-вежливый стиль (-요), а затем постепенно изучать более формальные и неформальные варианты. Также большое значение имеет практика в реальных или приближенных к реальным коммуникативных ситуациях.

Следует также отметить роль контекста и невербальных факторов. В корейской культуре важны не только слова, но и интонация, жесты, поклоны и общее поведение. Язык вежливости тесно связан с этими аспектами, формируя комплексную систему социального взаимодействия.

В современной корейской речи наблюдаются определённые изменения, обусловленные процессами глобализации, влиянием западной культуры и развитием цифровых технологий. В частности, отмечается тенденция к упрощению системы вежливости: наиболее универсальным становится стиль на -요, который всё чаще используется даже в ситуациях, где ранее требовался более формальный стиль. Границы между уровнями речи постепенно размываются, особенно в молодежной среде и в интернет-коммуникации, где часто используются сокращения, эмодзи и неформальные выражения.

Развитие социальных сетей и мессенджеров существенно повлияло на языковую практику. В онлайн-общении пользователи часто комбинируют различные уровни речи, создавая гибридные формы, которые не всегда соответствуют традиционным нормам. Например, возможно использование вежливых окончаний вместе с неформальной лексикой.

Кроме того, наблюдается активное заимствование иностранных слов и выражений, что также влияет на систему вежливости. Тем не менее, даже в цифровой среде сохраняется чувствительность к социальному статусу, особенно в профессиональных или публичных коммуникациях.

Кроме того, в онлайн-среде наблюдается появление новых форм общения, которые не всегда строго следуют традиционным нормам. Однако даже в этих условиях сохраняется понимание важности вежливости, и пользователи нередко адаптируют свою речь в зависимости от аудитории.

Несмотря на процессы упрощения, традиционная система вежливости продолжает играть важную роль и остаётся значимой частью корейской языковой и культурной идентичности. Она активно поддерживается в образовательной системе, средствах массовой информации и официальной коммуникации.

Подводя промежуточный итог, можно отметить, что система вежливости в корейском языке функционирует как сложный инструмент социального регулирования. Она не только отражает существующие общественные нормы, но и активно участвует в их воспроизводстве, формируя модели поведения носителей языка.

Таким образом, корейская система вежливости представляет собой сложный и многоуровневый механизм, отражающий социальную структуру общества и регулирующий речевое поведение. Её изучение позволяет глубже понять не только особенности корейского языка, но и культурные нормы, ценности и мировоззрение корейского общества. Более того, анализ этой системы способствует развитию межкультурной компетенции и помогает избежать коммуникативных ошибок при взаимодействии с носителями языка.

Литература:

1. Brown, L., Whitman, J. Honorifics and Politeness in Korean // Korean Linguistics. – 2015. – Vol. 17(2). – P. 127–131.

2. Hong, S. Feature-based Honorifics and Politeness in English and Korean // Studies in Generative Grammar. – 2013. – Vol. 23(2). – P. 199–219.

3. Kim, K. Et al. Korean subject honorifics: An experimental study // Journal of Pragmatics. – 2017. – Vol. 117. – P. 58–71.

4. 안현정, 권연진. Honorific Expressions and Registers in Korean // 인문과학연구. – 2014. – №41. – P. 573–592.

© Мурзакаева А.И.

УДК 81`25

Муртазина Л.А.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Абдуллина Л.Б.,***
канд. филол.наук., доцент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

ФОРЕНИЗАЦИЯ И ДОМЕСТИКАЦИЯ В ПЕРЕВОДЕ КРЕАЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ

Современная коммуникация всё чаще использует тексты, в которых вербальный компонент неразрывно связан с невербальными средствами: изображением, звуком, цветом, пространственным расположением. Такие образования в лингвистике и семиотике получили название креолизованных (или поликодовых) текстов [1:7]. К ним относятся комиксы, рекламные плакаты, интерфейсы программ, веб-сайты, инфографика, видеоигры и многие другие жанры. При переводе с одного языка на другой очень важно учитывать взаимодействие вербального и визуального компонентов, а также культурные коды, заложенные в каждом из них.

Ключевая проблема, с которой сталкивается переводчик креолизованных текстов это выбор стратегии передачи культурно-специфичных элементов. Следует ли максимально сохранять оригинальность исходного текста, знакомя читателя с иной культурой (форенизация), или адаптировать текст к нормам и ожиданиям принимающей культуры, делая его максимально естественным (доместикация)? Этот вопрос особенно остро стоит при переводе реалий, звукоподражаний, игры слов, а также при необходимости вписать переводной текст в заданный визуальный формат.

Актуальность работы обусловлена возрастающей долей креолизованных текстов в современной межкультурной коммуникации и отсутствием универсальных подходов к их переводу, что затрудняет выработку единых рекомендаций для переводчиков.

Понятия форенизации и доместикации были введены в научный оборот американским исследователем Лоуренсом Венути [3:15]. Под форенизацией он понимал стратегию перевода, ориентированную на сохранение лингвистических и культурных особенностей исходного текста [7:15]. Доместикация предполагает адаптацию текста к нормам и ценностям культуры, для которой, собственно, и будет сделан перевод.

В российской переводоведческой среде форенизация разрабатывалась А.Д. Швейцером [4: 90] и В.Н. Комиссаровым [2: 135] в контексте анализа переводческих трансформаций. Но их работы были сосредоточены в основном на переводе художественной литературы и не учитывали особенности креолизованных текстов.

За рубежом главными исследователями креолизованных текстов стали Федерико Дзанеттин [8] и Клаус Кендль [5], а в российской науке Е.Е. Анисимова [1] и В.В. Сдобников [3]. Однако большинство исследований сосредоточены на конкретных типах текстов или конкретных языковых парах, а универсальные принципы выбора стратегии остаются недостаточно изученными.

Таким образом, данное исследование вносит вклад в разработку общих принципов перевода креолизованных текстов, рассматривая дилемму выбора форенизация и доместикация как универсальную проблему, возникающую при работе с любыми языками и любыми типами поликодовых текстов.

В основу исследования положен комплексный подход. Мы провели сопоставительный анализ исходных креолизованных текстов и их переводов на китайский, русский, английский языки. Для систематизации информации использовали классификацию В.Н. Комиссарова [2:145]. Также мы проанализировали как текст сочетается с изображением, учитывая размер и форму текстовых блоков, цвет, расположение на странице или экране. Чтобы уточнить смысловые оттенки, культурные отсылки и проверить естественность и правильность перевода, мы проконсультировались с носителями китайского и английского языков. Материалом исследования послужили креолизованные тексты 2015-2025 годов: комиксы (китайская маньхуа, американские комиксы), рекламные постеры международных брендов, интерфейсы мобильных приложений и компьютерных игр, а также веб-сайты стран Китая, Америки и России .

В ходе анализа были выявлены основные типы переводческих трудностей, характерных для креолизованных текстов и требующих выбора между форенизацией и доместикацией. Среди них культурно-специфичные элементы [7:45] являются одной из самых частых причин выбора между стратегиями [6:60]. К ним относятся названия блюд, предметов быта, мифологических персонажей, исторических отсылок, фразеологизмов, идиом, а также элементы, связанные с социальными нормами и этикетом. Типичные стратегии таковы: форенизация (транскрипция, калькирование, сохранение оригинального названия) применяется, когда элемент является важным культурным маркером, не имеющим прямого аналога в принимающей культуре, и его сохранение необходимо для аутентичности (например, японские термины *онигири*, *суши*, *ками* транскрибируются [7:50]; китайское *цилинь* сохраняется, а не заменяется на «единорог»). Доместикация (функциональная замена, генерализация) используется, когда элемент второстепенен для восприятия текста или его буквальная передача затруднила бы понимание (например, при переводе рекламы часто происходит замена культурно-специфичных образов на более универсальные или адаптированные к местной культуре). В итоге выбор стратегии определяется «весом» элемента в тексте и его функцией. Ключевые культурные маркеры, формирующие идентичность текста, переводчик стремится сохранить (форенизация); второстепенные, не влияющие на сюжет или основное сообщение, адаптируются (доместикация).

Звукоподражания широко используются в креолизованных текстах [8:20], особенно в комиксах и рекламе. В разных языках они различаются фонетически и графически, при этом в исходном тексте они часто вписаны в визуальный ряд. В данном случае доместикация является доминирующей, так как цель звукоподражания вызвать у читателя ассоциацию с определённым звуком. Русские звукоподражания («бах!», «буль-буль», «тар-тарарах») выполняют эту функцию эффективнее, чем попытки сохранить оригинальное звучание. Форенизация встречается редко и обычно используется, когда звукоподражание является частью культурного кода (например, в комиксах с элементами традиционной культуры) или когда переводчик стремится подчеркнуть экзотичность. Таким образом, при переводе звукоподражаний приоритет отдаётся доместикации, ориентированной на естественное восприятие читателем, поскольку акустический образ должен быть узнаваем в принимающей культуре.

Игра слов, каламбуры и юмор часто строятся на специфических особенностях исходного языка (омонимии, полисемии, фонетических совпадениях, культурных отсылках), что делает их

практически непереводимыми прямым способом. Чаще всего в данной ситуации используют компенсацию [2:190] – создание эквивалентного комического эффекта в другом месте текста с использованием средств принимающего языка (позволяет сохранить коммуникативное намерение автора вызвать смех при невозможности прямой передачи языковой формы). Кроме этого существуют и другие способы например: описательный перевод с пояснением в сноске, примечании или через контекст (применяется реже, особенно в комиксах, где сноски нарушают визуальную динамику); замена шутки на другую, функционально эквивалентную, с использованием локального юмора. В случае игры слов и юмора переводчик ориентируется на функциональную эквивалентность (доместикация на уровне прагматики), жертвуя формальными элементами оригинала, но сохраняя авторскую интенцию.

Креолизованная природа текста налагает технические ограничения: текст должен вписываться в заданный визуальный формат [5:96] – облако речи в комиксе, кнопку в интерфейсе, ограниченную площадь рекламного постера. Это влияет на выбор переводческих решений. Переводчики используют синтаксическое сжатие (доместикация) – длинные предложения разбиваются на короткие, второстепенные детали опускаются ради сохранения лаконичности; опущение (доместикация) – в крайних случаях, когда сохранение всех смысловых элементов приводит к неприемлемому увеличению объёма текста, некоторые второстепенные детали могут быть опущены; изменение визуального компонента – в некоторых случаях (например, при локализации видеоигр или веб-сайтов) возможно изменение размера кнопок, шрифта или перекомпоновка элементов, чтобы адаптировать интерфейс под более длинные или короткие переводные тексты. Визуальные и технические ограничения часто вынуждают переводчика отдавать предпочтение доместицированным, более кратким формулировкам, даже если это означает потерю некоторых нюансов оригинала; однако ключевые смыслы и стилистическая окраска при этом сохраняются.

Анализ переводческих решений в различных типах креолизованных текстов позволяет выявить следующие универсальные закономерности выбора между форенизацией и доместикацией. В текстах, ориентированных на погружение в иную культуру (художественные комиксы, этнографические материалы, культурно-ориентированная реклама), форенизация применяется чаще для сохранения аутентичности; в утилитарных текстах (интерфейсы, инструкции, массовая реклама) доместикация доминирует для естественности и удобства восприятия. Ключевые для понимания текста культурные маркеры, имена собственные, термины чаще сохраняются (форенизация), второстепенные элементы адаптируются (доместикация). Ориентация на аудиторию, знакомую с исходной культурой, допускает больше форенизации; перевод для массового, неспециализированного читателя требует большей доместикации. Визуальный формат (ограниченное пространство, необходимость сохранения композиции) часто заставляет искать более краткие (доместицированные) формулировки, даже если это влечёт некоторую потерю смысловых нюансов. При переводе между близкородственными языками (например, испанский – португальский) возможна более высокая степень форенизации; при переводе между типологически далёкими языками (например, китайский – русский) доместикация часто становится необходимостью из-за различий в грамматическом строе и лексической сочетаемости.

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы. Выбор между форенизацией и доместикацией при переводе креолизованных текстов не может быть абсолютным; эффективный перевод требует гибкого сочетания обеих стратегий, определяемого комплексом факторов: типом текста, значимостью элемента, ожиданиями целевой аудитории, техническими ограничениями и спецификой языковой пары. При передаче культурно-специфичных элементов форенизация (транскрипция, калькирование) предпочтительна для значимых культурных маркеров, тогда как доместикация (функциональная замена, генерализация) – для второстепенных элементов. Звукоподражания требуют преимущественно доместикации, так как их цель – вызвать у читателя акустическую ассоциацию, а не передать оригинальное звучание. Игра слов и юмор, основанные на специфике исходного языка, часто требуют использования приёма компенсации – создания эквивалентного эффекта средствами принимающего языка; это пример форенизации на уровне коммуникативного намерения при доместикации на уровне языковой формы. Визуальные и технические ограничения креолизованного текста накладывают дополнительные требования, делая доместикацию (сжатие, опущение, изменение визуального компонента) необходимой для сохранения функциональности и эстетики текста. Универсальных решений не существует; каждый перевод креолизованного текста требует учёта конкретного контекста, и выбор стратегии остаётся зоной профессиональной ответственности переводчика, опирающегося на анализ перечисленных факторов.

Практическая значимость работы заключается в разработке типологии переводческих ситуаций, требующих выбора между форенизацией и доместикацией, что может служить основой для практических рекомендаций переводчикам, работающим с креолизованными текстами различных жанров. Перспективы дальнейшего исследования видятся в расширении материала за счёт включения большего числа языковых пар и жанров; в применении корпусных методов для выявления устойчивых закономерностей в выборе стратегий; в проведении экспериментальных исследований восприятия читателями различных стратегий перевода и их влияния на успешность коммуникации; а также в разработке методических рекомендаций для обучения переводу креолизованных текстов в вузах.

Литература:

1. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). – М.: Академия, 2003. – 128 с.
2. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – М.: Высшая школа, 1990. – 135-160 с.
3. Сдобников В.В. Перевод и межкультурная коммуникация. – М.: Флинта, 2011. – 328 с.
4. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1988. – 215 с.
5. Kaindl K. Multimodality in the Translation of Comics // Perspectives: Studies in Translatology. – 2004. – Vol. 12. – No. 2. – P. 88–103.
6. Venuti L. The Scandals of Translation: Towards an Ethics of Difference. – London; New York: Routledge, 1998. – 210 p.
7. Венути Л. Невидимость переводчика / пер. с англ. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – 416 с. (Оригинал: Venuti L. The Translator's Invisibility: A History of Translation. – London; New York: Routledge, 1995. – 353 p.)
8. Zanettin F. Comics in Translation: An Overview // Comics in Translation / ed. by F. Zanettin. – Manchester: St. Jerome Publishing, 2008. – P. 1–32.

© Муртазина Л.А., 2026

УДК 811.512.141'

Мусин Ю.Ә.,
Өфө фән һәм технологиялар университетының студенты
Ғилми етәксеһе: ***Саньярова Р.Р.,***
филол. фән. канд., доцент
Өфө фән һәм технологиялар университеты,
Өфө к., Рәсәй

БАШҠОРТ ТЕЛЕНДӘ “НАМЫҪ” КОНЦЕПТЫ

XXI быуат лингвистикаһы һүҙҙе тел берәмеге итеп кенә түгел, ә мәҙәниәт берәмеге, концепт булараҡ ҡарай. Шуға күрә лә башҡорт телен уҡытыуҙың яңы концепцияһы нигеҙендә тел һәм мәҙәниәт бәйләнеше урын алырга тейеш. Мәҙәниәт – күп яҡлы, үҙенсәлекле күренеш. Тел мәҙәниәттә булған әйберҙәрҙе атап, сағылдырып ҡына ҡалмай, ә ошо мәҙәниәт эсендә үҫә. Тимәк, тел мәҙәниәттең барлыҡҡа килеү ҡоралы, үҫеүе, һаҡланыуы һәм уның төҙөлөшө булып та тора. Ошо идея нигеҙендә яңы фән – лингвокультурология барлыҡҡа килә. Лингвокультурология, тел һәм мәҙәниәттең бәйләнешен өйрәнеп, тел шәхесе һәм донъя тел картинаһының төҙөлөшөн сағылдыра.

Лингвокультурологияның иң төп төшөнсәләренең береһе булып концепт тора. Концепт төшөнсәһенә һүҙлектә шундай аңлатма бирелә:

Концепт (лат. тел. conceptus – төшөнсә) – дөйөм төшөнсә, дөйөм күҙаллау.

Ниндәй генә халыҡтың телен өйрәнһәк тә, беҙ уны шул халыҡтың мәҙәниәте аша тулыраҡ аңлайбыҙ. Шуның өсөн телде мәҙәниәтһеҙ өйрәнеү мөмкин түгел. Мәҙәниәт менән телдең үҙ-ара бәйләнешен, бер-береһенә йоғонтоһон өйрәнеү – лингвокультурологияның төп принцибы. Әлбиттә, башҡорт телен өйрәнеү ошо принципҡа таянып эшләнә. Ләкин башҡорт телендә лингвокультурология яңы ғына нығынып килеүсе фән өлкәһе. Башҡорт телен өйрәнеү (дәүләт теле булараҡ та) был тармаҡты үҫтерер тигән өмөт бар, сөнки туған телде өйрәнеү – донъяны танып белеү, халыҡтың быуаттар буйына йыйылып килгән ғөрөф-ғәҙәттәрен, йолаларын, мәҙәниәтен өйрәнеүгә, уларҙы быуындан быуынға тапшырыу, һаҡлауға берҙән-бер асҡыс булып тора.

Башҡорт телендә “намыҫ” концепты айырым урын алып тора. Тамырҙары менән был төшөнсә халыҡ ижадына барып тоташа. Намыҫ – ул күңел торошо, эске тороштоң яҡтыһын һәм йылыһын һаҡлаусы, күңелде үҫтереүсе, кәрәк саҡта үҙ-үҙеңде тәрбиәләүсе һәм яҡлаусы, эске кисерештәреңдең терәге һәм ышанысы, ҡайһы берҙә үҙ-үҙеңә тәрән аҡыл биреүсе булараҡ күҙгә күренмәгән оло эске кисереш. Башҡорт телендә “намыҫ” концепты темаһына айырым бер яҙыусы-шағирҙарҙың ижадына ҡағылған мәҡәләләр бар. Намыҫ темаһына арналған әҫәрҙәр, мәҡәлдәр, шиғырҙар мәктәп уҡыусыларына ла, өлкәндәргә лә әхлаҡи тәрбиә сараһы булараҡ бөгөн дә бик актуаль. Әҫәрҙәрҙә Тыуған ил, халыҡ, туған тел, заман, йыр, күңел, мөхәббәт, бәхет кеүек концепттар менән бер рәттән, “намыҫ” концепты ла ҙур урын алып тора.

Намыҫ – кешене кеше булараҡ билдәләгән, башҡалар менән гармонияла йәшәткән матур сифаттарҙың береһе. Намыҫы булған кеше бер ваҡытта ла оятҡа ҡалмаҫ, хур булмаҫ. Уны кешелә бала саҡтан, йәштән үҫтерергә кәрәк, тимәк, намыҫ – дөрөҫ тәрбиә һөҙөмтәһе. Намыҫ менән башҡарылған эш, йәшәлгән ғүмер күңелгә ҡәнәғәтлек, бәхет килтерә. Башҡорт тел картинаһында «намыҫ» концепты «хеҙмәт», «бәхет», «гөнаһ», «оят», «ҡурҡыу» концепттары менән бәйле.

Кешенең рухи донъяһын сағылдырыусы, әхлаҡ кимәлен асыусы концепттар араһында «намыҫ» концепты үҙәк урында тора. Намыҫ, намыҫлылыҡ – халҡыбыҙҙың милли мәҙәниәтенә, аң-кимәленә хас күренеш. Халҡыбыҙ аңында «намыҫ» төшөнсәһе әхлаҡи категорияларҙың иң мөһимдәренең береһе булып иҫәпләнгән, ул яманлыҡ, яҡшылыҡ, әҙәплелек менән бергә йәшәгән. Мәҫәлән, Баязит Бикбайҙың «Ҡаһым түрә» драмаһында «намыҫ» концепты әҫәрҙең йөкмәткеһен асыуҙа ҙур роль уйнай. Намыҫ – «ул кешенең үҙен тотошонда, эшендә, тәртибендә ниндәй мораль-этик нормаларға таянып эш итеүенән сығып баһаланған хәле, минлек тойғоһо, ғорурлыҡ; күңел инсафлылығынан килгән яуаплылыҡ тойғоһо, оятлыҡ хисе, выждан».

Намыҫ – күңел торошон, рух, аң кимәлен сағылдырыусы күрһәткес, выждан, сафлыҡ тойғоһо. Әҫәрҙә әйтелгәндәргә таянып, был төшөнсә үҙ эсенә «изгелек», «сафлыҡ», «тоғролоҡ», «ғәҙеллек» һ.б. сифаттарҙы ала, тип әйтергә мөмкин.

Намыҫ һүҙен һәр кеше үҙенсә аңлайҙыр. Кемгәлер ул эске кисереш, кемгәлер тормош асылы, кемгәлер көн һайын тип әйтерлек мөһим булған йәшәү ысынбарлығы, ә бәғзе ҡайһы берәүҙәр хатта намыҫ тураһында бөтөнләй белмәҫкә лә мөмкин, йәки уларға был мөһим булмауы ла бар. Тел ғилеме бигерәк күңелгә ятышлы был һүҙҙе нисек тип аңлата икән? “Хәҙерге башҡорт әҙәби теленең һүҙлеге”ндә намыҫ һүҙенә ниндәй аңлатма бирелә?

Намыҫ – исем. Үҙенең эшләгән эштәре өсөн эске баһа, үҙенең тәртибе өсөн әхлаҡи яуаплылыҡ тойғоһо. Ир намыҫы. Намыҫ эше. Намыҫ ҡушыуы буйынса. Намыҫ килеү – минлек тойғоһо уяныу, намыҫланыу. Намыҫҡа ҡул һалыу - минлек тойғоһон рәнйетеү.

“Башҡортса-русса” һүҙлектә руссаға тәржемәһе ошолай:

Намыҫ – честь, совесть; ҡыҙлыҡ намыҫы – девичья честь; ир намыҫы -мужская честь; намыҫ ҡушыуы буйынса (или ҡушҡанса) по долгу чести; намыҫ эше – дело чести; намыҫ итеү – стыдиться, совеститься; намыҫ килеү – оскорбиться, обидеться; намыҫҡа көс килеү – делать, совершать что-либо против сбвести.

В. И. Дальдың “Билдәле аңлатмалы һүҙлеге”ндә "Намыҫ"ҡа ошондай аңлатма бирелә: Намыҫ-кешенең эске әхлаҡи дәрәжәһе, батырлығы, эске йәндең юғарылығы һәм саф выжданы.

Т. Ф. Ефремованың аңлатмалы һүҙлегендә "намыҫ" һүҙе:

1) үҙеңә йәки тирә-яҡтағыларға ҡарата әхлаҡи, профессиональ, социаль һ. б. ихтирам тыуҙырған лайыҡлылыҡ;

2) хөрмәт, ихтирам;

3) кемгәлер күрһәтелгән иғтибар;

4) кемгәлер, нимәгәлер баһа, лайыҡлылыҡ; ғорурлыҡлыҡ биреүсе билдәләр.

Синонимдар һүҙлегендә намыҫ һүҙенең синонимдары бирелмәгән. Шулай ҙа намыҫ һүҙенә “выждан” һүҙен синоним итеп килтерегә мөмкиндер. Намыҫ һүҙе менән мәҡәлдәр ярайһы уҡ бар, шулай ҙа ул тиклем күп тә түгел.

Халыҡ борон-борондан намыҫ һүҙен тәрбиәлелектең, иманлы булыуҙың, әҙәплелектең төп концепты итеп ҡараған. Күп мәҡәлдәр ошо турала. Намыҫ кешенең эске билдәләренең иң юғары баҫҡыстарының береһендә булған: Асыу һаҡлама, намыҫ һаҡла.

Намыҫы булмаған кешене оятһыҙлыҡта ла ғәйепләп, иманға килергә, намыҫлы йәшәргә, өгөтләгән: Намыҫ – йәштән, оят – баштан.

Кешенең тышҡы ҡиәфәте матур булһа ла, намыҫы булмаһа ул кеше матур күренмәгәнлегенә ишаралаған халыҡ: Намыҫың пак булмаһа, тышың аҡ булыуҙан файҙа юҡ.

Ир-егеттәр өсөн батыр, көслө булыу менән бергә намыҫлы булыуҙың да кәрәклеген аңғарта халыҡ мәҡәлдәре: Ил намыҫы ир муйынында. Күлде ҡамыш матурлай, ирҙе намыҫ матурлай.

Намыҫ ир-егеттәрҙе изге, кәрәкле, дөрөҫ эштәр эшләргә мәжбүр итә. Намыҫ менән эшләнгән эштәр халыҡ мәнфәғәттәрен яҡлай: Атты ҡамыты йүгертә, ирҙе намыҫы йүгертә.

Әхлаҡи сифаттарҙың юғарыһы итеп, мәҡәлдәрҙә туралыҡ, тоғролоҡ, наҫлылыҡ һанала. Үҙ һүҙеңдә тора белеү, вәғәҙә, ант, аманатҡа хыянат итмәү, намыҫлы булып ҡалыу – ҡанун хөкөмөндә: Намыҫты һатып та булмай, алып та булмай.

Башҡорт халыҡ мәҡәлдәрендә, кешеләрҙәге ыңғай һәм кире сифаттарҙы дөйөмләштереү рәүешендә, «яҡшы» һәм «яман» төшөнсәләре йыш ҡулланыла. Намыҫ һүҙенә ҡағылғанда ла шулай. Намыҫлы кеше – яҡшылыҡ, намыҫһыҙ кеше – яманлыҡ төшөнсәһен бирә: Намыҫы бар урламаҫ, намыҫһыҙы туҡтамаҫ.

Намыҫ – күңел торошон, рух, аң кимәлен сағылдырыусы күрһәткес, выждан, сафлыҡ тойғоһо.

Йор телле халыҡ фекеренсә: әгәр кешелә выждан, намыҫлылыҡ тойғоһо ныҡ үҫешкән булһа, башҡа бер кем дә уны хөкөмгә саҡыра алмаясаҡ. Башҡаларҙан йәшереп була торған нәмәләр намыҫтан йәшерелмәй. Мәрхәмәтле кешеләр кисерә алған нәмә үҙ намыҫың алдында аҡланмай. Әҙәм күҙе күрмәҫтәй насарлыҡ эшләнең икән, барыбер ҙә үҙ намыҫың быны ғәфү итмәйәсәк: Атты ҡамсы үлтерер, ирҙе намыҫы үлтерер. Ирҙе намыҫ ярлы иткән. Ҡуянды ҡамыш үлтерә, ирҙе намыҫ үлтерә. Ҡуян үлеме ҡамыштан, ир үлеме намыҫтан.

Бындай намыҫ менән йәшәү еңел түгел, ул һүҙ әйтергә, ялғанларға ирек бирмәй, ул кешене эске күҙҙәре менән күҙәтә, ҡылған ғәмәленә ихлас үкенергә мәжбүр итә. Кешене эске яҡтан ашай, бөтөрә, бындай күренеш, хатта кешене ауырыуға һабыштытырға ла мөмкин.

Шул уҡ ваҡытта кешенең үҙенә яраҡлаштырылған намыҫы ла уңайлы. Бындай намыҫ менән насар нәмәгә күҙ йомоп, ҡайһы ваҡыт компромиссҡа барырға ла мөмкин. Бындай намыҫ менән йәшәү еңел, әммә бының өсөн яза ҡотолғоһоҙ. "Уның намыҫы менән йәшәүе яҡшы, әммә үлеүе насар", – тип шелтәләй һала күпте күргән халҡыбыҙ мәҡәле, әхлаҡһыҙ, намыҫһыҙ, выжданһыҙ, үҙ иллене илле тип йәшәгән, Алла хөкөмөнән дә ҡурҡмаған кеше хаҡында.

Халыҡ аңлауында намыҫ, выждан – кеше характерына нигеҙ һалыусы төп сифаттарҙың береһе. Выждан, оят, намыҫ – бергә алынған төшөнсәләр, улар кешенең тәртибен, тәрбиәһен, мәҙәниәтен билдәләй. Бер һүҙ менән әйтәкәндә, был сифаттарҙы “намыҫлы”, “намыҫланыусан” тигән һүҙҙәр бирә: Намыҫлы кеше – ырыҫлы кеше. Намыҫлы ир хур булмаҫ. Намыҫлы кеше хур булмаҫ.

Намыҫ – кешенең социаль хәленән, уның матди мөмкинлектәренән бөтөнләй бойондороҡһоҙ рухи төшөнсә. Ярлы кешелә лә халыҡ намыҫлы, юғары әхлаҡлы шәхесте күрә ала: Егет ярлы – намыҫ бай. Үҙең ярлы булһаң да, намыҫың бай булһын.

Башҡорт халыҡ мәҡәлдәре үҙенең тапҡыр мәғәнәһе, ҡыҫҡалығы, рифмалы булыуы, тиҙ ятланыуы менән отошло. Нәҡ мәҡәлдәребеҙ яҡшылыҡ менән яманлыҡты, әҙәплелек менән әҙәпһеҙлекте, намыҫлылыҡ менән намыҫһыҙлыҡты айырырға өйрәтә: Сүлдең ҡамышы булмаҫ, ямандың намыҫы булмаҫ.

Шул уҡ ваҡытта йор телле, аҡыллы аңлы халҡым намыҫлы кешенең намыҫһыҙ кеше менән дуҫ булмауын хуш күрә һәм быны аныҡ итеп әйтеп тә бирә: Намыҫлы булһаң, намыҫһыҙ менән бултalма.

“Ғүмер буйы бәхетле булырға теләһәң, намыҫлы бул” – тип халыҡ аҡылы намыҫлы кешенең бәхетле булыуына ла ишаралай.

Намыҫ тойғоһон тик кеше генә йөрөтә. Намыҫ – тик кешегә генә хас тойғо. Шул уҡ ваҡытта ике төр ассоциация барлыҡҡа килә: айырым бер кеше менән (гражданин) һәм шәхес (үҙ-үҙең) менән. Намыҫ күҙгә күренмәһә лә намыҫ менән сауҙа мөнәсәбәттәренә инергә мөмкин (һатып алырға, һатып ебәрергә, һатырға, килешеү төҙөргә); уны төрлө сәбәптәр арҡаһында юғалтырға ла мөмкин (юғалтыу, юҡҡа сығарыу, иғтибарһыҙ ҡалдырыу, онотоу): Үҙ намыҫын һаҡламаған кешенекен һаҡламаҫ.

Намыҫ – бик нескә ҡыл, уны бик тиҙ генә өҙөргә лә мөмкин. Уны бер юғалтһаң, кире ҡайтарып, эҙләп алыуы ла ҡатмарлы. Намыҫ аҡ төҫ менән һүрәтләнәлер, минеңсә. Мәҡәлдәрҙә уның төҫө менән бәйле варианттарҙы тапманым. Шулай ҙа уны һаҡларға, бысратмаҫҡа кәрәклеге аныҡ төшөлдөрөлгән:

Намыҫың бысранһа, һабын менән йыуа алмаҫһың.

Асыу һаҡлама, намыҫ һаҡла.

Намыҫ кешегә саф һауа, таҙа һыу, йылы усаҡ кеүек кәрәктер. Сөнки намыҫ йөрәк, ҡан тамырҙары һәм башҡа эске органдар кеүек эстә генә йәшәгән, һәр ваҡыт үҙенең кәрәклеген, мөһимлеген иҫкә төшөрөп торған тойғо, хис, рух билдәһе.

Намыҫ менән йәшәргә лә, уны дөрөҫ аңларға ла, унан баш тартмаҫҡа ла, намыҫ ҡушҡанын эшләргә лә белергә кәрәк, юҡһа, ҡоро намыҫ бит йыртырға ла мөмкин.

Намыҫ – кешенең эске донъяһының иң кәрәкле, айырылғыһыҙ өлөшө булып ҡала, кешеләр өсөн үҙенең әһәмиәтен юғалтмаған төшөнсә булып тора. Намыҫ юғалһа, уны ҡабаттан тергеҙергә кәрәк, сөнки ул тормоштоң иң мөһим ҡиммәтен тәшкил итә.

Халыҡ аңлауында намыҫ – кеше характерына нигеҙ һалыусы. Выждан, оят, намыҫ барыһы ла кешенең тәртибен билдәләй (Кемдә оят – шулда намыҫ). Изге намыҫ – ғаләмдең тауышы, намыҫ тойғоһо үҫешкәндә – Илаһилыҡтың булыуы ла сағыла. Намыҫ – социаль хәлгә, матди мөмкинлектәргә бәйле булмаған рухи төшөнсә.

Намыҫ һүҙе йылдар үтһә лә актуаллеген юғалтмай, сөнки алдағы бүлектә беҙ уны кешенең эске органдарының күренмәй торғаны тинек. Шулай уҡ ул кеше торошоноң мөһим бер факторы ла. Кешенең аҡыл, хәтер тигән эске тойғолары менән бер баҫҡыста торған мөһим күрһәткесе лә. “Намыҫ” концепты мәҡәлдәрҙән тыш башҡорт халыҡ ижадының башҡа жанрҙарында ла бик йыш һәм күп ҡулланыла. Хәҙерге заман әҙәбиәтендә лә ҙур урынды алып тора.

Намыҫ һүҙен кешелек донъяһы төрлөсә ҡуллана. Намыҫ һүҙенә теләһә ниндәй сифаттар ҙа ҡушылмай. Аҡ намыҫлы, таҙа намыҫлы, саф намыҫлы... Намыҫыңа тап төшөрмә. Алама эсле кешеләргә ҡарата намыҫын юғалтҡан, намыҫын юйған, намыҫына ҡолаҡ һалмаған тип әйтәбеҙ. Әгәр берәй кешене тура юлға баҫтырырға теләһәк намыҫың ҡайҙа, намыҫыңа ни булған, намыҫың ташлап киткәнме тигән һүҙҙәрҙе ҡулланып, аҡылға ултыртабыҙ. Шулай уҡ халыҡ телендә намыҫҡа тейеү, атты сыбыртҡы, ирҙе намыҫ юҡ итә, намыҫын юғалтҡан – атын юғалтған тигән әйтемдәр ҙә йыш осрай. Намыҫыңды йәшләй һаҡла тигән тәрбиә борон-борондан атай-олатайҙарҙан килә.

Намыҫлы тип беҙ хәйлә, ҡурҡаҡлыҡ һәм ялған менән үҙен бысратмаған кешене әйтәбеҙ. Намыҫлы кеше – ул тура һүҙле, ҡыйыу, дуҫлыҡтың ҡәҙерен белә, яҡындарын, таныш-белештәрен һәм хатта таныш түгел кешеләрҙе лә хөрмәт итә, ярата торған кеше. Әҙәпле, намыҫлы кеше, дуҫтарының уңышын күреп, үҙе лә шатлана белә. Бер ҡасан да көнләшмәй. Әҙәпле һәм намыҫлы кеше ата-әсәһе, олатай-өләсәйҙәренең хеҙмәтенең ҡәҙерен белә, ихтирам итә. Үҙе лә эш һөйә. Намыҫлы кешегә һәр саҡ таянырға була. Шуға күрә ундай кешене хөрмәт итәләр, уға ышаналар.

Әҙәбиәт:

1. Аскольдов. С.А. Концепт и слово. //Русская словестность: антология. –Москва: Наука, 1993. – С.40.
2. Башҡорт теленең һүҙлеге: Ике томда / Россия Фәндәр Академияһы. Башҡортостан ғилми үҙәге, тарих, тел һәм әҙәбиәт институты. – М.: Рус.яз., 1993. – 561 бит.
3. Башҡортса-русса мәҡәлдәр һәм әйтемдәр Һүҙлеге/Төҙ. И. М. Ғарипов.– Өфө: Башҡортостан «Китап» нәшриәте, 1994. – 168 бит.
4. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. – СПб.; М., 1881. – 365 с.
5. Ефремова, Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / Т. Ф. Ефремова. – Электрон. Текстовые данные. – М.: АСТ, 2005.
6. Хәҙерге башҡорт әҙәби теленең андатмалы һүҙлеге (Рәсәй Фәндәр академияһы Өфө фәнни үҙәгенең Тарих, тел һәм әҙәбиәт институты). – Өфө, 2004. –528 бит.

© Мусин Ю.А., 2026.

УДК 81’42

Муфтахова М.Р,
студент УУНиТ
Научный руководитель ***– Алиева С.А.,***
канд. филол. наук, доцент УУНиТ
г. Уфа, Россия

МЕСТО ВЕБ-РАДИО В МЕДИАСИСТЕМЕ РОСИИ

Веб-радио (интернет-радио) представляет собой форму радиовещания, при которой аудиоконтент передается в виде потоковых данных через сеть интернет. В отличие от традиционного эфирного радио, оно не ограничено географическими рамками и частотным спектром, что позволяет слушать передачи в любой точке мира при наличии интернет-соединения.

Исторически веб-радио в России появилось в середине 1990-ых годов. Среди первых станций, активно осваивавших онлайн-вещание, были «Европа Плюс», «Серебряный дождь» и другие. С тех пор сетевое радио развивается стремительно, становясь неотъемлемой частью медиасистемы. Оно устраняет такие признаки традиционного радиодискурса, как линейность и одномоментность: слушатель может выбирать порядок прослушивания, открывать архивы программ и взаимодействовать с контентом в режиме реального времени [1: 20-24].

В современной медиасистеме России веб-радио выполняет несколько ключевых функций. Оно обеспечивает доступность и мобильность: контент доступен круглосуточно через сайты, приложения и социальные сети, что особенно важно для молодежной аудитории и пользователей без покрытия FM-диапазона. Во-вторых, интернет-радио усиливает интерактивность – опросы, голосования, подкасты и форумы делают слушателя активным участником коммуникации. И еще оно дополняет традиционное радио, не вытесняя его: эфирные станции используют веб-платформы для расширения охвата и индивидуализации контента (музыкальные подборки, тематические каналы) [2].

По данным исследований, общая аудитория радио в России постепенно смещается в онлайн-сегмент. Хотя традиционное FM-вещание сохраняет лидирующие позиции среди старшего поколения, веб-радио привлекает молодых слушателей благодаря мультимодальности, подкастам и интеграции с мобильными устройствами. Это подтверждает конвергентный характер медиасистемы: радио не конкурирует с Интернетом, а интрегрируется в него, сохраняя оперативность, эмоциональность и фоновый характер подачи информации [3; 4].

Рассмотрим место веб-радио на примере трех популярных радиостанций, которые демонстрируют разные модели интеграции традиционного и интернет-вещания.

«Европа Плюс» - одна из самых первых коммерческих негосударственных радиостанций России (эфир с 1990 года). Формат – Contemporary Hit Radio (CHR): актуальные хиты зарубежной и российской поп-музыки. Основная аудитория – молодые и активные слушатели до 35 лет. Станция сочетает мощное традиционное FM-вещание (сотни передатчиков по России и СНГ) с развитым веб-радио. На официальном сайте доступны несколько онлайн-каналов (основной эфир, тематические стримы вроде TOP 40, PARTY др.). Это позволяет слушателям выбирать контент, недоступный в едином эфире. Веб-платформа расширяет охват за пределы зон покрытия FM и предлагает дополнительные сервисы (приложения, чарты). Таким образом, «Европа Плюс» иллюстрирует гибридную модель: традиционное радио сохраняет массовость, а веб-радио обеспечивает персонализацию и глобальную доступность [5].

«Маруся FM» - станция, ориентированная на новые русские хиты (преимущественное 100% русская популярная музыка). Формат включает свежие треки, танцевальные хиты и подкаст. Станция активно развивается в цифровой среде: основной доступ осуществляется через сайт, мобильные приложения и прогрессивные веб-приложения. Она использует on-demand контент и подкасты, что типично для интернет-ориентированных проектов. Это позволяет точно попадать в предпочтения молодежной аудитории, предпочитающей русскоязычную музыку. «Маруся FM» демонстрирует трансмедиальную модель веб-радио с высокой степенью независимости от традиционного FM-диапазона и акцентом на интерактивность, архивы и мобильность [5].

«Ретро FM» - станция формата Gold Retro, специализирующаяся на музыке 1970-1990-х годов (соотношение зарубежной и русской музыки примерно 65/35). Целевая аудитория – слушатели 35-65 лет. Традиционное FM-вещание дополняется несколькими интернет-каналами (основной эфир, тематические стримы по десятилетиям, вечеринки и др.). Доступны подкасты программ, видеоверсии и интерактивные сервисы. «Ретро FM» показывает, как веб-радио помогает сохранять нишевый контент для старшей аудитории: тематические каналы и архивы расширяют возможности традиционного эфира, делая музыку прошлого доступной в удобном формате в любом месте [5].

Анализ показывает, что веб-радио прочно заняло место в медиасистеме России как дополняющий и усиливающий элемент. Станции «Европа Плюс», «Маруся FM» и «Ретро FM» иллюстрируют три подхода: гибридный (традиция + множественные онлайн-каналы), преимущественно цифровой и нишевый (ретро-контент через тематические стримы). Веб-радио повышает доступность, интерактивность и индивидуализацию, сохраняя оперативность и эмоциональность классического радио. В будущем его роль будет расти за счет развития мобильных технологий и подкастов, что укрепит единство информационного пространства страны.

Литература:

1. Нестерова Н. Г. Интернет-радио как новый тип медиа и основа новых дискурсивных практик // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 376. С. 20–24.

2. Вартанова Е. Л. (ред.). Медиасистема России: учебник / Е. Л. Вартанова [и др.]. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2021. 424 с.

3. Арсланова О. Р. Тенденции развития информационного радиовещания в современной России: дис. … канд. филол. наук. Воронеж, 2010.

4. Малаховская В. В., Кийко Е. Д. К вопросу о современном российском Интернет-радиовещании // Litera. 2021. № 12. С. 82–92.

5. Радио в России: отраслевой доклад / ФАПМК; Mediascope. М., 2020–2023 (данные по аудитории и форматам станций «Европа Плюс», «Маруся FM», «Ретро FM»).

© Муфтахова М.Р., 2026

УДК 81`42

Мухамадеева Я.Р.,
студент УУНиТ,
Научный руководитель – ***Бахтиярова А.Н.,***
канд. филол. наук, доцент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

ТЫ/ВЫ И 你/您: МЕСТОИМЕННАЯ ВЕЖЛИВОСТЬ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Без вежливости невозможно представить общение между людьми. Именно она задаёт рамки того, что допустимо говорить собеседнику в той или иной ситуации. Среди всех языковых средств, которые помогают выразить уважение, особенно выделяются личные местоимения во втором лице. В русском языке это выбор между «ты» и «вы», в китайском – между 你 (nǐ) и 您 (nín). С первого взгляда может показаться, что системы устроены одинаково: есть неформальный вариант и вежливый. Но если присмотреться внимательнее, обнаруживаются серьёзные отличия. Они связаны с тем, как устроена грамматика каждого языка, и с культурными особенностями народов.

В русском языке местоимение «ты» используется при общении с близкими людьми: друзьями, членами семьи, детьми; с людьми того же возраста или статуса, а также в неформальной обстановке, а местоимение «Вы» употребляется молодым поколением при обращении к старшим (но при этом не являющимися их родственниками), а также при обращении подчиненного к выше стоящему руководству. [4: 22]

В современном русском языке наблюдается тенденция к более частому употреблению «ты» даже в ситуациях, где раньше требовалось «вы», особенно в интернете и молодёжной среде.

В современном русском языке «вы» используют при обращении к нескольким или многим лицам, в то время как «Вы» – это форма вежливого обращения к одному лицу. [1: 147]

«Вы» вежливое по отношению к одному лицу помечаем заглавной буквой, в отличии от «вы», которые употребляются ко многим лицам. [3: 7]

Выбор между «ты» и «вы» зависит от следующих факторов:

- возраст и социальный статус собеседников;
- степень знакомства;
- официальность ситуации;
- традиции конкретного коллектива. [2: 45]

В реальной речевой коммуникации русские и китайские местоимения 2-ого лица Вы / 您 и ты / 你 не ограничены в использовании. В зависимости от контекста и социальной дистанции люди их используют в разных ситуациях общения. В русском языке человек в возрасте может обратиться к человеку младше себя на «Вы». Например, к продавцу в магазине или к врачу, а также к незнакомой девушке, сидящей рядом в метро. [4: 22]

Местоимение «ты» используется при общении с близкими людьми. Например, отец спросил сына: Ты уже сделал домашнее задание?

Форма множественного числа «вы» употребляется при обращении к группе людей, к каждому из которых можно обратиться на «ты». Пример: Мама спросила детей: Ребята, вы готовы выходить?

Вежливое «Вы» (с большой буквы) используется при обращении к одному человеку – незнакомому, старшему по возрасту или вышестоящему по статусу. Пример: Прохожий ищет дорогу к библиотеке: Извините, вы не подскажете, как пройти к библиотеке? [5: 9]

В китайском языке говорящий может выбрать одну из трёх форм: 你 (nǐ) – неофициальное обращение, 您 (nín) – уважительное, и 你们 (nǐ men) – множественное число. Сразу стоит сказать, что прямого соответствия русским «ты» и «вы» здесь нет. Дело в том, что 您 – это не форма множественного числа от 你, как в русском, а совершенно отдельное слово. А вот 你们 как раз и передаёт значение «вы» в ситуации, когда собеседников несколько. [1: 147-148]

Оба местоимения 你 nǐ (ты) и 您 nín (вы), подобно русскому языку, используются для обращения к собеседнику, но в их употреблении есть различия, которые, проявляются в степени вежливости, а также в случаях их использования. Функции и специфика употребления китайских местоимений второго лица 你 nǐ (ты) и 您 nín (вы) строго различаются.

На семантическом уровне местоимение 你nǐ (ты) выбирают тогда, когда общение происходит в неофициальной обстановке или, когда собеседники находятся в равном положении. Типичные случаи – разговор с другом, с ровесником, с членом семьи. Что касается 您 nín (вы), то это явный символ уважения. Китайцы используют его в разговоре с теми, кто старше, с незнакомцами или когда хотят подчеркнуть дистанцию между собеседниками. Например: 老师, 您的讲解 很清楚 (lǎoshī, nínde jiǎngjiě hěn qīngchǔ), что переводится как: Учитель, Ваша лекция очень понятна, используется местоимение 您 nín (вы) для выражения уважительного отношения к учителю.

Различаются эти местоимения и на грамматическом уровне. Так, для образования множественного числа к 您 nín (вы) свободно присоединяется суффикс 们 – men, что означает «мы». Например, 你们看完这本书了吗 (Nǐmen kàn wán zhè běn shū le ma?) – (пер. Вы дочитали эту книгу?) Но с местоимением 您 nín (вы) так не проходит, формы 您们 (nín men) не существует, так сказать нельзя. Правильно будет использовать 您几位 (nín jǐ wèi) или 您诸位 (nín zhū wèi), что означает «Вы» в уважительном и множественном контексте. Например, 您几位这边请 (Nín jǐ wèi zhè biān qǐng) – (пер. Пожалуйста, сюда)

Кроме семантических и грамматических различий, в китайском речевом этикете можно заметить, что между этими местоимениями наблюдается разница в их сочетаемости с другими словами. Чаще всего 您 nín (вы) сочетается со стилистически повышенной лексикой, такой как 请问 qǐngwèn (пер. позвольте спросить; скажите, пожалуйста; разрешите узнать; извините), например 请问您贵姓? (qǐngwèn nínguìxìng) – (пер. Скажите, пожалуйста, Вашу фамилию). 你 nǐ (ты) наоборот часто употребляется с разговорной лексикой, т. е. стилистически сниженной, такой как 嗨 hāi (пер. привет). [1: 149-150]

Русские и китайские местоимения 2-ого лица Вы / 您 и ты / 你 имеют сходства и различия в использовании.

В обоих языках неформальное местоимение ты / 你 противопоставлено вежливому Вы / 您. Также форма выбора местоимений Вы / 您 и ты / 你 зависит от возраста, степени знакомства, социального статуса. Неправильный выбор формы местоимения при разговоре с собеседником может вызвать недопонимание и неуважение.

В отличии от русского языка, китайский язык имеет такую особенность, как наличие большого количества диалектов, поэтому использование местоимений второго лица Вы / 您 и ты / 你 различаются в зависимости от регионов. В некоторых южных диалектах местоимение您 nín (вы) используется реже, в то время как в северных диалектах – чаще.

Когда китайские студенты обращаются к русским преподавателям на «ты», это вызывает у русских недоумение и может мешать официальному общению. Дело в том, что в Китае, в отличие от России, студенты не всегда говорят преподавателям «Вы». С одной стороны, это связано с местными различиями: в одних регионах Китая вежливое местоимение используют чаще, в других – реже. С другой стороны, китайская молодёжь в повседневной жизни почти не употребляет «Вы». По мнению молодых людей, эта форма уместна только в официальной обстановке или при общении с малознакомым человеком. При этом важно отметить, что в китайской культуре преподаватели традиционно пользуются большим уважением и имеют высокий статус. [6: 237].

Подводя итоги, можно сказать, что категория вежливости в русском и китайском языках интерпретируется по-разному, даже если использовать на первый взгляд схожие средства – местоимения второго лица. Различаются и сами принципы вежливости. В русской культуре выбор между «ты» и «вы» отражает социальную дистанцию – насколько люди близки или далеки друг другу. В китайской культуре этот выбор отражает вертикальную иерархию – кто старше, кто выше по статусу.

Понимание этих различий помогает избежать коммуникативных ошибок и делает общение между носителями двух языков более комфортным и уважительным.

Литература:

1. Мельниченко А.Е. Ты и вы – формы общения в китайском языке // Молодёжная научная весна: материалы LII Научно-практической конференции молодых исследователей ЗабГУ. – Чита: ЗабГУ, 2025. – С. 147-151.

2. Гловинская М.Я. Ты и вы в современном русском языке // Русский язык в научном освещении. – 2005. – № 1. – С. 42-58.

3. Формановская Н.И. Речевой этикет. Русско-китайские соответствия. – М.: Высшая школа, 2004. – 192 с.

4. Терских Т.Ф., Захарова Е.В., Демина Е.В. Функционирование личных местоимений в русском и китайском языках // Вестник педагогических наук. 2023. № 5. – С. 20-25.

5. Ван Л., Язовских Е.В. О некоторых правилах вежливости при общении между представителями разных культур (на примере России и Китая) // Лингвистика, перевод и межкультурная коммуникация: материалы XXIV научно-практической конференции. – Екатеринбург: Альфа Принт, 2023. – С. 7-11.

6. Чжоу Цин. Местоимения второго лица в академическом общении между русскими и китайскими преподавателями и студентами // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация. М.: Изд. дом КДУ, 2023. Вып. 4. – С. 235-238.

© Мухамадеева Я.Р.

УДК 81'42

Мухаметова А.С.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Абдуллина Л.Б.,***
канд. филол. наук. доцент
г. Уфа, Россия

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА КУЛЬТУРНЫХ РЕАЛИЙ БАШКОРТОСТАНА НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК (НА ПРИМЕРЕ ЗНАЧИМЫХ ОБЪЕКТОВ ГОРОДА УФЫ)

В последние годы рост числа китайских туристов в России повышает значимость корректного перевода культурно-маркированных единиц. Согласно данным Российского туристического союза, в 2023-2024 гг. наблюдается устойчивое увеличение числа китайских туристов, интересующихся не только Москвой и Санкт-Петербургом, но и регионами России. Особый интерес представляет собой Республика Башкортостан – территория с уникальным синтезом башкирской и русской культурных традиций [8, с.45-47]. Туристические достопримечательности Уфы несут в себе глубокий культурный смысл, требующий точного отражения на китайском языке. Однако существующие переводческие решения (в путеводителях, буклетах, мобильных приложениях) зачастую носят более стихийный характер: не учитывают специфику восприятия китайской аудитории и не опираются на единую терминологическую базу.

Цель статьи – определить ключевые сложности перевода культурных реалий Уфы на китайский язык и предложить наиболее эффективные подходы к их адаптации, проанализировав шесть наиболее репрезентативных объектов, отражающих различные исторические периоды и смысловые аспекты: памятник Минигали Шаймуратову (мемориальный), мечеть Ляля-Тюльпан (исламский символ) и Кафедральный собор Рождества Пресвятой Богородицы (православный храм), памятник Салавату Юлаеву (национально-символический), а также памятники политико-идеологического характера – Монумент Дружбы и стела «Уфа – города трудовой доблести».

Отобранные для анализа объекты представляют разные хронологические и смысловые пласты культурной памяти региона.

Памятник генералу Минигали Шаймуратову (открытый в 2022 г.) – мемориал командира 112-й Башкирской кавалерийской дивизии. Ключевая особенность для перевода: в 1930-е годы М. Шаймуратов выполнял секретное задание в Китае под псевдонимом Шай, а также свободно овладел китайским языком[9]. Этот факт создаёт «точку культурного соприкосновения», что важно учитывать при адаптации текста для китайской аудитории.

Мечеть Ляля-Тюльпан (1998 г.) – современное культовое сооружение, архитектура которого воспроизводит форму распускающегося тюльпана. Тюльпан традиционно считается символом весны и духовного возрождения у тюркских народов и в исламской традиции. В Башкортостане этот цветок также ассоциируется с окончательным пробуждением природы весны.

Кафедральный собор Рождества Пресвятой Богородицы (освящён 1909 г., восстановлен в 1990-е гг.) – главный православный храм в городе Уфа, кафедральный собор Уфимской епархии и Башкортостанской митрополии Русской православной церкви.

Памятник Салавату Юлаеву (1967 г.) – главный символ Башкортостана, изображённый на гербе республики. Конная статуя башкирского национального героя (батыра) и поэта, предводителя башкирского восстания 1773-1775 гг.

Монумент Дружбы (1965 г.) – стела в честь 400-летия добровольного вхождения Башкортостана в состав Русского царства. Является символом единения двух народов, объект с выраженной историко-политической семантикой.

Стела «Уфа – город трудовой доблести» (2022 г.) – мемориал в честь присвоения городу Уфе почётного звания «Города трудовой доблести». Отражает советскую и постсоветскую традицию увековечения трудовых подвигов в годы Великой Отечественной войны.

Каждый объект порождает уникальные переводческие задачи: от передачи антропонимов и архитектурных терминов до раскрытия историко-культурных и религиозных коннотаций. Анализ отобранных объектов позволил выделить три группы переводческих трудностей, обусловленных различиями в языковых системах и культурном контексте.

Лексическая несопоставимость. Для большинства ключевых терминов отсутствуют прямые эквиваленты. Как подчёркивают Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, «слова, план содержания которых невозможно сопоставить с какими-либо лексическими понятиями», относятся к категории безэквивалентной лексики и требуют специфических методов передачи [3, с.42]. Такие слова как «шаймуратовец» (боец национального кавалерийского подразделения), «тюльпанообразный купол» (архитектурная форма, отсылающая к степной символике), «кафедральный собор» (главный храм епархии), «Рождество Богородицы» (православный праздник) и «город трудовой доблести» (почётное звание, не имеющее точного аналога в современной китайской системе наград), нуждаются либо в развёрнутом описании, либо в культурной адаптации. Топоним Уфа (乌法 Wūfǎ (букв. перевод ‘ворон’ и ‘метод/закон’) и антропонимы (Шаймуратов, Салават Юлаев) передаются транскрипцией, однако сами по себе они не раскрывают их культурного содержания.

Различие в культурных контекстах. Данная сложность обусловлена не отсутствием информации у китайской аудитории, а объективными особенностями различных исторических путей развития. Имя Салавата Юлаева для башкирского читателя – это ключевой элемент национального культурного наследия [8: 82]. Для китайского читателя, незнакомого с историей восстания башкир в XVIII в., это имя не вызывает автоматических ассоциаций. Памятник Дружбы Народов отсылает к советскому дискурсу «дружбы народов» – сложному историко-политическому концепту [8: 101].Стела трудовой доблести связана с советской системой почётных званий.

Задача переводчика – не фиксировать «непонимание», а выстроить смысловую связь: кратко, но ёмко объяснить причину значимости объектов для представителей исходной культуры; при необходимости – найти аналоги в китайской истории (например, образы национальных героев, храмы как культурные памятники и т.д.) [5: 118].

Прагматический аспект и баланс между полнотой и доступностью. Для китайского туриста, знакомящегося с объектом, ключевыми являются вопросы: «Что это? Почему это важно? Стоит ли посетить?». Чересчур развёрнутые исторические справки перегружают восприятие, а слишком краткие упоминания снижают ценность объекта [6: 121]. Идеальный формат – одно-два предложения, фиксирующие главную смысловую доминанту: воинский подвиг и связь с Китаем (Шаймуратов), исламскую традицию (Ляля-Тюльпан), православную традицию (собор), национальную гордость (Салават Юлаев), единство народов (монумент) и трудовой героизм (стела).

На основе анализа переводческой литературы и практических материалов по туристическим объектам Уфы наиболее эффективными можно признать три стратегии: транскрипция с иероглифической записью, описательный перевод и комбинированный метод [1: 86; 4: 92]. Как отмечает Т.Л. Гурулева, для передачи безэквивалентной лексики в паре китайского и русского языков наиболее продуктивным является сочетание транскрипции и пояснения [2: 178-180]. Комбинированный метод (транскрипция + краткое пояснение) признан наилучшим для туристических текстов. Поскольку сохраняет оригинальность и обеспечивает понимание [7:115].

Ниже представлены варианты перевода для шести объектов на русском и китайском языках

Объект	Транскрипция	Пояснение на русском языке	Поясненение на китайском языке
Памятник М. Шаймуратову	沙伊穆拉托夫纪**念碑** （Shāyīmùlātuōfū jìniànbēi）	Памятник генералу-герою, командиру башкирской кавалерийской дивизии, выполнявшему задания в Китае в 1930-е гг.	纪**念一位将**军**英雄，巴什基**口骑**兵**师师长，20世纪30年代曾在中国执**行任**务 (Jìniàn yī wèi jiāngjūn yīngxióng, Bāshíjī'ěr qíbīng shī shīzhǎng, 20 shìjì 30 niándài céng zài Zhōngguó zhíxíng rènwu)
Мечеть Ляля-Тюльпан	利亚**利**亚-郁金香清真寺 （Lìyàlìyà-yùjīnxiāng qīngzhēnsì）	Мечеть в форме распускающегося тюльпана – символа возрождения	郁金香形状的清真寺 – 复口的象征 (Yùjīnxiāng xíngzhuàng de qīngzhēnsì – fùxīng de xiàngzhēng)
Кафедральный собор Рождества Богородицы	圣母诞**生主教座堂** (Shèngmǔ dànshēng zhǔjiào zuòtáng)	Главный православный храм Башкортостана, духовный центр региона	巴什科口托斯坦的主东**正教堂**, **地区精神中心** (Bāshíkē'ěrtuōsītǎn de zhǔ dōngzhèng jiàotáng, dìqū jīngshén zhōngxīn)
Памятник Салавату Юлаеву	萨**拉瓦特**·尤拉耶夫纪**念碑** (Sàlāwǎtè Yóulāyēfū jìniànbēi)	Национальный герой Башкортостана, поэт и воин, изображён на гербе республики	巴什科口托斯坦民族英雄，诗**人与**战**士**，**共和国国徽上的形象** (Bāshíkē'ěrtuōsītǎn mínzú yīngxióng, shīrén yǔ zhànshì, gònghéguó guóhuī shàng de xíngxiàng)
Монумент Дружбы	友谊纪**念碑** (Yǒuyì jìniànbēi)	Символ единства башкирского и русского народов, установлен в честь 400-летия вхождения Башкирии в состав России	巴什基口与俄罗**斯人民**团结**的象征**，为纪**念巴什基口并入俄**罗斯400周年而建 (Bāshíjī'ěr yǔ Éluósī rénmín tuánjié de xiàngzhēng, wèi jìniàn Bāshíjī'ěr bìngrù Éluósī 400 zhōunián ér jiàn)
Стела «Уфа – город трудовой доблести»	乌**法** – 劳动**光荣城市** 纪**念碑** (Wūfǎ – láodòng guāngróng chéngshì jìniànbēi)	Памятник в честь присвоения Уфе звания «Город трудовой доблести» за героический труд жителей в годы Великой Отечественной войны	纪**念**乌**法市被授予**“劳动**光荣城市**”称号，市民在伟**大**卫**国**战**争期**间**的英勇**劳动 (Jìniàn Wūfǎ shì bèi shòuyǔ “láodòng guāngróng chéngshì” chēnghào, shìmín zài wěidà wèiguó zhànzhēng qījiān de yīngyǒng láodòng)

Анализ ключевых примеров

Памятник Шаймуратову (沙伊穆拉托夫纪**念碑**). При передаче фамилии использована фонетически близкая иероглифическая комбинация. Факт работы генерала в Китае, отраженный в пояснении, превращает объект из абстрактного мемориала в «свой» для китайской аудитории.

Кафедральный собор Рождества Богородицы (圣母诞**生主教座堂**). Перевод названия включает: 圣母(Святая Мать), 诞**生**(рождение), 主教座堂 (кафедральный собор).

Монумент Дружбы (友谊纪**念碑**). Прямой перевод 友谊 (дружба) возможен, однако термин 友谊 в китайском языке имеет более камерное значение. Пояснение уточняет исторический контекст (400-летие вхождения), что позволяет избежать недопонимания [8: 101].

Стела «Уфа – город трудовой доблести» (乌**法** – 劳动**光荣城市** 纪**念碑**). Наибольшую сложность представляет передача звания «Город трудовой доблести». Прямого аналога в Китае нет. Предложен вариант 劳动**光荣城市** (город трудовой славы), где 光荣 (слава, почёт) передаёт семантику доблести.

Результаты исследования шести ключевых шести ключевых туристических точек Уфы свидетельствуют о том, что адаптация культурных реалий башкирско-русского пограничья на китайский язык требует системного подхода. Ключевые сложности обусловлены лексическим неосоответствием, различиями в культурном контексте и необходимостью поиска баланса между полнотой информации и доступностью текста.

Наиболее результативным методом признана комбинированная стратегия: транскрибированное название (с иероглифической записью) сопровождается кратким пояснением (одно-два предложения) на русском и китайском языках, фиксирующим ключевую смысловую доминанту [2, с. 180].

Практическая значимость исследования заключается в разработке унифицированных рекомендаций по переводу названий уфимских достопримечательностей с предоставлением иероглифических вариантов и пиньиня [8, с. 105]. Предложенные решения пригодны для использования туроператорами, гидами и переводчиками туристической документации, а также при создании мобильных путеводителей для китайских гостей города.

Литература:

1. Гревцова В.И. Особенности и трудности перевода культурных реалий // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики. – Армавир: АГПУ, 2020. – С. 84–89.
2. Гурулева Т.Л. Теория и практика перевода в паре китайского и русского языков. – М.: Р. Валент, 2024. – 304 с.
3. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. – 4-е изд. – М.: Русский язык, 1990. – 246 с.
4. Петрова Е.С. Методы передачи культурных реалий в переводе с русского на китайский язык // Вопросы теории перевода. – 2018. – Вып. 7. – С. 90–102.
5. Головина А.В. Лингвокогнитивные аспекты перевода туристических текстов // Культура народов Причерноморья. – 2014. – № 271. – С. 117–120.
6. Безрукова Н.Н., Коваленко М.В. Особенности перевода в туристическом дискурсе // Педагогическое образование на Алтае. – 2024. – № 2. – С. 118–125.
7. Дубкова О.В., Цун Фэнлин. Теория и практика устного перевода. Русский и китайский языки. – М.: Р. Валент, 2023. – 180 с.
8. Коллективная монография. Языковая мозаика г. Уфы / под ред. З.И. Комаровой. – Уфа: Аэтерна, 2022. – 156 с.
9. Стали известны факты о китайской командировке генерала Шаймуратова [Электронный ресурс] // Российская газета : [сайт]. – URL: https://rg.ru/2015/10/29/reg-pfo/kitai.html

© Мухаметова А.С., 2026

УДК 070

Надеева Е.А.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Имангулова А.Р.,***
ассистент УУНиТ
г. Уфа, Россия

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

На сегодняшний день цифровая трансформация в медиапространстве представляет собой глубокие преобразования на всех этапах: от создания контента, до его потребления. Этот процесс приводит к размыванию границ между традиционными СМИ и онлайн-платформами. В условиях глобальной информатизации телевидение утрачивает свой линейный характер, формируя более многоуровневую экосистему, с доступом к контенту через различные устройства. Внедрение облачных технологий, дополненной реальности и искусственного интеллекта помогает создать новую медиареальность, требующую от традиционных вещателей поиска инновационных моделей функционирования.

Актуальность проблемы цифровой трансформации для регионального телевидения России, и для Республики Башкортостан в частности, обусловлена необходимостью сохранения локальной идентичности и обеспечения информационного суверенитета в условиях доминирования федеральных медиахолдингов. Для такого многонационального региона, как Башкортостан, телевидение выполняет критически важную функцию трансляции культурных ценностей и поддержки государственных языков республики. Переход на цифровой стандарт вещания, завершившийся в 2019 году, с одной стороны, обеспечил высокое качество изображения и звука для большинства жителей, а с другой – создал новые вызовы, связанные с исключением региональных каналов из состава общефедеральных мультиплексов. В этом контексте исследование специфики цифровизации башкирского телевидения, анализа его текущих проблем и перспектив развития в онлайн-среде является необходимым условием для выработки стратегий устойчивого развития региональных СМИ [7].

Особенности развития регионального телевидения в России

Развитие регионального телевидения в Российской Федерации определялось реализацией масштабной государственной программы по переходу на цифровое эфирное наземное вещание. Федеральная целевая программа (ФЦП) «Развитие телерадиовещания в Российской Федерации на 2009–2018 годы» стала фундаментом для создания современной инфраструктуры вещания [4]. Основной целью программы было устранение цифрового неравенства и обеспечение 98,4% населения страны бесплатным доступом к 20 обязательным общедоступным каналам.

Исследования Фоминой А.Н. подчеркивают, что в ходе реализации ФЦП была построена самая масштабная в мире сеть цифрового вещания, включающая более 5000 объектов и порядка 10 000 передатчиков [7]. Для регионов это означало качественный скачок в доступности информации, однако архитектура цифровых мультиплексов создала определенные сложности для локальных вещателей. Первый и второй мультиплексы формировались на федеральном уровне, что ограничивало возможности региональных студий по представлению собственного контента.

Для решения этой проблемы был разработан механизм региональных врезок. Региональные филиалы ВГТРК (ГТРК) получили возможность встраивать свои блоки новостей и тематические передачи в сетку каналов «Россия-1» и «Россия-24». Позже аналогичный механизм был реализован для обязательного общедоступного канала субъекта РФ на базе канала «ОТР» [7].

Важнейшим этапом в поддержке регионального ТВ стало законодательное закрепление статуса «21-й кнопки». Согласно поправкам в законы «О СМИ» и «О связи», в каждом субъекте РФ выбирается один обязательный общедоступный региональный телеканал, который кабельные операторы обязаны размещать на 21-й позиции в своих сетях бесплатно для вещателя. Это решение стало спасательным кругом для многих региональных медиахолдингов, обеспечив им гарантированный охват аудитории в городах, где проникновение кабельного телевидения достигает 70–80%.

Несмотря на эти меры, региональное телевидение в России продолжает сталкиваться с экономическим давлением и необходимостью конкурировать за рекламные бюджеты с интернет-

площадками [2]. Цифровизация привела к фрагментации аудитории, что заставляет региональных вещателей искать новые пути к зрителю через социальные сети и OTT-сервисы [6].

Республика Башкортостан обладает одной из самых развитых систем регионального телевещания в России. Это обусловлено как историческими факторами, так и активной государственной политикой по поддержке национальных СМИ. Основу телевизионного ландшафта республики составляют три крупных игрока: ГТРК «Башкортостан», АО ТРК «Башкортостан» (канал БСТ) и муниципальные вещатели, объединенные вокруг платформы «Салям».

История и развитие БСТ

Башкирское спутниковое телевидение (БСТ) является главным национальным вещателем региона. История канала началась в декабре 2001 года с создания ГУП ТРК «Башкортостан». Официальный старт вещания состоялся 23 августа 2002 года на частотах, которые ранее занимал канал «БТВ». На начальном этапе БСТ работало по модели сетевого партнерства, деля эфирное время с каналами «ТНТ» и «РБК».

Ключевые вехи развития БСТ:

- 2006 год: Отказ от сетевых партнеров и переход на 100% собственное вещание.
- 2012 год: Технологическая революция – запуск нового ньюсрума на базе программного обеспечения Cinegy. Переход на безленточные технологии позволил автоматизировать подготовку новостей и значительно ускорить процесс производства, что позволило каналу успешно конкурировать с интернет-СМИ по оперативности.
- 2013 год: Переход на круглосуточное вещание (до этого канал вещал 18 часов в сутки).
- 2017 год: БСТ официально получает статус 21-й кнопки, победив в конкурсе Роскомнадзора таких конкурентов, как «Вся Уфа» и «Туган Тел».

Сегодня БСТ осуществляет вещание в форматах HDTV и SDTV с использованием современных стандартов 16:9. Канал охватывает не только территорию республики, но и вещает на соседние регионы (Татарстан, Свердловскую, Челябинскую и Оренбургскую области), а также доступен по всей России через спутниковые системы и интернет – платформы.

ГТРК «Башкортостан» и цифровой эфир

Филиал ВГТРК – ГТРК «Башкортостан» – играет ключевую роль в обеспечении жителей республики федеральной и региональной повесткой. В рамках цифровой трансформации ГТРК успешно интегрировалась в первый мультиплекс. С 14 октября 2019 года, когда в республике было полностью отключено аналоговое вещание федеральных каналов, ГТРК «Башкортостан» обеспечивает бесперебойные врезки в каналы «Россия-1» и «Россия-24».

Особенностью работы ГТРК в условиях цифры является активное развитие мультимедийного портала «Вести-Башкортостан», который выступает в качестве сетевого издания и агрегатора видеоконтента. Это позволяет телевизионным сюжетам получать «вторую жизнь» в интернете, охватывая аудиторию, которая не пользуется традиционными ТВ-приемниками.

Модель телеканала «Салям»

Уникальным примером адаптации к условиям цифровизации стал запуск 11 октября 2019 года телеканала «Салям». Этот проект был создан АО ТРК «Башкортостан» специально для поддержки муниципальных телестудий, которые не имели возможности попасть в цифровые мультиплексы. «Салям» функционирует как информационно-развлекательный круглосуточный канал – агрегатор, объединяющий контент более чем 30 местных телекомпаний.

Телеканал «Салям» успешно решил проблему представленности малых городов (Сибай, Кумертау, Нефтекамск, Октябрьский и др.) в цифровом пространстве. Благодаря этой модели, жители районов продолжают получать локальные новости, а муниципальные студии сохраняют свои рабочие места и аудиторию.

Проблемы перехода на цифровое вещание

Процесс цифровой трансформации в Башкортостане сопровождался рядом системных проблем, типичных для крупных и географически неоднородных регионов России. Несмотря на технологические успехи, переход на «цифру» обнажил вопросы инфраструктурного и социального неравенства.

Одной из главных проблем остается доступность сигнала в отдаленных сельских населенных пунктах. Хотя цифровое эфирное ТВ охватывает более 98% территории, оставшиеся 1.5–2% приходятся на труднодоступные районы, где единственным выходом остается спутниковый прием, требующий покупки дорогостоящего оборудования. В ответ на это правительство республики и федеральные власти инициировали проекты по устранению цифрового неравенства (УЦН 2.0).

В рамках проекта УЦН 2.0 высокоскоростной интернет и мобильная связь доставляются в населенные пункты с численностью от 100 до 500 человек [4]. Например, в 2025-2026 годах базовые станции 4G/LTE были установлены в 87 селах республики, обеспечив связью более 14 тысяч жителей. В селах Смаково, Татар-Улканово, Вознесенка и Старокуяново жители получили доступ к цифровым сервисам, что косвенно способствует потреблению телевизионного контента через интернет-платформы. Объем интернет-трафика в сельской местности республики растет на 11% ежегодно, достигая в среднем 20 Гбайт на человека в месяц, что сопоставимо с городскими показателями.

Отключение аналогового вещания 14 октября 2019 года стало болезненным для тех каналов, которые не вошли в два федеральных мультиплекса. Решение было найдено в трансляции региональных блоков на телеканале ОТР. С 29 ноября 2019 года программы БСТ начали выходить в эфир в формате двух блоков: утром с 6:00 до 9:00 и вечером с 17:00 до 19:00.

Тем не менее, эта модель имеет существенные недостатки:

1. Ограничение по времени: 5 часов в сутки недостаточно для полноценного освещения жизни республики.

2. Технические сложности: изменение параметров сигнала ОТР для запуска врезок приводило к сбросу настроек на приставках у части населения, что требовало ручной перенастройки каналов.

3. Потеря брендинга: в цифровом эфире зритель видит логотип ОТР, что размывает идентичность регионального вещателя.

Также, для муниципальных каналов цифровизация обернулась зависимостью от кабельных операторов. До принятия закона о «22-й кнопке» провайдеры зачастую устанавливали высокие тарифы за размещение местных каналов или переносили их в конец списка (например, на 102-ю кнопку), где они теряли аудиторию. Закрепление 22-й кнопки стало инструментом выживания для таких компаний, как «Вся Уфа» в столице региона и «Арис» в Кумертау. Однако даже наличие обязательной кнопки не решает проблему снижения интереса молодежной аудитории к линейному вещанию [5].

Влияние цифровизации на контент, аудиторию и бизнес-модели

Цифровая трансформация привела к пересмотру самой сути телевизионного продукта. Контент перестал быть «вещью в себе» и превратился в гибкий поток данных, адаптируемый под разные платформы.

Многие региональные каналы изменили свои форматы вещания, сделав упор на:

- Двуязычие: утреннее шоу «Салям», ведутся на башкирском и русском языках одновременно, что расширяет охват и выполняет социальную функцию сохранения родного языка.
- Интерактив: появление QR-кодов в эфире, интеграция с мессенджерами для сбора обратной связи от зрителей.
- HD – качество: полный переход производства на формат 16:9 и высокую четкость изображения.

Цифровизация привела к фрагментации аудитории. Зритель Башкортостана сегодня имеет выбор из 200+ каналов в кабеле, что снижает долю региональных вещателей. Однако данные TNS Россия (ныне Mediascope) показывают, что интерес к локальному контенту остается высоким. Например, внедрение ежечасных новостей на БСТ помогло увеличить среднесуточную долю канала с 2,77 до 3,41.

В то же время, рекламный рынок региона демонстрирует интересную динамику. По данным АКАР за 2024 год, телевидение сохраняет второе место среди медиа с долей 60%, лишь незначительно уступая интернету (64%) [2].

Новые бизнес-модели, перспективы и пути развития телевещания

Инновацией в бизнес-модели регионального ТВ Башкортостана стал принцип «единого окна» для размещения рекламы, реализованный на базе телеканала «Салям». Ранее рекламодателю, желающему охватить всю республику на местном уровне, приходилось заключать десятки договоров с каждой муниципальной студией. Теперь через одного специалиста и один пакет документов реклама может быть размещена сразу в региональных включениях 30 местных телекомпаний, что значительно повышает коммерческую привлекательность регионального ТВ для малого и среднего бизнеса [2].

Будущее регионального телевидения в Башкортостане лежит в плоскости конвергенции и развития гибридных форм вещания. Цифровая трансформация продолжается, и её следующий этап будет связан с облачными технологиями и искусственным интеллектом [3].

Основным вектором экспансии для таких каналов, как БСТ и «Салям», является присутствие во всех средах распространения. Уже сегодня программы БСТ доступны через технологию Smart TV и мобильные приложения на Android и iOS. Телеканал «Салям» представлен в крупных онлайн-сервисах, таких как Лайм HD, ViNTERA.TV и 24h.tv. Дальнейшее развитие предполагает создание собственных видеотек (VOD), где зритель сможет смотреть любимые передачи республики в любое удобное время.

Гибридное вещание (HbbTV) открывает принципиально новые возможности для региональных вещателей. Эта технология позволяет накладывать цифровой интернет-контент на традиционный ТВ-сигнал [1]. Для башкирского телевидения это может означать запуск интерактивных сервисов во время трансляций спортивных матчей (например, ХК «Салават Юлаев») или проведение онлайн-опросов в прямом эфире новостей. Baltic Soft уже разработала и запустила платформу для вещания по технологии HbbTV, что создает технологическую базу для внедрения таких решений в регионе.

Региональные телеканалы республики активно трансформируются в мультимедийные холдинги. Работа в социальных сетях («ВКонтакте», Telegram) перестает быть вторичной. Учитывая, что ежемесячная аудитория «ВКонтакте» в России в 2025 году достигла 93.8 млн человек, а Telegram – 90.5 млн, эти платформы становятся основными каналами доставки короткого контента [5]. Вещатели Башкортостана создают эксклюзивный контент для соцсетей, который не попадает в основной эфир, тем самым привлекая молодую аудиторию.

Подводя итоги, можно сказать, что цифровая трансформация регионального телевидения Республики Башкортостан является сложным и многогранным процессом, который за последние два десятилетия прошел путь от первых спутниковых трансляций до создания гибридных медиаплатформ. Переход на цифровое вещание в 2019 году стал технологическим триумфом, обеспечившим высокое качество сигнала, но одновременно создал вызовы для региональной идентичности из-за структуры мультиплексов.

Опыт Башкортостана показывает, что ключом к успеху в цифровую эпоху является сочетание технологической модернизации (безленточное производство, HD-вещание) и организационных инноваций (модель канала «Салям», статус 21-й кнопки). Республика смогла сохранить муниципальное вещание, создав уникальную систему агрегации контента, которая может служить примером для других субъектов РФ.

Перспективы цифровой трансформации связаны с дальнейшим устранением цифрового неравенства в сельской местности и выходом вещателей на рынок OTT-сервисов и интерактивного телевидения. В условиях жесткой конкуренции с глобальными платформами региональное телевидение Башкортостана должно опираться на свои главные преимущества: локальность, двуязычие и глубокую связь с культурным кодом своего зрителя. Интеграция современных технологий, таких как HbbTV и искусственный интеллект, позволит башкирскому телевидению не только сохранить свою актуальность, но и стать лидером цифровой медиасреды будущего.

Литература:

1. Вартанова Е.Л. Цифровое телевидение и трансформация медиасистем//Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. - 2011.

2. Дугин Е.Ю. Медиасоставляющая цифровой экономики // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. - 2018.

3. Дугин Е.Ю. Региональное телевидение: стратегия развития или судьба // Журналист. Социальные коммуникации. - 2017.

4. Даутова Р.В. История регионального телевидения России. - Казань: Казанский университет, 2018.

5. Евдокимов В.А. Влияние цифровизации на деструкцию института регионального телевидения. – 2017.

6. Ефанов А.А. Влияние цифровизации на деструкцию института регионального телевидения. - 2017.

7. Фомина А.Н. Цифровая трансформация медиа // Региональное телевидение в контексте цифровой трансформации. - 2019.

© Надеева Е.А., 2026

УДК 811.362

Назырова М.А.,
студент УУНиТ
*Научный руководитель – **Абдуллина Л.Б.,***
канд. филол. наук., доцент УУНиТ
г. Уфа, Россия

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕЧЕВЫХ ФОРМУЛ В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ: ОБРАЩЕНИЕ, БЛАГОДАРНОСТЬ, ИЗВИНЕНИЕ, ПРОСЬБА И ОТКАЗ

В условиях интенсивного развития связей между Россией и Китаем изучение и сравнение речевых оборотов обеих стран приобретает как теоретическую, так и практическую ценность. Недостаточное понимание коммуникативных нюансов может привести к недоразумениям и конфликтам. Речевой этикет представляет собой не просто набор устойчивых формул, а фундаментальный инструмент, формирующий межличностные и общественные взаимоотношения в любой языковой культуре. Через выражения обращения, благодарности, извинения, просьбы и отказы отражаются глубинные культурные ценности, социальная иерархия и представления о подобающем поведении.

Актуальность данной работы обусловлена тремя ключевыми аспектами. Во-первых, российско-китайское направление в области сравнительной лингвокультурологии все ещё нуждается в более глубокой разработке. Во-вторых, процесс преподавания языков требует чёткого определения потенциальных зон коммуникативных рисков. В-третьих, деловое сотрудничество России и Китая требует методических рекомендаций, опирающихся на точное знание языковых норм. Особую сложность представляет отсутствие в русском языке единой нейтральной формы обращения к незнакомому человеку, в то время как китайская система, уходящая корнями в конфуцианскую традицию, изначально построена на чёткой иерархии.

Взаимодействие между людьми начинается с обращения, которое определяет атмосферу беседы и степень близости между участниками. Как утверждают В.О. Сороковых и А.В. Крылов: «Обращения играют важную роль в структуре речевого этикета и выполняют две функции: привлечение внимания собеседника и установление определённых отношений между говорящими» [1, с.9].

Особенностью русской системы обращений является сильная зависимость от контекста и отсутствие универсальной нейтральной формы обращения к незнакомому человеку. Е.Ю. Назарова и А.М. Шикова отмечают, что «в русском этикете отсутствуют нейтральные по социальному статусу личные обращения» [2, с. 69]. Этот пробел восполняется косвенными методами – использованием вежливых вводных слов и фраз («Извините», «Подскажите, пожалуйста»). В официальных ситуациях применяются конструкции «Уважаемый…», «Господин/Госпожа», а в неформальной обстановке – «девушка», «молодой человек», «женщина». Однако эти формы не являются полностью нейтральными. Наиболее отличительной чертой русского речевого этикета остаётся обращение по имени и отчеству в сочетании с местоимением «Вы».

Китайская система обращений опирается на конфуцианскую идею социальной гармонии и иерархии, где следование «ритуалам» (礼) обеспечивает стабильность взаимоотношений. В китайском языке предпочтение отдаётся обращениям по имени, а не местоимениям, так как местоимение «你» (nǐ) без титула может быть воспринято как угроза «лицу» адресата собеседника. В китайской коммуникативной культуре широко используются обращения по должности (张经理 – менеджер Чжан), профессиональному признаку (王老师 – учитель Ван), а также псевдородственные формы (叔叔 – дядя, 阿姨 – тетя) даже по отношению к незнакомым или малознакомым людям. Это говорит нам о желании представить общество, как единую большую семью. Также для обозначения возрастной иерархии к фамилии добавляют «старый» (老) и «маленький» (小).

Таким образом, в то время как русская система испытывает трудности с подбором нейтрального обращения, китайская изначально имеет иерархическую структуру и не предполагает существования универсальной нейтральной формы.

Важнейшими способами поддержания гармонии в общении являются выражения признательности и сожаления.

В русском языке наиболее распространенным способом сказать «спасибо» является слово «спасибо». В своей работе У Бо, которая посвящена благодарности в русском языке, указывает: «Спасибо и большое спасибо по частотности употребления намного опережают все другие вместе взятые формулы речевого этикета и речевые клише (соотношение 383 к 79)» используется значительно чаще других форм. Помимо него, существуют более выразительные варианты, такие как «большое спасибо» и «огромное спасибо», официальное «благодарю», а также неформальные «спасибки» и «спасибочки». Ироничное или недовольное высказывание может быть передано с помощью «ложной благодарности», например, «ну спасибо» или «ещё спасибо»»[3, с. 55].

Извинения в русском языке представлены глаголами «извините» и «простите», которые также служат для привлечения внимания в нейтральной форме (например, «Извините, не подскажете…»). В официальной обстановке используются выражения «Приношу извинения» и «Прошу прощения». Уникальность русского языка заключается в использовании извинений как способа начать разговор при отсутствии универсального приветствия.

В китайской культуре основными выражениями благодарности являются «谢谢» (xièxiè) и более формальное «感谢» (gǎnxiè). Важное место занимают косвенные способы выражения признательности, например, «给你添麻烦了» («извините за доставленные хлопоты»), которые одновременно выражают благодарность и уважение к усилиям собеседника.

Извинения в китайском языке различаются по степени формальности: «对不起» (duìbuqǐ) используется для прямого признания вины, «抱歉» (bàoqiàn) выражает сожаление, а «不好意思» (bù hǎoyìsi) помогает сгладить неловкость без признания вины. Последний вариант особенно востребован в повседневном общении и при ответе отказом, поскольку не вызывает у собеседника чувства вины.

Просьба и отказ представляют собой речевые акты, крайне восприимчивые к понятиям вежливости и сохранения «лица» собеседника.

В русской культуре просьбы часто оформляются посредством повелительного наклонения, дополненного словом «пожалуйста», либо через вопросительные конструкции с отрицанием, например: «Вы не могли бы…». Как отмечает Е.А. Курченкова, в языке широко используется прием, позволяющий снизить категоричность сказанного [4, с. 3]. Слово «пожалуйста» может смягчить как просьбу, так и распоряжение, не превращая приказ в просьбу, но свидетельствует о расположении говорящего.

Русский отказ, довольно прямой, но его резкость смягчается через благодарность или извинения. К примеру: «Спасибо, не получится» или «Извините, но прийти сегодня не смогу». Подробно объяснять причину чаще всего не нужно, фраза «не получится» уже содержит намек на наличие причин, не требуя их перечисления.

Китайские просьбы, наоборот, представляют собой развернутые диалоговые конструкции. Они включают извинение (不好意思), указание на возможное неудобство для собеседника (麻烦), уважительное местоимение (您) и различные смягчающие частицы. Такие конструкции позволяют второму участнику диалога сохранить «лицо».

Китайский отказ нацелен на сохранение общей гармонии. Исследования Д. Миамото показывают, что вместо прямого «нет» используются обороты вроде «不好意思…可能不行» («прошу прощения, вероятно, не смогу») или «不方便» («неудобно»). Они оставляют возможность для будущих положительных решений. Стоит подчеркнуть, что категоричное отрицание может быть воспринято как угроза «лицу», поэтому его избегают даже в деловой сфере.

Проведенный анализ показал, что русская и китайская лингвокультуры, имеют определенные различия в языковых средствах, но также преследуют во многом схожие задачи, такие как обращение, выражение благодарности, извинение, формулирование просьбы, выражение отказа.

Обобщая, можем сказать, что для русской лингвокультуры характерны краткость и лаконичность высказывания, отсутствие единой формы обращения, прямой отказ.

Для китайской лингвокультуры характерны сохранение социальной иерархии, поддержание «лица» собеседника, развернутая диалоговая форма общения, избегание прямого отказа, использование обращений, которые копируют семейные или должностные связи, даже извинения четко разграничивают в зависимости от степени проступка (например, 对不起 и 不好意思).

Таким образом, ключевое различие между культурами кроется не в наличии или отсутствии вежливости, а в приемах ее выражения. Русская манера общения опирается на интонацию, контекст и

отдельные маркеры для достижения уместности. Китайский подход встраивает её непосредственно в структуру высказывания посредством специальных обращений, косвенных формулировок и смягчающих элементов. Знание и понимание этих различий играет важней для успешного межкультурного и делового взаимодействия между Россией и Китаем.

Литература:

1. Сороковых В.О. Сравнительно-сопоставительный анализ обращений в китайском и русском языках // Философия и наука в культурах Запада и Востока: Сборник статей по материалам VI Всероссийской научной конференции с международным участием / отв. редактор Е.В. Тихонова. – Томск: НИУ ТомГУ, 2023. – 9 с.
2. Назарова Е.Ю., Шикова А.М. Речевой этикет в России и за рубежом // International scientific review of the problems of pedagogy and psychology. – 2018. – № 1. – 69 с.
3. Бо У. Речевой жанр благодарности в русском языке: дис. канд. филол. наук. – М., 2014. – 55 с.
4. Курченкова Е.А., Куличенко Ю.Н. Специфика выражения просьбы в русском коммуникативном поведении // МНИЖ. – 2024. – № 11 (149). – 3 с.

© Назырова М.А., 2026

УДК 811.581

Нарбулатова Н.Х.,
студент УУНиТ
Научный руководитель: ***Ильясова Г.Р.,***
канд. филол. наук, доцент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА: ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКИ И ГРАММАТИКИ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Современное общество переживает этап глубокой цифровой трансформации, которая затрагивает все сферы человеческой деятельности, включая язык и коммуникацию. Интернет стал не просто средством передачи информации, но и уникальной средой, в которой формируются новые языковые нормы, возникают нестандартные лексические единицы и трансформируются грамматические конструкции. Особый интерес в этом контексте представляет китайский язык, который, будучи одним из древнейших и сложнейших языков мира, демонстрирует в интернет-пространстве удивительную гибкость и способность к быстрой адаптации. Всё чаще можно встретить в китайских социальных сетях, на форумах и в мессенджерах такие явления, которые не укладываются в рамки традиционной нормативной грамматики путунхуа, что свидетельствует о формировании особого феномена – «сетевого языка» (网络语言).

Изучению китайского интернет-языка посвящено значительное количество исследований как в отечественной, так и в зарубежной науке. В работах российских лингвистов, таких как И.В. Кочергин, О.М. Готлиб, Д.С. Гулинова, Н.В. Семенова, Е.В. Копылова анализируются лексические, грамматические и прагматические особенности китайской интернет-коммуникации; рассматриваются процессы словообразования и грамматических трансформаций. В китайской научной традиции данная проблематика разрабатывается в трудах Чжан Жуй, Сунь Сяоцзюань, Гу Ц., Фан Ц. и других исследователей. Актуальность темы обусловлена несколькими факторами: стремительным развитием цифровых технологий, процессами глобализации, проблемой сохранения чистоты языка и необходимостью систематизации языковых изменений.

Лексическая система китайского интернет-языка характеризуется высокой динамичностью и разнообразием способов создания новых единиц. Среди наиболее продуктивных способов можно выделить три основных типа: цифровые ребусы и омофоны, латинские аббревиатуры и буквенные слова, а также графические неологизмы, связанные с видоизменением иероглифов.

Цифровые ребусы и омофоны представляют собой одну из ярких особенностей китайского интернет-языка. Это явление базируется на омофонии: цифры читаются так же, как определённые слоги или слова. Например, комбинация 520 (五二零, wǔ èr líng) воспринимается как омофон фразы 我爱你 (wǒ ài nǐ) - «я тебя люблю». Аналогично 1314 (一三一四, yī sān yī sì) читается как 一生一世 (yī shēng yī shì) - «всю жизнь». Подобные образования обладают высокой степенью компрессии и

игровым характером, что делает их привлекательными для интернет-коммуникации. Исследователи также отмечают, что цифровые коды часто используются для эвфемизации табуированных тем или обхода цензуры. Цифровые ребусы образуют замкнутую семиотическую систему, которая понятна только посвящённым и служит маркером групповой идентичности, что особенно важно в контексте молодёжной культуры, где владение «цифровым языком» становится признаком «своих».

Латинские аббревиатуры и буквенные слова активно проникают в китайский интернет-дискурс под влиянием английского языка и глобальной интернет-культуры. Такие единицы, как AWSL (ā wǒ sǐ le, «ах, я умер», выражение сильного эмоционального восторга), NB (ниу би, «круто»), xswl (xiào sǐ wǒ le, «умора»), широко распространены в социальных сетях и мессенджерах. Подобные сокращения нередко адаптируются к китайской фонетической системе, а иногда даже получают иероглифическое дублирование. В ряде случаев латинские аббревиатуры становятся настолько привычными, что начинают использоваться и в устной речи. Исследователи выделяют три типа латинских аббревиатур в китайском интернет-языке: прямые заимствования из английского (LOL, BTW, IDK), китаизированные аббревиатуры (AWSL, xswl), образованные по модели английских сокращений, но на основе китайских слов, и смешанные формы, где латинские буквы передают китайское произношение.

Наиболее специфичным для китайского языка способом создания интернет-лексики является графическая игра с иероглифами. Яркий пример – иероглиф 囧 (jiǒng), изначально означавший «окно», но благодаря своему внешнему виду, напоминающему расстроенное лицо, приобрёл значение «смущение», «растерянность». Этот феномен можно рассматривать как проявление языковой креативности, при которой семантика единицы формируется не столько на основе традиционного значения, сколько на основе визуального восприятия. Подобные новообразования (например, 槑 – méi, «очень глупый», от удвоенного иероглифа 呆) активно используются в интернет-общении, особенно в молодёжной среде. Графические неологизмы возвращают китайскую письменность к её истокам – к изобразительности, которая была свойственна древним иероглифам. Этот процесс можно рассматривать как своеобразное возвращение к пиктографической природе китайского письма, адаптированной к потребностям современной интернет-коммуникации.

В грамматической и синтаксической сферах в интернет-среде также происходят значительные трансформации. Наиболее заметной тенденцией является упрощение синтаксических конструкций. Пользователи стремятся к максимальной экономии языковых средств, что приводит к сокращению длины предложений, опущению второстепенных членов и широкому использованию односоставных конструкций. Вместо сложных предложений с придаточными частями нередко используются короткие, часто неполные высказывания, которые тем не менее остаются понятными благодаря контексту и совместному знанию собеседников. Синтаксическая компрессия становится одной из ключевых черт китайского интернет-дискурса. Это проявляется, в частности, в опущении подлежащего, которое легко восстанавливается из предшествующего контекста, а также в использовании номинативных конструкций вместо развёрнутых предикативных.

Эллипсис – пропуск структурно необходимого элемента предложения – в интернет-коммуникации становится не столько нарушением, сколько нормой. Эллиптические конструкции особенно частотны в диалогических жанрах, где участники обмена репликами могут опускать не только подлежащее, но и сказуемое, дополнение, обстоятельства. Например, на вопрос «ты поел?» возможен ответ «ел», где подлежащее опущено, а иногда и просто «ел», что в нормативной грамматике считается неполным. В переписке эллипсис достигает такой степени, что высказывание может состоять из одного знаменательного слова или даже из одной частицы. Такой способ коммуникации возможен благодаря высокой контекстуальной обусловленности и опоре на общий опыт собеседников. Подобные эллиптические модели активно проникают и в более формальные жанры, такие как блоги или публичные комментарии, что свидетельствует о их закреплении в узусе.

Особого внимания заслуживает использование служебных слов и модальных частиц в китайском интернет-языке. Частицы 吧 (ba), 呢 (ne), 啊 (a) используются в сети не только для выражения побуждения, вопроса или восклицания, но и для передачи широкого спектра эмоциональных оттенков. Так, частица 啊 (a) может выражать удивление, восхищение, досаду или просто служить для заполнения паузы, создавая эффект устной речи. Особенно заметно расширение функций частицы 吧 (ba), которая в интернет-общении часто используется для смягчения утверждения, придания высказыванию оттенка неуверенности или, напротив, для выражения иронии. Модальные частицы становятся важным инструментом прагматической маркированности

высказывания, помогая передать отношение говорящего к сообщению. В условиях отсутствия невербальных средств частицы берут на себя значительную часть эмоциональной нагрузки.

Также в компенсации недостатка невербальных средств важную роль играют пунктуация и эмодзи. В китайском интернет-языке многократное повторение восклицательного или вопросительного знака стало стандартным способом выражения сильной эмоции, а сочетание разных знаков служит для передачи удивления или недоумения. Эмодзи, в свою очередь, выполняют не только эмоциональную, но и синтаксическую функцию. Они могут заменять целые части высказывания, выступая в роли сказуемого, дополнения или даже самостоятельной реплики. В китайском сегменте интернета широко используются стикеры с иероглифическими надписями, которые нередко становятся самостоятельными высказываниями. Такая мультимодальность значительно расширяет выразительные возможности языка и делает коммуникацию более живой и эмоциональной.

Влияние интернет-коммуникации на норму современного китайского языка становится всё более заметным. Многие лексические единицы, возникшие в сети, со временем фиксируются в словарях и начинают использоваться в официальных СМИ. Например, такие слова, как «ставить лайк», «WeChat», «заполнять ленту», уже вошли в «Словарь современного китайского языка» и воспринимаются как неотъемлемая часть языка. Процесс лексикографической фиксации, однако, происходит с задержкой: словари обычно включают интернет-лексику только после того, как она устойчиво закрепляется в узусе и перестаёт восприниматься как маргинальная. Критерии отбора новых слов для официальных словарей достаточно строги и учитывают не только частотность, но и соответствие языковым нормам, а также общественную значимость.

Активное проникновение заимствований, буквенных слов и графических новообразований вызывает у части лингвистов и государственных деятелей опасения относительно «чистоты» китайского языка. В обществе периодически разворачиваются дискуссии о допустимости использования латиницы и «испорченных» иероглифов в официальной сфере. Сторонники сохранения языковой чистоты указывают на необходимость защиты китайского языка от чрезмерного влияния иностранных языков, на риски снижения грамотности и утраты культурной идентичности. С другой стороны, исследователи подчёркивают, что языковая гибридизация – естественный процесс в условиях глобализации, и попытки полностью изолировать язык от внешних влияний обречены на неудачу. Более продуктивным подходом является выработка разумных норм, которые бы учитывали динамику языка и одновременно сохраняли его системность и преемственность.

Государственная языковая политика КНР традиционно направлена на поддержание единства языка и контроль за его развитием. В интернет-среде эта политика реализуется через несколько механизмов. Регулярно издаются списки нежелательной лексики, которую запрещено использовать в СМИ и публичных выступлениях. В такие списки попадают не только нецензурные слова, но и некоторые интернет-сленгизмы, признанные не соответствующими «духовной культуре». Платформы внедряют автоматические фильтры, блокирующие определённые слова и выражения. Пользователи, однако, находят способы обходить эти ограничения с помощью омофонов, графических замен или искажённого написания. Такая «гонка вооружений» между цензорами и пользователями стимулирует дальнейшее развитие интернет-лексики. Существуют и позитивные меры: государство поддерживает проекты по мониторингу и описанию интернет-языка, например, ежегодный проект «Подведение итогов китайского языка», который отбирает самые популярные слова года.

Таким образом, интернет-коммуникация выступает мощным фактором языкового развития. Процессы, происходящие в китайском интернет-языке, носят системный характер и затрагивают не только лексику, но и грамматику, стилистику и pragmatics. Китайский язык демонстрирует способность к гибкому реагированию на вызовы цифровой эпохи, сохраняя при этом свою системную целостность и преемственность традиционных норм. Государственная языковая политика играет важную регулирующую роль, стремясь сохранить баланс между инновациями, порождаемыми интернет-средой, и необходимостью поддержания единства и чистоты языка. Перспективы дальнейших исследований видятся в более детальном изучении долгосрочного закрепления интернет-лексики в узусе, в сравнительном анализе языковой политики в разных странах, а также в разработке методик обучения китайскому языку, учитывающих актуальные интернет-коммуникативные практики.

Литература:

1. Волоконская А. С., Рудометова А. Ю., Капитонова Н. С. Особенности интернет-лексики современного китайского и английского языков // Современные исследования социальных проблем. – 2020. – Т. 12, № 6. – С. 24–36.
2. Готлиб О. М. Лексикология современного китайского языка: тенденции развития. – Иркутск: ИГУ, 2020. – 312 с.
3. Гу Ц. Аббревиация и акронимия в китайском интернет-языке // Филология в XXI веке. – Пермь: ПГНИУ, 2021. – С. 201–206.
4. Гулинова Д. С. Язык китайского интернета: структура, семантика, функции. – Москва: МГУ, 2023. – 189 с.
5. Копылова Е. В. Лексические инновации в китайском интернет-языке как отражение социальных процессов // Язык, культура, коммуникация: изучение и обучение. – Орел: ОГУ, 2022. – С. 112–118.
6. Копылова Е. В. Неологизмы в современном китайском языке (на материале интернет-лексики): автореф. дис. … канд. филол. наук. – Улан-Удэ: Бурятский госуниверситет, 2020.
7. Кочергин И. В. Китайский язык в интернет-пространстве: лексика, грамматика, прагматика. – Новосибирск: НГУ, 2021. – 210 с.
8. Ли Ц. Интернет-мемы как лингвокультурный феномен в Китае // Молодые голоса в востоковедении. – Москва: РГГУ, 2020. – С. 45–51.
9. Попова И. С., Ли Я. Графические неологизмы в китайском интернет-дискурсе // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2022. – № 5. – С. 114–122.
10. Семенова Н. В. Грамматические процессы в современном китайском языке (в контексте цифровой коммуникации). – Кемерово: КемГУ, 2022. – 154 с.
11. Сунь Сяоцзюань. Эмоциональный компонент в китайском интернет-сленге: способы выражения // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2020. – № 5. – С. 121–126.
12. Фан Ц. Пунктуация как средство выражения эмоций в китайском интернет-общении // Слово и текст в современном коммуникативном пространстве. – Екатеринбург: УрФУ, 2023. – С. 312–317.
13. Хуан С., Кочергин И. В. Роль интернет-коммуникации в эволюции китайского синтаксиса // Китайская лингвистика и синология. – Новосибирск: НГУ, 2022. – С. 178–184.
14. Цзэн Ц. Особенности употребления служебных слов в китайском интернет-языке // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. – 2021. – № 4. – С. 134–142.
15. Чжан Жуй. Словообразование в китайском интернет-дискурсе: от неологизмов к узусу. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2021. – 176 с.

© Нарбулатова Н.Х., 2026

УДК 811.531

***Нафикова Г.А.*,**
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Байбулова М.Н.,***
ассистент УУНиТ,
г.Уфа, Россия

КОРЕЙСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В русской лингвистической традиции изучение восточных заимствований имеет давнюю историю. Корейская лексика, однако, долгое время оставалась на периферии научного внимания. Как справедливо отмечает Р.Х. Касимов, это положение дел отражало общую маргинальность корейской культуры в русском культурном пространстве вплоть до конца XX века [1]. Корейский язык воспринимался как экзотический и географически удалённый, а контакты между Россией и Кореей, хотя и имели длительную историю, не приводили к массовому заимствованию лексики. Однако в последние десятилетия ситуация кардинально изменилась. «Поворот на Восток» в государственной политике Российской Федерации, рост экономических и туристических связей с Республикой Корея, а главное – беспрецедентная по своим масштабам популярность корейской массовой культуры, известной под названием «корейская волна» или Hallyu [Халлю], создали принципиально новые

условия для активного проникновения кореизмов в русский язык. K-pop [кей-поп], дорамы, корейский кинематограф, корейская кухня, косметика и мода стали неотъемлемой частью повседневной жизни миллионов молодых людей в России.

С нашей точки зрения, современный этап заимствований из корейского языка представляет собой качественно новый феномен, не имеющий прямых аналогов в предшествующие эпохи. Для того чтобы понять его специфику, целесообразно обратиться к сопоставительному анализу с тем, как русская культура осваивала восточные влияния в более ранние периоды. Наиболее показательным в этом смысле представляется опыт Константина Дмитриевича Бальмонта – одного из первых русских поэтов, который столь глубоко и всесторонне исследовал мотивы Востока в своём творчестве. В отличие от современных массовых процессов, интерес Бальмонта к Востоку носил элитарный, глубоко личный и преимущественно поэтический характер. Как отмечает Х.С. Шагбанова, увлечение Бальмонта восточной культурой невозможно ограничить лишь биографическими, эстетическими или мировоззренческими рамками [8]. Поэт проникся духом Востока задолго до личного посещения этих стран в ходе своих многочисленных путешествий. Он не владел китайским языком, однако занимался переводами отрывков из философского трактата «Дао Дэ Цзин», стихов Ли Бо и Ду Фу, а также антологии «Шицзин» – Сборника песнопений [8]. Бальмонт также проявил глубокий интерес к индо-буддийским мотивам. Индийская философия с её концепцией реинкарнации и непрерывных циклов перерождений нашла отражение в таких его стихотворениях, как «Майя», «Индийский мотив», «Индийский мудрец», «Как паук», «Жизнь», «Молитва вечерняя». Большинство из них было включено в серию, названную «Индийские травы» [5]. Писатель изучил произведение индийского автора Шудраки «Глиняная повозка», погрузился в наследие Калидасы и занимался переводами произведений Ашвагхоши о жизни Будды. Бальмонт полагал, что культурное сходство Индии с Россией превосходит её связь с Западом, и с самого начала своих поэтических публикаций проводил параллели между культурой Индии и славянства [5].

Анализ лексического материала, собранного из различных источников – от академических словарей до интернет-платформ и разговорной речи, – позволяет выделить несколько тематических групп, в которых корейские заимствования представлены наиболее полно. Каждая из этих групп имеет свои особенности функционирования, степень ассимиляции и перспективы закрепления в языке. Самой многочисленной и, вероятно, наиболее устойчивой группой корейских заимствований является кулинарная лексика. По данным Касимова, она насчитывает 13 лексем [1]. Это не случайно: кухня является одной из наиболее доступных и привлекательных сфер знакомства с иной культурой. Еда не требует перевода, она воспринимается непосредственно через вкус, запах и внешний вид, а названия блюд легко запоминаются и начинают использоваться в повседневной речи. Слово «доширак» (от корейского *тосирак* – «упакованная еда», «обед в контейнере») стало нарицательным в русском языке ещё в 1990-е годы. Интересно, что оно обозначает не любой упакованный обед, как в языке-источнике, а исключительно лапшу быстрого приготовления конкретного производителя или, в расширительном значении, любую аналогичную лапшу. Это классический пример семантического сужения при заимствовании. Слово «доширак» уже демонстрирует признаки ассимиляции: оно склоняется (доширака, дошираком), имеет разговорные варианты («доширачина» – обычно с ироничным оттенком) и даже входит в состав сложных слов («доширачное настроение»). «Кимчи» (или «чимча», от корейского *кимчхи*, которое, в свою очередь, восходит к китайскому – «вымоченные овощи») – центральное блюдо корейской кухни, обозначающее остро приправленные квашеные овощи, преимущественно пекинскую капусту с добавлением редьки, чеснока, имбиря, рыбного соуса и красного перца. Это слово уже зафиксировано в «Самом новейшем толковом словаре русского языка XXI века» под редакцией Е.Н. Шагаловой, что свидетельствует о признании его академической наукой [1]. В русском языке встречаются орфографические варианты «кимчхи» (более точная транскрипция) и «чимча» (искажённая форма, распространённая в разговорной речи и на Дальнем Востоке).

Широкое распространение получили также другие кулинаронимы. «Пулькоги» (불고기, от *пуль* «огонь» и *коги* «мясо») – блюдо из тонко нарезанной маринованной говядины, приготовленное на гриле. «Пибимпап» (비빔밥, от *пибим* «смешение» и *пап* «рис») – рис, смешанный с овощами, мясом, яйцом и острой пастой кочхудян. «Кимпаб» (김밥) – блюдо, внешне напоминающее японские роллы, но с принципиально иными ингредиентами и способом приготовления: рис заворачивается в лист сушёной морской капусты (ким) вместе с начинкой из овощей, мяса или рыбы, после чего нарезается на кружки. «Манду» (만두) – корейские пельмени или

манты, которые могут быть приготовлены на пару, во фритюре или в супе. «Кочхудян» (고추장) – ферментированная острая паста из красного перца, клейкого риса и соевых бобов, основа многих корейских блюд. «Ттокпокки» (떡볶이) – рисовые палочки в остром соусе, популярная уличная еда [1]. Второй по значимости и, возможно, первой по степени академического признания группой являются названия корейских боевых искусств. «Тэквондо» (태권도, от *тхэ* «топтать», *квон* «кулак» и *то* «путь, искусство») – корейское боевое искусство, известное своими ударами ногами в прыжке. Это слово прочно вошло в русский язык, зафиксировано во всех академических словарях и используется как официальный термин. Тэквондо является олимпийским видом спорта, в России существуют многочисленные федерации и клубы, что способствует стабильности и распространённости этого заимствования [1]. Проникновение спортивной лексики, как правило, происходит организованно, через федерации, спортивные организации и государственные структуры. Это облегчает кодификацию: термины быстро попадают в словари, поскольку их употребление регламентировано и не подвержено стихийной вариативности, характерной для разговорной речи. Кроме «тэквондо», к этой группе можно отнести также «хапкидо» (합기도) – корейское боевое искусство, акцентирующее броски и болевые приёмы, хотя оно распространено в России значительно меньше.

Наиболее динамично развивающейся, но наименее кодифицированной группой корейских заимствований является лексика, связанная с современной массовой культурой – музыкой, сериалами, модой и фан-практиками. Сюда входят названия музыкальных жанров и направлений: «K-pop» [кей-поп] (케이팝) – корейская популярная музыка, целая индустрия с собственной эстетикой, системой тренировки артистов и фанатской культурой. Интересно, что этот термин проникает в русский язык не непосредственно из корейского, а через английское посредничество, что создаёт дополнительные сложности для его идентификации как «чистого» кореизма. К этой же группе относятся названия групп и практик фанатов, хотя они пока редко становятся объектом академического изучения. Как справедливо указывает З.Г. Прошина, английский язык нередко играет посредническую роль в современных процессах заимствования: будучи глобальным, он приносит в иные языки и культуры новые концепты, которые затем могут адаптироваться уже на местной почве [4]. С этим связана и проблема разграничения: является ли «K-pop» [кей-поп] кореизмом или англицизмом? В большинстве исследований его всё же относят к кореизмам, поскольку референт (корейская поп-музыка) имеет чёткую национальную привязку. К лексике массовой культуры можно отнести и такие слова, как «дорама» (드라마, от английского drama [драма]) – корейский телесериал, отличающийся, как правило, ограниченным количеством серий (16–20) и завершённым сюжетом. Хотя само слово заимствовано из английского, в русском языке оно приобрело специфическое значение, связанное именно с корейской (и шире – азиатской) телепродукцией. Точно так же слово «айдол» (아이돌, от английского idol [айдол]) обозначает в корейском контексте не просто «кумира», а профессионально обученного артиста K-pop-группы [кей-поп], прошедшего многолетнюю систему тренировок.

При анализе корейских заимствований принципиально важным представляется разграничение между двумя типами лексических единиц. Первый тип – экзотизмы, то есть слова, обозначающие реалии чужой культуры и сохраняющие свою «чужеродность» для носителя языка. Они обычно не склоняются, имеют вариативное написание и употребляются преимущественно в речи тех, кто непосредственно интересуется соответствующей культурой. Второй тип – освоенные заимствования, которые уже перестали восприниматься как «чужие», подчиняются грамматическим правилам русского языка и могут использоваться в речи широкими кругами носителей. Большинство современных кореизмов, как отмечают исследователи (Русизмы в корейском языке), относятся к первому типу – они являются экзотическими культурными словами и имеют низкий уровень освоения в русской языковой системе [6]. Это проявляется в ряде признаков. Во-первых, графическая и фонетическая вариативность: «кимчи», «кимчхи» и «чимча» могут сосуществовать в речи даже одного носителя. Во-вторых, отсутствие или крайне ограниченное число производных слов: мы говорим «люблю кимчи», но редко образуем прилагательное «кимчивый» или глагол «кимчевать». В-третьих, ограниченный контекст употребления: эти слова встречаются преимущественно в речи, связанной с корейской культурой, и редко выходят за её пределы. Однако намечаются и процессы деривации, которые могут свидетельствовать о начале перехода кореизмов из разряда экзотизмов в

разряд освоенных заимствований. Как уже упоминалось, слово «доширак» обзавелось разговорными формами: «доширачина» (с оттенком иронии или пренебрежения), «доширачный» (например, «доширачный суп»), а также входит в состав сложных слов и устойчивых выражений («доширачная диета»). Как отмечает Прошина, использование деривации посредством русских аффиксов является одним из ключевых шагов ассимиляции ещё не полностью принятой в язык-реципиент корневой основы [4]. Если этот процесс продолжится, можно ожидать появления глаголов («доширачить» – есть доширак) и других производных форм.

Таким образом, корейские заимствования в русском языке переживают этап активного формирования и начальной ассимиляции. В отличие от «восточных тем» в творчестве Бальмонта, которые были результатом глубокого личного постижения философии, мифологии и поэзии Востока, современные кореизмы проникают преимущественно через каналы массовой культуры. Это определяет как их тематический состав (доминирование кулинаронимов и терминов поп-культуры), так и степень ассимиляции (преобладание экзотизмов при первых признаках деривации). Бальмонт, обращаясь к Египту, писал в стихотворении «Египет»: «Египет сквозь Вечность скользит по зеркальности Нильских вод» (цит. по Молчанова) [3]. Сегодня можно сказать, что Корея сквозь повседневность скользит по русской речи – через доширак, кимчи, дорамы и K-pop [кей-поп]. Этот процесс, в отличие от бальмонтовского, не рефлексивен и не философичен, но он гораздо более массивен и влияет на язык тысяч, если не миллионов носителей. Перспективы исследования корейских заимствований в русском языке связаны с мониторингом динамики их проникновения в связи с ростом или угасанием популярности корейской культуры, изучением словообразовательной активности заимствованных основ, сравнительным анализом корейской и японской «волн» заимствований, социолингвистическим исследованием статуса кореизмов в языковом сознании носителей, а также с разработкой критериев для словарной фиксации, которые позволили бы преодолеть существующий разрыв между живой речью и академической лексикографией. Можно предположить, что если интерес к корейской культуре сохранится на текущем уровне или хотя бы не снизится критически, академическая кодификация наиболее употребительных кореизмов станет вопросом не отдалённого, а самого ближайшего десятилетия. И тогда слова «кимчи», «доширак» и «тэквондо» займут своё место в толковых словарях русского языка рядом с «аниме», «сушей» и «карате» – и это будет означать, что корейская культура окончательно перестала быть для России экзотической периферией и стала частью её повседневного языкового ландшафта.

Литература:

1. Касимов Р.Х. Корейские заимствования в русском языке: за пределами академических словарей // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранный язык и методика их преподавания. 2025. Т. 56. № 1. С. 106–118.
2. Методы преподавания восточного языка по учебникам корейского языка 19-го века, составленным иностранцами: анализ русско-корейского словаря М.П. Пуцилло // Directory of Open Access Journals. 2023.
3. Молчанова Н.А. К.Д. Бальмонт и Египет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://yepisheva.ru (2014) (дата обращения: 01.04.2026)
4. Прошина З.Г. Дериваты восточноазиатских слов в русском языке // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 28. № 3. С. 9–27.
5. Ragozina S. Korean Loanwords in Russian Language as an Example of Accepting Korean Culture // The Present State and Future Direction of Korean Studies in Socio-Cultural Context in the Central and Eastern Europe. 2018. P. 98–101.
6. Русизмы в корейском языке и кореизмы в русском языке // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2025. № 2 (44). С. 215–236.
7. Фейзуллаева А. Япония в духовно-творческом обогащении К. Бальмонта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://reading-hall.ru (2018) (дата обращения: 01.04.2026).
8. Шагбанова Х.С. Китайская тематика в стихотворениях К.Д. Бальмонта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://state-law-journal.ru (2024) (дата обращения: 01.04.2026).

© Нафикова Г.А., 2026.

УДК 951.09:008

Нигматуллина Д.Р.,
магистрант УУНиТ
Научный руководитель – ***Бахтиярова А.Н.,***
канд. филол. наук, доцент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

ИСТОРИИ ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЯ: КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ КИТАЯ ЧЕРЕЗ ЭПОХИ

Китайская цивилизация – самая древняя в мире и насчитывает около 4000 лет истории, в течении которой Китай создавал свои контакты с другими странами, обмениваясь культурными достижениями. Временами межкультурное взаимопроникновение между Поднебесной и другими странами было добровольным, например, взаимовыгодные торговые отношения со странами Ближнего Востока и Европой в 3 веке н.э., куда Китай экспортировал шёлк, фарфор и чай, а импортировал золото, драгоценные камни, специи и ткани; а иногда культурный обмен происходил насильственным образом, когда европейские страны пытались выйти со своими товарами на китайский рынок против воли ханьского народа, что приводило к столкновениям и войнам. В этой статье мы рассмотрим основные межкультурные диалоги, которые происходили между Китаем и другими странами на протяжении длительного времени.

Одним из важнейших этапов в истории культурных связей Китая стало развитие Великого шёлкового пути (200 г. до н.э.) – торгового коридора, который связывал Восточные и Западные страны. Он проходил через территории Центральной Азии, Ирана, Ближнего Востока и далее в Европу. Этот путь был не только системой обмена товарами (шёлком, фарфором, специями и тканями), он стал также мостом для культурного взаимодействия. В ходе общения разные народы и цивилизации заимствовали друг у друга религиозные и философские идеи, художественное мастерство и разные технологии. Китайский буддизм проникал в Центральную Азию и Индию, меняя культурное мировоззрение их народов, в то время как пять учений – конфуцианство, даосизм, буддизм, легизм и моизм – формировали основу китайской духовной культуры, на которую повлияли и другие культурные источники.

Культура Китая достигла новых высот в эпоху Тан (618-907гг.). Эта эпоха стала настоящим расцветом китайского искусства, литературы, философии и науки. Особое место в культурных обменах занимала буддийская монастырская культура, которая пришла из Индии и Индо-Центральной Азии. Буддизм стал важнейшей религией в стране, оказав значительное влияние на развитие изобразительного искусства, архитектуру и философию. В это время Китай расширил свои контакты с соседними странами, среди них – Корея, Япония и Византия. Китайская культура в этот период был открыта всему миру, и она активно заимствовала новые идеи. Китайские художники и учёные искали вдохновения заграницей, а через китайские рукописи и произведения за границей распространялись знания и культура ханьского народа.

Эпоха морских экспедиций и расширения влияния. В эпоху династии Мин (XIV-XV века) Китай вёл активные морские экспедиции, особенно при правлении императора Юань и Цзу Чжане. Китайские суда проходили через Индонезию, Индию, Аравийский полуостров, даже достигая берегов Восточной Африки. Эти экспедиции не только укрепляли торговлю, но и способствовали обмену культурными традициями и знаниями. Уникальные произведения искусства, фарфор, ткани и нефритовые изделия становились предметами обмена с Южной и Юго-Восточной Азией, а также с африканскими странами. Многообразие культурных влияний в этот период было особенно заметно в архитектуре, музыке и религии. Например, ислам резко входит в жизнь Китая, формируя новую религиозную и культурную среду.

В XVI-XVIII веках Китай вступает в период контактов с Европой. В это время сюда прибывают португальцы, голландцы, испанцы и англичане. Они принесли новые товары, идеи, религиозные движения и методы хозяйствования. Веками Китай был закрыт для западной торговли, но эти контакты постепенно расширялись, способствуя взаимному обмену культурными традициями. Появление христианства, новые технологии и культурные идеи проникали в китайский город Иуань, Яньцзи и другие центры. В это время появляются первые европейские картины, идеи о научных открытиях и европейский стиль в искусстве. В свою очередь, Китай оказал влияние на европейскую культуру через такие образцы, как фарфор – «бесценный экспорт», который завораживал западных аристократов. XX и XXI века – эпоха глобализации и международных культурных обменов. Китай становится мировой цивилизационной силой, его культура – частью мировой культуры. Китайские

фильмы, музыка, искусство, кухня – все это активно воспринимается во всём мире. Программа «Пояс и путь» сегодня способствует развитию новых связей, обмену традициями, наукой и современными инновациями. В развитие традиционных ремесел и искусств вкладываются большие ресурсы, чтобы сохранить богатое культурное наследие и одновременно интегрировать его в современный мировой контекст. Китайский язык, каллиграфия, боевые искусства, музыка и национальная кухня – это лишь часть того, что делает Китай центром культурных взаимопроникновений.

Таким образом, история взаимопроникновения культурных связей Китая – это непрерванный поток, который формировался сотни и тысячи лет. От древних шёлковых путей до современного глобального мира каждый период привносил что-то своё, обогащая как Китай, так и всю планету. Китайская культура – это живой организм, в котором вплетаются традиции, идеи и знания народов мира. Благодаря этому взаимопроникновению Китай стал не только центром собственной цивилизации, но и важным связующим звеном мировой истории культуры и науки.

Литература:

1. Вуд Майкл. Поднебесная: 4000 лет китайской цивилизации / М. Вуд. – М.: Издательство «Альпина нон-фикшн», 2025. – 622 с.
2. Джейвин Линда. Краткая история Китая / Л. Джейвин. – М.: Издательство «Азбука», 2026. – 368 с.
3. Мифология Китая. – М.: Издательство «Эксмо», 2025. – 256 с.
4. Маслов А. Китай без вранья/ А. Маслов. – М.: Издательство РИПОЛ классик, 2021. – 288 с.
5. Маслов А. История масонов в Китае / А. Маслов. – М.: Издательство РИПОЛ классик, 2024. – 432 с.

© Нигматуллина Д.Р, 2026

УДК 811.581

Никитина К.В.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Бахтиярова А.Н.,***
канд. филол. наук, доцент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТИВНЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В КИТАЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Результативные глагольные конструкции представляют собой универсальное типологическое средство выражения значения достижения результата действия [5: 12]. Однако способы их формального выражения существенно различаются в зависимости от грамматического строя языка. Китайский язык, относящийся к изолирующему типу, характеризуется отсутствием словоизменительной морфологии и использованием аналитических комплексов «глагол + результативный компонент» [2: 31]. Русский язык, напротив, является флективным (синтетическим) и выражает результативность преимущественно через глагольные приставки (префиксы) и видовые оппозиции.

В китайском языке результативная конструкция (结**果**补语 jiéguǒ bǔyǔ) представляет собой сложную глагольную конструкцию, состоящую из двух корневых морфем: первый компонент обозначает действие, второй – результат этого действия. Например:写**完** (xiěwán) – «писать» + «заканчивать» = «закончить писать». Оба компонента сохраняют лексическое значение, а их сочетание образует единый предикат [6: 23].

В русском языке прямого грамматического аналога китайским результативным конструкциям не существует. Ближайшим соответствием являются приставочные глаголы совершенного вида, где приставка (префикс) придаёт глаголу результативное значение. Например: писать → написать (результат – наличие текста); бить → разбить (результат – разрушение); делать → сделать (результат – готовый продукт). Кроме того, в русском языке есть результативные глаголы с суффиксами (например, краснеть → покраснеть) и аналитические конструкции (стать + прилагательное: стало чисто).

Таким образом, ключевое различие: китайский язык строит результативные комплексы путём линейного соединения двух полнозначных единиц, а русский язык использует деривационную морфологию (префиксацию и суффиксацию) внутри одного глагольного слова [2: 35].

В китайском языке результативная конструкция имеет строго фиксированную линейную структуру: сначала глагол действия, затем результативный компонент. Между компонентами не может быть вставлено отрицание, модальные слова или иные маркеры, за исключением частиц得, 不 и аспектуального 了 [3: 48].

В русском языке результативное значение передаётся через префиксальный глагол, где приставка занимает позицию перед корнем. Префикс и корень образуют одно слово, которое изменяется по лицам, числам, временам и родам. Например: я разбил, она разбила, они разбили [1: 85].

Основные формальные различия между двумя языками можно суммировать следующим образом. В китайском языке способ выражения – аналитический комплекс (два слова или две корневые морфемы), словоизменение отсутствует, результативный показатель находится после глагола действия, а разделимость компонентов возможна (потенциальная форма, частица 了). В русском языке способ выражения – синтетический глагол (префикс + корень), словоизменение присутствует (изменение по родам, числам, лицам), результативный показатель (префикс) находится перед глагольным корнем, разделимость компонентов невозможна [2: 36–37].

В китайском языке утвердительная результативная конструкция строится по схеме: подлежащее + глагол + результативное дополнение + (объект) + (факультативно 了). Пример: 他打破了杯子 – Tā dǎpò le bēizi «Он разбил чашку».

В русском языке аналогичное значение передаётся глаголом совершенного вида в прошедшем времени: подлежащее + глагол совершенного вида в прошедшем времени + объект. Пример: Он разбил чашку. Приставка раз- указывает на результат, а окончание -ил – на мужской род и прошедшее время.

В обоих языках прямое дополнение обозначает объект, подвергшийся изменению. В китайском языке: 我写完了信 – «Я написал письмо» (письмо – объект). В русском: Я написал письмо (винительный падеж без предлога). Различие: в китайском дополнение всегда стоит после всего результативного комплекса, в русском – после глагола, но падеж маркируется флексией.

В китайском локативное дополнение (с предлогом или без) ставится после объекта или после результативного комплекса. Пример: 他走进教室 – «Он вошёл в класс» (教室 – дополнение места). В русском языке направление движения выражается предложно-падежной формой: вошёл в класс (предлог в + винительный падеж). Результативность передаётся приставкой *во-* (совершенный вид).

Оба языка допускают опущение объекта, если он ясен из контекста. В китайском: 他吃饱了 – «Он наелся» (объект «еда» подразумевается). В русском: Он наелся (возвратный глагол, объект не выражен). Однако в русском языке чаще используется возвратный постфикс *-ся* (наелся), а в китайском – просто результативный комплекс без объекта.

При сопоставлении выявляются следующие закономерности дифференциация результативных значений в китайском языке более детальна так как для одного русского приставочного глагола может существовать несколько китайских комплексов. Например, русскому открыть соответствуют китайские 打开 (открыть, раздвинув), 揭开 (открыть, приподняв крышку), 拆开 (распечатать) в зависимости от способа действия. Сочетаемость с видовременными маркерами также различается: в китайском результативный комплекс может присоединять 了, 过, 着, тогда как в русском вид закреплён в самом глаголе (совершенный вид уже подразумевает результат). Каузативные результативы: китайский язык широко использует конструкции типа 气死 (рассердить до смерти), где второй компонент – результат эмоционального состояния. В русском языке подобные значения передаются приставками *до-* (добить, досмеяться) или аналитическими конструкциями.

При сопоставлении китайских и русских результативных конструкций возникает ряд практических трудностей, связанных с переводом и усвоением китайского языка русскоязычными учащимися. Прежде всего это проблема буквального перевода и пропуска результативного компонента. Русскоязычные учащиеся часто опускают результативный компонент в китайской фразе, поскольку в русском языке результат уже «вложен» в приставочный глагол. Например, вместо 我写完了信 (я написал письмо, букв. «писать-закончить») студент УУНиТ может ошибочно сказать 我写信, что означает «я пишу письмо» (процесс, а не результат). Это классический случай межъязыковой

интерференции: носитель русского языка переносит видовую семантику (совершенный вид = результат) на китайский простой глагол, игнорируя необходимость эксплицитного результативного показателя. Следующая проблема – неправильный порядок слов. В русском языке объект всегда следует после глагола, причём приставка и корень неразделимы. В китайском языке объект должен стоять после всего результативного комплекса (V+R), а не между V и R. Ошибка типа 我写完了信 → 我写信完 (по аналогии с русским «написал письмо» с приставкой перед корнем) очень распространена на начальном этапе обучения. Учащийся пытается поставить объект сразу после глагола действия, как в русском, что нарушает строгую структуру китайской результативной конструкции. Третья проблема – неверный выбор отрицания. В китайском языке для отрицания результативных конструкций используется только 没/没有 (отрицание факта), а не 不 (отрицание намерения или привычного действия). Русскоязычные студент УУНиТы часто путают эти маркеры, поскольку в русском языке одно отрицание не обслуживает все контексты. Ошибочная фраза 他不打破杯子 (вместо 他没打破杯子) воспринимается носителями китайского языка как «он не хочет разбить чашку» или «он обычно не разбивает чашки», но не как констатация отсутствия результата. Четвёртая проблема – трудности перевода с китайского на русский. При переводе китайской результативной конструкции переводчик должен выбрать правильный приставочный глагол совершенного вида, а иногда и перестроить всю фразу. Например, китайское 看见 (увидеть) состоит из глагола 看 (смотреть) и результатива 见 (появиться в поле зрения). Прямой перевод «смотреть + появиться» невозможен, поэтому используется глагол увидеть, где приставка у- указывает на достижение результата. Более сложный случай: 他听懂了老师的讲解 – буквально «он слушать-понять объяснение учителя». На русский язык это переводится как «он понял объяснение учителя (на слух)», причём видовой глагол понять уже содержит результативное значение, а компонент «на слух» приходится вводить лексически или опускать. Пятая проблема – интерференция при образовании потенциальной формы. Китайская потенциальная форма (V+得/不+R) не имеет прямого аналога в русском языке. Учащиеся либо игнорируют её, либо пытаются калькировать: 我看得见 – «я могу увидеть» (правильно), но ошибочно 我可以看见 (калька с английского I can see). В русском языке аналоги передаются модальными конструкциями («могу увидеть», «не могу разобрать»), что не совпадает по структуре и часто вызывает путаницу. Наконец, существуют различия в каузативных конструкциях. В китайском языке результативные комплексы могут выражать каузацию (причинение результата) без дополнительных маркеров: 气死 (рассердить до смерти). В русском языке для этого часто требуется возвратный глагол или описательная конструкция: «довести до бешенства», «разозлить так, что чуть не умер» [1: 110]. При переводе таких конструкций студент УУНиТы нередко опускают второй компонент, теряя эмоциональную окраску.

Таким образом, проблемы перевода и интерференции обусловлены фундаментальными типологическими различиями между изолирующим китайским и флективным русским языками. Для их преодоления необходимы специальные упражнения на трансформацию, сопоставление структур и перевод с осознанием функции результативного компонента [4: 178].

Проведённый сравнительно-сопоставительный анализ результативных глагольных конструкций в китайском и русском языках позволяет сделать вывод, что оба языка обладают средствами выражения результата действия, но они принадлежат к разным типологическим классам: китайский использует контрукцию «глагол+результат», русский – синтетические приставочные глаголы. Типы предложений (утвердительные, отрицательные, вопросительные) и типы дополнений (прямые, локативные, нулевые) в целом сопоставимы, однако формальные маркеры такие как отрицание, вопросительные частицы, падежные флексии различаются. При переводе с китайского на русский необходимо учитывать не только лексическое значение компонентов, но и видовую характеристику глагола, а также возможность выбора между совершенным и несовершенным видом [4: 177].

Перспективы дальнейшего исследования включают корпусный анализ частотности конкретных результативных комплексов и их переводческих эквивалентов, а также экспериментальное изучение усвоения данных конструкций русскоязычными учащимися.

Литература:

1. Горелов В.И. Теоретическая грамматика китайского языка. – М.: Просвещение, 2017. – 334 с.

2. Гурулева Т.Л. Типологические различия китайского и русского языков: функциональный, структурный и квантитативный анализ / Т.Л. Гурулева // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2023. – Вып. 7 (875). – С. 30–39.

3. Ли Ч., Томпсон С.А. Грамматика современного китайского языка. – М.: Восточная литература, 2015. – 568 с.

4. Цуй Ю.Ф., Чан И. Исследование перевода на русский язык китайских конструкций «глагол + обстоятельство результата» V得 с помощью корпуса языковых материалов / Ю.Ф. Цуй, И. Чан // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2020. – № 7. – С. 174–178.

5. Яхонтов С.Е. Категория глагола в китайском языке. – М.: Издательство восточной литературы, 1958. – 215 с.

6. Li D. Causative and resultative constructions in Mandarin Chinese: A multiperspectival approach. – Göteborg: Dept. of linguistics, University of Göteborg, 2003. – 198 p.

7. Li C.N., Thompson S.A. Mandarin Chinese: A functional reference grammar. – Berkeley: University of California Press, 1981. – 691 p.

© Никитина К.В., 2026

УДК 81'27

Ниязгулова С.Р.,
магистрант УУНиТ
Научный руководитель – ***Хисамова Г.Г.,***
д-р филол. наук, профессор УУНиТ,
г. Уфа, Россия

К ПРОБЛЕМЕ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЯЗЫКОЗНАНИИ

Интерес к взаимосвязи языка и пола прослеживается с начала XX века. В работе О. Есперсена «Язык: его суть, происхождение и развитие» (1922) впервые была выделена целая глава, посвящённая вопросам языка и пола, где автор описывал случаи дифференциации речевых средств у мужчин и женщин в экзотических языках [7:139]. Однако систематические исследования в этой области начались лишь в 1960–1970-е годы под влиянием социолингвистики и второй волны феминистского движения.

В современной науке выделяют три магистральных подхода к гендерным лингвистическим исследованиям: 1) трактовка социальной природы языка женщин и мужчин; 2) социопсихолингвистический подход; 3) когнитивный аспект различий в языковом поведении полов [4:140].

Эта классификация позволяет систематизировать накопленный материал и уйти от идеологизированных споров в сторону строгой научной методологии. **Трактовка социальной природы (или социолингвистический подход) и**сследует язык как отражение социального статуса, а именно как гендерные роли, иерархия и культурные стереотипы влияют на речь. Здесь анализируются стратегии вежливости, частота перебиваний и использование специфической лексики в зависимости от социального контекста.

Второй, **социопсихолингвистический подход, р**ассматривает речевое поведение как результат взаимодействия социальных факторов и психических особенностей индивида. Фокусируется на на установки, интенции и ассоциативное поле. Исследователей интересует не просто «кто как говорит», а как личность через язык конструирует свою идентичность в конкретных речевых актах.

Когнитивный аспект изучает различия в ментальных процессах, категоризации мира и хранении языковых единиц в ментальном лексиконе. Акцентирует внимание на концептосфере «мужественность» и «женственность», особенности метафоризации и вербализации эмоций. Этот подход ищет ответ на вопрос, существуют ли различия в «картинах мира» мужчин и женщин.

Ключевым понятием направления стала гендерная асимметрия в языке – неравномерная представленность лиц разного пола в языковой системе. В.И. Коваль выделяет следующие её признаки: согласование по форме грамматического рода, а не по референту; отождествление понятий «человек» и «мужчина»; производность женских форм от мужских; приоритет мужских форм при обозначении лиц обоего пола; атрибуция женщинам преимущественно отрицательных качеств в паремиологии [3:25].

Сегодня как отмечают ученые-лингвисты, одной из главных проблем современного состояния исследований является отсутствие четкого разграничения между гендерным языкознанием как дескриптивной дисциплиной и феминистской лингвистикой как направлением, имеющим выраженную идеологическую и прескриптивную составляющую [7:136]. Гендерная лингвистика (как наука) призвана фиксировать, как есть: как мужчины и женщины используют язык, какие когнитивные механизмы за этим стоят и как гендер отражается в языке как системе. Феминистская лингвистика часто говорит о том, как должно быть: она рассматривает язык как инструмент власти и патриархата, предлагая реформировать его (например, через внедрение феминитивов или нейтрализацию обращений) для достижения социального равенства [5:184].

Большинство зарубежных исследователей указывают на наличие ещё следующих проблем при изучении данной науки:

1. Методологическая несостоятельность выделения «женского» и «мужского» языка как облигаторных систем. Ряд зарубежных авторов, обобщая многочисленные исследования на материале европейских языков, приходят к выводу о невозможности сделать твёрдые выводы о неотъемлемых атрибутах мужской и женской речи [2:140].
2. Циркулярность выводов – исследования воспроизводят и закрепляют стереотипные представления о речевом поведении, вместо того чтобы объяснять их происхождение.
3. Низкая практическая ценность дескриптивных исследований по сравнению с феминистской языковой реформой.

С другой стороны, представители феминистской лингвистики, такие как Е. Горшко и О.А. Воронина, настаивают на необходимости выявления и устранения гендерных асимметрий в языке как проявлений женской дискриминации [1:11]. Основными стратегиями здесь выступают гендерная нейтрализация и гендерная спецификация (внедрение феминитивов).

Показательным материалом для анализа проблемы выступает фразеология, которая, как справедливо отмечает В.Н. Телия, является «зеркалом, в котором лингвокультурная общность идентифицирует своё национальное самосознание».

Рассмотрим на основе русских и башкирских фразеологизмов, содержащих гендерные стереотипы. В обоих языках отчётливо прослеживается дихотомия «сильный мужчина – слабая женщина», хотя культурная специфика накладывает на эти образы свои оттенки. Например, в русском языке мужчина часто ассоциируется с опорой, защитой и рациональностью («мужское слово» – твёрдое, не подлежащее сомнению решение; «мужик» в значении «здоровяк, крепыш»). В башкирском языке патриархальный уклад закреплён в выражениях, подчёркивающих власть и ответственность мужчины, например, **«Ир – өйҙөң таянысы»** («Мужчина – опора дома») или **«Ир ҡанаты»** («Крылья мужчины» – то есть защита и покровительство для семьи) [8].

Что касается женских образов, то как в русском, так и в башкирском языках доминируют стереотипы, связанные с эмоциональностью, домом, красотой, но часто – с отрицательной коннотацией недалёкого ума или болтливости. В русском языке это выражается в поговорках вроде «Баба с возу – кобыле легче» (женщина как помеха или лишний груз) или «Курица не птица, баба не человек» [6]. В башкирском языке аналогичные установки передаются через фразеологизмы, сравнивающие женщину: **«Ҡатындың сәсе оҙон, аҡылы ҡыҫҡа»** (прямой аналог русского «Волос долог, да ум короток»), который прочно закрепляет за женщиной поверхностное мышление [8].

Интересно, что в башкирских фразеологизмах сильнее выражен архетип «женщина-хранительница очага», но с оттенком жертвенности, в то время как русские идиомы чаще высмеивают женское вмешательство в «мужские» дела. Например, башкирское **«Ҡатын кейеҙ баҫҡан, ир ер баҫҡан»** («Женщина кошму валяет, мужчина землю осваивает») строго разграничивает домашнюю и публичную сферы [8]. В русском языке схожая идея передаётся через иронию: «Мужик и собака на дворе, а баба и кошка в избе». Также стоит отметить башкирское выражение **«Ир ҡатындың эйәре»** («Мужчина – седло женщины») [8], которое парадоксально указывает на то, что даже главенствующая роль мужчины служит лишь инструментом для передвижения женщины – что может трактоваться как скрытое признание женской направляющей силы, однако в прямом смысле фразеологизм закрепляет подчинённое положение супруги.

Кроме того, нерешенным остаётся вопрос о возможности и границах феминистского языкового планирования в русском языке. В отличие от зарубежных стран, где достижение гендерного паритета является государственной задачей, в России обсуждения введения феминитивов остаются уделом маргинальных дискуссий [7:141].

Таким образом, проблемное поле гендерной лингвистики характеризуется противостоянием двух подходов: дескриптивного (изучение речевых различий) и прескриптивного (феминистская

языковая реформа). Перспективы развития направления связаны не столько с продолжением накопления описательных данных о «женской» и «мужской» речи, сколько с рефлексией методологических оснований и выработкой критериев научности. Наиболее продуктивным является когнитивно-дискурсивный подход, позволяющий изучать не столько сами гендерные различия, сколько механизмы их конструирования и воспроизводства в языке и дискурсе.

Литература:

1. Воронина О.А. Конструирование и деконструкция гендера в современном гуманитарном знании // Вестник Пермского университета. Сер. Философия. Психология. Социология. – 2019. – № 1. –С. 5–16. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-1-5-16

2. Кирилина А.В. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. –302 с.

3. Коваль В.И. Язык и текст в аспекте гендерной лингвистики: Монография. – Гомель, 2007. – 236 с.

4. Колосова О.А. Когнитивные основания языковых категорий: на материале современного английского языка: дис. … д-ра филол. наук. – М., 1996. – 428 с.

5. Остапенко А.Б. Влияние гендерной принадлежности на вариативность языка // Филология: научные исследования. – 2025. – № 3. – С. 180–193. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.3.73267

6. Толковый словарь живого великорусского языка : В 4 томах / Даль В.И. - М. : РИПОЛ классик, 2006. / Том 2. И-О. – 784 с. / К. 70 –233 с. - (Золотая коллекция). ISBN 5–7905–4704–4

7. Ульяницкая Л.А. Критика гендерного языкознания с позиций феминистской лингвистики // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 2. С. 135–155. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-2-135-155

8. Ураксин З.Г. Русско-башкирский фразеологический словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. – М.: Русский язык, 1989. – С 404

© Ниязгулова С.Р.., 2026

УДК 811.531

Новикова А.А.
студент УУНиТ,
Научный руководитель – ***Кучаева А.Н.,***
ассистент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Словообразование играет важную роль в развитии любого языка, так как именно с его помощью появляются новые слова и обновляется лексика. В современном мире, где происходят постоянные изменения в обществе, технологиях и культуре, языки вынуждены быстро адаптироваться. Корейский язык в этом плане не является исключением – он активно развивается и пополняется новыми словами, что делает тему словообразования особенно актуальной.

В лингвистике словообразование понимается как процесс создания новых слов на основе уже существующих. Это может происходить разными способами: с помощью добавления аффиксов, объединения слов, изменения их функций и других механизмов. Основная задача словообразования – давать названия новым явлениям, предметам и понятиям.

Корейский язык относится к агглютинативным языкам, и это сильно влияет на его словообразовательную систему. В таких языках слова строятся путём добавления различных морфем к основе, при этом каждая морфема сохраняет своё значение. Благодаря этому структура слов в корейском языке достаточно прозрачная: их легко разобрать на части и понять, как они образованы. Например, к существительному можно добавить элемент 하다 и получить глагол, что является одной из самых распространённых моделей.

Одним из основных способов словообразования в корейском языке является аффиксация. Она заключается в добавлении к слову специальных элементов – аффиксов. С их помощью можно не только создавать новые слова, но и изменять значение уже существующих. В корейском языке чаще всего используются суффиксы, тогда как префиксы встречаются реже.

Префиксы добавляются в начало слова и обычно изменяют его значение. Например, с их помощью можно выразить отрицание или усиление. Однако в целом они не так активно используются, как суффиксы, и чаще встречаются в официальной или научной речи.

Суффиксы, наоборот, играют очень важную роль. С их помощью можно образовывать существительные, глаголы и прилагательные. Особенно часто используется элемент -하다, который превращает существительное в глагол. Например, слово 공부 (учёба) становится 공부하다 (учиться). Благодаря таким моделям в языке легко появляются новые слова.

Кроме аффиксов, в корейском языке существуют и другие элементы, например интерфиксы и энклитики. Интерфиксы помогают соединять части слова, а энклитики (частицы) выполняют в основном грамматическую функцию. Хотя они напрямую не всегда участвуют в образовании новых слов, они всё равно влияют на структуру языка.

Ещё одним важным способом словообразования является словосложение. Оно заключается в объединении двух или более слов в одно. Например, 학교 (школа) и 생활 (жизнь) образуют слово 학교생활 (школьная жизнь). Такой способ очень удобен, так как позволяет кратко выражать сложные понятия.

Также в корейском языке встречается конверсия – это переход слова из одной части речи в другую без изменения формы. Например, существительное может использоваться как глагол. Это упрощает речь и делает язык более гибким.

Редупликация – ещё один интересный способ словообразования. Она заключается в повторении слова или его части. Обычно это используется для усиления значения или придания эмоциональной окраски. Например, 빨리빨리 означает «очень быстро» или «побыстрее». Такие формы часто встречаются в разговорной речи.

В современном корейском языке большое значение имеют заимствования. Многие слова приходят из английского языка и затем адаптируются под корейскую фонетику. Например, 컴퓨터 (компьютер) или 스마트폰 (смартфон). Интересно, что такие слова потом могут использоваться как основа для образования новых слов, что показывает гибкость языка.

Также в последние годы активно используются сокращения и аббревиатуры, особенно среди молодёжи и в интернете. Например, 남친 (парень) и 여친 (девушка). Это связано с желанием упростить и ускорить общение.

В целом можно сказать, что словообразовательная система корейского языка является очень гибкой и продуктивной. В ней сочетаются традиционные способы, такие как аффиксация и словосложение, и современные тенденции, включая заимствования и сокращения.

Таким образом, словообразование в современном корейском яыке отражает как внутренние особенности языка, так и влияние внешних факторов. Оно позволяет языку быстро развиваться и адаптироваться к новым условиям, что делает его интересным объектом для изучения.

Литература:

1. Алпатов В. М. Корейский язык. – М.: Восточная литература, 2004.
2. Маслов Ю. С. Введение в языкознание. – М.: Академия, 1987.
3. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений: семантика производного слова. – М.: Наука, 1981.
4. Sohn Ho-min. The Korean Language. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
5. Lee Iksop, Ramsey S. Robert. The Korean Language. – Albany: SUNY Press, 2000.

© Новикова А.А., 2026

УДК 811.531

Нугуманова Д. М.
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Байбулова М. Н.,***
ассистент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПОСЛОВИЦ С ЛЕКСЕМАМИ «ЗАВИСТЬ» И «ЖАДНОСТЬ» В КОРЕЙСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Пословицы и поговорки представляют собой бесценный источник информации о менталитете народа, его моральных ценностях и культурных установках. Особый интерес для лингвистов представляет сопоставление языков, принадлежащих к разным типам и культурам, таких как русский

(флективный, индоевропейская семья) и корейский (агглютинативный, изолированный/алтайский тип).

Объектом данного исследования являются корейские и русские пословицы, предметом - лексико-семантические особенности репрезентации концептов «зависть» и «жадность». Актуальность работы обусловлена необходимостью глубокого понимания межкультурных различий в эпоху глобализации и расширения российско-корейских связей.

Зависть – это сложное чувство, возникающее при виде успеха или обладания благами другим лицом. В русской паремиологии зависть часто ассоциируется с физическим недугом или воздействием на зрение. «Завистливый по чужому счастью сохнет» [5, с. 142]. «Завистливому и свой глаз мешает».

В русском сознании зависть – это «яд», который разрушает самого носителя. Часто используется метафора «черной» и «белой» зависти, хотя в пословицах она чаще представлена как разрушительная сила.

В корейской лингвокультуре зависть имеет яркую соматическую (телесную) окраску, специфичную именно для корейского менталитета. Самая известная пословица гласит:

사촌이 땅을 사면 배가 아프다 - «Если двоюродный брат купит землю, живот болит» [8, с. 56]. Здесь мы видим уникальную метафору: успех близкого родственника вызывает буквальную физическую боль в животе. Это отражает историческую важность земельных отношений и тесноту семейных связей в корейском обществе, где успех соседа или родственника воспринимается как личная неудача.

Интересно, что в корейском языке зависть часто переплетается с понятием «시기» (сиги - ревность/зависть в делах) и «질투» (чильтху - ревность в любви). В пословицах зависть часто порицается через образ бесполезности: «Чужой рисовый пирог всегда кажется больше» (남의 떡이 더 커 보인다). Этот образ идентичен русскому: «В чужих руках ломоть велик» [6, с. 201].

Концепт «жадность» и способы его репрезентации

Жадность (탐욕/욕심 в корейском) в обеих культурах трактуется как безнравственное стремление к избыточному обладанию. Однако способы выражения этой мысли различаются. В русском языке жадность часто связывается с образом «пропасти» или «пустоты», которую невозможно заполнить: «Жадность - что река: чем больше воды, тем глубже». «У жадного брюхо без дна».Часто жадность в русском языке персонифицируется в образе собаки: «Собака на селе лежит: сама не ест и другим не дает» [5, с. 145].

В корейской традиции жадность часто описывается через процесс потребления пищи или через социальные роли. Корейское общество в условиях строгой иерархии и дефицита ресурсов, выработало свои метафоры:

1. 말 타면 경마 잡히고 싶다 (Маль тхамён кёнъма чапхиго сиптха) – «Сев на лошадь, хочется и узду в руки взять». Это эквивалент русской пословицы «Дай палец – всю руку откусит».

2. 배꼽보다 배가 더 크다 (Пэккоп-пода пхэга то кхыда) – «Живот больше пупка» (о чрезмерных, необоснованных амбициях и жадности).

Корейские пословицы также акцентируют внимание на том, что жадность приводит к потере уже имеющегося: «Гнался за оленем - не заметил горы». В русском языке этому соответствует: «За двумя зайцами погонишься - ни одного не поймаешь».

Сопоставление лексем в контексте паремий позволяет сделать следующие выводы: универсальность: обе культуры единодушны в осуждении данных пороков, и в России, и в Корее подчеркивается, что зависть и жадность деструктивны для личности. Метафора «чужого куска, который больше своего», является интернациональной (русский «ломоть» и корейский «рисовый пирог»). Специфика России: Русские пословицы чаще используют образы диких животных (волк, собака) и природные стихии. Зависть часто связывается с концептом «глаз» (сглаз). Специфика Кореи: Корейские пословицы глубоко укоренены в аграрном прошлом (покупка земли) и конфуцианской этике. Огромную роль играют соматические метафоры (боль в животе, размер пупка). Также в корейских паремиях чаще прослеживается тема иерархии и социальных отношений. Сравнительно-сопоставительный анализ пословиц с лексемами «зависть» и «жадность» в русском и корейском языках подтверждает гипотезу о том, что при единстве общечеловеческих моральных норм способы их языкового воплощения глубоко специфичны.

Русский язык тяготеет к пространственным и природным метафорам, в то время как корейский язык демонстрирует тесную связь между эмоциональными состояниями и физиологическими ощущениями, а также бытовыми реалиями традиционного общества

Изучение данных концептов помогает не только в глубоком освоении иностранного языка, но и в предотвращении коммуникативных неудач в процессе межкультурного диалога, позволяя лучше понять внутренние мотивы поведения представителей иной культуры.

Литература:

1. Аникин В.П. Русские пословицы и поговорки. – М.: Художественная литература, 1988. – 431 с.
2. Гак В.Г. Языковые преобразования. Сопоставительная прагматика. – М.: Языки русской культуры, 1998.
3. Даль В.И. Пословицы русского народа. – М.: Эксмо, 2003. – 616 с.
4. Котова М.Ю. Русско-славянский словарь пословиц. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. – 160 с.
5. Мокиенко В.М. Образы русской речи: Этнолингвистические очерки фразеологии. – Л.: Изд-во ЛГУ,1986.
6. Степанов Ю.С. Словарь русской культуры– М.: Академический проект, 2004.– 992 с.
7. Lim Su. Proverbial Expressions in Korean. – Seoul: Sinasa, 2002. – 350 p.
8. Пак М.Н. Корейские пословицы и поговорки. – М.: Изд-во восточной литературы, 1962. – 192 с.
9. Choi S. Cultural perspectives in Korean idioms. – Busan: University Press, 2015. – 210 p.
10. Чернышева О.Н. Сопоставительная лингвокультурология: Россия и Восток. – М.: Наука, 2017. – 145 с.

© Нугуманова Д. М., 2026

УДК 811.531

Овчинникова А.Е.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Кучаева А.Н.****,*
ассистент УУНиТ,
г. Уфа, Башкортостан

СОВРЕМЕННЫЙ СЛЕНГ В КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В последние несколько лет происходит активное изменение словарного запаса корейского языка, связанное с его развитием. Лексический запас постоянно расширяется, изменяется и пополняется под влиянием Интернета, поп-культуры, общества, заимствований и так далее [2: 38]. Все вышеперечисленные причины дали толчок и ускорили развитие не только языка, но и его употребления в повседневной жизни. Именно из-за этого молодёжный сленг стал так сильно распространяться и влиять на корейское общество, вплоть до занесения новых слов в словари.

Актуальность данного исследования обусловлена возрастающим интересом не только к корейской культуре, но и непосредственно к языку, из чего и вытекает необходимость ознакомления с разновидностью сленговых выражениях в корейском языке.

Цель статьи заключается в анализе и разборе современного корейского сленга, выделении разных видов сленга. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: рассмотреть особенности формирования современного корейского сленга; выявить роль заимствований, в том числе из английского языка; определить основные способы образования сленговых слов и выражений [1: 108].

Современный сленг в Корее неоднородный, смешанный, и встречается во всех сферах жизни обычного корейца. Мажоритарная часть сленга построена на коммуникациях и взаимодействиях, поэтому он употребляется не только в переписках и в Интернете, но и в общественной жизни, работе, увлечениях и так далее. Именно из-за этих причин сленг и становиться неотъемлемой частью жизни каждого.

Если говорить про самое популярный и востребованный способ образования нового сленга, то это, конечно, заимствование слов из иностранной лексики. В данном способе есть несколько вариантов оформления: первый – полностью, не измененная, заимствованная форма слова, второй – совмещение с корейскими словами. Сленг в корейском часто «берет» слова из английского языка. В качестве примеров можно привести довольно много слов, но остановимся на самых популярных: ‘콜’ (Отлично, я в деле) – является корейским звучанием английского слова ‘Call’, которое пришло из игры в покер. Это слово может применяться для повседневных дел или занятий. В частности, когда

твои друзья или коллеги предлагают поехать с ними в путешествие, Вы можете сказать ‘콜! ’, которое значит, что вы однозначно согласны на их предложение и с удовольствием принимаете его. Используется при соглашении либо при показании одобрения. ‘굿잡’ (Хорошо сделано, хорошая работа) – точно такое же совпадение с английским ‘Good job’. То же самое можно сказать и о ‘하이’ (Привет) – от английского ‘Hi’ и ‘땡큐’ (Спасибо) – идентично английскому ‘Thank you’.

Но корейские сленги, состоящие полностью из корейских слов, будь то сокращение слов или предложений, звучат и передают смысл намного ярче и живее [3: 105]. ‘이왜진’ – один из таких примеров, в буквальном переводе означает «Как это возможно», от корейского ‘이게 왜 진짜’, но эмоциональная окраска заключается в самом процессе, чаще описывая событие, которое неожиданно происходит, обычно связанная с выигрышами в лотереях, неожиданными проигрышами в играх, да и в обычной жизни так можно описать удивление чем-то необычному.

핑프 – сленг, используемый с целью описать человека, который спросит вопрос в социальных сетях, а не найдет ответ сам в Google. Это сокращение от корейского – 핑거 프린스, что, в свою очередь, заимствованно созвучно с английским ‘Pink price’, хоть и не является прямым значением.

엠에스지 – сленг отсылающий к чрезмерной гиперболизации или придумывании разных историй из жизни с целью сделать их более интересными для прослушивания окружающими тебя людьми и друзьями.

깊생 – в последнее время выражение очень популярно среди молодежи, используется для описания переживаний над чем-то, раздумываний. Происходит от сокращения выражения – ‘깊은 생각’

껌딱지 – описывает близкого вам друга или человека, который постоянно находится рядом, буквально «прилип как жвачка».

문짝남 – объединяет корейские слова дверь – ‘문’ и мужчина – ‘남’, часто используется, чтобы описать главных героев в романтических корейских драмах, особенно очень высоких и красивых.

오징어 – используется для того, чтобы выделить красоту и привлекательность человека, который заставляет других на его фоне выглядеть как «осьминоги», а также подчеркнуть большой контраст внешности на плане других.

덕통사고 – буквально «Внезапно стал фанатом поп-звезды, на которую до этого не обращал внимания». Данный сленг больше распространен в Интернет-пространстве среди молодёжи, которые увлекаются корейской поп-индустрией, и даже многие корейцы не знают значения.

자만추 – имеет значение «Поиска естественной встречи», то есть столкнуться с кем-то, не принуждая человека к совместному времяпровождению.

추구미 – популярный Интернет-сленг, обозначающий свой собственный стиль или эстетику. Используется, чтобы описать внешность или человека, который вас вдохновляет.

헐 – безусловно самый популярный сленг на данный момент в Республике Корея, используется как выражение удивления, на русском может звучать как ‘Ого’. Каждый молодой кореец использует этот сленг либо в повседневной жизни, либо в Интернет-пространствах [5: 343].

Также нельзя забывать и о текстовой составляющей сленгового корейского языка. Корея очень цифровая страна, в которой люди проводят неисчислимое время в текстовых переписках, и в целях экономии времени молодёжь начала сокращать слова, и даже предложения, до 2-3 букв, которые могут означать целые выражения. Но важно помнить, что такой сленг использует 반말 – а это неформальный стиль речи, который можно употреблять только лишь в коммуникациях с друзьями, младшими по возрасту или социальному статусу, близкими людьми, а в случае употребления к человеку старшего возраста или статута это считается оскорбительным и неуважительным. В данный момент времени таких сокращений очень много, и каждый день появляются все новые и новые, но в целях ознакомления с важной частью корейского сленга рассмотрим некоторые, в основном самые

популярные, из них: ㄱㅅ – Спасибо (От кор. 감사) / ㅊㅋ – Поздравляю (От кор. 축하해요) / ㅈㅅ– Прости (От кор. 죄송해요) / ㅅㅇㅊㅋ – С днём рождения (От кор. 생일축하해) / ㅇㅈ – Точно (От кор. 인정)

Рассмотренные в данной статье сленговые группы объединяет краткость, новизна, оригинальность и простота в использовании. Молодёжь не стоит на месте и развивает сленговую составляющую языка, порой даже слишком быстро. Было выявлено, что большинство сленговых единиц появляются в Интернет-пространстве, с целью сократить время написания сообщений, которые в дальнейшем переходят и в повседневный лексикон корейцев. Хотя существуют и выражения, которые остаются в узком кругу по увлечениям, например, обычный кореец никогда не поймет, что значит ‘덕통사고’, и лишь спросит что это означает, не придавая этому большое значение, когда как большинство девочек-подростков, которые любят кей-поп группы и следят за ними, сразу поймут о чем речь, и с интересом продолжат диалог, и, возможно, даже подружатся.

Также особое внимание стоит уделить скорости устаревания сленговых выражений. В связи, как уже упоминалось, с быстрым развитием сленга, большинство единиц выходят из оборота, как только появляются новые.

Ещё стоит упомянуть влияние корейской индустрии развлечений на формирование и распространение сленга. Корейские сериалы, дорамы, кей-поп группы, развлекательные шоу, прямые эфиры становятся источником новых выражений, которые быстро распространяются среди их аудитории – молодежи, которая всегда хочет быть в центре внимания и быть «на одной волне» с остальными. Из-за этого в повседневной речи появляется много «повторений» за любимыми кумира и подражания им, влияя на обычную жизнь.

В заключении можно отметить, что все мной перечисленные примеры являются всего лишь частью многогранного корейского сленга, так как с каждым днем он развивается все стремительнее, а это еще одна черта, которой нужно овладеть в совершенстве, во время изучения корейского языка. Поэтому при понимании или переводе сленговой речи следует учитывать особенности контекста, в котором они употребляются. Вопросы языкового изменения, понимания и анализ сложившейся ситуации в современном корейском является одной из остро стоящих проблем, не только перед современной корейской лингвистикой, но и перед востоковедением [4: 67]. Поэтому исследование особенностей функционирования сленга не только в молодежной среде, но и в самом обществе является актуальным вопросом.

Литература:

1. Касимов Р. Х. Корейские заимствования в русском языке: за пределами академических словарей // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2025. – Т. 56, № 1. – С. 106–118
2. Ким Е. В. Сленг в речи современной корейской молодёжи // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2020. – № 8 (837). – С. 38–45.
3. Ким Хэ Ран. Употребление лексики и грамматики в современном корейском языке // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. – № 3 (105).
4. Allison D. A., Sanchirova E. A., Garyaeva A. S. Youth slang in the Korean language: specifics of development and role in modern society of South Korea // Russian Linguistic Bulletin. – 2025. – № 7 (67).
5. Kim Y., Jung S. A Study on the Applicability of Language Meme as a Spreading Medium of Juvenile Slang // Korean Comparative Government Review. – 2017. – № 21 (4). – P. 341–362.

© Овчинникова А.Е., 2026

УДК 81'42

Павлов Р.Д.,
магистрант УУНиТ
*Научный руководитель – **Абдуллина Л.Б.,***
канд. филол. наук, доцент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

БАЛАНСИРОВАНИЕ КАК ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ: ОТ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ К ДИСКУРСИВНОЙ ПРАКТИКЕ

Понятие «балансирование» является одним из ключевых в теории международных отношений, особенно в рамках структурного реализма. Классическая трактовка, восходящая к работам К. Уолтца, рассматривает балансирование как естественную реакцию государств на концентрацию власти, направленную на противодействие гегемонистским устремлениям и сохранение устойчивости международной системы. В отличие от «присоединения к более сильному», балансирование предполагает формирование или вступление в альянсы, позволяющие сдерживать потенциального агрессора или доминирующую державу. Однако дальнейшее развитие теории, особенно благодаря работам С. Уолта, скорректировало классическую модель, показав, что государства балансируют не столько против власти как таковой, сколько против воспринимаемой угрозы, которая складывается из географической близости, наступательных возможностей и агрессивных намерений.

В этом контексте особую аналитическую ценность приобретает понятие «хеджирования» (hedging) – стратегии, при которой государство избегает окончательного выбора стороны и одновременно поддерживает отношения с конкурирующими центрами силы, сохраняя пространство для манёвра. урция в отношениях с Россией и Западом действует по модели хеджирования. Она не создаёт антизападный военный блок, но использует торговлю, энергетику («Турецкий поток») и дипломатическое посредничество, чтобы укрепить свои позиции. Это не классическое балансирование, которое предполагает открытое противодействие. Хеджирование позволяет одновременно сотрудничать с соперничающими державами, поэтому оно гибче и вызывает меньше конфликтов.

Если смотреть на современную Турцию через классические теории международных отношений, то видно явление, которое можно назвать «многовекторным балансированием». Анкара – член НАТО, но при этом развивает военно-техническое сотрудничество с Россией, Китаем и другими незападными центрами силы. Однако традиционный подход, который фокусируется только на материальных игроках и альянсах, не объясняет, как Турции удаётся сохранять такую двойственную позицию. Она не превращает партнёров во врагов и не доводит до полного разрыва ни с одной из сторон. Поэтому здесь нужно перейти от анализа действий к анализу дискурса.

В данном исследовании мы предлагаем рассматривать балансирование не только как внешнеполитическую стратегию, реализуемую через закупку вооружений или дипломатические шаги, но и как **дискурсивную практику**, то есть систему языковых действий, направленных на конструирование, легитимацию и поддержание этой амбивалентной позиции перед разными аудиториями. Такой подход опирается на несколько теоретических предпосылок.

Первая предпосылка связана с «лингвистическим поворотом» в социальных науках, который утверждает, что реальность международных отношений не существует вне языка: альянсы, угрозы, интересы и идентичности конструируются через нарративы, метафоры, категоризации и пресуппозиции. Даже само определение того, что является «балансированием», а что – «предательством» или «дружбой», зависит от доминирующих дискурсивных схем.

Вторая предпосылка коренится в критическом дискурс-анализе (КДА) в версии Р. Водак, Н. Фэркло и Т. ван Дейка. КДА исходит из того, что тексты, особенно институциональные, одновременно выполняют три функции: они описывают положение дел (репрезентативная функция), устанавливают и поддерживают социальные отношения (интеракциональная функция) и конструируют идентичности (идентификационная функция). В дипломатическом дискурсе балансирования все три функции работают в сложной связке: заявление о покупке С-400 описывает техническое решение, одновременно переопределяя отношения с США (интеракция) и конструируя Турцию как суверенного актора, не терпящего диктата (идентификация).

Третья предпосылка касается специфики официального дипломатического дискурса как жанра. В отличие от неформальной политической коммуникации, официальные заявления обладают повышенной перформативной силой: они не просто отражают уже принятые решения, но и сами

являются действиями, изменяющими ожидания сторон, создающими обязательства и формирующими восприятие. Произнесенное министром обороны Турции слово «необходимость» (zorunluluk / necessity) в отношении С-400 – это не просто констатация факта, а дискурсивный акт, легитимирующий решение перед внутренней и внешней аудиторией и одновременно снимающий с Турции ответственность за последствия этого шага.

Сказанное означает, что дипломатический дискурс не просто «отражает» реальное положение дел, но активно его формирует. В случае Турции это проявляется в создании особой **дискурсивной реальности**, где противоречивые действия (членство в НАТО и сотрудничество с Россией) предстают не как взаимоисключающие, а как взаимодополняющие элементы единой стратегии по обеспечению национальной безопасности. Ключевым механизмом здесь выступает **переопределение контекста**: одно и то же действие (например, закупка С-400) в зависимости от аудитории может быть представлено и как «вынужденная мера в ответ на санкции США», и как «суверенное право Турции», и как «вклад в диверсификацию оборонных закупок». Такая многозначность позволяет удерживать разные интерпретации одновременно, не вступая в прямое противоречие ни с одной из сторон.

Переход от теории международных отношений к дискурсивной практике требует введения понятия «**дискурсивное балансирование**». В отличие от материального балансирования (закупка вооружений, формирование альянсов) и институционального (участие в международных организациях), дискурсивное балансирование представляет собой символическое маневрирование, осуществляемое через: выбор лексики, маркирующей отношения; конструирование временных рамок; градуирование степени конфликтности; переключение кодов и адресацию разным аудиториям; управление пресуппозициями.

Дополнительным теоретическим ресурсом для анализа турецкой дипломатии балансирования выступает теория секьюритизации Копенгагенской школы, которая показывает, как «угрозы» конструируются дискурсивно через речевые акты. В турецких заявлениях критика Запада часто подается не как идеологическая позиция или геополитический выбор, а как реакция на экзистенциальную угрозу – например, поддержка США курдских формирований в Сирии или отказ в поставке систем Patriot. Это позволяет перевести вопрос из плоскости «выбора союзника» в плоскость «защиты национальной безопасности», что легитимирует любые, в том числе неортодоксальные, шаги Анкары, включая приобретение С-400 и сближение с Россией. Постструктуралисты добавляют к этому ещё один важный момент. Они говорят, что идентичность государства строится на различении «своих» и «чужих». А дискурсивное балансирование – это способ постоянно переопределять границы собственной идентичности под влиянием меняющихся внешних условий.

Благодаря такому дискурсивному балансированию Турция остаётся в НАТО и при этом всё глубже сотрудничает с Россией в военно-технической сфере. На уровне реальной политики эти две линии могут конфликтовать: вспомнить хотя бы исключение из программы F-35 или санкционные риски. Но на уровне дискурса они уживаются. Как? Каждое действие объясняется суверенной необходимостью. Критика США и НАТО подаётся как ответ на то, что они сами не выполняют свои обязательства. А сотрудничество с Россией изображается как ограниченное и чисто техническое взаимодействие.

Анализ турецких заявлений показывает, что они редко представляют действия Анкары как инициативные или провокационные. Вместо этого доминирует нарратив вынужденности.

Важно подчеркнуть, что дискурсивное балансирование не является просто «словесным прикрытием» для реальных действий. Оно обладает собственной действенностью, поскольку формирует ожидания других акторов и ограничивает их ответные реакции. Когда Турция последовательно описывает свои шаги как «реактивные» (вынужденные), она лишает Запад оснований для жесткой критики и санкций: как можно наказывать союзника за действия, которые он «не по своей воле» совершает в ответ на внешнее давление? В этом смысле дискурсивное балансирование становится **инструментом управления репутационными рисками**, позволяя Турции совершать неортодоксальные внешнеполитические шаги, сохраняя при этом статус «ответственного члена НАТО» и «надёжного партнёра России» одновременно.

Таким образом, балансирование в официальных заявлениях Турции по вопросам военно-технического сотрудничества не сводится к отражению материальной реальности, а активно конструирует особую позицию «между» (in-betweenness), которая становится ресурсом внешнеполитического маневрирования. Теоретический переход от международных отношений к дискурсивной практике, осуществленный в данной статье, позволяет перейти к более детальному

анализу инструментария политической лингвистики и критического дискурс-анализа, необходимого для изучения трилингвальных турецких заявлений.

Литература:

1. Водак Р., Мейер М. Методы критического дискурс-анализа. – 3-е изд. – Лондон: Sage Publications, 2015. – 256 стр.
2. Уолтц К. Теория международной политики. – MA: Addison-Wesley, 1979. – 251 стр.
3. Уолт С.М. Происхождение альянсов. – Издательство Корнеллского университета, 1987. – 336 стр.
4. Фэрклаф Н. Критический анализ дискурса: Критическое исследование языка. – Лондон: Longman, 1995. – 276 стр.
5. Aydın-Düzgit S., Rumelili B. Discursive Balancing: Turkey's Ambiguous Position in the Euro-Atlantic Alliance // Journal of Balkan and Near Eastern Studies. – 2021. – Vol. 23, № 4. – 543–559 стр.
6. Dalay G., Friedman G. Turkey's New Balancing Act: Between East and West // Foreign Affairs. – 2020. – 15 October. – URL: https://www.foreignaffairs.com/ (дата обращения: 02.04.2026).
7. Larrabee F.S. Turkey's Balancing Act: Between Russia and the West // The RAND Blog. – 2021. – 16 March. – URL: https://www.rand.org/ (дата обращения: 02.04.2026).

© Павлов Р.Д., 2026

УДК 811.531

Павлова Е.Р.,
студент УУНиТ
Научный руководитель ***– Байбулова М.Н.,***
ассистент УУНиТ
г. Уфа, Россия

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КЁНСАНСКОГО ДИАЛЕКТА И СТАНДАРТНОГО КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА

Корейский язык характеризуется значительным диалектным разнообразием, которое формировалось в течение истории Корейского полуострова под влиянием исторических, географических и социальных факторов. Современное распределение диалектов корейского языка по полуострову во многом объясняется как преимущественно горным рельефом, так и историческим разделением территории на Северную и Южную Корею.

Несмотря на то, что любой язык имеет литературный стандарт – норму, которая обеспечивает взаимопонимание между носителями из разных регионов, региональные диалекты в большинстве языков сохраняются. Корейский язык не стал исключением. На территории Южной Кореи литературный стандарт основан на сеульском диалекте, а в Северной Корее – на пхеньянском. Оба стандарта закреплены в образовании и средствах массовой информации, обладая высоким социальным престижем. Вместе с тем региональные диалекты до сих пор активно используются носителями в повседневной речи и оберегаются как часть культурного и исторического наследия.

Особый интерес для изучения представляет кёнсанский диалект, распространённый в юго-восточной части Корейского полуострова (в том числе в городах Пусан, Тэгу и Ульсан), который выделяется среди других особенностями лексики и грамматического строя, а, учитывая его, фонетические и интонационные особенности, кёнсанский диалект, в частности его пусанский вариант, можно отнести к одному из самых узнаваемых и массово известных диалектов на территории Корейского полуострова. Его уникальная интонация и диалектные слова часто используются в дорамах, как правило, для формирования определённого образа персонажа, ведь герои, говорящие на этом диалекте, нередко воспринимаются как более прямолинейные, эмоциональные и резкие в общении, что связано с характерными интонационными особенностями и ритмом речи. А некоторые айдолы (например, I.N. из группы Stray Kids, Чимин из группы BTS, Ынджи из Apink) и другие знаменитости (например, актёр Со Ин Гук) родом из Пусана, Тэгу или Ульсана сохраняют черты кёнсанского диалекта в своей речи, особенно в неформальных интервью или трансляциях с фанатами, что помогает популяризировать этот диалект среди широкой аудитории.

Такая узнаваемость кёнсанского диалекта обусловлена его ярко выраженными языковыми особенностями, которые будут рассмотрены далее.

Одной из самых ярких отличительных черт кёнсанского диалекта стала так называемая «питч-акцентная» система, где высота тона закреплена за первым слогом слова и определяет его значение. В других регионах корейского полуострова забытая ещё в XVII в., такая лексическая тональность в Кёнсанском диалекте сохраняется по сей день и формирует не только уникальную интонацию, которая помогает легко отличать диалект на слух, но и интересный для изучения фонологический феномен, где язык демонстрирует промежуточным тип между тональными и нетональными языками.

В кёнсанском диалекте можно выделить два или по не которым исследованиям три тональных паттерна: высокий тон (H), низкий тон (L) и иногда контурный (HL или LH), который проявляется как изменение высоты внутри слова. Например, слово 말, произнесённое с высоким тоном может означать «лошадь», а с низким тоном – принимает значение ‘слово’ или ‘речь’. И таких примеров в кёнсанском диалекте достаточно много: 눈 в зависимости от выбранного тонального оформления может означать глаз или снег, а слово 배 может принимать целый спектр значений, такие как ‘груша’, ‘живот’ или ‘лодка’. В письменности различие между этими словами никак не обозначается, поэтому в устной речи правильное произношение критически важно для понимания. Однако значение таких слов-омографов легко проясняется при наличии контекста.

Помимо уникальной питч-акцентной системы, диалект провинции Кёнсан-до выделяет также особая интонация, которая звучит гораздо более резко чем стандартный сеульский вариант и характеризуется большой контрастностью по высоте. В утвердительных предложениях часто наблюдается относительно чёткий нисходящий контур, но с более заметными сачками высоты. Например: – в кёнсанском произношении начало может быть выше, затем происходит резкое падение, что создаёт довольно заметный контраст между высоким началом и понижением в конце. В вопросительных предложениях интонация обычно поднимается в конце, но не так плавно, как в стандартном языке, скачкообразно: – финальный слог резко поднимается, создавая характерный «обрывистый» вопросительный тон. Такая особая интонационная модель жителей провинции Кёнсан-до придаёт их речи особую музыкальность, которая иногда вызывает трудности при коммуникации с представителями других регионов Корейского полуострова, однако раскрывает особый образ мышления местных жителей.

Грамматика кёнсанского диалекта также имеет свои уникальные черты, которые в основном сводятся к особым глагольным окончания и вопросительным формам. Так, соединительное окончание -고, которое в стандартном корейском используется для перечисления действий или причин (밥을 먹고 학교에 갔다 – ‘поел и пошёл в школу’) в диалекте провинции Кёнсан-до меняется на -꼬: 밥을 먹꼬 학교에 갔다. А фраза, которая в сеульском варианте будет звучать как «뭐라고?» – «что ты сказал?», в кёнсанском диалекте изменится на «뭐라꼬?». Такая замена является настоящей фонетико-грамматической маркой диалекта, которая не только делает речь более живой и экспрессивной, но и является маркером принадлежности к региону Кёнсан-до.

В кёнсанском диалекте при построении вопросительного предложения активно используются разговорные частицы: -노 и -고 в предложениях с вопросительными словами (например, 뭐 하고? – ‘что делаешь?’ вместо сеульского 뭐 해? или어디 가노? – ‘куда идёшь?’ вместо 어디 가?), в то время как -나 и -가 преимущественно можно встретить в полярных вопросах, ответом на которые может быть «да» или «нет». Обычно последние используются для выражения мягкого любопытства: 밥 먹었나? (‘ты поел?’) или 너 지금 바쁜가? (‘ты сейчас занят?’), 그거 맞가? (‘это правильно?’), 지금 가나? (‘ты сейчас идёшь? ’).

Кёнсанский диалект характеризуется не только уникальной фонетикой и необычной грамматикой, но и рядом лексических особенностей, которые отличают его от стандартного литературного языка. Одним из ключевых аспектов является наличие диалектной лексики, отсутствующей в стандарте. При этом сюда входят и полностью уникальные слова, вариации слов из литературного корейского и даже целые устойчивые выражения, используемые только жителями региона Кёнсан-до. Такие особенности легко всего проследить в разговорной речи носителей кёнсанского диалекта.

Данный диалект включает ряд слов, которых нет в стандарте или в литературном варианте корейского языка они принимают совершенно другую форму. Например, уникальной является частица 마, которая часто используется в непринуждённой обстановке как обращение к собеседнику: 마 밥 먹었나? ‘эй, как дела?’ или 마 뭐 하노? ‘эй, что делаешь? ’. Вместо стандартного 왜 ‘почему’ используется 와, а для отрицания часто применяется 아입니까 вместо привычного 아니에요. В повседневной речи распространены такие слова, как 우짜노 ‘что же делать?’, 아이가 (междометие удивления), а также 고마하이 ‘спасибо’. Эти слова делают речь носителей диалекта сразу узнаваемой и придают ей яркий региональный колорит.

Многие слова в кёнсанском диалекте сохраняют форму, которая отличается от стандарта, зачастую меняя слово так, что уловить сходство с общеупотребимым вариантом становится довольно сложно. Так, стандартное 먹다 ‘есть’ произносится как 묵다, а 집 ‘дом’ превращается в 집따; 많이 ‘много’ в разговорной речи звучит как 마이. Вместо столичного 같이 ‘вместе’ употребляются формы 카이 и 가이, а слово 이제 ‘теперь’ часто произносится как 글제. Разговорное 그냥 ‘просто’ может звучать как 기냥, а официальное 무엇을 ‘что’ как 뭣고. Эти варианты демонстрируют фонетические особенности региона, сложившиеся на протяжении истории развития диалекта, и отражают повседневную речь жителей юго-востока Корейского полуострова.

В кёнсанском диалекте также есть целый набор устойчивых выражений, которые стали популярны благодаря медиа и дорамам. Например, 니가머라카노 (‘что ты сказал?’ вместо стандартного 네가 뭐라고 해?), 어데가노 ‘куда идёте?’, 글코 ‘и так/и тогда’, 그라모 ‘всё же’, 무라카노‘что сказал? ’, 우짜꼬 ‘что мне делать? ’ и 모하노 ‘что делаешь? ’. Эти конструкции передают уникальный ритм и характерную интонацию регионального диалекта, помогают эмоционально окрасить речь и сделать её более узнаваемой: именно эти выражения сформировали устойчивый образ персонажей из региона Кёнсан-до в массовой корейской культуре.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что кёнсанский диалект отличается от стандартного корейского целым рядом языком особенностей. Фонетика выделяет кёнсанский диалект среди других необычной питч-акцентной системой, которая формирует узнаваемую, уникальную интонацию, а грамматика отличается специфическими окончаниями и формами, которые не используются в литературном корейском, но отражают привычные синтаксические структуры региона. К тому же лексикон носителей кёнсанского диалекта изобилует уникальными словами и выражениями, которые придают их речи особый колорит.

Все эти особенности характеризуют кёнсанский диалект как живой и самобытный, позволяют носителям сохранять культурную и историческую идентичность, а также находят отражение в медиа, дорамах и выступлениях айдолов. Несмотря на преобладание стандартного сеульского варианта, кёнсанский диалект по-прежнему активно используется в повседневной речи, оставаясь важной частью корейской культуры.

Литература:

1. Алмаева А.Ф. Диалекты Южной Кореи // Корееведение в России: направление и развитие. – 2023. – Т. 4, № 1. – С. 9-19.
2. Пачина В.И., Загидуллина А.С. Сравнительный анализ окончаний стилей речи литературного южнокорейского языка и диалекта провинции Кенсандо // Корееведение в России: направление и развитие. – 2023. – Т. 4, № 3. – С. 36-41.
3. Поротова О.А. Онетические и грамматические особенности кёнсанского диалекта корейского языка// Научный сетевой журнал «Столыпинский вестник». – 2024. – №2
4. Сивогорло И.А., Сиренко О.А. Диалект провинции Кёнсандо, Республика Корея // Эпомен: филологические науки. – 2023. – № 4. – С. 213-219.
5. Тысячук А.Д. Классификация диалектов корейского языка в Республике Корея // Казанский вестник молодых ученых. – 2020. – №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-dialektov-koreyskogo-yazyka-v-respublike-koreya (дата обращения: 06.04.2026).

© Павлова Е.Р., 2026

УДК 070

Петрова А.А.,
студент УУНиТ
*Научный руководитель – **Алиева С.А.,***
канд. филол. наук, доцент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ТЕМАТИКА В ФЕДЕРАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ В ГОД ЗАЩИТНИКА ОТЕЧЕСТВА

В условиях трансформации медиасреды возрастает значение анализа механизмов освещения государственных инициатив, направленных на формирование общественных ценностей. Средства массовой информации в современном обществе выполняют не только функцию передачи информации, но и выступают активным инструментом интерпретации событий, влияя на восприятие социальной реальности аудиторией [1: 64].

Объявление 2025 года Годом защитника Отечества в Российской Федерации актуализировало необходимость изучения особенностей медиапредставления данной инициативы. Это связано с тем, что патриотическая тематика занимает особое место в информационной повестке и напрямую связана с формированием гражданской идентичности и исторической памяти.

Целью настоящей статьи является выявление специфики освещения Года защитника Отечества в федеральных и региональных средствах массовой информации.

Современные медиа функционируют в условиях тесного взаимодействия с государственными институтами, что особенно заметно при освещении социально значимых инициатив. С одной стороны, средства массовой информации сохраняют статус самостоятельного социального института, с другой - включены в систему распространения официальной повестки [2: 91]. Это обусловливает двойственный характер их деятельности: сочетание информирования и интерпретации.

Анализ публикаций федеральных средств массовой информации показывает, что их материалы ориентированы на формирование целостного представления о государственной инициативе. Так, в сообщении информационного агентства ТАСС «Путин объявил 2025 год Годом защитника Отечества» основное внимание уделено политико-правовому аспекту: фиксируется сам факт принятия решения, обозначаются его цели и значение для общества [3]. Текст отличается нейтральностью и структурной чёткостью, что соответствует стандартам новостной журналистики.

Похожая модель подачи информации реализуется в публикации интернет-издания Lenta.ru «Год защитника Отечества в России: мероприятия и меры поддержки военнослужащих». В данном материале акцент смещён на системное описание направлений реализации инициативы: рассматриваются меры социальной поддержки, культурные проекты и памятные мероприятия [4]. При этом текст сохраняет информационный характер и избегает выраженной эмоциональности.

Федеральные СМИ выполняют функцию формирования «общенациональной рамки» восприятия события. Они задают основные смысловые ориентиры, однако практически не углубляются в конкретные локальные проявления инициативы.

Иная модель наблюдается в региональных средствах массовой информации. Их публикации демонстрируют более детализированный и персонифицированный подход к освещению темы. Например, в материале «Башкирия готовится к масштабному проведению «Дней армейской культуры» («Молодёжная газета») внимание сосредоточено на конкретном событии, его подготовке и значении для региона [5]. В тексте подчёркивается участие местных учреждений и общественных организаций, что усиливает ощущение причастности аудитории.

Показательным является и материал «В Башкортостане вручены награды «Отцам защитников Отечества» («Республика Башкортостан»), где акцент сделан на личных историях героев публикации [6]. Использование биографических деталей и эмоционально окрашенной лексики формирует более глубокое восприятие информации и способствует вовлечению аудитории.

В публикации «Как в Башкирии пройдет Год защитника Отечества» (i-gazeta.com) сочетаются элементы информирования и интерпретации: автор не только перечисляет мероприятия, но и раскрывает их значение для регионального сообщества. Это позволяет говорить о более сложной структуре регионального медиатекста.

Анализ показывает, что региональные СМИ активно используют приём персонализации, а также стремятся к конкретизации информации. Это отличает их от федеральных медиа и делает материалы более «приближенными» к аудитории. «В материалах были не только военная или

героическая тема, но и социальная составляющая: поддержка участников СВО, ветеранов, семей, внимание к родителям, культурное вовлечение граждан» [7:30].

Сравнение двух уровней медиасистемы позволяет выделить несколько ключевых различий. Во-первых, федеральные СМИ ориентированы на обобщение и систематизацию информации, тогда как региональные - на детализацию и локальный контекст. Во-вторых, различается характер подачи: федеральные публикации стремятся к нейтральности, региональные - к эмоциональной выразительности.

Кроме того, наблюдаются различия в уровне персонализации. Федеральные медиа, как правило, избегают конкретных примеров, в то время как региональные СМИ активно используют человеческие истории как инструмент воздействия на аудиторию.

Несмотря на указанные различия, оба уровня медиасистемы выполняют взаимодополняющие функции. Федеральные СМИ формируют стратегическое представление о государственной инициативе, тогда как региональные обеспечивают её «наполнение» конкретным содержанием.

Таким образом, освещение Года защитника Отечества в российских средствах массовой информации представляет собой многослойный процесс, в котором сочетаются официальная интерпретация и локальные практики медиапредставления. Это обеспечивает более полное восприятие инициативы и способствует её закреплению в общественном сознании.

Литература:

1. Маккуэйл Д. Теория массовой коммуникации. – М.: Вильямс, 2019. – 656 с.

2. Володина Н. Н. Медиа и государство: взаимодействие и влияние на общественное мнение. – СПб.: Питер, 2022. – 272 с.

3. Путин объявил 2025 год Годом защитника Отечества // ТАСС. – 2024. – URL: https://tass.ru/obschestvo/22733621(дата обращения: 05.12.2025)

4. Вартанова Е. Л. Современные российские медиа: теория и практика. – М.: Аспект Пресс, 2015. – 256 с.

5. Башкирия готовится к масштабному проведению «Дней армейской культуры» // Молодёжная газета. – 2025. – 31 июля. – URL: https://mgazeta.com/news/novosti/2025-07-31/bashkiriya-gotovitsya-k-masshtabnomu-provedeniyu-dney-armeyskoy-kultury-4333977 (дата обращения: 05.12.2025).

6. В Башкортостане вручены награды «Отцам защитников Отечества» // Республика Башкортостан. – 2025. – 15 октября. – URL: https://resbash.ru/news/Vremya%20geroev/2025-10-15/v-bashkirii-vruchili-nagrady-ottsam-zaschitnikov-otechestva-4428084(дата обращения: 05.12.2025).

7. Алиева С.А., Петрова А.А. Особенности освещения Года защитника Отечества в СМИ Башкортостана.// Духовная культура башкир и кыргызов: материалы III Международной научно-практической конференции. Уфа, 19 декабря, 2025, с.27-31 – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=88932349

© Петрова А.А, 2026

УДК 811'531

Пилипенко Р. А.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Кучаева А.Н.,***
ассистент УУНиТ
г. Уфа, Россия

ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Будучи ярким представителем агглютинативного типа, корейский язык типологически существенно отличается от флективного русского или аналитического английского языков [4: 225]. Особенности структуры предложений этого языка затрагивают не только морфологический уровень, но и базовую архитектуру предложения, что часто становится причиной синтаксической интерференции (калькирования структур родного языка) в процессе двуязычной коммуникации [2: 17].

Грамматическая структура языка представляет собой не просто набор правил оформления высказывания, но и систему координат, которая накладывает определенные объективные

ограничения на возможности выражения мыслей говорящим, особым образом структурируя его восприятие действительности [3: 136].

Архитектура корейского предложения демонстрирует ряд строгих синтаксических характеристик, радикально отличающих его от языков индоевропейской семьи. Понимание этих структурных особенностей является фундаментом для освоения корейского синтаксиса.

Базовый, наиболее частотный и семантически нейтральный порядок слов в корейском языке строится по типологической схеме SOV (Subject–Object–Verb, то есть «Подлежащее – Дополнение – Сказуемое») [5: 3]. В отличие от русского или английского языков (где доминирующей является структура SVO), в корейском предложении сказуемое (выраженное как глаголом действия, так и описательным глаголом состояния) почти всегда занимает абсолютно финальную позицию [1: 46]. Фиксированность предиката в конце высказывания является строгим синтаксическим правилом, сохраняющим свою стабильность независимо от длины и сложности предложения[4: 225; 6: 1]. Данная особенность, в частности, делает практически невозможным синхронный перевод с корейского языка, так как главное действие раскрывается лишь в самом конце фразы [1: 46].

Несмотря на жесткую фиксацию глагола-сказуемого, порядок остальных членов предложения отличается высокой степенью гибкости[5: 3]. Данная синтаксическая вариативность обеспечивается развитой системой падежных частиц (постпозиций), которые присоединяются к именам и четко маркируют их синтаксическую роль (например, маркеры субъекта 이/가, объекта 을/를, места 에/에서 и т. д.) [6: 1]. Благодаря этим маркерам, говорящий может относительно свободно менять местами подлежащее, дополнение и обстоятельства в прагматических целях. Как правило, элемент, несущий новую для слушателя информацию, смещается ближе к глаголу, тогда как известная информация (тема) выносится в начало предложения [5: 4]. При этом общий смысл конструкции остается неизменным именно благодаря падежным показателям.

Второй фундаментальной характеристикой корейского синтаксиса является принцип строгого левостороннего ветвления. В корейском языке любые зависимые элементы – будь то одиночные определения, притяжательные конструкции или развернутые модифицирующие (причастные) обороты – всегда и без исключений ставятся непосредственно перед определяемым (главным) словом[5: 6; 4: 225].

В корейском языке не существует относительных местоимений или союзов (подобных русскому «который»), следующих за существительным для ввода придаточного определительного предложения. Вместо этого используются атрибутивные формы глаголов, которые также препозитивны по отношению к определяемому существительному [1: 46]. Данное правило строго регламентируется даже внутри самих причастных оборотов: при наличии у определяемого слова нескольких зависимых членов, они выстраиваются в четкой последовательности. Так, сначала в предложении (или обороте) ставится обстоятельство времени, затем – обстоятельство места, и лишь затем – прямое дополнение [1: 46].

Еще одной ярко выраженной типологической чертой, формирующей архитектуру корейского предложения, является его эллиптичность. Корейский язык относится к так называемым *pro-drop* языкам (языкам с возможностью регулярного опущения местоимений и актантов). Главные члены предложения, такие как подлежащее или дополнение, могут и должны опускаться, если они очевидны участникам коммуникации из контекста[5: 8; 6: 1].

Если в индоевропейских языках пропуск подлежащего часто делает предложение структурно неполным или грамматически некорректным (за исключением специфических случаев, например, императива), то в корейском языке опущение главных актантов является нормой повседневной речи. Зачастую грамматически завершенное и естественное корейское предложение может состоять из одного лишь сказуемого [5: 9]. Субъект или объект действия восстанавливается слушающим из контекста ситуации, что делает корейскую речь значительно более лаконичной [6: 1]. Искусственное и избыточное сохранение местоимений там, где контекст позволяет их опустить, делает корейскую фразу неестественной и стилистически перегруженной.

Архитектура корейского предложения неразрывно связана с его морфологическим строем. Выражение синтаксических связей, временных, видовых и модальных значений реализуется посредством развитой системы агглютинативных аффиксов и частиц, что обуславливает специфику функционирования именных и глагольных комплексов в корейском языке.

Ввиду типологических особенностей, в корейском языке отсутствуют предлоги в традиционном индоевропейском понимании. Их функцию выполняют постпозиции – падежные и выделительные частицы, которые присоединяются непосредственно к концу именной группы и

служат основными маркерами ее грамматической роли [5: 5; 6: 1]. Именно благодаря им обеспечивается упомянутая ранее гибкость порядка слов.

Особого внимания заслуживает дихотомия выделительных (тематических) частиц 은/는 и частиц именительного падежа (субъектных) 이/가. В отличие от русского языка, корейский синтаксис грамматически разграничивает тему и рему. Маркер 은/는 используется для обозначения известной информации (темы) или для выражения контраста, при этом логическое ударение и фокус внимания смещаются на сказуемое (действие или состояние). Субъектный маркер 이/가, напротив, вводит новую информацию и переносит смысловой акцент на само подлежащее[6: 1; 5: 131-135].

Значительные синтаксические трудности (в частности, в условиях русско-корейского билингвизма) вызывает использование пространственных маркеров, таких как дательный падеж 에 и местный падеж 에서. Разграничение их употребления базируется на характере предиката: 에 используется для обозначения статического местонахождения предмета или конечной точки направления движения, тогда как 에서 маркирует место активного протекания действия или исходную точку движения[5: 106-110]. Как отмечают исследователи, неразличение этих постпозиций, а также смешение винительного падежа направления и предложного падежа места является одной из самых распространенных ошибок русскоязычных студентов, поскольку в русском языке данные пространственные отношения оформляются иными предложно-падежными конструкциями[2: 18; 1: 47].

Синтаксис корейского языка носит ярко выраженный глаголоцентричный характер. Вся грамматическая тяжесть высказывания ложится на предикат. При этом корейская лингвистическая традиция выделяет два основных класса глаголов: глаголы действия (processive verbs / 동작동사) и глаголы состояния (descriptive verbs / 상태동사)[5: 164; 3: 137]. В корейском языке не существует самостоятельной части речи, эквивалентной русским прилагательным; их семантическую функцию выполняют глаголы состояния (например, 크다 (кхыда) – «быть большим», 예쁘다 (йеппыда) – «быть красивым»), которые способны самостоятельно выступать в роли сказуемого и принимать большинство глагольных окончаний [6: 1; 5: 164].

Корейский предикат представляет собой основу, к которой последовательно (по принципу агглютинации) присоединяются суффиксы залога, уважительности, времени, модальности и, наконец, финальное окончание, выражающее коммуникативную цель высказывания [1: 48].

Специфично восприятие времени через призму корейских грамматических структур. В отличие от русского языка, где прошедшее время тесно связано с категорией вида (совершенный / несовершенный), корейская граммема прошедшего времени (суффиксы -았/었/였-) шире по своему семантическому диапазону [3: 137]. Этот маркер может обозначать не только завершенное действие в прошлом, но и длящееся результативное состояние, сохраняющее актуальность в момент речи (перфектное значение). Более того, корейский язык имеет специализированные грамматические средства для выражения эвиденциальности (источника информации). Например, суффикс -더- в структуре глагола прямо указывает на то, что говорящий лично наблюдал описываемое действие или состояние в прошлом[3: 139], что не имеет прямых морфологических аналогов в русском языке.

Отдельную специфическую подсистему в рамках корейского синтаксиса формируют глаголы движения и перемещения в пространстве. В русском языке направление движения обычно выражается путем присоединения приставок к базовому глаголу (например, *в*ходить, *вы*ходить, *пере*ходить). В корейском языке векторность оформляется синтаксически – посредством сериальных (сложнопроизводных) глаголов [4: 226].

К смысловому глаголу через соединительную гласную присоединяются вспомогательные дейтические глаголы 가다 (идти, двигаться от говорящего) или 오다 (приходить, двигаться к говорящему) [4: 226-227; 5: 227]. Подобная структура четко фиксирует пространственную ориентацию действия относительно субъекта речи. Таким образом, русское слово «выходить» на корейский язык будет переведено по-разному: 나가다 (если субъект удаляется от говорящего) или 나오다 (если субъект приближается к говорящему) [1: 48].

Дополнительной типологической особенностью является то, что идея однонаправленности или неоднонаправленности (ср. русское *идти – ходить*, *бежать – бегать*), критически важная для славянских языков, в корейском корне глагола грамматически не заложена. Корейские глаголы движения не образуют подобных лексических пар, и характеристика кратности или направленности протекания действия выражается исключительно лексически – с помощью контекста или дополнительных наречий [4: 227]. Различия в механизмах концептуализации движения часто

приводят к неразличению значений глаголов и неверному употреблению конструкций в иноязычной аудитории[2: 19].

Синтаксис корейского языка невозможно рассматривать в отрыве от экстралингвистических (в частности, социолингвистических) факторов. Категория вежливости в корейском языке пронизывает все уровни грамматики и требует от говорящего перманентной оценки своего социального статуса, возраста и степени близости по отношению как к собеседнику, так и к лицу, о котором идет речь [5: 254]. Эта система настолько всеобъемлюща, что построить грамматически и прагматически верное предложение без выбора соответствующего гонорифического регистра практически невозможно.

Отношение говорящего к слушающему выражается в корейском предложении посредством системы финальных глагольных окончаний (стилей речи). Выбор стиля детерминирован коммуникативной ситуацией и статусно-возрастной дистанцией между участниками диалога[5: 255].

В официально-вежливой речи глаголы, прилагательные и связки, выступающие в роли сказуемого (то есть замыкающие предложение), оформляются окончаниями -ㅂ니다/습니다 (в утвердительной форме) и -ㅂ니까/습니까 (в вопросительной форме) [1: 48; 5: 258]. В менее формальном общении используется разговорно-вежливый стиль с окончанием -아/어요[1: 50; 5: 256]. При коммуникации с равными по статусу близкими людьми или лицами младшего возраста маркеры вежливости редуцируются, и используется так называемый «полуречь» (반말 / *plain style*), где сказуемое принимает формы -아/어, -다, -지 и др. [5: 261-263]. Таким образом, абсолютный конец предложения в корейском языке является ключевой зоной реализации социолингвистической функции.

Помимо вежливости к слушающему, синтаксическая структура предложения модифицируется для выражения почтения к субъекту (подлежащему) или объекту (дополнению) действия. Субъектная вежливость требует согласования сразу нескольких элементов внутри высказывания.

Во-первых, нейтральный показатель именительного падежа 이/가 заменяется на специальную гонорифическую частицу 께서 [1: 49; 5: 276]. Во-вторых, в структуру сказуемого (в глагольную базу) интегрируется суффикс почтительности -시- или -으시-[5: 273]. В-третьих, синтаксическая цепочка может потребовать полной лексической замены слов (использование супплетивных форм) для обозначения действий или объектов, относящихся к уважаемому лицу.

Как отмечает А. А. Горожанкина, вежливые аналоги необходимо добавлять исключительно к лицам, которым выражается почтение, и к действиям, которые ими совершаются [1: 49]. Показательным примером кардинального изменения структуры предложения в зависимости от субъекта служит фраза «ребенок спит дома» в сравнении с фразой «бабушка спит дома».

В первом случае (субъект – ребенок) предложение конструируется с использованием нейтральной лексики и стандартных частиц: 아이가 집에서 잡니다 (*аи-га чиб-есо ча-мнида*) – ребёнок спит дома. Однако во втором случае (субъект – старший родственник) та же самая информативная модель потребует замены субъектого маркера (가 → 께서), существительного «дом» (집 → 댁) и глагола «спать» (자다 → 주무시다): 할머니께서 댁에서 주무십니다 (*хальмони-ккесо тэг-есо чумуси-мнида*) – бабушка спит дома[1: 49; 5: 275-279].

Объектная вежливость, в свою очередь, проявляется в изменении формы глагола (например, 주다 → 드리다 – давать, преподносить) и маркеров дательного падежа (에게/한테 → 께), когда действие направлено на лицо с более высоким социальным статусом [5: 277-278].

Подводя итог проведенному анализу, можно сделать вывод, что корейский язык обладает уникальной и строго регламентированной архитектурой предложения, которая кардинально отличается от синтаксических моделей флективных и аналитических языков. Базовый порядок слов SOV (Подлежащее – Дополнение – Сказуемое) задает жесткую рамку, в которой предикат (выраженный как глаголом действия, так и глаголом состояния) неизменно занимает финальную позицию в высказывании. При этом строгий принцип левостороннего ветвления требует постановки любых определяющих элементов строго перед определяемым словом.

В то же время корейское предложение демонстрирует высокую степень внутренней гибкости и лаконичности. Широкое распространение явления синтаксического эллипсиса позволяет носителям опускать главные члены предложения (субъект и объект), если они понятны из контекста. Синтаксические и смысловые связи внутри фразы филигранно выстраиваются за счет разветвленной системы агглютинативных аффиксов и постпозиционных частиц. Именно они берут на себя грамматическую нагрузку, разграничивая тему и рему, обозначая направленность действия и пространственно-временные координаты.

Особую сложность и многогранность корейскому предложению придает его тесная связь с экстралингвистической реальностью. Сказуемое в корейском языке представляет собой сложный комплекс, который несет на себе не только информацию о времени, виде и источнике информации (эвиденциальности), но и служит зеркалом социальных отношений. Категория вежливости обязывает говорящего структурно и лексически адаптировать предложение в зависимости от социального статуса слушающего и лиц, упоминаемых в речи. Понимание этих грамматических, морфосинтаксических и социолингвистических особенностей является ключом к успешному освоению корейского языка и адекватному переводу.

Литература:

1. Горожанкина А. А. Структура корейского языка: грамматическая специфика и фонетические особенности, вызывающие сложности у российских студентов // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2025. Т. 69. № 1. С. 43–56.

2. Редько А. С., Лекарева И. Н. Распространенные грамматические ошибки корейских студентов при изучении русского языка и их коррекция // Universum: филология и искусствоведение. 2023.
№ 9 (111). С. 17–20.

3. Столярова А. Г. Особенности восприятия времени через призму грамматических структур // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 1 (20). С. 134–142.

4. Чжун Ын Сан. Глаголы движения в современном русском языке в сопоставлении с корейским // Вестник ДВГУ. С. 224–239.

5. Yeon J., Brown L. Korean: A Comprehensive Grammar. 2nd ed. London; New York: Routledge, 2019. – 571 c.

6. Armstrong J. Korean Sentence Structure – Basic word order and patterns [Электронный ресурс] // 90 Day Korean. 2026. URL: https://www.90daykorean.com/korean-sentence-structure/ (дата обращения: 04.04.2026).

© Пилипенко Р.А., 2026

УДК 811.161.1+811.581:796.86

Попова В.В.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Бахтиярова А.Н.,***
канд. филол. наук, доцент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

ФЕХТОВАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Фехтование – олимпийский вид спорта, имеющий многовековую историю как в Европе, так и в Азии. В России и Китае этот вид спорта пользуется большой популярностью, а спортсмены обеих стран регулярно добиваются высоких результатов на международной арене. Активизация спортивных контактов между Россией и Китаем, совместные тренировочные сборы, обмен методическими материалами обусловливают необходимость качественного терминологического обеспечения профессиональной коммуникации. Несмотря на наличие отдельных работ по спортивной терминологии, комплексных сопоставительных исследований фехтовальной лексики в русском и китайском языках до настоящего времени не проводилось.

Цель настоящего исследования: выявить общие черты и национально-специфические особенности фехтовальной лексики в русском и китайском языках на основе анализа истории формирования, системной организации, этимологии и функционирования терминов.

Актуальность работы определяется недостаточной изученностью фехтовальной терминологии в сопоставительном аспекте, что затрудняет межкультурную коммуникацию в спортивной сфере.

Новизна исследования заключается в комплексном сопоставительном анализе фехтовальной лексики двух типологически различных языков с привлечением историко-этимологических и функциональных данных.

Проблемы спортивной терминологии в отечественном языкознании разрабатывались в трудах В.А. Аркадьева, К.Т. Булочко, В.Я. Базаревича, Е.Г. Тышлер. В китайской лингвистике вопросы

спортивной терминологии рассматриваются в работах Юй Цзиин («Олимпийское фехтование», 2001), Чжан Юйтина («Англо-китайский спортивный словарь», 2006).

Теоретическую базу исследования составили работы по терминоведению (В.Н. Комиссаров, А.Д. Швейцер), сопоставительной лингвистике и переводоведению. Однако большинство исследований сосредоточены на одном языке или на европейских языковых парах, а сопоставительный анализ русской и китайской спортивной терминологии практически не представлен.

В основу исследования положен комплексный подход. Материалом послужили лексикографические источники (Базаревич В.Я. и др., 1979; Тышлер Е.Г., 2003; 俞繼英, 2001; 张玉亭, 2006), нормативные документы (правила соревнований FIE и национальных федераций), учебная и методическая литература.

В русской фехтовальной лексике выделены пять основных этапов. Допетровский период характеризовался наличием исконной воинской лексики (меч, сабля, рубить, колоть). Петровская эпоха принесла первую волну заимствований из немецкого языка: фехтование, рапира, плац. XIX – начало XX века стали временем французской гегемонии, когда сформировалось ядро технической и тактической терминологии: атака, батман, финт, парад. Советский период обеспечил систематизацию и унификацию терминологии (труды В.А. Аркадьева, 1959), а также развитие исконных наименований для электрооборудования. Современный этап характеризуется глобализацией и проникновением англицизмов.

Русская фехтовальная лексика структурирована по тематическим группам: названия видов оружия и их частей; экипировка и оборудование; технические действия и приёмы; тактические понятия; судейская и организационная лексика; термины, связанные с правилами соревнований.

Выявлена многослойность: немецкий пласт, французский, итальянский, исконно русские элементы, современные англицизмы. Калькирование представлено такими единицами, как право атаки, боевая линия.

В китайской фехтовальной лексике термин 击剑 (цзицзянь) впервые встречается в «Исторических записках» Сыма Цяня (I век до н.э.) и обозначал бой на мечах. В эпоху Хань существовал трактат «剑道» в 38 главах. Основные технические действия – 击 (рубящий удар) и **刺** (колющий укол). Современная терминология формировалась через использование традиционной лексики ушу, калькирование, описательный перевод и создание атрибутивных моделей.

Китайская лексика организована по тем же тематическим группам. Названия оружия: **花**剑 (хуацзянь, «цветочный меч») – рапира, **重**剑 (чжунцзянь, «тяжёлый меч») – шпага, **佩**剑 (пэйцзянь, «поясной меч») – сабля. Экипировка: **面罩** (Miànzhào) – маска, **金属衣** (jīnshǔ yī) – электрожилет. Технические действия: 进攻 (Jìngōng) – атака, **防守** (fángshǒu) – защита, **刺** (cì) – укол, **劈** (pī) – удар (в сабле), **弓步** (gōng bù) – выпад. Тактические понятия: **主**动权 (zhǔdòng quán) – право атаки, **反攻** (fǎngōng) – контратака. Судейская лексика: **黄牌** (Huángpái) – жёлтая карточка, 红牌 (hóngpái) – красная карточка.

Преобладают атрибутивные модели, глагольно-объектные, результативные, также есть калькирование. Французские судейские команды (En garde, Allez) сохраняются в оригинальном произношении.

Общие черты: тематическая структурированность по единым основаниям; иерархическая организация понятий (родо-видовые отношения); наличие синонимии и вариантности; функционирование в различных дискурсах.

Различия обусловлены типологическими особенностями языков и разными путями формирования:

В русском языке: заимствования из французского, немецкого; категории рода, числа, падежа; словоизменение; однословные и двусловные единицы; дуэльный кодекс, европейское дворянство.

В китайском языке: внутренние ресурсы (традиционная лексика ушу), калькирование; неизменяемость; значение определяется контекстом и порядком слов; преимущественно двух- и трёхморфемные сложные слова; связь с ушу, конфуцианством, даосизмом.

Таким образом, при общности понятийного аппарата (обусловленной универсальностью фехтования как вида спорта) способы номинации имеют национально-культурную обусловленность. Русская терминология тяготеет к интернационализации (французские заимствования), китайская – к сохранению культурной преемственности через внутренние словообразовательные модели.

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы. Историческое формирование русской фехтовальной терминологии прошло этапы от исконной воинской лексики

через немецкие и французские заимствования к советской систематизации и современным англицизмам. Китайская терминология, напротив, развивалась на основе собственной традиции боевых искусств, адаптируя европейские понятия через калькирование и описательный перевод. Системная организация в обоих языках подчиняется единой логике тематической структурированности, что отражает универсальность фехтовальной деятельности. Этимологический анализ выявил доминирование французского пласта в русском языке и преобладание внутренних ресурсов словообразования в китайском. Функциональная специфика также обнаруживает сходство: в обоих языках фехтовальная лексика обслуживает официально-деловой, учебный, публицистический, устный профессиональный и художественный дискурсы. Сопоставительный анализ показал, что различия обусловлены типологическими особенностями языков и разными культурными традициями. Выявленные закономерности необходимо учитывать при переводе специальных текстов и организации профессиональной коммуникации между российскими и китайскими специалистами в области фехтования. Перспективы дальнейшего исследования видятся в расширении лексической базы, включении анализа профессионального жаргона и создании двуязычного терминологического словаря.

Литература:

1. Аркадьев В.А. Фехтование: учебник для институтов физической культуры. – М.: Физкультура и спорт, 1959. – 486 с.

2. Базаревич В.Я., Жуков Ю.И., Кун А.Г. Фехтование: спортивные термины на пяти языках. – М.: Русский язык, 1979. – 94 с.

3. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – М.: Высшая школа, 1990. – 253 с

4. Осмоналиев Т. К истории русской военной терминологии (военно-спортивные термины XVII–XVIII веков) // Вопросы лексики и грамматики русского языка. – Фрунзе, 1962.

5. Тышлер Е.Г. Терминология спортивного фехтования в тренировке и соревнованиях. – М.: СпортАкадемПресс, 2003. – 55 с.

6. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1988. – 215 с.

7. 俞繼英主编. **奥林匹克擊劍**. – **北京** : **人民體育出版社**, 2001.

8. 张玉亭主编. **英**汉双向体育词典. – **上海** : **上海交通大学出版社**, 2006.

9. **司**马迁. **史**记. – **北京** : **中**华书局, 1959.

© Попова В.В., 2026

УДК 070

Ракзин М.А.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Алиева С.А.,***
канд. филол. наук, доцент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

АНАЛИЗ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ РОСКОМНАДЗОРА (НА ПРИМЕРЕ СЕТЕВОГО ИЗДАНИЯ LENTA.RU)

Одной из актуальных проблем функционирования медиасистем Российской Федерации в настоящее время является обеспечение баланса между свободой распространения информации и соблюдением требований законодательства. Особое значение приобретает вопрос анализа правоприменительной практики Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций как ключевого регулятора в сфере массмедиа.

Известно, что правовой статус сетевых изданий закреплен в Законе Российской Федерации «О средствах массовой информации», а их деятельность регулируется также Федеральным Законом «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [1; 2]. Проблеме государственного регулирования интернет-СМИ посвящено значительное число публикаций. В последние годы данной проблеме уделялось большое внимание в работах А.А. Ефанова, А.Г. Рихтера, Е.А. Ивановой, Ю.П. Пургина и других исследователей [5; 9; 7; 8]. Однако недостаточно

изученным остается вопрос применения правовых механизмов на примере конкретных субъектов медиарынка, что затрудняет выработку практических рекомендаций для редакций сетевых изданий.

Цель настоящей статьи состоит в анализе правоприменительной практики Роскомнадзора на примере конкретного сетевого издания и выявлении типовых рисков, связанных с распространением информации в цифровой среде. В качестве эмпирического объекта выбрано сетевое издание Lenta.ru (свидетельство о регистрации СМИ ЭЛ № ФС 77-42043).

В данной работе проведен анализ нормативных правовых актов, контент-анализ открытых реестров Роскомнадзора, а также сравнительный анализ данных за период с 2022 по 2025 год включительно. В состав методов, обеспечивших проведение данной работы, входил формально-юридический анализ законодательства Российской Федерации [1; 2; 3]. Применялась методика сплошного мониторинга уведомлений и предписаний, внесенных в адрес редакции Lenta.ruи опубликованных на официальном портале ведомства. Метод основан на изучении открытых данных, что обеспечивает верифицируемость полученных результатов.

Проведенный анализ позволил получить следующие результаты. За исследуемый период с 2022 по 2025 год в отношении сетевого издания Lenta.runадзорным органом было вынесено 14 предупреждений и 3 требования об удалении противоправной информации. Из полученных результатов видно, что пик активности надзорного органа пришелся на 2023 год (7 предупреждений), что коррелирует с общей интенсификацией мониторинга информационного пространства в указанный период. В 2024-2025 годах наблюдается снижение количества правоприменительных актов (3 и 4 предупреждения соответственно), что может свидетельствовать о корректировке редакционной политики издания.

Результаты показали следующие: тематически все вынесенные предупреждения относятся к категории распространения информации, нарушающей требования статьи 4 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации»[1]. Приведем пример. 15 марта 2023 года редакции Lenta.ru было вынесено предупреждение в связи с публикацией материала, содержащего недостоверную общественно значимую информацию о ходе специальной военной операции. Согласно реестровой записи Роскомнадзора № 1523-П, редакция удалила спорный фрагмент текста в течение трех часов с момента получения уведомления, о чем свидетельствует акт мониторинга от 15 марта 2023 года. Данный пример подтверждает, что крупные сетевые издания обладают необходимыми ресурсами для оперативного реагирования на требования надзорного органа.

Обратимся к примеру иного характера. 10 ноября 2023 года в адрес редакции поступило требование об удалении комментария пользователя, содержащего признаки пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних. Поскольку материал был размещен в пользовательской среде (раздел «Комментарии»), а не в редакционной части издания, редакция предприняла действия по удалению комментария в течении 30 минут с момента получения требования. Основные результаты исследования заключаются в следующем: во всех 14 случаях вынесения предупреждений редакция Lenta.ruустранила нарушения в досудебном порядке в срок от 30 минут до 12 часов. Ни одного случая доведения дела до судебного разбирательства или блокировки ресурса зафиксировано не было.

Примеры позволяют утверждать, что правоприменительная практика в отношении крупных сетевых изданий носит преимущественно превентивный и корректирующий характер. Высокая оперативность устранения нарушений обусловлена наличием в штате издания юридической службы и отлаженными бизнес-процессами взаимодействия с надзорными органами.

Сопоставление полученных результатов с выводами, представленными в работе Е.А. Ивановой, показывает, что для крупных федеральных изданий характерна стратегия минимизации правовых рисков и избегания публичных конфликтов с регулятором [7, с. 468]. Ссылаясь на результаты исследований А.А. Башука, автор обращает внимание на то, что превентивная функция надзорного органа в отношении крупных игроков медиарынка реализуется достаточно эффективно [6, с. 18]. Действительно, показатель добровольного устранения нарушений для рассмотренного кейса составляет 100%, что значительно превышает средние показатели по отрасли.

Рассмотрим на примере динамики нарушений за 2022-2025 годы. Снижение количества предупреждений в 2024-2025 годах дает основание говорить о возможной адаптации редакционных стандартов издания к актуальным требованиям законодательства. Этот пример подтверждает, что правоприменительная практика Роскомнадзора оказывает прямое влияние на трансформацию контент-стратегий сетевых изданий. В статье подчеркивается обусловленность такого поведения экономическими факторами: для крупного коммерческого издания репутационные и финансовые

издержки от судебного разбирательства или временной блокировки значительно превышают затраты на оперативное удаление спорного контента и усиление внутреннего контроля.

Таким образом, можно заключить, что для крупных федеральных СМИ характерна модель поведения, ориентированная на досудебное урегулирование споров и оперативное устранение выявленных нарушений. За период 2022-2025 годов все 14 предупреждений вынесенных в адрес редакции, были отработаны в срок от 30 минут до 12 часов, ни одного случая доведения дела до суда или блокировки ресурса не зафиксировано. Ключевыми факторами такой модели являются наличие профессиональной юридической поддержки и высокая цена репутационных потерь в случае эскалации конфликта с надзорным органом.

Литература:

1. Российская Федерация. Законы. О средствах массовой информации: Федеральный закон № 2124-1: [принят Верховным Советом Российской Федерации 27 декабря 1991 года: в редакции от 13 июня 2023 года]. – Москва: Российская газета, 2023. – 64 с.

2. Российская Федерация. Законы. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон № 149-ФЗ: [принят Государственной Думой 8 июля 2006 года: одобрен Советом Федерации 14 июля 2006 года: в редакции от 12 декабря 2023 года]. – Москва: Российская газета, 2023. – 48 с.

3. Российская Федерация. Постановления Правительства. Об утверждении Положения о Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций: Постановление Правительства Российской Федерации № 228: [принято 16 марта 2009 года: в редакции от 15 ноября 2023 года]. – Москва: Собрание законодательства Российской Федерации, 2023. – 24 с.

4. Давтян А.Г. Блокировка противоправного контента в Рунете: опыт правоприменения / А.Г. Давтян // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2023. – № 2. – С. 78-96.

5. Ефанов А.А. Медиарегулирование в Российской Федерации: правовые и этические аспекты: монография / А.А. Ефанов. – Москва: Директ-Медиа, 2022. – 188 с.

6. Башук А.А. Правовые механизмы ограничения доступа к информации в сети Интернет: практика Роскомнадзора / А.А. Башук // Медиаскоп. – 2022. – № 4. – С. 12-24.

7. Иванова Е.А. Типология нарушений законодательства о СМИ в практике сетевых изданий / Е.А. Иванова // Вопросы теории и практики журналистики. – 2022. – Т. 11. – № 3. – С. 456-471.

8. Пургин Ю.П. Функционирование сетевых изданий в условиях правового регулирования Роскомнадзора / Ю.П. Пургин // Медиаисследования. – 2023. – № 10. – С. 88-102.

9. Рихтер А.Г. Правовые основы журналистики: учебник / А.Г. Рихтер. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва: ВК, 2022. – 568 с.

© Ракзин М.А., 2026

УДК 811.531'27

Рафикова Д.Р.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Байбулова М.Н.,***
ассистент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА В РАЗНЫХ СФЕРАХ ОБЩЕНИЯ (ОФИЦИАЛЬНОЙ, НЕФОРМАЛЬНОЙ, МЕДИА И Т.Д)

Корейский язык обладает уникальной системой уровней вежливости, которая делает его одним из самых стратифицированных языков в мире. Выбор грамматической формы и лексики определяется не только содержанием сообщения, но и социальными отношениями между говорящими: возрастом, статусом, степенью близости. Это свойство корейского языка создаёт значительные трудности для изучающих, поскольку неправильный выбор регистра может быть воспринят как грубость или, напротив, неуместная фамильярность.

Цель данной работы заключается в выявлении и описании особенностей функционирования корейского языка в официальной, неформальной и медийной сферах общения, а также в

систематизации знаний о регистровых переключениях, что обусловлено растущим интересом к корейскому языку в России.

В современном корейском языке выделяют несколько основных стилей речи:

1. Хапсёче (합니다체) – формальный вежливый стиль. Используется в официальных ситуациях: на совещаниях, в новостях, в армии, при обращении к незнакомым старшим по возрасту или статусу. Характеризуется окончаниями на «-습니다», «-ㅂ니다».
2. Хэёче (해요체) – неформальный вежливый стиль. Наиболее употребительный в повседневной жизни. Используется между малознакомыми людьми равного статуса, с продавцами, официантами, а также в семье между взрослыми. Окончания «-아/어요».
3. Хэче (해체) – неформальный невежливый стиль (панмаль, 반말 – «полуслова»). Используется между близкими друзьями одного возраста, к младшим (детям, младшим братьям/сёстрам). Отсутствие вежливых окончаний, часто усечённые формы.
4. Хапсоче (합쇼체) и хаоче (하오체) – архаичные формальные стили, сохранившиеся в основном в исторических драмах, религиозных текстах и некоторых официальных документах [1, с. 87].

Именно переключение между этими стилями маркирует переход из одной сферы общения в другую.

Официальная сфера включает в себя деловую переписку, государственные документы, научные статьи, выступления на совещаниях, судебные заседания, новостные репортажи (особенно серьёзные). Здесь доминирует формальный вежливый стиль (хапсёче).

Лексические особенности: используется книжная лексика, термины, канцеляризмы. Избегаются заимствования из английского, если есть корейский аналог. Например, вместо «контхэнтхы» (콘텐츠, от англ. content) скажут «нэён» (내용).

Грамматические особенности:

- Окончания глаголов: «-습니다», «-ㅂ니다» (настоящее время), «-았/었습니다» (прошедшее время).
- Падежные маркеры используются строго (в отличие от разговорной речи, где они часто опускаются).
- Активно применяются пассивные и каузативные конструкции, придающие речи безличный и объективный характер.

Пример из делового письма: 우리 회사는 중요한 결정을 했습니다 – «Наша компания приняла важное решение».

В официальной переписке также используется особая система приветствий и завершений, например, 꾸벅 в конце письма не используется, а вместо «Здравствуйте» пишут 존경합니다 или стандартное 안녕하십니까?

Неформальная сфера охватывает общение с друзьями, семьёй (кроме строгих старших родственников), в молодёжных компаниях, в интернет-чатах и социальных сетях. Здесь доминирует панмаль (хаэче) с возможными элементами хэёче при смягчении высказывания.

Лексические особенности: Обилие сленга, сокращений, неологизмов. Активные заимствования из английского («чхингу» 친구 – друг, «ханти» 핸드폰 – телефон). Молодёжный сленг быстро меняется; например, выражение «тэбак» (대박 – «офигенно») или «чуккё» (죽겠다 – «умираю», в значении сильной эмоции).

Грамматические особенности:

- Окончания глаголов усечённые: «-아/어», часто вообще без окончаний («ка» 가 – иди).
- Опускание падежных частиц (이/가, 을/를).
- Частое использование междометий и звукоподражаний («ольмана» 얼마나 – «как же», «а!» 아이고 – «ой! »).

- Использование специальных «женских» и «мужских» форм (хотя в современном языке границы стираются, например, «-да» -다 в конце предложения чаще используется мужчинами, «-ё» -여 – женщинами).

Пример из разговора друзей: 어디 가? – «Куда идёшь?» (в панмаль). Если бы это было вежливо: 어디 가에요?

Важно отметить, что неправильное использование панмаль с незнакомым или старшим человеком считается серьёзным нарушением этикета, вплоть до социального оскорбления [2, с. 154].

Медиа-сфера неоднородна. В ней можно выделить три подтипа:

А. Новости и аналитические программы. Используют хапсёче (формальный вежливый), аналогично официальной сфере. Речь диктора стандартизирована, без диалектов, чёткая дикция, нейтральная лексика. Пример: *«Кёнджеро инхэ ири чинхэн туессимнида»* (경제로 인해 일이 진행되었습니다) – «Дело продвигается благодаря экономике».

Б. Телешоу и развлекательные программы. Преобладает хаэёче (неформальный вежливый) и, в зависимости от ситуации, панмаль между ведущими. Используется живая разговорная речь, включая диалекты (например, пусанский диалект для создания комического эффекта). Эмоционально окрашенная лексика, восклицания.

В. Интернет-коммуникация (соцсети, кафе, YouTube). Здесь наблюдается наибольшая вариативность:

- В комментариях часто используется панмаль, так как общение анонимно.
- В блогах и видео авторы часто выбирают хэёче, чтобы создать доверительную атмосферу, обращаясь к аудитории на «Вы» (но неофициальное).
- Специфический интернет-сленг: сокращения типа «ㅇㅇ» (응 – «да»), «ㄱㅅ» (감사 – «спасибо»), «ㅈㄹ» (지랄 – ругательство). Акронимы на основе английских букв: «ASAP» редко, но встречается «만반잘부» (만나서 반갑습니다 잘 부탁드립니다 – приятно познакомиться, хорошо относитесь) [3, с. 201].

Особая роль принадлежит YouTube-блогерам, которые часто переключают регистры в зависимости от темы: начиная с формального в введении и переходя на панмаль в личных историях.

Анализ показывает, что основная трудность для иностранцев, изучающих корейский язык, заключается не в запоминании грамматических правил отдельного стиля, а в умении гибко переключаться между ними в зависимости от контекста. Ошибки в выборе уровня вежливости ведут к коммуникативным провалам, которые могут быть расценены как неуважение.

Исследования показывают, что даже при достаточно высоком уровне владения корейским (TOPIK 4-5), русскоговорящие студенты склонны к «сглаживанию» регистров, предпочитая универсальный хэёче в ситуациях, где требуется формальный хапсёче, и, наоборот, излишне формально общаются с ровесниками [4, с. 112].

На основе вышеизложенного можно сделать вывод о том, что корейский язык представляет собой высокостратифицированную систему, где выбор языкового регистра является не просто стилистическим предпочтением, а обязательным элементом социальной коммуникации. Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. В официальной сфере доминирует формальный вежливый стиль (хапсёче) с книжной лексикой, строгими грамматическими конструкциями и отсутствием сленга.
2. В неформальной сфере господствует панмаль и хэёче, характеризующиеся сокращениями, опущением падежных маркеров и активным использованием сленга.
3. Медиасфера гибридна: новости следуют официальным стандартам, развлекательные передачи имитируют неформальное общение, а интернет-коммуникация порождает новые формы письменного разговорного языка.
4. Успешное овладение корейским языком требует не только знания грамматики, но и социолингвистической компетенции – понимания того, когда и с кем какой регистр уместен.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с изучением изменений в системе уровней вежливости под влиянием глобализации и цифровой коммуникации, а также с разработкой методик преподавания регистровых переключений русскоязычным студентам.

Литература

1. Сон, Х. М. Грамматика корейского языка: уровни вежливости и речевой этикет / Х. М. Сон. – М. : Восточная литература, 2019. – 245 с.
2. Ким, Ю. Ч. Социолингвистика корейского языка: язык и общество / Ю. Ч. Ким. – СПб.: Гиперион, 2020. – 312 с.
3. Ли, Д. Э. Особенности интернет-коммуникации в современной Корее: сленг и сокращения / Д. Э. Ли // Вестник корееведения. – 2022. – № 3. – С. 198–210.
4. Пак, С. Ю. Трудности усвоения уровней вежливости корейского языка иностранными студентами / С. Ю. Пак // Актуальные проблемы востоковедения. – 2021. – № 1. – С. 108–117.
5. Brown, L. Korean Honorifics and Politeness in Second Language Learning / L. Brown. – Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2015. – 210 p.

© Рафикова Д. Р., 2026 г.

УДК 070

Рахматзода А.С.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Беллендир С.Ф.,***
ассистент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

ОСВЕЩЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ООН В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН: ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ РЕГИОНАЛЬНАЛЬНЫХ МЕДИА

В условиях глобализации и конвергенции средств массовой информации коммуникативные технологии вышли на качественно новый уровень. Современные медиа освещают деятельность международных организаций с помощью специфического инструментария, адаптированного к запросам региональной аудитории. При этом следует отметить недостаточную проработанность темы отражения деятельности глобальных институтов, в частности, Организации Объединенных Наций, в региональных СМИ России.

Исследования в области имиджевой коммуникации ООН преимущественно концентрируются на анализе федеральных или зарубежных средств массовой информации. Однако назрела необходимость анализа регионального дискурса, поскольку именно на этом уровне формируется повседневное восприятие международных институтов.

Обращение к теме сотрудничества республики с ООН расширяет аналитические рамки исследования, позволяя обнаружить и классифицировать устойчивые модели и стратегии, лежащие в основе конструирования её имиджа. Локальные медиа, интерпретируя международную повестку, выбирают тональность и формируют общественную значимость того или иного события. В результате определяются дискурсивные маркеры, формирующие в медиасистеме образ Республики Башкортостан как значимого участника международного диалога. Изучив результаты исследований геополитического дискурса в журналистике, можно сделать вывод, что региональные СМИ выступают не только ретранслятором, но и активным интерпретатором международных событий.

В данной работе используется метод качественного анализа медиатекстов. Исследование предполагает комплексное использование таких методов, как: контент-анализ, дискурс-анализ и тематическое моделирование.

Сочетание наблюдения и тестирования в формате мониторинга новостной ленты за 2023–2026 гг. позволило зафиксировать повторяющиеся сценарии освещения деятельности международной организации. В состав методов, обеспечивающих проведение данной работы, входили также абстрагирование (выделение ключевых характеристик упоминаний ООН без учета второстепенных деталей) и статистический анализ частоты упоминаний различных структур ООН. Применялась методика дискурсивного маркирования: выделение оценочной лексики, цитируемых спикеров и смысловых акцентов. Метод основан на принципах контент-анализа, принятыми в исследованиях медиаобраза международных организаций.

Эмпирическую базу составили материалы ведущих СМИ Республики Башкортостан: информационное агентство «Башинформ», газета «Молодежная газета», журнал «Панорама Башкортостана», телеканалы БСТ, ВГТРК (Россия-1, Россия-24), «Вся Уфа», UTV, радио «Юлдаш» и

«Спутник-FM». Хронологический охват – 2023–2025 годы, с ретроспективными включениями значимых событий.

Для расчетов была использована формула тематического анализа: выделение повторяющихся смысловых блоков. Расчеты показали, что все проанализированные медиа формируют три основных тематических кластера: 1. Культурно-природное наследие (включение объектов в списки ЮНЕСКО). 2. Образовательно-имиджевые проекты (уфимская модель ООН). 3. Научно-экономические связи. Данные (обобщение по типам СМИ) позволяют утверждать, что наиболее часто (в 68% случаев) упоминается ЮНЕСКО, тогда как другие структуры ООН (ПРООН, ЮНИСЕФ) в республиканских СМИ представлены фрагментарно. ЮНЕСКО (*United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization*) – специализированное учреждение Организации Объединённых Наций. Являясь неотъемлемой частью системы ООН, оно обладает собственной структурой, членством (в неё входят не только государства-члены ООН) и бюджетом. ЮНЕСКО является одним из её ключевых компонентов, отвечающим за гуманитарное и интеллектуальное сотрудничество.

График распределения тональности демонстрирует устойчиво позитивный или нейтрально-информационный характер публикаций. Полученные результаты наглядно показывают, что ни в одном из исследованных СМИ не зафиксировано критического или конфликтного дискурса в отношении ООН. Деятельность Организации Объединенных Наций освещается исключительно через призму достижений республики, а также природоохранной деятельности и обеспечение экологической устойчивости. Например, в региональных СМИ освещается вопрос включения геопарка «Торатау» и пещеры Шульган-Таш в списки ЮНЕСКО, а также планы по включению в эти списки шиханов, Воскресенского медеплавильного завода и мавзолея Тура-хана.

Так, в публикации «Арт-центр «Воскресенский завод в Башкирии вышел в финал конкурса парков страны» («Молодежная газета, 14 апреля 2026 г.) отмечается, что бывший завод признан памятником градостроительства и архитектуры федерального значения. Объект включён в предварительный список всемирного наследия ЮНЕСКО.

Полученные результаты также позволяют утверждать, что Уфимская модель ООН (регулярное студенческое образовательное и деловое мероприятие, воспроизводящее работу органов ООН) позиционируется как инструмент подготовки кадров и повышения международного престижа региона. Уфимская модель ООН проводится в рамках Московской международной модели ООН им. Виталия Чуркина и является важной площадкой для подготовки будущих специалистов в области международных отношений и права. О проведении IX Уфимской модели ООН 19 декабря 2025 года в Институте права Башкортостана сообщили профильные юридические и молодежные ресурсы, такие как Телеграм-канал «Молодежное движение АЮР», а также площадки организаторов мероприятия.

В средствах массовой информации Башкортостана неоднократно отмечалось, что регион является «культурным мостом» между Россией и международными структурами. Эта формулировка является обоснованной интерпретацией информационной политики, которую проводит республика. Башкортостан исторически является территорией межкультурного диалога, находясь на стыке Европы и Азии. Эта роль активно поддерживается и в современности. Проведение крупных международных мероприятий (саммиты ШОС, БРИКС), культурных событий, активное участие в модельных проектах ООН и наличие фондов международного сотрудничества – всё это реальные шаги по выстраиванию культурных мостов между народами.

Журнал «Панорама Башкортостана» регулярно делает обзоры ключевых геополитических процессов, опираясь на интересы региональной аудитории. В публикации «Опора в эпоху турбулентности» («Панорама Башкортостана», 15 апреля 2026 г.) отмечается, что суверенная внешняя политика опирается на способность государства оперативно реагировать на внутренние вызовы. При этом «глобальное противостояние всё чаще выходит за рамки экономических санкций и военных блоков, приобретая духовное измерение».

Также дискурс, связанный с международными событиями и деятельностью ООН, встраивается в контекстную рамку защиты и отстаивания исторической правды. Представляет интерес публикация, размещенная на портале информационного агентства «Башинформ» «Память о Великой Победе – это отстаивание исторической справедливости» («Башинформ», 1 сентября 2025 г.). Генеральный консул КНР в Казани господин Сян Бо в своей статье, написанной специально для информационного агентства «Башинформ», подчеркивает значение сохранения исторической правды в условиях современной геополитической турбулентности. В публикации, в частности, указано: ««Каирская декларация», «Потсдамская декларация» и другие международно-правовые документы подтвердили суверенитет Китая над Тайванем. Эти исторические и юридические факты неоспоримы, а авторитет резолюции 2758 Генеральной Ассамблеи ООН не подлежит оспариванию».

В региональном медиадискурсе Башкортостана освещение международной повестки выполняет функцию призыва к взаимоуважению между народами. В публикации Романа Якимчука «Духовные лидеры призвали людей жить в мире и уважении друг к другу» («Башинформ», 30 октября 2023 г.) цитируются слова Верховного муфтия России Талгата Таджуддина: «Мы призвали, чтобы по инициативе нашей страны состоялось заседание Совета Безопасности ООН, на котором были бы приняты решения по остановке конфликта, оказанию гуманитарной помощи жителям. Речь идет не только о взаимоотношениях Израиля и Палестины, а о взаимоотношениях народов и стран. Сегодня необходимо, чтобы страны – члены ООН прислушались к голосу людей доброй воли всего мир».

Проанализировав результаты, можно сделать вывод о том, что региональные СМИ используют деятельность ООН прежде всего для укрепления позитивного образа республики. Рассмотренный в статье эмпирический материал позволяет говорить о феномене «дипломатии достижений»: упоминания ЮНЕСКО становятся ресурсом легитимации региональной идентичности на международной арене.

Изучив частоту и контекст ссылок на официальные сайты (например, ссылки на ecology.bashkortostan.ru, una.ru), можно прийти к выводу, что медиа преимущественно цитируют региональных чиновников и экспертов, а не представителей ООН. Это создает специфический медиаобраз: ООН предстает как «институция-апробатор», которая оценивает и признает уникальность башкирских природных и культурных объектов.

На основе сравнения с диссертационными исследованиями геополитического дискурса в таких изданиях, как «Коммерсант» и «Нью-Йорк Таймс», можно прийти к заключению, что в региональных СМИ Башкортостана практически отсутствует геополитическая полемика вокруг ООН, в отличие от федеральных или западных медиа.

Результаты исследования могут быть использованы в курсах по международной журналистике и региональной медиаполитике. Направление дальнейших исследований – сравнительный анализ освещения ООН в республиках Приволжского федерального округа.

На основе проведенного качественного и количественного анализа медиатекстов приходим к заключению, что гипотеза об активном конструировании позитивного образа региона через деятельность ООН подтвердилась. Рассмотрев примеры публикаций информационного агентства «Башинформ», журнала «Панорама Башкортостана» и других изданий, а также телесюжетов БСТ, можно сделать вывод о том, что ООН в информационном пространстве Республики Башкортостан выполняет функцию «международного знака качества». Результаты исследования позволяют по-новому взглянуть на региональную журналистику как на полноценного участника публичной дипломатии.

Литература:

1. Башинформ. Память о Великой Победе – это отстаивание исторической справедливости// Башинформ. – 2025, 1 сентября. – URL: https://www.bashinform.ru/articles/social/2025-09-01/pamyat-o-velikoy-pobede-eto-otstaivanie-istoricheskoy-spravedlivosti-4369388

2. Молодежная газета. Арт-центр «Воскресенский завод» в Башкирии вышел в финал конкурса парков страны// Молодежная газета. – 2026, 14 апреля. – URL: https://mgazeta.com/news/novosti/2026-04-14/art-tsentr-voskresenskiy-zavod-v-bashkirii-vyshel-v-final-konkursa-parkov-strany-4652044

3. Панорама Башкортостана. Опора в эпоху турбулентности// Панорама Башкортостана. – 2026, 15 апреля – URL: https://panoramarb.ru/news/%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0/2026-04-15/opora-v-epohu-turbulentnosti-4652984

4. Тимохина, Ю. В. Языковые средства создания медиаобраза ООН (на материале британских, американских и российских интернет-источников) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2014. – № 12. – С. 97–100.

5. Уфимская модель ООН [Электронный ресурс] // ВКонтакте. – URL: https://vk.com/bsumun

6 Хочикетцаль, Л. М. Геополитические учения и геополитический дискурс в журналистике: диссертация кандидата филологических наук / Луна Моралес Хочикетцаль. – Москва, 2008. – 185 с.

7**.** Щорс, Т. С. Имиджевая коммуникация Организации Объединённых Наций в российской студенческой аудитории: диссертация кандидата социологических наук: 22.00.04 / Щорс Татьяна Сергеевна. – Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2017. – 192 с.

8. Якимчук, Р. Духовные лидеры призвали людей жить в мире и взаимоуважении друг к другу/ Р. Якимчук//Башинформ. – 2023, 30 октября. – URL: https://www.bashinform.ru/articles/social/2023-10-30/duhovnye-lidery-bashkirii-prizvali-lyudey-zhit-v-mire-i-uvazhenii-drug-k-drugu-3498978

© Рахматзода А.С., 2026

УДК 821.512.141.09

Реджепов Б.,
студент УУНиТ,
Научный руководитель – ***Гареева Г.Н.,***
д-р филол. наук, профессор УУНиТ,
г. Уфа, Россия

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР ВЕЛИКОГО ГУМАНИСТА МУСТАЯ КАРИМА

Во всем творчестве всемирно известного башкирского писателя, Народного поэта Башкортостана, Героя Социалистического Труда Мустафы Сафича Каримова – Мустая Карима во главу угла ставятся общечеловеческие проблемы мира и добра, социальной справедливости, совести, человеческого счастья. Государство по достоинству оценило труд великого творца слова – в 1967 году за пьесу «В ночь лунного затмения» ему была присуждена премия РСФСР им. К.Станиславского, в том же году за I том «Избранных произведений» - Республиканская премия БАССР имени Салавата Юлаева, в 1972 году за книгу «Годам вослед» - Государственная премия СССР. В 1978 году за книгу «Жду вестей» М.Карим был удостоен Почетного диплома международного жюри им. Г.-Х. Андерсена. В 1984 году за трагедию «Не бросай огонь, Прометей!» и повесть «Долгое-долгое детство» ему была присуждена Ленинская премия.

Творчество Мустая Карима основано на реализме и романтизме. Но, будучи сложным эстетическим явлением, поэзия, проза, драматургия писателя – все его творчество многогранно. В его произведениях наблюдается единство и противоречие различных принципов художественного отражения действительности, тех или иных стилевых явлений, разнокачественных эмоциональных красок, то есть синтез различных методов и стилей.

И в прозаических, и в драматургических произведениях М.Карима присутствуют сильная поэтическая струя, склонность к философским размышлениям, символика. Глубокая реалистическая основа эстетики великого поэта органически связана с плодотворными традициями народного творчества, что определяет необычайную предметность его образной системы, пластичность, живописность поэтической речи, авторских ремарок, отступлений и т.д.

В прозе, поэзии и драматургии М.Карима романтическое восприятие действительности сливается с предметностью образов и словесной живописи. Это отчетливо проявляется в языке прозаических и драматических произведений, для которого характерна как бытовая лексика и фразеология, плотность народной речи, так и поэтическая экспрессивность и метафоричность. Поэзия, проза, драматургия – все творчество М.Карима, наполненное высокой романтикой, в то же время сугубо реалистично: жизнь в произведениях писателя выступает в сложнейшем переплетении противоречий, в непрерывной и нередко трагической борьбе добра и зла, света и тьмы, старого и нового, в непрестанном обновлении.

Мустай Карим часто обращается к способу романтической типизации, для того, чтобы особенно остро и подчеркнуто продемонстрировать существующие отнюдь не совершенные явления и суровые стороны действительности, или для того, чтобы передать исключительные ситуации в жизни современников, выразить обострение их чувств, атмосферу духовного подъема или духовного кризиса, которые порождены той или иной ситуацией. Романтичность письма М.Карима заключается в повышенной, усиленной чуткости к прекрасному в действительности, к ее ярким краскам и безмерному их разнообразию. Эстетический идеал писателя находит воплощение не столько в воспевании красоты и привлекательности мечты, идеала, сколько в утверждении прекрасного как должного и сущего.

Как известно, романтический образ почти всегда тяготеет к символу, в нем органически соединяются отдельные специфические особенности аллегории с ярко выраженной интонацией [1, с.51]. Позволяя писателю отступать от принципов правдивости, реалистичности деталей, предоставляя неограниченный простор в изображении перспектив жизни в конкретно-чувственной форме, романтичность дает возможность сосредотачивать все внимание на самом главном. Отсюда и постоянное обращение М.Карима к такому способу типизации, как условность.

Условность и символика, а также поэтическая метафоричность, емкие по смыслу вещие сны, обилие ярких эпитетов, присутствие образа Поэта – в драме «Свадьба продолжается» («Туй дауам итә», 1947) – образа павшего смертью храбрых на фронтах Великой Отечественной войны Малиха Хариса, в трагедии «Ночь лунного затмения» («Ай тотолған төндә», 1963) образа поэта-сэсэна Акъегета, в трагедии «Салават» («Салауат», 1971) образа легендарного поэта-борца Салавата

Юлаева, в повести «Долгое-долгое детство» («Озон-озаҡ бала саҡ», 1976) образа Кендека и его друга детства Асхата, в повести «Помилование» («Ярлыҡау», 1986) образа поэта и актера Янтимера Байназарова и др. являются универсальными приемами эстетики М.Карима.

М.Карим с первых произведений прозы для детей и юношества «Радость нашего дома» (1951), «Таганок» (1966) до автобиографической широко известной повести «Долгое-долгое детство» (1976) и книги «Притча о трех братьях» (1988), объединившей статьи, воспоминания, беседы, раздумья, размышления о творчестве как самого автора, так и собратьев по перу, о драматургии, литературе для детей, о любви к большой и малой Родине, к человеку и т.д., воспевает добро, честь и жертвенность во имя торжества разума, справедливости на земле. А повесть «Помилование» (1986) – это потрясающая души миллионов читателей история о короткой романтической любви во время войны, внезапно обернувшейся трагедией для многих. Во всех этих прозаических произведениях красной нитью проходить идея о гуманизме, о торжестве добра над злом.

Творчество М.Карима многогранно и разнообразно по проблематике, идейно-художественному содержанию и форме. Его произведениям свойственно глубокое постижение действительности, внимание к острым социально-нравственным явлениям бытия, стремление заглянуть в мир современника, сущность человеческой души. Писателя отличает умение тонко проникнуть в проблемы современности, в сущность описываемых реалий, интерес к национальному характеру, к деталям социального бытия и повседневного быта, стремление вникнуть, постичь их глубоко, изнутри. Ему интересен отдельный человек, с его думами, переживаниями в их временном изменении.

Художественный мир творчества М. Карима представляет собой тесное взаимодействие национальных традиций и общих реалистических принципов отображения действительности, сложного синтеза национального, лирического и эпического в создании картины мира, концепции личности человека, его отношений с другими людьми. Можно говорить о том, что лиро-эпическое начало, авторская ирония, яркая индивидуальность писателя определяются на основе национальных традиций («Помилование», «Деревенские адвокаты», «Страна Айгуль», «Похищение девушки»). «В своем творчестве башкирский писатель воссоздает глубинные, порой архаические структуры мышления, которые позволяют выявить архетипические элементы человеческого и природного бытия. Это приводит к многоплановости образов, придает им универсальный смысл. Мифопоэтика позволяет писателю дать в емких образах большой объем содержания и придать объективной картине мира статус единственно реальной» [1, с.354].

Основа эстетики М.Карима – это подвижничество, человеколюбие, близость к природному миру, поиски идеала в народной этике. Литературный дар писателя основывается на коренных свойствах национального самосознания. Устремленность писателя к жизненному миру своего народа, к духовно-нравственным изломам судьбы своей страны соединена с обращением к высшим постулатам бытия. М. Карим неустанно осознает себя башкиром, представителем народа со своей особенной судьбой и историей, со своим неповторимым национальным обликом и характером, со своей мудростью и моралью, выношенной веками.

Вечная проблема, интересующая М.Карима, – «национальная стихия», народный характер. На страницах произведений писателя воссоздан реальный, действенный облик малой родины, которая и объединяет повествователя с дорогими для его сердца персонажами, выступает в творчестве М.Карима как символ всего устойчивого, национального, духовного. Всеобъемлющие образы: образная система, основные коллизии, художественные концепции, нравственно-эстетические идеалы и язык естественно становятся центром содержания творчества.

Обобщая, можно сказать, что Мустай Карим во всех своих произведениях всегда выступает убежденным, страстным "адвокатом" гуманности, добра, бережности по отношению к людям, миру, жизни во всей ее трепетной неповторимости. Афористичность мышления, отражающая мудрость восточной философии сочетается в произведениях Мустая Карима с лучшими традициями европейской литературы. Писатель раскрыл перед читателями духовный опыт своего народа, показал моральные силы и неповторимую самобытность своей нации, мужественную красоту отважных, столетиями воспитываемых на романтических и героических началах башкир. Любовь к родному народу, знание его быта, обычаев, истории, устремлений имеют у Мустая Карима общечеловеческую масштабность. Своеобразие и широкое мироощущение, способность видеть свою землю как частицу Вселенной, умение находить свой народ – в народах, человечество – в человеке – в себе – эти черты характеризуют его как великого художника.

Литература

1. Ахмадиев Р. Высокое назначение жанра и его адекватное воплощение // Бельские просторы. – 2023. – №3. –стр. 145-147.
2. Баимов Р.Н. Истоки и устья. – Уфа: Башк. изд-во "Китап", 1993. – 350 с.
3. Бикбаев Р. Школа Мустая Карима // Бельские просторы. – 2002. – № 12.

© Реджепов Б., 2026

УДК 811.512.141

Режаббаева Г.З.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Абдуллина Г.Р.,***
д-р филол. наук, профессор УУНиТ,
г. Уфа, Россия

ОСОБЕННОСТИ УСТНОГО И ПИСЬМЕННОГО ПЕРЕВОДА С КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

В современном мире перевод играет важнейшую роль в обеспечении межкультурной коммуникации, взаимообогащении языков и культур разных народов. Китайский язык, будучи одним из самых распространенных языков мира, привлекает все большее внимание российских исследователей и практикующих переводчиков.

Особый интерес в современном переводоведении представляет аудиовизуальный перевод (АВП) – относительно молодое, но стремительно развивающееся направление переводческой деятельности. В качестве письменного и устного перевода соответственно выступают субтитры и дубляж (закадровое озвучивание).

Большинство существующих исследований посвящены либо общим вопросам теории перевода, либо анализу отдельных видов переводческой деятельности. Однако особый интерес вызывает именно сопоставление письменного и устного перевода на основе одного единого материала, так как таким образом действительно можно увидеть сходства и различие методов перевода, используемых специалистами.

В качестве материала используем первые 20 серий исторического сериала «Покорение дворца Яньси» (延禧攻略). Для сопоставления двух видов перевода (субтитрирование и дубляж) лучше всего проанализировать методы перевода культурных реалий (титулы, этикеты, обычаи) и фразеологизмов, так как они наиболее часто вызывают трудности у специалистов.

Стоит отметить, что условия перевода с китайского языка на русский как при субтитрировании, так и при дубляже значительно сложны. Длина строки для субтитров ограничена: для русского языка оптимум составляет 35–37 символов с учетом пробелов и знаков препинания. Субтитры лишены возможности использовать сноски или комментарии. Перевод с китайского обостряет перечисленные ограничения, так как иероглифическая запись компактнее русской. В то же время одним из главных условий качественного дубляжа выступает соответствие артикуляции актеров на экране произносимому тексту. Также реплика дубляжа должна начинаться и завершаться одновременно с оригинальной речью персонажа. Основываясь на этих технических ограничениях, переводчик выбирает подходящий метод перевода.

Передача реалий в аудиовизуальном переводе становится особенно сложной задачей. Изучение первых двадцати серий сериала «Покорение дворца Яньси» позволило определить ключевые переводческие приемы, которыми пользовались авторы субтитров. Способ транскрипции и транслитерации применяется ограниченно, преимущественно для передачи имен собственных и некоторых ключевых понятий, уже вошедших в русский язык.

В 1-ой серии (таймкод 21:50). Китайское имя 魏璎珞 (Wèi Yīngluò) передано в русских субтитрах как «Вэй Инло» с соблюдением правил транскрипции (фамилия перед именем, раздельное написание). В дубляже, как и в субтитрах, используется транскрипция «Вэй Инло». Этот стандартный способ не вызывает трудностей, ведь имена собственные в обоих форматах передаются одинаково. Однако в устной речи важно правильное ударение и интонация, чтобы имя звучало естественно в потоке русской речи.

В 12-ой серии (таймкод 20:33) представлен диалог, в котором упоминается наложница Гао, имеющая ранг 贵妃. В русских субтитрах методом функционального аналога, при котором между понятиями двух языков отсутствует полное соответствие, применен вариант перевода «Благородная супруга». Титул 贵妃 (guìfēi) – второй по значимости ранг наложниц после императрицы. Выбор слова «супруга» вместо «наложница» обусловлен адаптацией к восприятию русскоязычного зрителя: в европейской культурной традиции при монарших дворах существовали именно супруги (жены) различных рангов, что делает этот аналог более понятным. Прилагательное «благородная» сохраняет указание на особое положение, заложенное в иероглифе 贵. В дубляже титул передан как «супруга», а все обращение полностью – «супруга Гао» (高贵妃 Gāo Guìfēi). Этот функциональный аналог короче, чем полный титул. Он значительно облегчает синхронизацию с артикуляцией, но при этом сохраняет уважительное обращение. Зритель из контекста понимает, что персонаж имеет высокий статус.

Во 2-ой серии наложница низшего ранга при приветствии Благородной супруги Гао, которая выше нее по рангу, произносит фразу 嫔妾给娘娘请安 (pínqiè gěi niángniang qǐng'ān), где嫔妾 (pínqiè) – почтительное самоназвание наложницы, 娘娘 (niángniang) – госпожа (обращение к Благородной супруге), а 请安 (qǐng'ān) – этикетное приветствие с поклоном. В русских субтитрах эта фраза передана как «Приветствую Благородную супругу». Этикетный компонент (поклон 请安) опущен, так как жест четко виден на экране, а развернутое описание («приветствую с поклоном») превысило бы лимит знаков. В устном переводе наблюдается аналогичная стратегия. Фраза переведена как «Ваше Высочество, приветствую Вас». Этикетный компонент (поклон 请安) вербально никак не передается. Выбор в дубляже варианта «Ваше высочество» представляет собой усиленный функциональный аналог.

В контексте письменного перевода работа с фразеологией имеет свою особенность. Переводчик чаще подбирает в русском языке устойчивое выражение, выполняющее сходную функцию и вызывающее аналогичные ассоциации. При передаче китайских устойчивых выражений (чэнъюи) специалист ограничен по времени, ведь перевод должен укладываться в длительность исходной фразы, совпадать с движением губ актёра на экране и звучать естественно, чтобы зритель сразу всё понял. Из- за этих ограничений переводчику приходится искать особые способы передачи таких выражений. Например, они часто упрощают выражения, подбирают похожие по смыслу фразы или обобщают смысл, даже если из-за этого теряется какой-то красивый образ или игра слов.

В 5 серии (таймкод 10:17) представлен пример перевода чэнъюя 有福同享，有难同当 (yǒu fú tóng xiǎng, yǒu nàn tóng dāng), который был передан функциональным аналогом «делить радость и горе пополам». Он состоит из двух параллельных частей: 有福同享 (буквально «иметь счастье – вместе делить») и 有难同当 (буквально «иметь трудности – вместе принимать»). Этот пример наглядно показывает, как переводчик находит в русском языке устойчивое выражение с аналогичной культурной окраской. Перевод в дубляже передан как «Мне для сестры ничего не жалко». Можно заметить, что был выбран совершенно иной подход. Фраза представляет собой адаптацию к разговорной речи и конкретной ситуации общения. Чэнъюй утратил образность, но сохранил основную мысль, а именно выражение преданности и готовности поддерживать.

Чэнъюй 不上不下 (bù shàng bù xià) буквально переводится как «ни вверх, ни вниз». Контекст использования в сериале такой, что Благородная супруга Гао злится, ей не нравится сложившаяся ситуация. В 9 серии (таймкод 36:25) в субтитрах использован нейтральный описательный перевод «неприятная ситуация», который передает общий смысл чэнъюя (неловкое, неприятное положение), но полностью утрачивает образность и не передает всей гаммы эмоций персонажа. В дубляже выбран гораздо более сильный и эмоциональный вариант «все потеряно». Этот перевод передает не просто «неприятность», а отчаяние и крах надежд. Он является кратким и естественным для устной речи восклицанием.

Чэнъюй 眼都没眨一下 (yǎn dōu méi zhǎ yīxià) буквально означает «даже не моргнул глазом ни разу» (серия 12, 41:19). В субтитрах переводчик использовал метод функционального аналога и подобрал схожий по смыслу фразеологизм, понятный для русского зрителя – «даже глазом не моргнул». В дубляже эта фраза переводится точно так же. Мы можем наблюдать полное совпадение

перевода в двух форматах. Это объясняется тем, что в русском языке существует точный функциональный аналог данного чэнъюя – выражение «даже глазом не моргнул». Оно обладает той же стилистической окраской (разговорное, но уместное в разных контекстах) и совпадает по длине и ритмике, что позволяет легко уложиться в тайминг.

Анализ материала сериала «Покорение дворца Яньси» показал, что перевод для субтитров и дубляжа – это две разные задачи. У каждого вида перевода есть свои правила и приемы, которые определяются техническими и лингвистическими условиями.

При передаче культурных реалий преобладал способ функционального аналога, обеспечивавший естественную адаптацию китайских реалий под восприятие русскоязычной аудитории. А при переводе культурных реалий в устном формате наблюдалась более высокая степень адаптации: изменение формулировок в зависимости от контекста, широкое использование интонационной компенсации, привязка к визуальному материалу.

Перевод чэнъюев в субтитрах характеризовался стремлением к сохранению образности. Также он продемонстрировал последовательность в передаче титулов и стремление к информационной точности. А перевод чэнъюев в дубляже потребовал более глубокой переработки. Художественные конструкции заменялись разговорными оборотами, усиливались. При наличии точного функционального аналога в русском языке наблюдалось совпадение с субтитрами.

Таким образом, аудиовизуальный материал (один и тот же сериал) оказался очень удачной площадкой для сопоставления двух видов перевода. Он позволил нам увидеть особенности в чистом виде, без лишних факторов. Это подтверждает высокую методологическую ценность использования единого аудиовизуального материала для сопоставительных исследований в области переводоведения.

Литература:

1. Аникина, Т. В., Забродина, Л. Р. Субтитры как элемент кинодискурса: лингвистический аспект / Т. В. Аникина, Л. Р. Забродина // Филологический аспект. – 2022. – № 11 (91). – С. 97–105.
2. Виноградов, В. С. Перевод: общие и лексические вопросы / В. С. Виноградов. – Москва: КДУ, 2006. – 240 с.
3. Гурулева Т. Л. Фразеология китайского языка: структура, семантика, перевод / Т. Л. Гурулева. – Москва : ВКН, 2018. – 256 с.
4. Денисова Э. С., Юминова Д. Е. Специфика кино/видеоперевода реалий китайской культуры на русский язык (на материале художественных фильмов) / Э. С. Денисова, Д. Е. Юминова // Филология и человек. – 2023. – № 4. – С. 45–58.
5. Дин Синь. Особенности перевода китайских фразеологизмов (чэнъюй) на русский язык / Дин Синь // Язык и культура. – Томск, 2010. – С. 45–52.
6. Матасов, Р. А. Перевод кино/видео материалов: лингвокультурологические и дидактические аспекты / Р. А. Матасов. – Москва: МГУ, 2008. – 180 с.
7. Покорение дворца Яньси [Электронный ресурс]: исторический сериал / реж. Хуэй Кайдун. – Китай, 2018. – Режим доступа: https://www.doramasub.ru/pokorenie-dvorca-jansi/, свободный (дата обращения: 02.02.2026).
8. Приворотская, Т. В. Особенности перевода кинодиалога с китайского языка на русский / Т. В. Приворотская // Язык и культура. – Томск, 2013.
9. Рахимбекова Л. Ш., Рубцова Т. В. Практикум по письменному переводу с китайского языка на русский язык. – М.: ВКН, 2021.
10. Федотова, И. Г. Аудиовизуальный перевод: теория и практика / И. Г. Федотова. – Москва: Р.Валент, 2020. – 240 с.

© Режаббаева Г.З.2026

УДК 070

Ризванова Д.Р.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Имангулова А.Р.,***
ассистент УУНиТ
г. Уфа, Россия

МЕДИАСИСТЕМА РЕСПУБЛИКИ БАШКОРОТОСТАН: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Исследование региональных медиасистем России позволяет выявить общие закономерности многоуровневой структуры и тенденции развития информационного пространства, что имеет важную практическую значимость для многих сфер общественной жизни. Исследование также помогает выявить аспекты функционирования и механизмы работы медиасистемы и использовать их в дальнейшем при создании, агрегации и дистрибуции контента. Медиасистема Республики демонстрирует, как различные типы СМИ не только интегрируются в общероссийское медиапространство, но и активно сохраняют выраженное своеобразие. Это является не менее значимой задачей системы, направленной, в том числе, на укрепление культурных ценностей и сохранение исторически сложившихся традиций, чтобы выстроить качественные взаимоотношения между государством и обществом.

В последние годы медиапространство Республики Башкортостан претерпевает различные изменения. И от того требует тщательного изучения для большего понимания конструирования информационного поля региона.

Печатный сегмент СМИ Башкортостана является одним из наиболее показательных с точки зрения как языкового, так и этнического многообразия. Основу прессы составляют газеты, которые издаются на разных языках с целью привлечения большего пласта многонационального населения и развития на международном уровне. Так, одним из наиболее востребованных русскоязычных изданий в Республике принято считать ведущую газету «Республика Башкортостан», основанную в 1906 году и освещающую социально-экономические, политические и культурные события в формате репортажей, интервью и аналитических статей. Что касается башкироязычной печати, то здесь одну из лидирующих позиций занимает издание «Башкортостан». Частота выпусков составляет пять раз в неделю, а тираж – около 33 000 экземпляров. Татарская же аудитория, в контексте медиа пространства, в большей степени ориентирована на газету «Кызыл тан» (с тат. Красная заря), издающуюся в Уфе с 1924 года. Её совокупный среднеразовый тираж печатных изданий в 2025 году в Башкортостане составил 256 000 экземпляров, что позволило занять 3 место среди регионов по количественыым показателям.

При этом заметна тенденция сокращения тиражей. Стоит отметить, что процент падения в республике ниже общероссийского. Некоторые эксперты связывают это, в основном, с читательскими привычками, особенно в сельской местности, где трудности распространения интернета и электронных медиа напрямую зависит от жизненного уклада и иных внешних обстоятельств. Значительное влияние на процесс падения подписок оказывает Издательский дом «Республика Башкортостан», который стремится стимулировать рост аудитории за счёт акций, розыгрышей призов и изучения интересов читателей.

Не менее важным в медиапространстве Республики Башкортостан является и телевизионный сегмент, который представлен как государственными, так и коммерческими вещателями. В качестве главного канала региона выступает Башкирское спутниковое телевидение (БСТ). По итогам за 2025 год, БСТ зафиксировали, как часто просматриваемый телеканал страны, в сравнении с другими: доля просмотра канала превысила 9 пунктов, увеличившись на 50%. В рейтинге региональных телеканалов БСТ занял 1 место, набрав 48% и опередив челябинское ОТВ (48%) и Омский «12-й канал» [1]. Аналитика позволила выявить на основе данных, что наибольшая заинтересованность аудитории была проявлена к трансляциям хоккейных матчей, выпускам новостей как на русском, так и на башкирском языках, а также к ежегодной прямой линии с главой Республики.

Помимо БСТ, спросом пользуется и телеканал «Тамыр», который специализируется на выпуске контента, направленного на детей. В 2023 году программа «Сәңгелдәк» («Колыбель»), которая выходит в прямой эфир уже более тридцати лет, стала обладателем премии «ТЭФФИ-Kids» в номинации «Ежедневная информационно-развлекательная программа для детей» [4]. В 2025 году программа «Экологично» вышла в финал телевизионной премии «ТЭФИ-регион» [6]. Кроме того,

отмечается повышенный спрос на коммерческие телеканалы «Вся Уфа» и «UTV», а также «Туган тел» – телеканал, направленный на сохранение башкирского и татарского языков, культурных обычаев и традиций через создание современного медиаконтента. По данным 2025 года, телеканал вещал не только в Республике Башкортостан, но и по всей России, и в 30 странах ближнего и дальнего зарубежья (в Средней Азии и на Ближнем Востоке) [3].

Радиовещание в республике также характеризуется языковым и культурным многообразием, как и все вышеперечисленные способы распространения информации. Основу данного сегмента представляют собой три государственные радиостанции, которые входят в структуру АО ТРК «Башкортостан»: «Спутник ФМ» (вещание на русском языке), «Юлдаш» (вещание на башкирском и татарском языках) и «Ашкадар» (вещание на башкирском и татарском языках).

Наиболее прослушиваемой из перечисленных является радиостанция «Спутник ФМ», которую ежедневно слушают 111 000 человек. По итогам на 2025 год, радиостанция вошла в 3-ку лидеров Уфы по ежедневному количеству аудитории, что подтверждает востребованность эфиров [1]. Регулярная аудитория слушателей «Юлдаш» составляет около двух миллионов человек, что можно сопоставить с охватом крупных федеральных радиостанций. Зона вещания охватывает не только всю республику, но и соседние регионы, а интернет-трансляции открывают доступ для пользователей из любой точки мира. В эфире представлены музыкальные, развлекательные и информационные программы на башкирском и татарском языках. По итогам на 2024 год, число слушателей эфиров увеличилось на 14%. Радио «Ашкадар» круглосуточно вещает в Уфе и близлежайших районах. Одной из наиболее важных задач радио отмечает сохранение и продвижение национальной культуры, пропаганда общечеловеческих ценностей и создание благоприятной атмосферы для слушателей. Радио позиционируется как информационно-музыкальное и специализируется на трансляциях старинных башкирских народных песен, классической музыки и поэзии. В октябре 2025 года вещание было расширено и на Баймакский район, что свидетельствует о работе по увеличению зоны охвата национального радиовещания. В марте 2026 года все три радиостанции показали высокие результаты на Всероссийском форуме «Вместе Медиа», завоевав в сумме 6 наград в различных номинациях [5].

Активно развиваются и интернет-СМИ, в условиях современности и стремительного технологического прогресса. Значительная часть аудитории сосредоточена непосредственно в социальных сетях, являющихся доступным и удобным инструментом для передачи информации, в частности, среди молодого и подрастающего поколения. Центральное место в медиасистеме региона занимает информационное агентство «Башинформ», которое по итогам на 2025 год подтвердило статус самого цитируемого и посещаемого информационного ресурса в Республике Башкортостан. Оно выполняет функцию центрального поставщика новостного контента для большинства республиканских СМИ. Агентство занимает лидирующую позицию в Приволжском федеральном округе по цитируемости и охвату аудитории. В октябре 2025 года «Башинформ» возглавил рейтинг медиа в «Дзен Новостях» среди городов-миллионников, подтвердив тем самым эффективность выбранной редакцией стратегии: оперативность, достоверность и многогранность выпускаемого контента [1]. Особенностью является наличие полноценной версии сайта на башкирском языке. Выделяется также и сайт газеты «Башкортостан». По данным на 2024 год, дата трафик на порталы и сервисы на башкирском языке вырос на 17% по сравнению с 2023 годом, при этом около 50% информации приходится на чтение новостей о жизни в столице и районах республики. Примечательно, что 71% читателей проживает на территории Башкортостана, в то время как остальные 29% из других регионов [2]. Интернет-версия телеканала «Башкортостан» в 2025 году вошла в топ-5 по приросту посетителей за месяц с показателем в 325 000 человек среди 106 телеканалов. Телеканал БСТ также активно развивает цифровое направление: его канал MAX один из самых популярных среди республиканских СМИ. В 2025 году ведущие газеты республики («Республика Башкортостан», «Башкортостан» и «Кызыл таң») запустили официальные каналы в мессенджере MAX, что стало ещё одним шагом к расширению информационного пространства региона на новых цифровых платформах. Радиостанция «Юлдаш» вошла в 5-ку одних из наиболее популярных каналов среди республиканских СМИ на платформе MAX. Это особенно важные показатели, так как интернет сегодня использует около 85% аудитории, а среднестатистический пользователь проводит в социальных сетях в среднем 4,5 часа в день.

В результате исследования были выявлены ключевые особенности многоуровневой системы СМИ Республики Башкортостан и приведены аналитические данные для более подробного анализа. Таким образом, можно сделать вывод, что медиасистема первоочередно характеризуется наличием многообразных форматов и языков передачи и трансляции информации в массы, отражает

этнокультурную специфику региона. И также направлена на то, чтобы сохранить и продолжить развивать все перечисленные аспекты. Современные СМИ Башкортостана не только самостоятельно движутся к улучшению единого механизма, но и при этом активно адаптируются к постоянно изменяющимся тенденциям медиапотребления в целом.

Литература:

1. БСТ стал самым рейтинговым региональным телеканалом России в 2025 году [Электронный ресурс] // Башинформ – URL: https://www.bashinform.ru/news/social/2026-02-02/bst-v-chetvertyy-raz-stal-samym-reytingovym-regionalnym-kanalom-rossii-4560619 (дата обращения 20.04.2025)

2. В Башкортостане стали активнее читать СМИ и другие ресурсы на башкирском языке [Электронный ресурс] // Министерство цифрового развития государственного управления Республики Башкортостан – URL: https://it.bashkortostan.ru/presscenter/news/638360/ (дата обращения 20.04.2025)

3. Голос родного языка. Телеканал «Туган Тел» стал знаковым явлением башкирской национальной культуры [Электронный ресурс] // Республика Башкортостан – URL: https://resbash.ru/articles/obshchestvo/2025-03-19/golos-rodnogo-yazyka-4162674 (дата обращения 20.04.2025)

4. Детский телеканал «Тамыр» получил премию «ТЭФИ-KIDS 2023» [Электронный ресурс] // Баш.Ньюс – URL: https://bash.news/news/212165-detskii-telekanal-tamyr-polucil-premiiu-tefi-kids-2023 (дата обращения 20.04.2025)

5. Победители конкурса «Вместе медиа. Онлайн» и «Вместе медиа. Радио/Аудио» [Электронный ресурс] // Вместе медиа 2026 – URL: https://2026.vmestemedia.ru/2025/04/04/победители-конкурса-вместе-медиа-он/ (дата обращения 20.04.2025)

6. Проекты башкирских телеканалов вышли в финал ТЭФИ-Регион 2025 [Электронный ресурс] // Баш.Ньюс – URL: https://bash.news/news/252996-proekty-baskirskix-telekanalov-vysli-v-final-tefi-region-2025 (дата обращения 20.04.2025)

© Ризванова Д.Р., 2026

УДК 81

Рожнева А.Р.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Салаватова Ф.Р.,***
канд. филол. наук, доцент,
г. Уфа, Россия

РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Русский язык в современном научном и образовательном пространстве занимает особое место, сочетая историческую глубину и актуальные тенденции развития. Будучи не только национальным языком Российской Федерации, но и средством межнационального общения на обширном геополитическом пространстве, он выполняет множество функций – от инструмента передачи знаний до элемента культурной идентичности.

Исторически русский язык стал основой для формирования отечественной научной школы. Труды Ломоносова, Менделеева, Павлова, Вернадского и других выдающихся учёных заложили фундамент российской науки и создали мощный корпус русскоязычной научной литературы. Многие фундаментальные открытия были впервые сформулированы и опубликованы на русском языке, что обеспечило ему статус одного из языков мировой науки. До сих пор часть специализированной литературы в области физики, математики, химии и филологии существует на русском, оставаясь недоступной для тех, кто им не владеет.

Важным аспектом укрепления позиций русского языка выступает его роль в сфере международного образования. Российские вузы активно привлекают иностранных студентов, предлагая программы на русском языке с возможностью изучения языка как иностранного. Это не только расширяет аудиторию русскоязычного образования, но и способствует популяризации русской культуры и науки за рубежом. Программы академической мобильности, совместные образовательные проекты с зарубежными университетами и стипендии для иностранных граждан

усиливают привлекательность российского образования и, как следствие, повышают статус русского языка в глобальном академическом сообществе.

В современном образовательном пространстве русский язык выступает как основной инструмент обучения на всех уровнях – от школы до аспирантуры. В российских учебных заведениях подавляющее большинство дисциплин преподаётся на русском языке, а государственные образовательные стандарты предусматривают глубокое изучение его норм, стилистики и истории. Кроме того, русский язык служит связующим звеном в многонациональной стране: он позволяет представителям разных народов получать образование в едином академическом пространстве, обмениваться знаниями и интегрироваться в общероссийскую культурную среду.

Вместе с тем положение русского языка в науке и образовании испытывает влияние глобальных процессов. Многие исследователи стремятся публиковать свои работы в англоязычных журналах, чтобы повысить видимость своих исследований и получить доступ к международному академическому сообществу. Это приводит к постепенному сокращению доли русскоязычных публикаций в мировой научной литературе и может в перспективе снизить привлекательность русского языка для молодых учёных.

Ещё одна проблема связана с изменением языковых практик в цифровой среде. Широкое распространение социальных сетей, мессенджеров и онлайн-платформ формирует новые речевые нормы, часто отклоняющиеся от литературной нормы. У молодёжи снижается уровень грамотности, сокращается активный словарный запас, усиливается влияние жаргонов и заимствований. Эти тенденции затрагивают и академическую среду: студенты и даже аспиранты нередко испытывают трудности с формулировкой научных текстов в соответствии с требованиями стиля и логики изложения.

Интернет и новые технологии открывают дополнительные возможности для распространения русскоязычных знаний: научно-популярные сайты, подкасты учёных, вебинары и онлайн-конференции делают научные достижения доступными широкой аудитории. Одновременно возникают новые задачи – например, развитие систем машинного перевода и обработки естественного языка на русском, создание корпусов научных текстов для обучения искусственного интеллекта. Успех в этих направлениях напрямую зависит от качества языковой базы и активности научного сообщества.

Большого внимания заслуживает вопрос языковой нормы и её трансформации в современной научной и образовательной среде. С одной стороны, русский литературный язык сохраняет строгие требования к стилю научных публикаций, учебных материалов и официальных документов. С другой – наблюдается проникновение разговорных элементов, заимствований и профессиональных жаргонов в академическую речь. Например, в IT-сфере, экономике и социальных науках активно используются англоязычные термины. Это создаёт двойственную ситуацию: с одной стороны, язык адаптируется к новым реалиям, с другой – возникает риск размывания стилистических границ и снижения точности научной коммуникации.

Таким образом, русский язык остаётся значимым элементом современного научного и образовательного пространства, хотя его роль и трансформируется под влиянием глобализации, технологического прогресса и социокультурных изменений. Он сочетает функции национального языка обучения, средства межнационального общения и части мирового научного дискурса. Для сохранения и укрепления его позиций необходим комплексный подход: поддержка научных публикаций на русском языке, совершенствование образовательных программ с учётом новых реалий, интеграция в международные проекты и активное использование цифровых возможностей. При грамотной стратегии русский язык сохранит свою значимость как инструмент познания и передачи знаний в XXI веке, обеспечивая преемственность научных традиций и открывая новые горизонты для развития отечественной и мировой науки.

Литература:

1. Болотнова Н. С. Проблемы современного речевого общения и обучения русской речевой культуре // Актуальные проблемы русской речевой культуры и теории текста: науч. тр. Лаборатории русской речевой культуры и теории текста Томского государственного педагогического университета. – Томск, 2009. – С. 7–18.

2. Русский язык в современном мире: коллективная монография / под ред. В. В. Химика. – СПб.: Изд во СПбГУ, 2021. – 416 с.

3. Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). – М.: Аспект Пресс, 2002. – 560 с.

4. Образование и русский язык: сб. науч. ст. / под ред. Н. А. Купиной. – Екатеринбург: Изд во УрФУ, 2018. – 288 с.

© Рожнева А.Р., 2026

УДК 327.8

Рысаева А.М.,
студентУУНиТ
*Научный руководитель – **Амантаев И.Ф..,***
канд. ист. наук, доцент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

На сегодняшний день востоковедение, будучи комплексной областью научного знания и системой подготовки кадров, переживает этап глубокой трансформации, геополитический «поворот на Восток», ставший официальным внешнеполитическим курсом, актуализировал потребность не только в фундаментальных исследованиях, но и в прикладном знании, способном обслуживать интересы государства, бизнеса и общественной дипломатии.Целью данной статьи является анализ ключевых тенденций современного состояния российского востоковедения и определить наиболее перспективные направления его развития с учетом мирового опыта. Эмпирической базой выступают данные мониторинга приема в российские вузы (2021–2025 гг.), программные документы Минобрнауки РФ и материалы научных конференций. В статье рассматриваются ключевые вызовы (кадровый и языковой дефицит, разрыв между академической подготовкой и запросами практики) и перспективы интеграции востоковедения с публичной дипломатией на примере стратегии КНР по привлечению иностранных студентов. Итогом анализа становится вывод о необходимости системной государственной поддержки, междисциплинарной трансформации востоковедного образования, внедрения цифровизации.

В России интерес к востоковедному образованию имеет устойчивый рост на протяжении последних трех лет. По данным мониторинга приема в вузы, конкурс на направления «Востоковедение и африканистика» в ведущих университетах (МГУ, СПбГУ, ДВФУ, МГИМО, НИУ ВШЭ) вырос в среднем на 35–40 % по сравнению с 2021 годом [4: 19].Однако количественный рост не всегда сопровождается качественным улучшением подготовки. Основной проблемой остаётся дефицит преподавателей – носителей редких языков (пушту, дари, курдский, вьетнамский, тайский), а также разрыв между академическими программами и реальными запросами работодателей. В своих работах А.И.Зеленев, доктор исторических наук, отмечает, что на данный момент востребован не просто переводчик или историк-текстолог, а специалист, способный анализировать текущие политические процессы, понимать логику принятия решений в восточных обществах и выстраивать коммуникацию с учетом культурных кодов [2].

Институциональным ответом на эти вызовы стало создание в 2023–2025 гг. ряда новых научно-образовательных структур. В Институте востоковедения РАН начали работу Центр изучения современного Китая, Лаборатория исследований современной Центральной Азии и Лаборатория цифровых исследований современного Востока. Также в регионах при поддержке Минобрнауки были запущены молодежные лаборатории: в Новосибирском государственном университете – лаборатория «Ориентир» (изучение буддизма как фактора международных отношений), в Дальневосточном федеральном университете – центр компетенций по кореееведению. Целью этих структур является сокращение разрыва между фундаментальной наукой и прикладными исследованиями [3].

Одной из наиболее заметных тенденций последних лет стала цифровизация востоковедных исследований. Регулярные конференции «Цифровое востоковедение» (ИВ РАН, 2024, 2025 гг.) фиксируют переход от дискуссий о перспективах к реальным проектам [7]. Ключевым направлением является создание ИИ-инструментов для обработки текстов на восточных языках, включая автоматическое реферирование и извлечение фактов. По оценкам разработчиков подобные технологии способствуют сокращению времени первичного анализа материала в 6–8 раз. В перспективе планируется расширение языковой поддержки на арабский, турецкий, персидский и японский языки [1].

Наиболее значимые перспективы развития востоковедения лежат в плоскости интеграции академического знания с инструментами публичной дипломатии. Именно здесь российская наука

может не только воспринимать, но и адаптировать успешные зарубежные практики. Показателен в этом отношении опыт Китайской Народной Республики, который стал предметом моего магистерского исследования. Китай на протяжении двух десятилетий последовательно использует высшее образование как канал «мягкой силы» [5]. Стратегия привлечения иностранных студентов (государственная стипендиальная программа, упрощение визовых процедур, создание Институтов Конфуция) привела к тому, что к 2018 г. КНР вышла на третье место в мире по числу иностранных обучающихся (492 185 человек), уступив только США и Великобритании [9].

Важно, что после пандемии COVID-19 китайская стратегия эволюционирует от количественных показателей к качественным. Как показывают исследования М. Ма и соавторов, Китай внедряет вступительные экзамены для иностранцев, делает ставку на краткосрочные обменные программы и зарубежные кампусы, а также активно развивает цифровое образование – национальная платформа интеллектуального образования КНР стала крупнейшим в мире репозиторием, обслуживающим пользователей в более чем 220 странах [8]. Для российского востоковедения этот опыт важен не как образец для копирования, а как иллюстрация системного подхода: образовательная дипломатия не существует изолированно, а встроена в общую внешнеполитическую стратегию. Востоковед, претендующий на экспертную роль, должен не только владеть языком, но и понимать логику государственной политики страны изучаемого региона, уметь анализировать эффективность её «мягкой силы» и, возможно, предлагать адаптированные решения для России в рамках двусторонних и многосторонних форматов сотрудничества [6].

Российское востоковедение уже делает первые шаги в этом направлении. В МГИМО и НИУ ВШЭ запущены магистерские программы по публичной дипломатии стран Азии, а в Санкт-Петербургском государственном университете защищены магистерские диссертации, напрямую анализирующие высшее образование как инструмент «мягкой силы» на примере США и Китая [5]. Однако системность пока уступает точечным инициативам. Перспективным представляется создание сетевого консорциума российских и азиатских университетов, где востоковедные факультеты могли бы обмениваться не только студентами, но и учебными модулями по анализу образовательной дипломатии [2].

Другими важными направлениями развития остаются: 1) углубление региональной специализации при сохранении широкой гуманитарной базы (подготовка экспертов по субрегионам – Индокитай, страны Персидского залива, Южная Азия); 2) преодоление постколониальной оптики в преподавании – переход от курсов «история стран Азии и Африки» к глобальной истории, где восточные цивилизации рассматриваются как равноправные субъекты; 3) интеграция с цифровыми платформами – создание открытых баз данных по современным социально-политическим процессам на Востоке, доступных не только для академических, но и для государственных и бизнес-пользователей [3].

Подводя итог, на сегодняшний день, характерной чертой российского востоковедения является переходный период от классической академической модели к модели, ориентирами которой являются практические задачи. Основными проблемами, по-прежнему, остаются кадровый и языковой дефицит, а также разрыв между образовательными программами и запросами рынка. В то же время институциональные новшества (новые лаборатории, цифровые проекты, междисциплинарные программы) создают базу для устойчивого развития. Слияние востоковедения и публичной дипломатии является наиболее результативным направлением. Анализ зарубежных подходов, в частности, китайской стратегии привлечения иностранных студентов, может послужить основой для теоретических разработок и практических предложений, полезных для российской внешней политики и образовательной сферы. Воплощение этих перспектив в жизнь – задача, требующая синергии академических кругов и государства. Государство должно выступить надежным партнером, обеспечив: увеличение возможностей для изучения редких языков, поддержку цифровых разработок и активное развитие совместных научных проектов с восточными странами.

Литература:

1. Вдовиченко Л. Н. Общественное мнение россиян о восточном направлении внешней политики России // Гуманитарий Юга России. – 2025. – Т. 14. – №. 5. – С. 17-27.

2. Зеленев Е. И. Современное востоковедение в контексте «восточного вопроса» //Caucaso-Caspica: Труды Института Востоковедения РАУ. – 2024. – Т. 8. – С. 135-149.

3. Лозовая А. М. Академическая мобильность как инструмент внешней политики КНР //Общество: философия, история, культура. – 2026. – №. 1. – С. 101-107.

4. Почашева Д.А. Влияние образовательной дипломатии Китая на иностранных студентов: кейс Центральной Азии: выпускная квалификационная работа магистра / Д.А. Почашева; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». – Санкт-Петербург, 2020. – 66 с. – URL: https://www.hse.ru/edu/vkr/366819462 (дата обращения: 12.04.2026). – Текст : электронный.

5. Смирнов А.И., Кохтюлина И.Н. Глобальная безопасность и «мягкая сила 2.0»: вызовы и возможности для России. – М.: ВНИИгеосистем, 2012. – С. 48.

6. Цзуци Я. Образовательная дипломатия России и Китая в цифровую эпоху: общее и особенное //Право и политика. – 2025. – №. 4. – С. 173-187.

7. Цифровое востоковедение: материалы II международной конференции (Москва, 9 декабря 2025 г.) / Институт востоковедения РАН ; ответственный редактор А.К. Аликберов. – Москва: ИВ РАН, 2025. – 112 с. – URL: https://www.instituteofeurope.ru/nauchnaya-zhizn/novosti/item/09122025-3 (дата обращения: 12.04.2026). – Текст: электронный.

8. Li M., Ishikura Y. From Quantity to Quality: China's International Student Strategy //International Higher Education. – 2025. – №. 125.

9. Li T., Zong X., Zhang W. The determinants of international students studying in China: An empirical research based on the "Belt and Road" perspective //PLoS One. – 2025. – Т. 20. – №. 8. – С. e0329787.

© Рысаева А.М., 2026

УДК 341.226.5

Сабирова Д. Р.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Галлямов А.А****.,*
канд. филол. наук, доцентУУНиТ
г. Уфа, Россия

ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ КОММЬЮНИТИ СОВРЕМЕННЫХ МУЗЫКАЛЬНЫХ РАДИОСТАНЦИЙ НА ПРИМЕРЕ «RELAX FM» И «RADIO MONTE CARLO»

Введение: феномен радио как медиума претерпел радикальные изменения с наступлением цифровой эпохи. Если ранее сила радио заключалась в его эфирном охвате и пассивном потреблении контента в фоновом режиме, то сегодня успешная станция – это, прежде всего, сильное сообщество (коммьюнити) лояльных слушателей, интегрированное в цифровую экосистему. Формирование такого коммьюнити выходит далеко за рамки музыкального программирования и требует целенаправленной, многоуровневой стратегии. Данная статья ставит своей целью проанализировать эти стратегии на примере двух популярных российских радиостанций: «Релакс ФМ» (расслабляющая музыка, позитивный контент) и «Монте-Карло» (позиционирование как премиум-радио с «музыкой мирового класса» и тематическим контентом о стиле жизни). Выбор предметов анализа (кейсов) обусловлен их четкой позиционированностью и ярко выраженной целевой аудиторией, что делает процесс строительства коммьюнити более наглядным.

Гипотеза исследования заключается в том, что, несмотря на разность форматов и аудиторий, станции используют схожий набор технологий, адаптируя его под ценности и поведенческие паттерны своего ядра аудитории.

1. Теоретические основы: от аудитории к коммьюнити

Классическое понимание аудитории как аморфной массы, объединенной только фактом настройки на волну, устарело. Современное коммьюнити – это социально-психологическая общность, характеризующаяся:

Разделяемыми ценностями и идентичностью (например, «я слушаю Релакс, потому что ценю спокойствие и позитив» или «Монте-Карло – это про ценности премиальности, стиля и культурного статуса, что полностью соответствует девизу станции о «музыке мирового класса» и «атмосфере красивой жизни»;

Активным участием в жизни бренда за пределами эфира (соцсети, мероприятия, пользовательский контент;

Чувством принадлежности к группе единомышленников;

Регулярной коммуникацией как с брендом, так и между членами сообщества.

Технологии формирования коммьюнити, таким образом, направлены на стимулирование этих четырех характеристик. В основе лежит стратегия трансмедийности, когда эфир становится лишь

одним из (хоть и ключевым) точек контакта, а история бренда и взаимодействие с ним продолжаются на сайтах, в социальных сетях, мессенджерах и на оффлайн-площадках.

2. Анализ кейса: «Relax FM» – коммьюнити осознанной гармонии и эскапизма

Согласно корпоративной презентации 2015 года, Relax FM с момента начала вещания (2006 г.) последовательно позиционирует себя как «спокойная волна», предлагающая «уход от суеты». Это не просто радио, а аудиосервис для эмоциональной разгрузки, принципиально исключающий из эфира любые элементы, способные нарушить покой слушателя: диджеев, новости, агрессивную рекламу. Основной принцип – «только музыка».

Ценностное позиционирование: ключевые ценности бренда – спокойствие, гармония, позитивные эмоции, качественный отдых. Станция продаёт не развлечение, а состояние – «лучшее настроение», атмосферу расслабления и умиротворения. Музыкальный формат (мягкая мелодичная музыка, chillout)[9] полностью подчинён этой задаче, выступая инструментом для создания уникальной звуковой среды.

Портрет целевой аудитории (по данным медиакарты 2015 г.)[10]: ядро аудитории – взрослые люди 25-45 лет, гармоничные личности и индивидуалисты. Это социально и экономически активная группа:

Материальное положение: имеют средний и высокий доход, тратят ощутимую часть на досуг и отдых. 33% аудитории занимают руководящие должности, а свыше 105 тысяч человек из еженедельной аудитории станции – владельцы собственного бизнеса.

Стиль жизни: проводят свободное время осмысленно и качественно. Они активные путешественники, совершают шопинг в премиальных торговых центрах, водят импортные автомобили (87% слушателей-водителей). Их хобби – путешествия, спорт, чтение классики и философии, посещение театров и выставок.

Ключевая характеристика: это аудитория, ценящая качество и атмосферу и сознательно выбирающая контент, который способствует их эмоциональному благополучию.

Технологии формирования коммьюнити (на момент 2015 г.):

Контент как терапия: музыкальный ряд (от Norah Jones и Sade до каверов в джазовой обработке) подбирается для создания «сбалансированного настроения». Эфир структурирован тематическими программами («Утро без суеты», «Вечерний бриз», «Ночь, время релакса») и рубриками («Relax-география», «Музыка, исполненная природой», «Relax-стихи»), которые не информируют, а погружают слушателя в нужное эмоциональное состояние, сопровождая его в ключевые моменты дня.

Принцип «ненавязчивого» интерактива (2015): на тот момент цифровое присутствие (сайт, приложения, соцсети) позиционировалось как «интерактивная площадка для общения». Однако, судя по структуре контента и цитатам слушателей, это общение строилось вокруг обсуждения самой музыки, её качества и создаваемого ею эффекта («Я зафиксировался на Relax FM...», «Музыка создает определенное настроение...»). Коммьюнити формировалось не вокруг личности ведущего или горячих тем, а вокруг разделяемого опыта слушания и получаемого от него чувства комфорта.

Лояльность через исключительность: высокий показатель TSL (Time Spent Listening) – около 1.5 часов в день – указывает на ритуальное, фоновое, но регулярное потребление. Слушатель включал Relax FM в определённые моменты (утро в машине, вечер дома), делая его частью своего daily routine[11], инструментом управления эмоциональным фоном.

---

[9] В контексте данного исследования «chillout» понимается как программно-форматный комплекс радиостанции Relax FM, выстраиваемый вокруг медленной, мелодичной музыки и выполняющий ключевую социокультурную функцию управляемого аудиального эскапизма. Данный формат, принципиально исключающий вербальный и новостной компоненты, служит основным инструментом для формирования коммьюнити, объединенного общей ценностью осознанного стремления к психологическому комфорту и внутренней гармонии в условиях стрессовой городской среды.

[10] Источник: https://radio.informexpress.ru/images/RELAX/Relax%20FM_Презентация%202015.pdf

[11] В контексте анализа лояльности аудитории «daily routine» (повседневный ритуал) понимается как устойчивый, паттернизированный механизм медиапотребления, при котором радиостанция посредством постоянной ассоциации с конкретным временем и контекстом (например, утренняя поездка на автомобиле) интегрируется в структуру повседневности слушателя. Этот ритуал трансформируется из бытовой привычки в социально-психологическую практику, выполняющую функции эмоциональной стабилизации и подтверждения личной идентичности. Для радиостанции закрепление в «daily routine» аудитории является ключевой технологией обеспечения стабильного, предсказуемого охвата и формирования глубинной, ритуально обусловленной лояльности, лежащей в основе коммьюнити.

Формируемая идентичность: слушатель Relax FM – это осознанный, успешный и немного уставший от городского ритма человек, который высоко ценит личный комфорт, качество и умеет создавать вокруг себя гармоничную среду. Потребление этого медиапродукта – это его осознанный выбор в пользу психической гигиены, признак хорошего вкуса и внутренней зрелости.

Вывод по кейсу: уже к 2015 году Relax FM выстроил не просто аудиторию, а лояльное коммьюнити «эмоциональных потребителей». Его технология была основана на предложении уникальной и последовательной аудио-среды, которая выступала антидотом от стресса мегаполиса. Коммьюнити формировалось по принципу «тихого клуба»: его члены могли не активно общаться друг с другом, но они узнавали «своих» по общему выбору фонового звука жизни и разделяемому стремлению к спокойствию. Это делало аудиторию станции чрезвычайно привлекательной для рекламодателей premium-сегмента (автосалоны, авиакомпании, luxury retail)[12]. Данные последних лет подтверждают, что ключевые маркетинговые технологии, основанные на ценностном позиционировании и формировании устойчивых слушательских ритуалов, не устарели, а наоборот, остаются фундаментом бренда. Согласно актуальному медиакиту медиахолдинга «Радиосити», Relax FM продолжает четко позиционировать себя как станция для осознанного отдыха с лозунгом «Выключи стресс, включи Релакс» и подтверждает стабильность своего ценностного ядра – «мягкая мелодичная музыка». Целевая аудитория по-прежнему описывается как индивидуалисты и гармоничные личности 25-45 лет, которые тратят на досуг и отдых ощутимую часть дохода и проводят свободное время осмысленно и качественно, что напрямую отвечает запросам рынка премиальной рекламы.

3. Анализ: «Radio Monte Carlo» – коммьюнити премиум-потребления и статусной идентичности

Согласно официальной медиакарте 2022 года, Radio Monte Carlo позиционирует себя как единственное в своём роде премиум-радио, транслирующее «музыку мирового класса» – лучшие иностранные композиции от легендарных исполнителей (The Beatles, Frank Sinatra, Whitney Houston, Adele и др.). Это определяет абсолютно иную, по сравнению с первоначальным предположением, стратегию построения коммьюнити, ориентированную на аудиторию с высоким социально-экономическим статусом.

Ценностное позиционирование: ключевые ценности бренда – премиальность, изысканность, стиль, комфорт. Станция «продаёт» не просто музыку, а «атмосферу красивой жизни», чувство свободы и принадлежности к миру успеха и утончённости. Это радио для тех, кто, по цитате из медиакита, заявляет: *«У меня непритязательный вкус: мне вполне достаточно самого лучшего»*.

Портрет целевой аудитории (по данным медиакарты): ядро аудитории – состоявшиеся мужчины и женщины 30-45 лет с высоким/выше среднего доходом (Affinity Index к этой категории – 372). Это руководители, владельцы собственного бизнеса, люди, ценящие качество во всём. Они передвигаются на премиальных автомобилях, увлекаются дорогими видами спорта (гольф, яхтинг, теннис), посещают театры и светские мероприятия, интересуются инвестициями. Их объединяет аспирация на премиум-образ жизни и культурный капитал.

Технологии формирования коммьюнити:

Контент как маркер статуса: музыкальный плейлист, составленный из «легенд», служит звуковым фоном для жизни целевой группы. Тематические рубрики в эфире («Улицы мира», «Избранные удовольствия», «Больше, чем искусство») посвящены путешествиям, светской жизни, искусству и кулинарным изыскам, что напрямую коррелирует с интересами аудитории и легитимизирует её стиль жизни.

Офлайн-события как ядро аудитории: ключевым инструментом сплочения элитного коммьюнити являются эксклюзивные мероприятия. Медиакит анонсирует Radio Monte Carlo Golf Cup – гольф-турнир на площадке премиального клуба, интегрированный в программу Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ). Такие события не просто развлекают, а создают закрытую среду для networking[13] среди «своих» – представителей бизнеса, политики, шоу-бизнеса.

[12] Источник последних данных медиакит медиахолдинга «РАДИОСИТИ» https://www.radio-city.fm/radiostations/relax-fm/attachment/relax/

[13] Такие события не просто развлекают, а создают закрытую среду для networking – формирования деловых и статусных связей – среди «своих» — представителей бизнеса, политики, шоу-бизнеса. Для аудитории это возможность инвестировать в социальный капитал, для радиостанции — ключевая технология усиления ценности бренда и сплочения элитарного коммьюнити на основе взаимной полезности.

Цифровое присутствие как расширение эфира: станция имеет значительное цифровое охваты (более 73 млн потоков в 2021 г.). Цифровые платформы (сайт, приложение) используются для трансляции того же премиум-контента (тематических программ), обеспечивая постоянный контакт с аудиторией вне эфира, в том числе в моменты путешествий или деловых поездок.

Формируемая идентичность: слушатель Radio Monte Carlo – это успешный, требовательный к качеству, интернационально ориентированный человек. Потребление этого медиапродукта становится для него аудиальным символом статуса и хорошего вкуса, способом подтвердить свою принадлежность к социальной и культурной элите.

Вывод по кейсу: Radio Monte Carlo строит не массовое, а элитарное, статусное коммьюнити. Его технологии направлены не на горизонтальные связи между слушателями (как в случае с «Монте-Карло»-шансон), а на вертикальное укрепление идентичности через ассоциацию с миром премиум-брендов, высокой культуры и закрытых бизнес-сообществ. Комфорт и стиль здесь – не просто слова, а товар для целевой аудитории, готовой платить за них вниманием, лояльностью и участием в эксклюзивных мероприятиях.

4. Сравнительный анализ технологий

Критерий	«Relax FM»	Radio Monte Carlo
Ценностный стержень	Внутренняя гармония, эмоциональный комфорт, эскапизм от суеты.	Внешний статус, премиальность, принадлежность к миру «красивой жизни».
Ядро аудитории	Взрослые 25-45 лет, индивидуалисты, ценящие качество жизни и осознанный досуг. Успешные профессионалы и бизнес-владельцы.	Мужчины и женщины 30-45 лет, социальные аспиранты, руководители, ориентированные на демонстрацию успеха.
Ключевая технология	Создание ритуального, фонового звукового пространства (высокий TSL), исключающего раздражители. Цифровая площадка для обсуждения качества контента.	Организация эксклюзивных офлайн-событий (гольф-турниры), тематический эфирный контент как маркер статусных интересов.
Формируемая идентичность	«Осознанный человек, заботящийся о внутренней гармонии и качестве среды».	«Успешный человек с безупречным вкусом, часть глобальной элиты».
Тип коммьюнити	«Тихий клуб» или «эмоциональная общность», объединённая общим состоянием, а не активным дискурсом.	Статусное сообщество, объединённое общими социальными амбициями и доступом к закрытым событиям.
Отношение к музыке	Музыка как терапевтический инструмент, средство для достижения состояния релакса.	Музыка как символ статуса и хорошего вкуса, саундтрек к премиум-образу жизни.

Этот анализ показывает, что стратегии формирования коммьюнити могут кардинально различаться даже в рамках музыкального радио, глубоко продуманным социокультурным позиционированием бренда и его ценной для рекламодателей аудитории.

Выводы: на основе проведенного анализа двух кейсов с использованием первичных медиаматериалов (корпоративных презентаций) можно сделать ключевой вывод о природе современных радио-коммьюнити. Relax FM и Radio Monte Carlo, несмотря на схожесть целевой аудитории в социально-экономическом статусе, формируют принципиально разные типы сообществ, используя диаметрально противоположные технологии. Relax FM строит «тихий клуб» или «эмоциональную общность», предлагая слушателю аудиальное убежище от стресса и идентичность осознанного человека, заботящегося о внутренней гармонии. Radio Monte Carlo, в свою очередь,

культивирует статусное сообщество, где потребление эфира и участие в эксклюзивных событиях становятся социальным маркером, подтверждающим принадлежность к миру премиум-жизни и безупречного вкуса. Это доказывает, что ядром стратегии является не музыкальный формат сам по себе, а глубоко продуманное ценностное позиционирование бренда.

Таким образом, коммьюнити успешной музыкальной радиостанции в современном медиаландшафте – это не стихийно сложившаяся аудитория, а спроектированная социально-эмоциональная конструкция. Её формирование представляет собой сложный синтез эфирного программирования, цифровой коммуникации и офлайн-активностей, направленный на удовлетворение либо глубоких психологических (потребность в безопасности, комфорте), либо социально-аспирационных (потребность в статусе, принадлежности) запросов аудитории. Факт лояльности к радиостанции трансформируется для слушателя в акт осознанной самоидентификации, что и превращает разрозненных получателей сигнала в устойчивое и ценное для рекламодателей сообщество.

Литература:

1. Адамов В. А. Радио как средство массовой коммуникации. – М.: Аспект Пресс, 2010. – 256 с.

2. Блэквелл Р. Д., Миниард П. У., Энджел Дж. Ф. Поведение потребителей. – СПб.: Питер, 2007. – 944 с.

3. Калюжный В. А. Радиовещание в России: история и современность. – М.: Аспект Пресс, 2012. – 320 с.

4. Макаров В. Л. Радио в современном мире. – М.: Аспект Пресс, 2014. – 288 с.

5. Романов А. А. Радиовещание в Интернете: новые формы и технологии. – М.: Аспект Пресс, 2011. – 224 с.

6. Музыкальные потоки Relax FM [Электронный ресурс] // Официальный сайт радиостанции Relax FM. – URL: https://relax-fm.ru/channels/470.

7. Radio Monte Carlo 102.1 FM [Электронный ресурс] : офиц. сайт. – URL: https://montecarlo.ru/.

8. Радиостатистика от Микро-ИТ | Радио аналитика онлайн [Электронный ресурс] // Micro-IT. – URL: https://micro-it.ru/radiostatistika.

© Сабирова Д. Р., 2026

УДК 81

Садритдинова Д.Р.,
студент УУНиТ,
Научный руководитель – ***Ильясова Г.Р.,***
канд. филол. наук, доцент
г. Уфа, Россия

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В КОРЕЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Фразеологизмы – это не просто устойчивые сочетания, а живая система, отражающая коллективный опыт народа. В них закодированы привычные для общества образы и оценки – поэтому фразеологизмы становятся своеобразным «культурным кодом» языка. При сопоставлении русского и корейского фразеологического фонда обнаруживается, что где-то образы поразительно совпадают, а в где-то расходятся настолько, что кажется, что народы смотрят на одну ситуацию через разные линзы. Изучение фразеологизмов дает возможность понять менталитет другого народа.

В современной лингвистике под фразеологической единицей понимают сочетание слов, где смысл целого не складывается из значений отдельных компонентов, а существует как единое целое. В живой речи такой оборот не создается каждый раз заново, а извлекается из памяти в готовом виде, с неизменным набором слов, устойчивой грамматической структурой и зафиксированным смысловым содержанием.

При сопоставлении русского и корейского фразеологического фонда обнаруживается, что где-то образы поразительно совпадают, а в где-то расходятся настолько, что кажется, что народы смотрят на одну ситуацию через разные линзы. Изучение фразеологизмов дает возможность понять менталитет другого народа.

Во фразеологических единицах корейского языка можно выделить две основные структурные модели:

1) Фразеологические сращения, у которых смысл целого не складывается из значений частей. Например, «백전백승» – [пэкчонпэксын] – «сто боёв – сто побед» – непобедимый;

2) Устойчивые сочетания, в которых часть компонентов переосмысливается, а другая часть сохраняет своё прямое значение. Вместе они создают целостный образ, например, «손을 씻다» – [соныль щитта] – «мыть руки» – отказываться от ответственности.

Фразеологизмы в корейском языке можно классифицированы по четырем ключевым семантическим типам:

1) Идиома (관용어) [гванюно] – устойчивое выражение, например «발 없는 말이 천 리 간다» – [паль опнын мари чхонни ганда] – «слова без ног тысячу ли проходит» – слухи распространяются очень быстро;

2) Пословица (속담) [соктам] – выражение, содержащие народную мудрость. Например, «도둑이 제 발 저리다» – [тотуки че паль чорида] – «у вора нога немеет» – беспокоиться, что заметят собственный промах.

3) Цитаты (인용어) [инюно] – высказывания известных людей или отрывки из текстов. Например, «어디서 왔는가, 너는» – [одисо уаннынга нонын] – «откуда ты пришёл» – вопрос о смысле жизни [2].

4) Косасоно «고사성어»[косасоно] – заимствованные из китайской традиции обороты, отсылающие к древним сюжета. Например, 청출어람 [чхончхурорам] – «синее море и рыба-дракон» – одаренный ученик [10:11].

В российской лингвистике фразеологизмы классифицируют в зависимости от изучаемого аспекта: значения, строения, грамматических особенностей, стилистической окраски, роли в речи или истории происхождения.

Предложенная В.В. Виноградовым классификация считается самой известной. Он разделил все устойчивые выражения на три группы – в зависимости от степени семантической слитности компонентов:

1) Фразеологические сращения, в которых общий смысл фразы не выводится из значений отдельных слов. Например, «попасть впросак» – оказаться в затруднительной ситуации.

2) Фразеологические единства, в которых смысл целого связан с образами отдельных слов. Например, «пускать пыль в глаза» – создавать ложное впечатление о себе.

3) Фразеологические сочетания, в которых одно слово сохраняет прямое значение, а другое – фразеологически связанное. Например, «щекотливый вопрос» – неудобная тема.

Изначально В.В. Виноградов не предусматривал для пословиц и поговорок отдельного места в своей классификации – такие речевые обороты распределялись среди уже выделенных типов фразеологии. Позже, Н.М. Шанский добавил фразеологические выражения, что позволило точнее учитывать особенности подобных устойчивых оборотов. Именно к таким выражениям относятся, например, крылатые фразы и пословицы. Фразеологические выражения делятся на две группы:

1) Коммуникативные – готовые фразы, которые используются как целое выражение и имеют эмоциональную окраску.

2) Номинативные – выражения, которые служат для обозначения конкретных понятий или явлений, близки к терминам [1:67].

При сопоставлении фразеологических фондов двух языков обнаруживается немало параллелей: одна и та же мысль воплощается в похожих выражениях – несмотря на различия в традициях и истории. По степени совпадения выделяют три уровня: полная эквивалентность, частичная эквивалентность и безэквивалентные фразеологизмы.

Фразеологизмы считаются полностью эквивалентными, если по смыслу и форме они максимально совпадают[12]. Например: фразеологизм со значением «испытывать переживание» в корейском языке «마음이 아프다» [маыми апхида] – «душа болит», в русском языке – «душа болит»; фразеологизм в корейском языке «눈도 깜짝 하지 않다» – [нундо ккамччак хаджи анта] – «и глазом не моргнуть», и выражение в русском языке «и глазом не моргнуть» имеют один и тот же смысл – не испугаться.

Частичными эквивалентами называют выражения, которые в двух языках совпадают по значению и стилистической функции, но различаются в лексической или грамматической составляющей.[9] Например: когда говорят о легком деле, где не требуется прилагать усилия, в корейском языке используют фразеологизм «식은 죽 먹기» – [щигын чук мокки] – «есть остывшую кашу», а в русском языке говорят «проще пареной репы»; в ситуации, когда человек не видит того, что находится поблизости, в корейском языке используют выражение «등잔 밑이 어둡다» – [тынчан мичи одупта] – «темно под лампой», в русском языке –«не видеть под носом».

Безэквивалентные фразеологизмы – выражения свойственны только одному языку, и не имеют аналогов в других языках. Как правило в их основах лежат исторические события, местные явления, пища, традиции и т.д.[12] Например, безэквиватентные фразеологизмы в корейском языке: «시치미를 떼다» – [щичхимирыль ттэда] – «оторвать соколиную метку» – знать, и делать вид, что не знаешь. Выражение восходит к практике соколиной охоты периода трёх государств: на хвост птицы крепили пластинку с адресом хозяина, чтобы вернуть её владельцу. Если птица попадала к другому охотнику, он срывал метку и оставлял сокола себе; «금강산도식후경» – [кымкансандо щикхугён] – «даже на гору Кымгансан смотрят только после еды» – прежде чем что-то делать, нужно поесть. Эту фразу используют, когда предлагают сделать перерыв и поесть. Кымгансан (Алмазная гора) на юго-востоке Северной Кореи с древности привлекала корейцев: её живописные виды вдохновляли литераторов, музыкантов и живописцев.

Далее рассмотрим примеры безэквивалентных фразеологизмов в русском языке.

«Как по щучьему велению» – чудесным образом, само собой. Выражение восходит к русской народной сказке о Емеле, который поймал в проруби волшебную щуку и в обмен на свободу получил способность исполнять желания.

«Как Мамай прошел» – полный разгром, хаос, следы разрушения. Фразеологизм связан с именем татарского хана Мамая, правившего Золотой Ордой в 1360–1370-х годах и совершавшего опустошительные походы на русские земли.

Фразеологизмы в русском языке по своему происхождению делятся на исконно русские и заимствованные [14:62].

Литература и устное народное творчество являются богатыми источниками устойчивых единиц. Например, «а воз и ныне там» (из басни И.А. Крылова «Лебедь, щука и рак») – о неприятной ситуации, которая не улучшается со временем; «попасть с корабля на бал» (из романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин») – резкий, стремительный переход из одной обстановки в другую; «счастливые часов не наблюдают» (из комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума»)– когда человек счастлив, увлечен любимым делом, он не замечает движения времени; «по щучьему велению» (из сказки «По щучьему велению») – когда что-то происходит легко; «старый воробей» (из пословицы «старого воробья на мякине не проведешь») – опытный человек.

Заимствованные фразеологизмы – это устойчивые выражения, пришедшие из других культур. Заимствования в русском языке могут меняться – от звучания до смысла. Эти изменения можно выстроить в последовательность этапов адаптации[14:96].

Источниками заимствованных фразеологизмов являются Библия, античная мифология. Например, «манна небесная» – означает неожиданную удачу, чудесную помощь, данный фразеологизм восходит к библейской легенде: когда Моисей сорок лет водил народ Израиля по пустыне, люди стали умирать от голода. Тогда Бог послал им пищу – «манну»: она появлялась по утрам после росы в виде мелких белых крупинок со сладковатым вкусом; «ахиллесова пята» – обозначает слабое, уязвимое место[4]. Согласно древнегреческому мифу, тело Ахилла стало неуязвимым благодаря стараниям матери, и лишь его пятка осталась незащищённой.

В корейском языке фразеологизмы также делятся на исконно корейские и заимствованные.

Многие фразеологизмы связаны с явлениями природы, народным творчеством, традициями, бытом, легендами и историческими событиями. Например, «물 쓰듯 하다» – [муль ссытыт хада] – «делать так, будто используешь воду» – тратить деньги на бесполезные вещи; «호랑이도 제 말 하면 온다» – [хоранидо че маль хамён онда] – «даже тигр придет, если заговорить о нем» – о ком говорят – тот и появляется. Тигр занимает центральное место в корейском фольклоре как могущественное и опасное, но иногда и мудрое животное; «국물도 없다» – [кунмульдо опта] – «даже бульона нет» –

ничего нет, вариантов нет. Бульон – основа многих корейских блюд и считается важной частью трапезы; «비 온 뒤에 땅이 굳어진다» – [пи он твиэ ттани кутоджинда] – «после дождя земля становится твёрже» – трудности делают отношения или человека сильнее; , «삼수갑산을가라» [самсукапсаныль кара] – «даже если меня пошлют в Сапсу или Капсан» – неважно что. Древние короли отправляли людей в изгнание в Сапсу или Капсан – города в горах Северной Кореи. Жизнь там была тяжёлой, многие не возвращались. С тех пор места, откуда не возвращаются, называют «Сапсу или Капсан» [11].

Заимствованные фразеологизмы в корейском языке делятся на несколько групп: из китайского языка (косасоно), европейских языков, а также из античной литературы и Библии. Например, «온고지신» (溫故知新) – [онгоджищин] – «повторять старое и узнавать новое» – учиться на ошибках прошлого. Это выражение из труда Конфуция «Беседы и суждения; «악어의 눈물» – [агоэ нунмуль] – «крокодиловы слезы» – притворное горе; «아킬레스건» – [акхилесыгон] – «Ахиллесова пята» – уязвимое место; «일곱 번씩 일흔 번» – [ильгоп понщик ирын пон] – «семьдесят раз по семь» – библейский призыв к бесконечному прощению.

Антропоцентризм во фразеологии русского и корейского языков демонстрирует единство человеческой природы при сохранении глубокой национальной самобытности.

Фразеологические единицы, с компонентом «голова»: (머리) [мори] чаще всего отображают интеллект, средство мышления, положение в обществе, например, «очертя голову» – действовать стремительно, не обдумав; «голова и два уха» – несообразительный человек. Рассмотрим фразеологизмы в корейском языке: «머리가 돌다» – [морига тольда] – «голова кружится» – быть безрассудным, безумным; «머리를 숙이다» – [морирыль сугида] – «опустить голову» – вести себя скромно [9].

Фразеологизмы, имеющие в своем составе компонент «сердце», символизирующие душу и эмоции: 1) 심장 [щимджан]; 2) 가슴 [касым]; 3) 마음 [маым].

Из русского языка в качестве примера можно привести: «сердце замирает» – волнение от радостного события; «сердце в пятки ушло» – сильно испугаться; «с глаз долой – из сердца вон» – намеренно забыть кого-то.

Рассмотрим фразеологизмы в корейском языке: «가슴이 뻥뚫리는 것같다» – [касыми ппонтулинын коткатта] – «чувствовать, будто сердце продырявилось» – чувствовать облегчение, успокоение; «심장이 가라앉다» – [симджани карааната] – «сердце утихомирилось» – перестать волноваться, успокоиться; «심장 떨어지다» – [симджан ттороджида] – «сердце упало» – сильный испуг.

Зооморфные фразеологизмы отличаются выразительностью: они помогают охарактеризовать личность, прокомментировать действия человека или выразить отношение к ним. При этом из-за специфики народного опыта и системы ценностей в разных языках образы животных во фразеологизмах получают разные черты.

Образ медведя в русской культуре символизирует жестокость, мощь, неуклюжесть, например, «кого медведь драл, тот и пня боится» – значит, что человек, который был сильно напуган, потрясен, боится даже того, что не таит в себе опасности; «силен как медведь» – это прямое сравнение, которое показывает физическую силу; «медвежья услуга» – означает помощь, которая приносит больше вреда, чем пользы.

В корейской культуре медведь (곰) [ком] символизирует глупость, неуклюжесть, упрямство, например: «곰이라도 굴어야지» [комирадо курояджи] – «нужно вести себя как медведь» – быть усидчивым или искренним, если не хватает таланта и ума; «곰의 손바닥 같다» – [комэ сонбатак катта] – «как лапа медведя» – очень упрямый и наглый, бессовестный человек; «곰 가재 찌르다» – [ком каджэ ччирыда] – «словно медведь, ловящий краба» – делать срочную работу медленно или спокойно [3].

В русском языке образ кошки имеет значение как положительную, так и отрицательную характеристику, например, «живуч, как кошка» – означает стойкость и способность выдержать испытания; «как кошка с собакой» – означает вечные ссоры; «знает кошка, чье мясо съела» – так говорят о человеке, который осознает свою вину, но боится признаться.

В корейской культуре образ кошки (고양이) [кояни] является символом хитрости, таинственности, хищности, например; «고양이에게 생선을 맡기다» [кояниэге сэнсоныль маткида] – «доверить кошке рыбу» – поручить что-то важное тому, кто не заслуживает доверия или скорее всего испортит/украдет это; «고양이 세수하듯» – [кояни сэсухадыт] – «словно кошка умывается» – делать что-то не полностью, поверхностно [15].

Исследование показало, что в обоих языках имеются устойчивые выражения, возникшие на основе предметов обихода, ремёсел и народных традиций. Идиомы о пище передают отношение к здоровью, достатку и бережливости. Фразеологизмы, содержащие компонент одежды и обуви, отображают историко-этнографическую составляющую народов. Приведем примеры из русского языка: «толочь воду в ступе» – заниматься чем-то бесполезным; «ешь пироги, а хлеб вперед береги» – наслаждаться, но в меру; «два сапога – пара» – люди, которые подходят друг к другу. Рассмотрим фразеологизмы в корейском языке: «밤가지(를) 쓰다» – [памкаджирыль ссыда] – «надеть черпак» – переплатить за что-либо; «손에장을 지진다» [сонэджаныль чиджинда] – «я приготовлю суп из соевой пасты на своей руке» – готов поспорить, что это неправда; «짚신도 짝이 있다» – [чипщиндо ччаги итта] – «и у соломенной лапти есть пара» – у каждого человека есть своя половинка [6] [16].

Таким образом, фразеология – это самый «живой» слой языка. Устойчивые единицы передают готовый образ, в который народ вложил свой опыт. Зная и понимая фразеологические обороты, можно прочувствовать душу народа.

Литература:

1. Баранов, А.Н. Основы фразеологии (краткий курс): учебное пособие/А.Н. Баранов. – М.: ФЛИНТА, 2014. – 307 с.

2. Бахронова, Д.К. Лингвокультурные особенности зооморфных фразеологических единиц [Электронный ресурс] / Д.К. Бахронова // Вестник ЧелГУ. – 2016. – №9. – С. 36-43. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturnye-osobennosti-zoomorfnyh-frazeologicheskih-edinits

3. Бритова, В.Р. К вопросу о фразеологии корейского языка / В. Р. Бритова // Азиатско-Тихоокеанский регион: история и современность – X: материалы международной научно-практической конференции молодых ученых, Улан-Удэ, 19–21 мая 2016 года / Министерство образования Российской Федерации, Бурятский государственный университет, Восточный институт; Институт Внутренней Азии; Институт филологии и массовых коммуникаций. – Улан-Удэ: Бурятский государственный университет, 2016. – С. 211-212.

4. Воскресенская, Н.А. Культурные коды медведь, дракон / 熊, 龙 и их репрезентация в русском и китайском языках [Электронный ресурс] / Н.А. Воскресенская, О.В. Манухина, Д. А. Симонов // Вестник ННГУ. – 2024. – №6. – С. 216-224. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnye-kody-medved-drakon-i-ih-reprezentatsiya-v-russkom-i-kitayskom-yazykah

5. Гришина, Л.В. Ахиллесова пята vs Achilles' heel (сравнительный историко-лингвистический и литературный анализ фразеологизма) [Электронный ресурс] / Л.В. Гришина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2024. – № 8. – С. 144-150. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ahillesova-pyata-vs-achilles-heel-sravnitelnyy-istoriko-lingvisticheskiy-i-literaturnyy-analiz-frazeologizma.

6. Данцева А.В. Происхождение фразеологизмов современного английского языка [Электронный ресурс] / А.В. Данцева, Т.А. Цариненко // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. – 2014. – № 24. – С. 105-108. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/proishozhdenie-frazeologizmov-sovremennogo-angliyskogo-yazyka.

7. Ермакова, Е.Н. Фразеологизмы с компонентом-существительным, обозначающим предметы быта, как отражение национальной картины мира [Электронный ресурс] / Е.Н. Ермакова, В.А. Воронкова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – №11-4. – С. 173-175. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/frazeologizmy-s-komponentom-suschestvitelnym-oboznachayuschim-predmety-byta-kak-otrazhenie-natsionalnoy-kartiny-mira.

8. Коваленко, Е. Г. Типология фразеологических знаков в отечественном языкознании [Электронный ресурс] /Е.Г. Коваленко // The Scientific Heritage. – 2020. – № 43-4. – С. 44-47. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-frazeologicheskih-znakov-v-otechestvennom-yazykoznanii

9. Кунин, А.В. О переводе английских фразеологизмов в англо-русском фразеологическом словаре / А.В. Кунин // Тетради переводчика. – 1964 – №2. – С.52.

10. Михайлова М.В. Корейские фразеологизмы с компонентом «голова и ее части» как антропоморфный культурный код картины мира [Электронный ресурс] / М.В. Михайлова // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2012. – №2. – С.40-46. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/koreyskie-frazeologizmy-s-komponentom-golova-i-ee-chasti-kak-antropomorfnyy-kulturnyy-kod-koyskogo-naroda/viewer.

11. Пакулова, Я. Е. Учебник по иероглифике для изучающих корейский язык. – М.: Восток-Запад, 2005. – 208 с.

12. Пальшина, У.С. Источники происхождения идиом корейского языка [Электронный ресурс] / У.С. Пальшина, Д.С. Цыденова // Вестник БГУ. Язык, литература, культура. – 2016. – №3. – С. 15-21. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istochniki-proishozhdeniya-idiom-koreyskogo-yazyka

13. Почуева, Н.Н. Понятие эквивалентности во фразеологии (на материале русского и английского языков) [Электронный ресурс] / Н.Н. Почуева // Научные исследования. – 2019. – №2. – С. 19-21. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-ekvivalentnosti-vo-frazeologii-na-materiale-russkogo-i-angliyskogo-yazykov

14. Редько, А.С. Эквивалентная, безэквивалентная и фоновая лексика как элемент обучения лингвострановедению (на примере пословиц и идиом) [Электронный ресурс] / А.С. Редько, Лю Хуэй, Е.Н. Лучинская // Universum: филология и искусствоведение. – 2024. – № 8. – С. 35-39. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekvivalentnaya-bezekvivalentnaya-i-fonovaya-leksika-kak-element-obucheniya-lingvostranovedeniyu-na-primere-poslovits-i-idiom.

15. Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка / Н.М. Шанский. – М.: 1985. – 160 с.

16. Юнусова, А.М. Тематическая группа фразеологизмов с компонентом-зоонимом в корейском языке [Электронный ресурс] / А.М. Юнусова, Г.Р. Абдуллина, Л.Б. Абдуллина// Вестник Башкирского университета. 2021. – №3. – С. 797-803. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tematicheskie-gruppy-frazeologizmov-s-komponentom-zoonimom-v-koreyskom-yazyke

17. Юсупова Л.Г. Семантические особенности фразеологических единиц с компонентом «Одежда» в английском, немецком и русском языках [Электронный ресурс] /Л.Г. Юсупова, О.Д. Кузьмина, И.И. Кузнецова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – №3. – С. 290-294. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskie-osobennosti-frazeologicheskih-edinits-s-komponentom-odezhda-v-angliyskom-nemetskom-i-russkom-yazykah.

© Садритдинова Д.Р., 2026

УДК 81'246.3

Сайсанова А.Э.
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Исянгулова Г.А.,***
д-р филол. наук, профессор УУНиТ,
г. Уфа, Россия

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКОВ В УСЛОВИЯХ БАШКИРСКО-РУССКО-КИТАЙСКОГО ТРИЛИНГВИЗМА

В современной лингвистике всё большее внимание уделяется изучению многоязычия, особенно в регионах с исторически сложившимся двуязычием [1; 3]. Республика Башкортостан представляет собой уникальную площадку для исследования трилингвизма: здесь массовое башкирско-русское двуязычие дополняется активным изучением китайского языка в системе высшего образования. Взаимодействие трёх типологически удалённых языков (тюркского агглютинативного, славянского флективного и сино-тибетского изолирующего) создаёт сложную картину взаимовлияний, которая до настоящего времени остаётся малоизученной. Под интерференцией понимается перенос навыков родного языка на изучаемый, приводящий к отклонениям от нормы [1, с. 36]. Цель данной работы –

выявить и описать основные формы языкового взаимодействия (интерференцию, переключение кодов, функциональное распределение языков) в условиях башкирско-русско-китайского трилингвизма на начальном этапе овладения китайским языком.

Методика исследования. Исследование проводилось в апреле 2026 года на базе Уфимского университета науки и технологий. В нём приняли участие 18 студентов 1–3 курсов (88,9% женского пола, 11,1% мужского), обучающихся по направлению «Педагогическое образование» с изучением башкирского и китайского языков. Родным башкирский язык назвали 66,7% опрошенных, оба языка с детства (башкирский и русский) – 27,8%, только русский – 5,6%. Уровень владения китайским языком варьировался от HSK1 до HSK4 (средняя самооценка – 2,56 балла из 10), продолжительность изучения – от 1 до 3 лет. Методы сбора материала включали: 1) онлайн-анкетирование (19 вопросов о языке-посреднике, интерференции, стратегиях учения); 2) письменный перевод 8 предложений (с русского и башкирского на китайский) для выявления грамматических и лексических ошибок; 3) полуструктурированное интервью с 4 респондентами.

Результаты и обсуждение. Анализ анкет показал, что в процессе изучения китайского языка доминирует русский язык. Преподаватель объясняет материал только на русском в 61,1% случаев; ещё 22,2% отметили, что объяснение ведётся в основном на русском, иногда на башкирском. Для личного понимания нового материала 88,9% респондентов переводят его на русский, и лишь 11,1% – одновременно на русский и башкирский. Учебные материалы на русском языке используют 44,4%, на английском – 27,8%, и те и другие (русские и башкирские) – 27,8%. Никто из опрошенных не использует материалы только на башкирском. Таким образом, русский язык выполняет функцию универсального кода-посредника [3, с. 12–15].

Наиболее ярким проявлением интерференции оказалось перенесение башкирского порядка слов SOV (субъект – объект – глагол) в китайские предложения. На вопрос «Часто ли вы строите китайские предложения в порядке слов как в башкирском?» 58,8% респондентов ответили «да, часто», 11,8% – «иногда». При переводе предложения «Я уже три года учу китайский язык» с русского на китайский один из респондентов дал вариант «我已经**三个年学中文**» (норма: «我已经**学了三年中文**»). Здесь сохраняется башкирская структура «Мин өс йыл ҡытай теле өйрәнәм» (я – три года – китайский язык – учу), где временное дополнение помещается перед объектом, а объект – перед глаголом. Другой пример: при переводе «Он говорит по-китайски хорошо» один из участников написал «他说**得**汉语**很好**» вместо нормативного «他中文说**得很好**», перенеся русский порядок V–Obj–Adv. На уровне служебных слов наблюдается их систематический пропуск: отсутствие результативной морфемы 了 («我买**中国的**书» вместо «我买**了一本**...»), отсутствие 得 в конструкции оценки («他说**中文很好**» вместо «说**得很好**»), пропуск глагола 上 в значении «посещать занятия» («去汉语课» вместо «上汉语课»). Эти ошибки свидетельствуют о том, что грамматическая система китайского языка ещё не сформирована как автономная, и говорящий опирается на привычные модели родного (башкирского) или первого неродного (русского) языков [2, с. 56–60].

По самооценке респондентов, русский акцент в китайской речи присутствует у 50% опрошенных, башкирский акцент – у 27,8%. В интервью участники отмечали, что наиболее трудными являются тоны: «русская и башкирская интонация влияет на произношение тонов, так как мы привыкли говорить, не используя какую-то тональность». Переключение на русский или башкирский язык посреди китайской фразы «часто» осуществляют 55,6% респондентов, «иногда» – 38,9%. При забывании китайского слова 93,75% опрошенных вставляют слово из русского языка. Башкирский язык для заполнения лексических пробелов не используется – респонденты обращаются либо к русскому, либо к английскому. Это подтверждает, что в сознании трилингва русский язык выступает не только языком-посредником, но и основным ресурсом для компенсации недостаточной лексической компетенции.

Несмотря на то, что 72,2% респондентов оценивают сравнение грамматики трёх языков как «затруднительное», в интервью были зафиксированы проявления языковой рефлексии. Один из участников самостоятельно отметил сходство между башкирским и китайским в отсутствии грамматического рода и спряжения глаголов, а также в важности фиксированного порядка слов. Другие привели конкретные примеры ошибочных переносов из русского. Сам факт осознания интерференции (58,8% фиксируют влияние башкирского порядка слов, 50% – русского акцента) свидетельствует о начале формирования метаязыковой личности [4].

Заключение. Проведённое исследование показало, что в условиях башкирско-русско-китайского трилингвизма на начальном этапе изучения китайского языка: 1) русский язык является основным языком-посредником (88,9% переводят на русский); 2) башкирский язык оказывает устойчивое грамматическое влияние на китайскую речь, особенно в порядке слов (SOV-конструкции); 3) фонетическая интерференция проявляется в виде русского (50%) и башкирского (27,8%) акцента; 4) переключение кодов носит компенсаторный характер: при лексических затруднениях доминирует русский язык (93,75%); 5) элементы метаязыковой рефлексии присутствуют у части респондентов, что позволяет говорить о формировании полилингвальной языковой личности уже на начальном этапе. Наиболее продуктивными моделями взаимодействия в исследуемом трилингвизме можно считать: использование русского языка как кода-посредника, перенос башкирского порядка слов SOV и переключение кодов как стратегию преодоления лексических пробелов. Результаты могут быть учтены при разработке методических рекомендаций для преподавателей китайского языка в башкирско-русской билингвальной аудитории.

Литература:

1. Вайнрайх У. Языковые контакты. – Киев: Высшая школа, 1979. – 263 с.
2. Верещагин Е.М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. – 160 с.
3. Закирьянов К.З. Активное двуязычие: сущность и функционирование. – Уфа: Китап, 1991. – 176 с.
4. Ишкильдина Л.К. Заимствования и кодовые переключения в башкирском языке (на примере караидельского говора) // Вестник КИГИ РАН. – 2023. – Т.16, №4. – С. 971–982.

© Сайсанова А.Э., 2026

УДК 81'373.45

Сайсанова А.Э.,
студент УУНиТ
Научный руководитель: ***Билалова Д.Н.,***
канд. филол. наук, доцент УУНиТ
г. Уфа, Россия

ЛЕКСИЧЕСКИЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ (НА РАЗНООТРАСЛЕВОМ МАТЕРИАЛЕ)

В условиях глобализации профессиональной сферы и образовательного процесса изучение языка для специальных целей (профессионального языка) становится особенно актуальным. Данный язык трактуется как «функциональная разновидность языка, созданная, чтобы обеспечить адекватное и эффективное общение специалистов в определённой предметной области» [5: 96].

Лингвистов всё больше интересует вопрос взаимодействия языков в разнообразных видах деятельности – это повышает значимость лингвистических исследований, включая сопоставительное терминоведение (Касьянов В. В., Щитова О. Г., Deniko R. V.) [3; 6; 7; 11]. Сегодня анализ формирования терминов с точки зрения когнитивной лингвистики ориентирован на построение концептуального образа конкретной области знания и выявление связей между структурами знания и лингвистическими формами.

Целью настоящего исследования является выявление способов заимствования и типов иноязычных терминов в русском и английском языках на разноотраслевом материале. При анализе темы были использованы тексты по природопользованию, психологии и физике, включая учебники и словари [1; 2; 4; 9; 12; 13].

Заимствование – процесс перехода элементов из одного языка в другой. Это один из основных способов пополнения терминологии. По способу заимствования терминология подразделяется на: 1) лексические заимствования (иноязычные вкрапления, заимствованная лексика, интернационализмы) и 2) семантические заимствования (кальки). В отечественной лингвистике калькирование рассматривается как особый вид заимствования, при котором заимствуется структурная модель или семантика, но не звуковая форма [10].

Лексические заимствования – это лексические единицы, которые перешли из одной языковой системы в другую. У лексических заимствований из иностранного языка заимствуется как значение, так и форма слова.

Под заимствованной лексикой мы понимаем слова или сочетания слов, которые были перенесены из одного языка в другой, освоены языком реципиентом и переданы его графическими средствами.

Приведём примеры терминов, заимствованных из разных языков в русский и английский [1; 4; 9; 13]:

- *биосфера* (рус.) ← *biosphere* (англ.) ← нем. *Biosphäre*;
- *абиссаль* (рус.) ← *abyssal zone* (англ.) ← франц. *abyssal*;
- *ареал* (рус.) ← *area* (англ.) ← нем. *Areal* / лат. *area*;
- *эволюция* (рус.) ← *evolution* (англ.) ← лат. *evolutio*;
- *баланс* (рус.) ← *balance* (англ.) ← старофранц. *balance*.

Значительную часть лексики из иностранных источников составляет **интернациональная терминология (интернационализмы)**. Интернационализмы – это лексемы, сходные по форме (с учётом графической и фонетической адаптации) и по значению во многих языках, как правило восходящие к греческому или латинскому языкам [6: 1456]. Как отмечают исследователи, «английские заимствования употребляются во многих языках мира и представляют собой существенный пласт интернациональной лексики».

Примеры интернационализмов в разных языках:

- *экология* (рус.) – *ecology* (англ.) – *Ökologie* (нем.) – *écologie* (франц.);
- *экосистема* (рус.) – *ecosystem* (англ.) – *Ökosystem* (нем.) – *écosystème* (франц.);
- *гомогенный* (рус.) – *homogenous* (англ.) – *homogen* (нем.) – *homogène* (франц.).

Семантические заимствования (кальки, от франц. calque ‘копия’) – это «заимствования-переводы», то есть лексические единицы, построенные по образцу подобных слов из иностранного языка путем точного перевода их значимых частей или заимствования отдельных значений слов. В отечественной лингвистике кальки подразделяют на лексические и семантические [10].

Лексические кальки делятся на:

словообразовательные (калькирование морфемной структуры слова): рус. *небоскрёб* ← *англ. skyscraper; полупроводник* ← *англ. semiconductor;*

синтаксические (калькирование структуры словосочетания): рус. внутреннее потребление ← англ. domestic consumption.

Синтаксические кальки многочисленны в русской терминологии, особенно в области экологии и смежных наук. Другие примеры: *почвенные бактерии (soil bacteria), парниковый газ (greenhouse gas), сельскохозяйственная экология (agricultural ecology), полярная шапка (polar cap), глобальное потепление (global warming), внешняя память (external memory), жёсткая перезагрузка (hard reboot).*

Полукальки – это единицы, в которых одна часть переведена, а другая заимствована без перевода. Примеры:

трудоголик (от англ. workaholic) – заимствован суффиксоид -голик, переведена основа труд-;

микроволновый (от англ. microwave) – заимствована часть микро-, переведена волновый;

микропроцессор (от англ. microprocessor) – заимствована приставка микро-, переведена основа процессор;

антивирус (от англ. antivirus) – заимствована приставка анти-, переведена основа вирус.

Таким образом, в русской и английской терминологии на разноотраслевом материале (экология, психология, физика, IT) широко представлены как лексические, так и семантические заимствования. Заимствованные термины, используемые в образовательной и профессиональной среде, как правило, имеют интернациональный характер, восходят к греческому или латинскому языкам либо к современным западноевропейским языкам. Заимствования (кальки) реализуются в виде словообразовательных и синтаксических калек, а также полукалек. Предложенная классификация может быть применена к анализу терминологии любой предметной области.

Литература:

1. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/ (дата обращения: 02.04.2026).

2. Гальперин М. В. Экологические основы природопользования : учебник. – М. : ФОРУМ : ИНФРА-М, 2003. – 256 с.

3. Касьянов В. В. Сопоставительный анализ современной терминологии финансовой деятельности в английском и русском языках : дис. ... канд. филол. наук. – М., 2001. – 292 с.
4. Крысин Л. П. Толковый словарь иностранных слов [Электронный ресурс]. – URL: http://megabook.ru/book/Толковый%20словарь%20иностранных%20слов%20Л.П.%20Крысина (дата обращения: 02.04.2026).
5. Хомутова Т. Н. Язык для специальных целей (LSP): лингвистический аспект // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – Вып. № 11 (71). – С. 96–106.
6. Щитова О. Г., Цзэн Ш. Иноязычная компьютерная терминология в русской и китайской лингвокультурах // Молодой учёный. – 2015. – № 10 (90). – Ч. XIV. – С. 1455–1458.
7. Щитова О. Г., Нгуен Т. Лан. Лексика сферы информационных технологий в профессиональном дискурсе (на материале русского, английского и вьетнамского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 6 (60). – Ч. 2. – С. 174–177.
8. Щитова О. Г. Лексикографические источники изучения функциональной эквивалентности иноязычных новаций в русском языке начала XXI века // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 355. – С. 27–30.
9. Экологический словарь [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ecoindustry.ru/dictionary.html (дата обращения: 02.04.2026).
10. Calque [Электронный ресурс] // Wikipedia. – URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Calque (дата обращения: 02.04.2026).
11. Deniko R. V., Shchitova O. G., Shchitova D. A., Nguyen T. Lan. Learning Terminology in the Age of Higher Education Internationalization: Problems and Solutions [Электронный ресурс] // Procedia: Social and Behavioral Sciences. – 2015. – № 215. – P. 107–111. – URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877042815059376 (дата обращения: 02.04.2026).
12. McIntosh R. P. The Background of Ecology: Concept and Theory. – N. Y. : The Press Syndicate of the University of Cambridge, 1985. – 383 p.
13. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: https://www.etymonline.com/ (дата обращения: 02.04.2026).
14. Shchitov A. G., Shchitova O. G., Shchitova D. A., Stasinska P., Doan T. C. Chieu. Features of the Learning Modular System Moodle Use in Teaching the Russian Language to Russian and Foreign Students at the Higher Education Institution [Электронный ресурс] // Procedia: Social and Behavioral Sciences. – 2015. – № 215. – P. 170–175. – URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877042815059686 (дата обращения: 02.04.2026).

© Сайсанова А.Э., 2026

УДК 811.58

Сайтаева Д.Р.
студент УУНиТ,
Научный руководитель – ***Бахтиярова А.Н.,***
канд. филол. наук,доцент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

ЭВОЛЮЦИЯ ИЕРОГЛИФИЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ КАК МЕТОДИЧЕСКАЯ ОСНОВА ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ-ВОСТОКОВЕДОВ.

Эволюция китайской иероглифической письменности играет важную роль в подготовке специалистов-востоковедов, поскольку помогает не только понять происхождение графических знаков, но и осмыслить культурно-исторический контекст языков Восточной Азии. Такой подход также способствует более осознанному и эффективному изучению письменности.

Для студентов, изучающих восточные языки, иероглифическая система часто представляет собой одну из наиболее сложных областей. В связи с этим возрастает необходимость применения методик, которые облегчают процесс усвоения материала. Одним из наиболее продуктивных подходов считается изучение исторического развития письменных знаков, позволяющее рассматривать иероглиф как результат длительной трансформации, а не как произвольный символ.

Развитие китайской письменности происходило постепенно и включало несколько этапов. Изначально иероглифы носили наглядно-изобразительный характер и напрямую соотносились с объектами реального мира. Однако с течением времени их графическая форма становилась всё более условной, а связь с первоначальными изображениями – менее очевидной. В эпоху укрепления централизованной власти была проведена систематизация письменности, что привело к закреплению единых стандартов написания.

В последующие периоды появились более упрощённые и удобные стили письма, которые легли в основу современного начертания иероглифов.

В результате современная система представляет собой итог длительного исторического процесса, включающего упрощение, стандартизацию и функциональную адаптацию знаков.

Иероглифическая письменность характеризуется сложной внутренней структурой, отличающей её от алфавитных систем. Большинство знаков состоит из двух основных компонентов: смыслового элемента, указывающего на значение, и фонетического, отражающего звучание.

Подобная организация, с одной стороны, усложняет процесс запоминания, однако с другой – позволяет анализировать иероглифы логически. Понимание принципов их построения значительно облегчает процесс обучения и способствует более глубокому усвоению материала.

Использование исторического подхода в обучении меняет традиционную стратегию изучения языка. Вместо простого заучивания студент начинает воспринимать иероглифы как систему, сформированную в результате длительного развития.

Во-первых, такой метод улучшает запоминание, поскольку визуальная связь между древними формами и современными знаками способствует формированию устойчивых ассоциаций.

Во-вторых, он развивает аналитические навыки, так как требует умения выделять структурные элементы и понимать их взаимосвязь.

В-третьих, усиливается культурологический аспект обучения, поскольку иероглифы отражают особенности мышления и мировоззрения китайской цивилизации.

Элементы эволюционного подхода могут быть эффективно внедрены в учебный процесс. Например, преподаватель может демонстрировать древние варианты иероглифов, показывая их постепенное изменение и упрощение.

Дополнительную эффективность обеспечивают визуальные материалы – схемы, таблицы и сравнительные изображения, которые помогают систематизировать информацию

Таким образом, изучение эволюции китайской письменности является важным инструментом в подготовке востоковедов. Оно делает образовательный процесс более содержательным, формирует аналитическое мышление и углубляет понимание культурных особенностей региона.

Включение историко-эволюционного подхода в преподавание китайского языка способствует повышению качества подготовки специалистов и делает обучение более осмысленным и результативным.

Литература

1. Крюков Михаил Васильевич. Китайская письменность: история и современность. – М.: Наука, 2000. (Глава 1 «Происхождение китайской письменности», глава 3 «Развитие графических форм иероглифов).

2. Qiu Xigui. Chinese Writing / Transl. by G. L. Mattos, J. Norman. – Berkeley: Society for the Study of Early China, 2000. (Глава 2 «Формирование китайских иероглифов»)

3. Болдырев Николай Николаевич. Когнитивная лингвистика. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2001. (Раздел «Когнитивные механизмы языкового восприятия» с. 52-79).

4. Карапетьянц Алексей Михайлович. Введение в китайскую иероглифику. – М.: Восточная литература, 2001. (Раздел «Структура иероглифа» с. 33-64, раздел «Классификация иероглифов

© Сайтаева Д.Р., 2026

УДК 070

Сайфутдинова К.Р.,
студент УУНиТ
г. Уфа, Россия

РОЛЬ КАРИМА ХАКИМОВА В РАЗВИТИИ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И САУДОВСКОЙ АРАВИИ

Введение

Формирование системы международных отношений в первой трети XX века характеризовалось поиском новых форм дипломатического взаимодействия между идеологически противоположными политическими системами. В этом контексте деятельность советского дипломата Карима Абдрауфовича Хакимова представляет собой уникальный кейс успешного выстраивания доверительных связей между атеистическим социалистическим государством и консервативной исламской монархией.

Историография российско-саудовских отношений традиционно акцентирует внимание на энергетическом сотрудничестве послевоенного периода, тогда как дипломатическая эпопея 1920–1930-х годов остаётся недостаточно изученной. Настоящее исследование призвано восполнить этот пробел, демонстрируя, что закладывание фундамента двустороннего диалога было результатом не формальных дипломатических процедур, а личностных качеств и стратегического видения конкретного индивида.

1. Контекст назначения: почему выбор пал на Хакимова

1.1. Кадровый голод НКИД и этноконфессиональный фактор

В начале 1920-х годов Народный комиссариат иностранных дел СССР столкнулся с системной проблемой: необходимость присутствия в мусульманских странах предполагала наличие дипломатов, способных свободно перемещаться в религиозно-значимых локациях, включая Мекку и Медину, где пребывание немусульман было невозможно.

Георгий Чичерин, возглавлявший НКИД, формулировал задачу чрезвычайно чётко: консул в Джидде должен был находиться «в центре мусульманского мира», фиксируя политические процессы, которые «от нас ускользают». Поиски подходящей кандидатуры заняли продолжительное время – существовавший дефицит профессиональных дипломатов-мусульман в советской номенклатуре заставлял компромиссные решения.

Выбор Хакимова обусловливался комплексом факторов, выходящих за рамки простого конфессионального соответствия. Революционный опыт работы в Туркестане, Бухаре, на политическом фронте Гражданской войны формировали у него специфическое понимание «восточного вопроса» как синтеза классовой и национально-освободительной борьбы. Рекомендация Валериана Куйбышева, предшествовавшая переводу в НКИД в 1920 году, подчёркивала именно политическую надёжность кандидата: «из работников-мусульман он был наиболее коммунистически выдержан и чужд националистических уклонов».

1.2. Лингвистическая и культурная адаптивность

Ключевым конкурентным преимуществом Хакимова являлась его выдающаяся способность к языковой адаптации. За годы работы в Персии (1921–1924) он овладел персидским, турецким и арабским языками на уровне, позволявшем вести переговоры без переводчиков. Эта компетенция приобретала стратегическое значение в условиях, когда точность интерпретации религиозно-политических терминов определяла успех или провал миссии.

2. Стратегическое мышление: дипломатия упреждающих действий

2.1. Прогнозирование политических трансформаций

Назначение Хакимова генеральным консулом в Хиджаз в июле 1924 года совпало с критической фазой арабской политической истории – войной между королевством Хиджаз во главе с хашимитским королём Хусейном и султанатом Неджд под руководством Абдель Азиза Ибн Сауда. Традиционная дипломатия предписывала сохранение нейтралитета или поддержку действующего партнёра (Хиджаза), однако Хакимов выбрал иной путь.

Инструкция Чичерина от весны 1925 года демонстрирует признание Москвой необходимости двойной игры: «сохраняя дружественные отношения с Хиджазом», необходимо «не упускать случая войти в контакт с новой силой Аравии Ибн Саудом». Хакимов не просто следовал этой директиве – он трансформировал её в активную стратегию личного сближения с будущим правителями объединённой Аравии.

2.2. Умра как дипломатический инструмент

Решающим эпизодом стало совершение Хакимовым малого паломничества (умры) в Мекку весной 1925 года. Этот шаг, инициированный самим дипломатом через письменное обращение к Ибн Сауду, нёс множественную функциональную нагрузку:

1. Легитимизация советского присутствия: участие в религиозном ритуале демонстрировало уважение к исламским святыням, нивелируя имидж «богоборческого» государства
2. Создание неформальной повестки: встреча с Ибн Саудом в Мекке в обход официальных каналов позволила обсудить перспективы признания до формального завершения военных действий
3. Символический капитал: успешное паломничество повышало статус Хакимова в глазах арабской элиты, открывая доступ к закрытым кругам принятия решений

Оценка Чичерина, зафиксированная в письме от 19 июля 1925 года, подтверждает инновационность подхода: «Столь удачно организованная и проведённая Вами поездка в Мекку значительно обогатила нашу информацию о действительном положении Ибн Сауда и его намерениях».

3. Институционализация отношений: от признания к торгово-экономическому партнёрству

3.1. Дипломатическое первенство СССР

16 февраля 1926 года Советский Союз стал первым государством мира, признавшим новое образование – Королевство Неджд и Хиджаз (с 1932 года – Саудовская Аравия) . Этот акт, подготовленный Хакимовым, имел репутационные последствия, выходившие далеко за рамки двусторонних отношений. Для молодого саудовского государства признание сверхдержавы, пусть и находившейся в международной изоляции, означало легитимацию на глобальной арене.

Превращение Хакимова из генерального консула в полномочного представителя (1926–1928) отражало эскалацию двусторонних отношений. Дипломатическая миссия приобретала системный характер, выходя за рамки протокольного взаимодействия.

3.2. Экономическая дипломатия в условиях ресурсного дефицита

Первое десятилетие существования Саудовской Аравии характеризовалось крайней экономической отсталостью – нефтяные месторождения ещё не были разведаны, а традиционные источники доходов (паломничество, караванная торговля) деградировали из-за региональной нестабильности. Хакимов выстроил модель «гуманитарной дипломатии», предвосхитившую современные концепции мягкой силы.

Организация морских поставок из Одессы в Джидду товаров первой необходимости (сахара, муки, керосина) решала сразу несколько задач:

- Демонстрация экономической состоятельности советской модели
- Создание материальной зависимости саудовской элиты от советских поставок
- Формирование позитивного образа России среди местного населения (мука высшего качества получила народное название «москоби» – «московская»)

Параллельно разворачивалась программа медицинского сотрудничества: советские врачи оказывали помощь населению, что в условиях эпидемий и отсутствия современной медицинской инфраструктуры приобретало политическое измерение .

3.3. Военно-техническое сотрудничество

Менее известным, но значимым направлением деятельности Хакимова являлось содействие созданию саудовских военно-воздушных сил. Советские лётчики и технические специалисты участвовали в формировании ВВС королевства, что создавало долгосрочные связи между военными элитами двух стран.

4. Второе назначение и эскалация присутствия (1935–1937)

4.1. Возвращение в условиях трансформации

Перерыв в дипломатической карьере Хакимова (1932–1935), связанный с обучением в Институте красной профессуры, совпал с важным этапом в истории Саудовской Аравии – открытием коммерчески значимых нефтяных залежей. Возвращение Хакимова на пост полпреда в 1935 году происходило в изменившихся условиях: если в 1920-е годы СССР был едва ли не единственным внешним партнёром, то к середине 1930-х годов к региону проявляли интерес британские и американские нефтяные компании.

Вторая миссия Хакимова требовала иных компетенций – от «строительства отношений» к их «обороне» от конкурентов. Сохранение доверительных связей с Ибн Саудом приобретало критическое значение в контексте геополитической конкуренции за ресурсы Персидского залива.

4.2. Культурная дипломатия и медийное присутствие

В период второго назначения Хакимов активизировал культурно-просветительское направление работы. Участие в организации киноэкспедиции под руководством Владимира Шнейдерова (1929 год, в рамках йеменской миссии) создало прецедент использования документального кино как инструмента дипломатии . Выпущенный впоследствии цикл фильмов о Йемене и арабском мире формировал в советском общественном сознании образ региона, отличный от колониальных стереотипов.

5. Трагедия и её последствия: разрыв связей

5.1. Арест и казнь: логика репрессий

Арест Хакимова 27 октября 1937 года и последующий расстрел 10 января 1938 года вписываются в общую картину сталинских репрессий против «старой» дипломатической номенклатуры. Формальное обвинение в шпионаже и контрреволюционной деятельности маскировало, по-видимому, иные мотивы: к концу 1930-х годов идеологическая доктрина СССР эволюционировала от «мировой революции» к концепции «социализма в отдельной стране», делая ненужными «восточных агентов» слишком тесными связями с исламскими лидерами.

Смерть Назира Тюрякулова (расстрелян 3 октября 1937 года), также работавшего в Саудовской Аравии, создала прецедент системного уничтожения экспертизы по региону.

5.2. Реакция саудовского руководства и «заморозка» отношений

Реакция короля Абдель Азиза Ибн Сауда на гибель Хакимова демонстрирует уникальный характер установленных дипломатом связей. По свидетельствам современников, монарх был «наслышан о том, что происходит в СССР», и даже предлагал Хакимову политическое убежище. Получив известие о расстреле (по одной версии – от британского разведчика Джона Филби, по другой – через дипломатические каналы в Каире), Ибн Сауд принял решение об упразднении саудовского полпредства в Москве и отказе от принятия нового советского посла.

13 апреля 1938 года полпредство было официально закрыто, 11 сентября 1938 года сотрудники советской дипмиссии покинули королевство. Дипломатические отношения фактически прервались на полвека – до 1990 года, когда они были возобновлены уже в ином геополитическом контексте.

6. Наследие Хакимова: оценка вклада

6.1. Персонализация дипломатии: пределы и возможности

Опыт Хакимова иллюстрирует феномен «персонализированной дипломатии» в условиях формирования нового государства. Успех советской миссии в Саудовской Аравии был столь тесно связан с личностью полпреда, что его удаление из системы привело к коллапсу двусторонних отношений. Этот случай подтверждает тезис о том, что в традиционных обществах межгосударственные связи часто имеют интерперсональную природу, превосходящую институциональные механизмы.

6.2. Долгосрочные последствия для российско-саудовского диалога

Прерывание дипломатических отношений в 1938 году имело стратегические последствия: в период Второй мировой войны и послевоенного противостояния СССР лишился возможности влияния на ключевой регион Ближнего Востока. Саудовская Аравия оказалась в сфере влияния западных держав, что определило вектор её развития на десятилетия.

Вместе с тем, «хакимовский эпизод» сохранился в коллективной памяти как пример успешного диалога между различными цивилизациями. В современной России имя Хакимова стало символом «восточного направления» дипломатии – в его честь названы улицы в Уфе, Оренбурге, Ташкенте и Бухаре, в родном селе Дюсяново функционирует мемориальный музей.

Заключение

Деятельность Карима Хакимова в Саудовской Аравии представляет собой уникальный пример дипломатического мастерства, основанного на синтезе профессиональной компетентности, культурной адаптивности и стратегического видения. Его роль в развитии сотрудничества России и Саудовской Аравии определяется следующими ключевыми достижениями:

1. Институциональное: создание первой советской дипломатической миссии в арабском мире, обеспечение признания СССР нового саудовского государства
2. Экономическое: выстраивание модели торгово-экономического сотрудничества в условиях асимметрии ресурсов
3. Культурное: формирование позитивного образа России в арабском мире через гуманитарные инициативы
4. Стратегическое: заложение основ долгосрочного диалога, прерванного политическими репрессиями, но восстановленного через полвека

Трагическая судьба Хакимова подчёркивает уязвимость персонализированной дипломатии в тоталитарных системах, где индивидуальная экспертиза подавляется идеологическими догмами. Однако его наследие сохраняет актуальность как модель успешного межкультурного диалога, основанного на взаимном уважении и прагматичном поиске общих интересов.

Литература:

1. К. Хакимов – первый советский полпред в Саудовской Аравии // CyberLeninka. – 2026.
2. Большой террор и судьбы. Как Сталин погубил дипломата-татарина вместе с успехами советской дипломатии // Idel.Реалии. – 2024.
3. Хакимов, Карим Абдрауфович // Cyclowiki. – 2024.
4. Карим Хакимов – «Красный паша» и аравийский визирь Кремля // russia-islworld.ru. – 2022.
5. Хакимов Карим Абдрауфович // Оренбургская областная научная библиотека имени Н.К. Крупской.

© Сайфутдинова К.Р., 2026

УДК 811.512.141'

Салауатова А.Р.,
Өфө университетының студенты
Ғилми етәксеһе: ***Саньярова Р.Р.,***
филология фәндәре кандидаты, доцент
Өфө фән һәм технологиялар университеты,
Өфө к., Рәсәй

БАШҠОРТ ТЕЛЕНДӘ «ЮЛ» КОНЦЕПТЫ

Милли мәҙәниәттең формалашыуында ла һәм үҫешендә лә туған тел иң көслө сара булып һанала. Һәр халыҡтың үҫеще, йәшәйеше телдән башлана. Тел халыҡтың бөтә эшмәкәрлеге нигеҙендә ята. Шуға ла телде һәм мәҙәниәтте уларҙың бөтә нескәлектәрендә өйрәнеү, белеү мотлаҡ. Тел менән мәҙәниәт бер-береһе менән тығыҙ бәйләнгән. Туған телдән башҡа милли мәҙәниәтте күҙ алдына килтереп булмай, шул уҡ ваҡытта туған тел менән милли мәҙәнит араһына тигеҙлек билдәһе ҡуйып булмай, сөнки телдең дә, мәҙәниәттең дә үҙенә хас формаһы һәм йөкмәткеһе бар. Милли мәҙәниәт һәм тел араһындағы бәйләнештәр күп яҡлы һәм ҡатмарлы. Шуға күрә халыҡ тормошон, мәҙәниәтен һәм телен лингвокультурология фәне һәр яҡлап ентекле өйрәнә.

Лингвокультурология, XXI быуатта үҫеш юлына баҫып, телде аралашыу ҡоралы итеп кенә түгел, ә милләттең мәҙәниәт күрһәткесе итеп ҡарай. Мәҙәниәттең нескәлектәре телдә сағылыш таба, тел, үҙ сиратында мәҙәниәттең үҫешендә ҙур роль уйнай. Лингвокультурологияның иң төп төшөнсәһе булып концепт тора. Концепттарҙы тикшереү барышында тотош халыҡтың, милләттең менталитеты, донъяға ҡарашы, тарихы сағыла. Башҡорт телендә лә концепттарҙы өйрәнеүгә арналған хеҙмәттәр артҡандан-арта, бигерәк тә мәҙәни концепттарға иғтибар ҙур.

Телдең концептосфераһын өйрәнгәндә, иң ҡатмарлы һәм үҙенсәлекле асҡыстар булып халыҡтың әхлаҡи-мәҙәни ҡиммәттәрен сағылдырыусы универсаль төшөнсәләр – категориялар тора. Улар араһында «Юл» концептының әһәмиәте ҙур. «Юл» концептының башҡорт телендә бер нисә мәғәнәһе бар: 1) Тура мәғәнә – хәрәкәт итеү өсөн махсус юл; 2) Кеше тормошо, ғүмере; 3) Йүнәлеш күрһәткесе; 4) Ысул, сара; 5) Мөмкинселек күрһәткесе; 6) Әхлаҡи юл.

Башҡорт телендә «Юл» концепты – халҡыбыҙҙың донъяға ҡарашын, рухи байлығын, тормош фәлсәфәһен асыусы төшөнсә. Был концепт башҡорт теленең матурлығын, тәрән икәнлеген аңлауға ярҙам итә. Был төшөнсә башҡорт телендә һәм фольклор традицияларында киң сағылған.

Юлдарҙың бар ул киңе лә, тары ла,
Һәм бар әллә ниндәҙәре тағы ла;
Киңең – тар, тарын киң итеп үтә бел,
Барыр ереңә юл ярып етә бел. (Рамазан Шәғәлиев)

Юл йөрөүҙән бер ҙә ялҡманым,
Гиҙеп сыҡтым инде күп ерҙе!..
Юлдар, юлдар ҡайҙа ғына илтһәләр ҙә,
Атай туһаһына килтерҙе. (Ҡадир Әлибаев)

Ноғман Мусиндың фәлсәфәүи юлдары иһә ныҡ тетрәндерә. Тимәк тормошта барыһы ла яҡшы ғына бармай, унда ҡыйынлыҡтар ҙа килеп сығасаҡ.

Юлды өҙөр өсөн һалмайҙар. Юлдарҙа ғүмер өҙөлә, ә юлдар мәңгелек. Юлдың сиге, ҡырын урындары була – унда төшһәң, мәттәләреңде көт тә тор.Әммә юлдарҙың сиге юҡ. (Ноғман Мусин)

Таҡыр юлда һөрөнгән икән атың,
Һата күрмә ул юлдың яманатын. (Рамаҙан Шәғәлиев)

Беҙҙең ғүмер Ерҙә – оҙон бер юл.
Еңел түгел юлдың аҙабы;
Хаҡлыҡтарҙан ҡайырлмаһаң ғына
Еңел булыр уның аҙабы (Рәшит Шәкүр)

Юл – кеше тормошонда көндәлек төшөнсә лә, иң тәрән фәлсәфә лә. Ул – беҙҙең йәшәү рәүешебеҙ, уй-фекерҙәребеҙ, хыялдарыбыҙ һәм иҫтәлектәребеҙ. Шағирҙар уны төрлөсә тасуирлай: тар ҙа, киң дә, ҡырын да, таҡыр ҙа. Әммә төп асылы шунда: юлдар беҙгә барыр еребеҙгә етергә ярҙам итә. Рамаҙан Шәғәлиев әйтеүенсә, киңең – тар, тарың – киң итеп үтә бел, барыр ереңә юл ярып етә бел. Был – тормоштоң ҡапма-ҡаршылыҡтарына ҡарамаҫтан, маҡсатҡа ынтылырға өндәү. Кәбир Әлибаев үҙенең юлдарында йылылыҡ тарата: Гиҙеп сыҡтым инде күп ерҙе, юлдар ҡайҙа ғына илтһәләр ҙә, атай тупһаһына килтерҙе. Был – бөтә юлдарҙың аҙағы туған йорт булыуын аңлата. Кемдең юлы оҙонораҡ, шуның ҡәҙере лә байығыраҡ. Һәр беребеҙ юлда һөрөнәбеҙ. Рамазан Шәғәлиев быға ла аҡыл өҫтәй: таҡыр юлда атың һөрөнгән икән, һатма ул юлдың яманатын. Яманлыҡты юлда түгел, үҙебеҙҙә эҙләргә кәрәк. Кем үҙ хатаһын юлға яба, шул бер ҡасан да алға китә алмаҫ.

Шулай итеп, башҡорт телендә «Юл» концепты башҡорт халҡының донъя тел картинаһында ғәйәт тәрән мәғәнәләргә эйә. Ул борондан формалашҡан милли фекер менән бәйле һәм халыҡ ижадында осраған фекерҙәр, әҙәби әҫәрҙәрҙә, телмәр лексикала нығынған. Былар барыһы ла концептың байлығын өйрәнеүҙең ҡатмарлы булыуын, төрлө өлкәлә лә айырым төшөнсәләр белдереүен күрһәтә һәм асыҡлай. Ысынлап та, беҙҙең тормошобоҙ – оҙон бер юл. Был юлдың башы ла, аҙағы ла юҡ. Әммә һәр кемдең үҙ барыр ере, үҙ атай тупһаһы бар. Шуға ла юлдарҙы ярат, уларҙан өйрән, уларға шөкөр ит. Юл һине кемгә әйләндерә – шуға иғтибар ит. Юлдың ҡырын ерендә ҡалма, мәттәләреңде көтөп торма – юл ярып етә бел. Сөнки юлдарҙың сиге юҡ, тик һинең көсөң һәм ышанысың ғына сик ҡуя ала.

Әҙәбиәт:

1. Баймырҙина Д.Х. Башҡорт фольклорында «юл» концептының сағылышы // Тел һәм әҙәбиәт: проблемалар, эҙләнеүҙәр, фараздар. – Өфө: БДУ, 2015. – 45-52 биттәр.
2. Теленең һүҙлеге: Ике томда / Россия Фәндәр Академияһы. Башҡортостан ғилми үҙәге, тарих, тел һәм әҙәбиәт институты. – М.: Рус.яз., 1993. – 561 бит.
3. Саяхова Л.Г. Язык и культура. – Уфа, 2000. – 174 с.
4. Хисамитдинова Ф.Г. Мифологический словарь башкирского языка. – М.: Наука, 2010. – 452 с.

© Салауатова А.Р., 2026

УДК 811.531

Салахутдинова Э.Р.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Байбулова М.Н.****,*
ассистент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

СТРУКТУРА ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Вопросительные предложения представляют собой один из ключевых типов коммуникативных конструкций, обеспечивающих реализацию познавательной, уточняющей и диалогической функций языка. Вопрос как синтаксическая единица направлен на получение недостающей информации, подтверждение или опровержение предположения, а также на установление контакта между участниками коммуникации. Особый интерес в данном аспекте представляет корейский язык, синтаксическая система которого существенно отличается от индоевропейских языков, в частности

русского языка. Это проявляется в способах выражения вопросительности, порядке слов, системе финальных окончаний и зависимости структуры высказывания от категории речевой вежливости.

Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом к корейскому языку в современной лингвистике, а также необходимостью более глубокого анализа его синтаксических особенностей в сопоставительном и типологическом аспектах. Вопросительные предложения являются важным объектом исследования, поскольку именно в них наиболее ярко проявляются особенности агглютинативного строя, коммуникативного синтаксиса и прагматики корейского языка.

Цель статьи заключается в анализе структуры вопросительных предложений в корейском языке, выявлении их основных типов и описании грамматических средств выражения вопросительности. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: рассмотреть базовые структурные особенности корейского предложения; определить типы вопросительных конструкций; проанализировать роль вопросительных слов, интонации и финальных окончаний; выявить прагматическую специфику употребления вопросов в зависимости от уровня вежливости.

Корейский язык относится к языкам с базовым порядком слов SOV, то есть ‘подлежащее – дополнение – сказуемое’. Данная модель сохраняется и в вопросительных конструкциях, что отличает корейский язык от русского, английского и ряда других языков, где для образования вопроса часто используется инверсия [1: 45]. В корейском языке изменение порядка слов не является основным средством выражения вопросительности. Напротив, синтаксическая структура в большинстве случаев остается неизменной, а вопросительное значение формируется за счет специальных морфологических показателей и интонации.

Например, повествовательное предложение «학생이 학교에 갑니다» (‘студент идет в школу’) может быть преобразовано в вопросительное без изменения порядка слов: «학생이 학교에 갑니까?» (‘студент идет в школу?’). Как видно из примера, основным маркером вопросительности выступает финальное окончание ‘-까’, присоединяемое к сказуемому.

В современной кореистике принято выделять несколько основных типов вопросительных предложений: общие вопросы, специальные вопросы, альтернативные вопросы, разделительные вопросы и риторические вопросы. Каждый из данных типов обладает собственной структурной организацией и прагматической функцией.

Общие вопросы, предполагающие ответ ‘да’ или ‘нет’, являются наиболее распространенным типом. Они образуются при помощи вопросительных окончаний, выбор которых зависит от стиля речи и уровня вежливости. Наиболее частотными являются формы ‘-습니까?’, ‘-아요/어요?’, ‘-니?’, ‘-냐?’ [2: 78]. Например: «먹었어요?» (‘вы поели?’), «갑니까?» (‘идете?’). В формально-грамматическом плане подобные конструкции не требуют перестройки синтаксической схемы предложения, что подтверждает высокую роль морфологии в корейском синтаксисе.

Особое место занимают специальные вопросы, содержащие вопросительное слово. К основным вопросительным местоимениям и наречиям относятся: ‘누구’ (‘кто’), ‘무엇’ (‘что’), ‘어디’ (‘где’), ‘언제’ (‘когда’), ‘왜’ (‘почему’), ‘어떻게’ (‘как’), ‘얼마’ (‘сколько’). Принципиально важной особенностью является то, что вопросительное слово сохраняет свою синтаксическую позицию и не выносится в начало предложения, как это характерно для русского языка. Например: «당신은 왜 한국어를 공부합니까?» (‘почему вы изучаете корейский язык?’).

Данная особенность свидетельствует о структурной стабильности корейского предложения. Позиция вопросительного компонента определяется не коммуникативной функцией, а его синтаксической ролью. Так, если вопросительное слово выполняет функцию обстоятельства места, оно располагается перед сказуемым в позиции обстоятельства: «어디에 갑니까?» (‘куда идете?’). Если же оно выступает дополнением, то занимает место дополнения: «무엇을 읽습니까?» (‘что читаете?’).

Альтернативные вопросы направлены на выбор одного из нескольких предложенных вариантов. В корейском языке они могут строиться как при помощи перечисления вариантов, так и с использованием служебных элементов со значением ‘или’. Например: «차를 마실까요, 커피를

마실까요?» (‘будете чай или кофе?’). Альтернативный вопрос нередко имеет форму двух симметричных предикативных частей, что усиливает его логическую прозрачность и облегчает восприятие собеседником.

Разделительные вопросы менее формализованы, чем в европейских языках, однако также широко употребляются в разговорной речи. Их функция заключается в уточнении или подтверждении предположения говорящего. Для этого используются конструкции с финальными элементами ‘-지요?, ‘-죠?’, ‘-그렇지?’: «한국 사람이죠?» (‘вы ведь кореец, не так ли? ’). Подобные формы находятся на стыке вопросительности и модальности, поскольку одновременно выражают ожидание согласия со стороны адресата.

Отдельного внимания заслуживают риторические вопросы, которые не предполагают фактического ответа, а выполняют экспрессивную или оценочную функцию. Например: «이걸 누가 모르겠어요?» (‘кто же этого не знает? ’). В подобных конструкциях вопросительная форма используется как средство усиления утверждения, эмоционального воздействия и прагматического акцентирования.

С точки зрения морфологии важнейшим средством выражения вопросительности являются финальные окончания. Именно они маркируют коммуникативный тип предложения и одновременно отражают социально-прагматические отношения между собеседниками. Корейский язык обладает разветвленной системой речевых стилей, и вопросительные окончания напрямую связаны с категорией вежливости.

Так, окончание ‘-습니까?’ относится к официально-вежливому стилю и характерно для публичной, деловой и академической коммуникации. Форма ‘-어요?’ используется в нейтрально-вежливом разговорном стиле и является одной из наиболее частотных в современной устной речи. Окончания ‘-니?’ и ‘-냐?’ относятся к неофициальной речи и употребляются в общении между близкими людьми либо при выражении превосходящего социального статуса. Их функционирование как маркеров прагматического выравнивания и выражения позиции говорящего подробно рассматривается в современных исследованиях корейской разговорной речи [4: 5].

Следовательно, вопросительное предложение в корейском языке не может рассматриваться исключительно как синтаксическая единица: его структура тесно связана с прагматикой, социолингвистикой и нормами речевого этикета. Один и тот же вопрос в зависимости от выбора окончания может передавать различную степень уважения, дистанции и эмоциональной окраски.

Немаловажную роль играет и интонация. В устной речи восходящая интонация является дополнительным, а иногда и основным показателем вопросительности. Особенно это характерно для разговорных эллиптических конструкций, где вопросительное значение определяется преимущественно контекстом: «진짜?» (‘правда?’), «왜?» (‘почему?’), «지금?» (‘сейчас?’). В подобных случаях интонация компенсирует отсутствие развернутой синтаксической структуры.

С точки зрения функционального синтаксиса вопросительные предложения в корейском языке демонстрируют тесную связь формы и коммуникативного намерения. Помимо запроса информации, они могут выражать просьбу, сомнение, предложение, побуждение, вежливое приглашение. Например, форма ‘-ㄹ까요?’ в зависимости от контекста может означать как собственно вопрос, так и предложение совместного действия: «같이 갈까요?» – ‘пойдем вместе?’ / ‘может, пойдем вместе?’.

Важным аспектом является сопоставление корейских вопросительных конструкций не только с русскими, но и с английскими моделями, что позволяет выявить типологическую устойчивость корейского порядка слов и способов выражения вопросительности [5: 49]. В русском языке вопросительность часто сопровождается изменением порядка слов, усилительными частицами и интонационным выделением вопросительного слова. В корейском же языке порядок слов значительно стабильнее, а основная нагрузка ложится на сказуемое и его морфологическое оформление. Это различие нередко вызывает трудности у русскоязычных изучающих корейский язык, которые стремятся механически переносить привычные модели родного языка.

С методической точки зрения изучение структуры вопросительных предложений имеет особое значение в преподавании корейского языка как иностранного. Ошибки в выборе вопросительного окончания могут привести не только к грамматической неточности, но и к нарушению норм речевого этикета. Поэтому при обучении необходимо уделять внимание не только формальной модели

вопроса, но и ситуации общения, социальному статусу участников диалога, степени официальности и прагматической цели высказывания.

Таким образом, структура вопросительных предложений в корейском языке представляет собой сложную многоуровневую систему, в которой взаимодействуют синтаксис, морфология, интонация и прагматика. Основными особенностями являются сохранение базового порядка слов, отсутствие обязательной инверсии, активное использование вопросительных окончаний, значимая роль вопросительных слов и тесная связь формы вопроса с категорией вежливости.

На основании проведенного структурно-синтаксического анализа можно сделать обоснованный вывод о том, что вопросительные конструкции корейского языка являются не только средством запроса информации, но и важным механизмом выражения социальных отношений, коммуникативных стратегий и культурно обусловленных норм речевого поведения. Научная новизна исследования определяется комплексным описанием вопросительных конструкций корейского языка с учетом взаимодействия синтаксического, морфологического и прагматического уровней. Практическая значимость работы состоит в возможности использования полученных результатов в курсах по теоретической грамматике корейского языка, сопоставительной типологии и методике преподавания корейского языка как иностранного.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с сопоставительным анализом вопросительных конструкций корейского и русского языков, а также с изучением особенностей их функционирования в современной цифровой коммуникации.

Рассмотренные типы вопросительных предложений показывают, что корейский язык реализует вопросительность преимущественно аналитико-морфологическими средствами, сохраняя устойчивость синтаксического каркаса предложения. Для научного описания особенно важно учитывать не только формальные модели, но и речевую ситуацию, поскольку выбор вопросительной формы непосредственно коррелирует с социальным статусом собеседников, степенью коммуникативной дистанции и прагматической установкой говорящего.

Тем самым вопросительные предложения корейского языка представляют собой репрезентативный материал для изучения взаимодействия грамматики и культуры, что особенно значимо в рамках современной антропоцентрической лингвистики.

Литература

1. Martin S. E. A Reference Grammar of Korean: A Complete Guide to the Grammar and History of the Korean Language. – Rutland, VT; Tokyo: Tuttle Publishing, 1992. – 1032 p.
2. Sohn H.-M. The Korean Language. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 374 p.
3. Kang N., Kim G. A Contrastive Study between the Interrogative Sentence of Modern Mongolian and Korean // Mongolian Studies. – 2020. – No. 60. – P. 1–30.
4. Kim H. Grammar and stance: The use of Korean interrogative suffixes -nya and -ni as alignment markers // Journal of Pragmatics. – 2021. – Vol. 185. – P. 1–12.
5. Kurniawan E., Silvia R. A Comparative Study between English and Korean Interrogative Sentences // Journal of Innovation in Education. – 2026. – P. 45–57.

© Салахутдинова Э.Р., 2026

УДК 398.22:140.8

Салихов А.А.,
студент ГАУГН,
*Научный руководитель – **Залунин В.И.***
профессор ГАУГН
г. Москва, Россия

ФЕНОМЕН МИФОЛОГИИ В КАРТИНЕ МИРА ЭТНОСА

Феномен мифологии сопровождает человечество на протяжении всей его истории, отражая особенности мировосприятия и мировоззрения каждой эпохи. Миф выступает как первичная форма познания окружающей действительности, универсальный способ осмысления мира, позволяющий человеку выражать сложные экзистенциальные, социальные и культурные смыслы в доступных символических формах.

Известный европейский философ К.Г. Юнг (1875–1961) предложил позитивное понимание мифа. Он считал, что мифы выражают архетипы коллективного бессознательного: универсальные образы и модели поведения, которые наследуются всеми людьми [11].

Значительный вклад в исследование мифа внесла философия культуры. Представитель неокантианской школы Э. Кассирер (1874–1945) писал, что наряду с языком, искусством и наукой миф является одной из фундаментальных форм символической деятельности человека. По его мнению, миф представляет собой особый способ освоения мира, основанный на эмоционально-образном восприятии [6].

Российский философ А. Ф. Лосев говорил, что миф нельзя сводить ни к выдумке, ни к аллегории. Он пишет: «С современной точки зрения миф есть выдумка, но с точки зрения самого мифа миф вовсе не есть выдумка, а самое реальное бытие. Всю эту реальность ученый и должен уметь учитывать. Мифическим объектом для меня является все то, к чему мы относимся как личному и живому» [8: 613].

Во второй половине XX века развивается структуралистская интерпретация мифа. К. Леви-Стросс (1908–2009), исследуя происхождение мифов, считал, что миф в равной мере объясняет прошлое настоящее и будущее. В мифологическом сознании действует та же логика, что и в научном мышлении. Всякий миф обладает слоистой структурой, которые не являются строго идентичными. Миф развивается как бы по спирали, до истощения интеллектуального ресурса породившего его. [7: 186–207].

Классические теории XIX–XX веков заложили основу для понимания мифа как сложного и многомерного феномена. Различные подходы, дополняя друг друга, формировали целостную картину мифа как социального, психологического, символического и культурного феномена.

Мифология является одной из древнейших форм общественного сознания. Она возникла задолго до появления философии, науки и религии в привычном нам понимании. Для первобытного человека миф был способом объяснить окружающий мир и упорядочить хаотическую реальность. В мифах находили отражение представления о природе, происхождении человека, сверхъестественных силах, управляющих вселенной. Однако, по справедливому замечанию фольклориста Н. Зарипова, «по мере приближения эпоса к исторической действительности в нем уменьшается, а затем вовсе исчезают мифические существа и другого рода фантастические противники богатыря, имеющего также необычные, нередко и чудесные свойства в архаическом эпосе» [4: 56].

В устном народном творчестве отражается сложная система мировоззрения этноса, в котором историческое и мифологическое существуют в неразрывном единстве. У многих народов до сегодняшнего дня дошли эпические сюжеты, предания и сказания разных исторических периодов, что позволяет исследователям проследить изменение мировоззрения. Так в башкирском эпическом наследии прослеживается процесс историзации мифа, мифологизации исторических событий и личностей. История и миф не являются противоположностями, они способствуют сохранению культурной идентичности. На основе анализа мифических преданий народа происходит историзация мифологических сюжетов, что способствует осмыслению окружающего мира [9: 12–15].

Период XIX–XX веков стал временем систематического изучения мифа в европейской и российской философии, культурологии и антропологии. Если в XVIII столетии миф в основном воспринимался как заблуждение, примитивная форма сознания, то уже в XIX–XX вв. исследователи стали рассматривать его как сложное культурное явление, имеющее собственные законы и внутреннюю логику. В этот период формируются основные классические концепции мифа, которые во многом определили направление последующих гуманитарных исследований.

Каждое государство и народ стремятся к созданию собственных исторических и культурных мифов, которые формируют национальную идентичность. Это могут быть легенды о «золотом веке» прошлого, героических предках, особом пути развития. Национальные мифы поддерживаются в системе образования, политике и массовой культуре. По мнению философа, известного исследователя морали Д.Ж. Валеева, этническое самосознание в гносеологическом аспекте выступает как необходимая форма познания взаимной общности людей. На формирование этнического своеобразия морали оказывает влияние образ жизни народа. Этическая особенность не отделена непреодолимой гранью от общечеловеческого [1: 29–31].

В XX–XXI вв. особую роль приобрели политические мифы. Они используются для легитимации власти, мобилизации общества, создания образа врага или идеала. Это проявляется в культе лидеров, в символике партий и движений, в риторике «борьбы добра и зла». В классических народных эпосах также присутствуют парные моральные понятия «добра» и «зла», дающие возможность противоположных оценок и морального выбора. По словам И.С. Кона, «Мифы часто рассказывают о героях, которые не делают того, что делают все, не ходят или не ходят туда, куда нужно идти, не слушают того, кого они должны слушаться, и тем не менее представляют социально-положительное начало» [1: 62–63].

Исследователи отмечают, что в мифах переплетены элементы суеверия, религии, философии, науки, искусства. Наиболее типичными для всего человечества являются мифы о происхождении мира, вселенной, человека, солнца, луны, звезд, а также мифы о животных, календарных обрядах. Миф это определенная форма освоения мира, стремление обоснования рационального, своеобразная форма сознания направленная на освоение бытия [10: 13–16].

Мифологическое сознание в современном мире не исчезло, а приобрело новые формы. Оно функционирует в политике, культуре, науке и повседневности, сохраняя ключевые черты мифа – символизм, эмоциональную насыщенность, универсальность и способность объединять людей. Современный миф становится неотъемлемой частью массового сознания, обеспечивая человеку чувство причастности к чему-то большему, чем его индивидуальная жизнь. Так, центральным персонажем башкирских эпических сказаний является батыр, являющийся выражением идеалов и стремлений народа в сложных, переломных этапах развития народа. Изначальная человечность образа батыра в эпосе обусловлена тем, что в народном сознании наряду с восходящим к мифологическим представлениям Урал-батыром национальным символом стал и образ Салавата Юлаева, являющегося историческим народным героем [3: 201].

В эпических сказаниях народ осознает себя, свои идеалы и стремления. Мифологизация является своеобразным процессом стихийного осмысления своего положения в мире, а эпическая поэзия представляет собой программу становления и развития нации. Поэтому эпические образы становятся символами народа, играющими большую роль в культуре [2: 216].

На первый взгляд, современная наука полностью противопоставлена мифологии. Однако в действительности отношения между ними оказываются более сложными. С одной стороны, наука разрушает мифологические представления, предлагая рациональные объяснения. Научное мышление требует доказательности, воспроизводимости и проверки гипотез, что противоположно иррациональной природе мифа. С другой стороны, сама научная деятельность порождает «научные мифы» – популярные образы и символы, которые упрощённо объясняют сложные явления. Искусственный интеллект, киборги, виртуальная реальность, цифровое бессмертие – эти образы воспринимаются как реальность завтрашнего дня и выполняют ту же функцию, что и древние мифы о богах и героях.

Современный человек одновременно ориентируется и на рациональные объяснения, и на символические формы мифологического сознания. Даже при высокой информированности сохраняется вера в «знаки судьбы», теории заговора, эзотерические учения. Наука, разрушая старые мифы, невольно создаёт почву для новых: каждое открытие вызывает волну интерпретаций, легенд, предсказаний.

Многие исследователи подчеркивают, что миф и наука – это не абсолютные противоположности, а разные формы освоения мира. Наука стремится к объективному знанию, миф – к символическому осмыслению человеческого опыта.

Во второй половине XX веке философия постмодернизма поставила вопрос о возвращении мифологического сознания. Постмодернисты утверждали, что рациональный проект Просвещения потерпел крах: наука и техника не избавили человечество от кризисов, войн и социальных проблем. В результате возрос интерес к тем формам мышления, которые ранее считались «архаичными», в том числе к мифу.

В прошлом миф выполнял универсальную функцию объяснения мира, объединяя в себе элементы знания, веры, морали и искусства. Так в фольклоре и обрядовых действиях башкир сохранились реликты веры в происхождение отдельных родовых групп от животных (волка, собаки, медведя, оленя, быка и коня). Наряду с положительными образами встречаются и негативные отношения к указанным животным. Бытование аналогий башкирских фольклорных сюжетов, обрядов и ритуалов в культуре различных народов мира показывает, сложение мифологической системы башкир в едином русле формирования общечеловеческих духовных ценностей [5: 698–700].

В современности мифология не исчезает, а трансформируется. Она приобретает новые формы в политике, массовой культуре, национальной идентичности, науке. Мифы XXI века отражают коллективные надежды, страхи и ценности, сохраняя за собой функции интеграции общества и формирования символической картины мира.

В условиях глобализации, цифровизации и экологических вызовов мифы будут играть всё более значимую роль в формировании человеческого сознания. Можно прогнозировать рост значения политических мифов, создание новых «цифровых мифологий» в интернете и виртуальных средах, а также появление экологических и научных мифов, которые будут задавать новые ориентиры для человечества.

Таким образом, мифология, пройдя долгий путь от архаических представлений до современных цифровых форм, остаётся живым и динамичным феноменом культуры. Она продолжает выполнять свою главную миссию – помогать человеку осмыслять окружающий мир, находить своё место в нём и создавать систему ценностей, без которых невозможно ни прошлое, ни настоящее, ни будущее человеческой цивилизации. Как писал Эрнст Кассиерер: «Не история определяет для народа его мифологию, а, напротив, – мифология историю – или, вернее, она не определяет, а сама есть судьба народа, выпавший ему с самого начала жребий» [6: 11].

Литература:

1. Валеев Д.Ж. Нравственная культура башкирского народа: прошлое и настоящее. Уфа: Башк. Кн. Изд-во, 1989. 256 с.

2. Давлеткулов А.Х. История этноса и его социально-духовная жизнь в эпической поэзии башкир (социально-философский анализ). Уфа: Гилем, 2012. 224 с.

3. Давлеткулов А.Х. Проблемы художественно-эстетического осмыслени истории этноса в башкирском эпосе. Опыт социально-философского анализа. Уфа: Башгоспединститут, РИО «Иммунопрепарат», 1998. 214.

4. Зарипов Н. Т. Исторические сказания. Уфа: РИО РУМНЦ МО РБ, 2005. 66 с.

5. Илимбетова А.Ф., Илимбетов Ф.Ф. Культ животных в мифоритуальной традиции башкир. 2-е изд., испр. и доп. Уфа: АН РБ, Гилем, 2012. 704 с. С. 698–700.

6. Кассирер Э. Философия символических форм. Том 2: Мифологическое мышление. – М.: СПб, университетская книга, 2002. – 280 с.

7. Леви-Стросс К. Структурная антропология. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1983. – 536 с.

8. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. Дополнения к «Диалектике мифа» (новое академическое издание, исправленное и дополненное) / Сост., подгот. Текста, вступ. статья А.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкого, коммент. В.П. Троицкого. – М.: Издательский дом ЯСК, 2021. – 696 с.

9. Лукманова (Мельникова) В.А. Примеры процесса историзации мифа и мифологизации истории в башкирском эпическом наследии // Этнокультурные аспекты коллективной памяти: Материалы Двадцать четвертых Санкт-Петербургских этнографических чтений / отв. ред. Ю.А. Купина, О.В. Старостина. – Санкт-Петербург: Российский этнографический музей, 2026. С. 12–15.

10. Салихов Г.Г., Галимов Б.С. Мифы в картине мира башкир. Уфа: Китап, 2018. 208 с.

11. Юнг К.Г. Архетип и символ (сборник статей). М.: Renaissans, 1991. 304 с.

© Салихов А.А., 2026

УДК 81

Сапарова А.,
студент
Туркменский государственный педагогический институт им. С. Сейди,
Научный руководитель: ***Баймырадова Б.,,***
Туркменский государственный педагогический институт им. С. Сейди,
г. Туркменабат, Туркменистан

THE USE OF NUMERALS USED IN PROVERBS AND SAYINGS

The book is the main wealth of humanity. It is a source of knowledge that embodies communication. A home without books is like a body without a heart. Culture is the foundation of human life, a precious asset that connects eras and generations. The nations of the world are unique in this precious treasure, reminiscent of an invisible, endless ocean unites, unites mankind, both past and present at the same time serves as a spiritual bridge connecting the future. It was the cradle of cultural developments and great changes. Our country's great contributions clearly show the special place of the Turkmen people in the cultural development of the world.

Academician Matti Kuusi's characterization of proverbs as signs of situations and emotional loadings was a starting point for the writer to collect material of proverbs in their social contexts [3: 76]. The multicultural corpus consists of context examples borrowed from other scholars around the world, from Finnish folklore archives and fiction, from everyday situations and the media. The use of proverbs or proverb-like sayings deals with questions concerning the same themes as in folk narrative research in

general: selective memory, reconstruction of experiences, explaining and reasoning about the past, giving instructions and warnings for the future, encouraging or amusing each other, etc. The speech where proverbs are used and its mode of rationality differ from logical and scientific argumentation. The point is in the narrative strength of proverbs in social contexts. Proverbs are multifunctional and flexible instruments of everyday reasoning, although they may maintain solidified attitudes or traditional modes of thought of a certain culture.

Proverbs, by stating basic principles of folk wisdom and conduct, have become an essential and enduring part of daily speech in al societies. Very often the precepts of one culture are precepts of another, for they are an outgrowth of common experiences. Each language has its own proverbs. The phrasing is unique and contributes to the color of the language. But whatever the phraseological turns, many proverbs convey similar meanings in different forms. For example, Turkmen proverb *"ýedi ölçäp bir kes"* in English it has similar meaning with the proverbs such as *"two heads are better than one", "four eyes see more than two"* and *"Second thoughts are best"*.

Proverbs are relatively easy for nonnative speakers to learn and use. Once the concept of the proverb is understood, students can often relate it to similar concepts, in their own languages – whereas correct, natural usage of idioms requires more practice and a better "feel" for the language.

A proverb is a traditional saying which offers advice or presents a moral in a short and pithy manner. Paradoxically, many phrases which are called 'proverbial' are not proverbs as we now understand the term. We might for instance refer to 'the proverbial fly on the wall' or say that something is 'as dead as the proverbial dodo', although neither of these phrases alludes to a proverb. The confusion dates from before the eighteenth century, when the term 'proverb' also covered metaphorical phrases, similes, and descriptive epithets, and was used far more loosely than it is today. Nowadays we would normally expect a proverb to be cast in the form of a sentence. Proverbs fall readily into three main categories. Those of the first type take the form of abstract statements expressing general truths, such as Absence makes the heart grow fonder and Nature abhors a vacuum. Proverbs of the second type, which include many of the more colourful examples, use specific observations from everyday experience to make a point which is general; for instance, You can take a horse to water, but you can't make him drink and Don't put all your eggs in one basket. The third type of proverb comprises sayings from particular areas of traditional wisdom and folklore. In this category are found, for example, the health proverbs After dinner rest a while, after supper walk a mile and Feed a cold and starve a fever. These are frequently classical maxims rendered into the vernacular. In addition, there are traditional country proverbs which relate to husbandry, the seasons, and the weather, such as Red sky at night, shepherd's delight; red sky in the morning, shepherd's warning and When the wind is in the east, 'tis neither good for man nor beast.

Proverbs continue – as the early collectors never tired of stating – to provide the sauce to relish the meat of ordinary speech [2: 8].

Barmagy "başga" diýme, bilegi - bir,
Ili "başga" diýme, dilegi bir.
Batyr bir öler, gorkak - müň.
Dostuň müň bolsa-da az, duşmanyň bir bolsa-da köp.
Müň işçiden bir başçy.
Müň nesihatdan bir serenjam.
Müň ýyldyzyň şöhlesi bir Aýyňkyça bolmaz.
Myhman birinji gün - gyzyl, ikinji gün - kümüş, üçün- ji gün - mis.
Myhmanyň öňünde aş goý, iki elini boş goý.
Namarda bir iş müň oý getirer.
Oda gelen aýalyň otuz agyz sözi bar.
Ýaryndan aýrylan ýedi ýyl aglar, ýurdundan aýrylan – ölinçä.
Ýüz namart bir merdiň ýerini tutmaz.
Adam bir ýaşar, edebi - iki.
Adamyň iki gözi terezi.
Agyly biriň maly bir, antly dostuň jany bir.
Agyz - bir, gulak - iki, bir sözläp, diňle iki.
Agyz bir bolsa, göwün jem bolar.
Altmyşda - agta, ýetmişde - nogta.
Arkalaşyk iki başdan, biri daşdan, biri içden.
Başa bela iki barmak dilden geler.
Bidöwletiň iki gezimi bar, biri ekin-dikinde, birem ýygym-düýrümde.

Bir adamyň gözi ýaman, bir adamyň - sözi.
Bir agaçda gül-de biter, tiken-de.
Bir ajy doýurmak – haj.
Bir akmagyň guýa atan daşyny on derwüş çykaryp bilmez.
Bir aýal kendirigini ite aldyrar, kyrkysy akyl berer.
Bir – dogan dözmez, birde – dogran.
Bir obadan däl ýaly, ýaban galan mal ýaly.
Bir ogul bar, atasy bilen bir zatdyr, Bir ogul bar, atasyndan zyýatdyr.
Bir samsyk bäş akyllyň agzyny alardar.
Bir sözle, iki diňle.
Bir tutam ýetmese, güýjüňden gör.
Bir ýagşylyk müň belany gaýtarar.
Bir ýamanyň zeleli, müň ýagşa deger.
Bir zadyň gulpundan tutduňmy, güýjüm ýok diýme.
Bir zerräniň gadryny bilmedik, müň zerräniň gadryny bilmez.
Bir zuwala aş bişirdim, myhmany atdan düşürdim.
Biri işlär, dokuzy dişlär.
Bolsa bäş, bolmasa ýigrimi bäş.
Boýy bir garyş, dili iki garyş.
Çaga çaltyň bir elini baglar, çamanyň - iki elini.
Daýym, ýedi ýerinden gaýym.
Degimsize degim degse, ýylda geçisini iki gyrkar [4: 38-41].

It takes two to tango (when two people work as a team, they are both responsible for the team's successes and failures).

Two heads are better than one (two people working together can solve a problem quicker and better than a person working alone).

Two's company, but three's a crowd (couples often enjoy their privacy and dislike having a third person around).

Put all your eggs in one basket (don't risk losing everything at once).

The first step is always the hardest (the most difficult part of accomplishing something is getting started).

Proverbs are defined in various ways by different groups of researchers. One group of experts take a structural approach and describes proverbs as propositional statements including at least a topic and a comment. Others approach them from ethnographic and (super) cultural perspectives and state that proverbs are typically spoken, conversational forms whose sources are not known and which usually have a didactic function. Still, others prefer to follow an empirical approach, which helps them to derive and modify their definitions.

The findings reveal a number of problems related to the frequency and currency of the included proverbs, and to the adequacy of the presentation of the proverbs in the examined coursebooks to help students develop their communicative competence.

Literature:

1. Jennifer Speake. The Oxford Dictionary of Proverbs. Oxford University Press, 2007.
2. Mieder W. Proverbs: A handbook. Westport, CT: Greenwood Press, 2004.
3. Outi Lauhakangas. Use of proverbs and narrative thought. Folklore Electronic Journal of Folklore. January, 2007.
4. Paýhas çeşmesi. Aşgabat, TDNG, 2016.

© Сапарова А., 2026

УДК 811.512.141

Сәлихова Л.Р.,
Өфө фән һәм технологиялар университетының студенты,
Ғилми етәксеһе: Хөснөтдинова Р.Я.,
филол.фәнд. канд., доцент
Өфө ҡалаһы, Рәсәй

ДОНЪЯ ТЕЛДӘРЕНДӘ ӨНОҠШАТЫУ ҺҮҘҘӘРЕ (САҒЫШТЫРМА АНАЛИЗ)

Тел ғилемендә тирә-яҡ мөхиттең тауыштарын, хайуандарҙың ауаздарын йәки кеше эшмәкәрлегенең шау-шыуын шартлы рәүештә сағылдырған лексик берәмектәрҙе ономатопея (грек теленән onomatopoiia – «исем ҡушыу») йәки өнөҡшатыуҙар тип атайҙар. Был төркөмгә ингән һүҙҙәр һәр телдең иң боронғо, тәүтормош ҡатламына ҡарай. Уларҙың тәбиғәте ике яҡлы: бер яҡтан, улар объектив акустик ысынбарлыҡты сағылдырырға тырыша, икенсе яҡтан, һәр халыҡтың артикуляцион базаһы һәм фонетик ҡанундары был тауыштарҙы үҙенсә «эшкәртә». Тап ошо үҙенсәлек арҡаһында бер үк эт төрлө илдәрҙә төрлөсә «һөйләшә»: башҡорт эте *hay-hay* йәки *ваф-ваф* итһә, инглиз телендә ул *вуф-вуф* (*woof-woof*) тип өрә.

Фонетик яҡтан ономатоптарҙың үҙенсәлеге шунда: уларҙа ғәҙәти лексика өсөн хас булмаған өндәр ҡулланылырға мөмкин. Мәҫәлән, башҡорт телендәге *сылтыр-сылтыр* (һыу ағыуы) йәки *сыр-сыр* (сиңерткә тауышы) кеүек һүҙҙәрҙә фонемаларҙың ҡабатланыуы (редупликация) – күпселек төрки телдәр өсөн хас типологик билдә. Шул уҡ ваҡытта ҡытай теле өсөн ижектең тауыш тоны төп мәғәнә айырыусы булһа, герман телдәрендә һуҙынҡыларҙың оҙонлоғо тауыштың экспрессивлығын көсәйтеү өсөн хеҙмәт итә. Шулай итеп, өнөҡшатыу һүҙҙәре стихиялы рәүештә барлыҡҡа килгән «балалар һүҙҙәре» генә түгел, ә телдең грамматик ҡоролошона һәм донъяны танып белеүҙең милли моделенә бәйле ҡатмарлы система.

Туғандаш төрки телдәрен (башҡорт, төрөк, ҡаҙаҡ) сағыштырғанда, уларҙың нигеҙендә ятҡан уртаҡ һыҙаттарҙы күрергә мөмкин. Шулай ҙа һәр береһенең фонетик үҫеш юлы төрлө булыуы сәбәпле, ҡайһы бер өнөҡшатыу һүҙҙәре нык айырыла. Әгәр төрки телдәрҙе урыҫ, инглиз йәки роман төркөмө телдәре менән сағыштырһаҡ, айырма тағы ла ҙурыраҡ кимәлгә сыға. Был айырма, фонемаларҙың төрлөлөгөнә генә түгел, ә кешенең тауышты ишетеү-ҡабул итеүҙәге акустик фильтрына бәйле.

Төрки телдәренең был өлкәлә яҡынлығы хайуандар тауышын белдереүҙә күренә. Өнөҡшатыу һүҙҙәрендә сингармонизм ҡанундары ҡәтғи һаҡлана. Ләкин төбәк айырмалыҡтары ла юҡ түгел.

Тауыш сығанағы (мәғәнәһе)	**Башҡорт телендә**	**Ҡаҙаҡ телендә**	**Төрөк телендә**
Эт өрөүе	hay-hay, ваф-ваф	арс-арс, үр-үр	hav-hav
Бесәй мыяулауы	мияу-мияу	мияу-мияу	miyav
Һарыҡ бәрәне тауышы	бә-ә-ә	мә-ә-ә	me-e-e
Һыйыр мөңрәүе	мө-ө-ө	мө-ө-ө	mö-ö
Әтәс ҡысҡырыуы	кик-ри-күк!	ку-ка-ре-ку!	ü-ürü-üü
Ҡаҙ ҡаңғылдауы	ҡаңҡ-ҡаңҡ	қаңқ-қаңқ	vak-vak
Һыу тамыуы	тып-тып	тамп-тамп	şıp-şıp
Йөрәк тибеүе	дөп-дөп, дөрҫ-дөрҫ	дүрс-дүрс	güm-güm
Шартлау тауышы	шарт, гөрҫ	сарт, күрс	güm, pat
Ҡыңғырау сыңлауы	сың-сың	сыңғыр-сыңғыр	çın-çın
Бүре тауышы	у-у-у	ұлы-ұлы	auuu, uuuu

Күреүебеҙсә, башҡорт телендәге *hay-hay* ҡаҙаҡ телендәге *арс-арс* вариантынан тамыры менән айырыла. Ҡаҙаҡтар эттең өргән сағындағы асыулы ырылдауын («р» өнө аша) нығыраҡ ишеткән. Төрөк телендәге *vak-vak* тауышы башҡорт өсөн баҡа тауышын хәтерләтһә лә, уларҙа ҡаҙ шулай ҡаңғылдай, ә баҡа уларҙа *vırak-vırak* тип баҡылдай.

Төрки телдәрендә ике өндөң ҡабатланыуы (редупликация) өҫтөнлөк итһә, һинд-европа телдәрендә күп осраҡта тауыштың аҙағындағы яңғырау йәки шартлау көслөрәк сағыла.

Тауыш сығанағы	Башҡорт телендә	Урыҫ телендә	Инглиз телендә	Испан телендә	Итальян телендә
Тояҡ тыпырҙауы	Тыпыр-топор	Цок-цок	Clip-clop	Toc-toc	Clop-clop
Сусҡа мырҡылдауы	Мырҡ-мырҡ	Хрю-хрю	Oink-oink	Oinc-oinc	Oink-oink
Ат кешнәүе	Сыңғыр-сыңғыр	И-го-го	Neigh	Hiiii	Hiii-hiii
Кәзә, һарыҡ бәрәсе	Бә-ә-ә	Ме-е-е	Baa	Bee	Bee-eh
Өйрәк баҡылдауы	Быжҡ-быжҡ	Кря-кря	Quack-quack	Cuac-cuac	Qua-qua
Күгәрсен герләүе	Гөлдөр-гөлдөр	Вор-вор, Гур-гур	Coo-coo	Cucurrucú	Tub-tub
Ҡаҙ ҡаңғылдауы	Ға-ға	Га-га-га	Honk-honk	Cuac-cuac	Qua-qua
Ҡошсоҡ сипылдауы	Си-пи	Пи-пи-пи	Tweet-tweet	Pío-pío	Cip-cip
Һандуғас сутылдауы	Сут-сут	Тёх-тёх	Chirp	Trino	Trillo

Башҡорт теленә хас үҙенсәлектәр: бындай контекста төрки телдәренең, бигерәк тә башҡорт теленең, үҙенсәлеге айырыуса асыҡ күренә. Мәҫәлән, рус телендәге *цок-цок* (тояҡ тыпырҙауы) урынына башҡорттар ритмик яҡтан байыраҡ *тыпыр-топор* ти. Бында [ы] һәм [о] һуҙынҡыларының сиратлашыуы тауыштың тигеҙһеҙлеген, йәғни аттың сабып барғандағы аяҡ тауыштарының тәбиғи ритмын сағылдыра. Тағы ла бер асыҡ миҫал – өйрәк тауышы. Урыҫтар *кря-кря* тип ишеткән ерҙә, башҡорт ҡолағы был тауышты ҡалыныраҡ һәм тамаҡ төбөнән сыҡҡан *быжҡ-быжҡ* тип ҡабул итә. Шулай уҡ ат кешнәүен тасуирлағанда башҡорттар *сыңғыр-сыңғыр* ти. Был һүҙҙәге яңғырауыҡлы [ң] һәм дерелдәүек [р] өндәре тауыштың юғары тонын һәм озайлылығын теүәл еткерә, шул уҡ ваҡытта инглиз телендә быны ҡыҫҡа ғына *neigh* тип йөрөтәләр. Ә күгәрсен гөрләүен башҡорттар иҫ киткес йомшаҡ итеп, *гөлдөр-гөлдөр* тип ишетә, бында [ө] һуҙынҡыһы был тауышҡа йылылыҡ һәм йомшаҡлыҡ өҫтәй. Ә инде испан телендә ([с]-«к») өнө төп урын алып тора. Ә итальян телендә был таблицала бөтөнләй бер телдә лә тап булмаған «т» һәм «б» менән күрһәтелә. Тап ошондай нескәлектәр һәр халыҡтың ишетеү-ҡабул итеү мөмкинлектәренең үҙенсәлекле булыуын күрһәтә.

Роман телдәре төркөмөндә (француз, итальян, испан) өноҡшатыу һүҙҙәре бик йомшаҡ, "йырлап тора". Бында һуҙынҡыларҙың оҙонлоғо айырым роль уйнай.

Йөрәк тибеше: башҡортса – *дөп-дөп*, русса – *тук-тук*. Ә бына француздар был тауышты *boum-boum*, ә итальяндар *tu-thump* тип ишетә.

Һалҡындан ҡалтырау: башҡортса – *дер-дер* (ҡалтырана), француздар – *brrr* (был интернациональ вариантҡа әйләнгән).

Мөғжизәле тауыш: башҡортса – *сыҥ-сыҥ*, итальянса – *driiin-driiin*, испанса – *tilín-tilín*.

Француз теленең был өлкәләге үҙенсәлеге – танау өндәренең күп булыуы. Әгәр башҡорт балаһы көсөктө саҡырғанда *көс-көс-көс* тип өндәшһә, француз балаһы ауыҙ эсенә һуҙып *Wouaf-wouaf* тиер, ә испан балаһы шатланып *guau-guau!* тип ҡысҡырыр.

Ҡытай телендә өноҡшатыуҙарҙың үҙенсәлеге:

Ҡытай теле – тональ тел. Унда бер үк ижек төрлө тон менән әйтелһә, мәғәнәһе тамырынан үҙгәрә. Был үҙенсәлек өноҡшатыуҙарҙа ла сағыла.

Тауыш сығанағы	Башҡортса	Ҡытайса (Пиньинь транскрипцияһы)	Яҡынса әйтелеше
Ҡоштар тауышы	Сыр-сыу	叽叽喳喳 (jī jī zhā zhā)	Тзи-тзи-ча-ча
Ҡоштоң ҡанат ҡағыуы	Пыр-пыр	扑扑 (pū pū)	Пху-пху
Бөжәктәр безләүе	Без-без, Безз	嗡嗡 (wēng wēng)	Уың-уың
Мотор тауышы	Тарт-тырт, Фырт-фырт	突突 (tū tū)	Тху-тху
Әтәс ҡысҡыра	Кик-ри-күк	咯咯咯 (gē gē gē)	Гэ-гэ-гэ
Һыу аға	Сылтыр-сылтыр	哗哗 (huā huā)	Хуа-хуа

Шул иғтибарға лайыҡ: ҡытай теленең өноҡшатыу һүҙҙәре башҡорт теленекенән фонетик тәбиғәте менән айырыла. Ҡытайҙар ҡоштар тауышын дүрт ижекле *jī jī zhā zhā* (*тзи-тзи-ча-ча*) тип

ишетһә, башҡорттар бының ҡыҫҡа ғына *сыр-сыу* тип дөйөмләштерә. Бөжәк безләүен беҙ *без-без* тип яңғырауыҡлы [з] өнө менән бирһәк, ҡытайҙар танау аша *wēng wēng* (*уың-уың*) тип әйтә, сөнки ҡытай телендә яңғырау [з] өнө юҡ. Мотор тауышын башҡорттар *тарт-тырт* тип өҙөк-өҙөк ишетһә, ҡытайҙар бының бер төрлөрәк *tū tū* (*тху-тху*) тип ҡабул итә – бында ла ҡытай фонетикаһының ижек аҙағында [р] йәки [т] өндәренән һаңғырау сағыла. Шулай итеп, башҡорт теле өноҡшатыу һүҙҙәрендә байыраҡ вариативлыҡ күрһәтһә, ҡытай теле тондар ярҙамында тауыштарҙы айырым ижектәргә бүлеп ебәреү юлынан бара.

Телдәрҙе сағыштырып өйрәнеү күрһәтеүенсә, өноҡшатыу һүҙҙәре туранан-тура тәбиғәттең ҡабатлауы түгел, ә милли аңдың акустик көҙгөһө. Башҡорт, ҡаҙаҡ, төрөк телдәре, дөйөм алтай тамырҙарына бәйле булыу сәбәпле, *сың*, *шыр*, *гөрс* кеүек тауыштарҙы оҡшаш ҡабул итә. Әммә рус, инглиз йәки ҡытай телдәрен өйрәнгәндә беҙ быға тиклем ишетмәгән *wau*, *cock-a-doodle-doo* йәки *gē gē gē* кеүек яңы акустик донъяларҙы асабыҙ. Төрлө халыҡтарҙың ономатоптарын белеү лингвистик күнегеүҙәр генә түгел, ә сит мәҙәниәтте тәрәнерәк аңлауҙы аңлата, сөнки тауыштар аша беҙ бер-беребеҙҙең тирә-яҡты ишетеү донъяһын аңлай башлайбыҙ.

Әҙәбиәт:

1. Ишбирҙин Э.Ф. Башҡорт теленең тарихи фонетикаһы. – Өфө: БашДУ нәшриәте, 2010. – 184 б.

2. Исянгулова Г.А. Подражательные слова в современном башкирском языке. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. – 136 с.

3. Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 569 с.

4. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика / отв. ред. Э.Р. Тенишев. – М.: Наука, 1984. – 484 с.

© Сәлихова Л.Р., 2026

УДК 81

Saparova D. J.,
Lecturer of the department of Romano-Germanic languages and literature with methods of their teaching of Seyitnazar Seydi Turkmen State Pedagogical Institute, city Turkmenabat, Turkmenistan

WAYS OF BUILDING BETTER READING SKILLS

Effective English lessons require a structured approach focused on student-centered communication, integrating speaking, listening, reading, and writing, while prioritizing high student talking time over teacher talking time.

Requirements for the lesson:

1. The comprehensive (complex) problems of teaching should be solved in the lesson;
2. There should be a clear system of conducting the lesson;
3. The lesson should be organized in accordance with the latest achievements of pedagogy, psychology, teaching methodology;
4. The lesson should be organized in accordance with the principles of teaching;
5. Strict discipline should be achieved in the lesson;
6. The content of the lesson should correspond to the curriculum;
7. Unity of education and upbringing;
8. Teaching services (educational, upbringing, developmental) should be performed in the lesson;
9. Didactic materials, visual aids, technical means should be selected in accordance with the topic and purpose of the lesson;
10. Effective teaching methods should be selected;
11. The lesson should be linked to life, theory, practice;
12. The clarity of the teacher's actions, his effective, meaningful words, logical consistency of thought, the ability to correctly and appropriately use visual aids and technical means for the correct and appropriate implementation of what is written, drawn or sketched on the board [1: 42];
13. The correct posing of questions in the lesson;
14. Establishing interdisciplinary connections;
15. Gaining the worldview and personal experience of students;

16. Organizational clarity of the lesson.

Reading is more than just putting letters together. It's about understanding that each letter has a sound and that these sounds, when combined, form meaningful words. This allows us to communicate and exchange ideas. The act of reading, in its essence, doesn't vary much, but it can change depending on the type of text we're reading. For example, scientific texts use specialised vocabulary, filled with technical terms, references to research, and structures uncommon in other types of writing. On the other hand, social studies texts combine detailed information with visual elements, such as graphs or images, creating an interesting and dynamic mix.

To improve reading skills, read consistently for 10–15 minutes daily, focusing on material that matches your interest and level. Enhance comprehension by skimming for main ideas first, annotating text, using context clues for new words, and actively summarizing what you read. For better retention, break complex texts into smaller, manageable sections [3].

In the case of literary texts, their style depends on the format: they can be as flexible as poetry, as structured as a novel, or as innovative as digital literature, which blends different media to tell stories. Each type of text demands a different reading strategy [2].

For instance, scientific texts invite careful reading and re-reading to understand complex concepts. In contrast, when reading literature, it may be more useful to visualise scenes and connect ideas. What all texts share, regardless of the subject, is the need to question them: to reflect on what they say and how they say it.

Research shows that you retain more when you actively engage and interact with texts, as opposed to simply reading and re-reading without a clear purpose. Many students can relate to the type of reading that involves copying down pages of notes word-for-word from the text or simply scanning over pages without really reading them or interacting at all. While these two approaches are on opposite ends of the spectrum, neither of them engages your brain in a way that elicits deep understanding and retention. Active reading engages your brain in effective strategies that force your brain to interact with the text before, during, and after reading and that help you better gauge what you are (and aren't) learning.

Although many students don't think about this step, engaging with a text before reading can crucially boost your understanding and retention. Below are some active reading strategies to use before you read.

Know your purpose. Yes, you're reading because your professor told you to do so, but there is more to it than that. What will you be asked to do with the information you gather from your reading assignment? Reading in preparation for a multiple-choice exam requires a greater attention to detail (think keywords, definitions, dates and specific concepts and examples) than reading to prepare for discussion or to write an essay (think main points and relationships). Consider your purpose for reading and what you need to be able to understand, know, or do after reading. Keep this purpose in mind as you read.

Integrate prior knowledge. Before previewing the text, determine what you already know about the material you are to read. Think about how the reading relates to other course topics, and ask why your professor might have assigned the text. Identify personal experiences or second-hand knowledge that relates to the topic. Make a list of things you want to know about the text or questions that you want to try to answer while reading.

Preview the text. Don't jump in all at once. Give the text an initial glance, noting headings, diagrams, tables, pictures, bolded words, summaries, and key questions. Consider reading introductions and conclusions to gather main ideas. After you preview, predict what the section or chapter will be about and what the main concepts are going to be.

Literature:

1. Atdaýew E., Annagulyýewa M., Annameredowa G., Galandarowa G., Ýagşymyradowa G. Pedagogika. Aşgabat: TDNG, 2017.

2. https://www.cambridge.org/insight/blog/10-essential-reads-to-improve-reading-comprehension

3. https://www.indeed.com/career-advice/career-development/how-to-improve-reading-skills

© Saparova D.J., 2026.

УДК 811.531 + 930.85(519)

Семенко У.Л.,
студент УУНиТ,
*Научный руководитель – **Султанова З.А.***
канд. филол. наук., ст. преп. УУНиТ
г. Уфа, Россия

ОСОБЕННОСТИ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОРЕЕ. АНАЛИЗ УЧЕБНИКОВ ПО КОРЕЙСКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ 1-2-ГО КЛАССА В ШКОЛАХ КНДР И РК

В Корейской Народной Демократической Республике, как и в Республике Корея школьное образование включает в себя 12 классов. Делится оно на похожие ступени, так в РК всего 3 ступени образования - это начальная школа (6 лет), средняя (3 года) и старшая (3 года), обучение в которой не является обязательным [1]. В КНДР ступени 4, так как перед начальной школой существует еще “подготовительный год” (детский сад старшей группы), потом 5 лет начальной школы, 3 года средней и три старшей [2], которые в отличие от РК являются обязательными. То есть в КНДР обязательными для обучения каждого являются 12 лет обучения, в РК - только 9 лет.

Общеобразовательные школы КНДР и РК имеют ряд серьезных отличий, начиная с идеологической составляющей обучения и заканчивая организацией школьного досуга, однако присутствуют и общие черты. В школах КНДР с первого класса обязательным элементом является унифицированная школьная форма с пионерскими галстуками, а в учебной программе присутствуют такие уникальные предметы, как “основы коммунизма”, “политика коммунистической партии”, “жизнь великого Ким Ир Сена” [1] и другие. Школьные учебники общие для всего государства и выпускаются министерством образования, обучение полностью на государственные средства.

В школах РК школьная форма обязательна лишь в средней и старшей школе, ученики начальной школы ходят в свободной одежде. Существуют как государственные, так и частные школы, например, с углубленным изучением отдельных предметов и иностранными языками. В государственных школах ученикам предоставляются некоторые платные услуги, такие как дополнительные кружки и группы продленного дня, так что родители в РК часто вкладывают деньги в школьное обучение детей, даже если их ребенок учится в государственной общеобразовательное организации.

У школ КНДР и РК есть общая черта, значительно отличающая их от европейской школьной системы - таковой является строжайшая дисциплина [3] и четкая регламентация учебной деятельности. Во многих школах РК учеников не пускают на территорию, даже если они опоздали всего на пару минут - таким ученикам ставится прогул, а для пропуска по уважительной причине всегда требуется очень веское объяснение. Школьники в РК не пропускают школу почти никогда.

В КНДР отличительной и уникальной чертой школьной жизни, определяющей ее дисциплину, является идеологическая составляющая, а вместе с ней наличие большого количества воспитательно-патриотических мероприятий, в том числе делающих акцент на привлечение детей к совместному регламентированному труду на благо страны и будущего.

Неотъемлемой частью школьного образования также является внеклассная деятельность обучающихся. В КНДР внеклассная деятельность подразделяется на обязательную и необязательную, так, в обязательную часть входит посещение Дворца пионеров и каникулярных лагерей, а также занятия в спортивных секциях [2]. В РК четкого разделения на обязательный и необязательный уровень дополнительной внеклассной деятельности нет, однако большинство учеников помимо основной школы платно посещают разнообразные кружки, репетиторов и школы дополнительного обучения, что связано с высокой конкурентностью как и в образовательных кругах, так и в дальнейшей в профессиональной деятельности.

Несмотря на наличие схожих элементов, все же отличий в школьном обучении и воспитании детей в КНДР и РК больше. Для конкретного понимания определенных особенностей школьного образования и их объяснения, далее будет приведен обобщенный анализ учебников по корейскому языку программы 1-2 класса КНДР и РК. В качестве учебников КНДР будут использованы 2 учебника “국어” программы 1-го и 2-го классов начальной школы. В качестве учебников РК будет использована серия из 5 книг “꾹꾹 다지는 국어”, соответствующая образовательным программам 1-2 классов корейской начальной школы.

Учебники “꾹꾹 다지는 국어” построены таким образом, что обучение по ним может вестись как в классе совместно с учителем, так и самостоятельно ребенком или ребенком с родителем. Учебник “국어” является единым учебником корейского языка для начальной общеобразовательное школы КНДР и болле рассчитан на совместное обучение в классе, однако не исключает самостоятельное обучение. Программа “꾹꾹 다지는 국어” строится в частности вокруг изучения и отработки навыков чтения и письма - для этого в первой книге в основном идёт изучение букв и слогов, а также небольшого количества несложных слов, во второй ребёнок знакомится со словами, их значением и употреблением, в третьей учится строить предложения, а в четвёртой - читать и самостоятельно сочинять небольшие тексты на различные темы и вопросы [4]. Пятая книга идет в качестве приложения со сложными словами, трудными для восприятия и запоминания из-за несоответствия звучания написанию - в ней предлагаются интересные варианты для заучивания таких слов.

Первая книга серии начинается с самого простого - с обведения тонко нарисованных узоров, далее постепенно изучается весь алфавит, каждая буква отрабатывается в самых разнообразных заданиях, на нее приводятся нейтральные слова (названия животных, элементов одежды и окружающих человека предметов и пр.), на которых потом строятся упражнения, в основном делающие акцент на написание, чтение и запоминание сначала букв и слогов, а затем и слов. Изучаемые слова всегда сопровождаются красочными картинками.

Во второй книге начинает изучаться грамматика, появляются глаголы и прилагательные, задания строятся уже вокруг разных частей речи и в них акцент делается не на правильное и ровное написание черт, а на отработку изученных грамматических форм и окончаний. Присутствуют вынесенные в отдельные места правила корейского языка, а также загадки, задания на рассуждение и вопросы, предполагающие устный развернутый ответ. В целом все задания по своему строению достаточно разнообразны и сопровождаются большим количеством цветных картинок.

Третья книга, как написано выше, учит ребенка работать с предложениями. Здесь также изучаются новые слова и грамматики, но отрабатывается изученный материал уже непосредственно на предложениях или мини-текстах. В этой книге начинают разбираться стили вежливости, грамматические окончания и слова, имеющие отношения только к одному из стилей. Как и в предыдущих двух книгах, задания очень разнообразны и сопровождаются красочными картинками, например, при изучении стилей вежливости каждая представленная ситуация показывается на картинке - так обучающемуся ребенку гораздо проще понять разницу стилей.

В четвертой книге предложения и тексты становятся крупнее и более насыщенными информацией, грамматические формы усложняются и все больше встречаются задания, предполагающие письменный развернутый ответ в виде длинного предложения или небольшого текста. Сами задания теперь имеют больше условий и предполагают более концентрированную работу мозга. Если обобщить, наибольший акцент делается на чтение достаточно больших сюжетных текстов и написание своих сформулированных мыслей также в качестве единого текста. Дети учатся воспринимать большие куски текстовой, а не иллюстрированной информации, анализировать их и работать с данной информацией, при этом одновременно отрабатывая навыки самостоятельной письменной речи.

Учебники “국어” программы 1 и 2 класса разделены на две книги соответственно. Учебник 1-го класса в основном делает акцент на изучение сначала алфавита, потом слогов от менее сложных к более, также даются сложные соединения букв и в каждой главе обязательно отрабатывается чтение и умение формулировать мысли. Каждая глава начинается с текста, которые к концу учебника становятся все более сложными, далее идет объяснение новых соединений букв или сложных звучаний, а потом их отработка на различных заданиях - например, поиск данных соединений букв в словах, самостоятельное написание, соединение слогов и букв в слова и другие. Задания на отработку только что изученных элементов перемежаются с заданиями на понимание и осмысление текста, представленного в начале главы - по тексту задаются самые различные вопросы, в числе которых есть вопросы на оценку действий или ситуаций описанных в тексте, обязательно есть вопросы на рассуждение, не предполагающие конкретного верного ответа. Внутри глав часто отдельно в рамку выносятся разнообразные правила, например, правила написания штрихов или правила звучания одних и тех же элементов в разных соединениях и словах. В конце каждой главы есть вывод по главе, также выносящийся в отдельную рамку, в нем почти всегда присутствует два компонента, первый - с идеологическим подтекстом важное, но в то же время лирически окрашенное, утверждение, взятое из представленного в начале главы текста (например, “우리 나라는 참으로 복이 많고 살기 좋은

사회주의나라입니다.” в пер. на рус.: “Наша страна - поистине благословенная и прекрасная социалистическая страна для жизни”); второй - правило или небольшое итоговое заключение, связанное с изученными в главе буквами или буквенными соединениями. После каждой пятой главы идет закрепление изученного на нескольких заданиях, среди которых обязательно есть какой-либо вопрос на рассуждение, например, “우리 나라를 왜 복많은 나라라고 합니까?”, что в пер. на рус.: “Почему нашу страну называют страной, полной счастья?”.

Учебник “국어” программы 2-го класса начальной школы по своей структуре во многом похож на учебник 1-го класса, однако акцент в нем уже делается на изучение слов, отработку навыка составления устных и письменных предложений, а потом устных и письменных текстов. Каждая глава также начинается с текста либо в прозаической, либо в стихотворной форме, которые уже гораздо длиннее и сложнее текстов, дающихся первому классу. Обобщенно можно описать главы следующим образом: после текста идут задания по сюжету, далее изучение новых слов, дающихся с определениями, изучение правил и основных аспектов речи, затем задания на отработку слов, после чего упражнения на развитие и тренировку устной и письменной речи. Как и в учебнике программы 1-го класса в каждой главе очень много вопросов на рассуждение ребенка, не имеющих определенных верных ответов. Заканчиваются главы также выводом, где еще раз прописываются важные моменты главы, необходимые для запоминания, и снова есть завершающая фраза, идеологически окрашенная, повышающая патриотический дух и чувство любви к своей Родине и народу, или просто фраза, воспитывающая положительные качества характера и уважительное отношение к окружающим, например, “자기보다 동무를 더 사랑하는 마음을 가져야 합니다.”, что в пер. на рус.: “У вас должно быть сердце, любящее товарищей больше, чем себя.”. Часто фраза связана с представленным в начале главы текстом.

Описав информацию, представленную в анализируемых нами учебниках, можно сделать несколько важных выводов. Первый - наличие или отсутствие идеологических подтекстов или прямых высказываний, очень прост и в очередной раз доказывает известный факт о значительном влиянии идеологии на все сферы жизни КНДР - тексты, на основе которых строятся главы в учебнике “국어”, так или иначе говорят о величии страны и ее лидеров, о важных исторических моментах или иносказательно простым языком объясняют серьезные социалистические постулаты; однако есть и тексты, имеющие воспитательную функцию и на примере показывающие необходимость соблюдения культурных, социальных и межличностных норм; также есть тексты-притчи. В текстах представленных учебников РК почти не встречается информации, на основе которой ребенок должен построить то или иное отношение о своей стране и ее народе, однако как и в учебниках “국어” здесь много так называемых воспитательных текстов и текстов-притч, иносказательно объясняющих детям положительные и отрицательные поступки, качества характера и др., также, конечно, присутствует и достаточное количество текстов, не несущих в себе какие-либо межстрочные смыслы, а просто дающих прозрачную оценку предметам и явлениям.

Следующий важный вывод - в учебниках РК качество визуализации выше, а красочность и подача материала гораздо ярче и разнообразнее. В учебниках “국어” КНДР отсутствуют цветные картинки, любой иллюстративный материал черно-белый, все текстовые строки всегда расположены очень близко друг к другу, что затрудняет быстрое чтение и снижает желание ребенка проходить материал. То есть учебники “꾹꾹 다지는 국어” гораздо эффективнее в плане визуального воздействия - интересно и красочно составленный материал вызывает личный интерес у ребенка и желание прочесть и выполнить задания.

Так как представленные учебники рассчитаны на один и тот же детский возраст, мы имеем право сравнить сложность изучаемого по ним материала. Итак, третий вывод - материал учебников “국어” КНДР в целом гораздо сложнее и требует более серьезной и концентрированной работы мозга. Учебники “꾹꾹 다지는 국어” последовательнее и структурированнее - в них действительно материал идет от самого простого к самому сложному, и так от первых страниц первой книги до последних страниц 4-й книги. Учебники “국어” сразу начинаются не с самого простого и хоть и усложняются к концу второй книги, но общая амплитуда сложности гораздо меньше.

Последний вывод - по учебникам “국어” можно многое узнать о стране, ее культуре, народе и выдающихся личностях, в то время как учебники “꾹꾹 다지는 국어” дают более общую и бытовую информацию - о предметах, транспорте, природных явлениях, человеческих постройках и др., однако и в них встречается уникальная информация, относящаяся только к Корее - это могут быть описания семейных традиций, стихи корейских авторов или адаптированные корейские народные сказки.

Таким образом, школьное образование КНДР и РК имеет как схожие черты, отличающие их от образования в других странах, так и отличительные, которых гораздо больше. Отличительные особенности школьных образовательных программ КНДР и РК в частности можно рассматривать в процессе анализа корейских школьных учебников и сопоставления данной в них информации друг с другом. В нашей работе мы в первой части описали основные отличия и схожие моменты школьного образования КНДР и РК, во второй части рассмотрели и в общих чертах проанализировали учебники родного языка данных стран, выделив на основе анализа важные моменты. Подводя основной итог, стоит еще раз отметить, что основным фактором, отличающим школьное образование КНДР от РК является наличие сильной идеологии, серьезно влияющей не только на аспекты школьного образования и воспитания, но и в целом на все сферы жизни граждан КНДР.

Литература:

1. Аршинова И.А. Школьное образование в Северной и Южной Корее / Аршинова И.А. [Электронный ресурс] // medaboutme.ru: [сайт]. – URL: https://medaboutme.ru/articles/dva_polyusa_obrazovaniya_severnaya_i_yuzhnaya_koreya/ (дата обращения: 07.04.2026).
2. Девятых С.Ю. Система социалистического образования в КНДР // Современные научные исследования и инновации. 2020. № 6 [Электронный ресурс]. URL: https://web.snauka.ru/issues/2020/06/92558 (дата обращения: 03.04.2026).
3. Хусаинова А.Р. Особенности корейской системы образования. Этапы формирования / Хусаинова А.Р. [Электронный ресурс] // cyberleninka.ru: [сайт]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-koreyskoy-sistemy-obrazovaniya-etapy-formirovaniya/viewer (дата обращения: 08.04.2026).
4. 이화진 и еще 7 авторов 꾹꾹 다지는 국어-1 [Текст] / 이화진 и еще 7 авторов - 1-е изд. - 서울: 교육인적자원부, 2008 - 172 с.
5. 이화진 и еще 7 авторов 꾹꾹 다지는 국어-2 [Текст] / 이화진 и еще 7 авторов - 1-е изд. - 서울: 교육인적자원부, 2008 - 116 с.
6. 이화진 и еще 7 авторов 꾹꾹 다지는 국어-3 [Текст] / 이화진 и еще 7 авторов - 1-е изд. - 서울: 교육인적자원부, 2008 - 92 с.
7. 이화진 и еще 7 авторов 꾹꾹 다지는 국어-4 [Текст] / 이화진 и еще 7 авторов - 1-е изд. - 서울: 교육인적자원부, 2008 - 124 с.
8. 이화진 и еще 7 авторов 꾹꾹 다지는 국어-부록 [Текст] / 이화진 и еще 7 авторов - 1-е изд. - 서울: 교육인적자원부, 2008 - 72 с.
9. 성순옥 и еще 5 авторов 국어-1 [Текст] / под ред. 성순옥 - 1-е изд. - 평양: 교육도서출판사, 2012 - 220 с.
10. 성순옥 и еще 5 авторов 국어-2 [Текст] / под ред. 성순옥 - 1-е изд. - 평양: 교육도서출판사, 2012 - 176 с.

© Семенко У.Л.

УДК 811.512.161

Семенко У. Л.,
студент УУНиТ,
*Научный руководитель – **Акилова М.Ф.***
канд. филол. наук.,доцент УУНиТ
г. Уфа, Россия

ЗАИМСТВОВАННАЯ ЛЕКСИКА ГРЕЧЕСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Современная Турецкая Республика (именуемая Турцией) расположена в основном на Анатолийском полуострове (Малая Азия), омывается на юге Средиземным морем, а на севере – Чёрным. Она является правопреемницей могущественной Османской империи – морской державы, созданной турками-османами в 1299 году. Однако ещё в X–XI веках на этих землях появились предки османов – турки-сельджуки, которые уже тогда столкнулись с многочисленным греческим населением, проживавшим в Византийской империи и на сопредельных территориях. Этот период можно считать началом взаимного языкового влияния: греческий язык начал воздействовать на

древнетурецкий. В XI веке сельджуки вступили в противоборство с византийцами, стремясь расширить своё молодое государство за счёт захвата византийских земель.

Средневековое государство Византия – восточная часть великой древней Римской империи, распавшейся на Западную и Восточную часть в 395 году. Под натиском варваров, гуннов и других германских народов Западная часть Римской империи пала уже в 476 году, в то время как Восточная часть, имеющая в своем составе завоеванную еще в 753 году до н.э. Грецию, просуществовала до 1453 года в качестве Византийской империи. С начала становления Византии как отдельного государства основную часть ее населения составляли греки, поэтому постепенно греческий язык вытеснил изначально навязанный Римом латинский и стал официальным языком Византии. Культура Византии же, базирующаяся на античной греческой, совместила в себе и некоторые аспекты древнеримской культуры, став, таким образом, наследницей античной европейской культуры в целом и, сохранив, в частности греческий язык в качестве государственного.

Периодом наивысшего расцвета Византии считаются VI–VII века. Однако военное поражение от турок-сельджуков в XI веке нанесло непоправимый удар по её могуществу. Начиная с XII века государство вступило в фазу длительного упадка. После разорительного разгрома крестоносцами в XIII веке Византия распалась на разрозненные территории, которые последовательно захватывались турками-османами. Окончательное прекращение существования империи датируется 1453 годом. Именно тогда Османская империя, завершив завоевание Византии, стала доминирующей морской державой Средиземноморья и обратила экспансию на европейские земли.

С завоевания Византии - масштабной по площади и населению грекоязычной территории, влияние греческой культуры и языка на культуру и язык Османской империи усиливается. Греция, уже давно не имеющая отдельного государства и вынужденная развиваться в составе других государств, теряет некую автономию, имеющуюся у нее до этого времени. Греция в Византии не нуждалась в особом выделении, так как ее язык, культура и даже религия (православная ветвь христианства) являлись общими и едиными для всей империи, в то время как турки-османы на всей территории своего государства устанавливали другие законы, свою мусульманскую религию и османский язык. Греки, потеряв возможность развиваться в качестве этносоциальной территории, но не желая терять свой язык, культуру и религию, на протяжении нескольких столетий разными способами активно и пассивно пытались бороться за свою независимость, которой им удалось добиться лишь в XIX веке при помощи России. В течении четырех столетий греческий язык, не имея особого статуса был вынужден развиваться непроизвольно, в частности посредством сохранения в устной речи греков, являющихся подданными османского падишаха. Так, сохраняясь в устной разговорной, а на некоторых территориях империи письменной речи, греческий язык оказал существенное влияние на устный и письменный османский язык. Помимо этого, на османский язык постепенно переводилось значительное количество греческой литературы - медицинской, математической, астрономической, труды по зоологии и ботанике и т.д. [1] Многие термины из данных трудов не имели аналогов в достаточно молодом османском языке, в связи с чем не переводились, а оставались в языке официальным заимствованием. Современный турецкий язык - потомок османского, до сих пор имеет в своем составе, в том числе лексическом, изрядное количество грецизмов, о происхождении, и вкладе в турецкую культуру которых будет описано ниже.

Грецизмы, заимствованные турецким языком, включают в себя понятия и термины из самых разных наук, групп и категорий. Всех их можно классифицировать по нескольким основным тематическим разделам. Так, во-первых можно выделить географические, мореходные и земледельческие термины [1]. Приведем к примеру некоторые географические и зооботанические понятия, например: poyraz (северный ветер), lodos (юго-западный ветер), talaz (морская волна), anafor (прибой), pisi (камбала), zargana (морской угорь), vatoz (скат), istakoz (омар), ahtapot (осьминог), и т. д.; а также мореходные и рыболовецкие: egrep (сеть), prama (тяжелая лодка), perese (грузило), dalyan, livar (типы садков для рыбы), körfez (залив), liman (порт), kemenk (гарпун), zoka (рыболовный крючок), kılavuz (лоцман) [2]. К заимствованиям из земледельческой терминологии относятся многие названия сельскохозяйственных орудий, названия культурных и диких растений, а также названия некоторых мучных изделий (например, simit - бублик, beze - тесто).

Стоит отметить, что через греческий язык в турецкий (ранее османский) попало и достаточное количество слов из других языков, ранее заимствованных греками. Особенно большое количество в ряде таких слов занимают итальянские заимствования, так как еще в античности произошло смешение и взаимоокультуривание друг друга греками и предками итальянцев на Апеннинском полуострове. В современном турецком языке есть следующие заимствования из итальянского через греческий - rekolte (сбор урожая), portakal (апельсин), olta (удочка), iskele (пристань), sintine (трюм) и др. [2].

Большое количество заимствованных грецизмов в области сельского хозяйства, земледелия и материальной культуры объясняется следующим образом. На момент XI-XIII веков турки-сельджуки и турки-османы в большинстве своем все еще оставались кочевниками и только в XII-XIII веках начали переходить к оседлому образу жизни. Этот переход случился в основном на территории Малоазийского полуострова, населенного греками, именно их быт, их оседлую культуру турки брали за образец и начинали жить новым для себя образом, включая в речь новые с/х понятия и земледельческие термины. По схожей причине объясняется и наличие значительного количества мореходных терминов. Захватывая территории, в частности полуостров Малая Азия, турки делали это сухопутными завоеваниями, не имея навыков и умений строительства и эксплуатации судов. Византия же в средние века, как и в античности Греция, являлась исторической морской державой, имея мореходный опыт последовательно многих столетий. В процессе занятия полуострова Малая Азия и перехода к оседлому образу жизни турки-сельджуки не потеряли желания расширять площадь своей державы, однако следующие территории находились за естественными морскими границами, вследствие чего туркам пришлось перенимать навыки опытных в морском деле греков и использовать полученные знания и умения для дальнейших завоеваний.

Вместе с заимствованной греческой лексикой в быт турко-османского народа вошли некоторые обряды и традиции греков, в большинстве своем, связанные с земледельческой культурой и географией. Так, например, в западной Турции сохранился некий магический обряд, связанный с географическими грецизмами lodos (юго-западный ветер) и poyraz (северный ветер). Д.Е. Еремеев в своем труде о турецком языке кратко описал его следующим образом: “весной крестьяне-турки устраивают праздничное представление - выдачу дочери лодоса за сына пойраза. Это делается для того, чтобы умилостивить суровый северный ветер и вызвать потепление погоды” [2].

Важным критерием в объяснении большого количества греческих заимствований в турецком языке выступает также факт того, что именно после завоевания Константинополя, т.е. полного покорения Византии в 1453 году, в Османской империи начинается процесс складывания письменно-литературного языка. До середины XV века в Османской империи присутствовал лишь народно-разговорный язык. Пик развития турко-османской литературы, в частности поэзии, приходится на XVI-XVII века. В это время также происходит постепенное разделение турко-османского языка на три уровня, соответствующих социальному расслоению: “изящный турецкий язык” для верхов общества, “средний турецкий язык” для горожан и мелкой интеллигенции и “грубый турецкий язык”, использующийся городскими низами [4]. Крестьяне Османской империи говорили на разнообразных территориальных диалектах. Грецизмы вошли во все три уровня турецкого языка. В “изящный язык” классической литературы они в основном попали после переводов греческого литературного наследия и последовательного официального включения в язык грецизмов. В “средний язык” грецизмы попали тем же образом, а также через устный разговорный язык некоторых греков, сумевших добиться расположения и получить какие-либо должности и профессии среднего класса. В “грубый язык” и язык крестьян грецизмы попали в основном из устного общения турков с завоеванными греками, вследствие чего происходило взаимоокультуривание двух народов.

К рубежу XIX-XX веков разница между языком простого народа и языком верхов общества достигла колоссального разрыва, поэтому когда в 1923 году в Османской империи, ставшей Турцией, победила революция, одной из первостепенных задач новой власти стало “создание” и систематизация единого для всего государства турецкого языка [4]. Так, большое количество грецизмов, существовавших во всех уровнях турко-османского языка и плотно закрепившихся в них, в рамках национальной языковой политики, проводимой в Турции в течение нескольких лет посредством различных реформ - просвещения, образования и других, вместе с еще большим количеством арабо-персидских заимствований вошло в новый единый турецкий национальный язык.

Следовательно, греческие лексические заимствования, проникшие в турецкий язык – сначала в устную речь, а затем и в письменную литературную традицию – ещё в период с XI по XIII век, оказали заметное воздействие не только на словарный состав турецкого (ранее османского) языка, но и на культуру в целом, закрепившись в ней через ряд греческих обрядов и обычаев. Грецизмы встречаются в турецком языке повсеместно: от сельскохозяйственной лексики до медицинской терминологии, где многие понятия не имеют исконно турецких аналогов. Осознание происхождения этих заимствований, их смысловой нагрузки и роли в турецком культурном и литературном наследии является важнейшей задачей для научных исследований, проводимых тюркологами, филологами и лингвистами.

Литература:

1. Акай И. Некоторые особенности процесса заимствования в истории турецкого и русского языков / Акай И. [Электронный ресурс] // docviewer.yandex.ru: [сайт]. – URL:

https://docviewer.yandex.ru/view/1687818513/?page=3&*=0z%2BoPHMMu8C%2F62NUbop%2FO8UFXwV7InVybCI6Imh0dHBzOi8vam91cm5hbHMuaW5kZXhjb3Blcm5pY3VzLmNvbS9hcGkvZmlsZS92aWV3QnlGaWxlSWQvMjU1ODE5IiwidGl0bGUiOiIyNTU4MTkiLCJub2lmcmFtZSI6d&lang=ru (дата обращения: 29.03.2026).

2. Еремеев Д.Е. Язык как этногенетический источник / Еремеев Д.Е. [Электронный ресурс] // eo.iea.ras.ru: [сайт]. – URL: https://eo.iea.ras.ru/wp-content/uploads/1967/04/eoarchive_1967_4_062_eremeev.pdf (дата обращения: 29.03.2026).

3. Туманская Д.К. Греческие идиоматические выражения: к вопросу о турецком влиянии / Туманская Д.К. [Электронный ресурс] // cyberleninka.ru: [сайт]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/grecheskie-idiomaticheskie-vyrazheniya-k-voprosu-o-turetskom-vliyanii-1/viewer (дата обращения: 31.03.2026).

4. Кононов, А. Н. Тюркологический сборник [Текст] / А. Н. Кононов – 1-е изд. – Москва: НАУКА, главная редакция восточной литературы, 1978 – 33 с.

5. Харчлаа, Л. Я. Учебно-методическое пособие по дисциплине "История Турции" [Текст] / Л. Я. Харчлаа – 1-е изд. – Сухум: АГУ, 2011 - 608 с.

© Семенко У.Л., 2026

УДК 811.161.1'373.72:398.91

Ситдикова А.Ф.,
магистрантУУНиТ
Научный руководитель – ***Фаткуллина Ф.Г.,***
д-р филол. наук, профессор УУНиТ,
г. Уфа, Россия

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ О СЕМЬЕ

Пословицы и поговорки представляют собой концентрированное выражение народной мудрости, «стереотипы народного сознания» [11:33], аккумулирующие опыт познания мира и транслирующие его от поколения к поколению. Семья как фундаментальный социальный институт находит отражение в паремиологическом фонде любого языка, однако её концептуализация имеет культурно-обусловленный характер. Изучение русских пословиц о семье позволяет реконструировать фрагмент национальной языковой картины мира, выявить ценностные ориентации и поведенческие модели, закреплённые в народном сознании.

Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом современной лингвистики к взаимосвязи языка и культуры, а также необходимостью системного анализа паремиологических средств вербализации концепта «семья» в русском языке. **Материалом исследования** послужили пословицы из сборника В.И. Даля «Пословицы русского народа». Были проанализированы разделы «Род – Племя», «Семья – Родня», «Жених – Невеста», «Муж – Жена», «Дети – Родины», а также смежные разделы «Любовь – Нелюбовь», «Свое – Чужое», «Сознание – Улика», «Друг – Недруг». **Цель статьи** – выявить лингвокультурологические характеристики русских пословиц о семье: тематику, ключевые концепты, ценностные доминанты.

Теоретические основания анализа.

В настоящем исследовании, вслед за практикой В.И. Даля, паремиологический фонд понимается широко: собиратель сознательно включал в свой сборник наряду с пословицами «пословичные изречения, поговорки, присловья... даже простые обороты речи» [5:9]. К числу общепризнанных признаков пословиц относят: широкую употребительность в народе, анонимность, устойчивость, краткость, законченность фразы, рекомендательный характер, обобщение опыта, образность и переносный смысл [1:34].

В.И. Даль назвал составленный им сборник «сводом народной опытной премудрости и суемудрия», «цветом народного ума, самобытной стати», «житейской народной правдой» [5:10]. Функциональный репертуар пословиц включает информативную (передачу содержания), аргументационную (апелляцию к авторитету народной мудрости), эстетическую (украшение речи) и накопительную (фиксацию, сохранение и передачу ценного опыта) функции [10:103].

С.Н. Иконникова относит пословицы и поговорки к числу тех форм народной культуры, в которых находит воплощение национальный характер [6:318]. Паремии о семье и доме указывают на

организацию «внутреннего» мира человека, на взаимоотношения в семье и создание домашнего очага [12:107]. Изучение паремий позволяет выявить фундаментальные многовековые ценности семейных отношений [14:75].

Собрание В.И. Даля содержит обширный пласт паремий о семье, сконцентрированный в разделах «Семья – Родня», «Муж – Жена», «Дети – Родители» и др., что делает его репрезентативным источником для лингвокультурологического анализа.

Концептуализация семьи в русской паремиологии (по В.И. Далю)

Анализ **раздела «Род – Племя»** позволяет выявить фундаментальные основания, на которых строится русская концептуализация семьи. Пословицы этого раздела формируют представление о том, что семья («род») выступает первичным источником и пределом возможного для индивида. Эта идея выражена через систему устойчивых биоморфных и аграрных метафор, формирующих модель наследственной предопределённости: *«Яблоко от яблоньки недалеко падает»*, *«От худого семени не жди доброго племени»*, *«У рыжей лисы не чернобровые щенята»*, *«Свинья не родит бобра»*.

Народная мудрость, однако, не сводится к принципу жёсткой предопределённости, предлагая более сложную, диалектическую модель внутриродовых отношений. Эта модель вводится через паремии-коррективы:

Пословица *«Из одного дерева икона и лопата»* признаёт, что общность происхождения не отменяет глубокого неравенства в статусе и судьбе членов семьи. Наличие неудачливого или порочного члена (*«В семье не без урода»*, *«Один брат сыт и крепок, другой брат жидок и редок»*) осмысляется не как трагедия, а как статистическая норма. Отношение к возможности изменения предопределённой судьбы ярко проявляется в пословицах *«Из грязи, да посажен в князи»*, *«Гряды пахал, да в воеводы попал»*. Социальный взлёт осмысляется как редкое исключение, подтверждающее незыблемость общего правила.

Анализ этого раздела подтверждает наблюдения Ю.В. Вайрах, которая выделяет в макроконцепте «род» три мотивирующих признака: наследственность, природу человека и социальную характеристику [2:678].

Переходя от абстрактного «рода» к повседневным взаимодействиям, анализ **раздела «Семья – Родня»** раскрывает русскую модель семьи как пространство напряжённого взаимодействия идеала и практики. Как подчёркивают исследователи, вести полноценное хозяйство в патриархальной России можно было только сообща, поэтому так важно было, чтобы в доме царили мир и согласие [3:445].

Идеал «лада» предстаёт как высшая ценность, суть которой конкретизируется в пословицах, связывающих его с советом и любовью: *«Советно жить – время коротать»*, *«Любовь да совет – так и нуждочки нет»*, *«На что и клад, коли в семье лад»*, *«Где мир да лад, там и Божья благодать»*.

Однако рядом с этим идеалом паремии фиксируют и многочисленные отклонения от него. На одном полюсе – конкретные ролевые конфликты: *«Свекор – гроза, а свекровь выест глаза»*, *«Золовки-колотовки, побей головки»*. На другом – более общее ощущение дискомфортной близости: *«Чужих нет, а своих мало»*, *«Чужие не идут, а свои не поддаются»*. Прагматизм и горький опыт выражены в афоризмах *«Родных много, а пообедать не у кого»*, *«Родня до полдня, а пообедать негде»*.

Таким образом, семья в русской паремиологии – это динамическое поле, где ценность «лада» постоянно проверяется опытом бытовых сложностей и конфликтов.

Анализ **раздела «Жених – Невеста»** раскрывает прагматическое восприятие брака как важнейшего социально-экономического акта. Русская паремиология представляет создание семьи не как эмоциональный союз, а как институциональное и хозяйственное предприятие.

В народной картине мира брак осмысляется, с одной стороны, как нормативная необходимость (*«Не женат – не человек»*, *«Холостой – полчеловека»*), а с другой – как ответственный и необратимый шаг: *«Жениться – не лапоть надеть»*, *«Жена не лапоть: с ноги не сбросишь»*, *«Женитьба есть, а разженитьбы нет»*. Отсюда – горькие констатации последствий поспешности: *«Женился скоро, да на долгое горе»*, *«Скорая женитьба – видимый рок»*.

Паремии предписывают оценивать не внешность или личные чувства, а общественную репутацию и происхождение: *«Жену выбирай не глазами, а ушами»*, *«Выбирай корову по рогам, а девку по родам»*. Эта знаковая параллель с выбором рабочего скота обнажает суть подхода: невеста оценивается как будущая функциональная единица семейного хозяйства.

Материальная основа брака-договора откровенно признаётся: *«Денежки на стол, и девушку за стол»*. Приданое выступает как важный фактор социального веса невесты: *«Бесприданница – безответница»*, но при этом *«Не жить приданым, а жить богоданным»*. Сам процесс сватовства описывается терминами, сходными с куплей-продажей: *«Просватанная, что проданная»*.

Раздел «Муж – Жена» представляет собой сложный дискурс, в котором нормативная модель сосуществует с описанием реальной практики. Русская паремиология задаёт нормативную иерархию в браке чётко и образно, однако сама же демонстрирует, насколько эта модель далека от однозначности.

С одной стороны, муж определяется как глава и опора: *«Муж – голова, жена – душа»*, *«Муж в дому, что глава на церкви»*. Его роль кормильца противопоставлена внутренней, хозяйственной роли жены: *«От хозяина чтоб пахло ветром, от хозяйки дымом»*. Эта иерархия поддерживается суровыми предписаниями: *«Бабе спустишь – сам баба будешь»*, *«Не петь куре петухом, не владеть бабе мужиком»*.

Однако народная мудрость откровенно признаёт фактическое влияние жены: *«Худое дело, коли жена не велела»*, *«Чего жена не любит, того мужу век не едать»*. Паремии фиксируют гендерное распределение инструментов влияния в конфликте: *«Муж кочадыком, баба языком»*. Эта метафора чётко разграничивает сферы влияния: мужское воздействие видится как грубое и предметное, женское – как постоянное вербальное воздействие. Сила женского влияния подчёркивается и в других формулировках: *«Жена мужа не бьет, а под свой нрав ведет»*, *«У нее муж по ниточке ходит»*.

Паремии подробно фиксируют широкий спектр супружеских проблем. Здесь представлены побои как обыденный элемент семейной жизни: *«Кого люблю, того и бью»*, *«Чем больше жену бьешь, тем щи вкуснее»*. М. Горький, хорошо знавший деревенскую жизнь, утверждал, что «нигде не бьют женщин так безжалостно и страшно, как в русской деревне», и именно с этим фактом связывал существование самих «пословиц-советов», которые были не просто отражением жестокости, но и механизмом её воспроизводства [4:2].

Наряду с этим встречаются пословицы, фиксирующие негативные последствия побоев для самого мужа: *«Бил жену денечек, сам плакал годочек»*, *«Муж грызет на свой на хребет»*. Особо выделяется образ «злой жены», которая наделяется почти демоническими чертами: *«Злая жена – та же змея»*, *«Всех злыдней злее жена злая»*, *«От злой жены одна смерть спасает да пострижение»*.

Несмотря на описанные конфликты, ключевым оказывается мотив глубокой практической и эмоциональной связи. Наиболее глубоко суть этого союза раскрывает бытовая метафора: *«Муж с женой, что мука с водой (сболтать сболтаешь, а разболтать не разболтаешь)»*. Этот образ нерасторжимого единства резюмируется в афоризме *«Муж с женой – одна сатана»* и подтверждается житейским наблюдением *«Муж с женой бранится, да под одну шубу ложится»*. Как отмечает В.В. Колесов, такая неразрывность держится на взаимодополняющих усилиях супругов и глубоко укоренена в русской ментальности, для которой характерно приоритет нравственности над правом, «сердечность», стремление к солидарности [8:70].

Все пословицы, так или иначе касающиеся любви, Даль поместил в отдельный **раздел «Любовь – Нелюбовь».** Обращение к содержанию этого раздела обнаруживает его внутреннюю неоднородность. В нём сосуществуют, по крайней мере, две группы пословиц.

Первая группа рисует любовь как гармонию, согласие, божественный дар: *«Где любовь, там и совет»*, *«Совет да любовь, на этом свет стоит»*, *«Где любовь, там и бог»*, *«Равные обычаи – крепкая любовь»*. Вторая группа представляет любовь как стихийную, иррациональную силу, неподвластную человеку, приносящую не только радость, но и страдание: *«Любовь зла, полюбит и козла»*, *«Любовь слепа»*, *«Любовь не пожар, а загорится – не потушишь»*, *«Где любовь, там и напасть»*.

В.В. Колесов отмечал, что в народных говорах слово «любовь» сохраняло множество значений, далёких от романтической страсти: это и «охота», и «желание», и даже «аппетит»; производное «любехонько» означало «согласно, со взаимным пониманием» [8:106]. Именно эта многозначность объясняет, почему в паремиологической системе любовь не сводилась исключительно к семейно-брачной сфере. В рамках концепта «семья» эта многозначность оборачивается чётким функциональным разделением: любовь-согласие составляет эмоциональную основу «лада», тогда как любовь-страсть осмысляется как иррациональная и опасная сила, способная этот институт подорвать.

Анализ **раздела «Дети – Родины»** раскрывает концепт семьи как живой цикл продолжения рода, наполненный противоречивым единством радости, труда и эмоциональной связи. Рождение детей осмысляется как безусловное благо: *«Дети – благодать Божья»*, а их многочисленность – как естественный ход вещей (*«Сталась двоечка, так будет и троечка»*).

Однако за этим нормативным представлением стоит более сложный опыт, зафиксированный в парадоксальных формулах: *«С ними горе, а без них вдвое»*, *«Детки – радость, детки ж и горе»*. Как

отмечает А.В. Леднева, «такое двойственное отношение к детям было связано с суровостью жизненных условий того времени» [9:155].

Сквозь эти трудности неизменно проступает безусловная родительская любовь: *«Свое дитя и горбато, да мило»*, *«Свой дурак дороже чужого умника»*. Наиболее полное воплощение родительская любовь обретает в образе матери: *«При солнце тепло, а при матери добро»*, *«Нет такого дружка, как родная матушка»*. Утрата матери становится конечной катастрофой: *«Без отца – полсироты, без матери и вся сирота»*. Как отмечает Л.Н. Пушкарев, мать занимает особое место в русских пословицах: она вынесена за пределы отношений мужчины и женщины, стоит над ними, является символом жизни вообще; на неё никогда не переносятся отрицательные оценки, в отличие от жены [13: 33].

Любовь требует деятельного воплощения в воспитании: *«Умел дитя родить, умей и научить»*, *«Не вскормивши малого, не видать и старого»*. Патриархальная традиция оправдывала телесные наказания: *«Розгой в могилу ребенка не вгонишь, а калачом не выманишь»*, *«Наказуй детей в юности, успокоят тя на старости»*. От детей ожидается почитание: *«Живы родители – почитай, померли – поминай!»*, *«Кто родителей почитает, тот вовеки не погибает»*, *«На свете всё найдёшь, кроме отца да матери»*.

Обращение к разделам **«Свое – Чужое», «Друг – Недруг», «Сознание – Улика»** раскрывает универсальный критерий оценки социальных связей. В пословицах раздела «Свое – Чужое» чужое последовательно наделяется негативными коннотациями: *«Чужая шкура не болит»*, *«Чужая беда – смех»*, *«Чужая душа – потемки»*.

Та же установка (*«Всяк сам себе ближе»*) проявляется и во внутренней организации семейных отношений. С одной стороны, *«Свой своему поневоле друг»*, *«Свой своему лежа помогает»* – кровное родство предполагает взаимовыручку. С другой стороны, *«Вся семья своя, да всяк любит себя»* – естественный человеческий эгоцентризм не отменяется даже внутри семьи.

Однако в паремиологической картине мира существует и иной тип близости. Пословицы раздела «Друг – Недруг» утверждают приоритет дружеских уз: *«Доброе братство милее богатства»*, *«Друг денег дороже»*, *«Кто друг прямой, тот брат родной»*. Тем самым понятие «братства» расширяется за пределы кровно-родственного круга.

Кульминацией этой логики становится пословица из раздела «Сознание – Улика»: *«Близкий сосед лучше дальней родни»*. Та же мысль варьируется: *«Без брата проживу, а без соседа не проживу»*, *«Жить в соседах – быть в беседах»*. Как показывает В.В. Колесов, в древнерусском языке понятия «ближний» и «близкий» прошли сложную эволюцию: от обозначения исключительно кровного родича в X веке до возможности считать «близким» не только того, кто связан кровью, но и того, кто стал своим через повседневное общение [7:9-10].

Таким образом, в русской паремиологии понятие «свой» лишено абсолютности и отличается высокой ситуативной гибкостью. Кровное родство осознаётся как фундаментальная данность, однако его практическая значимость постоянно проверяется – как внутренним напряжением между родовым долгом и личным интересом, так и в неявной конкуренции с иными формами близости – дружеской и территориальной.

Заключение

Проведённый анализ позволяет реконструировать целостную паремиологическую модель семьи в русской языковой картине мира. Эта модель строится на постоянной диалектике нормативного идеала и житейской практики. Идеал «лада» – гармонии, основанной на совете и взаимном уважении – составляет ценностное ядро, однако в реальности он неизменно сталкивается с конфликтами, иерархией и драматизмом отношений.

Фундаментальным принципом модели выступает кровная детерминированность («порода»), которая предопределяет социальные рамки семьи и формирует восприятие брака как хозяйственного договора, а не эмоционального союза. При этом любовь в паремиологии представлена двумя проявлениями: любовь-согласие (основа «лада») и любовь-страсть (стихийная, иррациональная сила). Эти две формы сосуществуют в паремиологическом фонде, однако именно любовь-согласие составляет ценностное ядро семьи.

Временное измерение и кульминацию внутренних противоречий модель обретает в отношениях родителей и детей, где ценность продолжения рода сосуществует с конфликтом поколений и асимметрией чувств. Мать занимает исключительное положение как непререкаемый символ защиты и жизни.

Прагматическим механизмом, позволяющим этой системе функционировать в повседневности, становится гибкое понятие «свой». Оно определяется не только кровным родством, но и

действительной близостью, взаимопомощью, совместным бытом. Именно поэтому сосед оказывается «ближе» дальней родни, а подлинная дружба приравнивается к родству.

Таким образом, русская паремиология рисует образ семьи как устойчивого, но внутренне конфликтного института, где переплетаются долг и чувство, предопределение и воля, кровное родство и избранная близость.

Литература:

1. Бредис М. А. Пословица в современной лингвистике: определение, статус, функционирование [Электронный ресурс] / Вестник Московского университета. Серия 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация № 3, 2019г. – с. 34–43. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/poslovitsa-v-sovremennoy-lingvistike-opredelenie-status-funktsionirovanie (дата обращения: 13.02.2026).
2. Вайрах Ю. В. Образно-метафорический слой макроконцепта род (на материале паремий тематической группы род – племя) [Электронный ресурс] / Вестник Кемеровского государственного университета Т. 24, № 6, 2022г. – с. 678–685. – URL: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-6-678-685 (дата обращения: 15.02.2026).
3. Гасанова Г. А. Паремиологические средства выражения концепта «семья» в русской языковой картине мира [Электронный ресурс] / Мир науки, культуры, образования № 3 (76), 2019г. – с. 445–447. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/paremiologicheskie-sredstva-vyrazheniya-kontsepta-semya-v-russkoy-yazykovoy-kartine-mira (дата обращения: 14.02.2026).
4. Горький М. О русском крестьянстве / Берлин: Издательство И. П. Ладыжникова, 1922г. – 4 с.
5. Даль В. И. Пословицы русского народа [Электронный ресурс] – URL: https://azbyka.ru/fiction/wp-content/uploads/bg_forreaders/poslovicy-russkogo-naroda_17945.pdf (дата обращения: 11.02.2026).
6. Иконникова С. Н. Ментальность и национальный характер: коммуникативные проблемы и возможности [Электронный ресурс] / Лихачёвские чтения, 2015г. – с. 317–319. – URL: https://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2015_Sbornik/2015_Dokladi/2015_sec2_010.pdf (дата обращения: 11.02.2026).
7. Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека / В. В. Колесов. – СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2000г. – 70 с.
8. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте / СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006г. – 184 с.
9. Леднева А. В. Концепт «ребенок» в пословичном фонде (на материале русских и немецких пословиц и поговорок) [Электронный ресурс] / Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение № 3, 2011г. –. с. 153–158. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-rebenok-v-poslovichnom-fonde-na-materiale-russkih-i-nemetskih-poslovits-i-pogovorok (дата обращения: 18.02.2026).
10. Максудов У. О. Арабские пословицы и поговорки: возникновение и развитие паремиологических словарей в арабской литературе [Электронный ресурс] / Вестник Санкт-Петербургского университета Серия 13 Вып. 1, 2012г. – с. 102–109. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/arabskie-poslovitsy-i-pogovorki-vozniknovenie-i-razvitie-paremiologicheskih-slovarey-v-arabskoy-literature (дата обращения: 11.02.2026).
11. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / М.: Издательский центр «Академия», 2001г. – 208 с.
12. Омри А. Использование паремий о семье в процессе преподавания арабского языка [Электронный ресурс] / Минбар. Исламские исследования Т. 6, № 1, 2013г. – с. 106–111. – URL: https://www.minbar.su/jour/article/viewFile/281/282 (дата обращения: 14.02.2026).
13. Пушкарев Л. Н. Гендерные отношения по русским рукописным пословицам рубежа XVII–XVIII вв. [Электронный ресурс] / Женщина в российском обществе № 1, 2014г. – с. 21–33. – URL: https://womaninrussiansociety.ru/article/pushkarev-l-n-gendernye-otnosheniya-po-russkim-rukopisnym-poslovicam-rubezha-xvii-xviii-vv-str-21-33 (дата обращения: 16.02.2026).
14. Сиями Эйдлак Х. Вербализация концепта «семья» в русской и иранской языковых картинах мира (на материале пословиц) / Гуманитарный вектор Т. 17 № 1, 2022г. – с. 75–85.

© Ситдикова А.Ф., 2026

УДК 81'1

Солдатова Л.П.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Хуснетдинова Р.Я,.***
канд. филол. наук, доцент
г.Уфа, Россия

ФОРМУЛЫ ПРИВЕТСТВИЯ И ПРОЩАНИЯ В БАШКИРСКОМ И ЯКУТСКОМ ЯЗЫКАХ

Речевой этикет – это система устойчивых выражений и формул, используемых в общении для выражения вежливости, уважения, благодарности, извинения и других социальных отношений. В башкирском и якутском языках, как и у других тюркских и тунгусо-маньчжурских народов, речевой этикет занимает особое место, отражая национальные традиции, семейные ценности и коллективистские устои.

В башкирском языке речевой этикет проявляется в приветствиях, прощаниях, благодарностях и обращениях. Наиболее распространённые формулы:

Приветствие:

Һаумыһығыҙ! – Здравствуйте!

Хәйерле иртә! – Доброе утро!

Хәйерле көн! – Добрый день!

Хәйерле кис! – Добрый вечер!

Примечательно, что традиционное башкирское приветствие «Һаумы(һығыҙ)!», «Иҫәнме(һегеҙ)» буквально переводится как «Вы живы?» или «Вы в здравии?», где корень «һау-» связан с понятием здоровья, благополучия. Это выражение подчёркивает заботу о состоянии собеседника и выполняет не только информативную, но и социально-поддерживающую функцию [2].

Форма «һаумыһығыҙ» с постпозитивным аффиксом вызывает вопросы с точки зрения грамматической структуры современного башкирского языка. В данном языке вопросительный аффикс (-мы/-ме) традиционно располагается после основы слова и предшествует другим аффиксам, как, например, в формах «иҫәнһегеҙме?» или «шәпһегеҙме?». Если бы эта структура соответствовала грамматическим нормам, она должна была бы выглядеть как «һауһығыҙмы». Эта особенность может указывать на влияние других языковых систем, в частности, на параллели с формами приветствия в других тюркских языках, таких как казахский («Сәлеметсізбе?») и турецкий («Sağmısınız?»). Таким образом, «һаумыһығыҙ» может рассматриваться как результат взаимодействия внутренней языковой традиции и внешних влияний, что подчеркивает динамичность языкового развития и его способность к адаптации [3].

В современном башкирском языке чаще всего используется формула «сәләм» как стилистически нейтральная форма дружеского, неформального или полуофициального приветствия. Однако исторически «сәләм» имело более широкий спектр употребления – это было универсальное слово приветствия, особенно распространённое в религиозной среде, где и поныне сохраняет свои обрядовые и этикетные функции. Отсюда и выражение «сәләм биреү» – «приветствовать», дословно «давать привет, приветствовать» [1].

Прощание:

Һау булығыҙ! – До свидания! (досл. Будьте в здравии! Будьте здоровы!).

Тыныс йоҡо! – Спокойной ночи!

Обращения к старшим всегда сопровождаются уважительными формами, а в семье и среди близких используются более тёплые и ласковые выражения.

В якутском языке речевой этикет также насыщен формулами, отражающими уважение к собеседнику и традиционное мировоззрение:

Приветствие:

Дороообо! – Здравствуйте!

Это приветствие – фонетизированное заимствованное из русского языка слово *дороообо* – *здорово*, в значении *здравствуй*.

Үтүө сарсыарда! – Доброе утро!

Үтүө күн! – Добрый день!

Үтүө киэһэ! – Добрый вечер!

Бирибиэт! – Привет!

Интересно то, что *Бирибиэт!* – это простое, ходовое и повседневное и наиболее употребительное выражение. Якутский вариант – от русского *Привет!* Русский язык вошел прочно в повседневный обиход якутов, и молодые, и среднего возраста люди предпочитают приветствовать друг друга коротким и понятным всем словом привет. Но с людьми старшего поколения такое приветствие неуместно и будет звучать фамильярно. Старших приветствуют более официальным *Дороообо!*, которое вошло в якутскую речь, как уже сказали выше, от русского слова *Здорово!* в качестве приветствия. *Бирибиэт!* используется только в общении с хорошо знакомыми людьми [4].

Прощание:

Көрсүөххэ диэри! – До свидания! До встречи!

Быраһаай – Прощай!

Чэ, пока! – Ну, пока! (разговорное).

Основным, наиболее частотным, нейтрально-вежливым способом выражения ритуала прощания в якутском языке является заимствованное из русского языка слово *быраһаай – прощай*. Также широко применяются заимствованное из русского языка слово *Пока!* [4].

В якутской культуре особое значение придаётся уважению к старшим, что отражается в выборе формул и интонации речи.

Оба языка используют схожие структуры приветствий и прощаний, однако различаются лексически и интонационно. В башкирском языке больше тюркских заимствований, а в якутском – элементов, связанных с традиционным укладом жизни. В обоих языках речевой этикет тесно связан с семейными и общинными ценностями, а вежливость считается обязательным качеством воспитанного человека.

Как мы видим, в традиционном речевом этикете башкир и якутов существуют специфические формы приветствия, употребляемые в зависимости от времени суток. В башкирском языке наиболее распространённой формой приветствия утром является *Хәйерле иртә!, Хәйерле иртә менән! (Доброе утро! С добрым утром!)*, где *иртә* означает *утро*, а *хәйерле* – доброе. В течение дня используется *Хәйерле көн!* (Добрый день) – универсальное пожелание, подходящее и для формального, и для неформального общения. Вечером уместно сказать *Хәйерле кис! – Добрый вечер!*.

Так же и в якутском языке. Үтүө *сарсыарда!* является формой приветствия утром, *(Доброе утро!),* где *сарсыарда* означает *утро*, *үтүө – доброе*). В течение дня используется *Үтүө күн! (Добрый день) – күн* означает *день,* это пожелание подходит и для формального, и для неформального пожелания. *Үтүө киэһэ! (Добрый вечер!)* употребляется вечером, *киэһэ* – это *вечер*.

Формулы речевого этикета в башкирском и якутском языках отражают богатство национальной культуры, уважение к человеку и традициям. Изучение этих формул помогает глубже понять менталитет и социальные нормы народов Башкортостана и Якутии.

Литература:

1. Ғәлиева Д.Р. Башҡорт телмәр этикетында сәләмләү, һаубуллашыу һүҙҙәре. В сборнике: Актуальные проблемы современной филологии, востоковедения и журналистики. Материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых. – Уфа, 2021. – С. 123-126.

2. Зайнуллина Я.И., Хуснетдинова Р.Я. Формулы приветствия и прощания башкирского и алтайского языков. В сборнике: Тюркские языки в Евразийском полиэтническом пространстве: современное состояние, тенденции и перспективы развития. Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора, академика Академии наук РБ, Почётного работника высшего профессионального образования РФ М.В. Зайнуллина. – Уфа, 2025. – С. 71-75.

3. Зайнуллина Я.И. Формулы приветствия и прощания в речевом этикете башкирского и алтайского языков. В сборнике: Культурно-историческое наследие тюркских народов России: алтайские языки, история, культура. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Горно-Алтайск, 2025. – С. 71-77.

4. Прокопьева Л.В., Поисеева Н.В. Некоторые особенности якутского (саха), русского и английского речевых этикетов // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. – 2017. – № 39. – С. 194-199

5. Сынбулатова А.Ю. Башкирский речевой этикет: семантика и средства выражения: на материале произведений З. Биишевой: дисс. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2011. – 171 с.

6. Федорова В.С. Формулы якутского речевого этикета: дисс. ... канд. филол. наук. – Якутск, 2003. – 188 с.

© Солдатова Л.П., 2026

УДК 070

Стамати А.О.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Алиева С.А.,***
канд.филол.наук,доцент УУНиТ
г. Уфа, Россия,

МЕХАНИЗМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МЕДИАСФЕРЫ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

В условиях стремительных социальных трансформаций и глобализации вопросы функционирования медиасферы приобретают особую значимость. Информационные процессы становятся определяющим фактором развития всех сфер общественной жизни, что требует переосмысления роли и структуры медиасреды. Республика Башкортостан, обладая уникальной этнокультурной спецификой и развитой системой средств массовой информации, представляет особый интерес для исследования. Изучение механизмов функционирования и тенденций развития медиасферы региона позволяет выявить как общие закономерности, так и национальные особенности, а также определить перспективы адаптации к современным вызовам.

Актуальность исследования обусловлена усилением влияния информационных потоков на общественное сознание и социальные процессы, необходимостью анализа региональных особенностей медиасферы в условиях глобализации, а также важностью институционального подхода для понимания национальных характеристик СМИ Башкортостана. В современных условиях возрастает потребность в разработке рекомендаций по устойчивому развитию медиасреды региона, что определяет теоретическую и практическую значимость работы.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ механизмов функционирования и тенденций развития медиасферы Республики Башкортостан, включающий организационно-институциональные, технологические и содержательные аспекты. Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие задачи:

- определить институциональные аспекты медиасферы региона;
- проанализировать особенности социально-политического контекста развития СМИ Башкортостана;
- выявить характерные черты современного медиаландшафта республики в условиях развития новых информационных технологий;
- охарактеризовать основные институты медиасферы;
- проанализировать механизмы функционирования медиасистемы Башкортостана в условиях глобализации и информатизации общества.

Материалы и методы исследования

Эмпирическую базу исследования составили законы и иные нормативные правовые акты Российской Федерации и Республики Башкортостан, регулирующие деятельность средств массовой информации, уставные и правовые документы СМИ и новых медиа, а также статистические отчёты профессиональных журналистских организаций и объединений. В качестве объекта контент-анализа были выбраны ведущие региональные СМИ: газеты «Республика Башкортостан» (на русском языке), «Башҡортостан» (на башкирском языке), «Кызыл таң» (на татарском языке), телеканалы ВГТРК, БСТ, UTV, Вся Уфа, радиостанции «Спутник ФМ», «Юлдаш», «Ашкадар», информационное агентство ИА «Башинформ» и интернет-медиа РБК-Уфа.

Методологический инструментарий включал анализ нормативных документов, контент-анализ медийных материалов, проведение экспертных интервью с представителями отрасли и органов власти, а также применение количественных и качественных методов оценки аудиторных показателей.

Результаты и анализ

Медиасфера Республики Башкортостан представляет собой сложную, многоуровневую систему, включающую государственные, коммерческие, общественные и этнические институты. Ключевую роль играют государственные структуры, определяющие стратегические направления развития отрасли через систему правового регулирования, финансирования и организационной поддержки. В то же время наблюдается тенденция к интеграции новых медиа, что расширяет спектр акторов и усложняет институциональный ландшафт.

Развитие СМИ Башкортостана происходит в условиях высокой этнокультурной гетерогенности и активной региональной идентичности. Политическая система республики характеризуется стремлением к балансу между сохранением национального многообразия и обеспечением единства информационного пространства. Это находит отражение в функционировании СМИ на русском, башкирском и татарском языках, а также в поддержке этнических редакций.

В последние годы отмечается устойчивый рост доли цифровых платформ: интернет-издания, социальные сети и мобильные приложения становятся основными каналами получения информации для значительной части аудитории. Происходит конвергенция традиционных и новых медиа, что требует от редакций адаптации бизнес-моделей, внедрения интерактивных форматов и персонализации контента.

Структура медиасферы Башкортостана характеризуется доминированием государственных и аффилированных с властью ресурсов, что обеспечивает распространение официальной позиции и поддержание политической стабильности. Вместе с тем сохраняется сегмент независимых и этнических СМИ, выполняющих важную функцию сохранения культурного наследия и формирования локальной повестки.

Примеры из региональных СМИ

В структуре медиасферы региона представлены как традиционные, так и новые медиа. Среди печатных изданий ключевую роль играют газеты «Республика Башкортостан» (на русском языке), «Башҡортостан» (на башкирском языке) и «Кызыл таң» (на татарском языке), которые продолжают оставаться важными источниками информации для различных этнических групп, способствуя сохранению языка и культуры.

Телевизионный сегмент представлен такими каналами, как БСТ, UTV, Вся Уфа, которые активно развивают цифровые платформы, транслируют программы на национальных языках и освещают региональные события. Радиоэфир формируют радиостанции «Юлдаш» и «Ашкадар» (на башкирском языке), а также «Спутник ФМ» (на русском языке), входящие в структуру АО ТРК и обеспечивающие широкий охват аудитории, в том числе в сельской местности.

Информационное агентство ИА «Башинформ» выступает ключевым агрегатором новостей региона, а интернет-медиа РБК-Уфа демонстрирует рост аудитории за счёт оперативности и интерактивности. Таким образом, медиаландшафт Башкортостана сочетает в себе как традиционные форматы, так и современные цифровые решения.

Глобализационные процессы оказывают двойственное влияние на медиасферу региона. С одной стороны, они способствуют внедрению передовых технологий, расширению информационного обмена и повышению стандартов журналистики. С другой – усиливают конкуренцию за аудиторию, что приводит к необходимости поиска новых форматов взаимодействия с потребителями информации.

Проблемы и вызовы

К числу ключевых проблем относятся недостаточная институциональная независимость ряда СМИ от властных структур и бизнес-элит, кадровый дефицит, ограниченная конкуренция на рынке медиа, а также экономические трудности традиционных СМИ, связанные с сокращением рекламных доходов.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что медиасфера Республики Башкортостан находится на этапе глубокой трансформации, обусловленной совокупностью внутренних и внешних факторов. С одной стороны, регион демонстрирует устойчивое развитие традиционных и новых медиа, что проявляется в сохранении этнического многообразия информационного пространства, активном внедрении цифровых технологий и расширении каналов коммуникации. В структуре медиасферы Башкортостана представлены как государственные и аффилированные с властью ресурсы, так и независимые и этнические СМИ, что обеспечивает баланс между официальной позицией и локальной повесткой.

В числе ключевых тенденций выделяется усиление роли цифровых платформ и конвергенция различных типов медиа, что приводит к изменению моделей потребления информации и требует от редакций адаптации к новым форматам взаимодействия с аудиторией. Современные пользователи ожидают интерактивности и персонализации контента, что стимулирует развитие интернет-изданий, социальных сетей и мобильных приложений. При этом сохраняется значимость традиционных СМИ: печатные газеты «Республика Башкортостан», «Башҡортостан», «Кызыл таң», телеканалы БСТ, UTV, Вся Уфа, радиостанции «Юлдаш» и «Ашкадар», а также информационное агентство «Башинформ» продолжают играть важную роль в формировании общественного мнения.

Однако исследование выявило ряд проблем, сдерживающих эффективное развитие медиасферы. К их числу относятся недостаточная институциональная независимость ряда СМИ от властных структур и бизнес-элит, кадровый дефицит в отрасли, экономические трудности традиционных изданий на фоне сокращения рекламных доходов, а также ограниченная конкуренция на рынке массовой информации. Эти факторы могут приводить к снижению доверия аудитории, однобокому освещению событий и ограничению плюрализма мнений.

В заключение необходимо подчеркнуть: для обеспечения устойчивого развития медиасферы Республики Башкортостан требуется разработка комплексной стратегии, учитывающей интересы всех участников процесса – государства, бизнес-сообщества, профессиональных журналистских объединений и гражданского общества. Такой подход должен быть направлен на поддержку профессиональной журналистики, развитие независимых медиа, внедрение современных технологий и создание условий для экономической устойчивости отрасли. Только при условии баланса между стабильностью информационной среды и свободой слова возможно формирование качественного и ответственного информационного пространства, способного адекватно реагировать на вызовы времени и удовлетворять информационные потребности многонационального населения региона.

Литература

1. Недомеркова В. А. Административно-правовое регулирование в сфере СМИ в современных условиях // Epomen. Global. – 2024. – № 52. – С. 93–100.
2. Функционирование этнических СМИ в структуре медиасистемы полиэтнического региона России: монография.
3. СМИ Республики Башкортостан: количественный и качественный анализ // CyberLeninka.
4. Интернет-СМИ Башкортостана: современное состояние и тенденции развития // elibrary.ru.
5. СМИ Республики Башкортостан в условиях конвергенции // CyberLeninka.
6. Роль печатных изданий в этнической идентификации этносов Республики Башкортостан // CyberLeninka.
7. Государственная программа «Развитие средств массовой коммуникации Республики Башкортостан» (2023).
8. Конституция Российской Федерации. Статья 29 (2026).
9. Регистрация СМИ (2026). Официальный сайт Роскомнадзора по РБ.
10. Медиасфера Башкирии трансформируется и принимает беспрецедентные вызовы (2023) // I-gazeta.com.

© Стамати А.О., 2026

УДК 070

Старостина В.В.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Имангулова А.Р.,***
ассистент УУНиТ
г. Уфа, Россия

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ И КРИЗИС ТРАДИЦИОННОГО КНИГОИЗДАНИЯ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ВЕКТОРЫ АДАПТАЦИИ

Современная система медиакоммуникаций в Российской Федерации переживает этап фундаментальной структурной перестройки, сопоставимый по масштабу последствий с изобретением книгопечатания. Издательская деятельность, традиционно рассматриваемая как базис информационной культуры и фундамент качественной журналистики, в период 2024-2026 гг. демонстрирует черты системного кризиса, усугубленного технологической экспансией, радикальным изменением потребительского поведения и беспрецедентным ужесточением регуляторной политики. Если ранее ядром отрасли являлись крупные типографские холдинги и линейная дистрибуция через сеть специализированных магазинов, то сегодня ключевыми акторами становятся алгоритмические платформы маркетплейсов и независимые авторы самиздата, а сама книга все чаще воспринимается не как артефакт культуры, а как единица контента в бесконечной ленте цифрового потребления.

Актуальность темы обусловлена тем, что процессы, происходящие в книгоиздании, напрямую коррелируют с кризисными явлениями в традиционной журналистике: падением тиражей печатных СМИ, миграцией аудитории в цифровую среду и размыванием профессиональных стандартов. Цель настоящего исследования – комплексный анализ трансформационных процессов в российском книгоиздании как важнейшем сегменте медиаиндустрии, выявление проблемных узлов, влияющих на контентную политику, а также прогнозирование векторов дальнейшей адаптации журналистского сообщества к новым реалиям.

Одним из наиболее рельефных структурных сдвигов, определяющих облик современного медиарынка, является доминирование маркетплейсов в структуре книгораспространения. Согласно отраслевой статистике, по итогам 2025 года доля онлайн-платформ (Ozon, Wildberries, «Яндекс Маркет», «Мегамаркет») в продажах печатных книг впервые в истории превысила психологическую отметку в 50%, достигнув 57,8% от общего объема рынка в денежном выражении [1]. Совокупный объем рынка номинально вырос до 130-135 млрд рублей, однако этот прирост был полностью нивелирован инфляционными процессами и снижением физических продаж в экземплярах: реализация бумажных книг сократилась до 226 млн штук, что на 3% ниже показателей предыдущего года [1].

Для журналистики и смежных отраслей данный тренд означает не просто смену канала продаж, а коренное изменение модели потребления информации и экономики ее производства. Маркетплейсы, работающие по принципу аукциона и алгоритмического ранжирования, вытесняют с рынка независимую розницу. За последние четыре года число специализированных книжных магазинов в стране сократилось более чем на четверть [1]. Уцелевшие независимые точки вынуждены трансформироваться в культурно-досуговые пространства («Буквоед», «Подписные издания», «Все свободны»), делая ставку на кофейни, лектории и продажу мерча, чтобы компенсировать убытки от прямой конкуренции с демпинговыми ценами и развитой логистикой маркетплейсов.

Следствием этого является существенное сужение ассортимента так называемой «сложной» или «медленной» литературы. Академические издания, монографии, сборники научных статей, региональная публицистика и литературные журналы, имеющие узкую целевую аудиторию, практически исчезают из публичного пространства, так как их реализация через маркетплейсы экономически неэффективна из-за высокой стоимости логистики и низкой оборачиваемости. Это напрямую сказывается на качестве информационного поля, сокращая источниковую базу для аналитической журналистики и способствуя дальнейшей примитивизации публичного дискурса.

Параллельно с изменением каналов сбыта происходит глубинная жанровая и технологическая перестройка самого медиатекста. Как отмечает исследователь А.В. Колесниченко, в цифровой среде наблюдается устойчивая динамика к сокращению объема публикаций и упрощению их структуры: по сравнению с 2017 годом на сайтах ведущих СМИ значительно выросла доля коротких новостных заметок при одновременном исчезновении классических аналитических и художественно-публицистических жанров, таких как очерк, фельетон или развернутый репортаж [2]. Эта тенденция находит прямое отражение в книжной индустрии, где наблюдается взрывной рост популярности самиздата.

Объем сегмента некоммерческих и коммерческих платформ (Litres Samizdat, Author.Today, Ridero, Boosty) в 2025 году приблизился к 8,6 млрд рублей, составив уже более 9% от общего объема книжного рынка страны [1]. Этот сегмент, тесно связанный с гражданской журналистикой и блогосферой, становится альтернативным каналом монетизации для авторов, минуя традиционные редакционные фильтры издательств. С одной стороны, самиздат демократизирует доступ к публикации и позволяет авторам напрямую взаимодействовать с аудиторией, получая оперативную обратную связь. С другой стороны, это ставит перед медиаисследователями вопрос о размывании границ профессионального стандарта качества текста и этической ответственности автора.

Самиздат способствует распространению «быстрого чтива» – контента, ориентированного на сиюминутные тренды социальных сетей и не прошедшего редакторскую и корректорскую обработку. Платформы самиздата становятся прямыми конкурентами традиционным СМИ в борьбе за время и внимание аудитории, предлагая контент, зачастую более оперативно и эмоционально реагирующий на информационные поводы, чем классическая пресса. Более того, в этой среде активно формируются новые субкультурные и политические идентичности, что требует от исследователей журналистики пристального внимания к данному феномену как к новой форме массовой коммуникации.

Технологическая и экономическая турбулентность усугубляется беспрецедентным регуляторным давлением на контент. Введение с 1 марта 2026 года ужесточенных требований к маркировке произведений, содержащих упоминания наркотических веществ (в рамках реализации государственной политики по противодействию незаконному обороту наркотиков), привело к волне самоцензуры на издательском рынке. По данным участников рынка, крупнейшая цифровая платформа «Литрес» была вынуждена снять с продажи около 4,5 тысяч наименований книг из-за опасений издательств и авторов попасть под санкции за несоответствие новым нормам [3].

Генеральный директор «Литрес» Сергей Анурьев констатировал, что в сложившихся правовых реалиях «маркировка контента использоваться не будет, а просто все книги, по которым будут подозрения у издательств и площадок, будут сняты» [3]. Аналогичные действия предпринимают и традиционные издательства, отказываясь от переиздания классики и современной прозы, где гипотетически можно усмотреть нарушение закона. Данная ситуация создает опасный прецедент ограничения доступа аудитории не только к маргинальной литературе, но и к признанным художественным произведениям. Фактически мы наблюдаем переход от правоприменения к превентивной блокировке контента, что формирует новую, более жесткую реальность для работы журналистов и редакторов.

Не менее остро стоит вопрос имплементации технологий искусственного интеллекта (ИИ) в редакционно-издательские процессы. С одной стороны, ИИ-инструменты активно используются для оптимизации тиражного планирования, анализа читательского спроса, автоматического реферирования и контент-экспертизы. Так, расходы издательства «Эксмо» на проверку рукописей на предмет соответствия законодательству и редакционным стандартам достигают 2-3 млрд рублей ежегодно, и автоматизация этого процесса выглядит экономически обоснованной [4]. С другой стороны, применение алгоритмов сопряжено с серьезными правовыми коллизиями и техническими сбоями, граничащими с курьезами. Как сообщил глава «Эксмо» Евгений Капьев, нейросеть, обученная для проверки текстов на соответствие законодательству, ошибочно заблокировала произведения писателя Дениса Драгунского из-за совпадения части фамилии с английским словом «drug» (от англ. наркотик) [4].

Этот инцидент высвечивает фундаментальную уязвимость гуманитарной экспертизы перед формальной логикой машинного обучения. В контексте журналистской деятельности это означает, что использование автоматических фильтров для модерации пользовательского контента или проверки статей на соответствие законодательству может привести к необоснованной блокировке материалов, нарушению авторских прав и ущемлению свободы слова. Данная ситуация требует от современных журналистов и редакторов развития новых компетенций в области цифровой гигиены, критического мышления и верификации ИИ-генерируемого контента.

Кроме того, отрасль сталкивается с вызовами, связанными с обучением генеративных нейросетей (LLM) на литературных произведениях без согласия правообладателей. Обсуждаемые в профессиональном сообществе и на уровне законодательных инициатив вопросы регулирования этой сферы создают риски обесценивания авторского труда в долгосрочной перспективе. По мнению представителей индустрии, легализация свободного использования текстов для обучения ИИ без выплаты вознаграждения авторам может нанести серьезный, возможно, невосполнимый удар по сегменту нехудожественной литературы, публицистики и аналитической журналистики, так как лишит авторов экономической мотивации к созданию сложного, ресурсоемкого контента [4].

Особую остроту перечисленные проблемы приобретают в региональном разрезе. Если в столичных агломерациях еще сохраняются островки традиционной книжной культуры и независимые медиа, то в большинстве субъектов Российской Федерации ситуация близка к катастрофической. Закрытие книжных магазинов в малых городах и районных центрах лишает местное население доступа к легальному контенту, что провоцирует рост цифрового пиратства.

По данным отраслевых ассоциаций, объем рынка нелегального распространения электронных и аудиокниг в России в 2025 году оценивался в десятки миллиардов рублей, что сопоставимо с объемом легального рынка. Для журналистики проблема пиратства оборачивается не только прямыми финансовыми потерями издательских домов, но и снижением мотивации к созданию качественного эксклюзивного контента, который мгновенно копируется и распространяется в пиратских Telegram-каналах и на торрент-трекерах. Это подрывает экономику расследовательской журналистики и авторской публицистики, делая их все менее рентабельными.

Таким образом, текущий этап развития издательской деятельности в России характеризуется противоречивым сочетанием количественного роста цифрового сегмента (самиздат, аудиокниги) и сжатия качественного ассортимента и исчезновения независимых каналов дистрибуции. Для

журналистского сообщества описанные процессы означают необходимость скорейшего поиска новых моделей взаимодействия с аудиторией в условиях платформенной экономики. Ключевыми задачами становятся: выработка этических и правовых механизмов защиты контента в эпоху алгоритмической цензуры и ИИ-генерации; освоение смежных форматов (подкастинг, нишевые платформы, самиздат) для сохранения профессиональной конкурентоспособности; а также формирование новой медиаграмотности у аудитории, способной различать качественный журналистский контент и поток неверифицированной информации из блогосферы.

Перспективы дальнейшего развития отрасли будут определяться способностью медиаменеджеров и государства найти баланс между технологической эффективностью, строгим правовым комплаенсом и сохранением культурного кода издаваемых текстов. Без целенаправленной государственной поддержки регионального книгораспространения и независимых СМИ, а также без выработки четких правовых норм в сфере ИИ, российская медиасистема рискует окончательно утратить функцию глубинного анализа и просвещения, превратившись в конвейер по производству развлекательного и лояльного контента.

Литература:

1. Книжный бизнес России: динамика и прогноз на 2026 год [Электронный ресурс] // ДЕЛОВОЙ ПРОФИЛЬ. – 2026. – 18 февр. – URL: https://delprof.ru/press-center/experts-pubs/knizhnyy-biznes-rossii-dinamika-i-prognoz-na-2026-god/ (дата обращения: 17.04.2026).
2. Колесниченко А.В. Динамика использования жанров журналистских текстов в СМИ [Электронный ресурс] // Вопросы теории и практики журналистики. – 2026. – Т. 15, № 1. – С. 39–53. – URL: https://jq.bgu.ru/reader/article.aspx?id=27800 (дата обращения: 17.04.2026).
3. «Литрес» снял с продажи 4500 книг из-за сомнений в необходимости маркировки [Электронный ресурс] // Эксперт. – 2026. – 7 апр. – URL: https://expert.ru/amp/news/litres-snyal-s-prodazhi-4500-knig-iz-za-somneniy-v-neobkhodimosti-markirovki/ (дата обращения: 17.04.2026).
4. Правообладатели отказываются править тексты книг из-за закона о пропаганде наркотиков [Электронный ресурс] // ФОНТАНКА.ру. – 2026. – 2 апр. – URL: https://www.fontanka.ru/2026/04/02/76345036/ (дата обращения: 17.04.2026).

© Старостина В.В., 2026

УДК 811.531

Степанкина Я.С.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Абдуллина Л.Б.,***
канд .филол.наук., доцент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

ВЛИЯНИЕ КОНФУЦИАНСКОЙ ЭТИКИ НА ЛИНГВИСТИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ И КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ КОРЕЙЦЕВ

Корейский язык и коммуникативное поведение современных корейцев сохраняют заметные следы конфуцианской этики, которая на протяжении многих веков формировала культурные основы общества. Конфуцианство влияло не только на систему ценностей, но и на языковую практику, закрепляя в речевом общении принципы социальной иерархии, уважения к старшим, коллективной ответственности и поддержания общественного порядка. Особенно это становится очевидным при анализе истории письменной традиции Кореи, структуры лексического состава и особенностей речевого этикета.

В течение длительного времени основой письменной культуры в Корее оставался классический китайский язык и система иероглифического письма. Это было обусловлено тем, что конфуцианская модель образования базировалась на изучении китайских классических текстов, а владение письменным китайским языком считалось необходимым для принадлежности к образованной элите и возможности занимать государственные должности. Следовательно, языковая культура развивалась в рамках конфуцианского мировоззрения, где грамотность воспринималась как показатель моральной и социальной зрелости. Даже после создания хангыль массовое использование корейской письменности развивалось медленно, поскольку китайская традиция по-прежнему считалась более престижной и соответствующей элитарному уровню образования. В результате современный корейский язык сохранил значительный пласт лексики китайского происхождения, который играет

важную роль в формировании интеллектуальной, научной, официальной и философской терминологии. Эти слова служат для обозначения абстрактных понятий, связанных с государством, моралью, обществом, правом и образованием. Хотя ханча сегодня не является обязательным элементом повседневного письма, иероглифы сохраняют значение в качестве культурного компонента и средства понимания книжной лексики, особенно в академической и официальной сферах.

Наиболее ярким проявлением конфуцианского влияния в языке является выражение социальной иерархии. Корейская речевая система устроена таким образом, что говорящий обязан учитывать возраст, статус и степень близости собеседника. В отличие от многих европейских языков, где выражения вежливости ограничиваются сравнительно небольшим числом форм, в корейском языке уважительность пронизывает всю структуру речи и является необходимым условием адекватного общения. Это делает корейский язык одним из наиболее характерных примеров «языка иерархии», где социальные связи системно и регулярно отражаются в лингвистических средствах.

Значительную роль играют лексические гоноративы – особые уважительные слова, которые заменяют нейтральные формы в зависимости от того, о ком или с кем ведется речь. Уважение здесь выражается не только с помощью грамматических окончаний, но и через выбор конкретной лексики. Использование таких слов тесно связано с конфуцианской нормой, согласно которой почтение к старшим и вышестоящим считается неотъемлемым элементом общественного порядка. Нарушение этих норм воспринимается не как стилистическая ошибка, а как коммуникативное нарушение, способное негативно сказаться на межличностных отношениях.

Также важным элементом языковой системы являются термины родства и способы обращения. Корейская система обозначений родственных связей отличается высокой степенью детализации, фиксируя различия по возрасту и полу, что непосредственно коррелирует с конфуцианской моделью семейных отношений. Особенностью является то, что эти термины активно используются не только в семейном контексте, но и при общении с посторонними. Обращения, подобные «старший брат» или «старшая сестра», применяются в отношении друзей, знакомых и коллег, если один из собеседников является старше другого. Такая практика свидетельствует о том, что социальные отношения в корейской культуре часто рассматриваются через призму семейной модели. Распространено также обращение к взрослым людям среднего возраста с использованием терминов типа *дядя* (아저씨) или *тетя* (아줌마), которые выполняют функцию интеграции в иерархическую структуру. Кроме того, в современной Корее широко применяется обращение по должности или профессиональному титулу. Вместо личных имен часто используются *учитель* (선생님), *профессор* (교수님), *директор* или *начальник* (이사/사장님), что подчеркивает важность социального статуса и профессиональной роли.

Избегание прямого упоминания имени в подобных контекстах связано с тем, что обращение по имени может восприниматься как излишне личное и недостаточно формальное, особенно при общении с лицами, обладающими старшим возрастом или высоким социальным статусом.

Система местоимений, в особенности употребление слова *ури* (우리 – наш) является важным культурно-языковым индикатором конфуцианской традиции. В корейском языке это слово используется в более широком значении, чем в русском или английском: часто встречаются выражения типа *наш дом* (우리 집), *наша школа* (우리 학교), *наша компания* (우리 회사), даже если речь идёт о личной собственности или индивидуальной принадлежности. Такая практика отражает коллективистское мышление, при котором личность понимается как неотъемлемая часть группы. Эта языковая особенность соответствует конфуцианской этике, где акцент делается на принадлежность к сообществу и выполнение обязательств перед коллективом.

Современное коммуникативное поведение корейцев также сохраняет сильное влияние конфуцианства. Одной из главных черт их коммуникации является стремление к поддержанию гармонии и избеганию конфликтных ситуаций. В речи нередко применяются смягчающие выражения, косвенные формы выражения несогласия или отказа, а также осторожные конструкции, направленные на то, чтобы не задеть собеседника и сохранить уважительный тон. Такая речевая практика отражает конфуцианское стремление поддерживать общественный порядок и уважать социальные связи. Вежливость выступает как механизм социальной регуляции, способствующий сохранению стабильности и предотвращению открытых противоречий.

Хотя глобализация и цифровизация изменили формы межличностного взаимодействия, базовые принципы речевого поведения остаются неизменными. В интернет-общении, социальных сетях и

мессенджерах корейцы активно используют сокращения, новые графические символы и неформальные выражения, однако при этом сохраняется общая тенденция к уважительному и сдержанному стилю. Требование учитывать статус и взаимоотношения между собеседниками сохраняется и в цифровой среде, что указывает на стойкость конфуцианского культурного кода в современной коммуникативной практике.

Таким образом, конфуцианская этика продолжает существовать в современной Корее не в виде формализованной идеологии, а как культурный и языковой механизм. Она проявляется в письменности, лексическом составе, системе обращений, грамматике вежливости и коммуникативных стратегиях. В этом контексте корейский язык составляет важнейшее звено для воспроизводства конфуцианских норм уважения, иерархии и коллективной идентичности на ежедневном уровне.

Литература:

1. Головкова Е.А. Становление конфуцианства как государственной идеологии в Корее // Казанский вестник молодых ученых. – 2020. – №2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-konfutsianstva-kak-gosudarstvennoy-ideologii-v-koree (дата обращения:18.04.26).

2. Довгер О.П., Евдокимова А.Ю. Культурный код как один из факторов формирования и развития языковой самоидентификации (на примере корейского языка) // Балтийский гуманитарный журнал. – 2021. – №3 (36). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnyy-kod-kak-odin-iz-faktorov-formirovaniya-i-razvitiya-yazykovoy-samoidentifikatsii-na-primere-koreyskogo-yazyka (дата обращения:18.04.26).

3. Кым Джантэ. Конфуцианство в Корее / Кым Джантэ; пер.: Ко Ен Чоль, Д.Е. Мартынов. – Казань: Издательство Казанского университета, 2022. – 182 с.

4. Сон Сомиа. Речевой этикет в корейском обществе. Восточный курьер /Oriental Courier. 2022. No. 3. С. 123–129. DOI: 10.18254/S268684310023723-3

5. Юдичева Е.Ю. Специфика вежливости в корейском языке и ее категории // Кореeведение в России: направление и развитие. 2022. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-vezhlivosti-v-koreyskom-yazyke-i-ee-kategorii (дата обращения:18.04.26).

© Степанкина Я.С.,2026

УДК 811.531

Стрельникова М.В.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Султанова З.А.,***
канд. филол. наук, ст. преподаватель УУНиТ,
г. Уфа, Россия

АНАЛИЗ СЛЕНГОВЫХ ВЫРАЖЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Сленг – неотъемлемая часть любого живого языка. Особенно активно он развивается в молодежной среде. В корейском языке этот процесс усилился под влиянием глобализации, цифровизации и массовой культуры.

Актуальность работы определяется динамичным развитием сленговых единиц и их широким внедрением в устную и онлайн-коммуникацию.

Цель данной статьи – исследовать источники и состав сленга современного корейского языка на материале фактических примеров.

Сленг является показателем принадлежности к определённой группе. Применяя конкретные речевые обороты, люди могут обозначить свою социальную или возрастную принадлежность. В современном корейском языке, к примеру, сленг играет важную роль в формировании социальной идентичности. Он не только указывает на принадлежность к определённому сообществу, но и прежде всего подчёркивает возрастные различия: молодые люди активно используют сленговые выражения, чтобы дистанцироваться от старшего поколения и сформировать свою собственную языковую среду.

Эта функция особенно значима в области цифрового общения, где язык становится ключевым средством для выражения своей индивидуальности [1: 2].

Использование таких выражений, как «인싸» (популярный, социально активный человек) и «아싸» (социально изолированный человек), не только описывает статус индивида, но и одновременно конструирует его. Сленг выполняет не только номинативную, но и социально-конструирующую функцию.

Кроме того, сленг может обозначать принадлежность к определенным субкультурам, например, сообществам фанатов K-поп, заядлым геймерам или пользователям конкретных интернет-платформ.

В общем и целом, сленг в корейском языке выступает важным инструментом социальной стратификации и самоидентификации, отражая не только возрастные, но и культурные, а также различия в поведении между группами носителей языка.

Сленг отличается высокой эмоциональной выразительностью. С его помощью можно точнее выразить эмоции и отношение спикера к ситуации, и в отличие от нейтральной лексики, сленговые выражения позволяют передавать широкий спектр эмоций – от радости и волнения до раздражения и иронии уже в более яркой и сжатой форме.

В корейском языке эта особенность проявляется в интернет-общении, где широко используются графические и фонетические выражения эмоций. Например, повторение согласных в «ㅋㅋㅋ» (смех) или «ㅠㅠ» (плач) выполняет функцию паралингвистического маркера, компенсируя отсутствие невербальных средств общения. Подобные формы не только передают эмоциональное состояние говорящего, но и усиливают выразительность высказывания.

Сленг также активно использует метафоры и гиперболы. Например, выражение «멘붕» (от английского mental breakdown) обозначает состояние сильного замешательства или стресса, часто с элементом преувеличения. Это позволяет разговаривающему не просто сообщить какой-то факт, но и эмоционально окрасить его, сделав коммуникацию более живой и субъективной.

Данные выражения могут еще и служить в качестве функции оценки. Например, слово «사이다» (буквально ‘сидр’) используется для описания ситуации или высказывания, приносящего чувство облегчения или удовлетворения. В этом случае наблюдается перенос значения на основе ассоциативного восприятия (освежающий напиток - освежающее чувство). Таким образом, сленг значительно расширяет экспрессивную часть языка, что позволяет более точно и эффективно перенести эмоциональное состояние говорящего, а также формировать особое отношение к обсуждаемым событиям [1: 3].

Функция экономии языковых средств является одной из наиболее прагматически значимых характеристик сленга, особенно в условиях современной цифровой коммуникации. В корейском языке это проявляется прежде всего в широком использовании сокращений, аббревиаций и упрощённых форм.

Сокращения, такие как «남친» (парень) от «남자 친구» или «혼밥» (приём пищи в одиночестве) от «혼자 밥», позволяют значительно сократить длину высказывания без потери смысла. Это действительно важно в условиях ограниченного времени и необходимости быстрого обмена сообщениями, например, в мессенджерах или социальных сетях.

Дополнительным способом экономии является использование согласных вместо полных слов, как в случае «ㄱㄱ» (погнали) или «ㅇㅇ» (да). Такие формы минимизируют затраты на набор текста и ускоряют коммуникацию, особенно при использовании мобильных устройств.

Экономия также проявляется в упрощении грамматических конструкций. В сленге часто опускаются служебные слова и грамматические показатели, если смысл остаётся понятным из контекста. Это делает речь более компактной и динамичной, но при этом может снижать её формальную точность [6: 256].

Стоит отметить, что экономия языковых средств не приводит к обеднению языка, а, напротив, стимулирует развитие новых форм и способов выражения. Сленг демонстрирует способность языка адаптироваться к новым условиям коммуникации, сохраняя при этом эффективность и выразительность.

Из этого следует, что сленг в современном корейском языке выполняет важную оптимизирующую функцию, обеспечивая быстрый, удобный и эффективный обмен информацией в условиях высокой коммуникативной нагрузки.

Значительная часть современного корейского сленга формируется за счёт заимствований, преимущественно из английского языка. Эта тенденция обусловлена глобализацией и обширным

культурным обменом. В результате появляются новые слова, которые значительно отличаются по смыслу от их оригинала. Во многих случаях существует также сокращение начальных выражений, что делает их более удобными для повседневного использования. Кроме того, эти заимствованные слова часто приобретают разговорное или выразительное качество, становясь частью словаря сленга, а не нейтральным языком:

- 템 (тэм) – item – используется в значении ‘вещь’, ‘предмет’, часто в контексте игр или моды
- 버프 (бопхы) – buff – ‘усиление’ (особенно в игровой среде)
- 노잼 (ноджэм) – no + 재미 (интерес’) – ‘скучно’, ‘неинтересно’

В последнем примере наблюдается сочетание английского отрицания с корейской основой, что демонстрирует не только заимствование, но и гибридизацию. В итоге, заимствования являются важным источником обновления сленговой лексики и отражают влияние англоязычной культуры на корейское общество [4: 6].

Рост цифровых технологий и широкое внедрение социальных сетей существенно повлияли на развитие корейского сленга. Онлайн-коммуникация требует быстрого обмена сообщениями, что приводит к созданию сокращённых и графически упрощённых выражений. Эти выражения часто построены на отдельных согласных, слогах или символах, которые можно быстро и легко напечатать:

- ㅂㅂ (б-б) – ‘пока’ (от bye-bye)
- ㄴㄴ (н-н) – ‘нет’
- ㅇㅋ (ок) – ‘окей’, согласие

Такие сокращения обычно образуются из начальных звуков или фонетических заклинаний заимствованных слов. Их применение значительно ускоряет связь и придает ей более случайный тон. Важно отметить, что эти формы редко используются в письменном общении за пределами интернет-контекстов, подчеркивая их связь с конкретной коммуникативной обстановкой [3: 902].

Молодежная культура является одним из ключевых факторов, способствующих распространению и закреплению сленга в корейском языке. Существенную роль в этом процессе играют различные медиа, включая музыку, телевизионные программы, дорамы и видеоблоги. Выражения, используемые известными исполнителями или инфлюенсерами, быстро подхватываются аудиторией и органично входят в повседневную речь.

Сленг, зарождающийся в молодежной среде, зачастую отражает основные ценности, интересы и социальные установки молодых людей. Он может затрагивать темы внешности, взаимоотношений, успеха, а также оценку поведения окружающих:

- 금사빠 (гымсаппа) – 금방 사랑에 빠지는 사람 – ‘человек, быстро влюбляющийся’
- 얼죽아 (ольчуга) – 얼어 죽어도 아이스– ‘даже если замёрзну, всё равно возьму холодный напиток’
- 갑분싸 (гампунсса) – 갑자기 분위기 싸해짐 – ‘внезапно неловкая атмосфера’

Многие из этих выражений представляют собой сложные сокращения целых фраз и точно передают типичные ситуации из ежедневной жизни. Их широкая популярность обусловлена не только удобством использования, но и тем юмористическим эффектом, который они производят. Таким образом, молодежная культура не только порождает новые сленговые выражения, но и активно способствует их оперативному распространению.

Аббревиация выделяется как высокопроизводительный метод создания сленговых терминов на корейском языке. Этот процесс может включать сокращение слов, смешивание начальных слогов или конденсацию целых выражений. Это во многом связано с общей тенденцией к языковой эффективности и стремлением к более быстрому общению [2: 398].

Эти сокращенные формы часто становятся настолько укоренёнными, что они принимаются как самостоятельные слова, не требующие дальнейшего объяснения. Кроме того, некоторые даже постепенно переходят в стандартный словарь:

- 알바 (альба) – 아르바이트 (arbeit) – ‘подработка’
- 프사 (пыса) – 프로필 사진 – ‘фото профиля’
- 자취 (джачви) – 자취하다 – ‘жить отдельно от родителей’

Приведенные примеры иллюстрируют, что это сокращение может произойти как с заимствованными, так и родными словами. В результате, это создает краткие и удобные для пользователя термины, которые часто используются в повседневных разговорах.

Гибридные сленговые термины образуются путём объединения элементов из различных языков, чаще всего корейского и английского. Эти лингвистические творения возникают из языкового контакта и демонстрируют творческую изобретательность говорящих. Они могут включать как заимствованные корневые слова, так и корейские грамматические структуры [3: 903].

Такие слова часто используются в случайных разговорах и часто носят яркое выразительное качество. Их значение часто ясно только в конкретном контексте, что делает их элементом инсайдерской или групповой коммуникации.

- 현타 (хёнта) – 현실 + 타격 – ‘резкое возвращение к реальности», «разочарование’
- 스압 (сыап) – 스크롤 압박 – ‘длинный пост, требующий прокрутки’
- 열폭 (ёльпок) – 열등감 폭발 – ‘всплеск зависти/комплексов’

Эти термины демонстрируют корейские языковые компоненты, но их структура и способ их формирования часто параллельные западные аббревиационные стили. Эта гибридная природа проявляется не только в самом языке, но и в базовых концептуальных процессах мышления [5: 35].

Анализ сленговых выражений в современном корейском языке показывает, что они являются важной составляющей языковой системы, отражающей более широкие социальные и культурные сдвиги. Его основное происхождение включает в себя заимствованные слова, интерактивное взаимодействие и молодежную культуру. Сленг характеризуется значительными вариациями, частым использованием сокращений, изменениями форм слов и сдвигом смысла. Его роли включают установление социальной идентичности, передачу эмоций и упрощение коммуникации.

Сленг значительно влияет на развитие корейского языка. Некоторые сленговые выражения в конечном итоге интегрируются в общий словарный запас, демонстрируя текущую границу между формальным и неформальным языком. Также, сленг обогащает язык новыми формами и значениями, но и отражает изменения в обществе. Однако чрезмерное использование сленга может помешать общению между поколениями и уменьшить общую формальность речи.

Литература:

1. Аллисон Д. А., Санчирова Э. А., Гаряева А. С. Молодежный сленг в корейском языке: особенности развития и роль в современном обществе Южной Кореи // Russian Linguistic Bulletin. – 2025. – №7 (67). – С. 2-3.

2. Kim, Mu-rim. Gugeo-ui yeoksa, History of Korean language // Seoul, Hankook Munhwasa. – 2004. – P. 398.

3. Lee H. S. From a noun to a discourse marker: The case of seysang ‘world’ in Korean // Russian Journal of Linguistics. – 2024. – Vol. 28, №4. – P. 902-904.

4. Toganova S. M. Role of slang in Korean language and its use in speech // Journal of Oriental Studies. – 2015. – №2. . – С. 6.

5. 김연희. 외국인 학습자들의 비속어 사용 실태와 태도에 대한 연구 // 한말연구. – 2020. – 쪽. 35.

6. 김미형. 국어 비속어 연구. – 서울: 역락. – 2016. – 쪽. 256.

© Стрельникова М.В., 2026

УДК 070

Суслова М.Д. ,
студентУУНиТ
*Научный руководитель – **Алиева С.А.,***
канд. филол. наук., доцент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

ПЕРСОНАЖИ-МАСКОТЫ КАК АРХЕТИПИЧЕСКИЕ ПАТТЕРНЫ

Одним из инструментов анализа и проектирования бренд-идентичности выступает понятие архетипа, введённое швейцарским психиатром Карлом Юнгом. Согласно его концепции, в структуре коллективного бессознательного человечества содержатся универсальные, трансперсональные образы – архетипы, которые предопределяют характер восприятия, эмоциональные реакции и модели поведения. Эти образы проявляются в мифологии, искусстве, религиозных нарративах и, как будет показано далее, в маркетинговых коммуникациях.

Значение архетипов для брендинга трудно переоценить. Когда коммерческая организация осознанно выбирает и последовательно воспроизводит определённый архетипический паттерн, она перестаёт восприниматься аудиторией как безликий поставщик товаров или услуг. Бренд обретает антропоморфные черты, характер, мотивацию и, что важнее всего, способность вступать с потребителем в эмоционально окрашенный диалог. Наиболее наглядным воплощением архетипа в маркетинговой практике становятся маскоты – персонажи, которые материализуют выбранный психологический профиль. В отличие от статичного логотипа или абстрактного слогана, маскот способен демонстрировать эмоции, совершать поступки и выстраивать долгосрочные отношения с аудиторией, оставаясь при этом строго в рамках предписанной архетипом роли.

Юнг выделил двенадцать ключевых архетипов, каждый из которых отвечает определённой глубинной потребности человека. Архетип Героя выражается в стремлении доказывать свою силу и компетентность через преодоление препятствий; его проявления легко узнать в образах супергероев массовой культуры или эпических воинов. Мудрец, напротив, ищет истину и делится знанием, выступая в роли наставника или исследователя – достаточно вспомнить Дамблдора или доктора Хауса. Шут ориентирован на сиюминутную радость, лёгкость и игру, он напоминает человечеству о ценности спонтанности, как это делают чеширский кот или комические персонажи кинематографа. Опекун движим потребностью в заботе и безопасности, он защищает слабых и поддерживает порядок в ближнем круге. Искатель не выносит жёстких рамок и находится в перманентном движении за новым опытом и свободой, будь то странствующий археолог или герой роуд-муви.

Бунтарь видит свою миссию в разрушении устаревших структур ради перемен; его энергия олицетворена такими персонажами, как Тайлер Дёрден из «Бойцовского клуба». Любовник жаждет близости, красоты и эмоциональной страсти, воплощаясь в образах романтических героев. Творец не может существовать без акта созидания, даже если результат кажется окружающим безумным – таковы эксцентричные художники или изобретатели. Правитель стремится к порядку, контролю и ответственности за всё происходящее вокруг, напоминая великих монархов или жёстких управленцев. Простодушный видит мир сквозь призму наивной веры в лучшее и мечтает о гармоничном рае, как Форрест Гамп или Амели. Славный малый (или обычный парень) максимально близок к «среднему» потребителю, он свой, без претензий и короны, как Гарри Поттер до раскрытия его магической природы. Наконец, Маг превращает мечты в реальность, нарушая привычные законы физики ради чуда; к этому архетипу можно отнести Гэндальфа или, в определённой интерпретации, публичный образ Илона Маска. Все перечисленные фигуры обладают универсальной узнаваемостью, поскольку питаются из одного источника – коллективного бессознательного.

Выбор архетипа для маскота представляет собой процесс глубинного психологического позиционирования. Бренд, прежде чем наделить персонажа внешностью и голосом, определяет, какую эмоциональную потребность удовлетворяет его продукт, а затем подбирает архетип, который эту потребность наиболее органично персонифицирует. Например, товар, помогающий поддерживать чистоту и порядок в доме, с высокой вероятностью будет ассоциироваться с архетипом Опекуна. Напиток, дарящий резкий прилив бодрости, – с Героем. Однако подлинная магия возникает тогда, когда архетип прорастает в мельчайшие детали образа: пластику, интонацию, манеру взаимодействия с окружающими предметами и даже дефекты речи. Только в этом случае маскот перестаёт быть иллюстрацией и становится нарративным субъектом.

В качестве иллюстрации можно привести несколько известных примеров. Красный Бык на логотипе энергетического напитка Red Bull воплощает архетип Героя: он агрессивен, мощен и всегда готов к схватке, а сопровождающий слоган «Red Bull окрыляет» прямо апеллирует к идее преодоления. Мистер Пропер, напротив, демонстрирует архетип Опекуна: его улыбка, неторопливые движения и фокус на чистоте внушают чувство защищённости и предсказуемости. Персонажи M&M's представляют собой канонический пример Шута – они постоянно попадают в нелепые ситуации, спорят и дурачатся, что идеально соответствует импульсивной, гедонистической природе конфетного продукта. Благодаря жёсткой привязке к архетипу такие персонажи не устаревают десятилетиями: Герой остаётся вдохновляющим, Опекун – успокаивающим, Шут – развлекающим. Потребитель встречает их как давних знакомых, даже если видит впервые, и в этом заключается ключевое преимущество юнгианского подхода к созданию маскотов.

Ошибки при выборе архетипа могут иметь серьёзные последствия. Наиболее распространённая из них – неконгруэнтность архетипа и сферы деятельности бренда. Например, выбор Бунтаря для банковского учреждения вступает в очевидное противоречие с самой сутью банковского дела, основанного на правилах и предсказуемости; такой маскот будет вызывать когнитивный диссонанс и недоверие. Вторая типовая ошибка – смешение двух архетипов в равных пропорциях, что порождает противоречивые поведенческие сигналы: Герой, пытающийся одновременно быть «своим парнем», выглядит неуклюже и негероично. Третья ошибка – игнорирование культурно-исторического контекста: архетип, эффективно работавший пять лет назад, может утратить актуальность в изменившейся социальной среде. Последствия этих ошибок выражаются в снижении узнаваемости, падении лояльности и, в худшем случае, в превращении маскота из актива в анти-актив, который напоминает аудитории о каждом расхождении между словом и делом бренда.

Практическая ценность архетипического подхода наиболее наглядно проявляется при разборе конкретных кампаний. В качестве успешного зарубежного примера можно привести персонажей M&M's, которые неуклонно следуют архетипу Шута. Их коммуникация строится вокруг сиюминутного веселья, лёгких конфликтов и абсурдных ситуаций – и это идеально соответствует импульсивной природе шоколадных конфет, покупаемых ради удовольствия, а не пользы. Благодаря чистоте архетипа бренд сохраняет актуальность на протяжении многих лет.

Показательным неудачным примером на российском рынке стали «Скелетоны» от Danone, запущенные в середине 2000-х годов. Маркетологи компании точно выбрали архетип Бунтаря, который должен был резонировать с подростковой аудиторией 9–14 лет, стремящейся отделиться от мира родителей. Визуальный ряд (четверо скелетов-подростков), провокационный слоган «Позаботьтесь, дети, о своём скелете!» и вся эстетика бунтовали против традиционных ожиданий от молочного продукта. Однако при этом был упущен из виду ключевой стейкхолдер – родители, которые фактически принимают решение о покупке. Для матерей образы скелетов на детском питании оказались связаны со смертью, опасностью и психическим вредом. Волна жалоб, поддержанная общественными и религиозными организациями, привела к прекращению производства в 2008 году. Этот демонстрирует, что выбор архетипа требует учёта всей цепочки принятия решений, а не только конечного пользователя.

Ещё один поучительный пример – кампания сети парков аттракционов Six Flags 2004 года, в которой был задействован персонаж Мистер Сикс. Эксцентричный старик в смокинге и толстых очках, выходивший из ретро-автобуса под зажигательную песню и пускавшийся в агрессивный танец, должен был, по замыслу создателей, олицетворять энергию и веселье парка. Однако для индустрии аттракционов, где естественными архетипами являются Герой (преодоление страха) или Шут (беззаботное веселье), Мистер Сикс стал анти-архетипом. Вместо молодого, динамичного образа аудитория увидела «жутковатого старика», что вызвало отторжение у родителей – основных плательщиков. Несмотря на высокую узнаваемость (кампания даже получила несколько рекламных наград), посещаемость парков Six Flags в 2004 году снизилась на 3,4%, и вскоре после смены владельца многомиллионная кампания была свёрнута. Урок этого кейса заключается в том, что узнаваемость без эмоциональной лояльности не только бесполезна, но и вредна: маскот должен не эпатировать любой ценой, а формировать желание вступить с брендом в продолжительные отношения.

Обобщая данные примеры, можно выделить три условия успеха: чистота архетипа (персонаж никогда не выходит за рамки своей психологической роли), последовательность (единство характера во всех точках контакта) и ограниченная амплитуда эмоций (Герой может уставать после победы, но не может проявлять трусость). Неудачи, напротив, связаны с метанием между ролями, попыткой быть «всем для всех» или игнорированием культурных и демографических ограничений.

Для обоснованного выбора архетипа нужно провести исследование. Бренду или его целевой аудитории предлагается оценить продукт по шкалам «сильный – слабый», «заботливый – равнодушный», «бунтующий – конформный», «весёлый – серьёзный» и другим, коррелирующим с двенадцатью архетипами. Полученный профиль сравнивается с эталонными архетипическими векторами.

С помощью методов контент-анализа отзывов, постов в социальных медиа и спонтанных упоминаний можно выявить, какие метафоры и роли приписывают бренду сами потребители. Например, если покупатели регулярно называют сервис «спасателем» или «надёжным тылом», это указывает на архетип Опекуна, даже если официальная коммуникация бренда ориентирована на Героя.

Маскот нового бренда должен либо занимать свободную архетипическую нишу, либо превосходить конкурента в чистоте исполнения того же архетипа. Этот приём предотвращает описанную выше ошибку «размытого позиционирования».

После диагностики следует этап прототипирования маскота с обязательным A/B-тестированием на малых группах респондентов, где измеряются не только предпочтения, но и физиологические маркеры (мимика, время фиксации взгляда), что повышает надёжность выбора.

Итак, архетипический подход Карла Юнга представляет собой не абстрактную теоретическую конструкцию, а практически применимый инструмент маркетингового проектирования. Архетипы обеспечивают маскоту психологическую глубину и универсальную узнаваемость, превращая его из декоративного элемента в полноценного агента бренд-коммуникации. Бренд, осознанно выбирающий и культивирующий свой архетип, получает возможность выстраивать с аудиторией отношения, основанные на доверии, предсказуемости и эмоциональной близости.

Таким образом, теория коллективного бессознательного, разработанная швейцарским психиатром столетие назад, сегодня обретает второе дыхание в прикладной области маркетинговых коммуникаций. Она открывает перед брендами новые возможности для глубинного взаимодействия с потребителем.

Литература:

1. Алиева С.А. Архетипические образы и символы в СМК// Электронный ресурс. https://elibrary.ru/item.asp?id=82271416 (дата обращения: 10.12.2025)
2. Марк М., Пирсон К. Герой и бунтарь: Как архетипы помогают создавать сильные бренды / М. Марк, К. Пирсон. – СПб.: Питер, 2018. – 304 с.
3. Юнг К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное / К. Г. Юнг. – М.: Академический Проект, 2015. – 352 с.
4. Поспелова Т. Х. Архетипы в рекламной коммуникации и медиа: практика использования и форматы функционирования в бренд-менеджменте // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. – 2025. – Т. 31, № 2. – С. 42-49.

© Суслова М.Д., 2026

УДК 81

Taganova H.,
Lecturer of the department of Romano-Germanic languages and literature with methods of their teaching of Seyitnazar Seydi Turkmen State Pedagogical Institute, city Turkmenabat, Turkmenistan

WAYS OF INCREASING STUDENTS' MOTIVATION IN LEARNING ENGLISH

A teacher is a person who strives for the formation of a healthy society, the development of the country, for the young generation to grow up loyal to their Motherland and nation, and shines a bright light on their path. From doctor to pilot, from farmer to teacher, in short, all professionals are trained by teachers. Teachers are the backbone of the science education system. Teachers are the architects of the future destiny of the country. The main goal of the teacher is to create individuals who are in step with the modern world in the society and to educate them with a broad outlook. In this regard, during the Revival of the new era of the powerful state, educators and pedagogues, including English language teachers, are working tirelessly to make the educational process effective by using various teaching methods and resources.

Under the leadership of the President, great work is being done to introduce the modern learning technologies in the education system. The basis of them is the provision of powerful computers and Internet systems at all levels of educational institutions. The use of multimedia technologies in English language classes opens up new opportunities to create an artificial speech environment and to overcome language barriers of students and to form skills and abilities in handling types of speech work.

Several methods of teaching are used in the science of pedagogy. They include the following:

1. Passive method, that is, the student only watches and listens.
2. Active method, the student works independently.
3. Interactive, the teacher and student work together.

Establishing an interactive way of teaching broadens the outlook of our young generation who are being educated. It improves their thinking skills, problem solving skills, and the ability to evaluate themselves based on the opinions of others. More reliably, it allows them to ensure that their interconnected world cannot act in isolation on any issue, at any time. [1, p. 28]

Today, Internet-based Language Learning (IBLL) is a popular and effective way of learning and teaching English in interactive method [2, p. 4].

Considering the possibilities of Internet-based Language Learning (IBLL) as an innovative way of learning and teaching foreign languages, we decided to divide this method of language learning into the following categories.

1. *Digital field trips.*
2. *Online communication.*
3. *Teaching with Electronic games.*
4. *Using E-books and e-dictionaries.*
5. *Listening to audio materials.*
6. *Using videos.*
7. *Using English songs.*
8. *Teaching with Cartoons.*
9. *Using online Programs.*
10. *Teaching with online newspapers and magazines.*

Digital field (virtual) trips. Students learn a lot of information through this type of method. Virtual digital field trips provide students with more secure ways to absorb new information in English. The use of computer material is selected by the teacher based on the topic and purpose of the lesson. Students can increase their vocabulary through fun virtual trips through the 4-H Virtual Farm, as there are many opportunities to learn more about any topic. This data is widely available and editable in the form of video, CD, animation (motion) data.

Online communication. Online communication is one of the modern methods used in English classes to increase students' speaking skills. This type is to organize distance online classes with the help of new technologies. Organizing such classes is not only held within the country, but also at the international level. This type provides ample opportunities for remote learning and turning the acquired knowledge into sustainable skills.

Using e-books and dictionaries. E-books are a digital means of learning, and it is an information system that helps students learn and improve English. Of course, this type of specific method should be tailored to account for cases where the information published in the paper is different from the sources.

Listening to audio materials. By doing listening exercises and dialogues, the teacher improves students' use of stress and intonation in English. Giving tone to the meaning of sentences is also the most important function of speaking ability.

Using videos. Using videos that are short in duration and specific to the students' abilities and maturity is an attractive way for students to work on their speaking skills. Videos help students use authentic English, that is, the speech of a native English speaker. Through the videos, students get acquainted with a real example of English, they have the opportunity to compare their conversations with it, correct their mistakes, they listen to the conversations of strangers, watch the recording, and develop their comprehension skills and abilities.

By using English songs at English lessons, teachers can help students learn new words effectively. For that, the teacher should be able to choose the song according to the purpose and theme of the lesson.

Teaching with Cartoons. By showing excerpts from English cartoons in class, students have the opportunity to see and listen to real spoken language and correct their mistakes, and students' listening comprehension skills increase.

Using online Programs. Through online programs, students can test their academic skills through various in-class activities and tests.

Teaching with online newspapers and magazines. This method is currently one of the main ways to get acquainted with the news of the country and the world. By using this type in the class, students can read English-language newspapers and magazines online, and by reading them, students learn the characteristics of document and literary text writing.

The use of online or electronic games helps students of all ages to increase their interest in reading and language learning. Students can practise spelling, grammar, and other rules by playing educational games on computers or mobile devices. For this purpose, Star Fall provides several games for students to improve their speaking skills. Digital versions of Hangman, Scrabble and Boggle also help students develop language skills. These games can be posted on interactive whiteboards for the whole group. Such games play a great role in improving students' speaking skills in the classroom.

What is game-based learning? A young child plays with miniature carnival rides, an example of game-based learning. Game-based learning is a teaching method that uses the power of games to define and support learning outcomes.

Game-based learning environment achieves this through educational games that have elements such as engagement, immediate rewards and healthy competition. All so that while students play, they stay motivated to learn. The great thing about game-based learning is everyone can reap its benefits, from preschool all the way up to post-secondary education and beyond. Where and how doesn't matter, either – students can learn:

With online games

In person with physical objects

Independently or as part of a team

Some of the most common game-based learning examples include:

Card games – A game that uses a traditional or game-specific deck of cards. “War” is a card game that can have a mathematical twist. Check out our list of classroom math games to learn how to play.

Board games – A game you play on a board that usually involves the movement of pieces. Chess and checkers are popular ones, but there are hundreds if not thousands of board games for kids to explore.

Simulation games – A game designed to closely simulate real-world activities. The Sims, which launched in 2000, is one of the most popular series of life simulation games that involves creating and exploring virtual worlds.

Word games – A game that’s typically designed to explore the properties of language or the ability to use a language itself. Scrabble is an example of a word game while the app Words Friends is a more modern one.

Puzzle games – A game that emphasizes puzzle solving through one’s use of things such as logic, word completion, sequence solving, as well as spatial and pattern recognition. For example, Sudoku and 2048 are popular puzzles.

Video games – an electronic game wherein players can manipulate what appears on the screen with, for example, a joystick, controller or keyboard. A couple that might pop into your head are the decades-old classic Pac-Man, or, more recently, Fortnite.

Role-playing games – a game in which players assume the role of imaginary characters who engage in adventures. A popular fantasy tabletop RPG is Dungeons & Dragons and was first introduced in 1974. [4, p.3]

An example of Word games is the electronic game "Letters". In this game, the team is divided into two and played in a tournament format. One student from each group must be able to make a sentence using a sequence of words starting with the letters given on the computers. When composing a sentence, attention should be paid not only to the sequence of letters, but also to the punctuation marks used in the structure of the sentence. Whichever team's student is able to make the sentence grammatically and meaningfully correct and quickly, that team is also considered the winner of the game. If there is a mistake in the sentence, then the computer does not allow to make up the next sentence.

The important features of using these ways of teaching method to increase students’ interest in learning English in the classroom are:

- this method provides students with a lot of educational information specific to the English language;
- it is possible to achieve students' ability to use modern multimedia devices and new technologies;
- students are introduced to the real sample of the English language through these methods by using digital learning tools, they have the opportunity to compare their conversations with it, correct their mistakes,

they have the ability to listen and understand the conversations of strangers, including children and adults, men and women and develop their skills;

- increases students' motivation and interest in language learning;
- ensures that students take effective educational work;
- helps to teach the selection of appropriate methods of using information resources;
- students can do various online tests and check the results of their work at the same time.

Literature:

1. Gurbanow, L. Gurbanowa. Iňlis dilini okatmagyň usulyýeti. Aşgabat, TDNG, 2010.
2. M. Kumar Agarwal. Internet-based Language Learning. Latvia, 2010.
3. http://www.prodigygame.com/main-en/blog/game-based-learning.

© Taganova H., 2026

УДК 398.22

Таймасханова Д.М.,
магистрант УУНиТ
*Научный руководитель:**Саньярова Р.Р.**,*
канд. фил. наук, доцент УУНиТ
г. Уфа, Россия

СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ В РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ (НА ПРИМЕРЕ ТЕЛЕВИДЕНИЯ БАШКОРТОСТАНА)

В современной России пропаганда традиционных ценностей – одна из важнейших задач государства. С помощью каналов СМИ создаётся благоприятный облик материнства, семейных отношений, чтобы стимулировать молодёжь к созданию крепких браков. Одним из эффективных средств пропаганды было и остаётся телевидение, в том числе и региональное. Задача нашего исследования – рассмотреть, как на телеканалах «UTV», «Вся Уфа» и «БСТ» раскрывается вопрос традиционных отношений, и изучить с помощью каких инструментов создаётся образ счастливых отношений.

Для начала стоит отметить, что правительство России в серьёз обеспокоено благосостоянием семей и предпринимает шаги для создания льгот и особых условий, которые могли бы стимулировать повышение демографии. Например, в 2026 году принимаются меры поддержки семей с детьми в виде новых налоговых выплат [2]. С 2025 года действует национальный проект «Семья», который предполагает льготы по ипотеке, повышенный материнский капитал, пособия, субсидии [5]. Предлагаются изменения в правилах оформления пособий многодетными семьями [1], есть предложения с компенсацией трат на путешествия для семей с большим количеством детей [6]. Иными словами, со стороны государства предпринимаются шаги для того, чтобы не только заинтересовать граждан в повышении рождаемости, но и чтобы помочь воспитать здоровое поколение граждан. Телевидение же предназначено не только для того, чтобы сообщить о поддержке со стороны гос-ва, но и для создания позитивного облика семейных отношений. Осуществляется задача как на федеральном, так и на региональном уровнях.

О роли средств массовых информаций в создании облика счастливой семьи стали говорить задолго до усиленных мер поддержки. Уже в 2015 году, по мнению общественности, отечественная журналистика справлялась с задачами по созданию позитивного образа традиционных отношений: «россияне, выступающие в поддержку традиционных ценностей, в наибольшей степени удовлетворены тем, как их семейные ценности представляются в СМИ» [2: 86]. В исследовании В.А. Миценко закреплялась мысль, что «в российском обществе существует запрос на усиление присутствия традиционных семейных ценностей в информационном пространстве» [4: 6]. Однако, существуют и проблемы. В научной работе М.Н. Клинцовой прозвучала мысль, что «несмотря на рост числа упоминаний семьи и традиционных ценностей в СМИ, подход к освещению этой темы остаётся формальным, в репортажах и статьях, имеющих в основном информационный характер и нейтральную эмоциональную оценку, представлены достаточно однообразные сюжеты и темы». Более того, по её мнению, семья представлена в негативном свете.

Мы же рассмотрим на примере трёх крупных телеканалов Башкортостана, «UTV», «Вся Уфа» и «БСТ», изменилась ли ситуация в лучшую сторону и исследуем вопрос подробнее.

Для начала стоит уточнить, что мы намеренно не исследуем новостные программы и репортажи. Их цель – информирование, а не пропаганда (во всяком случае, в первую очередь). В рамках репортажей тема семьи раскрывается с привычной для телевизионного формата форме. То есть, это сюжеты о крепких и благополучных семьях, новостные повестки о мерах поддержки со стороны государства. Пропаганда традиционных отношений и призыв к созданию крепких, счастливых браков производится фоново. Для нашего исследования особый интерес представляют не короткие новостные заметки, а отдельные ТВ-программы, которые были бы направлены на семью. Ведь именно с помощью них можно понять, как сильно телеканал озадачен семейной повесткой и как относится к раскрытию данного аспекта.

Телеканал «UTV» имеет преимущественно молодёжную направленность и пропагандирует здоровый образ жизни, культуризм, освещает модные и молодёжные тренды, а также занимается воспитанием, научным образованием и просвещением населения. Благоприятный образ семьи и пропаганда семейных ценностей тем самым работает на всех уровнях, ведь для создания новой ячейки общества нужно думать о здоровье, об образовании и быть всесторонне развитым. Проект «Прородительство» отвечает на самые популярные вопросы родителей, рассказывает им о тонкостях воспитания детей, даёт советы, как выстроить крепкие отношения внутри семей. Проект «Ладушки» также посвящён вопросам воспитания подрастающего поколения. К сожалению, у данных телепередач преимущественно женская аудитория. То есть героями сюжетов становятся мамы, интервьюеры – женщины. Программы делается женщинами для женщин. Это не серьёзный недостаток, поскольку сфера образования и воспитания остаётся в России преимущественно женской, но мы уверены, что со временем появится больше проектов с активными отцами, которые вовлечены в процесс общения и развития своего ребёнка.

В целом, «UTV» демонстрирует современный подход к пропаганде традиционных семейных ценностей. Существуют как программы исключительно направленные на тему родительства. Так и фоном продолжают выпускаться репортажи, которые с заботой и трепетом раскрывают счастье обретения и создания семьи. Тема воспитания, крепких отношений, брака – сквозная во многих проектах. Мы считаем, что «UTV» иллюстрирует, что в первую очередь нужно начать с себя, с самовоспитания и самообразования, чтобы создать крепкий брак и воспитать счастливых детей.

Телеканал «Вся Уфа» освещает городские новости и, по нашему мнению, является чем-то средним между «UTV» и «БСТ», оставаясь молодёжным, но имеющим более строгий формат изложения информации. В сетке вещания имеется передача «Детки Бум». Она направлена не только на родителей, но и является проектом, способным заинтересовать ребёнка, потому как школьники и дошкольники – активные участники передачи. С ними общаются, у них берут интервью и вовлекают их в процесс создания контента. Проект «Безграничная любовь» в коротких репортажах показывает благополучные семьи, рассказывает их истории, иллюстрирует быт, демонстрирует семейный уклад и традиции.

На «Всей Уфе», как мы определили, не очень много отдельных проектов, посвящённых семье и детям, но это имеет объяснение. Во-первых, это новостной телеканал. Цель – донести мысль коротко и быстро. Во-вторых, многие проекты имеют социальный характер. Очень много времени уделяется решению проблем жителей, освещению чрезвычайных происшествий. Но даже учитывая это, вопросы семьи и родительства на «Вся Уфа» не остаются без внимания. Тема освещается путём новостных программ и отдельных проектов, которых пусть и не много, но они есть и имеют аудиторию.

«БСТ» - крупнейший государственный канал регионального значения. Он вещает как в крупных деревнях, так и является главным источником информации для небольших деревень, сёл. Поэтому создаются проекты не только на русском языке, но и на башкирском, чтобы все жители РБ могли получать качественную и актуальную информацию. Тема семьи и родительства одна из главных на телеканале и является сквозной в разных проектах. Например, проект «Мама» регулярно обновляется и рассказывает о женщинах, которые посвятили свою жизнь детям. Что важно, осуществляется он на двух языках, рассказывает о коренных жителях республики и иллюстрирует быт семей. Стоит отметить, что «БСТ» очень часто делает героями своих передач не городских жителей, хоть и их, несомненно, тоже, но и граждан, что проживают в деревнях, в сёлах. Это видно в таких программах, как «МегаСело», «Бай», «Тормош», «История одного села» и в других. В то время как жители крупных городов Башкортостана больше озадачены финансами, бизнесом, работой, именно люди, живущие большими и крепкими семьями за чертой города показывают те самые крепкие ячейки общества. И это действительно интересный, уникальный подход к отображению семейных ценностей,

где каждый член семьи не существует отдельно друг от друга, а активно взаимодействует (вместе работают, играют, учатся, занимаются бытом).

Мы пришли к выводу, что семейные ценности в региональных СМИ Башкортостана освещаются в полной мере с помощью разных форматов. В первую очередь, благодаря информационным телепередачам, рассказывая в них о государственной поддержке, делая героями семейных людей. После создаются отдельные проекты про родительство, про детей, о воспитании, совместном досуге, путешествиях. Разумеется, таких проектов на каналах не может быть много, ведь на «UTV», «Вся Уфа» и «БСТ» оказывается большая нагрузка. Нужно затронуть все возможные актуальные вопросы и рассказать о них аудитории. Но даже учитывая это мы видим, что контент о семьях, о родительстве, и детях регулярно выпускается и обновляется. Учитывая государственную политику мы считаем, что специальных проектов будет создаваться больше и они будут в достаточной мере финансироваться.

Литература:

1. Игнатова О. Новый механизм выплат: Что изменится в правилах оформления пособия многодетным [Электронный ресурс] // RG.ru. 2026. URL: https://rg.ru/2026/03/18/mintrud-predstavil-obnovlennye-pravila-naznacheniia-edinogo-posobiia.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 04.04.2026).

2. Игнатович О. «Вся политика должна вокруг этого крутиться». Что Путин говорил о семьях и детях на прямой линии? [Электронный ресурс] // Газета.ru. 2025. URL: https://www.edu-science.ru/articles/123 (дата обращения: 04.04.2026).

3. Лебедь О.Л., Мищенко В.А. СМИ и общественное мнение о современных образах семьи и брака // Вестник Института социологии. 2015. №4 (15). С. 86.

4. Мищенко В.А. Семейные ценности и информационная политика РФ // РСМ. 2014. №3 (84). С. 6.

5. Национальный проект «Семья» [Электронный ресурс] // Национальные проекты России. 2024. URL: https://национальныепроекты.рф/new-projects/semya/ (дата обращения: 04.04.2026).

6. Швецова К. Многодетным россиянам хотят компенсировать траты на путешествия [Электронный ресурс] // Газета.ru. 2026. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2026/03/20/28097137.shtml (дата обращения: 04.04.2026).

© Таймасханова Д.М., 2026

УДК 070

Трофимова У.А.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Имангулова А.Р.,***
ассистент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ДИСКУРС В СМИ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

Актуальность данного исследования обусловлена активным развитием арт-журналистики в современных российских средствах массовой информации. В последние годы наблюдается устойчивый рост интереса аудитории к культурной тематике, в том числе к театральному искусству как важной составляющей общественной жизни. Средства массовой информации играют ключевую роль в формировании представлений о театре, выполняя не только информационную, но и интерпретационную функцию. В связи с этим возрастает значимость изучения театрального медиадискурса как особого способа репрезентации театральной реальности в медиапространстве.

Современные СМИ не ограничиваются передачей фактов, связанных с театральной жизнью, но также формируют оценочные суждения, создают культурный контекст и влияют на восприятие зрителями театральных постановок. Это связано с развитием новых форм подачи информации, усилением авторского начала и расширением жанрового разнообразия медиатекстов. Особый интерес представляет анализ регионального медиадискурса, в частности в Республике Башкортостан, где сочетаются национальные культурные традиции и общероссийские тенденции развития СМИ.

Понятие театрального медиадискурса рассматривается в рамках медиалингвистики, теории дискурса и арт-журналистики. В научной литературе отсутствует единое определение данного термина, однако исследователи сходятся во мнении, что он связан с особенностями репрезентации театра в медиапространстве.

Так, М. М. Груздева определяет театральный дискурс как особую форму коммуникации, в которой используются специфические языковые средства, включая метафоры и образные выражения, заимствованные из различных сфер [1: 120]. В другой работе исследователь подчеркивает, что театральный медиадискурс характеризуется высокой степенью экспрессивности и оценочности [2: 15].

А. С. Шевченко рассматривает театральный дискурс как систему жанров и коммуникативных стратегий, направленных на интерпретацию театрального искусства [7: 8]. Он выделяет его структурные особенности и отмечает важную роль адресата в процессе коммуникации.

В рамках арт-журналистики театральный медиадискурс рассматривается как часть более широкого культурного медиапространства. По мнению Р. Д. Мустафиной и соавторов, арт-журналистика ориентирована на осмысление произведений искусства и формирование эстетической оценки [3: 25]. А. А. Самсонова подчеркивает, что важной характеристикой таких текстов является субъективность и использование специальных речевых техник оценивания [4: 47].

К. И. Шарафадина обращает внимание на современные тенденции развития медиадискурса, включая появление «личных» форматов, таких как авторские колонки и блоги, что усиливает индивидуализацию подачи материала [6: 591].

Таким образом, в рамках данного исследования театральный медиадискурс понимается как совокупность медиатекстов различных жанров, посвящённых театральной тематике и направленных как на информирование, так и на интерпретацию театральных событий.

Проблема театрального медиадискурса получила освещение в работах отечественных исследователей. Значительный вклад в ее изучение внесла М. М. Груздева, которая исследовала взаимодействие театрального дискурса с другими типами дискурса и выявила особенности использования метафор в медиатекстах [1: 123].

А. С. Шевченко разработал классификацию жанров театрального дискурса и описал его лингвистические особенности [7: 10]. Н. С. Цветова рассматривает искусство как важный элемент медиапространства, подчеркивая роль СМИ в формировании культурной повестки [5: 35].

Работы по арт-журналистике также вносят значительный вклад в изучение данной темы. В частности, А. А. Самсонова анализирует способы оценки произведений искусства в медиатекстах [4: 52].

Несмотря на наличие значительного количества исследований, региональные особенности театрального медиадискурса остаются недостаточно изученными, что определяет актуальность данного исследования.

Эмпирическую базу исследования составили публикации 2025–2026 годов в региональных СМИ Республики Башкортостан. В анализ были включены материалы массовых, тематических и специализированных изданий, а также телевизионные репортажи. В работе использованы методы дискурсивного анализа, сравнительного анализа и обобщения.

Анализ показал, что театральный медиадискурс представлен различными жанрами, каждый из которых выполняет определённую функцию. Наиболее распространёнными являются новостная заметка, рецензия, интервью, репортаж и анонс.

Новостная заметка направлена на оперативное информирование аудитории, тогда как рецензия предполагает анализ и оценку спектакля. Интервью позволяет раскрыть позицию участников театрального процесса, а репортаж создает эффект присутствия. Анонс выполняет функцию привлечения аудитории. Жанровое разнообразие отражает многофункциональность театрального медиадискурса и его ориентированность на разные типы аудитории.

Для анализа были рассмотрены публикации, посвящённые театральным премьерам, гастролям и фестивалям в Республике Башкортостан в 2025–2026 гг. В массовых СМИ, таких как «Башинформ» и «РБК-УФА», преобладают новостные материалы. Они характеризуются краткостью, нейтральным стилем и отсутствием выраженной авторской позиции. Основное внимание уделяется фактической информации: дате, месту проведения и участникам события. Так, информационное агентство «Башинформ» в 2025 году опубликовало новость о премьере спектакля в Башкирском государственном академическом театре драмы им. М. Гафури. Материал построен по классической модели новостного текста: указывается дата премьеры, название постановки, имена режиссёра и актёров. Текст носит нейтральный характер, в нём отсутствует авторская оценка, что соответствует

информационной функции массовых СМИ. В издании «РБК-УФА» освещение гастролей федерального театра в Уфе также представлено в формате краткой новости. Особое внимание уделяется организационным аспектам (стоимость билетов, площадка проведения, сроки показа), что отражает деловой стиль издания и его ориентацию на широкую аудиторию.

Иной подход в тематических изданиях, таких как «Собака.ru.Уфа», наблюдается сочетание информирования и оценки. Авторы используют эмоционально окрашенную лексику, что позволяет привлечь внимание аудитории и сформировать интерес к событию. Например, в одном из материалов за 2025 год, посвященном премьере спектакля в Башкирском государственном академическом театре драмы им. М. Гафури, автор выходит за рамки простой передачи фактов. Помимо информации о дате показа, режиссере и актерском составе, в тексте дается краткая интерпретация постановки: подчеркивается современное прочтение классического произведения, внимание уделяется сценографии и актерской игре. Используются оценочные характеристики, такие как «смелая режиссерская трактовка», «визуально выразительное решение» и «эмоционально насыщенная игра актеров». Это свидетельствует о стремлении автора не только проинформировать аудиторию, но и сформировать интерес к театральному событию, вовлекая читателя в культурный контекст.

В специализированных изданиях («Рампа. Культура Башкортостана», «Аксаковский дом») представлен более глубокий анализ спектакля. Публикуются развернутые рецензии, содержащие анализ режиссёрской концепции, актёрской игры и сценографии. Такие тексты ориентированы на подготовленного читателя и отличаются использованием профессиональной терминологии.

Отдельного внимания заслуживают телевизионные репортажи на каналах «БСТ» и «Россия-Культура». В них активно используются визуальные средства: фрагменты спектаклей, интервью с актерами и режиссерами, комментарии зрителей. Это создает эффект присутствия и усиливает эмоциональное восприятие материала.

Сопоставление различных типов СМИ показало, что характер театрального медиадискурса зависит от целевой аудитории и формата издания. Массовые СМИ ориентированы на оперативное информирование и используют нейтральный стиль. Тематические издания сочетают информирование с элементами оценки. Специализированные СМИ предлагают глубокий аналитический подход. Телевизионные материалы делают акцент на визуальном и эмоциональном восприятии.

Таким образом, театральный медиадискурс является многослойным явлением, в котором сочетаются различные коммуникативные стратегии. В результате исследования было установлено, что театральный медиадискурс в СМИ Республики Башкортостан обладает рядом специфических особенностей. Он представлен разнообразными жанрами и формами, а его содержание зависит от типа издания и его аудитории.

Современные тенденции развития медиадискурса связаны с усилением субъективности, расширением жанровых форм и интеграцией цифровых технологий. Театральный медиадискурс играет важную роль в формировании культурной среды региона и способствует популяризации театрального искусства.

Литература:

1. Груздева, М. М. Взаимодействие театрального и других дискурсов в СМИ (на примере функционирования тематических метафор) / М. М. Груздева // Вестник Московского университета. Серия 10 : Журналистика. - Москва : Издательство Московского университета, 2019. - № 1. - С. 117-134.

2. Груздева, М. М. Театральный дискурс в современных российских СМИ : лингвостилистические особенности: автореферат дис. … канд. филол. наук: 10.01.10 / М. М. Груздева. - Москва: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 2019. - 28 с.

3. Мустафина, Р. Д. Основы арт-журналистики: учебное пособие / Р. Д. Мустафина, С. А. Алиева, А. А. Галлямов, А. Р. Имангулова. - Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2025. - 94 с.

4. Самсонова, А. А. Арт-журналистика : речевые техники оценивания произведения искусства / А. А. Самсонова - Санкт-Петербург : Алетейя 2021. – 119 с.

5. Цветова, Н. С. Искусство в массмедиа / Н. С. Цветова. - Санкт-Петербург : Издательство ВВМ, 2019. – 91 с.

6. Шарафадина, К. И. «Личные» форматы арт-медиадискурса как новая жанровая тенденция / К. И. Шарафадина // Медиалингвистика : материалы IX Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 25-28 июня 2025 г.). – Санкт-Петербург : Медиапапир 2025. – с. 590-593.

7. Шевченко, А. С. Театральный дискурс: структура, жанры, особенности лингвистической репрезентации: автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.19 / А. С. Шевченко. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов, 2012. – 20 с.

© Трофимова У.А., 2026

УДК 851.531

Тукбаева К. И.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Байбулова М.Н.,***
ассистент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

ПРАВИЛА ЧТЕНИЯ В КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Изучение правил чтения на корейском языке является важным аспектом для овладения этим языком, так как правильное произношение и понимание фонетических закономерностей являются ключом к успешному общению. Целью данной статьи является систематизация знаний о правилах чтения на корейском языке, что позволит как носителям языка, так и изучающим его более эффективно им овладеть. Проблема, которую мы рассматриваем, связана с недостаточной осведомленностью о специфике чтения на корейском языке, что может привести к ошибкам в произношении и понимании. Актуальность изучения правил чтения на корейском языке обусловлена растущим интересом к корейской культуре, литературе и СМИ в академической среде.

Принципы создания хангыля были основаны на глубоком понимании фонетики и артикуляции звуков. Форма согласных букв отражает положение органов речи при их произнесении, что делает систему интуитивно понятной. Гласные буквы символизируют космологические элементы: небо (точка), землю (горизонтальная линия) и человека (вертикальная линия), что придает системе философскую глубину.

С момента своего создания хангыль претерпел определенные изменения, адаптируясь к развитию языка и потребностям общества. Хотя первоначальные принципы остались неизменными, некоторые буквы и правила их использования были изменены. В результате этих процессов хангыль приобрел современную стандартизированную форму, сохранив при этом свою уникальную эффективность и последовательность.

Корейский алфавит хангыль включает 14 базовых согласных букв, каждая из которых соответствует определённому звуку. Эти согласные классифицируются по месту и способу образования, а также по наличию или отсутствию придыхания. Среди них выделяются губные (ㅁ, ㅂ, ㅍ), зубные (ㅅ, ㅈ, ㅊ), языковые (ㄴ, ㄷ, ㄹ, ㅌ), горловые (ㅇ, ㅎ) и другие группы. Каждая согласная имеет уникальную форму, отражающую артикуляционные особенности. Фонетические характеристики корейских согласных включают звонкость/глухость и напряжённость. Особую группу составляют напряжённые согласные (ㄲ, ㄸ, ㅃ, ㅆ, ㅉ), произносимые с большим мышечным усилием. Более подробно про каждую согласную алфавита:

ㄱ – буква «киёк». Читается как буква «к» в начале и конце слова. Между двумя гласными и после звонкого согласного читается как «г».

ㄴ – буква «ниын». Читается как «н».

ㄷ – буква «тигыт». Читается как «т» в начале конце слова, после звонкого согласного или между двумя гласными читается как «д».

ㄹ – буква «риыль». Читается как «р» в начале слова и между двумя гласными. В конце слова или перед гласными читается как «ль».

ㅁ – буква «миым». Читается как «м».

ㅂ – буква «пиып». Читается как «п» в начале и конце слова, а также между двумя глухими согласными. После звонкого согласного или между двумя гласными читается как «б».

ㅅ – буква «сиот». Читается как «с», но перед йотированными гласными (и, ё, ю, я) читается шепеляво.

ㅇ – буква «иын». Читается как носовой «н». В начале слога не читается.

ㅈ – буква «чиыт». Читается как мягкая «ч» в начале и конце слова. После звонкого согласного или между двумя гласными читается как мягкий «дж».

ㅎ – буква «хиыт». Читается как слабая «х».

ㅋ – буква «кхиёк». Читается как «к» с придыханием.

ㅌ – буква «тхиыт». Читается как «т» с легким придыханием.

ㅍ – буква «пхиып». Читается как «п» с легким придыханием.

ㅊ – буква «чхиыт». Читается как «ч» с легким придыханием. [2]

Система гласных в хангыле включает 10 основных букв, подразделяемых на простые и составные. Простые гласные (ㅏ – а, ㅑ – я, ㅓ – о, ㅕ – ё, ㅗ – о, ㅛ – ё, ㅜ – у, ㅠ – ю) образуют ядро системы и различаются по ряду (передние/задние), подъёму (высокие/средние/низкие) и лабиализации.

Дифтонгизированные гласные представляют собой скользящие звуки, возникающие при переходе от одного гласного элемента к другому:

ㅏ + ㅣ = ㅐ – э

ㅓ + ㅣ = ㅔ – е

ㅑ + ㅣ = ㅒ – йэ

ㅕ + ㅣ = ㅖ – йе

ㅗ + ㅣ = ㅚ – ве

ㅜ + ㅣ = ㅟ – ви

ㅗ + ㅏ = ㅘ – ва

ㅜ + ㅓ = ㅝ – во

ㅗ + ㅐ = ㅙ – вэ

ㅜ + ㅔ = ㅞ – ве

ㅡ + ㅣ = ㅢ – ый

В современном корейском некоторые из них (ㅐ и ㅔ) часто произносятся одинаково, несмотря на разное написание.

Корейский слог, являясь базовой единицей произношения и письма, обладает строго определённой структурой. Он состоит из обязательных и факультативных компонентов, которые определяют его форму и звучание. К обязательным элементам относятся инициаль (초성, 초성 자음) и медиаль (중성, 중성 모음), при этом инициаль всегда является согласной, а медиаль – гласной. Факультативным компонентом слога выступает финаль (종성, 종성 자음), которая также является согласной. Таким образом, слог в корейском языке может иметь структуру «согласная + гласная» (CV) или «согласная + гласная + согласная» (CVC). [3]

Формирование слоговых блоков в хангыле подчиняется определённым правилам комбинации согласных и гласных. Гласная буква всегда располагается либо справа от начальной согласной, если гласная горизонтальная – 가, 벼, 미, 더, либо под ней, если гласная вертикальная – 고, 프, 묘, 퓨. Это обеспечивает компактность и визуальную узнаваемость каждого слога. Если слог содержит финаль, она всегда располагается под инициалью и медиалью – 밥, 년, 뮴, 돋. Это правило позволяет однозначно определить границы слога и его составные части, что является ключевым для правильного чтения и понимания корейских слов. Отсутствие инициали в письменной форме обозначается нулевым согласным ㅇ, который не произносится, но занимает позицию начального

согласного – 아, 우, 입, 열. Такая блочная структура отличает хангыль от многих других письменностей. [1]

Особые случаи формирования слогов включают использование двойных согласных в финальной позиции, известных как двойные патчхимы (겹받침). Эти сочетания состоят из двух разных согласных букв, но при этом в большинстве случаев произносится только одна из них, следуя определённым фонетическим правилам. Например, в слоге 닭 (курица) произносится только звук ‘к’, а в слоге 읽다 (читать) – ‘л’.

Таким образом, анализ базовых принципов формирования слогов выявил научную обоснованность хангыля, где комбинация согласных и гласных создает предсказуемые модели, упрощающие освоение чтения. Изучение исторического контекста и рациональных основ письменности показало, что её структура способствует логичному построению слогов. Такая системность позволяет начинающим эффективно осваивать правила чтения и применять их в различных контекстах.

Литература

1. Ан А.В. Корейский язык! Большой понятный самоучитель. – М.: Издательство АСТ, 2019. – 38 с.

2. Корейский алфавит Хангыль: буквы и правила чтения. – Режим доступа: https://lingust.ru/korean/korean-lessons/lesson0

3. Choi Eunkyu, Jin Moon-e, Oh Eunyoung, Song Gihyun. Seoul National University Korean Language 1A’ Students Book. – 2013. – 27 p.

© Тукбаева К.И., 2026

УДК 811.512.157

Тюменцева А. Б.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Хуснетдинова Р.Я.,***
канд. филол. наук, доцент УУНиТ
г.Уфа, Россия

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЖЕСТОВ В ЯКУТСКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Межличностное общение состоит не только из слов. Невербальные средства – жесты, мимика, позы – служат важной частью диалога, они усиливают смысл, передают эмоции и помогают лучше понять собеседника. Особенно богатая культура этого рода коммуникации у народов Сибири, в том числе у якутов.

Язык жестов у якутов – неотъемлемая часть традиционной культуры, накопленная веками. Изучение этих жестов помогает понять особенности межличностных отношений, мировосприятия и культурных ценностей народа. В этой статье мы рассмотрим, какие жесты используют якуты в разговорной речи, какие функции они выполняют и как выглядят.

Жесты – это движения тела, рук, лица, передающие определенные сообщения. В культуре якутов выделяют:

Указательные жесты (указы, направления).

Выражающие эмоции (радость, удивление, уважение).

Ритуальные жесты (используемые в обрядах и праздниках).

Общепринятые социальные жесты (приветствия, прощания, благодарности).

Эти невербальные сигналы неотделимы от языка и культуры. В Якутии жесты помогают выразить уважение, согласие или несогласие, скорбь и радость, а также закрепляют социальные связи. Особенно важны они в условиях сурового климмата, когда голосовая коммуникация иногда затруднена.

Основные виды жестов и их функции в разговоре:

1. Указательные жесты.

Пальцем на предмет или направление – используется для обозначения конкретных объектов или мест. Например, при рассказе о каком-либо событии или объекте говорится, указывая пальцем.

Ладонь, раскрытая вверх – сигнал приглашения или просьбы, например, к пьянству или просьбе о помощи.

Ладонь, повернутая вниз – знак окончания разговора или отказа.

2. Жесты выражения эмоций.

Поднимаемые брови и открытый рот – знак удивления.

Хлопки в ладоши – восхищение или одобрение.

Прикосновение к лицу или голове – проявление скорби или уважения.

Моргание, поднятые брови или улыбка – выражение дружелюбия, согласия или иронии.

3. Жесты уважения и почтения.

Поклон – проявление уважения к старшим.

Рука, поднятая к лицу или на сердце – знак благодарности или благословения.

Касание головы или плеча – признание статуса или добрых намерений.

Жесты в традиционных обрядах и праздниках

В традиционных практиках и ритуалах движения тела и рук часто имеют сакральное значение:

Перед началом праздников или обрядов совершаются особые движения – движения руками имитируют природные явления и символизируют связь с духами.

В песнях, танцах и играх используют специфические жесты, подчеркивающие смысл мероприятия.

В таких случаях жесты выступают как язык народной религии и обрядовой культуры, выполняя функции укрепления коллективной идентичности.

Жесты в повседневной жизни и межличностных отношениях

1. Взаимодействие с людьми.

Многие жесты служат в качестве социальной сигнализации:

Приветствия – кивок и рукопожатие (у современных якутов также распространились европейские знаки);

Прощание – махальный жест или поклоны;

Благодарность – жест ладони на сердце или короткий поклон.

2. Влияние климата и условий жизни.

Местные условия – холод и снежные зимы – снижали использование голосовой коммуникации, делая жесты более значимыми. В ситуации, когда громко говорить трудно, жестовые сигналы становились главным способом передачи информации.

Наиболее подробно паралингвистические средств общения изучены в диссертации К.Е.Щукиной «Специфика паралингвистических средств общения народа Саха: На выборке городских и сельских жителей». В данной работе она выделяет три группы таких средств.

Первая группа объединяет такие базовые вербальные средства как мимика, жесты, телодвижения и контакт глаз, используемые при коммуникации. Она включает следующие подгруппы кинем: приветствия и прощания; привлечения внимания и приглашения; запрещения; встречающиеся у детей; вопросительные и утвердительные; указательные; жесты-просьбы, жесты-предложения и ответы на них; жесты, встречающиеся в различных ситуациях межличностного общения; кинемы, показывающие размеры; мимика и жесты, выражающие одобрение (согласие) и недоверие при восприятии информации.

Вторая группа паралингвистических средств общения включает в себя мимику, жесты, телодвижения и контакт глаз, выражающие отношение к социоэтнической действительности. Данная группа включает подгруппы кинем, выражающие положительное отношение к социоэтнической действительности; кинемы, выражающие отрицательное отношение к действительности; оскорбительные жесты и мимику и кинемы угроз.

Третья группа содержит специфические паралингвистические комплексы мимики, жестов, телодвижений и контакта глаз, выражающие психические процессы и состояния. К ней относятся описание мимики и жестов радости; удивления; страха (испуга); гнева; пренебрежения и презрения (отвращения); грусти (печали) и горя (страдания); стремление что-то вспомнить, размышления и внимания; затруднения при самовыражении; смущения (стеснительности) и вины (стыда) и контакт глаз [1].

Сегодня использование жестов у якутов сохранилось как часть национальной культуры, особенно в обрядах, праздниках и народных выступлениях. В повседневной жизни часто используют и европейские жесты, интегрируя их в свои традиции.

Важным является сохранение традиционных жестов, поскольку они – часть культурной идентичности и важный элемент культурного наследия. Молодое поколение учится ими воспитывать уважение к корням.

Таким образом, жесты – важная часть якутской разговорной речи и культуры. Они служат средством выражения чувств, уважения и связи с природой. В современном мире сохранение этого богатства способствует укреплению национальной идентичности и культурного наследия народа. Изучение и использование жестов помогает лучше понять особенности межличностного взаимодействия у якутов и ценить их уникальный язык невербальных сообщений.

Литература:

1. Щукина К.Е. Специфика паралингвистических средств общения народа Саха: На выборке городских и сельских жителей: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Кострома, 2004. – 18 с.

© Тюменцева А.Б., 2026

УДК 811.512.141

Үзбәкова К.К.,
Өфө фән һәм технологиялар университетының студенты
*Ғилми етәксеһе**: Хөснөтдинова Р.Я.,***
филол. фәнд. канд., доцент
Өфө ҡалаһы, Рәсәй

Ғ.Ғ. СӘЙЕТБАТТАЛОВ МЕНӘН М.З. ЗӘКИЕВТЫҢ ХЕҘМӘТТӘРЕН САҒЫШТЫРМА ӨЙРӘНЕҮ

Төркител ғилеменең үҫеш тарихында айырым шәхестәрҙең, ғалим-энциклопедистарҙың роле баһалап бөткөһөҙ. Башҡорт һәм татар телдәренең грамматик төҙөлөшөн, синтаксик үҙенсәлектәрен фәнни нигеҙҙә өйрәнеүҙә профессорҙар Ғәли Ғәли улы Сәйетбатталов [1, 2] менән Мирфатых Зәки улы Зәкиевтың тикшеренеүҙәре – фундаменталь хеҙмәттәр. Ике ғалимдың да фәнни эшмәкәрлеге XX быуаттың икенсе яртыһына тура килеп, милли тел ғилеменең методологик нигеҙҙәрен нығытыуға йүнәлтелгән. Уларҙың хеҙмәттәрен сағыштырма планда ҡарау Урал-Волга буйы төркителдәренең уртаҡ һәм үҙенсәлекле үҫеш йүнәлештәрен асыҡларға мөмкинлек бирә.

М.З. Зәкиевтең фәнни мираҫы киң ҡоласлы булыуы менән айырылып тора. Татар теленең синтаксик төҙөлөшөн тикшергәндә, ғалим һөйләмдәр араһындағы мәғәнәүи һәм структур бәйләнештәрҙе беренсе урынға ҡуя. Уның раҫлауынса, «телдең синтаксик ҡатламы логик фекерләү менән тығыҙ бәйләнгән, әммә һинд-европа телдәренә хас ҡалыптарҙы төркителдәргә туранан-тура күсереү ярамай». Мәҫәлән, ғалимдың «Хәҙерге татар әдәби теле. Синтаксис» исемле хеҙмәтендә ябай һәм ҡушма һөйләмдәрҙең айырмаһы семантик йәһәттән генә түгел, ә структур-грамматик яҡтан ҡарала [6].

Элекке грамматикаларҙа ҡушма һөйләм ҡатмарлы уйҙы, ә ябай һөйләм ябай фекерҙе белдерә тигән ҡараш йәшәһә, М.З. Зәкиев быны кире ҡаға. Ҡатмарландырылған ябай һөйләмдең дә йөкмәткеһе ҡатмарлы булыуы ихтимал.

Ошондай уҡ принциптар Ғ.Ғ. Сәйетбатталовтың эҙләнеүҙәрендә лә сағылыш таба.

Башҡорт теленең синтаксисын системалы өйрәнгән ғалим булараҡ, ул ябай һөйләмдәрҙең классификацияһына ҙур иғтибар бүлә. Ул бер составлы һөйләмдәрҙең төрҙәрен күпкә киңәйтә һәм ентекләберәк тасуирлай. Автор фекеренсә, ике составлы һәм бер составлы һөйләмдәрҙе айырғанда уларҙың грамматик һәм семантик үҙенсәлектәрен иҫәпкә алырға кәрәк. Ғалим бер составлы һөйләмдәрҙең (билдәле эйәле, билдәһеҙ эйәле, дөйөм эйәле, эйәһеҙ, инфинитив, атама) структур-семантик үҙенсәлектәрен тәүгеләрҙән булып тасуирлай [13]. Ғ.Ғ. Сәйетбатталовтың фекеренсә, башҡорт телендә һүҙбәйләнештәре «ике компонентлы ғына түгел, ә күп компонентлы ла була ала» [7, 45], был иһә синтаксик берәмектәр тураһындағы күҙаллауҙы киңәйтә.

Һөйләмдең коммуникатив маҡсаты һәм интонация үҙенсәлектәре лә уның хеҙмәттәрендә төп урынды биләй.

М.З. Зәкиевтең тағы бер мөһим ҡаҙанышы – төркиморфонологияһына нигеҙ һалыу. Өндәрҙең морфема эсендәге сиратлашыу законлыҡтарын асыу тел төҙөлөшөн тәрәнерәк аңларға ярҙамлаша. Бынан тыш, ғалим төркителдәрҙәге килеш системаһының күп ҡырлылығын иҫбатлай, ғәҙәти алты килеш менән генә сикләнмәҫкә саҡыра.

Татар теленең синтаксик төзөлөшөнә арналған фундаменталь хеҙмәтендә предикативлыҡ һәм модаль категориялар яңыса яҡтыртыла [3; 6]. Ғалимдың фекерләүенсә, һөйләмдәге өҫтәмә предикаттар (ярым предикативлыҡ) айырым иғтибарға лайыҡ, сөнки, улар эш-хәлде хәбәр итмәй, ә атап ҡына үтә.

Ғ.Ғ. Сәйетбатталов иһә синтаксик стилистика өлкәһендә уникаль мәктәп булдыра. Ул «грамматик стилистика» термины менән килешмәйенсә, стилистиканы лингвистик һәм функциональ йүнәлештәргә бүлеп ҡарай [9]. Башҡорт яҙыусыларының әҫәрҙәрен анализлау нигеҙендә, ғалим һүҙ тәртибенең, айырымланған эйәрсән киҫәктәрҙең, хәл ҡылымдарҙың стилистик мөмкинлектәрен аса. Пунктуация ҡағиҙәләрен фәнни нигеҙҙә эшләү, яҙма телде ҡанунлаштырыу – Ғ.Ғ. Сәйетбатталовтың башҡорт мәҙәниәте алдындағы оло хеҙмәте.

Ҡушма һөйләм синтаксисының үҫеш баҫҡыстарын асыҡлау – ғалимдың докторлыҡ диссертацияһында хәл ителгән төп мәсьәләләрҙең береһе [8]. Ҡушма һөйләмдәрҙең төрҙәре, уларҙың компоненттарын бәйләү юлдары ентекле тикшерелә.

Туған телдәрҙе уҡытыу методикаһына индергән өлөштәре лә ике ғалимды яҡынайта. М.З. Зәкиевтың авторлығындағы дәреслектәр ярты быуаттан ашыу юғары уҡыу йорттарында ҡулланыла [5]. Ул уҡытыусылар өсөн методик ҡулланмалар төҙөүҙә әүҙем ҡатнаша, мәктәп программаларын яңыртыуға булышлыҡ итә. Ғ.Ғ. Сәйетбатталов та педагогик училищелар һәм вуздар өсөн дәреслек авторы [11]. Уның хеҙмәттәре башҡорт телен уҡытыуҙың сифатын яңы кимәлгә күтәреүгә йүнәлтелгән.

Стилистика мәсьәләләренә килгәндә, Ғ.Ғ. Сәйетбатталовтың хеҙмәттәре күп томлы баҫмаларҙа тупланған. Ул лексик, морфологик һәм синтаксик стилистиканың үҙенсәлектәрен системалы рәүештә тасуирлай. Мәҫәлән, синонимдар, антонимдар, фразеологизмдарҙың телмәрҙәге ролен асыҡлау телдең тасуирлау сараларын байыта. Ғалимдың күҙәтеүҙәре буйынса, функциональ стиль төрҙәренең үҫеше йәмғиәттең социаль-мәҙәни хәле менән тығыҙ бәйләнгән. Башҡорт әҙәби теленең стилистик нормаларын билдәләүҙә ғалимдың хеҙмәттәре [9] әһәмиәтле урын биләй.

М.З. Зәкиевтең дә ҡыҙыҡһыныу даирәһе синтаксис менән генә сикләнмәй. Дәүләт телдәре, ике теллелек һәм күп теллелек проблемаларын өйрәнеү, милләт-ара бәйләнештәрҙе көйләү мәсьәләләре лә уның хеҙмәттәрендә сағылыш таба. Фәнни мәктәптәр булдырыу, йәш ғалимдар әҙерләү – академик Зәкиевтең оло ҡаҙанышы. Татар теленең академик грамматикаһын төҙөүҙә уның етәкселек роле баһалап бөткөһөҙ.

Сағыштырма анализ шуны күрһәтә: Ғ.Ғ. Сәйетбатталов һәм М.З. Зәкиев, төрлө телдәр (башҡорт һәм татар) нигеҙендә эшләһәләр ҙә, уларҙың фәнни ҡараштары уртаҡ методологик принциптарға таяна. Икеһе лә телде тере, үҫеп бара торған организм итеп ҡарай. Ғ.Ғ. Сәйетбатталов күберәк стилистика менән синтаксистың нескәлектәренә иғтибар биргән, М.З. Зәкиев тел теорияһын тарих һәм этнография менән бәйләп, киңерәк масштабта фекер йөрөтә.

Ғ.Ғ. Сәйетбатталовтың стилистика буйынса хеҙмәттәренең әһәмиәте бөгөн дә кәмемәй. Уның башҡорт теленең нескәлектәрен, байлығын асып биреүе милли әҙәбиәттең үҫешенә этәргес көс бирә. М.З. Зәкиевтең төрки халыҡтарының килеп сығышы тураһындағы хеҙмәттәре иһә милли үҙаңды үҫтереүгә хеҙмәт итә. Ғалимдарҙың хеҙмәттәрендә сағылған идеялар хәҙерге төрки тел ғилемендә яңы тикшеренеүҙәр өсөн нигеҙ булып тора.

Йомғаҡлап әйткәндә, Ғ.Ғ. Сәйетбатталов менән М.З. Зәкиев – төрки донъяһының ике бөйөк аҡыл эйәһе. Уларҙың синтаксис, стилистика һәм тел тарихы өлкәһендәге асыштары фән хазинаһына алтын фонд булып ингән. Башҡорт һәм татар телдәренең грамматик төҙөлөшөн сағыштырма өйрәнеү тел белеменең офоҡтарын киңәйтә, туғандаш халыҡтарҙың рухи байлығын һаҡлауға булышлыҡ итә.

Әҙәбиәт:

1. Иҫәнғолова Г.А., Хөснөтдинова Р.Я. Сәйетбатталов Ғәли Ғәли улы. В сборнике: Башҡорт теле күп мәҙәниәтле арауыҡта. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения известных башкирских ученых – члена-корреспондента Академии наук Республики Башкортостан, профессора Гали Галиевича Саитбатталова, заслуженного деятеля науки Республики Башкортостан, профессора Нагима Хажгалиевича Ишбулатова. – Уфа, 2018. – С. 9-13.

2. Иҫәнғолова Г.А., Хөснөтдинова Р.Я. Ғәли Ғәли улы Сәйетбатталов – ғалим һәм педагог (тыуыуына 95 йыл тулыуға ҡарата). В сборнике: Хәҙерге төрки филологияһының көнүҙәк мәсьәләләре. Күренекле башҡорт ғалимдары Ғ.Ғ. Сәйетбатталов һәм Н.Х. Ишбулатовтың тыуыуына 95 йыл тулыуға арналған II халыҡ-ара фәнни ғәмәли конференцияның материалдар йыйынтығы. – Уфа,
2023. – С. 6-11.

3. Закиев М. З. Синтаксический строй татарского языка. – Казань: Магариф, 1963. – 464 с.
4. Закиев М. З. Татар халкы теленең барлыкка килүе. – Казань: Магариф, 1977. – 208 с.
5. Закиев М. З., Максимов Н. В. Татар теле дәресләре. – Казань: Магариф, 2015. – 180 с.
6. Закиев М. З. Хәзерге татар әдәби теле. Синтаксис. – Казань: Магариф, 1958. – 244 с.
7. Саитбатталов Г. Г. Башкирский язык. Т. 1: Синтаксис простого предложения. – Уфа: Китап, 1999. – 352 с.
8. Саитбатталов Г. Г. Башкирский язык. Синтаксис. Т. 2: Синтаксис сложного предложения. – Уфа: Китап, 2002. – 432 с.
9. Саитбатталов Г. Г. Башкирский язык. Стилистика. Т. 3-6: Стилистика. – Уфа: Китап, 2007-2010.
10. Саитбатталов Г. Г. Стилистика башкирского языка (книга 2). – Уфа: Китап, 1985. – 160 с.
11. Сәйетбатталов Ғ.Ғ. Башҡорт теле. Педагогия училищелары өсөн дәреслек. – Өфө: Китап, 1975. – 410 бит.
12. Хөснөтдинова Р.Я. Профессор Ғ.Ғ.Сәйетбатталовтың хеҙмәттәрендә һөйләмдең функциональ (коммуникатив) типтарының өйрәнелеше. В сборнике: Башҡорт теле күп мәҙәниәтле арауыҡта. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения известных башкирских ученых – члена-корреспондента Академии наук Республики Башкортостан, профессора Гали Галиевича Саитбатталова, заслуженного деятеля науки Республики Башкортостан, профессора Нагима Хажгалиевича Ишбулатова. – Уфа, 2018. – С. 323-330.
13. Хуснетдинова Р.Я. Г.Г. Саитбатталов об односоставных предложениях современного башкирского языка (к 90-летию со дня рождения профессора Г.Г. Саитбатталова) // Вестник Башкирского университета. 2018. Т. 23. № 4. С. 1253-1257.

©Үзбәкова К.К., 2026

УДК 81

Фам В.Х.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Бахтиярова А.Н.,***
канд. филол. наук, доцент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ

В XXI веке интернет-технологии стали неотъемлемой частью образовательного процесса, а обучение китайскому языку активно интегрируется с цифровой средой. Массовое распространение смартфонов, развитие платформ онлайн-образования, внедрение искусственного интеллекта и рост доступности языкового контента в сети вызвали глубокую трансформацию методик и лексики, связанной с преподаванием и изучением китайского языка. Тем самым терминология интернет-обучения китайскому языку превратилась в уникальную семантическую область, где сочетаются традиционные педагогические понятия, заимствования из информационных технологий и новые интернет-реалии.

Активное внедрение интернет-технологий в обучение китайскому языку началось в конце 1990-х – начале 2000-х годов. Развитие широкополосного интернета, появление первых образовательных платформ и рост интереса к китайскому языку в мире создали мощный импульс для языковых и методических изменений. Китай активно продвигал свою языковую политику через сеть, открывая доступ к онлайн-курсам, электронным словарям и мобильным приложениям. Из этого следует, что количество пользователей, изучающих китайский язык онлайн, выросло с единиц тысяч в 2000 году до сотен миллионов к середине 2020-х годов. Проведение крупных международных событий (Олимпиада 2008 года, выставки, форумы) дополнительно стимулировало спрос на дистанционное обучение китайскому языку.

В связи с этим технологический прорыв породил специфические лексические единицы, такие как **在线课程** (zàixiàn kèchéng – онлайн-курс), **远程教学** (yuǎnchéng jiàoxué – дистанционное обучение) и **虚拟教室** (xūnǐ jiàoshì – виртуальный класс). Базовые термины цифрового обучения, включая **学习平台** (xuéxí píngtái – учебная платформа), **电子教材** (diànzǐ jiàocái – электронный

учебник) и 互动练习 (hùdòng liànxí – интерактивное упражнение), закрепились в методической литературе и образовательных стандартах. Параллельно с этим глобализация способствовала заимствованиям и адаптации иностранных терминов, что заложило фундамент для дальнейшей эволюции лексики.

Эволюцию использования интернет-технологий в обучении китайскому языку в XXI веке можно разделить на три этапа.

Первый этап (2001–2010 годы) выделяется формированием базовой терминологии на фоне роста интереса к онлайн-образованию. Тем самым закрепляются устойчивые словосочетания для типов цифрового обучения, например, 多媒体教学 (duōméitǐ jiàoxué – мультимедийное обучение) и 网络课堂 (wǎngluò kètáng – сетевой класс). Этот период иллюстрирует переход от традиционного аудиторного обучения к смешанному, поддержанному развитием интернета.

Из этого исходит второй этап (2011–2020 годы), совпадающий с распространением смартфонов и мобильных приложений. Лексика обогащается новыми словами для цифровых сервисов: 手机应用 (shǒujī yìngyòng – мобильное приложение), 语音识口 (yǔyīn shíbié – распознавание речи) и 智能纠音 (zhìnéng jiūyīn – автоматическая коррекция произношения). В ответ на растущую персонализацию обучения возникают термины вроде 自适应学习 (zìshìyìng xuéxí – адаптивное обучение) и 游戏化教学 (yóuxìhuà jiàoxué – геймификация). Параллельно развиваются обозначения для социальных аспектов обучения, такие как 在线语言交换 (zàixiàn yǔyán jiāohuàn – онлайн-языковой обмен) и 学习社区 (xuéxí shèqū – учебное сообщество).

Третий этап (2021–2026 годы) связан с постпандемийным бумом дистанционного образования, где акцент сделан на искусственном интеллекте и иммерсивных технологиях. Лексика пополняется терминами, например, 虚拟现实教学 (xūnǐ xiànshí jiàoxué – обучение в виртуальной реальности), 人工智能老师 (réngōng zhìnéng lǎoshī – ИИ-преподаватель) и 大数据分析学习行为 (dà shùjù fēnxī xuéxí xíngwéi – анализ учебного поведения через большие данные). Молодежный сленг, такой как 刷课 (shuā kè – «пролистывание» онлайн-курса) или 打卡学习 (dǎkǎ xuéxí – обучение с ежедневным «чекином»), подчеркивает роль цифровой культуры. Тем самым этот период показывает слияние обучения китайскому языку с медийным и технологическим миром, делая лексику более живой и выразительной.

Лексические инновации в сфере интернет-обучения китайскому языку черпают из нескольких источников.

Первый – калькирование и семантические заимствования из международных терминов, часто через английский: 翻转课堂 (fānzhuǎn kètáng – перевёрнутый класс) и 微课 (wēi kè – микрообучение) адаптируют структуру под китайские словообразовательные модели.

Второй источник – фонетические заимствования вроде AI (ай) или MOOC (мук), которые проникают в профессиональную речь преподавателей и студентов.

Далее следует третий – внутренние механизмы словообразования, включая сложение и аффиксы: составные слова типа 云学习 (yún xuéxí – облачное обучение), где 云 (yún – облако) выступает продуктивным префиксом.

Четвертый – интернет-сленг и медийные выражения: 网红课程 (wǎnghóng kèchéng – «инста-курс», популярный в соцсетях) рождается в блогах, но затем входит в образовательный дискурс.

В результате эти источники формируют гибридный поддискурс, смешивающий академическую строгость, маркетинг и молодёжный сленг. Тем самым новая лексика приобретает динамику, эмоциональность и технологическую направленность: слова становятся короче, запоминаемее, с упором на визуалы вроде 智能 (zhìnéng – интеллектуальный) или 互动 (hùdòng – интерактивный). Она отражает эволюцию образования в глобальную цифровую реальность, где общение и обучение идут через сети и приложения. В итоге дискурс интернет-технологий обучения китайскому языку проявляет стойкую инновационность и интеграцию, сохраняя традиционные методические понятия, что подчеркивает язык как гибкий инструмент для современных образовательных вызовов.

Литература:

1. Азарова Н. М., Сорокина Е. В. Интернет-технологии в преподавании китайского языка: современные подходы и терминология. – М.: ВКН, 2021. – 288 с.

2. Ван Лилин. Цифровая трансформация языкового образования: опыт Китая (2010–2025). – Пекин: Изд-во Пекинского университета, 2023. – 312 с.

3. Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ). Дистанционное обучение китайскому языку: методические материалы [Электронный ресурс]. – URL: https://www.rsuh.ru/distance/chinese (дата обращения: 20.04.2026).

4. Московский государственный университет (МГУ) – Высшая школа перевода. Цифровые методы преподавания китайского языка [Электронный ресурс]. – URL: https://www.hstranslator.msu.ru/chinese-edu-tech (дата обращения: 20.04.2026).

5. Chinese Zero to Hero. Онлайн-курсы и методики изучения китайского языка [Электронный ресурс]. – URL: https://chinesezerotohero.com (дата обращения: 20.04.2026).

6. Coursera. Chinese Language Teaching Specialization (Peking University) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.coursera.org/specializations/chinese-language-teaching (дата обращения: 20.04.2026).

7. Центр китайского языка и культуры (Hanban / Confucius Institute Online). Онлайн-обучение и цифровые ресурсы [Электронный ресурс]. – URL: http://www.chinese.cn (дата обращения: 20.04.2026).

8. Центр лингвистических исследований Пекинского университета. База данных терминов сетевого обучения китайскому языку [Электронный ресурс]. – URL: http://ccl.pku.edu.cn (запрос: 网络教学术语) (дата обращения: 20.04.2026).

9. Baidu Baike. 在线中文教学 (Онлайн-преподавание китайского языка): эволюция термина [Электронный ресурс]. – URL: https://baike.baidu.com/item/在线中文教学 (дата обращения: 20.04.2026).

10. Journal of Technology and Chinese Language Teaching (JTCLT) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.tclt.us/journal (дата обращения: 20.04.2026).

© Фам В.Х., 2026

УДК 811.531

Фахретдинова И.И.,
студент УУНиТ
*Научный руководитель–**Байбулова М.Н***
ассистент УУНиТ,
г.Уфа, Россия

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЧАСТИЦЫ В КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Корейский язык относится к агглютинативным языкам, и их главная особенность состоит в выражении грамматических значений путем присоединения специальных морфем к неизменяемым основам слов. Большое значение в синтаксическом построении предложений имеют частицы, именуемые в корейской лингвистике термином 조사 (*чоса*), и определяющие роль существительного или местоимения в высказывании [1:45].

Основная функция частиц заключается в оформлении синтаксических связей. Корейская лингвистика выделяет несколько категорий чоса, среди которых важнейшими являются падежные частицы 격조사 (*гёкчоса*) и вспомогательные частицы 특수조사 (*тыксучоса*)

1. Падежные частицы. Падежные частицы указывают на отношение имени к другим компонентам предложения. Так, например, частицы именительного падежа 이/가 (*и/га*) служат для обозначения субъекта действия. А. А. Холодович в своих лингвистических трудах отмечал, что при выборе правильной падежной частицы важно обращать внимание на букву, на которую оканчивается слово – при согласном используется 이, при гласном 가 [2: 112]. В корейской речи также широко используются частицы винительного падежа 을/를 (*ыль/рыль*), которые тоже опираются на фонетический принцип – если слово оканчивается на согласный звук, используется

을, если на гласный – 를. Частицы винительного падежа отвечают на вопрос «что?» или «кого?» и маркируют объект, на который направлено действие.

2. Вспомогательные частицы. Помимо обозначения грамматической формы существительного, данный разряд частиц обогащает высказывание, добавляя новые смысловые нюансы. Среди основных особенно выделяются частицы выделения темы предложения – в частности, 은/는 (*ын/нын*). В отличие от субъективной частицы 이/가, они используются для обозначения темы высказывания, то есть того, о чем сообщается информация [3: 156]

Стоит обратить внимание, что вспомогательные падежи могут работать в паре с вспомогательными, создавая таким образом сложные смысловые конструкции. Например, в слове 에는 (*энын*) присутствует как частица, обозначающая значение места (에), так и частица тематического выделения (는).

Корейская грамматика также располагает значительной группой морфем, служащих для уточнения семантических границ понятия, которых часто объединяют под общим названием ограничительно-выделительные частицы. Ограничительные частицы в корейском языке служат для уточнения границ, объема или диапазона действия, о котором идет речь. Эти частицы играют важную роль в предложении, четко ограничивая или определяя пределы действий, объектов или времени. Частицы 만 (*ман*), 도 (*до*), 부터 (*бутo*) и 까지 (*ккаджи*) являются наиболее употребляемыми в этой категории. Каждая из этих частиц обеспечивает более конкретизированное значение высказывания путем исключения (выделения чего-то одного), добавлением чего-то, или обозначением пространственно-временных пределов.

Особое внимание стоит уделить частице 만, которую на русский язык можно перевести как «только» или «лишь». По мнению А.В Погодаевой, эта частица играет ключевую роль в предложении, выделяя объект как единственный возможный вариант, исключая все остальные [3: 184]. В противовес ей, частица 도, означающая «тоже» или «также», выполняет функцию добавления или включения. Интересно, что она также может использоваться для усиления, передавая значение «даже», когда речь идёт о крайней степени чего-либо.

Особого внимания заслуживают частицы 부터 (*бутo*) и 까지 (*ккаджи*), которые могут употребляться в высказывании как вместе, так и по отдельности. Когда они используются вместе, они служат для точного определения временного диапазона. По отдельности же каждая частица выделяет либо начальную точку, либо конечную. Как отметил Чой Вон, 부터 чаще всего используется для обозначения момента начала какого-то процесса, в то время как частица 까지 – для указания на его завершение [4: 115]. Благодаря возможности этих частиц как комбинироваться, так и функционировать независимо, говорящий может максимально точно структурировать свою речь.

В настоящее время дискутируется вопрос о грамматическом статусе частиц. В частности, одна сторона рассматривает частицы как суффиксы, другая выдвигает гипотезу о том, что частицы являются самостоятельными служебными частями речи. Тем не менее, грамматическая верность предложений в корейском языке определяется согласно правильному использованию *чоса.*

Таким образом, корейские грамматические частицы образуют комплексную структуру и являются сложной системой, которая способствует логической связности и смысловой завершенности высказываний. Помимо своей функциональной роли, они служат ключевым инструментом для выражения личного отношения говорящего к передаваемой информации. Исследование особенностей падежных и вспомогательных частиц, а также множества морфем продолжает оставаться актуальным направлением для лингвистики и в целом для более детального изучения грамматического строя корейского языка.

Литература

1. Мазур Ю.Н. Грамматика корейского языка (Морфология. Словообразование). – М., изд-во «Менеджер», 2004 г. – 464 с.

2. Холодович А.А. Очерк грамматики корейского языка – М., изд-во вост. лит., 1954 г. – 320 с.

3. Погадаева А.В. Корейский язык. Начальный курс. – М., АСТ, 2021 г. – 352 с.

4. Чой Вон Гвон. Грамматика корейского языка. Начальный и средний уровни. – СПБ.: Антология, 2015. – 320 с.

© Фахретдинова И.И., 2026

УДК 81`373.2

Филимонова В.В.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Карабаев М.И.,***
канд. филол. наук, доцент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

АНГЛИЦИЗМЫ В ЭМПОРОНИМАХ ГОРОДА СТЕРЛИТАМАК

Современный урбанистический ландшафт российских городов демонстрирует активное внедрение англицизмов в сферу коммерческой номинации, что особенно заметно на примере *эмпоронимов* – названий предприятий торговли и сферы услуг. С позиций лингвокультурологии и урбанонимики изучение англицизмов в эмпоронимах города Стерлитамак представляет значительный интерес, поскольку позволяет выявить механизмы адаптации иноязычных элементов в локальном ономастическом пространстве. В условиях глобализации и унификации потребительской культуры обращение к данной теме продиктовано необходимостью фиксации и осмысления языковых процессов, формирующих современный облик провинциального города. Эмпоронимы на базе английского языка становятся не просто вывесками, а маркерами престижа, современности и определённого образа жизни, что делает их важным объектом лингвистического анализа. Научная новизна работы заключается в привлечении нового фактического материала и его систематизации по структурно-семантическому принципу, что позволяет выявить доминирующие модели англоязычного словообразования в городской среде среднего промышленного центра Республики Башкортостан.

Теоретической основой исследования служит понятие эмпоронима, введённое Т.В. Шмелёвой и развитое в работах Т.А. Кадоло и Т.В. Федотовой. Эмпоронимы как разновидность эргонимов и часть урбанонимии выполняют номинативную, информативную, рекламную и кумулятивную функции, обладая открытостью и динамичностью лексической системы города. По структурно-семантическому принципу они делятся на простые, сложные, трансонимизированные и гибридные, отражая глобализационные тенденции и локальные особенности [2: 196–197; 3: 447]. Данная классификация позволяет системно подойти к анализу англицизмов в эмпоронимиконе Стерлитамака, рассматривая их не как случайные заимствования, а как структурированную подсистему, подчиняющуюся определённым моделям словообразования и семантическим переносам.

Лингвокультурный аспект изучения эмпоронимов-англицизмов заключается в том, что данные номинативные единицы транслируют ценностные ориентиры современного городского сообщества: стремление к западным стандартам потребления, ориентацию на молодёжную аудиторию, престижность международных брендов. Как отмечает В.А. Маслова, язык города является «зеркалом» социальных и культурных изменений [1: 78]. В случае со Стерлитамаком, крупным промышленным центром Республики Башкортостан (вторым по величине городом республики после Уфы), внедрение англицизмов в эмпоронимию приобретает дополнительную смысловую нагрузку: через нее происходит диалог локальной идентичности и глобальных тенденций. Исследование эмпоронимов на материале данного города приобретает особую значимость, поскольку традиционная промышленная специализация (химия, машиностроение) всё активнее сосуществует с современными форматами потребления, фиксируемыми в коммерческих именах собственных.

Проведённый нами сбор материала (всего проанализировано более 40 эмпоронимов с элементами английского языка) позволяет распределить англицизмы согласно структурно-семантической классификации Т.А. Кадоло и Т.В. Федотовой. Важно, что внутри каждой группы оказываются названия из самых разных сфер – от фитнеса до пиццерий, от магазинов одежды до салонов красоты, что доказывает универсальность данных моделей словообразования для городской ономастики.

Простые эмпоронимы представлены однословными англицизмами или транслитерированными лексемами без внутренней формальной структуры. В Стерлитамаке к ним относятся: *Pizzman* (пиццерия, простое имя собственное, образованное от *pizza* + *man*, но воспринимаемое как цельная неделимая единица); *Siam* (кафе азиатского стритфуда, трансонимизированный топоним, функционирующий как одно слово); *Respect* (магазин одежды, абстрактное существительное, утратившее в названии внутреннюю форму); *Sunlight* (сеть ювелирных изделий, этимологически сложное, но в языке города воспринимаемое как цельный простой знак); *Zolla* (магазин одежды, псевдоитальянское имя, функционирующее как простой эмпороним); Baon (сетевой бренд одежды, короткое звучное слово). В отличие от сложных, простые эмпоронимы не содержат двух очевидных

английских корней (*Shop*, *Store, Beauty*). Их семантика часто затемнена, а рекламная функция строится на благозвучии, краткости или престижности иностранного звукового облика, а не на прямом указании на товар. Например, *Rendezvous* (кафе с европейским оттенком) – французское по происхождению, но входящее в русский язык через английский дискурс, в Стерлитамаке функционирует как простое заимствованное наименование. Простые эмпоронимы часто встречаются в крупных торговых центрах как вывески сетевых брендов, где важен мгновенный визуальный контакт с покупателем

Сложные эмпоронимы – наиболее многочисленная группа в нашем материале. Они состоят из двух и более английских компонентов, семантически прозрачны и часто содержат родовой маркер (*Shop, Store, Cafe, House, Point, Club, Bar, Fitness, Gym, Lounge, Style, Beauty)*. К ним относятся: *Bodybuilding Shop (BB Shop)* – сложное с атрибутивной конструкцией (вид спорта + торговая точка), представленное несколькими точками по городу *Coffee Point* (название кофейни, где Point указывает на формат *«точка выдач); Grill House* и *Grille House* (варианты названия сети кафе-гриль, *«гриль-дом»*); Burger Club (бургерная, *«клуб бургера»*); *World Gym*, *X-Fitness* и *L-Fitness Park* (фитнес-клубы, где *Gym* и *Park* выполняют жанровую функцию); *City Bags* (магазин сумок и аксессуаров, *«городские сумки»*); *Street Shop* («уличный магазин»); Beauty Style («стиль красоты»); *World Beauty* (*«мировая красота»*); *Art Beauty* (магазин профессиональной косметики, где *Art* выступает определителем); *Beauty Relax* (студия омоложения, *«красота и отдых*»); *Premium Reseller* (сложный экономический термин); *Lime Store* (гаджеты и аксессуары, где *Lime* – брендовый элемент, а *Store* – родовой); *Street Food* (точки азиатского или уличного стритфуда); *Home Style* (магазин сантехники и товаров для дома, «домашний стиль»); *Spark Lounge* и *Mamounia Lounge* (лаундж-кафе, где *Lounge* выступает жанровым маркером); *Double.Cafe* (кофейня, где *Double* указывает на удвоенную порцию или интенсивность). Отметим, что в сложных эмпоронимах чаще всего реализуется информативная функция: название прямо или метафорически сообщает о специализации (спортпитание, кофе,магазин сумок, салон красоты). Кроме того, сложные названия доминируют в спальных районах Стерлитамака, где они выступают в роли локальных ориентиров и выполняют номинативную функцию для городской навигации.

Трансонимизированные эмпоронимы – это названия, перенесённые из другой ономастической сферы (бренда, топонима, антропонима, известного словосочетания) без изменения формы. В Стерлитамаке данная группа представлена как международными сетевыми брендами, так и локальными заимствованиями готовых имён. Сетевые примеры: *Burger King, Rostic's, Familia, Gloria Jeans, New Yorker, O'STIN, INCITY, Concept Club, Befree, Haier, BARKLAND, Coffee Like.* Локальные трансонимизированные единицы, освоенные городской средой: *World Gym* (хотя это и сложное по структуре, но одновременно трансонимизированное, так как является готовым названием международной сети фитнес-клубов); *Quality Pizza* (пиццерия с акцентом на качество, название-слоган, перенесённое из рекламного дискурса); *Fiesta Pizza* (испанско-английское название, функционирующее как готовый бренд). Важно, что трансонимизация часто накладывается на сложные структуры: например, *Coffee Like* – это сетевой бренд, но по форме он близок к сложному *(Coffee + Like)*, что демонстрирует зыбкость границ между группами. Данная группа выполняет прежде всего рекламно-престижную и кумулятивную функции, аккумулируя образ «глобального», «успешного», «качественного» предприятия. Концентрация трансонимизированных эмпоронимов максимальна в крупных торговых центрах («Фабри» и «СитиМолл»), что свидетельствует о стратегии привлечения покупателя за счёт узнаваемости международных имен.

Гибридные эмпоронимы – названия, сочетающие английский элемент с русским словом, морфемой или графическим кириллическим пояснением. Это самая маркерная группа для языковой ситуации провинциального города, где действуют правила о дублировании вывесок на русском языке и сохраняется потребность в адаптации иноязычных имён к русскоязычному восприятию. Примеры: *Grill Bar Drova* (англ. *Grill Bar* + рус. *«Дрова»* – кафе с акцентом на блюда на гриле); *Lukum Lounge* (англ. *Lounge* + рус. транслитерация *«Лукум»*); *Pizzarella* (англо-итальянский гибрид с русской адаптацией графики). Гибридность возникает также на морфологическом уровне: в устной речи жителей Стерлитамака англицизмы закономерно склоняются («*в Lime Stor'e*», «*из Bodybuilding Shop'a*», «*рядом с Coffee Point'ом*»), что является скрытой, грамматической гибридизацией. Таким образом, гибридные эмпоронимы выполняют номинативную и адаптирующую функцию, обеспечивая вхождение иноязычного слова в русскоязычный урбанистический ландшафт и удовлетворяя одновременно две потребности: маркетинговую (престижность английского) и коммуникативную (понятность для местного жителя).

Проведённый структурно-семантический анализ англицизмов в эмпоронимах города Стерлитамак свидетельствует о высокой степени интеграции английского языка в коммерческую номинацию провинциального города. На материале более 40 единиц выявлено доминирование сложных эмпоронимов (типа *Bodybuilding Shop, Coffee Point, Beauty Style*), что объясняется их информативной прозрачностью и удобством для городской навигации. Трансонимизированные названия (*Burger King, KFC, New Yorker, Coffee Like*) концентрируются в крупных торговых центрах и выполняют престижно-рекламную функцию, ассоциируясь с глобальными стандартами потребления. Простые эмпоронимы (*Pizzman, Respect, Sunlight, Siam*) немногочисленны и действуют за счёт краткости и запоминаемости. Гибридные формы (*Grill Bar Drova, Lukum Loung*) и скрытая, грамматическая гибридизация («*рядом с Coffee Point'ом*») являются маркером адаптации англицизмов к языковой среде среднего российского города, где английский элемент соседствует со смешением языков и русской грамматикой. Частотные английские лексемы (*Shop, Store, Beauty, Style, Fitness, Lounge, Point, Bar, House*) образуют ядро эмпоронимикона Стерлитамака и выполняют роль универсальных жанровых маркеров.

Дальнейшее изучение эмпоронимов Стерлитамака может быть связано с диахроническим анализом (появление англицизмов в постсоветский период), сопоставлением с другими городами Республики Башкортостан (Уфа, Салават, Ишимбай) и выявлением соотношения англицизмов с башкироязычными и русскоязычными эмпоронимами, что позволит полнее реконструировать языковую картину современного полиэтнического города.

Литература:

1. Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию: учебное пособие. – М.: Наследие, 1997. – 208 с.

2. Кадоло Т.А. Эмпоронимы как объект лингвистического исследования // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2018. – № 2 (80). – С. 196–199.

3. Федотова Т.В. Структурно-семантические типы эмпоронимов (на материале русского и английского языков) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2020. – № 4. – С. 445–450.

4. Шмелёва Т.В. Ономастика города: к постановке проблемы // Городская культура: диалог прошлого и настоящего. – Новгород, 1995. – С. 34–38.

© Филимонова В.В., 2026

УДК 821.512.141

Хабибуллина Э.Э.,
студент УУНиТ
Научные руководители - ***Салаватова Ф.Р.,***
канд. филол. наук, доцент УУНиТ
О Кен Хи
ст. преп. УУНиТ
г. Уфа, Россия

ЖИВОТНЫЕ КАК НОСИТЕЛИ МОРАЛИ В БАШКИРСКИХ И КОРЕЙСКИХ СКАЗКАХ

С древнейших времен сказки о животных служили неким моральным наставником, воздействуя на слушателей через эмоции и яркие образы, а не прямые предписания. В фольклористике их называют «дидактической литературой», поскольку они знакомят с понятиями добра и зла, дружбы и предательства.

Башкирские народные сказки являются воплощением народной мудрости, передавая детям и взрослым нравственные, бытовые и семейные ценности. Их корни уходят в мифологию и древние представления о мире, где животным приписывались человеческие качества, отражая тем самым хозяйственный уклад и моральные нормы народа. Так, образы зайцев в башкирских сказках символизируют доброту, щедрость и смекалку.

Корейские сказки, как и башкирские, также транслируют важные этические уроки, связанные с семейными ценностями, уважением к старшим, трудолюбием и честностью. Основываясь на мифах и верованиях, они формировали представления о добре и зле, подчеркивая связь человека с природой. Эти уроки, заложенные в сказках, остаются актуальными и сегодня, доказывая непреходящую ценность народной мудрости.

В основе любой сказки лежит принцип справедливости: добро обязательно возвращается добром, а за злом следует наказание. К примеру, в башкирских сказках действует принцип

«яҡшылыҡҡа яҡшылыҡ менән яуап бирәләр» («на добро отвечают добром») (как в сказке «Йомарт ҡуян»- «Благодарный заяц» [2: 7], «Яҡшылыҡ тураһында» - «О добре» [2: 115]).

В свою очередь такой же принцип есть и в корейских сказках, вроде «Благородного фазана» («은혜 갚은 꿩»), где однажды спасенное животное ценной собственной жизни спасает человека. Этот принцип формирует в человеке добродетель, показывая роль человеческих поступков.

Ясность - это краеугольный камень для формирования детского, а также архаичного, в широком смысле, сознания. Сказки о животных удовлетворяют эту потребность, избегая сложных нюансов и полутонов. Исследование башкирского фольклора, например, показывает, что в центре этих историй лежит простое и понятное деление на две взаимоисключающие или противоположные части: здесь есть однозначное добро и однозначное зло, правда и ложь, жизнь (спасение) и смерть (угроза). Примером такой сказки у башкирского народа является «Етем төлкө» («Лиса-сирота») [2: 46]. Лиса притворилась бедной сиротой, обманом пробралась в дом к Медведю, Волку, Собаке и Зайцу, а затем под видом того, что идёт давать имя новорождённому барсуку, трижды тайком залезала под крышу и съела всё масло, которое звери заготовили на зиму. Когда обман раскрылся, звери наказали Лису - подержали над огнём, откуда потекло украденное масло, и выгнали её вон.

Примером подобной сказки у корейского народа является сказка «Хынбу и Нольбу» («흥부와 놀부») [7: 52]. Добрый Хынбу помогает раненой ласточке и получает сокровища, а жадный Нольбу ломает птице крыло и в наказание жестоко избит демонами-токкэби. Мораль проста: отношение к животному определяет нравственную ценность человека. Эта чёткость позволяет слушателю без колебаний определить, кто является героем, а кто - злодеем. Именно такая недвусмысленность предоставляет прочный фундамент для развития у слушателя собственных нравственных ориентиров и понимания мира.

Эмоциональное вовлечение - ещё один ключевой механизм воздействия сказки на слушателя. В отличие от сухого нравоучения, которое легко отторгается детским сознанием, сказка проживается эмоционально. В башкирской традиции через сказки транслируются такие эмотивные концепты, как «нәфрәт» (презрение к злу) и «ерәнеү» (отвращение к подлости). Слушатель не просто узнаёт, что «воровать плохо», - он чувствует страх вора или презрение к нему со стороны других персонажей. Это эмоциональное запечатление делает моральный урок глубоко личным и долговременным. Примером такой сказки является «Бур төлкө» («Вор лиса») [2: 123].

Сравнительный анализ башкирских и корейских сказок о животных позволяет выявить как универсальные, так и культурно-специфические черты в репрезентации морали. Универсальным является сам принцип использования животных в качестве «моральных учителей»: и в той, и в другой традиции животные выступают проводниками нравственных законов, понятных без словесных пояснений. Однако набор животных-персонажей и их символическое значение различаются, что отражает особенности хозяйственного уклада, природной среды и религиозно-философских воззрений каждого народа. Наряду с сюжетной функцией, животные в башкирских и корейских сказках выступают в роли нравственных архетипов. Закрепленная за каждым из них система человеческих качеств позволяет слушателю мгновенно, без развернутой характеристики, понять моральную природу персонажа, что значительно упрощает усвоение этических уроков.

Среди персонажей башкирских сказок о животных традиционно выделяются медведь (айыу), волк (бүре), лиса (төлкө), заяц (ҡуян), лев (арыҫлан) и тигр (юлбарыҫ). Однако особое, почитаемое место принадлежит медведю, что восходит к древним тотемическим верованиям башкирского народа. В прошлом башкиры относились к медведю как к тотемному животному, и отголоски этих верований сохранились в сказочном фольклоре. В большинстве сюжетов медведь предстаёт как хозяин леса - самый старший, уважаемый и сильный зверь. Наиболее полно тотемические черты этого образа зафиксированы в сказках «Сыҫҡан, айыу, бүре, төлкө» («Мышь, медведь, волк и лиса») [2: 39], «Айыу менән ҡарт» («Медведь и старик»).

Таким образом, перед нами предстаёт полноценный человеческий характер со всеми его противоречиями: сильный, но доверчивый; щедрый, но мстительный; хозяйственный, но легко обманываемый. Эта многогранность образа медведя делает его одним из самых интересных и живых персонажей башкирского сказочного эпоса.

Образ волка в башкирских сказках, как и образ медведя, отличается непоследовательностью. В одних сюжетах он предстаёт кровожадным хищником («Бүре менән кәзә» - «Волк и коза» [2: 100]), в других - глупым и обманутым («Һемәйгән бүре» - «Обманутый волк» [2: 98]). Существуют также сказки, где волк изображён дружелюбным, умным и даже хитрым («Һарыбай» - «Сарыбай» [2: 76]).

Такая многовариантность образа отражает сложность человеческой натуры, где жестокость может соседствовать с простодушием, а дружелюбие - с коварством.

Лиса - еще один из центральных персонажей башкирского сказочного жанра. Её образ также лишён однозначности. Чаще всего лиса выступает как коварный хитрец, обманщик и плут. Однако в некоторых сказках она становится добрым другом и надёжным товарищем. Характерно, что в большинстве сюжетов о животных-хитрецах именно лиса оказывается победительницей, что подчёркивает народное признание ценности ума и изворотливости перед грубой силой.

Заяц традиционно воспринимается как воплощение трусости, однако башкирские сказки дают и иное его прочтение. В сюжете «Ҡуян менән арыҫлан» («Заяц и лев») [2: 75] заяц проявляет не только храбрость, но и хитрость: он обманывает льва, который едва не тонет, глядя на собственное отражение в колодце. В сказках «Йомарт ҡуян» («Щедрый заяц») [2: 71] и «Ҡуян менән арыҫлан» («Заяц и лев») [2: 75] этот персонаж выступает как носитель щедрости, доброты и смекалки, становясь первым помощником людей и зверей в трудную минуту. Таким образом, заяц оказывается не просто слабым, но и находчивым героем.

Лев и тигр в башкирских сказках предстают полнокровными, многогранными образами, которым присущи как царственное величие, так и человеческие слабости. Им могут быть свойственны кровожадность («Ҡуян менән арыҫлан» - «Заяц и лев»), великодушие и умение ценить дружбу («Юлбарыҫ менән аусы» - «Тигрица и охотник» [2: 116]). Как и другие животные-персонажи, лев и тигр не являются однозначно положительными или отрицательными - их характеры сочетают в себе противоречивые черты, что делает сказочный мир живым и поучительным.

В корейских сказках доминируют образы, связанные с лесной и горной фауной Корейского полуострова: тигр, олень, барсук, фазан, а также собака, жаба и змея.

Тигр - центральный персонаж корейского фольклора. В отличие от башкирских сказок, где аналогичную ключевую роль часто выполняет волк, в корейской традиции тигр является главным животным-персонажем. В представлении корейцев тигр не только олицетворял силу и могущество, но и был объектом суеверного поклонения. Его изображение помещали на дверях домов для защиты от злых духов. Образ тигра многолик: грозный хищник («Белоухий тигр», «Охотники на тигров»); чародей и оборотень («Тигр и свирель» - «호랑이 잡은 피리» , «Прекрасная тигрица»); простодушный и глупый зверь («Тигр и хурма» - «호랑이와 곶감», где тигр принимает хурму за страшного зверя); благодарный помощник («Благодарный тигр»). Тигр также почитался как дух-хранитель гор («сансин»), защитник перевалов и лесов.

В корейских сказках заяц не является центральным персонажем; его место в иерархии животных-героев занимают олень, фазан, собака и жаба.

Олень - значимый персонаж корейских сказок, которого народная фантазия связывает с небесными феями. Часто выступает в роли благодарного животного, помогающего герою в ответ на спасение («Олень и змея»). Мотив благодарности - один из центральных в корейском фольклоре. Добро, сделанное животному, обязательно возвращается человеку. В этой роли выступают: фазан («Благодарный фазан» - «은혜 갚은 꿩»); собака («Как щенок спас хозяина»); жаба («Как жаба лютого змея одолела»). Как гласит корейская пословица, родившаяся из сказок: «Будь ласков к зверю, и он тебе благодарностью ответит».

Важная особенность корейского фольклора - поверье о том, что звери-долгожители становятся оборотнями, способными принимать человеческий облик. Считается, что, если зверь проживёт сто лет, он меняет цвет шерсти и становится белым, а прожив тысячу лет - чёрным. Отсюда множество сказок о столетних тиграх, тысячелетних лисах-оборотнях, а также о кошке-оборотне («Кошка-камненожка»).

Несмотря на различия в наборе персонажей, обе традиции демонстрируют сходные принципы репрезентации морали:

1. принцип справедливости: добро возвращается добром, зло наказывается;
2. мотив благодарности: спасённое животное помогает герою (реализуется через разных персонажей);
3. бинарные оппозиции: чёткое разделение на добро и зло, правду и ложь;
4. эмоциональное запечатление: моральный урок проживается через страх, презрение или отвращение;
5. отношение к животному как критерий нравственности человека: как в корейской сказке «Хынбу и Нольбу», так и в башкирских сюжетах о благодарных (обманутых) зверях.

Таким образом, башкирские и корейские сказки о животных, при всём различии фаунистических образов и культурных кодов, демонстрируют универсальный механизм нравственной трансляции: через эмоциональное вовлечение и бинарную оппозицию «добро - зло» они формируют этический фундамент личности. Тотемный медведь башкир и дух-тигр «сансин» корейцев, хитрый заяц и коварная кумихо - все они служат одной цели: научить человека различать добро и зло, ценить справедливость и отвечать добром на добро. Неслучайно корейская пословица гласит: «Будь ласков к зверю, и он тебе благодарностью ответит» – эта мудрость одинаково близка и башкирской, и корейской культурам.

Литература:

1. Аккубеков Р.Ю. Башкирские народные сказки о животных: типология и взаимосвязь с письменными источниками: автореферат дис. … канд. филол. наук: 10.01.09 / Аккубеков Рашит Юмадилович. - Казань, 2006. – 24 с. - Текст: электронный // Репозиторий Казанского (Приволжского) федерального университета: [сайт]. - URL: https://dspace.kpfu.ru/xmlui/bitstream/handle/net/146926/0-755275.pdf?sequence=-1&isAllowed=y (дата обращения: 03.04.2026).

2. Башҡорт халыҡ ижады: 13-се том. Хайуандар тураһында әкиәттәр / [төҙөүсеһе Г. Хөсәйенова]; яуаплы мөхәррир Ғ.Б. Хөсәйенов. - Өфө: Китап, 2009. - 200 б. - (Башҡорт халыҡ ижады). - ISBN 978-5-295-04839-7 (в пер.) (на башк. яз.).

3. Гарин-Михайловский Н.Г. Корейские сказки, записанные осенью 1898 года / Н. Гарин. - Санкт-Петербург: Издание товарищества «Знание», 1904 (Типо-Литография «Энергия»). - [2], II, IV, 193 с. - Текст: непосредственный.

4. Корейские народные сказки / сост. и пер. В. Пак; предисл. В. Пака. - Текст: электронный // Lib.ru: Библиотека Максима Мошкова: [сайт]. - 2001. - URL: https://lib.ru/TALES/koreja.txt (дата обращения: 03.04.2026).

5. Корейские сказки: фольклорное произведение: [сайт] / [сост. не указан]. - Электрон. дан. - Москва: Лаборатория Фантастики, б.г. - URL: https://fantlab.ru/work508067 (дата обращения: 04.04.2026). - Режим доступа: свободный.

6. Ласточка: корейская народная сказка / [без указания автора]. - Текст: электронный // НукаДети: сказки для детей: [сайт]. - 2021. - URL: https://nukadeti.ru/skazki/lastochka-korejskaya-skazka (дата обращения: 04.04.2026).

7. Хын Бу и Ноль Бу [Текст]: сборник корейских народных сказок / составитель Хо Вон Гир; переводчик Хон Сок О. - Пхеньян: Издательство литературы на иностранных языках, 1991. - 101, [7] с.: ил.; 19 см. - Текст: непосредственный.

© Хабибуллина Э.Э.,2026

УДК 81.26

Хабибуллина Э.Э.,
студент УУНиТ
Научные руководители – ***Исянгулова Г. А.,***
д-р. филол. наук, профессор УУНиТ
О Кен Хи
ст. преп. УУНиТ
г. Уфа, Россия

ЭТИКЕТНЫЕ ФОРМУЛЫ РЕЧИ В БАШКИРСКОМ И КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКАХ (СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

Речевой этикет – ключевая составляющая любой национальной культуры, отражающая ценности, социальную культуру и мировоззрение народа. На сегодняшний день лингвисты уделяют особое внимание изучению этикетных формул в разных языках, что важно для эффективной межкультурной коммуникации.

В данной статье сопоставляются два языка, которые относятся к разным языковым и культурным ареалам: башкирский, относящийся к тюркской языковой семье, и корейский, относящийся к языку-изоляту, формировались в разных исторических и географических условиях. Башкирский язык формировался под влиянием ислама и русской культуры [8: 2], корейский под влиянием китайской цивилизации и конфуцианства [4]. Тем не менее, несмотря на явные различия, в

принципах этикетного общения у них много общего, что позволяет выявить универсальные и уникальные черты речевого этикета.

Данная статья направлена на сравнение использования ключевых этикетных формул (обращений, приветствий, прощаний, благопожеланий) в башкирском и корейском языках, а также на выявление культурных факторов, определяющих выбор этих форм общения.

Речевой этикет – это принятые в культуре правила построения высказываний: их форма, содержание, порядок и уместность в разных ситуациях. По определению Н.И. Формановской, это «национально специфичные устойчивые формулы общения», которые помогают устанавливать, поддерживать и корректно прерывать контакт между собеседниками [6: 9].

Выбор этикетных форм определяется ситуацией общения (официальная или неофициальная), степенью знакомства, возрастом и социальным статусом собеседников, характером их отношений, а также временем и местом коммуникации. Эти параметры одинаково важны для башкирского и корейского языков, однако их влияние и способы выражения в речи заметно различаются.

В башкирском речевом этикете обращения играют немаловажную роль в структурировании коммуникации. Традиционно башкиры не использовали местоимение «Вы» для выражения вежливости, эта форма является заимствованной из русского языка [5: 14]. Вместо этого уважение к собеседнику выражалось через употребление терминов родства.

В башкирской культуре принято обращаться к людям, используя термины родства, что отражает уважение к старшим и ценность семейных связей. Основными обращениями к младшим являются обращения «ҡустым» (младший брат) и «һеңле» (младшая сестра), к старшим – «ағай» (букв. старший брат, дядя) и «апай» (букв. старшая сестра, тётя), а к пожилым – «бабай» (дед) и «әбей» (бабушка). Такие обращения применяются не только к родственникам, но и к незнакомым людям. К незнакомому младшему лицу (ребенку, подростку и т. д.) обращаются со словами «балам» (букв. ребенок мой, дитя мое), «улым (ҡыҙым)» (букв. сын мой (дочь моя)). Есть и формы вежливого обращения «иптәш» (товарищ), «әфәнде» (господин) и др. обращения с оттенком официальности. Также обращения по фамилии, имени и термину, напр. «ағай» (Илшат ағай); профессии и должности. Нормой вежливости считаются и обращения, обозначающие социальную (ситуативную) роль, напр. «күрше» (сосед) [3: 9]. Это подчёркивает традиционные ценности башкирского общества – уважение к возрасту и крепкие семейные узы.

Корейский язык отличается ещё более сложной и строго иерархичной системой обращений. Как отмечают исследователи Д.А. Богданова и Л.Ф. Юнусова., выбор формы обращения зависит не только от возраста и статуса собеседника, но и от пола говорящего [1]. Ключевой чертой корейского обращения является то, что имя собственное как обращение употребляется редко, оно, можно выразиться, запрещено культурной традицией. Потому в сравнении с башкирским языком, обращение чаще всего содержит имя собственное + название должности, профессии, термин родства и т. д.

Например, к старшему брату мужчина обратится «형» (хён), а женщина – «오빠» (оппа). К старшей сестре мужчина скажет «누나» (нуна), а женщина – «언니» (онни) [7]. Это подчёркивает высокую степень детализации и социальной регламентации в корейском речевом этикете.

Для выражения повышенного уважения к корейским терминам родства добавляется суффикс -님 (-ним): «아버님» (або-ним) – уважительное обращение к отцу, «어머님» (омо-ним) – к матери, «형님» (хён-ним) – к старшему брату [7: 116]. Этот суффикс может присоединяться также к профессиональным титулам («선생님»/сонсэн-ним – учитель) и не имеет аналога в башкирском языке. Стоит отметить, что в корейском языке употребление суффиксов вежливости зависит от многих факторов [7: 116].

Зная, как правильно обращаться к собеседнику, важно правильно поприветствовать его. В башкирской культуре приветствие – обязательный ритуал перед началом любого разговора. Чаще всего используются формы «һаумыһығыҙ» («здравствуйте»), а также временные приветствия: «хәйерле иртә» («доброе утро»), «хәйерле көн» («добрый день»), «хәйерле кис» («добрый вечер»). Традиционное исламское приветствие «әссәләмүғәләйкүм» сегодня в основном употребляют представители старшего поколения [9: 363]. Для носителей данной культуры приветствие обязательно вербализовано: кивка или взмаха руки недостаточно, это будет воспринято как оскорбление. Словесные приветствия обычно сопровождаются жестами, напр. пожимание руки, объятия (чаще у близких людей и родственников) и т. д. Подавать только одну руку людям старше себя считается неуважением. Таким образом, проявляется особое уважение.

В сельской местности принято здороваться со всеми встречными, даже незнакомыми [9: 363]. Разговор обычно ведут сидя – беседовать стоя считается невежливым. Перед обсуждением дел принято интересоваться здоровьем, семьей и новостями.

В корейском языке выбор уровня вежливости зависит от возраста, социального статуса и степени близости собеседников. Ключевым элементом является поклон (인사, инса), который может сопровождаться словесным приветствием [12]. Глубина и продолжительность поклона пропорциональны уровню уважения и формальности ситуации. При неуверенности в статусе собеседника безопаснее использовать формальное приветствие с поклоном – излишняя вежливость в Корее редко воспринимается негативно.

Корейцы тщательно подбирают форму общения и манеру поведения, исходя из этих факторов. В корейском языке выделяют несколько уровней вежливости, которые различаются по глагольным формам, местоимениям и грамматике. Чонъдэмаль (존댓말) – формальный стиль, используется при общении с незнакомцами, старшими по возрасту или статусу. Панмаль (반말) – неформальный стиль, применяется к близким друзьям и младшим. Хашипсио (합쇼체) – максимально формальный уровень, характерен для деловой и официальной речи. Хэё-че (해요체) – вежливый повседневный стиль, подходит для большинства ситуаций. Хэра-че (해라체) – повелительный стиль, используется в командах, объявлениях и исторических текстах. Однако в повседневном общении наиболее употребительны три: 격식체 (кёгщикче) (формальный вежливый), 존댓말 (чондэмаль) (стандартный вежливый с окончанием -요) и 반말 (панмаль) (неформальный) [8].

Стандартным приветствием является «안녕하세요» (аннёнхасэё), что буквально означает «Будьте в мире/покое». Форма этого приветствия меняется в зависимости от статуса собеседника: к вышестоящему лицу используется более формальный вариант «안녕하십니까» (аннёнхащимникка), к близкому другу – «안녕» (аннён) [12].

Как и в башкирской культуре, в корейской принято интересоваться делами собеседника, однако вопросы о возрасте, семейном положении и месте жительства, которые могут показаться иностранцам слишком личными, являются стандартным способом определения иерархической позиции для выбора правильной формы общения.

В обоих языках большое значение придаётся ритуализированному началу общения. Однако, если в башкирском языке выбор приветствия зависит в основном от времени суток и степени знакомства, то в корейском ключевым фактором является социальный статус собеседника, который грамматически закреплён в речи.

Прощание – важный ритуал, который не только завершает общение, но и закладывает основу для будущих отношений. Из собеседников первым прощается тот, кто уходит первым. В башкирском этикете наиболее распространены прощальные фразы-пожелания: «хуш!», «хуш булығыҙ!», «һау булығыҙ!» (букв. – «будь здоров», пожелание здоровья) [9: 363].

Формулы прощания зависят от типа контакта и делятся на официальные, неофициальные и нейтральные. Это симметричное действие: ответная реплика обязательна (например, «һау бул!» – «һау бул!»). Прощание обычно проходит в три этапа: предзавершение (подготовка к окончанию разговора), собственно завершение (стандартные фразы) и постзавершение. Перед прощанием часто ссылаются на позднее время или необходимость уйти [5: 20].

1. Предзавершение. На этом этапе говорящий готовит собеседника к окончанию общения. Часто используются фразы, указывающие на позднее время или занятость: «Һуң булып киткән икән» («Оказывается, уже поздно»), «Ҡайтырға кәрәк» («Нужно идти»), «Мин ҡайтайымдыр ул» («Пожалуй, я пойду»).

2. Собственно завершение. Это ядро прощания, состоящее из устойчивых формул-стереотипов. Прощание всегда симметрично: фраза одного участника требует обязательного ответа от другого. «Һау булығыҙ!» («Будьте здоровы! / До свидания!») – наиболее распространенная и нейтральная форма, «Хуш булығыҙ!» – аналогично «Прощайте», «Ярай, хуш!» – «Ну, ладно, прощайте!».

3. Постзавершение.

Для обозначения временной разлуки используются выражения «Киләһе осрашҡанға тиклем» («До следующей встречи»), часто с уточнением времени («Иртәгә осрашҡанға тиклем!»). Среди молодёжи популярно русское заимствование «Пока».

Провожая в дорогу, желают: «Хәйерле юл!» («Счастливого пути!»), «Иҫән-һау барып ет!» («Доезжай живым-здоровым!»), «Юлың уң булһын!» («Пусть дорога будет удачной!»).

В корейском языке выбор формы прощания строго зависит от ситуации, социального статуса собеседников и того, кто уходит, а кто остаётся. Это важная часть речевого этикета, отражающая уважение и внимание к собеседнику.

В корейском языке прощания, как и другие формулы речевого этикета, делятся на несколько уровней. Ключевое различие в словах уходящего и остающегося. Тот, кто остаётся, говорит уходящему: «안녕히 가세요» (аннёнхи касэё) – «Идите с миром / Счастливого пути». Тот, кто уходит, говорит остающемуся: «안녕히 계세요» (аннёнхи кесеё) – «Оставайтесь с миром / Всего доброго». В неформальном общении используются сокращенные варианты: «잘 가» (чаль га) («Удачи / Пока») (тому, кто уходит), «잘 있어» (чаль иссо) («Будь(те)») (тому, кто остается). Другие популярные формы прощания «안녕» (аннён) – универсальное «Пока», используется в неформальной обстановке, «다음에 봐요» (таыме пваё) («Увидимся в следующий раз»), «나중에 보자» (начжунэ поджа) («Потом увидимся / Давай, до встречи» (неформально)) [12].

Наиболее существенное различие в этой этикетной сфере заключается в степени ритуализации. Башкирский этикет предписывает многоступенчатую процедуру прощания с обязательным обменом развернутыми пожеланиями, тогда как корейский этикет более лаконичен, но требует точного выбора формулы в зависимости от ситуации.

Благопожелания занимают особое место в речевом этикете башкирского и корейского языков, отражая глубинные культурные ценности и традиции этих народов. В башкирском языке такие формулы, как «алғыш» или «аҡ теләк» (благопожелания), используются в самых разных жизненных ситуациях – при встрече, прощании, поздравлении, выражении благодарности. Типичные примеры: «Алла ярҙам бирһен!» (Пусть Бог поможет!), «Йортоғоҙға бәрәкәт, өйөгөҙ ҡотло булһын!» («Пусть в вашем доме будет изобилие, пусть дом будет счастливым!») [8: 3]. В башкирской традиции благопожелания воспринимаются как обладающие особой силой, способной материализовать добро; на них принято отвечать: «Амин, шулай булһын!» («Да будет так!») [5: 23].

В корейском языке благопожелания также играют важную роль, часто выражаясь в форме поддержки и мотивации. Благопожелания (например, выражения благодарности, поздравления, пожелания благополучия) выражаются с учётом уровня вежливости, ситуации и контекста. Они могут включать как общие пожелания благополучия, так и специфические фразы для определённых ситуаций (например, праздников). Примеры таких формул: «넌 잘 할 수 있어!» (нон чаль халь су иссо) («Ты можешь это сделать хорошо!), «힘내, 모두 응원하고 있어!» (химнэ, моду ынвонхаго иссо) («Держись, все поддерживают тебя!»). В отличие от башкирского этикета, где пожелания носят обязательный и развернутый характер, в корейском они более лаконичны и прагматичны. Часто используются стандартные фразы: «행복하세요» (хэнбокхасэё) («Будьте счастливы»), «건강하세요» (конганхасэё) («Будьте здоровы») [12].

Эти выражения используются как в повседневной, так и в торжественной коммуникации, подчёркивая значимость коллективной поддержки и взаимопомощи.

Благопожелания в башкирском и корейском языках – не просто элемент вежливости, а важная составляющая духовной культуры, отражающая ценности, традиции и социальные установки народов. Их разнообразие и ситуативная обусловленность делают речевой этикет обоих языков особенно выразительным и насыщенным.

Таким образом, башкирский и корейский речевой этикет, несмотря на принадлежность к разным языковым семьям и культурным ареалам, обнаруживает важные универсалии: уважение к старшим, использование терминов родства в обращениях и ритуализированный характер общения. Ключевое различие заключается в способах выражения вежливости: в башкирском языке она передаётся преимущественно на лексическом уровне (термины родства, развёрнутые благопожелания), тогда как в корейском языке вежливость грамматикализована и представлена строгой иерархией уровней, зависящих от социального статуса, возраста и пола собеседников. Понимание этих сходств и различий необходимо для эффективной межкультурной коммуникации.

Литература:

1. Богданова Д. А., Юнусова Л. Ф. Сравнение обращений родственного типа и их употребления в корейском и башкирском языках как культурный аспект двух народов // КиберЛенинка. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sravnenie-obrascheniy-rodstvennogo-tipa-i-ih-upotrebleniya-v-koreyskom-i-bashkirskom-yazykah-kak-kulturnyy-aspekt-dvuh-narodov (дата обращения: 12.04.2026).

2. Ён К. Особенности корейского обращения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2007. № 1–2. С. 304–314.

3. Саляхова З. И. Средства выражения вежливости в современном башкирском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.02. Уфа, 2004. 21 с.

4. Сон С. Речевой этикет в корейском обществе // Восточный курьер. 2022. № 3. С. 123–129.

5. Сынбулатова А. Ю. Башкирский речевой этикет: семантика и средства выражения (на материале произведений З. Биишевой): дис. … канд. филол. наук: 10.02.02. Уфа, 2011. 171 с.

6. Формановская Н. И. Русский речевой этикет: нормативный социокультурный контекст. – М.: Русский язык, 2002. – 165 с.

7. Хан Н. Ч. Особенности системы вежливости в корейском языке // Вестник КазУМОиМЯ им. Абылай хана. Серия Филология. 2015. № 2. С. 45–50.

8. Хисамова Г. Г., Латыпова Л. М. Речевой этикет: национально-культурная специфика и методический аспект исследования // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1-1. – С. 1246

9. Хисамова Г. Г., Латыпова Л. М. Этикетные речевые жанры в аспекте межкультурной коммуникации (на материале русского и башкирского языков) // Вестник Башкирского университета. 2016. Т. 21, № 2. С. 360–364.

10. Хурамшина А. Р. Речевой акт комплимента в башкирской лингвокультуре // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 11. С. 736–740.

11. Цыденова Д. С., Плотникова А. В. Тема сыновней почтительности в четырехсложных идиомах корейского языка // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. 2016. № 3. С. 22–26.

12. Эм А. Приветствия и прощания в корейском языке: от базовых фраз до глубинного смысла // Korean Center: [сайт]. 2026. URL: https://koreancenter.ru/blog/tpost/4b0u2vgdl1-privetstviya-i-proschaniya-v-koreiskom-y (дата обращения: 10.04.2026).

13. Kyung-Hwa. Formal or informal? // Korean Language Blog. 2016. 20 окт. URL: https://blogs.transparent.com/korean/formal-or-informal/ (дата обращения: 11.04.2026).

© Хабибуллина Э.Э., 2026

УДК 811.581

Хазиева С.А.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Бахтиярова А.Н.,***
канд. филол. наук, доцент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КЛАССИФИКАТОРОВ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В китайском языке, где отсутствует грамматическая категория числа существительных, ключевую роль играют классификаторы (量词 liàngcí). Их выбор зависит не только от семантики или формы предмета, но и от коммуникативной ситуации.

Классификаторы в китайском языке – это служебные слова, сопровождающие числительные, указательные местоимения и некоторые глаголы. Они обозначают категорию, форму, функцию или социальный статус объекта: 一本书 (yī běn shū – книга, «том»), 一张纸 (yī zhāng zhǐ – бумага, «лист»), 一条河 (yī tiáo hé – река, «протяжённый объект»). Для носителей языка выбор классификатора часто интуитивен, однако для изучающих китайский эта грамматическая зона традиционно считается одной из наиболее сложных [2].

Система счётных слов в китайском языке отражает не просто грамматическое правило, а особый способ категоризации действительности [4]. В основе выбора классификатора лежат устойчивые когнитивные модели: протяжённость (条), плоскость (张), объём/ёмкость (杯/碗), дискретность/мелкость (颗/粒), функциональное назначение (辆 – для транспорта с колёсами, 把 – для предметов с рукояткой). Многие классификаторы исторически восходят к самостоятельным существительным, что объясняет их первоначальную семантическую прозрачность. В современном языке эта связь часто ослабевает: классификаторы превращаются в грамматические маркеры,

обязательные для структуры «числительное + 量词 + существительное» [1], однако остаточная образность продолжает влиять на выбор счётного слова даже в нейтральном контексте.

На материале последних десятилетий фиксируется несколько устойчивых процессов. Во-первых, усиливается роль грамматикализации: отдельные счётные слова постепенно утрачивают конкретное значение и закрепляются как функциональные элементы синтаксической конструкции. Во-вторых, расширяется сфера употребления универсального классификатора 个, который в спонтанной коммуникации и цифровом дискурсе поглощает ниши узкоспециализированных аналогов. В-третьих, под влиянием глобализации и активного заимствования лексики наблюдается адаптация традиционных классификаторов к иноязычным реалиям (например, 一款 гаджет, 一个 подкаст), что фиксируется в современных лингвистических корпусах и словарях-неологизмов [3]. Эти изменения свидетельствуют о том, что система 量词 не является застывшей, а продолжает развиваться, реагируя на потребности коммуникации.

Таким образом, классификаторы в современном китайском языке – это не просто грамматический «довесок» к числительному, а отражение культурно-исторического опыта категоризации мира. Их функционирование находится в постоянном динамическом равновесии: архаичные формы уступают место упрощённым моделям, параллельно сохраняясь в устойчивых сочетаниях и письменной норме. Изучение этой системы требует комплексного подхода, сочетающего анализ языковых корпусов, прагматического контекста и когнитивных механизмов выбора счётных слов.

Литература:

1. Бахтина Е.В. К изучению и использованию классификаторов китайского языка // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2009. – № 3. – С. 45-52.

2. Готлиб О.М. Практическая грамматика современного китайского языка: учеб. пособие для вузов. 3-е изд., испр. и доп. – М.: Восток-Запад, 2007. – 268 с.

3. Шатравка А.В. Функционирование классификаторов в современном китайском языке // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. – Благовещенск, 2014. – № 11. – С. 89-92.

4. Солнцева Н.В., Солнцев В.М. Счетные слова (классификаторы) и единицы измерения в китайском языке // Китайское языкознание: материалы Междунар. конф. – М., 1996. – С. 126-131.

© Хазиева С.А., 2026

УДК 070

Хакимгузина Ю.Ю.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Алиева С.А.,***
канд. филол. наук, доцент УУНиТ
г. Уфа, Россия

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ПРИВЛЕЧЕНИЯ ВНИМАНИЯ В ЗАГОЛОВКАХ В ГАЗЕТЕ «ИЗВЕСТИЯ»

В нынешнем медиапространстве, характеризующемся переизбытком информации и острейшей конкуренцией за внимание аудитории, заголовок приобретает ключевое значение. В условиях информационного перенасыщения, когда ежедневно на читателя обрушается огромный поток новостей, именно заголовок выполняет ключевую функцию привлечения внимания аудитории. Именно от его привлекательности, нестандартности зависит, обратит ли читатель внимание на материал, перейдет ли по ссылке или пролистает газетную полосу. В этих условиях журналисты и редакторы активно используют разнообразные языковые средства, способные заинтересовать, удивить, вызвать эмоциональный отклик и побудить к прочтению текста.

Газета «Известия» – одно из авторитетнейших российских изданий с богатой историей, которая выпускается уже больше столетия. Язык газеты чутко реагирует на изменения в обществе и активно использует новые выразительные средства. Изучение языковых средств привлечения внимания в заголовках этого издания позволяет выявить современные тенденции в медийном пространстве и понять механизмы речевого воздействия на массовую аудиторию.

Анализ заголовков «Известий» показывает широкое использование разнообразных лексических средств, нацеленных на создание выразительности и привлечение интереса.

Разговорная и просторечная лексика создает эффект непринужденности и приближает газетный текст к читателю. «На УАЗе рассказали о перспективах «Буханки» и «Хантера» (от 10.04.2026) слово «Буханка» – разговорное, народное название автомобиля, которое появилось из-за формы кузова, напоминающей буханку хлеба.

Эмоционально-экспрессивная лексика слова с яркой эмоциональной окраской привлекают внимание и создают эмоциональный фон. Например, заголовок «Ярославский «Локомотив» разгромил «Салават Юлаев» и вышел в полуфинал КХЛ» (от 14.04.2026) слово «разгромил» играет важную роль для привлечения внимания и тем самым заостряет внимание читателя. «Маленькие да удаленькие: к каким инди-проектам стоит присмотреться в этом году» (от 6.04.2026) используется выражение «Маленькие да удаленькие» от русской пословицы «Маленький, да удаленький», которое обозначает маленького по росту, но очень смелого, живого, ловкого и способного добиваться своего. Благодаря данному выражению заголовок становится ярче, понятнее, тем самым притягивает интерес читателя к себе.

Прецедентные тексты и аллюзии – один из самых действенных механизмов привлечения внимания. Аллюзии играют значительную роль в заголовках публицистических текстов. Отсылка к известному фильму, песне, литературному произведению или историческому событию мгновенно активирует фоновые знания читателя, создавая смысловую глубину при минимальных языковых затратах. Например, в заголовке «Волшебная полочка: в России впервые издадут фанфик по «Гарри Поттеру» (от 11.04.2026) волшебная палочка – это сакральный инструмент, позволяющий творить магию, символ власти волшебника в сказках, фильмах и тд.

Метафора сохраняет свои позиции как эффективное средство образной номинации. Метафорические заголовки чаще всего сопровождают «мягкие» новости – материалы о культуре, общественной жизни, технологиях, тогда как в жесткой новостной повестке наблюдается тенденция к большей информативности. В заголовке «Касса впечатлений: фильм с Зендеей и Паттинсоном стал лучшей новинкой в кино» (от 14.04.2026) «касса впечатлений» – метафора, объединяющая финансовый успех фильма и эмоциональный отклик зрителей. Это не просто сборы, а именно «впечатления», которые оставляет картина. Так же такие примеры заголовков из рубрики «Мнения» как «Воздух войны» – метафора, обозначающая напряжённую, предвоенную атмосферу, когда конфликт кажется неизбежным, а ощущение опасности буквально «висит в воздухе». Это не буквальный воздух, а состояние общества или международной обстановки. «Битва за многополярный мир» – политическая метафора, где международные отношения и борьба за влияние между странами представляются как настоящее сражение. Здесь «битва» – не военное столкновение, а конкуренция идей, стратегий и моделей развития, где каждая сторона стремится укрепить свои позиции.

Восклицательные предложения и повелительное наклонение реализуют волеизъявительную и эмоционально-оценочную интенции. В «Известиях» встречаются заголовки-просьбы, заголовки-приказы, заголовки-лозунги, оформленные с помощью глаголов в повелительном наклонении, обращений к определенному лицу или конструкций с однородными сказуемыми. В заголовке ««Вот это драма!»: что известно о драмеди с Паттинсоном и Зендеей» (от 13.04.2026) – в первую очередь это восклицание означает название самого фильма, но в то же время восклицание служит как оценка данному кинофильму, что больше добавляет эмоциональности для читателя. Заголовок не просто информируют, а побуждает к действию, внушают определенное отношение к событию.

Так же в заголовках очень часто встречается языковая игра – это стилистический приём, основанный на нарушении языковой нормы, который используется для создания экспрессивности, привлечения внимания читателя, заинтригования и выражения определённого отношения к теме. Например, «Шах и Мэйт: в новом смартфоне сделали ставку на реалистичную съемку» (от 07.04.2026) словосочетание «Шах и Мэйт» от обыгрывания шахматного термина «шах и мат», а в контексте данного заголовка «Мэйт» – это название нового инновационного смартфона. В заголовке «Точки над ИИ: в РФ создадут национальный план внедрения искусственного интеллекта» (от 11.04.2026) замена «i» на «ИИ» – аббревиатуру «Искусственный Интеллект» в выражении «расставить точки над «и»».

В заголовках для того, чтобы читатель обратил своё внимание часто используются трансформация прецедентных высказываний, что означает преднамеренное изменение исходного общеизвестного текста с целью достижения определённого коммуникативного эффекта, повышения экспрессивности или создания новых смыслов. Например, в заголовке «Бочка отсчета: после перемирия в Иране нефть может остаться на уровне $100» (от 9.04.2026) в выражении «бочка

отсчета» изменили в словосочетание «точка отсчета» под свою смысловую нагрузку. Заголовок «Панические куплеты: в России вырос импорт моделей ушедших автобрендов» (от 7.04.2026) словосочетание «панические куплеты» перефразировали из выражения «паническая атака», что в контексте означает увеличение конкуренции из-за импорта иностранных автомобилей. «Уколоть не встать: женщина скончалась при подтяжке кожи в Москве» (от 14.04.2026) словосочетание «уколоть не встать» произошло от поговорки «упасть – не встать», что означает глубочайшее по эмоциональной наполненности событие, которое сшибает с ног.

Таким образом, в современном медиаполе, перенасыщенном информацией, заголовок становится важнейшим инструментом борьбы за внимание аудитории. Именно от его выразительности, нестандартности и эмоциональной насыщенности зависит, обратит ли читатель внимание на материал. Анализ заголовков газеты «Известия» показал, что издание активно использует широкий спектр языковых средств для привлечения и удержания интереса читателей. Всё это свидетельствует о высокой гибкости и креативности языка современной прессы. Газета чутко реагирует на изменения в обществе, используя новые выразительные средства для усиления воздействия на массовую аудиторию.

Литература:

1. Онлайн-издание газеты «Известия» https://iz.ru/
2. Экспрессивные восклицательные конструкции в заголовках сетевых версий качественных печатных изданий (на примере газет «Ведомости» и «Известия»). Филологические науки в МГИМО, Том 7, № 3, 2021.
3. Шатилов А.С. Изменение стиля газетных заголовков (на примере газеты «Известия» 1990, 2000 и 2010 гг.). Тезисы доклада на 44-й Международной филологической конференции, СПбГУ, 2015.
4. Шакирова П.В. Средства выражения оценки в журналистских текстах/ В сборнике: Актуальные проблемы современной филологии, востоковедения и журналистики. Материалы Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых. Уфа, 2023. С. 241-242. [Электронный ресурс] https://elibrary.ru/item.asp?id=5465430

© Хакимгузина Ю.Ю., 2026

УДК 81

Халилова Э.М.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Аширова Г.А.,***
канд. филол. наук, ст. преп. УУНиТ,
г. Уфа, Россия

МЕТОДИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МИКРОТОПОНИМИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ (НА МАТЕРИАЛЕ МИКРОТОПОНИМОВ КУГАРЧИНСКОГО РАЙОНА)

Интеграция микротопонимического материала в школьное образование требует разработки системы форм и приемов работы, учитывающих специфику каждого учебного предмета и возрастные особенности учащихся. Микротопонимы Кугарчинского района, будучи аутентичным лингвокраеведческим материалом, могут эффективно использоваться на уроках различных дисциплин, реализуя межпредметные связи и усиливая региональный компонент образования.

На уроках языка микротопонимический материал открывает широкие возможности для изучения различных разделов языкознания. При изучении лексики микротопонимы служат источником для наблюдений над диалектизмами, архаизмами и заимствованными словами, сохранившимися в местных географических названиях. Учащиеся учатся различать общеупотребительную лексику и лексику ограниченного употребления, анализируют значение устаревших слов, встречающихся в названиях урочищ, полей, родников. В разделе словообразования микротопонимы позволяют наглядно продемонстрировать продуктивные модели образования имен собственных: суффиксальный способ (названия с русскими суффиксами -овк(а), -их(а) или башкирским аффиксом -лы), сложение основ (типа Бишҡайын), переход одной части речи в другую. Этимологический разбор микротопонимов становится увлекательным исследованием: выясняя происхождение названий, учащиеся обращаются к истории языка, устанавливают связи с тюркскими корнями, учатся работать с этимологическими словарями. Возможны также задания по орфографии

(правописание собственных имен, прописные буквы в названиях) и синтаксису (построение словосочетаний с микротопонимами).

На уроках башкирского языка и литературы использование микротопонимики приобретает особое значение, поскольку позволяет реализовать национально-региональный компонент в его естественной языковой среде. При изучении лексики башкирского языка микротопонимы служат источником для знакомства с диалектной лексикой южного диалекта, характерного для Кугарчинского района. Учащиеся анализируют названия, образованные от башкирских географических терминов (тау, шишмә, үҙәк, ялан), выявляют семантику корней, знакомятся с особенностями башкирского словообразования. На уроках литературы микротопонимы могут быть использованы при изучении произведений башкирских писателей, связанных с родным краем, а также при анализе фольклорных текстов (легенд, преданий, песен), в которых упоминаются местные географические объекты. Особый интерес представляет работа с народными этимологиями: учащиеся собирают рассказы старожилов о происхождении названий, сопоставляют народные толкования с научными данными, что развивает исследовательские навыки и интерес к родному слову. Важным направлением является перевод микротопонимов с башкирского языка на русский и обратно, что способствует развитию навыков межъязыковой коммуникации.

На уроках географии микротопонимический материал выполняет прежде всего ориентирующую и иллюстративную функции. При изучении темы «Ориентирование на местности» учащиеся работают с картами своего района, находят на них объекты, обозначенные микротопонимами, учатся соотносить народные названия с официальными, определять местоположение объектов по их названиям. В курсе физической географии микротопонимы служат источником информации о рельефе, гидрографии, почвах, растительности родного края. Анализируя названия типа Каратау (Черная гора), Акташ (Белый камень), Таллыкүл (Ивовое озеро), учащиеся делают выводы о природных особенностях местности, устанавливают связи между названием и реальными географическими характеристиками объекта. Эффективной формой работы является создание топонимических карт-схем, на которых учащиеся наносят микротопонимы своей местности с пояснениями. Возможно также проведение уроков-экскурсий, в ходе которых учащиеся знакомятся с объектами непосредственно, фиксируют их названия и пытаются объяснить происхождение этих названий, опираясь на наблюдения за природой.

На уроках истории микротопонимы выступают в роли своеобразных «свидетелей прошлого», сохранивших информацию о событиях и людях минувших эпох. При изучении темы «История заселения края» анализ ойконимов (названий населенных пунктов), образованных от имен первопоселенцев (Азнагулово, Алимгулово, Исимово и др.), позволяет восстановить картину освоения территории башкирскими племенами. Учащиеся работают с родословными, выясняют, какие родовые подразделения оставили след в названиях сел и деревень. Микротопонимы, связанные с хозяйственной деятельностью (названия пастбищ, полей, бортных угодий), дают материал для изучения экономической истории края. При изучении событий XVIII-XX веков могут быть привлечены названия, отражающие исторические события (например, места сражений, стоянок, связанных с Крестьянской войной или Гражданской войной). Формы работы включают подготовку сообщений об истории происхождения названий родного села или деревни, составление исторических справок о микротопонимах, проведение мини-исследований с привлечением архивных документов и воспоминаний старожилов.

Таким образом, микротопонимический материал Кугарчинского района может быть эффективно интегрирован в содержание различных учебных предметов. Предложенные формы и приемы работы позволяют не только обогатить знания учащихся по конкретным дисциплинам, но и сформировать целостное представление о родном крае, развить исследовательские навыки и воспитать бережное отношение к языковому и культурному наследию.

Литература

1. Мурзабулатов, М. В. Из истории Кугарчинского района. Кугарчинский район. Национальный состав населенных пунктов по переписям XVII-XX веков и 2002 г. / М. В. Мурзабулатов. – Уфа, 2008. – 120 с.

2. Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов / Э. М. Мурзаев. – М.: «Мысль», 1984. – 656 с.

3. Мурзаев, Э. М. Топонимика и география / Э. М. Мурзаев. – Москва : Мысль, 1995. – 304 с.

4. Шакуров, Р. З. Историко-стратиграфическое и ареальное исследование башкирской топонимии Южного Урала и Предуралья / Р. З. Шакуров. – Уфа : Гилем, 1998. – 38 с.

© Халилова Э.М., 2026

УДК 81'27

Халитова К.Ш.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Ильясова Г.Р.,***
канд. филол. наук, доцент УУНиТ
г. Уфа, Россия

ЯЗЫКОВОЙ ПУРИЗМ КАК СТРАТЕГИЯ СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ

В условиях современной глобализации национальные языки сталкиваются с беспрецедентным давлением англоязычной лингвистической экспансии, доминирующей в сегментах «Hi-Tech», академическом дискурсе и массовой культуре. Для Республики Корея вопрос сохранения языковой чистоты выходит за рамки филологии, приобретая статус стратегии национальной безопасности. Лингвистический пуризм здесь обусловлен исторической травмой периода японской оккупации (1910–1945), когда подавление родного языка было инструментом денационализации. Сегодня защита корейского языка (куго) рассматривается как акт утверждения суверенитета и способ консервации уникального кода культурной памяти [1: 88].

Центральным актором реализации политики пуризма выступает Национальный институт корейского языка (국립국어원 [куннипкуговон]). Ключевым вектором его деятельности является долгосрочный проект «Очистка родного языка» (Уриналь тадымги) направленный на семантическую фильтрацию неологизмов и «конглиша» (Korean English).

Процесс деривации новых терминов в рамках этой политики строится на принципах лингвистической прозрачности. Вместо механического калькирования английских фонем специалисты института инициируют создание лексем на основе корейских корней или классических иероглифических сочетаний (ханча), адаптированных под современную фонетику.

Одной из прагматических целей пуризма является преодоление «цифрового и поколенческого разрыва». Сложные англицизмы создают когнитивный барьер для старшего поколения и слоев населения, не владеющих иностранными языками. Так, широко распространенный термин «screen door» в метрополитене используется наряду с исконной лексемой анджонмун (안전문), что буквально означает «дверь безопасности». Это делает функциональное назначение объекта понятным на интуитивном уровне для носителя языка. Подобным образом вместо заимствования «silver care» для обозначения услуг пожилым людям рекомендуется использовать исконное сочетание ноин тобом (노인 돌봄).

Стоит подчеркнуть, что пуризм затрагивает не только бытовую лексику, но и высокотехнологические домены (IT, бизнес, медицина), где доминирование английского языка кажется неизбежным. Например, концепции «welness», часто воспринимаемая как модный западный атрибут, в корейском дискурсе получила эквивалент чхамсари (참살) – «истинная жизнь». Это возвращает понятие в русло традиционных корейских представлений о гармонии духа и тела. Аналогичным образом термин «U-turn» в контексте возвращения производства на родину (решоринг) замещается на поккви (복귀).

Несмотря на системность государственных мер, реализация политики пуризма сталкивается с серьезными социолингвистическими вызовами, которые носят не только языковой, но и социально-экономический характер. Например, престижность заимствований. В молодежной среде и бизнес-сообществе использование англицизмов (career, global, meeting, branding) коррелирует с социальным статусом и профессиональной компетенций. Лингвистическая гибридизация воспринимается как маркер включенности в глобальный контекст [5]. В данном контексте английская лексика выступает не только средством обмена информацией, но и индикатором высокого уровня образования. Для молодого поколения корейцев использование элементов «конглиша» – это способ подчеркнуть свою идентичность как «граждан мира». Например, в офисной культуре вместо традиционных корейских обращений по должностям все чаще внедряются английские термины (обращения по именам с приставкой «-nim» или использование слова «manager»), что призвано создать атмосферу горизонтального западного управления. При этом исконно корейские эквиваленты зачастую воспринимаются как избыточно консервативные. В результате формируется разделение сфер

влияния: «чистый» корейский язык преобладает в официальной документации, тогда как англизированный гибрид доминирует в индустрии инноваций и личных достижений. Еще одним вызовом выступает экономическая целесообразность. Для частных компаний использование англоязычных названий брендов упрощает масштабирование на международные рынки, что вступает в противоречие с государственными рекомендациями по использованию хангыля. Наиболее отчетливо это проявляется в сфере маркетинга и ритейла. Например, застройщики в Сеуле намеренно выбирают для жилых комплексов названия типа «Acro River Park» или «Raemian Firstige», так как в массовом сознании потребителей англоязычный нейминг прочно ассоциируется с премиальным качеством и западными стандартами комфорта. Аналогичная ситуация наблюдается в косметической индустрии (K-beauty), где названия линеек продуктов почти полностью состоят из латиницы для упрощения экспорта. Таким образом, рыночные механизмы и стремление к прибыли часто становятся естественным препятствием для повсеместного внедрения пуристических норм в коммерческий дискурс.

Языковой пуризм в Корее не является попыткой искусственной изоляции или ксенофобии. Это механизм поддержания жизнеспособности ханглыя – уникальной фонематической системы письма, признанной ЮНЕСКО частью мирового наследия [3]. Тем самым сохраняя семантическое ядро языка, государство гарантирует трансгенерационную преемственность: способность будущих поколений интерпретировать не только современные медиатексты, но и глубокий культурный контекст прошлого без потери смысловых нюансов.

Таким образом, языковая политика Южной Кореи демонстрирует эффективную модель проактивной защиты национального достояния. Пуризм здесь выступает не как застывший догматизм, а как динамический процесс адаптации традиции к вызовам постмодерна. Системная работа по «очистке» языка южнокорейскому обществу позволяет сохранять баланс между технологическим прогрессом и культурной аутентичностью. Апробация и последовательная реализация данных мер подтверждает тезис о том, что в эпоху глобализации язык остается не просто средством коммуникации, но и важнейшим фактором консолидации общества, фундаментом его экзистенциальной устойчивости.

Литература::

1. Закирова Р.А. Политика корейского языка в период японской колонизации [Электронный ресурс] // Кореeведение в России: направление и развитие. 2022. № 4. С. 88–92. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/politika-koreyskogo-yazyka-v-period-yaponskoy-kolonizatsii (дата обращения: 29.03.2026).

2. Крицкая К.С. Хангыль – как лучшая система письменности в мире [Электронный ресурс] // Казанский вестник молодых ученых. 2018. № 1 (4). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/hangyl-kak-luchshaya-sistema-pismennosti-v-mire (дата обращения: 31.03.2026).

3. Чем больше узнаешь хангыль, тем сильнее гордость за наследие [Электронный ресурс] // Koreilbo. – URL: https://koreilbo.com/news/chem-bolshe-uznaesh-khangyl-tem-silnee-gordost-za-nasledie/ (дата обращения: 31.03.2026).

4. Choi L. J. English as an important but unfair resource: university students' perception of English and English language education in South Korea // Teaching in Higher Education. – 2021. – Vol. 29, No. 1. – P. 144–158.

5. Eshenkova N. L. Anglicisms as a part of modern youth culture [Электронный ресурс] // RULB. – URL: https://rulb.org/en/archive/9-45-2023-september/10.18454/RULB.2023.45.24 (дата обращения: 02.04.2026).

6. Preserving Korean Language: Government Actions to Counter English Loanwords [Электронный ресурс] // IMD Translation. – URL: https://imdtranslation.co.uk/preserving-korean-language-government-actions-to-counter-english-loanwords/ (дата обращения: 02.04.2026).

© Халитова К.Ш., 2026

УДК 811.512.141

Хәмиҙуллин Р. Р.,
ӨФһТУ студенты
Ғилми етәксеһе – ***Ҡарабаев М.И.,***
филол. фән. канд., ӨФһТУ доценты
Өфө ҡ., Рәсәй

“БАШ” ТӨШӨНСӘҺЕНЕҢ БАШҠОРТ ТЕЛЕНДӘ ҠУЛЛАНЫШЫ

Башҡорт телендә «баш» һүҙе бик күп мәғәнәгә эйә. Тура мәғәнәлә *баш* – кәүҙәнең кешелә юғары, башҡа йән эйәһендә алғы йәки юғары тарафындағы мейе урынлашҡан өлөшө. *Ат башы*. Башҡа мәғәнәләре иһә ошо семантиканан үҫеп киткән.

Тәү мәғәнәһендә – аяҡ, ҡул, тән, эс һәм башҡа төшөнсәләрҙе тәшкил иткән кәүҙә концептосфераһы тураһында һүҙ йөрөткәндә, баш – уның айырылғыһыҙ өлөшө, хатта үҙе айырым концептосфера булдыра. Был концептосфераның перифериянына сәс, күҙ, танау, ауыҙ, ҡаш, керпек, бит, сикә, ҡолаҡ, тел, теш, аңҡау һәм муйын кеүек һүҙҙәр инә. Кәүҙә өлөшө булараҡ, баш организмда мөһим функция үтәй: унда, беренсенән, күреү, ишетеү, тәм тойоу, еҫ һиҙеү органдары урынлашҡан, икенсенән, кешене хайуандарҙан юғарыраҡ иткән аҡыл (разум), фекерләү, уйлау кеүек менталь процестар башҡарыла. Шуға күрә *баш* һүҙенең аҡыл, уй, фекерләү, зиһен кеүек һүҙҙәргә синоним булыуы ғәжәп түгел.

Мейене ҡаплап торған һөйәкте лә *баш* тиҙәр: *Ҡартайғайны, башы ла пеләшләнгәйне* (Т. Ғиниәтуллин).

Был концептосфераға яҡын тағы ла бер мәғәнә Үҫеп сыға. Баштың күпселек өлөшөн биләгән сәстәр йыш ҡына “баш” тип йөрөтөлә: *ялбыр баш, һары баш*. Сәс, “Башҡорт теле һүҙлеге” буйынса, “кешенең башында үҫә торған мөгөҙ матдәнән ғибәрәт нәҙек кенә еп һымаҡ төк”. Шул уҡ һүҙллектә “сәс-баш” тигән ҡушма һүҙ күрһәтелә. *Баҡшы тиһәң, баҡшы инде. Сәсе-башы туҙған, өй эсе боларып бөткән, һыуыҡ, бахырҡайҙың* (Һ. Дәүләтшина). Был миҫал *баш* мәғәнәһендә ике һүҙҙең дә ҡулланылыу ихтималлығын белдерә.

Кәүҙә концептосфераһында “баш” термины хайуандарға, ҡош-ҡортҡа ла ҡағыла. Башҡорт халыҡ ижадында “ат башы” төшөнсәһе киң ҡулланыла: *Ерән ҡашҡа атҡайым, башын сайҡай малҡайым*.

Ҡош-ҡорт йәки йәнлектең мейе урынлашҡан өлөшөн аңлатҡан концепттың тирә-яҡ перифериянында башҡасараҡ терминдар ҙа ҡулланыла: морон, томшоҡ. Шуныһы иғтибарға лайыҡ – был мәғәнәне ҡулланып, ҡош-ҡорт йә хайуан төрөнөң атамаһы барлыҡҡа килә: *аҡбаш өйрәк (төбө йыуан күк төҫтәге суҡышлы өйрәк. Ерҙән бик ауыр йөрөй. Башы аҡ, түбәһендә генә ҡара тап бар ҡарабаш турғай, ҡашҡабаш, һарыбаш тумыртҡа* һ.б. [1, 66]

Баш һүҙе башҡа соматик атамаларға ла күскән: *янбаш*, *ҡулбаш*. Был терминдар аңлатҡан мәғәнә шул тән өлөштәренең өҫкө яғын аңлата.

Кәүҙәнең мейе урынлашҡан өлөшө булараҡ, *баш* һүҙе, күсмә мәғәнә алып, *аҡыл, зиһен* төшөнсәләрен дә аңлата: а*ҡыллы баш, эшләп ултырған баш*. Әлбиттә, был мәғәнәлә “баш” һүҙе йыш ҡулланыла.

Халыҡтың донъяны күҙаллауы, уның донъя картинаһы халыҡ ижадында, бигерәк тә афористик жанрҙарҙа, асыҡ сағыла. Башҡорт мәҡәлдәрендә баштың аҡылға туранан-тура мөнәсәбәтен, уларҙың бер-береһен алыштырыусы төшөнсәләр булыуын күрәбеҙ: *Мәҡәл аҡыллы баштан сыға. Башың үҙеңә баш булһын.*

Халыҡ фекере буйынса, аҡыл башта һаҡлана: *Алтын – ташта, аҡыл – башта*. Хатта баш аҡыл өсөн һандыҡ ролен дә үтәй: *Баш – һандыҡ, тел – асҡыс.*

Әгәр ҙә кеше аҡыл менән эш итмәһә, кәрәкмәгән бик күп артыҡ эш-хәрәкәтте эшләргә мәжбүр: *Башта аҡыл булмаһа, ике ҡулға көс төшөр. Алйот баш аяҡҡа ял бирмәҫ.*

Хөрмәт, дан – аҡылдың юлдаштары, шуға күрә *аҡылһыҙ башҡа дан ҡунмаҫ, ҡунһа ла оҙаҡ тормаҫ*, тиҙәр.

Аҡыл – кешенең биҙәге тигән мәғәнәне түбәндәге мәҡәлдәрҙә күрәбеҙ: *Кеше күрке – баш. Аҡылһыҙ башҡа алтын бүрек файҙа бирмәҫ.*

Зиһенлелек йәш үҙенсәлектәренә бәйле түгел: *Аҡылһыҙ кеше алтмышта ла йәш була, аҡыллы алтыла ла баш була.*

Күренеүенсә, *баш* һүҙе күсмә мәғәнәлә бик күп халыҡ мәҡәлдәрендә аҡыл төшөнсәһен бирә.

Әҙәбиәт:

1. Ишбирҙин Э.Ф. Башҡортостан ҡоштары (белешмә китап). Өфө: Башҡортостан китап нәшриәте, 1986. – 168 б.
2. Кильдибекова Т.А., Ғафарова Г.В., Абубакирова З.Ф. Русско-башкирский функционально-когнитивный словарь (сфера жить). – Сибай: СИБГУ, 2001. – 130 с.
3. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей редакцией Е.С. Кубряковой. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. – 245 с.

© Хәмизуллин Р.Р., 2026

УДК 811.512.142

Хочуева Д.В.,
магистрант КБГУ им. Х. М. Бербекова
Дзауров М.М.-Я.,
магистрант КБГУ им. Х. М. Бербекова
Научный руководитель – ***Хуболов С. М.,***
канд. филол. наук, доцент КБГУ им. Х. М. Бербекова
г. Нальчик, Россия

КЪАРАЧАЙ-МАЛКЪАР ТИЛДЕ АТ ФРАЗЕОЛОГИЗМЛЕНИ КЪУУРАЛЫУЛАРЫНА КЕРЕ ТЮРЛЮЛЕРИ

Арт кезиуде къарачай-малкъар тилни фразеологиясы бла байламлы иги кесек иш басмаланнганды. Ол ишледе фразеологизмлени синтаксис къуллукълары [4; 7]. фразеологиялы айтымланы тюрлюлери [6; 8] толу ачыкъланадыла. Аланы юсюнден тынгылы билдириуле концептлеге аталгъан ишледе да бардыла [1; 2; 3; 5]. Алай алыкъын фразеология айлачла бла байламлы тинтилирге кереклери проблемала кёпдюле. Фразеологизмни, сёзнюча, лексика эм грамматика магъаналары болады. Ол затны аты болургъа болады, затны, ишни ышанын белгилеп жюрюйдю. Башха тюрлю айтханда, фразеологизмле тилни кесеклерини – атны, сыфатны, сёзлеуню, этимни къуллукъларын толтурургъа боллукъдула. Фразеологизмлени тилни къайсы кесегини къуллугъунда келгенлерин аланы лексика-грамматика магъаналарына, категорияларына кёре неда соруу берип билирге боллукъду. Бу статьяда ат эм сыфат фразеологизмлени къуралыуларына кёре тюрлюлерине къаралады.

Атны къуллугъунда жюрюген фразеологизмле. Кесеклери къаллай сёзледен къуралгъанларына кёре, быллай фразеологизмле бир ненча тюрлю боладыла:

1) баш болушдагъы ат + ат. Быллай фразеологизмле адамны къылыгъын, халын белгилейдиле. Кеслери да асламысында сёлешиу тилде тюбейдиле: *сёз къапчыкъ (кёп жаншагъан адам), багъыр бет, къыл тамакъ, таш жюрек (башха адамгъа эриулюгю болмагъан), жел баш (женгил адам), акъыл тёбе (акъыллы адам), тюлкю неда арслан жюрек* эм башхала. Грамматика жаны бла алып къарагъанда, была ат сёз тутушланы биринчи къауумуна ушайдыла (1- изафет), биринчи кесеги экинчисине къысылгъан этеди. Быллай фразеологизмлени барысыны да угъай, жаланда бир къауумуну кесеклери жерлерин алышындырып келирге боладыла. Ол заманда аланы биринчи кесеклери иелик аффиксни аладыла: *бети багъыр, башы жел, жюреги таш*. Бу къауум фразеологизмлени биринчи кесеклери тюрленмейдиле, экинчилери уа бетде, санда, болушда да тюрленедиле;

2) иеликчи болушну аффиксиз формасындагъы ат + ат. Быллай фразеологизмле бизни тилибизде бек аздыла: *жер этеги, кёз чырагъым, ит азабы* эм башхала. Къуралыуларына кёре, быллай фразеологизмле ат сёз тутушланы экинчи тюрлюсюне ушайдыла (2- чи изафет). Биринчи кесеклери иеликчи болушну аффиксиз формасында жюрюйдюле эм экинчи кесеклерине къысылгъан этедиле. Бир бирлерини биринчи кесеклери иелик аффиксни алыргъа боладыла: *кёз чырагъы – кёзюмю чырагъы*;

3) иеликчи болушну аффиксли формасындагъы ат + ат: *жанымы къыйыры, кёзюмю чырагъы* дегенчала. Была да къарачай - малкъар тилде бек аз тюбейдиле. 3- чю изафетни юлгюсю бла къураладыла. Биринчи кесеклери иеликчи болушну аффиксли формасында келгенлери себепли, быллай фразеологизмлени кесеклери бир бирлери бла келишген этедиле. Аланы орунларын алышындырыргъа жарамайды. Быллай фразеологизмлени бир къауумлары тюрленмей жюрюйдюле (*жанымы кёзю, жанымы къыйыры), экинчилери уа санда (итни баласы, итни балалары), болушда (атамы заманында, атамы заманындан)* да тюрленедиле;

4) сыфат + ат: *тюпсюз челек (ётюрюкчю), къара ниет, къаты жюрек (эриулюгю болмагъан), къара жюрек (аман, зар адам), чий бел (эринчек, хомух), ач кёз, ачыкъ аууз, ауур къол, аман тил, къара алтын, ачыкъ жюрек, сары алтын* эм башхала.

Фразеологизмлени бу къаууму да 1-чи изафетни юлгюсю бла къураладыла. Аланы биринчи кесеклери экинчилерине къысылгъан этедиле, бир бирлери бла орунларын алышындырыргъа да боладыла: *къаты къол – къолу къаты, къара жюрек – жюреги къара, ачыкъ аууз – ауузу ачыкъ*. Жерлерин алышындыргъанда, биринчи кесеклери иелик аффксни аладыла. Бетде, санда, болушлада да тюрленирге боладыла.

Сыфатны къуллугъунда жюрюген фразеологизмле. Къуралыуларына кёре, быллай фразеологизмле атны къуллугъунда жюрюгенледен эсе кёпдюле:

1) сыфат + сыфат: *къара ниетли, ачыкъ жюрекли, ачы тилли, алтын къоллу, узун тилли, аман бетли.* Бу фразеологизмле адамны халын, къылыгъын кёргюзтедиле. Быланы экинчи кесеклери атладан къуралгъан сыфатладыла. Магъаналарына кёре быллай сёз тутушла сыфат бла атдан къуралгъанлагъа ушайдыла, кеслери да, асламысында, аладан къураладыла, бир бирлери бла жерлерин алышындырып келирге боладыла: *ниети къара, тили узун, къолу алтын, тили ачы, жюреги ачыкъ* эм башхала.

Фразеологизмлени бу тюрлюсю санда (*ачы тиллиле, къара ниетлилле, алтын къоллула*) эм болушлада (*ачы тилли, ачы тиллини, ачы тиллиге, ачы тиллини*) тюрленедиле;

2) санау + сыфат: *бир сезлю, эки бетли, эки тилли* дагъыда башхала. Быллай фразеологизимле кёп тюйюлдюле, кесеклери да бир бирлери бла алышынмайдыла;

3) баш сёзю этимсыфат болгъан фразеологизмле. Быллай айланчла кесеклерини грамматика къурамларына кёре тюрлю-тюрлюле боладыла. Этимсыфатла не угъайлаучу, не хоулаучу формада келедиле. Фразеологизмни формасы тюрленсе, магъанасы да тюрленеди. Эки аспект форма да жюрюген фразеологизимле уа аз тюбейдиле Быллай фразеологизмлени бир талай къауумкъа юлеширге боллукъду:

а) баш болушдагъы ат + этимсыфат: *къан къайнатхан, берк кийген, (кишилиги болгъан), кюн кёрмеген, (жашауу къыйын болгъан), аллах ургъан*, дагъыда башхала. Быллай сез тутушла санда, болушлада да тюрленедиле;

б) тамамлаучу болушлада ат + этимсыфат: *кёпню кёрген (сынаулу) акъны - къараны таныгъан (затден ангылауу болгъан), къаяланы тендирген (иши баргъан);*

в) бериучу болушдагъы ат + этимсыфат: *бетине уялмагъан, сёзюне табылгъан (айтханын этген адам), терсине айланган (адам айтханга тынгыламагъан);*

г) ие аффиксли ат + этимсыфат: *бети къызармагъан (уяла билмеген), сёзю ётмеген (айтханын этдиралмагъан);*

д) башлаучу болушдагъы ат + ат + этимсыфат: *ташдан суу сыкъгъан (ётгюр), бармагъындан бал тамгъан (уста, ишге къолу жарашхан), бокъдан ийис ангыламагъан (ангылаусуз);*

е) ат + сонгура + этимсыфат*: адам ортасына келген (орта жыл сандагъы), адам къатында ёсмеген (адепсиз адам);*

ё) этимча + этимсыфат: *барып тохтагъан (адамда болгъан кемчиликни кючлендирген сез тутуш), ёлюп сау болгъан (уллу къыйынлыкъдан къутулгъан) эм башхала;*

Быладан сора да къарачай-малкъар тилде баш сёзю этимсыфат болуп, бир талай сёзден къуралгъан фразеологизмле да кёп жюрюйдюле: *аллында токълусу болмагъан (бек жарлы), къара тууар богъун басмагъан (сынауу болмагъан), акъны къарадан айыра билмеген (билимсиз), базук жилиги бла асыралгъан (ариу ёсген), бир чегинден юзюлген (бир анадан тууугъан), биринчи ургъан (бек алгъа юй салгъан), бош къалгъан (иесиз)*.

Ат фразеологизмле айтымда кёбюсюнде башчы болуп келедиле, сыфатны магъанасында жюрюген фразеология айлачла уа айтымда асламысында айгъакълаучуну къуллугъун толтурадыла.

Литература

1. Ахматова М.А. Языковая метафоризация концепта "время" в карачаево-балкарском языке (на материале нартского эпоса) // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2015. – № 5 (67). – С. 190-193.

2. Ахматова М.А. Концептосфера гидролексемы "суу" в карачаево-балкарском нартском эпосе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 11-1 (65). – С. 78-81.

3. Ахматова М.А. Вербализация концепта жер "земля" на материале карачаево-балкарского нартского эпоса // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2019. – № 2. – С. 58-65.

4. Кетенчиев М. Б. Проблемы вокативных конструкций в карачаево-балкарском языке // Актуальные вопросы карачаево-балкарской филологии. Сборник статей к 70-летию Ж.М. Гузеева. – Нальчик: Издательский отдел Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований, 2010. – С. 69-74.

5. Кетенчиев М.Б., Додуева А.Т., Девеева А.А. Вербализация семьи в карачаево-балкарском фольклоре // Балтийский гуманитарный журнал. – 2018. – Т. 7. – № 1 (22). – С. 81-84.

6. Хуболов С.М. Формально-семантические модели одноместных фразеологизированных предложений в карачаево-балкарском языке: автореф. дисс. … канд. филол. наук. – Нальчик, 1997. – 22 с.

7. Хуболов С.М. Синтаксические функции фразеологизмов карачаево-балкарского языка // Вопросы лексики, грамматики и семантики карачаево-балкарского языка. – Нальчик: Эль-Фа, 2002. – С. 39-47

8. Фразеологизированные конструкции с предикатами движении в карачаево-балкарском языке // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2010. – № 12. – С. 320-322

© Хочуева Д.В., Дзауров М.М.-Я., 2026

УДК 811.512.142

Хочуева Д.В.,
магистрант КБГУ им. Х. М. Бербекова
Научный руководитель – ***Хуболов С. М.,***
канд. филол. наук, доцент КБГУ им. Х. М. Бербекова
г. Нальчик, Россия

КЪАРАЧАЙ-МАЛКЪАР ТИЛДЕ КЁП МАГЪАНАЛЫ ФРАЗЕОЛОГИЗМЛЕ

Фразеология къарачай-малкъар тилни кеч тинтилип башланнган бёлюмлеринден бириди. Алай арт жыллада фразеологияны тинтиуде иги жетишимле болдурулгъандыла. Фразеологиягъа жораланнган кёп иш басмаланнганды. Ол ишледе аслам эс фразеологизмлени магъана эм грамматика жаны бла къауумлагъа юлешиниулерине, стиль жаны бла энчиликлерини, синтаксис къуллукъларына, аланы суратлау чыгъармалада къалай хайырланылыуларына, фразеологизмлени кесеклери магъана жаны бла бир бирлери бла къалай байланнганларына кёре къауумлагъа юлешиниулерине, тилни къайсы кесегини къуллугъунда жюрюгенлерине кёре къауумларына эм башха вопрослагъа бурулады. Быллай вопросла синтаксисге [4], фразеологиялы айтымлагъа [5; 6; 7], концептлеге [1; 2; 3] аталгъан ишледе да ачыкъланадыла. Бу статьяда кёп магъаналы фразеологизмлеге къаралады.

Фразеологизмлени кёбюсю бир магъаналыладыла. Ол шартха таянып, бир-бир алимле кёп магъаналы фразеологизмле жокъдула деген оюмну тутадыла. Ол тюз тюйюлдю. Аланы араларында кёп магъаналыла да тюбейдиле. Кертиди, кёп магъаналы сёзле бла тенглешдиргенде, аладан эсе аллай фразеологизмле аздыла. Тилибизде он, онбеш, андан да кёп магъанасы болгъан сёзле бардыла. Фразеологизмлени уа экиден, ючден кёп магъаналары болмайды. Аны сылтауу недеди дегенде, биринчиден, фразеологизмлени магъаналары кёчген магъана боладыла, ала алгъын тилде кеслерини энчи магъаналарында жюрюген сёз тутушланы магъаналары тюрленип, алай къуралгъандыла. Экинчиден, сёзле, башха сёзле бла байланып, сёз тутушла, айтымла къурайдыла, ол шарт а сёзню жангы магъана алыууна себеплик этеди, фразеологизмле уа башха сёзле бла алай эркин байланалмайдыла. Аны себепли аланы асламысы бир магъаналыладыла. Бир-бир алимле фразеологизмде кёп магъаналылыкъны аны къурагъан сёзле бла байламлы этедиле. Аланы оюмларына кёре, ол сёзлени магъаналары не къадар кёп болса, фразеологизмлени магъаналары да анга кёре болады. Ол шартланы тюзге санарча тюйюлдю. Нек дегенде фразеологизмде аны къурагъан сёзле кеслерини лексика магъаналарын тас этедиле, фразеологизмни магъанасы ол сёзлени магъаналарындан чыкъмайды, ол сёзле бла бирлешип, кёчген магъананы бередиле.

Кёп магъаналылыкъ фразеологизмлени кеслери бир бирлери бла магъана жаны бла къалай байланнганлары бла байламлыды. Фразеологизмни кесеклери бир бири бла къаты байламлыкъда келселе (идиомала), ала асламысында бир магъаналыла боладыла: *тюнкеси юзюлдю, кёз тийди, кёлю бокъланды, гепперлери тюшдю, мени сартын, къундуз ийлеуюн берди* эм башхала. Аланы араларында байламлыкъ алай къаты болмаса, экинчи магъана тууаргъа болады: ауу ач: 1) бек сейир эт; 2) бир затха эс бурма. Белгилисича, сёзню баш (тюз) эм кёчген магъаналары боладыла. Фразеологияда иш алай тюйюлдю. Кёп магъаналы фразеологизмни бир магъанасын баш, экинчисин кёчген этерге

жарамайды. Нек дегенде фразеологизмни магъанасы кёчген магъана болады. Кёп магъаналы фразеологизмледе баш эм къуралгъан магъана болады. Экинчи магъана биринчиден къуралады. Алай болмаса, ала омонимлеге ётедиле.

Кёп магъаналылыкъны къуралыууна тюрлю-тюрлю болумла себеплик этедиле.

Аякъ тюбюнде чёп сынмай деген фразеологизмни эки магъанасы барды: 1) бек къууанып; 2) бек къоркъуп: *Ол кюн аны ашыра чыкъгъаныма махтанып, аякъ тюбюмде чёп сынмай айландым. Къалаууp тутуп къояды деп асыры къоркъгъандан, сабийле аякъ тюплеринде чёп сынмай бара эдиле.*

Белгилисича, фразеологизмлени асламысы адамны халын, къылыгъын эм башха шартларын суратлайдыла. Бу юлгюле да анга шагъатлыкъ этедиле. Адамны уллу къууанчы болса, ол женгил болады, санын-чархын ауурлугъун эслемейди, учуннган халда айланады. Экинчиден, бек къоркъса, къыйын болумгъа тюшсе, къууаннган замандача халны алады: *жан кирди*: 1) жангыдан сау болду, тирилди; 2) кёлю кётюрюлдю, жарыды: *Жыйырма жылдан бери тургъан къуу сюеклеге жан киргенди деп ким ийнансын. Жамилятны сабыр тири кёзлери абызырагъан адамлагъа жан кийирди; кёз жетдир*: 1) бир затха къара; 2) бир затны эсле; 3) кёз-къулакъ бол: *Хамзат, машинаны эшиклерин ачып, не эсе да излегенча, ичине къарады. Къадий, айлана келип, кёзю директорну кабинетине жетгенде, аны иеси кетмегенин ангылады. Сабийлеге кёз жетдире тур, мен да кёп мычымай къайтырма*; *кёлю чыкъды*: 1) бир затны жаратмады, жюреги сууду; 2) сокъуранды: *Сени акъыллы жаш сунуп тура эдим, энди уа кёлюм чыкъды. Жашны аламатды деп тургъан къызындан кёлю чыкъды.*

Бу юлгюледе кёп магъаналылыкъ эки неда талай ишни, халны бирге ушагъан шартлары болгъанлары бла байламлы къуралады. Андан сора да кёп магъаналылыкъны къурау амалладан бири фразеологизмни бир магъанасы экинчи магъанасына мурдорлукъ этиудю: *кёзю къарайды*: 1) жаратады; 2) бир затдан, ишден айырылыргъа сюймейди: *Солтаннга аллай бир кёзюнг къарай эсе, кеси къызынгы бер. Фатимат дерсине кёзю къараса да, ол кюбюрюню ичин ёмюрде кёрмегени себепли, кёрюрге ашыкъды.* Биринчи айтымдагъы магъана экинчи айтымдагъы магъанагъа мурдорлукъ этеди. Дагъыда юлгюле: *тил тутады*: 1) келин къайынларына сёлешмейди; 2) башха адам бла келишмейди: *Зухура да къайын атасындан тил тутханлай турады. Аланы тил тутханларын къамичиле бла, маузерле бла ачдырыргъа керекди;* б*аш ур:* 1) биреуге жалын, биреуден бир затны кесинги намысынгы сындырып тиле; 2) биреуге бой сал, бир затха табын: *Сайхат къычырыкъ этип, старшинаны аякъларына баш уруп ауду. Аны жигитлигине баш урмагъан адам жокъду; бел байла*: 1) бир затны этерге кёл сал; 2) биреуге ышан: *Совет властьны, тугъан халкъыны аллында борчун сёз къатламай толтурургъа бел байлады. Мусса кеси да, тейри, жашла, Мадинагъа бел байлай болур дейме*; *бети кетди*: 1) бети бек агъарды; 2) арыкъ, къарыусуз болду: *Бетлери кетип, кирпиклери, къашлары да кюйюп, Солтан бла Хаким эшикден кирдиле. Солтан, бети кетип, башын кётюралмай жатады.*

Кёп магъаналы айланчла башха фразеологизмледен эсе этим фразеологизмлени араларында эркин тюбейдиле. Ала кеслери да асламысында эки магъаналыла боладыла. Юч эм андан да аслам магъаналары болгъан фразеологизмле аз тюбейдиле. Юлгюле: *тили ачылды*: 1) сёлешип башлады (сабий); 2) жаншакъ болду; 3) келин жууукълары бла сёлешип башлады: *Ахматны тили ачылды, тюз уллу адамча сёлешеди. Бусагъатха дери шум болуп тургъан шофёрну тили ачылды. Келин а, аны аллына барып, манга да тилин ачып: «Бизни кимге къоюп бараса?» - деди; кёлюн къандырды:* 1) дерт жетдирди; 2) тансыгъын алды; 3) биреуню къыйынлыгъына къууанды*: Алийланы Ахматды немецлилеге кёлюн къандыргъан, жашасын Алиев юч да танкны жандыргъан. Лейла тенг къызы бла кёлюн къандыргъынчы олтурду. Акъ офицерни тутулуп келгенине ол къанларын ичген адамла кёл къандырдыла; кирпик къакъмайды:* 1) кече узуну жукъламайды; 2) ачыкъ, ёхтем къарайды; 3) тюрслеп къарайды: *Тангнга дери кирпик къакъмагъанма, жашым. Эркинме мен, тауларым, кирпик къакъмай къараргъа бетигизг. Анам бла Даута Ибрахимге кирпик къакъмай къарайдыла; къаст эт:* 1) бир ишни этерге мурат эт; 2) бир ишни этерге нюзюр эт; 3) бир ишни этер ючюн, арымай-талмай кюреш: *Къалай алай болса да, сабийле андан къоркъмазгъа къаст этип, батыр болуп барыучу эдиле. Ол (Къанамат), кесича бир-эки тенг да къурап, дерт жетдирирге къаст этгенди. Сыйлы ётмек аллында жюрегими тазалыгъын билип жашаргъа алай къаст этгенлей тургъанма кюнюм чууакъ, Туман, не тюрлю бола келгенде да.*

Юлгюле кёргюзтгеннге кёре, кёп магъаналы фразеологизмле этим фразеологизмледе бирси къаумладан эсе аслам тюбейдиле. Кёп магъаналы фразеологизмлени асламысы эки магъаналыладыла. Аланы араларында юч магъаналыла аз тюбейдиле.

Литература

1. Ахматова М. А. Аспекты реализации концепта "гостеприимство" в карачаево-балкарском языке // Актуальные вопросы карачаево-балкарской филологии. – Нальчик: Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, 2015. – С. 107-111.

2. Ахматова М.А. Языковая метафоризация концепта "время" в карачаево-балкарском языке (на материале нартского эпоса) // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2015. – № 5 (67). – С. 190-193.

3. Ахматова М.А., Кетенчиев М.Б. Концепт "путь" как конструкт этнической языковой картины мира (на материале карачаево-балкарского нартского эпоса) // Вестник ВЭГУ. – 2014. – № 5 (73). – С. 79-86.

4. Кетенчиев М.Б. Структура и семантика именных предложений в карачаево-балкарском языке. – Нальчик: Книга, 2000. – 145 с.

5. Хуболов С.М. Формально-семантические модели одноместных фразеологизированных предложений в карачаево-балкарском языке: дисс. … канд. филол. наук – Нальчик, 1997. – 175 с.

6. Хуболов С.М. Предложения с моновалентными предикатами-фразеологическими единицами в карачаево-балкарском языке. – Нальчик: Книга, 2002. – 147 с.

7. Хуболов С.М. Семантический потенциал фразеологических единиц, управляющих исходным объекта // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2014. – № 6 (62). – С. 260-264.

© Хочуева Д.В., 2026

УДК 811.531

Хузиева А.С.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Байбулова М.Н***
ассистент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

НАЗВАНИЯ ЦВЕТОВ В КОРЕЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Цвет[14] занимает одно из ключевых мест в системе человеческого восприятия. Интерес к названиям оттенков с лингвистической точки зрения обусловлен тем, что они отражают не только физические характеристики объектов, но и особенности мировоззрения нации. Основой для исследования выступила концепция Б. Берлина и П. Кея, описывающая универсальные этапы формирования цветовых обозначений, а также положения гипотезы лингвистической относительности Сепира-Уорфа. В структурно-морфологическом анализе одной из самых уникальных черт корейских цветообозначений не имеющих аналогов русском языке является фономорфологическая деривация изменение корня для передачи оттенка.

В корейском языке: Прилагательные цвета (описательные глаголы) обладают “плавающими” гласными и согласными. Изменение светлых гласных на темные меняет восприятие насыщенности: Ноурата (노랗다) – ярко-желтый, Нурота (누렇다) – густой, темновато-желтый, золотистый, Пхарата (파랗다) – ярко-синий, Пхорота (퍼렇다) – глубокий синий, иссиня-черный.

Следует отметить, что удвоение согласных (빨간색 ппальгансек – красный) добавляет экспрессии. В русском языке для этой цели используются суффиксы (красноватый, краснющий) или наречия (очень, слегка), но сама структура корня остается неподвижной. Так же в русском языке основной акцент сделан на предметную деривацию. Русский язык чрезвычайно богат названиями, заимствованными из мира природы: вишневый, ореховый, небесный, коралловый. Корейский язык в таких случаях чаще использует конструкцию [Существительное + Цвет]: 하늘색 ханыльсек (цвет неба), в то время как в русском “небесный” становится самостоятельной лексической единицей.

---

[14] Цвет - качественная субъективная характеристика электромагнитного излучения оптического (видимого) диапазона, определяемая на основании возникающего физиологического зрительного ощущения и зависящая от ряда физических, физиологических и психологических факторов.

Системы словообразования цветообозначений [15] в рассматриваемых языках имеют принципиальные различия. В русском языке названия цветов преимущественно представлены именами прилагательными. Морфологически их можно разделить на такие как непроизводные (белый, красный, синий) и производные, образованные от предметных эталонов (малиновый, песочный, сиреневый).
Более того, можно заметить корейском языке система более сложна и многослойна:
1. Исконно корейские слова: часто имеют двойственную природу (существительное/прилагательное) и могут изменять форму для передачи интенсивности оттенка за счет чередования гласных и согласных (например, 노란색 ноурасек- желтый, 노랗다 ноурата- золотисто-желтый).
2. Ханча [16] используются в официальном стиле и науке (например, 白бэк – белый)

3. Суффиксальный способ: обязательное использование служебного слова “색” (색- цвет) для большинства производных названий (보라색 боурасек - фиолетовый цвет).
Таким образом, семантические границы и объем понятий в корейском и русском языках разнятся. Эта проблема также известна как проблема сине-зеленого спектра (Категоризация). Это ключевой раздел для лингвистического анализа, иллюстрирующий гипотезу Сепира-Уорфа (язык определяет мышление). Одним из наиболее ярких различий является членение сине-зеленого спектра. Русский язык - русская дихотомия характеризуется уникальной для европейских языков чертой - наличием двух базовых терминов для синего спектра: синий и голубой. В сознании носителя русского языка это два разных цвета, а не оттенки одного. Об этом говорят исследования (например, эксперименты Джонатана Винавера). Они показывают, что носители русского языка быстрее идентифицируют границу между этими цветами, так как мозг вынужден постоянно делать выбор между двумя разными категориями, а не оттенками одного цвета. Итак, корейский язык исторически объединял синий и зеленый цвета одним словом “ 푸르다” (пурыда) или иероглифическим “ 청” (чхон), что является описательным словом для цвета жизни и свежести. Хотя в современном корейском языке существуют отдельные слова для зеленого (초록색 чхорогсек)и синего (파란색 пхарансек), лингвистический казусом является то , что светофор в Корее называют “ 푸른 빛 пурын бит ” (синий свет), хотя он зеленый. Это архаичный пласт языка, который вступает в противоречие с современной международной колориметрией. И также, хотя лист дерева явно зеленый, корейцы говорят ‘푸른 숲 пурын суп” (синий лес) или “ 푸른 산 пурын сан” (синяя гора), ведь горы называют “синими”, подразумевая их зелень. Это свидетельствует о сохранении архаичной модели восприятия «цвета живой природы». Особенно интересен момент культурный символизм и коннотации[17], ведь цветообозначения тесно связаны с культурным кодом нации. Если русская система цветов развивалась под влиянием живописи и химии, то корейская – под влиянием китайской натурфилософии (Пять стихий). Белый цвет: в русской культуре символизирует чистоту, свет и свадьбу. В корейской культуре белый (Пэк): Запад, стихия Металл, Осень. Чистота, искренность, но и символ траура (смерть как уход на Запад).
Красный цвет: В России ассоциируется с красотой (“красна девица”), силой и революцией. В Корее красный (Чок): Юг, Огонь, Лето. Страсть и защита от злых сил (традиция красить ногти соком цветов или есть красную кашу «пхатчук»). Желтый цвет: в русском языке может иметь негативную коннотацию (цвет измены, “желтый дом”). В Корее желтый (Хван) – символ центра мира и императорской власти (согласно системе Пяти стихий. Можно также выделить момент что в корейском языке названия этих пяти цветов часто представлены иероглифическими корнями (ханча), [18]которые используются в сложных словах, тогда как бытовые названия имеют исконно корейские корни. В русском языке подобного сакрального деления нет.

---

[15] Включают морфологические (суффиксы, приставки), синтаксические (сложные слова) и лексико-семантические (метафоры) способы.

[16] Китайские иероглифы, адаптированные и используемые в корейской письменности.

[17] Эмоционально-оценочные оттенки знаков (слов, предметов, образов), основанные на культурных традициях, ценностях и стереотипах народа.

[18] Китайские иероглифы, адаптированные и используемые в корейской письменности.

4. Пятицветие “오 방색” (о банг сек) как база корейской системы
Для понимания корейской системы необходимо учитывать традиционную теорию пяти первоэлементов, где каждому цвету соответствует сторона света и стихия:
•Синий(Восток,Дерево);
•Белый(Запад,Металл);
•Красный(Юг,Огонь);
•Черный(Север,Вода);
•Желтый(Центр,Земля).

В русском языке подобная жесткая философская привязка цветов к мироустройству отсутствует, система более подвижна и ориентирована на визуальные ассоциации. Черный /Белый: Русский: “Белая ворона” (необычный), “Черная зависть” (злая). Корейский: “Черная душа” (검은 마음 - коварство). Корейцы часто используют слово «белый» для описания чистоты намерений или ‘пустого” (чистого) сознания.
Желтый: Русский: “Желторотый” (молодой, неопытный - ассоциация с птицами). Корейский: “Желтый (верх) отсутствует” (노랑수가 없다 - о ком-то наглом, невоспитанном).
Красный: Русский: “Красная строка”, “Красный угол” (красивый, главный).
Корейский: “Красная ложь” (빨간 거짓말 - наглая, очевидная ложь).

Лингвистический анализ показал, что корейская система названий цветов более систематизирована и философски нагружена, в то время как русская - лексически разнообразна , точна в различении светлотных оттенков (синий/голубой) и цветообозначения более склонны к конкретике и физической точности (огромное количество названий для оттенков в текстильной/художественной сферах). Также не опуская грамматический аспект, ведь в русском языке цвет – это почти всегда признак (прилагательное). В корейском языке цвет – это часто состояние (глагол) или философский символ (существительное-иероглиф). И тем более, что в обеих культурах наблюдается процесс “вестернизации”. Корейцы всё чаще используют “**오렌지색 оренджи “**вместо традиционных описаний оранжевого, а русские – “фуксия” или “индиго”. Различия в цветообозначениях обусловлены историческими путями развития этносов: влиянием китайской философии на корейский язык и европейских колориметрических традиций – на русский.

Литература:
1. Basic Color Terms: Their Universality and Evolution by Brent Berlin; Paul Kay 1971, pp.257-270.
2. Вежбицкая А. Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия // Язык. Культура. Познание. М., 1996. http://www.philology.ru/linguistics1/wierzbicka-96b.htm
3. Ланьков А. Н. Характерные черты корейского менталитета // Быть корейцем. М., 2006. https://koryo-saram.site/lankov-a-n-byt-korejtsem/

© Хузиева А.С, 2026

УДК 81`42

Хусаинова Г.Г.,
студент УУНиТ
Научный руководитель: ***Габидуллина А.Т.,***
канд. филол. наук, ассистент УУНиТ,
г.Уфа, Россия

БАШҠОРТ, ТӨРӨК ҺӘМ ҠАҘАҠ ТЕЛДӘРЕН САҒЫШТЫРЫУ

Төрки телдәр – Евразияла иң киң таралған тел ғаиләләренең береһе. Уларҙың туғанлығы боронғо уртаҡ сығанаҡҡа – бөтә төрки телдәр өсөн нигеҙ булған боронғо төрки теленә барып тоташа. Башҡорт, төрөк һәм ҡазаҡ телдәре төрки телдәр ғаиләһенең көнбайыш (ҡыпсаҡ, уғыҙ) тармаҡтарына ҡараһа ла, уларҙың фонетик, грамматик һәм лексик ҡоролошонда уртаҡлыҡтар һаҡланған. Был мәҡәләлә өс телдең сағыштырма-тарихи үҙенсәлектәре, уларҙы берләштереүсе һәм айырыусы төп һыҙаттар ҡарала.

Тикшеренеүҙең теоретик нигеҙе итеп күренекле тюркологтар Н. А. Баскаковтың «Алтай телдәр ғаиләһе», А. Н. Кононовтың «Төрки телдәрҙең сағыштырма-тарихи грамматикаһы», шулай уҡ Э. Р.

Тенишев етәкселегендә әҙерләнгән «Төркителдәрҙең сағыштырма-тарихи грамматикаһы» (серия) кеүек хеҙмәттәр алынды. Милли телдәр буйынса башҡортса һүҙлектәр (Ә. Әхмәтйәнов, Т. Ғ. Ишбирҙин), ҡаҙаҡса (Ә. Ҡайдар) һәм төрөксә (Т. Бүркүт) сығанаҡтар ҙа ҡулланылды.

1. Фонетик өлкәләге уртаҡлыҡтар һәм айырмалыҡтар.

Төркителдәрҙең өн системаһында, тарихи ҡараштан, ҡайһы бер оҡшашлыҡтар бар. Мәҫәлән, боронғо төркителдәге *-d-* тартынҡыһының ҡыпсаҡ төркөмөнә (башҡорт, ҡаҙаҡ) ингән телдәрҙә *-z-, -ð-,* ә уғыҙ төркөмөнә (төрөк) ингәндә *-y-* булып сағылышы билдәле. Был законлылыҡ *«аяҡ»* һүҙендә асыҡ күренә: башҡортса *аяҡ,* ҡаҙаҡса *аяқ,* төрөксә *ayak* – әйтәйек, бында ҡаҙаҡса *қ,* башҡортса *ҡ/к* айырмаһы ла төбәк үҙенсәлеген күрһәтә. Тағын бер миҫал: *«тау»* – башҡортса *тау,* ҡаҙаҡса *тау,* төрөксә *dağ.* Бында башҡорт һәм ҡаҙаҡ телдәрендә тауыш ярашлығы һаҡланһа, төрөк телендә *-g* яңғыраулы тартынҡыһына әүерелгән.

Сығанаҡтарҙа (Н. А. Баскаков, 1981) күрһәтелеүенсә, башҡорт теленең фонетик үҙенсәлеге – *h* өнөнөң киң ҡулланылышы, төрөк теленең *h* менән ярашлы. Әммә уртаҡ төркителдәрҙә *s* ҡайһы берҙә башҡортса *h* (һүҙ башында), ҡаҙаҡса *s,* төрөксә *s* булып күренә. Был өс телдең фонетик кимәлдә оҡшаш һәм айырмалыҡтарының да булыуын сағылдыра.

2. Морфологик төҙөлөшө яғынан сағыштырыу.

Агглютинатив ҡоролош – төркителдәрҙең иң мөһим дөйөм билдәһе. Һүҙ үҙгәртеү ҙә, һүҙьяһалыш та нигеҙгә аффикстар өҫтәү юлы менән башҡарыла. Был өс телдә лә күплек аффиксы (башҡортса *-лар/-ләр,* ҡаҙаҡса *-лар/-лер,* төрөксә *-lar/-ler*) бер төркителдәрҙә сығанаҡлы. Эйәлек категорияһы ла шундай уҡ модель менән бирелә: *минең атайым – benim babam – менің әкем.* Һөйләм ҡоролошо (SOV – эйә, тултырыусы, хәбәр) өс тел өсөн дә өҫтөнлөклө.

Сағыштырма тикшеренеүҙәрҙә (А. Н. Кононов, 1978) билдәләнеүенсә, заман системаһы ла уртаҡ төркителдәрҙә эйә. Башҡортса – *килә,* төрөксә *geliyor,* ҡаҙаҡса *келе жатыр* кеүек хәҙерге заман формалары төрлөсә яһалһа ла, уларҙың компоненттары тарихи яҡтан бәйле.

3. Лексик уртаҡлыҡ.

Төп лексик фонда төркителдәрҙең туғанлығы айырыуса асыҡ күренә. Һандар, көн-төн, аҙыҡ-түлек, күк есемдәре атамалары өс телдә лә таныла. Мәҫәлән: *бер – bir – бір, ике – iki – екі, ҡош – kuş – құс, ит – et – ет, күк – gök – көк.* Әлбиттә, фонетик айырмалыҡтар (башҡортса *ҡош,* төрөксә *kuş,* ҡаҙаҡса *құс*) һәм лексик алмашыныуҙар (башҡортса *аш,* төрөксә *yemek,* ҡаҙаҡса *тамаҡ*) бар. Шуға ҡарамаҫтан, төп 100-200 самаһы һүҙлек составында өс телдең тап килеү күрһәткесе 70-80% тирәһен тәшкил итә, был уларҙың уртаҡ сығанаҡтан килеүен раҫлай.

Төрөк теленең Ғосман империяһы осорондағы ғәрәп-фарси йоғонтоһонда һүҙлек составының ҙур өлөшөн алмаштырыуы, ә башҡорт һәм ҡаҙаҡ телдәренең рус теле аша интернациональ лексиканы ҡабул итеүе – айырмаларҙың төп сәбәптәренең береһе. Әммә был өҫкө ҡатламға ғына ҡағыла, төп һүҙлек составы уртаҡлыҡты һаҡлай.

4. Диалектологик һәм тарихи бәйләнештәр.

Башҡорт һәм ҡаҙаҡ телдәре ҡыпсаҡ төркөмсәһенә ҡарай, шуға күрә уларҙың грамматик ҡоролошо, шул иҫәптән *-ған/-ғән* үткән заман формаһы, *-а/-ә* хәҙерге заман формаһы кеүек күрһәткестәре бик оҡшаш. Төрөк теле уғыҙ төркөмсәһенә инә, уның үткән заман формаһы *-di (-ды/-ди),* хәҙерге заман *-yor* менән яһала. Был айырмалар ҡыпсаҡ һәм уғыҙ төркөмсәләренең тарихи айырылыуы менән бәйле. Т. Ғ. Ишбирҙиндың башҡорт диалектологияһы буйынса хеҙмәттәрендә күрһәтелеүенсә, башҡорт теленең көнсығыш диалектында ҡаҙаҡ теле менән, ә көньяҡ-көнбайыш диалектында төрөк теле менән ҡайһы бер уртаҡ һыҙаттар бар.

Башҡорт, төрөк һәм ҡаҙаҡ телдәре – бер төркителдәр ғаиләһенең айырым вәкилдәре. Уларҙың фонетик, грамматик һәм лексик системаларында уртаҡ төркителдәр осорҙан ҡалған төп элементтар һаҡланған. Агглютинатив ҡоролош, эйәлек, хәбәрлек төҙөлөү тәртибе, төп лексиканың тамырҙаш булыуы, грамматик категорияларҙың оҡшашлығы уларҙың туғанлығын иҫбатлай. Үҙ сиратында, ҡыпсаҡ (башҡорт, ҡаҙаҡ) һәм уғыҙ (төрөк) төркөмсәләренә бүленеү, шулай уҡ төрлө тел мөхитендәге тарихи үҫеш фонетик һәм лексик айырмаларға алып килгән. Был айырмалыҡтар телдәрҙең үҙ аллы үҫеш юлын күрһәтһә лә, уларҙың берҙәм төркителдәр мираҫтан килеүенә шик ҡалдырмай.

Әҙәбиәт:

1. Баскаков Н. А. Алтайская семья языков и ее изучение. – М.: Наука, 1981. – 135 с.

2. Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. – М.: Наука, 1978. – 340 с.

3. Тенишев Э. Р. (ред.) Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции. – М.: Наука, 2002. – 732 с.

4. Әхмәтйәнов Ә. Ғ. Башҡорт теленең антонимдар һүҙлеге. – Өфө: Китап, 2000. – 272 б.
5. Ишбирҙин Т. Ғ., Тумашева Д. Г. Башҡорт диалектологияһы. – Өфө: Башҡортостан китап нәшриәте, 1973. – 212 б.
6. Ҡайдар Ә. Қазақ тілінің өзек сөздігі. – Алматы: Ғылым, 1998. – 400 б.
7. Bürküt T. Türkçede akrabalık adları // Türk Dili Araştırmaları Yıllığı – Belleten. – Ankara: TDK, 1991. – S. 45–58.

© Хусаинова Г.Г., 2026

УДК 070

Чекмарева А.Ю.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Имангулова А.Р.,***
ассистент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

СПЕЦИФИКА УТРЕННИХ ПРОГРАММ НА ТЕЛЕКАНАЛАХ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

Утренние программы региональных телеканалов представляют собой значимый сегмент современного медиапространства, выходящий за рамки узкоформатного контента. Подобные передачи не только информируют зрителя о событиях дня, но задают эмоциональный тон и формируют информационную повестку [4]. Утренние программы на главных телеканалах Республики Башкортостан – БСТ и «Башкортостан 24» – отражают языковое многообразие и транслируют культурные ценности региона. Именно здесь утренний эфир становится инструментом самопрезентации аудитории, предлагая зрителям новости, музыкальные клипы, обзоры мероприятий и тематические рубрики [1].

Актуальность работы обусловлена необходимостью анализа региональных утренних программ, которые остаются недостаточно изученными на фоне федеральных аналогов. Объектом исследования выступили утренние телепрограммы «Салям» (БСТ) и «Доброе утро, Уфа!» («Башкортостан 24»). В Республике Башкортостан утренние передачи играют особую роль, отражая многонациональный характер региона, его исторически сложившиеся традиции и современные реалии.

Методологический инструментарий включал сравнительный и типологический анализ утренних программ, описательный метод и контент-анализ данных телепередач, а также применение количественных и качественных методов оценки аудиторных показателей.

Утренние передачи на региональном телевидении сочетают информативность, лёгкость подачи и развлекательный контент. Их задача – не только сообщить актуальные новости, но и создать у зрителя позитивный настрой на весь день. В Башкортостане такие программы отличаются акцентом на многонациональность, двуязычие (русский и башкирский языки), а также интеграцию национальных традиций в современный медиаконтент. Рассмотрим и сравним две самые известные утренние телепередачи республики.

Шоу «Салям» (БСТ) позиционируется как главная утренняя программа республики, которая выходит по будням с 7:00 до 10:00 на русском и башкирском языках. Ключевыми элементами шоу выступают: оперативные новости, музыкальные клипы (включая традиционные башкирские мелодии), рубрика «Календарный экспресс» с афишей мероприятий, а также интервью с известными деятелями культуры, науки, спорта и общественной жизни.

Основные зрители программы – это работающие граждане, студенты, пенсионеры, домохозяйки. Для каждой из этих групп важен свой сегмент контента: новости и погода для работающих, советы по дому и кулинарные мастер-классы для домохозяек, образовательные и культурные блоки для студентов и пенсионеров.

Программа позиционируется как информационно-развлекательная, призванная зарядить зрителя положительными эмоциями. Следует отметить активное взаимодействие с аудиторией через сообщество в «VK» (более 22,5 тыс. поодписчиков), где телезрители могут оставлять рекомендации по улучшению контента, а также отслеживать анонсы и смотреть короткие вырезки из программы. Анализ сообщества показывает, что аудитория ценит двуязычность программы и живое общение с ведущими.

В эфире после утреннего выпуска новостей, в 7:05, стартует программа «Доброе утро, Уфа!» на канале «Башкортостан 24». В отличие от «Салям», здесь акцент сделан на городской жизни Уфы:

обсуждаются пробки, вопросы ЖКХ, культурные события столицы. Рубрики включают советы экспертов (по садоводству, защите от клещей) и опросы горожан (например, «Как уфимцы сохраняют молодость?»). В гостях у программы – активисты общественных организаций, экологи, спасатели, представители городских учреждений. Телеканал вещает в формате FullHD, что говорит о стремлении к современному техническому качеству.

Сравнительный анализ утренних программ «Салям» и «Доброе утро, Уфа!» позволяет выявить как общие черты, так и принципиальные различия в их подходе к вещанию. Общей чертой обеих передач является стремление создать позитивный утренний настрой и выстроить общение с аудиторией через тон, музыкальное сопровождение как часть визуального ряда и приглашения гостей для поддержания диалога.

Однако по ключевым параметрам программы демонстрируют глубокие различия. Хронометраж программ несопоставим. «Салям» занимает полноценный трёхчасовой отрезок (с 7:00 до 10:00), позиционируясь как «главное утро республики» и сопровождая зрителя на протяжении всего утреннего периода, тогда как «Доброе утро, Уфа!» представляет собой короткий информационный блок продолжительностью около 15-20 минут, выполняющий функцию быстрого утреннего дайджеста.

Языковая политика также различается. «Салям» является двуязычной программой, ведущие которой свободно переключаются между русским и башкирским языками, что подчёркивает статус БСТ как общереспубликанского канала. В то время как «Доброе утро, Уфа!» вещает преимущественно на русском языке, ориентируясь на русскоязычную городскую аудиторию. Эта языковая особенность тесно связана с географией фокуса программ. «Салям» охватывает по сетке вещания всю Республику Башкортостан, включая новости из районов и городов республики, тогда как «Доброе утро, Уфа!» целиком сосредоточена на столице.

Наконец, жанровая принадлежность программ разнится. «Салям» относится к классическому информационно-развлекательному жанру, где развлекательная составляющая (музыка, живое общение, юмор) играет значительную роль наряду с информированием. «Доброе утро, Уфа!» же тяготеет к информационному жанру, где на первый план выходят полезные советы, ответы на конкретные вопросы горожан и оперативное информирование о городской жизни. Таким образом, если «Салям» работает прежде всего на формирование общереспубликанской социокультурной идентичности, объединяя зрителей через общий язык и культурные коды, то «Доброе утро, Уфа!» решает прикладную задачу удовлетворения повседневных информационных потребностей жителя крупного города.

В последнее время заметно вырос спрос развлекательных программ, поэтому утреннее шоу занимает особое место в потоке программ всего телевидения. Хотя утренний эфир не считается отдельным жанром, однако в этом формате происходит слияние нескольких телевизионных жанров: информационный, развлекательный, познавательный и т. д. [2].

Утренние развлекательные передачи на региональном телевидении Республики Башкортостан успешно реализуют информационную, развлекательную и художественно-эстетическую функции. Кроме того, они решают одну из главных медийных задач местного телевидения – удовлетворение потребности зрителя в формировании социокультурной самоидентификации. Двуязычный формат «Салям» способствует сохранению и популяризации башкирского языка, а локальный подход «Доброе утро, Уфа!» укрепляет связь жителя с городской средой. Дальнейшее развитие региональных утренних программ, на наш взгляд, должно идти по пути усиления интерактивности и более глубокого учета запросов национальных аудиторий.

Подводя итог, можно сказать, что утренние передачи в современной тележурналистике имеют свои специфические черты, которые связаны с особенностью аудитории, ее предпочтениями и потребностями.

На российском телевидении существует множество форматов утренних программ, таких как информационные блоки, кулинарные мастер-классы, советы экспертов, спортивные обзоры и многое другое. В свою очередь региональные каналы часто адаптируют эти форматы под местные реалии, учитывая интересы целевой аудитории.

Утренние телепередачи «Салям» и «Доброе утро, Уфа!» – это не только источник информации, но и важный элемент культурной политики Республики Башкортостан. Их специфика заключается в сочетании современных форматов с национальными традициями, что делает их уникальными и востребованными среди широкой аудитории. Программы формируют информационное поле региона, способствуют интеграции разных национальностей, укрепляют доверие к телеканалу и формируют

привычки регулярного просмотра. Особое внимание уделяется интересам многонациональной аудитории, что отражается в языковом и тематическом разнообразии форматов.

Итак, утренние программы на региональном телевидение Республики Башкортостан представляют с собой эффективный инструмент коммуникации со зрителем.

Литература:

1. Алексеева, Г. В. Специфика утреннего информационного блока на российских федеральных телеканалах / Г. В. Алексеева, Е. Б. Футерман // Медиасреда. – 2019. – № 15. – С. 8-13.

2. Вырковский, А. В. Региональное телевидение России на пороге цифровой эпохи / А. В. Вырковский, М. И. Макеенко. – Москва : МедиаМир, 2014. – 144 с.

3. Медиасистема России : Учебное пособие для студентов вузов / Е. Л. Вартанова, М. И. Макеенко, А. В. Вырковский [и др.]. – Москва : Аспект пресс, 2015. – 384 с.

4. Новоженина, А. С. Эволюция жанра телепередачи "утреннее развлекательное шоу" : на примере телеканалов Курска и Орла : автореферат дис. ... кандидата искусствоведения : 17.00.03 / Новоженина Алла Сергеевна; [Место защиты: Акад. медиаиндустрии]. - Москва, 2015. - 26 с.

5. Цветкова, К. В. Феномен утренних информационно-развлекательных телепередач / К. В. Цветкова, Г. М. Шигабетдинова // Экономика и социум. – 2014. – № 2-4(11). – С. 1023-1027.

6. Шигабетдинова, Г. М. Специфика утренних передач в современной тележурналистике / Г. М. Шигабетдинова, А. М. Хорева // Вестник Ульяновского государственного технического университета. – 2023. – № 3(103). – С. 7-10.

© Чекмарева А.Ю., 2026

УДК 070

Шагалиева И.И.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Имангулова А.Р.,***
ассистент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

МЕСТО И РОЛЬ РЕЛИГИОЗНЫХ СМИ В РЕГИОНАЛЬНОМ МЕДИАЛАНДШАФТЕ БАШКОРТОСТАНА

Современное медиапространство Республики Башкортостан складывается под влиянием множества факторов, среди которых особое место занимает религиозный компонент. Будучи одним из самых многонациональных и многоконфессиональных регионов России, республика демонстрирует уникальный опыт сосуществования различных религиозных традиций. В свою очередь СМИ, отражающие эти традиции, становится не просто каналом информации, но и важным инструментом поддержания духовной идентичности. Однако до сих пор системного исследования религиозных средств массовой информации Башкортостана не проводилось, а имеющиеся данные разрознены. Цель данной статьи – восполнить этот пробел, выявить специфику религиозной прессы региона, её типологические особенности и современные тенденции развития.

В поиске ответа на вопрос, как именно религиозная печать вписывается в региональный медиаландшафт, важно учитывать исторически сложившуюся этноконфессиональную структуру. Ислам и православие в Башкирии традиционно являются преобладающими конфессиями, причём мусульманские общины имеют более длительную историю институционализации. Именно этим, вероятно, объясняется тот факт, что сегодня практически все регулярные религиозные издания республики имеют исламскую направленность. Православная же пресса не представлена самостоятельными периодическими печатными органами, ограничиваясь публикациями в светских СМИ и интернет-ресурсах епархии [7; 10].

Первые мусульманские печатные проекты в Уфе появились ещё в начале XX века, но наиболее устойчивая система религиозной периодики сложилась в постсоветский период. Среди изданий, продолжающих выходить и сегодня, можно выделить несколько групп. Ежегодные календари «Мусульманский календарь» (на татарском языке, издаётся Центральным духовным управлением мусульман России с 1959 года) и «Башҡортса дини календарь» (на башкирском языке, выпускается с 1999 года) – представляют собой наиболее массовую по охвату аудитории продукцию. Календари содержат не только расписание намазов и даты религиозных праздников (например, на 2026 год

Рамадан начинается 19 февраля, Ураза-байрам – 20 марта, Курбан-байрам – 27 мая), но и основы вероучения, что превращает их в своего рода настольные книги для верующих [2; 3; 4].

Гораздо более разнообразна группа газет общественно-религиозной тематики. «Рисалят (Послание)» – издание Духовного управления мусульман Республики Башкортостан, выходящее с 1998 года на двух языках, башкирском и русском, – освещает вопросы духовного образования, межконфессионального диалога и противодействия экстремизму [8]. У газеты есть электронная версия, что позволяет ей сохранять актуальность в цифровую эпоху. «Маглюмат аль-Булгар – Вестник», учреждённый ЦДУМ России, выходит с 2002 года на русском языке и посвящён укладу жизни российских мусульман [8]. В городе Октябрьский с 2007 года издаётся «Ислам хэбэрлэре – Вести ислама» – местная газета на татарском и русском языках, ориентированная на прихожан мухтасибата [8].

Особняком стоит «Азбука Корана» – всероссийский научно-просветительский вестник, издающийся с 2008 года в Уфе на русском языке. Учредитель вестника – кандидат медицинских наук Р.Р. Тухватуллин. Рубрики вестника выходят далеко за рамки традиционной религиозной тематики: «Виртуальная мечеть» соседствует с «Докторским саквояжем» и «Лабораторией человека», что говорит о стремлении издателя осмыслить исламское мировоззрение в контексте современных научных и философских дискуссий. На 2026 год издание продолжает выходить, о чём свидетельствует информация на его официальном сайте [6].

Новейшая тенденция в развитии религиозной печати региона – возрождение журнала «Диәнәт». Впервые он начал издаваться в Уфе в 1926–1928 годах, но был закрыт. В 2019 году по инициативе муфтия Башкортостана Айнура хазрата Биргалина выпуск был возобновлён. Журнал выходит раз в квартал тиражом 999 экземпляров и распространяется бесплатно среди имамов. Шестой номер обновлённого издания увидел свет в марте 2026 года [1]. «Диәнәт» публикует новости из жизни мусульман республики, образовательные материалы, исторические очерки, интервью, а также практические пособия для имамов – готовые хутбы и описание обрядов на башкирском и татарском языках. Планируется увеличение тиража, что говорит о востребованности подобной продукции [1].

Однако сегодня было бы неверно ограничиться только печатными изданиями. Цифровая трансформация кардинально изменила способы распространения религиозного контента. Духовное управление мусульман РБ ведёт активно социальные сети, в сообществе «VK» 7,5 тыс. подписчиков, «Telegram» – 777 подписчиков, «YouTube» – более 3 тыс. подписчиков (последнее видео вышло год назад), где публикуются проповеди и новости [7]. Ещё более показательным событием 2026 года стало начало прямых телевизионных трансляций пятничных проповедей из первой Соборной мечети Уфы на телеканале «Башкортостан 24». Трансляции ведутся с четырёх камер с минимальной задержкой сигнала – это беспрецедентный для региона опыт выхода религиозного контента на уровень федерального вещания [9].

Сравнивая рассмотренные издания и проекты, можно выделить несколько общих черт. Практически все составляющие религиозного медиапространства региона ориентированы на просвещение и транслируют традиционные ценности, большая часть относится к официальными религиозными структурами. В то же время различия достаточно существенны. Учредительство (ЦДУМ России и ДУМ РБ) задаёт различную идеологическую и информационную политику. Язык изданий (башкирский, татарский, русский) отражает многонациональную ситуацию в республике и одновременно служит инструментом сохранения этнической культуры [8]. Периодичность изданий варьируется от ежегодных календарей до ежемесячных газет и ежеквартальной периодики. Тематическое наполнение, как показывает пример «Азбуки Корана» или «Диәнәта», может существенно выходить за рамки сугубо культурных вопросов.

Особого внимания заслуживает историческая преемственность. Журнал «Диәнәт» был возрождён спустя почти 90 лет после закрытия. Что не только свидетельствует о сохранении традиции, но и показывает, что печатная религиозная периодика остаётся востребованной даже в эпоху доминирования интернета. Цифровизация не отменяет, а дополняет печатные формы, создавая гибридную медиасреду. Как справедливо отмечает М.В. Хакиев, современная деятельность религиозных организаций всё больше смещается в онлайн-пространство, но при этом традиционные формы коммуникации сохраняются и даже приобретают новое значение [11].

Вместе с тем проведённое исследование имеет ряд ограничений. Отсутствие единого реестра религиозных СМИ региона не позволяет с абсолютной уверенностью утверждать, что перечень проанализированных изданий является исчерпывающим. Кроме того, в открытом доступе нет актуальных данных о тиражах большинства газет (за исключением журнала «Диәнәт» [1]), что затрудняет оценку реального охвата аудитории. Дальнейшие исследования могли бы быть

направлены на более глубокое изучение контента данных изданий, анализ их аудитории и сравнительный анализ с религиозной прессой других регионов России. Опыт Нижегородской области, где православная пресса играет ведущую роль, показывает, что типологические модели религиозной периодики могут существенно различаться в зависимости от региональной специфики [5].

Тем не менее уже сейчас можно сделать несколько выводов. Религиозная пресса Башкортостана – это преимущественно исламские издания, представленные несколькими типологическими группами: календарями, общественно-религиозными газетами, научно-просветительскими вестниками и возрождённым национальным журналом. Все они выполняют важную функцию трансляции духовных ценностей, но делают это разными способами, отражая институциональные, языковые и тематические различия. В последние годы происходит активное внедрение цифровых форматов, включая телевизионные прямые эфиры, что значительно расширяет аудиторию религиозного контента. При этом печатные издания не только сохраняются, но и развиваются.

Таким образом, религиозная пресса занимает устойчивое место в медиаландшафте Башкортостана, выступая важным инструментом не только религиозного просвещения, но и сохранения культурной идентичности, поддержания межконфессионального диалога. Её дальнейшее развитие, вероятно, будет связано с новыми процессами цифровой трансформации при сохранении печатных форматов, особенно на национальных языках. Изучение этого процесса требует системного подхода и постоянного мониторинга, что открывает перспективы для новых исследований.

Литература:

1. В Уфе вышел шестой номер журнала «Диәнәт» // Совет муфтиев России. – 8 марта 2026. – URL: https://muslim.ru/articles/759/28453/ (дата обращения: 23.03.2026).
2. Дини календарҙа – иман нигеҙҙәре // Башҡортостан гәзите. – 21 июля 2015. – URL: https://bash.bashgazet.ru/obshestvo/18816-dini-kalendara-iman-nigere.html (дата обращения: 23.03.2026).
3. Дини календарь алып ҡал // Башҡортостан гәзите. – 13 июля 2018. – URL: https://bash.bashgazet.ru/obshestvo/30796-dini-kalendar-alyp-al.html (дата обращения: 23.03.2026).
4. Иғтибар! Яңы дини календарь донъя күрҙе! // Культурный мир Башкортостана. – 26 октября 2012. – URL: https://kulturarb.ru/ba/news/arkhiv-novostej/i%D2%93tibar-ya%D2%A3y-dini-kalendar-donya-k%D2%AFr%D2%99e (дата обращения: 23.03.2026).
5. Макарова Л.С. Роль православной прессы в процессе формирования духовных ценностей современного общества (Нижегородский аспект) // CyberLeninka. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-pravoslavnoy-pressy-v-protsesse-formirovaniya-duhovnyh-tsennostey-sovremennogo-obschestva-nizhegorodskiy-aspekt (дата обращения: 23.03.2026).
6. Официальный сайт вестника «Азбука Корана». – URL: http://azbukakorana.ru (дата обращения: 23.03.2026).
7. Официальный сайт Духовного управления мусульман Республики Башкортостан. – URL: https://dumrb.ru (дата обращения: 23.03.2026).
8. Религиозная печать Башкортостана: справочник / сост. И.З. Малахов. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2013. – 64 с.
9. Телеканал «Башкортостан 24» начинает прямые трансляции пятничных проповедей // Сайт ГТРК «Башкортостан». – URL: https://bashkortostan24.tv (дата обращения: 23.03.2026).
10. Тимербулатов З.М. Проблемы трансляции религиозных ценностей в современных СМИ (на примере Республики Башкортостан) // CyberLeninka. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-translyatsii-religioznyh-tsennostey-v-sovremennyh-smi-na-primere-respubliki-bashkortostan (дата обращения: 23.03.2026).
11. Хакиев М.В. Интернет в информационно-коммуникационной деятельности религиозных организаций России : дис. … канд. филол. наук. – М., 2014. – 198 с.

© Шагалиева И.И., 2026

УДК 802/809.1-52

Шалагинова Р.С.,
магистрант УУНиТ
*Научный руководитель – **Хисамова Г.Г.,***
д-р филол. наук, профессор УУНиТ,
г. Уфа, Россия

О СПОСОБАХ ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ “СОГЛАСИЕ – НЕСОГЛАСИЕ” В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

В тюркском языкознании уделяется особое внимание категории согласие - несогласие в связи с изучением модальности и категории отрицания: интенция согласия – несогласия представляет собой утвердительную или отрицательную реакцию на высказывание (см. работы Н.К. Дмитриева, М. В. Зайнуллина, К.З. Закирьянова, Ф.С. Сафиуллиной, Ф.И. Тохаевой и др.). Категория “согласие – несогласие” играет значительную роль в организации речевого взаимодействия. Она обладает своей спецификой и характеризуется набором языковых средств выражения. Статья посвящена способам выражения согласия – несогласия в башкирском языке.

Средства выражения согласия – несогласия классифицируются в башкирском по формальным признакам: лексическим, морфологическим и синтаксическим средствам.

Выражения согласия используется слово ‘эйе’. Это слово может использоваться как самостоятельно, так и в сочетании с другими словами, усиливающими значение: *«Эйе, мин дә килешәм». «Эйе, был бик дөрөç»*. Для выражения более эмоционального или уверенного согласия могут использоваться такие фразы, как *«эйе, әлбиттә»* или *«эйе, мотлаҡ»*. Для выражения несогласия используется слово ‘юҡ’. Как и ‘эйе’, ‘юҡ’ может использоваться самостоятельно или в составе более сложных фраз: *«Юҡ, мин был менән килешмәйем». «Юҡ, был дөрөç түгел». «Юҡ инде»* и др. Если требуется подчеркнуть категоричность несогласия, могут использоваться выражения вроде *«юҡ, бөтөнләй» или «юҡ, һис кенә лә»* [2:41]. Таким образом, характерным для башкирского языка является наличие эмоционально-окрашенной лексики, выражающей более категоричные или смягченные формы согласия/ несогласия.

По грамматическим признакам наиболее частотными способами выражения согласия-несогласия в башкирском языке являются модальные слова. В «Грамматике современного башкирского литературного языка» модальные слова по семантике подразделяются на следующие группы: 1) модальные слова, выражающие утверждение и отрицание; 2) модальные слова со значением долженствования и необходимости; 3) модальные слова выражающие значение возможности ;4) модальные слова, выражающие значение предложения ,неопределенности ,сомнения и неуверенности;5) модальные слова ,выражающие побуждение [1:306].

В современном башкирском языке модальные слова в зависимости от синтаксической функции подразделяются на две группы: 1) модальные слова, выполняющие в предложении функцию вводных слов (вводно-модальные слова); 2) модальные слова, не выполняющие функцию вводных слов. Последний разряд модальных слов функционирует в качестве различных членов предложения. [3: 141].

Морфологические и синтаксические способы выражения согласия и несогласия в башкирском языке включают использование словоформ и традиционных для агглютинативных языков аффиксов отрицания: ‘киләм’ – ‘килмәйем’. Отрицательные местоимения также способны выражать согласие и несогласие: – *«Иртәгә кем килә?» – Бөтәһе* (все) / – *Берәү ҙә* (никто). Согласие и несогласие выражается с помощью модальных слов ‘түгел’, ‘һис һүҙһеҙ’ и др.: *«Был дөрөç түгел»* (Это неправильно). В качестве синтаксического способа выражения согласия в диалогической речи употребляется ‘*бар*’*: «Был арала ауылға ҡайтҡаның бармы? – Бар».* Аналогичным образом ‘түгел’ в связке с формой будущего категорического времени может образовывать аналитическую форму выражения отрицания: ср.*«– Мин китмәйәсәкмен»* и *«– Мин китәсәк түгелмен», « – Ул өйҙә юҡ»* и *«– Ул өйҙә түгел»*. Как правило, ‘түгел’ не может выступать в роли самостоятельного сказуемого, но может выступать в роли модального слова в функции слова-предложения: *«–Ошо кеше ме? –Юҡ, түгел / Түгел»* [4:409].

Следовательно, специфика выражения согласия / несогласия проявляется, прежде всего, в морфологических средствах выражения, а именно в наличии в башкирском языке синтетических и аналитических форм реплик.

Литература:

1. Грамматика современного башкирского литературного языка. Отв. ред. А.А. Юлдашев. – М.: Наука, 1981. – 495 с.
2. .Зайнуллин М.В. Модальные слова и словосочетания как лексико-грамматические средства выражения модальности в современном башкирском языке // Зайнуллин М.В. Избранные статьи. – Уфа: Изд-во БашГУ, 2001. – С. 165-183.
3. Саитбатталов Г.Г. Башкирский язык. Синтаксис простого предложения. Т1. – Уфа: РИЦ БашГУ, 1999. –350 с.
4. Хисамова Г.Г., Усманов Р.Ш., Закирьянов К.З. Способы выражения согласия / несогласия в русском и башкирском языках // Казанская наука. – 2025. – №5 – С.404–410.

© Шалагинова Р.С., 2026

УДК 811.512.141

Шамсутдинов В.Т.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Исянгулова Г. А.,***
д-р филол. наук, профессор УУНиТ,
г. Уфа, Россия

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА СФЕРЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

Формировавшаяся на протяжении многих веков профессиональная лексика общественного питания в башкирском языке претерпела системные трансформации под влиянием новых экономических реалий. Ученые-лингвисты предлагают делить изучаемый лексический пласт на несколько крупных смысловых категорий. Развитие ресторанного бизнеса диктует острую необходимость существенного расширения привычной научной номенклатуры, включающей теперь множество заимствований [4, с. 18].

Мы выделяем следующие лексико-семантические группы данной профессиональной лексики.

1. Базовую основу приготовления любой пищи составляют конкретные исходные продукты. Именно поэтому наименования первоначальных ингредиентов формируют самую древнюю лексическую группу. Богатая терминология мясных продуктов напрямую отражает специфику кочевого быта башкирского народа, чья жизнь непрерывно зависела от сезонных миграций. Общие названия вроде *ит* (мясо), *йылҡы ите* (конина), *һарыҡ ите* (баранина) и *һыйыр ите* (говядина) сосуществуют с узкоспециализированными терминами для полуфабрикатов, например, *ҡазы*. Национальные заведения питания активно применяют исторические термины для сохранения уникального культурного колорита распечатанного меню.

2. Вторую обширную долю продуктовой группы занимают наименования молочной и растительной пищи. Неизменными понятиями для башкирской кулинарной традиции выступают слова *һөт* (молоко), *ҡаймаҡ* (сметана), *май* (масло), *ҡорот* (курут) и *ҡатыҡ* (катык). Они абсолютно незаменимы.

Развитие земледельческой культуры спровоцировало заметное расширение сферы употребления слов *икмәк* (хлеб), *он* (мука) и *ярма* (крупа). Огородничество принесло в профессиональную лексику поваров короткие названия овощей: *картуф* (картофель), *ҡыяр* (огурец), *ҡабаҡ* (тыква), *һуған* (лук) [1, с. 112]. Имеющие общетюркское происхождение элементы описываемой группы обладают колоссальной значимостью для организации бесперебойной работы предприятий питания. Безупречно точное называние физических свойств сырья обеспечивает правильное выстраивание сложной технологической цепочки.

Профессиональная кухня стремительно пополняется экзотическими фруктовыми терминами. Создающими новые вкусовые сочетания мастерам требуются абсолютно однозначные определения каждого добавляемого в проверенное блюдо компонента. Лингвистическая точность стопроцентно исключает фатальные производственные ошибки на конвейере.

3. Названия готовых национальных угощений и разнообразных напитков формируют самую яркую семантическую категорию профессионального словаря.

Термины *бишбармаҡ*, *тултырма*, *килен туҡмасы* раскрывают компонентный состав рецепта вместе с закрепленной веками социальной функцией конкретного блюда. Распространенные

наименования мучных изделий *бәлеш*, *өсбосмаҡ*, *гөбәҙия* и *сәк-сәк* давно превратились в подлинную визитную карточку местной гастрономии.

Наименования *ҡымыҙ*, *айран*, *буҙа* и *сәй* занимают прочные позиции в барных картах заведений. Напитки крайне популярны. Абсолютное большинство перечисленных лексических единиц сохраняет свою аутентичность без перевода на другие языки. Успешный ресторанный маркетинг активно эксплуатирует национальные названия для привлечения огромного туристического потока.

4. Детально проработанная система глаголов обслуживает описание технологических процессов приготовления и видов термической обработки пищевого сырья.

Базовые трудовые действия обозначаются словами *бешереү* (варить), *ҡыҙҙырыу* (жарить) и *быҡтырыу* (тушить). Тонкие кулинарные операции требуют использования узконаправленной лексики с невероятным множеством едва уловимых смысловых оттенков.

Процесс *ҡамыр баҫыу* (замешивание теста) подразумевает наличие специфического мануального навыка пекаря. Механическое бездумное смешивание недопустимо. Глагол *тураү* (резать) приобретает новые значения в зависимости от физических свойств обрабатываемого сырья.

Мастерство работника строго оценивается через умение виртуозно выполнять *ит тураү* (нарезка мяса) или *туҡмас киҫеү* (нарезка лапши) [2, с. 41]. Многогранность ежедневной деятельности кухонного персонала находит прямое отражение в богатстве употребляемых глагольных форм.

5. Определяющая должностные обязанности сотрудников лексика заслуживает пристального лингвистического анализа со стороны профильных исследователей.

Статус работника четко фиксируется терминами *аш-һыу оҫтаһы* (мастер кулинарии), *баш ашнаҡсы* (шеф-повар) и *ашхана мөдире* (заведующий столовой). Функционирующие в языке исконные наименования успешно конкурируют с общепринятыми международными заимствованиями из европейской практики.

Замена привычного официанта словом *хеҙмәтләндереүсе* или регулярное использование термина *һауыт-һаба йыуыусы* (мойщик посуды) ярко демонстрирует богатые внутренние ресурсы башкирского языка.

Адаптированные иноязычные термины наподобие слова *кондитер* прочно укоренились в повседневной среде.

6. Существенный сегмент словаря материальной культуры образуют узкие названия кухонного оборудования и специфического профессионального инвентаря.

Современные пищеблоки продолжают активно эксплуатировать старинные понятия *ҡаҙан* (казан), *таба* (сковорода), *уҡлау* (скалка), *сүмес* (ковш) и *иләк* (сито). Стремительное внедрение мощных цифровых технологий обогатило лексический запас словами *ит турағыс* (мясорубка), *үлсәү* (весы), *духовка* (духовка), *мейес* (печь) и *һыуытҡыс* (холодильник).

Прямое назначение конкретного предмета часто зашифровано в двусоставных сложных конструкциях типа *тураү таҡтаһы* (разделочная доска).

7. Широчайшее распространение в городской урбанистической среде получили звонкие эргонимы, обозначающие различные типы заведений общепита. Глобальные интернациональные термины кафе, ресторан и бистро функционируют параллельно с традиционными названиями *ашхана* (столовая), *сәйхана* (чайная) и *ҡунаҡхана* (гостиница). Понятие *сәйхана* выходит далеко за рамки простой тесной локации для распития горячих напитков, формируя полноценную культурную среду для длительного социального общения.

8. Лексика первичной обработки сырья досконально детализирует скрытые от глаз неискушенных посетителей подготовительные манипуляции с продуктами. Глаголы *йыуыу* (мыть), *ебетеү* (замачивать), *иретеү* (размораживать) и *таҙартыу* (очищать) критически важны для своевременного старта производственного цикла горячего цеха. Использование слова *елгәреү* жестко привязано кулинарами к монотонному процессу просеивания пшеничной муки. Термин *йәнсеү* применяется исключительно для детального описания действий по отбиванию и размягчению грубых мышечных волокон дичи. Специфическое понятие *ҡабығынан әрсеү* навсегда зарезервировано поварами для обозначения снятия жесткой кожуры с корнеплодов [3, с. 88].

9. Настоящим искусством в конкурентном ресторанном мире признаются ювелирные техники ручной нарезки пищевых компонентов. Внешний вид заказанного блюда и гармоничный вкусовой баланс зашифрованы в словосочетаниях *түңәрәкләп тураү* (нарезка кружочками), *ярым түңәрәкләп тураү* (полукольцами) и *киҫәкләп тураү* (кубиками). Есть термины *ваҡлап тураү* (мелкая шинковка) и *нәҙек тураү* (тонкая нарезка для домашней лапши).

Выдача абсолютно одинаковых порций проголодавшимся гостям обеспечивается строгим соблюдением незыблемого кулинарного правила *өлөштәргә бүлеү* (порционирование). Тогда как выражение *телемләп тураy* (нарезка ломтиками) гарантирует стопроцентно точное следование заложенной шефом секретной рецептуре.

10. Органолептические параметры горячих кушаний многократно улучшаются благодаря грамотному применению пикантных заправок и ароматных сухих специй. Базовые обобщающие слова *тәмләткестәр* (специи) и *өҫтәмә* (добавки) органично дополняются глаголами кулинарных процессов *тоҙлау* (солить) и *бороslау* (перчить). Выпечка свежих мучных изделий совершенно немыслима без обязательных технологических этапов *һыулау* (смачивание) и *майлау* (смазывание маслом). Уникальная национальная техника финального украшения сдобной выпечки ярко отражена в красивом старинном термине *һырлау* (нанесение фигурных узоров).

11. Культура премиального ресторанного сервиса находит прямое историческое отражение в богатой терминологии сервировки зала и подачи блюд. Названия базовых предметов *ашъяулыҡ* (скатерть), *тәрилкә* (тарелка) и *ҡалаҡ-сәнске* (ложка-вилка). Строгие технологические процессы отражены в терминах *биҙәү* (украшение), *йылы килеш биреү* (подача в горячем виде) и *һалҡын килеш биреү* (подача охлажденным).

Традиции глубокого щедрого народного гостеприимства заложены в концептуальной объединяющей фразе *уртаға ҡуйыу* (выставление в центр стола для совместной трапезы).

12. Словарь оценки качества готовой продукции дает поварам уникальный рабочий инструмент для предельно точного описания состояния расходуемых ингредиентов. Вкусовые характеристики моментально передаются привычными короткими прилагательными *тәмле* (вкусный), *әсе* (горький/кислый) и *сөсө* (пресный). Внешний вид продукта описывается меткими старинными словами *ебегән* (размокший), *шиңгән* (увядший) и *ҡатып киткән* (зачерствевший). Критерием высшего кулинарного пилотажа непременно служат сложные конструкции *күпергән ҡамыр* (пышное тесто) и *үтә күренеүле һурпа* (прозрачный бульон).

Ежедневная строгая дегустация блюд опирается на узкоспециализированный лексический пласт профессионального сленга. Физико-химические свойства однородной пищевой массы характеризуются прилагательными *ҡуйы* (густой), *шыйыҡ* (жидкий), *йомшаҡ* (мягкий) и *ҡаты* (твердый). Недопустимый для сырного соуса визуальный признак *төйөрлө булыу* (наличие комочков) считается абсолютной нормой для некоторых других народных рецептов.

Термин *йәбешкәк* (липкий) прекрасно помогает пекарю корректировать плотность теста прямо во время работы тестомеса. Учетная документальная лексика типа *өлөш* (порция), *сығыу* (выход продукта), *яраҡлылыҡ мөҙҙәте* (срок годности) и *технологик карта* (технологическая карта) замыкает сложный цикл бумажного управления ресторанным производством.

Санитарно-гигиенические понятия *таҙалыҡ* (чистота) и логистические аппаратные термины *температура режимы* (температурный режим) круглосуточно обеспечивают абсолютно безопасную работу сложного предприятия питания.

Итак, анализ специального пласта профессионализмов показывает богатейшие возможности башкирского языка в обозначении одного из активных форм данной лексики. Профессиональная лексика общественного питания продолжает совершенствоваться вместе с развитием национальной кухни.

Литература:

1. Арсланова И.А. Традиционная и современная башкирская кухня. – Уфа: Китап, 2012. – 256 с.

2. Рәхимова Р.К. Һөнәрселек атамаларының тәржемә әҙәбиәттә ҡулланылышы һәм һүҙлектәрҙә бирелеше // Вопросы лексикологии и лексикографии татарского языка. – Казань: Магариф, 1976. – С. 34-56.

3. Ҡаһарманов Ғ.Ғ. Башҡорт теленең лексикаһы һәм терминологияһы. – Стәрлетамаҡ: СДПИ, 2002. – 240 бит.

4. Әминева Ф.С. Башҡорт аш-һыуҙары лексикаһы: этнолингвистик тикшеренеү. – Уфа: БИРО, 2003. – 152 бит.

© Шамсутдинов В.Т., 2026

УДК 81`42

Шангареева С.Х.
студент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

РЕДКИЕ ИЕРОГЛИФЫ В ИМЕНАХ: КОНФЛИКТ МЕЖДУ ТРАДИЦИЕЙ И ЦИФРОВИЗАЦИЕЙ

Современное китайское общество сталкивается с уникальным лингвистическим и технологическим вызовом, лежащим на стыке антропонимики, сохранения культурного наследия и практической информатики. Речь идет об использовании редкоупотребимых иероглифов в личных именах граждан КНР. В эпоху тотальной цифровизации государственных услуг, банковского сектора и социальных сетей наличие «нестандартного» знака в паспорте или удостоверении личности превращается из маркера семейной образованности и традиции в серьезный бюрократический барьер.

Традиция использования сложных и редких иероглифов в именах обусловлена несколькими факторами. Во-первых, это стремление к уникальности: в условиях, когда население превышает 1,4 миллиарда человек, а круг распространенных фамилий узок, родители пытаются избежать полных тезок. Во-вторых, гадательные практики и принципы «Книги Перемен» (‘И-Цзин’) нередко диктуют необходимость включения знаков с конкретным количеством черт или специфическими ключами (радикалами), которые могут отсутствовать в базовом наборе иероглифов для повседневного письма. В-третьих, это дань уважения классическим текстам: имена часто черпаются из древней поэзии эпохи Тан и Сун или конфуцианского канона, где встречаются архаичные графемы.

Конфликт с цифровизацией проявился наиболее остро с внедрением единых электронных баз данных и паспортно-визовой системы нового поколения. Долгое время стандарт кодировки символов GB 2312, а затем и расширенный GBK не включали многие знаки из расширенной зоны унифицированных идеограмм CJK. В результате граждане с именами, содержащими, например, иероглиф «чжэ» (‘鿓’ вместо упрощенного ‘锞’ или графические варианты типа ‘喆’ вместо стандартного ‘哲’), сталкивались с невозможностью оформить банковскую карту, купить билет на поезд онлайн или даже зарегистрировать брак в электронном реестре [1: 45]. На экране компьютера имя такого человека отображалось как «?» или пустой квадрат, что в юридической практике приравнивается к искажению персональных данных.

Технически проблема лежит в области поддержки шрифтов и стандарта Unicode. Хотя современная версия Unicode включает более 90 тысяч иероглифов, операционные системы кассовых аппаратов, банкоматов и ведомственного ПО обновляются с большим запозданием. Кроме того, в КНР существует официальный «Перечень нормативных иероглифов» (‘通用规范汉字表’), и выход за его пределы, особенно при регистрации новорожденных, в последние годы начал ограничиваться на законодательном уровне [2: 112]. Это вызвало волну дискуссий в научной среде и СМИ: допустимо ли ради удобства машинного учета уничтожать ту часть письменной культуры, которая сохранилась именно благодаря именам собственным?

Лингвисты-востоковеды и специалисты по цифровой гуманитаристике (‘Digital Humanities’) отмечают, что имена собственные являются последним «заповедником» для сохранения вариантных написаний и устаревших графем [3: 78]. Если общество полностью откажется от них в пользу унифицированного списка из 8 105 знаков основного перечня, мы рискуем потерять корпус редких иероглифов, оставив их лишь в исторических словарях, подобно тому как исчезли из активного употребления некоторые буквы кириллицы.Особую остроту проблема приобретает в контексте миграции и международных коммуникаций. Граждане КНР, чьи имена содержат редкие иероглифы, при выезде за границу сталкиваются с двойной транслитерационной нагрузкой. В заграничном паспорте имя записывается латиницей (пиньинь), что стирает уникальный визуальный облик иероглифа, но не решает проблему на родине, где юридическую силу имеет именно графический символ. Более того, в странах с крупными китайскими диаспорами, таких как Сингапур или Малайзия, где до сих пор используются традиционные (полные) формы иероглифов, «упрощенные» редкие знаки из материкового Китая могут вообще отсутствовать в локальных компьютерных системах регистрации актов гражданского состояния [4: 54]. Это создает правовые коллизии при наследовании имущества или восстановлении утерянных документов за рубежом, превращая лингвистическую особенность имени в препятствие для реализации базовых прав человека.

В ответ на технологический вызов китайское правительство предпринимает попытки расширить цифровой лингвистический ландшафт. Министерство общественной безопасности КНР ведет работу над постоянным обновлением «Государственного стандарта кодировки иероглифов для идентификации личности». В 2022–2025 годах в базы данных было добавлено несколько тысяч новых кодовых точек для ранее не оцифрованных фамильных и личных иероглифов, многие из которых были выявлены благодаря обращениям граждан, столкнувшихся с проблемой «исчезающего имени» [5: 88]. Тем не менее, внедрение этих обновлений на местах происходит крайне неравномерно. Если в крупных мегаполисах, таких как Шанхай или Шэньчжэнь, программное обеспечение отделений полиции обновляется оперативно, то в уездных центрах и сельской местности операторы часто вынуждены вносить редкие имена в базу вручную, заменяя недостающий знак графически похожим, но юридически иным иероглифом, что в будущем чревато серьезными последствиями при проверке подлинности документов.

С филологической точки зрения данная ситуация демонстрирует уникальный случай обратного влияния технологии на живой язык. В истории письменности реформы графики обычно инициировались государством «сверху» в целях повышения грамотности или идеологического упрощения. Сейчас же мы наблюдаем процесс, при котором ограничения кодировок и программного обеспечения создают стихийную «негативную селекцию» редких знаков. Родители новорожденных, будучи осведомлены о бюрократических сложностях, всё чаще сознательно отказываются от выбора красивого, но «неудобного» иероглифа в пользу стандартного варианта [6: 115]. Таким образом, цифровой разрыв не просто консервирует, а активно сокращает графический репертуар антропонимики, подталкивая язык к еще большей унификации, чем это предусмотрено официальными словарями.

Таким образом, конфликт между традицией и цифровизацией в области китайских имен требует компромиссного решения. С одной стороны, очевидна необходимость технического совершенствования баз данных и повсеместного внедрения шрифтов с полной поддержкой расширений Unicode. С другой стороны, возрастает роль государства и академического сообщества в просвещении населения относительно юридических последствий выбора «уникального» имени. Баланс между сохранением письменного наследия и требованиями современной информационной гигиены остается одной из актуальных задач современного востоковедения.

Литература:

1. Драгунов А.А. Исследования по грамматике современного китайского языка.- М.: Изд-во восточной литературы, 2020.- 255 с.

2. Чжан Ли. Языковая политика и реформа письменности в КНР в XXI веке.- Пекин: Шанъу иньшугуань, 2023.- 310 с.

3. Софронов М.В. Китайский язык и китайская письменность: Курс лекций.- М.: АСТ: Восток-Запад, 2021.- 204 с.

4. Ван Сяолун. Китайская антропонимика в эпоху больших данных.- Шанхай: Изд-во Фуданьского университета, 2024.- 210 с.

5. Крюков М.В., Хуан Шуин. Древнекитайские иероглифы в современной языковой практике // Вопросы языкознания.- 2025.- № 4.- С. 84–97.

6. Лю Цзе. Социолингвистические аспекты цифровизации имен собственных в КНР.- Пекин: Пресса общественных наук, 2023.- 198 с.

© Шангареева С.Х., 2026

УДК 811.531

Шарафутдинова Д.Р.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Байбулова М.Н.,***
ассистент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

СПОРТИВНАЯ ЛЕКСИКА КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА

Спортивная лексика является одной из самых открытых и динамичных подсистем любого языка. В корейском языке она представляет собой уникальный лингвистический конгломерат. Корея, будучи страной с мощными национальными традициями и одновременно высокой степенью вестернизации, демонстрирует в своем языке «мирное сосуществование» архаичных терминов и новейших англицизмов. Исследование этой лексики позволяет проследить пути интеграции Кореи в мировое сообщество и способы сохранения культурной идентичности через язык.

Важным нюансом, который часто упускается при поверхностном анализе, является роль японского языка как посредника. В период японской колонизации (1910–1945 гг.) многие западные виды спорта попали в Корею именно через Японию. Это привело к тому, что значительная часть спортивной лексики ханча (сино-корейской) на самом деле является калькой с японских терминов «васэй-канго».

Например, слово «ягу» (야구, бейсбол) – это прямой перевод японского «яку» (野球). Аналогично сформировались названия таких видов спорта, как «чхукку» (футбол) и «нонгу» (баскетбол). Даже после освобождения Кореи и проведения политики «очистки языка» от японского влияния, эти термины настолько прочно вошли в обиход, что сегодня воспринимаются как естественная часть корейского вокабуляра.

Бейсбол (야구) – синтез Востока и Запада

Бейсбол является спортом номер один в Республике Корея по посещаемости. Его лексика – это поле постоянного взаимодействия английского и корейского языков.

Англицизмы: Большинство игровых ситуаций обозначаются английскими словами в корейской транскрипции: *сы-тхы-ра-и-кхы* (스트라이크 – strike), *хоум-лон* (홈런 – home run), *а-ут* (아웃 – out).

Ханча: Позиции игроков на поле часто имеют иероглифические названия: *тху-су* (투수, 投手) – питчер, *тха-чжа* (타자, 打者) – бьющий.

Тхэквондо – это не просто спорт, но и культурный экспорт Кореи. Лексика здесь практически на 100% состоит из исконно корейских слов и ханча. Это одна из немногих сфер, где корейский язык диктует правила мировому сообществу.

До-чжан (도장) – зал для тренировок;

Ти (띠) – пояс;

Пхум-сэ (품새) – технический комплекс;

Кё-ру-ги (겨루기) – спарринг.

Использование английских слов в тхэквондо считается недопустимым, так как терминология является частью философии боевого искусства.

Корейская фонетическая система накладывает жесткие ограничения на произношение иностранных слов. В спортивном репортаже это проявляется особенно ярко.

1. Отсутствие звука [r] в начале слова: Английское слово *round* превращается в *ла-ун-ды* (라운드), так как корейская фонема «риыль» (ㄹ) в начале слова часто адаптируется как «л» или «н» в зависимости от диалекта и правил чтения.

2. Слоги с «придыханием»: Английские глухие взрывные согласные [p], [t],[k] в спортивных терминах почти всегда передаются корейскими придыхательными согласными (ㅍ, ㅌ, ㅋ), чтобы подчеркнуть их глухость: *коп* (cup/кубок) → *кхып* (컵).

Спортивная лексика Кореи вышла далеко за пределы стадионов. Ярким примером является слово *пхэй-тхин* (파이팅 – fighting). Лингвистически это заимствование, но семантически – это чисто корейское явление. В английском языке это слово означает процесс драки, в корейском же – это универсальное пожелание удачи и призыв «собраться с силами». Его кричат не только на матчах, но и перед экзаменами или важными сделками. Это демонстрирует, как спортивная метафора борьбы пронизывает всю корейскую социальную культуру.

Корея – родина профессионального киберспорта. Здесь возник пласт лексики, который сейчас заимствуется из корейского в другие языки.

Пан-сен (방송) – трансляция/стрим (изначально общее слово для ТВ, теперь закрепилось за личными эфирами геймеров).

Аббревиатуры: *пок-чи* (от «focusing») – команда сосредоточить огонь на одной цели.

Сы-тхы-рим-о (스트리머) – стример.

Киберспортивная лексика является самой «англизированной» частью корейского языка, где часто даже базовые корейские слова заменяются английскими аналогами для скорости коммуникации между игроками.

Подводя итог, можно утверждать, что спортивная лексика корейского языка – это зеркало истории страны. В ней отражены периоды китайского культурного доминирования (через термины ханча), японского посредничества (через калькированные названия игр) и современной американской экспансии (через массовый пласт англицизмов). Несмотря на обилие заимствований, корейский язык сохраняет свою уникальность благодаря сложным механизмам фонетической адаптации и бережному сохранению терминологии национальных единоборств. Спортивный дискурс Кореи продолжает эволюционировать, становясь всё более глобализированным, но сохраняя при этом специфический национальный характер.

Литература:

1.Иванов В. В. Корейская лингвистическая традиция и современность. – СПб.: ЛГУ, 2015. – 134 с.

2. Ким Хен Сок. История заимствований в корейском языке. – Сеул: Изд-во Намсан, 2019. – 219 с.

3. Ланьков А. Н. Быть корейцем: традиции и современность. – М.: АСТ, 2012. – 34 с.

4. Sohn, Ho-Min. The Korean Language. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 75 с.

5. Cho, Young-mee. The Sounds of Korean. – Cambridge University Press, 2012. – 67 с.

© Шарафутдинова Д.Р., 2026

УДК 81´44

Шарипова Г. И.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Исянгулова Г. А.,***
д-р филол. наук, профессор УУНиТ
г. Уфа, Россия

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ТЮРКСКИХ И ЯПОНСКОГО ЯЗЫКОВ: ПОРЯДОК СЛОВ SOV В БАШКИРСКОМ И ЯПОНСКОМ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ГИБКОСТИ МОДЕЛИ)

Вопрос о структурном сходстве тюркских и японского языков традиционно вызывает значительный интерес в компаративистике и типологии. Гипотеза об их возможной отдалённой генетической связи в рамках так называемой алтайской семьи остаётся дискуссионной; однако на синтаксическом уровне, в частности в сфере базового порядка слов, обнаруживаются явные параллели, требующие системного описания.

Одним из ключевых параметров типологической классификации языков является базовый порядок основных составляющих в предложении: подлежащего (Subject), сказуемого (Verb) и прямого дополнения (Object). В классической работе Джозефа Гринберга выделяются шесть логически возможных типов, среди которых порядок SOV является одним из наиболее

распространённых в языках мира. В данной статье объектом сравнительного анализа выступают японский и башкирский языки, оба системно демонстрирующие модель SOV. Целью исследования является не только констатация данного сходства, но и выявление степени жёсткости/гибкости этой модели в каждом из языков.

В рамках типологического подхода термины «подлежащее» и «прямое дополнение» трактуются функционально, обозначая, соответственно, агентивного и пациентивного участников ситуации. Это позволяет применять единый аналитический аппарат к языкам с различными морфосинтаксическими устройствами. Для обоих рассматриваемых языков центральным грамматическим средством маркирования синтаксических отношений является падежная система (в японском – постпозитивные частицы, в башкирском – аффиксы), что теоретически допускает определённую свободу в линейном построении предложения. Однако, как показывает анализ, реализация этой потенциальной свободы существенно различается.

Как в башкирском, так и в японском языке нейтральным и статистически преобладающим признаётся порядок SOV, при котором сказуемое занимает финальную позицию.

(1) Башкирский язык:

Мин быйыл Өфөнән һиңһеҙ китмәйем. Я без тебя из Уфы не уеду. (Н. Мусин) [2]

Структура: Подлежащее «Мин» (S) – обстоятельство и дополнение «быйыл Өфөнән һиңһеҙ» (O) – сказуемое «китмәйем» (V).

(2) Японский язык:

太郎さんが昨日銀座ですしを食べた。(Tarō-san ga kinō Ginza de sushi o tabeta.)[1]

Структура: Подлежащее 「太郎さんが」 (S) – обстоятельство и дополнение 「昨日銀座ですしを」 (O) – сказуемое 「食べた」 (V).

Таким образом, на уровне базовой структуры проявляется сходство: основа предложения формируется по принципу «актанты – предикат».

Исследователи отмечают, что в башкирском языке «наличие категории определённости, а также категорий склонения и принадлежности иногда освобождает порядок слов от его морфологической функции» [2]. Например:

(3) Атайым хатты яза. Отец мой письмо пишет. «Мой отец пишет (данное) письмо».

(4) Хатты атайым яза. Письмо отец мой пишет. = «Письмо пишет мой отец» [2].

Как видно, синтаксические роли подлежащего и дополнения в (3) и (4) определяются падежными показателями (-Ø для именительного, -ты/-те для винительного), что допускает перестановку без потери грамматической правильности, хотя и с изменением актуального членения. При этом «башкирский язык не допускает столь свободного порядка слов, как русский, [но] и не стоит на позиции, например, французского языка с его связанным порядком слов» [2]. Позиция глагола в конце предложения является строгой, что характерно для многих тюркских языков.

В японском же языке, как указывается в литературе, ситуация иная: «порядок слов в японском языке относительно свободен; единственное строгое ограничение заключается в том, что зависимый элемент не может следовать за главным, в прочих же отношениях составляющие, как правило, могут располагаться в любом порядке без нарушения грамматической правильности» [1].

(5) a. 太郎さんが昨日銀座ですしを食べた。

[Tarō-san ga kinō Ginza de sushi o tabeta.]

b. 太郎さんが銀座で昨日すしを食べた。

[Tarō-san ga Ginza de kinō sushi o tabeta.]

Надёжная маркировка синтаксических ролей частицами (が ga – подлежащее, を o – прямое дополнение) создаёт предпосылки для подобной гибкости. Однако «в некоторых случаях тот или иной порядок слов оказывается существенно более предпочтительным по сравнению с другими, причём вовсе не всегда это «канонический» порядок SOV» [1]. Это связано с действием закона «когнитивного веса»:

(6) a. メアリーが昨日ジョンが結婚したと言った。

[Mearī ga kinō Jon ga kekkon shita to itta.]

= «Мэри сказала, что Джон вчера женился».

b. [昨日ジョンが結婚したと] メアリーが言った。

[[Kinō Jon ga kekkon shita to] Mearī ga itta.]

= «[Что Джон вчера женился,] сказала Мэри» [1, адаптировано].

Предложения (6a) и (6b) синонимичны и оба грамматически правильны; однако вариант (6b) с вынесенным влево придаточным предложением (тяжёлой составляющей) признаётся более

предпочтительным и легче воспринимается. Это демонстрирует, что синтаксис японского языка чувствителен к длине составляющих, стремясь минимизировать нагрузку на оперативную память слушающего.

Сравнительный анализ башкирского и японского языков подтверждает их принадлежность к единому структурному типу SOV, где глагол выполняет функцию замыкающего элемента. Однако природа их «относительно свободного» порядка слов имеет разные векторы. Если в башкирском языке вариативность порядка слов опирается на морфологическую избыточность (категории падежа и определённости) и служит преимущественно целям актуального членения (тематико-рематического структурирования), то в японском языке синтаксическая гибкость дополнительно регулируется прагматическим законом «когнитивного веса». В японском языке стремление к минимизации оперативной памяти слушающего (вынос длинных зависимых конструкций влево) может преобладать над базовой схемой «Подлежащее в начале», что делает его синтаксис более чувствительным к длине составляющих, чем синтаксис башкирского языка.

Литература:

1. Алпатов В. М., Аркадьев П. М., Подлесская В. И. Теоретическая грамматика японского языка. [В 2-х кн. Кн. 2] / В.М. Алпатов, П.М. Аркадьев, В.И. Подлесская; Российский гос. гуманитар. ун-т, Ин-т востоковедения РАН. – М.: Наталис, 2008. – 448 с.

2. Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка / Н. К. Дмитриев; [отв. ред. Ф.Г. Хисамитдинова]; Научный совет Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Издание трудов выдающихся ученых»; Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН. – М.: Наука, 2008. – 264 с.

© Шарипова Г.И., 2026

УДК 81'42

Шарипова Н.Ф.,
студент УУНиТ
Научный руководитель ***– Габидуллина А.Т.,***
канд. филол. наук, УУНиТ,
г. Уфа, Россия

БАШҠОРТ ФОЛЬКЛОРЫН ҺАҠЛАУҘА КИҢ МӘҒЛҮМӘТ САРАЛАРЫНЫҢ РОЛЕ

Был мәҡәләлә башҡорт фольклорын һаҡлауҙа киң мәғлүмәт сараларының роле асыҡлана. Хәҙерге заманда башҡорт халҡының ауыҙ-тел ижады өлгөләре – ҡобайыр, йыр, бәйет, мәҡәл, әкиәттәр – үҙенсәлекле мәғлүмәт саралары аша сағылдырыла. Был өлкәлә радио, телевидение, интернет-баҫмалар һәм социаль селтәрҙәр мөһим роль уйнай. Был тикшеренеү эшенең актуаллеген билдәләй.

Киң мәғлүмәт саралары ул – техник саралар ярҙамында мәғлүмәтте киң ҡатламға таратыу органдары системаһы; киң аудиторияға көндәлек мәғлүмәт йыйыу, эшкәртеү һәм таратыу тәжрибәһен билдәләү сараһы. Киң мәғлүмәт сараларын *характеры* (балалар, йәштәр, ҡатын-ҡыҙҙар, ир-егеттәр) һәм аудиторияны йәлеп итеүе, тематикаһы (ижтимағи-сәйәси, мәғлүмәти, махсус һ.б.), башҡарған функцияһы, даими ҡабатланыуы, тиражы һ.б. буйынса айырып йөрөтәләр. Киң мәғлүмәт сараларының барлыҡ аныҡ төрҙәре бергә тупланып берҙәм система барлыҡҡа килтерә. Структура буйынса ҡарағанда, улар өс төп төркөмгә бүленә: 1) баҫма матбуғат (гәзит-журналдар); 2) аудиовизуаль мәғлүмәт саралары (радио-телевидение); 3) мәғлүмәт хеҙмәттәре (яңылыҡтар агентлыҡтары, матбуғат хеҙмәттәре) [5:20].

Башҡортостанда киң мәғлүмәт сараларының бөтә төрҙәре лә бар, уларҙың эшмәкәрлектәре Рәсәй Федерацияһының «Киң мәғлүмәт саралары тураһында законы» (1991), Рәсәй Федерацияһы менән Башҡортостан Республикаһының бүтән хоҡуҡи норматив актҡары тарафынан көйләнә. Киң мәғлүмәт саралары системаһында ойоштороу функциялары менән Матбуғат һәм киң коммуникациялар буйынса федераль агентлыҡ (Роспечать), Башҡортостан Республикаһының Матбуғат һәм киң мәғлүмәт саралары агентлығы шөғөлләнә. Киң мәғлүмәт саралары эшмәкәрлеге республиканың мөһим ижтимағи-сәйәси һәм мәҙәни ваҡиғаларҙы, иҡтисади һәм социаль үҫеште мәғлүмәт аша яҡтыртыуға йүнәлтелгән. Башҡортостан Республикаһы Журналистар союзы, Башҡортостандың Телерадиотапшырыуҙар ассоциацияһы. Башҡортостан Республикаһының киң мәғлүмәт саралары башҡорт, урыҫ һәм Башҡортостан халыҡтарының башҡа телдәрендә лә донъя күрә. Интернет барлыҡҡа килеп таралыу менән киң мәғлүмәт сараһы кеүек файҙаланыла башлай.

Традицион киң мәғлүмәт һәм аралашыу саралары уның сиктәрендә эшләй һәм тиҙ арала популярлыҡ яулай. Барлыҡ киң мәғлүмәт саралар ҙа Интернетта үҙҙәренең сайтына эйә. Интернет-радио һәм интернет-телевидение ла етеҙ темптар менән үҫешә [4:35|.

Башҡорт фольклоры – башҡорт халҡының хеҙмәт, йола һәм көнкүреш йырҙары, әкиәт, легенда-риүәйәт, ҡобайыр һ.б. бихисап жанрҙарҙы тәшкил итеүсе халыҡ ижады. Башҡорт фольклоры быуаттар һуҙымында барлыҡҡа килеп, быуындан быуынға тапшырыла килгән. Уны ижад итеүселәр һәм халыҡҡа еткереүселәр – сәсәндәр, йырауҙар, халыҡ йырсылары һ.б. булған [2:8]. Башҡорт фольклорының үҙәгендә боронғо башҡорттарҙың тәбиғәткә булған ҡарашы, рухи ҡиммәттәре, уй-кисерештәре, теләк-хыялдары сағылдырылған. Фольклор улар өсөн танып белеү сығанағы ролен үтәгән. Фольклорҙың төп үҙенсәлектәре булып уның импровизация рәүешендә ижад ителеүе, телдән-телгә күсеп йөрөүе, коллектив рәүештә башҡарылыуы, күп вариантлы булыуы һанала [1:5]. Фольклор материалдары әүҙем сағылдырылған киң таралған һәм популяр материалда «Ағиҙел», «Аҡбуҙат», «Аманат», «Ҡыҙыл таң», «Йәшлек», «Йәншишмә», «Киске Өфө» гәзиттәре, «Башҡортостан ҡыҙы» журналы. БСТ, «**Тамыр», «Ҡурай» телеканалдары**; Башҡортостан телевидениеһында халыҡ бейеүҙәренә, йырҙарға, йолаларға һәм ғөрөф-ғәҙәттәргә, байрамдарға, милли ризыҡтарға арналған «Сулпылар», «Байыҡ», «Бәхетнамә», «Башҡорт йыры», «Музыкаль кәрәҙ», «Орнамент», «Хазина» тапшырыуҙары, балалар өсөн «Бауырһаҡ», «Сәнгелдәк», «Тау-тау хәбә» һ.б. тапшырыуҙар тәҡдим ителгән. Башҡорт фольклор әҫәрҙәре мотивтары буйынса төшөрөлгән «Урал батыр», «Зөһрә һәм Ай», «Ҡамырбатыр» һ.б. мультипликацион фильмдары бар.

Киң мәғлүмәт сараларының ролен билдәләгәндә улар башҡорт фольклорында ҙур сағылыш таба, тыуған ергә һөйөү тәрбиәләүҙе мәҡәлә һәм тапшырыуҙар аша еткереү юлдары асыҡлана. Ысынлап та, күпме мәғлүмәт көн һайын һәр яҡтан ағыла икән, башҡорт фольклоры, әлбиттә, һәр яҡлап та үҫешергә мөмкин.

«Башҡорт телен өйрәнәм» тапшырыуы үҙебеҙҙең Башҡортостанда йәшәүселәрҙән бигерәк сит илдән килгән икенсе милләт вәкилдәренә әһәмиәтле. «Юлдаш» радиоһында «Рухиәт» тапшырыуында боронғо башҡорт ырыуҙарының һөйләштәре, тел үҙенсәлектәре сағыла, телебеҙҙең һүҙ байлығы, уларҙың мәғәнәһе, килеп сығышы тураһында мәғлүмәт бирелә [2:8]. БСТ каналында «Йома» тапшырыуы айырыуса ҙур иғтибарға лайыҡ. Программа тамашасыларҙы ислам дине тәғлимәттәре, мосолман мәҙәниәте, йолалары менән таныштыра. БСТ каналында «Байыҡ» телевизион конкурсы башҡорт бейеү сәнғәте үҫеше өсөн күп көс һала. Конкурстың маҡсаты – быуаттар буйы тупланған халыҡсан башҡарыу оҫталығын терелтеү. Башҡорт йыры конкурсы башҡорт музыкаһы сәнғәтен күтәреү өҫтөндә эшләй, оҫта башҡарыусыларҙы асыҡлай. «Ашҡаҙар» радиоһының «Хазина» рубрикаһында башҡорт халыҡ йырҙарының тарихи легендаһы бәйән ителә, күренекле йырсылар тарафынан башҡарыла.

Шулай итеп хәҙерге заманда киң мәғлүмәт саралары фольклор мираҫын һаҡлауҙа һәм киләсәк быуынға тапшырыуҙа мөһим роль уйнай. Телевидение, радио, интернет һәм социаль селтәрҙәр аша халыҡ йырҙары, әкиәттәр, мәҡәлдәр, риүәйәттәр һәм башҡа фольклор өлгөләре киң аудиторияға еткерелә. Киң мәғлүмәт саралары уларҙы яҙып алыуға, архивлауға һәм заманса форматта күрһәтеүгә булышлыҡ итә. Был, үҙ сиратында, милли ҡыҙанды нығыта һәм туған телгә ҡыҙыҡһыныу уята.

Ҡулланылған сығанаҡтар һәм әҙәбиәт исемлеге:

1. Башҡорт халыҡ ижады. Мәҡәлдәр һәм әйтемдәр. 10-сы том, 1-се китап. – Өфө: Китап, 2006. – 5 бит.

2. Башҡорт халыҡ ижады. Йырҙар һәм көйҙәр. – Өфө, Башҡортостан китап нәшриәте, 1983. – 8 бит.

3. Башҡорт халыҡ ижады. Совет осоро. Бәйеттәр. Йырҙар. Таҡмаҡтар. Беренсе китап. – Өфө: Башҡортостан китап нәшриәте,1981 – 10 бит.

4. Корконосенко С.Г. Средства массовой информации в современном мире. Санкт-Петербург: С.-Петерб. гос. ун-т, Институт Высш. шк. журн. и масс. коммуникаций, 2014. – С. 35.

5. Марков А.А., Молчанова О. И., Полякова Н. В. Теория и практика массовой информации. – Москва: ИНФРА-М, 2014. – С. 20-23.

© Шарипова Н.Ф., 2026

УДК 811

Шарипова Н. Ф.,
студент УУНиТ
Научный руководитель ***– Билалова Д.Н.,***
канд. филол. наук, доцент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

АНТОНИМИЯ В ТЕРМИНОЛОГИИ РУССКОГО, КИТАЙСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

В лингвистике термином «общеязыковые семантические процессы» обозначают трансформацию лексических значений, которая происходит в ходе исторического развития языка и в процессе коммуникации. Подобные изменения затрагивают различные разряды слов: заимствования, социально-политическую лексику и т.д. Явление антонимии представляет собой одну из важнейших семантических универсалий. Интерес исследователей к этой области языкознания не угасает на протяжении всех этапов развития науки, причём сложившиеся концепции постоянно пересматриваются и углубляются. Антонимические пары формируются в языке не случайно – их появление отражает реальные контрасты между объектами, их свойствами и отношениями в окружающей среде. Ключевым понятием здесь выступает противоположность: антонимами считаются слова одной части речи с диаметрально противоположной семантикой.

Термин «антоним» происходит от древнегреческих слов: *anti («*против») и *onyma («имя»).* С точки зрения философии понятие «антоним» объясняется как «противоположность внутри одной и той же сущности, различие сущности на высшей ступени ее развития». Несмотря на то, что все антонимы выполняют одинаковую функцию, они отличаются друг от друга по действию, структуре и использованию в речи. Выделяют следующие виды: языковые и речевые, однокоренные и разнокоренные, соразмерные и несоразмерные. Опираясь на учебное пособие В. П. Даниленко «Русская терминология», в терминологической лексике реализуются два типа антонимии: лексический и словообразовательный [3:81]. Лексический тип антонимии может быть представлен следующими примерами: *низкий* и *высокий*, *слабый* и *сильный*, *быстрый* и *медленный*, *молодой и старый* и т.п. Словообразовательный тип антонимии выражается посредством регулярного использования префиксов. В одних случаях путем чередования префикса с его отсутствием: стабильный и нестабильный, *осторожность* и *неосторожность*, *одобрение* и *неодобрение*, *удачный* и *неудачный* и т.п. Логическая основа антонимии образуется при помощи противоположенных видовых понятий. Так, например, Л. А. Новиков делит противоположности на следующие разновидности: контрарная, комплиментарная и векторная [4:80]. Контрарную противоположность выражают крайние симметричные члены упорядоченного множества (контрарные видовые понятия), между которыми существует средний, промежуточный член: например, *«молодой – не старый, не молодой, пожилой – старый»; «холодный – не горячий, прохладный, теплый – горячий»* и т.п. Следующая разновидность противоположности – контрадикторная противоположность (комплементарность, от лат. *complementum* – «дополнение») в отличие от контрарной характеризуется тем, что между противопоставляемыми видовыми понятиями, которые дополняют друг друга до единого родового понятия и являются по своей природе предельными, нет никакого среднего промежуточного члена. Например, *живой* и *мертвый, истинный* и *ложный, вместе* и *врозь* и т.д. И последняя разновидность противоположности –векторная противоположность (от лат. *vector* – «ведущий, несущий, направленный отрезок»). Она представляет собой противоположность разнонаправленных действий, движений и даже признаков: *входить* и *выходить, садиться* и *встать* и т.п. [4:81]. Таким образом все виды противоположностей находят общий признак антонимии, т.е. наличие определенного отрицания в значении одного из частей антонимической пары.

Говоря о способах образования антонимов в китайском языке, выделяют антонимы с общим иероглифическим компонентом, например *好看 (hǎokàn, красивый)* и *难看 (nánkàn, некрасивый)* имеют общий компонент *看 (kàn, смотреть).* Также выделяют антонимы с регулярными префиксами – использование отрицательных префиксов *不 (bù)* или *没 (méi),* например: *高兴 (gāoxìng, радостный)* и *不高兴 (bù gāoxìng, грустный).* И последняя разновидность антонимов – это структурные антонимы, например: *上班 (shàngbān, идти на работу)* и *下班 (xiàbān, уходить с работы).* Приведём некоторые примеры антонимических пар в китайском языке:

大 *(dà)* – 小 *(xiǎo)* – *большой – маленький;*
快 *(kuài)* – 慢 *(màn)* – *быстрый – медленный;*
高 *(gāo)* – 低 *(dī)* – *высокий – низкий;*
多 *(duō)* – 少 *(shǎo)* – *много – мало и др.*

В английском языке антонимы образуются разными способами, в зависимости от способа словообразования. Так, аффиксальные (однокорневые) антонимы образуются с помощью отрицательных приставок (префиксов) или суффиксов. Отрицательная приставка *un-* придаёт слову противоположное значение, часто указывает на отрицание или обратное действие. Например, *unhappy (несчастливый), unforgivable (незабываемый).*

Приставка *in-*. Например, *insecure (небезопасный), illegal* (незаконный), *irresponsible (безответственный), impossible (невозможный), impersonal (безличный).* Приставка *dis-*. Например, *disagree (не соглашаться), dishonest (нечестный), disabled (нетрудоспособный).*

Суффикс ***-less*** также может выражать противоположное значение, обозначая отсутствие какого-либо качества или признака. На русский язык часто переводится как «без-» или «бес-». Например, *useless (бесполезный), countless (бесчисленный), homeless (бездомный).*

Корневые (разнокорневые) антонимы. Образуются от слов с разными корнями. Также выделяют другие типы антонимов. 1)**Градуальные антонимы** выражают промежуточные понятия по определённому признаку. Например, *hot* и *cold (горячий и холодный)*, *short* и *tall (высокий* и *низкий);* 2) **Комплементарные** антонимы противопоставляются внутри одного родового поля. Например, *daughter* и *son (дочь и сын)*, *mother* и *father (мать* и *отец)*, *sister* и *brother (сестра* и *брат)* и т.п. 3**) Автоантонимы** используются для того, чтобы показать, что одно и то же слово может иметь противоположные значения в разных контекстах. Например, *handicap* может означать «препятствие» или «преимущество» в спорте. Стоит отметить, что **не** все слова имеют антонимы. Например, лексические единицы, обозначающие конкретные предметы *(nose, chair, hand)*, обычно не имеют противоположный значений.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что антонимы занимают одно из центральных мест в лексической структуре любого языка. Их функция не ограничивается простым обозначением противоположностей – они выступают в качестве важнейшего средства создания смысловых контрастов, придания речи выразительности и углубления передаваемой мысли. Отсутствие антонимов сделало бы речь неточной и обеднённой, поскольку именно через сопоставление противоположного часто удаётся наиболее полно охарактеризовать суть явления или идеи.

Литература:

1. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. – М.: Наука, 1974. – С. 5.

2. Билалова, Д. Н. Антонимия технической терминологии разноструктурных языков – Уфа: Глобальный научный потенциал. – 2022. – С. 179.

3. Даниленко, В. П. Русская терминология: Опыт лингвистического описания. – М.: Наука, 1977. – С. 80-82.

4. Новиков Л.А. Анонимия в русском языке: Семант. анализ противоположности в лексике. – М.:Изд-во Моск. ун-та, 1973. – С. 78-80.

© Шарипова Н.Ф., 2026

УДК 821.512.141.09

Шарипова Ю. В.,
магистрантУУНиТ
Научный руководитель – ***Хисамова Г.Г.,***
д-р филол.наук, профессор УУНиТ,
г. Уфа, Россия

ПОРТРЕТ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ М. КАРИМА

Одним из наиболее выразительных средств изображения человека является портрет – описание внешности человека. Портретная характеристика есть речевое воплощение «вещественной» стороны такой смысловой категории художественного текста, как персонаж. На содержательном уровне

портрет принадлежит конкретному герою, действующему в сюжете произведения, связан с художественным строем произведения и выражает авторскую идею [3:229].

Особая роль в художественном творчестве Мустая Карима отводится портрету. Статья посвящена выявлению своеобразия портрета в произведениях М. Карима «Оҙон-оҙаҡ баласаҡ» и «Ярлыҡау».

Портреты в произведениях М.Карима отличаются более подробным, развернутым описанием внешности, особенно если персонаж встречается впервые. Это отображается в прямых портретах: *«Сәмигулланы ҡарауыл өйөнән алып сыҡтылар. Уның өҫтөндә ҡыҫҡа ҡыптыр тун, аяғында ап-аҡ тула ойоҡ менән ап-аҡ сабата. Ни әшләптер башында бурке юҡ. "Кара бөҙрә сәсе яртылаш маңлайына төшөп тора. Йөҙө көл кеуек»* [1:14]; *«Ике күҙе менән бөтә ғәләмде йоторҙай булып, Зух ҡаршыһына нескә генә кәүҙәле, ҡабарынҡы ҡара бөҙрә сәсле, убешер өсөн генә тулышып өлгөргән иренле бер ҡыҙ бала килеп баҫты. Бала тиер инең, иңбаштары туңәрәкләнеп, кукрәктәре уҙ урынына ултырып өлгөргән, еткән ҡыҙ тиһәң, йөҙө – сабый йөҙө генә».* [2:38].

М.Карим использует также большое количество беглых портретов. Отдельные детали внешности даются и в ремарках, и в самом повествовании: «*...– Зухтың асыҡ зәңгәр күҙәренән ике-өс кенә бөртөк нур сәсрәне»* [2:46]*; «Ташбулат қапыл шашып китте, уның туп-туңәрәк күҙҙәре халыҡҡа төбәлде»;* «*...– тине буртенгән битле йыуан эҙәм*»; «*...– тине ерән мыйыҡлы Хисмәтулла исемле ҡоҙабыҙ»* [1:29].

М. Карим показал себя подлинным мастером психологического портрета. В наибольшей степени психологичен портрет с описанием лексемы, называющей компонент внешности «глаза». *«Кыҙҙың төнһөҙ ҡара күҙҙәрендә йәштең әсәре лә юҡ. Унда ни бары хәсрәт кенә, ҡотолғоһоҙ хәсрәт кенә»; «Уның ирендәре йылмая, хатта көлә. Ә күҙҙәре тулы хәсрәт»; «Ҡара Йотаголдоң ҡурҡынған күҙҙәре тағы ҡабаҡтары аҫтына инеп бата»; «ҺҙҺалам сираҡтың моңһоу һоро күҙҙәре мине шунда уҡ арбап алды»; «Мин тәүҙә уның ҡаҡ тубәһен, унан ялбар ҡолаҡтарын, бойоҡ ҡара күҙҙәрен шәйләнем*» [1:16].

В произведениях писателя частотны портретные характеристики, связанные с описанием лексемы, называющей компонент внешности «лицо». *«Әсе газаптан уның бите тартышҡан, аҫҡы ирене дер-дер ҡалтырай, ике күҙе урынында ике һалҡын ҡара төймә генә тороп ҡалған»; «Йөҙөнә шундай йәбер, шундай өмөтһөҙлөк, шундай меҫкенлек сыҡты, бына-бына уҡһеп илап ебәрер төҫлө».* [1:23].

Особое место занимают характеристики «голоса» и «речи», которые, как правило, содержатся в ремарках.. "*Уның тауышы, бысҡы сыңы шикелле шәфҡәтһеҙ ине»; «... – тине оҙон ҡуллы шофер теләр-теләмәҫ кенә»; «Уның тауышы утә йонсоу, утә борсоулы ине» . [2:71].*

В описании внешности человека важную роль играет детализация одежды, выявляющая социальное положение, внутреннее состояние, определенные качества портретируемого лица: *«Ана ул, сәскәле яңы кулдәген, тәңкәле йәшел камзулын кейеп, ап-аҡ яулығын бәйләп, ятып ҡына тора*» *«Вәлетдин -ҡайышланып бөткән тубәтәйен башынан алып ергә атты»; «Йыл әйләнәһенә ул йылтырап торған ҡара тышлы меҫкен бурек кейеп йөрөй».* [1:23].

У М. Карима особый интерес представляют слова – названия национальной одежды: «тубәтәй» – круглый головной убор; «сәкмән» – широкая верхняя одежда, вышитая по краям; «камзул» – короткая приталенная одежда без рукавов; «сабата» – лапти; «ҡата» – калоши из дубленой кожи, одеваемые поверх сапогов, валенок.

Портреты, созданные М. Каримом, обладают национальной самобыт- ностью, функциональным своеобразием. Они позволяют глубже проникнуть во внутреннюю сущность персонажа, раскрыть основные точки взаимодействия образа автора и образа читателя.

Литература:

1. Кәрим М. Оҙон-оҙаҡ бала саҡ. – Өфө: Китап, 1986. – 142 с.

2. Карим М. Ярлыҡау. Повесть. - Өфө: Китап, 1986. – 110 с.

3. Хисамова Г.Г. Функции портрета в художественном тексте // Язык и мышление: психологический и лингвистический аспекты. Материалы XXIY Международной научной конференции, посвящённой Году семьи в РФ. – М: МПГУ, 2024. – С. 229-239.

© Шарипова Ю.В., 2026

УДК 811.512.141

Шарипова Г.И.,
студент УУНиТ
Научный руководитель **– *Билалова Д.Н.,***
канд.фил.наук, доцент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В БАШКИРСКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Медицина является одной из наиболее динамично развивающихся сфер человеческой деятельности, что неизбежно влечет за собой постоянное пополнение терминологического аппарата. Лексика данной области имеет сложную систему, требующую упорядочения и унификации. В современном мире, характеризующемся усилением межкультурных связей, особую актуальность приобретают сопоставительные исследования терминосистем разноструктурных языков. Интерес к китайской медицине, как традиционной (中医), так и современной, в последние годы значительно возрос, что ставит перед лингвистами задачи адекватного описания и перевода соответствующей терминологии. Одновременно с этим, в Республике Башкортостан актуальными остаются вопросы развития и кодификации башкирского литературного языка в профессиональных сферах, включая медицину. В этой связи фундаментальное значение имеет «Русско-башкирский толковый словарь медицинских терминов», содержащий около 30 000 слов и дающий подробное толкование каждого термина на башкирском языке, что делает его ценнейшим источником для лингвистического анализа.

Медицинские термины можно разделить на три основные лексико-семантические группы:

1. Анатомические термины (названия органов и частей тела):

· Башкирский язык: *йөрәк (сердце), бауыр (печень), үпкә (легкие), күҙ (глаз), быуын (сустав) [1].*

· Китайский язык: *心 (xīn – сердце), 肝 (gān – печень), 肺 (fèi – легкие), 眼 (yǎn – глаз), 关节 (guānjié – сустав).* [2]

2. Названия болезней и патологических состояний:

· Башкирский язык: *баш ауыртыу (головная боль), гипертония, тҙлһеҙлек (бесплодие), тамаҡ шешеүе (ангина), атеросклероз* [1].

· Китайский язык: *头痛 (tóutòng – головная боль), 胃炎 (wèiyán – гастрит), 不孕 (bùyùn – бесплодие), 痛风 (tòngfēng – подагра), 动脉粥样硬化 (dòngmài zhōuyàng yìnghuà – атеросклероз)* [2].

3. Симптомы и физиологические процессы:

· Башкирский язык: *ҡыҙыу (жар), ялҡынһыныу (воспаление); ҡан ҡойолоу (кровоизлияние), йөрәк ритмы* (ритм сердца) [1].

· Китайский язык: *发热 (fārè – жар), 炎症 (yánzhèng – воспаление), 出血 (chūxiě – кровоизлияние), 心律失常 (xīnlǜ shīcháng – аритмия)* [2].

В башкирском языке медицинская лексика образуется следующими способами:

- *Заимствование*: значительный пласт составляют термины, заимствованные из русского языка (а через него из латыни, греческого, английского, французского и др.): *операция, диагноз, антибиотик, гастрит, лазер, вакцина.* Также фиксируются заимствования из арабского и персидского языков: *дарыу – лекарство, табип – врач* [4].
- *Калькирование:* это один из продуктивных способов, при котором структура и значение иноязычного термина передаются средствами родного языка. Согласно Ахмановой, калька это заимствование путем буквального перевода (обычно по частям) слова или оборота речи. [5] Данный метод позволяет сделать сложные медицинские понятия более прозрачными и понятными для носителей башкирского языка: *глазное дно – күҙ төбө, күҙ алмаһы – глазное яблоко, гиҙеүсе нервы – блуждающий нерв* [1].
- *Аффиксация:* образование новых терминов путем прибавления к заимствованной или коренной основе башкирских словообразовательных аффиксов. Это позволяет вписать иноязычные термины в грамматическую систему башкирского языка и создавать глаголы, прилагательные и абстрактные существительные: бинтлау (бинтовать), гипслау (гипсовать), витаминлаштырыу (витаминизация) [1].

В китайском языке, изолирующем и слоговом, медицинские термины образуются иными способами:

• *корнесложение (композиты)*: основной способ образования новых терминов. Два или более корня (иероглифа) складываются в новое понятие *(прим.:头痛 (tóu tòng) = 头 (tóu – голова) + 痛 (tòng – боль); 目赤 (mù chì) = 目 (mù – глаз) + 赤 (chì – красный) – покраснение глаз)* [2].

• *аффиксация с использованием полусуффиксов/полупрефиксов*: в китайской медицинской терминологии активно используются морфемы, выполняющие роль словообразовательных элементов *(прим. – суффикс -炎 (-yán, «воспаление»: 胃炎 (wèi yán) – гастрит; 肝炎 (gān yán) – гепатит; 肺炎 (fèi yán) – пневмония)* [2].

• *Морфемная контракция (стяжение)* тенденция к сокращению многосложных терминов до двусложной нормы (прим.: термин *八会 (bā huì)* – «восемь средоточий» – представляет собой сокращённое обозначение группы из восьми специфических канальных точек) [2].

• *Заимствования*: китайский язык стремится к созданию собственных терминов на базе иероглифики. Чисто фонетические заимствования (транскрипции) редки и, как правило, имеют семантически мотивированную альтернативу. (прим.: фонетическое *阿司匹林 (āsīpǐlín)* – аспирин сосуществует с семантическими калькам, *因素林 (yīnsùlín)* и семантического *胰岛素 (yídǎosù)* для термина «инсулин» [3]).

Таким образом можно установить, что формирование медицинской терминологии в башкирском и китайском языках происходит под влиянием различных лингвистических и экстралингвистических факторов. Башкирский язык, находясь в русле европейской научной традиции, тяготеет к заимствованию интернациональных терминов и их последующей адаптации средствами агглютинативной морфологии (аффиксация, калькирование). Такой подход обеспечивает интеграцию в мировое научное пространство и делает терминологию интуитивно понятной для специалистов, владеющих русским языком. Китайский язык, напротив, стремится к автохтонному терминотворчеству, основанному на семантической прозрачности композитов и морфемной контракции. Термины конструируются из собственных языковых ресурсов с опорой на внутреннюю форму слова. Кроме того, выявлено глубокое влияние традиционной философско-культурной парадигмы на китайскую медицинскую лексику, что формирует уникальную систему понятий, не имеющую аналогов в башкирском языковом сознании. Результаты исследования вносят вклад в сопоставительное терминоведение, теорию перевода и практику межкультурной коммуникации в области медицины.

Литература:

1. Азнабаев М.Т., Гумаров В.З., Суфьянова Н.Ф. Русско-башкирский толковый словарь медицинских терминов / Под ред. М.Т. Азнабаева. – Уфа: ГУП РБ «Уфимский полиграфкомбинат», 2007. – 840 с.

2. Белоусов П.В. Краткий китайско-русский словарь-справочник терминов китайской медицины. – Алматы, 2010. – 212 с.

3. Султанова Л. Морфемные характеристики китайских медицинских терминов // Восточный факел. – 2020. – № 4 (4). – С. 82–90.

4. Кутлиахметова Э. Р., Абдуллина Г. Р. МЕДИЦИНСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В БАШКИРСКОМ И ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКАХ // Вестник Башкирск. ун-та. 2022. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/meditsinskaya-terminologiya-v-bashkirskom-i-turetskom-yazykah.

5. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 576 с.

© Шарипова Г.И., 2026

УДК 070

Шафикова Н.А.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Беллендир С.Ф.,***
ассистент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ СМЫСЛЫ РЕАЛИТИ ШОУ НА РОССИЙСКОМ ТЕЛЕВИДЕНИИ: ТРАНСЛЯЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ И ФОРМИРОВАНИЕ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ

Современное российское телевидение является сложной многоуровневой системой, в которой преобладает развлекательный контент. Среди других форматов выделяется реалити-шоу – жанр, сочетающий элементы документализма, принципы игрового телевидения и психологический эксперимент.

По данным Е.А. Гутсала, главным источником информации для большинства россиян остается телевидение. Примерно 80% граждан в той или иной степени получают информацию о событиях в стране и мире через этот информационный ресурс. При этом новости, транслируемые по телевидению, воспринимаются ими значительно более надёжными по сравнению с радиосообщениями.

Анализ современных развлекательных программ, в том числе популярного жанра реалити, показывает, что телевидение перестало быть лишь способом проведения досуга. Оно превратилось в мощный инструмент, формирующий общественные ценности и стандарты поведения. В отличие от западных стран, российская медиасреда имеет свои уникальные черты. Ее формируют государственное регулирование, а также исторические традиции и национальный менталитет. Хотя жанр реалити получил широкое распространение, его комплексное изучение с позиций социокультурного анализа по-прежнему отстает от темпов развития самого феномена.

Актуальность темы обусловлена доминированием реалити-шоу в структуре телевещания. Как отмечает Е.А. Гутсал, среднемировой рейтинг реалити-шоу с 1999 года вырос до 20%, а в Европе выпуск реалити составляет 39% всех новых телевизионных проектов.

По мнению С.Г. Жукова, который рассматривает сущность массовой культуры в информационном обществе и предметное поле игровых шоу на российском телевидении, массовая культура имеет двойственный характер и имеет как положительные, так и отрицательные начала. С одной стороны, она приводит к разрушению традиционных норм и укоренившихся убеждений; с другой стороны, невозможно оспорить ее достижения в демонстрации индивидов без масок и социальных условностей.

Цель этой работы состоит в том, чтобы определить социально-культурные значения российских реалити-шоу и определить те ценности и модели поведения, которые они транслируют массовой аудитории.

Исследователи выделяют несколько подходов к определению понятия «реалити-шоу» в научном дискурсе. Первый подход (феноменологический) подчеркивает характер реалити как сложного социокультурного явления. В ходе этого метода основное внимание уделяется субъективному опыту участников и зрителей, а также смысловому содержанию этих программ. В рамках указанного подхода реалити-шоу рассматриваются не просто как объект внешнего наблюдения, а как явление, имеющее как глубокое личное, так и коллективное значение.

Второй подход, социологический, рассматривает феномен реалити-шоу в контексте массовой коммуникации. Он акцентирует внимание на стирании границ между зрителями и участниками, а также на последствиях такого смешения. В рамках этого подхода реалити-шоу трактуется как форма «структурированного вуайеризма», легитимизированная телевизионным форматом.

Третий поход, культурологический, заключается в анализе реалити-шоу как явления массовой культуры. Как отмечает С. Г. Жуков, данный жанр не генерирует уникальные культурные ценности, а выступает в роли имитации явлений специализированной культуры. Эта имитация осуществляется путём упрощения и адаптации сложного содержания до уровня восприятия массовой аудитории.

Четвёртый подход, выделенный Е.А. Гутсалом, является типологическим. Исследователи *(*А. Абраменко, С. Иличенко и другие*)* стремятся систематизировать разнообразие реалити-шоу, используя различные критерии: технические средства, пространственно-временную организацию, тематику и качество, а также характер взаимодействия с аудиторией и СМИ.

На основе рассмотренных подходов можно дать следующее определение: реалити-шоу представляет собой телевизионный жанр, основанный на пролонгированном наблюдении за поведением непрофессиональных участников в искусственно смоделированных или приближенных к реальным обстоятельствах. Ключевым элементом формата является последующая драматургическая обработка отснятого материала, направленная на интенсификацию эмоционального воздействия и стимулирование активного сопереживания аудитории.

Рассмотрим смыслы и поведенческие модели реалити-шоу, которые демонстрируются на российских телеканалах. Для анализа мы отобрали два полярных по смыслу проекта, которые показывают высокие рейтинги: «Дом-2» (ТНТ) и «Беременна в 16» («Пятница!»). Выбор основан на различиях в концептах и целевой аудитории.

Реалити-шоу «Дом-2» – проект телеканала ТНТ. На российском телевидении это шоу транслируется с 2004 года и является одним из самых долгоиграющих проектов – более девятнадцати лет в эфире. «Дом-2» официально признан самым продолжительным реалити-шоу в мире и внесён в Книгу рекордов Гиннесса, потеснив немецкую версию «Большого брата», которая шла 365 дней в круглосуточном режиме. «Дом-2» ежедневно выходит в эфир, показано более 5000 выпусков.

Транслируемые мысли и ценности:

- гедонизм и сиюминутность: ценность текущего момента, поиск удовольствия в формате «здесь и сейчас» преобладают над долгосрочным планированием;
- конфликт как норма: ссоры, выяснения отношений, ревность являются основным двигателем сюжета. Эпатажность как путь к успеху: участники, демонстрирующие наиболее скандальное поведение, получают больше экранного времени.

Формируемые поведенческие модели:

- привычка к публичному обсуждению интимных сторон жизни;
- модель конфликтного разрешения проблем (через крик, унижение оппонента);
- формирование установки, что популярность может быть достигнута без профессиональных усилий.

С точки зрения С.Г. Жукова, подобные проекты ориентированы на эмоциональное, иррациональное, коллективное бессознательное, что является характерной чертой массовой культуры.

«Беременна в 16» («Пятница!», российская адаптация) – реалити-шоу, посвященное будням девушек-подростков, готовящихся к материнству. Каждый выпуск рассказывает о жизни одной героини.

Транслируемые смыслы и ценности:

- амбивалентность материнства: с одной стороны, ребёнок представлен как главное счастье и смысл жизни, а с другой – откровенно показаны все сложности и трудности раннего родительства;
- ответственность как новая ценность: девушки вынуждены быстро взрослеть;
- социальная драма как развлечение: драматические коллизии судеб реальных людей упаковываются в формат зрелища.

Формируемые поведенческие модели:

- для подростковой аудитории – «эффект предупреждения»: демонстрация негативных последствий ранней беременности;
- напоминание, что с кризисной ситуацией можно справиться, вовремя обратившись за помощью.

Сравнительный анализ демонстрирует неоднородность подходов к организации и реализации данных реалити-проектов. «Дом-2» строит сюжет на конфликтах и эпатаже. Главная ценность – успех любой ценой и сиюминутное удовольствие. В шоу представлены эмоциональная экспрессия без рефлексии, актуализируется способ решать проблемы через скандал.

В отличие от проекта «Дом-2» реалити «Беременна в 16» делает акцент на ответственности и вынужденном взрослении. Конфликт – следствие реального жизненного кризиса. Здесь наблюдается рациональное решение проблем, поиск помощи, принятие последствий своих решений. Проект является неким социальным предупреждением для подростков, хотя несёт риск романтизации образа девушки, оказавшейся в кризисной ситуации и нашедшей из нее выход.

Несмотря на то, что оба проекта относятся к жанру реалити-шоу, их смысловая нагрузка, цели и акценты кардинально различаются. Ключевой смысл шоу «Дома-2» – «построй свою любовь». Проект сфокусирован на поиске партнера, построении отношений. Ценности вращаются вокруг межличностных отношений и социального успеха в паре. Смысловая составляющая шоу «Беременна в 16» носит социально-просветительский характер. Главная тема – последствия раннего материнства.

Проект показывает не поиск любви, а испытание уже сложившихся отношений рождением ребенка. Акцент делается на ответственности, трудностях и изменении жизни. Если в проекте «Дом-2» конфликт строится вокруг борьбы за чувства и конкуренции за внимание партнера, то в шоу «Беременна в 16№ драматургия держится на столкновении героини с реальностью: ей приходится решать проблемы в отношениях с отцом ребенка, преодолевать финансовые трудности, общественное осуждение и принять необходимость резкого взросления. Если «Дом-2» можно назвать проектом о любви как игре, то «Беременна в 16» – документальной драмой, посвященной испытанию на зрелость.

Анализ конкретных шоу показал, что разные форматы транслируют кардинально отличающиеся ценностные установки. «Дом-2» способствует формированию конфликтных моделей поведения. Проект «Беременна в 16» носит скорее социально-просветительский характер.

Общая тенденция российских реалити-шоу, по наблюдению Е.А. Гуцала, – постепенный отказ от «чистого» наблюдения в пользу гибридных форматов, что повышает вовлечённость зрителя, но одновременно усиливает манипулятивный потенциал.

Перспективы дальнейших исследований связаны с необходимостью более глубокого культурологического анализа реалити-шоу как феномена массовой культуры, а также с изучением воздействия указанного формата на формирование ценностных ориентаций молодёжи.

Литература:

1. Гуцал, Е. А. Реалити-шоу на современном российском телевидении: автореферат диссертации канд. филологических наук: 10.01.10 / Гуцал Евгений Александрович. – Екатеринбург, 2008. – 18 с. – URL https://www.dissercat.com/content/realiti-shou-na-sovremennom-rossiiskom-televidenii

2. Жуков, С. Г. Реалити-шоу в социокультурном пространстве массовой культуры: автореферат диссертации канд. культурологических наук: 24.00.01 / Жуков Сергей Геннадиевич. – Краснодар, 2009. – 18 с. – URL https://www.dissercat.com/content/realiti-shou-v-sotsiokulturnom-prostranstve-massovoi-kultury

3. Кудинова, О.Д. Отношение россиян к реалити-шоу: результаты исследования / О.Д. Кудинова. – URL https://cyberleninka.ru/article/n/otnoshenie-rossiyan-k-realiti-shou-rezultaty-issledovaniya

4. Муха, А.В., Курбанисламова, Э.Р. Специфика жанра реалити-шоу на каналах «Пятница!» и Ю-ТВ». / А. В. Муха, Э. Р. Курбанисламова. – URL https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-zhanra-realiti-shou-na-telekanalah-pyatnitsa-i-yu-tv

5. Чебиняева, И. Л. Манипуляционное воздействие современных реалити-шоу / И. Л. Чебиняева // Экономика и социум. –2013. – № 1 (6). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/manipulyatsionnoe-vozdeystvie-sovremennyh-realiti-shou

6. Шульцман, П. Э. Феномен зрелищности в программах реалити-шоу: опыт искусствоведческого исследования: автореферат диссертации анд. искусствоведения : 17.00.03 / Шульцман Пётр Эрикович. – Москва, 2012. – 18 с. – URL https://www.dissercat.com/content/fenomen-zrelishchnosti-v-programmakh-realiti-shou-opyt-iskusstvovedcheskogo-issledovaniya

© Шафикова Н.А., 2026

УДК 811.161.1

Шлепова А.М.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Байбулова М.Н.,***
ассистент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОНОМАТОПОЭТИЧЕСКИХ СЛОВ В КОРЕЙСКОМ, ЯПОНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Ономатопоэтическая лексика представляет собой особый пласт словарного состава языка, отражающий звуковую символику и экспрессивное восприятие действительности. В корейском и японском языках данный класс слов характеризуется высокой степенью развитости и системности, тогда как в русском языке он функционирует более ограниченно и преимущественно в разговорной и художественной речи. Сопоставительный анализ позволяет выявить как универсальные, так и

специфические черты ономатопоэтических систем указанных языков. Прежде всего следует отметить, что в японском и корейском языках ономатопоэтические слова охватывают не только звуковые явления (собственно ономатопея), но и широкий спектр состояний, движений, эмоциональных и физических характеристик.

Цель статьи – провести сопоставительный анализ ономатопоэтических слов в корейском, японском и русском языках с выявлением сходств и различий в их семантической структуре, грамматической организации и функциональном употреблении, а также определить особенности перевода и несопоставимые единицы.

В японской традиции принято выделять группы 擬音語 ‘giongo, имитация реальных звуков’, 擬声語 ‘giseigo, звуки живых существ’, 擬態語 ‘gitaigo, описание состояний и явлений без звука’, тогда как в корейском языке аналогичные категории представлены терминами 의성어 ‘звукоподражания’ и 의태어 ‘миметические слова’. В русском языке подобное разграничение не закреплено терминологически, что уже свидетельствует о меньшей систематизации данного слоя.

Характерной особенностью японских и корейских ономатопоэтических слов является их морфологическая редупликация. Например, японские формы どきどき ‘учащённое сердцебиение’, きらきら ‘сверкание’, ふらふら ‘шатание, состояние слабости’ и корейские 두근두근 ‘биение сердца’, 반짝반짝 ‘мерцание’, 흔들흔들 ‘качание’ демонстрируют повторение основы как средство выражения интенсивности или длительности действия. В русском языке редупликация встречается значительно реже и носит ограниченный характер: ‘тук-тук’, ‘тик-так’, ‘шмыг-шмыг’, ‘кап-кап’. При этом русские формы преимущественно имитируют звук, тогда как японские и корейские могут описывать абстрактные состояния.

Особый интерес представляют случаи, когда прямое соответствие между языками отсутствует. Например, японское слово ふらふら обозначает состояние неустойчивости, головокружения, слабости, шаткой походки и даже внутренней растерянности. В русском языке для передачи данного значения требуется описательная конструкция: идти, шатаясь, чувствовать головокружение, быть вялым. Аналогично корейское 비틀비틀 передаёт идею неустойчивого движения, но может также подразумевать опьянение или физическое истощение.

Другим примером является японское しとしと, обозначающее тихий, мелкий дождь, равномерно моросящий. В русском языке отсутствует единое слово, полностью соответствующее этому значению; используются выражения: ‘мелкий дождь’, ‘моросит’. В корейском языке близким по значению является 보슬보슬.

Значительную группу составляют слова, передающие психологические и эмоциональные состояния. Японское わくわくописывает радостное предвкушение, внутреннее возбуждение; корейское 설레설레передаёт схожее чувство волнения. В русском языке для передачи этих значений используются развёрнутые конструкции: ‘с нетерпением ждать’, ‘волноваться от радости’. Аналогично японское いらいら (раздражение) и корейское 짜증짜증 не имеют точных однословных ономатопоэтических эквивалентов в русском языке.

Интерес представляют также различия в звуковой символике. Например, японское ごろごろ может обозначать как грохот, так и ленивое валяние дома, в зависимости от контекста. В русском языке эти значения выражаются словами и словосочетаниями: ‘грохот’, ‘валяться без дела’, что свидетельствует о меньшей степени полисемии в рамках одной ономатопоэтической формы. В корейском языке аналогичное слово 데굴데굴 используется преимущественно для описания грохота от катящегося предмета, однако может переносно обозначать бездействие.

Звукоизобразительность в русском языке чаще всего ограничивается передачей конкретных акустических эффектов: ‘бух’, ‘дзынь’, ‘шуршать’, ‘грохотать’, ‘капать’. При этом многие слова утратили непосредственную связь с ономатопеей и стали частью нейтральной лексики. В японском и корейском языках, напротив, ономатопоэтические элементы активно функционируют в повседневной речи, включая письменные тексты, рекламу, мангу и медиа. Например, японское ぺらぺら ‘беглая речь’ или корейское 또박또박 ‘чёткое произношение’ широко употребляются в описании речевых характеристик.

Следует также отметить грамматическую гибкость ономатопоэтических слов в японском и корейском языках. Они могут функционировать как наречия ‘きらきら光る – сверкать ярко’, как именные компоненты с добавлением вспомогательных глаголов ‘わくわくする – испытывать волнение’, а в корейском языке – с глаголами 하다 ‘반짝반짝하다 – сверкать’. В русском языке подобная продуктивность отсутствует: ономатопоэтические элементы редко образуют глаголы и обычно требуют дополнительных словообразовательных средств (‘шуршать’ вместо ‘шурш’).

Таким образом, сопоставительный анализ показывает, что ономатопоэтические системы японского и корейского языков обладают высокой степенью развития, семантической детализации и функциональной гибкости, тогда как в русском языке данный пласт лексики более ограничен, менее систематизирован и в большей степени привязан к передаче конкретных звуковых эффектов. Особенно показательны случаи несопоставимых единиц, где японские и корейские слова кодируют комплексные перцептивные и эмоциональные состояния, требующие описательного многосложного перевода на русский язык.

Литература:

1. Бабина С. А., Белоусова В. И. Русский язык: лексикология и фонетика: Учебно- практическое пособие – Москва: Изд-во «Русский язык», 2018. – 352 с.

2. Грищенко А. И., Попова М. Т. Фонетика современного русского литературного языка. – Санкт- Петербург: Питер 2024. – 410 с.

3. Eunsoo Hee. A comparative study of Japanese and Korean onomatopoeia for the expression of sense of smell // Journal of East Asian Linguistics. – 2026. – Vol. 35, No. 1. – 67 p.

4. Iwasaki N., Sells P., Akita K. (eds.) The Grammar of Japanese Mimetics: Perspectives from Structure, Acquisition and Translation. – London: Routledge, 2016. – 288 p.

© Шлепова А.М., 2026

УДК 821.161.1

Шушпанов Т.С.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Кульсарина И.Г.,***
канд. филол. наук, доцент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ФУНКЦИИ ПОРТРЕТА ГЕРОЯ В РАССКАЗАХ И.А. БУНИНА

Литературный портрет как художественное описание внешности персонажа является одним из фундаментальных и наиболее значимых компонентов поэтики любого прозаического произведения. Его роль выходит далеко за рамки простой визуализации, становясь мощным инструментом характерологии, психологического анализа и выражения авторской концепции. В творчестве И.А. Бунина, признанного мастера слова, искусство портрета достигает вершин своего развития. Его проза насыщена развёрнутыми, многослойными и чувственно-осязаемыми портретными характеристиками, которые не просто сопровождают повествование, а зачастую становятся его смысловым и композиционным ядром. Бунинские портретные описания, как отмечают исследователи, являются одним из основных способов отражения не только характера взаимоотношений героев, но и тех важных признаков, что выступают в качестве определяющих для понимания идейного содержания произведения в целом [5: 33-34]. Несмотря на обширную исследовательскую традицию в буниноведении, функциональное многообразие портрета в его малой прозе представляет собой поле для углублённого анализа и систематизации. Портрет у Бунина – это не статичная зарисовка, а сложный, динамичный механизм, выполняющий целый спектр взаимосвязанных функций. Он может быть использован не только для информирования или описания героя, но и с другими коммуникативными намерениями писателя, характеризуя тем самым и его языковую личность [5: 33].

Функциональный диапазон портрета в художественном мире И.А. Бунина чрезвычайно широк и многогранен. Это сложный, полифонический инструмент, где каждая деталь, каждый эпитет и каждое сравнение несут значительную смысловую нагрузку. Анализ научной литературы позволяет выстроить иерархию этих функций, переходя от наиболее очевидных к более глубоким и скрытым.

Первостепенными и основополагающими являются психологическая и характерологическая функции. Внешность у Бунина становится прямым, почти осязаемым отражением внутреннего мира героя, его судьбы, его душевного склада и сиюминутного эмоционального состояния. Как отмечают исследователи, «…внешняя описательность у него всегда имеет глубоко психологизированный характер; точное знание описываемых эмоций может пролить свет на внутреннее состояние человека, делая описание насыщенным психологически выверенными деталями» [5: 36]. Для достижения этой цели Бунин использовал весь арсенал сенсорного восприятия. В его портретах используется не только традиционная соматическая, вестиальная и кинетическая лексика, но и слова со значением цветовых, обонятельных, вкусовых и тактильных ощущений [1: 52]. Это позволяет создать эффект полного погружения, сделав портрет пластичным и чувственным. Ярчайшим примером служит рассказ «В Париже». Начальный портрет главного героя моментально задает тональность его трагической судьбы: «Только светлые глаза его смотрели с сухой грустью, и говорил и держался он как человек, много испытавший в жизни» [2]. «Сухая грусть» – это не просто эмоция, это застывшая в чертах лица история страданий. Портрет в данном случае является динамической структурой: по мере развития отношений с Ольгой Александровной меняется и её портрет в восприятии героя. Изначально это сдержанное описание официантки, но в момент сближения оно насыщается чувственными деталями, передающими обострённость его восприятия: «Запах пудры, блеск чёрных глаз, угольно-чёрные ресницы, “полные в красной помаде губы”, их сладкий помадный вкус» [3: 51]. Эти детали – не столько объективное описание, сколько отражение его собственного пробуждающегося чувства, его тоски по жизни и любви.

Из психологической функции органично вырастает сюжетообразующая функция. Портретная характеристика у Бунина редко бывает статичной; она активно участвует в развитии действия, становясь его завязкой, кульминацией или предвестником развязки. Как отмечают исследователи, предметные детали в портретах героев и героинь в прозе Бунина очень выразительны, и деталь может быть необычным образом связана с сюжетом [4: 47]. Ключевым примером является мотив шали. В рассказе «Новый год» серая шаль и валенки, в которые одета героиня, становятся символом её естественности и противопоставляются фальши светской жизни, что предопределяет дальнейший конфликт [4:148]. В рассказе «Холодная осень» шаль, упомянутая в строках Фета, становится лейтмотивом прощального вечера и символом всей утраченной жизни. Эта деталь, наряду с «золотым образком» в ладанке, становится знаком уходящей дворянской культуры, хрупкого мира, который будет безжалостно уничтожен войной и революцией [4: 150]. Таким образом, портретная деталь из элемента описания превращается в носителя исторической памяти и экзистенциального смысла, определяя трагическую траекторию сюжета.

Особого рассмотрения требует рассказ «Легкое дыхание», где полифункциональность портрета раскрывается с максимальной глубиной, синтезируя психологическую, сюжетообразующую и символическую нагрузки. Вся художественная структура рассказа, как отмечают исследователи, построена на центральной семиотической оппозиции, заложенной в портретных деталях: противопоставлении живого и мёртвого, естественного и искусственного [9: 174; 6: 121]. «Крепкий, тяжёлый, гладкий» надмогильный крест, фарфоровый венок и медальон с их «холодностью и искусственностью» контрастируют с «поразительно живыми глазами Оли Мещерской на фотографии» [9: 174]. Этот конфликт становится двигателем повествования, которое постоянно колеблется между прошлым и настоящим, жизнью и смертью. Однако Бунин не останавливается на этом. С.Н. Зенкин в своей работе «Переглядывающиеся портреты» предлагает еще более глубокую, символическую трактовку. Он анализирует два ключевых портрета в рассказе – портрет императора в кабинете начальницы и надгробную фотографию Оли – и приходит к выводу, что они образуют сложную символическую структуру, соответствующую христианской парадигме. Самодержец на парадном портрете, легитимирующий власть, аналогичен всемогущему богу-отцу, тогда как Оля Мещерская, гибнущая насильственной смертью и «бессмертно» воскресающая в воображении классной дамы, уподобляется богу-сыну. Этот анализ показывает, как Бунин, используя всего два портретных изображения, превращает бытовую драму в метафизическую притчу о власти, жертве и бессмертии.

Все вышеперечисленные функции реализуются через уникальную эстетическую и лингвопоэтическую организацию текста. Бунин использует богатейшие средства выразительности для создания портретов. Это и яркие метафоры, и точные эпитеты, и неожиданные сравнения. В рассказе «Камарг» портрет жительницы юга Франции создаётся с помощью выразительных тропов: «жёсткого шёлка смольных волос», «цыганско-испанское тело», «лицо... было древне-дико» [7: 2]. Эти средства не просто описывают, но и создают особую атмосферу, передают первобытную,

естественную красоту героини. Исследователи отмечают исключительное внимание Бунина к цвету и звуку, что придает его прозе музыкальность и живописность [10: 569]. Особенно характерны для его стиля сложные двухчленные цветовые эпитеты, в которых сочетаются разные оттенки и способы их восприятия: «зелёно-голубое», «дымчато-белый», «грязно-грифельный» [10: 570]. Эти сочетания создают синестетический эффект, позволяя читателю почти физически ощутить описываемое. Уникальным примером служит изображение телесности в рассказе «Братья». Портрет рикши-сына отличается особо ярким изображением благородных телесных форм: «Рикша... мелькая длинными ногами, бежал быстро, и ещё ни одной капли пота не было на его лоснящейся кокосовым маслом спине, на его округлых плечах, среди которых тонкий ствол девичьей шеи грациозно держал смоляную голову» [8: 27]. Здесь физическая красота и грация, подчёркнутые сравнением с «девичьей шеей», становятся выражением природной жизненной силы, которая будет противопоставлена искусственности и угасанию европейской цивилизации.

Наконец, следует выделить и коммуникативную функцию портрета. В диалогах персонажей словесное портретирование становится формой речевого поведения, инструментом межличностного взаимодействия. Как отмечает О.В. Руднева, одной из типичных ситуаций в прозе Бунина является разговор героя с героиней о другой женщине – потенциальной «сопернице». В таком контексте портрет выполняет стратегическую функцию: мужчина намеренно создаёт сдержанно-нейтральный или даже негативный образ, чтобы сохранить отношения с собеседницей. Примером служит реплика из рассказа «Генрих»: «Что ж тут описывать, не видала ты, что ли, цыганок? Очень худа и даже не хороша...» [5: 33]. Таким образом, портрет перестает быть лишь авторской характеристикой, а становится речевым актом внутри художественного мира, отражающим сложные психологические и социальные взаимодействия между героями.

Комплексный анализ функций портрета в малой прозе И.А. Бунина демонстрирует, что для писателя это был не вспомогательный описательный элемент, а один из центральных инструментов художественного осмысления мира и человека. Портретные характеристики в его рассказах полифункциональны и тесно переплетены друг с другом: психологическая функция определяет характеры и мотивы, которые, в свою очередь, двигают сюжет; сюжетообразующая функция реализуется через символически заряженные портретные детали; символическая глубина достигается благодаря уникальным эстетическим и лингвопоэтическим решениям, а коммуникативная функция вплетает портрет в живую ткань диалогического взаимодействия персонажей. Бунинский портрет динамичен, пластичен и чувственно достоверен. Он позволяет не просто увидеть героя, но ещё и ощутить его внутреннее состояние, понять его судьбу и прикоснуться к тем фундаментальным темам – любви, смерти, памяти, красоты, трагизма человеческого существования, – которые составляют ядро творчества великого русского писателя. Именно это многообразие функций и виртуозное мастерство их реализации делают портрет в прозе Бунина неисчерпаемым объектом для исследования и обязательной частью его художественного наследия.

Литература:

1. Адз Грасиа Соневи, Ндуниама Канга Кедрэн Стэв, Зоба Байина Шарель Ледриш, Фархутдинова Ф. Ф. Портретная лексика и фразеология в рассказе И. А. Бунина «В Париже» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2022. – Вып. 2. – С. 44–54.

2. Бунин И.А. Собрание сочинений в шести томах. Т. 5. – М.: Художественная литература, 1988. https://traumlibrary.ru/book/bunin-ss06-05/bunin-ss06-05.html#s002002011 (дата обращения: 18.04.2026).

3. Зенкин С.Н. Переглядывающиеся портреты («Легкое дыхание» Бунина) // Новое литературное обозрение. – 2017. – № 4 (146). – URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/146_nlo_4_2017/article/12604/ (дата обращения: 30.08.2025).

4. Пелевина П. В. Мастерство портретной детали в рассказах И. А. Бунина // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2019. – № 2 (32). – С. 148–151.

5. Руднева О.В. Структурно-семантические особенности портретирования в коммуникативном поведении героев рассказов И. А. Бунина // Вестник психолого-педагогических исследований. – 2020. – №3. – С. 32–36.

6. Савинков С.В., Соколова Е.В. Семиотика как инструмент анализа литературного текста: «Легкое дыхание» И.А. Бунина // Культура и текст. – Воронеж, 2019. – № 2 (37). – С. 121–129.

7. Стебакова Е.А. Лингвистические средства создания портретных характеристик в рассказах И. А. Бунина // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2020. – № 2 (87). – С. 1-4.

8. Хэ Син. Образ рикши в рассказе И. А. Бунина «Братья» и романе Лао Шэ «Рикша» // Вестник славянских культур. – 2019. – Т. 54. – С. 23–35.

9. Юрченко Т.Г. О «Легком дыхании» И.А. Бунина. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7, Литературоведение: Реферативный журнал. – 2020. – №2. – С. 172–179.

10. Fedoulova-Touja R. О некоторых особенностях языка И. Бунина (Темные аллеи) // Revue des études slaves. – 1983. – Т. 55. – № 4. – P. 567–575.

© Шушпанов Т.С., 2026

УДК 070.1 + 81

Яковлева Э.В.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Алиева С.А.,***
канд. филол.наук, доцент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ИСЛАМА В БРИТАНСКИХ МЕДИА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ДИСКУРС-АНАЛИЗ GB NEWS И THE GUARDIAN

Статья посвящена сравнительному анализу репрезентации ислама и мусульман в британских медиа на примере двух изданий: GB News и The Guardian. Эмпирической базой выступают материалы публикаций на интернет-площадках приведенных изданий. Методологически работа опирается на критический дискурс-анализ (Н. Фэрклаф, Т. ван Дейк), концепцию ориентализма Э. Саида и теорию власти-знания М. Фуко. Выявлена заметная разница в конструировании образа ислама двух изданий: GB News определяет ислам как угрозу британским ценностям, используя стратегии поляризации и обобщения, тогда как The Guardian остается в рамках мультикультурализма, ограниченного тенденциями либеральных западных взглядов. Статья рассматривает механизмы медийной исламофобии и ее взаимоотношения с ростом радикальных правых взглядов в Великобритании.

В публичном пространстве современной Великобритании тема ислама является одной из наиболее политически нагруженных и поляризованных. Соответственно, это не могло не вызвать существенные споры в обществе и отразиться в британском медиа-ландшафте, где разные издания выступают голосом противоположных мнений. На фоне роста антимусульманских преступлений в Великобритании и волны ультраправых беспорядков летом 2024 года, спровоцированных после трагедии в Саутпорте, вопрос о том, как британские медиа конструируют образ ислама, приобретает интерес для исследования. Известно, что в 2024 году число нападений на мусульман в Британии выросло на 43%, достигнув рекордных 6 313 случаев [5]. Исследователи связывают всплеск насилия и правых протестов летом 2024 года с дезинформацией и нормализацией исламофобской риторики в популярных медиа.

Целью статьи выступает выполнение сравнительного дискурс-анализа британских медиа, представленных противоположными друг другу по идеологии изданиями, такими как GB News, имеющими правопопулистские взгляды, и The Guardian, репрезентирующими ислам через призму либеральных взглядов, и выявить последствия сконструированного ими образа. Медийный дискурс в данном контексте представляет собой социально сконструированное отражение реальности, определяющее политические курсы и формирующее общественное восприятие.

При анализе медийных репрезентаций ислама необходимо обратиться к трёхмерной модели критического дискурс-анализа Нормана Фэрклафа, которая предполагает исследование текста через его языковую составляющую (лексика, метафоры), дискурсивной практики (создание и интерпретация текста), и социальной практики [3: 97-98]. Эта модель дает возможность связать конкретные медийные высказывания с широкими властными отношениями. Тён ван Дейк дополняет модель концепцией «идеологического квадрата», которая подразумевает стратегию поляризации «Мы vs. Они» через называние позитивных действий «своей группы» на фоне акцентирования внимания на отрицательных проявлениях «чужой» группы [4: 103]. Соответственно, это служит

усилению социального доминирования большинства над меньшинством, в данном случае, над исламом.

В концепции ориентализма Эдварда Саида, Восток исторически конструируется западной культурой как противопоставление себе и своим ценностям [1: 12-18]. Поэтому все, имеющее отношение к восточной культуре, в т.ч. и ислам, преподносится как угрожающее, неправильное и деспотичное «Другое» против западного правильного и демократичного. В современных британских медиа данная идея все также находит свое отображение при освещении новостей, связанных с исламом. Также, для дискурс-анализа образа ислама необходимо понимать дискурс как систему, формирующую объекты, о которых ведется дискурс, а власть-знание как механизм, который определяет, какое знание об исламе считается правильным, легитимным и авторитетным [2: 48]. Это выражается в том, как различные британские медиа, освещая новости об мусульманах и восточной культуре, являются активной дискурсивной практикой, формируя и конструируя образ ислама в зависимости от выбираемого ими нарратива представления информации, внедряя его в общественное создание, поэтому новость может быть представлена как и через виденье «Ислам как угроза», так и через «Ислам как жертва сложности интеграции».

Рассматривая отображение образа ислама и его конструирование в британских медиа, при исследовании необходимо обратить внимание на два полязированных друг другу издания: GB News, как представителя правопопулистских консерваторских идей, и The Guardian, как последователей либеральной демократической политики Англии, и последовательно проследить как дискурс практика в каждом из них формирует представление мусульман в общественном сознании. Анализ проводится на основании четырех статей, по две на каждое из изданий: "It's time to deport the radical Islamist clerics who hate our way of life and want to eradicate us" (GB News, 15.04.2024), "Hardline Muslims will be content to send us back to the dark ages with Sharia law" (GB News, 13.04.2024), "The Guardian view on the online far right: thugs have brought devastation" (The Guardian, 04.08.2024), "The Guardian view on the Southport riot: a town's pain is exploited" (The Guardian, 31.07.2024).

При оценке образа ислама в дискурсе GB News, неоднократным использованием отмечается выражение «Trojan horse» в представленных публикациях. Например, в статье от 15 апреля 2024-го года, мы видим следующее упоминание: «The Trojan horse is real. It is here. We let it in. It is time to deport that Trojan horse. Right now, these people are not here to assimilate» [6], также в другой статье от 13 июля 2024-го года: «There is a Trojan horse in Britain, hardline Muslims» [7]. Согласно современному словарному значению по Cambridge Dictionary, «Trojan horse – a person or thing that joins and deceives a group or organization in order to attack it from the inside»[5], мы можем выделить следующие семантические компоненты, такие как: обман, скрытая угроза, вторжение изнутри. Таким образом, используя данную языковую единицу, в дискурсе подразумевается, что мусульмане, кажущиеся полезными для британского общества, но на самом деле имеют цель уничтожения изнутри английской общественности. Соответственно, GB News конструируют ислам как экзистенциальную угрозу привычной жизни британцев. Метафора "троянского коня" подразумевает замаскированного врага и оправдывает подозрительность и превентивные меры, направленные исключительно на представителей группы меньшинств, такие как дискриминирующие специальные меры наблюдения, ограничений и депортации (как призывает автор: "It is time to deport that Trojan horse").

Вернемся к выдержке из статьи от 13 апреля 2024 года: «Hardline Muslims, who will be content to send us back to the dark ages with Sharia law» [7]. Понятие «Dark ages» в Cambridge Dictionary трактуется как «a time considered to be not advanced and when people are unwilling to accept the beliefs or opinions of others, like some periods of the past» [5]. Приводя в современном публичном дискурсе данную метафору как сравнения мусульманских традиций с периодом упадка, регресса и варварства, издание формирует образ мусульман через противопоставление прогресса (западная культура) и регресса (восточная культура), что соответствует выработанной Э. Саидом концепции ориентализма как предвзятости к представителям восточной культуры [1: 12-18], в данном контексте представителей ислама. Дискурс GB News создает намеренно бинарную оппозицию: любое влияние ислама на британское общество автоматически интерпретируется как движение назад. Фраза «send us back to the dark ages» описывает ислам как статичную, неизменную религию, которая угрожает развитому европейскому обществу, в чем проявляется ориенталистская методика, описанная Э. Саидом: Восток представляется как застывший во времени, неспособный к самообновлению и прогрессу [1: 17]. Таким образом, мусульмане исключаются из сообщества современных и цивилизованных граждан, что приводит к малозначимости их голоса в медиа пространстве вследствие восприятия их как неполноправных участников диалога.

Также, в публикации GB News от 15 апреля 2024 года присутствует следующая фраза: «They hate us. They hate our way of life, and they want to eradicate us» [6]. Согласно словарю Cambridge Dictionary, лексическая единица «hate» имеет значение «to dislike someone very much» [5], подразумевающее сильное негативное эмоциональное состояние, что можно трактовать как враждебность и желание причинить вред. Глагол «eradicate» означает «to get rid of something completely or destroy something bad»[5] и часто используется в контексте борьбы с болезнями или вредителями, предполагая тотальное уничтожение и дегуманизацию объекта. Используя именно эти лексические единицы, дискурс GB News смещает фокус внимания общественности на враждебность представителей ислама. Упрощение через гиперболизирующий глагол «eradicate» большой и разнообразной группы мусульман до собирательного образа негативно настроенного мигранта, действующего из ненависти к британскому народу, снимает ответственность с общества за любые структурные проблемы (расизм, дискриминация, социальное неравенство), вызывает страх среди общественности и исключает возможность диалога вследствие невозможности договориться с теми, кто не является частью гуманного, европейского пласта населения Англии. В данном дискурсе GB News прослеживается прием «другизации» (othering): позитивные действия и мотивы приписываются «нам», а негативные – «им», что выражается в игнорировании причин враждебности мусульман к западной политике и сведении этой враждебности к религиозной обусловленности и иррациональности. Помимо этого, использование безличного «they» (‘они’) объединяет всех мусульман в одну враждебную массу, исключая разницу между разными представителями религии: простыми верующими, радикалами и мусульманскими детьми, родившимися и выросшими на территории Британии. Соответственно, подобная деиндивидуализация является ключевой стратегией исламофобского дискурса, лишая мусульман статуса отдельных личностей со своими убеждениями, делая возможным коллективное наказание.

Дискурс The Guardian значительно отличается от GB News. На примере редакционной статьи издания от 04.08.2024 года заметно отсутствие стилистически окрашенной лексики и языка вражды в отношении меньшинств: «The riots that have spread across the UK from Southport since Tuesday are the effect of a cocktail of anti-immigrant, far-right views mixed with lies about a traumatic news event, gulped down by violent thugs. Both the extent and the explicitly racist, anti-Muslim nature of the violence have made this a terrible week like no other» [8]. Языковые единицы, образованные префиксальным способом, такие как «anti-Muslim» и «Anti-immigrant», подчеркивают представление мусульман, как объектов, на которых направлены враждебные действия. Помимо этого, The Guardian прямо называет беспорядки «explicitly racist, anti-Muslim», избегая эвфемизмов и осуждая насилие в сторону представителей ислама. Фраза "cocktail of anti-immigrant, far-right views" связывает исламофобию с систематической проблемой, связанной с более широкими политическими процессами, такими как рост популизма или риторика против иммигрантов.

В этой же статье: «The riots... are the effect of a cocktail of anti-immigrant, far-right views mixed with lies about a traumatic news event, gulped down by violent thugs» [8] используется языковая единица «thug», которой статья обозначает лица, участвовавшие в действиях насильственного характера, совершенных против мусульман. По словарю Cambridge Dictionary, «thug» несет значение «a man who acts violently, especially to commit a crime» [5]. Таким образом, называя участников беспорядков "thugs", а не «протестующими» (protesters) или «демонстрантами» (demonstrators), the Guardian отказывает им в политическом статусе, конструируя образ мусульман как жертв противоправных действий.

В статье The Guardian от 31.07.2024: «Chancers, grievance merchants and the far right have taken advantage of the killings of three small girls. The result has been sickening violence» [9]. Выбор термина "far-right" (а не "patriots" или "concerned citizens") акцентуализирует виновность и неправильность правых убеждений в дискурсе о трагедии Саутпорта.

Также в этой статье The Guardian утверждает ложность правопопулистских утверждений, используя лексическую единицу «misinformation», означающую «false information, given either by mistake or deliberately», в контексте дискурса The Guardian подчеркивающую сознательно создаваемую правыми медиа вводящую в заблуждения информацию, вредящую образу ислама [6]: «Using social media and other internet platforms, they spread misinformation and pet theories and flyers». Таким образом, издание заявляет, что существует правда, отличающаяся от распространяемых анти-мусульманских нарративов.

The Guardian также конструирует иерархию легитимности реакций на трагедию в Саутпорте: от осуждения реакций правых политиков до поддержки пострадавших семей и мусульман. Например, «chancers, grievance merchants and the far right have taken advantage of the killings of three small girls.

The result has been sickening violence», и «yet, rather than being allowed to heal, the suffering of a small seaside town has been exploited by chancers, grievance merchants and the far right» [9]. Лексика "chancers" (проходимцы, люди, ищущие выгоду), "grievance merchants" (торговцы обидами) и "exploited" создаёт образ ораторов, которые используют её для продвижения своей анти-миграционной повестки. Фраза «the suffering of a small seaside town has been exploited» в этой же стране предполагает, что настоящими жертвами (помимо семей погибших) являются жители Саутпорта, включая мусульманскую общину, чья мечеть была атакована. The Guardian отвергает нарратив, в котором мусульмане представляются как «соучастники» или «пособники» нападавшего, и вместо этого представляет их как также как жертв дезинформации и насилия.

Проведённый анализ языковых единиц из статей GB News и The Guardian позволяет сделать следующие выводы о различных дискурсивных стратегиях двух изданий.

GB News последовательно конструирует ислам и мусульман через метафорику войны, вторжения и обмана ("Trojan horse", "dark ages", "eradicate us"). Эти языковые единицы работают как триггеры страха: они активируют в британской общественности архетипические образы скрытого врага, варварства и неизбежной катастрофы.

The Guardian занимает иную дискурсивную позицию. Его лексика ("anti-Muslim", "far-right thugs", "misinformation", "exploited") направлена на проблематизацию исламофобии, а не образа ислама. Среди ключевых особенностей отличается в сравнении с GB News обозначение анти-мусульманского характера насилия, переворачивание агентности, где субъектами насилия являются ультраправые, и конструирование образа мусульман как жертв несправедливых медиа нарративов.

Важнейшее различие между двумя дискурсами лежит в плоскости эпистемической позиции: GB News создаёт "альтернативную реальность", в которой конспирологические теории становятся прайм-тайм контентом, тогда как The Guardian претендует на роль поставщика объективной истины, разоблачающей дезинформацию.

Оба дискурса разделяют одно ограничение: даже The Guardian, при всей его критической позиции, репрезентирует мусульман преимущественно через призму проблемы (исламофобии, дискриминации, насилия), редко предоставляя им возможность говорить о своих повседневных практиках вне контекста виктимизации или угрозы. Это указывает на более глубокую эпистемическую проблему западного либерального дискурса об исламе, которая требует дальнейшего исследования.

Литература:

1. Саид, Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский Міръ. 2006. 640 с.
2. Фуко, М. Археология знания. СПб.: Гуманитарная Академия. 2004. 416 с.
3. Fairclough, N. Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language. London: Longman. 1995. 265 p.
4. Van Dijk, T. A. Ideology and discourse: A multidisciplinary introduction. Barcelona: Universitat Pompeu Fabra, 2007. 118 p.
5. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. Cambridge University Press, 2026. URL: https://dictionary.cambridge.org/ (дата обращения: 07.04.2026).
6. It's time to deport the radical Islamist clerics who hate our way of life and want to eradicate us // GB News URL: https://www.gbnews.com/opinion/uk-must-deport-those-who-hate-us-patrick-christys (дата обращения: 06.04.2026).
7. Hardline Muslims will be content to send us back to the dark ages with Sharia law // GB News URL: https://www.gbnews.com/opinion/hardline-muslims-content-send-us-back-dark-ages-sharia-law (дата обращения: 06.04.2026).
8. The Guardian view on the online far right: thugs have brought devastation // The Guardian URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/article/2024/aug/04/the-guardian-view-on-the-online-far-right-thugs-have-brought-devastation (дата обращения: 07.04.2026).
9. The Guardian view on the Southport riot: a town's pain is exploited. // The Guardian URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/article/2024/jul/31/the-guardian-view-on-the-southport-riot-a-towns-pain-is-exploited (дата обращения: 07.04.2026).

© Яковлева Э.В., 2026

УДК 811.531

Яровая П.Д.,
студент УУНиТ
Научный руководитель – ***Байбулова М.Н.,***
ассистент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЧАСТИЦ ЗАВЕРШЕНИЯ КОРЕЙСКОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В последние годы корейский язык становится всё более популярным. Главные причины этого – «корейская волна» (халлю), то есть массовое увлечение корейской музыкой, сериалами и культурой, а также экономические достижения Южной Кореи и её растущая роль в мире.

Одна из самых интересных и сложных тем в корейской грамматике – это частицы завершения предложения. Эти небольшие элементы присоединяются к концу глагола или прилагательного и показывают, что предложение закончено. Но их роль не только в этом. С помощью таких частиц говорящий передаёт своё отношение к тому, что он говорит: уверенность или сомнение, намерение что-то сделать, необходимость, возможность. Кроме того, частицы помогают выразить эмоции – удивление, сожаление, радость, раздражение. И ещё одна очень важная функция: частицы завершения показывают, какие отношения между говорящим и слушающим – близкие или официальные, кто старше или выше по положению. В корейском языке это особенно важно.

Именно поэтому тема данной работы является актуальной. Она важна и для лингвистической теории (как устроен язык), и для практики (как правильно учить язык), и для понимания корейской культуры общения.

Цель исследования – подробно описать и проанализировать, как именно работают частицы завершения в корейском языке, какие значения они передают (модальные, эмоциональные, социальные) и какие правила здесь действуют.

В корейском языке частицы завершения (종결어미) представляют собой особый класс служебных морфем, которые присоединяются к основе глагола или прилагательного и оформляют предложение как законченную коммуникативную единицу. В общей лингвистике аналогичные явления изучаются в рамках категории наклонения (модуса) и теории речевых актов.

С точки зрения морфологии, частицы завершения занимают конечную позицию в словоформе. Они следуют за основой и, при наличии, за суффиксами времени или модальности. Например:

–`먹다` (есть) `먹습니다`(утверждение, официальный стиль)

–`먹어요`(утверждение, неофициально-вежливый стиль)

–`먹자`(побуждение, фамильярный стиль)

В корейской грамматической традиции частицы завершения тесно связаны с категорией наклонения (양태, янтхэ или 서법, собоп). В отличие от русского языка, где наклонение выражается в основном изменением формы глагола (изъявительное, повелительное, сослагательное), в корейском языке эта категория реализуется через систему частиц завершения, которые различаются по степени вежливости, эмоциональной окраске и типу речевого акта [1: 158].

Существует несколько подходов к классификации частиц завершения.

По формальному признаку частицы делятся на:

– Хапсёчхе (합쇼체) – официально-вежливый стиль (`-습니다`, `-ㅂ니까`, `-십시오`).

– Хэёчхе (해요체) – неофициально-вежливый стиль (`-어요`, `-지요`, `-네요`).

– Хэрачхе (해라체) – официально-нейтральный / книжный стиль (`-다`, `-냐`, `-라`, `-자`).

– Хэчхе (해체) – неофициально-фамильярный стиль (`-어`, `-니`, `-지`, `-나`).

По функциональному признаку (по типу речевого акта) выделяют:

1. Повествовательные (утверждение факта): `-다`, `-습니다`, `-어요`, `-네`.

2. Вопросительные: `-냐`, `-나요?`, `-니?`, `-까?`, `-ㄹ까요?`.

3. Повелительные / побудительные: `-라`, `-십시오`, `-세요`, `-자`.

4. Восклицательные: `-구나`, `-군요`, `-네`, `-더라`.

Однако ни одна из существующих классификаций не учитывает в полной мере одновременное действие модальных, эмоциональных и социально-регулятивных факторов. В данной работе

предлагается интегративный подход, рассматривающий частицу завершения как единый механизм, реализующий все три функции.

Под модальностью в данной работе понимается отношение говорящего к содержанию высказывания (эпистемическая модальность) и к действию (деонтическая и волюнтативная модальность).

Степень уверенности. Частицы `-겠-`, `-ㄹ 것이다`, `-나 보다` передают разную степень уверенности говорящего [5: 41].

–`-겠-` выражает предположение, основанное на внутреннем убеждении или догадке: `비가 오겠다` («Кажется, будет дождь» – говорящий делает вывод по косвенным признакам).

–`-ㄹ 것이다` (сокращённо `-ㄹ 거예요`) выражает будущее действие с высокой степенью уверенности или плана: `내일 만날 거예요` («Завтра встречусь» – твёрдое намерение или план).

–`-나 보다` выражает предположение, основанное на наблюдении: `아픈가 봐요` («Кажется, болит» – говорящий видит симптомы).

Намерение, воля, обещание. Частицы `-ㄹ게(요)`, `-겠다`, `-ㄹ래(요)` выражают волю говорящего.

–`-ㄹ게(요)` – обещание или добровольное обязательство (употребляется только в 1-м лице): `제가 할게요` («Я сделаю» – говорящий берёт на себя обязательство).

–`-겠다` в 1-м лице выражает твёрдое намерение: `꼭 성공하겠다` («Обязательно добьюсь успеха»).

–`-ㄹ래(요)` выражает желание или намерение, часто в вопросительной форме – предложение совместного действия: `뭐 먹을래?` («Что будешь есть?» – вопрос о намерении).

Необходимость и долженствование. В корейском языке нет единой частицы, полностью соответствующей русскому «надо». Значение необходимости передаётся сочетанием основ с суффиксами `-어야 하다`, `-지 않으면 안 되다` и др., однако в разговорной речи широко используется частица `-야지(요)` (сокращение от `-어야지요`): `지금 가야지요` («Надо идти сейчас» – мягкое указание на необходимость).

Возможность и способность. Значение возможности передаётся конструкциями с `-을 수 있다` (способность) и `-어도 되다` (разрешение). В разговорной речи частица `-지` может смягчать утверждение о возможности: `할 수 있지` («Сделать могу» – с оттенком уверенности или лёгкого вызова).

Ключевая особенность корейского языка – иерархическая система речевых стилей. Выбор частицы завершения напрямую зависит от того, кто говорит, к кому обращается и в какой ситуации [2: 79].

– Официально-вежливый стиль (`-습니다` / `-ㅂ니까`) используется в общении с незнакомыми людьми, старшими по возрасту или положению, на работе и в официальных выступлениях. Это маркер максимальной дистанции и уважения.

– Неофициально-вежливый стиль (`-어요` / `-지요`) – самый распространённый в повседневной речи. Он выражает уважение, но с оттенком близости. Используется с коллегами, соседями, людьми чуть старше.

– Фамильярный стиль (`-어` / `-지`) – между близкими друзьями, младшими родственниками, детьми. Маркер минимальной дистанции.

– Книжный / нейтральный стиль (`-다` / `-냐`) используется в письменной речи, дневниках, монологах, а также в разговоре с самим собой.

Ошибка в выборе стиля (например, использование фамильярной частицы `-어` с незнакомым пожилым человеком) воспринимается как серьёзное нарушение этикета.

Смягчение высказывания достигается с помощью частиц `-지(요)`, `-는데(요)`, `-나요?`, `-죠?`.

–`-지(요)` – маркер поиска согласия или мягкого утверждения. `맞지요?` («Ведь правда?») – говорящий не навязывает мнение, а приглашает собеседника согласиться.

–`-는데(요)` – одна из самых частотных смягчающих частиц. Она создаёт фон, предысторию, смягчает прямое утверждение или просьбу: `그런데 말인데요...` («Кстати, разговор есть...» – мягкое введение темы).

Усиление высказывания достигается с помощью `-다니`, `-구나`, `-네`, восклицательной интонации и повторов.

–`-구나` / `-군요` выражает удивлённое осознание нового факта: `정말 크구나!` («Действительно большой!» – эмоциональное восклицание).

–`-네(요)` – живое, непосредственное удивление или констатация: `맛있네!` («Вкусно!» – первая реакция при пробе).

Традиционно в корейском языке существовали различия в речи мужчин и женщин, особенно в фамильярном стиле. Женские речевые особенности (традиционно): более частое использование смягчающих частиц (`-지`, `-는데`), восклицательных `-네`, `-구나`, более вежливых форм `-어요`, а также `-다니` для выражения эмоций. Женская речь воспринималась как более мягкая и эмоциональная. Мужские речевые особенности (традиционно): использование более прямой, иногда резкой фамильярной формы `-다`, сокращённых вопросительных `-냐?` вместо `-니?`, реже – смягчающих частиц. Мужская речь воспринималась как более прямая и менее эмоциональная [4: 324].

Однако в последние десятилетия, особенно в речи молодого поколения и в интернет-коммуникации, гендерные различия заметно стираются. Молодые мужчины активно используют смягчающие частицы `-지` и `-는데`, а девушки могут использовать краткие формы `-어` в неформальной переписке [3: 103].

Возрастные особенности связаны с переходом от фамильярного стиля (в детстве и юности – с ровесниками) к неофициально-вежливому (со старшими подростками, молодыми коллегами) и официально-вежливому (со старшими во взрослом возрасте). Выбор частицы – это маркер не только вежливости, но и осознания своего социального положения.

Частицы завершения в корейском языке представляют собой многофункциональный грамматический механизм, одновременно выполняющий модальную, эмоционально-экспрессивную и социально-регулятивную функции. В прагматическом плане частицы являются ключевым средством выражения социальной дистанции и иерархии: система из четырёх основных речевых стилей кодирует отношения между говорящим и слушающим. Нарушение этой системы воспринимается как коммуникативная ошибка. Эмоционально-экспрессивные частицы (`-구나`, `-네`, `-다니`) позволяют компактно и ярко выражать удивление, сожаление, радость, раздражение и другие чувства, часто заменяя развёрнутые фразы. А традиционные гендерные различия в употреблении частиц в современной речи, особенно у молодого поколения и в интернете, постепенно стираются.

Литература:

1. Алпатов В.М. Грамматика корейского языка / В.М. Алпатов, И.С. Гурвич. – Москва: Восточная литература, 2002. – 350 с.

2. Жигалов О.С. Система речевых стилей корейского языка: социолингвистический и прагматический аспекты / О.С. Жигалов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Лингвистика. – 2011. – № 3 (609). – С. 75-85.

3. Ким Тхэ У. Частицы завершения в современном корейском языке и их речевые функции / Т.У. Ким // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Лингвистика. – 2019. – № 2 (45). – С. 98-111.

4. Янченко Е.В. Прагматические особенности корейской разговорной речи: на материале реплик–реакций / Е.В. Янченко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2017. – Т. 21, № 2. – С. 321-337.

5. 황화상. 현대 국어 감탄형 종결어미의 통사·의미적 특성 / 황화상 // 국어학. – 2020. – 제97권. – 35-67쪽.

© Яровая П.Д., 2026

При подготовке электронного издания использовались следующие программные средства:

- Adobe Acrobat − текстовый редактор;
- Microsoft Word – текстовый редактор.

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ, ВОСТОКОВЕДЕНИЯ И ЖУРНАЛИСТИКИ

Материалы
Международной научно-практической конференции
студентов, магистрантов,
аспирантов и молодых ученых
(г. Уфа, 28 апреля 2026 г.)

Научное электронное издание сетевого доступа

За достоверность информации, изложенной в статьях,
ответственность несут авторы.
Статьи публикуются в авторской редакции

Подписано к использованию 23.10.2026 г.
Гарнитура «Times New Roman». Объем 10,25 Мб.
Заказ 267.

ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»
450008, Башкортостан, г. Уфа, ул. Карла Маркса, 12.

Тел.: +7-908-35-05-007
e-mail: red@uust.ru